МЭРИ
РЕНО

Небесное пламя
Персидский мальчик
Погребальные игры

Небесное пламя. Персидский мальчик. Погребальные игры (сборник)

Мэри Рено

Аннотация
Мэри Рено. Небесное пламя. Персидский мальчик. Погребальные игры (сборник)
Небесное пламя
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8

Персидский мальчик
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7

Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Погребальные игры
Основные события, предшествующие смерти Александра
323 год до н. э.
322 год до н. э.

321 год до н. э.
319 год до н. э.
318 год до н. э.
317 год до н. э.
316 год до н. э.
315 год до н. э.
310 год до н. э.
286 год до н. э.
От автора
«Небесное пламя»
Имена персонажей
«Персидский мальчик»
Источники для любопытного читателя
Имена персонажей
«Погребальные игры»
Основные источники
Действующие лица

Аннотация

Трилогия знаменитой английской писательницы Мэри Рено об Александре Македонском, легендарном полководце, мечтавшем покорить весь мир, впервые выходит в одном томе.

Это история первых лет жизни Александра, когда его осенило небесное пламя, вложив в душу ребенка стремление к величию.

Это повествование о последних семи годах правления Александра Македонского, о падении могущественной персидской державы под ударами его армии, о походе Александра в Индию, о заговоре и мятежах соратников великого полководца.

Это рассказ о частной жизни Александра, о его пирах и женах, неконтролируемых вспышках гнева и безмерной щедрости.

И наконец, это безжалостно правдивая повесть о том, как распорядились богатейшим наследством Александра его соратники и приближенные, едва лишь остановилось сердце великого завоевателя.

Мэри Рено
Небесное пламя. Персидский мальчик. Погребальные игры (сборник)

Mary Renault
FIRE FROM HEAVEN
Copyright © Mary Renault, 1969
THE PERSIAN BOY
Copyright © Mary Renault, 1972
FUNERAL GAMES
Copyright © Mary Renault, 1981

All rights reserved
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC

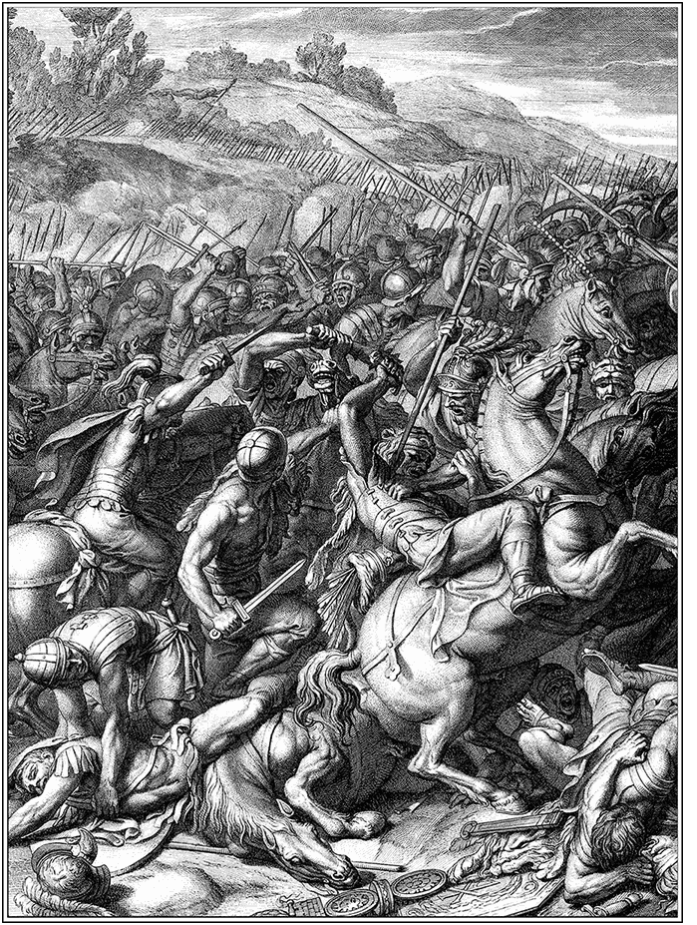
© Е. Чеботарева, перевод, 2015
© А. Ковжун, перевод, 2015
© М. Юркан, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

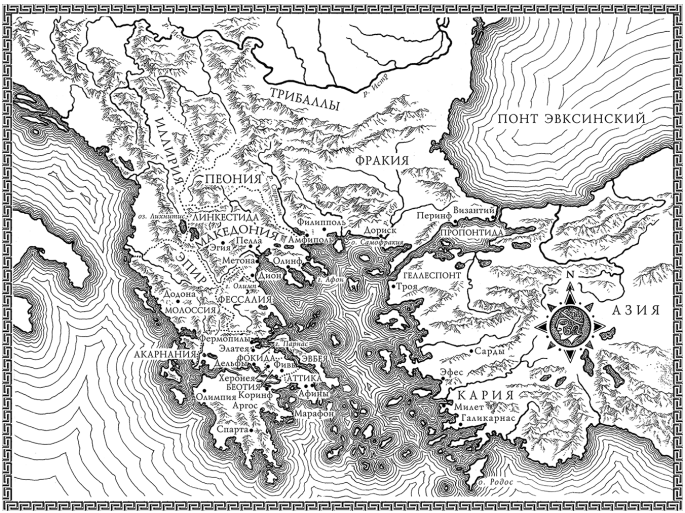
* * *

Небесное пламя

Тогда Пердикка, в свою очередь, спросил его, когда он хочет, чтобы ему оказали почести бога; он ответил: «Когда вы сами будете счастливы». Это были его последние слова: скоро после этого он скончался.

Квинт Курций Руф. История Александра Великого Македонского (Перевод В. С. Соколова и А. Ч. Козаржевского)




ТРИБАЛЛЫ
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ
ФРАКИЯ
ИЛЛИРИЯ
ПЕОНИЯ
ЭЛИМИОТИДА
ЭЛИНКЕСТИДА
МАКЕДОНИЯ
ЭПИР
ФЕССАЛИЯ
МОЛОССИЯ
АКАРНАНИЯ
ЭТОЛИЯ
ЛОКРИДА
ФОКИДА
БЕОТИЯ
АТТИКА
ЭВБЕЯ
КАРИЯ
АЗИЯ
Перинф
Византий
ПРОПОНТИДА
ГЕЛЛЕСПОНТ
Троя
Сарды
Эфес
Милет
Галикарнас
Родос
Фивы
Дельфы
Афины
Спарта
Коринф
Аргос
Олимпия
Марафон
Фермопилы
Элатея
Халкида
Дион
Пелла
Эгеи
Амфиполь
Филиппы
Дориск
Додона

Глава 1

Змея кольцами оплела тело ребенка. Стало трудно дышать. На мгновение малыш испугался: в его сон ворвались дурные видения. Но, едва очнувшись, мальчик сразу понял, в чем дело. Он тут же просунул руки под сдавивший его обруч. Тот подался, и тугая лента, стянувшая грудь, напряглась, потом ослабла. Змея скользнула вверх по плечу, к шее, и ребенок почувствовал у самого своего уха трепещущий язык.

Старомодный ночник, разрисованный фигурками мальчиков, катающих обручи и наблюдающих за петушиными боями, слабо горел на своей подставке. Сумрак, в котором ребенок заснул, рассеялся; только холодный резкий свет луны падал сквозь высокое окно, оставляя на желтом мраморном полу голубые пятна. Мальчик отдернул одеяло, чтобы взглянуть на змею и удостовериться, что та неопасна. Мать говорила ему, что пестрых змей, чьи спины похожи на тканую кайму, не следует трогать. Змея оказалась бледно-коричневой с серым брюшком, гладкой, как полированная эмаль.

Когда ему исполнилось четыре — почти год

назад, — для него сделали детскую кровать в пять футов[1] длиной; но ножки были низкими, чтобы ребенок, случись ему выпасть, не разбился, так что змее было несложно заползти наверх.

В комнате все спали: его сестра Клеопатра в своей колыбели, рядом с няней родом из Спарты, и ближе к нему, на кровати получше, из резного грушевого дерева, его собственная няня Хелланика. Была, должно быть, полночь, но он все еще слышал голоса поющих в зале мужчин. Они пели громко и нестройно, проглатывая окончания строк. Ребенок уже понимал почему.

Змея была его ночной тайной. Даже Ланика, лежавшая так близко, не знала об их молчаливом сговоре. Няня блаженно похрапывала. Как-то раз мальчик передразнил скрипучий храп своей наставницы, и она его хорошенько отшлепала. В Ланике текла царская кровь, и дважды в день она напоминала ребенку, что только ради него взяла на себя труд няни.

Всхрапывания, отдаленное пение лишь подчеркивали тишину и одиночество. Единственными бодрствующими здесь были сам мальчик, змея да часовой, шагавший по коридору. Страж только

---

[1] Сноски: 1
Греческий фут (pus) примерно равен английскому футу (29,62 см).

что звякнул своими доспехами, проходя мимо дверей.

Ребенок перевернулся на бок, поглаживая змею, чувствуя, как гладкое, упругое тело скользит под его пальцами и по обнаженной коже. Змея положила свою плоскую голову ему на грудь, словно вслушиваясь в биение его сердца. Поначалу змея была холодной, поэтому мальчик и проснулся. Но теперь, забирая его тепло, змея согревалась и засыпала и могла остаться с ним до утра. Что сказала бы, наткнувшись на нее, Ланика? Ребенок подавил смешок, чтобы не спугнуть змею. Кто бы подумал, что змея могла уползти так далеко от комнаты матери.

Мальчик прислушался, стараясь уловить, не послала ли мать на поиски Главка. Так звали змею. Но он расслышал только перепалку двух мужчин и громкий голос отца, перекрывший крики спорящих.

Малыш представил мать, в белом шерстяном платье с желтой каймой, которое та обычно надевала после купания; волосы распущены, рука осторожно прикрывает лампу и от света кажется ярко-розовой; мать тихо зовет: «Глав-в-вк!» — или, может быть, наигрывает змеиную музыку на своей крошечной костяной флейте. Женщины,

должно быть, ищут змею повсюду, среди столиков для гребней и горшочков для притираний, внутри окованных бронзой сундуков для одежды, пахнущих благовониями. Он видел как-то раз, как они искали затерявшуюся серьгу. Служанки перепугаются, станут неловкими и бестолковыми, а мать будет сердиться. Снова прислушиваясь к шуму в зале, он вспомнил, что отец не любит Главка и будет рад, если тот пропадет.

И тогда мальчик решил отнести змею сам.

Ребенок сразу же принялся за дело. Он стоял на желтом полу, в голубом лунном свете, поддерживая руками обвивающуюся вокруг него змею. Мальчик не хотел ее потревожить. Он взял со стула свой плащ и завернулся в него, чтобы обоим было тепло.

Потом он помедлил, размышляя. Нужно было пройти мимо двух солдат. Даже если оба окажутся друзьями, в этот час они остановят его. Он вслушался в поступь стража. Коридор здесь поворачивал, и сразу за углом находилась кладовая. Страж присматривал за обеими дверями.

Шаги стихли. Мальчик приоткрыл дверь и выглянул наружу, прикидывая, как лучше пройти. В углу на постаменте из мрамора стоял бронзовый Аполлон. Вполне подходящее место, чтобы

спрятаться. Когда часовой повернул в другую сторону, мальчик пустился бежать.

Дальше все складывалось удачно, пока он не добрался до маленького дворика. Отсюда поднималась лестница к царской опочивальне.

Ступени вели вверх между стенами, расписанными изображениями деревьев и птиц. Наверху лестница заканчивалась небольшой площадкой, на которую выходила полированная дверь; дверная ручка представляла собой огромное кольцо в пасти льва. Мраморные ступени почти не стерлись. До правления царя Архелая здесь было маленькое поселение в лагуне. Теперь вырос город с храмами и большими домами; на отлогом холме Архелай выстроил свой знаменитый дворец, удививший всю Грецию. Дворец стал легендой. Никто и мысли не допускал, чтобы что-то в нем переделать. Все здесь было роскошным, по моде полувековой давности. Зевксид потратил годы на роспись стен.

У подножия лестницы стоял второй страж, царский телохранитель. Сегодня это был Эгис. Он спокойно опирался на свое копье. Мальчик, украдкой выглянув из полумрака коридора, подался назад, выжидая.

Эгис, двадцатилетний юноша, был сыном

управляющего царскими землями. Сейчас, в парадных доспехах, Эгис дожидался царя. На его шлеме колыхался гребень из красных и белых конских волос, на свободно вращающихся нащечниках красовались чеканные львы. На щите был искусно нарисован бегущий вепрь. Щит висел у Эгиса на плече; юноша не снимет его до тех пор, пока царь не окажется в полной безопасности в своей постели. В правой руке страж сжимал семифутовое копье.

Ребенок с восторгом смотрел на царского телохранителя, чувствуя, как под плащом мягко шевелится и изгибается змея. Он хорошо знал Эгиса. Вот было бы здорово с гиканьем выскочить из своего укрытия, заставив стража поднять щит и выставить копье! Потом воин вскинет его на плечо, и копье коснется высокого гребня шлема.

Но Эгис на посту. И это страж осторожно постучит в дверь и передаст Главка одной из женщин. Мальчику же останется только вернуться к Лянике и лечь в постель. Ребенок и раньше пытался войти в комнату матери ночью, хотя никогда не делал этого в столь поздний час; ему всегда говорили, что такое дозволено лишь царю.

Пока мальчик стоял на черно-белом мозаичном

полу коридора, его ноги заныли, он весь продрог. В обязанности Эгиса входило наблюдать за лестницей, и только. Этот пост считался особенным.

Ребенок уже решил показаться, переговорить с Эгисом и, вручив ему Главка, вернуться к себе. Но движение скользнувшей по груди змеи напомнило мальчику, что он собирался повидать мать. Значит, так тому и быть.

Если сосредоточиться на том, чего хочешь, удобный случай представится сам. К тому же и Главк обладал магической силой. Ребенок похлопал по его вытянувшемуся телу, беззвучно повторяя: «Агатодемон, Сабазий-Загрей[2], отошли его прочь, прочь, прочь». Этим заклинанием, он слышал, пользовалась его мать. Хотя он и не знал, для чего оно, собственно, предназначено, попытаться стоило.

Эгис послушно повернул от лестницы в коридор напротив. Там, совсем недалеко, стоял мраморный лев, приподнявшийся на задних лапах. Эгис прислонил ко льву щит и копье и зашел за его спину. По местным меркам, он был

---

[2] Сноски: 2

Александр соединил в заклинании два орфических божества: сына Зевса и Персефоны Загрея (Zagreus), растерзанного титанами, и фригийско-фракийского Сабазия (Sabazeus), священным животным которого была змея.

совершенно трезв, но, перед тем как заступить на пост, выпил слишком много. Не стоило терпеть до конца смены. Все часовые удалялись за льва. К рассвету рабы вытрут лужи.

Уже в ту минуту, когда страж, еще не отложив оружия, сделал первый шаг, ребенок понял, что это означает, и кинулся вперед. Бесшумно взлетел он по холодным гладким ступеням. Мальчика всегда забавляла легкость, с которой он мог обогнать своих ровесников. Как будто они и не старались убежать.

Эгис и за львом не забыл о своих обязанностях. Когда залаяла сторожевая собака, он тут же выглянул из-за скульптуры. Но лай доносился издалека и вскоре прервался. Эгис одернул одежду и подобрал оружие. Лестница была пуста.

Ребенок бесшумно притворил за собой тяжелую дверь и потянулся к щеколде. Хорошо смазанная, она закрылась без звука. Мальчик вошел в комнату.

Единственная лампа горела на высокой подставке из сияющей бронзы; подставку обвивала позолоченная виноградная лоза, и ножки ее в форме оленьих копыт тоже были вызолочены. Вся комната дышала теплом и таинственной жизнью, которая пронизывала тяжелые занавеси

из синей шерсти, с шитьем по краям, нарисованных на стенах людей и даже само пламя лампы. Голоса мужчин, отрезанные массивной дверью, доносились сюда лишь как неясное бормотание.

Было душно от ароматов масла для притираний, ладана и мускуса, от смолистого запаха сгоревшей в бронзовой жаровне сосны, от красок и мазей в афинских склянках, от запаха тела и волос его матери и чего-то едкого, что она сожгла, когда занималась магией. Сама царица почивала на ложе, ножки которого, инкрустированные слоновой костью и черепахой, заканчивались в форме львиных лап; ее волосы рассыпались по вышитой льняной подушке. Никогда прежде мальчик не видел мать погруженной в столь глубокий сон.

Царица Олимпиада спала крепко; казалось, ее нисколько не тревожит отсутствие Главка. Ребенок помедлил, наслаждаясь своим тайным безраздельным владычеством. На туалетном столике из дерева оливы разместились вычищенные и закрытые горшочки и склянки. Золоченая нимфа поддерживала луну серебряного зеркала. Шафранового цвета ночная рубашка лежала на скамеечке. Из смежной комнаты, где спали служанки, доносился приглушенный храп. Глаза

ребенка блуждали по камням очага: под одним из них, который вынимался, жили запретные вещи. Ему часто хотелось попытаться колдовать самому. Но Главк мог ускользнуть; змею следовало вернуть прямо сейчас.

Мальчик тихо шагнул вперед, невидимый страж и повелитель ее сна. Покрывало из шкурок куниц, отороченное по краям алым и отделанное серебряными бляхами, легко опадало и поднималось вместе с ее дыханием. Брови матери над тонкими нежными веками, сквозь которые, казалось, просвечивали дымчато-серые глаза, были четко очерчены, ресницы подкрашены. Губы цвета разбавленного вина крепко сжаты. Нос белый и прямой. Она тихо посапывала во сне. Матери шел двадцать второй год.

Покрывало соскользнуло с груди, на которой в последние месяцы столько раз лежала головка Клеопатры. Теперь девочку передали няне, и его царство снова принадлежало только ему.

На подушку упала прядь волос — темно-рыжих, ярких, отливающих в колеблющемся свете лампы огненными всполохами. Мальчик захватил в горсть прядь собственных волос и, потянув, сравнил их с волосами матери. Его волосы, сияющие и непокорные, напоминали золото грубой

чеканки: в праздничные дни Ланика ворчала, что они совершенно не держат завивки. Волосы Олимпиады рассыпались упругими волнами. Спартанки говорили, что у Клеопатры будут такие же, хотя сейчас они скорее напоминали перья. Мальчик возненавидел бы сестру, если бы та, повзрослев, стала больше похожа на мать, чем он. Но возможно, Клеопатра умрет; младенцы часто умирают.

В тени волосы матери казались темными, совсем другими. Он оглянулся на огромную, занимавшую всю стену фреску, сделанную Зевксидом для Архелая: «Разорение Трои». Фигуры людей были нарисованы в натуральную величину. На заднем плане возвышался деревянный конь, перед ним греки с обнаженными мечами врубались в ряды троянцев, вонзали в них копья или несли на плечах женщин с распахнутыми в крике ртами. На переднем плане старик Приам и младенец Астианакс[3] плавали в лужах собственной крови.

Таково право победителей. Удовлетворенный, мальчик отвернулся. Он родился в этой комнате; картина не содержала для него ничего нового.

---

[3] Сноски: 3

Приам — последний царь Трои. *Астианакс* — внук Приама, сын Гектора.

Под плащом зашевелился Главк — без сомнения, он радовался возвращению домой. Ребенок снова взглянул на лицо матери, потом скинул плащ, осторожно приподнял край покрывала и, по-прежнему обвитый змеей, скользнул в постель.

Руки матери обняли его, она тихо зашевелилась и зарылась лицом в его волосы; ее дыхание стало глубже. Мальчик прижался головой к ее шее, податливые груди коснулись его; всем своим обнаженным телом он ощущал ее кожу. Змея, слишком тесно зажатая между ними, с силой изогнулась и высвободилась.

Мальчик почувствовал, что мать проснулась; когда он поднял голову, ее дымчатые глаза были открыты. Она поцеловала и погладила сына:

— Кто тебя впустил?

Мальчик подготовился к этому вопросу заранее, когда она еще лежала в полусне, а сам он утопал в блаженстве, стоя рядом. Эгис не проявил должной бдительности. Солдат за это наказывали. Прошло полгода с тех пор, как он увидел из окна казнь одного из них. Это было так давно, что мальчик уже не помнил, в чем состоял проступок, а может, вообще никогда этого не знал. Но навсегда запомнил казавшееся маленьким те-

ло, привязанное к шесту посреди плаца, стоящих вокруг мужчин с дротиками на плечах, пронзительные резкие слова команды, одинокий вскрик и вставшие щетиной древки. Потом солдаты сгрудились у шеста, выдергивая свои дротики, и за их фигурами стали видны поникшая голова мертвого и большая красная лужа.

— Я сказал ему, что ты хочешь меня видеть, — сказал мальчик.

Не было нужды произносить имена. Для ребенка, любящего поболтать, он рано научился держать язык за зубами.

Мальчик почувствовал, что мать улыбнулась. Она всегда лгала отцу. Ее способность лукавить представлялась ребенку особым, только ей присущим мастерством, редким, как умение играть на костяной флейте музыку для змей.

— Мама, когда ты выйдешь за меня замуж? — спросил ребенок. — Когда я стану старше, когда мне будет шесть?

Она поцеловала его в затылок и быстро провела пальцем вдоль позвоночника:

— Когда тебе будет шесть, спроси меня снова. Четыре года — слишком мало для помолвки.

— Мне будет пять в месяце Льва, — настаивал мальчик. — Я люблю тебя.

Мать молча поцеловала его.

— Ты любишь меня больше всех? — тревожно спросил сын.

— Я люблю тебя всего. Я бы тебя так и съела.

— Но больше всех? Ты любишь меня больше всех?

— Когда ты хорошо себя ведешь, — улыбнулась мать.

— Нет! — Он оседлал ее, сжав коленями, молотя кулаками по плечам. — По-настоящему больше всех. Больше, чем кого-то еще. Больше, чем Клеопатру.

Она издала тихое восклицание, в котором звучала скорее ласка, чем упрек.

— Да! Да! Ты любишь меня больше, чем царя.

Он редко говорил «отец» без особой на то нужды и знал, что мать это ничуть не огорчает. Мальчик всем телом ощутил, что она беззвучно смеется.

— Возможно.

Торжествующий и взволнованный, он скользнул вниз и лег рядом.

— Если ты пообещаешь любить меня больше всех, я кое-что тебе дам, — сказал малыш.

— О, тиран. Что это может быть?

— Посмотри, я нашел Главка. Он заполз ко мне

в постель.

Откинув одеяло, мальчик показал змею. Та вновь легко обвилась вокруг него: похоже, ей это нравилось.

Олимпиада посмотрела на змею — блестящая голова поднялась с белой грудки ребенка, и раздалось тихое шипение.

— Надо же, — сказала царица, — где ты ее взял? Это не Главк. Того же вида, да. Но намного больше.

Мать и сын вгляделись в свернувшиеся кольца змеи; сердце ребенка наполнилось гордостью и предчувствием чего-то необыкновенного. Он похлопал, как его учили, змею по шее, и ее голова снова опустилась.

Губы Олимпиады приоткрылись, зрачки расширились, глаза стали почти черными, руки, обвивавшие ребенка, ослабли. Все силы, казалось, сосредоточились во взгляде.

— Она знает тебя, — шепнула царица. — Будь уверен, сегодня вечером она явилась не в первый раз. Наверняка она часто навещала тебя, пока ты спал. Видишь, как она приникла к тебе. Она хорошо тебя знает. Ее послал бог. Это твой демон[4],

[4] Сноски: 4

Демон — в греческой мифологии так называли обожествленную силу, определяющую жизненный путь человека.

Александр.

Лампа мигнула. Сосновая головешка, догорая, вспыхнула голубым пламенем перед тем, как превратиться в горячую золу. Змея быстро стиснула его тело, словно поверяя секрет. Ее чешуя переливалась, как лунная рябь на воде.

— Я назову ее Тихе[5], — сказал мальчик через некоторое время. — Она будет пить молоко из моего золотого кубка. Станет ли она говорить со мной?

— Кто знает? Он твой демон. Послушай, я расскажу тебе…

Приглушенные невнятные голоса, доносившиеся из зала, вдруг зазвучали громче. Мужчины, распахнув двери, громко прощались друг с другом, пожелания доброй ночи мешались с шутками и пьяным смехом. Шум обрушился, проникая сквозь все заслоны. Олимпиада оборвала разговор, теснее прижала к себе ребенка и спокойно сказала:

— Не волнуйся, он сюда не придет.

Но мальчик чувствовал, как напряженно она прислушивается. Раздались звуки тяжелых шагов, потом человек обо что-то споткнулся и вы-

---

[5] Сноски: 5

Тихе — греческая богиня судьбы, случая, которая по своей прихоти может неожиданно изменить судьбу человека.

бранился. Древко копья Эгиса с легким стуком ударилось о пол, и его подошвы щелкнули, когда страж взял на караул.

Топая и спотыкаясь, человек поднялся по лестнице. Дверь распахнулась. Царь Филипп с яростью захлопнул ее за собой и, даже не взглянув на постель, стал раздеваться.

Олимпиада натянула одеяло. Ребенок, глаза которого округлились от тревоги, на мгновение обрадовался, что лежит спрятанным в укрытии из мягкой шерсти и под защитой благоухающей материнской плоти. Но вскоре он начал испытывать ужас перед опасностью, которой не мог противостоять и которой даже не видел. Александр приподнял край одеяла и стал подглядывать: лучше точно знать, чем гадать попусту.

Царь уже скинул одежду; поставив ноги на мягкий пуф рядом со столиком для притираний, он развязывал ремни сандалии. Обрамленное черной бородой лицо склонилось набок, чтобы лучше видеть; его слепой глаз был обращен к кровати.

Минул уже год с того времени, как Александр стал вертеться на площадке борцов, если кто-нибудь заслуживающий доверия брал его с собою. Нагие тела или одетые, все едины, разве что на го-

лом теле лучше были заметны боевые шрамы мужчин. Но нагота отца, которую мальчик редко видел, всегда возбуждала в мальчике отвращение. Потеряв глаз при осаде Метоны, Филипп стал внушать ужас. Поначалу глаз скрывала повязка, из-под которой стекали, оставляя грязный след и теряясь в бороде, окрашенные кровью слезы. Потом повязку сняли. Веко, пронзенное стрелой, сморщилось и пестрело красными шрамами, черные ресницы слиплись от гноя. В Филиппе пугало все: борода и комья волос на голенях, плечах и груди; полоска черных волос спускалась по животу к кусту, росшему в паху, словно вторая борода, руки, шея и ноги, обильно покрытые рубцами — белыми, красными, багровыми. Царь рыгнул, наполняя воздух запахом винного перегара; показалась щербина в зубах. Ребенок, выглядывая из-под одеяла, внезапно понял, на кого похож отец. Он — великан-людоед, одноглазый Полифем, захвативший спутников Одиссея и сожравший их живьем.

Олимпиада приподнялась на локте, до подбородка натянув свои одеяла:

— Нет, Филипп. Не сегодня. Еще не время.

Царь шагнул к постели.

— Не время? — повторил он громко. Царь все

еще тяжело дышал, нелегко было на полный желудок одолеть лестницу. — Ты говорила это полмесяца назад. Или ты думаешь, что я не умею считать, ты, молосская сука?[6]

Ребенок почувствовал, как обнимавшая его рука сжалась в кулак. Когда мать заговорила снова, в ее голосе зазвенел вызов.

— Считать, пьянь? Да ты не способен отличить лето от зимы. Ступай к своему любимцу. Любой день месяца безразличен для него.

Познания ребенка в этой области были несовершенны, однако он смутно понимал, что означают слова матери. Ему не нравился новый юноша отца, напускающий на себя слишком важный вид, ему была противна связь, которую он чувствовал между ним и Филиппом. Тело матери напряглось и застыло. Мальчик затаил дыхание.

— Дикая кошка! — рявкнул царь.

Ребенок видел, как он кинулся на них, словно Полифем на свою добычу. Казалось, он весь ощетинился; даже прут, висевший в черной кустистой промежности, поднялся и был пугающе нацелен вперед. Филипп сдернул покрывала.

---

[6] Сноски: 6

Молоссы — иллирийское племя в центральной области Эпира, местности к западу от Фессалии. Греки считали этот народ варварами. Молоссы прославились тем, что вывели особую породу овчарок.

Ребенок лежал, придерживаемый матерью, впившись пальцами ей в бок. Отец отступил, с проклятьями на что-то указывая. Но не на них; к ним по-прежнему был обращен его слепой глаз. Ребенок понял, почему мать не удивилась новой змее, попавшей к ней в постель. Главк уже был здесь. Он, должно быть, заснул.

— Как ты смеешь? — хрипло выдохнул Филипп. Он весь дрожал от омерзения. — Как ты смеешь… ведь я запретил приносить твоих отвратительных гадов в мою постель! Ведьма, варварская сука…

Его голос прервался. Почувствовав ненависть, запылавшую в глазах жены, он обратил к ней свой единственный глаз и увидел ребенка. Два лица оказались друг против друга: лицо мужчины, побагровевшее от выпитого вина и гнева, и лицо ребенка, сияющее, как драгоценность в золотой оправе: серо-голубые глаза застыли и расширились, нежная плоть напряглась, под полупрозрачной кожей четко обозначились тонкие кости.

Что-то бормоча, Филипп инстинктивно потянулся за плащом, чтобы прикрыть наготу, но в этом уже не было необходимости. Царь был унижен, оскорблен, выставлен напоказ, предан.

Будь сейчас в его руке меч, он запросто мог бы убить жену.

Потревоженная всем этим змея, опоясывавшая тело Александра, изогнулась и подняла голову. До этого мгновения Филипп не видел гада.

— Что это? — Его вытянутый палец затрясся. — Что это такое на мальчике? Еще одна из твоих тварей? Теперь ты учишь его? Ты вовлекаешь его в замшелые змеиные пляски визжащих мистов?[7] Говорю тебе: я этого не потерплю. И слушай меня хорошенько, если не хочешь пострадать, потому что, клянусь Зевсом, ты у меня попляшешь. Мой сын — грек, а не один из твоих диких сородичей-варваров, угоняющих чужой скот…

— Варваров! — Ее голос зазвенел, потом перешел на ужасное шипение — так свистел Главк, когда сердился. — Слушай, деревенщина: мой отец происходит от Ахилла, а мать — из троянских царей. Мои предки повелевали людьми, пока твои были наемными батраками в Аргосе. Ты заглядывал в зеркало? Любой узнает в тебе фракийца. Если мой сын грек, то благодаря мне. Наша кровь в Эпире осталась чистой.

---

[7] Сноски: 7

Мисты — посвященные, имевшие право присутствовать на ритуальных обрядах-мистериях.

Филипп заскрипел зубами. Челюсть его казалась квадратной, а лицо, и без того широкоскулое, — плоским, как блин. Даже выслушивая эти смертельные оскорбления, он не забывал о присутствии ребенка.

— Я не унижусь до того, чтобы отвечать тебе. Если в твоих жилах греческая кровь, веди себя как гречанка. Покажи хоть немного скромности. — Филипп стыдился своей наготы. Две пары серых глаз смотрели на него в упор. — Греческое воспитание, разум, цивилизованность — я хочу, чтобы мальчик научился этому так же, как я. Задумайся над моими словами.

— О, Фивы! — Она произнесла это как ритуальное проклятие. — Опять вспоминаешь Фивы, да? Я достаточно наслушалась о Фивах. В Фивах тебя сделали греком, в Фивах ты познал цивилизацию! В Фивах! Ты слышал, что говорят о Фивах афиняне? Для всей Греции это символ грубых манер. Не строй из себя дурака!

— Афины! Эта вечная говорильня. Дни их величия ушли в прошлое. Им следовало бы устыдиться и оставить Фивы в покое.

— Это следовало бы сделать тебе. Кем был в Фивах ты?

— Заложником, поручителем по договору мое-

го брата. Ты и это ставишь мне в вину? Мне было шестнадцать. Я познал в Фивах больше хороших манер, чем видел от тебя за всю нашу жизнь. И меня учили военному искусству. Чем была Македония, когда умер Пердикка?[8] Он дрожал перед иллирийцами, имея лишь четыре тысячи человек. Поля лежали невспаханными, наш народ боялся спускаться из укреплений на холмах. Все, что у них было, — овцы, в шкуры которых они одевались, да и тех с трудом удавалось сохранить. Вскоре иллирийцы завладели бы всем; Барделис уже был наготове. Ты знаешь, что мы такое теперь и где наши границы. Благодаря Фивам и людям, которые сделали из меня солдата, я пришел к тебе царем. И твоя родня была довольна.

Прижавшись к матери, Александр ощущал прерывистое дыхание. Он предчувствовал, что вот-вот разразится буря. Пальцы мальчика впились в одеяло. Сейчас, забытый обоими, он был одинок, как никогда.

И буря грянула.

— Так из тебя там сделали солдата? А еще? Кого еще? — Олимпиаду передернуло от гнева. —

---

[8] Сноски: 8

Пердикка — царь Македонии около 440–413 гг. до н. э.

Ты отправился на юг в шестнадцать лет, и уже к тому времени по всей стране было полно твоих пащенков; не думаешь ли ты, что я не знаю, откуда они взялись? Эта шлюха Арсиноя, жена Лага, которая годится тебе в матери… а потом великий Пелопид научил тебя всему остальному, чем славятся Фивы. Битвы и мальчики!

— Замолчи! — проревел Филипп так громко, что его крик перекрыл бы и шум битвы. — Неужели у тебя нет стыда перед ребенком? Что видит он в этой комнате? Что он слышит? Говорю тебе, мой сын будет воспитан правильно, даже если я вынужден буду…

Смех заглушил его голос. Олимпиада отпустила ребенка и подалась вперед, опираясь на ладони выставленных рук; рыжие волосы рассыпались по ее обнаженной груди. Она смеялась, и в высоких сводах потолка отзывалось эхо.

– *Твой* сын? — хохотала она. — *Твой* сын!

Царь Филипп дышал, как после долгой пробежки. Он шагнул вперед и занес руку. Мгновенно выйдя из страшного оцепенения, Александр вскочил на постели. Его серые глаза с расширенными зрачками казались почти черными; губы побелели. Сын ударил отца по занесенной руке, и тот опустил ее от изумления.

— Убирайся! — крикнул ребенок, сверкая глазами, свирепый, как дикая лесная кошка. — Уходи прочь! Она ненавидит тебя! Убирайся! Она выйдет замуж за меня!

Филипп сделал три глубоких вдоха, стоя как вкопанный с широко раскрытым ртом и выпученными глазами, словно человек, получивший дубинкой по голове. Потом он нагнулся, ухватил сына за плечи, поднял его и, рывком открыв огромную дверь, одной рукой вышвырнул вон из комнаты. Застигнутый врасплох, застывший от потрясения и ярости, Александр не сопротивлялся. Скользя по мраморному полу, он докатился до лестницы и полетел вниз по ступенькам.

С грохотом и звоном юный Эгис отбросил копье, выдернул руку из ремней щита и в три-четыре прыжка пересек лестницу, подхватив ребенка. Голова Александра казалась неповрежденной, глаза были открыты. Наверху царь Филипп ждал, придерживая дверь. Он не захлопнул ее до тех пор, пока не убедился, что с сыном все в порядке. Но Александр об этом не знал.

Змея, ошеломленная, ушибленная, сорвалась с мальчика, когда он начал падать, стекла вниз по ступеням и исчезла во тьме. Эгис видел ее,

но ему хватало других забот.

Он отнес ребенка вниз, сел у основания лестницы и, держа Александра на коленях, осмотрел при свете факела, воткнутого в кольцо на стене. Ребенок весь окостенел, глаза его закатились так, что видны были одни белки.

«О боги преисподней, — думал юноша, — что же мне делать? Если я покину пост, начальник стражи пустит мне кровь. Если сын царя умрет у меня на руках, меня убьет царь». Как-то ночью в прошлом году, еще до появления нового фаворита, Филипп поглядывал в его сторону, но Эгис притворился, что ничего не замечает. Сейчас он увидел слишком много: жизнь его, пожалуй, не стоит и мешочка бобов.

Губы ребенка посинели. Эгис достал толстый шерстяной плащ, приготовленный для холодных предрассветных часов, и закутал Александра, стараясь не причинить ему боль своим жестким панцирем.

— Ну же, — сказал он встревоженно, — ну же, послушай, все хорошо.

Казалось, ребенок не дышит. Что делать? Отхлестать его по щекам, как женщину, зашедшуюся в истерическом припадке? Это, скорее всего, добьет малыша окончательно.

Веки ребенка дрогнули, взгляд стал осмысленным. Он тяжело вздохнул и испустил пронзительный крик.

С глубоким облегчением Эгис ослабил плащ на дергающемся тельце. Он ласково бормотал и приговаривал над ребенком, как над испуганной лошадью, не сдерживая его слишком сильно, но давая почувствовать твердую руку. В комнате наверху родители мальчугана осыпали друг друга проклятиями. Через какое-то время — Эгис не считал минуты, в запасе у него была вся ночь — брань стихла, и ребенок заплакал, но плакал не слишком долго. Придя в себя, он успокоился. Александр лежал, покусывая нижнюю губу, сглатывая и вглядываясь снизу вверх в лицо Эгиса. Страж попытался вспомнить, сколько мальчику лет.

— Все хорошо, мой юный господин, — сказал Эгис мягко, тронутый недетской борьбой чувств на личике ребенка. Он отер его плащом и поцеловал, пытаясь представить, на что будет похож этот прелестный мальчик, когда станет достаточно взрослым для любви. — Давай, сладкий мой, будем стоять на часах вместе. Мы приглядим друг за другом, верно?

Эгис обнял ребенка и стал ласково гладить. Про-

шло какое-то время, и тишина, тепло, скрытая чувственность в заботе юноши, смутное сознание того, что им скорее восхищаются, чем жалеют, понемногу ослабили чудовищную боль, пронзившую, казалось, все существо малыша. Рана стала затягиваться, оставляя невидимые рубцы.

Вскоре ребенок высунул из складок плаща голову и огляделся:

— Где моя Тихе?

О чем это он? Почему призывает свою судьбу? Увидев озадаченное лицо Эгиса, Александр добавил:

— Моя змея, мой демон. Куда она уползла?

— А, твоя змея, та, что приносит счастье? — Эгис считал любимцев царицы крайне мерзкими тварями. — Она спряталась ненадолго, скоро вернется. — Страж плотнее укутал ребенка; тот дрожал. — Не принимай все, что случилось, близко к сердцу, твой отец не хотел оскорбить тебя. Просто вино говорило в нем. А сколько тычков и оплеух получил я от своего!

— Когда я вырасту… — Мальчик замолк и принялся считать, загибая пальцы. — Когда я вырасту, то убью его.

Эгис присвистнул:

— Ш-ш! Не говори так. Это противно богам —

за убийство отца тебя будут преследовать эринии[9], где бы ты ни был. — Он принялся описывать эриний, но запнулся, когда увидел, что глаза ребенка расширились. Сказанного вполне достаточно. — Мы получаем пинки, пока молоды, и учимся терпеть боль, которая ждет нас на войне. Ну-ка, отодвинься. Взгляни, что я получил, когда в первый раз сражался с иллирийцами.

Эгис откинул с бедра подол короткого хитона из красной шерсти и показал длинный зазубренный рубец с вмятиной, оставшейся там, где наконечник копья рассек плоть почти до кости. Мальчик с уважением посмотрел на шрам и потрогал его пальцем.

— А теперь, — продолжил Эгис, одергивая подол, — можешь представить, как это больно. И что не позволило мне заскулить и покрыть себя позором перед товарищами? Отцовские оплеухи. Парень, изуродовавший меня, никому не успел похвастаться. Он был моим первым убитым врагом. Когда я показал своему отцу его голову, отец подарил мне перевязь для меча, взамен детского ремешка. А ремешок он посвятил

---

[9] Сноски: 9

Эринии — греческие богини мщения.

богам и устроил пиршество для всей родни.

Эгис замолчал и кинул взгляд в сторону коридора. Кто-нибудь пройдет наконец мимо? Ребенка давно пора отнести в постель.

— Ты не видишь моей Тихе? — спросил Александр.

— Она где-то рядом. Это домашняя змея. Они не уползают далеко. Вот увидишь, она вернется за своим молоком. Не каждый мальчик может приручить змею. Я бы даже сказал, что в тебе говорит кровь Геракла[10].

— Как звали его змею?

— Когда он был новорожденным младенцем, две змеи заползли к нему в колыбель.

— Две? — Ребенок нахмурился, сдвинув тонкие брови.

— Две, но это были злые змеи. Их послала жена Зевса Гера, чтобы они задушили малютку. Но Геракл схватил обеих, по одной в каждую руку…

Эгис осекся, проклиная себя. Или этот рассказ вызовет у ребенка ночные кошмары, или, всего вероятнее, парень сбежит из дворца и попробует задушить какую-нибудь гадюку.

— Но ты понимаешь, все это произошло по-

---

[10] Сноски: 10

Отец Александра Филипп II считал себя потомком Геракла.

тому, что Геракл был сыном бога. Он считался сыном царя Амфитриона, хотя царица, жена Амфитриона, понесла от Зевса. Поэтому Гера ревновала.

Ребенок настороженно вслушивался:

— И ему пришлось туго. Но к чему столько испытаний?

— Эврисфей, новый царь, завидовал ему, потому что Геракл был лучше его во всем. Геракл был герой и полубог. А Эврисфей — простой смертный, понимаешь, и считалось, что царство отойдет Гераклу. Но Гера устроила так, чтобы Эврисфей родился раньше Геракла. Вот почему Гераклу пришлось совершать свои подвиги.

Ребенок кивнул, как будто все это было ему вполне понятно.

— Геракл совершал подвиги, чтобы доказать, что он — лучший, — сказал мальчик.

Этого Эгис уже не слышал. В коридоре наконец раздались шаги начальника ночной стражи, делающего обход.

— Никого не было поблизости, господин, — объяснил юноша. — Я ума не приложу, чем занята нянька. Малыш посинел от холода, разгуливая по дворцу в чем мать родила. Он говорит, что ищет свою змею.

— Ленивая сука. Пошлю-ка я кого-нибудь из девчонок-рабынь, чтобы няньку подняли на ноги. Сейчас слишком поздно, нельзя беспокоить царицу.

Начальник энергично зашагал прочь. Эгис посадил ребенка к себе на плечо, похлопал по ягодицам:

— Пора тебе в постель, Геракл.

Малыш изогнулся, обеими руками обхватив его за шею. Эгис успокоил его боль и не выдал тайну. Для такого друга ничего не жалко. Пока что он делит с воином секрет — это все, чем он мог отплатить Эгису за доброту.

— Если моя Тихе вернется, скажи ей, где я. Она знает мое имя.

Птолемей, известный всем как сын Лага, легким галопом гнал своего гнедого к озеру близ Пеллы; там, вдоль берега, находилось отличное место для верховой езды. Лошадь подарил Лаг. Хотя детство Птолемея было довольно безрадостным, Лаг с годами привязывался к юноше все сильнее. Сейчас Птолемею исполнилось восемнадцать; он был смугл, широк в кости, и его строгий профиль с годами обещал сделаться жестким. Он уже заколол вепря и мог сидеть за столом с мужчинами. Первого человека он

убил в приграничной стычке и сменил мальчишеский поясной шнурок на красную кожаную перевязь. Теперь там висел кинжал с костяной рукояткой. Ясно было, что Птолемей заслужил доверие Лага. В конце концов они поладили друг с другом, а царь хорошо обходился с обоими.

Между сосновой рощей и озером Птолемей увидел, как Александр машет ему рукой, и направился в его сторону. Он любил мальчика, который, казалось, нигде не мог найти себе друзей: слишком сообразительный для семилетних, хотя ему еще и не было семи, слишком маленький для старших. Александр бежал через заболоченную пустошь, которая за лето спеклась и затвердела за кругом окаймлявших ее низкорослых камышей. Его огромная собака рыла землю в поисках мышей-полевок, то и дело возвращаясь к хозяину, чтобы ткнуться перепачканным носом в ухо Александра. Она могла это сделать, не отрывая передних лап от земли.

— Оп! — сказал юноша, сажая Александра на квадратную матерчатую попону перед собой. Они двинулись дальше, выискивая ровное место. Птолемей хотел пустить лошадь в галоп. — Твой пес все еще растет?

— Да. У него тело маловато для таких лап.

— Кажется, ты был прав, он определенно чистокровной молосской породы. У пса начинает расти воротник.

— А вон в том месте его хотели утопить!

— Когда не знают, чье семя, щенков трудно сбыть.

— Хозяин назвал его дрянью и привязал к нему камень.

— После этого кого-то здорово покусали, так я слышал. Мне бы не хотелось, чтобы такой пес меня тяпнул.

— Он был слишком мал, чтобы кусаться. Это сделал я. А теперь можно пуститься вскачь, — сказал Александр.

Пес, радуясь возможности размять свои огромные лапы, несся с ними наперегонки по берегу широкой лагуны, соединяющей Пеллу с морем. Потревоженные конским топотом, в осоке закричали и захлопали крыльями дикие утки и чайки, длинноногие цапли и журавли. Звонким чистым голосом мальчик затянул пеан[11] конницы

---

[11] Сноски: 11

Пеан — хоровая песня-искупление. Исполнялась во время битвы, при праздновании победы, во время торжеств.

гетайров[12], яростный мотив атаки. Его лицо разрумянилось, волосы развевались, серые глаза казались голубыми. Он сиял.

Птолемей придержал лошадь, давая ей передышку, и принялся расхваливать ее. Александр поддерживал беседу как истинный знаток. Птолемей, иногда чувствовавший свою ответственность за мальчика, спросил:

— Твой отец знает, что ты столько времени проводишь с солдатами?

— Конечно. Он сказал, что Силан мог бы поучить меня бросать в цель копье, а Менеста — взять меня поохотиться. Я общаюсь только с друзьями.

Меньше слов, больше мыслей. Птолемей уже и прежде слышал, что царь закрывает глаза на грубых приятелей сына, лишь бы тот не следовал целый день за матерью. Юноша стегнул лошадь, направляя ее в легкий галоп. Но в стрелке копыта застрял камень, и пришлось спешиться, чтобы его вынуть. Голос ребенка прозвучал сверху:

— Птолемей, это правда, что по-настоящему ты — мой брат?

---

[12] Сноски: 12

Гетайры — отряды конницы и пехоты из представителей македонской знати.

— Что?

Лошадь воспользовалась изумлением Птолемея и потрусила прочь. Александр, сразу же подхватив поводья, твердой рукой остановил ее. Смущенный Птолемей отвернулся, так и не поднимаясь в седло. Чувствуя, что допустил какой-то промах, Александр сдержанно пояснил:

— Так говорили в караульной.

Птолемей не ответил. Мальчик настойчиво ждал, понимая, что в этом молчании больше размышлений, чем гнева. Наконец юноша произнес:

— Да, они могли так говорить, но никто не посмеет сказать этого мне. И ты не должен. Я убью любого, кто осмелится на это.

— Почему? — спросил Александр.

— Просто так надо, вот и все.

Ответа не последовало. Птолемей с тревогой заметил, что мальчик задет. Он не хотел обижать Александра.

— Послушай, — сказал Птолемей неловко, — большой, взрослый мальчик вроде тебя… если ты не знаешь почему… Конечно, я был бы рад оказаться твоим братом, что тут говорить… дело в другом. Моя мать — жена отца моего отца. Это значило бы, что я незаконнорожденный.

Ты понимаешь, что это такое.

— Да, — сказал Александр.

Он знал, что это смертельное оскорбление.

Кто виноват, что мальчик наслушался всякого, отираясь среди мнимых друзей в караульной? Птолемей как брат прямо ответил на неприятный вопрос. Впрочем, мальчик, похоже, полагает, что рождение — результат некоего колдовства, в его голосе можно было уловить смущение. Юноша удивился затянувшемуся сосредоточенному молчанию.

— Что ты молчишь? Все мы рождаемся одинаково — в этом нет ничего дурного, такими нас сделали боги. Но женщины могут ложиться только со своими мужьями, иначе ребенок считается ублюдком. Вот почему тот человек хотел утопить собаку: из опасения, что щенок беспородный.

— Да, — повторил мальчик и вернулся к своим мыслям.

Птолемей огорчился. В те времена, когда нынешний царь Филипп был всего лишь младшим сыном и к тому же заложником, Птолемей много претерпел, но потом он перестал стыдиться своего рождения. Если бы его мать была не замужем, Филипп смог бы признать Птолемея своим сыном, и тогда никто бы не посмел назвать

Птолемея жалким или несчастливым. Все зависело от правил; он чувствовал, что обошелся бы с мальчиком нечестно, не разъяснив ему этого.

Александр смотрел прямо перед собой. Его испачканные в земле руки уверенно держали поводья: они занимались своим делом, ум — своим. В шестилетнем ребенке это казалось странным, вызывая смутную тревогу. Птолемей посмотрел на прекрасный чистый профиль Александра. «Копия матери, — подумал Птолемей, — ничего от Филиппа».

Мысль поразила его как удар молнии. С тех пор как Птолемей начал садиться за стол с мужчинами, сплетни о царице Олимпиаде стали доходить и до него. Странная, непокорная, жуткая, дикая, как фракийская менада[13], способная навести порчу на того, кто встанет у нее на дороге. Царь встретился с ней в пещере при свете факелов, на Самофракийских мистериях; он начал сходить по ней с ума с первого же взгляда, еще даже до того, как узнал, из какого она дома, и торжественно ввез ее в Македонию, вместе с браком заключив выгодный союз с Эпиром. Говорили, что в Эпире еще до недавнего времени женщины правили

[13] Сноски: 13

Менады (или вакханки) — спутницы бога Диониса (Вакха), впадавшие во время культовых танцев в безумие.

без мужчин. Иногда из сосновой рощи царицы всю ночь раздавались звуки барабана и кимвалов. Слышалось и странное насвистывание из ее комнаты. Говорили, что царица совокупляется со змеями. Бабьи выдумки! Но что происходило в роще в действительности? Мальчик повсюду следовал за ней как тень. Знал ли он? Что из этого он понимал?

Птолемей словно отодвинул камень от входа в пещеру, ведущую в подземное царство, и выпустил рой теней, кричащих пронзительно, как летучие мыши. Таким же роем пронеслись в его голове десятки кровавых историй, уходящих в глубь веков, рассказы о борьбе за трон Македонии: как племена сражались за верховное владычество, как брат шел на брата ради титула царя; войны, резня, отравления, копья, предательски пущенные во время охоты; ножи в спину — в темноте, на ложе любви. Птолемей не был лишен честолюбия, но сама мысль о возможности погрузиться в этот смердящий поток заставила его похолодеть. Опасные догадки, но какие у него доказательства? Мальчик в беде. Забудь об остальном.

— Послушай, — сказал Птолемей, — ты умеешь хранить тайны?

Александр поднял руку и с расстановкой произнес клятву, подкрепленную леденящими кровь обетами.

— Это самая страшная, — закончил он. — Силан меня научил.

— Слишком страшная. Я освобождаю тебя от нее. Нужно быть осторожнее с клятвами вроде этой. Что ж, это правда: моя мать зачала меня от твоего отца, но он был тогда пятнадцатилетним мальчишкой. Это случилось еще до того, как он уехал в Фивы.

— О, Фивы.

Голос Александра прозвучал эхом другого голоса.

— Для своего возраста Филипп был уже достаточно опытен. Не придавай этому значения; мужчина ведь не может ждать до свадьбы, и я сам не жду, если хочешь знать. Но моя мать в то время была замужем за отцом, поэтому разговоры об этом — бесчестье для них. За такое оскорбление обидчика убивают. Неважно, понимаешь ты причину или нет, — просто так оно есть.

— Я буду молчать.

Глаза Александра, уже сейчас более серьезные, чем у любого другого ребенка, были устремлены вдаль. Птолемей теребил узду лошади. «Что же

мне было делать?» — потерянно думал он. Александр все равно узнал бы от кого-нибудь другого. И тут вдруг еще не умерший в Птолемее мальчишка пришел на помощь потерпевшему поражение мужчине. Он остановил лошадь:

— Если бы мы породнились, как кровные братья, то могли бы говорить о своем родстве кому угодно. — И коварно добавил: — Но ты знаешь, что мы должны будем сделать?

— Конечно! — обрадовался мальчик.

Александр подобрал поводья левой рукой и вытянул правую, стиснутым кулаком вверх. На запястье проступила голубая вена.

— Давай сделаем это сейчас! — с готовностью предложил Александр.

Птолемей вытащил из-за пояса новый острый кинжал и посмотрел на мальчика, который весь светился от гордости и решимости.

— Подожди, Александр. То, что мы сейчас делаем, — очень торжественно. Твои враги будут моими и мои — твоими до тех пор, пока мы не умрем. Мы никогда не поднимем друг на друга оружие, даже если наши семьи будут враждовать. Если я умру в чужой земле, ты исполнишь надо мной погребальные обряды, и то же я сделаю для тебя. Братание подразумевает все это.

— Обещаю. Приступай, — кивнул Александр.

— Нам не нужно так много крови.

Птолемей обошел подставленную вену и слегка надрезал белую кожу на запястье ребенка. Мальчик, улыбаясь, смотрел вниз. Птолемей полоснул себя по руке и соединил два пореза, прижав их друг к другу.

— Сделано, — сказал юноша.

«И сделано хорошо, — продолжил он про себя. — Какой-то добрый демон надоумил меня. Теперь никто не сможет явиться ко мне и сказать: „Он всего лишь ублюдок царицы, а ты — сын царя; так заяви о своих правах“».

— Давай, брат, — сказал мальчик. — Садись, конь отдышался. Мы можем ехать.

* * *

Широкий четырехугольник царских конюшен из оштукатуренного кирпича с каменными пилястрами был наполовину пуст — царь устроил маневры. Он проделывал это всякий раз, когда его посещало тактическое озарение.

По пути в караульную Александр остановился посмотреть на кобылу, которая только что ожеребилась. Как он и надеялся, поблизости не оказалось никого, кто мог бы отправить его

прочь со словами, что лошади в такое время крайне опасны. Он прокрался к кобыле, задобрил ее и погладил жеребенка; теплое дыхание лошади ерошило ему волосы. Вскоре она слегка подтолкнула его, давая понять, что этого довольно, и Александр оставил их в покое.

На утоптанный двор, полный запахов конской мочи, соломы, кожи, воска и жидкой мази, только что завели трех странных лошадей. Раньше Александр таких не видел. За ними присматривали чужеземные конюхи в шароварах. Недоуздки, которые приводил в порядок раб из конюшен, были причудливо разукрашены: блестящие золотые пластины с венчавшими их красными плюмажами и крылатыми быками, вычеканенными на удилах. Лошади были прекрасные: высокие, мощного сложения, не заезженные. Вскоре провели и запасных лошадей.

Дворцовый распорядитель, несший в этот день дежурство, сказал смотрителю конюшен, что варварам долго придется дожидаться возвращения царя.

— У фаланги Бриса, — заметил мальчик, — еще полно хлопот с сариссами. Пока они научатся с ними управляться, пройдет немало времени. — Ему самому хватало силы приподнять только

один конец этого гигантского копья. — Откуда эти лошади?

— Они проделали долгий путь из Персии. Послы Великого царя прибыли за Артабазом и Менаписом, — пояснил распорядитель.

Эти сатрапы бежали в Македонию после неудавшегося мятежа. Царь Филипп нашел их полезными, мальчик — любопытными.

— Но они гости и друзья, — возразил Александр. — Отец не позволит Великому царю забрать их, чтобы убить. Скажи этим людям, чтобы они не ждали царя.

— Нет, они привезли помилование, как я понимаю. В любом случае, послов принимают, с чем бы они ни явились. Так положено.

— Отец не вернется прежде полудня. Думаю, даже позднее, из-за пеших гетайров. Они все еще не могут быстро построиться. Позвать Менаписа и Артабаза?

— Нет-нет, сначала послы должны получить аудиенцию. Покажем этим варварам, что мы знаем толк в приличиях. Аттос, поставь этих лошадей в отдельную конюшню; чужеземцы всегда заносят какую-нибудь болезнь.

Александр внимательно осмотрел лошадей и их сбрую, потом постоял в раздумье. Затем вы-

мыл ноги у акведука, оглядел свой хитон, зашел к себе и переоделся в чистый. Александр часто слушал рассказы сатрапов, когда тех расспрашивали о великолепии Персеполя: тронном зале с золотыми деревьями и виноградом, лестнице, по которой могла подняться целая кавалькада, о необычных обрядах гостеприимства. Персы, это было очевидно, любили церемонии. Превозмогая боль, Александр расчесал спутанные волосы, насколько мог это сделать без посторонней помощи.

В расписанном Зевксидом зале Персея, одном из парадных, где принимались почетные гости, управляющий двором присматривал за двумя рабами-фракийцами с синей татуировкой. Рабы расставляли маленькие столики с пирожками и вином. Послы сидели на почетных местах. На стене над ними Персей избавлял Андромеду от морского дракона. Персей был одним из их предков, и говорили, что Персию основал тоже он. Похоже, что его потомки сильно переменились. Герой был обнажен. На нем не было ничего, кроме крылатых сандалий; послы носили полное мидийское облачение, от которого изгнанники отвыкли за время своего пребывания у Филиппа. Каждая пядь тела у этих людей, разве

что кроме рук и лиц, была прикрыта одеждой, и каждая пядь одежды — разукрашена. Круглые черные шляпы послов были расшиты блестками, и даже их бороды, завитые маленькими круглыми колечками, напоминавшими панцири улиток, тоже казались вышитыми. К отделанным бахромой туникам были пришиты рукава; шаровары, отличавшие варваров, обтягивали ноги.

Поставили три кресла, но сидели только двое бородачей. Сопровождающий их юноша стоял за креслом старшего посла. У него были длинные шелковистые иссиня-черные волосы, кожа цвета слоновой кости, лицо, одновременно надменное и нежное, и темные, сияющие глаза. Его старшие спутники были заняты беседой. Он первым заметил стоявшего в дверях мальчика и одарил того чарующей улыбкой.

— Да будет ваша жизнь долгой, — сказал мальчик, входя. — Я Александр, сын Филиппа.

Бородачи обернулись. Через мгновение послы встали и призвали на сына царя сияние солнца. Управляющий, не теряя самообладания, назвал их имена.

— Прошу вас садиться. Подкрепитесь, вы, должно быть, устали после долгой дороги, — сказал Александр.

Он часто слышал эту фразу. Послы не шевелились, и Александр понял, что они ждут, пока он сядет первым. Никогда еще ему не оказывали такого почета. Он вскарабкался в кресло, предназначенное для царя. Подошвы детских сандалий не доставали до пола, и управляющий подал рабу знак принести скамеечку для ног.

— Я пришел развлечь вас беседой, потому что моего отца нет дома, он делает смотр войскам, — сообщил мальчик. — Мы ожидаем его после полудня. Все зависит от пеших гетайров, правильно ли они выполнят построение. Сегодня у них должно получиться лучше, они стараются.

Послы, в совершенстве владевшие греческим, подались вперед. Оба не вполне освоились с непривычным македонским диалектом, его дорическими гласными и резкими согласными; но ребенок говорил очень отчетливо.

— Это ваш сын? — спросил одного из бородачей Александр.

Старший посол сдержанно представил юношу как сына друга. Молодой человек поклонился, но отказался сесть, улыбаясь. На мгновение их сияющие глаза встретились. Послы обменялись восхищенными взглядами. Все было очаровательно: прелестный сероглазый принц,

маленькое царство, провинциальная наивность. Царь сам муштрует войска! С равным успехом малыш мог похвастать, что царь сам готовит себе обед.

— Вы не едите пирожки. А я вот возьму один.

Александр откусил немножко: ему не хотелось разговаривать с набитым ртом. Он пока еще не умел вести легкую беседу за едой, поэтому прямо перешел к делу:

— Менапис и Артабаз будут рады помилованию. Они часто говорят о родине. Я не думаю, что они взбунтуются снова. Можете сказать это царю Оху[14].

Старший посол понял большую часть этой тирады. Он улыбнулся в черные усы и заверил, что не преминет это сделать.

— А что с полководцем Мемноном? — спросил мальчик. — Он тоже помилован? Мы думаем, что его можно было бы простить, после того как его брат Ментор выиграл войну в Египте.

Посол на мгновение сощурил глаза.

— Ментор Родосский, — сказал он через некоторое время, — всегда был ценным наемником, и, без сомнения, Великий царь милосерден.

---

[14] Сноски: 14

Ох — одно из имен персидского царя Артаксеркса III из династии Ахеменидов.

— Мемнон женат на сестре Артабаза. Вы знаете, сколько у них сейчас детей? Двадцать один! Все живы! У них много близнецов. Одиннадцать мальчиков и десять девочек. У меня только одна сестра. Но думаю, этого достаточно, — сказал Александр.

Оба посла поклонились. Они знали о домашних неурядицах царя.

— Мемнон говорит по-македонски. Он рассказывал мне, как проиграл сражение.

— Мой принц, — улыбнулся старший посол, — вам следует изучать войны по рассказам победителей.

Александр задумчиво посмотрел на посла. Его отец, царь Филипп, всегда старался разобраться в ошибках побежденных. Мемнон надул одного его друга при покупке лошади, но Мемнон чувствовал, если кто-то был с ним высокомерен. Если б этот юноша поторговался, все окончилось бы по-другому.

Управляющий отослал рабов, но сам задержался в зале, чтобы вовремя прийти на помощь Александру, если это понадобится. Пока такой необходимости не было. Мальчик слегка надкусил пирожок, перебирая в уме наиболее важные вопросы: на все не хватит времени.

— Сколько человек в армии Великого царя? — спросил Александр.

Оба посла поняли вопрос правильно; они улыбнулись. Правда могла принести только пользу. Мальчик, без сомнения, запомнит большую часть сказанного.

— Свыше счета, — сказал старший. — Как песчинок на морском берегу или звезд на безлунном небе.

И он стал описывать мидийских и персидских лучников, конников из Нисы на крупных лошадях, воинов из дальних краев империи — киликийцев и гирканцев[15]; ассирийцев в узорчатых бронзовых шлемах и с булавами в железных шипах; парфян с луками и кривыми саблями; одетых в леопардовые и львиные шкуры и перед боем раскрашивающих лица красным и белым эфиопов, стрелы которых заканчивали каменные наконечники; арабов, ездящих на верблюдах, бактрийцев, — и так далее, до самой Индии. Александр слушал, как всякий ребенок, с округлившимися от восторга глазами. Он упивался рассказом о чудесах.

— И все они должны сражаться, когда Великий

---

[15] Сноски: 15

Гиркания — местность к юго-востоку от Каспийского моря, ограниченная на юге горами.

царь посылает за ними? — спросил мальчик.

— Все до последнего, под страхом смерти, — подтвердили послы.

— Как много времени нужно им, чтобы собраться?

Последовала внезапная пауза. Прошло столетие с похода Ксеркса, послы сами не знали ответа. Наконец они сказали, что царь властвует над обширными странами и людьми многих наречий. Говорят, что от Индии до Греции год пути. Но войска стоят везде, где только могут понадобиться.

— Выпейте еще немного вина, — предложил Александр. — А есть ли дорога, ведущая прямо в Индию?

Послам потребовалось время, чтобы ответить. В дверях теснились слуги — новости распространяются быстро.

— Каков царь Ох в бою? Он храбр? — забрасывал послов вопросами Александр.

— Как лев, — ответили послы в один голос.

— Каким крылом конницы он командует?

Ответы послов стали уклончивыми. Мальчик набил рот остатками пирожка. Зная, что с гостями нельзя быть грубым, он переменил тему:

— Если солдаты приходят из Аравии, и Индии,

и Гиркании, не зная персидского, то как он говорит с ними?

— Говорит с ними? Царь? — Это было так трогательно: маленький стратег снова стал ребенком. — Ну, сатрапы[16] провинций выбирают военачальников, которые могут говорить на их языках.

Александр слегка покачал головой и поднял брови:

— Солдаты любят, чтобы с ними говорили перед сражением. Им нравится, когда знаешь их имена.

— Я уверен, — вкрадчиво сказал второй посол, — им нравится, когда вы знаете их. Великий царь, — добавил он, — разговаривает только со своими друзьями.

— С друзьями мой отец беседует за ужином.

Послы что-то пробормотали, не отваживаясь взглянуть друг на друга. Варварство македонского двора было широко известно. Говорили, что царские симпозионы больше похожи на оргии горных разбойников, делящих награбленное, чем на званые пиры владыки страны. Милетский

---

[16] Сноски: 16

Сатрапы — наместники провинций (сатрапий) в государстве Ахеменидов, в том числе Вавилонии, Египта, Мидии и др. На вверенной ему территории сатрап взимал налоги, вершил суд, набирал войска.

грек, клявшийся, что присутствовал на таком пиру, рассказывал, что царь Филипп, нимало не смущаясь, спустился со своего ложа, чтобы возглавить цепочку танцующих. Однажды, когда гости, повздорив, кричали на весь зал, он бросил гранат в голову своего военачальника. Грек, обладая всем бесстыдством этой нации лжецов, дошел до того, что заявил, будто военачальник в ответ кинул в царя ломтем хлеба и не только остался в живых, но даже не потерял своего поста. Если хоть половина из этого правда, то послам следует быть осторожнее.

Александр, со своей стороны, решал дилемму. Историю, которую он счел выдумкой и хотел проверить, ему рассказал Менапис. Изгнанник, должно быть, хотел посмеяться над Великим царем. Если упомянуть имя Менаписа, эти люди донесут на него, и бедняга будет распят по возвращении домой. Грешно предавать гостя и друга.

— Один мальчик сказал мне, — выкрутился Александр, — что, приветствуя Великого царя, люди должны простираться ниц. Но я ответил ему, что он лжет.

— Изгнанники могли бы объяснить вам, царевич, всю мудрость этого обычая. Наш владыка повелевает не только многими народами,

но и многими царями. Хотя мы и называем их сатрапами, некоторые из них царской крови, и предки их правили от своего имени, пока их страны не были присоединены к империи. Великий царь должен возвышаться над другими царями так же, как те — над своими подданными. Склоняясь перед ним, подвластные цари должны чувствовать не больше стыда, чем склоняясь перед богами. Если бы Великий царь не казался ровней божествам, его власть вскоре бы ослабла.

Мальчик выслушал и кивнул.

— Что ж, здесь у нас не ползают по земле перед богами, — ответил он вежливо. — Так что вам нет нужды делать это перед моим отцом. Он не привык к этому, ему это безразлично.

Послы с трудом сохранили серьезность. Мысль о том, чтобы пасть ниц перед этим варварским вождем, предок которого был подданным Ксеркса (и к тому же изменником), была слишком смехотворна, чтобы оскорбить их.

Управляющий, видя, что беседе пора завершиться, вышел вперед, поклонился ребенку — который, по его мнению, вполне этого заслуживал — и сообщил о неотложном деле, ждущем сына царя за пределами зала Персея. Соскользнув с трона, Александр попрощался с послами,

правильно назвав каждого по имени.

— Сожалею, что не смогу вернуться. Мне нужно ехать, — сказал он. — Некоторые из пеших гетайров — мои друзья. Сарисса — очень хорошее оружие для сплошного фронта, так говорит мой отец; задача в том, чтобы научиться легко владеть ею. Поэтому царь и проводит учения. Надеюсь, вам не придется долго ждать. Пожалуйста, спрашивайте все, что нужно.

Уже за порогом, обернувшись, Александр увидел устремленные на него прекрасные глаза юноши и приостановился, взмахнув на прощание рукой. Послы, возбужденно переговаривавшиеся на персидском, слишком увлеклись беседой и не увидели молчаливый обмен улыбками.

Этим же днем, позднее, Александр возился со своим псом в дворцовом саду, посреди резных урн с Эфеса — редкостные цветы, посаженные в них, погибли бы в суровые македонские зимы, если б урны не заносили внутрь. От расписанного портика наверху к нему спускался отец.

Мальчик подозвал к себе бегавшую по двору собаку. Они ожидали бок о бок, настороженные и подобравшиеся; пес навострил уши. Филипп сел на мраморную скамью и поманил Александра, поворачиваясь к нему зрячим глазом.

Слепой теперь зажил, лишь на месте раны осталось бельмо. Этому изуродованному стрелой глазу царь был обязан жизнью.

— Иди, иди сюда, — сказал Филипп, обнажая в ухмылке крепкие белые зубы со щербиной. — Расскажи-ка мне, что тебе наговорили послы. Я слышал, ты задал им пару трудных вопросов. Что они ответили? Сколько войска будет у Оха в случае нужды?

Филипп говорил на македонском, хотя обычно разговаривал с сыном по-гречески, для пользы его образования. Не скованный чужим языком, мальчик увлеченно перелагал речи послов: о десяти тысячах Бессмертных, о лучниках, копьеносцах и воинах, вооруженных топорами; он сообщил также, что лошади под всадниками могут понести, испугавшись запаха верблюдов, и что цари в Индии ездят верхом на черных безволосых зверях, таких огромных, что на их спины можно водрузить башни. Здесь Александр искоса взглянул на отца. Он не желал показаться легковерным. Филипп кивнул:

— Да, слоны. Люди, чьи слова были достойны, как я мог убедиться, доверия, ручались мне, что такие звери существуют. Продолжай, все это весьма полезно.

— Послы утверждали, что люди, приветствующие Великого царя, должны ложиться на землю лицом вниз. Я сказал им, что ты этого не потребуешь. Я боялся, что послов осмеют.

Филипп запрокинул голову и, хлопая себя по коленям, разразился утробным хохотом.

— Они этого не сделали? — спросил мальчик.

— Нет, ведь у них было твое позволение. Даруй то, чего нельзя избежать, и тебе же будут благодарны. Ну, им повезло: они отделались от тебя удачнее, чем послы Ксеркса от твоего тезки, во дворце Эгии. — Он сел поудобнее. Александр ерзал, беспокоя собаку, уткнувшуюся носом в его лодыжку. — Когда Ксеркс навел мост через Геллеспонт и обрушился со своими полчищами на Грецию, он начал с того, что разослал своих послов во все стороны, требуя у племен землю и воду. Горсть земли за страну, фляга воды за реку; это был знак капитуляции. Наша страна находилась как раз на его пути на юг; мы неминуемо оказались бы у него за спиной, и он хотел быть уверенным в нашей покорности. Он послал семерых послов. Это происходило в те времена, когда правил первый Аминта.

Александру хотелось спросить, не этот ли Аминта его прадед, но он не осмелился. Не следо-

вало задавать вопросы о предках, если только те не были богами и героями. Пердикка, старший брат его отца, погиб в сражении, оставив маленького сына. Но македонцы нуждались в сильной власти царя, который смог бы избавиться от иллирийцев и править страной; они умолили Филиппа стать царем. Всякий раз, когда речь заходила о событиях более давних, Александру неизменно говорили, что он все узнает, когда станет старше.

— В те дни здесь, в Пелле, не было дворца, только крепость выше в горах, в Эгии. Мы держались там зубами и ногтями. Западные вожди орестов и линкестидов мнили себя царями; иллирийцы, пеоны[17], фракийцы каждый месяц переходили границу, чтобы захватить рабов и угнать скот. Но все они выглядели детьми по сравнению с персами. Аминта, насколько я мог узнать, не подготовил никаких укреплений. Ко времени, когда прибыли послы, Пеония, которую можно было привлечь в союзники, была опустошена. В итоге Аминта уступил и дал обеты верности, ради блага своей страны. Ты знаешь, кто такой сатрап?

---

[17] Сноски: 17

Пеоны — обитатели Пеонии, области в Северной Македонии.

Пес выпрямился и свирепо огляделся. Мальчик погладил его, понуждая лечь.

— Сына Аминты звали Александром. Ему было лет четырнадцать-пятнадцать, и его уже сопровождали телохранители. Он находился в Эгии, когда Аминта устроил там пир в честь послов.

— Он тогда уже убил вепря? — уточнил мальчик.

— Откуда мне знать? Его отец давал парадный обед, и Александр там присутствовал.

Мальчик знал Эгию почти так же хорошо, как Пеллу. Там находились все старые гробницы богов, рядом с которыми справляли все большие празднества; в Эгии же были возведены и царские усыпальницы предков, могильные курганы, вокруг которых вырубали деревья. Входы в них, закрытые массивными дверями из кованой бронзы и мрамора, напоминали пещеры. Существовало поверье, что род прервется, если царь Македонии будет похоронен вдали от Эгии. Когда лето выдавалось жарким, царская семья покидала Пеллу и поднималась туда в поисках прохлады. Ручьи, протекавшие через заросшие папоротником горные долины, никогда не пересыхали. Храня холод снегов, лежащих вверху, они стекали с круч и неслись мимо домов, по дво-

ру крепости, пока не сливались в единый поток, который отвесно обрушивался вниз мощным водопадом, скрывающим, наподобие занавеса, священную пещеру. Крепость, старая, хорошо укрепленная, с толстыми стенами, совсем не походила на изящный дворец с колоннами. В огромном зале был сложен круглый очаг, а в крыше проделано отверстие, через которое уходил дым. Когда мужчины пировали, шум эхом отдавался от стен. Александр представил, как персы, с завитыми бородами и в вычурных головных уборах, осторожно ступают по грубому полу.

— Все завершилось попойкой, — продолжал Филипп. — Может быть, персы привыкли к менее крепкому вину, может быть, они возомнили себя всевластными владыками, любая прихоть которых будет раболепно исполнена. Один из них спросил, где благородные женщины, заявив, что в Персии их присутствие на пирах введено в обычай.

— Жены персов приходят на пиры? — удивился мальчик.

— Бесстыдная ложь, которой они никого не могут обмануть. Женщины персов содержатся еще строже, чем наши.

— Наши мужчины взялись за оружие?

— Нет, Аминта послал за женщинами. Женщины из Пеонии уже знали, что такое рабство, их угнали в Азию, потому что их мужчины не подчинились Ксерксу. Справедливости ради должен сказать, что Аминту ждала сходная участь. У него не было армии в нашем понимании. На что он мог рассчитывать — на гетайров из собственных поместий да на разноплеменный сброд, который подвластные вожди если и присылали, то по своему усмотрению, а могли не прислать вовсе, если бы им вздумалось. Ему не удалось захватить Пангейские золотые рудники; это сделал я. Золото, мой мальчик, золото — мать армий. Я плачу моим солдатам круглый год — есть война, нет войны, — и они сражаются за меня, подчиняются моим военачальникам. На юге, там распускают войска на время затишья, и наемники ищут работу, где только могут. Они слушаются лишь собственных полководцев-бродяг, которые, хотя зачастую хороши в своем роде, сами всего лишь простые наемники. В Македонии полководец — я. И вот почему, мой сын, послы Великого царя не заявятся сюда сейчас, чтобы потребовать наши землю и воду.

Мальчик задумчиво кивнул. Бородатые послы

были вынуждены сохранять вежливость, но сопровождавший их юноша не притворялся.

— И женщины на самом деле пришли? — спросил Александр.

— Они пришли, оскорбленные, как ты можешь догадаться, не соблаговолив даже убрать волосы и надеть ожерелья. Они полагали, что покажутся на минуту и тут же удалятся.

Мальчик представил, как его мать восприняла бы подобное приглашение. Он сильно сомневался в том, что она вышла бы к персам, даже ради того, чтобы избавить свой народ от рабства. Если бы она все же решилась на это, то причесалась бы и надела все свои драгоценности до последней.

— Когда они узнали, что должны остаться, — продолжал Филипп, — то разместились, как положено порядочным женщинам, на дальних скамьях у стены.

— Там, где сидят мальчики-слуги?

— Да, там. Старик, которому показал это место его дед, показал его мне. Мальчики встали. А женщины опустили покрывала и сидели молча. Послы рассыпались в льстивых похвалах, понуждая их поднять покрывала. Своим женщинам, сделавшим подобное в присутствии посторон-

них, они поотрезали бы носы, да что там, много хуже, поверь мне. И юный Александр видел унижение своей матери и сестер и остальных женщин царской семьи. Он был взбешен и выразил недовольство своему отцу. Но если персы и слышали эти упреки, то не придали им значения. Кто заботится о лающем щенке, если собака лежит спокойно? Один из послов сказал царю: «Мой македонский друг, лучше бы эти госпожи не приходили вовсе, чем сидеть здесь и дразнить наши взоры. Прошу тебя, уважь наш обычай: наши женщины беседуют с гостями. Вспомни, ты послал нашему царю землю и воду». Это было уже неприкрытым выпадом, как если бы он показал острие меча. Можно догадаться, какое повисло молчание. Потом царь подошел к женщинам и подвел их к персам. Женщины сели, как делают это флейтистки и танцовщицы в южных городах, на края застольных лож, на которых возлежали персы. Александр видел, как персы дотрагивались до женщин, и друзья с трудом удерживали его. Внезапно он успокоился. Александр поманил к себе юношей из своей охраны и выбрал семерых, еще безбородых. Украдкой переговорив с ними, он отослал их прочь. Подойдя к отцу, который, если в нем оставался еще

какой-нибудь стыд, надо думать, чувствовал себя весьма скверно, Александр сказал: «Государь, вы устали. Не оставайтесь здесь до конца возлияния, предоставьте гостей мне. Они не испытают недостатка ни в чем, что приличествует им, даю слово». Что ж, так царь мог сохранить лицо. Он предостерег сына от необдуманных поступков и, извинившись, удалился. Послы, разумеется, решили, что теперь им ничто не возбраняется. Александр не выказывал гнева. Он поднялся, все время улыбаясь, и обошел ложа послов. «Дорогие гости, — говорил он, — вы оказываете честь нашим матерям и сестрам. Но, торопясь сюда, они собирались в такой спешке, что теперь вряд ли готовы показать свои лица. Позвольте нам отослать их, чтобы они умылись, переменили одежду и надели свои украшения. Когда они вернутся, вы сможете сказать, что в Македонии с вами обращались так, как вы того заслуживаете».

Александр сел прямо, его глаза сверкали. Он догадывался, что замышлял царский сын.

— Перед персами стояло вино, и вся ночь была впереди. Они не жаловались. Вскоре в зал вошли семь окутанных покрывалами женщин в роскошных одеяниях. Каждая подошла к ложу одного

из послов. Даже теперь, когда наглые персы потеряли права гостей и друзей, сын царя медлил, выжидая, не одумаются ли они. Но те и не собирались. Тогда он подал знак. Юноши в женской одежде выхватили кинжалы. Без единого звука тела персов рухнули на блюда, на фрукты и в разлитое вино.

— Отлично! — вскричал Александр. — Так им и надо.

— Где-то в зале, конечно, находилась их свита. Двери мгновенно заперли; никто не ускользнул живым, чтобы принести весть в Сарды[18]. Никто не смог доказать, что по пути через Фракию послы не попали в устроенную разбойниками засаду. Когда все было кончено, тела зарыли в лесу. Как поведал мне старик, юный Александр сказал: «Вы пришли за землей и водой. Будьте довольны землею».

Филипп сделал паузу, наслаждаясь взволнованным торжествующим молчанием сына. Для мальчика, упивавшегося рассказами о мести с тех пор, как он стал понимать человеческую речь, — а ни один старый дом или клан в Македонии не обходился без собственных историй

---

[18] Сноски: 18
Сарды — резиденция персидских сатрапов.

такого рода, — это было не хуже театра.

— А когда явился царь Ксеркс, Александр сражался с ним? — спросил мальчик.

Филипп покачал головой:

— К тому времени Александр сам стал царем; он знал, что не сможет противостоять персам. Вместе со своим войском он был вынужден присоединиться к великой армии Ксеркса, как прочие сатрапы. Но накануне великой битвы у Платей он сам ночью выехал из лагеря, чтобы выдать грекам диспозицию персов. Возможно, он спас Элладу.

Лицо Александра вытянулось. Он нахмурился и наконец с отвращением сказал:

— Да, он был умным. Но я бы лучше дал сражение.

— Неужели? — ухмыльнулся Филипп. — Я бы поступил так же. Будем живы, кто знает, может, так оно и выйдет. — Он поднялся со скамьи, одергивая свой белоснежный гиматий с пурпурной каймой. — Во времена моего деда спартанцы, чтобы укрепить свою власть над югом, заключили договор с Великим царем. Ценой тот назначил греческие города в Азии, тогда еще свободные. Доныне никто не смыл этого черного позора с лица Эллады. Невозможно было противостоять Артак-

серксу и спартанцам одновременно. И говорю тебе: города не обретут свободу до тех пор, пока греки не объединятся под предводительством одного военачальника. Дионисий Сиракузский[19] мог бы стать таким человеком, но у него было достаточно забот с карфагенянами, а его сын — олух, который потерял все. Но время придет. Ладно, поживем — увидим. — Филипп кивнул, улыбаясь. — И это огромное безобразное чудище — лучшее, что ты мог подыскать себе среди собак? Я повидаюсь с охотником, и он отыщет тебе пса с хорошей кровью.

Мальчик прыгнул, загородив ощетинившуюся собаку, и крикнул:

— Я люблю его! — В его голосе звучала не нежность, а вызов на смертельный бой.

Раздраженный и разочарованный, Филипп сказал:

— Хорошо, хорошо. Нет нужды кричать на меня. Пес твой, никто не причинит ему вреда. Я хотел сделать подарок.

Последовала пауза. Наконец Александр натянуто сказал:

---

[19] Сноски: 19

Дионисий Сиракузский (ок. 430–367 до н. э.) — правитель Сиракуз с 405 г., основатель мощного государства по обе стороны Мессинского пролива.

— Спасибо, отец. Но я думаю, мой пес будет ревновать и загрызет другую собаку. Он очень сильный.

Пес ткнулся носом Александру под мышку. Они стояли бок о бок, одной стеной. Филипп пожал плечами и направился к дому.

Александр и собака принялись бороться, катаясь по земле. Пес сбивал мальчика с ног, сдерживая свою мощь, словно играл с подрастающим щенком. Наконец, сплетясь в клубок, они задремали на солнце. Александру снился зал в Эгии, с разбросанными кубками, блюдами, подушками; персы лежали в лужах запекшейся крови, как троянцы на фреске в комнате его матери. У дальней стены, где македонцы избивали остатки свиты, сражался приехавший с послами юноша — последний, кто оставался в живых. Он один отбивался от десятка нападающих. «Остановитесь! — крикнул сын царя. — Не смейте трогать его, он мой друг!» Когда пес, зачесавшись, разбудил его, Александр и персидский юноша уезжали вдвоем на лошадях с разукрашенными недоуздками, чтобы осмотреть Персеполь.

Теплый летний день клонился к вечеру. На соленое озеро Пеллы упала тень от выстроенной на острове крепости, в которой хранилась казна

и помещались темницы. По всему городу в окнах домов мерцали лампы. Раб из числа домашней челяди вышел с огнем, чтобы зажечь огромные смоляные факелы, которые держали сидящие у подножия дворцовой лестницы каменные львы. На равнине раздавалось мычание скота — стада гнали домой; в горах, обращенных к Пелле своими покрытыми тенью восточными склонами, серую тьму прорезали искры отдаленных сторожевых огней.

Александр сидел на крыше дворца, глядя на город, лагуну и крошечные рыбачьи лодки, направляющиеся к причалам. Для него уже наступило время ложиться спать, и он держался подальше от глаз няни. Если удастся повидать мать, она, быть может, позволит ему не спать. Рабочие, чинившие крышу, ушли по домам, не убрав своих лестниц; такой случай нельзя упускать.

Александр сидел на черепице пентелийского мрамора, завезенного царем Архелаем; под ним был водосточный желоб, между колен — антефикс[20] в форме головы Горгоны, с поблекшей под открытым небом краской. Держась за змеистые волосы, мальчик не мигая смотрел в про-

[20] Сноски: 20

Антефиксы — плиты из обожженной глины, часто с рисунком, крепившиеся к спуску кровли для предохранения ее деревянных краев.

стертую внизу бездну, пытаясь вызвать духов земли. На обратном пути ему все равно придется смотреть вниз, и их нужно усмирить заблаговременно.

Вскоре духи сдались; они всегда уступали, когда кто-то бросал им вызов. Александр съел черствый хлеб. Он стянул его, чтобы не ходить ужинать. Судя по соблазнительному запаху, мальчика ждало горячее молоко, приправленное медом и вином; но после ужина Александра сразу перехватили бы и отправили в постель. Ничто не дается просто так!

Внизу раздалось блеяние. Привели черного козла, значит уже пора. Самое главное — не появиться преждевременно. А когда его присутствие наконец обнаружится, мать не отошлет его обратно.

Александр стал спускаться по далеко отстоящим друг от друга перекладинам лестницы, рассчитанной на взрослых мужчин. Побежденные духи земли держались в отдалении. Он пел победную песнь. Прыжок на землю: там не было никого, кроме нескольких утомленных рабов, покончивших со своими дневными обязанностями. Хелланика, должно быть, искала его; придется обогнуть дом снаружи. Александр стал уже со-

всем большим и не нуждался в няне, он слышал, как мать сама говорила это.

Зал был освещен; рабы переговаривались на фракийском, сдвигая столы. Перед Александром вырос часовой, совершавший обход, — рыжий густобородый Менеста. Мальчик улыбнулся и отсалютовал ему.

— Александр! Александр!

Это была Ланика. Няня сама отправилась на поиски и, должно быть, вот-вот увидит Александра.

Он бежал, соображая на ходу. Вот Менеста.

— Быстро! — шепнул мальчик. — Спрячь меня за своим щитом.

Не дожидаясь, пока тот его поднимет, Александр вцепился в стража, обвив его руками и ногами. Жесткая борода щекотала темя.

— Мартышка! — пробормотал Менеста, как раз вовремя загораживая себя вогнутым щитом и прислоняясь к стене.

Хелланика прошла мимо, сердито выкрикивая имя Александра. Она была слишком хорошо воспитана, чтобы разговаривать с солдатами.

— Куда ты собрался? Я не должен…

Но Александр обнял его, потом прыгнул вниз и исчез.

Александр пробирался окольными путями, тщательно огибая навозные кучи — нельзя же явиться служить богу грязным, — и благополучно достиг уединенного конца сада, в который выходила боковая дверь из покоев матери. Снаружи на ступеньках уже собирались женщины с незажженными факелами.

Александр спрятался от них за миртовой изгородью; глупо было высовываться, пока процессия не войдет в рощу. Мальчик знал, куда пойти тем временем.

Недалеко отсюда находилась гробница Геракла, предка Александра со стороны отца. Внутри маленького портика гробницы голубая стена уже погрузилась в сумрачную вечернюю тень, но от бронзовой статуи героя, казалось, исходило сияние, в агатовых глазах отражался закатный всполох. Царь Филипп посвятил статую богу вскоре после своего восшествия на престол. Ему тогда было двадцать четыре года, и скульптор, знавший, как угодить заказчику, изваял Геракла примерно в этом же возрасте, но, на южный манер, безбородым, позолотив волосы и львиную шкуру. Клыкастая морда льва была надвинута на лоб героя наподобие капюшона, остальная часть шкуры плащом окутывала плечи. Эту го-

лову потом скопировали для чеканки монет Филиппа.

Никто не видел мальчика; Александр подбежал к гробнице и потер палец на правой ноге героя, над краем постамента. Только что на крыше он взывал к нему на их тайном языке, и Геракл сразу откликнулся, чтобы усмирить духов. Настало время для благодарности. Палец уже стал светлее остальной ступни от множества подобных касаний.

Из-за изгороди доносился звон систра и приглушенный звук тимпана, по которому пробегали быстрые пальцы. Пламя факелов отсветами ложилось на раскрашенный вход, превращая сумерки в ночь. Мальчик прокрался к изгороди. Большинство женщин уже пришло. Облаченные в сияющие тонкие одежды, сегодня они собирались только танцевать, ублажая бога. Поднявшись из Эгии в горные леса, они наденут одежды менад, положенные для дионисийских мистерий, и возьмут в руки тростниковые тирсы, оплетенные плющом, с верхушками из сосновых шишек. Никто больше не увидит пестрых тканей и козлиных шкур — покрытые кровавыми пятнами, они будут брошены в лесу. Тонкая кожа их одеяний была выделана до мягкости и застегива-

лась на пряжки кованого золота, а над искусно сделанными позолоченными тирсами потрудился ювелир. Жрец Диониса только что подошел; следом за ним незнакомый мальчик вел козла. Теперь ждали только выхода Олимпиады.

Царица появилась в дверях, смеясь, с Герминой из Эпира, одетая в шафрановое платье и позолоченные сандалии с гранатовыми пряжками. Плющ в ее волосах был золотым, и его тонкие побеги дрожали, вспыхивая в свете факелов всякий раз, когда она поворачивала голову. Ее тирс обвивала эмалевая змейка. Одна из женщин несла корзинку с Главком. Его всегда брали на посвященные богу танцы.

Девушка с факелом обошла по кругу остальных; взметнулись языки пламени, в отблесках которого сияли глаза, а красные, зеленые, синие, желтые цвета одежд становились яркими, как цвет драгоценных камней. Выступая из тени, маячила грустная, мудрая, порочная морда козла, похожая на маску, с глазами, словно топазы, и позолоченными рогами. Венок из молодых зеленых виноградных лоз висел у него на шее. Вместе со жрецом и мальчиком-служкой козел возглавил шествие к роще; женщины следовали за ними, тихо переговариваясь. Нежно и нестрой-

но позвякивали в их руках систры. В ручье, питающем фонтаны, квакали лягушки.

Женщины поднялись на открытый холм над садом; вся эта земля принадлежала царю. Дорожка вилась между миртом, тамариском и кустами дикой оливы. Позади, двигаясь на свет факелов и скрытый мраком от всех, легко ступая, шел мальчик.

Невдалеке темной высокой громадой маячил сосновый бор. Александр оставил тропу и осторожно пробрался в кустарник. Растянувшись на упругом ковре сосновых иголок, он поглядывал из своего укрытия на рощу. Менады воткнули факелы во вкопанные в землю подставки. Место для танца было приготовлено заранее, алтарь украшен гирляндами, на грубо сколоченных столах расставлены кубки для вина и чаша с водой, разложены опахала. На своем постаменте, ухоженный, очищенный от птичьего помета, вымытый и отполированный так, что его мраморное тело блестело, стоял Дионис. Олимпиада привезла статую из Коринфа, где ту изваяли по ее указаниям: юноша лет пятнадцати, в полный рост, с белокурыми волосами и тонким стройным телом танцора. Он был обут в богато украшенные красные сапоги, с одного плеча свисала шкура

леопарда. В правой руке Дионис сжимал тирс с длинной рукоятью, левой приветственно поднимал позолоченный кубок. Его улыбка не была снисходительной улыбкой Аполлона, которая говорила: «Человек, познай себя; этого достаточно для твоей маленькой жизни». Нет, она манила; Дионис улыбался, обещая поделиться своей тайной.

Женщины встали в круг, соединив руки, и пропели священную песнь, обращенную к богу. Потом они принесут козла в жертву. С тех пор как здесь в последний раз была пролита кровь, прошел дождь; животное приблизилось без страха и, только когда нож вонзился в него, испустило короткий отчаянный крик. Предназначавшаяся богу кровь была собрана в неглубокий кубок и смешана с вином. Мальчик спокойно наблюдал за происходящим, опустив подбородок на скрещенные руки. Он видел бесчисленные жертвоприношения, в открытых святилищах и в этой роще. Сюда мать приносила его в младенчестве, он спал на сосновой хвое под бешеный ритм тимпанов.

Раздалась музыка. Девушки с тимпанами

и сестрами, девушка с авлосом[21] начали тихо раскачиваться, каждая в своем ритме. Голова Главка, поднявшаяся над открытой корзиной, тоже раскачивалась. Темп и мощь звука нарастали, руки сплелись за спинами, женщины неистово стучали ногами по земле, их тела выгибались, волосы струились по плечам. На дионисийских плясках после жертвоприношения они пили вместе с богом неразбавленное вино.

Одна из девушек подняла высоко над головой кимвалы, они зазвенели, и их звон еще долго не замирал в воздухе. Александр пополз вперед, пока не оказался почти в самом кругу света; никто его не видел. Кольцо танцующих завертелось, поначалу медленно — нужно было сохранить дыхание для пения, чтобы вознести хвалу богу Дионису.

Александр мог разобрать большую часть слов, но он и без того знал гимн на память. После каждой строфы звучали кимвалы, и хор с каждым разом все громче затягивал: «Эвоэ, Вакх! Эвоэ! Эвоэ!!»

Олимпиада начала гимн, величая бога сыном Семелы, родившимся в огне. Ее глаза, щеки

---

[21] Сноски: 21

Авлос — древнегреческий духовой музыкальный инструмент, напоминающий гобой.

и волосы сияли, золотой венок сверкал, желтое платье отражало свет факелов, как если бы она сама была источником света.

Гермина из Эпира, встряхивая черными волосами, пела о том, как младенец-бог был спрятан на Наксосе от ревнивой Геры; его охраняли поющие нимфы. Александр подобрался поближе. Над головой у него оказался стол с вином. Александр украдкой кинул взгляд наверх: кубки и чаша для смешивания были старыми, украшенными росписью. Он взял один из кубков, чтобы рассмотреть рисунки; там еще оставалось немного вина. Хорошо знакомый с обычаем, мальчик плеснул несколько капель на землю в честь бога, потом допил остальное. Крепкое неразбавленное вино, достаточно сладкое, вполне понравилось ребенку. Бог, казалось, остался доволен оказанными ему почестями: факелы вспыхнули ярче, музыка стала завораживающей. Мальчик знал, что скоро и он начнет танцевать.

Женщины пели о том, как дитя Зевса было перенесено в лесное логово старого Силена, который учил его своей мудрости до тех пор, пока Дионис не превзошел своего учителя, открыв власть багрового винограда. Сатиры стали поклоняться тому, чья рука даровала им радость

и безумие. Теперь танец кружился, как колесо на хорошо смазанной оси. Стоя среди деревьев, мальчик начал отбивать такт ногой и хлопать в ладоши.

Дионис превратился в юношу, прекрасного лицом и изящного, как девушка. Его опалила молния, ставшая повивальной бабкой для его матери. Дионис явился человеческому роду, щедрый к тем, кто угадывал его божественное происхождение. Но перед неверящими представал ужасным, как разъяренный лев. Его слава росла, Дионис стал слишком известен, чтобы продолжать прятаться. Ревнивую Геру невозможно было обманывать дольше. По великолепию и могуществу богиня узнала Диониса и наслала на него безумие.

Музыка набирала силу, все убыстряясь, становясь звонче, она взвизгивала, переходя в предсмертный вскрик маленького зверька, ставшего чьей-то добычей в полночном лесу; кимвалы оглушительно звенели. Мальчик проголодался. После быстрого танца очень хотелось пить. Александр приподнялся на цыпочках, потянувшись за новым кубком. На этот раз у него перехватило дыхание. Вино походило на упоминавшийся в гимне огонь с небес.

Обезумевший бог Дионис блуждал по Фракии, пересек Геллеспонт и фригийские холмы, двигаясь на юг, к Карии. Те, кто раньше делил с ним радость, не покинули его, и теперь они остались с Дионисом, чтобы разделить безумие. Оно вводило почитающих бога в экстаз, потому что даже безумие Диониса было божественным. От побережья Азии он проследовал в Египет, мудрые жители которого встретили его с почестями; какое-то время бог отдыхал там, постигая мудрость египтян и делясь с ними своей. Потом, исполненный безумия и божественного сияния, он направился на восток, пересекая бескрайние просторы Азии. Дионис не переставал танцевать, вокруг собирались почитающие его — так огонь воспламеняется от огня. Он пересек Евфрат по мосту из плюща, Тигр — на спине тигра. Бог танцевал всю дорогу через равнины, и реки, и горы, высокие, как Кавказ, пока не достиг Индии — страны у последних пределов мира. За нею не было ничего, кроме опоясывающей землю реки Океан. Проклятие Геры утратило свою силу. Индийцы поклонялись Дионису; дикие львы и пантеры приходили, чтобы смиренно везти его колесницу. В блеске славы возвратился бог

в земли Эллады; Великая мать[22] очистила его от скверны крови, пролитой им за дни безумия, и Дионис даровал радость сердцам людей.

Снова вступил хор; авлосу вторил пронзительный голос мальчика. Александр выскользнул из своего хитона, разгоряченный танцем, пламенем факелов и вином. Золотые колеса запряженной львами колесницы вращались под ним, звучали пеаны, реки текли для него вспять, народы Индии и Азии танцевали под его песню. Менады призывали его; Александр спрыгнул со своей колесницы, чтобы танцевать среди них. Несущееся в пляске кольцо распалось и с громким смехом и криками сомкнулось вокруг него, и он кружился перед собственным алтарем. Александр танцевал, пока менады пели, ступая по росе, творя свое волшебство, и роща завертелась вокруг него, и он уже не мог отличить землю от неба. Но теперь перед ним возникла Великая мать с венком из светлых лучей в волосах; она взяла его на руки и расцеловала, и Александр увидел на ее золотых одеждах красные отпечатки своих окровавленных ног, прикасавшихся к земле, что впитала кровь жертвы. Ноги были

---

[22] Сноски: 22
Великая мать богов, Кибела.

красными, как сапоги на раскрашенной статуе.

Александра завернули в плащ, и положили на толстый ковер хвои, и снова поцеловали, и мягко напомнили, что даже боги должны спать, пока они молоды. Он может остаться здесь, если будет послушным, и очень скоро все вернутся домой. Александру было тепло в темно-красном шерстяном коконе; пахло сосной. Тошнота и головокружение прошли, и факелы перестали вращаться перед глазами. Они уже догорали, но светили все еще ярко и дружелюбно. Выглядывая из складок плаща, мальчик видел, как женщины уходят к роще — рука об руку или сплетаясь в объятии. Спустя годы Александр пытался вспомнить, слышал ли он другие, более низкие голоса, отзывающиеся из чащи. Но воспоминания были обманчивы, и вызванные тени каждый раз говорили разными голосами. Во всяком случае, Александр не был испуган и не чувствовал себя одиноким; где-то рядом раздавались смех и перешептывания. Последнее, что он видел сквозь смыкающиеся ресницы, — яркое и веселое танцующее пламя.

Глава 2

Александру было семь лет: возраст, в котором мальчики уходят из-под опеки женщин. Пришло время сделать из него грека.

Царь Филипп снова вел войну на северо-востоке побережья Халкидики, укрепляя границы своих земель, что подразумевало их расширение. Его семейная жизнь не стала спокойнее. Иногда Филиппу казалось, что в браке он соединился не с женой, а с великим и опасным врагом, которого нельзя было вызвать на бой и чьи шпионы были повсюду. Из прелестной девушки Олимпиада выросла в женщину поразительной красоты, но страсть в Филиппе пробуждала не красота, а молодость — будь то молодость девушек или юношей. Сначала юноши удовлетворяли его желания, потом, по заведенному обычаю, он взял юную наложницу благородного происхождения, дав ей права младшей жены. Оскорбленная гордость Олимпиады сотрясала дворец, как подземная буря. Царицу видели ночью вблизи Эгии, пробиравшейся с факелом к царским усыпальницам. Существовал древний колдовской обычай: написать на дощечке проклятие и, зарыв

в землю, просить тени мертвых исполнить его. Говорили, что сын был вместе с царицей. Когда Филипп после этого встретился с ним, дымчато-серые глаза Александра, еще хранившие тени призраков, твердо выдержали взгляд отца. Уходя, мальчик чувствовал этот взгляд на своей спине.

С войной в Халкидике нельзя было тянуть, не следовало откладывать и заботы о воспитании сына. Не слишком рослый для своих лет, он был необычайно развит во всем остальном. Хелланика выучила Александра буквам и счету; музыкальный слух мальчика был непогрешим, а высокий голос верен. Солдаты из караульной и даже из казарм, к которым удирал Александр, научили его своему простонародному диалекту — и можно было только гадать, чему еще. И лучше вообще не думать, что Александр перенял от своей матери.

Отправляясь на войну, цари Македонии выработали привычку защищать свой тыл. На западе иллирийцы были усмирены еще в первые годы царствования Филиппа. В этот раз предстояло заняться востоком. И оставалась, наконец, вечная угроза племенных государств: домашние заговоры и междоусобицы. Если, перед тем как выступить в поход, Филипп заберет мальчи-

ка у Олимпиады и приставит к нему наставника из числа собственных людей, то все решится само собой. Филипп гордился своими дипломатическими способностями, он умел-таки обходить острые углы. Царь отложил решение проблемы до утра и, проснувшись, вспомнил о Леониде.

Это был дядя Олимпиады, но подлинный эллин, даже больше, чем сам Филипп. Влюбленным в идеальный образ Греции юношей он отправился на юг, в Афины. Там он приобрел безупречный аттический выговор, изучал риторику и композицию и имел возможность достаточно долго сравнивать учения различных философских школ, чтобы прийти к выводу: все они только и умеют, что оспаривать мудрость традиций и суждения здравого смысла. Он, что было естественно для человека его рождения, завел знакомства среди аристократов, наследственной олигархии, которые жили с оглядкой на добрые старые времена, порицали свою эпоху и, подобно своим предкам перед Великой войной[23], восхищались обычаями Спарты. В свое время и Леонид отправился ознакомиться с ними.

Привыкнув уже к изысканным развлечениям

[23] Сноски: 23

Великая война — имеется в виду Пелопоннесская война 431–401 гг. до н. э. Охватывала весь греческий мир.

Афин, драматическим действам, музыкальным состязаниям, посвященным богам шествиям, которые превращались в пышные представления, и к ужинам с их утонченными развлечениями, к начитанным острословам, помнящим множество стихотворных строк, Леонид нашел Лакедемон гнетуще провинциальным. Владыка Эпира, чувствующий глубинную связь с подвластной ему землей, он счел предосудительным расовое превосходство спартанцев над илотами, а грубое обращение спартанцев друг с другом и с ним самим неприятно поразило его. И здесь тоже, как и в Афинах, дни величия миновали. Подобно одряхлевшему псу, который, получив трепку от более молодой собаки, еще скалит зубы, но держится на почтительном расстоянии, Спарта уже не была прежней с тех пор, как фиванцы подошли к ее укреплениям. Меновая торговля отошла в прошлое; деньги проникли в страну. Здесь им служили так же, как и повсюду; богатые прибирали к своим рукам обширные земли, бедные больше не могли вносить свою долю в общие столы и скатывались до открытых приживалов, вместе с гордостью утратив и отвагу. Только в одном Леонид нашел спартанцев верными великому прошлому. Они по-преж-

нему в строжайшей дисциплине воспитывали мальчиков — храбрых, неизбалованных и почтительных, которые исполняли сказанное сразу же и без вопросов, вставали, когда входили старшие, и никогда не заговаривали первыми. «Аттическая культура и спартанское воспитание, — думал Леонид на пути домой. — Соедини их в податливом детском сознании — и получишь совершенного человека».

Леонид вернулся в Эпир; его влияние, обусловленное высоким положением, после путешествия только возросло. С его взглядами продолжали считаться даже после того, как они устарели. Царь Филипп, имевший агентов во всех греческих городах, тоже обладал обширными знаниями. Тем не менее после беседы с Леонидом его собственный греческий показался ему скорее беотийским. А вместе с аттической речью прижились и аттические афоризмы: «Ничего в избытке», «Хорошее начало — половина дела» и «Слава женщины в том, что о ней не говорят ни хорошо, ни дурно».

Компромисс казался идеальным. Семейству Олимпиады было оказано уважение. Леонид с его страстью к благопристойности не позволил бы царице выходить за пределы приличествующих

ей занятий и взял бы на себя обязанности хозяина дома. Олимпиада быстро обнаружила бы, что лезть не в свое дело при нем еще труднее, чем при Филиппе. При посредничестве своих друзей с юга Леонид мог бы нанять всех необходимых учителей, искать которых у самого царя не было времени, и притом удостовериться в их благонадежности и порядочности. Состоялся обмен письмами. Филипп отбыл успокоенный, распорядившись встретить Леонида со всей торжественностью.

В день ожидаемого прибытия Леонида Хелланика приготовила лучшую одежду Александра и прислала своего раба наполнить ванну. Пока она мыла царевича, вошла Клеопатра — приземистая толстушка, рыжеволосая, как мать Олимпиада, коренастая и крепкая, как Филипп. Она ела слишком много, чтобы скрасить свою печаль. Она знала, что мать любит Александра больше, чем ее, и любит иначе.

— Теперь ты ученик, — сказала Клеопатра. — Больше ты не сможешь заходить в женские покои.

Александр часто утешал сестру, развлекал или дарил разные вещицы. Когда Клеопатра начинала кичиться перед ним своей принадлеж-

ностью к женскому роду, он ее ненавидел.

— Я войду когда захочу. Кто, по-твоему, остановит меня?

— Твой учитель.

Клеопатра принялась распевать фразу на все лады, подпрыгивая на месте. Выскочив из ванны и забрызгав весь пол, Александр швырнул девочку в воду. Прямо в одежде Хелланика перекинула мокрого мальчишку через колено и отшлепала сандалией. Дразнившая брата Клеопатра была наказана следом и вытолкана за дверь.

Александр не плакал. Он хорошо знал, почему во дворце появился Леонид. Не было необходимости объяснять ему, что в случае неповиновения Александра этому человеку его мать потерпит поражение в собственной войне. А в следующий раз грянет сражение за него. Он весь был покрыт рубцами, там, глубоко внутри, — следами подобных битв. Когда угрожала очередная, шрамы ныли, как старые раны перед дождем.

Хелланика расчесала спутанные волосы Александра. Было больно, но он только сильнее стиснул зубы. Александр легко плакал, слушая старые военные песни, в которых названые братья умирали вместе под стихающую мелодию флейты. Он прорыдал полдня, когда его собака

заболела и умерла. Мальчик уже знал, что значит скорбеть о павших, он выплакал всю душу по Эгису. Но плакать из-за собственных ран значило лишиться покровительства Геракла. Это уже давно стало частью их тайного соглашения.

Вымытый, причесанный и разодетый, Александр был вызван в зал Персея. Олимпиада и гость сидели в почетных креслах. Мальчик ожидал встретить престарелого ученого. Но увидел щеголеватого мужчину лет сорока, с прямой осанкой и едва заметной сединой в черной бороде. Леонид осматривался, словно полководец, который, даже не занимаясь делами, ни на минуту не забывает о своей роли. Мальчик довольно много знал об уловках военачальников, главным образом от солдат. Друзья хранили его секреты, а он — их.

Леонид повел себя сердечно: расцеловал мальчика в обе щеки, положив крепкие ладони ему на плечи, и выразил уверенность, что царевич будет достоин своих предков. Александр вежливо поклонился; жизнь заставила его пойти на это, как солдата на параде. Леонид не надеялся на столь удачное начало. Мальчик, хотя и излишне красивый, выглядел здоровым и бодрым; несомненно, он будет хорошим учеником.

— Ты вырастила прекрасного ребенка, Олимпиада. Эти детские одежды очень милы. Вижу, ты хорошо заботилась о сыне. Теперь мы должны подыскать для него что-нибудь более подходящее его возрасту.

Александр взглянул на мать. Этот хитон из тонкой вычесанной шерсти она вышила для сына собственными руками. Выпрямившись в своем кресле, Олимпиада кивнула сыну и отвернулась.

Леонид отправился в приготовленные для него комнаты. На переговоры с учителями требовалось время. Известным педагогам пришлось бы оставить свои школы, у менее прославленных следовало проверить благонадежность. Его работа должна была начаться немедленно; Леонид видел, что время не ждет.

Дисциплина оказалась поверхностной. Мальчик поступал как ему хотелось; вставал с петухами или долго валялся в кровати, слонялся среди детей и взрослых мужчин. Хотя ребенка чрезвычайно избаловали, нельзя было не почувствовать в нем характера. Но речь его была ужасна. Не говоря уже о том, что он почти не знал греческого, где он выучился такому македонскому? Можно подумать, что он родился под стеной казармы.

Было ясно, что обычных часов обучения недо-

статочно. Жизнь царского сына следовало брать в руки от рассвета до заката.

Каждое утро перед восходом солнца Александр делал физические упражнения: два круга по беговой дорожке, прыжки, гири и метание копья. Когда наконец наступало время завтрака, еды никогда не бывало вдоволь. Если мальчик говорил, что он голоден, ему приказывали сказать об этом на правильном греческом, чтобы на правильном же греческом получить ответ, что скудные завтраки полезны.

Одежду Александра сменил домотканый хитон, грубый для кожи и лишенный украшений, — такие носили и царские сыновья в Спарте. Приближалась осень, погода становилась все холоднее и холоднее; мальчик закалился, обходясь без плаща. Чтобы согреться, он был вынужден постоянно двигаться и испытывал еще более сильный голод, но еды получал немногим больше.

Леонид видел, что Александр повинуется угрюмо, без жалоб, но с нескрываемым негодованием. Было слишком очевидно, что сам Леонид и его режим стали для мальчика ненавистным тяжелым испытанием, которое тот терпел ради матери, подавляя свою гордость. Леонид чувствовал себя неловко, но не мог разрушить выросшую стену.

Он был из тех людей, в которых однажды принятая роль отца начисто стирает все воспоминания детства. Его собственные сыновья могли бы сказать ему об этом, если бы они вообще что-либо говорили. Он честно исполнял свои обязанности по отношению к мальчику и считал, что никто не смог бы исполнить их лучше.

Начались уроки греческого. Вскоре выяснилось, что на самом деле Александр говорит достаточно бегло. Язык ему просто не нравился; сущий позор для сына, сказал ему ментор, отец которого знает греческий столь хорошо. Мальчик бойко отвечал на вопросы, вскоре выучился писать. Но не мог дождаться того момента, когда, покинув классную комнату, сможет перейти на свободный македонский и солдатский жаргон. Когда Александр понял, что придется говорить по-гречески целый день, он не хотел этому верить. Даже рабы могли пользоваться родным языком, разговаривая между собой.

Александр получал передышки. Олимпиада считала северное наречие наследством героев, а греческий — вырождающимся диалектом. Царица говорила на нем с греками, из снисходительности к низшим. У Леонида были общественные обязанности, и на время, когда педагог

был занят, пленник вырывался на свободу. Если, сбежав из тюрьмы, он успевал в казармы ко времени обеда, с ним всегда делились похлебкой.

Верховая езда радовала Александра, как и раньше, но вскоре он лишился своего излюбленного спутника, молодого воина из гетайров. И только потому, что привычно поцеловал юношу, когда тот помогал ему спешиться. Леонид наблюдал, стоя во дворе конюшни. Подчинившись приказанию отойти и видя, как его друг, вспыхнув, покраснел, мальчик решил, что настал предел. Александр вернулся назад и встал между учителем и гетайром:

— Я первый поцеловал его. И он никогда не пытался поиметь меня.

Александр воспользовался грубым казарменным выражением, потому что не знал другого. Леонид зловеще замолчал. Потом потащил воспитанника домой. В классной комнате, все так же не произнеся ни звука, Леонид выпорол Александра.

Своим сыновьям Леонид устраивал порки и похуже. Высокое положение Александра обязывало к другому обхождению. Но это было наказание для юноши, а не для ребенка. Леонид не признавался самому себе, что ожидал подобного случая,

чтобы посмотреть, как воспримет экзекуцию его питомец.

И не услышал ничего, кроме звука ударов. В конце порки он хотел перевернуть мальчика и заглянуть ему в лицо, но тот его опередил. Ожидавший либо спартанской стойкости, либо жалоб, Леонид наткнулся на взгляд сухих распахнутых глаз; бледно-серый ободок вокруг огромных черных зрачков, плотно сжатые побелевшие губы, раздувшиеся ноздри — клокочущая ярость, сдобренная молчанием, словно бушующее в сердцевине горна пламя. На мгновение Леонид почувствовал подлинную угрозу.

Когда-то он видел Олимпиаду ребенком. Но она взвивалась сразу же, выставив ногти; лицо ее няни было покрыто шрамами. Сдержанный гнев мальчика был иного рода. Леонид опасался, что ярость Александра может вырваться на свободу.

Леонид потянулся схватить Александра за шиворот и вытрясти из него это неприкрытое сопротивление. Но каким бы ограниченным человеком Леонид ни был, в нем жило чувство собственного достоинства. Кроме того, он был призван сюда для воспитания готового к битвам царя Македонии, а не укрощать раба. Мальчик,

по крайней мере, умел владеть собой.

— Молчание солдата. Мне приятен тот, кто способен выносить боль. Никаких занятий на сегодня.

И получил в ответ взгляд, в котором читалось невольное уважение к врагу. Когда мальчик выходил, Леонид увидел кровавые полосы на спине его домоткаиого хитона. В Спарте это было бы безделицей, и все же Леонид сожалел о своей жестокости.

Мальчик ничего не сказал матери, Олимпиада сама обнаружила рубцы. В комнате, которая была свидетельницей многих их тайн, царица со слезами обняла сына, и вскоре они плакали вместе. Александр перестал первым; подошел к очагу и, сдвинув камень, вытащил восковую куколку, которую уже видел в тайнике. Он хотел, чтобы мать заколдовала Леонида. Олимпиада быстро выхватила фигурку из рук сына. Он не должен до нее дотрагиваться, и, кроме того, фигурки вовсе не для этого. Фаллос куколки был пронзен длинным шипом, но на Филиппа колдовство не действовало, несмотря на многократные попытки царицы навести на него порчу. Олимпиада не подозревала, что сын частенько наблюдал за ней.

Обретенное в слезах утешение оказалось для Александра всего лишь мигом обмана. Встретившись в саду с Гераклом, он почувствовал себя предателем. Александр плакал не от боли, он скорбел по своему утраченному счастью. Но сумел бы сдержаться, если бы не мать. В следующий раз она ничего не узнает.

Однако и Олимпиада решила бросить вызов. Она никак не могла примириться со спартанской одеждой на сыне; она любила его наряжать. Выросшая в доме, где благородные женщины сидели в зале, как царицы у Гомера, и слушали песни рапсодов о предках-героях, царица презирала спартанцев, нацию тупой безликой пехоты и немытых женщин — грубых, как солдафоны, плодовитых, как свиньи. То, что ее сына превращают в подобие этих серых плебеев, привело ее в ярость. Негодуя на само предположение, Олимпиада подарила сыну новый хитон, вышитый синим и алым. Заявив, что выглядеть подобно благородному человеку, когда дяди нет поблизости, совсем не вредно, она сунула подарок в ларь для одежды в комнате Александра. Позднее к хитону добавились коринфские сандалии, хламида из милетской шерсти и золотая наплечная застежка.

Красивая одежда помогла Александру прийти в себя. Сначала он носил ее осторожно, но потом, чувствуя безнаказанность, стал беспечнее. Леонид, зная, чья тут вина, не сказал ничего. Он просто подошел к сундуку и забрал новую одежду вместе с лишним одеялом, спрятанным там же. Злодей прогневал богов, думал Александр, теперь ему конец. Но мать только печально улыбнулась и спросила, как же он мог попасться. Леониду следовало подчиняться; он мог оскорбиться и уехать домой. «И тогда, моя радость, начнутся наши подлинные несчастья».

Игрушки игрушками, власть властью. Ничто не делалось просто так. Олимпиада тайком осыпала его дорогими подарками. Мальчик стал хитрее, но и Леонид — бдительнее; время от времени он производил обыск ларей как нечто само собой разумеющееся.

Александру дозволялось принимать подарки, приличествующие мужчине. Друг сделал для него колчан, точную уменьшенную копию с ремнем через плечо. Александру показалось, что колчан висит слишком низко, и он уселся во дворе, чтобы передвинуть пряжку. Язычок был неудобным, кожа жесткой. Он уже собирался вернуться во дворец и поискать шило, но вдруг

свет ему заслонил незаметно подошедший мальчик постарше. Он был красивым и крепким, с темно-серыми глазами и светлыми волосами, отливающими бронзой. Протянув руку, незнакомец сказал:

— Позволь, я попробую.

Он говорил уверенно, на греческом, который был выучен явно не в классе.

— Он новый, поэтому жесткий. — Александр, отработавший дневную норму греческого, ответил по-македонски.

Незнакомец присел на корточки рядом с ним:

— Совсем как настоящий, как у взрослых. Его сделал твой отец?

— Конечно нет. Дорей-критянин. Он не может сделать мне критский лук — они из рога, только мужчины могут их согнуть. Лук мне сделает Корраг.

— Зачем ты расстегиваешь пряжку?

— Ремень слишком длинный, — пояснил Александр.

— А по-моему, как раз. Хотя ты меньше. Давай я сделаю.

— Я прикидывал. Нужно укоротить на две дырки.

— Ты сможешь увеличить его, когда подрас-

тешь. Кожа твердая, но я смогу помочь. Мой отец сейчас у царя.

— Зачем он там? — спросил Александр.

— Не знаю, он велел мне ждать здесь.

— Он заставляет тебя говорить по-гречески целый день?

— Мы все дома говорим по-гречески, — ответил мальчик. — Мой отец — гость и друг царя. Когда я стану старше, мне придется быть при дворе.

— А ты не хочешь?

— Не очень, мне нравится дома. Посмотри вон на тот холм, не первый, а следующий, — сказал мальчик, — все это наша земля. Ты вообще не говоришь по-гречески?

— Говорю, если хочу. И перестаю, когда надоедает.

— Ну, ты говоришь почти так же хорошо, как я. Зачем тогда говорить на македонском? Люди подумают, что ты деревенщина.

— Мой наставник заставляет меня носить эту одежду, чтобы я был похож на спартанца, — объяснил Александр. — У меня есть хорошее платье; я надеваю его только по праздникам.

— В Спарте всех мальчиков бьют.

— О да, он однажды и мне пустил кровь. Но я не плакал.

— У наставника нет права бить тебя, он должен только рассказать все твоему отцу. Во сколько он вам обошелся?

— Он дядя моей матери, — сказал Александр.

— Гм, понимаю. Мой отец купил педагога специально для меня.

— Когда тебя бьют, ты учишься терпеть боль. Это пригодится на войне.

— На войне? — изумился мальчик. — Но тебе всего шесть лет.

— А вот и нет! Мне будет восемь в следующем месяце Льва.

— И мне тоже. Но тебе не дашь больше шести.

— Ох, дай я сам сделаю, ты слишком копаешься!

Александр дернул за перевязь. Ремень скользнул обратно в пряжку.

— Дурак, я почти что сделал, — рассердился незнакомец.

Александр грубо выругался по-македонски. Мальчик застыл от изумления и весь обратился в слух. Александр, в запасе которого было предостаточно подобных выражений, почувствовал, какое вызывает почтение, и не умолкал. Дети сидели на корточках, и забытый колчан лежал между ними.

— Гефестион! — донесся громовой крик от колонн портика.

Мальчики отпрыгнули в стороны, как дерущиеся собаки, на которых вылили ведро воды.

Когда прием у царя закончился, благородный Аминтор с огорчением заметил, что его сын покинул портик, где ему велено было оставаться, вторгся на площадку царевича и отобрал у того игрушку. В этом возрасте с мальчишек ни на секунду нельзя спускать глаз. Аминтор упрекал себя за тщеславие; ему нравилось всюду показывать сына, но брать его сюда было глупо. Злясь на себя, он зашагал к мальчикам, ухватил сына за шиворот и отвесил ему оплеуху.

Александр уже забыл, из-за чего вышла ссора.

— Не бей его! — крикнул он. — Меня никто не обижал. Он подошел, чтобы помочь.

— Очень великодушно с твоей стороны, Александр, заступиться за него. Но он ослушался.

Мальчики обменялись быстрыми взглядами, смущенные изменчивостью человеческой судьбы. Преступника поволокли прочь.

Прошло шесть лет, прежде чем они встретились снова.

— Александру не хватает прилежания и дисциплинированности, — сказал Тимант-грамматик.

Большинство набранных Леонидом учителей считали попойки в зале слишком утомительным делом и с отговорками, забавлявшими македонцев, спасались в своих комнатах, там они спали или беседовали друг с другом.

— Может быть, — кивнул учитель музыки Эпикрат. — Но лошадь оценивают не по тому, как она ходит под уздой.

— Мальчик занимается, только когда хочет, — поддержал разговор математик Навкл. — Поначалу ему все было мало. Он может вычислить высоту дворца по его полуденной тени, и, если спросить его, сколько человек в пятнадцати фалангах, он даст ответ залпом. Но мне так и не удалось увлечь его красотой чисел. А тебе, Эпикрат?

Музыкант, худой смуглый эфесский грек, с улыбкой покачал головой:

— Твои числа служат пользе, а мои — чувству[24]. Как мы знаем, музыка нравственна; моя задача — воспитать царя, а не музыканта-виртуоза.

— Со мной он дальше не продвинется, — мрачно предрек математик. — Я сказал бы, что сам

---

[24] Сноски: 24

Числа и их соотношения играли важную роль в теории античной музыки.

не знаю, зачем я здесь нужен, но кто мне поверит.

Взрыв хохота, сдобренного непристойностями, донесся из зала. Там какой-то местный талант в меру сил улучшал традиционную застольную песню. На седьмой раз гуляки загорланили хором.

— Да, нам хорошо платят, — сказал Эпикрат. — Но столько же я мог бы заработать в Эфесе как педагог или как музыкант. Здесь я — маг, фокусник. Я вызываю грезы. Я приехал не для того, и все же мне это любопытно. Тебя это никогда не занимало, Тимант?

Тимант фыркнул. Он находил сочинения Эпикрата слишком новомодными и чересчур эмоциональными. Афинянин Тимант превосходил всех остальных чистотой своего стиля; фактически он был учителем Леонида. Чтобы приехать в Пеллу, Тимант закрыл свою школу, посчитав работу в ней обременительной для своего возраста и радуясь возможности обеспечить себе остаток дней. Он прочитал все, достойное прочтения, и когда-то в молодости понимал, о чем пытаются сказать поэты.

— Мне представляется, — сказал Тимант, — что здесь, в Македонии, устали от страстей. В дни

моего ученичества много говорили о культуре Архелая. Кажется, вместе с непрерывными войнами, начавшимися после, хаос вернулся. Не скажу, что двор здесь вовсе лишен утонченности, но в целом мы среди дикарей. Вы знаете, что юноши в этой стране считаются взрослыми, когда убьют вепря и человека? Похоже, что мы перенеслись в древнюю Трою.

— Это облегчит твою задачу, — заметил Эпикрат, — когда ты дойдешь до Гомера.

— Система и прилежание — вот что требуется для изучения великих поэм. У мальчика хорошая память, когда он дает себе труд ее напрячь. Сперва Александр довольно успешно учил списки. Но он не может подчинить свой ум системе. Объясняешь конструкцию, приводишь соответствующий пример. Но думать о грамматике? Нет. Всегда «Почему они приковали Прометея к скале?» или «Кого оплакивала Гекуба?».

— Ты ему рассказал? Царям следует научиться жалеть Гекубу.

— Царям следует научиться владеть собой. Сегодня утром он прервал урок, потому что — единственно из-за удачного синтаксического построения — я привел несколько строк из «Семерых против Фив». А кто были эти семеро?

Извольте рассказать. Кто вел конницу, фалангу, легковооруженных стрелков? Это не цель разбора, сказал я, сосредоточьтесь на синтаксисе. Он нахально ответил мне на македонском. Я был вынужден отстегать его линейкой по ладоням.

Пение в зале прервалось. Раздалась пьяная брань. Потом звон разбиваемой посуды. Загрохотал голос царя, шум стих, певцы завели новую песню.

— Дисциплина, — многозначительно сказал Тимант. — Умеренность, самообладание, уважение к закону. Если мы не заложим в нем эти основы, кто сделает это? Его мать?

Повисла пауза, во время которой Навкл, в комнате которого происходила беседа, нервно открыл дверь и выглянул наружу. Эпикрат сказал:

— Если ты хочешь соревноваться с ней, Тимант, ты бы лучше подсластил пилюлю, как я.

— Наш ученик должен сделать усилие и сосредоточиться. Это корень всякого образования.

— Не знаю, о чем вы все толкуете, — перебил Тимант Деркил, атлет из гимнасия.

Все думали, что он заснул, склонившись на кровать Навкла. Деркил полагал, что усилие следует чередовать с отдыхом. Он был на середине четвертого десятка, его овальная голова и короткие

кудри приводили в восторг скульпторов. Свое прекрасное тело Деркил усердно тренировал. Он говорил, что делает это, чтобы подать хороший пример своим ученикам. Но завистливые коллеги полагали, что причиной всему — тщеславие. Деркил гордился полученными лавровыми венками и не стремился показать себя умником.

— Мы бы хотели, — покровительственно заметил Тимант, — чтобы мальчик прилагал больше усилий.

— Я слышал. — Атлет приподнялся на локте; в этой позе он выглядел подчеркнуто величественно. — Вы сказали такое, что может накликать беду. Сплюньте.

Грамматик пожал плечами. Навкл язвительно поинтересовался:

— Не скажешь ли нам, Деркил, зачем ты остаешься?

— Сдается, у меня самая веская причина: уберечь моего ученика, если смогу, от преждевременной смерти. У него нет ограничителя. Наверное, вы заметили?

— Боюсь, — улыбнулся Тимант, — что термины палестры[25] для меня тайна за семью печатями.

---

[25] Сноски: 25
Палестра — место для спортивных упражнений.

— Я замечал, — сказал Эпикрат, — если ты имеешь в виду то же, что и я, Деркил.

— Я не знаю ваших жизней, — продолжил Деркил. — Но если кто-нибудь из вас видел кровь в сражении или был до потери памяти напуган, вы вспомните, как появлялась у вас сила, о которой вы никогда и не подозревали. Упражняясь, да даже и на состязании, вы не смогли бы ее проявить. Она словно под запором, будто заперла ее природа или мудрые боги. Это запас на последний случай.

— Я помню, — сказал наконец Навкл, — во время землетрясения, когда дом обрушился и завалил нашу мать, я поднимал балки. А позже я не мог даже сдвинуть их с места.

— Природа достала из тебя эту мощь. Рождается мало людей, способных сделать это по собственной воле. Этот мальчик будет одним из них.

— Да, вполне возможно, что ты прав, — кивнул Эпикрат.

— И еще я думаю, что жизнь таких людей коротка. Я должен за ним присматривать. Однажды Александр сказал мне, что Ахилл выбирал между славой и долгой жизнью.

— Что? — поразился Тимант. — Но мы едва только начали изучать «у».

Деркил посмотрел на него с изумлением, потом мягко сказал:

— Ты забываешь, из какого рода его мать.

Тимант прикусил язык и пожелал всем доброй ночи. Навкл заерзал, ему тоже хотелось лечь. Музыкант и атлет попрощались и неторопливо отправились к себе через парк.

— Бесполезно говорить с Леонидом, — сказал Деркил. — Но я сомневаюсь, что мальчик получает достаточно еды.

— Ты, должно быть, шутишь.

— Это все режим тупоголового старого осла Леонида, — продолжал Деркил. — Я каждый месяц измеряю рост мальчика, он растет недостаточно быстро. Конечно, не скажешь, что он истощен, но он расходует много сил и вполне мог бы съедать еще столько же. Его ум быстро развивается, и тело должно поспевать за ним, мальчишке это нужно. Ты знаешь, что он может попасть дротиком в цель на бегу?

— Ты позволяешь ему упражняться с заточенным оружием? — изумился Эпикрат. — В его возрасте?

— Взрослые могли бы поучиться у него аккуратности. С оружием под рукой ему спокойнее. Хотел бы я знать, что его так ожесточает?

Эпикрат оглянулся. Они были на открытом пространстве, никого поблизости.

— Его мать нажила себе довольно много врагов, — сказал Эпикрат. — Она чужеземка из Эпира, здесь ее считают колдуньей. До тебя никогда не доходили слухи о его рождении?

— Кое-что припоминаю. Но кто осмелился бы заикнуться об этом ему?

— Мне кажется, мальчик считает, что на него наложено бремя испытаний… Он наслаждается музыкой, находя в ней успокоение. Я немного изучал этот вид искусства.

— Мне нужно снова поговорить с Леонидом о его питании, — нахмурился Деркил. — В прошлый раз я сказал, что в Спарте мальчишек кормят скудно и раз в день, но они добывают остальное сами. Иногда я сам его подкармливаю, не проговорись об этом. Я поступал так и в Аргосе, подкармливал самого славного парня из бедного дома… Эти сказки о его матери — ты им веришь?

— Нет, и не без основания. У него способности Филиппа, хоть сын и не похож на него лицом и душой. Нет-нет, я не верю… — сказал Эпикрат. — Тебе известна эта старая песня об Орфее, как он играл на своей лире на горном склоне

и заметил, что по пятам крадется заслушавшийся лев? Я не Орфей, я знаю, но иногда вижу глаза льва. Куда он пошел потом, наслушавшись музыки, что с ним сталось? В песне об этом ни слова.

— Сегодня, — сказал Тимант, — ты занимался прилежнее. К следующему уроку выучи наизусть восемь строк. Вот они. Перепиши их на воск, на правую сторону диптиха. На левую выпишешь архаические словоформы. Будь внимателен, я спрошу их первыми.

Тимант передал Александру дощечку и забрал свиток. Негнущиеся руки учителя с проступающими венами дрожали, когда он прятал свое сокровище в кожаный футляр.

— Это все. Можешь идти.

— Вы не могли бы одолжить мне книгу?

Тимант поднял глаза, изумленный и оскорбленный.

— Книгу? Разумеется, нет, это очень ценный список, вычитанный и исправленный. Что ты станешь делать с книгой?

— Я хочу посмотреть, что случится дальше. Я буду хранить ее в моем ларце и мыть руки каждый раз перед тем, как ее взять.

— Всем нам, без сомнения, хотелось бы начать бегать до того, как сможем ходить. Выучи этот

отрывок и обрати особое внимание на ионические формы. Твой акцент все еще слишком отдает дорийским. Это, Александр, не развлечение за ужином. Это Гомер. Овладей его языком, тогда можешь завести речь о чтении. — Тимант завязал шнурки футляра.

Это были строки, в которых мстительный Аполлон спускается с Олимпа и стрелы бряцают в колчане у него за спиной. Прорабатывая текст в классной, мальчик заучивал его по частям, точно какую-то опись, составляемую рабами на кухне. И только когда он оставался один, куски соединялись в целое: величественную картину кромешного мрака, наполненного звоном и прорезаемого светом погребальных огней. Александр знал Олимп. Он воображал черный свет затмения, всепоглощающую тьму, и окружал ее тусклым ободом огня, таким, какой, по рассказам, был у спрятанного солнца, способного ослеплять людей. *«Он шествовал, ночи подобный»*[26].

Александр гулял в роще над Пеллой, слыша низкое дрожащее пение тетивы лука, свист стрел, и перелагал стихи на македонский. На следующий день это обнаружилось в его ответе,

---

[26] Сноски: 26

Гомер. Илиада. Песнь 1, ст. 47. *(Здесь и далее перевод Н. И. Гнедича.)*

когда он рассказывал урок. Тимант выговорил ему за леность, невнимание и недостаток интереса к работе и сразу же усадил переписывать отрывок двадцать раз… с ошибками, которые умножались и умножались.

Александр уткнулся в свою восковую дощечку, видение поблекло и рассеялось. Грамматик, которого что-то побудило поднять голову, встретился с взглядом серых глаз, изучающих его холодно, отстраненно, пристально.

— Не отвлекайся, Александр. О чем ты думаешь?

— Ни о чем.

Александр снова согнулся, со стилем в руке. Снова и снова обдумывал он способы убить Тиманта. По-видимому, это невозможно. Было бы бесчестно просить об этом друзей. Они подверглись бы наказанию и терзались бы позором, подняв руку на старика. И сколько беспокойства для матери…

На следующий день Александр исчез. Уже вечером, после того как на поиски выслали охотников с собаками, его привез на своем тощем старом осле дровосек — мальчик был весь в черных синяках, кровоточащих ссадинах, полученных при падении с каких-то утесов, и с распухшей

ногой, на которую он не мог ступить. Мальчишка пытался, сказал дровосек, ползти на четвереньках; ночью в лесу полно волков, и это не лучшее место для молодого господина.

Александр открыл рот только для того, чтобы поблагодарить дровосека. Он потребовал, чтобы этого человека накормили и дали нового осла, обещанного сыном царя по дороге. Распорядившись таким образом, он замолчал. Лекарь насилу мог добиться «да» и «нет» на свои вопросы; да еще мальчик морщился, когда трогали ногу. Наложили компресс и лубок. Мать подошла к его постели. Александр отвернулся.

Олимпиада подавила досаду: не на ребенка должна она сердиться. Царица принесла ужин и лакомства, запрещенные Леонидом. Она прижала мальчика к груди и поила его сладким подогретым вином с пряностями. Когда Александр, как умел, рассказал матери о всех своих бедах, она поцеловала его, покрепче закутала и отправилась на поиски Леонида. Со все возрастающим гневом.

Дворец содрогался от бури, подобной битве богов над троянской равниной. Но хитроумное оружие, надежно служившее Олимпиаде в сражениях с Филиппом, здесь не принесло победы.

Леонид был вежлив, аттически вежлив. Он согласился уехать и предложил объяснить отцу мальчика, по какой причине. Когда Олимпиада вышла из его покоев — она была слишком раздражена, чтобы послать за ним и дожидаться его прихода у себя, — все, кто попадался ей на пути, прятались; но на самом деле царица просто плакала.

Дожидавшийся ее старый Лисимах, мимо которого Олимпиада пронеслась, ничего не замечая, поздоровался с царицей. Не с большим трепетом, как если бы она была женой крестьянина в его родной Акарнании, он спросил:

— Как мальчик?

Никто не обращал внимания на Лисимаха. Он всегда был поблизости, гость во дворце еще со времен первых лет правления Филиппа. Лисимах приходил на помощь, когда требовалась поддержка, был приятным собеседником за ужином и в награду за преданность получил руку богатой наследницы, состоявшей под царской опекой. В поместье, принесенном женой, Лисимах занимался земледелием и охотился. Но боги отказали ему в детях: не только от жены, но и от всех женщин, с которыми он когда-либо ложился. Любой мужчина, пожелавший его

оскорбить, не преминул бы напомнить об этом, и Лисимах полагал, что высокомерие ему мало приличествует, поэтому проявлял скромность. Единственной привилегией Лисимаха был доступ к царской библиотеке. Филипп расширил прекрасное собрание Архелая и мало кому позволял пользоваться им. Из глубин читальни часто слышался голос Лисимаха, бормочущего над свитками. Он перебирал слова, пробовал каденции, но из этого так ничего и не вышло — ни трактата, ни хроники, ни трагедии. Его ум, казалось, был так же бесплоден, как и его чресла.

При виде его честного грубоватого лица, выцветших голубых глаз, седеющих светлых волос Олимпиада ощутила уют и покой. Она пригласила Лисимаха в свои покои. Сразу же опустившись в предложенное кресло, Лисимах спокойно слушал жалобы мечущейся по комнате царицы и присовокуплял какое-нибудь безобидное замечание всякий раз, когда та останавливалась, чтобы перевести дыхание; наконец Олимпиада выговорилась и замолчала.

Тогда Лисимах сказал:

— Дорогая госпожа, теперь, когда мальчик слишком вырос, чтобы оставаться на попечении няни, не хотите ли вы подобрать ему хорошего

педагога?

Она обернулась так резко, что ее украшения зазвенели.

— Никогда! Я не соглашусь, и царь это знает. Кого они хотят сделать из него — слугу, торговца, управляющего? Он чувствует, кто он такой. Целыми днями эти низкорожденные педанты трудятся над тем, чтобы сломить дух моего сына. С той минуты, когда Александр встает, и до той, когда ложится, у него едва ли находится час, чтобы вздохнуть спокойно. И ты хочешь, чтобы я превратила его в жалкое подобие пойманного вора, порученного попечению раба? Пусть никто не смеет заговаривать об этом в моем присутствии. И если царь послал тебя с такими намеками, передай ему, Лисимах, что, прежде чем моему сыну придется испытать этот позор, я пролью кровь, да, клянусь Гекатой Тривией[27], пролью кровь!

Лисимах выждал, пока царица успокоится настолько, чтобы услышать его, и сказал:

— Мне тоже было бы печально смотреть

---

[27] Сноски: 27

Геката — в греческой мифологии богиня мрака, ночных видений и чародейства; получив от Зевса в удел власть над землей и морем, входила в число богов, помогающих людям в повседневных трудах. Иногда изображалась трехликой. Римляне отождествляли Гекату со своей «богиней трех дорог» Тривией.

на такое. Уж скорее я сам стану для Александра наставником. На самом деле, госпожа, я и пришел, чтобы просить об этом.

Олимпиада опустилась на свое высокое кресло. Лисимах терпеливо ждал, зная, что сейчас, пока длится пауза, она раздумывает не о том, почему рожденный благородным берется за рабскую работу, а о том, справится ли он с нею. Наконец Лисимах сказал:

— Мне часто казалось, что в Александре возродился Ахилл. Значит, ему нужен Феникс[28]... «Думая так, что, как боги уже не судили мне сына, сыном тебя, Ахиллес, подобный богам, нареку я; ты, помышлял я, избавишь меня от беды недостойной»[29]. Он это сделал? Когда Феникс произносит эти слова, Ахилл уже вырван из убежища во Фтии и привезен под Трою. И то, о чем просил старец, Ахиллес ему так и не дал. А если бы дал, это избавило бы его от печали. Может быть, тень его вспомнила об этом. Как мы знаем, прах Ахилла и Патрокла был смешан в одной урне, и даже бог не смог бы отделить один от дру-

---

[28] Сноски: 28

Феникс — старец, учитель Ахилла, принимавший вместе с ним участие в Троянской войне.

[29] Сноски: 29

Гомер. Илиада. Песнь 9, ст. 493–495.

гого. Герой вернулся, соединив ярость и гордость Ахилла с тонкими чувствами Патрокла. Каждый из них страдал по-своему; этот мальчик будет страдать за двоих.

— Есть кое-что еще, — заметила Олимпиада, — и люди это увидят.

— Так далеко я не загадываю. Позволь мне попытаться. Если мальчику будет тяжело, я не стану его принуждать.

Олимпиада встала и прошлась по комнате.

— Да, попытайся. Если ты встанешь между ним и этими дураками, я буду твоей должницей.

Александр был в лихорадке всю ночь и проспал большую часть следующего дня. Лисимах, заглянув к нему наутро, увидел, что мальчик сидит на окне, свесив наружу здоровую ногу; своим высоким чистым голосом он переговаривался с двумя гетайрами из конницы, прибывшими из Фракии с поручением к царю. Александр жаждал новостей о войне. Новости он узнал. Александр захотел кататься и предложил всадникам поймать его, когда он выпрыгнет из окна. Со смехом простившись, гетайры отказались и поскакали прочь. Когда мальчик, вздохнув, отвернулся от окна, Лисимах отнес его обратно в постель.

Александр без ропота подчинился, он знал Лисимаха всю свою жизнь. Едва лишь выучившись ходить, он уже сидел у старика на коленях и слушал его рассказы. Тимант в разговоре с Леонидом сказал, что Лисимах — не настоящий ученый, а кое-как натасканный школяр. Мальчик был рад повидать его и поведать, слегка прихвастнув, о своих приключениях в лесу.

— Ты сейчас можешь ступить на ногу?

— Нет, я прыгаю. — Александр с досадой нахмурился: нога болела.

Лисимах подложил под ногу мальчика подушку:

— Слабое место Ахилла. Береги ногу. Мать держала Ахилла за пятку, когда опускала ребенка в Стикс, и забыла смочить ее после.

— В этой книге описано, как умер Ахилл?

— Нет. Но он знал, что умрет.

— И небожители не предостерегли его?

— Ахилла предупреждали, что его смерть последует за смертью Гектора, но все же он убил троянца. Он мстил за Патрокла, своего друга, убитого Гектором.

Мальчик погрузился в глубокую задумчивость.

— Патрокл был его самым лучшим другом?

— Да, еще с тех пор, как они были детьми и рос-

ли вместе.

— Почему же тогда Ахилл не спас его?

— Он увел своих воинов с поля битвы, потому что верховный царь оскорбил его. Грекам становилось все тяжелее без него; так и было предсказано. Но Патрокл, у которого было доброе сердце, пришел к Ахиллу, чтобы смягчить его гнев, потому что не мог видеть страданий своих товарищей. «Одолжи мне свои доспехи, — попросил он, — позволь мне появиться на поле боя. Троянцы подумают, что ты вернулся; этого будет достаточно, чтобы их устрашить». И Ахилл согласился, и Патрокл совершил великие подвиги, но…

Лисимах остановился, поймав возмущенный взгляд мальчика.

— Он не должен был этого делать! Он был командующим! И он послал друга на гибель, вместо того чтобы идти самому! Это его вина, что Патрокл умер.

— Ну да, Ахилл знал это. Он принес друга в жертву своей гордыне. И пророчество о его смерти сбылось.

— Как царь оскорбил его? С чего все началось?

Лисимах уселся на обтянутую крашеной овчиной скамью рядом с кроватью.

История разворачивалась, и Александр, к своему удивлению, обнаруживал, что все это в любой день могло бы случиться в Македонии. Легкомысленный младший сын, похитивший жену своего могущественного гостеприимца, привез ее и вместе с ней раздор во владения своего отца — старые дома Македонии и Эпира насчитывали десятки таких историй. Верховный царь созывал свои войска и войска подвластных ему правителей. Царь Пелей, уже слишком дряхлый, чтобы сражаться самому, послал сына, Ахилла, рожденного от царицы-богини. Явившись шестнадцатилетним на равнину Трои, Ахилл уже был лучшим из воинов.

Сама война походила на какую-то междоусобицу горных племен: воины криками вызывали друг друга на единоборство, не спрашивая позволения; пехота, разношерстный сброд, грызлась между собою за спиной хозяев. Александр слышал о дюжине подобных войн, сохранившихся в памяти людей. Войны разгорались из старой вражды, вспыхивали из-за пролитой в пьяной ссоре крови, передвинутого межевого камня, невыплаченного приданого, насмешек над рогоносцем на пиру.

Лисимах пересказывал гомеровский эпос так,

как представлял его себе в дни своей юности. Он прочел рассуждения Анаксагора, изречения Гераклита, историю Фукидида, философские сочинения Платона, драмы Еврипида, полные вымысла трагедии Агафона; но Гомер вернул его в детство, в те дни, когда он сидел на колене у отца и слушал рапсода, глядя на своих статных братьев, расхаживавших под бряцание висевших на бедре мечей, как ходят мужчины на улицах Пеллы до сих пор.

Александр, который сперва плохо понимал Ахилла, поднявшего весь этот шум из-за какой-то девчонки, узнал, что она была наградой за доблесть, и эту награду царь отобрал, чтобы унизить героя. Теперь он хорошо понимал, почему гневался Ахилл. Он представлял Агамемнона коренастым человеком с пышной черной бородой.

И вот Ахилл сидел в своем походном шатре, добровольно пренебрегая славой, играя на лире для Патрокла — единственного, кто его понял, — когда к нему пришли послы царя. Греки были в отчаянии; царю пришлось пойти на унижение. Ахилл получил бы назад свою пленницу. Он также мог жениться на дочери самого Агамемнона, взяв огромное приданое — города, земли.

По желанию Ахилл мог бы взять одно приданое, отказавшись от супруги.

Как зрители в переломный момент трагедии, пусть им известен ее конец, мальчик хотел, чтобы теперь все пошло хорошо: Ахилл смягчился бы, и они с Патроклом бок о бок вышли бы на битву, счастливые и покрытые славой. Но Ахилл не склонил свой слух к мольбе. Они просят слишком многого, сказал Ахилл.

> *Матерь моя среброногая, мне возвестила Фетида:*
>
> *Жребий двоякий меня ведет к гробовому пределу:*
>
> *Если останусь я здесь, перед градом троянским сражаться, –*
>
> *Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет.*
>
> *Если же в дом возвращусь я, в любезную землю родную,*
>
> *Слава моя погибнет, но будет мой век долголетен*
>
> *И меня не безвременно Смерть роковая постигнет*[30].

---

[30] Сноски: 30
Гомер. Илиада. Песнь 9, ст. 410–416.

Теперь, когда нет ему прежнего почета, он выберет второй жребий и завтра же отплывет в отчизну.

Третий посол до сих пор молчал. Теперь он выступил вперед: старый Феникс, у которого Ахилл ребенком сидел на коленях. Царь Пелей принял Феникса после того, как его собственный отец проклял его и выгнал из дому. Феникс был счастлив при дворе Пелея, но проклятие отца сбылось, и он навсегда остался бездетным. Ахилл был сыном, которого он выбрал для себя сам, чтобы когда-нибудь тот избавил его от невзгод. Теперь, если Ахилл решит отплыть, Феникс последует за ним и никогда его не покинет, даже в обмен на возвращенную молодость. Но он заклинает Ахилла внять молящим и вывести греков на битву.

Дальше следовали нравоучительные примеры; Александр, внимание которого рассеялось, погрузился в себя. Не терпя отлагательств, он хотел немедленно даровать Лисимаху что-нибудь особенно желанное. Ему показалось, что это в его власти.

— Я бы сказал «да», если бы это ты просил меня. — Не замечая боли в растянутой ноге, Александр рванулся вперед и обхватил Лисимаха

за шею.

Лисимах обнял его, плача. Мальчик не противился: Геракл допускает такие слезы. Как хорошо иметь то, что может доставить радость другому! Александр ни в чем не солгал: он действительно любил Лисимаха и, как сын, готов был отвести от него беду. Если бы Лисимах пришел к нему, как Феникс к Ахиллу, Александр выполнил бы его просьбу: вывел бы греков сражаться, выбрав первый жребий — никогда не увидеть больше дорогое отечество, не дожить до старости. Все это было правдой, принесшей обоим счастье. И зачем тогда уточнять, что, дав согласие, Александр сделал бы это не ради Феникса?

Он совершил бы это во имя непреходящей славы.

Огромный город Олинф на северо-восточном побережье покорился Филиппу: сначала его золоту, потом — солдатам.

Жители Олинфа косо смотрели на растущую мощь царя. В течение многих лет горожане укрывали двух его сводных братьев, бастардов, претендовавших на трон; олинфяне стравливали Филиппа и афинян всякий раз, когда им это было на руку, и потом заключали союз с Афинами.

Сперва Филипп позаботился о том, чтобы

подкупленные им горожане разбогатели и их богатство было на виду. Его влияние усиливалось. На юге Эвбеи он подстрекал бунты, чтобы отвлечь афинян, и тем временем сам продолжал вести переговоры с Олинфом, выторговывая условия мирного договора и исподволь распространяя свое влияние.

Проделав все это, Филипп послал ультиматум. Горожане должны будут принять сторону либо царя, либо его братьев. Если Олинф покорится, родственники Филиппа смогут уйти с охранной грамотой; без сомнения, их союзники-афиняне позаботятся о них.

Вопреки предположениям Филиппа, Собрание проголосовало за то, чтобы держаться до конца. Сопротивление Олинфа дорого обошлось Филиппу. Его люди ухитрились проиграть пару сражений, прежде чем ему открыли ворота.

Филипп рассудил, что это наиболее подходящий случай дать урок всем, кто осмелится перечить ему. Пусть Олинф станет примером. Бунтовщики-братья умерли на копьях гетайров. Вскоре через Грецию потянулись вереницы закованных в цепи рабов, отданных торговцам-посредникам или героям, которых следовало вознаградить за заслуги. Города, которые с незапамятных вре-

мен привыкли видеть, как фракийцы, эфиопы или широкоскулые скифы выполняют всю тяжелую работу, с возмущением смотрели на греков, тащившихся с ношей под ударами бича, и на греческих девушек, продаваемых в публичные дома на открытых рынках. Голос Демосфена призывал всех, кому дорога честь, сплотиться перед нашествием варвара.

Македонские мальчики видели эти унылые конвои, видели вопящих детей, которые волочились в пыли, цепляясь за материнский подол. Так выглядит поражение, говорили эти вопли, отдающиеся в тысячелетиях; избегайте его.

У подножия горы Олимп на берегу моря стоял город Дион, священная скамья для ног Зевса Олимпийского. Здесь, в благословенном месяце бога, Филипп устроил посвященные победе празднества, превосходящие роскошью торжества Архелая. Знаменитые гости прибыли на север со всей Эллады: кифареды и флейтисты, рапсоды и актеры, соревнующиеся за золотые венки, пурпурные одежды и сумки с серебром.

Для сцены готовились «Вакханки» Еврипида, первая постановка драмы которого состоялась в этом самом театре. Лучший театральный художник из Коринфа изобразил на задниках

фиванские холмы и царский дворец; каждое утро раздавались голоса трагедийных актеров. Они упражнялись в отведенных им жилищах. Звучали рокочущие басы богов и высокие дисканты богинь. Даже школьные учителя отдыхали. В распоряжении Александра и его Феникса (прозвище мгновенно прилипло), предоставленных самим себе, были подножие Олимпа и живописные окрестности. Тайком от Тиманта Феникс передал Александру свою собственную «Илиаду». Они никому не доставляли хлопот, поглощенные выдуманной игрой.

В день ежегодно устраиваемого праздника, посвященного богу, царь давал грандиозный обед. Александр мог на нем присутствовать, но должен был покинуть зал до начала возлияний. Облаченный в новый голубой хитон, прошитый золотом, со свободно распущенными густыми завитыми локонами, он сидел на краю ложа своего отца. Перед Александром стояли его собственные приборы — серебряные чаша и кубок. В ярко освещенном зале сыновья знати из числа царской стражи ходили между царем и почетными гостями, поднося им дары.

Присутствовало несколько афинян из числа ратующей за мир с Македонией партии. Мальчик

заметил, что отец следит за своим акцентом. Афиняне могли поддерживать его врагов, они могли погрязнуть в интригах с персами, с которыми их предки сражались у Марафона. Но для всего греческого мира Афины все еще были предметом вожделения.

Царь окликнул через весь зал одного из гостей, интересуясь, почему тот так мрачен. Это был Сатир, великий комедийный актер из Афин. Достигнув своей цели, актер забавно изобразил на лице страх и сказал, что он едва ли осмелится попросить желаемое. «Только назови!» — воскликнул царь, протягивая руку. Актер желал свободы для двух юных рабынь, дочерей своего старого друга из Олинфа. Сатир хотел избавить их от тяжкой участи и выдать замуж, наделив приданым. Царь почел за счастье удовлетворить просьбу столь великодушную. Раздался взрыв рукоплесканий; добрые чувства согрели зал. Гостям, которым довелось проходить мимо сараев, где содержались рабы, показалось, что еда стала вкуснее.

Внесли венки и большие ведра для охлаждения вина, набитые снегом с Олимпа. Филипп повернулся к сыну, откинул с его горячего лба прекрасные влажные волосы, уже развившиеся,

поцеловал, уколов бородою, под восторженное бормотание гостей и отправил спать. Александр соскользнул на пол, пожелал доброй ночи стражу у дверей, которого считал своим другом, и отправился в комнаты матери, чтобы подробно рассказать ей обо всем.

Александр дотронулся до ручки двери и замер — изнутри донесся настороживший его шум.

Все было в смятении. Женщины суетились, как всполошившиеся курицы. Олимпиада, еще не переменившая платья, которое она надевала для хоровых од, мерила комнату шагами. Столик для зеркала был перевернут, одна из девушек, стоя на четвереньках, сгребала баночки и шпильки. Когда дверь открылась, девушка выронила бутылочку, и краска для век разлилась. Олимпиада перешагнула лужицу и ударила служанку по голове так, что девушка упала.

— Вон, все вы! — крикнула царица. — Неряхи, никчемные дуры! Нечего глазеть, убирайтесь прочь, оставьте меня с моим сыном.

Александр вошел. Жар нагретого зала и разбавленного вина немного отступил, желудок мальчика сжался. Александр молча приблизился к матери. Когда служанки торопливо выбежали,

Олимпиада бросилась на постель, колотя и кусая подушки. Александр опустился рядом на колени. Поглаживая волосы матери, он чувствовал, как легкая прохлада поднимается по его пальцам. Александр не спрашивал, что случилось.

Олимпиада перевернулась на кровати и схватила его за плечи, призывая всех богов быть свидетелями нанесенных ей оскорблений и отомстить за нее. Она крепко прижала мальчика к себе, и они стали раскачиваться из стороны в сторону. Небеса не допустят, кричала царица, чтобы сын узнал, что вытерпела она от этого порочнейшего из всех мужчин. Александр еще мал, чтобы понять это. Олимпиада всегда начинала с крика. Александр повернул голову, чтобы легче стало дышать. На этот раз не юноша, подумал он; должно быть, женщина.

В Македонии бытовала поговорка: «Царь берет жену перед каждой войной». Эти браки, всегда скрепляемые положенными обрядами, чтобы не оскорбить семью, несомненно, были хорошим способом приобретения надежных союзников. Мальчик принимал это как некую данность. Теперь он вспомнил странную вкрадчивость отца, знакомую ему по прежним годам.

— Фракийка! — кричала мать. — Грязная, раз-

рисованная синим фракийка!

Все это время новая женщина, должно быть, жила в Дионе, где-то спрятанная. Гетеры появлялись и исчезали, их видели все.

— Мне очень жаль, мама, — проговорил с трудом Александр. — Отец на ней женился?

— Не называй этого человека отцом!

Царица отстранила сына от себя и, не разжимая рук, пристально вгляделась в его лицо; ее ресницы слиплись, на веках лежали черные и синие полосы, белки расширенных глаз казались огромными. Хитон спустился с одного плеча, густые темно-рыжие волосы, обрамлявшие лицо, тяжелой беспорядочной массой рассыпались по обнаженной груди. Александр вспомнил голову Горгоны в зале Персея и с ужасом отогнал эту мысль.

— Твой отец! — воскликнула она. — Загрей мне свидетель, ты чист от этого! — Ее пальцы впились мальчику в плечи с такой силой, что Александр стиснул зубы от боли. — Придет день, да, день придет, когда Филипп узнает, какая часть тебя принадлежит ему. О да, он узнает, что более великий воин опередил его здесь.

Отпустив Александра, Олимпиада откинулась на локтях и рассмеялась.

Царица каталась в облаке своих волос, всхлипывая от смеха, судорожно переводя дыхание, испуская неистовые ликующие крики; ее смех становился все громче, все пронзительней. Мальчик, которому это было внове, припал к матери. Застыв от ужаса, он тянул ее за руки, целовал покрывшееся потом лицо, кричал в ухо, умоляя остановиться, поговорить с ним. Он здесь, с ней, он, Александр; она не должна сойти с ума, иначе он умрет.

Наконец Олимпиада глубоко застонала, села, обняла сына, прижавшись щекой к его голове. Обмякнув, мальчик лежал у нее на руках с закрытыми глазами.

— Бедный мой, бедное дитя. Это была истерика, вот что Филипп сделал со мной. Я постыдилась бы перед кем угодно, кроме тебя, но ты знаешь, что мне приходится выносить. Посмотри, родной, я узнаю тебя, я не сумасшедшая. Хотя человек, называющий себя твоим отцом, обрадовался бы моему безумию.

Александр открыл глаза и выпрямился:

— Когда я стану взрослым, я позабочусь, чтобы с тобой обращались как подобает.

— Ах, Филипп не догадывается, кто ты. Но я знаю. Я и бог.

Александр не задавал вопросов, сказанного было достаточно. Позднее, ночью, когда мальчик лежал в своей постели с пересохшими губами, ослабевший от рвоты, и прислушивался к отдаленному реву пира, ему снова вспомнились слова матери.

На следующий день начались игры. Колесницы, запряженные парой, неслись по кругу; возничий соскакивал на землю, бежал рядом с упряжкой и прыжком взлетал обратно. Феникс, заметивший, как горели глаза мальчика, радовался, что ристания увлекли его.

Александр проснулся ровно в полночь, думая о матери. Ему приснилось, что царица взывает к нему из волн моря, как мать-богиня Ахилла[31]. Александр встал и оделся. Он должен был пойти к матери и узнать, что означали слова, сказанные прошлой ночью.

Комната Олимпиады была пуста. Только старая-престарая карга, вечно бывшая в доме, с бормотанием ковыляла из угла в угол, собирая вещи; о ней совсем позабыли. Старуха взглянула на мальчика слезящимися красными глазками и сказала, что царица ушла к святилищу Гекаты.

---

[31] Сноски: 31

Мать-богиня Ахилла — Фетида, морская нимфа.

Александр выскользнул в ночь, пробираясь среди солдат, шлюх, пьяных и воров-карманников. Он должен был увидеть мать — не важно, заметит она его или нет. Александр знал дорогу к перекрестку.

Ворота города были открыты на время празднеств. Впереди маячили черные плащи и факел. Это была ночь Гекаты, безлунная ночь; женщины не видели, как он крадется следом. Олимпиаде приходилось заботиться о себе самой, ее сын был еще слишком мал. То, что она сейчас делала, должен был сделать он.

Олимпиада велела своим женщинам ждать и дальше пошла одна. Держась за края зарослей олеандра и тамариска, Александр подобрался к святилищу с его трехликим идолом. Олимпиада уже была там. Что-то скулило и повизгивало в ее руках. Свой факел царица воткнула в закопченную щель в алтарной плите. Она была вся в черном. Ее ноша оказалась молодой черной собакой. Олимпиада подняла животное за загривок и вонзила нож в горло. Собака извивалась и визжала, белки ее глаз блестели в свете факела. Царица ухватила пса за задние лапы; он хрипел и дергался, пока стекала кровь. Когда по телу собаки прошла судорога, Олимпиада положила

пса на алтарь. Опустившись перед идолом на колени, она ударила кулаками в землю. Мальчик услышал яростный шепот, тихий, как шипение змеи, постепенно превращавшийся в собачий вой, — незнакомые слова заклинания, знакомые слова проклятий. Длинные волосы Олимпиады окунулись в лужу крови. Царица выпрямилась, кончики ее волос слиплись, а на руках запеклись черные сгустки.

Когда все закончилось и Олимпиада отправилась домой, Александр, по-прежнему прячась, побрел следом, не спуская с нее глаз. В своем черном плаще, окруженная женщинами, мать снова выглядела привычной и близкой.

На следующий день Эпикрат сказал Фениксу:

— На сегодня ты должен уступить мальчика мне. Я хочу взять его на состязания музыкантов.

Эпикрат собирался пойти с друзьями, чтобы обстоятельно обсудить технику исполнителей, но вид Александра смутил его. Как и до всех остальных, до него тоже доходили пересуды.

Это было состязание кифаредов. Едва ли нашелся бы хоть один известный музыкант с материка, из греческой Азии или городов Сицилии, который бы на него не явился. Нежданное

великолепие зрелища захватило мальчика. Мрачное настроение ушло, уступив место восторгу. Так Гектор, оглушенный кинутым в него огромным камнем Аякса, услышал голос, заставивший зашевелиться волосы на его голове, поднял глаза и увидел перед собой Аполлона.

После этого Александр принял жизнь в ее новом обличье.

Олимпиада часто напоминала сыну о случившемся вздохом или многозначительным взглядом, но страшнейшее потрясение прошло. Тело Александра было крепким, и сам возраст требовал радоваться жизни: он искал исцеления, повинуясь природе. На склонах Олимпа Александр ездил с Фениксом по каштановым рощам, распевая строки Гомера — сначала по-македонски и затем по-гречески.

Феникс был бы рад держать мальчика подальше от женских комнат. Но он знал: если царица хоть раз усомнится в его преданности, Александр будет потерян для него навсегда. Не следовало допускать, чтобы Олимпиада слишком долго разыскивала сына. По крайней мере, теперь Александр, казалось, уходил от нее в лучшем настроении.

Александр обнаружил, что мать поглощена

новым планом, сделавшим ее почти веселой. Поначалу мальчик в ужасе ожидал, что она явится к нему со своим полночным факелом и позовет к святилищу Гекаты. Мать еще никогда не просила его произнести проклятие отцу; в ночь, когда они ходили к гробницам, мальчик только держал принесенные вещи и стоял рядом.

Время шло, ничего подобного не происходило; наконец Александр даже осмелился задать ей вопрос. Олимпиада улыбнулась, нежные тени легли под ее скулами. Он все узнает в добрый час, и это поразит его. Она дала обет Дионису. Олимпиада обещала, что и сын будет присутствовать при исполнении обета. Александр воспрянул духом. Наверняка это будет танец в честь бога. В последние годы мать говорила, что он уже слишком взрослый для женских мистерий. Теперь ему восемь. Горько думать, что вместо него с матерью скоро будет ходить Клеопатра.

Подобно царю, Олимпиада принимала многих чужеземных гостей. Аристодем, трагедийный актер, прибыл не для представления, но как дипломат — роль, часто поручаемая прославленным лицедеям. Он договаривался о выкупе за афинян, плененных в Олинфе. Стройный, изящный человек, он управлял своим голосом, как настроенной

флейтой; можно было почти видеть, как актер лелеет его, словно изящный инструмент. Аристодем восхищался познаниями, которые царица демонстрировала, беседуя с ним о театре. Позднее Олимпиада встретилась с Неоптолемом Скиросским, знаменитым исполнителем главных ролей, который участвовал в «Вакханках», представляя там бога Диониса.

Мальчик не знал, что его мать снова занимается магией, пока однажды не услышал ее голос через закрытую дверь. Хотя древесина была толстой, Александр смог разобрать какие-то слова. Этого заклинания, в котором говорилось об убитом на горе льве, он не знал, но смысл всех заклинаний всегда был один и тот же. Он отошел, не постучавшись.

Феникс разбудил Александра в предутренних сумерках, чтобы идти на представление. Александр был еще слишком мал, чтобы сидеть с отцом на почетных местах. Он спросил у матери, можно ли сесть вместе с ней, как он делал еще год назад; Олимпиада ответила, что не будет присутствовать на представлении, у нее другие дела. После он расскажет, как ему понравилось.

Мальчик любил театр: встаешь рано, предвкушая удовольствие, которое начнется тотчас же,

вдыхаешь сладкие утренние запахи, видишь прибитую росой пыль, траву и растения, смятые множеством ног, дым только что погашенных факелов ранних тружеников. Люди карабкаются по ярусам, сверху несется глухой ропот солдат и крестьян, внизу, в почетных рядах, царит суета, мелькают подушки и коврики, от мест, отведенных женщинам, доносится нестройный щебет — и внезапно раздаются первые трели флейты и стихают все остальные звуки, кроме утреннего пения птиц.

В предрассветном сумраке пьеса началась мрачно[32]. Бог в обличии прекрасного юноши со светлыми волосами возжигал огонь на гробнице своей матери и строил планы мести фиванскому царю, который насмехался над его обрядами. В юном голосе актера мальчик различил искусную игру взрослого человека; у менад-вакханок были плоские груди и звонкие мальчишеские голоса. Но Александр отверг реальность и всецело отдался иллюзии.

Юный темноволосый Пенфей глумился над менадами и их таинствами: бог был обязан

[32] Сноски: 32

«Вакханки» рассказывают о мести бога Диониса-Вакха, сына Зевса и дочери фиванского царя Семелы, правителю Фив Пенфею, который противился введению культа Диониса.

убить его. Друзья Александра заранее пересказали ему сюжет. Смерть Пенфея представлялась самым ужасным из всего, что можно себе вообразить, но Феникс обещал, что ее никто не увидит.

Пока слепой пророк упрекал царя, Феникс шепнул Александру, что этот старческий голос, доносящийся из-под маски, принадлежит тому же актеру, который представлял юного бога: таково было искусство протагониста. Когда Пенфей умрет за сценой, игравший его роль актер также переменит маску и превратится в безумную царицу Агаву.

Заключенный царем в темницу, бог вышел на свободу под блеск молний и грохот землетрясения. Сценические эффекты, устроенные афинскими мастерами, привели Александра в восторг.

Пенфей, презирающий чудеса, ослепленный гордыней себе на погибель, по-прежнему отвергал божество. Когда упрямец истощил терпение Диониса, тот с помощью ужасного волшебства похитил у Пенфея разум. Безумец видел два солнца на небе, воображал, что может двигать горы; позволил богу-насмешнику переодеть себя в женское платье, чтобы подглядывать за менадами-вакханками. Мальчик смеялся вместе

со всеми, но в смехе ощущалось предчувствие близящегося ужаса.

Царь покинул сцену, чтобы умереть; пел хор; потом вестник появился с новостями. Пенфей залез на дерево, чтобы следить оттуда за вакханками, те увидели его и в своей божественной одержимости, удесятерившей их силы, вырвали дерево с корнем. Обезумевшая мать царя Агава, приняв сына за дикое животное, позволила менадам разорвать несчастного на куски. Это убийство произошло за сценой. Феникс сказал, что нужды смотреть на него не было. Достаточно слов.

Вестник возвестил о явлении Агавы с трофеем. Менады пронеслись через парод[33] в окровавленных одеждах. Царица Агава несла голову сына, насадив ее на копье, как делают охотники. Голова была сооружена из чем-то набитых маски и парика Пенфея и красных лохмотьев, свисавших вниз. На Агаве была устрашающая маска сумасшедшей, с мучительно сморщенным лбом, глубокими, широко раскрытыми глазами и яростно искаженным ртом. Из-под маски раздался голос. При первых же звуках Александр

[33] Сноски: 33

Парод — широкий проход между параскенией (крылом сцены) и боковой стеной зрительного зала.

застыл, словно тоже увидел два солнца на небе. Он сидел не слишком высоко над сценой, его слух и зрение были острыми. Под великолепными струящимися локонами парика отчетливо виднелись настоящие волосы актера — темно-рыжие. Руки Агавы были обнажены. Александр узнал их, узнал даже браслеты.

Актеры, разыгрывая потрясение и ужас, отступили назад, освобождая сцену. Зрители загудели. Впервые после бесполых мальчиков перед ними предстала настоящая женщина. Кто?.. Что?.. Александру казалось, что он долгие часы пробыл один на один со своим открытием, прежде чем на вопросы появились ответы и шепоток побежал по рядам. Гул распространялся, как пламя в подлеске; остроглазые просвещали тех, кто видел неважно; женщины переговаривались высокими тонкими голосами и негодующе шипели; глубокий, как шум отлива, ропот несся из верхних рядов; внизу царило гробовое изумленное молчание.

Александр сидел так, словно на копье болталась его собственная голова. Его мать откинула волосы и жестом указала на кровоточащий трофей. Она вросла в свою ужасную маску, маска стала ее лицом. Мальчик ломал ногти, вцепив-

шись в край каменного сиденья. Музыкант дунул в свою флейту. Царица запела:

Вы, жители твердынь фиванских славных,
Придите и любуйтесь! Вот – трофей!
Мы, дщери Кадма, изловили зверя…[34]

Двумя рядами ниже мальчик видел спину отца. Филипп повернулся к сидевшему рядом гостю. Лицо царя было скрыто от глаз Александра.

Обряд в гробнице, кровь черной собаки, пронзенная шипом куколка, страшные ритуалы. Сейчас Александр видел, как мать заклинает Гекату при свете дня. Жертвенная голова на копье царицы была головой ее сына.

Рев голосов исторг Александра из этого кошмара, чтобы ввергнуть в новый. Ропот усиливался, как гудение потревоженных над падалью мух, перекрывая произносимые актерами стихи.

Обсуждали *ее,* а отнюдь не царицу Агаву в пьесе. Обсуждали Олимпиаду! Обсуждали южане, называвшие Македонию варварской страной, люди благородного происхождения, простые охотники и землепашцы. Обсуждали солдаты.

---

[34] Сноски: 34
Еврипид. Вакханки. *(Здесь и далее перевод И. Анненского.)*

Колдунья, вот как все назвали ее. Богини тоже колдовали. Но это — совсем другое дело; Александр знал эти голоса. Так солдаты из фаланги говорят в караульной о женщине, с которой спала половина из них, или о деревенской бабе, прижившей незаконного ребенка.

Феникс тоже страдал. Скорее непоколебимый в своих убеждениях и привязанностях, чем сообразительный, он сперва был ошеломлен: старик не предполагал, что Олимпиада способна на подобную дикость. Без сомнения, царица дала этот обет Дионису, когда голова у нее закружилась от танцев и выпитого вина на одной из мистерий. Феникс хотел было протянуть руку, чтобы подбодрить мальчика, но посмотрел на него и воздержался.

От ярости царица Агава перешла к отчаянию. Появился, заканчивая драму, безжалостный бог. Хор пел заключительные строки.

Не сбывается то, что ты верным считал,
И нежданному боги находят пути;
Таково пережитое нами[35].

---

[35] Сноски: 35
Еврипид. Вакханки.

Драма закончилась, но никто не торопился уходить. Как поступит царица? Олимпиада поклонилась культовой статуе Диониса, стоявшей в орхестре, и исчезла вместе с остальными; кто-то из статистов поднял голову Пенфея. Было ясно, что Олимпиада не вернется. Из верхних рядов раздался долгий пронзительный свист.

Протагонист вернулся, чтобы сорвать рассеянные рукоплескания. Он был не в лучшей своей форме. Все эти капризы царицы! Однако играл так хорошо, как мог.

Александр поднялся, не глядя на Феникса. Вздернув подбородок, глядя прямо перед собой, он шел сквозь гудящую толпу, которая не спешила расходиться. При его появлении разговоры смолкали, но недостаточно быстро. Сразу же за пропилеями Александр обернулся, посмотрел Фениксу в глаза и сказал:

— Она была лучше всех актеров.

— Ну конечно же. Бог вдохновлял ее. Это было ее посвящением Дионису. Подобные жертвы милы сердцу сына Зевса.

Они вышли на небольшую площадь перед театром. Женщины, сбившись в щебечущие кучки, расходились по домам, мужчины толпились на утрамбованной земле. Совсем рядом стояла

стайка гетер, хорошо одетых, свободных от условностей, дорогих девушек из Эфеса и Коринфа, обслуживавших знать в Пелле. Одна из них пропела сладким тонким голоском:

— Бедняжечка! Что ему пришлось пережить!

Не оборачиваясь, Александр прошел мимо.

Они почти выбрались из давки; Феникс уже начинал дышать свободней и вдруг обнаружил, что мальчик исчез. Где он, в самом деле? Старик увидел своего питомца в двадцати футах в стороне, подле кучки переговаривающихся мужчин. Феникс услышал смех, бросился к группке, но было уже слишком поздно.

Человек, произнесший последнее и самое недвусмысленное слово, не почуял ничего неладного. Но его товарищ ощутил, как со спины его быстро рванули за перевязь с кинжалом. Он оглянулся, но, ожидая увидеть взрослого, успел только оттолкнуть руку мальчика. Вместо того чтобы вонзиться в живот говорившему, кинжал распорол тому бок.

Все это произошло так быстро и тихо, что ни один прохожий не обернулся. Мужчины застыли наподобие скульптурной группы: раненый, по ноге которого змейкой струилась кровь; владелец кинжала, оттолкнувший мальчика,

еще не видя, кто это, и теперь тупо уставившийся на окровавленное оружие в руке Александра; позади мальчика, положив обе руки ему на плечи, — Феникс; сам мальчик, вглядевшийся в своего обидчика и увидевший, что это один из его приятелей. Раненый, зажимая бок, из которого сочилась теплая липкая влага, тоже смотрел на Александра — сначала с изумлением и болью, потом потрясенно, узнав.

Наконец все перевели дыхание. Прежде чем кто-либо успел заговорить, Феникс поднял руку, словно посреди боя; он набычился, и его простое лицо изменилось до неузнаваемости.

— Будет лучше для всех вас держать рты на замке!

Феникс дернул Александра за плечо, прерывая молчаливый диалог взглядов, и повел мальчика прочь.

Не зная другого места, где он мог бы спрятать Александра, Феникс завлек его в свое собственное жилище на одной из чистых улиц маленького города. В небольшой комнате стоял затхлый запах старой шерсти, древних свитков, несвежего постельного белья и мази, которой Феникс натирал свои негнущиеся колени. Александр упал на кровать, уткнувшись в одеяло из синих

и красных квадратов, и лежал беззвучно. Феникс гладил его по плечам и голове. Когда Александр разразился судорожными рыданиями, старик приподнял его.

Загадывать дальше этого мгновения Лисимах не видел необходимости. Его любовь, будучи бесполой, казалась ему залогом бескорыстия. Наверное, он отдал бы за этого ребенка все, что имел, пролил бы собственную кровь. Много меньше требовалось сейчас — только сочувствие и утешительные слова.

— Мерзкий парень. Невелика потеря, если бы ты и убил его. Ни один мужчина, которому ведомо чувство чести, не оставил бы этого так… Безбожник, насмехающийся над жертвой… Так что, мой Ахилл, не плачь. В тебе проснулся воин. Парень поправится, хотя он этого и не заслуживает, и будет молчать для своего же блага. От меня же и слова никто не услышит.

Александр уткнулся ему в плечо:

— Этот парень сделал для меня лук.

— Выброси его. Я достану тебе лучший.

Последовала пауза.

— Он сказал это не мне. Он не видел, как я подошел.

— И кому нужен такой друг?

— Он не ожидал.

— И ты не ожидал услышать такие речи.

Мягко, с вежливой осторожностью мальчик освободился из объятий Феникса и снова растянулся на кровати, пряча лицо. Вскоре он сел и вытер рукою глаза и нос. Феникс сдернул с кувшина полотенце и обтер мальчику лицо. Александр сидел с широко открытыми глазами, время от времени бормоча слова благодарности.

Феникс достал из ларя для подушек свой лучший серебряный кубок и остатки вина, которое пил за завтраком. Мальчик выпил, слегка закашлявшись; вино, казалось, мгновенно прилило к искаженному лицу, к горлу, к груди. Наконец Александр сказал:

— Он оскорбил мою семью. А я застал его врасплох. — Мальчик встряхнул волосами, одернул смявшийся хитон, перевязал ослабший шнурок на сандалии. — Спасибо, что принял меня в своем доме. Теперь я поеду верхом.

— Ну, это глупо. Ты еще не завтракал.

— Мне этого достаточно, спасибо. Прощай.

— Тогда подожди. Я переоденусь и присоединюсь к тебе.

— Нет, спасибо. Мне хочется побыть одному.

— Нет, нет. Передохни немного, почитай

или прогуляйся…

— Пусти меня.

Феникс отдернул руку, словно испуганный ребенок.

Отправившись позднее повидать мальчика, он обнаружил, что сапоги Александра для верховой езды исчезли, так же как и его пони и учебные дротики. Кинувшись расспрашивать, Феникс узнал, что Александра видели за городом. Мальчик направлялся к Олимпу.

До полудня оставалось еще несколько часов. Феникс, ожидая возвращения Александра, слышал, как люди наконец сошлись на том, что нелепая выходка царицы — обычное жертвоприношение. В Эпире люди впитывают мистицизм с молоком матери, но что хорошо для Эпира, худо для Македонии. Царь старался не показывать вида и был в меру сил вежлив с Неоптолемом-актером. И где юный Александр?

Он ездит верхом, ответил Феникс, скрывая нарастающий страх. Что его дернуло позволить мальчику разъезжать одному, как взрослому мужчине? Он ни на секунду не должен был упускать ребенка из виду. Нет смысла искать мальчика теперь: в огромном массиве Олимпа могли бы спрятаться две армии. Там зияли без-

донные провалы в скалах, к подножиям которых было не подступиться; там водились вепри, волки, леопарды, даже львы все еще встречались там.

Солнце клонилось к западу; крутые восточные склоны, под которыми стоял Дион, потемнели; облако окутало скрывшиеся вершины. Феникс рыскал за городом. У подножия священного дуба он простер руки к вечно освещаемой солнцем вершине, трону Зевса, омываемому прозрачным эфиром. Плача, старик возносил молитвы к богу и давал обеты. С наступлением ночи ему не удастся скрыть правду.

Величественная тень Олимпа, наползая на линию берега, гасила предвечернее сияние моря. Сумрак сгустился в дубраве; дальше за нею чаща уже почернела. Между сумерками и ночью что-то двигалось. Феникс взлетел на лошадь, превозмогая боль в старческих суставах, и поскакал в этом направлении.

Александр спускался вниз между деревьями, ведя в поводу своего пони. Изнемогшее животное ковыляло рядом с ним, понурив голову и слегка припадая на одну ногу. Они не спеша пересекали поляну; увидев Феникса, мальчик поднял руку в приветствии, но промолчал.

Дротики были привязаны к чепраку — мальчик еще не имел права на колчан. Пони уткнулся мордой в лицо Александра, словно заговорщик. Одежда Александра была разодрана, на расцарапанных коленях коркой засохла грязь; руки и ноги покрыты ссадинами; казалось, что с утра он весь как-то осунулся. Спереди хитон потемнел от крови. Глаза запали и казались огромными. Александр ступал легко, свободно, устрашающе спокойный и безмятежный.

Феникс спешился, схватил мальчика, осыпая упреками и вопросами. Александр провел рукой по носу пони и сказал:

— Он охромел.

— Я все здесь изъездил, чуть не сошел с ума. Во что ты себя превратил? Откуда кровь? Где ты был?

— Крови уже нет.

Александр вытянул руки, которые, судя по всему, ополоснул в каком-то горном ручье; кровь запеклась вокруг ногтей. Его взгляд, в котором ничего нельзя было прочитать, устремился в глаза Феникса.

— Я сделал алтарь и святилище и принес жертву Зевсу. — Александр поднял голову. Белый лоб под всклокоченной копной волос казался

полупрозрачным, почти светящимся. Его глаза расширились и вспыхнули в глубоких глазницах. — Я принес жертву богу. И он говорил со мной. Он говорил со мной!

Глава 3

Библиотека царя Архелая, дорогая его сердцу, была роскошнее зала Персея. Здесь царь принимал поэтов и философов, привлеченных в Пеллу его щедрым гостеприимством и богатыми подарками. На сфинксоголовых подлокотниках египетского кресла в свое время покоились руки Агафона и Еврипида.

На грандиозной фреске, занимавшей целиком одну из стен, пели, окружив Аполлона, музы, которым посвящался этот зал. Играющий на лире Аполлон с загадочной улыбкой смотрел на отполированные полки с драгоценными книгами и свитками. Тисненые переплеты, позолоченные и украшенные драгоценными камнями футляры; флероны из слоновой кости, агата и сардоникса; закладки из шелка и канители. От царствования к царствованию, даже во времена непрекращающихся войн, за этими сокровищами следили, стирая с них пыль, хорошо обученные рабы. Поколение сменилось с тех пор, как еще чьи-либо руки прикасались к ним. Они были слишком большой ценностью; обычные книги хранились в библиотеке.

Здесь же стояла прелестная афинская бронзовая статуэтка изобретающего лиру Гермеса, приобретенная у какого-то несостоятельного должника в последние годы величия города; две напольные лампы в форме колонн, оплетенных ветвями лавра, помещались рядом с огромным письменным столом, инкрустированным лазуритом и халцедоном, с ножками в виде львиных лап. Все это мало переменилось за прошедшие со дня смерти Архелая годы. Но украшенные живописью стены читальни, куда вела дверь в дальнем конце библиотеки, исчезли за рядами стеллажей и полок, доверху набитых свитками документов; ложе и столик уступили место заваленной бумагами конторке, за которой трудился над дневной почтой начальник писцов.

Был ясный мартовский день с пронзительным северо-восточным ветром. Украшенные резьбой ставни закрыли, чтобы бумаги не сдувало; лучи холодного, слепящего солнца, дробясь, пробивались внутрь вместе с бродящими по залу ледяными сквозняками. В плаще начальника писцов был спрятан горячий кирпич, о который тот грел руки; его помощник, полный зависти, дул себе на пальцы, но так, чтобы не услышал

царь. Филипп сидел расслабившись. Он только что вернулся из похода во Фракию, и после проведенной там зимы его дворец представлялся ему новым Сибарисом[36].

Владычество Филиппа достигло древнего пути зерна через Геллеспонт, эту глотку всей Греции. Он окружил колонии, отторгнув от Афин зависимые родовые земли, и взял в осаду города их союзников. Его мощь неуклонно возрастала. Но южане по-прежнему считали горчайшей несправедливостью нарушение старого доброго обычая, понуждавшего прекращать войны зимой, когда даже медведи впадают в спячку.

Филипп сидел за массивным столом; его потемневшая, в шрамах, ладонь, растрескавшаяся от холода и огрубевшая от поводьев и древка копья, сжимала серебряный стиль, которым царь ковырял в зубах. Писец, поджав ноги и держа наготове дощечку на коленях, ждал, когда царь начнет диктовать письмо фессалийскому вождю, через которого Филипп намеревался укрепить свою власть на юге. Именно дела на юге и привели его домой.

---

[36] Сноски: 36

Сибарис — город-колония на берегу Тарентского залива. Вел широкую торговлю и славился своими богатствами. Жители колонии считались изнеженными любителями наслаждений — «сибаритами».

Наконец-то Филипп нашел путь к успеху. В Дельфах нечестивые фокейцы, как бешеные псы, накинулись друг на друга, истощенные войной и погрязшие в грехах. Они отчаянно нуждались в деньгах и расплавляли храмовые сокровища, чеканя монету на плату солдатам; теперь они прогневали далекоразящего Аполлона. Бог умел выжидать; в день, когда святотатцы рылись уже под самим треножником, Аполлон послал землетрясение. Паника, безумные взаимные обвинения, изгнания, пытки. Терпящий поражение военачальник сейчас удерживал со своими отверженными сторонниками укрепления Фермопил — человек, доведенный до отчаяния, вскоре он пойдет на переговоры. Он уже прогнал присланный ему на помощь отряд из Афин, хотя афиняне и были союзниками фокейцев: он боялся, что его выдадут правящей партии. Скоро, скоро он созреет. Царь Леонид[37] под своим курганом, думал Филипп, должен ворочаться в смертном сне. «Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемоне…» Иди расскажи им, что вся Греция подчинится мне через

[37] Сноски: 37

Леонид — легендарный спартанский царь, давший с тремястами воинами сражение многотысячной армии персов в Фермопильском ущелье.

десять лет, потому что город больше не доверяет другому городу, человек — человеку. Они забыли даже данные тобой уроки: как стоять насмерть и умирать. Зависть и жадность предадут их мне. Они последуют за мной и благодаря этому возродятся; под моей властью к ним вернется былая гордость. С благодарностью они пойдут за мной, указывающим дорогу, а их сыновья пойдут за моим сыном.

Это мышление напомнило ему, что он послал за Александром уже какое-то время назад. Без сомнения, он явится, как только его найдут; никто и не ждет, чтобы в десять лет мальчишки спокойно сидели на месте. Филипп вернулся к своему письму.

Прежде чем он закончил, за дверью послышался голос его сына, приветствовавшего стражника. Сколько десятков — или сотен — человек знал мальчик по имени? Этот воин всего лишь пятый день состоял в страже.

Высокие двери открылись. Между их створками Александр казался совсем маленьким. Сияющий и собранный, он стоял босиком на холодном узорчатом мраморном полу, скрестив под плащом руки — не для того, чтобы согреть их, но по всем правилам приличествующей скромным спар-

танским мальчикам благовоспитанности, внушенной ему Леонидом. В этой комнате, на фоне свитков и бледных, зарывшихся в бумаги людей, отец и сын выделялись своей наружностью, как дикие животные среди домашних. Смуглый солдат, загоревший почти дочерна, с руками, исполосованными розовыми шрамами, и светлой полосой на лбу, оставшейся от края шлема; незрячий глаз белел под полуопущенным веком. И мальчик — со следами ссадин и царапин, спутников детских приключений, на бархатистой смуглой коже; с густыми взъерошенными волосами, заставлявшими казаться тусклой позолоту Архелая. Домотканая одежда мальчика, ставшая мягче и белее после многих стирок на речных камнях, уже давно сидела на нем, будто намеренно сшитая по вкусу царевича, как если бы он из прихоти выбрал ее сам. Серые глаза Александра, в которых холодное солнце зажгло искорки, затаили какую-то мысль.

— Входи, Александр.

Мальчик уже вошел. Филипп, обиженный отстраненным взглядом, говорил только для того, чтобы что-то сказать. Александр приблизился, про себя отметив, что ему дается позволение войти, словно слуге. Кровь отхлынула от его лица,

разгоревшегося под порывами ветра; нежная кожа потемнела, стала менее прозрачной.

Стоя в дверях, Александр думал, что у Павсания, нового телохранителя, как раз такая внешность, какая нравится отцу. Если из этого что-нибудь выйдет, некоторое время не будет новой женщины. Существовал особый взгляд, выдававший двоих, как только они встречались глазами; время таких взглядов еще не пришло.

Мальчик остановился у столика писца и ждал, держа руки под плащом. Леониду не удалось навязать ему одну важную спартанскую манеру: мальчику следовало держать глаза опущенными до тех пор, пока старшие сами не заговорят с ним.

Встретившись с твердым взглядом спокойных серых глаз, Филипп почувствовал резкий толчок знакомой боли. Даже ненависть была бы лучше *этого.* Подобный взгляд он видел у людей, приготовившихся умереть, прежде чем сдать ворота или ущелье: не вызов, но сосредоточенность души. «Чем я заслужил это? — думал царь. — Все проклятая ведьма, которая всякий раз, стоит только мне отвернуться, крадет у меня сына».

Александр намеревался расспросить отца о боевом порядке фракийцев: мнения расходились,

и кто-кто, а Филипп должен был знать точно… Не сейчас, впрочем.

Царь отослал писца и указал сыну на пустую скамью. Мальчик, прямой как свеча, опустился на алую овчину. Во всей его позе легко угадывалось ожидание того момента, когда ему позволят уйти.

Ненависть еще более слепа, чем любовь; врагам Филиппа доставляла удовольствие мысль, что его приверженцы в греческих городах все до одного куплены. Но хотя никто из услуживших царю не оставался внакладе, было и немало таких, которые ничего бы от него не приняли, не будь они сперва покорены его обаянием.

— Ну, — протянул Филипп, беря со стола блестящий спутанный клубок мягкой кожи, — что ты об этом скажешь?

Мальчик развернул странный предмет; его длинные, с коротко обстриженными ногтями пальцы заработали, выпуская и убирая ремни, натягивая, пробуя на прочность. Когда из первоначального хаоса возникло что-то определенное, его лицо стало напряженно-сосредоточенным, полным сурового удовлетворения.

— Это праща и сумка для камней. Ее цепляют к поясу, вот за это. Где делают такие вещи?

Сумка была расшита золотыми дисками с рельефно вырезанными стилизованными фигурками скачущих оленей.

— Ее нашли на фракийском вожде, — сказал Филипп, — но привозят такие вещи с дальнего севера, из степей. Это скифское.

Александр задумчиво разглядывал трофей с окраин киммерийской пустыни, пытаясь представить бесконечные просторы за Истром, легендарные курганы царей, погребенных в кольце мертвых всадников, пронзенных стрелами; лошадей и воинов, иссохших в сухом холодном воздухе. Не в силах больше справляться со жгучим любопытством, он забросал отца накопившимися вопросами. Они немного поговорили.

— Ну, испытай пращу, я привез ее для тебя. Посмотрим, что тебе удастся сбить. Но не уходи слишком далеко — афинские послы уже в пути.

Праща осталась у мальчика на коленях; теперь о ней помнили только руки.

— Переговоры о мире?

— Да. Послы остановились в Гале и попросили о безопасном проезде через границы, не дожидаясь вестника. Кажется, они спешат.

— Дороги плохие.

— Да, придется послам слегка оттаять, прежде

чем явиться ко мне. Когда я буду с ними разговаривать, можешь прийти послушать. Все это достаточно серьезно; пришло тебе время узнать, как делаются дела.

— Я живу рядом с Пеллой. Мне бы хотелось прийти.

— Наконец-то, возможно, мы услышим что-либо, кроме пустой болтовни. С тех пор как я взял Олинф, они гудят, как пчелы в перевернутом улье. Половину прошлого года они собирали голоса в южных городах, стараясь сколотить враждебную нам лигу. Ничего из этого не вышло — только ноги сбили в кровь.

— Они все боятся?

— Не все, но все они не доверяют друг другу. Некоторые верят преданным мне. И их доверие окупится.

Чудесные золотисто-коричневые брови мальчика сдвинулись, почти сойдясь на переносице, подчеркнув мощный лоб над глубоко посаженными глазами.

— Даже спартанцы не будут сражаться?

— Служить под афинянами? Во главе войска они не станут: накушались уже, но никогда не согласятся подчиняться другим. — Филипп улыбнулся своим мыслям. — И они неподходя-

щая аудитория для оратора, со слезами бьющего себя в грудь или бранящегося, как рыночная торговка, обсчитанная на обол.

— Когда Аристодем вернулся сюда с выкупом за этого человека, Йотрокла, он сказал мне, что везде думают, будто афиняне проголосуют за мир.

Филипп уже давно перестал изумляться подобным замечаниям сына.

— Что ж, чтобы подбодрить их, я еще до его приезда отпустил Йотрокла без всякого выкупа. Пусть присылают послов — пожалуйста. Если они думают, что смогут вовлечь в свой союз Фокиду или даже Фракию, они просто глупцы; но так даже лучше, пусть голосуют, а я буду действовать. Никогда не мешай своим врагам впустую тратить время. Послами будут Йотрокл да Аристодем; это нам на руку.

— Аристодем декламировал из Гомера за ужином, когда был здесь. Ахилл и Гектор перед боем. Но он слишком стар.

— Нас всех ждет старость. Да, и Филократ явится, разумеется.

Филипп не стал терять время, объясняя, что Филократ был его главным ставленником в Афинах: Александр это наверняка знал.

— С ним будут обращаться так же, как и со всеми остальными. Если здесь его начнут как-то выделять, ему припомнят это дома. Всего послов десять.

— Десять? — поразился мальчик. — Для чего? Они все будут вести переговоры?

— О, они ведь вынуждены следить друг за другом. Да, все будут говорить, никто не согласится быть обойденным. Будем надеяться, что они заблаговременно распределят темы. Одно хорошее представление, по крайней мере, нам обеспечено. Демосфен приезжает.

Мальчик навострил уши, как собака, которую позвали на прогулку. Филипп посмотрел на его загоревшееся лицо. Не становится ли каждый его заклятый враг героем для сына?

Александр думал о красноречии гомеровских воинов. Он представлял Демосфена высоким и смуглым, как Гектор, с пылающими глазами и голосом, в котором звенели раскаты грома.

— Он храбр? Как те, при Марафоне?

Филипп, которого этот вопрос застал врасплох, запнулся, приходя в себя, и кисло улыбнулся в черную бороду.

— Посмотришь на него и решишь сам. Только не спрашивай его об этом напрямик.

Александр покраснел. Краска медленно поднялась от шеи к волосам. Губы плотно сомкнулись. Он ничего не сказал.

В гневе Александр был точной копией матери. Это всегда раздражало Филиппа.

— Ты что, — сказал царь нетерпеливо, — не можешь понять, когда люди шутят? Ты обидчив, как девчонка.

«Как он смеет, — думал мальчик, — упоминать при мне о девчонках?» Его руки так сжали пращу, что в пальцы впилось золото украшений.

И теперь, думал Филипп, все пошло насмарку. Он проклял в глубине души жену, сына, себя самого и, стараясь говорить спокойно, заключил:

— Ладно, нам обоим стоит на него посмотреть. Я знаю Демосфена не лучше, чем ты.

Филипп лукавил: благодаря донесениям шпионов царю казалось, что он уже годы прожил бок о бок с этим человеком. Однако, затаив обиду, он не отказал себе в легком коварстве. Пусть мальчик, если ему так хочется, держится в стороне — и прибережет свои надежды.

Несколькими днями позже Филипп снова послал за сыном. Для обоих время было насыщено до предела. Отец погрузился в дела, сын — в постоянные поиски новых, все более трудных

испытаний: прыжки с утесов в горах, полуобъезженные лошади, упражнения в беге и метании копья. Кроме того, Александр разучивал пьесу на своей новой кифаре.

— Послы должны прибыть до наступления сумерек, — объявил Филипп. — Утром пусть отдохнут, после обеда я их выслушаю. Вечером ужин для всех; их красноречие будет ограничено во времени. Ты, разумеется, наденешь парадное платье.

Лучшие одежды Александра хранились у матери. Он нашел Олимпиаду в ее комнате. Мать писала брату в Эпир, жалуясь на мужа. У Олимпиады было немало дел, которых она не доверяла писцам, поэтому царица сама вела свою переписку. Когда Александр вошел, она сложила диптих и обняла сына.

— Мне нужно одеться для афинских послов, — сообщил он. — Я надену голубое.

— Я прекрасно знаю, дорогой, что тебе пойдет.

— Нет, это должно прийтись по вкусу афинянам, — возразил Александр. — Я буду в голубом.

— Ну что же, моему господину нужно повиноваться. Значит, голубое, брошь из лазурита…

— Нет, в Афинах драгоценности носят только женщины… кроме колец.

— Но, дорогой мой, тебе приличествует быть одетым лучше, чем афиняне. Они всего лишь послы.

— Нет, мама. Они считают драгоценности варварской забавой, я ничего такого не надену.

В последнее время Олимпиада все чаще слышала эти новые властные нотки в голосе сына. Они радовали царицу. Олимпиада не могла предположить, что рано или поздно это обернется против нее.

— Ты совсем мужчина, мой господин. — Сидя, она могла бы положить руки ему на плечи. Олимпиада подняла глаза, улыбнулась, потом пригладила взъерошенные волосы сына. — Приходи заранее. Ты дикий, как горный лев; мне придется самой приглядеть за сборами.

Когда наступил вечер, Александр сказал Фениксу:

— Я хочу остаться, чтобы посмотреть на въезд афинян.

Феникс с отвращением выглянул в сгущающийся сумрак.

— Что ты ожидаешь увидеть? — проворчал он. — Кучку людей в петасах[38], натянутых

---

[38] Сноски: 38

Петас — дорожная шляпа.

до самых плащей. Вечером от земли поднимется туман, в нем ты не отличишь хозяина от слуги.

— Все равно. Я хочу посмотреть.

Ночь спустилась, сырая и промозглая. Воды озера затопили прибрежные тростники. Лягушки безостановочно выводили трели, так что от их кваканья шумело в ушах. Ветра не было, туман повис над камышами, обволакивая лагуну до самого ее края, где пелену разгонял бриз с моря. На улицах Пеллы дождевая вода уносила по забитым грязью сточным канавам накопившиеся за десять дней отбросы и нечистоты. Александр стоял у окна в комнате Феникса. Он явился к учителю, чтобы поторопить старика. Сам Александр уже был одет в плащ с капюшоном и сапоги для верховой езды. Феникс сидел за своей книгой; лампа и жаровня горели, словно впереди ждала целая ночь.

— Взгляни! — воскликнул Александр. — Факелы верховых уже за поворотом.

— Хорошо, не теряй их из виду. Если уж мне суждено выйти за порог в такую погоду, я выйду, когда придет время, и ни минутою раньше.

— В такую погоду! Едва моросит. Что ты будешь делать, когда мы пойдем на войну? — возмутился Александр.

— Для этого я и берегу силы, Ахилл. Не забывай, что ложе Фениксу всегда устраивали поближе к огню.

— Я подожгу твою книгу, если ты не начнешь шевелиться. Ты еще даже не обулся.

Мальчик прилип к окну. Маленькие, расплывающиеся в тумане факелы, казалось, ползли, как светляки по камню.

— Феникс?..

— Да, да… Времени достаточно.

— Мой отец действительно собирается заключить мир? Или это просто уловка, чтобы успокоить афинян до тех пор, пока он не соберется с силами… как это было с олинфянами?

Феникс опустил книгу на колено.

— Ахилл, дорогое дитя. — Он искусно перешел на завораживающий гомеровский ритм. — Будь справедлив к благородному отцу своему, Пелею.

Не так давно Фениксу приснилось, что он стоит на сцене, одетый как предводитель хора в трагедии, из которой написана всего лишь одна страница. Остальное было готово на воске, но вчерне, и он умолял поэта изменить финал. А теперь, пытаясь вызвать этот финал в памяти, Феникс вспоминал только свои слезы.

— Ведь это олинфяне первыми нарушили

слово. Они заключили союз с Афинами и дали приют врагам царя — и то и другое вопреки своей клятве. Все знают, что договор становится недействительным после клятвопреступления.

— Военачальники кавалерии бросили своих людей в бою. — Голос мальчика зазвенел. — Филипп заплатил им, чтобы они это сделали. Заплатил им!

— Это наверняка спасло многие жизни.

— Они рабы! — воскликнул Александр. — Я бы скорее умер.

— Если бы так поступали все, у нас не было бы рабов.

— Я никогда не прибегну к помощи предателей, если стану царем, никогда, — горячо проговорил Александр. — Пусть они придут ко мне — я велю их убить. И мне все равно, чью жизнь они мне предложат, даже если этот человек будет моим злейшим врагом. Я отошлю своему врагу их головы. Я ненавижу их больше, чем врата смерти. Этот Филократ, он предатель.

— И все же он может принести пользу. Твой отец желает афинянам добра.

— Да, если они будут плясать под его дудку.

— Ну уж. Можно подумать, что он собирается установить тиранию. Вот когда во времена моего

отца Афины захватили спартанцы, они действительно так и поступили. Ты достаточно прилежен в истории, когда у тебя появляется на то желание. Уже при Агамемноне, бывшем верховным царем, у эллинов был предводитель воинства — город или человек. Как созвали рать под стены Трои? Как были изгнаны варвары во время войны с Ксерксом? И только теперь, в наши дни, они препираются и грызутся, как дворняжки, и ни один не может возглавить Элладу.

— Нельзя заставить быть благородным, чувство чести не вобьешь палкой. Они не изменятся за несколько лет, из-за нескольких побед отца.

— Два поколения подряд идет истребление всего лучшего. По моему мнению, и афиняне, и спартанцы навлекли на себя проклятие Аполлона, отдав свои войска внаем фокейцам. Они прекрасно знали, каким золотом им заплатили. И куда бы это золото ни пришло, оно приносит смерть и разрушение, и этому не видно конца. Но твой отец встал на сторону бога, и посмотри, как он преуспел. Так говорит Греция. Кто более достоин скипетра вождя? Скипетра, который когда-нибудь перейдет к тебе.

— Я бы предпочел… — медленно начал мальчик. — Ох, смотри, послы проехали Священную

Рощу, они уже почти в городе. Скорее, идем же!

Когда Александр и старик, по колено в грязи, седлали лошадей во дворе конюшни, Феникс посоветовал:

— Хорошенько надвинь капюшон. Послы увидят тебя на аудиенции. Не нужно, чтобы они узнали тебя в рыскающем по улицам мальчике, который глазеет на них, как простой крестьянин. Чего ты вообще ожидаешь от этой затеи, не берусь даже гадать.

Они осадили лошадей на узкой тропе перед святилищем Геракла. Набухшие, полураспустившиеся почки каштанов казались бронзовыми на фоне бледных дождевых облаков, сквозь которые процеживался лунный свет. Факелы верховых, догоревшие почти до основания, медленно, словно всадники ехали на мулах, плыли в недвижном воздухе. В свете факелов был виден глава посольства, сопровождаемый Антипатром. Александр узнал бы ширококостного бородатого вояку, даже если бы тот закутался по примеру остальных. Антипатр же только что вернулся из Фракии, и промозглая ночь казалась ему теплой.

Следом, должно быть, трусил Филократ: бесформенное тело, обернутое в сто одежек; между

плащом и петасом поблескивают злобные шныряющие глазки. Предатель, яд души которого должен сочиться из всех пор.

По изяществу следующего всадника мальчик узнал в нем Аристодема. Достаточно торжественно для такого посольства.

Александр пробежал взглядом по веренице всадников. Большинство из них вытягивали шеи, выглядывая из-под мягких полей петасов, чтобы вовремя увидеть, где копыто лошади может увязнуть в грязи. Ближе к хвосту кавалькады, прямо, как солдат, сидел в седле высокий, хорошо сложенный грек. Он казался не молодым и не старым; в свете факела были видны короткая борода и решительный профиль. Когда он проехал, мальчик посмотрел вслед, сравнивая увиденное лицо с тем, которое являлось ему в мечтах. Он видел великого Гектора, который еще не успеет состариться к тому времени, когда Ахилл возмужает и выйдет сразиться с ним.

Демосфен[39], сын Демосфена из дема Пеании, проснулся в царском гостевом доме с первыми

[39] Сноски: 39

Демосфен (ок. 384–322 до н. э.) — афинский оратор и политический деятель. В своих речах призывал греков к борьбе против захватнической политики македонского царя Филиппа II. Добился создания антимакедонской коалиции греческих полисов.

лучами солнца. Он приподнял голову и огляделся. Комната поражала своим великолепием. Зеленый мраморный пол; позолоченные капители на пилястрах у дверей и окон; скамейка для одежды, инкрустированная слоновой костью; ночной горшок из италийского фаянса с рельефными гирляндами. Дождь перестал, но за окном гуляли бурные порывы ледяного ветра. Демосфен спал под тремя одеялами, и он не отказался бы еще от трех. Он проснулся по нужде, но горшок стоял у противоположной стены. Ковра на полу не было. Демосфен помедлил, обхватив себя за плечи скрещенными руками. Ему было неуютно. Сглотнув, он почувствовал, как першит в горле. Опасения, зародившиеся во время поездки верхом, сбылись: в этот великий день он вступал простуженным.

С тоской подумал Демосфен о своем уютном афинском доме, где Кикн, его раб-перс, сходил бы за одеялами, поднес горшок и сварил горячее питье из вина с медом и травами, смягчающее и настраивающее горло. Теперь же он лежал один, больной, посреди варварской роскоши, совсем как Еврипид, встретивший здесь свой конец. Не станет ли он сам еще одной жертвой, принесенной этой грубой земле, породившей

разбойников и тиранов, этим скалам, в которых свил себе гнездо черный коршун, реющий над Элладой, готовый ее пожрать, камнем бросающийся на каждый город, который ослаб, совершил промах или изнемог в войне.

Даже теперь, когда черные крылья закрывали небо, города продолжали враждовать, выгадывая грошовые прибыли и насмехаясь над предостережениями мудрецов. Междоусобицы и раздоры, а на пороге общий смертельный враг. Сегодня Демосфен лицом к лицу встретится с великим хищником… а нос у него заложен.

На корабле, в дороге он снова и снова повторял свою речь. Демосфену предстояло говорить последним. Чтобы уладить недоразумения, возникшие сразу, как только стали определять порядок следования речей, послы согласились говорить по старшинству. В то время как остальные тщились найти свидетельства своего почтенного возраста, Демосфен поторопился объявить себя самым молодым. Он с трудом мог поверить, что эти люди окажутся настолько слепы, чтобы не понимать, от чего отказываются. Мудрец заметил свой просчет, только когда был составлен окончательный список.

С красующегося в отдалении горшка взгляд

его скользнул на вторую кровать. Его товарищ по комнате, Эсхин, крепко спал, вытянувшись на спине. Широкая грудь сотрясалась от звучного храпа.

Проснувшись, Эсхин проворно подбежит к окну, проделает свои эффектные упражнения для голоса, оставшиеся ему в наследство от театрального прошлого, и, если кто-нибудь пожалуется на холод, бодро воскликнет, что на том-то или том-то армейском биваке бывало гораздо хуже. Эсхин должен был говорить девятым, Демосфен — десятым.

В жизни Демосфена не было не омраченного ничем счастья. Ему досталось заключительное слово — преимущество, не имеющее цены на судебных площадках, которое не купишь ни за какую цену. Но кое-какие из наилучших доводов будут приведены ораторами, получившими первое слово, а сам он будет говорить следом за этим человеком, Эсхином. Демосфен ненавидел его напыщенный вид, его глубокий голос и мастерское чувство времени, его актерскую память, которая, не прибегая к записи, позволит речи Эсхина струиться плавно, как вода в ча-

сах[40]. И самый завидный дар несправедливых богов — способность при необходимости импровизировать.

Сущее ничтожество, нищий выкормыш, зарабатывавший свои скудные гроши писца при помощи того подобия грамотности, которое сумел вдолбить в него отец, учителишка элементарной школы! А его мать — жрица какого-то пришлого малоизвестного культа, который бы следовало запретить законом! Кто он такой, чтобы с важным видом расхаживать в Народном собрании, среди людей, обучавшихся в школах риторики? Без сомнения, Эсхин преуспел на взятках, но нынче только и слышно о его предках, эвпатридах[41], конечно же, — о избитая сказочка! — погибших в Великую войну, о его успехах на Эвбее и утомительной службе в дипломатическом ведомстве.

Резко крикнул в сыром воздухе коршун. Вокруг кровати гуляли пронизывающие сквозняки. Демосфен тщательнее подоткнул одеяла; его тощее тело дрожало. Он с горечью вспомнил, как ми-

---

[40] Сноски: 40

Со второго тысячелетия до н. э. в Древней Греции существовали водяные часы; отсчет времени велся в зависимости от протекания определенного количества воды из верхнего сосуда в нижний, единица измерения — клепсидра (*греч.* крадущая воду).

[41] Сноски: 41

Эвпатриды — аттическая родовая знать.

нувшей ночью, когда он пожаловался на холод мраморного пола, Эсхин бесцеремонно заметил: «Я думал, что ты, с твоей северной кровью, менее всего будешь недоволен этим».

Прошли уже годы с тех пор, как афиняне перестали вспоминать неравный брак его деда со скифкой; только богатство отца сохранило ему гражданство. А он-то думал, что все это давным-давно позабылось.

Уставившись на кончик своего простуженного носа, оттягивая хотя бы на мгновение неотвратимую прогулку в другой конец комнаты, Демосфен злобно пробормотал:

— Ты — учителишка, я — ученый, ты — прислужник, я — посвященный в таинства; ты переписывал бумаги, я вершил судьбу города; ты — третий актер, меня сажают на почетное место.

Демосфен никогда не видел игры Эсхина, но в мстительных мечтах добавил:

— Тебя освистывали, а мне приносили дары.

Мрамор под ногами казался застывшим зеленым льдом; от струи мочи в воздухе шел пар. Постель уже успела промерзнуть, так что Демосфен принужден был одеться и ходить, разогревая кровь. О, если бы только Кикн был здесь!

Но Совет заклинал их спешить; его спутникам пришла глупейшая мысль обходиться без слуг. Сколько яду выплеснули бы на его голову враждебно настроенные послы, если бы он один осмелился нарушить уговор!

Вставало бледное солнце; ветер стих; снаружи, должно быть, теплее, чем в этой мраморной гробнице. Мощеный двор перед садом был пуст, если не считать бездельничающего мальчика-раба. Демосфен мог бы взять с собой свиток и еще раз пройтись по своей речи. А здесь он разбудит Эсхина, который притворно удивится, зачем это Демосфену понадобился письменный текст, и станет хвастать легкостью, с какой сам все делает.

В доме никто, кроме рабов, еще не поднялся. Демосфен вглядывался в каждого, ища среди них греков. При осаде Олинфа много афинян попало в плен, и всем послам наказывалось предлагать за них выкуп, где только возможно. Демосфен решил выкупить любого, кто попадется ему на глаза, даже за свой собственный счет. В пронизывающий холод, в этом надменном и чванливом дворце, его сердце согревала одна мысль об Афинах.

В детстве Демосфена баловали. Отрочество же

было несчастливым. Его отец, богатый торговец, умер, оставив его на попечение небрежных опекунов. Он рос тщедушным, легковозбудимым, хилым мальчиком, до которого никому не было дела. В гимнасии к нему на долгие годы прилипло грязное прозвище. Тогда же Демосфен понял, что опекуны грабят его, разворовывая наследство. Не нашлось никого, кто повел бы тяжбу, и он, маленький нервный заика, мог рассчитывать только на себя.

Демосфен начал втайне упражняться — упорно, до изнеможения, подражая актерам и риторам, и выиграл в суде, но к тому времени от денег осталась едва ли треть. Он стал зарабатывать на жизнь единственным, чему научился, сколачивая состояние такими способами, которыми иной бы побрезговал, пока наконец не пригубил крепкого вина власти. Толпа на Пниксе слушала и поддерживала только его.

Демосфен ненавидел многих людей; некоторых не без основания, остальных из зависти; но больше всех он ненавидел человека, по сей день остававшегося невидимым в сердце этого варварского пышного дворца, — македонского тирана, намеревающегося низвести Афины до положения зависимого города. В коридоре скреб

пол раб-фракиец с синей татуировкой. Чувство принадлежности к афинскому полису, не уступающему ни единому городу на земле, как всегда, поддержало Демосфена. Родные Афины! Царю Филиппу придется узнать, что это такое. Как говорят на судебных площадях Аттики, он зашьет Филиппу рот. В этом, по крайней мере, Демосфен заверил своих собратьев.

Если бы царем и исходящей от него угрозой можно было пренебречь, не пришлось бы снаряжать этого посольства. Осторожно, искусно, напоминая о прежних союзах, можно вывести лицемера на чистую воду — достаточно намекнуть на все нарушенные обещания, все заверения, служившие только для того, чтобы потянуть время. Чего стоит обыкновение царя натравливать город на город, партию на партию; или его обходительность с врагами Афин, в то время как он уничтожал или привлекал на свою сторону их друзей. Выступление было составлено великолепно, но в запасе оставалась еще одна историйка, которую следовало отшлифовать и вставить в речь. Услышав ее, послы будут поражены не меньше Филиппа, а их реакция в конечном счете была куда важнее. В любом случае речь разойдется в списках.

Мощеный двор был усеян обломанными ветками. У невысокой стены стояли кадки с обрезанными розовыми кустами, без единого листочка; возможно ли, что они цвели вообще? На далеком горизонте вырисовывалась бело-голубая цепь гор, прорезанная черными ущельями и окаймленная густыми, как мех, лесами. Двое юношей без плащей пробежали мимо, переговариваясь на своем варварском наречии. Растирая грудь, топая ногами, сглатывая в тщетной надежде, что простуженное горло пройдет, Демосфен не смог отогнать неприятную мысль, что выросшие в Македонии мужчины должны быть стойкими. Даже мальчик, которого, без сомнения, прислали сгребать сучья и ветки, казалось, не чувствовал неудобства в своем убогом блеклом одеянии — он сидел на стене, совершенно не страдая от холода, и отлынивал от работы. Хозяин, по крайней мере, мог бы обуть ребенка.

Работать, работать. Демосфен развернул свой свиток на втором параграфе и, расхаживая по двору, чтобы не замерзнуть, заговорил, пробуя выстраивать фразу так и этак. Сцепление каденции с каденцией, падения голоса с подъемом, нажима и убеждения превращали каждую его законченную речь в гладкую ткань без единого

шва. Если какое-нибудь восклицание требовало ответа, он делал его как можно более сжатым, не успокаиваясь до тех пор, пока фраза не начинала звучать репликой из трагедии. Его самые совершенные речи всегда наилучшим образом отрепетированы.

— Таковы, — обращался он к стене двора, — были услуги, великодушно оказанные нашим городом твоему отцу Аминте. Но раз уж я говорил о вещах, естественным образом лежащих за пределами твоей памяти — поскольку тогда ты еще не был рожден, — позволь мне назвать и те благодеяния, которые ты увидел и принял сам.

Демосфен сделал паузу; в этом месте Филипп будет озадачен.

— И старейшие из твоего народа подтвердят сказанное мною. Ибо после того, как твой отец Аминта и твой дядя Александр оба погибли, ты же сам и твой брат Пердикка были детьми, Эвридику, твою мать, предали люди, назвавшиеся ее друзьями, и изгнанный из страны Павсаний вернулся, чтобы предъявить свои права на трон, — ведомый благоприятным случаем и не лишенный поддержки.

Декламируя на ходу, Демосфен сбился с дыхания и был принужден остановиться. Внезапно

он осознал, что мальчик-раб спрыгнул со стены и идет за ним по пятам. Мгновения хватило, чтобы Демосфен вспомнил былые годы насмешек и унижений. Он резко обернулся, ожидая увидеть ухмылку или непристойный жест. Но мальчик смотрел серьезно и прямо, в его открытом лице и чистых серых глазах не чувствовалось издевки. Его, должно быть, словно скотину, привлеченную флейтой пастуха, захватила единственно новизна жестов и модуляций… Дома привыкаешь к слугам, снующим во время репетиций взад-вперед.

— Поэтому, когда наш полководец Ификрат вошел в эти земли, Эвридика, твоя мать, послала за ним и — что подтвердят все бывшие при этом — подвела к нему твоего старшего брата Пердикку, а тебя самого, крошечного ребенка, посадила ему на колени. «Отец этих сирот, — сказала она, — когда был жив, принял тебя как родного сына…»

Демосфен остановился. Пристальный взгляд мальчика, казалось, пронзал ему спину. Внимание тупого невежды, глазевшего на него, как на какого-то фигляра, начинало раздражать Демосфена. Оратор сделал нетерпеливый жест, словно отгоняя собаку.

Мальчик отступил на несколько шагов и остановился, глядя снизу вверх; его голова слегка запрокинулась. На довольно напыщенном греческом, с сильным македонским акцентом, ребенок сказал:

— Прошу вас, продолжайте. Говорите об Ификрате.

Демосфен изумленно глянул на мальчика. Его, привыкшего обращаться к тысячам, самым нелепым образом смутил один-единственный, неведомо откуда взявшийся слушатель. Кроме того, что это могло означать? Одетый как раб паренек явно не мог быть мальчишкой-садовником. Кто послал его и зачем? При ближайшем рассмотрении оказалось, что ребенок чистый, даже волосы вымыты: легко догадаться почему, особенно при такой красоте. Юный любовник гостеприимного хозяина, без сомнения выполняющий секретные поручения царя! Для чего он подслушивал?

Демосфен не впустую прожил тридцать лет своей жизни среди интриг. Его ум за считаные мгновения перебрал десяток вариантов и возможностей. Кто-то из ставленников Филиппа пытается загодя узнать содержание его речи? Но мальчик слишком мал для шпиона. Что же

тогда? Послание? Но для кого?

Демосфен и раньше был уверен, что один из десяти афинских послов куплен Филиппом. В дороге ему казалось, что он вычислил этого человека. Он начал подозревать Филократа. На какие деньги выстроил тот свой большой новый дом и купил сыну упряжку для ристаний? Манеры Филократа переменились, едва посольство приблизилось к Македонии.

— Что с тобой? — спросил мальчик.

Демосфен осознал, что за ним, поглощенным своими мыслями, наблюдали. Беспричинный гнев овладел им. Медленно и отчетливо, на том бытовом греческом, к которому прибегают в разговоре с рабами, он произнес:

— Чего ты хочешь? Кого ищешь? Где твой хозяин?

Мальчик покачал головой, начал было говорить, но внезапно передумал. На греческом более правильном и с меньшим акцентом, чем прежде, он сказал:

— Не скажете ли вы мне, Демосфен еще не вышел?

Даже самому себе Демосфен не признался, что чувствует себя оскорбленным. Прочно въевшаяся осторожность заставила сказать:

— Все мы, послы, одинаковы здесь. Можешь сказать мне, чего ты хочешь от Демосфена.

— Ничего, — ответил мальчик невозмутимо. — Я только хотел посмотреть на него.

Скрытничать дальше не имело смысла.

— Я Демосфен. Что тебе нужно?

Мальчик улыбнулся одной из тех улыбок, которыми вежливые дети встречают неуместные шутки взрослых.

— Я знаю, какой он из себя. А кто вы на самом деле?

О, какие глубины разверзались под ногами! Бесценная тайна могла быть заключена в их словах. Подобные секреты нужно узнавать во что бы то ни стало.

Демосфен инстинктивно оглянулся. Дом был полон глаз; как удержать мальчишку, если он сбежит или начнет кричать, потревожив это осиное гнездо? Часто в Афинах, во время дозволенных законом допросов рабов, Демосфен стоял рядом с дыбой. Пытки были разумной необходимостью: если бы рабы не боялись закона больше, чем своих хозяев, их свидетельство ничего бы не значило. Иногда допрашиваемые были не старше этого мальчика — при дознании нельзя проявлять мягкосердечие. Но здесь,

посреди варваров, Демосфен не имел под рукой ни одного законного средства. Он должен был сделать многое, обойдясь малым.

В это мгновение из окна его комнаты донесся глубокий мелодичный голос, пробующий гамму. Эсхин стоял на свету, расправив широкую грудь. Был хорошо виден его мощный обнаженный торс. Мальчик, обернувшийся на звук голоса, воскликнул:

— Вот он!

Демосфена охватила слепая ярость. Накопившаяся за годы зависть, разбуженная и подстегнутая насмешкой, едва не спалила его. Но нужно быть спокойным, нужно размышлять, двигаться шаг за шагом. Предатель здесь, под боком, и этот предатель — Эсхин! Невозможно и желать лучшего. Ход за Демосфеном; он должен получить доказательства, уличив своего врага перед всеми.

— Это, — сказал он, — Эсхин, сын Атромета, до недавнего времени актер. Это актерская разминка — то, что он сейчас делает. Любой из гостей скажет тебе, кто он такой. Спроси, если хочешь.

Мальчик медленно переводил глаза с одного афинянина на другого. Так же медленно его чистую кожу заливала багровая краска, вол-

ной поднимающаяся от груди до самого лба. Он не произнес ни слова.

Как подступиться? Одно было бесспорно — и эта мысль прочно сидела в мозгу Демосфена, даже когда он обдумывал следующую фразу, — никогда прежде не видел он столь красивого мальчика. Кровь под тонкой кожей светилась, как вино в поднятом на свет алебастровом сосуде. Желание становилось непреодолимым, спутывая расчеты. После, после; все будущее зависит от его способности сохранить сейчас голову ясной. Когда он выяснит, кому принадлежит мальчишка, то попробует его купить. Кикн уже давно утратил свою миловидность и теперь был просто слугой. Нужно быть осторожным, прибегнуть к надежному посреднику… Глупость. Что действительно нужно, так это успеть прижать маленького негодяя, пока он не опомнился.

— Теперь, — бросил Демосфен резко, — говори правду. Не лги. Чего ты хочешь от Эсхина? Ну? Я уже знаю достаточно.

Он медлил слишком долго; мальчик успел собраться с духом и принял дерзкий вид.

— Полагаю, нет, — сказал он.

— Твое послание для Эсхина. Ну же, не надо лгать. Что в нем? — настаивал Демосфен.

— Зачем мне лгать? Я тебя не боюсь.

— Посмотрим. Чего ты от него хочешь?

— Ничего. Как, впрочем, и от тебя.

— Наглый мальчишка. Полагаю, твой хозяин тебя избаловал. Думаю, что это еще не поздно поправить.

Мальчик угадал намерения Демосфена, даже если не понял его греческого.

— Прощай, — сказал он вежливо.

Нельзя его отпускать!

— Стой! — крикнул Демосфен. — Не смей уходить, пока я не закончил. Кому ты служишь?

Холодно, с едва заметной улыбкой, мальчик взглянул на него снизу вверх.

— Александру.

Демосфен нахмурился. Александром звали каждого третьего знатного македонца. Мальчик задумчиво помолчал, потом добавил:

— И богам.

— Ты крадешь мое время, — сказал Демосфен. Он задыхался, теряя контроль над своими чувствами. — Подойди.

Оратор схватил мальчика за руку, пытаясь удержать. Мальчик отпрянул, но не стал вырываться. Он просто смотрел. Его глубоко посаженные глаза расширились. Потом зрачки сузились,

и их словно подернуло дымкой. На хорошем греческом, с утонченной учтивостью и очень спокойно он сказал:

— Отпусти меня. Или, обещаю, ты умрешь.

Демосфен разжал пальцы. Внушающий ужас, порочный мальчишка; очевидно, любимец какого-то вельможи. Его угрозы, без сомнения, пусты… но ведь здесь Македония. Мальчик все еще стоял на месте, пристально вглядываясь в лицо Демосфена. У того внезапной судорогой свело живот. Афинянин подумал о засадах, яде, кинжалах во мраке спальни… Его желудок сжался, по коже прошел озноб.

Мальчик не двигался, его глаза блестели из-под спутанной шапки волос. Потом он отвернулся, перемахнул одним прыжком невысокую стену и исчез.

От окна донесся гулкий голос Эсхина, взявший сначала низкие ноты, потом эффектно подскочивший до тонкого фальцета. Подозрение, одно лишь подозрение! Не на чем выстроить обвинение; то, что очевидно для него самого, не сделать таким же очевидным для остальных. От саднящего горла простуда поднялась в нос; Демосфен громко чихнул. Он должен получить свой отвар, пусть даже приготовленный невежественным

дикарем-недоумком. Как часто в своих речах говорил он о Македонии как о стране, не способной дать цивилизованному миру даже приличного раба!

* * *

Олимпиада сидела в своем золоченом кресле с резными пальметтами и розами. Солнце широким потоком вливалось в окно, прогревая высокую залу, пятная пол пляшущими тенями готовых зазеленеть ветвей. Под рукой у нее стоял небольшой столик кипарисового дерева; на скамеечке у ног сидел сын. Его зубы были стиснуты, но сдавленные вскрики то и дело прорывались сквозь них. Мать расчесывала Александру волосы.

— Последний колтун, дорогой.

— Нельзя ли его отрезать? — спросил Александр.

— И обезобразить тебя? Хочешь походить на раба? Если бы я не следила за тобой, ты бы давно завшивел. Все. Вот тебе поцелуй за терпение, и можешь есть свои финики. Не трогай мое платье, пока пальцы липкие. Дорида, щипцы.

— Они все еще очень горячие, госпожа. Прямо шипят.

— Мама, пора перестать завивать мне волосы. Никому из мальчиков не делают завивки.

— Ну и что же? Пускай следуют за тобой, а не ты за кем-то. Или ты не хочешь быть красивым ради меня?

— Вот, госпожа. Теперь, я думаю, они не подпалят волос, — сказала Дорида.

— Да уж надеюсь! Не дергайся. Я делаю это лучше цирюльников. Никто не догадается, что волосы не вьются от природы.

— Но все меня видят каждый день! Все, кроме…

— Тише, обожжешься, — перебила царица. — Что ты сказал?

— Ничего. Я думал о послах. В конце концов, я, наверное, надену украшения. Ты была права, зачем нам одеваться по афинской моде?

— Ну конечно. Мы сейчас же что-нибудь подыщем, и подходящее платье тоже.

— Кроме того, отец тоже наденет свои драгоценности.

— Ну да. Хотя тебе они больше к лицу.

— Я только что встретил Аристодема. Он сказал, что я сильно вырос и он едва узнал меня.

— Чудесный человек, — кивнула Олимпиада. — Мы можем обо всем расспросить его здесь.

— Он должен был идти, но представил мне другого посла, который когда-то выступал как актер. Он мне понравился; его имя Эсхин. Он рассмешил меня.

— Можно позвать и его. Он из благородного рода?

— Для актеров это не важно. Он рассказывал мне о театре, как они дают спектакли в разных городах, как сводят счеты с ленивцами и завистниками, — сказал Александр.

— Тебе нужно быть осторожнее с этими людьми. Надеюсь, ты не сказал ничего лишнего.

— Ох, нет. Я спросил о партиях войны и мира в Афинах. Он был, я думаю, среди тех, кто стоял за войну. Но мы оказались не такими, как он себе представлял. Мы поладили.

— Не давай никому из них повода похвастаться, что его выделяют, — посоветовала царица.

— Эсхин этого не сделает, у него нет повода для хвастовства.

— Что ты имеешь в виду? Он был развязен?

— Нет, конечно нет. Мы только поговорили.

Олимпиада запрокинула Александру голову, чтобы завить челку. Он мимоходом поцеловал руку матери.

В дверь поскреблись.

— Госпожа, царь прислал сказать, что он созвал послов и хотел бы, чтобы наследник был с ним.

— Передай, что он придет, — откликнулась царица.

Она перебрала волосы сына — прядь за прядью — и оглядела его с ног до головы. Мальчика только что вымыли, ногти были подстрижены, отливающие золотом сандалии стояли наготове. Олимпиада выбрала шафранового цвета хитон из шерсти, с каймой пяти или шести цветов, вытканной ею собственноручно, красную хламиду на плечи и большую золотую булавку. Когда хитон был надет, она застегнула пояс с золотой филигранью. Царица собирала сына не спеша: если он придет слишком рано, то оставшееся до церемонии время проведет с Филиппом.

— Все? — спросил мальчик. — Отец будет ждать.

— Он еще только послал за теми людьми.

— Думаю, они уже ждали этого.

— День покажется тебе нескончаемым, пока ты будешь слушать их высокопарные речи.

— Что же, нужно учиться… Я видел Демосфена.

— Великий Демосфен! Ну и как он тебе показался?

— Мне он не понравился.

Олимпиада подняла брови. Мальчик повернулся к ней, по его лицу пробежала тень, которая не осталась ею незамеченной.

— Отец рассказывал мне о нем, но я не верил. Хотя отец был прав.

— Надевай плащ. Или ты хочешь, чтобы за тобой ухаживали, как за ребенком?

Александр молча накинул плащ на плечо; не говоря ни слова, Олимпиада со всего размаху воткнула булавку в ткань, которая подалась слишком быстро. Александр не пошевелился.

— Я уколола тебя? — спросила Олимпиада резко.

— Нет.

Александр нагнулся завязать сандалии, плащ соскользнул, и Олимпиада увидела кровь на шее сына.

Она приложила к царапине полотенце, целуя его кудрявую голову, спеша примириться с сыном, прежде чем он отправится к ее врагу. Пока Александр шел к залу Персея, боль от укола забылась. А другая боль… ему казалось, что с ней он родился. Он не мог вспомнить дня, когда бы не чувствовал ее.

Послы стояли перед пустым троном, за которым на фреске Персей освобождал Андромеду.

Для каждого приготовили украшенное резьбой деревянное кресло, и даже самому пылкому демократу было ясно, что он сможет сесть только тогда, когда царь предложит ему это. Глава посольства, Филократ, озирался вокруг с наигранной скромностью, сделав серьезное лицо и силясь казаться невозмутимым. Сразу же, как только порядок и темы речей определились, он сделал их краткое изложение и тайно отослал его царю. Филипп славился способностью говорить убежденно и остроумно даже без подготовки, но и он принял бы с благодарностью предоставившуюся возможность оказаться на шаг впереди послов. Филократ из кожи вон лез, отрабатывая свои деньги.

Афиняне выстроились по старшинству. Демосфен, крайний слева, болезненно сглатывал и утирал нос концом плаща. Поднимая глаза, он натыкался на взгляд нарисованных глаз прекрасного юноши, попирающего голубое небо крылатыми сандалиями. В правой руке герой сжимал меч, левой держал за волосы чудовищную голову Горгоны, смертоносный взор которой был устремлен вниз, где в пенящихся волнах моря извивался дракон. Сверкающее тело Андромеды, прикованной к скале, просвечивало сквозь

тонкую рубашку; тот же ветер, который поднял героя в воздух, развевал ее волосы. Расширенными, умоляющими глазами она смотрела на своего спасителя.

Мастерски сделанное изображение не уступало фреске Зевксида в Акрополе и превосходило его. Демосфен испытывал такую же горечь, как если бы оно попало сюда в качестве военного трофея. Прекрасный юноша с загорелым обнаженным телом — для предварительных этюдов художнику позировал один из афинских атлетов времен могущества великого города — высокомерно смотрел сверху вниз на наследников былого величия Афин. Снова, как в далекие годы палестры, Демосфен ощутил ужас, охватывавший его всякий раз, когда ему следовало обнажить свои слабые члены. Публика восхищалась пробегавшими мимо мальчиками, нарочито безразличными к ее похвалам; ему же всегда доставались смешки и ненавистное прозвище в награду.

Ты мертв, Персей, прекрасен, храбр и мертв. Не стоит смотреть на меня. Ты умер от малярии на Сицилии, утонул в гавани Сиракуз, погиб от жажды при отступлении через пустыню. На Козьей реке спартанцы схватили тебя и пере-

резали глотку. Палач «Тридцати»[42] заклеймил тебя, перед тем как удавить. Ты уже ничего не сможешь сделать для Андромеды. Пусть ищет помощь где может, потому что в расступившихся волнах уже показалась голова чудовища.

Паря над морем на облаке, златошлемная Афина вдохновляла героя. Совоокая[43] богиня побед! Прими меня, каков есть, я принадлежу тебе. Я могу служить тебе одними только словами, но в твоей власти превратить их в разящий меч и смертоносный взгляд Горгоны. Дозволь мне защищать твою цитадель, пока она не взрастит новых героев.

Афина ответила ему спокойным, пристальным взглядом серых глаз. Демосфену показалось, что утренний озноб вернулся, и его внутренности судорожно сжались от страха.

За дверями послышался какой-то шум. Вошел царь, сопровождаемый двумя своими военачальниками: Антипатром и Парменионом. Это была внушающая ужас троица закаленных в сраже-

---

[42] Сноски: 42

Имеются в виду «Тридцать тиранов» — олигархи, захватившие власть и установившие режим террора в 404 г. до н. э. после поражения Афин в Пелопоннесской войне.

[43] Сноски: 43

Символом богини Афины была сова, олицетворявшая мудрость.

ниях воинов, каждый из которых и сам по себе приковывал взоры. Вместе с ними, скрываясь за взрослыми, держась сбоку от царя, вошел кудрявый, разряженный мальчик. Глаза он держал опущенными.

Пришедшие устроились на своих местах; Филипп учтиво приветствовал послов и предложил им сесть.

Филократ произнес свою речь, на первый взгляд суровую, но на самом деле полную намеков, которые могли бы оказаться полезными для царя. Подозрения Демосфена крепли. Все они предварительно обменялись краткими тезисами. Те ошибки, которые сейчас допускал Филократ, не могли быть простой неряшливостью. Если бы Демосфен мог хоть на минуту оторвать глаза от царя и сосредоточиться на этом!

Демосфен ожидал, что будет преисполнен ненависти к Филиппу, но не предполагал, что тот выбьет его из колеи. В приветственной речи царя, утонченно вежливой, не было ни одного лишнего слова, и ее краткость изящно намекала, что на этот раз туманная пелена искусно сплетенных слов будет бесполезна. Каждый раз, когда очередной оратор оборачивался к другим послам за поддержкой, Филипп изучающе про-

бегал взглядом по их лицам. Его слепой глаз, не уступающий в подвижности здоровому, казался Демосфену зловещим.

Время едва тянулось; лежавшие под окнами полосы солнечного света медленно ползли по полу. Оратор за оратором предъявлял требования Афин на Олинф и Амфиполь, вспоминал о былых сферах влияния во Фракии и Херсонесе, ссылался на Эвбейскую войну, на то или иное столкновение на море; извлекал старые договоры с Македонией, заключенные в течение долгой череды войн за ее трон; толковал о хлебных путях Геллеспонта, о намерениях Персии и интригах ее сатрапов, владеющих побережьем. И все это время Демосфену было видно, как блестящий черный глаз вместе со своим бесполезным товарищем то и дело задерживается на его фигуре.

Его, знаменитого тираноборца, ждали так же, как ждут протагониста, который должен выйти из расступившегося хора. Как часто, в судах и на Собрании, знание этого воодушевляло Демосфена, заставляло закипать кровь. Теперь ему пришло в голову, что никогда прежде ему не доводилось обращать свою речь к одному человеку.

Демосфен владел каждой струной своего ин-

струмента, мог рассчитать малейшее изменение тона, мог превратить справедливые требования в слепую ненависть, сыграть на самолюбии людей так, чтобы уже им самим казалось, что они самоотверженно выполняют свой долг, мог замарать грязью честного человека и обелить негодяя. Даже среди судейских и политиков своего времени, предъявляющего высокие требования к искусству оратора, он считался профессионалом высочайшего класса. И он знал, что способен на большее; в иные дни Демосфен переживал чистейший восторг артиста, воспламеняя слушателей собственной мечтой о величии Афин. Он достиг вершины своего мастерства и сейчас должен был совершить невозможное. Но теперь ему внезапно стало понятно, что своим успехом он был обязан безликой толпе. Когда люди расходятся по домам, его ораторское искусство хвалят, но слова восхищения распыляются среди многих сотен людей, ни один из которых его в действительности не любит. Среди них нет никого, с кем бы он смыкал щиты в сражении. И если он нуждался в любви, то получал ее за две драхмы.

Заканчивал свою речь восьмой оратор, Ктесифон. Вскоре придет очередь Демосфена, и он

будет говорить не для привычно внимающей ему толпы, а для цепкого взгляда одинокого черного глаза.

Нос опять заложило, пришлось высморкаться в плащ — пол был вызывающе роскошен. Что, если из носа потечет во время выступления? Стараясь не думать о царе, Демосфен посмотрел на краснолицего ширококостного Антипатра, на Пармениона с его широко развернутыми плечами, буйной бородой и кривыми ногами наездника. Напрасно Демосфен сделал это. В отличие от Филиппа они не были скованы приличиями, заставляющими выслушивать всех афинян одинаково бесстрастно, и оценивали послов и их речи вполне искренне. Свирепый взгляд голубых глаз Антипатра живо напомнил Демосфену филарха[44], под началом которого он, тщедушный восемнадцатилетний юнец, отбывал воинскую повинность.

Все это время разодетый как на праздник царский сынок неподвижно сидел в своем низеньком кресле, уставившись на собственные колени. Любой афинский мальчишка вертелся бы на месте, не сдерживая своего любопытства, и его дерзость

---

[44] Сноски: 44

Филарх — правитель области Аттики.

(увы, хорошие манеры повсеместно забылись!) искупалась бы живым быстрым умом, все ловящей на лету сообразительностью. Спартанская муштра. Спарта, символ былой тирании и современной олигархии. Как раз этого следовало ожидать от сына Филиппа.

Ктесифон закончил. Он поклонился, и Филипп произнес слова благодарности. Царь ухитрялся заставить каждого из ораторов почувствовать, что его выделили, запомнили. Распорядитель произнес имя Эсхина.

Тот поднялся во весь свой рост. Эсхин был слишком высок, чтобы ему удавались роли женщин, — одна из причин, вынудивших актера покинуть сцену. Выдаст ли он себя? Ни одного слова, ни одной модуляции нельзя пропустить. И следить за царем.

Эсхин начал, и в очередной раз Демосфену пришлось убедиться, что значит выучка. Он сам большое значение придавал жесту и действительно умело пользовался им в публичных речах, называя старую скульптурно-неподвижную позу пережитком аристократии; но, воодушевляясь, иногда слишком усердствовал. Правая рука Эсхина свободно лежала поверх плаща. Он держался с большим достоинством, не разыгрывая перед

тремя великими полководцами старого солдата, но все же давая им понять, что его почтительность — это уважение человека, знающего войну не понаслышке. Это была хорошая речь, построенная в соответствии со всеми канонами. Эсхин ничего не упустил, нигде не был чрезмерно многословен.

Не совладав с отвращением, Демосфен снова высморкался и переключился на собственную речь, еще раз мысленно пробегая ее пункты.

— И твои старшие соплеменники подтвердят мои слова. После того как твой отец Аминта и твой дядя Александр оба погибли, ты же и твой брат Пердикка были детьми…

Демосфен замер; его мысль замерла, остановленная невероятным совпадением. Слова были те же самые. Но произносил их Эсхин, а не он.

— …преданные ложными друзьями, и Павсаний вернулся из своего изгнания, чтобы предъявить права на трон…

Непринужденный, вкрадчивый, тщательно модулированный голос громом отдавался у него в ушах. Дикие мысли о совпадении роились и угасали, а Эсхин цеплял слово за слово, и каждое из этих слов теперь становилось подтверждением бесчестия.

— Ты сам был еще ребенком. Она усадила тебя к себе на колени, говоря так…

Первоначальные годы его трудов, прошедшие в отчаянной борьбе с заиканием и резким тембром несильного голоса, приучили Демосфена к постоянным подстраховкам. Снова и снова, со свитком в руке, на борту корабля и на постоялых дворах, он репетировал эту часть речи, отчетливо проговаривая каждую фразу. Этот фигляр, бездарный воришка чужих слов — конечно же, он мог заучить ее со слуха.

Историйка завершилась искусным выводом. На всех, казалось, она произвела глубокое впечатление: на царя, военачальников, остальных послов, — на всех, кроме мальчика, который, утомившись наконец от долгих часов бездействия, начал почесывать голову.

У Демосфена не только украли наиболее выигрышную часть выступления, его поставили перед необходимостью в считаные минуты изменить всю речь, основная тема которой была непосредственно увязана с уже прозвучавшей историей.

Демосфен никогда не был силен в импровизации, даже если слушатели поддерживали его. Царь снова выжидающе покосился в его сторону.

Отчаянным усилием собирал Демосфен в уме

разрозненные фрагменты речи, прилаживал их друг к другу, пытаясь срастить, поменять местами, перекрыть лакуны. Но, прослушав большую часть речи Эсхина, он не имел ни малейшего представления о том, как долго еще тот будет говорить и скоро ли, соответственно, придет его очередь. Тревога мешала собраться с мыслями. В памяти вертелось лишь то, как он однажды срезал Эсхина, показав беспочвенность претензий самонадеянного выскочки, бросив в лицо Эсхину и его влиятельным покровителям факт его происхождения из опустившейся знати. Демосфен поведал, что Эсхин мальчиком разводил чернила в школе своего отца и переписывал списки гражданских повинностей, что на сцене он никогда не получал ведущих ролей. Кому на руку трюки его подлого ремесла, которые Эсхин привнесет в благородный театр политиков?

Эсхин после этого долго ходил посмешищем Афин. А такие вещи не забываются и не прощаются.

Голос Эсхина усилился; речь шла к концу. Демосфен почувствовал на лбу холодный пот. Он сосредоточился на вступительной тираде, которая должна была привлечь внимание слушателей и скрепить бедное рушащееся здание его

речи. Но Персей поглядывал с фрески насмешливо. Царь сидел спокойно, поглаживая бороду. Антипатр что-то вполголоса сказал Пармениону. Мальчик глубоко запустил пальцы в волосы.

Ловко, незаметно Эсхин обыграл ключевой период заготовленного Демосфеном финала. Потом поклонился. Его поблагодарили.

— Демосфен, — возгласил распорядитель, — сын Демосфена из дема Пеании.

Демосфен поднялся и начал, словно бросаясь в пропасть. Чувство стиля оставило его совершенно, он был рад, что помнит хоть сами слова. Уже почти в самом конце к нему вернулась способность соображать; он увидел, как залатать дыру. В этот миг легкое движение отвлекло его. Впервые за все время мальчик поднял голову.

Завитые локоны, распустившиеся еще до того, как он запустил в них руку, превратились в спутанную копну, дыбом поднимающуюся надо лбом. Серые глаза были широко открыты. Мальчик едва заметно улыбался.

— Рассматривая вопрос широко… вопрос широко… рассма…

Голос Демосфена пресекся, рот открылся и закрылся, слышно было только дыхание. Все навострили уши. Эсхин, приподнявшись, похлопал

его по спине. Мальчик смотрел прямо на Демосфена — понимающе, ничего не упуская, ожидая продолжения. От его лица исходило чистое холодное сияние.

— Рассматривая вопрос широко… Я… Я…

Царь Филипп, пораженный и сбитый с толку, уловил только то, что ему предоставляется случай проявить великодушие:

— Мой гость, не торопитесь. Не надо беспокоиться, через пару минут дыхание к вам вернется.

Мальчик чуть наклонил голову к левому плечу; Демосфен вспомнил его позу. Серые глаза, широко открытые, оценивали его позор и страх.

— Попробуйте обдумать все постепенно, — добродушно сказал Филипп. — Вернитесь к началу. Нет нужды смущаться, как делают это актеры в театре, забывшие свою роль. Уверяю вас, мы можем подождать.

Что за игра кошки с мышью? Немыслимо, чтобы мальчик не рассказал всего отцу. В ушах звучали слова: «Обещаю, ты умрешь».

Шепот пробежал среди послов; речь Демосфена содержала важные моменты, еще не затронутые. Ключевые места, если бы только он мог их припомнить…

Охваченный мрачной паникой, Демосфен

последовал совету царя, пытаясь вернуться мыслями к вступлению. Губы мальчика слабо, беззвучно, насмешливо дрогнули. Голова Демосфена стала пустой, как высушенная тыква. Он выговорил: «Простите» — и сел.

— В таком случае, благородные афиняне… — заключил Филипп и подал знак распорядителю. — Когда вы отдохнете и подкрепитесь, я дам вам ответ.

За дверью Антипатр и Парменион принялись обсуждать, как выглядели бы послы в кавалерийском строю. Филипп, направляясь к библиотеке, где он оставил свою уже написанную речь (в ней были допущены пробелы на случай необходимых дополнений после речей послов), почувствовал на себе взгляд сына. Он кивнул; мальчик прошел за ним в сад, где, в умиротворяющей тишине, они остались одни среди деревьев.

— Можешь отлить, — сказал Филипп.

— Я ничего не пил. Как ты советовал мне когда-то.

— Да? Ну, как тебе Демосфен? — спросил Филипп.

— Ты был прав, отец, — ответил Александр. — Он трус.

Филипп опустил полу хитона и оглянулся; что-

то в голосе сына заинтересовало его.

— Что с ним случилось? Ты знаешь?

— Этот актер, который выступал перед ним, — ответил Александр. — Он украл его речь.

— Как ты узнал?

— Я слышал, как Демосфен репетировал в саду. Он говорил со мной.

— Демосфен? О чем?

— Он подумал, что я раб, и хотел знать, не шпионю ли я. Потом, когда я ответил на греческом, он решил, что я чей-то жопка. — Он прибегнул к казарменному словечку, которое первым пришло на ум. — Я не сказал ему, кто я. Решил подождать.

— Чего?

— Когда он начал говорить, я поднял голову, и он узнал меня.

С явным удовольствием мальчик наблюдал, как улыбка медленно освещает лицо отца: щербатый рот, здоровый глаз и даже слепой.

— Но почему ты ничего мне не сказал? — поинтересовался Филипп.

— Демосфен этого и ожидал. Он не знал, что думать.

Филипп бросил на сына одобрительный взгляд.

— Этот человек делал тебе предложения? — спросил отец, помедлив.

— Он не стал бы просить раба. Он просто узнал бы, сколько я стою.

— Что ж, теперь, полагаю, он это знает.

Отец и сын переглянулись. Это было мгновение редкой гармонии между ними. Оба были подлинными наследниками тех вождей, что сотни и сотни лет назад приехали из-за Истра на своих колесницах. Вооруженные бронзовыми мечами, их предки вели за собой неисчислимые племена, одни из которых ушли дальше на юг, покоряя новые земли, другие осели в местных горных царствах, в которые привнесли свои древние обычаи. Они возводили для своих мертвых гробницы, где те лежали рядом с останками предков, черепа которых были покрыты шлемами, увенчанными кабаньими клыками, а кости рук сжимали обоюдоострые секиры. Из поколения в поколение, от отца к сыну, передавались достигшие совершенства ритуалы кровной мести и междоусобиц. Хотя на обидчика нельзя было поднять меч, за оскорбление воздавалось — изящно, тонко, мерой за меру. В своем роде это напоминало кровавую расправу в тронном зале Эгии.

В Афинах наконец обсудили условия мирного

договора. Антипатра и Пармениона, посланных туда представлять Филиппа, поразили затейливые обычаи юга. Единственным вопросом, выносившимся в Македонии на голосование, был смертный приговор; все остальное единолично решал царь.

К тому времени, когда Афины согласились с условиями мирного договора (Эсхин особенно упорно настаивал на этом) и посольство отправилось в обратный путь, чтобы заключить договор, царь Филипп успел покорить фракийскую крепость царя Керсоблепта[45] и принял капитуляцию на том условии, что сын фракийца останется заложником в Пелле.

Между тем из укреплений над Фермопилами явился в поисках пропитания, золота и удачи изгнанный грабитель храмов — Фокион. Филипп тотчас же вошел с ним в секретные сношения. Новость о том, что Македония протянула руку к Великим воротам, подействовала бы на Афины подобно землетрясению — им куда легче было выносить грехи Фокиона (и даже пользоваться ими при случае), чем *это.* Поэтому переговоры следовало тщательно скрывать до тех пор, пока

---

[45] Сноски: 45
Керсоблепт — царь фракийского племени одрисов.

мир не будет подписан и скреплен священными нерушимыми клятвами.

Филипп был обаятелен и любезен со вторым посольством. Эсхина он ценил в особенности, как человека не купленного, но изменившего в своем сердце. Актер с радостью принял заверения царя — бывшие, впрочем, на тот момент искренними, — что тот не причинит вреда Афинам и не слишком жестоко обойдется с фокейцами. Афины нуждались в Фокиде: как для того, чтобы удерживать Фермопилы, так и для противостояния заклятому врагу — Фивам.

Послов приняли с редким гостеприимством и оделили богатыми подношениями. Дары приняли все, кроме Демосфена. На этот раз он говорил первым, но все его товарищи сошлись на том, что ему недоставало обычного воодушевления. Ссоры и интриги сопровождали посольство на протяжении всей дороги из Афин.

Подозрения Демосфена относительно Филократа переросли в уверенность; он горел нетерпением убедить в этом остальных, изобличив попутно и Эсхина: доказав предательство одного, бросить тень на другого.

Погруженный в мрачные размышления, Демосфен вошел в обеденный зал, где гостей развле-

кали игрой на лире юный Александр и еще один мальчик. Пара холодных серых глаз уставилась на него поверх лиры. Демосфен быстро отвернулся и поймал насмешливую улыбку Эсхина.

Клятвы были произнесены; послы отбыли домой. Филипп провожал послов на юг до самой Фессалии, не обмолвившись, однако, что ему это по пути. Расставшись с гостями, царь повернул к Фермопилам и получил от Фокиона укрепления в обмен на охранную грамоту. Изгнанники удалились, полные благодарности. Потом они рассеялись по стране, чтобы стать наемниками в нескончаемых войнах между греческими городами, и умирали там и тут, пораженные мстительным Аполлоном.

Афины охватила паника. Там ожидали, что Филипп обрушится на город, подобно Ксерксу. Гарнизон на стенах был усилен, беглецы со всей Аттики наводнили город. Но Филипп только прислал сказать, что он намерен уладить скандал с Дельфами, так долго позоривший Элладу, и пригласил афинян присоединиться к нему в качестве союзников.

Демосфен произнес яростную речь о вероломстве тиранов. Филипп, говорил он, хочет, чтобы цвет нашего юношества достался ему в за-

ложники. Войско не послали. Филипп испытал чистосердечное недоумение; отказ задел и уязвил его. Он проявил милосердие, когда никто на это не надеялся, и не получил никакой благодарности. Предоставив Афины самим себе, царь с головой ушел в фокейскую войну. Священный Союз — города, которые вместе с фокейцами должны были охранять Треножник, святилище Аполлона в Дельфах, — дал Филиппу свое благословение.

Во Фракии заключили мир, все свои силы Филипп мог обрушить на Фокиду. Одна за другой фокейские крепости сдались или пали; вскоре все было кончено, и Священный Союз собрался, чтобы решить судьбу фокейцев — проклятого народа, своими богохульственными грабежами губившего страну. Большинство предлагало запытать пленных до смерти, сбросить их с вершин Фирид или, по крайней мере, распродать как рабов. Но Филипп, уже уставший от жестокостей войны и предвидевший к тому же новые нескончаемые войны за владение опустевшими землями, настаивал на том, чтобы к нечестивцам проявили милосердие. В конце концов было решено позволить фокейцам жить в собственной стране, но небольшими деревнями, которые

им запретили укреплять. Запрещалось также отстраивать стены городов, а в храм Аполлона полагалось вносить ежегодные подати. Демосфен произнес яростную речь в осуждение этих зверств.

Священный Союз захотел выразить признательность Филиппу, избавившему от нечестивцев величайшую святыню Греции, и предложил Македонии два места в Совете, как раз отнятые у фокейцев. Царь уже вернулся в Пеллу, когда за ним выслали двух вестников с приглашением возглавить Совет на следующих Пифийских играх.

После аудиенции Филипп стоял в одиночестве у окна, смакуя триумф. Великий день был только началом, и впереди лежал долгий трудный путь. Наконец-то его признали эллином.

С тех пор как Филипп стал мужчиной, Эллада была его возлюбленной. Ее ненависть обжигала, словно удар хлыста. Эллада забыла былое величие, опустилась; но не хватало ей лишь одного — сильного вождя, и в глубине души Филипп знал свое предназначение.

Его любовь родилась в горечи, в те дни, когда из гор и лесов Македонии он был взят чужими людьми в ужасные низины Фив, взят как живой

символ поражения. Хотя хозяева-тюремщики обходились вежливо со своим заложником, многие фиванцы вели себя по-другому; его оторвали от друзей и семьи, от желанных девушек и той женщины, которая первой обучала его науке любви. В Фивах свободные женщины были для него недоступны, за ним постоянно следили; если Филипп шел в публичный дом, ему не хватало денег на ту проститутку, которая не вызывала бы в нем отвращения.

Единственное утешение он находил в палестре. Здесь никто не мог смотреть на Филиппа свысока; он закрепил за собой репутацию атлета искусного и несокрушимого духом. Палестра приняла его, дав понять, что здесь по-прежнему ценятся истинные достоинства. С новыми друзьями явилась возможность посещать философов и учителей риторики, а вскоре и случай изучать искусство войны у сведущих наставников. Филипп скучал по дому и вернулся туда с радостью, но уже не варваром, а посвященным, узнавшим таинство Эллады.

Афины были алтарем Эллады, едва ли не ею самою. Все, чего Филипп хотел для города, — это возрождения былой славы; нынешние вожди Афин в глазах Филиппа уподобились фокейцам,

богохульникам, завладевшим священным храмом Дельф. В глубине души он смутно осознавал, что для афинян слава неотделима от свободы, но сейчас напоминал любовника, который полагает, что любую, даже основную черту характера возлюбленной можно легко изменить, как только они поженятся.

Всеми доступными ему средствами, часто идя окольными путями, часто разжигая вражду, пытался Филипп открыть себе двери Эллады. Он разбил бы эту дверь вдребезги, прежде чем расстаться с надеждой обладать Грецией, но он страстно желал, чтобы ему открыли добровольно. Сейчас в руках у Филиппа был изящный свиток, присланный из Дельф; ключ если не от внутренних комнат, то, по крайней мере, от ворот.

В конце концов Эллада должна будет принять его. Когда Филипп освободил от многолетнего рабства родственные ей города Ионии, он вошел в ее сердце. Родились новые планы. Позднее, подобно знамению, пришло длинное письмо от Исократа — престарелого философа, который дружил с Сократом еще в те времена, когда Платон ходил в школу, и родился до того, как Афины объявили войну Спарте, пустив этим кровь всей Греции. Теперь, на своем десятом де-

сятке, он все еще не спускал глаз с меняющегося мира и убеждал Филиппа объединить Грецию под своей властью.

Задремав у окна, царь видел вернувшуюся юность Эллады — не благодаря крикливому оратору, назвавшему его тираном, а благодаря Гераклиду, имеющему большее право называться так, чем выродившиеся и погрязшие в мелочных ссорах цари Спарты. Филипп уже видел, как его статую устанавливают на Акрополе; как великий царь персидский займет свое место в череде варваров, обязанных поставлять рабов и платить дань; как при его правлении Афины вновь станут школой Эллады.

Молодые голоса прервали грезы Филиппа. Внизу на террасе его сын играл в бабки с юным заложником, сыном Тера, царя агриан.

Филипп изумленно посмотрел вниз. Что могло понадобиться Александру от этого маленького дикаря? Сын даже брал его с собой в гимнасий, как донес один из знатных гетайров, мальчуган которого ходил туда же и был этим обстоятельством недоволен.

С ребенком обращались гуманно, он был хорошо одет и накормлен; его никогда не заставляли работать или делать что-либо унизительное

для его высокого происхождения. Конечно, ни один из благородных домов, принявших бы мальчика из цивилизованного мира — Греции или прибрежной Фракии, — не пошел бы на это. Пленник был вынужден постоянно оставаться во дворце, и, поскольку агриане зарекомендовали себя воинственным народом, на чью покорность не приходилось рассчитывать, к мальчику был приставлен страж на случай попытки побега. Почему Александр всем благородно рожденным мальчикам Пеллы предпочел именно этого мальчишку, оставалось выше понимания Филиппа. Без сомнения, ребенок скоро забудет свой каприз; незачем вмешиваться.

Дети опустились на корточки на мраморных плитах; во время игры они объяснялись, усиленно жестикулируя, на смеси македонского с фракийским, с преобладанием фракийского, поскольку Александр учился чужому языку быстрее. Скучающий стражник сидел на спине мраморного льва.

Ламбар был ширококостным рыжим фракийцем той воинственной северной ветви, которая тысячелетие назад спустилась к югу, рассеивая свои горные кланы в племенах темноволосых пеласгов. На год старше Александра, он казался

еще взрослее из-за своего сложения. Его волосы вздымались спутанной копной, на плече была вытатуирована архаическая фигура лошади с маленькой головой — знак его царской крови. Как всякий высокорожденный фракиец, он вел свой род от легендарного полубога, Реса-наездника. На ноге виднелся олень, тотем его племени. Когда мальчик достигнет совершеннолетия, так что дальнейший рост не испортит рисунка, все его тело покроют тщательно продуманным сплетением узоров и символических фигур, указывающих на его высокий ранг. На шее Ламбара висел засаленный кожаный шнурок с амулетом — грифоном из желтого скифского золота. Держа в руках мешок с костями, он произносил монотонное заклинание. Солдат, который охотнее предпочел бы общество своих друзей в караульной, нетерпеливо кашлянул. Ламбар загнанно оглянулся.

— Не обращай внимания, — сказал Александр. — Он охранник, этим все сказано. Он не может приказывать тебе и говорить, что ты должен делать.

Про себя Александр подумал, что величайший позор падет на весь дом, если с заложником царской крови в Пелле будут обращаться хуже,

чем в Фивах. Эта мысль проскальзывала в его уме еще до того дня, когда он наткнулся на Ламбара, который рыдал, прижавшись к стволу дерева, под равнодушным взглядом своего тюремщика. При звуке нового голоса пленник отпрянул, как затравленное животное, но вид протянутой руки его успокоил. Увидев, что над его слезами глумятся, Ламбар бросился бы в драку, даже если бы это стоило ему жизни. Это без слов стало понятно обоим мальчикам, едва они обменялись взглядами.

В рыжих волосах заложника оказалось полно красных вшей, и Ланика ворчала, поручая собственной служанке привести голову пленника в порядок. Когда Александр послал за сластями, их принес раб-фракиец.

— Он всего лишь стражник, — сказал Александр. — Ты мой гость. Тебе бросать.

Ламбар повторил свою молитву фракийскому богу, назвал пять и выбросил два и три.

— Ты просишь бога о таких мелочах? Я думаю, он оскорбится. Боги любят, когда их просят о чем-то великом.

Ламбар, который теперь не так часто молился о возвращении домой, сказал:

— Твой бог подарил тебе победу.

— Нет, я просто пытаюсь чувствовать себя удачливым во всем, — возразил Александр. — Я берегу свои молитвы.

— Для чего?

— Ламбар, послушай. Когда мы будем мужчинами. Когда мы будем царями — ты понимаешь, о чем я?

— Когда наши отцы умрут.

— Когда я начну войну, ты будешь моим союзником?

— Да. Что такое союзник?

— Ты приведешь своих воинов сражаться с моими врагами. А я приведу своих биться с твоими.

Сверху, из окна, царь Филипп видел, как фракиец схватил Александра за руки и, опустившись на колени, сжал их в своих. Запрокинув голову, дикарь говорил долго и без запинки. Александр стоял на коленях, глядя в лицо Ламбара и держа его сплетенные руки, и слушал спокойно — во всей его позе ощущалось внимание. Вскоре Ламбар вскочил на ноги и испустил пронзительный вопль, словно завыла брошенная собака, — детская попытка воспроизвести боевой клич фракийцев. Филипп, ничего не понявший из этой сцены, нашел ее отвратительной. Он обрадовался, увидев, что скучающий страж направился

к мальчикам.

Это вернуло Ламбара к реальности. Пеан прервался; угрюмо, потерянно пленник уставился в землю.

— Что тебе нужно? — спросил Александр. — Ничего плохого не случилось, он учит меня своим обычаям.

Стражник, явившийся разнимать повздоривших мальчишек, был вынужден оправдываться.

— Уходи. Я позову, если ты мне понадобишься. Это чудесная клятва, Ламбар. Повтори последние слова еще раз.

— Я буду хранить верность, — произнес Ламбар медленно и серьезно, — пока небо не упадет и не раздавит меня, или земля не разверзнется и не поглотит меня, или море не расступится и не возьмет меня. Мой отец целует вождей, когда они клянутся этой клятвой.

Не веря своим глазам, Филипп смотрел, как его сын взял в руки рыжую голову маленького варвара и запечатлел на его лбу ритуальный поцелуй. Все зашло слишком далеко. Это было не по-эллински. Филипп вспомнил, что он еще не рассказал Александру новости о Пифийских играх, на которые собирался взять сына с собой. Будет лучше, если Александр подумает об этом.

На мраморной плите лежал легкий слой пыли. Александр чертил по ней обструганной веткой.

— Покажи мне, как твой народ выстраивается на сражении.

Из окна библиотеки этажом выше Феникс с улыбкой наблюдал, как золотоволосая и рыжая головы, соприкасаясь, склонились над какой-то серьезной игрой. Педагога всегда умилял вид его питомца, когда тот, ослабив тетиву лука, ненадолго возвращался к прежним детским забавам. Присутствие стражника давало педагогу несколько минут отдыха. Он вернулся к своему развернутому свитку.

— Мы захватили тысячу голов! — ликующе вскричал Ламбар. — Чоп-чоп-чоп!

— Да, но где стоят пращники?

Снова подошел стражник, на этот раз с посланием:

— Александр, предоставь этого паренька мне. Царь, твой отец, зовет тебя.

Серые глаза Александра на мгновение задержались на лице посланного. Царский сын с неохотой поднялся:

— Хорошо. Не мешай ему делать все, что он захочет. Ты солдат, а не педагог. И не называй его «этот паренек». Если я признаю его ранг, то и ты

вполне можешь.

Александр поднялся вверх по лестнице между мраморными львами, чтобы услышать великие вести из Дельф. Глаза Ламбара неотрывно следили за ним.

Глава 4

— Как жаль, — сказал Эпикрат, — что ты не можешь уделять музыке больше времени.

— Дни должны быть дольше, — вскричал Александр. — Почему нужно спать? Если бы я мог обходиться без сна!

— Ты увидишь, что мастерства это тебе не прибавит.

Александр похлопал по корпусу кифары с узорным инкрустированным орнаментом и колками из слоновой кости. Двенадцать струн ответили слабым вздохом. Мальчик скинул ремень, позволявший играть стоя (если кифарист сидел, тон менялся), и оперся о стол. Проверяя чистоту звука, он слегка пощипывал струны.

— Ты прав, — продолжал Эпикрат. — Почему нужно умирать? Если бы можно было обойтись без этого!

— Да, сон напоминает смерть.

— Надо же. Когда тебе двенадцать лет, времени в запасе еще очень много. Мне бы хотелось увидеть твое выступление на состязаниях. Может быть, имея перед собой такую цель, ты трудился бы усерднее… Я подумывал о Пифийских

играх. Через два года ты будешь готов к ним.

— Какой возраст положен для юношей?

— Им не должно быть больше восемнадцати. Твой отец даст согласие?

— Нет, если я буду выступать только как музыкант. Я и сам не соглашусь, — сказал Александр. — Чего ты от меня хочешь, Эпикрат?

— Приучить тебя к дисциплине.

— Так я и думал. Но тогда я не смогу получать от музыки удовольствие.

Эпикрат привычно вздохнул.

— Не сердись, — сказал Александр. — К дисциплине меня приучает Леонид.

— Знаю, знаю. В твои годы у меня не было такого хорошего удара. Ты начал раньше и, скажу без ложной скромности, с лучшим учителем. Но ты никогда не станешь музыкантом, Александр, если будешь пренебрегать философией искусства.

— Для этого нужно, чтобы математика вошла в душу. У меня это никогда не получится, ты знаешь сам. И в любом случае я никогда бы не смог стать настоящим музыкантом. Я предназначен для иного.

— Почему бы не принять участие в играх? — вкрадчиво спросил Эпикрат. — И заодно в состя-

зании музыкантов?

— Нет. Когда я был там, мне казалось, что нет на свете ничего более прекрасного. Но мы задержались после состязаний, и я познакомился с атлетами. Я увидел, кто они такие на самом деле. Я могу драться с мальчиками здесь, в Македонии, потому что мы все учимся быть мужчинами. Но те — всего лишь мальчики-атлеты. Часто они заканчивают выступать до того, как станут мужчинами, и даже в противном случае игры — вся их жизнь. Это все равно что быть женщиной для женщин.

Эпикрат кивнул:

— Такое началось едва ли не на моих глазах. Люди, которые не могут гордиться собой, довольствуются тем, что хвастаются своими городами, славу которым добывают другие. И в конце концов городу нечем будет славиться вообще, разве что мертвыми, те относятся к гордости гораздо спокойнее. Что же, в музыке талант одного человека принадлежит всем. Начинай, я хочу прослушать этот отрывок еще раз. Прошу тебя, держись ближе к замыслу сочинителя.

Александр поднял кифару, пристраивая слишком большой для него инструмент на уровне груди басовыми струнами к себе. Он осторож-

но тронул их пальцами левой руки, дискан-
ты же — плектром[46], который держал в правой.
Его голова была слегка наклонена; судя по со-
средоточенному взгляду, он все, даже музыку,
воспринимал скорее глазами. Эпикрат наблюдал
за ним со странной смесью любви и раздраже-
ния, в который уже раз задаваясь привычным
вопросом: что вышло бы, если бы он настаивал
на своем с большим упорством, отказываясь
понимать мальчика? В конце концов, лучшие
учителя поступили бы именно так. Но тогда
и Александр, вероятнее всего, просто отказал-
ся бы от уроков. Сыну царя еще не было десяти,
когда он уже знал достаточно для рожденного
благородным, чтобы бренчать на лире за ужи-
ном. Никто не стал бы настаивать на чем-то
большем.

Александр взял несколько звучных аккордов,
завершив плавной каденцией. И запел.

В том возрасте, когда голоса македонских маль-
чиков начинали грубеть, он сохранил чистый
альт, который с годами только окреп. Когда,
следуя звучанию струн под плектром, он легко
взял высокие ноты, Эпикрат удивленно подумал,

---

[46] Сноски: 46

Плектр — медиатор, приспособление для защипывания струн при игре на некоторых музыкальных инструментах.

что это Александра никогда не заботило. И точно так же он не скрывал отвращения, когда другие мальчишки, его ровесники, навязчиво обменивались при нем непристойностями — этими вечными спутниками подростков. Мальчик никогда не боялся диктовать свою волю.

Все подвластно всесильному богу.

Он догонит орла парящего и дельфина в море.

Дерзким смертным не избежать его велений,

Но кому-то дарует он славу, живущую вечно.

Голос Александра воспарил и прервался, струны отозвались эхом, как дикие голоса в горной долине. «Опять импровизация», — со вздохом подумал Эпикрат.

Пока эффектный, безрассудно страстный экспромт вдохновенно взлетал от пароксизма к пароксизму, Эпикрат молча, пристально изучал мальчика. Грека сбивало с толку злоупотребление той самой эстетикой, которой он посвятил свою жизнь. Он даже не был влюблен, его влекло иное. Почему Эпикрат оставался во дворце? В одеоне Афин или Эфеса подобное представле-

ние привело бы в восторг верхние ярусы театра, заставив их освистать судей. И все же в манере игры Александра не было ничего от театра, намеренного желания подать себя; в основе исполнения лежало не невежество — Эпикрат хорошо это видел, — но совершенно иное, высшее неведение.

«И вот ради этого, — думал Эпикрат, — я остаюсь. Я чувствую необходимость остаться, необходимость, силу и настоятельность которой не могу измерить, о которой не могу думать без страха».

В Пелле был сын одного торговца, игру которого Эпикрат как-то случайно услышал, — настоящий музыкант. Грек вызвался учить мальчика бесплатно, надеясь хоть этим купить душевный покой. Мальчик хотел учиться, старался изо всех сил, был благодарен; и все же эти плодотворные уроки занимали ум Эпикрата гораздо меньше, чем занятия, на которых священные дары бога, принявшего его служение, расточались, как благовония на неведомом алтаре.

Украсьте челн гирляндой цветов, моя песнь
Для храбрых…

Музыка нарастала быстрым крещендо. На гу-

бах мальчика заиграла жестокая отрешенная улыбка, как у скрывшегося в темноте любовника. Инструмент не выдержал яростного напора и зафальшивил. Мальчик должен был это слышать, но продолжал играть, словно одна его упрямая воля могла натянуть струны вновь. Он немилосерден к кифаре, подумал Эпикрат, так же как в один прекрасный день будет безжалостен к самому себе.

«Я должен ехать, уже давно пора. Я дал ему все, в чем он нуждался. Этим он сможет заниматься самостоятельно. В Эфесе круглый год можно слушать хорошую музыку, а время от времени — и образцовую. Я бы мог работать и в Коринфе. Я взял бы с собой юного Пейтона, ему следует послушать мастеров. Этот же — не я учу его, а он развращает меня. Он пришел ко мне как чужеземец, которому нужен слушатель, и я слушаю его, хотя он коверкает мой родной язык. Так пусть он играет для своих богов и отпустит меня».

Теперь тебе ведома твоя мощь,
Живи по своей силе.

Александр ударил плектром по струнам. Одна из них лопнула, опутав остальные, они нестройно прозвенели и смолкли. Не веря своим глазам,

мальчик смотрел на кифару.

— Ну? — сказал Эпикрат. — Чего ты ожидал? Ты думал, она бессмертна?

— Я думал, что она не сломается, пока я не закончу.

— С лошадью ты обращался бы иначе. Дай ее мне.

Эпикрат достал из ящичка новую струну и принялся приводить инструмент в порядок. Александр нетерпеливо переминался у окна; то, что уже готово было сорваться с его губ, больше не вернется. Грек не торопясь настраивал кифару.

«Перед отъездом я мог бы показать ему его подлинный уровень».

— Ты никогда не играл для отца и его гостей, разве только на лире, — сказал Эпикрат.

— За ужином любят слушать лиру.

— Это за неимением лучшего. Сделай мне приятное, будь так добр. Разучи для меня какую-нибудь пьесу и сыграй ее, как положено. Я уверен, царь будет рад увидеть, каких успехов ты достиг.

— Я думаю, он даже не знает, что у меня есть кифара, — возразил Александр. — Ты ведь помнишь, я купил ее сам.

— Еще лучше! Это будет для него сюрпризом.

Как и все в Пелле, Эпикрат знал о новом скандале на женской половине дворца. Мальчик нервничал; он еще долго не успокоится. Александр не только забросил упражнения, но и пропустил урок. И едва он вошел сегодня в комнату, грек все понял.

Почему, во имя всех богов, царь не может обойтись парой гетер? Он мог бы выбрать лучших. Юноши всегда в его распоряжении; но не слишком ли много хочет Филипп? Почему нужно обставлять свой разврат такими церемониями? Этой свадьбе предшествовали по меньшей мере три другие. Пусть это старый обычай царского дома в далекой полудикой стране, но тогда зачем называть себя эллином? Филипп так тщится быть принятым Грецией, почему же он не помнит ее золотого правила: «Ничего в излишестве». Варварство не изжить в одном поколении, оно есть и в мальчике, но все же…

Александр продолжал молча смотреть в окно, словно позабыв, где находится и чего от него ждут. Его мать наверняка снова принялась за него. Эту женщину стоило бы пожалеть, если бы она сама не была повинна в половине своих несчастий — и несчастий своего сына.

Он должен принадлежать ей, исключительно ей, и только богам ведомо, чему еще. Даже царь мог показаться вполне цивилизованным рядом со своей царицей. Неужели она не видит, что слишком часто приносит вред своему сыну? Любая из этих жен-наложниц может произвести на свет мальчика, который будет счастлив, имея такого отца. Почему она не может стать обходительнее? Почему она никогда не щадит мальчика?

«Нет надежды научить его чему-либо сегодня, — думал Эпикрат. — Отложим кифару… Да, но для чего сам я учился музыке?»

Эпикрат поднял инструмент, встал и начал играть.

Через какое-то время Александр отвернулся от окна и подошел к столу; сел, поерзал, успокоился — и вскоре он застыл совершенно неподвижно, слегка наклонив голову. Глаза его были устремлены куда-то вдаль, внезапно они наполнились слезами. Эпикрат с облегчением смотрел на эти слезы. Они появлялись всегда, когда музыка брала мальчика за живое, и не смущали ни учителя, ни ученика. Когда Эпикрат закончил, Александр утер глаза ладонями и улыбнулся:

— Если ты этого хочешь, я разучу пьесу и сыг-

раю ее в зале.

«Мне нужно немедленно уезжать отсюда, — повторил себе Эпикрат, выходя из комнаты. — Для человека, ищущего гармонии и душевного спокойствия, подобные волнения чрезмерны».

Несколькими уроками позднее Александр сказал:

— Сегодня будут гости за ужином. Если меня попросят играть, мне попробовать?

— Непременно, — кивнул Эпикрат. — Играй в точности как сегодня утром. Для меня найдется место?

— Ну да, будут все свои, ни одного чужого. Я скажу управляющему.

Ужин припоздниился, ждали царя. Филипп вежливо приветствовал гостей, но был довольно резок со слугами. Его щеки горели, глаза налились кровью, он прерывисто дышал и, по-видимому, прилагал все усилия к тому, чтобы забыть взволновавшую его сцену. Слуги тотчас же разнесли новость, что царь говорил с царицей.

Гости были старыми товарищами из отряда гетайров. Филипп с облегчением оглядел ложа: ни одного посла, для которого пришлось бы разыгрывать представление, ни одного непривычного к настоящему вину слабака. Доброе

крепкое аканфское и ни капли воды — он нуждался в нем после всего того, что ему пришлось вынести.

Александр разделял ужин с Фениксом, присев на край его ложа. Он никогда не садился с отцом, если только тот не приглашал его сам. Феникс, лишенный музыкального слуха, но могущий перечислить все литературные реминисценции в любом отрывке, с радостью выслушал новости об успехах своего питомца и упомянул кстати о лире Ахилла:

— И я не уподоблюсь Патроклу, который, как говорит Гомер, сидел, нетерпеливо ожидая, когда же его друг натешится.

— Ох, чепуха, — отозвался Александр. — Это значит только, что Патроклу надо было поговорить.

— Эй, эй, мальчик, что ты делаешь? Кубок, из которого ты пьешь, это мой кубок, вовсе не твой.

— Ну… я пью за твое здоровье. Попробуй мое вино. Если в него не добавляли воду до того, как пустить его по кругу, оно такое же, как у тебя.

— Приличествующая мальчикам пропорция — один к четырем. Можешь немного отлить в мою

чашу. Мы не привыкли все время пить вино неразбавленным, как твой отец, но просить сейчас кувшин с водой как-то неприлично.

— Я немного отопью, чтобы было куда доливать, — предложил Александр.

— Нет-нет, мальчик, остановись, этого достаточно. Ты опьянеешь и не сможешь играть.

— Да что ты, я сделал только один глоток.

И действительно, вино, казалось, не подействовало на Александра, разве что лицо разгорелось. Он был из хорошо закаленной семьи.

Шум усиливался по мере того, как гости поднимали свои чаши. Перекрикивая всех, Филипп вызывал желающих что-нибудь сыграть или спеть.

— Твой сын, государь, — отозвался Феникс, — как раз для этого пира разучил новую мелодию.

Две или даже три чаши крепкого неразбавленного вина значительно улучшили самочувствие Филиппа. Надлежащее противоядие от змеиных укусов, подумал он с хмурой улыбкой.

— Выходи же, мальчик. Возьми свою лиру и сядь здесь.

Александр подал знак слуге, попечению которого поручил кифару, заботливо поставил инструмент рядом с ложем отца и пристроился тут же.

— Что это? — спросил царь. — Ты же не можешь играть на этом, а?

Филипп ни разу не видел, чтобы кифаристы играли бесплатно. Не подобало царевичу использовать такой инструмент.

— Скажешь мне это, когда я закончу, отец, — с улыбкой ответил мальчик.

Он попробовал струны и начал.

Эпикрат, сидевший в конце зала, слушал его игру с глубоким чувством. В эти минуты Александр мог позировать для статуи юного Аполлона. Кто знает, может, это только начало; бог мог бы открыть ему чистое знание.

Македонская знать слушала с изумлением; все ожидали припева, который можно подхватить хором. Им еще не приходилось видеть благородно рожденного, который играл бы на кифаре или выказывал желание на ней играть. Чего эти учителишки добиваются от мальчика? Александр заслужил славу отважного, азартного парнишки. Или из него делают южанина? Следующей, наверное, будет философия.

Царь Филипп присутствовал на многих музыкальных состязаниях. Не интересуясь по-настоящему искусством, он все же мог оценить технику игры и понимал, что его сын — хороший музы-

кант, хотя и недостаточно опытный. Ему было видно, что сотрапезники не знают, как относиться к происходящему. Почему учитель Александра умолчал об этой пагубной страсти? Правда очевидна. Это *она* снова приучает сына к своим варварским обрядам, погружает в гибельное безумие таинств, делает из него дикаря. Посмотрите на него сейчас, думал Филипп, вы только посмотрите на него!

Из уважения к чужестранцам, всегда ожидавшим этого, он, на эллинский манер, позволял мальчику присутствовать на пирах, хотя сыновья его друзей не появлялись здесь, не достигнув определенного возраста. Почему он нарушил этот мудрый обычай? Если у мальчика до сих пор голос как у девушки, нужно ли показывать это при всем честном народе?

Эта эпирская сука, мерзкая ведьма… Царь давно бы уже отправил ее восвояси, если бы ее могущественная родня не превращалась в нацеленное в его спину копье всякий раз, когда Филипп начинал войну. Но пусть не торжествует. Он это еще сделает.

Феникс и не представлял себе, что мальчик может так хорошо играть. Не хуже заезжего парня с Самоса, который играл здесь четыре месяца

назад. Но мальчик позволил себе увлечься — так иногда он поступал и с Гомером. Перед отцом Александр всегда сдерживался. Не стоило пить этого вина.

Александр перешел к заключительной каденции. Ликующе рассыпался каскад звуков.

Почти ничего не слыша, оглушенный, Филипп не мог оторвать взгляда от ужасного зрелища. Сияющее лицо, глубоко посаженные серые глаза — блуждающие, блестящие от непролитых слез, далекая, нездешняя улыбка… зеркальное отражение *того* лица, лица женщины, что осталась в верхних покоях, — с красными пятнами на скулах, слезами ярости на глазах. *Ее* сын был здесь. Отвратительный смех снова наполнил уши Филиппа.

Александр взял последний аккорд и глубоко, прерывисто вздохнул. Он не сделал ни одной ошибки.

Гости неуверенно захлопали. Эпикрат рукоплескал с восторгом.

— Хорошо! Просто прекрасно! — слишком громко крикнул Феникс.

Филипп обрушил свой кубок на стол. Его лоб налился темно-багровой краской, веко слепого глаза чуть приподнялось, обнажая белый шрам,

здоровый глаз, казалось, выскакивал из глазницы.

— Хорошо? — проревел он. — И это ты называешь музыкой для мужчины?

Мальчик медленно, словно пробуждаясь ото сна, обернулся. Смигнув слезы, он остановил взгляд на отце.

— Никогда больше, — сказал Филипп, — не устраивай мне подобного представления. Оставь это шлюхам из Коринфа и персидским евнухам — ты равно похож на тех и на других. Стыдись.

Все еще скованный кифарой, мальчик несколько мгновений стоял неподвижно. Его лицо застыло, потом, когда от него отхлынула кровь, стало желтым. Ни на кого не глядя, Александр прошел мимо пирующих и скрылся за дверью.

Эпикрат последовал за ним. Но, обдумывая, что сказать, он замешкался и уже не нашел Александра.

Через несколько дней воин Гир, принадлежащий к одному из тех племен горной Македонии, что живут в глубине страны, древними тропами возвращался к себе домой. Своему начальнику он доложил, что умирающий отец молит его повидаться перед смертью. Военачальник, со вче-

рашнего дня ожидавший подобной просьбы, велел не задерживаться, когда со всеми хлопотами будет покончено. Если, конечно, Гир хочет получить свою плату.

На межплеменные раздоры, казавшиеся вечными, смотрели сквозь пальцы, пока их размеры не становились угрожающими. Чтобы искоренить междоусобицу, потребовалось бы постоянное присутствие в стране целой армии, при условии, что сами солдаты не окажутся втянутыми в сплетение племенных интриг и интересов. Дядю Гира убили, жену изнасиловали и оставили умирать; если бы Гиру отказали в отпуске, он ушел бы как дезертир. Подобные вещи случались едва ли не каждый месяц.

Уже второй день Гир был в пути. Он состоял в легковооруженной коннице и имел собственную лошадь, низкорослую и безобразную, но выносливую — очень похожую на своего хозяина, приземистого темноволосого человека с перебитым, слегка свернутым набок носом и короткой жесткой бородой. Затянутый в кожу и до зубов вооруженный, в эту поездку домой Гир снарядился, как в военный поход.

Гир берег свою неподкованную лошадку и ехал на ней только по траве, если мог ее найти.

Около полудня он пересекал холмистую вересковую пустошь между двумя горными хребтами. Под мягким ветерком раскачивались березы и лиственницы, росшие на откосах. Был конец лета, но здесь, в горах, воздух оставался прохладным и свежим. Гир, который сам не стремился на берега Ахерона, но все же предпочитал смерть той позорной жизни, что ожидала бы его, не сумей он отомстить за родичей, внимательно рассматривал мир, который, возможно, ему скоро суждено было покинуть.

Впереди тем временем показался дубовый лесок. В его умиротворяющей благодатной тени журчал между камней и черной палой листвы ручей. Гир напоил и стреножил лошадь, наполнил для себя бронзовую чашу, висевшую у него на поясе. Сладость горной воды показалась божественной его пересохшей гортани. Достав из чересседельной сумки козий сыр и черный хлеб, Гир уселся на камне перекусить.

На тропе у него за спиной послышался глухой стук копыт. Какой-то чужак неторопливо ехал через лес. Гир быстрым неуловимым движением схватился за дротики.

— Гир, привет тебе.

До последней минуты воин не верил своим

глазам. Он был в добрых пятидесяти милях от Пеллы.

— Александр!

Кусок хлеба застрял у Гира в горле, и он едва не подавился, пытаясь его проглотить, пока мальчик спешивался и подводил лошадь к ручью.

— Как ты здесь оказался? С тобой никого нет?

— Теперь есть ты. — Мальчик церемонно обратился к духу ручья, напоил лошадь — не дав, однако, ей пить слишком много — и отвел ее к молодой дубовой поросли. — Мы можем поесть вместе.

Он достал свои припасы и подсел к Гиру.

Александр был вооружен, как взрослый, длинным охотничьим ножом. Его перепачканная одежда выглядела помятой, во всклокоченных волосах торчали сосновые иголки. Он, очевидно, спал в лесу. К седлу его лошади помимо прочих вещей были приторочены два дротика и лук.

— Вот, возьми яблоко, — предложил Александр Гиру. — Я так и рассчитывал, что догоню тебя ко времени обеда.

Ошарашенный Гир подчинился. Мальчик напился из пригоршни и плеснул воды себе в лицо. Поглощенный своими тревогами, заслонившими для него весь мир, горец ничего не слышал

о недавнем ужине царя Филиппа. Мысль о том, что мальчик станет ему обузой, ужаснула Гира. За то время, пока он отвезет мальчика в Пеллу и пустится в обратный путь, дома может произойти все, что угодно.

— Как ты забрался один так далеко? Ты потерялся? Где ты охотился?

— Я охочусь за тем же, что и ты, — ответил Александр, вгрызаясь в яблоко. — Вот почему я еду с тобой.

— Но… но… что за мысль… Ты не знаешь, что я собираюсь делать.

— Конечно знаю. Это знают все в твоем отряде. Мне нужна война, и твоя война отлично подходит. Мне пришло время добывать пояс для меча. Я поеду с тобой, чтобы убить своего человека.

Гир прирос к месту. Значит, все это время мальчик крался за ним, благоразумно держась в отдалении. Он тщательно снарядился, продумав все детали. Даже лицо у него изменилось: щеки впали, острее обозначились скулы, глаза тверже смотрели из-под густых бровей, прямой нос с высокой переносицей выдавался еще сильнее. Лоб пересекла неведомо откуда взявшаяся морщина — это лицо вообще едва ли можно было назвать лицом ребенка. Тем не менее Алексан-

дру исполнилось всего двенадцать лет, и Гиру пришлось бы держать за него ответ перед Филиппом.

— Так нельзя, — сказал воин с отчаянием. — Так нельзя поступать! Ты сам знаешь, что так нельзя. Я нужен сейчас дома, тебе это известно. А теперь мне придется бросить родичей в беде, чтобы отвезти тебя назад.

— Ты не можешь этого сделать, мы разделили трапезу, мы связаны. — Александр говорил укоризненно, но не был встревожен. — Грешно предавать друга.

— Тебе следовало все рассказать мне сразу. Сейчас я ничего не могу поделать. Ты должен вернуться домой, и ты вернешься. Ты уже не ребенок. Если с тобой что-нибудь случится, царь прикажет меня распять.

Мальчик неторопливо встал и пошел к своей лошади. Гир приподнялся и, увидев, что Александр не торопится снимать с нее путы, сел снова.

— Он не убьет тебя, если я вернусь. Если я погибну, у тебя будет целая вечность, чтобы скрыться. Я думаю, он не убьет тебя в любом случае. Лучше подумай обо мне. Если ты посмеешь отправить меня домой прежде, чем я того захочу, или повер-

нешь назад сам — тебя убью я. И в этом можешь не сомневаться.

Александр повернулся с поднятой рукой. Гир уставился на нацеленный в него дротик. Поверхность узкого листообразного лезвия отсвечивала голубым, остро заточенный конец походил на иглу.

— Спокойно, Гир. Стой как стоишь, не двигайся. Я бросаю быстро, ты это знаешь, это знают все. Ты будешь мертв раньше, чем успеешь крикнуть. Я не хочу начинать с тебя. Я должен убить своего человека в сражении. Но ты станешь моим первым, если попытаешься меня остановить.

Гир посмотрел ему в глаза. Такие глаза он видел в бою, в прорезях шлема.

— Ну, ну, — беспомощно повторил воин. — Ты, верно, шутишь.

— Никто даже не узнает, что это сделал я. Я брошу твое тело в зарослях, и оно станет добычей волков и коршунов. Ты не дождешься погребения, никто не совершит над тобой обряда. Твоя душа будет скитаться неосвобожденной. — Речь Александра стала размеренной. — И тени мертвых никогда не позволят ей пересечь Реку и присоединиться к ним. Навечно будешь ты осужден не знать покоя перед воротами печаль-

ного царства Аида. Поэтому лучше не шевелись.

Гир сидел неподвижно; теперь у него появилось время подумать. Хотя ему и не было известно о случившемся на ужине, он знал о новой женитьбе царя и обо всех предыдущих. От одной из этих женщин уже родился мальчик. Люди говорили, что сперва мальчик был вполне нормальным, но потом превратился в идиота — без сомнения, околдованный царицей. Возможно, она просто подкупила няньку, чтобы та капнула ядом ему на голову. А может, все произошло само собой. Но когда-нибудь родятся и другие. Если юный Александр хочет убить своего человека еще до того, как возмужает, легко понять, зачем ему это.

— Ну? — спросил мальчик. — Ты даешь мне слово? Я не могу стоять так целый день.

— Одни боги знают, чем я заслужил такое. В чем я должен тебе поклясться?

— Не посылать гонца в Пеллу. Никому не называть моего имени, пока я не позволю. Не мешать мне участвовать в сражениях и никому не поручать следить за мной. Ты должен поклясться во всем этом и призвать на себя проклятие богов, если нарушишь клятву.

Гира передернуло. Заключить подобный дого-

вор с сыном ведьмы! Мальчик опустил оружие, но держал его наготове.

— Тебе придется это сделать, — холодно сказал Александр. — Я не хочу, чтобы ты тайком связал меня, пока я сплю. Я, конечно, мог бы не спать, караулить, но это глупо перед боем. Так что если хочешь выйти из этого леса живым, клянись.

— А что будет со мной потом?

— Если я буду жив, ты не останешься внакладе. Ты рискуешь, я могу погибнуть, но война есть война.

Александр потянулся к своей кожаной чересседельной сумке, оглядываясь на все еще молчащего Гира, и достал кусок мяса. Мясо, давно уже несвежее, сильно попахивало.

— Это от жертвоприношения, — сказал Александр, шлепая кусок на валун. — Я припас его специально для этого. Подойди. Положи сюда руку. Ты выполняешь клятвы, данные богам?

— Да. — Рука Гира была так холодна, что тухлая козлятина под ней казалась горячей.

— Тогда повторяй.

Клятва была длинной, продуманной. На отступника призывалась ужасная кара. Мальчик, весьма сведущий в подобных вещах, позаботился обо всех возможных лазейках. Еще бы сыну

Олимпиады не позаботиться об этом.

Гир послушно повторил слова клятвы и, освободившись, сразу же отошел к ручью, чтобы смыть с руки кровь. Мальчик понюхал мясо.

— Не думаю, чтобы его можно было есть, даже если мы повозимся с костром. — Он отбросил кусок в сторону, спрятал дротик в колчан и подошел к Гиру. — Хорошо, с этим покончено. Теперь мы можем говорить как друзья. Доедим обед, и расскажи мне обо всем.

Проведя рукой по лбу, Гир пустился перечислять нанесенные его роду несправедливости.

— Нет, все это мне известно, — прервал его Александр. — Сколько вас, сколько их? Что там за местность? Есть ли у вас лошади?

Дорога проходила по зеленым холмам, неуклонно поднимаясь все выше и выше. Трава уступила место папоротникам и тимьяну, тропа вилась, огибая сосновые леса и густые заросли земляничных деревьев. Горные хребты вздымались вокруг, живительный горный воздух, упоительно чистый, наполнял легкие. Они вступали в святая святых гор.

Гир рассказал о междоусобице, начало которой было положено три поколения назад. Получив ответы на свои первые вопросы, мальчик пока-

зал себя благодарным слушателем. О своих делах он сказал только:

— Ты должен будешь выступить моим свидетелем в Пелле. Царю исполнилось пятнадцать, когда он убил своего первого. Так мне сказал Парменион.

Гир собирался провести последнюю ночь у своих дальних родичей, живших в половине дня пути от его дома. Он показал Александру их деревню, прилепившуюся на краю узкого ущелья, над которым нависали отвесные скалы. Вдоль пропасти шла тропа, по которой могли пройти лошади. Гир хотел свернуть на хорошую окольную дорогу, проложенную царем Архелаем, но мальчик, слышавший, что тропа все еще пригодна, и желавший это проверить, настоял на своем. Не стоило тратить времени на окольный путь.

Они преодолевали крутые подъемы и головокружительные спуски.

— Если эти люди тебе родня, — сказал Александр, — не имеет смысла выдавать меня за родственника. Просто скажи, что я сын твоего начальника, что я учусь сражаться. Тогда они никогда не смогут обвинить тебя во лжи.

Гир охотно согласился. Из сказанного выходило, что за мальчиком нужно присматривать.

Большего вояка сделать не мог, опасаясь небесной кары за клятвопреступление. Гир был богобоязненным человеком.

На небольшом плоском выступе скалы между бугристым склоном холма и ущельем ютилась деревушка скопов, построенная из коричневого камня, в изобилии валявшегося повсюду, и сама похожая на выход горной породы. С открытой стороны ее защищала изгородь, сложенная из валунов и оплетенная колючим терновником. Жесткая вытоптанная трава за оградой пестрела коровьими лепешками, оставленными стадом, которое загоняли сюда на ночь. Две-три маленькие косматые лошаденки щипали траву; остальные были в горах с охотниками или с пастухом на выпасе. Козы и несколько овец со свалявшейся шерстью разбрелись по склону холма. Сверху, похожие на песню дикой птицы, лились заунывные звуки свирели пастушка. Над тропой на изглоданном стволе засохшего дерева желтел прибитый череп и кости руки. Когда мальчик спросил, что это такое, Гир сказал:

— Это случилось очень давно, когда я еще был ребенком. Этот человек убил своего отца.

Их приезд вошел в ряд событий, которые и полгода спустя служат пищей для разговоров.

Мальчишки дули в рог, созывая пастухов; старейшего из племени скопа, дожидавшегося смерти в своей берлоге, вытащили из вороха таких же старых, как он сам, шкур и отрепьев. В доме вождя гостям предложили сладкие маленькие фиги и местное мутное вино, налитое в лучшие, с меньшим количеством трещин, чаши. С предписанной обычаем учтивостью хозяева ожидали, пока Гир и мальчик насытятся, и только после этого начались расспросы о них самих и о далеком мире.

Гир поведал о том, что Египет вновь лежит под пятою Великого царя персидского, что царя Филиппа призвали навести порядок в Фессалии. Теперь он там стал архонтом, то есть тем же царем, что чрезвычайно обеспокоило южан. Правда ли, спросил брат вождя, что царь берет новую жену, а царицу отошлет в Эпир?

Чувствуя напряженное молчание мальчика в гуле голосов, Гир сердито опроверг глупые россказни. Подчиняя себе новые земли, царь, чтобы оказать честь тому или иному местному вождю, берет в свой дом его дочь; по мнению Гира, это не более чем своеобразный способ брать заложников. Что до царицы Олимпиады, она — мать наследника и пользуется величайшим

уважением. Сыном гордятся оба родителя. Произнеся эту речь, с тяжким трудом приготовленную несколько часов назад, Гир предотвратил возможные пересуды и в свою очередь осведомился о новостях.

Новости были плохими. Четверо врагов-кимолиан встретили в горной долине двух соплеменников Гира, преследовавших оленя. Один односельчанин смог доползти до дома и сказать перед смертью, где найти труп брата, прежде чем до того доберутся шакалы. Кимолиане возгордились победой; их старый вождь больше не имел никакого влияния на своих сыновей. Скоро никто не сможет чувствовать себя в безопасности. Пока загоняли на ночь скот и жарили козу, зарезанную для угощения, были обсуждены многие происшествия, сказано много горячих слов. С наступлением темноты все разошлись на покой.

Александра положили с сыном вождя, имевшего собственное одеяло. Покрывало кишело паразитами. Вшивым был и сам ребенок, но он, в отличие от паразитов, благоговел перед гостем и не мешал ему спать.

Терзаемому блохами Александру снилось, что к постели подошел Геракл и трясет его за плечо. Герой выглядел в точности как у алтаря в саду

Пеллы, безбородый и юный. Клыкастая пасть льва капюшоном покрывала его голову; клочья гривы свисали вниз.

«Вставай, лентяй, — говорил герой, — или я отправлюсь в путь один. Я не могу тебя добудиться».

В комнате все спали; Александр взял плащ и осторожно выскользнул наружу.

Заходящая луна заливала своим сиянием дикое нагорье. Не было ни одного часового, кроме собак. Огромный пес, похожий на волка, подбежал к нему. Александр постоял неподвижно, дав себя обнюхать, и зверь вскоре отошел. Собаки залаяли бы при любом подозрительном шуме за оградой.

Все было спокойно; зачем же Геракл позвал его? Взгляд мальчика остановился на высокой скале. Наверх вела хорошо утоптанная тропка — деревенский наблюдательный пункт. Если бы там сидел дозорный… Но никакого дозорного не было.

Александр вскарабкался наверх. Ему открылась дорога Архелая, огибавшая подножие холма, и на этой дороге — крадущиеся тени.

Двадцать или больше всадников, едущих налегке, без груза. Они находились слишком далеко,

чтобы даже здесь, в горах, широко разносящих любой звук, их можно было услышать. Но что-то сверкало в зыбком лунном свете.

Серые глаза Александра стали огромными. Он воздел к небу руки и запрокинул голову. Лицо Александра просияло. Он вверил себя Гераклу, и бог ответил. Он не допустил, чтобы Александр долго искал подвига, и послал ему настоящую битву.

Мальчик стоял в свете полной луны, запоминая особенности места, позиции выигрышные и рискованные. Устроить засаду где-нибудь внизу было невозможно. Архелай, мудрый строитель дорог, без сомнения, предусмотрел такую опасность. Засаду придется сделать здесь, потому что скопов меньше. Скопов нужно немедленно разбудить. Враги еще достаточно далеко и не услышат шума потревоженной деревни. Если он сейчас будет бегать из дома в дом, о нем забудут в суматохе. Нужно заставить скопов собраться сразу.

На стене дома вождя висел рог, которым тот созывал соплеменников. Александр осторожно проверил его и подул.

Двери распахивались, мужчины выскакивали на улицу, на ходу натягивая свои тряпки, женщины визгливо перекрикивались, овцы и козы

блеяли. Александр, стоя на высоком валуне, на фоне мрачного неба, кричал:

— Война! Война!

Бессвязные вопли стихли. Голос Александра перекрывал все. Покинув Пеллу, он говорил и думал только на македонском.

— Я Александр, сын царя Филиппа. Гир может подтвердить это. Я пришел сражаться в вашей войне вместе с вами, потому что бог послал мне знамение. Кимолиане уже на дороге внизу, двадцать три всадника. Слушайте меня, и еще до рассвета мы покончим с ними.

Он назвал имена вождя и его сыновей. Те подошли — ошеломленные, пристально вглядываясь в сумрак. Мальчик был сыном ведьмы, эпирки.

Александр сел на валун, не желая отказываться от преимущества в росте, которое тот давал ему, и горячо заговорил. Геракл все еще стоял у него за плечом.

Когда Александр умолк, вождь отослал женщин по домам и приказал мужчинам повиноваться мальчику. Скопы заспорили; им было не по нутру удерживаться от стычки с ненавистными кимолианами до тех пор, пока те не окажутся за оградой, посреди скота, за которым и явились. Но Гир поддержал мальчика. В переменчивом

предрассветном сумраке скопы вооружились, оседлали своих лошадок и спрятались за хижинами.

Было очевидно, что кимолиане рассчитывают напасть на деревню, когда мужчины разойдутся по своим делам. Завал из терна, закрывавший ворота, был раскидан так, чтобы впустить врагов, не возбудив никаких подозрений. Пастухов и мальчишек, стерегущих коз, отослали на холмы, как в самое обычное утро.

Вершины гор темными силуэтами вырисовывались на фоне неба, в глубине которого медленно бледнели звезды. Александр, сжимая поводья и дротики, ждал, когда появится первая розовая полоса, предвещающая рассвет: он должен запомнить ее раз и навсегда. Он знал об этом ощущении и впервые испытывал его сам. На протяжении всей своей жизни Александр слышал рассказы о насильственной смерти и теперь вспоминал их: скрежет железа, проходящего сквозь внутренности, агония, смутные тени, ждущие, пока свет померкнет в глазах умирающего — навсегда. В воцарившейся тишине сердце Александра обратилось к Гераклу-покровителю: «Почему сейчас тебя нет со мной?»

Самый высокий пик окрасился первыми луча-

ми зари. Он вспыхнул, словно объятый пламенем. Александр был совершенно один, и божественно-спокойный голос Геракла беспрепятственно достиг его слуха. Бог сказал: «Я открыл тебе свои тайны. Не обольщай себя надеждой, что умрут другие, не ты, — не для этого я удостоил тебя своей дружбой. Только взойдя на погребальный костер, я достиг бессмертия. Колено к колену я боролся с Танатосом и знаю, как побеждают смерть. Бессмертие для человека — это не вечная жизнь; желание жить вечно порождает страх. Каждое мгновение, когда человек не ведает страха, делает его бессмертным».

Розово-красные вершины холмов стали золотыми. Александр находился между смертью и жизнью, как между ночью и днем, и думал в нарастающем ликовании: я не боюсь. Это было лучше музыки, сильнее любви матери; это — жизнь богов. Горести не могли его затронуть, ненависть — причинить боль. Все казалось ему ясным и отчетливым, как парящему в небе орлу. Александр чувствовал себя быстрым и легким, как стрела.

По вытоптанной дороге застучали копыта лошадей.

Кимолиане остановились за оградой. На холме

насвистывал на свирели пастух. В домах щебетали беспечные дети, какая-то женщина пела. Всадники раскидали изгородь и с гоготом въехали в деревню. Скот, на который они позарились, находился в загоне. Начать можно с женщин.

Внезапно раздался громкий и пронзительный вопль. Кимолиане подумали, что их заметила какая-то девчонка. Потом они услышали крики мужчин.

Верхом и пешие, скопы обрушились на налетчиков. Некоторые из врагов уже ломились в дома, с этими справились быстро. Силы сражающихся оказались теперь примерно равны.

Воцарился полный хаос, люди метались среди ревущего скота. Один из кимолиан пробился к воротам и кинулся бежать. В рядах скопов раздались торжествующие вопли. Александр догадался, что кимолиане сейчас дрогнут и побегут. Скопы не станут им препятствовать, довольствуясь сегодняшней удачей и не заглядывая в день завтрашний, когда враг вернется сюда, униженный поражением и жаждущий мести. И они называют это победой?

Со свирепым криком Александр кинулся к воротам:

— Не дайте им уйти!

Увлеченные его порывом, скопы подчинились. Ворота перекрыли. Скот все еще топтался в загоне, но мужчины теперь стояли лицом друг к другу, образуя боевую шеренгу.

«Сейчас!» — думал мальчик, вглядываясь в кимолианина напротив.

На том был старый шлем из черной засаленной кожи, прошитый грубо выкованными железными пластинами, и панцирь из козлиной шкуры мехом наружу, местами до блеска вытертой. Его лицо, с молодой рыжей бородкой, покрывали веснушки, и оно шелушилось от сильного загара. Враг насупился — не гневно, но как человек, вынужденный выполнять привычную ему работу, рассчитывая при этом только на себя самого. Его шлем и латы уже порядочно поизносились, кимолианин был высок ростом и не выглядел неопытным юнцом.

Александр держал два дротика. Один он собирался метнуть, другой приготовил для сражения. В воздухе свистели копья. Один из скопов залез на крышу своего дома и стрелял из лука. Лошадь какого-то кимолианина заржала и поднялась на дыбы, потом понесла. Древко копья торчало у нее из шеи. Всадник упал и, кое-как поднявшись, захромал, волоча ногу. Казалось,

что прошла целая вечность. Большинство копий было брошено впустую — сказались нетерпение, значительное расстояние и недостаток опыта. Глаза рыжебородого бегали, он выбирал противника для рукопашной, которая вот-вот должна была начаться.

Александр нацелил дротик и пришпорил свою лошадку. Легкая цель — прямо над сердцем на козлиной шкуре черная проплешина. Нет, в первый раз он должен встретиться с врагом лицом к лицу. Почти не глядя, Александр метнул оружие в кимолианина, темноволосого, коренастого, смуглого от загара, топчущегося рядом с выбранной жертвой. В ту же секунду его пальцы впились в древко второго дротика, а глаза устремились на рыжего. Кимолианин увидел его. Александр издал боевой вопль и огрел лошадь древком. Лошадка рванулась вперед по взрытой земле.

Рыжий, озираясь, поднял длинное копье. Его рыскающий, ищущий взгляд не задержался на мальчике; он ожидал настоящего противника, взрослого, который мог оказаться опасным.

Александр поднял голову и закричал во всю мощь легких. Враг должен защищаться, должен поверить в него, иначе это будет нечестным

убийством, как если бы он напал на спящего или со спины. Все должно свершиться безупречно, чтобы никто не посмел… Александр крикнул снова.

Налетчики были из рослого племени. Рыжебородому ребенок казался досадной помехой, отвлекавшей от серьезного врага. Он беспокойно посматривал на мальчика, но не решался сбросить его с седла из опасения, что кто-нибудь из взрослых тут же нападет на него, застав врасплох. В довершение всего рыжебородый неважно видел и только через несколько мгновений отчетливо разглядел мчавшегося на него мальчика. Лицо юного воина не было лицом ребенка. При виде этих глаз у кимолианина поднялись дыбом волосы на затылке.

Мальчик летел прямо на него, не отрывая взгляда, готовый победить или умереть, — совершенное, подчиненное одному стремлению существо, свободное от ненависти, гнева, сомнений, непорочное, служащее богу, с ликованием преодолевшее страх. И с этим существом, от лица которого исходило нечеловеческое сияние, изо рта которого вылетали пронзительные, высокие, как клич охотящегося ястреба, крики, рыжебородый не пожелал связываться. Он дер-

нул поводья, разворачиваясь к ближайшему скопу — приземистому, дородному, далекому от сверхъестественного или божественного. Но его взгляд блуждал, он медлил слишком долго. С воплем «Аххиии!» сияющий мальчик-воин поравнялся с ним. Кимолианин швырнул копье, странное существо уклонилось; он увидел глубоко посаженные, небесной сини, глаза, восторженно кричащий рот. Удар сотряс грудь кимолианина, удар, принесший мгновенный мрак. В последний миг, когда свет уже мерк в глазах рыжего, ему показалось, что улыбающиеся губы мальчика приоткрылись, чтобы выпить его жизнь.

Скопы приветствовали Александра ликованием. Без сомнения, он принес им удачу. Кимолиане дрогнули: убитым оказался любимый сын их вождя. Они беспорядочно стали пробиваться к бреши в воротах, прокладывая себе дорогу сквозь мечущийся скот и людей.

Лошади визжали, коровы мычали и топтали упавших; поднялась смешанная вонь от свежего навоза, смятой травы, пота и крови.

Когда кимолианам удалось сбиться в небольшую группу, стало видно, что они торопятся выбраться на дорогу. Прокладывая себе путь

среди коз, Александр вспоминал местность, увиденную с утеса. Вырвавшись из давки, с пронзительным воплем: «Остановите их! На тропу! Поверните их на тропу!» — он, не оглядываясь, поскакал вперед. Если бы скопы не последовали за ним, он сражался бы с кимолианами в полном одиночестве.

Скопы успели вовремя: беглецам отрезали все пути, кроме одного. В растущей панике, неспособные из всех зол выбрать наименьшее, страшась обрыва, но ничего не зная о козьих тропах, ведущих по каменистому холму, кимолиане сгрудились на узкой дорожке, проходящей над ущельем.

Дикарь, замыкавший цепочку беглецов, рывком повернулся к преследователям. Дочерна загорелый, с ястребиным носом и соломенными волосами, этот человек первым бросился в бой и бежал последним. Он дольше всех не оставлял намерения пробиться на дорогу. Зная, что на этом пути соплеменников ожидает гибель, кимолианин пропустил их вперед и закрепился в самом узком месте тропы. Это он задумал набег и был его вдохновителем; его младший брат пал от руки мальчишки, который по возрасту годился только на то, чтобы пасти овец; кимолианину

предстояло обо всем рассказать отцу. Лучше искупить этот позор смертью. Гибель ожидала остатки отряда в любом случае, но если он на какое-то время сумеет удержать проход, кто-нибудь да спасется. Воин обнажил старый железный меч, доставшийся ему от деда, спешился и преградил дорогу.

Мальчик, отбившийся от промчавшейся мимо него плотной толпы преследователей, увидел, как смелый кимолианин один сражается с тремя. И, получив удар по голове, падает на колени. Кимолиан оттеснили к краю пропасти. Радостно завывая, скопы швыряли в них камни; вооруженный луком стрелок спустил тетиву. Лошади с диким ржанием падали с утеса, люди срывались следом. Половина отряда погибла, прежде чем уцелевшие оказались вне пределов досягаемости.

Все было кончено. Александр осадил свою лошадку. Ее шея была порезана, и животное начинали беспокоить боль и мухи. Александр заботливо обтер рану. Он всего лишь хотел убить своего первого человека, а выиграл целое сражение. Бог послал ему эту победу. Скопы — те, кто не полез вниз снимать с убитых оружие, — столпились вокруг него. Александр чувствовал

на своей спине и плечах их тяжелые руки, слышалось учащенное дыхание. Он был их военачальником, их бесстрашным ястребом, маленьким львенком-талисманом. Гир подошел к Александру с видом человека, который утвердил свое положение в обществе навсегда.

— Этот сукин сын еще шевелится! — крикнул кто-то.

Александр придвинулся ближе, не желая что-либо упустить. Кимолианин с соломенными волосами, теперь пропитанными кровью, по-прежнему лежащий там, где его сбили с ног, пытался приподняться на локте. Один из скопов схватил его за волосы — так, что тот вскрикнул от боли, — и запрокинул ему голову, чтобы перерезать горло. Остальные едва ли взглянули на эту привычную сцену.

— Нет! — крикнул Александр.

Скопы изумленно оглянулись на него. Подбежав к раненому и опустившись рядом с ним на колени, Александр резко оттолкнул руку с кинжалом.

— Он был храбр. Он сделал это ради остальных. Он был как бесстрашный Аякс, — сказал Александр.

Скопы оживленно заспорили. Что мальчик

имел в виду? Какого-то священного героя или знамение, запрещающее убивать этого человека? Нет, сказал кто-то, это просто детский каприз. Война есть война. Говоривший вытащил нож и нагнулся к распростертому на земле кимолианину.

— Если ты убьешь его, — сказал мальчик, — я заставлю тебя пожалеть об этом. Клянусь головой моего отца.

Скоп изумленно обернулся. Секунду назад паренек сиял ярче солнца, и вот…

— Лучше бы тебе послушаться, — пробормотал Гир.

Александр выпрямился:

— Вы должны его отпустить. Он принадлежит мне, это мой трофей. Отдайте ему его лошадь. Взамен возьмите ту, седока которой я убил.

Скопы слушали его с разинутыми ртами. Оглядев их, Александр понял, что эти люди рассчитывают прикончить врага позднее, когда мальчик о нем забудет.

— Подсадите его сейчас же в седло и выведите лошадь на дорогу. Гир, помоги им.

Скопы со смехом взгромоздили раненого на лошадь, потешаясь над ним. Резкий юный голос произнес у них за спиной:

— Довольно.

Лошадь хлестнули по крупу, и она сорвалась в галоп, унося полуживого всадника, вцепившегося ей в гриву. Мальчик отвернулся, складка на его лбу разгладилась.

— Теперь, — сказал он, — мне нужно отыскать своего.

Среди лежавших на поле боя уже не было ни одного живого. Раненых скопов унесли по домам женщины, и женщины же добили раненых кимолиан. Сейчас они отыскивали своих мертвых, бросались на их тела, колотя себя в грудь, царапая лица, выдирая клочья волос. В воздухе повис плач, похожий на заунывные песни здешних гор: волчий вой, пронзительные крики птиц или ягнящихся овец. По небу неторопливо плыли белые облака, простирая над горами черные крылья теней и бросая отсвет на дальние, поросшие лесом вершины.

Так вот оно, поле битвы, думал Александр. Мертвые враги — изуродованные, распростертые в пыли, брошенные на произвол судьбы. Женщины, похожие на стаю ворон, подбирают павших победителей. И высоко в небе, появляясь один за другим, уже кружат стервятники.

Рыжий кимолианин лежал на спине, подо-

гнув ногу, его молодая бородка задралась вверх. Доспехи, послужившие до него двум поколениям, уже утащили мародеры. Крови вытекло немного. В ту минуту, когда враг падал, дротик глубоко вошел в тело, и Александр подумал, что оружие будет непросто вытащить или вообще придется бросить. Но все же дернул, и острие на удивление легко подалось.

Александр взглянул на бледное, уже отливающее синевой лицо, разинутый рот, и снова в уме его пронеслось: это сражение, солдат должен привыкать. Он убил человека. Ему надо всем показать трофей. На мертвом не было ножа, не было даже пояса, доспехи исчезли. Женщины не зря шныряли по полю. Мальчик сердился, но он знал, что жалобы не приведут к добру и могут выставить его в смешном виде. Ему нужен трофей. Ничего не оставалось, кроме — разве что кроме…

— Ага, маленький воин!

Над ним стоял молодой скоп с черными спутанными волосами; щербатый рот сиял в дружелюбной ухмылке. В руке он держал тесак, сплошь покрытый засохшей кровью.

— Позволь мне отрубить для тебя голову, — попросил скоп. — Я знаю, как это делается.

Александр застыл в безмолвии, переводя взгляд с живого, ухмыляющегося лица на мертвое, застывшее. Тесак, казавшийся легким в лапище скопа, был слишком тяжел для него.

— В этой глуши, Александр, — быстро сказал Гир, — сохранился такой обычай.

— Я возьму тесак, — сказал мальчик. — Ничего другого все равно нет.

Юноша с готовностью подался вперед. Гир сколько угодно мог строить из себя городскую штучку, но сыну царя нравились старые обычаи: вот что значит благородное рождение. Александр потрогал острие лезвия большим пальцем и поймал себя на том, что с радостью готов переложить этот труд на кого-нибудь другого.

— Нет. Я должен отрубить голову сам, — сказал он.

И пока скопы смеялись и сквернословили, теплый, липкий, пахнущий мясом тесак оказался в руке Александра. Он опустился на колени подле трупа, принуждая себя держать глаза открытыми, и, содрогаясь, забрызганный кровавыми ошметками, бил и бил по шейным позвонкам, пока голова врага не покатилась в сторону. Тогда он выпрямился и ухватил ее за волосы — чтобы

и в самых тайниках души не осталось страха, в котором он мог бы упрекнуть себя.

— Сходи за моей сумкой, Гир, — попросил Александр.

Гир поспешно отвязал сумку от седла. Мальчик швырнул в нее мертвую голову и вытер ладони о кожаную поверхность. Пальцы его склеились от липкой крови. Ручей остался внизу; он вымоет руки по дороге домой. Александр повернулся, чтобы попрощаться.

— Подождите! — крикнул кто-то. К ним, размахивая руками, бежали с какой-то ношей несколько человек. — Не отпускайте молодого господина. Для него есть еще один трофей. Двоих! Да, смотрите, он убил двоих.

Александр нахмурился. Ему нужно возвращаться. Он участвовал только в одном бою. Чего они хотят?

Задыхаясь, к нему приблизился первый из бегущих.

— Это правда. Вот этот, — он показал на обезглавленный труп, — был вторым. В этого мальчик кинул дротик еще до рукопашной. Я видел своими глазами: враг повалился, как заколотая свинья. Еще подергался немного. Но сдох до того, как женщины добрались до него. Он твой, моло-

дой господин. Тебе будет что показать отцу.

Стоявший рядом скоп показал всем голову, высоко поднимая ее за волосы. Густая черная борода скрывала разрубленную шею. Рот, искривленный предсмертной судорогой, смуглая кожа стянута; один глаз полузакрыт, так что виднелся только белок. Это был тот кимолианин, в которого Александр метнул дротик не глядя. Он забыл о нем; его мозг стер и тень памяти об этом человеке, так, словно того никогда не существовало. В течение какого-то мгновения мальчик стоял как слепой, видя и не видя эту голову, которая покачивалась у него перед глазами, надменно кивая. Холод разлился внутри, он почувствовал дурноту, липкий пот потек по ладоням. Александр сглотнул и справился с приступом тошноты.

— Я не убивал его, — сказал он. — Я никогда не видел этого человека.

Все трое скопов в один голос принялись уверять его, описывая тело, клянясь, что на нем нет больше ни одной раны, обещая принести труп, показать дротик Александра. Голову черноборо-дого настойчиво совали ему в руки. Двое за один раз! В первой же битве! Он сможет рассказывать об этом своим внукам. Скопы обратились к посредничеству Гира. Юный господин утомлен,

и неудивительно. Если он оставит трофей здесь, то будет сожалеть об этом, придя в себя; пусть Гир сохранит для него эту голову.

— Нет! — Голос мальчика окреп. — Он мне не нужен. Я не видел, как он умер. Вы не можете навязать мне труп. Возможно, этого человека убили женщины. Вы не можете рассказать мне, что случилось. Унесите это прочь.

Скопы прикусили языки, неохотно повинуясь последнему, уже совершенно необъяснимому капризу. Гир отвел в сторону вождя и что-то зашептал ему на ухо. Лицо скопа переменилось, он по-доброму обнял мальчика за плечи и заявил, что перед долгой обратной дорогой нужно согреться каплей вина. Александр послушался. Он шел рядом с вождем, его чистое бледное лицо было спокойным и отрешенным, под глазами проступила легкая синева. Вскоре выпитое вино возвратило его коже обычный румянец, он заулыбался и через пару минут уже смеялся вместе со всеми.

Снаружи восторженно судачили. Что за дивный парнишка! Какая отвага, что за голова на плечах и какое сыновнее чувство! Какой отец не гордился бы таким сыном?

* * *

«Осмотри со вниманием роговой нарост копыта. Толстое копыто делает ногу коня сильнее, а тонкое — ослабляет. Не поленись проследить, чтобы копыто не было плоским, чтобы передняя и задняя части были высокими; тогда стрелка останется чистой, не забьется землей».

— Есть ли в этой книге хотя бы одно место, которого ты не знаешь наизусть? — спросил Филот, сын Пармениона.

— Нельзя знать слишком много из Ксенофонта[47], — ответил Александр, — когда он говорит о лошадях. Я бы хотел прочесть и его книги о Персии. Ты сегодня будешь покупать?

— В этом году нет. А мой брат покупает.

— Ксенофонт говорит, что хорошее копыто стучит по земле так же звонко, как кимвал. У этого, кажется мне, копыта вывернуты внутрь. Отцу нужен новый боевой конь. Предыдущего убили под ним в прошлогодней войне с иллирийцами.

Александр взглянул на помост, возведенный,

[47] Сноски: 47

Ксенофонт (ок. 430 до н. э. — ок. 350 до н. э.) — историк и писатель. В историческом труде «Анабасис» описывает поход десяти тысяч греческих наемников вглубь персидской державы и сообщает интересные географические и этнографические сведения.

как обычно, для весенних конских торгов. Царя еще не было.

Стоял ясный ветреный день; озеро и лагуна, темно поблескивающие на солнце, покрывались рябью. Края белых облаков, зацепившихся за вершины дальних гор, отсвечивали голубым, как лезвия заточенных мечей. Взрытый дерн луга зеленел от зимних дождей. Солдаты покупали все утро крепких низкорослых лошадок с густыми гривами, бодрых и хорошо откормленных на зимних пастбищах. Гиппархи старались для себя, вожди — для соплеменников, составлявших большую часть их отрядов: в Македонии всякий племенной вождь являлся в то же время и военачальником, и попечителем своих солдат. К полудню с обычными торгами было покончено. Настало время чистокровок, коней для ристалищ и парадных шествий, для царя и его полководцев; коней холеных и разукрашенных.

Конские торги в Пелле были обычаем не менее почитаемым, чем посвященные богам пиры. Барышники прибывали из земель Фессалии, Фракии, из Эпира, даже из-за Геллеспонта; эти последние всегда уверяли, что их лошади скрещены с легендарной нисской ветвью, принадлежащей персидским царям.

Важные покупатели еще только начинали прибывать. Александр провел на торгах большую часть дня. Повсюду его сопровождала беспокойная стайка из полудюжины мальчиков, косящихся на Александра и друг на друга. Эту свиту Филипп собрал для сына недавно — из детей, чьих отцов царь хотел почтить.

В Македонии издревле существовал обычай давать наследнику, когда тот выходил из детского возраста, собственную охрану. Сам Филипп никогда не считался прямым наследником, а его правлению предшествовала череда дворцовых переворотов, продолжавшаяся на памяти уже нескольких поколений. Ни одному законному ребенку царской крови не удалось повзрослеть: всех их убили или изгнали. Дворцовые хроники свидетельствовали, что последним македонским царевичем, имевшим своих гетайров, выбранных для него согласно обычаю, был пятьдесят лет назад Пердикка Первый. Из этих гетайров в живых еще оставался один древний старик; он, подобно Нестору[48], знал все предания о приграничных войнах и набегах, едва ли не о каждом угнанном стаде; он мог назвать по именам всех

[48] Сноски: 48

Нестор — старейший из греков, осаждавших Трою. Снискал себе славу красноречием и мудростью.

внуков, произошедших от бастардов Пердикки, но его память не сохранила ни одной подробности обряда посвящения.

Юным гетайрам следовало быть ровесниками наследника, подобно ему прошедшими испытания. Пришлось бы пешком обойти всю Македонию, чтобы отыскать хоть одного такого мальчика. Отцы заявляли о правах своих шестнадцати– и семнадцатилетних сыновей, которые выглядели и говорили как мужчины. Они не забывали отметить, что большинство постоянных друзей Александра были еще старше. Притом тактично добавлялось, что это естественно для такого храброго и не по летам умного мальчика.

Филипп принимал похвалы с деланым благоволением. Теперь он жил под взглядом все помнящих и ничего не простивших глаз, встретившихся с его взглядом в тот миг, когда отрубленная голова дикаря, уже подгнившая за время путешествия, была брошена к его ногам. В дни ожидания и поисков Александра царю стало ясно, что, если мальчик никогда не вернется, он будет вынужден убить Олимпиаду, прежде чем та доберется до него самого. Слишком туго завязался этот узел. Эпикрат отбыл из дворца, сообщив,

что наследник решил отказаться от занятий музыкой; при этом грек старательно отводил глаза. Филипп наделил его щедрыми дарами, но уже предчувствовал, как отвратительная сплетня пойдет гулять по одеонам Эллады — эти кривляки проникали повсюду.

В конце концов для создания охраны наследника ничего не было сделано. Александр не проявил никакого интереса к этому мертвому установлению; взамен он собрал вокруг себя группу юношей и взрослых молодых воинов, которые и без того уже повсюду славились как друзья Александра. Сами они закрывали глаза на то, что прошлым летом мальчику исполнилось всего лишь тринадцать лет.

Утро конских торгов, однако, Александр провел с мальчиками, выбранными для него царем. Он был рад их обществу, и если обращался со всеми ними как с младшими, то не для того, чтобы показать свою власть или кого-то унизить. Просто он не мог чувствовать иначе. Александр без устали толковал о лошадях, и мальчишки выбивались из сил, чтобы поддерживать беседу. Его взрослая перевязь, его слава, при всем том, что Александр был самым младшим среди них, заставляли мальчиков дичиться и смотреть

на сына царя с благоговейным ужасом. Поэтому, когда перед показом породистых лошадей стали собираться его настоящие друзья — Птолемей, и Гарпал, и Филот, и остальные, — мальчики вздохнули с облегчением. Они сбились в тесную стайку чуть в стороне. Теперь, когда вожак ушел, среди них, как в случайно образовавшейся стае собак, началась скрытая борьба за первенство.

— Мой отец сегодня не приехал. Да и зачем: он вывозит лошадей прямо из Фессалии. Все заводчики знают его.

— Мне вскоре понадобится лошадь побольше; но мой отец отложил покупку на будущий год, когда я стану еще выше.

— Александр на целую пядь ниже тебя, а справляется с теми же лошадьми, что и взрослые.

— Я думаю, их для него специально объезжают.

Самый высокий из мальчиков сказал:

— Он убил своего вепря. Полагаю, ты думаешь, что и этого зверя специально укрощали.

— Все было подстроено, это всегда так делается, — заявил самый богатый. Он мог рассчитывать на подобный подлог.

— Неправда! — сказал высокий сердито. Остальные переглянулись, и мальчик покраснел.

Его голос, уже ломавшийся, внезапно опустился на низкие рокочущие тона. — Мой отец слышал об этом. Птолемей пытался все подстроить без его ведома, потому что Александр настаивал на своем, а Птолемей не хотел, чтобы сын царя погиб. Они очистили лес от вепрей, оставив только одного, самого маленького. Но когда утром туда привезли Александра, на него вышел здоровый вепрь, забредший в лес ночью. Говорят, Птолемей побледнел, как руно, и пытался увести царевича домой. Но Александр разгадал заговор; он сказал, что этого вепря послал ему бог и что богу лучше знать. Никто не мог сдвинуть его с места. Все обливались потом от страха, потому что знали: Александру не хватит веса, чтобы одолеть такого зверя, и сеть тоже не выдержит. Но царевич сразу же попал вепрю в вену на шее; Александру не понадобилась помощь. Все знают, что так и было.

— Ты хочешь сказать, что никто не посмеет исказить эту басенку? Только посмотри на него. Мой отец прибил бы меня, если бы я стоял на поле для выездки, позволяя мужчинам со мной заигрывать. С кем из них он спит?

— Ни с кем, — вмешался кто-то. — Так говорит мой брат.

— Да? А он-то откуда знает?

— Его друг нравился Александру, тот даже поцеловал его однажды. Но когда друг захотел большего, Александр выглядел изумленным и совершенно сбитым с толку. Он еще слишком наивен для своих лет, сказал брат.

— А сколько лет было твоему брату, когда он убил человека? — спросил высокий мальчик. — И вепря?

— Это совсем другое. Мой брат говорит, что все придет внезапно, само собой, и Александр станет сходить с ума по девушкам. Как его отец.

— Но ведь царь любит…

— Замолчи, глупец.

Мальчики смолкли и испуганно оглянулись, но взрослые с увлечением рассматривали двух скаковых лошадей, которых барышник вывел на пробежку по кругу. Пререкания возобновились, когда царский конвой начал выстраиваться вокруг помоста, готовясь к прибытию Филиппа.

— Смотрите, — прошептал кто-то, показывая на распоряжавшегося всадника. — Это Павсаний.

Мальчики обменялись взглядами: кто — понимающими, кто — недоумевающими.

— Он был любимцем царя перед тем несчастным, который умер. Они соперничали за благо-

склонность Филиппа.

— Что произошло?

— Это всем известно. Царь отдалил Павсания от себя, тот сходил с ума от ревности. На симпосии Павсаний поднялся и назвал нового любовника царя бесстыдной шлюхой, которая с кем угодно пойдет за плату. Их разняли. Либо тот юноша действительно любил царя, либо чувствовал себя обесчещенным — обида грызла его. В конце концов он попросил одного из друзей, я думаю, это был Аттал, передать царю его послание, когда сам он уже будет мертв. В следующем бою с иллирийцами юноша прямо на глазах у царя бросился в гущу врагов и был зарублен.

— Что сделал царь?

— Похоронил его.

— Нет, с Павсанием?

Мальчики смущенно зашептались.

— На самом деле никто не знает, он ли…

— Конечно, это сделал он!

— Тебя убьют за такие слова.

— Что ж, он не может сожалеть…

— Нет, это был Аттал и друзья юноши; так сказал мой брат.

— И что они сделали?

— Однажды вечером Аттал мертвецки напоил

Павсания. Его отнесли к конюхам и сказали, что те могут позабавиться, парень пойдет с любым из них без всякой платы. Думаю, с ним здорово позабавились, да еще и побили изрядно. Он проснулся на следующее утро во дворе конюшни.

Кто-то осторожно присвистнул. Все уставились на Павсания. Он выглядел старше своих лет и не казался неотразимо привлекательным.

— Царь хотел казнить Аттала. Конечно, Филипп не мог этого сделать, даже если ему и хотелось; вообразите только, как бы он объяснил это Собранию. Но что-то сделать он был должен. Павсаний — орестид. Царь подарил ему земли и назначил вторым начальником царской стражи.

Высокий мальчик, молча выслушавший весь рассказ, спросил:

— Александру рассказывают подобные вещи?

— Мать рассказывает ему обо всем, чтобы настроить против царя.

— Да, но царь оскорбил его в зале. Вот почему он уехал и убил человека.

— Это Александр тебе сказал?

— Нет, конечно нет. Он не говорит об этом. Мой отец был там; он часто ужинает с царем.

Наши земли неподалеку.

— Значит, вы с Александром встречались прежде?

— Только однажды, когда были детьми. Он не узнал меня, я слишком вырос.

— А если он узнает, что вы ровесники? Ему это не понравится.

— Кто сказал, что мы ровесники?

— Ты сам говорил, что вы родились в одном месяце.

— Но не говорил, что в один год.

— Ты это сказал в первый же день, когда сюда приехал.

— Хочешь сказать, что я лгу? А ну, повтори!

— Гефестион, глупец, ты не можешь здесь драться!

— Пусть не называет меня лжецом! — вспыхнул Гефестион.

— Ты выглядишь на четырнадцать лет, — сказал миротворец. — В гимнасии я даже подумал, что ты еще старше.

— Ты знаешь, на кого похож Гефестион? На Александра. Не в точности такой, но, скажем, как его старший брат.

— Ты слышишь, Гефестион? Как близко твоя мама знакома с царем?

Обидчик напрасно рассчитывал остаться безнаказанным, несмотря на место и на время. В следующую минуту он уже лежал на земле с рассеченной губой. В суматохе, вызванной прибытием царя, мало кто обратил на это внимание, но Александр постоянно следил за мальчиками краем глаза. Он уже чувствовал себя в ответе за них, как военачальник за свое войско. Однако Александр решил сделать вид, будто не заметил стычки. Мальчики не несли никакой службы в точном понимании слова, и оказавшийся в пыли нравился ему меньше всех.

Филипп подъехал в сопровождении первого начальника стражи — Соматофилакса. Павсаний отсалютовал и отступил в сторону. Мальчики почтительно замерли; один облизывал губу, другой — костяшки пальцев.

Конские торги всегда проходили легко; они сочетали в себе и дело, и праздник, на котором мужчины были мужчинами. Филипп, в простой одежде для верховой езды, поднял хлыст, приветствуя знать, солдат, землевладельцев и барышников; поднялся на помост, дружелюбно окликая то одного, то другого из своих друзей.

Взгляд его упал на сына; Филипп дернулся, но увидел маленькую свиту вокруг Александра

и отвернулся. Александр продолжал разговаривать с Гарпалом — смуглым живым юношей, обаятельным и бесцеремонным. Злая судьба наградила его искривленной стопой, и Александр всегда восхищался спокойствием, с которым Гарпал переносил свое уродство.

Маленький мальчишка-нубиец в полосатой тунике вывел гарцующую скаковую лошадь. Пеллу облетела молва, что в этом году царь будет покупать только боевого коня. Как-то Филипп уплатил баснословную сумму — тринадцать талантов — за рысака, принесшего ему потом победу на Олимпийских играх. Барышник решил рискнуть. Филипп улыбнулся и покачал головой; нубиец, надеявшийся, что его купят вместе с лошадью и он будет носить золотые серьги и есть по праздникам мясо, понуро повернул назад. Подвижное личико его изобразило скорбную гримасу.

Постепенно стали выводить строевых лошадей. Споры о порядке прохождения длились между барышниками всю первую половину дня и были наконец разрешены путем сложных соглашений и взяток. Царь спустился с помоста, осматривал зубы и копыта, ощупывал плюсну, прослушивал дыхание. Одних лошадей отсылали прочь,

других отводили в сторону на тот случай, если ничего лучшего не подвернется. Потом произошла заминка. Филипп нетерпеливо оглядывался. Крупный барышник-фессалиец, Филоник, суетившийся рядом, раздраженно бросил своему слуге:

— Скажи им, что я намотаю их кишки на колья, если скотину не приведут сейчас же.

— Господин, Китт говорит, что привести его они могут, но…

— Мне пришлось самому укрощать эту тварь, я что, должен и выезжать его? Передай Китту, что если я упущу эту сделку, то со всех них шкуру сдеру и пущу на сандальные подметки.

С почтительной улыбкой фессалиец приблизился к царю:

— Государь, его ведут. Ты увидишь, что я ни в чем не приукрасил его, когда писал из Ларисы. Он много лучше. Прости за промедление. Мне только что сказали, что какой-то дурак позволил ему сорваться с привязи. Конь в отличной форме, с ним нелегко справляться. А! Вот и он!

Коня, черного с белой отметиной, вели ровной рысью. Остальных лошадей гоняли по кругу, чтобы в выгодном свете показать их шаг. Хотя конь блестел от пота, он дышал не так, как если бы запыхался от бега. Когда его подтащили ближе

к царю и главному конюшему, ноздри коня раздулись и черный глаз закатился. Он попытался вздернуть голову, но конюх пригнул ее вниз. Сбруя на коне была богатой — прошитая серебром красная кожа, — но седло отсутствовало. Скрытые бородой губы барышника злобно зашевелились. В воцарившейся тишине спокойный голос за помостом произнес:

— Взгляни, Птолемей. Взгляни на него.

— Вот, государь! — сказал Филоник с наигранным восхищением. — Вот Гром. Едва ли есть на свете иная лошадь, достойная нести царя…

И действительно, это во всех отношениях была совершенная лошадь, о каких писал Ксенофонт. Начиная, как тот и советовал, с копыт каждый мог увидеть, что роговая подошва толста спереди и сзади; когда Гром, как сейчас, переминался на месте, его копыта глухо звенели. Ноги были сильными, но подвижными, грудь — широкой, шея, как и требуют каноны, — изогнутой, словно у бойцового петуха, грива, весьма плохо расчесанная, — длинной, густой и шелковистой. Спина крепкая и широкая, позвоночник хорошо развит. Черная шкура сияла, на боку виднелся рогатый треугольник — изображение бычьей головы, служившее клеймом знаменитой породы. По-

разительно, что на лбу лошади светилось белое пятно, почти в точности повторяющее очертания клейма.

— Вот, — сказал Александр с благоговением, — совершенная лошадь. Совершенная во всем!

— У него злобный нрав, — заметил Птолемей.

За рядами лошадей главный конюх Филоника, Китт, сказал сотоварищу-рабу, бывшему свидетелем его мучений:

— Дни, подобные этому… я хотел бы, чтобы и мне, как моему отцу, перерезали горло в тот час, когда разоряли наш город. Спина у меня еще не зажила от прошлых побоев, а я получу новую порцию прежде, чем зайдет солнце.

— Этот конь — убийца. Чего хозяин хочет? Лишить царя жизни?

— С лошадью все в порядке, уверяю тебя… если не считать недостатком неукротимый дух. Виноват сам хозяин, он теряет рассудок, видя это. Он как дикий зверь, когда напьется, и изливает злобу на людях, потому что мы дешевле лошадей. Вина на нем самом. Он убьет меня, если я осмелюсь сказать, что это его злобный нрав портит коня. Хозяин купил его у Кройза всего месяц назад, специально для этих торгов. Заплатил два таланта…

Слушатель присвистнул.

— …и рассчитывает получить здесь три, а если это ему не удастся, он на коне живого места не оставит. Я ручаюсь.

Видя, что конь норовист, Филипп обошел его, держась на расстоянии нескольких шагов:

— Да, он мне нравится. Посмотрим, как он ходит.

Филоник сделал несколько осторожных шагов по направлению к коню. Тот издал пронзительное яростное ржание, подобное звуку боевой трубы, вскинул голову, пересилив повисшего на поводьях конюха, и ударил передней ногой в землю. Барышник выругался и отскочил в сторону, конюх крепко держал узду. Несколько капель крови упали изо рта лошади на землю.

— Посмотри на удила, которые ему подобрали, — сказал Александр. — Посмотри на эти шипы!

— Кажется, даже это не может его сдержать, — заметил большой Филот беспечно. — Красота — еще отнюдь не все.

— И все же он поднял голову.

Александр подался вперед. Свита толпилась сзади, глядя поверх его головы: Александр едва доставал Филоту до плеча.

— Ты видишь его нрав, государь! — воскликнул Филоник нетерпеливо. — Коня вроде этого легко можно приучить вставать на дыбы и топтать врага.

— Простейший способ дать убить под собой коня, — отрезал Филипп безжалостно, — это заставить его показать брюхо. — Он кивнул сопровождавшему его конюшему — кривоногому, затянутому в кожу человечку. — Попробуешь, Язон?

Царский слуга остановился перед конем и вкрадчиво, нежно заговорил с ним. Тот попятился, фыркнул и покосился на человека. Язон прищелкнул языком.

— Гром, мальчик, ну же, Гром.

При звуке своего имени конь задрожал всем телом; он казался разгневанным. Язон что-то успокаивающе промурлыкал.

— Держи его голову, — сказал он конюху, — пока я не сяду. Похоже, это работа для мужчины.

Он подошел к коню сбоку, готовясь уцепиться за основание гривы. Злого умысла в этом не было. Не имея под рукой копья, на которое он мог опереться в прыжке, Язон прибег к единственно возможному способу. Конь не был оседлан, но седло — каким бы удобным и роскошным оно

ни казалось — мало бы помогло без стремян. Стремена годились для стариков и персов, чья изнеженность вошла в поговорку.

В последнюю минуту тень Язона упала перед лошадью. Конь яростно дернулся и взбрыкнул. Тяжелое копыто просвистело у самого лица Язона. Конюший отпрянул и прищурился. Его рот искривился. Царь встретился с Язоном взглядом и приподнял бровь.

Александр, следивший за происходящим затаив дыхание, сказал, оборачиваясь к Птолемею:

— Он не купит коня. — Голос его странно зазвенел.

— А кто купит? — отозвался удивленный Птолемей. — Не могу понять, почему этого коня вообще сюда ввели. Ксенофонт бы его не купил. Ты только что цитировал, как там? Норовистая лошадь не причинит вреда твоему врагу, она причинит вред тебе.

— Норовистый? Он? Да это храбрейший конь из всех, что я видел! — воскликнул Александр. — Он боец. Посмотри, как его били, и по животу тоже — видишь рубцы? Если отец его не купит, барышник сожрет его живьем. Это написано у него на лице.

Язон сделал еще одну попытку. Прежде чем он

сумел приблизиться к коню, тот начал отчаянно лягаться. Конюший посмотрел на царя. Царь пожал плечами.

— Все из-за тени, — сказал Александр нетерпеливо. — Конь боится даже своей собственной тени. Язону следовало бы это заметить.

— Конюший уже достаточно нагляделся на этого зверя. Ему приходится думать о безопасности царя. Ты сел бы на такую лошадь в бою?

— Да. Я — да. Особенно в бою.

Филот поднял брови, но ему не удалось перехватить взгляд Птолемея.

— Ну, Филоник, — сказал Филипп, — если это и есть гордость твоей конюшни, не будем тратить времени. У меня много дел.

— Еще минуту, государь! Он очень резв, э… дерзок. С его силой, он…

— За три таланта я могу купить кое-что получше сломанной шеи.

— Мой господин, только для вас… Я назначу особую цену.

— Я занят.

Филоник поджал толстые губы. Конюх, изо всех сил уцепившись за утыканные шипами удила, потащил коня прочь.

Александр не выдержал.

— Какая потеря! — крикнул он своим высоким срывающимся голосом. — Лучшая на этих торгах лошадь!

Гнев и безысходность исторгли этот дерзкий выкрик. Все повернулись на голос. Филипп изумленно оглянулся. Никогда прежде мальчик не позволял себе проявлять грубость на людях. С этим можно разобраться позднее. Конюх уводил грозного коня.

— Лучшая лошадь из всех, каких когда-либо здесь выставляли! Надо только знать, как с ней обращаться. — Александр выбежал на поле. Все его друзья, даже Птолемей, не посмели последовать за ним; он зашел слишком далеко. Толпа обратилась в зрение и слух. — На лошадь, одну из десяти тысяч, нет покупателя!

Филипп, оглядев сына, пришел к выводу, что наглость мальчика была ненамеренной. Просто сын стал слишком самоуверен, особенно после своих хваленых подвигов. Они вскружили парню голову. Никакой урок не принесет и половины пользы, чем тот, который человек дает себе сам.

— Язон занимается выездкой лошадей уже двадцать лет, — сказал Филипп. — А сколько возишься с лошадьми ты, Филоник?

Глаза барышника перебегали с отца на сына; он оказался в щекотливом положении.

— Ах, государь, я вырос при лошадях.

— Ты слышишь, Александр? Ты полагаешь, что справишься лучше этих людей?

Александр смотрел на Филоника. Смущенный этим пристальным холодным взглядом, барышник отвернулся, испытывая беспокойство.

— Да. С этой лошадью — да, — холодно сказал Александр.

— Отлично, — кивнул Филипп. — Если тебе это удастся, она твоя.

Мальчик смотрел на коня влюбленными глазами, чуть приоткрыв рот. Конюх остановился. Конь фыркнул через его плечо.

— А если не получится? — резко бросил царь. — Каков залог?

Александр глубоко вздохнул, не отрывая глаз от лошади:

— Если даже я не смогу на нем ездить, то все равно заплачу за него.

Филипп поднял свои густые темные брови:

— Три таланта?

Александру только что назначили содержание, полагающееся юноше. На покупку коня ушла бы вся сумма, причитающаяся за год, а мо-

жет, и за два.

— Да, — подтвердил Александр.

— Надеюсь, ты понимаешь, на что идешь. Я не шучу.

— Я тоже.

На секунду оторвав взгляд от коня, Александр наконец понял, что на него все смотрят: солдаты, вожди, конюхи, барышники, Птолемей, Филот, Гарпал, мальчики, с которыми он провел утро. Самый высокий из них, Гефестион, привлекавший внимание изяществом движений, выступил на шаг вперед. Их взгляды встретились.

Александр улыбнулся:

— Тогда по рукам, отец. Он мой! Проигравший платит.

Царская свита с облегчением засмеялась; послышались рукоплескания. Скандал обернулся забавной шуткой. Но Филипп хорошо разглядел лицо сына. Он понимал, что так улыбаются заклятому врагу, когда весь остальной мир уже не имеет значения.

Филоник с трудом верил в столь счастливый поворот судьбы. Он поспешил догнать Александра, направившегося прямо к коню. Выиграть заклад мальчик не мог, оставалось позаботиться, чтобы парень не сломал себе шею. Вряд ли царь

расплатится с ним в этом случае.

— Мой господин, ты увидишь, что… — начал барышник.

Александр обернулся:

— Прочь!

— Но, мой господин, когда ты…

— Убирайся. Туда, в подветренную сторону, чтобы он не мог увидеть тебя или почуять. Ты и так уже сделал достаточно.

Филоник глянул в его широко распахнутые, затянутые дымкой глаза и поспешил выполнить приказание.

Александру пришло на ум, что он не узнал настоящее имя лошади. Может, Громом его прозвал сам Филоник. Это имя насилия и страданий. И значит, нужно новое.

Не забывая следить, чтобы его тень не пугала лошадь, Александр подошел совсем близко, глядя на белое рогатое пятно коня под длинной, развевающейся челкой.

— Бычья голова, — сказал он, переходя на македонский, язык правды и любви. — Букефал, Букефал.

Конь насторожил уши. При звуке этого юного голоса ненавистное настоящее поблекло и рассеялось, подобно туману. Но Букефал утратил

всякое доверие к людям. Он фыркнул и предостерегающе ударил копытом.

— Царь пожалеет, что вынудил сына пойти на это, — заметил Птолемей.

— Александру всегда везет, — возразил Филот. — Хочешь, побьемся об заклад?

— Я справлюсь сам, — сказал Александр конюху. — Тебе здесь нечего делать.

— О нет, господин! Только когда вы сядете. Господин, я в ответе за…

— Теперь он мой. Просто передай мне поводья. Не дергай за удила. Я сказал, дай мне. Немедленно.

Александр взял поводья, чуть-чуть ослабив их для начала. Конь опять фыркнул, потом повернул голову и шумно принюхался. Переднее копыто нетерпеливо заскребло землю. Держа поводья в одной руке, ладонью другой мальчик провел вверх по влажной шее животного и ловко ослабил зажим удил, так что они вообще перестали давить коню на губы. Букефал только переступил с ноги на ногу.

— Отойди, — сказал Александр конюху. — Не выходи на свет.

Мальчик развернул коня в сторону сияющего весеннего солнца. Их тени упали, невидимые,

за спиной. Запах конского пота, шкуры, дыхания накрыл мальчика горячим потоком.

— Букефал, — сказал Александр нежно.

Конь подался вперед, увлекая мальчика за собой. Александр придержал поводья, провел рукой по морде коня, сгоняя присосавшуюся муху. Пальцы мальчика коснулись мягких губ лошади. Теперь конь тянул его почти умоляюще, словно говоря: «Скорее, прочь отсюда».

— Да, да, — сказал Александр, похлопывая его по шее. — Всему свое время. Подожди, пока я скажу. Ты ведь не понесешь?

Александру надо было снять плащ. Вынимая одной рукой булавку, он продолжал говорить, не давая коню отвлечься.

— Запомни, кто мы такие. Александр и Букефал.

Плащ упал на землю, рука Александра скользнула с шеи коня на спину. Букефал был примерно в четырнадцать ладоней ростом: высокий для греческих лошадей. С ним мог сравниться разве что конь Филота, бывший неисчерпаемой темой для разговоров. Рост прежней лошади Александра не достигал и тринадцати ладоней.

Черный глаз коня подозрительно покосился на мальчика.

— Тише, тише. Я скажу когда.

Чувствуя, как лошадь мгновенно подобралась, Александр левой рукой, на которую были намотаны поводья, ухватился за свисающую прядь гривы, правой — за ее основание на холке коня. Пробежав вместе с Букефалом несколько шагов, он прыгнул, перебросил ногу — и вот уже был наверху.

Конь ощутил легкого, уверенного седока на своей спине; мягкие движения невидимых рук, сдержанную, но уверенную силу; нечто равное природе божественного. Он тонко почувствовал это, потому что сам принадлежал к сверхсуществам. Смертные не справились с конем, но он подчинился богу.

Толпа смолкла. Здесь были подлинные знатоки лошадей, люди, которым здравый смысл не позволил бы даже приблизиться к этому бешеному. Затаив дыхание, все ожидали, когда конь покажет свой норов. Если он понесет, останется только молить богов, чтобы мальчик не упал под копыта и сумел продержаться. Тогда рано или поздно зверь выдохнется. Но к всеобщему изумлению, конь повиновался мальчику, он ждал знака. По толпе пронесся гул изумления. Все видели, как мальчик наклонился вперед

и с криком ударил пятками в бока лошади, пустив ее рысью к пойменным лугам. Гул перерос в восторженный рев. Вскоре всадник исчез вдали, и только по взмывающим стайкам птиц можно было определить, где он находится.

Наконец Александр вернулся. Солнце теперь светило ему в спину, и копыта Букефала, гулко ударяясь о землю, победно топтали тень, как благородные кони фараонов топтали когда-то поверженных врагов.

На поле Александр придержал Букефала. Конь тяжело дышал и тряс уздечкой. Мальчик сидел свободно, приняв рекомендуемую Ксенофонтом позу: ноги опущены вниз, бедро напряжено, голень расслаблена. Александр направил коня к помосту. Человек, который ждал его там, сошел вниз. Это был его отец.

Александр спешился в армейском стиле: через шею, спиной к лошади — наилучший способ во время боя. Если лошадь обучена. Букефал помнил все уроки, которые он получил до того, как попал к Филонику. Филипп протянул обе руки, и Александр упал в его объятия:

— Будь осторожнее, отец, не трогай его рот. Он ободран.

Филипп похлопал мальчика по спине. Царь

плакал. Даже из-под века слепого глаза текли настоящие слезы.

— Сын мой! — выговорил Филипп, задыхаясь. Упавшие в его жесткую бороду слезы влажно блестели. — Хорошая работа, сын мой. Мой сын.

Александр ответил на поцелуй. Он чувствовал, что этой минуты ничто не может омрачить:

— Благодарю, отец. Спасибо за моего коня. Я назову его Букефал.

Лошадь неожиданно дернулась. Сияющий, рассыпающий похвалы, к ним подступал Филоник. Александр обернулся и мотнул головой, приказывая ему удалиться. Барышник мгновенно исчез. Покупатель всегда прав.

Вокруг собиралась возбужденная толпа.

— Отец, ты не прикажешь им отойти? Букефал еще не привык к людям. Я должен отереть его, иначе он простудится.

Во дворе конюшни было тихо и пусто; торги продолжались. Раскрасневшийся от верховой езды и работы со скребком, с всклокоченными волосами, пропахший лошадиным потом, Александр наконец остался один. Только последний докучливый зритель следил за ним сияющим взглядом, в котором читались торжество и смущение, — Гефестион. Александр улыбнулся,

давая понять, что узнал его. Мальчик улыбнулся в ответ и, поколебавшись, подошел ближе. Оба молчали.

— Он тебе понравился?

— Да, Александр… Конь словно узнал тебя. Я это почувствовал, это знак судьбы. Как его зовут?

— Я называю его Букефал.

Мальчики говорили по-гречески.

— Это лучше, чем Гром. Он ненавидел прежнее имя.

— Ты живешь неподалеку, правда?

— Да. Я могу тебе показать, отсюда видно, — сказал Гефестион. — Видишь вон тот холм — не первый, а второй, и за ним…

— Ты был здесь раньше, я тебя помню. Ты помог мне закрепить пращу… нет, то был колчан. И твой отец увел тебя.

— Я не знал, кто ты, — смутился Гефестион.

— Ты показывал мне эти холмы в тот раз, я вспомнил. И ты родился в месяце Льва, в том же году, что и я.

— Да.

— Ты на полголовы выше. Твой отец высок, да?

— Да, и дядья тоже.

— Ксенофонт говорит, что уже по жеребенку можно определить, будет ли он высоким, —

по длине ног. Когда мы вырастем, ты все равно будешь выше.

Гефестион взглянул ему в глаза; Александр смотрел уверенно и искренне. Гефестион вспомнил, что отец как-то сказал: сын царя мог бы подрасти, если бы этот болван, его наставник, не перегружал мальчика и получше кормил. О царевиче нужно заботиться; рядом должен быть друг.

— Но ты единственный, кто сможет ездить на Букефале, — сказал Гефестион.

— Пойдем, посмотришь на него, — предложил Александр. — Совсем близко не подходи; мне придется на первых порах быть рядом, пока конюхи его чистят. Конь должен привыкнуть.

Александр внезапно обнаружил, что говорит на македонском. Мальчики переглянулись и засмеялись.

Они еще какое-то время поговорили о том о сем, прежде чем Александр вспомнил, что прямо из конюшен, в чем был, хотел бежать с новостями к матери. Впервые за всю его жизнь мысль о ней совершенно вылетела у него из головы.

Через несколько дней Александр принес жертву Гераклу.

Герой был великодушен к мальчику и заслужи-

вал более щедрых даров, чем козел или ягненок.

Олимпиада согласилась. Если ее сын считал, что Геракл достоин большего, то сама она полагала, что ее мальчику положено только лучшее. Царица написала письма всем своим друзьям и родне в Эпир, красочно изложив, как царь Филипп снова и снова пытался оседлать лошадь и наконец благородное животное, придя в негодование, сбросило его в пыль перед всем народом; как зверь свирепствовал, подобно льву, но ее сын укротил коня. Олимпиада развязала новый тюк с афинскими товарами и предложила Александру самому выбрать ткань для нового парадного хитона. Мальчик выбрал простую, тонкую белую шерсть. Олимпиада заметила, что такая небогатая одежда мало приличествует столь великому дню. «Зато она приличествует мужчине», — возразил Александр.

Он принес свой дар в золотом кубке к гробнице героя в саду. Это была официальная церемония, на которой присутствовали и его отец, и его мать.

Перечислив в обращении к полубогу все положенные титулы и именования, Александр поблагодарил Геракла за его дары человеческому роду и заключил:

— Ты почтил меня своей благосклонностью; не покидай меня, будь во всем моим покровителем и защитником; обрати слух к моим молитвам.

Александр опрокинул кубок. Полупрозрачные крупицы ладана, вспыхнув в лучах солнца, упали на горящие уголья. Облако сладкого голубого дыма поднялось к небесам.

Все присутствующие, за исключением одного, вознесли хвалу. Леонид, который счел себя обязанным явиться на жертвоприношение, поджал губы. Приближался день его отъезда; бремя забот о мальчике должно было перейти к другому. Хотя Александру еще не сообщили об этом, его возбуждение казалось вызывающим. Арабское благовоние сыпалось из чаши — десятки и десятки драхм. И это после многолетней проповеди аскетизма, после постоянных предостережений от излишеств. Посреди изъявлений благочестия Леонид проговорил кислым голосом:

— Трать с меньшим расточительством драгоценные смолы, Александр, пока не станешь властителем тех земель, где они произрастают.

Александр обернулся, держа в руках опустевший кубок. Он посмотрел на Леонида сначала с удивлением, потом — серьезно и внимательно.

— Да, — сказал он наконец. — Я запомню.

Спускаясь вниз по ступеням гробницы, Александр встретился глазами с выжидающим взглядом Гефестиона, который тоже верил в знамения. Им не было нужды обсуждать происшедшее.

Глава 5

— Теперь я знаю, кто это будет. Отец получил письмо, он посылал за мной этим утром. Надеюсь, этот человек терпим. Если нет, мы что-нибудь придумаем.

— Можешь на меня рассчитывать, — сказал Гефестион. — Даже если тебе придет в голову его утопить. Ты и так многое вынес. Он настоящий философ?

Мальчики сидели в желобе для стока воды между двумя дворцовыми фронтонами: потайное место, известное прежде одному Александру, а теперь — им двоим.

— Ну конечно! Он из Академии, ученик Платона. Ты будешь ходить на занятия? Отец разрешил.

— Я буду тянуть тебя назад.

— Софисты предпочитают диспуты, так они учат. Ему будут нужны мои друзья. Позднее мы обсудим, кого позвать еще. Отец написал учителю, что логические забавы здесь никого не интересуют. Я должен учиться вещам, которые будут мне полезны. Философ ответил, что образование должно соответствовать положению и обязанно-

стям. Это мало о чем говорит.

— Этот учитель, по крайней мере, не будет тебя бить. Он афинянин? — спросил Гефестион.

— Нет, стагирит. Он сын того самого Никомаха, который врачевал моего деда Аминту. Полагаю, лечил и моего отца, когда тот был ребенком. Ты знаешь, как жил Аминта — словно волк, окруженный охотниками. Он только и делал, что изгонял своих врагов или пытался вернуться сам. Никомах должен был доказать свою преданность. Не знаю, насколько хорошо он лечил. Аминта умер в своей постели — в нашей семье это редкость.

— Так значит, сын Никомаха. Как его имя?

— Аристотель.

— Он знает страну, это уже что-то. Он очень стар?

— Ему около сорока. Не много для философа, они живут вечно. Исократу, который хочет, чтобы отец объединил греков, уже за девяносто, а он все никак не угомонится. Платон прожил больше восьмидесяти. Отец говорит, что Аристотель надеялся стать главой школы, но Платон выбрал своего племянника. Вот почему Аристотель оставил Афины.

— И тогда он испросил позволения приехать

сюда? — спросил Гефестион.

— Нет, тогда нам еще было по девять лет. Я запомнил год из-за халкидийской войны. Аристотель не мог вернуться домой в Стагиру, потому что как раз тогда отец спалил ее и забрал жителей в рабство. Что это у меня в волосах?

— Это сучок от дерева, по которому мы лезли.

Гефестион, не отличавшийся особой ловкостью рук, осторожно распутал сияющую прядь и вынул застрявшую в ней веточку орехового дерева. От волос Александра пахло каким-то дорогостоящим составом, которым Олимпиада их мыла, и летней разогретой травой. Рука Гефестиона легко скользнула вниз по спине Александра. В первый раз это произошло почти случайно. Хотя Александр ничем не выразил неудовольствия, Гефестион выжидал два дня, прежде чем отважиться повторить попытку. Теперь, когда мальчики были одни, он ловил любой удобный случай и порой не мог сосредоточиться ни на чем ином. Гефестион не мог сказать, что думает обо всем этом Александр и размышляет ли он об этом вообще. Сын царя принимал эти знаки любви спокойно и невозмутимо говорил о посторонних вещах.

— Стагириты, — продолжал Александр, — вы-

ступали союзниками Олинфа; царь показал на их примере, что будет с городами, поддерживающими его врагов. Твой отец рассказывал тебе об этой войне?

— Что?.. Ах да. Рассказывал, — спохватился Гефестион.

— Слушай, это важно. Аристотель бежал в Асс как гость и друг Гермия Атарнейского; они встречались в Академии. Гермий тиран там. Ты знаешь, где находится Асс — прямо напротив Митилены, он держит власть над проливом. И как только я все это вспомнил, то сразу же понял, почему отец выбрал этого человека. Но это только между нами.

Александр серьезно посмотрел в глаза Гефестиону: глубоким взглядом, после которого он всегда делился сокровенным. Как всегда, Гефестион почувствовал, что в груди у него все тает. И как всегда, прошло какое-то время, прежде чем к нему вернулась способность слышать и осознавать услышанное.

— …которые были в других городах и избежали осады, просят отца отстроить Стагиру и вернуть прежние права ее жителям. Вот чего хочет этот Аристотель. А отец — он хочет союза с Гермием. Это как сделка у барышников. Леонид тоже

приехал из-за политики. Старик Феникс единственный, кто сделал это ради меня.

Гефестион стиснул руку Александра. Чувства обуревали его; ему хотелось сжать друга так, чтобы самые их кости срослись в одно целое. В то же время он знал, что это порочно и безумно. Он сам убил бы любого, посмевшего тронуть хоть волос на этой золотой голове.

— Они не подозревают, что я отлично все понимаю. Я просто ответил «да, отец» и даже матери не сказал ни слова. Я хочу оценить этого человека сам и сделать то, что я считаю наилучшим, но так, чтобы никто не догадался о причине. Я сказал только тебе. Моя мать вообще против философии.

Гефестион между тем думал, какой хрупкой выглядела грудь Александра, каким чудовищным казалось желание ласкать и сдавливать ее. Он молчал.

— Мать говорит, что философия уводит людские помыслы от богов. Она-то должна знать, что я никогда не отвернусь от богов, кто бы и что бы мне ни говорил. Я знаю, что боги существуют. Это так же несомненно, как то, что живу я или ты. Мне трудно дышать.

Гефестион, который о себе мог сказать то же

самое, быстро отодвинулся от Александра. Вскоре он ухитрился пробормотать:

— Возможно, царица прогонит его.

— Ну нет, я этого не хочу. Это принесет только лишнее беспокойство. Еще я подумал, что Аристотель может оказаться из тех, которые умеют отвечать. С тех пор как я узнал, что приезжает философ, я стал их записывать — вопросы, на которые никто здесь не может ответить. Их уже тридцать пять, я сосчитал вчера.

Сидя напротив Гефестиона, спиной к пологому скату фронтона, Александр не казался углубленным в себя, напротив — сияющим, доверчивым и искренним. Вот, думал Гефестион, подлинное и совершенное счастье.

— Я хотел убить Леонида, — сказал Гефестион в волнении. — Ты это знаешь?

— А, я и сам когда-то хотел. Но теперь я думаю, что Леонида послал мне Геракл. Когда человек творит благо против своей воли, значит он исполняет божественное предначертание. Он хотел сломить меня, а вместо этого научил справляться с трудностями. Мне не нужен меховой плащ, я не ем больше того, чем мне нужно, и не валяюсь по утрам в постели. Мне было бы гораздо труднее начинать учиться этому сейчас и без Леонида,

а учиться все равно бы пришлось. Как просить своих солдат мириться с вещами, которых не можешь вынести сам? А солдаты хотят убедиться, что я не больший неженка, чем мой отец. — Александр напрягся, грудные мышцы сжались, тело стало твердым, как броня. — Я ношу хорошую одежду, лучше, чем при Леониде; мне она нравится. Но это все, что я себе позволил.

— Этот хитон тебе уже никогда не надеть, ручаюсь… Посмотри, какая дыра — я могу просунуть туда руку… — улыбнулся Гефестион. — Александр! Ты никогда не уйдешь на войну без меня?

Александр выпрямился, глаза его расширились от изумления. Гефестион быстренько отдернул руку.

— Без тебя? Что ты придумал, как тебе вообще могла прийти такая мысль? Ты же мой лучший друг.

Гефестион уже годы назад понял, что если боги — даже единственный раз за всю его жизнь — предложат дары, он выберет этот. Радость опалила его, как удар молнии сухое дерево.

— Ты и вправду так думаешь? — пробормотал он. — Вправду?

— Вправду? — переспросил Александр почти с гневом. — А ты как считаешь? Ты полагаешь,

то, что я поведал здесь тебе, я рассказываю всем? Вправду — надо же такое вообразить!

«Всего месяц назад, — подумал Гефестион, — я был бы слишком напуган, чтобы ему ответить».

— Не сердись. В великой удаче всегда сомневаешься.

Глаза Александра подобрели. Он поднял правую руку:

— Клянусь Гераклом.

Потом наклонился и, в соответствии с обрядом, поцеловал Гефестиона: с пылом чувствительного ребенка и нежностью растущей привязанности взрослого. Гефестион, еще не пришедший в себя от восторга, не сразу ощутил легкое прикосновение губ Александра. Когда он наконец собрался с силами, чтобы ответить на поцелуй, что-то другое привлекло внимание Александра. Он смотрел на небо.

— Взгляни, — сказал Александр, взмахнув рукой. — Видишь эту статую Ники на верхнем фронтоне? Я знаю, как туда подняться.

С террасы Ника казалась такой же маленькой, как детская глиняная кукла. Когда после головокружительного подъема мальчики оказались у ее ног, богиня выросла до пяти локтей.

В протянутой над пустотой руке она держала позолоченный лавровый венок.

Гефестион за все это время не осмелился задать ни одного вопроса не только Александру, но и себе самому. По знаку друга он ухватился левой рукой за бронзовый пояс богини, а правой — за запястье Александра.

— Держи меня! — велел царевич.

Изловчившись, Александр изогнулся над пропастью и оторвал от венка Ники два листка. Один подался легко, с другим пришлось повозиться. Гефестион чувствовал, как ладони его становятся липкими от пота; страшная мысль, что это может сделать хватку ненадежной, холодной волной прошла по животу и вздыбила волосы. Скованный ужасом, он не мог отвести глаз от тонкой изящной кисти, которая казалась такой маленькой в его собственной лапе. Но в руке Александра чувствовалась сила. Хватка Гефестиона крепла, повинуясь железной воле.

Прошла вечность, прежде чем Александр спустился, зажав листья в зубах, и уже на крыше передал один Гефестиону:

— Теперь ты мне веришь?

Золотой лист лежал на ладони Гефестиона. Он слабо трепетал от ветра, как живой. Такой же

большой, как настоящий. Мальчик быстро сжал пальцы. Теперь его охватил ужас. Гефестион уставился на огромные мраморные плиты далеко внизу, похожие отсюда на мелкую мозаику. Ужас и одиночество высоты. Гефестион поднимался на фронтон, полный яростной решимости умереть, но выдержать устроенное ему Александром испытание. Лишь сейчас, когда бронзовый позолоченный листок впился ему в ладонь, Гефестион понял, что испытание предназначалось не ему. Он был просто свидетелем. Гефестион поднялся наверх, чтобы держать в своей руке жизнь Александра. Это был залог дружбы, ответ на его дурацкий вопрос.

Когда мальчики спускались на землю, цепляясь за ветви высокого ореха, Гефестиону на ум пришла песня о Семеле, возлюбленной Зевса. Бог явился к ней в облике человека, но ей этого было недостаточно, она требовала, чтобы он показал ей свою божественную сущность. Зевс выполнил просьбу, но Семела хотела слишком многого; молнии в руке бога сожгли ее. Гефестиону нужно привыкнуть к огню.

Прошло еще несколько недель, прежде чем объявился философ.

Гефестион его недооценил. Аристотель знал

не только страну, но и двор, и живой язык; у него оставались в Пелле родственные связи и много друзей. Царь, хорошо об этом осведомленный, предложил в одном из писем предоставить — если потребуется — отдельное здание для занятий наследника и его друзей.

Философ прекрасно читал между строк. Мальчика нужно было вырвать из цепких рук матери-интриганки; отец, со своей стороны, не станет вмешиваться. Аристотель даже не смел на такое надеяться. В ответном письме, чрезвычайно учтивом, философ предложил поселить наследника с друзьями в некотором удалении от дворцовой суеты и в заключение — как если бы эта мысль только что пришла ему на ум — порекомендовал чистый горный воздух. Подходящих гор не было в радиусе нескольких миль от Пеллы.

У подножия горы Бермий, на западе равнины Пеллы, стоял хороший дом, заброшенный во время войн. Филипп купил его и привел в порядок. Дом был большой; царь пристроил крыло и гимнасий и — поскольку философ упоминал о прогулках — расчистил сад. Никаких ухищрений, прекрасный уголок природы, то, что персы называют «парадиз». Говорили, легендарные сады царя Мидаса были чем-то в этом роде. Там все

росло свободно и пышно.

Покончив с этим, царь послал за сыном. Через час все его распоряжения будут известны Олимпиаде, наполнившей дворец шпионами, а уж она постарается исказить их смысл и настроить мальчика против отца.

В беседе отца и сына сквозили намеки и недоговоренности. Александр видел, что Филипп уже принял решение. Но этот напор, эти двусмысленные, темные речи — что это: привычная перебранка в бесконечной войне с его матерью или нечто большее? Все ли слова были произнесены? Когда-то Александр верил, что мать никогда ему не солжет, но многие случаи убедили его в обратном.

— Я хочу знать, кого из друзей ты пригласишь с собой, — сказал Филипп. — Обдумай, я даю тебе на это пару дней.

— Благодарю, отец.

Александр вспомнил мучительные часы, проведенные на душной женской половине: сплетни, пересуды, пустая болтовня, бесконечные интриги, размышления и гадания над каждым взглядом или словом, крики, слезы, клятвы перед богами, запах благовоний, волшебных трав и горящего жертвенного мяса, шепот признаний,

не дававшие уснуть ночью, так что весь следующий день он не мог собраться и проигрывал в беге и не попадал в цель.

— Если их отцы согласятся, все легко уладится, — сказал Филипп. — Птолемей, я полагаю?

— Да, Птолемей непременно. И Гефестион. Я просил тебя за него прежде.

— Я помню. Гефестион. Конечно.

Филипп постарался, чтобы его голос прозвучал непринужденно. Меньше всего он хотел разрушить сложившееся положение вещей. В его душе навечно запечатлелись любовные картины Фив: юноша и мужчина, в котором юноша видит образец. Где-то это было в порядке вещей, но Филипп не желал, чтобы кто-то властвовал над его сыном. Даже Птолемей, относящийся к мальчику по-братски и любящий женщин, вызывал у царя опасения. И как было не тревожиться за Александра, с его поразительной красотой и тягой к юношам много старше себя? Случайная прихоть, странный каприз внезапно привлекли сына к мальчику, родившемуся с ним почти что день в день. Уже несколько недель они были неразлучны. Александр, что правда, то правда, оставался непроницаем, но зато по тому, другому, можно было читать, как по раскрытой

книге. Хотя никаких сомнений, что в этой дружбе образец — Александр, а мальчик во всем ему подчиняется. Соответственно, эту связь можно выбросить из головы.

Царю хватало тревог за пределами царства. Прошлым летом пришлось снова усмирять иллирийцев на западной границе. Победа стоила Филиппу не только многих забот, горя и скандалов, он заплатил за нее разрубленным в битве коленом. Филипп до сих пор хромал.

В Фессалии все складывалось удачно: он привел к повиновению дюжину местных царьков, уладил миром два десятка войн из-за кровной вражды — и все, за исключением одного-двух честолюбивых вождей, остались довольны. Но Филипп потерпел неудачу в Афинах. Афиняне отказались прислать своих граждан на Пифийские игры только потому, что Филипп вручал там награды. Но царь все же не сдался. Его ставленники в один голос твердили, что афинян можно образумить, если болтуны-ораторы перестанут сбивать народ с толку. Афинские политики в первую очередь заботились о том, чтобы не урезались общественные пособия. В случае угрозы системе подачек не прошло бы ни одно предложение, зайди речь хоть о спасении родины.

Филократа обвинили в государственной измене, и он бежал из Афин. Вовремя: вскоре ему вынесли смертный приговор. Филипп назначил Филократу щедрое содержание и обратил свои надежды на людей, слывших неподкупными, на тех, кто считал союз с Македонией благом для Афин. Они убедились, что сейчас все помыслы царя обращены к малоазийской Греции. Теперь им оставалось уверить сограждан в том, что меньше всего Филиппу нужна сейчас дорогостоящая война с Афинами. Проигравший или победитель, безразлично — он предстанет врагом Эллады именно тогда, когда ему нужно укреплять свой тыл.

И этой весной Филипп отправил в Афины новое посольство с предложением пересмотреть мирный договор, если выдвинутые афинянами поправки будут разумны. Афиняне снарядили своего посла, старого друга Демосфена, некоего Гегельзиппа. Гегельзипп носил прозвище Хохолок, данное из-за длинных женоподобных локонов, уложенных на макушке и перевязанных лентой. В Пелле стало ясно, почему выбор пал на него: к неприемлемым условиям, выставленным Афинами, он добавил, уже от себя лично, безобразную грубость. Не было ни малейших шансов,

что Филипп перетянет его на свою сторону. Хохолок устраивал союз афинян с фокейцами, само его присутствие было оскорблением. Он приехал и уехал, и Филипп, который до этого не требовал от фокейцев ежегодной платы за разграбленный храм, дал им понять, что платить придется сполна.

Потом в Эпире, царь которого недавно умер, жадные родичи затеяли войну за трон. Умерший царь являлся одним из племенных вождей среди множества других. Стране грозила многолетняя смута, если бы трон не поддержала чья-то всесильная рука. Филипп, видя в этом благо для Македонии, готов был посадить в Эпире своего ставленника. Впервые в жизни он удостоился одобрения жены, поскольку выбрал ее брата, Александра. Филипп, впрочем, рассчитывал, что тот сообразит, чью сторону держать выгоднее, и постарается обуздать Олимпиаду; по крайней мере, брат не будет принимать участия в ее интригах и может стать полезным союзником. К сожалению, беспорядки в Эпире требовали его вмешательства, и царь не мог остаться в Пелле на встречу с философом. Хромая к своей боевой лошади, Филипп послал за сыном и сообщил ему это. Больше он ничего не сказал. Царь многие

годы занимался дипломатией, и его единственному глазу нельзя было отказать в зоркости.

— Аристотель приезжает завтра в полдень, — сказала Олимпиада дней десять спустя. — Не забудь, что ты должен быть дома.

Александр стоял подле маленького ткацкого станка, за которым его сестра трудилась над чудесной каймой. Клеопатра не так давно овладела искусством сложного узора и страстно ожидала слов восхищения. Теперь они стали друзьями, и Александр не скупился на похвалы. Но слова матери заставили его навострить уши.

— Я приму его, — продолжала Олимпиада, — в зале Персея.

— Я сам приму его, мама.

— Ну конечно, ты должен там быть. Я так и сказала.

Александр прошелся по комнате. Клеопатра, забыв обо всем на свете, стояла с челноком в руке, переводя взгляд с брата на мать. Привычный ужас исказил ее лицо.

Александр похлопал по своему блестящему кожаному поясу.

— Нет, мама, теперь, когда отца нет дома, это мой долг. Я принесу извинения и представлю Аристотелю Леонида и Феникса. Потом приведу

его наверх и представлю тебе.

Олимпиада поднялась со своего кресла. В последнее время мальчик быстро рос. Теперь она была уже не намного выше его.

— Ты хочешь сказать мне, Александр, — отчеканила царица, — что не желаешь, чтобы я присутствовала на приеме?

Он промолчал. Олимпиада отказывалась верить.

— Это маленьких мальчиков представляют взрослым их матери, — сказал Александр. — Не так встречают софиста молодые ученики. Мне почти четырнадцать, я справлюсь с этим сам.

Ее подбородок дернулся вверх, спина напряглась.

— Это твой отец сказал тебе?

Вопрос был неожиданным, но Александр знал, к чему она клонит.

— Нет, — сказал он, — мне не нужны слова отца, чтобы знать, что я мужчина. Я сказал ему сам.

На скулах Олимпиады выступили пятна; волосы поднялись рыжей волной, серые глаза широко распахнулись. Очарованный, он тонул в ее взгляде, думая, что в мире нет других столь опасных

и столь прекрасных глаз.

— Так значит, ты мужчина! И я, твоя мать, которая родила тебя, вынянчила, выкормила, сражалась за твои права в те дни, когда царь готов был прогнать тебя, как приблудную собаку, чтобы признать своего ублюдка…

Царица смерила сына негодующим взглядом полновластной хозяйки. Александр ни о чем не спрашивал; мать хотела причинить ему боль — и этого было достаточно. Слово летело за словом, как горящие стрелы.

— Я, которая каждый день моей жизни жила только для тебя с тех пор, как ты был зачат, — о да, задолго до того, как ты увидел свет солнца, которая ради тебя проходила через огонь и тьму и спускалась в долину смерти! Теперь ты переметнулся к нему, чтобы унижать меня, как деревенскую бабу. Теперь я верю, что ты — его сын!

Александр молчал. Клеопатра выронила челнок и выкрикнула торопливо:

— Отец — дурной человек. Я не люблю его. Я люблю одну маму!

На нее никто не взглянул. Девочка заплакала, но ее никто не услышал.

— Придет время, когда ты вспомнишь этот день, — прошипела Олимпиада.

«Да уж, — подумал Александр, — такое не забывается».

— Ну? Тебе есть что ответить?

— Прости, мама. — Голос Александра начал ломаться, сейчас он пустил предательского петуха. — Я прошел испытания. Теперь я должен жить как мужчина.

Впервые она рассмеялась ему в лицо так, как смеялась в лицо его отцу:

— Прошел испытания! Глупое дитя. Ты будешь хвалиться этим, когда ляжешь с женщиной.

Олимпиада осеклась. В комнате повисло гнетущее молчание. Клеопатра незаметно выбежала за дверь. Олимпиада кинулась в кресло и разрыдалась от гнева.

Александр еще постоял, опустив голову, потом, как это часто бывало раньше, подошел к матери и погладил ее волосы. Она плакала у него на груди, задыхаясь, перечисляла нанесенные ей обиды и несправедливости, со слезами кричала, что больше не хочет видеть свет солнца, если и сын покинет ее. Александр сказал, что любит ее, что она и сама хорошо это знает. На такие уговоры всегда уходило много времени. В конце концов — царевич и сам не знал, как это произошло, — они условились, что Александр примет

софиста сам, с Леонидом и Фениксом, и вскоре юноша ушел. Он не испытывал ни досады, ни торжества — только полную опустошенность.

У подножия лестницы его ждал Гефестион. Всегда случалось так, что, если Александру хотелось играть, у Гефестиона под рукой оказывался мяч, если Александра томила жажда, Гефестион тут же протягивал другу кубок. Его внимательная любовь не упускала ни малейшей мелочи. Гефестион не был расчетлив, он просто чувствовал. Теперь, когда Александр спустился вниз и Гефестион увидел его сжатый рот и голубые тени под глазами, им не понадобились слова. Гефестион просто пошел рядом.

Тропинка увела их вглубь леса. Там, на поляне, лежал поваленный ствол дуба, затянутый оранжевой порослью поганок и кружевом плюща. Гефестион сел, привалившись к дереву спиной. Александр подошел и взял его за руку; через несколько минут он глубоко вздохнул. За все это время не было произнесено ни одного слова.

— Они говорят, будто любят тебя, — сказал Александр наконец, — и едят поедом.

Гефестион встревожился. Для него безопаснее избегать слов.

— Дети принадлежат женщинам, но мужчи-

ны уходят своей дорогой. Так говорит моя мать. Она говорит, будто хочет, чтобы я вырос, но на самом деле это не так.

— Моя хочет, что бы она ни говорила.

Гефестион придвинулся ближе. Он подумал, что Александр как животное, которого успокаивает прикосновение. И в чем бы царевич ни нуждался, он это получит.

Несмотря на уединенность места, Александр говорил тихо, как если бы птицы могли подслушать:

— Ей нужен мужчина, который защищал бы ее. Ты знаешь почему.

— Да, — кивнул Гефестион.

— Мать всегда знала, что я буду заботиться о ней. Но сегодня я понял: она думает, что я ей позволю царствовать вместо себя, когда придет мое время. Мы не говорили об этом. Но она поняла, что я сказал «нет».

Гефестион вздрогнул и похолодел, предчувствуя неладное, но сердце его наполнилось гордостью. Он даже не смел надеяться, что когда-нибудь будет вовлечен в союз против такой могущественной соперницы. Как можно осторожнее подбирая слова, он подтвердил свою преданность.

— Она плакала. Я заставил ее плакать, — прошептал Александр.

Он все еще был мертвенно-бледен. Теперь Гефестион нашелся:

— Она плакала и при родах. Но это было неизбежно. Так и сейчас.

После долгого молчания Александр спросил:

— Ты помнишь то, другое, о чем я тебе рассказывал?

Гефестион кивнул. Это была тайна, о которой они говорили только однажды.

— Мать обещала поведать мне все… когда-нибудь. Иногда она говорит одно, потом — другое. Мне приснилось, что я поймал священную змею и пытался заставить ее говорить со мной, но змея вырвалась и ускользнула.

— Может, она хотела, чтобы ты догнал ее, — предположил Гефестион.

— Нет, она знала тайну, но промолчала… Мать ненавидит моего отца. Думаю, я единственный, кого она когда-либо любила. Она хочет меня всего, и чтобы ничто не принадлежало ему. Иногда меня мучит желание узнать, что за этим кроется…

В теплой рощице, пронизанной солнцем, по спине Гефестиона прошел холодок.

— Боги откроют тебе правду, — сказал он. — Они открывают правду всем героям. Но твоя мать… в любом случае… она смертна.

— Да, это так. — Александр помолчал, припоминая. — Однажды, на горе Олимп, мне было знамение. Я дал обет, это навсегда останется между мной и богом. — Он сделал легкое движение, освобождаясь из объятий Гефестиона; долгий тяжелый вздох сотряс все его существо. — Иногда я забываю об этом на несколько месяцев, иногда думаю день и ночь. Иногда мне кажется, что я сойду с ума, если не узнаю правду.

— Но это глупо. Теперь у тебя есть я! — воскликнул Гефестион. — Или ты думаешь, я допущу, чтобы ты стал сумасшедшим?

— Я могу говорить с тобой. Пока ты рядом…

— Клянусь тебе перед лицом богов, я буду рядом до своей последней минуты.

Они одновременно подняли глаза. В высоком небе лениво скользили легкие облака, и их неприметное движение казалось рябью на воде в долгий, безветренный летний день.

Аристотель, сын лекаря Никомаха, ведущий

свой род от Асклепия[49], стоял на носу входящего в гавань корабля, пытаясь вызвать в памяти смутные образы детских воспоминаний. Прошли годы; все выглядело переменившимся и чужим.

Аристотель проделал короткое необременительное путешествие морем — единственный пассажир на присланной за ним военной галере. Может быть, поэтому он не был удивлен, увидев на пристани ожидавший его конный эскорт. У него даже промелькнула надежда, что высланный ему навстречу придворный будет полезен. Философ уже был хорошо проинформирован; но знания — пусть это даже касалось мелочей — никогда не бывали лишними; истина слагалась из множества частей, как мозаика.

Чайка пронеслась рядом. По привычке, выработанной годами самодисциплины, Аристотель подметил и запечатлел в памяти ее вид, угол полета, ширину крыльев, манеру нырять, рыбешку, за которой она кинулась. Форма волн, расходящихся от носа корабля, изменялась по мере уменьшения скорости. Ум Аристотеля молниеносно произвел логическую выкладку, навсегда

[49] Сноски: 49

Асклепий — греческий бог врачевания, сын Аполлона. Обучался искусству исцелять у кентавра Хирона, наставника и воспитателя многих греческих героев.

оставшуюся где-то в глубинах сознания; она окажется под рукой, как только придет ее время. Философ не нуждался в табличках и стиле.

За скоплением теснившихся у пристани суденышек с трудом угадывались встречающие. Царю следовало послать кого-нибудь из первых лиц государства; это политика. Во время плавания Аристотель приготовил ряд вопросов. Этот дикий народ опасен, но им можно и нужно воспользоваться в эпоху, когда философия и политика сплетаются воедино. Лучшее применение для ума и познаний ученейших людей — врачевание болезней Эллады. Варвары безнадежны по определению, просвещать их — все равно что пытаться распрямить горбуна. Нужно излечить Элладу, и тогда она поведет за собою весь мир.

Двух поколений хватило, чтобы разумные формы государственных установлений превратились в своих омерзительных двойников: аристократия — в олигархию, демократия — в демагогию, монархия — в тиранию. И теперь, когда стремительно росло число затронутых этим злом городов, увеличивался и мертвый балласт, убивающий надежды реформаторов. Улучшить тиранию оказалось невозможно; примеры у всех были на памяти. Пытаться усовершенствовать

олигархию значило культивировать жесткость и жажду власти, убивающие душу, а улучшать демагогию — значит самому стать демагогом и пожертвовать своим умом. Но для того чтобы реформировать монархию, нужно вылепить одного-единственного человека. Аристотелю выпала возможность стать творцом и воспитателем царя — дар, который просит у судьбы каждый философ.

Платон рисковал жизнью в Сиракузах, потратив время на отца-правителя и сынка-неудачника[50]. Он пожертвовал половиной своих самых плодотворных лет, прежде чем отказался от брошенного им самим же вызова. В Платоне жили вельможа и солдат, а может быть, и мечтатель. Разве не благоразумнее было бы собрать достоверные сведения, прежде чем пускаться в опасный, таящий неведомое путь?.. Одна эта мысль, казавшаяся такой далекой, пробудила

---

[50] Сноски: 50

Желая воплотить в жизнь свою идею об идеальном государстве, Платон три раза посещал город Сиракузы на острове Сицилия. Первый раз тридцативосьмилетний философ пытался посредством нравственных наставлений убедить Дионисия-старшего, правителя Сиракуз, усовершенствовать законы, но по приказу того же Дионисия был схвачен и продан в рабство. Во второй раз встреченный с почетом сыном Дионисия шестидесятилетний Платон вскоре попал в «почетное» заточение. В третье посещение Платона спас от смерти государственный переворот в Сиракузах.

тяжелые, гнетущие чувства: застарелое беспокойство, ощущение ускользающего неизвестного, что не входит в категории и системы, вернулись назойливым призраком вместе с летними запахами садов Академа.

Как бы там ни было, в Сиракузах Платон потерпел поражение. Может быть, виной тому дурной материал, с которым выпало работать, но его позор стал известен всей Греции. И когда подошли его последние дни, самый ум учителя, похоже, помутился — иначе как объяснить решение отдать школу на откуп Спевсиппу, этому гнилому мистику? И подумать только, Спевсипп отказался бы от этого ради возможности явиться ко двору Пеллы. Снисходительный царь, мальчик — смышленый и с сильной волей, не ставший жертвой растлителей, наследник могущества, которое усиливается с каждым годом. Неудивительно, что Спевсипп соблазнился сладким куском, забыв даже об убожестве и грязных интригах Сиракуз. Но Спевсиппу отказали. Демосфен и его шайка добились, по крайней мере, одного: ни один афинянин не будет желанным гостем в Македонии.

Сам же Аристотель отвечал на восторги друзей, восхвалявших его безупречную храбрость, сдер-

жанной улыбкой. Как, уехать на варварский, свирепый север! Да он вырос в этой стране, там его корни, мысли о воздухе ее гор напоминали о радостях детства. Умы его родных отягощались тревогами войны, но сам философ в те годы знал только счастье и красоту. Что до свирепости македонцев, то он и сам слишком долго прожил в тени персидского могущества, чтобы позволить себе увлечься иллюзией благородства. Ему ли, сделавшему из человека с темным и страшным прошлым друга и философа, бояться неудачи с несформировавшимся мальчиком!

Гребцы табанили, галера медленно проходила между боевыми триремами. Аристотель едва ли не с любовью вспомнил дворец на склоне холма в Ассе, окна которого глядели на поросшие лесом горы Лесбоса и пролив, который он так часто пересекал; террасу, на которой в теплые летние ночи зажигались факелы; споры, или пронизанное мыслью молчание, или книгу, которую они читали вместе. Гермий читал неплохо; его высокий, мелодичный и выразительный голос никогда не срывался на визг. Эта бесполая чистота совсем не отражала глубин его духа: Гермия кастрировали еще мальчиком, чтобы продлить красоту, восхищавшую его хозяина. Он оказал-

ся на самом дне и многое испытал, пробиваясь к вершинам власти, но, подобно упрямому ростку, неуклонно тянулся к свету. Гермия убедили посетить Академию, и с тех пор он сильно переменился.

Обреченный на бездетность, Гермий принял в свой дом племянницу. Аристотель женился на ней по долгу дружбы; узнав, что супруга всей душой любит его, философ испытал удивление. Тонкая темноволосая девочка, ко всему усердная, вскоре умерла. Держа мужа за руку, она умоляла, чтобы их пепел смешали в одной урне. Ее близорукие глаза уже начинали затуманиваться и блуждать; Аристотель хотел показать ей свою признательность и охотно дал обещание, по собственному побуждению добавив, что никогда не возьмет другую жену. Сейчас урна с ее прахом была с ним, на случай, если ему суждено окончить свои дни в Македонии.

Женщины, разумеется, появлялись. Аристотель гордился — и это, по его мнению, ничуть не противоречило философии, — своими нормальными, здоровыми инстинктами. Платон, как считал философ, слишком превозносил любовь.

Галеру пришвартовали, и — как всегда в таких

случаях, неожиданно — надвинулся шум пристани. Канаты затянули, со стуком сбросили сходни. Встречающие, пять или шесть человек, спешились. Аристотель обернулся к двум своим слугам: сейчас его больше интересовала сохранность багажа. Только легкая суматоха среди моряков заставила философа поднять голову. На сходнях, озираясь, стоял мальчик. Руки он сложил на взрослом поясе для меча; бриз с моря трепал сияющие густые волосы. Он казался смышленым и бодрым, как молодой охотничий пес. Когда их глаза встретились, мальчик легко спрыгнул вниз, не дожидаясь, пока подбегут помочь:

— Ты Аристотель-философ? Да будет твоя жизнь счастлива. Я Александр, сын Филиппа. Добро пожаловать в Македонию.

Они обменялись положенными любезностями, украдкой разглядывая друг друга.

Александр задумал свой маленький выезд, торопясь ускорить события.

Инстинкт сделал мальчика наблюдательным; уроки матери слишком хорошо врезались в память. Александр мог сказать, из-за чего она сердится на отца, определив причину по одному взгляду; он предугадывал ее следующее движение, он почти знал, на что она рассердится

завтра. Войдя в отсутствие матери в ее комнаты, Александр увидел разложенное парадное платье. Ожидалось новое кровопролитное сражение, но этим война не кончится. Ему вспомнился обожаемый Ксенофонт, который, попав в персидскую ловушку, решил нанести упреждающий удар.

Чтобы его действия не были истолкованы Олимпиадой как дерзкая или даже непристойная выходка, Александр принял все предосторожности. Он отправился к Антипатру, правившему Македонией в отсутствие царя Филиппа, и попросил сопровождать его. Антипатр был непоколебим в своей преданности царю; он радовался в душе такому обороту дела, но был не настолько глуп, чтобы это показать. Теперь он, официальный представитель власти, тоже стоял на пристани.

Философ оказался худым невысоким человечком, о котором нельзя было сказать, что он сложен непропорционально, — и все же в глаза первым делом бросалась его голова, как если бы она составляла все существо Аристотеля, сосредоточенное под широким шишковатым лбом: сосуд, слишком тесный для своего содержимого. Маленькие сверлящие глазки без страха и предосуждения впивались во все, что попадало

в поле их зрения. Рот плотно сжат, аккуратная бородка коротко подстрижена, а редкие волосы выглядели так, словно даже их корням мощно напирающий мозг не пожелал оставить крохотного пространства на корке черепа.

Аристотель был одет на ионийский манер, тщательно и не без элегантности; на руке блестело несколько хороших перстней. Афиняне сочли бы его фатоватым, в Македонии он показался образцом хорошего вкуса, избежавшего как вычурности, так и показного аскетизма. Александр, стоя у сходней, с улыбкой подал ему руку. Когда философ улыбнулся в ответ, стало ясно, что это самое большее, на что он способен, и вряд ли кому-нибудь удастся увидеть его смеющимся. Но он выглядел как человек, умеющий отвечать на вопросы.

Красота, думал философ, дар богов. И к тому же облагороженная умом, живым, беспокойным духом. Бедный обреченный Платон, с его тщетной ставкой на Сиракузы! Здесь бы его не подстерегало разочарование. В любом случае Аристотель позаботится о том, чтобы новости дошли до Спевсиппа.

Формальности были соблюдены; наследник представил гостю свою свиту. Аристотелю под-

вели лошадь, слуга подсадил его, в персидском стиле. Только проследив, чтобы все выполнили так, как надо, Александр повернулся к мальчику повыше, державшему руку на недоуздке роскошного боевого коня, черного с белой звездой. Пока длилась церемония приветствий, очевидно тягостная для животного, Аристотель все время ощущал его беспокойство, даже раздражение, и теперь был удивлен беспечностью, с которой высокий юноша отпустил скакуна. Конь потрусил прямо к Александру и уткнулся изящной головой мальчику в волосы за ухом. Александр похлопал коня по шее, что-то ласково пробормотал. Осторожно, с поражающим достоинством конь присел, опустив круп, подождал, пока Александр усядется, и только по знаку, поданному легким прикосновением пальца, распрямился. На какую-то секунду мальчик и животное показались двумя посвященными, совершившими на глазах профанов известный только им могущественный ритуал.

Но философ быстро отогнал прочь неуместную фантазию. В природе нет тайн, только факты, которые должны быть точно описаны и проанализированы. Следуй во всем этой главнейшей заповеди — и никогда не собьешься с пути ис-

тины.

Источник Миезы посвящался музам. В домашнем фонтане, таком же старом, как сам дом, его воды срывались сверху гулкими каплями, журчали между камней во впадине, прорытой самим родником и заросшей папоротником. Темная гладкая поверхность воды отражала солнечные лучи. Здесь было приятно купаться.

В ручейках и проложенных через сад акведуках искрящийся под солнцем поток то дробился на множество тонких струй, то разбивался маленькими водопадами. Повсюду росли рябины, лавровые и миртовые деревья; в густых зарослях сорняков за оградой ухоженного сада виднелись искривленные стволы старых яблонь и дичков, по-прежнему зацветавших весной. Расчищенные лужайки были уложены нежным зеленым дерном. От дома, выкрашенного в розовый цвет, разбегались дорожки, которые то плутали по саду, то огибали какую-нибудь скалу, усеянную маленькими живучими горными цветами, то поднимались в горку, то спускались уступами, пересекали деревянный мост и неожиданно выводили к каменной скамье на поляне, откуда открывался чудесный вид. Летом в лесах зацветали огромные дикие розы — дар нимф Мидасу;

ночная роса наполнялась острым благоуханием.

В утренних сумерках, до начала дневных занятий в школе, мальчики выезжали охотиться. Они расставляли силки перед норами зайцев и кроликов. Среди деревьев запахи становились влажными и насыщенными, там пахло мхом и папоротниками, а на открытых солнцу склонах от земли поднимался пряный дурман цветущих трав.

На восходе солнца на каком-нибудь из этих склонов к аромату росистой травы примешивались запахи дыма, жарящегося мяса, лошадиного пота, кожи, а когда собаки из своры подходили к костру за обрезками и костями, то и запах мокрой псины.

Но если везло на странную или редкостную добычу, ее привозили домой для препарирования. Аристотель научился этому искусству, передаваемому в роду Асклепиадов как своеобразное наследство, у своего отца. Философ не пренебрегал ни одной из букашек, которых ему приносили. Большинство таких находок представляли собой уже известные ученому виды, но время от времени он принужден был озадаченно повторять: «Что же это? Что это такое?» — и доставать свои записи, сделанные прекрасным четким

почерком. В такие дни Аристотель приходил в особенно хорошее расположение духа.

Александр и Гефестион были самыми младшими из его учеников. Философ ясно дал понять, что не желает видеть себя в роли школьного учителя при детях, какими бы известными ни являлись их отцы. Многие юноши и мальчики постарше, бывшие друзьями детства наследника, стали теперь взрослыми мужчинами. Никто из них не отказался от приглашения поступить в школу, это укрепляло их официальный статус друзей наследника. Данная привилегия открывала все двери.

Антипатр, какое-то время тщетно прождав приглашения, обратился к царю от имени сына Кассандра. Александр, которому Филипп перед отъездом переадресовал эту просьбу, новости не обрадовался:

— Отец, он мне не нравится. Да и я не нравлюсь ему, с какой стати ему ехать с нами?

— То есть как это с какой? Филот ведь едет.

— Филот мой друг, — возразил Александр.

— Да, я сказал, что ты можешь пригласить своих друзей. Тебе лучше, чем кому-либо, известно, отказал ли я хоть одному. Но я вовсе не обещал отказывать всем остальным. Как я могу принять

сына Пармениона и отвергнуть сына Антипатра? Если вы с ним в плохих отношениях, у вас будет возможность это исправить. В конце концов, мне это принесет большую пользу. Философ знает многое, но тебе пора учиться дальновидности царей.

Кассандр был плотным, крепко сбитым юношей с ярко-рыжими волосами и синюшным оттенком кожи, испещренной темными веснушками, большой любитель унижать и превращать в слуг тех мальчишек, кого он мог запугать. Александра Кассандр считал невыносимым маленьким хвастуном и выскочкой, заслуживающим хорошей выволочки. Но к сожалению, Александр находился под защитой своего царственного происхождения и своры подхалимов.

Кассандр совершенно не хотел ехать в Миезу. Не так давно он получил взбучку от Филота. Кассандр что-то опрометчиво ляпнул ему как раз в тот момент, когда сын Пармениона добивался права сопровождать Александра. В многочисленных пересказах этот подвиг Филота оброс, как и следовало ожидать, самыми невероятными подробностями. В итоге Кассандр оказался в полном одиночестве. Птолемей и Гарпал смотрели на него с молчаливым презрением, Гефестион

огрызался, как собака на привязи, Александр же попросту не замечал его, не забывая быть особенно ласковым с теми, кого Кассандр не переносил. Будь они прежде друзьями, все могло бы уладиться. Александр охотно шел на примирение, и нужно было серьезно постараться, чтобы он так упорно кого-либо отвергал. Но тут неприязнь переросла в постоянную, нескрываемую враждебность. Что касается Кассандра, он скорее бы умер, чем стал подлизываться к этому тщеславному недорослику. Если бы жизнь шла по законам природы, щенок быстро бы научился должному почтению к старшим.

Кассандр напрасно убеждал отца, что вовсе не желает изучать философию, что у всех философов мозги набекрень, что он мечтает стать простым солдатом. Он не осмелился признаться, что Александр с друзьями его невзлюбили: подобное признание стоило бы хорошей порки. Антипатр ценил собственную карьеру и честолюбиво пекся о будущности сына; ему не могло прийти в голову, что тот дерзнет рассориться с наследником. Выслушав излияния Кассандра, Антипатр уставился на него свирепыми голубыми глазками, смотревшими точно из-под таких же рыжих кустистых бровей, как у сына,

и сказал:

— Веди себя там прилично. И будь внимателен к Александру.

— Он всего лишь мальчишка, — буркнул Кассандр.

— Не строй из себя дурака. Четыре или пять лет разницы между вами — это много сейчас и ничто через годы, когда вы оба станете мужчинами. Отнесись с вниманием к моим словам. У этого мальчика ум отца, и если он не окажется таким же ловким на язык, как его мать, то я — эфиоп. Не спорь с ним — за это платят софисту. Тебя я посылаю для того, чтобы ты набирался ума, а не наживал себе врагов.

Поэтому Кассандр отправился в Миезу, где чувствовал себя одиноким, презираемым, усталым и отчаянно тосковал по дому. Александр держался с ним вежливо, потому что Филипп назвал подобное обращение искусством царей и потому что ему приходилось думать о вещах гораздо более серьезных.

Философ, как оказалось, не просто был готов отвечать на вопросы, но даже жаждал этого. В отличие от Тиманта он начинал с частностей и лишь впоследствии показывал ценность системы. Однако объяснение, когда оно наконец

являлось, выглядело исчерпывающим. Александр имел дело с человеком, который всегда увязывал все концы и ненавидел двусмысленность.

Миеза смотрела на восток; по утрам высокие комнаты, украшенные уже поблекшими фресками, заливало солнце; после полудня там воцарялась прохлада.

Когда нужно было писать, рисовать или изучать образцы, мальчики работали в доме; беседовали и слушали философа в саду. Они рассуждали об этике и политике, о природе наслаждения и справедливости, о душе, доблести, дружбе и любви. Они проникали в суть вещей. Все имеет свою причину; любая вещь должна сводиться к какому-либо основанию, всякой науке следует быть наглядной.

Классная комната вскоре заполнилась образцами: высушенные цветы и растения, саженцы в горшках, птичьи яйца и зародыши птенцов, которые хранились в чистом меду, отвары из целебных трав. Хорошо вымуштрованный раб Аристотеля работал здесь целыми днями. Ночью ученики наблюдали за небом. Звезды, пятый элемент, отсутствующий на земле, были тем божественным пределом, которого только и мог достичь человеческий глаз. Мальчики отмечали

направление ветров, форму и вид облаков, дни, когда выпадал туман, — и так учились предсказывать штормы. Юные философы отражали свет от полированной бронзы и измеряли угол преломления.

Для Гефестиона началась новая жизнь. Все признавали его место в жизни Александра. С этим соглашался даже философ.

В школе часто рассуждали о дружбе. Ученики Аристотеля узнали, что это одна из тех немногих вещей, которые прекрасны сами по себе и наиболее всего необходимы человеку, желающему вести достойную жизнь. Друзьям нет нужды прибегать к правосудию, ибо между ними не может быть зла или недоразумений. Аристотель описал степени дружбы, от эгоистичной до чистейшей, когда добра желают другу ради него самого. Дружба совершенна, если доблестные мужи любят доброе друг в друге, ибо доблесть дарует большее упоение, чем сама красота, и не подвластна времени.

Аристотель говорил о ценности дружбы, обходя зыбучие пески Эроса. Кое-кто из юношей не соглашался с этим. Гефестион не сразу находил точные слова для своих мыслей, и часто другие успевали опередить его. Он предпочитал мол-

чать, нежели выставлять себя на посмешище. Кассандр мог обратить это против Александра.

Гефестион быстро превращался в собственника. Этому способствовало многое: его природа, цельность его любви, глубинное осознание им этого чувства, утверждение философа, что каждому человеку сужден только один истинный друг; питаемая его неиспорченной душой убежденность в том, что привязанность Александра сродни его собственной; наконец, признаваемое всеми положение вещей. Аристотель всегда исходил из предложенных ему фактов. Он тотчас же распознал уже устоявшуюся привязанность, подлинную страсть, а не распущенность или самообольщение. С ней следовало не бороться, а разумно сформировать и направить во благо. (Если бы только какой-нибудь мудрец сделал это для отца мальчика!..) В дальнейшем, рассуждая о дружбе, философ бросал снисходительный взгляд на двух красивых отроков, неизменно сидящих рядом. В редкие минуты уединения в Пелле Гефестион всегда неотрывно смотрел на Александра; теперь, взглянув на их дружбу глазами Аристотеля, он увидел — так же ясно, как в зеркале, — что они составляют прекрасную пару.

Гефестион гордился в Александре всем, начиная с его царственности, поскольку Александра и невозможно было представить вне ее. Утрать он престол, Гефестион последовал бы за другом в изгнание, тюрьму или на смерть; зная это, он не только гордился Александром, но и уважал себя. Он никогда не ревновал Александра, поскольку никогда в нем не сомневался, но он ревниво относился к своему положению, и ему нравилось, что оно признавалось остальными.

Кассандр, по крайней мере, сознавал это очень хорошо. Гефестион, все замечавший, понимал, что Кассандр не испытывает влечения ни к одному из них, но ненавидит их близость, искренность, красоту. Он ненавидел Александра, потому что солдаты Антипатра уважали царевича больше, чем сына Антипатра; потому что своего пояса Александр добился в двенадцать лет, потому что Букефал склонялся перед ним. Гефестиона он ненавидел за бескорыстие его любви. Все это Гефестион прекрасно понимал. Самолюбивый Кассандр убеждал себя, будто ненавидит Александра только за пороки и недостатки. Гефестион давал ему понять, что это не так.

Больше всего Кассандр ненавидел уроки искусства управлять государством, какие Аристотель

давал лично Александру. Гефестион ловко использовал зависть Кассандра всякий раз, когда ему нужно было ободрить друга, скучающего на этих занятиях.

— А я-то думал, они будут самыми лучшими. Аристотель знает Ионию, и Афины, и Халкидику, даже немного Персию. Я хочу знать, что там за люди, каковы их обычаи, как у них принято поступать. Чего хочет он, так это натаскать меня, заготовить ответы на все случаи жизни. Что я сделаю, если произойдет это или вот то? Буду думать об этом, когда это произойдет, сказал я, события совершаются людьми, нужно знать людей. Он счел меня упрямым.

— Царь мог бы позволить тебе отказаться от этих уроков?

— Нет. Я имею на них право. Я вижу, в чем ошибка; Аристотель думает, что это наука неточная, но все же наука. Пусти барана к овце, и каждый раз получишь ягненка, даже если ягнята не будут в точности походить друг на друга. Нагрей снег, и он растает. Вот наука. Доказательства должны повторяться. А теперь, скажем, война; даже если и удастся повторить все условия — что невозможно, — нельзя повторить эффект неожиданности. Или погоду. Или настроение

людей. И армии, и города создают люди. Быть царем… быть царем — это как музыка.

Александр замолчал и нахмурился.

— Он просил тебя снова играть? — спросил Гефестион.

— «При простом слушании этическое воздействие ослабляется наполовину».

— Иногда он мудр, как боги, а иногда глуп, как какая-нибудь старуха-птичница.

— Я сказал ему, что учился этике опытным путем, но все условия повторить нельзя. Думаю, он понял намек.

И в самом деле, этот вопрос больше не поднимался. Прямой и честный Птолемей отвел философа в сторону и изложил ему суть проблемы.

Птолемей не озлобился, видя восходящую звезду Гефестиона. Будь новый друг взрослее, столкновение стало бы неизбежным, но положение Птолемея как старшего брата осталось неизменным. Все еще не женатый, он успел несколько раз стать отцом; Птолемей ощущал ответственность за свое разрозненное побочное потомство, и новое чувство начинало затмевать его дружбу с Александром. Мир юной, окрашенной чувственностью дружбы был для него

неведомой страной; со времен отрочества его влекли к себе женщины. Гефестион ничего у него не отнял, просто Птолемей перестал быть первым. Считая это не главной из человеческих потерь, Птолемей не воспринимал Гефестиона более серьезно, чем следовало. Без сомнения, мальчики это перерастут — Александр и сейчас старался гасить вспыльчивость Гефестиона.

Все видели, что вдвоем они никогда не ссорятся — одна душа в двух телах, как определил это софист, — но сам по себе Гефестион бывал сварливым и неуживчивым.

Этому существовало оправдание. Миеза, святилище нимф, представляла собой и убежище от двора с его водоворотом новостей, событий, интриг. Ученики жили лишь идеями и друг другом. Их умы зрели, понуждаемые к ежедневной работе, но об их телах, которые также взрослели, говорилось гораздо меньше. В Пелле Гефестион жил в облаке неясных зарождающихся томлений. Теперь, утратив первоначальную смутность, чувства превратились в желания.

Истинные друзья делят все, но жизнь Гефестиона кипела недомолвками. Александру нравилось получать доказательства любви, даже если он в ней не сомневался, поэтому он с радостью при-

нимал ласки Гефестиона и платил другу тем же. Гефестион же ни разу не отважился на большее.

Если человек со столь живым умом не торопился его понять, значит он этого просто не хотел. Александр любил одаривать друзей, но не мог предложить того, чего у него не было. Заставить Александра понять это — значит потерять его. Умом Александр, может, и простит; душой — никогда.

И все же, думал Гефестион, временами можно поклясться, что… Но сейчас нельзя торопить Александра, у него и так достаточно волнений.

Каждый день отроки занимались формальной логикой. Царь запретил тратить время на дискуссии, игру софизмов — эристику[51], да и сам философ недолюбливал эту науку, которую Сократ определил как искусство превращать дурное в хорошее. Но ум должен быть натренирован, чтобы различать ложный аргумент, спорное положение, неверную аналогию или плохо поданную посылку. Любая наука основывается на умении вычленить взаимоисключающие принципы. Александру логика давалась без труда. Гефестион держал свои сомнения при себе.

---

[51] Сноски: 51

Эристика — искусство вести спор, полемику.

Он один знал тайну: когда и веришь, и не веришь в две разные вещи одновременно, выбор совершить невозможно. Ночью (они спали в одной комнате) Гефестион мог видеть, как Александр лежит на своей постели с открытыми глазами, залитый лунным светом, и борется с двойственностью собственной природы.

Покой Александра частенько нарушался. Раз шесть в месяц являлся посыльный от матери, привозя в подарок то сладкие фиги, то шлем или пару узорных сандалий (последние оказались слишком малы, Александр быстро рос) и непременно — толстый свиток, завязанный и запечатанный.

Гефестион знал содержание этих писем. Он читал их. Александр сказал, что истинные друзья делят все. Он не пытался скрыть, что нуждается в друге, разделившем бы с ним и эту заботу. Сидя на краю постели Александра или в одной из садовых беседок, приобняв друга, чтобы удобнее было читать через плечо, Гефестион пугался собственного гнева и покрепче прикусывал язык.

Письма сочились секретами, злословием и интригами. Желая узнать новости о войнах отца, Александр был вынужден расспрашивать гонца. Антипатр снова остался наместником в Пелле,

пока Филипп вел кампанию в Херсонесе. Олимпиада полагала, что управлять государством должна она, — царский полководец пусть командует гарнизоном. Антипатр всегда играл против нее, он был ставленником Филиппа, он плел заговоры, он пытался помешать возвышению Александра. Царица всегда приказывала гонцу дождаться ответа, и Александру хватало дела на целый день. Если он тепло отзовется об Антипатре, письмо вернется назад, полное упреков; если он признает справедливым ее обвинения, Олимпиада — он слишком хорошо это знал — не посчитает зазорным показать его письмо Антипатру при очередной ссоре. Наконец наступил тот неизбежный день, когда Олимпиада узнала, что царь взял новую жену.

Письмо царицы ужасало. Гефестион поразился, почти испугался, когда Александр позволил ему прочесть послание. В середине он прервался и хотел отложить свиток, но Александр остановил его и сказал:

— Читай дальше.

Так человек, страдающий хронической болезнью, чувствует знакомый приступ боли.

— Я должен поехать к ней.

Гефестион коснулся руки Александра. Она была

ледяной.

— Но что ты сможешь сделать?

— Я должен быть там. Я вернусь завтра или днем позже, — сказал Александр.

— Я с тобой.

— Нет, ты можешь вспылить, и мы повздорим. Мне и без того хватает забот.

Аристотель, когда ему сказали, что царица больна и сын должен ее навестить, разъярился почти так же сильно, как Гефестион, хотя и не подал вида. Мальчик не был похож на лентяя, решившего прогулять уроки ради развлечений. Он вернулся не таким, какими возвращаются с пирушки. Этой ночью Александр закричал во сне «нет!», разбудив Гефестиона.

Гефестион перебрался к нему и прилег рядом. Александр с дикой силой вцепился ему в горло, потом открыл глаза, обнял друга со вздохом облегчения, больше похожим на стон, и снова заснул. Гефестион всю ночь бодрствовал подле него и только перед самым рассветом вернулся в свою остывшую постель. Утром Александр ничего не помнил.

Аристотель также, на свой лад, постарался утешить мальчика, предприняв на следующий день особенные усилия, чтобы вернуть дух Александра

в чистые области философии. Устроившись на каменной скамье, откуда открывался вид на дали и облака, они рассуждали о природе выдающегося человека. Будет ли его забота о себе пороком? Безусловно да, если это касается низких страстей и заурядных удовольствий. Тогда о каком «я» стоит заботиться? Не тело и его нужды главное, но душа, ум, управляющие всем остальным, как царь — своими подданными. Любить *это* «я», ревниво лелеять его честь, утолять его жажду доблести и благородных поступков, предпочесть час славы, за которым последует смерть, долгой бессмысленной жизни, стремиться к тому, чтобы обрести львиную долю нравственного величия, — в этом и кроется совершенное себялюбие. Лгут старые пословицы, говорил философ, из века в век учившие людей смирению. Чем яснее осознаешь свою бренность, тем сильнее нужно стремиться к бессмертию.

Обхватив колени, уставившись на линию горизонта, Александр сидел на сером валуне перед лавровой рощицей. Гефестион следил за другом, стараясь понять, успокоилась ли его душа. Александр казался ему одним из тех орлят, которых взрослые птицы заставляют смотреть на полуденное солнце. Если птенец моргнет, говорилось

в той книге, которую они читали, то его выбрасывают из гнезда.

Потом Гефестион увел Александра читать Гомера, искренне полагаясь на действенность этого средства.

Теперь у них имелся новый список. Подарок Феникса был копией, сделанной несколько поколений назад: бездарному переписчику попал и без того испорченный текст. Когда Аристотеля спросили об одном темном месте, философ, поджав губы, проглядел все остальное и послал в Афины за должным образом исправленным вариантом, после чего собственноручно прошелся по нему, устраняя оставшиеся ошибки. В новом списке появилось не только множество строк, опущенных в старом свитке: теперь все строки были и благозвучны, и осмысленны. Имелись и примечания, в несколько нравоучительном тоне. Например, объяснялось, что, когда Ахилл, требуя вина, кричит: «Яркого!» — это еще не значит, что вино должно быть неразбавленным. Александр был проницателен и благодарен, но учителю в то время так и не открылись истинные причины его благодарности. Аристотель полагал, что архаичная поэма нуждается в обработке, Александр верил, что рукопись свя-

щенного творения должна быть непогрешима.

Философ потерял обычную уверенность, когда в один из праздников они вернулись в город и посетили театр. К его сожалению, это были «Мирмидоняне» Эсхила, трагедия, в которой Ахилл и Патрокл представали более (или, на взгляд Аристотеля, менее) чем совершенные друзья. Погруженный в свои критические размышления, философ неожиданно заметил в тот момент, когда известие о смерти Патрокла достигло Ахилла, что Александр сидит оцепенев, слезы льются из его широко раскрытых глаз, а Гефестион держит друга за руку. Укоризненный взгляд заставил Гефестиона отодвинуться и покраснеть до ушей; Александру было все едино. В конце представления оба исчезли; Аристотель нагнал их за сценой, в компании актера, игравшего Ахилла. Он не сумел помешать наследнику заключить этого фигляра в объятия и подарить дорогостоящий браслет, о котором, можно было не сомневаться, спросит царица. Все это было в высшей степени неприлично. Весь следующий день пришлось посвятить математике как целительному противоядию.

Никто не удосужился сообщить Аристотелю, что вся школа в свободное от споров о законе,

риторике, науке или добродетельной жизни время увлеченно обсуждала, было ли что-нибудь между Александром и Гефестионом или нет. Гефестион это хорошо знал; недавно кто-то побился об заклад, и он дрался с задавшим ему прямой вопрос. Возможно ли, чтобы Александр ни о чем не догадывался? Если догадывался, то почему никогда не говорил об этом? Поступал ли он так ради их дружбы, чтобы никто не мог назвать ее несовершенной? Может даже, в его понимании они действительно были любовниками? Иногда по ночам Гефестион мучился мыслью, не поступает ли он как дурак и трус, отказываясь попытать счастья. Но невидимый, непогрешимый оракул каждый раз предостерегал его. Ежедневно они слышали, что все на свете доступно могуществу разума; Гефестион знал, что это не так. Чего бы он ни ждал — прозрения, исцеления, вмешательства бога, — он должен был ждать, даже если ждать пришлось бы вечно. Уже тем, что он имел, он был богат свыше всяких чаяний; если, дерзая достичь большего, он потеряет все, то умрет на месте.

В месяце Льва, когда начинали собирать урожай винограда, Александру и Гефестиону исполнилось по пятнадцать лет. В неделю первых

заморозков гонец привез письмо, но не от царицы, а от царя. Филипп приветствовал сына, выражал надежду, что тот не прочь переменить обстановку и отдохнуть от философии, и приглашал его в свой лагерь. Юноше, чьи мысли занимали одни сражения, пришла пора увидеть лицо войны.

* * *

Дорога вела их вдоль побережья, петляя по горам там, где залив или устье реки заставляли ее отступать вглубь материка. Впервые дорогу здесь проложили армии Ксеркса, двигаясь на запад; армии Филиппа привели ее в исправность, двигаясь на восток.

С Александром ехали Птолемей, поскольку Александр счел это его правом, Филот, поскольку его отец был с царем, Кассандр, потому что сына Антипатра немыслимо было унизить перед сыном Пармениона, и Гефестион, как нечто само собой разумеющееся.

Отряд возглавлял Клит, младший брат Ланики. Царь остановил на нем свой выбор, зная, что Александр привык к Клиту еще во младенчестве. Это и вправду был один из первых людей, оставшихся в смутных детских воспоминани-

ях Александра: смуглый приземистый юноша, который входил в детскую и разговаривал с Ланикой через голову Александра или с ревом бегал по комнате, когда они играли в медведей. Теперь он превратился в Черного Клита, бородатого начальника гетайров, старомодно прямодушного. На него всегда можно было положиться. Македония еще славилась такими воинами, уцелевшими от гомеровских времен, когда Верховный царь вынужден бывал считаться с мнением вождей, если те брали на себя труд высказаться. Сейчас, сопровождая сына царя, Клит едва ли сознавал, что невольно возвращается к грубоватому юмору, царившему в давно покинутой детской, а Александр вообще с трудом припоминал, что такое было. Но в их общении ощущалась какая-то напряженность, и, хотя Александр смеялся, он тщательно следил за тем, чтобы возвращать шутки сторицей.

Они переправлялись через реки, которые, по рассказам, до последней капли осушили персидские орды; перешли Стримон по мосту царя Филиппа и по отрогам Пангейона поднялись к городу Амфиполю. Здесь, у Девяти Дорог, царь Ксеркс живыми сжег девять мальчиков и девять девочек, чтобы умилостивить своих богов. Те-

перь между горами и рекой стояла, сияя новой каменной облицовкой, крепость; за ее стенами поднимались дымки от горнил золотоплавилен. От этого важнейшего для Филиппа укрепления он никогда бы не отступился как от одного из первых завоеваний за той рекой, которая когда-то являлась дальней границей Македонии. Над крепостью вздымался Пангейон, покрытый густым лесом; там и тут лежали рудники, белая мраморная порода которых сияла на солнце: благословенное место для царских армий. Везде, где они проезжали, Клит показывал следы войн Филиппа: поля сражений, заросшие бурьяном, лежащие в руинах городские стены, перед которыми навечно вздыбились осадные машины с башнями и катапультами. Вдоль всего пути они находили крепости, где могли остановиться на ночлег.

— Что же будет с нами, ребята, — смеясь, сказал Александр, — если царь не оставит на нашу долю никаких свершений?

Когда полоса берега оказывалась достаточно твердой, они пускались в галоп и неслись вперед — с развевающимися волосами, в туче брызг от лошадиных копыт — и перекликались друг с другом, заглушая голоса чаек. Однажды, когда

их маленький отряд пел, попавшиеся на дороге крестьяне приняли их за свадебную процессию, везущую жениха в дом невесты.

Букефал пребывал в хорошем настроении. У Гефестиона появилась новая лошадь, рыжая, со светлыми хвостом и гривой. Друзья постоянно что-нибудь друг другу дарили — на пирах или просто так, по наитию, но это были маленькие детские безделушки; конь стал первым дорогим и всеми замеченным подарком, который Гефестион получил от Александра. Боги создали только одного Букефала, но коню Гефестиона не нашлось равных среди всех остальных лошадей. Конь легко слушался. Кассандр выразил свое восхищение, обильно сдобрив похвалу ядом. Наконец-то и Гефестион извлек, сказал он, пользу из низкопоклонства. Гефестион понял намек и горел желанием отомстить, но не произнес ни единого слова. Казалось немыслимым устроить сцену перед Клитом и товарищами. Гефестион стал выжидать удобного случая.

Огибая заболоченный солончак, дорога ушла в сторону от моря. Примостившись на скалах, над равниной гордо возвышалась каменная крепость Филиппа, контролирующая перевал. Филипп основал ее в памятный год и дал ей свое

имя.

— Мой первый поход, — сказал Клит. — Я был там, когда гонец приехал с новостями. Твой отец, Филот, разбил иллирийцев и гнал их полпути до западного моря; лошадь царя выиграла на Олимпийских играх, а ты, Александр, появился на свет — как нам сказали, с ужасным воплем. Мы получили двойную порцию вина. До сих пор удивляюсь, почему же не тройную.

— Зато я не удивляюсь. Царь знал вашу меру, — ответил Александр.

Он отъехал вперед и буркнул Гефестиону:

— Я слышу эту историю с трех лет.

— Все эти земли ранее принадлежали фракийцам, — заметил Филот.

— Да, Александр, — вставил Кассандр, — можешь поискать своего размалеванного друга, юного Ламбара. Агриане, — он махнул рукой на север, — надеются на поживу в этой войне.

— Неужели? — Александр поднял брови. — Они сдержали свои обещания. В отличие от Керсоблепта, который восстал сразу же, как только мы вернули ему заложника.

Все знали, что Филипп достаточно натерпелся от вероломных клятв и разбойных нападений вождя; царь затеял эту войну с целью сделать его

земли македонской провинцией.

— Все варвары одинаковы, — сказал Кассандр.

— Прошлым летом я получил вести от Ламбара, — продолжал Александр. — Он нашел какого-то купца и продиктовал ему письмо. Он зовет меня погостить в его столице.

— Я не сомневаюсь. Твоя голова прекрасно будет смотреться на шесте у въезда в его деревню, — вставил Кассандр.

— Я только что сказал, Кассандр, что он мой друг. Ты это помнишь?

— И заткнись, — внятно добавил Гефестион.

Они заночевали в Филиппах. Александр молчал. Он долго смотрел на высокий акрополь, как факел пламенеющий в красных лучах заходящего солнца.

Царь, когда они наконец до него добрались, стоял лагерем на берегу Гебра, перед крепостью Дориск. За рекой маячил фракийский город Кипсела. Прежде чем окружить его, Филиппу необходимо было взять крепость.

Ее построил еще Ксеркс для защиты своих тылов после переправы через Геллеспонт. На ровном лугу внизу он устроил смотр своей армии, слишком огромной, чтобы ее можно было счесть. Отряд проходил за отрядом через квадрат, обве-

денный вокруг первых десяти тысяч человек.

Крепость поражала своей массивностью; Ксеркс не испытывал недостатка в рабах. Но за сто лет она обветшала, трещины забились булыжником, в бойницах пророс терн, как на козьих выгонах в горах. Дориск уцелел в племенных войнах фракийцев и стоял до сих пор; невозможно было требовать большего.

Уже начинало смеркаться, когда их отряд подъехал к крепости. Из-за стен доносились запах дыма от горящих очагов и отдаленное блеяние коз. На расстоянии полета стрелы от стен крепости раскинулся македонский лагерь — искусно построенный город из хижин, на скорую руку крытых тростником с берегов Гебра, и перевернутых повозок, укрепленных подпорками.

На фоне закатного неба вырисовывался стройный черный силуэт шестидесятифутовой деревянной осадной башни. Стража, укрывшись под толстым навесом из воловьих шкур, который служил защитой от метательных снарядов, долетающих с крепостного вала, готовила себе ужин прямо у основания башни. У хижин конников негромко ржали привязанные лошади. Для катапульт воздвигли платформы. Огромные машины напоминали собирающихся взлететь

драконов: деревянные шеи вытянуты, массивные луки раскинуты в стороны, как крылья. От кустарника чуть поодаль сильно смердело; воздух наполняли запахи дыма, жарящейся рыбы и немытых тел множества мужчин и женщин. Женщины, прибившиеся к лагерю, хлопотали над ужином, там и тут щебетали или похныкивали их неизвестно от кого прижитые дети. Кто-то играл на расстроенной лире.

Маленькая деревушка, жители которой бежали в крепость, предназначалась для знати. Каменный дом вождя — две комнаты и пристройка под навесом — занял царь. В доме уже мерцал свет.

Не желая, чтобы его доставили на место, как ребенка, Александр опередил Клита и возглавил маленький отряд. Всем своим существом — зрением, слухом, обонянием — он чувствовал воздух войны, отличавший этот лагерь от казарм или мирной стоянки.

Они подъехали к дому. Приземистая фигура Филиппа уже темнела в дверном проеме. Отец и сын обнялись, разглядывая друг друга в неверном свете сторожевого костра.

— Ты подрос, — заметил царь.

Александр кивнул.

— Моя мать, — сказал он больше для ушей эскорта, — шлет тебе привет и пожелания доброго здоровья. — Повисла зловещая пауза, и Александр быстро продолжил: — Я привез мешок яблок из Миезы. Они уродились в этом году.

Лицо Филиппа прояснилось; Миеза славилась своими яблоками. Он похлопал сына по плечу, поздоровался с его товарищами, отправил Филота в расположение его отца и сказал:

— Теперь входи, давай поедим.

Вскоре к ним присоединился Парменион. Они поужинали на деревянных козлах. Прислуживали оруженосцы царя — юноши и подростки, которым положение и заслуги их отцов позволяли изучать обычаи армии и военное дело в качестве личных слуг Филиппа. Сладкие золотые яблоки подали на серебряном блюде. Два светильника на бронзовых подставках освещали комнату. Оружие и доспехи царя лежали в углу. От стен исходил застарелый запах человеческого жилья.

— Еще один день, — сказал Филипп, — и мы бы принимали тебя там. — Зажатым в руке огрызком яблока он показал в сторону крепости.

Александр перегнулся через стол. За время долгого путешествия солнце опалило его лицо;

щеки горели, глаза и волосы ослепительно блестели в свете ламп, весь он был как сухая лучина, вспыхивающая от одной искры.

— Когда мы атакуем?

Филипп ухмыльнулся Пармениону:

— Что ты будешь делать с таким мальчишкой?

Они собирались выступить перед рассветом.

После ужина собрался совет. К стенам крепости подойдут еще затемно; кустарник на стенах займется от стрел с горящей паклей, катапульты и осадная башня откроют прикрывающий огонь, чтобы уничтожить крепостной вал, пока к стенам понесут лестницы. В это же время к воротам подтащат мощный таран, осадная башня выдвинет разводной мост — начнется штурм.

Подобная тактика стала привычной для всех, с каждой новой осадой уточнялись только незначительные детали.

— Хорошо, — подытожил Филипп. — Теперь немного поспим.

В смежной комнате оруженосцы расстелили вторую постель. Александр отметил это быстрым взглядом. Перед тем как лечь, он наточил оружие и вышел отыскать Гефестиона, чтобы сообщить ему, что в бою они будут вместе, а заодно объяснить, что эту ночь он должен провести

в комнате отца. Александр и сам не ожидал этого.

Когда он вернулся, царь только что разделся и протягивал свой хитон мальчику-слуге. Александр помедлил у входа, вошел и произнес пару слов, стараясь казаться спокойным. Он не смог объяснить себе чувство глубокого отвращения и стыда, охватившее его при виде Филиппа. Насколько Александр мог вспомнить, никогда прежде не видел он своего отца обнаженным.

Перед восходом солнца крепость пала. Чистый, прозрачный золотой свет поднимался из-за холмов, скрывавших Геллеспонт. От моря дул свежий бриз. Над крепостью повисли едкие запахи копоти, удушливого дыма, крови, гниющей плоти и обильного пота. Сделанные из целых неотесанных сосновых стволов лестницы, по которым можно было взбираться по два человека в ряд, все еще стояли прислоненными к тронутым огнем стенам; кое-где под слишком сильным напором ступени прогнулись или сломались. Перед сгоревшими, разбитыми в щепки воротами повис на своем рычаге таран, сходни осадной башни распластались по крепостному валу, как огромный язык.

Внутри крепости уже заковывали оставших-

ся в живых фракийцев; им предстоял путь на невольничий рынок в Амфиполе. На расстоянии железо звенело легко, как музыка. Этот пример, думал Филипп, быстрее заставит жителей Кипселы сдаться, когда придет их очередь. Повсюду среди лачуг и хижин, тесно, как ласточкины гнезда, лепившихся к стенам с внутренней стороны, рыскали охотящиеся на женщин солдаты.

Царь стоял на крепостном валу: крепкий, искусный, умиротворенный, как умелый крестьянин, вспахавший большое поле и засеявший его перед самым дождем. С ним были Парменион и несколько нарочных, с которыми он рассылал приказы.

Пару раз, когда пронзительный крик снизу достигал их ушей, Александр устремлял на отца глаза, но Филипп не прерывал невозмутимой беседы с Парменионом. Воины хорошо сражались и заслужили свои скудные трофеи — все, что могла предложить фракийская крепость. Крепости следовало сдаться сразу, тогда бы ни один человек не пострадал.

Александр и Гефестион уединились в караулке у ворот, обсуждая детали боя. Это была небольшая каменная комнатка, в которой, кроме них,

оказались труп фракийца, плита с вырезанным на ней именем Ксеркса, царя царей, несколько грубых деревянных стульев, полкаравая черного хлеба и отрубленный человеческий палец с черным сломанным ногтем. Гефестион ногой откинул его прочь; к безделицам такого рода оба уже привыкли.

Гефестион получил свой пояс, по крайней мере одного человека он убил на месте. Александр полагал, что уложил не менее троих.

Александр не брал трофеев, не считал своих убитых. Когда они уже забрались на стены, предводитель их отряда упал вниз, пронзенный стрелой. Не оставляя никому ни минуты на раздумья, Александр прокричал, что они должны штурмовать башенку над воротами, откуда лавиной сыпались на таран метательные снаряды.

Неопытный воин, второй по старшинству, заколебался, и тут же его люди уже бежали за Александром. Они цеплялись за камни, карабкались по стенам, сжимая мечи в руках, разбивая старую кирпичную кладку Ксеркса, набрасывались на свирепых татуированных защитников крепости под градом камней, с треском ударявшихся о мощные стены. Вход в караулку был узок, и какое-то мгновение Александр, ворвавшийся

туда впереди застрявшего в спешке отряда, сражался один.

Теперь он стоял, покрытый кровью и прахом битвы, сверху вниз глядя на истинное лицо войны. Нет, подумал Гефестион, на самом деле Александр не видит этого другого лица. Он говорил совершенно внятно, помнил каждую деталь, тогда как для Гефестиона все произошедшее уже сливалось в пеструю мозаичную картину. Для Гефестиона бой уже прекратился, Александр все еще жил в нем. Ореол битвы окружал его, он словно замер в прошлом, стремясь продлить мгновение. Так медлят люди, не желая покидать место, где им явился бог.

У Александра на предплечье осталась рана от удара мечом. Гефестион остановил кровь, оторвав лоскут от своей одежды. Глядя вниз на бледное спокойное море, он предложил:

— Давай спустимся и искупаемся, чтобы смыть грязь.

— Да, — сказал Александр. — Но сначала я должен повидать Пейтона. Он прикрыл меня щитом, когда я боролся сразу с двумя, и тот парень с раздвоенной бородой повалил его. Но ты сразу прикончил фракийца.

Александр снял свой шлем (оба по первому

требованию экипировались в общественной оружейной палате Пеллы) и провел рукой по слипшимся от пота волосам.

— Тебе нужно было подождать, а не врываться туда одному, проверить хотя бы, успеваем ли мы за тобой. Ты сам знаешь, что бегаешь быстрее всех. Я готов был убить тебя за это, когда мы толклись в дверях.

— Они собирались сбросить вот этот камень, ты только посмотри на него, — сказал Александр. — Я знал, что вы недалеко.

Гефестион чувствовал, что силы его на исходе, — он был вымотан не только страхом за Александра, но и вообще всем, что видел и сделал.

— Камень не камень, ты все равно бы не стал ждать. Это читалось у тебя на лице. Счастье еще, что ты жив.

— Геракл помог мне, — сказал Александр спокойно. — И я напал на них раньше, чем они на меня.

Все оказалось легче, чем думал Александр. Постоянно упражняясь с оружием, он предвкушал схватку с более опытными воинами.

Гефестион, читая его мысли, заметил:

— Эти фракийцы — крестьяне. Они сражаются два-три раза в год, угоняя скот или ссорясь.

Настоящие солдаты, как у твоего отца, например, уложили бы тебя еще снаружи.

— Дождись, пока они это сделают, — едко сказал Александр. — А потом расскажешь.

— Ты ворвался туда без меня, — вскричал Гефестион. — Ты даже не оглянулся.

Внезапно переменившись, Александр ответил ему ласковой улыбкой:

— Да что с тобой? Разве Патрокл упрекал Ахилла за то, что он *не* сражается?

— Ахилл уступил, — сказал Гефестион другим тоном.

Внизу заунывный плач женщины по покойнику сменился воплем ужаса.

— Отец должен был отозвать солдат, — заметил Александр. — Уже хватит. Я знаю, что здесь нет другой поживы, но…

Друзья взглянули на стену, однако Филипп был чем-то занят.

— Александр, послушай. Не нужно сердиться. Когда ты станешь полководцем, ты не сможешь подвергать себя опасности. Царь храбр, но не безрассуден. Если бы тебя убили, это означало бы, что Керсоблепт выиграл битву. И позднее, когда ты станешь царем…

Александр обернулся и устремил на него

необычно сосредоточенный взгляд, как в те минуты, когда готовился поделиться какой-то тайной. Понизив голос — излишняя предосторожность в таком шуме, — он сказал:

— Я никогда не смогу поступать иначе. Я это знаю, я это почувствовал, это — откровение бога. Поэтому я…

Тяжелое судорожное дыхание, перемежаемое всхлипами, заставило их оглянуться. Молодая фракийка выскочила из-за бастиона и, не разбирая дороги, метнулась на гребень ворот. До земли было около тридцати футов. Когда ноги девушки коснулись каменной кладки, Александр запрыгнул следом за ней на парапет и ухватил ее за руку. Фракийка взвизгнула и вцепилась в него свободной рукой. Гефестион попытался оттащить ее в сторону. Загнанно взглянув в лицо Александру, женщина внезапно извернулась и бросилась ниц, обхватив ноги царского сына.

— Встань, мы не причиним тебе вреда. — Александр выучился фракийскому от Ламбара и говорил на нем свободно. — Не бойся, встань. Идем.

Фракийка тяжело перевела дыхание и, прижимаясь лицом к его обнаженным ногам, разразилась потоком сдавленных, еле внятных слов.

— Встань, — повторил Александр. — Мы не будем…

Он запнулся, не находя нужного слова. Гефестион подкрепил его обещание жестом, известным всем, и яростно затряс головой.

Фракийка приподнялась и села на корточки, раскачиваясь и плача. У нее были рыжие спутанные волосы; платье из грубой, непрочесанной шерсти разорвано на плече и спереди забрызгано кровью, под набухшей грудью виднелись пятна пролившегося молока. Она рвала на себе волосы и выла. Внезапно женщина замерла, вскочила на ноги и отступила к караулке, прижавшись к стене за спиной Александра. Послышались чьи-то шаги; раздался хриплый задыхающийся голос:

— Я тебя видел, сука! Выходи! Я тебя видел.

Появился Кассандр. Его лицо было пунцовым, веснушчатый лоб покрыт крупными каплями пота. Он ворвался, ничего не видя перед собой, и остановился как вкопанный.

Выкрикивая проклятия, угрозы и жалобы, которые невозможно было разобрать, девушка подбежала к Александру и ухватила его сзади за пояс, прикрываясь македонцем, как щитом. Горячее дыхание фракийки жгло ему ухо, влажный

жар ее тела проникал, казалось, сквозь доспехи. Александр чуть не задохнулся от зловония грязного тела, волос, крови, молока, от резкого запаха самки. Стараясь разнять ее руки, он смотрел на Кассандра с непониманием и отвращением.

— Она моя, — выдохнул Кассандр, изнывая от желания и с трудом находя слова. — Ты ее не хочешь. Она моя.

— Нет, — сказал Александр. — Я обещал ей защиту.

— Она моя. — Уставившись прямо на женщину, Кассандр произнес это не терпящим возражения тоном.

Александр окинул его взглядом, задержавшись на льняной юбке, торчавшей из-под панциря. С нескрываемым отвращением он произнес:

— Нет.

— Я уже схватил фракийку, — настаивал Кассандр. — Но она вырвалась. — Одну сторону его лица сплошь покрывали кровоточащие царапины.

— Значит, ты ее потерял, — сказал Александр. — А я нашел. Уходи.

Кассандр вспомнил предостережения своего отца. Он понизил голос:

— Ты не имеешь права вмешиваться. Ты маль-

чишка. Ты ничего в этом не понимаешь.

— Не смей называть его мальчишкой! — яростно проговорил Гефестион. — Александр сражался лучше тебя. Спроси у мужчин.

Кассандр, который, без конца путаясь, прорубал себе путь сквозь хаос сражения — сбитый с толку, изнуренный, непрестанно терзаемый страхом, — с ненавистью вспомнил вдохновенного свыше юного героя, летящего над битвой, яркого, блистающего, словно язык пламени. Женщина, решив, что бранятся из-за нее, вновь что-то забормотала на фракийском. Перебивая ее, Кассандр крикнул:

— За ним присматривали! Какую бы глупость он ни затеял, воины были вынуждены следовать за ним! Он сын царя. Если верить молве.

Обезумев от гнева, глядя только на Гефестиона, Кассандр не успел защититься от молниеносного прыжка Александра. Царевич вцепился обидчику в горло. Потеряв равновесие, Кассандр упал навзничь. Он молотил кулаками и извивался; Александр, намереваясь задушить Кассандра, не замечал града сыпавшихся на него ударов. Гефестион застыл на месте, не смея вмешаться. Что-то пронеслось мимо него.

Это была женщина, о которой все забыли. Схва-

тив трехногий стул, она обрушила его на голову Кассандра, едва не задев своего защитника. Александр откатился в сторону. В исступлении гнева фракийка принялась бить Кассандра, опрокидывая его всякий раз, когда тот пытался подняться; стул она держала обеими руками, словно цеп при молотьбе.

Гефестион, переживший страшное напряжение, вдруг расхохотался. Александр поднялся и смотрел на распростертого врага холодно и отрешенно. Наконец Гефестион заговорил:

— Мы должны остановить женщину. Она его прикончит.

Не двинувшись с места, Александр ответил:

— Кто-то убил ее ребенка. На ней его кровь.

Кассандр ревел от боли.

— Если он умрет, — предостерег Гефестион, — женщину закидают камнями. Царь этого не простит. Ты обещал ей защиту.

— Прекрати! — велел Александр на фракийском.

Они отобрали у женщины стул. Фракийка разразилась бурными рыданиями; Кассандр извивался на каменном полу.

— Он жив, — сказал Александр, отворачиваясь. — Отыщем кого-нибудь понадежнее, чтобы

вывел девушку из крепости.

Чуть позже до царя Филиппа дошли слухи, что его сын поколотил сына Антипатра в схватке за женщину. «Кажется, мальчики становятся мужчинами», — сказал царь небрежно. В голосе его слишком явственно звучала нотка гордости, и никто не отважился пуститься в разъяснения.

Идя рядом с Александром, Гефестион усмехнулся:

— Едва ли Кассандр пожалуется Антипатру, что ты не вступился, когда женщина охаживала его стулом.

— Пусть жалуется кому хочет, — ответил Александр. — Если захочет.

Друзья вошли в ворота. Из дома, где был устроен походный лазарет, доносились стоны. Врач и двое прислужников ходили среди раненых.

— Пусть лекарь осмотрит твою руку как положено, — предложил Гефестион.

После драки с Кассандром рана снова стала кровоточить.

— Вот Пейтон, — сказал Александр, всматриваясь в полумрак, наполненный гудением мух. — Сначала я должен поблагодарить его.

Он пробрался между циновками и одеялами, на которые сквозь дыры в кровле падали неяркие

солнечные лучи. Пейтон, юноша, в бою яростный, как герои Гомера, ослабел от потери крови, его повязка намокла. Бледное лицо казалось изможденным, глаза лихорадочно блестели. Александр опустился рядом с ним на колени и сжал руку Пейтона. Александр напомнил о совершенных юношей подвигах; щеки раненого слегка порозовели, он приободрился и выдавил какую-то шутку.

Когда Александр поднялся, его глаза уже привыкли к сумраку. Он заметил, что все раненые на него смотрят: ревниво, удрученно, с надеждой; солдаты испытывали боль и жаждали признания своих заслуг. Прежде чем уйти, Александр поговорил с каждым.

* * *

Старожилы не помнили зимы столь суровой. Волки спускались с гор к деревням и задирали собак. Скот и мальчишки-пастухи замерзали до смерти на низких склонах зимних пастбищ. Ветви елей ломались под гнетом снега; горы занесло так, что только большие утесы и трещины в них чернели на сплошном белом фоне. Александр не отказался от мехового плаща, присланного ему матерью. Поймав в густом черном

переплетении шиповника, недалеко от Миезы, лисицу, юноши обнаружили, что шкура зверя побелела. Аристотель оценил добытый образец по достоинству.

Дом наполнился едким дымом от жаровен, ночами становилось так пронзительно холодно, что юноши, чтобы согреться, спали по двое. Александр старался закалить себя. (Царь все еще находился во Фракии, куда зима приходила прямо из скифских степей.) Александр полагал, что должен выдержать холода без подобных послаблений, но уступил Гефестиону, заявившему, что товарищи могут заподозрить, будто друзья поссорились.

Корабли пропадали в море или разбивались у берегов. Даже дорогу к близкой Пелле заносило снегом. Когда караван мулов удалось пробиться сквозь заносы, это напоминало праздник.

— Жареная утка на ужин, — сказал Филот.

Александр потянул носом воздух и кивнул.

— Что-то не так с Аристотелем, — заметил он.

— Он слег?

— Нет, плохие новости. Я видел его в комнате для образцов. — Александр часто заходил туда, теперь он почувствовал вкус к собственным экспериментам. — Моя мать прислала мне ру-

кавицы; мне не нужны две пары, а Аристотелю никто не шлет подарков. Он читал там письмо. Выглядел ужасно: не лицо, а трагическая маска.

— Может, какой-то софист опроверг его теории.

Александр сдержался и обратился к Гефестиону:

— Я спросил его, что случилось и смогу ли я помочь. Он ответил, что все расскажет нам, когда успокоится, и что не стоит пятнать слабостью благородство. Поэтому я ушел, оставив учителя плакать в одиночестве.

В Миезе зимнее солнце быстро закатывалось за гору, но восточные вершины Халкидики еще сохраняли отблески его света. Вокруг дома темноту рассеивала белизна снега. Время ужина еще не наступило; в большом зале, с его облупившимися розовыми и голубыми фресками, вокруг пылающего в очаге огня сидели все ученики Аристотеля, судача о лошадях, женщинах и друг друге. Александр и Гефестион, устроившись вдвоем на плаще из волчьих шкур, присланном Олимпиадой, придвинулись ближе к окну, поскольку светильники еще не зажгли. Они читали «Киропедию» Ксенофонта — в это время вторую, после Гомера, любимую книгу Александра.

— «И она не смогла удержать своих слез, — читал Гефестион, — стекавших по одежде к ее ногам. Тогда старший из нас сказал: „Не бойся, госпожа. Нам известно благородство твоего мужа. Но мы избрали тебя для человека, который не уступает ему ни в красоте, ни в могуществе, ни в силе разума. Если и есть совершенный человек, то это Кир; ему ты и будешь принадлежать“. Когда же она услышала это, то громко зарыдала, уронив на землю пеплос, и ее слуги плакали вместе с ней, тогда как мы видели ее лицо, шею и руки. И дозволь мне сказать тебе, Кир, мне и всем остальным показалось тогда, что среди смертных женщин Азии еще не было столь прекрасной. Ты убедишься в этом, когда увидишь ее сам. „Нет, клянусь богами, — сказал Кир. — Особенно если она так хороша, как вы говорите“». Ребята все время спрашивают меня, — сказал Гефестион, отрываясь от книги, — почему Кассандр не возвращается.

— Я сказал Аристотелю, что он предпочел войну философии. Не знаю, что он сказал своему отцу. Кассандр не мог вернуться с нами, фракийка сломала ему два ребра. — Александр потянул из складок плаща другой свиток. — Вот эту часть я люблю. «Держи в уме, что одни и те же тяго-

ты по-разному выносят полководец и простой солдат, хотя их тела сотворены из одинаковой плоти; но высокое положение полководца и знание, что ничто из совершенного им не останется незамеченным, понуждают его проявлять большую стойкость». Как это верно. Эту книгу надо выучить.

— Мог ли настоящий Кир быть таким, как у Ксенофонта?

— Персидские изгнанники признавали, что он великий воин и благородный царь.

Гефестион заглянул в свиток:

— «Он приучал своих товарищей не плевать, и не сморкаться прилюдно, и не глазеть вслед проходящему мимо…»

— В его дни персы были грубыми варварами. Они казались мидянам грубыми… как, скажем, Клит показался бы афинянам. Мне нравится, что, когда его повара готовили что-нибудь особенно вкусное, он посылал угощение своим друзьям, — сказал Александр.

— Пора бы и ужинать. Я умираю от голода.

Александр заботливо подоткнул под Гефестионом край плаща, помня, что ночью тот всегда крепко жмется к нему от холода.

— Надеюсь, Аристотель спустится. Наверху,

должно быть, настоящий ледник. Ему необходимо немного поесть.

Вошел раб, неотесанный юноша-фракиец, с масляной лампой и лучиной, чтобы зажечь высокие светильники и большую висячую лампу. Он закрыл ставни и робко потянул толстые шерстяные занавеси.

— «Правитель, — читал Александр, — не просто должен быть человеком лучшим, чем те, кем он правит. Он должен научить подданных подражать ему…»

На лестнице послышались шаги — человек помедлил, чтобы разминуться с рабами. Аристотель спустился в уютный вечерний зал. Он походил на живой труп. Его глаза запали, под плотно сжатым ртом кожа натянулась, зловеще обозначив жесткий оскал, как у черепа.

Александр откинул плащ, разбрасывая свитки, и быстро пересек комнату:

— Идите же к огню. Эй, кто-нибудь, принесите стул. Идите согрейтесь. Пожалуйста, расскажите нам, что случилось? Кто-то умер?

— Мой друг, Гермий Атарнейский.

Вопрос требовал точного ответа, и Аристотель смог произнести нужные слова. Александр окликнул рабов, ждавших за дверью, и велел

подать подогретого вина с пряностями. Юноши сгрудились вокруг учителя, как-то мгновенно постаревшего. Аристотель сидел, молча уставившись на огонь. Вытянул на мгновение окоченевшие руки, но сразу же убрал их, сложив на коленях, словно и это движение навело его на какую-то ужасную мысль.

— Это был Ментор Родосский, военачальник персидского царя Оха, — выдавил он и снова замолчал.

— Брат Мемнона, покоривший Египет, — объяснил Александр остальным.

— Ментор хорошо послужил своему хозяину. — Голос Аристотеля стал по-старчески тонким. — Варвары рождаются такими, они не сами доходят до такого низкого состояния. Но эллин, опустившийся до службы у них… Гераклит говорит: «Испорченное хорошее — наихудшее». Он предал саму природу. Ментор опустился даже ниже своих господ.

Лицо Аристотеля пожелтело; те, кто сидел ближе, чувствовали, как он дрожит. Давая ему время прийти в себя, Александр заметил:

— Мы никогда не любили Мемнона, правда, Птолемей?

— Гермий принес правосудие в подвластные

ему земли, улучшил там жизнь. Царь Ох домогался этой страны, и пример Гермия был ему как кость в горле. Какой-то враг, подозреваю, что сам Ментор, привез царю донос, которому тот охотно поверил. Этот же Ментор, под видом дружеского участия, предостерег Гермия от опасности и пригласил его к себе на совет. Тот поверил и поехал. В собственном городе, хорошо укрепленном, он продержался бы долгое время и мог рассчитывать на помощь… могущественного союзника, с которым заключил ряд соглашений.

Гефестион посмотрел на Александра, но тот был всецело поглощен рассказом.

— Как гость и друг он приехал к Ментору, который отправил его в оковах к Великому царю.

Зазвучали гневные восклицания, но быстро смолкли: всем не терпелось узнать, что было дальше.

— Ментор взял печать Гермия и приложил к поддельным приказам, открывшим для его людей все укрепления Атарнея. Теперь царь Ох владеет и ими, и всеми греками, там жившими. А Гермий…

Из очага с треском вылетела горящая головешка; Гарпал взял кочергу и втолкнул ее назад.

Аристотель облизнул губы. Его скрещенные руки не дрогнули, но костяшки пальцев побелели.

— С самого начала его смерть была предрешена, но этого им было недостаточно. Царь Ох хотел прежде выяснить, какие секретные договоры Гермий заключил с другими правителями. Он послал за людьми, опытными в делах такого рода, и велел им заставить Гермия говорить. Его мучили один день и одну ночь.

Аристотель стал передавать подробности как мог, стараясь говорить бесстрастно, словно на лекции по анатомии. Юноши слушали его безмолвно, со свистом втягивая воздух сквозь плотно сжатые зубы.

— Мой ученик Каллимах, вы его знаете, прислал мне весточку из Афин. Он пишет, что Демосфен, объявляя Собранию о пленении Гермия, назвал это одним из даров судьбы и добавил: «Великий царь узнает теперь об интригах царя Филиппа не из наших жалоб, а из уст человека, принимавшего в заговоре участие». Никто лучше Демосфена не знает, как подобные вещи делаются в Персии. Но он радовался слишком рано. Гермий не сказал ничего. В конце концов, когда после всего, что с ним сделали, он еще дышал, его распяли на кресте. Он сказал тем, кто был

рядом: «Передайте моим друзьям, что я не совершил ничего малодушного, ничего, не достойного философии».

Мальчики глухо зароптали. Александр стоял прямо и неподвижно. Когда все смолкли, он сказал:

— Мне жаль. Мне действительно очень жаль.

Александр сделал несколько шагов вперед, обнял Аристотеля за плечи и поцеловал учителя в щеку. Философ смотрел на огонь.

Слуга внес горячее вино; Аристотель пригубил, потряс головой и отодвинул кубок. Внезапно философ приподнялся и обернулся к мальчикам. В мерцании пламени черты его лица казались глиняным слепком, который скульптор уже готов отлить в бронзе.

— Некоторые из вас станут полководцами. Кто-то будет управлять покоренными землями. Всегда помните: как ничего не стоит тело само по себе, не управляемое умом, ибо его задача — работать, питая жизнь ума, так и варвары пребывают на низшей ступени в устроенном богами мироздании. Этих людей можно улучшить, как породу лошадей, укрощая и используя по назначению; как растения или животные, они могут служить целям более высоким, чем те,

к которым предназначила их природа. В этом их ценность. Они — рабы по природе. Ничто не может существовать, не имея предназначения, а их предназначение — быть рабами. Помните об этом.

Он поднялся со стула, чуть повернулся и невидящими глазами уставился на покрасневшую от жара решетку очага.

— Если люди, сделавшие это с вашим другом, будь они персы или греки, когда-либо попадут в мои руки, — сказал Александр, — я отомщу им. Клянусь.

Не оглядываясь, Аристотель вышел на темную лестницу и исчез из виду.

Явился слуга и доложил, что ужин готов.

Громко обсуждая новость, юноши перешли в столовую; в Миезе не соблюдался церемониал. Александр и Гефестион замешкались, обмениваясь взглядами.

— Значит, — сказал Гефестион, — договор был заключен не без помощи учителя.

— Философ и мой отец постарались вместе. Что старик должен теперь чувствовать?

— По крайней мере, Аристотель знает, что его друг умер, не предав философию.

— Будем надеяться, он этому верит. В таких слу-

чаях человек умирает, сохранив свою гордость.

— Полагаю, — заметил Гефестион, — Великий царь в любом случае убил бы Гермия, чтобы завладеть его городами.

— Или не доверяя ему. Иначе зачем его пытали? Думали, Гермий что-то знает. — Отсвет пламени позолотил волосы Александра. — Если Ментор мне попадется, я распну его.

Все существо Гефестиона внутренне содрогнулось, когда он представил себе, как эти прекрасные живые глаза бесстрастно наблюдают за казнью.

— Пойдем ужинать. Без тебя не могут начать.

Повар, знавший, как едят молодые люди в холод, приготовил по целой утке на человека. Первые порции уже были нарезаны и поданы. Воздух наполнился теплым ароматом.

Александр взял поставленную перед ним тарелку и поднялся с обеденного ложа, которое делил с Гефестионом.

— Ешьте, не ждите меня. Я проведаю Аристотеля. — Гефестиону он сказал: — Учитель должен поесть на ночь. Он заболеет, если будет лежать у себя, скованный холодом и своим горем. Скажи им, пусть что-нибудь мне оставят, все равно что.

Когда Александр вернулся, тарелки ужинаю-

щих уже опустели и были тщательно вытерты хлебом.

— Учитель немного поел. Я так и думал, что он не устоит, почувствовав этот запах. Похоже, доест и остальное… Мне этого слишком много, наверное, себя обделили. — Внезапно Александр заметил: — Бедняга, он не в себе. Это было видно, когда он произнес свою речь о природе варваров. Вообразите, назвать великого человека вроде Кира рабом по природе — только потому, что тот родился персом.

Бледное солнце теперь поднималось раньше и набирало силу; с крутых склонов гор, оглушительно грохоча, скатывались снежные лавины и приминали огромные сосны, как траву; горные потоки стремительно побежали вниз, с чудовищным шумом перекатывая валуны. Пастухи, по пояс в тающем снегу, искали первых новорожденных ягнят.

Александр убрал меховой плащ, чтобы не привыкать к нему. Юноши, жавшиеся по ночам друг к другу, стали спать поодиночке. Он тоже, не без некоторого сожаления, отослал Гефестиона. Гефестион тайком поменял подушки, чтобы оставить себе хотя бы запах волос Александра.

Царь Филипп вернулся из Фракии, где сверг

Керсоблепта, оставил в крепостях гарнизоны и населил равнину Гебра колонистами из Македонии. Те, кто пожелал остаться в этом диком свирепом краю, были по большей части людьми безвестными или слишком известными с дурной стороны, так что армейские остроумцы поговаривали, что заложенный Филиппом город следовало бы назвать не Филиппополисом, а Подлополисом. Как бы то ни было, город выполнял свое назначение. Удовлетворенный сделанным за зиму, Филипп поехал в Эгию, чтобы отпраздновать Дионисии.

Миеза была оставлена на попечение слуг. Юноши и их учитель, уложив вещи, отправились в старую столицу. Дорога вела вдоль горной гряды, то и дело путникам приходилось спускаться в долину, чтобы переправиться через вздувшиеся от тающих снегов горные реки. Задолго до того, как перед глазами явилась Эгия, на лесной тропе они почувствовали, что земля под ногами дрожит от тяжелого напора водопадов.

Отполированные воском стены суровой резиденции старых македонских царей блестели в ярком освещении. Театр был готов для представлений. Каменный выступ в форме полумесяца, на котором уместилась Эгия, сам походил

на гигантскую сцену, откуда крепость смотрела на окрестные холмы — свою неизменную публику. Можно было только гадать, о чем перекликаются они друг с другом ветреной весенней ночью, перекрывая шум воды, непокорные, одинокие, движимые страхом или любовью.

Царь и царица уже прибыли. Едва переступив порог, Александр отчетливо увидел по тем привычным знакам, которые годы сделали для него столь же понятными, как написанные слова, что родители — на людях, по крайней мере, — вежливы друг с другом. Но маловероятно, что их можно застать вместе. Это была его первая долгая отлучка, кого нужно приветствовать первым?

Конечно царя. Так велит обычай, пренебречь которым — все равно что выказать открытое неуважение. И ничем не вызванное к тому же; во Фракии Филипп старался соблюдать в его присутствии благопристойность. Никаких женщин, ни одного многозначительного взгляда на смазливого мальчишку-оруженосца, считавшего себя вправе задирать нос. Отец ласково обошелся с Александром после сражения и пообещал в следующую кампанию дать под его начало отряд. Неоправданной глупостью было бы оскорбить его сейчас. Александр понял, что ему и в самом

деле хочется увидеть Филиппа — отец о многом мог рассказать.

Рабочая комната царя находилась в древней башне, сердцевине старой крепости, и занимала весь ее верхний этаж. Массивная деревянная лестница, которую из столетия в столетие приводили в порядок, все еще сохраняла тяжелое кольцо, к которому первые цари, спавшие в башне, привязывали на ночь огромных сторожевых собак молосской породы; вставая на задние лапы, такой пес превосходил ростом любого человека. Царь Архелай устроил вытяжку над очагом, но сделанные им в Эгии изменения были незначительны; его любовью оставалась Пелла. Слуги Филиппа расположились в передней за лестницей; Александр послал одного из них наверх, предупредить царя.

Отец поднялся от стола, за которым что-то писал, и похлопал сына по плечу. Их приветствие еще никогда не было таким простым и спокойным. Вопросы сами рвались из Александра. Как пала Кипсела? Его отправили назад в школу, когда армия еще стояла под стенами города.

— Ты зашел со стороны реки или пробил брешь в слабом месте за камнями? — нетерпеливо спросил он.

Филипп собирался отчитать Александра за самовольную поездку в гости к дикой родне Ламбара, на обратном пути в Миезу, но теперь все упреки забылись.

— Я попытался сделать подкоп со стороны реки, но почва оказалась песчаной. Тогда я поставил осадную башню, чтобы им было чем занять мысли, а сам подкопался под северо-восточную стену.

— Где ты поставил башню? — спросил Александр.

— На возвышении.

Филипп потянулся к дощечке, увидел, что та испещрена записями, и попытался в воздухе изобразить карту.

— Ну-ка. — Александр подбежал к корзине для растопки, стоявшей у очага, и вернулся с охапкой щепок. — Смотри, это река. — Он положил на стол сосновую лучину. — Это северная дозорная башня.

Он поставил торчком небольшое полено. Филипп пристроил к башне стену. Оба принялись возбужденно передвигать деревяшки.

— Нет, это слишком далеко. Ворота были здесь.

— Но, отец, послушай, твоя осадная башня… А, вот, я вижу. А подкоп вот здесь?

— Теперь лестницы, подай мне те палочки, — велел Филипп. — Здесь был отряд Клита. Парменион…

— Подожди, мы забыли катапульты.

Александр выудил из корзины еловые шишки. Филипп расставил их на столе:

— Так вот, Клит был в засаде, пока я…

Отец осекся. Повисло молчание. Александр стоял спиной к двери, но ему хватило взгляда на лицо отца. Легче было одному сражаться над воротами Дориска, чем обернуться сейчас. Поэтому Александр немедленно обернулся.

Мать явилась в пурпурном платье, вытканном по кайме белым и золотым. Ее волосы были перевязаны золотой лентой и прикрыты вуалью косского шелка, под которой рыжие пряди вспыхивали, как пламя сквозь дым костра. Она не взглянула на Филиппа. Горящие гневом глаза испепеляли не врага, а предателя.

— Когда ты закончишь свою игру, Александр, я буду у себя в комнате, — сухо сказала царица. — Не спеши. Я ждала полгода, что значат еще несколько часов?

Олимпиада резко повернулась и вышла. Александр застыл, не двигаясь. Филипп истолковал его неподвижность в свою пользу. С улыбкой

подняв брови, царь снова склонился над планом боя.

— Извини меня, отец. Мне лучше уйти, — сказал Александр.

Филипп был дипломатом. Но скопившаяся за годы злоба и раздражение из-за только что устроенной сцены нахлынули на него именно в то мгновение, когда следовало проявить великодушие.

— Ты останешься, пока я не закончу говорить, — твердо сказал Филипп.

Лицо Александра переменилось. Так смотрят солдаты, ожидающие приказа.

— Да, отец?

С яростью, которой он бы никогда не поддался в переговорах с врагами, Филипп указал сыну на кресло:

— Сядь!

Вызов был брошен, ничего уже не исправишь.

— Мне очень жаль. Теперь я должен повидать мать. До свидания, отец.

Александр повернулся к двери.

— Вернись! — рявкнул Филипп.

Александр оглянулся через плечо.

— Ты собираешься оставить этот мусор на моем столе? Убери за собой!

Александр подошел к столу. Решительно сгреб щепки и деревяшки в кучку и, забрав в обе руки, швырнул в корзину. При этом он случайно столкнул со стола какое-то письмо. Не обращая на свиток внимания, Александр послал отцу уничтожающий взгляд и покинул комнату.

Женская половина не изменилась с первых дней существования крепости. Здесь женщины жили во времена Аминты, когда им пришлось выйти к персидским послам. По узкой лестнице Александр поднялся в переднюю. Мимо прошла девушка, которой он никогда прежде не видел. У нее были прекрасные, пушистые темные волосы, зеленые глаза, чистая бледная кожа, высокая грудь, обтянутая тонким красным платьем; нижняя губа слегка выдавалась. Услышав звук его шагов, девушка удивленно воззрилась на Александра. Длинные ресницы взметнулись. На лице, наивном, как у ребенка, читалось восхищение, тайная надежда, робость.

— Моя мать там? — спросил Александр.

Никакой нужды в этом вопросе не было, ему просто захотелось услышать ее голос.

— Да, господин, — пролепетала девушка, скованно кланяясь.

Он удивился ее страху, хотя зеркало могло бы

объяснить Александру причину ее испуга. Александр почувствовал к девушке жалость и улыбнулся. Ее лицо порозовело, словно тронутое бледными лучами солнца.

— Александр, мне сказать царице, что ты здесь?

— Нет, она ждет меня, ты можешь идти.

Девушка помедлила, внимательно вглядываясь в него, будто упрекая себя в том, что сделала слишком мало. Служанка была чуть старше Александра, примерно на год. Она бросилась вниз по ступенькам.

Секунду Александр помедлил у дверей, глядя ей вслед. Девушка казалась хрупкой и гладкой, как яйцо ласточки, ее ненакрашенный рот был нежным и розовым. Эта девушка была как услада после горечи. Из-за окна донеслись голоса поющих мужчин, которые готовились к Дионисиям.

— Ты все же пришел, — сказала Олимпиада, как только они остались одни. — Как быстро ты научился жить без меня!

Царица стояла у окна, проделанного в толстой каменной стене; косо падавший свет сиял на изгибе ее щеки и пронизывал тонкую вуаль. Она нарядилась для сына, накрасилась, искусно убрала волосы. Александр это видел точно

так же, как она видела, что мальчик опять подрос, черты его лица огрубели, в голосе исчезли последние мальчишеские нотки. Он становился мужчиной. Вероломным, как все мужчины. Александр знал, что с прежней страстью тянется к матери, что истинные друзья делят все, кроме прошлого, оставшегося за границей их встречи. Если бы только Олимпиада заплакала — пусть даже это — и позволила ему утешать себя; но она не желала унижаться перед мужчиной. Если бы Александр мог подбежать и прижаться к ней! Но мужественность далась ему тяжело, и никто из смертных не сможет превратить его снова в ребенка. И так, ослепленные сознанием своей исключительности, они стояли друг против друга, ссорясь, а гул водопадов Эгии за окном, словно толчки крови, стучал у них в ушах.

— Как смогу я стать кем-нибудь, не изучая войны? — спросил Александр. — Где еще мне учиться? Филипп мой начальник, зачем оскорблять его без причины?

— Ну разумеется, теперь у тебя нет причины. Когда-то такой причиной была я.

— Что такое? Что он сделал? — Александра не было так долго, даже сама Эгия переменилась и казалась обещанием какой-то новой жизни. —

Что случилось, расскажи мне.

— Ничего страшного, зачем тебе беспокоиться? Иди к своим друзьям, развлекайся. Гефестион, должно быть, ждет.

Мать, видимо, нарочно навела справки; сам он всегда сохранял осторожность.

— С ними я могу увидеться в любое время. Я всего лишь хотел соблюсти приличия. И ради тебя тоже, ты это знаешь. А ты на меня почему-то взъелась.

— Я всего лишь рассчитывала на твою любовь. Теперь мне ясно, что это ошибка.

— Скажи мне, что он сделал.

— Ничего страшного. Это касается только меня.

— Мама!

Олимпиада видела залегшую на его лбу морщину, которая теперь стала глубже, две новые складочки между бровями. Мать уже не могла смотреть на сына сверху вниз; их глаза встретились на одной высоте. Она подалась вперед и прижалась щекой к его щеке.

— Никогда больше не будь со мной таким жестоким, — попросила Олимпиада.

Дать выход поднявшейся горячей волне — и мать простит ему все, и прошлое вернется

назад. Но нет. Он не мог уступить. Она не увидит его слез. Александр вырвался и бросился вниз по узкой лестнице.

Ничего не разбирая перед собой, он с кем-то столкнулся. Это была темноволосая девушка. Она вскрикнула и нежно затрепетала, как голубка:

— Прости, господин, прости.

Александр взял ее тонкие руки в свои:

— Я сам виноват. Надеюсь, не ушиб тебя?

— Нет, конечно же нет.

Оба замешкались на секунду, потом девушка опустила густые ресницы и побежала наверх. Александр вытер глаза, но они были едва влажные.

Гефестион, искавший Александра повсюду, часом позже нашел друга в маленькой старой комнате, из окон которой открывался вид на водопады. Здесь их шум оглушал, пол комнаты, казалось, содрогался вместе со скалою внизу. В комнате было тесно от сундуков и полок, заваленных заплесневевшими свитками, записями о праве собственности, договорами, длинными фамильными родословными, восходившими к героям и богам. Тут же лежало и несколько книг, оставленных Архелаем или занесенных

сюда превратностями судьбы.

Александр, скорчившись, сидел в небольшой оконной нише, как зверь в норе. Вокруг него была разбросана груда свитков.

— Что ты здесь делаешь? — удивился Гефестион.

— Читаю.

— Я не слепой. Что случилось? — Гефестион подошел ближе, чтобы заглянуть другу в глаза. В лице Александра читалась свирепая замкнутость раненой собаки, которая готова укусить погладившую ее руку. — Мне сказали, что ты поднялся наверх. Я никогда еще не видел этого места.

— Это архив.

— Что ты читаешь? — спросил Гефестион.

— Ксенофонт об охоте. Он говорит, что кабаний клык такой горячий, что подпаливает собакам шерсть.

— Не знал этого.

— Это неправда. Я положил один волосок, чтобы проверить.

Гефестион поднял свиток.

— Скоро здесь стемнеет, — сказал он.

— Тогда я спущусь, — ответил Александр.

— Ты не хочешь, чтобы я остался?

— Я просто хочу почитать.

Гефестион собирался сказать, что спальни устроены на древний лад: наследник в маленькой внутренней комнате, его товарищи — в смежной караульной, служившей этой цели с незапамятных времен. Теперь и не задавая вопросов, он видел, что любые изменения в распорядке не ускользнут от внимания царицы. В реве водопада, в удлиняющихся тенях росла грусть.

В Эгии царила ежегодная праздничная суматоха Дионисий. Присутствие царя, который столь часто предпочитал своим столицам военные лагеря, добавляло волнений. Женщины сновали из дома в дом, мужчины собирались вместе, чтобы поупражняться в фаллических танцах. Погреба заполнились молодым вином, привезенным из виноградников. Комнаты царицы превратились в гудящий таинственный улей, откуда Александр был изгнан: не в отместку, просто он стал мужчиной. Клеопатре позволили остаться. Теперь ей, наверное, открылись все тайны. Но она была еще слишком юна, чтобы уходить с менадами в горы.

Накануне праздника Александр проснулся рано, когда рассвет едва мерцал за окном. Ще-

бетали первые птицы, шум воды звучал более отдаленно. Можно было слышать топор дровосека, мычание недоенного скота. Александр встал и оделся, хотел разбудить Гефестиона, но на глаза ему попалась боковая лесенка, потайной ход, ведший из башни. Лесенка была встроена в стену, чтобы наследник мог незаметно приводить к себе женщин. Потайной ход помнит немало историй, подумал Александр, быстро спускаясь вниз и поворачивая ключ в массивном замке двери.

В Эгии не было парка, только старый сад, вплотную примыкавший к крепостной стене. На черных голых ветвях деревьев кое-где уже набухли почки, предвещая скорое буйное цветение. Обильная роса лежала на высокой траве, повисая в переплетениях паутины прозрачными бусинками. Горные вершины, еще покрытые снегом, нежно розовели. Холодный воздух вобрал в себя запахи весны и фиалок.

Идя на аромат цветов, Александр нашел место, где они росли, глубоко спрятанные в густой траве. Ребенком он собирал их для матери. Он принесет букет, пока служанки причесывают Олимпиаду. Хорошо, что он вышел один; Гефестион бы сейчас только мешал.

Александр набрал полные руки влажных

цветов и вдруг увидел, как что-то мелькает за деревьями. Это была девушка, закутанная в толстое коричневое покрывало поверх прозрачной рубашки. Александр тотчас же узнал ее и подошел.

Девушка была как нераскрывшийся цветок, как свет, притаившийся во тьме. Когда Александр показался из-за деревьев, она застыла и побелела как холст. Какая же она застенчивая!

— Что ты? Я не съем тебя. Просто подошел поздороваться, — улыбнулся Александр.

— Доброе утро, господин, — склонилась она в поклоне.

— Как тебя зовут?

— Горго, господин.

Девушка все еще казалась оцепеневшей от страха; робкое, пугливое создание. Что следует говорить девушкам? Александр знал только рассказы друзей и солдат.

— Ну же, Горго, подари мне улыбку и получишь цветок, — попросил он.

Не поднимая ресниц, девушка слегка улыбнулась; загадочно, мимолетно, как гамадриада[52], на мгновение выскользнувшая из своего дере-

---

[52] Сноски: 52

Гамадриады — в греческой мифологии нимфы деревьев, которые в отличие от дриад — покровительниц деревьев — рождаются и умирают вместе с деревом.

ва. Александр начал делить цветы, собираясь оставить часть для матери. Потом понял, каким глупцом выглядит!

— Возьми, — сказал Александр, протягивая фиалки, и, когда девушка приняла букет, наклонился и поцеловал ее в щеку.

Нежная кожа на мгновение коснулась его губ, потом девушка отпрянула, не глядя на юношу, и мягко покачала головой. Приоткрыв свой толстый плащ, она засунула фиалки между грудей и исчезла за деревьями.

Александр стоял, глядя ей вслед, и перед его глазами холодные тугие стебли фиалок снова и снова соскальзывали вниз по теплой шелковистой коже. Завтра Дионисии.

> *Быстро под ними земля возрастила цветущие травы,*
>
> *Лотос росистый, шафран и цветы гиацинты густые,*
>
> *Гибкие, кои богов от земли высоко подымали*[53].

Александр ничего не сказал Гефестиону.

---

[53] Сноски: 53

Гомер. Илиада. Песнь 14, ст. 347–349.

* * *

Придя поздороваться к матери, Александр увидел: что-то случилось. Олимпиада кипела от гнева, как закиданное валежником пламя, но не он оскорбил ее на этот раз. Царица спрашивала себя, рассказывать ли о нанесенной обиде. Сын поцеловал ее, но ни о чем не спросил. Вчерашнего было достаточно.

Весь день его товарищи рассказывали друг другу о девушках, которые достанутся им завтра, — надо только суметь поймать их в горах. Александр отвечал на избитые шутки, но думал о своем. Задолго до рассвета женщины должны уйти в святилище.

— Что мы будем делать завтра? — спросил Гефестион. — Я имею в виду, после жертвоприношений?

— Не знаю. Строить планы на Дионисии — дурная примета.

Гефестион тайком испытующе взглянул на друга. Нет, невозможно; Александр в дурном настроении с тех пор, как приехал сюда, и причин достаточно. Пока все не уляжется, его нельзя беспокоить.

Ужин подали рано, на следующий день всем

предстояло встать с петухами. В канун Диониси никто, даже в Македонии, не засиживался за вином.

Весенние сумерки сгустились постепенно, когда солнце исчезло за западными хребтами гор; в крепости существовали и такие темные закоулки, где факелы горели уже с полудня. Ужин в зале был скорее походным, но Филипп извлек пользу даже из этой умеренности, усадив рядом с собой Аристотеля — знак внимания, неуместный в иные дни: философ никуда не годился как собутыльник. Поев, большинство гостей отправились прямо в постель.

Александр никогда не любил ложиться рано; он решил повидать Феникса, часто засиживающегося за книгами допоздна. Старика поселили в западной башне.

Коридоры крепости представляли собой настоящий лабиринт, но Александр с детства знал самые короткие пути. За прихожей, где хранилась запасная мебель для гостей, открывался пролет лесенки. В этот неосвещенный закоулок проникал свет факела от наружной стены. Александру оставалось сделать всего один шаг, когда он услышал какие-то звуки и уловил движение.

Александр застыл, скрытый тенью. В полосе

света Горго, обращенная к нему лицом, извивалась и корчилась в руках мужчины, обхватившего ее сзади: одна тяжелая волосатая лапа стискивает бедра, другая — грудь. Сдавленные тихие всхлипы теснились в ее горле. Под крепкой темной рукой платье соскользнуло с плеча; на каменные плиты упало несколько увядших фиалок. Лицо мужчины, прижатое к уху девушки, на мгновение показалось из-за ее головы. Это был Филипп, отец Александра.

Крадучись, как разведчик в чужом лагере, Александр подался назад. Вскрики Горго заглушили звук его шагов. Через ближайшую дверь он выскочил в холодную, глухо шумящую водопадами ночь.

Наверху, в спальне, отведенной для стражи наследника, без сна лежал Гефестион. Он ждал, когда появится Александр и он сможет пожелать другу доброй ночи. Во все остальные проведенные здесь вечера они поднимались наверх вместе, но сегодня никто не видел Александра со времени ужина. Начав разыскивать его, Гефестион выставил бы себя на посмешище, поэтому он лежал в темноте, пристально глядя на полоску света под тяжелой старой дверью. Ни одна тень не упала на нее, никто не появлялся. Гефестион

незаметно задремал; ему снилось, что он по-прежнему бодрствует.

Глухой ночью Александр поднялся к себе через потайной ход, чтобы сменить одежду. Лампа, масло в которой почти полностью выгорело, тускло поблескивала. От пронизывающего холода его пальцы почти перестали гнуться и не повиновались, когда он одевался. Александр выбрал кожаную тунику и сапоги, в которых обычно охотился. Согреется, карабкаясь по горам.

Александр высунулся из окна. Повсюду в темноте между деревьями виднелись первые факелы, мерцающие в потоках ледяного горного воздуха как неверные звезды.

Прошло много лет с тех пор, когда он пробирался за менадами в священную рощу. И ни разу за всю свою жизнь Александр не видел обрядов, совершаемых в горах. Да и сейчас он пускался на это только по необходимости. Александр возвращался в прошлое, хотя так не полагалось. Ему больше некуда было идти.

Александр всегда слыл ловким, легконогим охотником и сердился, когда неуклюжие товарищи поднимали шум. Немногие мужчины встали в такую рань. Их было хорошо слышно, они смеялись и переговаривались, имея достаточно

времени, чтобы отыскать на горных склонах свою добычу — опьяненных, сжигаемых страстью менад, отбившихся от подруг. Александр проскользнул мимо них незамеченным и вскоре оставил ловцов далеко внизу, поднимаясь тропою, проложенной в древние времена. Давным-давно он тайно пробирался на следующий после Дионисий день к истоптанной поляне, где плясали менады, находя дорогу по следам, по застрявшим в терне клочкам одежды, по пятнам разлитого вина, листьям плюща, клочкам меха, каплям крови.

Мать никогда не узнает, он ничего не расскажет ей, даже по прошествии лет. Навеки окутанное тайной, это будет принадлежать только ему. Невидимый, Александр будет с ней, как бог, сходящий к смертным. Он узнает о царице то, что неведомо ни одному мужчине.

Горный склон становился круче, тропинка петляла; Александр осторожно следовал за ее извивами, освещаемый бледной луной и первыми проблесками рассвета. Внизу, в Эгии, начинали кричать петухи, и этот звук, приглушенный расстоянием, казался ужасным вызовом, каким-то злым волшебством. На петляющей тропе вверху извивалась, как могучий змей, цепочка факелов.

Рассвет поднимался от Азии, касаясь снежных вершин. Далеко впереди, в лесу, раздался предсмертный крик жертвенного животного, потом — вакхический вопль.

Отвесная скала была расколота поросшим лесом ущельем; ручей, стекая по узкому утесу, с журчанием разливался внизу. Тропа поворачивала налево, но Александр помнил это место и остановился в раздумье. Ущелье простиралось вплоть до Поляны танца. Продираться сквозь дебри нелегко, но в зарослях его никто не заметит, и он сможет подобраться совсем близко. К жертвоприношению Александр не поспеет, зато увидит, как танцует мать.

Цепляясь за камни, он перешел ледяной ручей вброд. Сосновый лес был густым, не тронутым человеком; полусгнившие стволы мертвых деревьев лежали там, где повалило их время. Ноги Александра утопали в черной гуще столетий. Наконец он увидел мерцание факелов, маленьких, как светляки, а подобравшись ближе — и чистое сияющее пламя разведенного на алтаре огня. Пение тоже походило на языки пламени: пронзительное, то опадающее, то взмывающее вверх; все новые и новые голоса загорались, словно искры.

Открытый скат ущелья озарился первыми солнечными лучами. Здесь его опоясывала зеленая кайма взращенных солнцем деревьев и кустарников: мирт, и земляничное дерево, и ракитник. Александр тихо, как вышедший на охоту леопард, пополз к святилищу.

На дальнем краю поляны — широком и чистом — находилась Поляна танца, потайной луг, невидимый снизу, открытый только богам да вершинам скал. Между рябинами росли мелкие желтые цветочки.

На алтаре курился жертвенный дым, и запах плоти сливался с ароматом смолы: женщины побросали в огонь свои факелы. Ущелье уходило вниз на сотню футов, в ширину же не превышало расстояния полета дротика. Александр мог видеть платья вакханок, покрытые росой и кровавыми пятнами, и сосновые шишки на тирсах. Даже издали женщины казались одержимыми богом.

Олимпиада стояла у алтаря, держа в руке увитый плющом жезл. Она пела гимн, ей вторил хор, ее распущенные волосы, выбиваясь из-под зеленой короны венка, струились по платью, оленьей шкуре и ослепительно-белым плечам. Вот он и увидел ее. Сделал то, что не позволено

людям — только богам.

В другой руке Олимпиада держала круглую пиршественную чашу для вина. Лицо ее не казалось исступленным и диким, как у других женщин, — его озаряла улыбка. Гермина из Эпира, поверенная большинства ее тайн, устремилась к алтарю в бешеном танце; Олимпиада поднесла к ее губам чашу и что-то сказала на ухо.

С громкими криками женщины плясали вокруг алтаря, то приближаясь к нему, то удаляясь.

Через какое-то время мать отбросила тирс и нараспев выкрикнула волшебное заклинание на старофракийском — так называли они этот никому не ведомый язык своих обрядов. Менады, последовав ее примеру, покинули алтарь и встали в круг, взявшись за руки. Олимпиада указала на одну из девушек, повелевая ей выйти. Та медленно двинулась вперед, подталкиваемая множеством рук. Александр пригляделся. Без сомнения, он ее знал.

Внезапно девушка поднырнула под сомкнутые руки и кинулась в сторону ущелья, охваченная вакхическим исступлением. Теперь Александр отчетливо видел ее лицо; это была Горго. Божественный экстаз, подобный страху, расширил ее глаза, рот свело судорогой. Танец прервался,

несколько женщин бросились вдогонку. Все это, думал Александр, положено по обряду.

Горго мчалась изо всех сил, оставив преследовательниц далеко позади, но вдруг поскользнулась и упала. Уже через миг девушка вскочила, но ее подхватили женщины. Она закричала в вакхическом неистовстве. Женщины потащили ее назад; Горго шла, потом ее колени подогнулись, и девушку поволокли по земле. Олимпиада ждала, улыбаясь. Девушка легла у ног царицы, без мольбы и плача, только время от времени поскуливая тонким дрожащим голоском, как заяц в пасти лисы.

* * *

Полдень миновал. Гефестион бродил по склонам, разыскивая Александра. Ему казалось, что прошли уже долгие часы с начала этих поисков, на самом деле — гораздо меньше. Утром Гефестион стыдился искать друга, не зная, на что наткнется. Только когда солнце высоко поднялось, горечь сменилась страхом.

«Александр!» — звал Гефестион. «...андр!» — снова и снова отзывались утесы над просекой. Журча между разбросанных тут и там камней, из ущелья бежал ручей. На одном из валунов

сидел Александр, глядя прямо перед собой остановившимся взором.

Гефестион подбежал к нему. Александр не встал, он едва оглянулся. Значит, правда, подумал Гефестион, это случилось. Женщина: Александр переменился. Теперь его надеждам никогда не суждено сбыться.

Александр уставился на Гефестиона запавшими глазами, словно напряженно пытаясь вспомнить, кто перед ним.

— Александр. Что такое? Что случилось, скажи мне. Ты упал, ты ушиб голову? Александр! — умолял встревоженный Гефестион.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Александр глухим бесцветным голосом. — Зачем рыщешь в горах? Ищешь девушку?

— Нет. Я искал тебя.

— Ступай наверх по ущелью. Там ты найдешь девушку. Но она мертва.

Гефестион, опустившийся на камень рядом, чуть не спросил: «Это ты убил ее?» — потому что, взглянув на лицо друга, он верил в возможность подобного. Но Гефестион не отважился заговорить.

Александр потер лоб тыльной стороной руки, испачканной засохшей грязью, и моргнул.

— Я не убивал ее. Нет. — Александр выдавил сухую улыбку, похожую на гримасу. — Девушка была очень красива, так считал мой отец, и моя мать тоже. Это ярость бога. У вакханок были детеныши дикой кошки, и молодой олень, и кто-то еще, о ком нельзя говорить. Подожди, если хочешь, вода ее вынесет.

— Мне жаль, что ты это видел, — тихо сказал Гефестион, вглядываясь в лицо Александра.

— Я должен вернуться и дочитать книгу. Ксенофонт говорит, если вы положите на них кабаний клык, он съежится от жара их плоти. Ксенофонт говорит, это опаляет фиалки.

— Александр, выпей. Ты на ногах со вчерашнего вечера. Я принес тебе немного вина. Ты уверен, что не поранился?

— О нет, я им не дался. Только наблюдал за игрой.

— Послушай, взгляни сюда. Посмотри на меня. Теперь пей, делай, что я говорю, пей.

После первого глотка Александр взял фляжку из рук Гефестиона и жадно осушил ее.

— Так-то лучше. — Гефестион, повинуясь наитию, вел себя просто, как ни в чем не бывало. — У меня и поесть найдется. Ты не должен был следить за вакханками, все знают, что это

к несчастью. Неудивительно, что тебе плохо. У тебя огромная заноза в ноге, сиди спокойно, я вытащу.

Он ворчал, как нянька, промывающая ребенку ссадины. Александр сидел послушно, как дитя.

— Я видел и худшее, — сказал Александр внезапно. — На поле боя.

— Да. Мы должны привыкнуть к крови.

— Этот человек на стене Дориска, его внутренности вывалились, и он пытался затолкать их назад.

— Да? Мне пришлось отвернуться, — признался Гефестион.

— Нужно уметь видеть все. Мне было двенадцать, когда я впервые убил. Я сам отрубил ему голову. Скопы хотели сделать это за меня, но я заставил их дать мне тесак.

— Да, я знаю.

— Когда вражда, посланная Зевсом, спустилась с Олимпа на равнину Трои, ее поступь была нежна, говорится в «Илиаде», она шла тихо, маленькими шажками, как трепещущая крыльями голубка. Потом она надела шлем воина.

— Конечно, ты умеешь все видеть, все, что угодно; все знают, что можешь. Ты всю ночь был на ногах… Александр, ты слушаешь? Ты слы-

шишь, что я говорю?

— Тише. Они поют.

Александр сидел, опустив руки на колени, глядя вверх, на горы. Гефестион видел белки его глаз. Нужно настичь Александра, в какие бы дебри он ни удалился. Его нельзя оставлять одного.

Спокойно, настойчиво, не дотрагиваясь до Александра, Гефестион сказал:

— Теперь ты со мной. Я тебе обещал, что всегда буду рядом. Послушай, Александр. Вспомни Ахилла, как мать опустила его в Стикс. Подумай, как это было ужасно, какая тьма — словно смерть. Но после этого он стал неуязвим. Послушай, все закончилось, все позади. Теперь ты со мной.

Гефестион протянул руку. Александр прикоснулся к ней, его ладонь была холодна как лед. Потом Александр изо всех сил вцепился в Гефестиона так, что у того перехватило дыхание от боли и облегчения.

— Ты со мной, — сказал Гефестион. — Я люблю тебя. Ты значишь для меня больше всего на свете. Я умру за тебя в любую минуту. Я люблю тебя.

Какое-то время друзья сидели так, их сжатые руки лежали на колене Александра. Хватка Александра немного ослабла, его лицо уже не казалось

застывшей маской. Он выглядел больным. Замутившимся взглядом Александр смотрел на их сплетенные руки.

— Вино хорошее. Я не так уж и устал. Нужно учиться обходиться без сна, это пригодится на войне, — сказал Александр.

— В следующий раз мы будем бодрствовать вместе.

— Нужно учиться обходиться вообще без всего. Но без тебя мне было очень тяжело.

— Я буду с тобой, — пообещал Гефестион.

Лучи теплого весеннего солнца, перевалившего полуденную черту, косо падали в ущелье. Пели дрозды. Гефестион предчувствовал перемену: рождение, смерть, вмешательство бога. На только что явившемся на свет чувстве остались пятна крови, следы мучительных родов; все еще хрупкое, оно не давалось в руки. Но оно жило. Оно будет расти.

Им следовало возвращаться в Эгию, но друзья не торопились: им и так было хорошо. Пусть он отдохнет, думал Гефестион. Александр избавился от своих мыслей, забывшись непрочным сном. Гефестион следил за ним пристально, с нежным терпением леопарда, притаившегося у воды. Голод зверя утихал от звука легких отдаленных

шагов — кто-то спускался по лесной тропе, чтобы попасть ему в лапы.

Глава 6

Цветы сливы осыпались и лежали на земле, прибитые весенними дождями, время фиалок прошло, на виноградных лозах набухли почки.

Философ нашел некоторых своих учеников излишне рассеянными после Дионисий — явление, известное даже в Афинах; но наследник был прилежен и собран, он хорошо успевал в этике и логике. В чем-то Александр остался таким же странным, как прежде: уклонился от расспросов, когда его застали приносящим в жертву Дионису черного козла, — философия, как это ни прискорбно, еще не излечила его от суеверий, но за самой этой скрытностью, возможно, таилась надежда на изменения.

Александр и Гефестион стояли, перегнувшись через перила, на одном из деревянных мостиков над ручьем Нимф.

— Теперь, — сказал Александр, — я думаю, мне удалось примириться с богом. Вот почему я смог рассказать тебе обо всем.

— Разве тебе не стало легче? — спросил Гефестион.

— Да, но сначала я должен был все пережить

в себе. Гнев Диониса преследовал меня, пока я не принес искупительную жертву. Когда я стараюсь рассуждать логически, то понимаю, что несправедливо возмущаться поступком матери только потому, что она женщина, ведь отец убивает людей тысячами. Да и мы с тобой убивали людей, которые ничего дурного нам не сделали. Это была война. Женщины не могут вызвать врага на поединок, как мы, им остается только по-женски мстить. Чем обвинять их, мы должны благодарить богов за то, что созданы мужчинами.

— Да, — согласился Гефестион. — Да, должны.

— И я понял, что Дионис разгневался, ибо я осквернил его таинство. Знаешь ли, я находился под его покровительством с самого детства, но потом чаще приносил жертвы Гераклу, чем ему. Когда я слишком занесся, он явил мне свой гнев. Дионис не убил меня, как Пенфея в трагедии, потому что покровительствовал мне, но он покарал меня. Все могло бы обернуться гораздо хуже, если бы не ты. Ты был как Пилад, который остался с Орестом даже тогда, когда за ним гнались эринии.

— Конечно же, я остался с тобой, — кивнул Гефестион.

— Скажу тебе еще кое-что. Возможно, думал я, эта девушка на Дионисиях… Но какой-то бог защитил меня.

— Он смог тебя защитить, потому что ты, Александр, умеешь владеть собой.

— Да. Все это случилось из-за моего отца. Он не умеет сдерживаться, даже ради соблюдения приличий в собственном доме. Он никогда не переменится. Это всем известно. Люди, побежденные им в сражении, не уважают его, а насмехаются за его спиной. Я не смог бы жить, если бы знал, что такое говорят обо мне. Если бы знал, что я не хозяин себе самому.

— Люди никогда не скажут о тебе такого, — возразил Гефестион.

— Знаю одно: я никогда не полюблю человека, которого нужно будет стыдиться. — Александр показал на прозрачную коричневатую воду. — Посмотри на этих рыбок.

Друзья склонились ниже, их головы соприкоснулись. Стайка быстрых рыб промелькнула в толще воды, как тучка стрел в полете. Внезапно выпрямившись, Александр сказал:

— Великий Кир никогда не был рабом женщины.

— Да. Даже самой прекрасной женщины из всех

смертных, рожденных в Азии. Это есть в книге, — подтвердил Гефестион.

Александр получил по письму от каждого из родителей. Никто из них не был особенно обеспокоен его необычной сдержанностью после Дионисий, хотя оба чувствовали на себе изучающий взгляд сына, словно тот смотрел из окна наглухо запертой комнаты. Но Дионисии меняли многих юношей; стоило бы задуматься, если бы праздник прошел для Александра бесследно.

Отец писал, что афиняне населяют колонистами греческое побережье Фракии, Херсонес к примеру, но из-за оскудения общественной казны отказались от поддержки переселенцев, которые вынуждены пиратствовать и совершать набеги вглубь страны, как разбойники гомеровских времен. Македонские суда и склады разграблялись; греки дошли до того, что захватили посла, который вез выкуп за пленных, пытали его и потребовали за его жизнь девять талантов.

Новости Олимпиады, на этот раз оказавшейся единодушной с Филиппом, не отличались оригинальностью. Эвбейский купец Анаксин, привозивший для царицы товары с юга, был схвачен в Афинах по приказу Демосфена только из-за того, что дом его хозяина посетил Эсхин. Анак-

сина пытали до тех пор, пока он не признал себя шпионом Филиппа, и на этом основании предали смерти.

— Хотел бы я знать, — сказал Филот, — как скоро начнется война.

— Война уже началась, — возразил Александр. — Вопрос только в том, где произойдет первая битва. Бесчестно будет разорить Афины — это все равно что ограбить храм. Но рано или поздно с афинянами придется сражаться.

— Зачем? — спросил искалеченный Гарпал, который из-за увечья видел в мужчинах-воинах дружественную, но чуждую расу. — Чем громче они лают, тем заметнее их гнилые зубы.

— Не настолько они гнилые, чтобы оставить афинян у себя за спиной перед походом в Азию, — возразил Александр.

Война за греческие города в Азии больше не была призрачным видением; необходимая подготовка к ней уже началась. Каждый год полоска покоренных земель придвигалась к Геллеспонту. Укрепленные города пролива, Перинф и Бисанфа, являлись последним серьезным препятствием. Если они падут, Филиппу останется только обезопасить свой тыл.

Это понимали все, и афинские ораторы вновь

прочесывали Грецию в поисках возможных союзников из числа тех, кого Филипп еще не успел поработить, запугать или купить. Флоту, не занятому во Фракии, послали немного денег; на пограничном острове Фасос укрепили гарнизон. В саду Миезы юноши между собой толковали о новых сражениях, а в присутствии Аристотеля обсуждали природу и свойства души.

Гефестион, ни разу в своей жизни не делавший покупок за границей, долго хлопотал, чтобы заказать в Афинах копию «Мирмидонян», которую потом подарил Александру. Под цветущим кустом сирени у заводи Нимф друзья обсуждали природу и свойства любви.

Наступила пора, когда дикие звери в лесах искали себе пару. Аристотель всесторонне изучал особенности их совокупления и рождения потомства. Его ученики, вместо того чтобы охотиться, прятались в кустарнике и делали записи. Гарпал и его друг развлекались, сочиняя фантастические выдумки, тщательные научные описания которых казались вполне достоверными. Философ, полагавший, что его жизнь слишком ценна для человечества, чтобы подвергать ее риску, часами ползая по холодной мокрой земле, сердечно благодарил учеников и аккуратно переписывал

эту чушь.

Одним погожим днем Гефестион сказал Александру, что нашел лисью нору; лисица должна вот-вот ощениться. Старое дерево рядом с норой было вырвано с корнем во время бури, и под ним появилась глубокая впадина, откуда можно вести наблюдение. Ближе к вечеру друзья отправились в лес, избегая тропинок, по которым ходили другие ученики. Ни один из них этого не заметил или не придал этому значения.

Мертвые корни поваленного дерева нависали над ямой как крыша, ее дно было покрыто толстым слоем прошлогодних пожухлых листьев. Через какое-то время отяжелевшая лисица выскользнула из лесной тени с маленькой куропаткой в зубах. Гефестион приподнял голову; Александр, лежавший с закрытыми глазами, услышал легкий шорох, но не разомкнул век. Лисица почуяла запах людей и красным всполохом метнулась в свое логово.

Вскоре Аристотель высказал желание препарировать щенную самку-лисицу, но Александр и Гефестион пощадили хранительницу их тихого уголка и свидетельницу их тайны. Лисица привыкла к юношам и через какое-то время стала без страха выводить своих детенышей, позволяя

малышам есть и играть перед норой. Гефестион любил этих зверушек, потому что они вызывали у Александра улыбку.

После любовных игр Александр надолго замолкал, погружаясь в какие-то свои темные бездны; если Гефестион окликал его, он не раздражался, но был слишком ласков, словно что-то скрывал.

Оба сочли случившееся в их судьбах предопределенным еще до рождения. В Гефестионе, не ослабевая, жило невероятное ощущение чуда; над его днями и ночами словно стояло мерцающее сияние. Только в определенные минуты на него падала резкая тень, но достаточно было указать на возящихся лисят, и запавшие отрешенные глаза Александра оживлялись, светлели и счастье возвращалось. Берега заводи и ручьев были окаймлены незабудками и ирисами, в залитых солнцем густых зарослях знаменитого шиповника Миезы, хранимого нимфами, раскрывались, распространяя свой аромат, большие нежные цветки.

Юноши легко прочитали знаки, хорошо известные молодости, и заплатили по счетам. Философ, менее в этом опытный, а может быть, не умевший достойно проигрывать, с сомнением смотрел на двух красивых мальчиков, всегда

находившихся рядом, пока все остальные гуляли или сидели в саду среди розовых кустов. Аристотель не отваживался задавать вопросы: в его системе не было места для ответа на них. Оливы тонули в дивных бледно-зеленых цветочках, слабый сладковатый запах которых проникал повсюду. Ложная завязь упала с яблонь, стали видны крошечные зеленые плоды. Лисица увела детенышей в лес: для них пришло время учиться охоте, чтобы жить.

Гефестион стал терпеливым и умелым охотником. Пока олень сам не пришел на его манок, он не сомневался, что пылкая привязанность, прежде соединявшая друзей, уже содержала зародыш страсти. Теперь Гефестион обнаружил, что все не так просто.

Снова и снова он повторял себе, что не следует просить большего у богов, и без того щедрых. Гефестион вспоминал, как в прошлом, подобно обладателю великого богатства, который счастлив одним сознанием своей избранности, смотрел он на обращенное к нему лицо: спутанные ветром волосы, свободно падающие на лоб, уже испещренный тонкими морщинками, напряженный взгляд прекрасных глаз, твердый, но чувственный рот, восхитительная дуга золо-

тых бровей. Гефестиону казалось, что он мог бы сидеть так вечно, не желая иного. Так казалось ему поначалу.

— Букефал застоялся, давай прокатимся, — предложил Александр.

— Он снова сбросил конюха? — спросил Гефестион.

— Нет, просто проучил. Я ведь предупреждал.

Букефал постепенно смирился с рутинными порядками конюшни и позволял конюхам садиться на себя. Но как только Букефал чувствовал уздечку с серебряными пряжками и бляхами, хомут с филигранью, чепрак с бахромой, он считал себя предназначенным для бога и гневно отвергал нечестивцев. Сброшенный им конюх до сих пор был прикован к постели.

Друзья ехали через буковую рощу, одетую красноватыми молодыми листьями, к горным лугам. Гефестион, задававший темп, не торопился, зная, что Александр ни за что не позволит вспотевшему Букефалу остановиться. У края леса они спешились и замерли, глядя на горы Халкидики за равниной и морем.

— Я нашел в Пелле книгу, — сказал Александр, — в прошлый раз, когда мы там были. Диалог Платона, который Аристотель нам нико-

гда не показывал. Думаю, из зависти.

— Что за книга? — Улыбаясь, Гефестион проверил, хорошо ли держатся удила.

— Я выучил немного, послушай. «Любовь заставляет стыдиться позора и страстно желать всего доблестного, без чего ни народ, ни отдельный человек не сможет совершить что-либо великое или прекрасное. Если любящий обнаружит, что делает что-либо недостойное себя, или низость склоняет его к бесчестию, он предпочтет быть обличенным скорее перед своей семьей, друзьями или кем угодно, чем перед тем, кого он любит». И еще в одном месте: «Представьте армию или государство, созданные из одних только любящих и любимых. Есть ли вещи превосходящие их величие в состязании благородства и доблести? Даже несколько таких человек, сражаясь бок о бок, смогут покорить мир».

— Это прекрасно.

— Платон был солдатом в молодости, как Сократ. Я допускаю, что Аристотель завидует. Афиняне никогда не составляли военный отряд из любовников, они предоставили это фиванцам. Никто еще не победил Священный Союз, ты это знаешь?

— Пойдем в лес, — предложил Гефестион.

— Это еще не все. Сократ закончил мысль Платона. Он сказал, что лучшая, величайшая любовь доступна только душе.

— Ну, — сказал Гефестион быстро, — всем известно, что он был самым безобразным человеком в Афинах.

— Прекрасный Алкивиад бросился к его ногам. Но Сократ сказал, что любить душой — величайшая победа, как тройной венок на играх.

Пересиливая боль, Гефестион смотрел на горы Халкидики.

— Это было бы величайшей победой, — сказал он медленно, — для стремящегося к иному.

Зная, что безжалостный бог научил Александра искусно расставлять сети, Гефестион замолчал и повернулся к нему. Александр стоял, неотрывно глядя на облака, совещаясь со своим демоном.

Гефестион виновато коснулся его руки:

— Если ты это имеешь в виду, если ты действительно этого хочешь…

Александр поднял брови, улыбнулся и откинул со лба волосы.

— Я тебе кое-что скажу, — пообещал он.

— Да? — приготовился слушать Гефестион.

— Если догонишь! — крикнул Александр.

Александр всегда бегал быстрее всех, отзвук его голоса еще бился в ушах Гефестиона, а сам он уже исчез. Гефестион пронесся среди светлых берез и тенистых лиственниц к каменистому откосу. Внизу лежал Александр — неподвижно, с закрытыми глазами. Задыхаясь, почти теряя рассудок, Гефестион бросился вниз, упал рядом с Александром на колени, ощупал тело друга. Никаких повреждений, ни одного ушиба. Александр открыл глаза и улыбнулся:

— Шшш! Ты спугнешь лисиц.

— Убить тебя мало, — прошептал Гефестион с дрожью.

Солнечный свет, просачиваясь сквозь ветви лиственниц, немного сместился к западу, высекая топазовые блики на стене их каменного убежища. Александр лежал, подперев рукой подбородок, и смотрел на раскачивающиеся ветви.

— О чем ты думаешь? — спросил Гефестион.

— О смерти.

— Иногда такие мысли вызывают грусть. Жизненные силы покидают человека. Но я никогда тебя не покину. А ты меня?

— Нет, истинные друзья должны быть всем друг для друга, — сказал Александр.

— Ты этого на самом деле хочешь?

— Тебе следовало бы знать, — заметил Александр.

— Я не могу вынести, когда ты грустишь, — признался Гефестион.

— Это скоро пройдет. Возможно, кто-то из богов ревнует. — Александр нагнул голову Гефестиона и бережно склонил ее к себе на плечо. — Некоторые из них навлекли на себя позор недостойным выбором. Не называй имен, они могут разгневаться. Но мы-то знаем. Даже боги бывают завистливы.

Ум Гефестиона, прежде замутненный неистовым желанием, прояснился, словно в озарении увидел он длинную вереницу любовников царя Филиппа: их грубоватую красоту; резкую, как запах пота, чувственность; их ревность, интриги, бесстыдство. Единственный во всем мире, он был избран, чтобы быть тем, чем не смогли стать они. Он был облечен доверием Александра. Сколько бы он еще ни прожил, ничего более великого с ним уже не произойдет; чтобы стремиться к большему, нужно быть бессмертным. Слезы хлынули из глаз Гефестиона и потекли по шее Александра. Александр, думая, что Гефестион испытывает ту же грусть, что и он, с улыбкой гладил волосы друга.

Весной следующего года Демосфен отплыл на север, в укрепленные города Перинф и Бисанфа на Геллеспонте. У каждого из них Филипп выторговал мирный договор; предоставленные самим себе, города не стали бы противиться его воинственному продвижению вперед. Демосфен убедил оба города нарушить договоры с царем. Афинское войско на Фасосе начало необъявленную войну против Македонии.

На плацу Пеллы — гладкой равнине, бывшей дном моря, отступившего еще на памяти живых стариков, — фаланги разворачивались и переходили в атаку, упражняясь с огромными сариссами, подобранными по длине так, что их наконечники у трех рядов солдат, стоящих друг за другом, ударяли в строй врага единой линией. В коннице разучивали прием боя, как удержаться в седле после столкновения или удара — цепляясь за гриву, сводя бедра и колени.

В Миезе Александр и Гефестион собирали свои пожитки, чтобы выехать на рассвете, и искали в головах друг у друга.

— Ни одной на этот раз, — сказал Гефестион, откладывая гребень. — Их полно зимой, когда люди теснятся все вместе.

Александр, сидевший у него на коленях, легонь-

ко оттолкнул свою собаку, пытавшуюся лизнуть его в лицо. Юноши поменялись местами.

— Блох можно смыть водой, — сказал Александр, принимаясь за дело. — Но вши как иллирийцы — ползают в самой чаще. Мы их столько наберем в лагере, надо бы хоть туда приехать чистыми. Я не думаю, что у тебя… Нет, подожди. Ну вот и все. — Он поднялся, чтобы взять с полки закупоренную склянку. — Попробуем мазь, она помогает. Нужно сказать Аристотелю.

— Она смердит, — поморщился Гефестион.

— Нет, я добавил благовоний. Понюхай.

В течение последнего года Александр увлекся искусством врачевания. Среди множества отвлеченных знаний, из которых немногие, по мысли Александра, пригодились бы в реальной жизни, это было по-настоящему полезным делом, которым не пренебрегали на полях Трои цари-воины; художники изображали Ахилла перевязывающим раны Патрокла. Увлечение Александра смутило Аристотеля, собственный интерес которого к Асклепию носил теперь чисто академический характер; но эта наука в его роду передавалась по наследству, и в итоге философ стал обучать врачеванию с удовольствием. У Александра появилась тетрадь с записями ре-

цептов мазей и микстур, указаний по лечению лихорадок, ран и переломов.

— Пахнет получше, — признал Гефестион. — И должна прогнать насекомых.

— Моя мать знает против них заговор. Но в конечном счете всегда выбирает их вручную.

Собака, тоскуя, уселась у вещей хозяина, чувствуя запах разлуки. Несколько месяцев назад Александр принимал участие в военном походе, командуя, как и обещал ему царь, собственным отрядом. В течение всего этого дня в доме раздавался резкий скрежет, напоминающий стрекотание сверчков: сложив вещи, юноши точили свои дротики, кинжалы и мечи.

Гефестион думал о грядущей войне без страха, сама память о котором стерлась или притаилась где-то в глубинах сознания, исчезло даже опасение за жизнь Александра. Только так можно было жить рядом с ним. Гефестион не имел права погибнуть — он был нужен Александру. Вместо того чтобы мучиться предчувствиями, нужно научиться убивать врагов первым, а в остальном положиться на богов.

— Я боюсь одного, — сказал Александр, пробуя в ножнах свой меч; лезвие, как шелк, проходило сквозь хорошо натертую воском кожу. — Юг мо-

жет напасть прежде, чем я буду готов. — Он потянулся за лубяной кисточкой, которой чистили позолоту.

— Оставь, я почищу вместе со своими.

Гефестион склонился над замысловатым флероном ножен и переплетениями орнамента. Александр всегда быстро избавлялся от дротиков, его оружием был меч: лицом к лицу, врукопашную. Приводя ножны в порядок, Гефестион пробормотал заклинание на счастье.

— Я надеюсь к греческой кампании уже быть полководцем, — сказал Александр.

Гефестион оторвался от эфеса, который полировал куском шагрени:

— Не обольщайся, война вот-вот начнется.

— На поле боя, когда нужно действовать, за мной пойдут и сейчас. Это я знаю. Хотя и считают, что мне еще рано командовать. Год, два года… Но они пойдут за мной, пойдут хоть сегодня, — сказал Александр.

Гефестион задумался; он никогда не поддакивал Александру, если это грозило повлечь за собой неприятности.

— Да, пойдут. Я видел это в прошлый раз. Когда-то они верили, что ты приносишь удачу. Но теперь солдаты могут сказать, что ты разбира-

ешься в своем деле, — произнес Гефестион.

— Они давно меня знают.

Александр снял со вбитого в стену колышка свой шлем и расправил белый гребень из конских волос.

— Послушать кое-кого из них, так подумаешь, что это они тебя воспитали.

Гефестион слишком сильно надавил на кисть, прутья сломались, и ему пришлось заново разминать кончик.

— Может, и так. — Расчесав гребень, Александр подошел к зеркалу. — Думаю, этот подойдет. Он хорошего металла, удобный и всем будет виден. — В Пелле не было недостатка в превосходном оружии; его привозили на север из Коринфа: там хорошо знали, где можно нажиться. — Когда я буду полководцем — у всех на виду…

Гефестион, глядя через плечо Александра на его отражение в зеркале, заметил:

— Ну еще бы. Ты похож на разукрашенного бойцового петуха.

Александр повесил шлем обратно.

— Ты сердишься. Почему? — спросил он.

— Станешь полководцем, и тогда у тебя будет своя палатка. С завтрашнего дня и до самого возвращения мы ни разу не останемся вдвоем.

— А… Да, понимаю. Но это война.

— А к ней нужно привыкнуть. Как к блохам, — усмехнулся с горечью Гефестион.

Александр заговорил торопливо, словно мучимый угрызениями совести:

— В наших душах мы будем соединены навечно, стяжав немеркнущую славу. Великий сын Менетия, усладивший мое сердце[54]. — Он улыбнулся, глубоко заглянув в глаза Гефестиона, который ответил ему улыбкой безраздельной преданности. — Любовь есть истинная пища души. Но души, как и тела, едят, чтобы жить, а не живут для того, чтобы есть.

— Да, — сказал Гефестион.

То, ради чего он жил, касалось его одного. Но он не собирался отягощать Александра еще и этим бременем.

— Душа живет, чтобы *действовать.*

Гефестион отложил меч, взялся за кинжал с агатовым эфесом и рукоятью в виде дельфина и согласно кивнул.

Пелла встретила юношей грохочущими звуками военных приготовлений. Ветерок донес

---

[54] Сноски: 54

Менетий — дерзкий и необычайно сильный титан, брат Атланта и Прометея, бросивший вызов самому Зевсу.

до Букефала запах и лязг боевой кавалерии; конь раздувал ноздри и ржал.

Царь Филипп был на учениях. Для штурмовых лестниц специально возвели высокие леса, и теперь царь следил, чтобы его солдаты поднимались по ним в правильном порядке, без столпотворения, толкотни, заминок, не раня друг друга оружием. Сыну он прислал записку с приглашением увидеться после маневров. Царица хотела видеть Александра немедленно.

Обняв Александра, Олимпиада заметила, что сын стал выше ее. Рост юноши теперь составлял пять футов семь дюймов. Прежде чем его кости затвердеют, он прибавит немного. Но Александр мог голыми руками переломить кизиловое древко копья, пройти тридцать миль в день по бездорожью без еды (однажды, ради опыта, он проделал такой марш и без воды). Постепенно, незаметно для себя самого, Александр перестал горевать из-за своего небольшого роста. Высоченные парни из фаланги, управлявшиеся с двадцатифутовой сариссой, любили его и таким.

Олимпиада, хотя разница в росте между ними была совсем небольшой, положила голову на плечо сына, нежная и кроткая, как воркуу

ющая голубка. «Ты уже мужчина, настоящий мужчина». Она поведала сыну о всех происках Филиппа; ничего нового. Александр гладил мать по волосам и рассеянно поддакивал, его мысли всецело поглощала война. Олимпиада спросила, что за человек Гефестион, честолюбив ли он, о чем просил, какие вынудил обещания? Одно-единственное обещание, сказал Александр, чтобы в битве они всегда были вместе. «А ему можно доверять?» — спросила царица. Александр рассмеялся, похлопал мать по щеке и прочел в ее глазах подлинный невысказанный вопрос. Оба медлили, как борцы перед решающим броском. Олимпиада ждала мгновения, когда нервы сына сдадут и можно будет перейти в наступление. Александр отвернулся, и она промолчала. В благодарность за ее деликатность сын стал ласковым и великодушным; он склонился к волосам матери, чтобы вдохнуть их запах.

Филипп был в своей рабочей комнате. Его письменный стол тонул под ворохом бумаг. Царь явился сюда прямо с поля, в кабинете стоял резкий запах пота — конского и его собственного. Целуя сына, Филипп заметил, что тот уже искупался, чтобы смыть пыль ничтожного переезда меньше чем в сорок миль. Но подлинное по-

трясение царь испытал, обнаружив на щеках Александра мягкую золотую щетину. С изумлением и беспокойством он понял, что мальчик уже давно мог бы отрастить бороду. Но Александр брился.

Македонец, сын царя — что могло заставить его строить из себя безволосую обезьяну, по примеру изнеженного юга? Гладкий, как девушка. Для кого он делает это? Филипп был хорошо осведомлен обо всем, что происходило в Миезе, по его указанию Парменион регулярно получал секретные отчеты Филота. Одно дело сблизиться с сыном Аминтора, безвредным и миловидным юношей, от которого не отказался бы и сам Филипп, и совсем другое — разгуливать на людях без бороды, как это делают некоторые любовники. Филипп перебрал в уме молодых людей из Миезы и вспомнил, что некоторые из них, старше Александра, тоже щеголяли голыми подбородками. Должно быть, у них такая мода. Смутное предчувствие бунта мурашками прошло по коже царя, но он отогнал его. У мальчишек свои затеи, но Александру доверяют и взрослые мужчины; при настоящем положении дел ни у кого не будет времени строить козни.

Филипп жестом велел сыну сесть рядом.

— Ну, — сказал царь, — как ты сам видишь, мы здесь хорошо потрудились. — Он описал свои приготовления; Александр слушал, уперев локти в колени, скрестив руки; он улавливал мысли отца с полуслова. — Перинф будет тяжело раздавить, однако с таким же успехом можно начать с Бисанфы — открыто или нет, но они поддержат Перинф. Так же, как и Великий царь. Сомневаюсь, что он сейчас в состоянии начать войну — судя по тому, что я слышал. Но помощь он пришлет. У него есть договор об этом с Афинами.

На мгновение их лица осветились одной мыслью. Словно они говорили о некоей знатной женщине, взыскательной наставнице их детских лет, которую теперь встретили шляющейся по улицам портового города. Александр бросил взгляд на прекрасную старую бронзу Поликлета: изобретающий лиру Гермес. Он знал эту статуэтку с первых дней своей жизни — слишком изящный юноша, с тонкой костью и мышцами бегуна, всегда, казалось, скрывал глубоко затаенную печаль под божественным спокойствием, которое придал ему скульптор, словно предвидевший позорное будущее греков.

— Хорошо, отец, когда мы выступаем? — спро-

сил Александр.

— Мы с Парменионом — через семь дней, считая от нынешнего. Но не ты, сын мой. Ты останешься в Пелле.

Александр резко выпрямился. Казалось, он одеревенел от негодования.

— В Пелле? Что ты хочешь этим сказать? — вскинулся он.

Филипп ухмыльнулся:

— Ты в точности похож на свою лошадь, которая шарахалась от собственной тени. Не спеши. Ты не будешь сидеть без дела.

Со своего корявого иссеченного пальца царь стянул массивное золотое кольцо старой работы. На сардониксе перстня был выгравирован сидящий на троне Зевс с орлом, устроившимся на сжатом кулаке бога. Царская печать Македонии.

— Ты приглядишь вот за этим. — Филипп подбросил кольцо в воздух и поймал его. — Как ты думаешь, сможешь?

Ярость сошла с лица Александра, на какое-то мгновение оно стало озадаченным. В отсутствие царя печать оставалась у временного правителя.

— Ты прошел хорошую школу воина, — продолжал Филипп. — Когда станешь постарше и твое

повышение никого не смутит, получишь отряд конницы. Скажем, через пару лет. Тем временем тебе надлежит изучить науку управления. Расширять границы, когда у тебя за спиной в государстве хаос, более чем бесполезно. Вспомни, я всякий раз бывал вынужден наводить порядок в стране, прежде чем выступить в какой-либо поход, даже усмирять иллирийцев в пределах наших границ. Не думай, что с этим покончено навсегда. Кроме того, ты должен будешь обеспечить и защитить пути сообщения с моей армией. Я поручаю тебе серьезную работу.

Изучая лицо сына, Филипп встретил взгляд, который не видел с того памятного дня конских торгов, когда Александр вернулся на усмиренном Букефале.

— Да, отец. Я знаю. Благодарю тебя, ты не будешь раскаиваться.

— Антипатр тоже остается. Если у тебя есть хоть капля здравого смысла, ты будешь с ним советоваться. Но ответственность на тебе; печать есть печать.

Каждый день, вплоть до выступления армии, Филипп созывал совет с военачальниками стоящего в Пелле гарнизона, сборщиками налогов, судьями, наместниками, которых оставляли

вместо себя примкнувшие к армии племенные вожди, самими вождями и знатью, которые не покидали Македонию по соображениям возраста, традиции или закона. Одним из них был Аминта, сын Пердикки, старшего брата Филиппа. Когда его отец пал в бою, он был ребенком. Филиппа выбрали временным правителем, и, прежде чем Аминта возмужал, македонцы пришли к выводу, что правление Филиппа им нравится и они не хотят перемен. По древнему обычаю на трон могли возвести любого из царского рода. Филипп великодушно обошелся с Аминтой, дав ему статус царского племянника и одну из своих полузаконных дочерей в жены. Аминта с детства свыкся со своим жребием. Теперь он явился на совет: коренастый чернобородый молодой человек двадцати пяти лет, которого любой чужеземец без колебаний принял бы за сына Филиппа. Александр, сидевший на совете справа от отца, украдкой поглядывал на этого человека, спрашивая себя, действительно ли он так бездеятелен, как кажется.

Когда армия выступила, Александр проводил царя до прибрежной дороги, обнял его и вернулся в Пеллу. Букефал возмущенно фыркал вслед удаляющимся всадникам. Филипп был доволен,

что возложил на мальчика ответственность за дороги. Счастливая мысль; Александра она воодушевила, а все пути и без того прекрасно охранялись.

Первым делом правитель Александр купил тонкую полоску золота, которой обмотал изнутри обод перстня, слишком большого для его пальца. Он хорошо знал, что знаки царской власти обладают магической силой.

Антипатр и в самом деле оказался крайне полезным. Он не ограничивался советами, а действовал. Антипатр знал, что его сын рассорился с Александром, и, не поверив придуманному Кассандром объяснению, убрал сына подальше с глаз наследника, которому — если Антипатр хоть что-нибудь в этом смыслил — достаточно было небольшого толчка, чтобы превратиться в невероятно опасного противника. Александру нужно было служить, и служить хорошо, или же расправиться с ним. В дни юности Антипатра, до того как царь Филипп железной рукой навел в стране порядок, человек в любой день мог обнаружить, что осажден в своем собственном доме мстительным соседним вождем, ордой иллирийских разбойников или шайкой бандитов. Антипатр сделал свой выбор уже много лет назад.

Чтобы облегчить жизнь юному правителю, Филипп пожертвовал собственным главным письмоводителем, незаменимым человеком. Александр вежливо поблагодарил того за подготовленные выписки и попросил корреспонденцию в полном объеме, чтобы составить представление о писавших. Встречаясь с чем-то ему незнакомым, Александр задавал вопросы и, когда положение дел прояснялось в его уме, советовался с Антипатром.

У них не возникало разногласий, пока одного из солдат не обвинили в изнасиловании. Парень клялся, что женщина уступила сама. Антипатр, убежденный многочисленными фактами, склонялся в его пользу. Но случившееся могло вызвать кровную месть, поэтому Антипатр счел себя обязанным поговорить с правителем. С некоторым смущением он изложил эту грязную историю ясноглазому юноше, сидевшему в студии Архелая. Александр немедленно ответил, что Сотий, и это знала вся фаланга, в трезвом виде беспременно выйдет сухим из воды, но пьяным не отличит свиньи от собственной сестры и с обеими поступит одинаково дурно.

Через несколько дней после отбытия царя на восток весь гарнизон Пеллы был выведен

на учения. У Александра появились новые мысли о пользе легкой конницы в бою с пешими рядами. Кроме того, сказал новый правитель, солдатам нельзя позволять накапливать жирок.

Оставшиеся в Пелле солдаты слегка разболтались. Опрятный, тщательно одетый юноша — правитель Александр — доехал на своей лоснящейся черной лошади до середины шеренги. В рядах занервничали и начали тщательно выравниваться, стараясь скрыть упущения — попытки, не возымевшие большого успеха. Нескольких человек с позором отослали в казармы. Остальных ждало тяжелое утро. Чуть позже ветераны, сперва позволявшие себе ворчать вслух, язвительно высмеивали жалобы утомленных новичков: мальчишка заставил всех попотеть, но зато правитель знает, почем фунт лиха.

— Солдаты теперь в хорошей форме, — сказал Александр Гефестиону. — А главное, знают, кто здесь командует.

Впрочем, первыми почувствовали это не солдаты.

— Дорогой, — обратилась к сыну Олимпиада, — сделай мне одно пустяковое одолжение, прежде чем твой отец вернется, — ты же знаешь, как он перечит мне во всем. Дейний оказал мне столько

услуг, помогал моим друзьям, предупреждал о происках врагов. Твой отец не дает его сыну повышения просто из злобы. Дейний хотел бы, чтобы сын получил отряд под начало. Он очень полезный человек.

Александр, мысли которого наполовину были заняты учениями в горах, спросил:

— Да? Где он служит?

— Служит? Я имею в виду Дейния.

— А… Как имя его сына, кто начальник его отряда? — переспросил Александр.

Олимпиада укоризненно посмотрела на сына, но заглянула в записи.

— А, Геракс. Он хочет, чтобы Гераксу дали отряд? — удивился Александр.

— Дейний достойный человек и знает, что просит о сущем пустяке.

— Дейний знает, что сейчас самое время заявить свои права. Думаю, это Геракс просил его.

— Почему не выполнить эту просьбу? Твой отец преследует его из-за меня? — спросила царица.

— Нет, мама. Из-за меня.

Царица резко обернулась. Ее глаза пристально изучали Александра, будто она впервые видела этого опасного незнакомца.

— Я видел Геракса в бою, — продолжал Алек-

сандр. — И рассказал отцу, чего он стоит. Вот почему Геракс сейчас здесь, а не во Фракии. Он упрям, он не терпит людей, которые соображают быстрее, чем он, а когда дела плохи, старается переложить вину на других. Филипп перевел его в гарнизон, вместо того чтобы понизить в должности. Я сделаю это сам.

— О! С каких это пор отец то, отец се? Я теперь для тебя ничто только потому, что он дал тебе поносить печать? Ты на его стороне? Ты против меня?

— Я принимаю сторону мужчин. Их могут убить враги, но это не повод позволять убивать их дуракам вроде Геракса. Если я дам ему отряд, мне перестанут верить.

Олимпиада вступила в битву с родившимся в нем мужчиной, ощущая одновременно любовь и ненависть. Давным-давно, при свете факелов в пещере Самофракии, когда ей было пятнадцать, она заглянула в глаза мужчине, еще не зная мужчин. Теперь она их знала.

— Ты ведешь себя нелепо. Что, по-твоему, означает эта побрякушка на твоем пальце? Ты всего лишь ученик Антипатра, Филипп оставил тебя здесь, чтобы ты смотрел на него и учился править. Что ты знаешь о мужчинах?

Царица была готова к битве, слезам и миру, купленному кровью. Александр молчал. Потом вдруг улыбнулся.

— Прекрасно, мама. Маленькие мальчики должны предоставить дела мужчинам и ни во что не вмешиваться.

Олимпиада озадаченно посмотрела на сына. Александр быстро шагнул вперед и обнял ее за талию.

— Дражайшая! Ты знаешь, что я люблю тебя. Предоставь все эти хлопоты мне. Я справлюсь. Отныне тебе ни о чем не нужно беспокоиться.

На какое-то время Олимпиада оцепенела. Потом выпалила, что он жестокий испорченный мальчишка и она не знает, что ей теперь сказать Дейнию. Но ослабла в его объятиях, и Александр знал, что мать рада почувствовать их силу.

Александр отказался от охоты, чтобы находиться рядом с Пеллой: Антипатр в его отсутствие мог принять решения самостоятельно. Лишенный привычных физических упражнений, Александр однажды в конюшне наткнулся на колесницу, приспособленную для того, чтобы пеший воин бежал с ней рядом. Он уже как-то хотел научиться этому искусству, но тогда помешал отъезд в Миезу. Двухместная колесница для па-

ры лошадей была сделана из ореха и грушевого дерева; бронзовое кольцо, за которое держался бегун, находилось почти на нужном Александру уровне — бегом не занимались высокие мужчины. Александр запряг двух венетских лошадок, позвал царского возничего и долго упражнялся: спрыгивал с колесницы, запрыгивал на нее и бежал рядом. Мало того что это занятие требовало физического напряжения, оно еще возвращало в гомеровские времена; воин такого рода был последним наследником полубогов-героев, врывавшихся в гущу битвы, чтобы сражаться пешими. Все свободные часы Александр отдавал этому древнему искусству и вскоре весьма в нем преуспел. На складах нашлось еще несколько старых колесниц, и друзья Александра смогли составить ему компанию. Он радовался, но отказался от каких-либо состязаний. Вкус к ним он утратил сразу же, как только стал достаточно взрослым, чтобы понять: всегда найдутся люди, нарочно дающие выиграть сыну царя.

Из Пропонтиды приходили сообщения от Филиппа. Взять Перинф, как и предполагал царь, оказалось невероятно трудно. Город стоял на мысу, неприступном с моря, а со стороны суши был хорошо укреплен. Жители Перинфа,

который рос и процветал на отвесных скалах, годами возводили свою крепость: четырех– и пятиэтажные дома ярусами поднимались вверх, как ряды в амфитеатре, и с каждого открывался вид на крепостные валы: теперь на крышах засели пращники и метатели дротиков, готовые отразить штурм. Чтобы обеспечить своим солдатам огневую поддержку, Филипп возвел стофутовые осадные башни и платформу для катапульт; он попытался сделать подкоп, но обнаружил за внешней стеной еще одну, образованную первым рядом домов, плотно спаянных камнями, землей и щебнем. Как он и ожидал, Бисанфа пришла на помощь его врагам; юркие триремы, команды которых прекрасно знали местные воды (у Македонии никогда не было мощного военного флота), привезли в крепость войска и охраняли пути для караванов Великого царя, который выполнил свою часть договора с Афинами.

Царь Филипп, диктовавший свои послания, излагал суть дела с блеском и проницательностью. Читая их, Александр не находил себе места, сознавая, какую великую кампанию он пропускает. Даже печать была слабым утешением.

Однажды утром на выездке Александр увидел

машущего ему Гарпала. Гонец из дворца обратился к человеку, который мог безбоязненно прервать занятия наследника: дело, видимо, не терпело отлагательства. Александр спрыгнул с колесницы и пробежал рядом с ней несколько шагов, чтобы сохранить равновесие. Он был покрыт слоем пыли с ипподрома: она лежала на его ногах до самых колен, как толстые сапоги. На лице, больше похожем на маску из-за размазанного пота и грязи, сияли глаза, ярко выделявшиеся своей ослепительной бирюзой. Друзья Александра стояли поодаль, боясь запачкаться.

— Это удивительно, — пробормотал Гарпал за спиной Александра, — вы заметили, от него никогда не воняет, а любой другой на его месте смердел бы, как лисица.

— Спроси у Аристотеля, почему так получается, — посоветовал кто-то.

— Нет, я думаю, это разозлит и философа, и правителя.

Гонец сообщил, что во дворце наследника дожидается нарочный с северо-восточной границы.

Александр послал слугу за чистым хитоном, наскоро смыл грязь и пот в фонтане и появился в зале как раз в ту минуту, когда Антипатр, держа

в руке нераспечатанный свиток письма, заканчивал расспрашивать посланца, которому было что рассказать. Гонец едва не лишился жизни, пробираясь в Пеллу из горных областей за Стримоном, где Македония схлестнулась с Фракией за сеть оспариваемых ущелий, гор, лесов и луговых выпасов.

Антипатр с удивлением отметил невероятную расторопность Александра, а гонец лишь с усилием поднял слипающиеся от недосыпания глаза. Спросив его имя, Александр сказал:

— Ты выглядишь смертельно усталым, сядь.

Хлопнув в ладоши, Александр приказал принести вина и, ожидая, проглядел донесение. Когда гонец утолил жажду, наследник начал задавать вопросы.

Меды были горцами столь древнего рода, что ахейцы, дорийцы, македонцы и кельты, продвигаясь на юг, опасливо обходили стороной земли этого свирепого племени. Они выжили в суровых фракийских горах, став крепкими, как дикие козлы; их обычаи остались неизменными со времен, предшествующих веку бронзы, и когда их богов — подателей пищи не смягчали человеческие жертвоприношения, меды совершали набеги на заселенные земли. Филипп давно

подчинил их себе, и горцы принесли клятвы верности; но со временем образ грозного царя потускнел, отойдя в область преданий. Племя возросло, мужающие мальчики жаждали омочить в крови свои копья. Меды хлынули на юг, как вышедшая из берегов река. Разграбленные деревни сжигались, македонских переселенцев и мирных фракийцев живыми рубили на куски, их головы становились трофеями; женщин угоняли как скот.

Антипатр, который слушал все это уже во второй раз, спокойно наблюдал за юношей на троне, готовый отечески его ободрить. Александр сидел, нетерпеливо наклонившись вперед, впившись взглядом в гонца.

— Прервись, — сказал он наконец. — Мне нужно кое-что записать.

Когда появился писец, Александр продиктовал ему, сверяясь с нарочным, схему передвижений медов и важнейшие особенности местности, присовокупив к этому набросок карты, который сам начертил на восковой дощечке. Проверив и ее, он велел вымыть, накормить и уложить спать гонца и отослал рабов.

— Я подумал, — сказал Александр Антипатру, изучая таблицы с записями, — что все это нужно

было узнать тотчас же. Сон подкрепит его силы, но кто знает, вдруг он умрет. Я хочу, чтобы гонец хорошо отдохнул перед походом, я возьму его с собой проводником.

Рыжие кустистые брови Антипатра сошлись над его внушительным носом. Он чувствовал, к чему шло дело, но не хотел верить.

— Александр, ты знаешь, я счастлив был бы взять тебя. Но ты должен знать и другое: в отсутствие царя немыслимо, чтобы мы оба покинули Македонию.

Александр откинулся на троне. Влажные пряди волос, в которых после купания в фонтане остались комки грязи, прилипли ко лбу, на пальцах и под ногтями чернела земля. В холодном взгляде не было и следа наивности.

— Ну разумеется, Антипатр. Мне бы это и в голову не пришло. Я оставлю тебе печать на время похода.

Антипатр открыл рот, глубоко вздохнул и осекся. Александр нагнулся вперед с подчеркнутой вежливостью:

— Сейчас печати при мне нет, я был на ипподроме. Ты получишь ее, когда я выеду из Пеллы.

— Александр! Только подумай…

Александр, напряженный, как на поединке,

сделал легкий жест, давая понять, что он еще не кончил. Поколебавшись, Антипатр смирился и замолчал. Александр церемонно заявил:

— Мой отец и я, оба мы знаем, какая это великая удача — иметь рядом человека, которому можно доверить государство. — Он поднялся, подбоченившись, широко расставив ноги, движением головы откинул назад спутанные волосы. — Пойду я, Антипатр. Смирись с этим, потому что у нас мало времени. Я выступаю завтра на рассвете.

Антипатру тоже пришлось подняться; он попытался использовать преимущество в росте, но потерпел неудачу.

— Будь по-твоему, — сказал Антипатр. — Только подумай сперва. Ты хороший воин, это общеизвестно. Люди тебя любят, согласен. Но ты никогда не возглавлял армию, не думал о ее снабжении, не разрабатывал стратегию. Ты знаешь, где тебе придется воевать?

— К настоящему времени меды должны были спуститься в долину Стримона, это их цель. Снабжение обсудим на военном совете. Я соберу его через час.

— Ты понимаешь, Александр, что в случае твоего поражения половину Фракии пожрет мятеж, как пожар — миртовые заросли? Сообщение

с твоим отцом будет перерезано. Как только новость распространится, мне придется защищать северо-запад от иллирийцев.

— Сколько войска тебе для этого понадобится?

— Если ты потерпишь поражение, мне не хватит всей армии, оставшейся в Македонии.

Александр склонил голову к левому плечу, Антипатр не мог поймать его взгляд, блуждающий где-то поверх головы старика.

— Значит, если я проиграю, солдаты перестанут доверять мне и я никогда не стану полководцем. Также мой отец сможет сказать, что я ему больше не сын, и я никогда не стану царем. Что ж, кажется, я вынужден победить.

«Кассандру не следовало становиться Александру поперек дороги, — подумал Антипатр. — Птенец разбивает скорлупу. Нужно быть осторожным».

— А я? Что твой отец скажет мне, отпустившему тебя? — спросил Антипатр.

— Ты хочешь знать, что скажет Филипп, если я проиграю войну? Он скажет, что я должен был последовать твоему совету. Изложи его в письменном виде, а я поставлю подпись; выиграю я или нет, покажешь письмо Филиппу. Может, побьемся об заклад?

Антипатр проницательно взглянул на Александра из-под косматых бровей.

— Ага, — проворчал он. — А потом ты обернешь это против меня.

— Ну да, — кивнул Александр вкрадчиво. — Разумеется, я так и сделаю, как же иначе? Ты заключаешь пари, Антипатр. Ты не можешь ожидать, что выиграешь в любом случае. Как и я.

— Мне кажется, ставки слишком высоки. — Антипатр улыбнулся, памятуя об осторожности. — Если что-то тебе понадобится, дай мне знать. Я ставил и на худших лошадей в свое время.

Александр весь день провел на ногах, за исключением времени совета. Отдавая приказы, он мог бы сесть, но ему лучше думалось, когда он ходил взад-вперед. Возможно, эта привычка осталась от бесед с философом в Миезе. Александр собирался зайти к матери пораньше, но не хватило времени. Он пришел, покончив со всеми делами, и пробыл у Олимпиады недолго. Та хотела было поднять шум, но передумала, она всегда ожидала чего-то подобного. Александр тем временем попрощался с Фениксом и лег спать: сон требовался ему больше всего.

* * *

В лагере перед Перинфом наступило утро. Все было спокойно; минувшей ночью Филипп предпринял штурм стен, теперь его солдаты отдыхали. Обычные звуки краткой передышки: мулы ржали, люди, крича и лязгая железом, возились с катапультами, из палатки врача доносились вопли солдата, раненного в голову. Начальник отряда осадных орудий, чьей задачей было не давать отдыха осажденным, отдавал распоряжения своей команде. Осадное орудие подняли на подпорке, затвор смазали, на каждом из массивных снарядов, лежавших грудой подле, было выбито лаконичное послание: «ОТ ФИЛИППА».

Для царя возвели большой деревянный дом: во время долгой осады не было смысла ставить палатку, чтобы потеть под вонючей кожей. Филипп устроился в своем жилище как старый солдат. Пол покрывала солома, с обозом привезли стулья, подставки для ламп, ванну и кровать, достаточно широкую для того, чтобы ее с кем-нибудь разделить. Царь сидел за сосновым столом, сделанным лагерными плотниками, и читал донесение. Здесь же был Парменион.

Собрав также войска в Пидне и Амфиполе,

я двинулся на север, к Ферме. Я намеревался идти по Великой Восточной дороге к Амфиполю, чтобы изучить передвижения врага и определить наилучшую диспозицию, прежде чем подниматься вверх по реке. Но в Ферме меня встретил всадник из земли агриан. Он был послан Ламбаром, моим другом и гостем, в исполнение обета.

— Друг и гость! — сказал Филипп. — Что Александр имеет в виду? Мальчишка Ламбар был заложником. Ты помнишь, Парменион? Я поставил талант на то, что агриане присоединятся к медам.

— Помнишь, наследник удрал на несколько дней к этим дикарям, после того как ты отправил его обратно в школу? Ты здорово ругался, услышав об этом.

— Так-так. У меня это совсем выпало из головы. Безумная выходка, Александру повезло, что ему не перерезали горло. Я не беру заложников из племен, которые не представляют опасности. Друг и гость! Что ж, посмотрим.

Зная, что ты на востоке, он послал мне весть о медах, которые разорили равнины в верховьях Стримона. Меды приглашали племя Ламбара присоединиться к ним в войне, но царь Терес чтит клятвы, которыми вы обменялись, когда

ты вернул ему сына.

— Я бы за это не поручился. Однако мальчик послал гонца. Сколько Ламбару сейчас? Около семнадцати.

Он посоветовал мне быстро подняться по реке к Крепким воротам, как они называют отвесный выход ущелья, и укрепить там старую крепость, прежде чем меды спустятся на равнину. Поэтому я решил не тратить времени на возвращение в Амфиполь, но послал Койна с приказом привести оттуда войско. Сам же с теми, кто был, тропами пошел вверх через Крусидский хребет и перешел вброд Стримон у Сириса, где Койн должен был встретить меня с подкреплением, свежими лошадьми и припасами; сами же мы шли налегке. Когда я рассказал своим людям, какой опасности подвергаются наши колонисты на равнине, они собрались с силами; дорога была тяжелой, я шел с ними пешком, ободряя их своим примером.

Филипп поднял глаза.

— Здесь поработала рука секретаря. Но его природа все равно проглядывает.

Мы перевалили через Крусиду и перешли Стримон в полдень третьего дня.

— Что? — вытаращился Парменион. — Через

Крусиду? Это шестьдесят миль.

— Он шел быстро и поторапливал остальных.

Койн встретил меня, в точности исполнив приказания. Этот человек действует быстро и искусно, и я высоко ценю его. Также он сумел ободрить Стасандра, начальника гарнизона в Амфиполе, который думал, что я должен впустую потратить три дня, вернувшись в город, чтобы дать ему подробные указания.

— Добавлено, — сказал Филипп с ухмылкой, — собственной рукой Александра.

Благодаря расторопности Койна я получил требуемое мною подкрепление в тысячу человек…

Челюсть Пармениона отвисла. Он не отважился на комментарии.

…которое, несмотря на то что Амфиполь остался без защиты, казалось мне необходимым, поскольку с каждым днем, пока меды пребывали безнаказанными, росла опасность, что к ним присоединятся другие племена. Я оставил дозоры и сигнальные башни между собой и побережьем на случай, если афиняне захотят напасть с моря.

— А-а, — протянул Парменион. — Все же я хотел бы знать, как он втянул в эту авантюру такого осторожного человека, как Койн.

Но прежде чем мы достигли Стримона, меды разорили крепость у Крепких ворот, спустились в долину и начали грабить поселения. Некоторые из них переправились через Стримон на запад, к серебряным копям, убили охрану и рабов и унесли в свои земли за рекой слитки серебра. Это заставило меня принять решение не только выбить их с равнины, но и пойти войной на их собственную страну.

— Да знает ли он, — сказал Парменион недоверчиво, — где это?

Осмотрев войска, я принес жертвы богам и Гераклу и получил добрые предзнаменования у прорицателей. Также один из верных пеонийцев сказал мне, что, охотясь, он видел, как пожирающего добычу волка схватил молодой лев. Солдаты были довольны предзнаменованием, и я наградил этого человека золотом.

— Он это заслужил, — ухмыльнулся Филипп. — Находчивейший из прорицателей.

Перед выступлением я послал пять сотен проверенных горцев, которые под прикрытием леса подобрались к крепости у ворот и неожиданно напали на нее. Ламбар, мой друг и гость, сказал мне, что гарнизон составлен из наихудшей части отряда, поскольку ни один из храбрых воинов

не согласился бы упустить свою часть добычи, оставшись для защиты тыла. Его предположение, как обнаружили мои люди, подтвердилось. Также нашли тела наших солдат и увидели, как меды поступали с ранеными. Согласно моему распоряжению, уцелевшие меды были сброшены со скал в быстрину реки. Крепость и обе стороны ущелья были взяты; командовал отрядом Кефалон, решительный воин.

В самой долине некоторые из наших колонистов, отослав семьи в безопасное место, вооружились на защиту от врага. Я похвалил их за мужество, снабдил оружием и пообещал на год освободить от налогов.

— Молодым людям невдомек, откуда берутся деньги, — заметил царь. — Можешь быть уверен, он никогда и не думал спросить, на что идут эти налоги.

Все свои силы я повел на север равнины, правым флангом отрезая медам дорогу к высокогорью. Встретившиеся нам разрозненные банды мародеров были уничтожены; остальных мы гнали на северо-восток, собирая в стадо, как пастушеские собаки, чтобы они не сумели ускользнуть в горы, избежав сражения. Фракийцы всецело полагаются на свои внезапные набеги и не любят

обороняться.

Они сгрудились, как я и надеялся, на плесе, где река делает резкий поворот и разливается. Меды рассчитывали, как я и думал, на реку, которая защитит их со спины; я же рассчитывал загнать их прямо в воду. В этом месте есть брод. Он глубокий и коварный. К тому времени, когда их луки намокли и тяжелое оружие было потеряно, они решились пробиваться назад через ущелье, не зная, что мои люди удерживают его.

Таким образом, сражение…

Дальше следовало искусно составленное описание битвы. Филипп пробежал его, бормоча вполголоса, забыв о Парменионе, который наклонился вперед, с трудом ловя невнятные слова. Поддавшиеся на обман, атакованные с флангов, повергнутые в смятение, преданные рекой меды были, как и ожидалось, загнаны в стальной капкан ущелья. Большую часть одолженного в Амфиполе отряда Александр отослал назад вместе с крупной партией пленных.

На следующий день я поднялся вверх по реке за ущельем; некоторые из медов обходными путями ушли в горы, и я не хотел дать им время, чтобы собраться с силами. Поэтому я пришел в страну агриан. Там Ламбар, мой друг и гость,

встретил меня с конным войском его друзей и родичей. Он испросил у отца позволения участвовать в этой войне вместе с нами, во исполнение своего обета. Агриане показали нам самые удобные пути; позднее они хорошо проявили себя в сражении.

— Терес ждал, откуда подует ветер, — сказал Филипп. — Но не Ламбар. Почему? Он жил в Пелле ребенком, но я даже не могу вспомнить, как он выглядел.

Последовало описание головокружительной кампании в горах. Приведенный союзниками к неприступному гнезду врага, Александр атаковал медов в лоб, пока его горцы карабкались вверх со стороны отвесных скал, никем не охранявшихся.

Поселенцы, жаждавшие отомстить за нанесенные обиды, готовы были убивать всех подряд, кто только попадался на пути, но я приказал щадить детей и женщин, никому не причинивших вреда. Их я отослал в Амфиполь; поступай с ними, как сочтешь нужным.

— Рассудительный парень, — сказал Парменион. — За этих крепких горских женщин всегда дают хорошую цену; они работают лучше мужчин.

Филипп небрежно проглядывал обычный перечень наград и похвал *(«Гефестион, сын Аминтора из Пеллы, сражался с великой доблестью»)*; его голос перешел на невнятное бормотание. Внезапно, заставив Пармениона подпрыгнуть, царь вскрикнул:

— Что?!

— Ну, ну, что такое? — встревожился Парменион.

Подняв глаза от свитка, Филипп сдержанно сказал:

— Он остановился там, чтобы заложить город.

— Должно быть, писец ошибся.

— Этот писец словно из книги пишет. У медов хорошие луговые выпасы, а на склонах гор — виноградники. Поэтому Александр восстановил их поселение под правлением Ламбара, своего друга и гостя. Полагаю, они заключили обычный договор на тридцать три года.

— Если только тридцать три, — проворчал Парменион.

— Александр подумал о подходящих колонистах. Агриане, конечно, мирные пеонийцы, несколько безземельных македонцев, известных ему, и… Да, подожди. Тут приписка. Есть ли у меня на примете достойные люди, которых

можно вознаградить земельными угодьями? Он думает, что мог бы принять человек двадцать.

Парменион, сочтя, что только глупец откроет рот в такую минуту, откашлялся, чтобы заполнить паузу.

— Разумеется, он назвал город своим именем. Александрополь.

Филипп уставился на письмо. Парменион смотрел на резкое, испещренное шрамами, стареющее лицо царя, на его кустистые черные брови и бороду: старый бык, принюхивающийся к воздуху новой весны, покачивает зазубрившимися в битвах рогами. «Я тоже старею», — подумал Парменион. Они коротали вместе фракийские зимы, вместе выстояли перед натиском иллирийцев, они делили грязную воду в походе и вино после боя; в молодости у них была одна женщина на двоих — она сама не поручилась бы, кто отец ее ребенка; они вместе радовались и печалились. Парменион еще раз откашлялся.

— Мальчик всегда говорил, — начал он миролюбиво, — что ты не оставишь ему ничего, чтобы увековечить его имя. Он воспользовался представившимся случаем.

Филипп грохнул об стол кулаком.

— Я горжусь Александром, — сказал он решительно. — Горжусь.

Филипп положил перед собой чистую табличку и быстрыми четкими штрихами нарисовал план сражения.

— Прекрасный замысел, отличная диспозиция. Зажми их, дай выход, скажем, здесь, и что тогда? Или если конница ударит прежде времени? Но нет, Александр все предусмотрел. И когда они кинулись бежать, он сделал вот так. — Филипп сжал пальцы. — Мы еще увидим его в деле, Парменион, моего мальчишку. Я пошлю сыну этих двадцать поселенцев для Александрополя, клянусь богами.

— Тогда я распоряжусь. Почему бы нам не выпить за это? — предложил Парменион.

— Почему бы и нет? — развеселился царь.

Филипп велел принести вина и стал скручивать письмо.

— Что здесь, погоди-ка, что это? Я не дочитал.

С тех пор как я оказался на севере, я повсюду слышу о трибаллах, живущих на высотах Гемона; при их воинственности и безначалии они представляют угрозу для оседлых племен. Мне показалось, что, пока я в Александрополе, я мог бы пойти на них войной и привести в по-

виновение. Я хотел бы получить на это твое разрешение, прежде чем вызывать войско из Македонии. Я предполагаю…

Вино было принесено и разлито. Парменион сделал большой глоток, забыв, что следует дождаться царя, а царь этого даже не заметил.

— Трибаллы! Чего хочет этот мальчик! Выйти к Истру? — изумился Филипп.

Перескочив через просьбу о войске, Филипп продолжал:

Эти варвары смогут помешать нам, терзая наш тыл, когда мы отправимся в Азию. Если они будут усмирены, наши владения на севере дойдут до Истра, который является естественной защитной стеной, будучи, как говорят, величайшей рекой на земле после Нила и Всеобъятного Океана.

Двое видавших виды мужчин уставились друг на друга, словно сличая полученные предзнаменования. Первым нарушил молчание Филипп. Он откинул назад голову и, хлопая себя по колену, зашелся в хохоте, обнажившем дыры на месте выбитых зубов. Парменион, испытывая невероятное облегчение, громко вторил ему.

— Симмий! — крикнул царь наконец. — Позаботься о гонце наследника. Свежую лошадь

утром. — Он отхлебнул вина. — Я должен буду запретить ему войну с трибаллами сразу же, пока он не начал собирать армию. Не хочу разочаровывать парня. Ах, вот что: напишу ему, чтобы посоветовался с Аристотелем, создавая свой город. Что за мальчик, а? Что за мальчик!

— Что за мальчик! — эхом отозвался Парменион.

Он смотрел в кубок, не отводя глаз от своего отражения на темной поверхности вина.

По равнине Стримона длинной цепью тянулась на юг армия: фаланга за фалангой, ила за илой. Александр ехал впереди, во главе собственного отряда. Гефестион был рядом с ним.

Воздух наполнился громкими звуками: пронзительные вопли, хриплый плач, причитания, резкий треск, будто падало сухое дерево. Это раздавались крики коршунов, смешанные с карканьем ворон; птицы парили над землей, пикировали вниз, дрались за куски падали.

Колонисты похоронили своих мертвых, солдаты возвели для павших товарищей погребальные костры. В конце обоза, за выстеленными соломой повозками для раненых, катились телеги с глиняными урнами, наполненными прахом погибших. На каждой было написано имя.

Потери оказались незначительными: победа далась легко. Солдаты обсуждали ее на марше, глядя на рассеянных тысячами врагов, на тела, оставшиеся лежать там, где их настигла смерть. Обряды над ними совершала природа. Ночью шакалы и волки пожирали трупы, при свете дня поживу себе находили деревенские сторожевые псы и стервятники, слетавшиеся со всех сторон. Когда колонна войск приближалась, птицы поднимались хрипло кричащим облаком и сердито кружились в воздухе. Тогда становились видны оголившиеся кости и клочья мяса, вырванные волками, которые спешили добраться до внутренностей. Вонь трупов и крики птиц далеко разносились ветром.

Через несколько дней все будет кончено. Кому бы ни досталась эта земля, самую грязную работу для него уже сделают; нужно будет только сгрести кости, сжечь их или закопать во рву.

Над мертвой лошадью, трепеща полураскрытыми крыльями, дрались ястребы. Букефал тонко всхрапнул и отпрянул в сторону. Александр знаком приказал отряду идти дальше, спешился и бережно повел коня в обход, огибая груду гниющей падали: он похлопывал его по морде, разгонял на пути стервятников, шеп-

тал ласковые слова. Ястребы отлетели и сбились поодаль в стаю. Букефал фыркал с отвращением и переминался с ноги на ногу, но постепенно успокоился. Подождав еще немного, Александр вскочил в седло и вернулся на свое место.

— Ксенофонт говорит, — пояснил он Гефестиону, — что так следует поступать всякий раз, когда лошадь испугана.

— Я не знал, что во Фракии столько стервятников. Чем они питаются, когда нет войны? — Гефестион, чувствуя дурноту, старался чем-нибудь занять свои мысли.

— Во Фракии всегда война. Но мы спросим об этом у Аристотеля.

— Ты все еще жалеешь, — Гефестион понизил голос, — что мы не напали на трибаллов?

— Ну конечно же, — ответил Александр удивленно. — Мы были на полпути от них. Рано или поздно с этими варварами придется иметь дело, а мы бы смогли увидеть Истр.

Несколько тел преграждали путь. По сигналу Александра галопом подлетел небольшой конный отряд, ехавший по флангу: трупы сгребли в охотничью сеть и оттащили с дороги.

— Поезжайте вперед, — приказал Александр, — и проследите, чтобы все было чисто… Да, конечно,

я очень жалею, но не сержусь. Царь прав: сейчас каждый солдат на счету. Он прислал мне прекрасное письмо; я прочел его слишком быстро и не сразу понял, что это отказ.

— Александр, смотри-ка: вроде бы этот человек еще жив, — прервал друга Гефестион.

Стервятники, будто посовещавшись о чем-то поодаль, неуклюже поскакали прочь, потом сорвались с места, словно их кто-то напугал. Стала видна слабо дернувшаяся рука.

— Так долго бороться со смертью? — недоверчиво спросил Александр.

— Шел дождь, — предположил Гефестион. — Все возможно.

Александр обернулся и поманил первого попавшегося ему на глаза всадника. Тот мгновенно приблизился, с нескрываемым обожанием глядя на дивного юношу.

— Полемон, если раненому еще можно помочь, подбери его. Они хорошо сражались, именно на этом месте. Если он безнадежен, побыстрее прикончи его, чтоб не мучился.

— Да, Александр, — с благоговением отозвался солдат.

Александр наградил его легкой благодарной улыбкой, и сияющий Полемон поспешил выпол-

нить поручение. Вскоре он снова сел на лошадь, и стервятники, удовлетворенно покрикивая, спустились вниз.

Далеко впереди блестело голубое море; Гефестион с облегчением подумал, что вскоре поле боя останется позади. Взгляд Александра блуждал по перешедшей во власть птиц равнине и необъятному небу над ней. Он заговорил:

> *Многие души могучие славных героев низринул*
>
> *В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным*
>
> *Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля)…*[55]

Тягучий гекзаметр двигался в такт с плавной поступью Букефала. Гефестион молча смотрел на Александра. А тот ехал, умиротворенный, рядом со своим невидимым демоном.

Печать Македонии осталась у Антипатра. Александра перехватил второй гонец; царь, желая поощрить сына, приглашал его в свой лагерь под Перинфом. Александр повернул на восток к Пропонтиде, взяв с собой друзей.

---

[55] Сноски: 55
Гомер. Илиада. Песнь 1, ст. 3–5.

В ставке Филиппа, в хорошо обжитом уже доме, отец и сын сидели за сосновым столом, над подносом, полным морского песка и камней, возводя горы, пальцем прокапывая ущелья, стилосами отмечая расположение конницы, стрелков, фаланг и лучников. Здесь никто не мешал их игре, если не считать вылазок осажденных. Смазливые юные оруженосцы Филиппа были неназойливы и сдержанны. Бородатый Павсаний, получивший повышение до соматофилакса, начальника стражи, бесстрастно наблюдал за ними, нарушая их уединение, только чтобы сообщить о тревоге. Тогда они немедля хватались за оружие — Александр с нетерпением, Филипп чертыхаясь, как бывалый ветеран. Завидев Александра, ила, к которой он присоединился, поднимала восторженный крик. После фракийской кампании он получил прозвище: Базилиск Маленький царь.

Легенда об Александре летела впереди него самого. Возглавляя военную операцию против медов, Александр напал из-за скалы сразу на двух воинов и справился с обоими, не дав им времени предупредить остальных; собственные люди юного правителя не поспевали за ним. Двенадцатилетняя девочка-фракийка, бросившаяся к его ногам, когда за ней гнались

солдаты, провела в его палатке всю ночь, и он не дотронулся до нее даже пальцем, а после одарил приданым. Он встал между четырьмя повздорившими македонцами, которые уже выхватили мечи, и прекратил драку голыми руками. Когда в горах разразилась гроза и молнии ударяли в скалы, так что солдатам казалось, что боги вознамерились уничтожить их всех, до последнего человека, Александр увидел в этом предвестие удачи, заставил солдат двигаться, рассмешил их. Кому-то Базилиск перевязал рану собственным плащом, сказав, что цвет крови благороднее пурпура; кто-то умер у него на руках. Еще кто-то, решивший испробовать на нем старые солдатские штучки, горько пожалел об этом. Если Александр отвернется от тебя — держи ухо востро. Но если твое дело правое, он обязательно поможет тебе.

Когда солдаты видели, что Александр бежит к штурмовым лестницам в свете падающих со стен огневых снарядов, яркий и быстрый, как огонь, зовущий воинов за собой так, как если бы звал на пир, они откликались всей душой и стремились быть поближе к нему. «Следи за ним, он думает быстрее тебя», — говорили солдаты.

При всем этом осада подвигалась вяло. Пример Олинфа привел к обратному: жители Перинфа решились стоять до последнего и умереть, если понадобится. И до этой последней минуты было еще очень далеко. Хорошо снабжаемые с моря, защитники города яростно отражали атаки и часто устраивали ответные вылазки. Теперь они сами подавали пример остальным. Из Херсонеса, лежавшего к югу за Великой Восточной дорогой, пришла весть, что покоренные греческие города собрались с духом. Афиняне долго пытались подтолкнуть их к бунту, но они не соглашались принять афинские войска — скудно оплачиваемые и вынужденные жить за счет союзных земель. Ныне города осмелели. Форпосты Македонии были захвачены, ее крепостям угрожали. Война началась.

— Я очистил для тебя одну сторону дороги, отец, — сказал Александр, как только узнал новости. — Позволь мне очистить и другую.

— Так я и сделаю, когда подойдет подкрепление. Я использую его здесь, а тебе нужны люди, знающие местность.

Филипп планировал неожиданный штурм Бисанфы, надеясь отрезать ее от Перинфа; она помогала осажденным, став у царя костью в горле.

Филипп завяз в этой прибрежной войне гораздо глубже, чем ему хотелось, и вынужден был обратиться к наемникам. Они явились из Арголиды и Аркадии, областей, которые поколениями жили под угрозой нападения Спарты и поэтому поддержали растущее могущество царя; они равнодушно принимали гнев и ужас афинян. Но наемники стоили денег, которые осада пожирала, как песок — воду.

Наконец наемники явились, крепкие приземистые люди, из того же теста, что и Филипп — его аргосское происхождение читалось в нем и через поколения. Царь устроил наемникам смотр и созвал совет с их военачальниками, которым — к добру или худу — наемные войска подчинялись постоянно; это являлось слабым звеном в цепи командования. Впрочем, аргивяне были опытными воинами, стоившими своей платы. Александр же с войском отправился на запад; солдаты, бывшие с ним во Фракии, относились к остальным как опытные ветераны к новичкам.

Поход Александра был стремителен. Мятеж еще только зарождался; несколько городов, охваченные страхом, изгнали возмутителей спокойствия и поклялись в преданности. Те же, кто успел связать себя обязательствами перед

Афинами, радовались будоражащей новости: боги наслали на Филиппа безумие, и он доверил армию шестнадцатилетнему мальчику. Эти города послали Александру вызов; он осадил их один за другим, изучая местность, нащупывая слабое место в обороне или, если слабых мест не было, используя подкопы, тараны, бреши. Александр хорошо усвоил уроки Перинфа и сумел ввести некоторые новшества. Сопротивление вскоре угасло; оставшиеся города открыли ворота, приняв его условия.

По дороге из Аканфа Александр видел путь Ксеркса: судоходный канал через перешеек Атоса, проведенный для того, чтобы персидский флот мог безопасно пережидать горные бури. Огромная снежная вершина вздымалась над поросшими густым лесом склонами. Армия повернула на север, следуя вдоль берега чудесного залива.

У основания лесистых холмов виднелись остатки давно разрушенного города. Руины стен поросли ежевикой, насыпи виноградников размыли зимние дожди, по заброшенным оливковым рощам бродило только стадо коз, пощипывающих сорняки; несколько голых мальчишек-пастухов продирались сквозь низкие ветки подлеска.

— Что здесь было? — спросил Александр.

Кто-то из солдат подъехал с вопросом к пастухам. Завидев его, мальчишки с пронзительными воплями обратились в бегство. Наименее проворного удалось изловить; он вырывался, как попавшая в сети рысь. Увидев, что полководец, к которому его подтащили, едва ли старше его собственного брата, мальчишка онемел. Когда безбородое чудо милостиво сообщило, что все, чего они хотят, — это узнать название погибшего города, пастушонок ответил:

— Стагира.

Колонна двинулась дальше.

— Я должен поговорить с отцом, — сказал Александр Гефестиону. — Старику пришло время получить свою плату.

Гефестион кивнул. Он понимал, что школьные дни миновали.

Когда договоры были подписаны, заложники присланы, укрепления усилены, Александр вернулся к Филиппу, все еще сидящему под Перинфом.

Царь дожидался сына, прежде чем двинуться к Бисанфе; ему необходимо было знать, что все устроилось. Филипп решил выступить в поход сам, оставив вместо себя Пармениона, поскольку взять Бисанфу было еще тяжелее: с трех сторон

город защищали Пропонтида и Золотой Рог, со стороны суши высились неприступные стены. Все свои надежды царь возлагал на внезапность нападения.

Вдвоем, за тем же столом, обсуждали они план кампании. Филипп часто забывал, что разговаривает не со взрослым мужчиной, пока какая-нибудь походя брошенная непристойность не заставляла мальчика напрячься. Сейчас это случалось реже; грубость, настороженность, раздражительность почти ушли из их отношений, согретых тайной взаимной гордостью.

— Как ты поступишь с аргивянами? — спросил Александр как-то за обедом, вскоре после своего прибытия.

— Оставлю их здесь. Парменион справится с ними. Они явились, как я полагаю, покрасоваться: привыкли на юге к полуобученным союзным войскам. Наши люди знают, где их слабое место, и дали им это понять. Да кто они такие, солдаты или невесты? Хорошая плата, хорошая пища, хорошее жилье — и все не по ним. Они дуются на учениях, не любят сариссу; у них руки растут из задницы, и наши мужики смеются. Что ж, они могут остаться, дело найдется и для их коротких копий. Аргивяне распустили было перья

перед моими людьми, но им приходится подтянуться. Так говорят их военачальники.

Александр, подбирая кусочки рыбы хлебом, сказал:

— Прислушайся.

Вопрос об аргивянах Александр задал потому, что до него донеслись полувнятные крики недовольства. Теперь вопли стали громче.

— Поглоти их Аид, — сказал царь. — Что на этот раз?

Отчетливо слышались оскорбления, выкрикиваемые на греческом и македонском.

— Что угодно заставит их распустить язык, когда они на взводе. — Филипп оттолкнул стул, вытирая пальцы о свое обнаженное бедро. — Петушиный бой, ссора из-за мальчишки… Парменион делает рекогносцировку.

Шум усиливался; к каждой стороне подошло подкрепление.

— Ерунда, я справлюсь с ними сам, — заявил Филипп.

Хромая, он заковылял к двери.

— Отец, сейчас они опасны. Почему бы тебе не надеть доспехи?

— Что? Нет, это лишнее. Они заткнутся, как только меня увидят. Аргивяне не желают счи-

таться с чужими военачальниками, это плохо.

— Я тоже иду. Если военачальники не могут их унять…

— Нет, нет, ты мне не нужен. Доедай. Симмий, держи мою порцию на огне.

Филипп вышел как был, вооруженный одним только мечом, с которым не расставался. Александр встал у двери, глядя ему вслед.

Между городом и укрепленным лагерем осаждающих оставалась широкая полоса, пересеченная щелями траншей, тянувшихся к осадным башням; там и тут стояли форпосты. Здесь, между часовыми или сменявшейся охраной, и завязалась потасовка, хорошо видная всему лагерю, так что драчуны быстро получили подкрепление. Их было уже несколько сотен; греки, оказавшиеся ближе, числом превосходили македонцев. Злобные насмешки перелетали от одних к другим. Перекрывая шум, военачальники обменивались упреками, причем каждый грозил именем царя. Филипп сделал несколько шагов, огляделся, криком подозвал какого-то верхового, скачущего к толпе. Тот спешился, подсадил царя, и Филипп галопом понесся вперед, призывая к молчанию со своей живой трибуны.

Царь редко пользовался устрашением. Повисло

молчание, толпа расступилась, пропуская его. Когда она снова сомкнулась, Александр заметил, что лошадь Филиппу попалась норовистая.

Оруженосцы, прислуживавшие за столом, возбужденно переговаривались, почти не понижая голоса. Александр смерил их взглядом; мальчишкам следовало ждать приказаний. В соседней с домом царя хижине помещалась охрана; в дверном проеме торчало множество любопытных.

— Вооружайтесь! — крикнул Александр охранникам. — Скорее!

Филипп пытался совладать с лошадью. Его властный голос теперь звучал сердито. Конь встал на дыбы и, должно быть, задел кого-то: послышался возмущенный вопль, нарастала брань. Внезапно лошадь пронзительно заржала и, выпрямившись, начала оседать; царь все еще держался. Потом лошадь и всадник исчезли в бушующем воющем водовороте.

Александр подбежал к висящим на стене доспехам, схватил шлем и меч — на возню с остальным не было времени — и крикнул оруженосцам:

— Под царем убили лошадь. Скорее!

Александр бежал впереди, не оглядываясь, далеко ото всех оторвавшись. Македонцы выскакивали из казарм. Теперь все решали мгновения.

Александр тараном врезался в толпу. Перед ним расступились. Здесь преобладали зеваки, простые любопытные, готовые подчиниться любому.

— Дайте пройти! Пропустите меня к царю! — Александр слышал слабеющий храп умирающей лошади, перешедший в стон, но Филипп молчал. — Назад! Назад, дайте пройти! С дороги, мне нужен царь.

— Мальчик хочет к папочке, — раздались насмешливые слова совсем рядом.

Широкоплечий, заросший бородой аргивянин, ухмыляясь, преградил Александру путь.

— Взгляните-ка: ну и петушок! — осклабился бородач.

Последнее слово застряло у него в горле. Рот и глаза грека широко раскрылись, из горла хлынула кровь. Уверенным привычным движением Александр вытащил свой меч.

Люди расступились, стала видна все еще дергающаяся лошадь, лежавшая на боку, животное придавило Филиппу ногу. Царь неподвижно лежал рядом. Над ним заносил копье аргивянин — в нерешительности, ожидая одобрения. Александр бросился к отцу.

Греки теснились и топтались на месте, маке-

донцы начинали напирать. Александр встал рядом с телом отца, прижатого к земле начинавшей коченеть лошадью. «Царь!» — крикнул он, чтобы указать дорогу своим людям. Вокруг Александра нерешительно переминались солдаты: каждый подзуживал соседа, чтобы тот напал первым. Для всех, кто стоял у Александра за спиной, он был легкой мишенью.

— Это царь. Я убью первого, кто прикоснется к нему! — крикнул Александр.

Кое-кто испугался. Александр устремил глаза на человека, который, судя по тому, как на него смотрели, был душой мятежа.

— Расходитесь, живо, — процедил Александр. — Или вы сошли с ума? Думаете, что сможете выбраться из Фракии живыми, если убьете его или меня?

Кто-то пробормотал, что они выбирались и не из таких мест, но ни один человек не двинулся с места.

— Повсюду мои люди, гавань в руках у врага. Или вам надоело жить?

Внутренний голос, дар Геракла, заставил Александра резко обернуться. Он едва ли успел разглядеть лицо поднявшего копье солдата — только незащищенное горло. Лезвие меча Александра

разрубило греку трахею; солдат отшатнулся, липкими от крови пальцами зажимая рану, из которой со свистом вырывался воздух. Александр приготовился сражаться с остальными, но в эту минуту сцена переменилась; он внезапно увидел спины царских телохранителей и сомкнутые перед отхлынувшими рядами аргивян щиты. Гефестион, задыхаясь, как преодолевший сильный прибой пловец, встал у Александра за спиной, готовый отразить натиск. Все было кончено.

Александр осмотрел себя. На нем не было ни единой царапины, он успевал нанести удар первым. Гефестион о чем-то спросил, и он ответил с улыбкой. Сияющий, спокойный, Александр был окружен своей тайной — божественной свободой побеждать страх. Мертвый страх лежал у ног Александра, у ног победителя.

Появившиеся военачальники, грубовато покрикивая на своих людей, привычно унимали суматоху. Колебавшиеся быстро присоединились к зрителям; отхлынув, как волна, они обнажили площадку с десятком мертвых и раненых. Всех, кто находился рядом с царем, взяли под стражу и увели прочь. Труп лошади оттащили в сторону. Мятеж был подавлен. Крик поднялся снова, но уже в задних рядах, где люди не видели,

что происходит на самом деле, и страх питался молвой.

— Александр! Где наш мальчик? Неужели эти сукины дети убили его? — Потом, переходя в глубокий басовый контрапункт: — Царь! Они убили царя! Царь мертв! — И выше, словно в ответ на вопрос: — Александр!

Александр стоял, будто неподвижная скала в бушующем море, глядя в синее сияющее небо над собой.

— Государь, государь, как вы? — раздалось поблизости. — Государь?

Александр моргнул, словно пробуждаясь ото сна, потом опустился на колени рядом с остальными и дотронулся до тела.

— Отец? Отец?

Он сразу же почувствовал, что Филипп дышит. В его волосах запеклась кровь, меч был наполовину вытащен из ножен; царь, должно быть, тянулся за ним, когда его ударили, видимо, эфесом; аргивянин в последний миг струсил и не решился пустить в ход лезвие. Глаза Филиппа были закрыты, он вяло обвис на поднявших его руках. Александр, помня уроки Аристотеля, оттянул веко здорового глаза; веко дернулось и закрылось.

— Щит, — сказал Александр. — Кладите осторожно. Я подержу голову.

Аргивян увели в казармы; македонцы толпились вокруг, спрашивая, жив ли царь.

— Он оглушен, — сказал Александр. — Скоро ему станет лучше. Других ран нет. Мосх! Пошли гонца, пусть всех известит. Сиппий! Прикажи катапультам открыть огонь. Взгляни, со стен на нас глазеют, я хочу пресечь эту забаву. Леоннат, я буду с отцом, пока он не придет в себя. Принеси мне что-нибудь.

Солдаты положили царя на постель. Александр осторожно отнял свою руку — всю в крови — и положил под голову отца подушку. Филипп застонал и открыл глаз.

Старшие военачальники, чувствовавшие себя вправе быть рядом, поспешили уверить его, что все в порядке, армия под контролем.

— Принеси мне воды, — сказал стоявший у изголовья Александр одному из оруженосцев. — И губку.

— Это твой сын, царь, — сказал кто-то. — Твой сын спас тебя.

Филипп повернул голову и слабо пробормотал:

— Да? Хороший мальчик.

— Отец, ты видел, кто из них тебя ударил? —

спросил Александр.

— Нет, — сказал Филипп, его голос окреп. — Он напал сзади.

— Надеюсь, я убил его. Одного я убил. — Серые глаза Александра испытующе смотрели в лицо царя.

Филипп устало моргнул и вздохнул.

— Хороший мальчик. Я ничего не помню, ничего до той минуты, когда очнулся здесь.

Вошел оруженосец с кувшином воды. Александр взял губку и смыл с рук кровь — очень тщательно, два или три раза протерев их губкой. Потом повернулся к выходу; оруженосец в замешательстве застыл с кувшином в руках, но, опомнившись, подошел к царю, чтобы омыть его лоб и волосы. Он полагал, что наследник просил воду именно для этого.

К вечеру, несмотря на слабость и приступы головокружения, Филипп мог отдавать приказы. Аргивян отправили прочь, к Кипселе. Александра приветствовали всюду, где бы он ни появился; солдаты дотрагивались до него — на счастье, или чтобы к ним перешла часть его доблести, или просто ради того, чтобы дотронуться. Осажденные, ободренные беспорядками, в сумерках вышли за ворота и напали на осадную башню.

Александр повел отряд и выбил их с занятых позиций. Врач объявил, что царь поправляется. Один из оруженосцев остался сидеть с ним. Уже за полночь Александр добрался до постели. Ему отвели отдельный дом. Теперь он был полководцем.

В дверь привычно поскреблись. Александр снова застелил одеяло и подошел открыть. Когда назначалась эта встреча, Гефестион знал, что Александр хочет одного — поговорить. Гефестион всегда все видел.

Друзья обсудили бой, приглушенно говоря в подушку, и вскоре замерли. Стали слышны звуки лагеря, с крепостных стен Перинфа доносились отдаленные голоса ночных дозорных и стрекот их трещоток, подтверждающих, что стража бодрствует.

— Что такое? — прошептал Гефестион.

В смутном мерцающем свете от окна он увидел, как сияющие глаза Александра приблизились к его лицу.

— Филипп говорит, что ничего не помнит. Но он уже пришел в сознание, когда мы подобрали его.

Гефестион, которому однажды у фракийской стены в голову попал камень, предположил:

— Он потерял память.

— Нет. Он притворялся мертвым.

— Да? Ладно, кто его осудит? Царь не мог даже сесть, все вертелось перед глазами. Он думал, аргивяне испугаются содеянного и разойдутся.

— Я открыл ему глаз и знаю, что он меня видел. Но не подал мне знака, хотя и понял, что все кончено.

— Весьма возможно, что он опять лишился чувств, — сказал Гефестион.

— Я наблюдал за отцом, он был в сознании. Но утверждает, будто не помнит ничего.

— Ну, он царь. — Втайне Гефестион относился к Филиппу почти с любовью: царь всегда был с ним вежлив, даже деликатен, и, главное, у них был общий враг. — Люди могут понять неправильно, ты знаешь, как они все искажают.

— Мне бы он мог сказать. — Глаза Александра, блестевшие в полутьме, были прикованы к лицу Гефестиона. — Он не желает помнить, что лежал там, зная, что обязан мне жизнью. Отец не желает признать это, не хочет даже вспомнить.

«Кто может знать причину? — думал Гефестион. — Или даже захочет докапываться до истины? Но Александр знает, и ничто не заставит его забыть». Рука Гефестиона обнимала обнаженное

плечо Александра, слабо поблескивающее в свете, как темная бронза.

— Возможно, у него есть своя гордость. Ты должен понимать, что это такое, — сказал Гефестион.

— Да, понимаю. Но на его месте я бы сказал.

— Что за нужда? — Рука Гефестиона скользнула по бронзовому плечу в спутанные волосы; Александр дернулся, как дикое животное, которое пытаются погладить. Гефестион вспомнил, как по-детски вел он себя вначале; временами ему казалось, что это было вчера, а иногда — что прошло полжизни. — Все это знают. Он знает, ты знаешь. С этим ничего нельзя сделать.

Он почувствовал, как Александр протяжно, глубоко вздохнул.

— Да. Ты прав, ты всегда все понимаешь. Филипп дал мне жизнь, он так говорит, по крайней мере. Так это или нет, теперь я вернул ему долг.

— Да, теперь вы квиты.

Александр смотрел в черное переплетение стропил.

— Никто не в силах превзойти богов в щедрости, можно только пытаться понять их дары. Но быть свободным от долгов перед людьми — это хорошо.

Александр решил, что наутро принесет жертву Гераклу. Тем не менее он чувствовал сильнейшее желание немедленно кого-нибудь осчастливить. И ему не надо было далеко ходить.

— Я предупреждал отца не тянуть с трибаллами, — сказал Александр.

Вдвоем с Антипатром они сидели за огромным столом в рабочей комнате царя Архелая, над письмом, полным дурных новостей.

— Рану Филиппа считают опасной? — спросил Антипатр.

— Он не смог подписать послание; только печать и свидетельство Пармениона. Я сомневаюсь, что он додиктовал письмо до конца. Последняя часть сильно напоминает слог Пармениона.

— У Филиппа крепкое тело, твой отец живуч. Это черта вашего рода.

— Чем занимались царские прорицатели? С тех пор как я уехал, все пошло наперекосяк. Может, послать в Дельфы или Додону[56], на случай если какого-нибудь бога требуется умилостивить?

— И тогда по Греции пожаром пройдет новость, что удача отвернулась от Филиппа. Царь не по-

[56] Сноски: 56

Додона — знаменитейший после Дельф религиозный центр в Эпире. Додонский оракул располагался в храме Зевса. Женщины-жрицы прорицали по шелесту листьев священного дуба.

благодарит нас за это.

— Это верно, да, лучше не надо. Но посмотри на Бисанфу. Филипп все сделал правильно: успел осадить город, пока их основные силы были в Перинфе, выбрал облачную ночь, подошел к самым стенам. Но внезапно облака рассеялись, появилась луна, и собаки всего города залаяли. Залаяли в решающий момент… Осажденные зажгли факелы…

— В решающий момент? — переспросил Антипатр после паузы.

— Или, — сказал Александр отрывисто, — царь неправильно оценил погоду, она переменчива на Пропонтиде. Но раз Филипп решил снять осаду, почему бы не дать людям отдохнуть и не позволить мне взяться за скифов?

— Скифы оказались у него на фланге, представляя угрозу; если бы не они, Филипп мог бы закрепиться в Бисанфе. Твой отец всегда знал, когда можно идти на жертвы. Но его армия пала духом, она нуждалась в громкой победе и грабеже; солдаты получили то и другое.

Александр кивнул. Ему легко было с Антипатром, македонцем древнего склада, безраздельно преданным царю, на стороне которого он сражался в юности, но верным царю, а не человеку.

Это Парменион любил в Филиппе человека, а уж потом — царя.

— Да, получили. Тысяча голов скота, рабы, обоз с большой добычей, и это все на северной границе, где запах поживы разносится быстрее, чем летают канюки. Дух-то царь поднял, но если бы его люди не устали… Если бы только Филипп разрешил мне двинуться от Александрополя на север; тогда бы трибаллы его не тронули. — Название города укрепилось, переселенцы уже прижились. — Агриане выступили бы со мной, они были согласны… Ладно, сделанного не вернешь. Это счастье, что царского лекаря не убили.

— Я бы хотел пожелать Филиппу скорейшего выздоровления, прежде чем гонец уедет.

— Разумеется. Не будем беспокоить царя разговорами о делах. (Если нарочный вернется с приказом, будет ли это приказ Филиппа или Пармениона?) Тем временем нам придется обходиться своими силами. — Александр улыбнулся Антипатру. Он любил старика и за то, что его легко можно было очаровать, хотя Антипатр самым забавным образом этого не сознавал. — С войной мы справимся. Но дела на юге — совсем другое дело. Для царя это очень важно, он видит разные варианты, он знает о положении вещей боль-

ше нас. Жаль, что здесь мне придется принимать решения без него.

— Что ж, кажется, греки постарались на славу. Даже мы не смогли бы сделать лучше.

— В Дельфах? Я был там всего однажды, в двенадцать лет, на играх. Теперь повтори еще раз, чтобы я был уверен, что понял правильно: афиняне заложили новый жертвенник и получили предсказания прежде, чем он был освящен?

— Да, очередной подлог. Таково было формальное обвинение.

— Но в действительности ссора началась из-за надписи: «ЩИТЫ, ВЗЯТЫЕ У ПЕРСОВ И ФИВАНЦЕВ, ПОШЕДШИХ ВОЙНОЙ НА ГРЕЦИЮ», — сказал Александр. — Почему фиванцы не заключили союз с афинянами?

— Потому что ненавидели их.

— Даже тогда? Эта надпись разгневала фиванцев. И когда собрался Священный Дельфийский Союз, они постыдились сами изложить дело, а выбрали какой-то зависимый город, чтобы тот обвинил афинян в богохульстве.

— Амфисса. Это за Дельфами, вверх по реке, — пояснил Антипатр.

— И если бы обвинение подтвердилось, Союз был бы вынужден начать войну с Афинами. Афи-

няне послали трех своих представителей; двое слегли с лихорадкой, третьим был Эсхин.

— Ты, возможно, его помнишь. Семь лет назад он был одним из послов на переговорах о мире, — уточнил Антипатр.

— Да, я знаю Эсхина, он мой старый друг. Ты слышал, что когда-то он был актером? Он, должно быть, был хорош в импровизации. Когда Совет уже собирался принять предложение фиванцев, он внезапно крикнул, что амфиссийцы выращивают хлеб на пойменных землях, которые когда-то были посвящены Аполлону. Откуда-то Эсхин узнал об этом и перешел в атаку, выдвинув встречное обвинение. Каково? После его пламенной речи дельфийцы забыли об Афинах и кинулись разбираться с посланцами Амфиссы. Те полезли в драку, и священные персоны кое-кого из членов Совета пострадали. Это случилось прошлой осенью, после жатвы, — сказал Александр.

Сейчас была зима. По холодному кабинету, как всегда, гуляли сквозняки. Сын царя, подумал Антипатр, обращает на неудобства внимания еще меньше, чем Филипп.

— Теперь Совет собирается в Фермопилах, чтобы принять решение по поводу Амфиссы.

Похоже, мой отец не сможет присутствовать. Я уверен, царь был бы рад, если бы ты представлял его. Ты согласен, Антипатр?

— Ну разумеется, да, — с облегчением вздохнул Антипатр. Мальчик знал свои возможности, хотя и стремился к большему. — Я использую все свое влияние, когда смогу, где смогу, чтобы отложить решение до выздоровления царя.

— Будем надеяться, для него нашли дом потеплее, — кивнул Александр. — Фракия зимой не лучшее место для раненых. Вскоре нам придется просить у царя совета. Как ты думаешь, чем все кончится?

— В Афинах ничем. Даже если Совет обвинит Амфиссу, Демосфен выведет афинян из игры. Встречное обвинение было личным триумфом Эсхина, которого Демосфен ненавидит пуще яда и которого обвинил на Народном собрании в измене, когда их посольство вернулось от нас. Ты это, полагаю, знаешь.

— Как никто другой, — подтвердил Александр. — Частью обвинения стали его слишком теплые отношения со мной.

— Эти демагоги! — воскликнул Антипатр. — Да тебе всего было десять лет. Обвинение провалилось, и теперь Эсхин возвращается из Дельф

как народный герой. Демосфену это что полынь жевать. А самое главное, амфиссийцы поддерживают фиванцев, с которыми он не хочет враждовать.

— Но афиняне ненавидят фиванцев, — заметил Александр.

— Демосфену бы хотелось, чтобы нас они ненавидели больше. Военный договор с Фивами — это то, чего добивался бы на месте Демосфена любой здравомыслящий человек. В Фивах он может преуспеть; Великий царь послал ему кучу денег на подкуп союзников. Больше всего хлопот приносят сами афиняне со своей застаревшей враждой.

Александр сидел в задумчивости. Наконец он сказал:

— Сменилось четыре поколения с тех пор, как афиняне изгнали персов, а мы, как и фиванцы, стояли в стороне. Если Великий царь придет сейчас из Азии, они будут интриговать и валить вину друг на друга, пока мы воюем во Фракии.

— Люди меняются и за меньшее время. Македонцы сумели достичь величия за одно поколение благодаря твоему отцу.

— И ему только сорок три. Хорошо, я пойду немного разомнусь — на тот случай, если царь

все же оставит мне какую-нибудь работенку.

По дороге Александр встретил мать. Олимпиада спросила, какие новости. Александр прошел с матерью в ее комнату и рассказал столько, сколько считал нужным. Комната была натоплена, убрана и полна света; сияющие языки живого пламени плясали на нарисованном зареве пожара Трои. Александр украдкой посмотрел на очаг, на вынимающийся камень тайника, который он отодвигал в детстве. Олимпиада нашла сына чрезмерно замкнутым и обвинила в пособничестве Антипатру, который не остановится ни перед чем, чтобы причинить ей зло. Такое случалось все чаще, и Александр отделался обычными извинениями.

Уходя, Александр встретил на лестнице Клеопатру. В свои четырнадцать лет сестра больше чем когда-либо походила на Филиппа: угловатая, с жесткими курчавыми волосами; только взгляд был другим — так смотрит грустная нелюбимая собака. Полузаконные жены царя нарожали ему более миловидных дочерей. Клеопатра как раз входила в тот возраст, когда красота, по мнению Филиппа, становилась главным в девушке, а для Олимпиады лицо дочери было слепком с лица врага.

— Пойдем, — сказал Александр. — Я хочу поговорить с тобой.

В детстве они соперничали. Теперь Александр не опустился бы до этого. Сестра страстно, хотя и со страхом, желала его внимания, чувствуя, что, к чему бы ни шло, она окажется не на высоте. Совещаться с сестрой Александр считал глупостью.

— Спустимся в сад, — сказал Александр и, когда Клеопатра задрожала и обхватила руками свои плечи, дал ей свой плащ.

Они стояли у по-зимнему голой лужайки, куда вела задняя дверь из покоев царицы. Клеопатра вплотную прижалась к стене. Грязный снег комками лежал в ямах и между кустами. Александр говорил спокойно, он не хотел напугать сестру. Девочка видела, что сама по себе его не интересует, но все равно боялась.

— Послушай, — сказал Александр. — Ты знаешь, что случилось с отцом в Бисанфе?

Клеопатра кивнула.

— Его выдали собаки. Собаки и лунный серп.

Александр прочел ужас в ее печальных глазах. И ни тени сожаления. Дети Олимпиады взрослели рано.

— Ты меня понимаешь, — продолжал Александр. — Ты знаешь об обрядах, которые я имею

в виду. Ты видела… что-нибудь?

Клеопатра упрямо покачала головой; если она скажет, это выльется в одну из ужасных ссор брата с матерью. Взгляд Александра пронизывал ее, как зимний ветер, но страх сковывал сильнее. Внезапно взяв девочку за руку под складками плаща, брат стал серьезным и нежным.

— Я никому тебя не выдам, если ты скажешь мне. Клянусь Гераклом. Я никогда не нарушил бы этой клятвы. — Александр оглянулся на святилище в саду. — Скажи мне, ты должна сказать. Я должен это знать.

Спрятанные под плащом руки Клеопатры дрожали в руке Александра.

— Все как всегда; из этого никогда ничего не получалось. Если было что-то большее, я не видела. Поверь, Александр, это все, что мне известно.

— Да, да, я верю тебе, — сказал брат нетерпеливо; потом снова сжал ее руку. — Не позволяй ей колдовать. Отныне она не имеет права. Я спас отца под Перинфом. Он был бы сейчас мертв, если бы не я.

— Зачем ты это сделал? — спросила Клеопатра.

Они многое понимали без слов. Глаза девочки задержались на лице брата, которое не было лицом Филиппа, на грубо подстриженных сияющих

волосах.

— Было бы бесчестным не сделать этого. — Александр запнулся, подыскивая, как она поняла, понятные ей слова. — Не плачь, — добавил он, бережно проводя кончиком пальца под глазами Клеопатры. — Это все, что я хотел знать. Ты не можешь помочь.

Александр подвел сестру к дверям, но остановился на пороге и оглянулся по сторонам.

— Если мать захочет послать ему врача, лекарства, сласти, что угодно, дай мне знать. Ты должна, я рассчитываю на тебя. Если ты не сделаешь этого, ответственность ляжет на тебя.

Александр увидел, как побледнело ее лицо, но не от ужаса, а от изумления.

— Нет, Александр! Нет! Те вещи, о которых ты говорил, они никогда не помогают, и мать должна это знать. Но они ужасны, и если мать не может сдержать себя, они очищают ее душу от гнева. Это все, на что они годятся.

Александр посмотрел на сестру почти с нежностью и медленно покачал головой.

— Олимпиада думала иначе. — Он кинул на Клеопатру один из своих загадочных взглядов и понизил голос. — Я помню.

Грустные собачьи глаза Клеопатры потемнели

под грузом нового бремени.

— Но это было давно. Думаю, ты права. Ты хорошая девушка. — Александр поцеловал ее в щеку и слегка обнял за плечи, снимая свой плащ.

С порога Клеопатра следила, как он уходит прочь через мертвый сад. Казалось, что от светлых волос брата исходит сияние.

Тянулась зима. Царь медленно поправлялся во Фракии. Он уже мог подписывать письма, но его рука дрожала, как у старика. Филипп правильно оценил новости из Дельф и распорядился, чтобы Антипатр тайно поддерживал войну в Амфиссе. Фиванцы, хотя и принесшие Македонии обеты верности, были ненадежными союзниками, интриговавшими с персами; от их поддержки не осталось бы и следа, окажись царь в беде. Филипп предвидел, что члены Совета проголосуют за войну, каждый в надежде, что ее бремя понесут другие. Македония должна была неназойливо выказать дружескую готовность принять на себя эту обузу. Тогда ключи от юга будут в руках Филиппа.

Вскоре, когда зима перевалила за середину, Совет проголосовал за войну. Каждый город выставил чисто символическое войско, никто не стал соперничать, претендуя на лидерство.

Коттиф, фессалиец, будучи главой Совета, принял командование этой неуклюжей армией. Фессалийцы, которых царь избавил от межплеменных раздоров, в большинстве своем остались ему благодарны. У Филиппа не было сомнений, куда обратится Коттиф в трудный час.

— Началось, — сказал Александр своим друзьям, когда они ополаскивались под фонтаном у стадия. — Если бы только знать, сколько у нас времени.

Птолемей, вытирая голову полотенцем, заметил:

— Женщины говорят, что молоко, на которое смотрят, никогда не закипает.

Александр, решивший держать армию в полной готовности, выматывал их постоянными упражнениями; у Птолемея была новая любовница, с которой он предпочел бы видеться немного чаще.

— Женщины также говорят, — возразил Гефестион, — что стоит только отвести глаза, как молоко немедленно убежит.

Птолемей посмотрел на Гефестиона с раздражением: ему-то хорошо, он в избытке получает желаемое.

Гефестион получил наконец то, что не сме-

нил бы ни на какую иную судьбу; весь мир мог узнать об этом. Остальное было его тайной, и он смирился с этим. Гордость, целомудрие, сдержанность, преданность возвышенному — только с помощью этих слов он мог выносить столкновения с коренящимся в душе Александра отвращением, слишком глубоким, чтобы выдержать расспросы. Может быть, колдовство Олимпиады запугало ее сына, может быть, виной всему пример отца. Или, думал Гефестион, возможно, только в этом Александр не искал совершенства, и самая его природа восставала против этого; даже жизнь он доверил другу раньше и с большей охотой. Однажды во тьме Александр пробормотал по-македонски: «Ты первый и последний», и его голос дрогнул от наслаждения или нестерпимой печали. Однако большую часть времени Александр был искренен, близок, не уклонялся от объятий; он просто не считал это важным. Можно было вообразить, что подлинная любовь для него — лежать рядом и говорить.

Александр говорил о человеке и судьбе, о том, как он слышал во сне слова, произнесенные змеями, о боевом порядке конницы в сражениях с пешими войсками и лучниками; он цитировал строки Гомера о героях, рассуждения Аристотеля

об Универсальном Разуме, Солона — о любви; он говорил о тактике персов и военном искусстве фракийцев, о своей околевшей собаке, о красоте дружбы. Александр восстанавливал поход десяти тысяч Ксенофонта, шаг за шагом, от Вавилона до моря. Он пересказывал сплетни дворца, кладовой и казарм и поверял самые сокровенные замыслы обоих своих родителей. Александр обсуждал природу души в жизни и смерти и природу богов, говорил о Геракле и Дионисе и о всепобеждающей силе Желания.

В постели, под укрытием скалы в горах, в лесу на рассвете, чувствуя обнявшую его руку, тяжесть головы на своем плече, Гефестион слушал, понимая, что ему рассказывается все. С гордостью и благоговением, с нежностью, мучением и стыдом он терял нить разговора, и боролся с собой, и снова обретал способность понимать — только для того, чтобы увидеть, как что-то уходило безвозвратно. Сияющий золотой дождь, лившийся в его руки, утекал сквозь пальцы, пока его ум блуждал, ослепленный страстью — несоизмеримой с этими богатствами, но и непреодолимой. В любой момент Александр мог спросить, о чем он думает; его ценили больше, чем простого слушателя. Зная это, Гефестион сосредотачивался,

и беседа захватывала его, даже вопреки желанию. Александр умел пробуждать в собеседнике воображение, как другие пробуждают в любовнике желание. Порой, когда друг весь светился изнутри и был полон благодарности за то, что его поняли, Желание, которое обладает всепобеждающей силой, внушало Гефестиону нужное слово или прикосновение; Александр облегченно вздыхал, словно этот вздох вырывался из глубин его существа, и, запинаясь, рассказывал на македонском что-нибудь о своем детстве, и все было хорошо или так хорошо, как это только могло быть.

Александр любил отдавать, богам или людям, он любил достигать вершин в этом, как и во всем другом; он любил Гефестиона, которому прощал, теперь неизменно, столкновение духа с человеческими потребностями. Глубокую печаль после любви Александр терпел без жалоб, как рану. Ничто не давалось даром. Но если после этого Александр не попадал дротиком в цель или состязание в беге выигрывал с меньшим преимуществом, чем обычно, Гефестион терзался подозрением, что Александр — не выдавая себя ни словом, ни взглядом — думает, что доблесть оставила его.

Захваченный своими грезами, сквозь которые четкая ясная мысль вспыхивала, как кующееся в огне железо, Александр мог валяться на спине в траве, подложив руку под голову, или сидеть, уронив руки на лежащее на коленях копье, или мерить шагами комнату, или куда-то смотреть из окна, чуть склонив голову влево, поглощенный видениями творящего ума. Его вдохновенное лицо носило печать откровения, которую не передал бы ни один скульптор; за опущенными занавесями горел потайной светильник, и было видно то сияние вспышки, то мерцание огня сквозь щель. В такие минуты, когда, как думал Гефестион, даже бог едва ли смог бы противиться искушению, Александра, вопреки всему, нужно было оставлять одного. Но это Гефестион знал с самого начала.

Единожды поняв это, Гефестион смог до какой-то степени уяснить себе могущественную способность Александра направлять энергию Эроса на иные цели. Его собственные амбиции были более ограниченны, он уже исчерпал их предел. Гефестиону всецело доверяли, он был глубоко, неизменно любим.

Истинные друзья делят все. Но кое-что Гефестион счел за лучшее держать при себе: Олимпиада

ненавидела его, и он возвращал ей эту ненависть сполна.

Александр не говорил об этом; мать должна была знать, что здесь натолкнется на скалу. Гефестион, когда царица молча проходила мимо, приписывал это простой ревности. Удачливому любовнику трудно щадить проигравшего соперника; он не испытывал к ней жалости, даже когда не знал всего.

Гефестиону понадобилось время, чтобы поверить своим глазам: Олимпиада подсылала к Александру женщин. Разве соперничество с ними для царицы не горше? Служанки, приезжие певицы и танцовщицы, молодые жены, которых содержали не строго, девушки, которые не осмелились бы вызвать гнев царицы, даже если бы это стоило им жизни, вертелись вокруг и строили глазки на каждом шагу. Гефестион ждал, пока Александр первым заговорит об этом.

Однажды вечером, сразу после того, как в зале зажгли лампы, Гефестион увидел, как Александра перехватила всем известная красотка. Александр быстро взглянул в ее томные глаза, обронил какую-то шутку и двинулся прочь с холодной улыбкой, которая погасла, когда он заметил Гефестиона. Друзья пошли рядом. Гефестион, видя,

что Александр еле сдерживается, беззаботно сказал:

— Не повезло Дориде.

Александр нахмурился, глядя прямо перед собой. Факелы отбрасывали на расписанные стены глубокие тени и зыбкие блики.

Внезапно Александр сказал:

— Мать хочет, чтобы я женился молодым.

— Женился? — удивленно переспросил Гефестион. — Как ты можешь жениться на Дориде?

— Не будь глупцом, — рассердился Александр. — Дорида замужем, она шлюха, ее последний ребенок родился от Гарпала.

Какое-то время друзья шли в молчании. Александр остановился за колонной:

— Мать хочет увидеть, как я кручу с женщинами, чтобы знать, что я готов.

— Но никто не женится в нашем возрасте. Только девушек выдают замуж, — возразил Гефестион.

— Мать много думает об этом и хочет, чтобы я подумал тоже.

— Но почему? — не понял Гефестион.

Александр взглянул на него, не столько удивляясь медлительности его ума, сколько завидуя невинности:

— Олимпиада хочет воспитать моего наследника. Я могу пасть в сражении, не оставив потомства.

Гефестион понял. Он мешал большему, чем любовь, большему, чем безраздельное обладание. Гефестион мешал власти. Пламя факелов затрепетало, порыв ночного ветра холодом обдал его шею.

— И ты согласен? — осторожно спросил он.

— Жениться? Нет, я выберу по своему вкусу, когда у меня будет время подумать об этом, — сказал Александр.

— Тебе придется обзавестись домом, а это большие хлопоты. — Гефестион посмотрел на удивленно приподнятые брови Александра и добавил: — А девушки… их можно позвать и бросить когда угодно.

— Об этом я и думаю. — Александр посмотрел на Гефестиона с бессознательной благодарностью. Потянув его за руку в тень колонны, он мягко сказал: — Не беспокойся об этом. Мать никогда не осмелится отнять тебя у меня. Она меня слишком хорошо знает.

Гефестион кивнул, не желая признаваться, что понял скрытое значение этих слов. Он действительно слишком поздно стал замечать, какое

место ему отвели.

Немного погодя Птолемей, оставшись с Александром наедине, сказал ему:

— Меня попросили устроить для тебя ужин и пригласить кое-кого из девушек.

Их глаза встретились.

— Я, наверное, буду занят, — сказал Александр.

— Я буду благодарен тебе, если ты придешь. Я прослежу, чтобы тебе не докучали; они просто будут петь и развлекать нас. Ну как? Я не хочу неприятностей.

На севере не было обычая ужинать с гетерами; женщины были частным делом мужчины; не Афродита, но Дионис завершал пир. В последнее время среди молодых людей, устраивавших вечеринки, вошли в моду греческие манеры. На ужин явились четверо гостей; девушки сидели на краю их лож, щебетали, пели и играли на лире, наполняли кубки вином, приводили в порядок венки; пирующие словно перенеслись в Коринф. Александру хозяин предназначил самую старшую, Калликсену, опытную и образованную гетеру, пользовавшуюся некоторой известностью. Пока обнаженная девочка-акробат кувыркалась в воздухе, а пары на других ложах достигали взаимопонимания, тайком по-

глаживая и пощипывая друг друга, Калликсена рассказывала своим медовым голосом о красотах Милета, в котором недавно побывала, и царящей там тирании персов. Птолемей хорошо ее вымуштровал. Один раз, изящно наклонившись, она позволила платью соскользнуть с плеча, открывая ее превозносимую всеми грудь, но, как Александру и было обещано, ее такт оказался безукоризненным. Он насладился ее обществом и на прощанье поцеловал сладкие, соблазнительно изогнутые губы.

— Не знаю, — сказал Александр Гефестиону, лежа в постели, — почему моя мать так хочет видеть меня порабощенным женщинами. Думается, она достаточно насмотрелась на моего отца.

— Все матери сходят с ума по внукам, — ответил Гефестион снисходительно.

Вечер оставил в Александре смутную неудовлетворенность и сделал его восприимчивым к ласкам.

— Подумай о великих людях, которых погубили страсти. Взгляни на Персию.

Поддавшись мрачному настроению, Александр процитировал из Геродота устрашающую историю ревности и мщения. Гефестион выказал надлежащий ужас. Его сон был сладок.

— Царица была довольна, — сказал Птолемей на следующий день, — что вечер тебе понравился.

Птолемей никогда не говорил сверх того, что было достаточным: черта характера, которую Александр высоко ценил. Александр послал Калликсене ожерелье из золотых цветов.

Зима близилась к концу. Два гонца из Фракии — первого задержал разлив рек — прибыли одновременно. В первом письме сообщалось, что царь начал понемногу ходить. Через моряков он получил вести с юга. Союзная армия, после многих хлопот и проволочек, добилась частичной победы; амфиссийцы приняли условия мирного договора: низложить предводителей правящей партии и вернуть из изгнания оппозицию. Последнее требование всегда было самым ненавистным: возвращаясь, изгнанники припоминали старые обиды. Амфиссийцы еще не выполнили его.

Из второго письма стало ясно, что Филипп напрямую связался со своими агентами на юге. Те доносили, что амфиссийцы продолжают поддерживать свое правительство, не обращая внимания на протесты; оппозиция не смеет вернуться. Коттиф, глава армии Союза, тайно снесся

с Филиппом: если Союз будет вынужден действовать, окажется ли царь готовым к войне?

Вместе с этим письмом пришло еще одно, скрепленное двойной печатью и адресованное Александру как наместнику. Филипп хвалил хорошее управление сына и сообщал, что, хотя он и надеется вскоре оправиться настолько, чтобы совершить переезд в Пеллу, дело не терпит отлагательства. Царь хотел, чтобы вся армия была приведена в боевую готовность. Однако не должно возникнуть подозрений, что эти приготовления касаются событий на юге; рассказать о планах царя можно только Антипатру. Для остальных должен быть найден какой-либо иной предлог. В Иллирии вспыхнула племенная междоусобица; следует распустить слух, что западные границы Македонии в опасности и войско будет поведено туда. Скупые распоряжения по подготовке и набору армии заключались отцовским благословением.

Как птица, выпущенная из клетки на свободу, Александр горячо взялся за дело. Когда он разъезжал по окрестностям Пеллы, отыскивая подходящее для маневров место, можно было слышать, как он поет в такт ударам копыт Букефала. «Если бы девушка, которую он любил

долгие годы, — думал Антипатр, — дала ему, внезапно смягчившись, слово, он все равно бы так не сиял».

Все время созывались советы; профессиональные военачальники выслушивали родовых вождей, которые командовали отрядами единоплеменников. Олимпиада спрашивала Александра, чем он постоянно занят и почему выглядит таким озабоченным. Александр отвечал, что вскоре надеется участвовать в приграничной войне с иллирийцами.

— Я давно ждала возможности поговорить с тобой, Александр. Я слышала, что, проведя с Калликсеной Фессалийской всего один вечер, ты одарил ее и больше ни разу не пожелал видеть, — сказала Олимпиада. — Эти женщины как артисты, Александр; у гетеры ее уровня есть своя гордость. Что она о тебе подумает?

Александр обернулся, на миг совершенно опешив. Он уже забыл о существовании Калликсены.

— Ты думаешь, — сказал он изумленно, — что у меня сейчас есть время развлекаться с девушками?

Пальцы Олимпиады впились в золоченые ручки кресла.

— Тебе будет восемнадцать этим летом. Люди могут сказать, что тебя не интересуют женщины.

Александр пристально смотрел на «Разорение Трои»: языки пламени, кровь, кричащие, простирающие руки пленницы, которых победители уносили, перекинув через плечо. Через мгновение он сказал:

— Я дам им другую тему для разговоров.

— У тебя всегда есть время для Гефестиона, — упрекнула сына царица.

— Гефестион думает о моем деле и помогает мне.

— Каком деле? Ты ничего мне не рассказываешь, — нахмурилась Олимпиада. — Филипп прислал тебе секретное письмо, ты даже не сказал мне. Что он пишет?

Холодно, точно, не останавливаясь, Александр выдал ей заготовленную выдумку об иллирийской войне. Олимпиаду потряс его неприязненный взгляд.

— Ты лжешь мне, — сказала наконец царица.

— Если ты так думаешь, зачем спрашивать?

— Я уверена, что Гефестиону ты рассказываешь все, — нахмурилась Олимпиада.

Чтобы Гефестион не пострадал, Александр

ответил:

— Нет.

— Люди судачат о тебе. Услышь это от меня, если не знал. Почему ты бреешься, словно грек?

— Я что же, не грек? Вот это новость! Тебе следовало объяснить мне это раньше.

Как два борца, которые, сплетясь, катятся к обрыву и начинают испытывать общий страх, они осеклись и переменили тему.

— Все твои друзья бреются, женщины показывают на них пальцем. Гефестион, Птолемей, Гарпал… — сказала Олимпиада.

Александр засмеялся:

— Спроси у Гарпала, почему они это делают.

Его выдержка раздражала Олимпиаду, но инстинкт подсказывал, что решающий удар останется за ней.

— Скоро твой отец захочет тебя женить. Своим видом ты даешь ему понять, что он должен не женить тебя, а выдавать замуж.

На секунду Александр онемел; потом очень медленно двинулся вперед, легко, как золотистая кошка, и остановился прямо перед матерью, глядя на нее сверху вниз. Олимпиада открыла рот, затем плотно стиснула зубы. Понемногу она отодвигалась назад, пока не прижалась к высокой

спинке своего подобного трону кресла и поняла, что дальше отступать некуда. Не отрывая от нее пристального взгляда, Александр тихо произнес:

— Ты мне этого никогда больше не скажешь.

Царица все еще сидела неподвижно, когда под окнами раздался стук копыт сорвавшегося в галоп Букефала.

Два дня Александр не появлялся; приказ царицы держать для сына двери закрытыми был напрасен. Потом пришел день праздника, оба неожиданно получили друг от друга подарки. Мир был восстановлен, но никто из двоих не попросил прощения.

Александр забыл об этой ссоре, когда пришли новости из Иллирии. Узнав, что царь Филипп вооружается против них, взбудораженные оседлые племена двинулись от границы к западному побережью.

— Я так и знал, — сказал Антипатр, совещаясь с Александром. — Это цена хорошей лжи: ей верят.

— Одно ясно: мы не можем их разуверять. Они перейдут границу со дня на день. Дай мне подумать, завтра я скажу тебе, сколько человек мне понадобится.

Антипатр перевел дыхание и промолчал: этому

он уже научился.

Александр и без отсрочки мог рассчитать свои силы; его больше занимало, как, не вызывая подозрений, избежать слишком большого скопления войск, предназначенных для вторжения на юг. Вскоре предлог подвернулся. Со времен Фокейской войны крепость Фермопил удерживалась македонским гарнизоном. Его только что, силой и без предварительного соглашения, сменили войска фиванцев. Фивы, объясняли они, вынуждены защищать себя от Дельфийского Союза, который, напав на их союзников амфиссийцев, открыто угрожал им самим. Со стороны формального союзника захват укреплений был самым враждебным поступком. После этого, разумеется, естественным было оставить большую часть собранной армии в Пелле, на случай нападения греков.

Иллирийцы представляли собой легкую задачу. Александр достал старые записи и карты отца, расспросил ветеранов о характере местности, гористой и изрезанной ущельями, устроил своим людям тренировочные походы. В один из таких дней Александр вернулся домой уже в сумерках, вымылся, поздоровался с друзьями, поел и, полусонный, поднялся в свою комнату, где сра-

зу же сбросил одежду. Холодный ветерок от окна принес струю незнакомого теплого запаха. Свет высокой лампы слепил глаза. Александр двинулся вперед. На его кровати сидела молоденькая девушка.

Александр молча смотрел на нее; девушка смутилась и опустила глаза, словно последним, что она ожидала здесь увидеть, был обнаженный мужчина. Потом она медленно встала, безжизненно уронив руки, и запрокинула голову.

— Я здесь, — сказала она, как ребенок, повторяющий заученный урок, — потому что люблю тебя. Пожалуйста, не прогоняй меня.

Александр уверенно шагнул к ней; первое потрясение прошло, ни одно живое существо не должно было видеть его колеблющимся.

Это создание не было похоже на раскрашенных, блистающих драгоценностями гетер с их расхожим обаянием, налетом многоопытности. Девушке было около пятнадцати лет. Прекрасная кожа, чудные льняные волосы, свободно распущенные по плечам, лицо в форме сердечка, синие глаза. Ее маленькая грудь была крепкой и высокой, сквозь рубашку из снежно-белого виссона просвечивали розовые соски. Ненакрашенный рот был свеж, как цветок. Александр почувство-

вал, что она скована страхом.

— Как ты сюда попала? — спросил он. — Снаружи стоит стража.

Девушка сжала руки:

— Я… я очень долго пыталась проникнуть к тебе. И воспользовалась первым удобным случаем.

Страх трепетал вокруг нее, как ветерок, он пронизывал воздух.

Александр не ожидал иного ответа. Он коснулся волос девушки, окутывавших ее тонким шелком, и она задрожала, словно струна на кифаре под легким ударом. Не страсть — ужас. Александр обнял ее обеими руками за плечи, чувствуя, как она постепенно успокаивается, точно испуганная собака.

Оба были молоды; их мудрая невинность влекла их друг к другу помимо воли. Александр стоял, держа девушку в объятиях, но в то же время настороженно прислушиваясь. Ни единого звука — и все же, казалось, комната дышит.

Александр поцеловал ее в губы; девушка была как раз нужного роста. Потом шутливо сказал:

— Стража, должно быть, заснула. Если они впустили тебя, могли впустить и еще кого-нибудь. Давай проверим.

Девушка следила за ним, скованная ужасом.

Еще раз поцеловав ее и загадочно улыбнувшись, Александр прошел в дальний конец комнаты, потряс тяжелые занавеси на окнах, одну за другой, заглянул в сундук и захлопнул его крышку. Оставался последний занавес, скрывающий боковую дверь. Александр отдернул его — там никого не было. Он щелкнул бронзовым засовом.

Вернувшись к девушке, он повел ее на постель. Александр был сердит, но не на девушку; ему бросили вызов.

Белое кисейное платье было скреплено на плечах золотыми пчелами. Он вынул булавки, развязал пояс, и платье облаком упало на пол. Ее кожа была молочно-белой, словно никогда не видела солнца, — вся, за исключением розовых сосков и золотистого пушка, которого никогда не изображают живописцы. Нежное бледное создание, ради которого герои десять лет сражались у Трои.

Александр лег рядом с ней. Юная и испуганная, будет благодарна ему за неторопливость и нежность; им нет нужды спешить. Ее рука, ледяная от страха, медленно поползла вниз по его телу: нерешительная, неопытная, вспоминающая наставления. Недостаточно было подослать ее, чтобы проверить, мужчина ли он; этому ребенку

велели помочь ему. Александр понял, что ласкает ее с невероятной бережностью, как новорожденного младенца, чтобы спасти от своего гнева на мать.

Александр взглянул на лампу, но задуть ее, чтобы потом стыдливо, неловко возиться в темноте, было бы своего рода поражением. Его рука лежала на ее груди: крепкая, коричневая от загара, исцарапанная горной куманикой. Какой хрупкой выглядела девушка; даже крепкий поцелуй оставил бы на ней синяки. Она спрятала лицо у него на плече. Без сомнения, ее заставили, она не хотела этого. Что ждет ее, если она потерпит неудачу?

А в лучшем случае, думал Александр, что будет с ней в лучшем случае? Ткацкий станок, брачное убранство, постель, колыбель, дети, глупая болтовня у очага, глушь, беспощадная старость и смерть. Никогда не узнает она прекрасных страстей, обручения с честью, огня с небес, который ярко вспыхивает на алтаре, когда страх побежден. Александр приподнял ее голову, всмотрелся в лицо. Для этой пропащей жизни, для существа, глядевшего на него нежно-синими глазами, беспомощно и ожидающе, была сотворена человеческая душа. Зачем так устро-

ено? Он содрогнулся; сострадание пронзило его, как огненное жало.

Он думал о павших городах, пылающих стропилах домов, о женщинах, бегущих из огня, как бегут крысы и зайцы, когда последний ряд пшеницы валится под серпом жнеца и мальчишки ждут с палками наготове. Он вспомнил мертвые тела, которые оставляли за собой те, кому право победителя на соитие, удовлетворившее бы и диких зверей, казалось недостаточным. Они должны были отомстить за что-то, утишить ненасытную ненависть — возможно, к самим себе, возможно, к тому, чье имя они не смогли бы назвать. Рука Александра осторожно искала раны на ее гладком теле, стоявшие у него перед глазами; но тело было невредимо, она ничего не поняла. Он поцеловал девушку, стараясь ободрить. Теперь девушка дрожала меньше, зная, что не будет изгнана. Он взял ее осторожно, с великой бережностью, думая о крови.

Чуть погодя она осторожно приподнялась, решив, что он заснул, и хотела выскользнуть из постели. Но Александр просто задумался.

— Не уходи, — сказал он. — Останься до утра.

Он был бы рад спать в одиночестве, не стесняемый этой чужой нежной плотью, но зачем

отправлять ее на допрос в такой час? Девушка не плакала, хотя и была девственницей, только передернулась от боли. Конечно, как же нет? Она должна представить доказательство. Александр был зол на мать, подвергшую всему этому невинного ребенка. Никто из богов не захотел ему открыть, что девушка переживет его на пятьдесят лет, до последнего своего дня похваляясь тем, что ей была отдана девственность Александра.

Ночь становилась холодной, Александр натянул одеяло ей на плечи. Если еще кто-то не ложится, дожидаясь ее, тем лучше. Пусть подождет.

Он встал, потушил лампу и лег, глядя в темноту, чувствуя, как его душа погружается в оцепенение — плата за то, что он стал заложником бренности. Умереть, даже если умирает небольшая часть тебя, можно только ради чего-то великого. Впрочем, произошедшее тоже было своего рода победой.

Александр проснулся с пением первых птиц на рассвете, он проспал; люди, которых он собирался повидать, уже могли уйти на плац. Девушка спала, ее рот немного приоткрылся, из-за этого она казалась скорее глупой, чем печальной.

Он так и не спросил ее имени. Александр тихо потряс девушку за плечо. Ее губы сомкнулись, синие глаза открылись. Она выглядела разморенной, теплой, нежной.

— Пора вставать, мне нужно заниматься делами. — Из вежливости он добавил: — Мне бы хотелось остаться с тобой подольше.

Девушка протерла глаза и улыбнулась. Александр ободрился: испытание позади, он справился. На простыне виднелось красное пятнышко, которое старые кумушки показывают гостям наутро после свадьбы. Предложить ей взять простыню с собой было бы справедливо, но слишком зло. Ему пришла лучшая мысль.

Александр затянул хитон поясом, подошел к шкатулке, где хранил свои драгоценности, и достал мешочек из мягкой лайковой кожи, потертый, украшенный золотой вышивкой. Он получил его не так давно, с большой торжественностью. Из мешочка выскользнула на ладонь большая брошь старой работы: два золотых лебедя, сплетающихся в брачном танце. Лебедей венчали короны.

«В течение двухсот лет это переходило от царицы к царице. Береги ее, Александр, это фамильная реликвия предназначена для твоей невесты».

Александр отшвырнул узорную кожу, его губы сжались. Но к девушке он подошел с улыбкой. Та только что закрепила булавки и завязывала пояс.

— Это тебе на память.

Девушка приняла подарок, широко раскрыв глаза, взвешивая в руке его тяжесть.

— Скажи царице, что ты доставила мне большое удовольствие, но впредь я буду выбирать сам. Потом покажи ей это и не забудь передать мои слова.

* * *

В прохладный ветреный весенний день войско вышло на запад от побережья и поднялось к Эгии. Здесь, на древнем алтаре Зевса, Александр принес в жертву непорочно-белого быка. Прорицатели, изучив дымящиеся внутренности, прочли по печени благое предзнаменование.

Войско миновало озеро Кастория, вздувшееся от таяния снегов; над голубой рябью его вод склоняли тонкие ветви полузатопленные ивы; потом через побуревшие за зиму кустарники поднялись на скалистые высоты холмов Линка, в земли Линкестиды.

Здесь Александр посчитал за лучшее надеть

шлем и кожаные налокотники, сделанные по найденному у Ксенофонта образцу. С тех пор как старый Эйроп умер и вождем стал юный Александр, ссор не возникало, и племя помогало Филиппу в последней войне против иллирийцев, но все же это была опасная страна, прекрасно приспособленная для нападений из засады, и линкестиды оставались линкестидами, вне зависимости от времени.

Однако линкестиды выполнили свои обязательства. Александра встретили все три брата, верхом на своих мохнатых, выносливых горных лошадках, вооруженные для похода, со значительным отрядом. Это были высокие, загорелые, бородатые люди, уже не похожие на тех юношей, которых он встречал на празднествах. Наследники древней распри, наконец улаженной, они с продуманной вежливостью обменялись приветствиями. На протяжении поколений их дома соединяли родство, война, соперничество и браки. Линкестиды когда-то были здесь царями, не один раз они добивались верховного владычества. Но они не были достаточно сильны, чтобы сдерживать напор иллирийцев. Филипп его сдержал, и это решило дело.

Александр принял традиционные гостевые

дары — еду и вино — и пригласил линкестидов на военный совет, который прошел на скалистой площадке, испещренной лишайниками и цветущим мхом.

Одетые, по жестокой необходимости приграничной жизни, в расшитые стальными пластинами кожаные туники и чашеобразные фракийские шлемы, линкестиды не могли отвести глаз от гладко выбритого лица юноши, который предпочитал выглядеть как мальчик, несмотря на то что уже побеждал мужчин. Доспехи Александра являли собой всю утонченную роскошь юга. Под его панцирем свободно играли мускулы, орнамент изящной инкрустации был таким гладким, что рука скользила. Высокий белый гребень венчал шлем; не для того, чтобы придать Александру роста, но чтобы люди могли легко находить его в битве: они должны были быть готовы к изменению планов всякий раз, как только это потребуется. Александр объяснил это линкестидам, поскольку для тех его тактика была внове. Линкестиды не верили в него, пока он не приехал, а увидев, стали верить еще меньше; но, когда на глазах у них испещренные шрамами сорокалетние ветераны ловили каждое слово юноши, они наконец успокоились.

Линкестиды торопились занять высоты над дорогами прежде, чем это сделает враг, и отбыли к Гераклее, плодородная равнина которой становилась предметом спора во многих войнах. К линкестидам здесь привыкли, как к аистам на кровле дома; они ободряли свой народ грубоватыми сельскими шутками и подходили поклониться святилищам богов, не известных в каком-либо другом месте. На Александра народ глазел, как на сказочное чудо, но они привыкли доверять своим вождям, поэтому не задавали вопросов.

Армия шла вверх, среди поднимающихся террасами виноградников на хорошей красной земле; вниз, мимо озера Преспа, покоившегося в каменной чаше скал, и дальше, пока в долине не улыбнулся сияющему небу голубой Лихнид, окаймленный тополями, белыми акациями и ясеневыми рощами. Город удачно уместился между заливами и каменистым высокогорьем, от которого сейчас поднимался дым войны. Иллирия вторглась в македонские земли.

По дороге, в небольшой горной крепости, соплеменники приветствовали линкестидов обычными изъявлениями преданности, но их взволнованные пересуды не достигали слуха

Александра. «Человек живет только однажды; мы бы не задержались здесь, подвергаясь такой опасности, если бы не услышали, что едет сын ведьмы. Это правда, что царица зачала его от демона в образе змеи? Что он неуязвим для оружия? Правда, что он родился в сорочке?» Крестьяне, для которых посещение ближайшего рынка в десяти милях от их деревни уже было поводом для великого празднества, никогда прежде не видели бритого мужчину и спрашивали у тех, кто пришел с востока, не евнух ли он. Люди, которым удалось протиснуться поближе, докладывали родичам, что неуязвимость наследника — ложь; столь юный, он уже был покрыт боевыми шрамами; но все в один голос подтверждали, что Александр не человек — это становилось понятным, стоило только заглянуть ему в глаза. В пути Александр запретил солдатам убить громадную гадюку, пересекавшую дорогу, крикнув, что змея предвещает удачу. На него смотрели настороженно, но с надеждой.

Сражение дали у озера, посреди ясеней, плодовых деревьев и серебристо поблескивающих тополей, на склонах, покрытых желтыми мальвами и голубыми ирисами. Солдаты топтали цветы и оставляли на них капли своей крови.

Прозрачные голубые воды озера замутнились и вспенились; аисты и цапли попрятались в камышах; стервятники слетелись на падаль, ревниво следя друг за другом и падая вниз, как только кто-то из сородичей устремлялся на трупы, горой лежавшие на заросших травой берегах или выброшенные водой на камни.

Линкестиды подчинялись приказам и сражались доблестно. Они оценили выбранную Александром тактику, благодаря которой иллирийцы оказались зажатыми в ловушке между скалами и берегом. Врага загнали в западные горы со снежно-белыми вершинами и дальше, в ущелья, где иллирийцев, несмотря на сопротивление, вытеснили из своих укреплений и обрекли на смерть или плен.

Линкестиды были удивлены, увидев, что Александр, столь свирепый в бою, берет пленных. Они полагали, что солдаты, прозвавшие его Василиском[57], намекали на венценосного дракона, взгляд которого убивает людей. Но теперь, когда сами линкестиды не стали бы щадить никого из своих заклятых недругов, Александр заключил

[57] Сноски: 57

Василиск (*лат.* Basiliscus, от *греч.* царь) — мифический чудовищный змей, наделенный сверхъестественной способностью убивать не только ядом, дыханием, но и взглядом.

мир, словно враги и не были варварами.

Иллирийцы — высокие, гибкие, темноволосые горцы — внешне напоминали линкестидов; кровь их предков не раз смешивалась. Косса, вождя, возглавлявшего набег, схватили в ущелье у реки живым. Связанного, его привели к Александру, ждавшему на берегу мрачно пенящегося потока, который считался границей двух земель. Косс был младшим сыном великого Барделиса, старого врага царя Филиппа, внушавшего ужас жителям приграничных областей до самого дня своей смерти, когда он девяноста лет от роду пал с оружием в руках. И Косс, седобородый пятидесятилетний воин, крепкий и прямой, как копье, бесстрастно, скрыв удивление, смотрел на мальчика с глазами мужчины, сидящего на лошади, которая сама по себе стоила набега.

— Ты разорил наши земли, — сказал Александр, — угнал скот, разграбил наши города, захватил наших женщин. Чего, по-твоему, ты заслуживаешь?

Косс знал македонский достаточно, чтобы понять Александра. Он не нуждался в помощи стоявшего рядом толмача. Долгим взглядом окинув лицо юноши, вождь ответил:

— Не будем спорить о том, чего я заслуживаю.

Поступай со мной, сын Филиппа, так, как считаешь нужным ты.

Александр кивнул:

— Развяжите его и верните меч.

Косс потерял в битве двоих из своих двенадцати сыновей; еще пятеро были пленены. Троих Александр освободил без выкупа, двоих оставил в заложниках.

Александр пришел укрепить границу, а не развязывать новую войну. Хотя и проникнув вглубь Иллирии, он не сделал попытки присоединить к Македонии земли за озером Лихнид, где Филипп давным-давно одержал свои победы и где пределы его страны охраняли боги границ. Один поход — одно дело.

Это была первая настоящая кампания Александра. Предоставленный самому себе, он пришел в незнакомую страну и справился со всем, что там обнаружил; люди сочли это величайшей победой. Александр один знал тайну: настоящая война впереди. Оставшись наедине с Гефестионом, он сказал:

— Постыдно было бы мстить Коссу.

Прозрачные воды озера Лихнид успокоились; муть сражения улеглась, щуки и угри дочиста обглодали трупы погибших. Смятые лилии засну-

ли, чтобы с новой силой зазеленеть на будущий год, белый цвет акаций под порывами свежего ветра упал, как снег, скрывая кровь. Вдовы оделись в траур, искалеченные солдаты, неуклюже двигаясь, вернулись к своим прежним ремеслам, сироты познали голод, который никогда не испытывали прежде. Люди приняли свою судьбу, как принимали падеж скота или град, побивший оливковые рощи. Все, даже вдовы и сироты, принесли благодарственные жертвы в святилищах богов; иллирийцы, знаменитые разбойники и работорговцы, могли и победить. Их боги, милостиво принявшие жертвы, сокрыли от проигравших одно: они были средством, а не целью. В горе сильнее, чем в радости, человек хочет верить, что вселенная вращается вокруг него.

Несколькими неделями спустя царь Филипп вернулся из Фракии. Афинские корабли стали угрожать побережью, и морское путешествие, наиболее удобное для больного, стало невозможно. Большую часть пути Филипп проделал на носилках, но перед самой Пеллой сел в седло, чтобы показать, что может это сделать. Пришлось помочь ему спешиться. Александр, видя, что каждый шаг все еще причиняет отцу боль, подошел, чтобы тот оперся о его плечо. Отец

и сын шли рядом, под приглушенный рокот одобрения: ослабевший, сгорбившийся мужчина, постаревший на десять лет и потерявший былую мощь, и юноша, сияющий божественным светом, несущий победу, как олень — весенний бархат своих рогов.

Олимпиада, стоя у окна, торжествовала. Ее радость угасла, когда сразу же, как только царь лег, Александр зашел в его комнату и оставался там в течение двух часов.

Через несколько дней царю удалось спуститься к ужину в зал. Помогая ему сесть в ложе, Александр заметил, что одежда отца пропиталась запахом гноя. Привередливый в чистоте, он напомнил себе, что это запах почетной раны, и, видя, что глаза всех собравшихся следили, как неловко Филипп ковыляет по залу, сказал:

— Не обращай внимания, отец, каждый шаг, который ты делаешь, — свидетельство твоей доблести.

Все общество было приятно поражено. Прошло пять лет с того вечера, когда Александр принес на ужин кифару; многие еще помнили об этом.

Дома, при хорошем уходе, Филипп быстро поправлялся. Но хромать он стал еще сильнее; была повреждена та же самая нога, на этот раз — в под-

коленном сухожилии. Во Фракии рана загноилась, много дней царь лежал в лихорадке, между жизнью и смертью; когда весь гной вышел, сказал Парменион, в ноге осталась дыра, в которую входил кулак. Пройдут дни и дни, прежде чем Филипп сумеет сесть на лошадь без посторонней помощи, если вообще сумеет; но в седле царь держался прямо, с выучкой бывалого наездника. Через несколько недель Филипп устроил армии смотр и отметил похвалой хорошую дисциплину. Про себя он подумал, что в войсках уйма нововведений. Некоторые из них можно бы и оставить.

В Афинах, в знак формального объявления войны, разбили мраморную доску, подтверждавшую мирный договор с Македонией. Демосфен убедил практически всех граждан, что Филипп — варвар, опьяненный стремлением к власти, — смотрит на город как на источник поживы и рабов. То, что пять лет назад Афины были легкой добычей, но Филипп этим не воспользовался, являлось заслугой чьей угодно, только не царя. Позднее Филипп предложил Афинам, уже как союзник, принять участие в Фокейской войне, но Демосфен удержал их, заявив, что Филипп возьмет афинское войско в заложники; он не мог позволить такому количеству людей увидеть происходя-

щее собственными глазами: вернувшись домой, они стали бы вносить смуту в умы сограждан. Фокион, полководец, сделавший все возможное в войне с Македонией, подтвердил, что предложения Филиппа искренни, и с трудом избежал обвинения в государственной измене. Его спасла только репутация: общеизвестная неподкупность, благодаря которой Фокиона сравнивали с Аристидом Справедливым.

Для Демосфена это являлось постоянным источником досады. Он не сомневался, что золото, присланное ему персами, он тратит в интересах города; но кое-что прилипало к его рукам. Демосфен никому не был подотчетен, а траты посредника, несомненно, предусматривались. Персидское золото освободило его от рутины, его время теперь целиком принадлежало общественным занятиям; какая цель могла быть благороднее? Но он вынужден был остерегаться Фокиона.

В Великой войне со Спартой афиняне сражались за славу и господство; они вышли из нее, разгромленные в прах, обобранные до нитки. Они сражались за свободу и демократию, а подпали под власть тирании, наиболее свирепой из всех, сохранившихся в памяти их истории.

Все еще были живы старики, выдержавшие голодную осаду зимой, люди среднего поколения слышали об этом из первых уст, главным образом от тех, кто тогда разорился. Афиняне утратили веру в войны. Заставить их сражаться сейчас можно только одним способом: пригрозив гибелью. Шаг за шагом, Демосфен привел сограждан к мысли, что Филипп собирается уничтожить город. Разве он не разрушил Олинф? И наконец, афиняне отказались от общественных пособий, чтобы потратить деньги на флот; налог на богатых был поднят и платился не по старым равным ставкам, а исходя из ценности имущества.

Благодаря своему флоту Афины оказывались в большей безопасности, чем Фивы. Немногие понимали, как ошибается Демосфен, который считал, что количество определяет все. Морское могущество спасло и Перинф, и Бисанфу, и хлебный путь Геллеспонта. Если Филипп двинется на юг, ему придется идти сушей. Демосфен считался сейчас самым могущественным человеком в Афинах, символом их спасения. Союз с Фивами зависел от него, и он предал забвению былую вражду.

Фивы колебались. Филипп признал их власть над прилегающими землями Беотии — предме-

том векового спора, тогда как афиняне, заявив, что это противоречит демократии, стремились ослабить соперника, дав беотийцам самоуправление. Но Фивы контролировали дороги в Аттику, в этом заключалась их ценность для Филиппа; все их могущество, следствие сделки с царем, развеется, если тот заключит отдельный договор с Афинами.

Так они рассуждали, полагая, что положение вещей осталось таким же, как и во времена древности, не желая видеть, что события совершаются людьми, а люди переменились.

В Македонии Филипп загорел и окреп, он мог провести в седле полдня, потом — целый день; на огромном поле у озера Пеллы неустанно упражнялась, совершенствуя тактику, конница. Теперь было две царские илы: Филиппа и Александра. Отца и сына часто видели едущими вместе, увлеченными беседой; золотая голова склонялась к черной кудлатой. Служанки царицы казались побледневшими и обеспокоенными; одна из девушек несколько дней не вставала с постели, оправляясь от побоев.

В разгар лета, когда пшеница поднялась и зазеленела, снова собрался Дельфийский Совет. Коттиф доложил, что амфиссийцы продолжают

сопротивляться, осужденные вожди не изгнаны, его собственная, наскоро собранная армия не в состоянии привести их к повиновению. Коттиф предложил Совету призвать царя Филиппа, который однажды уже укротил богохульников-фокейцев и теперь сможет возглавить священную войну.

Антипатр, бывший послом, поднялся. Он облечен властью высказать согласие царя. Более того, Филипп, в знак благочестия, берет на себя все издержки. Изъявления благодарности и тщательно проработанные условия договора были записаны и вырезаны на плите местным мастером; он заканчивал свою работу примерно в то же время, когда гонец Антипатра, которого на протяжении всего пути ждали свежие лошади, прибыл в Пеллу.

Александр играл с друзьями в третьего лишнего во дворе. Пришла его очередь, стоя в центре круга, ловить мяч. Он как раз поймал его, на четыре фута подпрыгнув вверх, когда Гарпал, обреченный следить за игрой, не принимая в ней участия, поковылял к нему. Во дворец из Дельф прибыл нарочный, молва уже разнеслась. Александр, сгорая от нетерпения поскорее увидеть письмо открытым, сам принес его царю, прини-

мавшему ванну.

Филипп стоял в широком бронзовом тазу, покрытом орнаментом, распаривая больную ногу. Слуга натирал ее едко пахнущей мазью. Покрытое сплетением рубцов и шрамов тело царя ссохлось, одна ключица, сломанная много лет назад, когда под Филиппом убили лошадь, выпирала толстой мозолью. Он был похож на старое кряжистое дерево, о которое год за годом трется рогами скот. Инстинктивно, не отдавая себе в этом отчета, Александр отмечал, каким оружием нанесена каждая рана. «Что за шрамы останутся на мне в его возрасте?»

— Распечатай сам, — сказал Филипп. — У меня руки мокрые.

Филипп закрыл глаз, чтобы не видеть дурных новостей. В этом не было необходимости.

Когда Александр вернулся назад во двор, его друзья плескались в фонтане, обливая друг друга водой, чтобы смыть грязь и остыть. Увидев его лицо, молодые, гладко выбритые мужчины застыли, замерев в движении, как скульптурная группа Скопаса[58].

---

[58] Сноски: 58

Скопас — знаменитый греческий скульптор, живший в IV в. до н. э. Произведения мастера отличаются пафосом, динамизмом, выразительностью поз и жестов.

— Свершилось! — сказал Александр. — Мы идем на юг.

Глава 7

У подножия расписной лестницы, облокотясь на копье, стоял страж. Это был Кефис, коренастый седобородый ветеран, подбирающийся к своим шестидесяти годам. С тех пор как царь перестал приходить к Олимпиаде, охранять ее покой считалось неподобающим для молодых воинов.

Юноша в черном плаще помедлил в тени коридора, разглядывая пестрый мозаичный пол. Он еще никогда не был в комнате матери так поздно.

При звуке его шагов Кефис поднял свой щит и угрожающе выставил вперед копье. Александр вышел на свет. Он прошел мимо стража и поднялся по ступенькам. Поскребся в дверь, но ответа не последовало. Тогда, вытащив кинжал, Александр громко постучал по дереву его тяжелой рукоятью. Внутри раздался сонный шорох, потом послышалось чье-то дыхание.

— Это Александр, — сказал он. — Открой.

Моргающая взъерошенная служанка в наспех накинутом платье высунула голову в приоткрытую дверь; за ее спиной шелестели приглушенные голоса. Сначала женщины, наверное,

подумали, что пришел царь.

— Госпожа спит. Уже поздно, Александр, далеко за полночь.

— Впустите его, — произнес голос матери.

Олимпиада стояла у постели, затягивая пояс своей ночной рубашки, сшитой из шерсти цвета сливок и отороченной темным мехом. Он едва видел ее в мерцающем свете ночника; девушка, неуклюжая со сна, пыталась зажечь от него фитили высокой лампы. Очаг был чисто выметен; стояло лето.

Первый из трех фитилей загорелся.

— Этого достаточно, — сказала Олимпиада.

Рыжие волосы царицы, рассыпаясь по плечам, смешивались с темным блестящим мехом. Отсвет от лампы обозначил складку между бровей, морщины, залегшие в углах рта. Когда она повернулась к лампе лицом, стали видны только прекрасные черты, чистая кожа и плотно сжатый рот. Ей было тридцать четыре года.

В неярком свете единственной лампы углы комнаты тонули во мраке.

— Клеопатра здесь? — спросил Александр.

— В такой час? Она у себя. Ты хочешь ее видеть?

— Нет.

— Возвращайтесь к себе, — приказала Олимпиада женщинам.

Когда дверь за ними закрылась, она набросила на разметанную постель шитое узорное покрывало и жестом предложила ему сесть рядом; Александр не двинулся.

— Что с тобой? — нежно спросила Олимпиада. — Мы попрощались. Тебе нужно сейчас спать, если вы выступаете на рассвете. Что случилось? Ты странно выглядишь. Дурной сон?

— Я этого ждал. Это не стычка с варварами, а большая война, начало великих начал. Я думал, что ты пошлешь за мной. Ты должна знать, что привело меня сюда.

Царица откинула со лба волосы, прикрывая рукой глаза:

— Ты хочешь, чтобы я тебе погадала?

— Мне не нужны гадания, мама. Только правда.

Олимпиада опустила руку слишком быстро, их глаза встретились.

— Кто я? — спросил он. — Скажи мне, кто я такой?

Олимпиада застыла в изумлении. Александр увидел, что она ожидала какого-то иного вопроса.

— Не думай о том, что ты делала раньше, — сказал он. — Я ничего об этом не знаю. Только ответь на мой вопрос.

Олимпиада увидела, что за несколько часов, прошедших с того времени, как они расстались, сын осунулся. Она едва не спросила: «И это все?»

Прошлое давно поблекло; глубокое содрогание, охвативший ее страшный сон, ужас пробуждения, слова старухи, тайно приведенной ночью в эту комнату из ее пещеры. Как это было? Она не знала большего. Она родила дитя от дракона, и теперь сын спрашивал: кто я? «Это я должна задавать тебе этот вопрос».

Александр мерил шагами комнату, быстро и бесшумно, как волк в клетке. Внезапно остановившись перед матерью, он спросил:

— Я — сын Филиппа, ведь так?

Только вчера она видела их вдвоем, едущих на плац: Филипп, ухмыляясь, что-то рассказывал, Александр смеялся, запрокинув голову. Она успокоилась и метнула на сына долгий взгляд из-под полуприкрытых век.

— Не делай вид, будто веришь в это.

— Кто я тогда? Мне нужен ответ, — настаивал Александр.

— О таких вещах не говорят ночью, второпях,

из прихоти; это свято. Существуют силы, которые нужно умилостивить…

Испытующие, обведенные тенью глаза Александра, казалось, пронзали ее насквозь, проникая в самые бездны.

— Какой знак, — спросил он тихо, — подал тебе мой демон?

Олимпиада взяла обе руки сына в свои, притянула поближе и зашептала на ухо, потом отстранилась, чтобы оценить произведенное впечатление. Александр был всецело погружен в себя, справляясь со своими чувствами, едва ли осознавая ее присутствие. По его глазам ничего нельзя было прочесть.

— И это все? — спросил он.

— Чего же больше? Ты даже сейчас недоволен?

Александр посмотрел в темноту за кругом света от лампы.

— Все известно богам. Но как спросить их? — сказал он.

Александр заставил ее встать и несколько минут держал за вытянутые руки. Его брови сошлись над переносицей. Наконец Олимпиада опустила глаза.

Его пальцы сжались; потом он быстро, судорожно обнял мать и отпустил. Когда Александр

ушел, тьма сгустилась вокруг Олимпиады еще сильнее. Она зажгла две оставшиеся лампы и наконец заснула при их ярком свете.

Александр остановился у дверей комнаты Гефестиона, осторожно открыл их и вошел. Гефестион уже спал, раскинувшись в полосе лунного света. Александр протянул руку, чтобы разбудить его, но тотчас отдернул. Он собирался рассказать Гефестиону все, если будет удовлетворен услышанным. Но тайна по-прежнему оставалась тайной, темной и сомнительной; Олимпиада тоже была смертна, следовало дождаться более достоверных сведений. Зачем нарушать ради этого спокойный сон друга? Завтра их ждет трудный день. Свет луны переместился прямо на закрытые глаза Гефестиона. Александр бережно задернул занавеси, чтобы духи ночи не причинили другу вреда.

В Фессалии к ним присоединилась союзная конница: визжа, размахивая копьями, в полном беспорядке, всадники хлынули вниз с холмов, рисуясь своей удалью. В этой стране дети учились ездить верхом, едва начав ходить. Александр поднял брови, но Филипп заявил, что в бою фессалийцы будут слушаться приказов и воевать хорошо. Этот разгул был данью традиции.

Армия двигалась на юго-запад, к Дельфам и Амфиссе. По дороге в нее влились кое-какие войска из Священного Союза; их военачальников приветствовали и вкратце ввели в курс дела. Привыкшие к союзным войскам маленьких соперничающих государств, к борьбе за первенство и долгим утомительным спорам о том, чей полководец получит верховное командование, они с изумлением растворились в армии из тридцати тысяч пеших и двух тысяч конных воинов, каждый из которых знал свое место и четко выполнял приказы.

Из Афин никто не явился, хотя у них было место в Совете Союза. Когда Совет обратился к Филиппу, никто из афинских граждан не присутствовал на Собрании в Дельфах, чтобы воспротивиться этому: Демосфен убедил сограждан пойти на бойкот. Участие в голосовании против Амфиссы могло возмутить Фивы. Большей дальновидности Демосфен не проявил.

Армия достигла Фермопил, узкого ущелья между горами и морем. Александр, не ездивший этой дорогой с тех пор, как ему исполнилось двенадцать лет, вместе с Гефестионом искупался в теплых водах источника, давшего свое имя про-

ходу[59]. Рядом с мраморным львом на надгробии могилы Леонида он положил венок.

— Не думаю, — заметил Александр после, — что Леонид был таким уж блестящим полководцем. Если бы он добился, чтобы фокейские войска выполняли приказы, персы никогда бы сюда не повернули. Эти южные города вечно грызутся между собой. Но все равно почтить столь храброго мужа необходимо.

Фиванцы по-прежнему удерживали крепость. Продолжив навязанную игру, Филипп отправил к ним посла, вежливо предложив сменить усталый гарнизон. Фиванцы посмотрели вниз, на длинную колонну вооруженных людей, заполнивших прибрежную дорогу, насколько хватало глаз, флегматично собрали свои пожитки и удалились.

Теперь армия заняла широкую дорогу на юго-запад; справа были видны бесплодные горы Эллады, голые и блеклые, не похожие на заросшие лесом возвышенности Македонии, которые меньше пострадали от топора человека и домашнего скота. В долинах между этими пустынными

[59] Сноски: 59

Фермопилы — теплые ворота *(греч.)*. Ущелье получило свое название благодаря горячим серным источникам, бьющим в его самых узких местах («воротах»).

горами лежали земли и воды, вскормившие человечество.

— Когда я вижу этот край, — сказал Александр Гефестиону по дороге, — то могу понять, почему южане стали тем, чем стали. Им не хватает земли, каждый домогается владений соседа и знает, что сосед хочет того же. А каждый полис окаймлен горами. Тебе случалось видеть собак, разделяемых изгородью, которые с лаем мечутся вдоль забора?

— Но, наткнувшись на пролом в заборе, они не дерутся, а только удивленно смотрят друг на друга, а потом расходятся в разные стороны, — сказал Гефестион. — Иногда у собак больше здравого смысла, чем у людей.

Дорога к Амфиссе повернула на юг; по ней двинулся отряд под началом Пармениона, чтобы захватить укрепления Китиния и обезопасить путь. Это должно было подтвердить, что к священной войне Филипп относится серьезно. Но основные силы царя не уклонились от главной дороги, ведущей в Фивы и Афины.

— Взгляни, — сказал Александр, указывая вперед. — Это Элатея. Смотри, каменщики и строители уже там. На возведение стен не уйдет много времени, говорят, что камни еще не успе-

ли растащить.

Элатея была крепостью ограбивших бога фокейцев, разрушенная до основания в конце предыдущей священной войны. Она держала под контролем дорогу, и от нее до Фив оставалось два дня быстрого перехода, а до Афин — три.

Тысяча рабов под присмотром умелых каменщиков быстро восстановят хорошо обтесанную кладку. Армия займет укрепления и местность вокруг. Филипп разобьет здесь свой лагерь и отправит посла в Фивы.

В течение многих лет, говорилось в послании царя, Афины вели с ним войну: сначала исподтишка, потом — в открытую; чаша его терпения переполнилась. С Фивами афиняне враждовали испокон веков, однако теперь пытаются втянуть их в войну с Македонией. Пусть фиванцы в самом начале дадут ему ответ: останутся ли они союзниками царя, открыв его армии дорогу на юг?

Царский шатер натянули за стенами Элатеи; пастухи, находившие приют в ее развалинах, обратились в бегство при виде армии. Филипп возил с собой застольное ложе, чтобы в конце трудного дня давать отдых больной ноге. Александр сидел на стуле рядом с ним. Оруженосцы поставили вино и удалились.

— С этим нужно было покончить прежде всего, — говорил Филипп. — Пришло время делать ставки. Думаю, у войны немного шансов. Если фиванцы в своем уме, они выступят за нас; афиняне очнутся и поймут, куда завели их демагоги; к власти придет партия Фокиона, и мы отправимся в Азию, не пролив ни единой капли греческой крови.

Александр повертел в руках свой кубок и склонился над ним, принюхиваясь к запаху местного вина. Во Фракии вино лучше, но во Фракию виноградную лозу принес сам Дионис.

— Что ж, да… — сказал Александр. — Но посмотри, что случилось, когда ты был болен и я собирал армию. Пустили слух, что мы вооружаемся против иллирийцев, и все поверили этому. И прежде всего — иллирийцы. Что станут делать афиняне? Демосфен годами учил их не доверять нам, и вот мы — на пороге Афин. А что станет делать он, если Собрание проголосует за партию Фокиона?

— Демосфен ничего не сможет сделать, если нас поддержат Фивы.

— В Афинах десять тысяч обученных наемников.

— Да, но решать будут Фивы. Ты знаешь, что это за государство? Они называют его умеренной

олигархией, но имущественный ценз невысок, он по средствам любому, кто может выставить вооруженного гоплита. Нам это на руку. Фиванцы примут участие в любой войне, за которую проголосуют.

Филипп заговорил о годах, проведенных в плену, почти с ностальгией. Время сгладило память об обидах, осталось воспоминание о юности. Однажды друзья тайно взяли его в поход Эпаминонда. Филипп знал Пелопида. Слушая отца, Александр думал о Священном Союзе, который Пелопид скорее собрал, чем создал, ибо его героические обеты восходили к древности, к Гераклу и Иолаю[60], на чьих алтарях воины Союза принесли свои клятвы. Воины, каждый из которых снискал двойную славу, не отступали, шли вперед, оборонялись или умирали. Александр жаждал узнать о них как можно больше, чтобы рассказать потом Гефестиону, но от кого?

— Хотел бы я знать, — сказал он вместо этого, — что сейчас творится в Афинах.

В Афинах новости получили на закате того дня, когда армия Филиппа заняла Элатею. Чле-

---

[60] Сноски: 60

Иолай — племянник Геракла, после смерти последнего заботился о его детях.

ны Городского Совета торжественно обедали в зале заседаний с несколькими престарелыми олимпийскими победителями, отставными полководцами и прочими почтенными гражданами, удостоенными этой чести. Агора кипела; посланца из Фив обогнала молва. Всю ночь улицы бурлили, как в базарный день: родня бежала друг к другу, торговцы — на Пирей, чужестранцы оживленно переговаривались между собой, женщины, полуприкрытые вуалями, спешили на женскую половину домов своих друзей. На рассвете городской глашатай созвал Собрание; на Агоре подожгли перегородки между торговыми рядами и рыночные палатки, чтобы осветить окраины. Люди обступили гору Пникс с ее природной ораторской трибуной. Все уже знали новость: Филипп собирается немедленно идти на юг, а Фивы не окажут ему сопротивления. Старики вспоминали черный день своего детства, начало позора, голода, тирании, когда прибыли первые воины с Эгоспотам[61] на Геллеспонте, где полностью уничтожили их флот. Великая война была проиграна, наступила агония. Терп-

[61] Сноски: 61

Эгоспотамы (*греч.* козья река) — поселение и река того же названия на побережье Геллеспонта, где в 405 г. до н. э. спартанцы разгромили афинский флот, положив конец Пелопоннесской войне.

кий холодный воздух осеннего утра пронизывал до костей, как зимний мороз.

— Кто хочет говорить? — громко выкрикнул председательствующий член Совета.

Повисло молчание. Все глаза устремились в одну сторону. Никто не осмелился встать между народом и его любимцем. Когда тот взобрался на приступ трибуны, глубокий ропот пронесся по толпе, как гул молитвы.

Всю ночь в комнате Демосфена горела лампа: этот свет согревал души людей, бродящих по улицам, слишком взволнованных, чтобы лечь спать. В предрассветном сумраке план речи был готов. Город Тезея, Солона, Перикла обратился к нему в трудную минуту. Афины увидели, что Демосфен не подведет.

Для начала, сказал Демосфен, да сгинет страх перед Фивами. Сам Филипп не уверен в них, иначе зачем бы он сидел в Элатее, он был бы уже здесь, под стенами города, — он, всегда мечтавший о гибели великих Афин. Царь демонстрирует силу, чтобы ободрить своих продажных друзей в Фивах и устрашить патриотов. Теперь наконец настала пора забыть древнюю распрю и отправить в Фивы послов с предложением великодушных условий союзнического договора,

прежде чем люди Филиппа сделают там свое черное дело. Он сам, если будет избран, не откажется ехать. Тем временем пусть все боеспособные граждане вооружатся и дойдут по фиванской дороге до Элевсина, в полной готовности дать сражение.

Демосфен замолчал. Взошло солнце, и афиняне увидели внезапно появившийся, купающийся в его лучах Акрополь: потемневший старый мрамор, новые белые храмы, роспись и золото. Крики воодушевления взлетели над холмом. Те, кто стоял слишком далеко, чтобы слышать речь Демосфена, присоединились к кричавшим в уверенности, что решение принято.

Демосфен вернулся домой и набросал черновик послания в Фивы, осыпая Филиппа язвительными насмешками: «…поступая так, как следовало ожидать от человека его происхождения и природы; бесстыдно пользуясь минутной удачей, забывая о том, что случайно возвысился от подлого происхождения до царской власти…» За его окном неоперившиеся юноши перекликались друг с другом по пути в войско: шутки молодости, значения которых философ уже не понимал. Где-то плакала женщина — похоже, что в его доме. Должно быть, его дочь. Если ей было кого

оплакивать, Демосфен узнавал об этом впервые. Философ сердито захлопнул дверь; плач был дурным предзнаменованием и путал его мысли.

На Народное собрание в Фивах явились все, кто только мог стоять на ногах. Македонцев, как формальных союзников, выслушали первыми.

Антипатр напомнил об услугах, оказанных Филиппом Фивам: помощь в Фокейской войне, поддержка в борьбе за преобладание в Беотии; перечислил все несправедливости, нанесенные городу Афинами, всячески пытавшимися ослабить соперника: союз афинян с нечестивыми фокейцами, оплатившими фокейские войска золотом Аполлона (тем же золотом, без сомнения, покрыты вывешенные ими для обозрения щиты фиванцев, к вящему оскорблению Фив и самого бога). Филипп не просит Фивы поднимать оружие против Афин; фиванцы вольны присоединиться к нему по своему выбору, в любой момент, чтобы разделить плоды победы; все же царь будет полагаться на них как на друзей, стоит им лишь открыть македонцам путь к Афинам.

Собрание размышляло. Фиванцев рассердил неожиданный захват Филиппом Элатеи; если он и был союзником, то чересчур своеволь-

ным — теперь уже поздно совещаться с Фивами. Остальное большей частью являлось правдой. А об огромных возможностях могущественного царя не сказано ни слова. Как только Афины падут, зачем ему будут нужны Фивы? С другой стороны, он добился власти над Фессалией и не причинил ей вреда. Позади изнурительная Фокейская война; Фивы полны сыновьями убитых, взвалившими на себя заботу о семьях, овдовевшими матерями, молодыми вдовами. Неужели этого недостаточно?

Антипатр прервался и сел. Послышался ропот, скорее дружественный, почти рукоплескания. Вестник вызвал афинских послов. Демосфен вскарабкался на трибуну, и приглушенный гул стал враждебным. Не Македония, но Афины представляли здесь угрозу, являясь врагом на протяжении многих поколений. В Фивах не найдется дома, который из-за бесконечных приграничных войн не был бы затронут кровной местью.

Демосфен мог задеть только одну струну: общую ненависть к Спарте. Он напомнил, как после Великой войны, когда Спарта отдала Афины во власть «Тридцати тиранов» (предателей вроде тех, что хотят сейчас мира с Филиппом), Фивы дали освободителям приют. По сравнению

с Филиппом эти «Тридцать» — сущие мальчишки-хулиганы. Забудем прошлое, пусть только этот доблестный поступок сохранится в памяти. Искусно пользуясь произведенным эффектом, Демосфен выдвинул предложения Афин. Права Фив на Беотию никогда не будут оспорены; если беотийцы взбунтуются, Афины даже пришлют войско, чтобы подавить восстание. Так же и Платеи, это вечное яблоко раздора. Демосфен не стал напоминать своим слушателям, что Платеи, в благодарность за покровительство Афин в войне с Фивами, присоединились к ним у Марафона, после чего им навеки было даровано афинское гражданство. Сейчас не время крохоборства и мелких подробностей: Платеями придется пожертвовать. Также в войне против Филиппа Фивы примут командование всеми сухопутными войсками; Афины берут на себя две трети издержек.

Взрыв рукоплесканий быстро утих. Фиванцы с сомнением смотрели на фиванцев, на тех, кого знали, кому верили, — но не на Демосфена. Фиванцы выскальзывали у него из рук.

Шагнув вперед с поднятой рукой, философ воззвал к героям и жертвам, к Эпаминонду

и Пелопиду[62], вечно славным полям Левктры и Мантинеи, победе Священного Союза. Звенящий голос Демосфена стих, он перешел на убийственную, мрачную иронию. Если эти имена уже ничего не говорят фиванцам, он от имени Афин смиренно просит об одном — о праве прохода, чтобы в одиночестве дать бой полчищам тирана.

Теперь они были в его власти; Демосфен задел струны давнего соперничества.

Фиванцы устыдились; он уловил этот стыд в глухом ропоте толпы. Сразу из нескольких мест закричали, призывая начать голосование; воины из Священного Союза прислушивались к голосу чести. Камешки с грохотом посыпались в урны, замелькали абаки счетчиков голосов; долгое утомительное занятие после тщательно разработанного метода, к которому Демосфен привык у себя дома. Фиванцы проголосовали за разрыв договора с Македонией и союз с Афинами.

Демосфен возвращался к себе, едва чувствуя землю под ногами. Подобно Зевсу с его весами, он держал в своих руках судьбу Греции и сумел ее

---

[62] Сноски: 62

Эпаминонд, Пелопид — государственные деятели, полководцы, национальные герои Фив. Демократы и патриоты. В 371 г. до н. э. Эпаминонд разгромил спартанское войско при Левктрах, а в 362 г. до н. э. победил антифиванскую коалицию при Мантинее.

изменить! Пусть впереди ждут тяжелые испытания — но какая новая жизнь появлялась на свет без родовых мук? Отныне и навсегда о Демосфене будут говорить как о человеке, достойном этого часа.

Филипп получил новости в полдень следующего дня. Он обедал вдвоем с Александром. Царь отослал слуг и распечатал письмо; как и большинство людей своего времени, Филипп был не мастер читать про себя: глаз нуждался в помощи уха. Александр напряженно затих. Он недоумевал, почему отец не научится, как он сам, читать в молчании. Это было делом практики, и, хотя губы Александра все еще невольно шевелились, повторяя слова, Гефестион убеждал его, что ни единого звука не слышно.

Филипп читал размеренно, без гнева, только морщины и складки на его лице становились рельефнее. Положив свиток рядом с тарелкой, царь сказал:

— Что ж, если они хотят войны, они ее получат.

— Прости, отец, я так и предполагал.

Мог ли Филипп не понимать, что, как бы ни прошло голосование в Фивах, Афины по-прежнему будут его ненавидеть? У царя есть только

один способ войти в ворота этого города: всемогущим победителем. Как мог Филипп так долго лелеять призрачную мечту? Лучше оставить царя в покое и подумать о деле. Теперь их планы изменятся.

Афины и Фивы лихорадочно готовились встретить армию Филиппа, идущую на юг. Вместо этого царь двинулся на запад, через горные хребты и ущелья, окаймлявшие Парнасский массив. Он взялся изгнать амфиссийцев из священной долины, этим и предстояло заняться. Что касается Фив, он, скажем так, проверил преданность союзника и получил ясный ответ.

Афинские юноши, возбужденные мыслью о войне, готовились к маршу на север, к Фивам. Толковались предзнаменования: тлели костры, прорицатели придирчиво изучали внутренности жертвенных животных. Демосфен, обеспокоенный влиянием суеверий на афинян, объявил, что зловещие предсказания идут на пользу затаившимся в самом сердце афинского народа предателям, подкупленным Филиппом, чтобы остановить войну. Фокион, вернувшийся в город слишком поздно, чтобы повлиять на события, настаивал на необходимости послать за оракулом в Дельфы. Демосфен со смехом заявил,

что Филипп подкупил пифию. И это известно всему миру.

Фиванцы приняли афинян примерно так же, как линкестиды Александра: с изысканной вежливостью. Фиванские военачальники расположили соединенные силы так, чтобы отрезать Филиппа от Амфиссы и заодно укрепить дороги на юг. По всем диким каменистым возвышенностям Парнаса и в ущельях Фокиды армии вели маневры и разведку. Листва на деревьях пожухла и облетела; вершины гор покрыл первый снег. Филипп выиграл время. Он торопился восстановить крепости нечестивых фокейцев, которые охотно уступили их его армии в обмен на уменьшение дани оскорбленному богу.

Филипп не позволил втянуть себя в большое сражение. Несколько столкновений, одно на горной реке, другое за перевалом, он прекратил сразу же, как только увидел, что его войска пытаются завлечь в опасную местность. В Афинах стычки отпраздновали как победу и устроили благодарственные пиры.

Как-то зимней ночью палатку царя натянули у отвесной скалы, служившей защитой от ветра; внизу глухо шумела по камням ущелья вздувшаяся от снега река. На склонах рубили на дрова

сосновый лес. Сгустился сумрак, порывы чистого горного ветра разгоняли густые тяжелые запахи дыма костров, овса, чечевичной похлебки, лошадей, грубо выделанной кожи палаток и тысяч немытых человеческих тел. Филипп и Александр сидели на походных кожаных стульях, грея ноги у пылающего очага. Вонючий пар, валивший от промокших сапог Филиппа, сливался с другими запахами войны, столь же привычными и родными для Александра. Сам он был не грязнее обычного. Когда ручьи замерзали, Александр обтирался снегом. Его внимание к подобным вещам породило легенду, о которой он сам едва ли подозревал: люди говорили, что от Александра идет благоухание, как от юного бога. Большинство македонцев не мылись месяцами. Жены пластами снимали с них грязь, когда они возвращались в супружеские постели.

— Ну, — сказал Филипп, — не говорил ли я тебе, Александр, что терпение Демосфена истощится прежде моего? Я только что узнал. Он посылает войска.

— Что? Сколько человек? — встрепенулся Александр.

— Все десять тысяч.

— Он сумасшедший? — удивился Александр.

— Нет, политик. Афинскому народу не нравится смотреть на наемников, получающих плату и прокорм в Аттике, в то время как граждане воюют. Они-то меня и тревожили; испытанные воины, на подступах к городу они слишком опасны. При осаде десять дополнительных тысяч — это чересчур. Теперь мы будем иметь дело в первую очередь с ними, и только с ними: они направляются прямо к Амфиссе.

— Мы дождемся, пока они туда доберутся. Что дальше? — спросил Александр.

Филипп ухмыльнулся. В отсветах пламени его зубы казались желтыми.

— Тебе известно, как я снял осаду Бисанфы? — начал он. — Проделаем этот трюк еще раз. Из Фракии пришли плохие вести, очень плохие. Мятеж, Амфиполь в опасности, на счету каждый человек, способный защищать границу. Я отправлю ответное письмо, очень ясное, четко написанное: мы уходим на север со всей армией. Моего гонца схватят, а может быть, он окажется изменником. Разведчики афинян донесут, что мы действительно отступаем. У Китиния мы спрячемся, заляжем в низине и будем ждать.

— А потом, на рассвете, атака через теснину? — Глаза Александра вспыхнули.

— «Украденный марш», как говорит твой любимый Ксенофонт, — кивнул царь.

Они украли марш, прежде чем весенние ручьи затопили переправы. Афинские наемники честно сражались, пока оставалась надежда. Потом часть из них бежала на побережье, другая часть капитулировала. Большинство из этих последних поступили на службу к Филиппу и, перевязав раны, уселись за добрый горячий обед.

Амфиссийцы сдались без каких-либо условий. Их правителей изгнали, как этого требовал Дельфийский Союз. Священную равнину очистили от их оскверняющих землю пашен и предоставили воле бога.

В первые теплые дни весны в театре Дельф, за которым вздымались бледные орлиные утесы Фирид, перед огромным храмом Аполлона, под шум волн залива, Союз увенчал Филиппа золотым лавровым венком. Царь и его сын прославлялись в длинных речах и одах, распеваемых хором; скульптор сделал наброски для статуй, которые будут посвящены храму.

После церемонии Александр гулял с друзьями по многолюдной террасе, где гудела разноликая толпа со всех краев Греции и даже из таких дальних стран, как Сицилия, Италия и Египет.

Приношения богатых почитателей Аполлона исчислялись головами рабов и жалобно блеющим скотом; в плетеных клетках ворковали голуби; лица появлялись и пропадали: нетерпеливые, полные благочестия, облегчения, осунувшиеся от волнения. Это был день оракула.

Под шумок Гефестион спросил Александра на ухо:

— Почему ты не сделаешь этого здесь?

— Не сейчас, — ответил друг.

— Это успокоит тебя, — посоветовал Гефестион.

— Нет, время неподходящее, — покачал головой Александр. — В таком деле прорицателя важно захватить врасплох.

В театре давали пышное представление; протагонистом был Фессал, прославившийся ролями героев. Это был приятный пылкий юноша, к фессалийской крови которого примешивалась кельтская; годы учения в Афинах смирили его природное пламя отточенной техникой, а порывистость — хорошими манерами. Фессал часто играл в Пелле и стал любимцем Александра, специально для которого создал особую трактовку героической души. Сейчас, когда он выступал в «Аяксе» Софокла в ролях Аякса и Тев-

кра одновременно, казалось немыслимым даже предположить, что первый из них переживет свою славу, а второй изменит памяти павших. После спектакля Александр вместе с Гефестионом зашел в комнаты актеров. Фессал снял маску Тевкра и вытирал полотном пот со своего резко очерченного лица и вьющихся коротких каштановых волос. На звук голоса Александра он обернулся и, просияв, сообщил:

— Я рад, если ты доволен. Я играл для тебя одного.

Они еще немного поговорили о недавних поездках актера. В конце беседы Фессал сказал:

— Я бываю во многих местах. Если тебе что-нибудь понадобится, не важно что; если тебе будет нужен человек, на которого можно положиться, — знай, я сочту это за честь.

Александр понял его. Актеры, слуги Диониса, находились под защитой бога, их часто использовали как послов, еще чаще — как тайных посредников.

— Спасибо, Фессал, — кивнул Александр. — Нет никого, кому бы я доверился охотнее.

Когда друзья шли обратно к стадию, Гефестион спросил:

— Ты знаешь, что этот человек все еще влюб-

лен в тебя?

— И что же? Нужно быть, по крайней мере, любезным. Он чувствителен и все понимает правильно. Может, когда-нибудь у меня и возникнет в нем нужда, кто знает?

Хорошая погода устоялась. Филипп направился к Коринфскому заливу и захватил Навпакт, властвующий над проливом и морем. За лето царь прошел по стране за Парнасом, укрепляя города, ободряя союзников, прокладывая дороги, откармливая на пастбищах коней. Время от времени он делал ложные вылазки на восток, где афиняне и фиванцы усиленно укрепляли перевалы в горах. После этого Филипп отходил назад, оставив врагов выдохшимися и утомленными, и устраивал игры или учения, чтобы его собственные солдаты не потеряли форму.

Даже теперь царь отправил посольство в Афины и Фивы, предлагая обсудить условия мира. Демосфен убедил сограждан, что Филипп, нападение которого было дважды отражено союзной армией, пришел в отчаяние; его просьба о мире — лучшее тому доказательство. Одним хорошим ударом на юге с ним будет покончено.

На исходе лета, когда пожелтел ячмень, росший между деревьями в оливковых рощах Аттики

и Беотии, Филипп вернулся в Элатею, оставив гарнизоны во всех крепостях на западе от Парнаса. Форпосты Фив и Афин занимали ущелье в десяти милях к югу. Пока мирные предложения Филиппа не были отвергнуты, царь ограничивался тем, что дразнил врагов. После все изменилось, пришло время показать свою силу. Армии Филиппа обошли форпосты с флангов и могли отрезать от Фив в любую минуту, по желанию царя. На следующий день разведчики Филиппа донесли, что фиванцы ушли, и Филипп занял их укрепления.

Конники выглядели счастливыми; они чистили сбрую и оружие и холили своих лошадей. Грядущей битве предстояло развернуться в долине.

Ячмень побелел, оливки созрели. По календарю Македонии настал месяц Льва. В крепости царь Филипп давал праздничный пир в честь дня рождения сына. Александру исполнилось восемнадцать.

Элатею приукрасили. На стенах царского дома развесили тканые ковры. Пока гости пели, Филипп сказал Александру:

— Ты еще не попросил себе подарка. Чего бы тебе хотелось?

Александр улыбнулся:

— Ты сам знаешь, отец.

— Ты это заслужил. Осталось недолго. Я возьму себе правый фланг, там вечно какие-то неполадки. Ты будешь командовать конницей.

Александр медленно опустил на стол золотой кубок. Его мерцающие глаза, зрачки которых расширились от выпитого вина и видений, встретились с черным глазом Филиппа.

— Если ты когда-нибудь пожалеешь о своем решении, отец, — сказал Александр, — меня уже не будет в живых, чтобы узнать об этом.

Назначение Александра встретили приветственными криками и здравицей. Сразу же вспомнили давние предзнаменования: победа в беге на Олимпийских играх, разгром иллирийцев.

— И третье, — сказал Птолемей, — то, что я помню лучше всего, потому что был в возрасте, когда верят в чудеса. Тот день, когда в Эфесе сгорел великий храм Артемиды. Пожар в Азии.

— Никто не мог рассказать, как это случилось, — вставил кто-то. — Войны ведь не было. Молния ударила или какой-то жрец опрокинул лампу?

— Нет, это сделали нарочно. Я слышал имя

виновника. Гейро… Геро… какое-то длинное имя. Неарх, ты не помнишь?

Никто не вспомнил.

— Выяснили, зачем он это сделал? — спросил Неарх.

— Да, он сам охотно сказал, прежде чем его убили. Безумец сделал это для того, чтобы его имя помнили вечно.

Рассвет мерцал над низкими холмами Беотии, вереском и кустарниками, дочерна выжженными летним солнцем; там и тут виднелись серые валуны и гравий. Темные и выцветшие, как вереск, закаленные, как камни, колючие, как терновник, через холмы к равнине устремились люди. Они скатились вниз по склонам и запрудили долину реки; толпа густела, но продолжала упорно прибывать.

Показались смутные очертания конницы; лошади, пофыркивая, осторожно ступали в вереске; босые ноги всадников сжимали их непокрытые седлами бока. Только доспехи и оружие слабо побрякивали и звенели.

Небо посветлело, но солнце еще пряталось за огромным массивом Парнаса на востоке. Широко простиралась омытая весенним разливом равнина. Река Кефис, вернувшаяся в русло,

журчала по камням. На востоке, еще погруженные в лиловую тень, виднелись дома стоявшей на террасах низкого склона Херонеи.

Людской поток замедлил свое движение, остановился и с двух сторон устремился на равнину. Впереди вырастала живая человеческая плотина; первые косые лучи солнца заблестели на плотных, ощетинившихся копьями рядах.

Посередине лежали возделанные поля, питаемые рекой. В густом ячмене вокруг оливковых деревьев проросли мак и вика. Слышались голоса петухов, блеяние и мычание скота в загонах, резкие крики мальчишек и женщин, гонящих стада вверх по холму. Людской поток и живая плотина выжидали.

Северная армия разбила свой лагерь на берегу реки в широкой горловине ущелья. Конница спустилась вниз по течению, чтобы поить лошадей, не замутив воды для людей. Солдаты снимали с поясов привязанные чаши и доставали скудный полуденный обед: плоские лепешки, яблоко или луковицу, щепоть грязной серой соли со дна сумки.

Военачальники оглядывали древки копий и дротики, проверяли боевой дух своих отрядов. Солдаты напоминали натянутые луки,

все чувствовали, что совершается нечто важное. Тридцать с лишним тысяч гоплитов, две тысячи конницы. Но враг впереди был столь же многочислен. Это будет величайшая битва всей их жизни. Кроме того, они будут сражаться среди своих: военачальник, их сосед по деревне, земледелец, единоплеменник и родич, расскажет в Македонии об их доблести или позоре.

К полудню длинный обоз доставил палатки и постели. Воины могли хорошо выспаться: все, кроме часовых. Царь захватил все прилегающие дороги, контролируя позиции. Армии впереди оставалось только ждать, когда Филипп решит дать сражение.

Подъехав к запряженной волами повозке, нагруженной царскими шатрами, Александр велел:

— Мой поставьте здесь.

Молодой дуб над рекой давал тень, у берега виднелось озерцо с чистой водой. «Хорошо, — отметили про себя слуги, — нам не придется таскать воду». Александр любил купаться не только после сражения, но и, если это оказывалось возможным, до него. Какой-то ворчун сказал, что сын царя и после смерти будет любоваться собой.

Филипп сидел в своем шатре, принимая беотийцев, спешащих передать ему все, что они знали о планах врага. Фиванцы их угнетали, афиняне, клявшиеся помогать, только что публично продали Фивам; беотийцам больше нечего было терять. Филипп принял их ласково, выслушал жалобы, повторявшиеся из века в век, обещал восстановить справедливость и собственноручно записал все, что они рассказали. Перед сумерками царь поднялся на холм, чтобы оглядеться. Его сопровождали Александр, Парменион и македонский аристократ Аттал, следующий в командовании за Парменионом. Царские телохранители под началом Павсания ехали следом.

У их ног расстилалась равнина, которую какой-то древний поэт назвал «танцевальной залой войны», — так часто встречались на ней армии. Союзные войска греков растянулись от реки к южным склонам холмов, образуя фронт примерно в три мили длиной. От их вечерних костров поднимался дым, там и тут вспыхивало пламя. Еще не выстроившись для боя, они сбивались в стаи, как птицы разных видов, каждый город-государство отдельно. Левый фланг, обращенный к правому флангу македонцев, твердо закрепился на возвышенности. Филипп прищурился:

— Афиняне. Я, скорее всего, их оттуда выбью. Старику Фокиону, их единственному полководцу, который хоть на что-то годится, дали флот. Фокион слишком хорош, Демосфен не сможет оценить его по заслугам. На наше счастье, они послали Хареса, который сражается по книгам… Хм, да; нужно изобразить живописную атаку, прежде чем начать отступать. Афиняне проглотят это от старика, который может позволить себе потерпеть поражение. — Филипп наклонился и с ухмылкой потрепал Александра по плечу. — Но не поверят, если это проделает Маленький царь.

Александр нахмурился, потом его лоб разгладился. Он улыбнулся в ответ и вернулся к своим размышлениям о людском половодье внизу: так инженер, который должен отвести реку, ищет место для преграждающего вала. Аттал — высокий, с впалыми щеками, раздвоенной соломенной бородой и бледно-голубыми глазами — подъехал ближе, но тут же быстро осадил лошадь.

— Значит, — сказал Александр, — в центре разрозненные отряды, коринфяне, ахейцы и так далее. И справа…

— Лучшие. Для тебя, сын мой: фиванцы. Ты ви-

дишь, я не кидаю в твою тарелку объедки.

Река блестела в свете бледнеющего неба, окаймленная пирамидальными тополями и тенистыми платанами. За ними мерцали сторожевые костры фиванцев, расположенные в строгом порядке. Александр смотрел на огни с глубокой сосредоточенностью; на миг воображение нарисовало ему в этом отдаленном пламени человеческие лица, потом они растворились в плетении великого полотна.

> *Сами же пешие, в медных доспехах, с оружием в дланях,*
>
> *Реяли быстрые; шум неумолкный восстал до рассвета*[63].

— Очнись, парень, — сказал Филипп. — Мы увидели все, что нужно; я хочу есть.

Парменион всегда ужинал у царя; этим вечером к ним присоединился и Аттал, недавно прибывший из Фокиды. С неприятным чувством Александр отметил, что на часах стоит Павсаний. Эти двое, оказавшись рядом, всегда стискивали зубы. Александр поздоровался с Павсанием теплее обычного.

---

[63] Сноски: 63
Гомер. Илиада. Песнь 11, ст. 49–50.

Это Аттал, друг и родственник убитого соперника, задумал непристойную месть. Для Александра оставалось загадкой, как Павсаний, человек, не страдавший недостатком мужества, явился к Филиппу, требуя отмщения, и не попытался осуществить возмездие. Может, он хотел убедиться в преданности Филиппа? Давно, еще до этого случая, Павсаний славился классической красотой, которая могла породить гордую любовь, подобную любви гомеровских героев. Но Аттал возглавлял могущественный клан и являлся добрым другом царя, в нем нуждались; к тому же еще не прошла и горечь от гибели мальчика. Павсания отговорили от мщения, умаслив его гордость повышением. Прошло шесть лет, он стал смеяться чаще, говорить больше, с ним становилось легче, пока Аттала не сделали полководцем. С тех пор Павсаний прятал взгляд, и десять слов были для него длинной речью. Отцу не следовало так поступать. Это выглядит как награда. Люди уже говорят…

Филипп рассуждал о предстоящем сражении. Александр встряхнулся, но неприятная горечь, как от несвежего мяса, не проходила.

Выкупавшись, Александр лежал в своей постели, перебирая в уме план сражения, пункт

за пунктом. Он ничего не забыл. Александр встал, оделся и тихо прошел среди сторожевых огней до палатки, которую Гефестион делил с несколькими друзьями. Едва Александр коснулся полога, Гефестион бесшумно поднялся, накинул плащ и вышел. Друзья немного поговорили, потом разошлись. Александр крепко спал до самого рассвета.

* * *

Грянул гром битвы.

По стерне, огибая оливы, сминая виноградники, урожай с которых только наполовину был снят бежавшими крестьянами, опрокидывая подпорки и растаптывая в кровавое месиво гроздья, два людских потока схлестнулись, смешались и забурлили, набухая и лопаясь, как пузыри в поднявшейся дрожжевой закваске. Грохот стоял оглушающий. Солдаты орали друг на друга и на врагов; пронзительно кричали в жестокой агонии, превышающей боль, которую могла вытерпеть плоть. Щиты с лязгом смыкались, лошади протяжно ржали, каждый отряд союзных войск выкрикивал собственный боевой пеан во всю мощь легких. Военачальники надрывали горло, отдавая приказы, неистово дули трубы.

Над битвой повисло огромное облако прогорклой удушающей пыли.

Слева, у подножия холмов, как якорь союзного корабля, закрепились афиняне. Македонцы выставили вверх свои длинные сариссы; острия трех различных по длине копий составляли один сплошной ряд, ощетинившийся, как дикобраз. Афиняне, где могли, отражали их щитами. Самые храбрые из них бросались в бреши строя нападавших, орудуя коротким копьем или прорубая себе путь мечом, иногда неудачно, иногда сминая ряд наступающих. На дальнем крыле Филипп восседал на своей крепкой коренастой лошадке, в окружении гонцов; все его люди знали, чего он ожидает. Солдаты царя бились с такой яростью, будто их возможное поражение привело бы к смерти от позора. Здесь было тише, чем в других местах: воинам велели прислушиваться к приказам.

В центре длинная линия фронта раскачивалась из стороны в сторону. Союзные войска, частенько враждовавшие друг с другом, на этот раз объединились — все понимали, оттуда, где ряды будут прорваны, придут бесчестие и смерть. Раненые продолжали сражаться, прикрываемые щитами товарищей, или падали на землю под ноги

солдат, не имеющих возможности помочь им или остановиться. Отчаянный натиск взвихрял горячую пыль. Люди обливались потом, хрипели, ругались, рубили, швыряли, задыхались, стонали. Вокруг валунов на поле схватка вскипала морским прибоем, оставляя на камнях клочья красной пены.

На северном краю, под защитой реки, ровно, как ряд бусин, протянулась цепь сомкнутых щитов Священного Союза Фив. В бою воины выстроились по двое, образовав одну линию; щит в руке солдата закрывал левый бок стоявшего рядом. В каждой паре старший, эраст, располагался справа, держа копье, младший, эромен, — со стороны щита. Правая сторона считалась почетной: младший, даже если он был сильнее, никогда бы не попросил друга уступить ее. Так повелось с древности. Недавно принесшие обет любовники горели нетерпением доказать свою доблесть. У пар, состоящих в отряде уже по десять лет, у зрелых, бородатых отцов семейств, страсть обратилась в товарищество. Союз был слишком знаменит, чтобы выйти из него, когда опьянение миновало. Воины давали пожизненные обеты. Даже сквозь пелену битвы мерцали бронзовые беотийские шлемы и круглые узорные щиты,

отполированные до золотого блеска. Оружие их составляли шестифутовые копья с железными наконечниками и короткие мечи, которые оставались в ножнах до тех пор, пока стена копий и щитов не рухнет.

Парменион, оказавшийся со своей фалангой перед воинами Союза, сделал все возможное, чтобы сдержать фиванцев. Время от времени Союз делал мощный бросок вперед и мог бы продвинуться еще дальше, если бы не боязнь оторваться от следующих за ним в цепи ахейцев. Враги были быстрыми, крепкими, как старое, доброе оружие, ставшее частью своего владельца. «Поторопись, Филипп: эти парни прошли школу. Надеюсь, ты знаешь, что за кусок приготовил своему мальчику. Надеюсь, тот не сломает себе зубы».

За сражающейся фалангой на расстоянии полета стрелы ожидала конница.

Она выстроилась плотным конусом, сужавшимся до одного-единственного всадника.

Чувствуя напряженность седоков, лошади дрожали от шума, от запаха крови, доносимого ветром; чихали, когда пыль щекотала им ноздри. Люди переговаривались, осаживали или успокаивали лошадей, силясь рассмотреть сражающихся сквозь плотное облако пыли, под-

нявшейся на высоту десяти футов. Им предстояло атаковать гоплитов, кошмар любого конного воина. Если конница воюет против конницы, враг может упасть так же легко, как и ты, сбитый копьем или не удержавшись в седле; его можно обойти, добить мечом. Но мчаться на ощетинившийся строй копий — против естества лошади. И воины дотрагивались до прокаленных кожаных нагрудников своих коней. Гетайры сами занимались своим вооружением, но они радовались, что послушались мальчика.

Один из всадников согнал муху с века своей лошади. Он ощущал силу своего коня, чувствовал, что животное знает о предстоящем безумстве и полностью доверяет седоку. «Да, да, мы тронемся, когда я скажу. Вспомни, кто мы».

Гефестион в следующем ряду ощупал свой пояс: не затянуть ли еще на одну дырку? Нет, ничто не сердит Александра так, как человек, возящийся с доспехами в строю. «Я должен буду поравняться с Александром сразу же». Гефестион заметил, что Александр покраснел. Такое часто бывало с ним перед боем. Если даже это лихорадка, Александр ни за что не скажет. «Два дня с лихорадкой перед тем, как крепость пала, — и ни слова; а ведь я мог бы принести чистой

воды, — подумал Гефестион. — Что это была за ночь!»

По стерне, окликая Александра именем царя, подъехал гонец. Послание было устным: «Афиняне проглотили приманку. Будь наготове».

Вверх по холму, над розовыми домами Херонеи, в десятом ряду афинских войск стоял Демосфен со своим отрядом. Юноши удерживали линию фронта, за ними бились самые сильные мужчины средних лет. По всей своей ширине ряды то подавались, то выпрямлялись, как тело человека, усиленно работающего одной правой рукой. День становился жарким. Казалось, что они стоят, раскачиваются и смотрят вниз часами. Сердце беспокойно ныло, как больной зуб. Впереди падали люди — с раздробленной грудью, вырванными копьем внутренностями; дрожь проходила по всем рядам, отдаваясь в теле Демосфена. Сколько уже пало, сколько рядов осталось между ним и этой бойней? «Мне не следовало быть здесь, я обкрадываю город, рискуя своей жизнью», — думал Демосфен. Ряды сражающихся ринулись вперед, второй раз за короткое время; без сомнения, враг отступал. Еще девять рядов между ними и сариссами, а македонцы дрогнули. «Небезызвестно вам, граждане Афин, что я

нес щит и копье на полях Херонеи, ни во что не ставя свою жизнь и деяния, хотя некоторые и назовут их важными; и действительно, вы могли бы упрекнуть меня, что, рискуя своей жизнью, я создаю угрозу для вашего благополучия…» — продолжал рассуждать Демосфен. Сдавленный крик боли донесся из первых рядов. «Граждане Афин…»

Рев битвы сменился восторженным воплем, огнем побежавшим по рядам. Афиняне двинулись вперед, уже не толчками, но набирая силу, не останавливаясь. Враг отступал! Слава Марафона, Саламина, Платей вспыхнула перед глазами Демосфена. «На Македонию!» — кричали впереди. Демосфен побежал с остальными, выкрикивая высоким резким голосом: «Схватите Филиппа! Возьмите его живым!» Тирана в цепях проведут по Агоре; после этого его заставят говорить, назвать имя каждого предателя. На Акрополе, рядом с Гармодием и Аристогитоном, появится новая статуя: ДЕМОСФЕН ОСВОБОДИТЕЛЬ. Он подбадривал замешавшихся: «На Македонию! Возьмите Филиппа живым!» Торопясь в гущу событий, Демосфен спотыкался о тела юношей из первых рядов, павших в бою.

Феаген Фиванский, верховный полководец

союзной армии, направил лошадь к столпотворению в центре. По цепи неслись истошные крики, вносящие неразбериху. Вот наконец и один из его собственных посыльных. Македонцы, сообщил гонец, действительно отступают.

«Отступают беспорядочно?» — спросил Феаген. «В полном порядке, но спешно. Они уже отошли за высоты справа, афиняне их преследуют». — «Преследуют? Что? Они оставили свои позиции, не получив приказа?» — «Ну, по приказу или нет, но афиняне уже на равнине; они гонятся за самим царем».

Феаген, выругавшись, ударил себя кулаком по бедру. Филипп! Глупцы, ненадежные, бестолковые, тщеславные афинские глупцы! Что станется с фронтом наверху? Там, должно быть, брешь величиной с ипподром. Феаген отправил гонца с приказом заполнить все дыры и прикрыть левый фланг. Во всех остальных местах — ни малейшего признака отступления, враги дерутся еще ожесточеннее прежнего.

Военачальник коринфян получил приказ. Наилучшим образом защитить фланг можно, лишь поднявшись на надежное возвышение, где стояли афиняне. Ахейцы, чувствуя себя лишенными прикрытия, потянулись за коринфянами. Феаген

развернул собственное войско. Пусть афинские бумагомараки увидят, как выглядят настоящие солдаты. На почетном правом фланге перестроился Священный Союз: быстро, точно, попарно.

Феаген оглядел длинную мечущуюся цепь людей, ослабевшую, не защищенную с одного конца. Перед ним, высотой с настоящие деревья, вздымался густой лес сарисс, не давая рассмотреть тыл врага. Из-за сарисс, да еще из-за облака пыли ничего не было видно. Мысль ужалила Феагена, как судорога. Ни слова о юном Александре. Где он? С гарнизоном в Фокиде? Незамеченным трется в рядах копьеносцев? Да где же он?

Внезапное затишье, почти безмолвие по сравнению с предшествующим шумом, сковало ряды македонцев: угрожающее спокойствие природы в минуту перед землетрясением. Потом фаланга отшатнулась в сторону, шумно, но слаженно, как под чудовищным порывом ветра.

Дверь оказалась открытой. Фиванцы не двинулись, ожидая тех, кто должен был из нее выйти. Священный Союз, прежде чем замкнуть линию щитов и поднять копья, выстроился попарно, раз и навсегда.

На стерне, среди растоптанных маков, Александр поднял руку с мечом, выкрикивая первые

слова пеана.

Сильный раскатистый голос, поставленный Эпикратом, пронесся над рядами всадников. Они подхватили пеан, слова стали неразличимы в своем полете, превратившись в свирепый крик стаи дерущихся ястребов. Крик этот подстегнул лошадей сильнее любых шпор. Еще прежде, чем ила показалась глазу, фиванцы почувствовали, как трясется от конского топота земля.

Оглядывая своих людей, как пастух на горной тропе оглядывает стадо, Филипп ожидал новостей.

Македонцы отступали: угрюмо, осторожно, борясь за каждую пядь земли. Филипп объезжал ряды, отдавая приказы, указывая наилучшее направление. Кто бы в это поверил, думал он. Был бы жив Ификрат или Хабрий…[64] Но сейчас полководцев назначают ораторы. Что же, что же. Поколение… Прикрыв глаза ладонью, Филипп испытующе смотрел на свою армию. Атака началась. Это все, что он знал.

Александр жив; если сын падет в бою, но-

---

[64] Сноски: 64

Ификрат, Хабрий — знаменитые афинские полководцы начала IV в. до н. э. Ификрат известен также реформами в вооружении пехотинцев, которых он наделил длинными мечами и длинными ударными копьями.

вость полетит быстрее птицы. «Проклятая нога: я должен быть вместе со своими солдатами, они к этому привыкли. Вся жизнь прошла с копьем в руках. Никогда не думал, что воспитаю начальника конницы. Черт, молоту необходима наковальня. Если Александр справится с этим спланированным отступлением… Он понял приказ. Все складывается удачно. Удачно, но только наполовину. До чего же он похож на свою мать».

Мысли Филиппа унеслись далеко, быстро сменяющие друг друга образы спутались, как клубок змей. Он видел гордую голову, лежащую в крови; погребальный обряд; гробницу Эгии; выбор нового наследника; ухмыляющееся лицо кретина Арридея. «Я был пьян, когда зачинал его. Птолемей? Теперь слишком поздно признать в нем сына, я был мальчишкой, что я мог поделать? Что такое сорок четыре года, я все еще могу зачать дитя…» Приземистый темноволосый крепыш летел к нему с криком «Отец!..».

Раздался топот копыт, к царю подскакал вестник:

— Александр прорвал их ряды, государь. Фиванцы еще держатся, но они отрезаны от реки, правый фланг смят. Я не говорил с ним, Александр велел мне скакать к тебе сразу же, как только

это увижу; ты ждал новостей. Но я видел твоего сына в головном отряде, видел белый гребень его шлема.

— Слава богам. Привезший такую весть достоин награды. Подойди ко мне после.

Царь подозвал вестника и какое-то мгновение, как рачительный селянин во время жатвы, обозревал поле, с которого, благодаря тщательному уходу, осталось только в нужный срок снять урожай. Резервная конница показалась из-за холмов, прежде чем коринфяне смогли прийти в себя. Отступавшие гоплиты растянулись цепью в форме серпа. Ликующие афиняне оказались зажатыми с двух сторон.

Александр дал приказ к атаке.

* * *

Горстка юношей продолжала сопротивляться. Они захватили каменный загон для овец, высотой примерно по грудь, но сариссы свистели над их головами. На затоптанной земле скорчился парнишка лет восемнадцати, прижимая к щеке выбитый глаз.

— Нам нужно уходить, — нетерпеливо сказал из середины загона тот, что был постарше. — Нас отрежут. Взгляните! Посмотрите же вокруг.

— Мы останемся здесь, — ответил юноша, принявший на себя командование. — Иди, если хочешь: здесь ты или нет — разницы никакой.

— Зачем губить свои жизни? Они принадлежат городу. Мы должны вернуться и посвятить себя защите Афин.

— Варвары! Варвары! — закричал юноша, с ненавистью вглядываясь в окружившее их войско. Македонцы ответили каким-то невнятным боевым кличем. Улучив минутку, он продолжил, обращаясь к своему товарищу: — Защите Афин? Скорее мы погибнем вместе с ними. Филипп сотрет город с лица земли. Демосфен предрекал это.

— Ничто не определено, можно принять их условия… Смотри, они окружают нас; ты безумец, ты напрасно губишь наши жизни.

— Афины ждет не рабство, а полное уничтожение. Так говорил Демосфен. Я был там, я слышал его.

Сарисса, пущенная из гущи нападающих, вонзилась юному командиру в шею чуть ниже подбородка и, дробя кости, перебила основание черепа.

— Это безумие, безумие, — пробормотал самый старший из афинян. — Я больше не участник

в этой игре.

Кинув щит и копье, он полез через стену, по дороге срывая с себя шлем. Только один из защищавшихся, беспомощный, со сломанной рукой, смотрел беглецу вслед. Остальные продолжали сражаться. Кто-то из македонских военачальников, приблизившись, крикнул, что царь пощадит афинян, если те сдадутся. Тогда воины сложили оружие. Их погнали к толпе пленных, по полю, усеянному трупами и умирающими. Один из афинян сказал:

— Кто был этот жалкий человечек, сбежавший, когда бедняга Эвбий цитировал Демосфена?

И тогда человек со сломанной рукой, до этого хранивший молчание, ответил:

— Это был Демосфен.

К пленным приставили охрану; раненых, начиная с победителей, на щитах уносили с поля. Это заняло многие часы, день уже сменялся ночной темнотой. Побежденные лежали, надеясь на милость тех, кто находил их; многие ненайденные к утру, скорее всего, умрут. Мертвые тоже не были равны. Побежденные останутся здесь до тех пор, пока их города не попросят вернуть тела павших; эти трупы, о которых после взмолятся их семьи, были формальным признанием

того, что поле боя принадлежит победителям.

Филипп, в сопровождении свиты, с юга на север пересекал бесконечную мертвую равнину, похожую на усеянный обломками кораблекрушения берег. Стоны умирающих отдавались в его ушах как заунывный свист ветра среди горных лесов Македонии. Отец и сын почти не разговаривали. Иногда какой-то виток битвы вызывал у Филиппа вопрос: он пытался в точности представить себе картину сражения. Александр все еще был во власти Геракла, ему нужно было время, чтобы от нее освободиться. Сын сделал все возможное, чтобы не оскорбить отца, который обнял его при встрече, ожидая приличествующих случаю слов.

Наконец они достигли реки. Здесь, на прибрежной полосе, не осталось следов панического бегства или борьбы за жизнь. Мертвые лежали грудой, ощетинившись оружием во все стороны, за исключением той, где их спины защищала река. Филипп посмотрел на тесно сдвинутые щиты.

— Ты прошел здесь? — спросил он Александра.

— Да. Между ними и ахейцами. Ахейцы хорошо сражались, но эти стояли насмерть.

— Павсаний, — позвал Филипп. — Сочти их.

— В этом нет необходимости, — запротестовал Александр.

Подсчет занял какое-то время. Многие воины были погребены под телами убитых ими македонцев, их пришлось извлекать из-под трупов. Убитых оказалось три сотни. Весь Союз лежал здесь.

— Я крикнул им, чтобы они сдавались, — сказал Александр. — Они ответили, что не понимают языка варваров.

Филипп кивнул и снова погрузился в свои мысли. Один из телохранителей царя, который считал павших, человек, кичившийся своим остроумием, положил два мертвых тела одно на другое и отпустил мерзкую шутку.

— Не смей их трогать, — произнес Филипп громко. Неуверенные смешки стихли. — Да покарают боги того, кто скажет плохо об этих воинах.

Он круто повернул лошадь и отъехал, сопровождаемый Александром. Павсаний исподтишка пнул ближайшее к нему тело.

— Что же, — заключил царь, — на сегодня все. Думаю, мы заслужили немного вина.

Стояла чудесная ночь. Полог царского шатра был откинут; не поместившиеся внутри столы и скамьи вынесли наружу. Присутствовали все

военачальники, старые друзья, вожди племен и послы разнообразных союзных государств, следовавшие за армией.

Сначала вино разводили водой, потому что в горле у большинства гостей пересохло, потом, когда жажду утолили, оно пошло по кругу неразбавленным. Каждый, кто чувствовал себя счастливым или думал, что счастливый вид пойдет ему на пользу, начинал новую здравицу, прославляя царя.

Повинуясь ритму старых македонских застольных песен, гости начинали хлопать, шлепать себя по бедрам, стучать по столам. Их головы покрывали венки из разоренных виноградников. Когда хор запел в третий раз, Филипп поднялся на ноги и возглавил комос[65].

Гости выстроились в цепочку, все, кто мог раздобыть факелы, размахивали ими над головой. Захмелевшие держались за плечи тех, кто стоял рядом. Шатаясь и прихрамывая, Филипп шел впереди, рука об руку с Парменионом. Его красное лицо лоснилось в отблесках пламени, веко мертвого глаза провисло, он выкрикивал слова песни с рычанием, словно это были боевые при-

---

[65] Сноски: 65

Комос — торжественное шествие с пением, музыкой и танцами.

казы. Скрытая в вине истина дала ему ощутить все значение этой победы; давно лелеемые мечты сбылись, впереди — неограниченное могущество, упадок и смерть извечного врага. Тонкий слой южной благопристойности спал, как сковывавший движения плащ, Филипп остался один на один со своими горными предками, завоевателями-кочевниками, он был верховным владыкой Македонии, дающим своим соплеменникам пир после величайшего из всех набегов.

Ритм песни вдохновил его.

— Шшш! — рявкнул он. — Слушайте:

Демосфен пал!
Демосфен пал!
Демосфен из Пеании,
Сын Демосфена!
Эвоэ Вакх!
Эвоэ Вакх!
Демосфен пал!

Слова хорошо запоминались и еще легче пелись. Песня промчалась по цепочке, как огонь по валежнику. С криками и топотом шатающийся комос, озаренный лунным светом, шел в ночи к прибрежным оливковым рощам. Здесь постави-

ли загоны для пленных — чуть ниже по течению, чтобы они не смогли осквернить воду. Пробужденные шумом от тревожного сна или одиноких раздумий, истощенные угрюмые греки поднимались и молча смотрели в темноту или друг на друга. Глаза победителей пылали в свете факелов, как угли.

Ближе к концу комоса, где танцевали юноши, Гефестион выскользнул из дружеских объятий соседей и направился под сень олив, поминутно медля и оглядываясь. Он держался рядом с комосом, пока не увидел, что Александр отделился от танцующих. Александр тоже озирался, зная, что Гефестион где-то рядом.

Друзья стояли под старым деревом с искривленным, покрытым наростами стволом толщиной в конское туловище. Гефестион дотронулся до коры.

— Кто-то сказал мне, что эти деревья живут тысячу лет, — сказал он.

— Этому дереву, — ответил Александр, — будет что вспомнить.

Он провел рукой по лбу, сбросил свой венок на землю и придавил его ногой. Александр был совершенно трезв. Гефестион опьянел в начале комоса, но его голова вскоре прояснилась.

Друзья двинулись дальше. От загона с пленными все еще доносился шум, мелькали огни. Александр упрямо шел вдоль реки, пробираясь между трупами лошадей и телами воинов, окруженных сломанными копьями, сариссами и дротиками. Наконец он остановился, именно там, где и ожидал Гефестион.

Мародеры еще не успели добраться до тел. Сияющие щиты, трофеи победителей, мягко блестели в лунном свете. Запах крови здесь был сильнее; эти израненные греки сражались упорнее всех. Река мирно журчала по камням.

Одно тело лежало отдельно, лицом вниз, ногами к реке: юноша с темными, красиво вьющимися волосами. Мертвая рука все еще сжимала шлем, перевернутый и наполненный водой. Шлем не опрокинулся, потому что фиванец пытался ползти, когда смерть настигла его. Кровавый след, по которому он возвращался, тянулся к груде мертвых тел. Александр осторожно, чтобы не расплескать воду, поднял шлем и подошел туда. Здесь в огромной луже крови лежал юноша, почти мальчик, с рассеченной артерией на бедре. Его пересохший рот был открыт. Александр наклонился, дотронулся до тела и вылил уже бесполезную воду.

— Тот, другой, окоченел, но этот едва успел остыть. Он долго ждал, — произнес он.

— Он, наверное, знал, почему друг не приходит, — ответил Гефестион.

Невдалеке два тела лежали одно на другом, оба лицом в сторону врага. Старший — сурового вида, с густой подстриженной бородой — упал на младшего в предсмертной агонии. Обнаженная голова младшего была разрублена ударом меча, под плотью обнажилась кость. Неповрежденная часть лица поражала редкой красотой, безжалостно смятой.

Александр опустился на колени и, как поправляют одежду, приложил отрубленный кусок, вязкий от крови. Оглянувшись на Гефестиона, он сказал:

— Это сделал я. Я помню. Мальчик пытался ударить Букефала копьем в шею. Я убил его.

— Если бы он не потерял шлем, ремешок, я думаю, не выдержал, — кивнул Гефестион.

— Я не помню второго.

Второй был пронзен копьем; в пылу боя копье выдернули, оставив в теле огромную зияющую дыру. Лицо исказила боль; он умер в полном сознании.

— Зато я помню этого, — сказал Гефести-

он. — Он набросился на тебя, когда ты ударил мальчишку. Ты не поспел. Тогда это сделал я.

Повисло молчание. Маленькие лягушки квакали в речных заводях. Торжествующе запела какая-то ночная птица. Сзади доносилось нестройное пение комоса.

— Это война, — сказал Гефестион. — Они наверняка сделали бы с нами то же самое.

— Да, да. Все в воле богов, — прошептал Александр.

Александр снова опустился на колени у этих двух воинов и попытался расправить закоченевшие тела, но они были тверды, как дерево; глаза, когда Александр закрывал погибшим веки, открывались и вперяли в него свой мертвый взор. Наконец он чуть сдвинул тело мужчины, и оно легло рядом с юношей, обнимая его окоченевшей рукой. Александр снял с плеч плащ и, расправив, накрыл лица обоих.

— Александр, я думаю, ты должен вернуться к комосу. Царь заметит твое отсутствие, — напомнил Гефестион.

— Клит может петь намного громче. — Александр оглянулся на темные очертания тел, запекшуюся кровь, черную в лунном свете, на тускло сияющую бронзу. — Здесь, среди дру-

зей, мне лучше.

— Ты обязан быть там, тебя должны видеть. Это победный комос. Ты был первым в атаке. Филипп ждал этого.

— Все знают, что я сделал. Я хочу, чтобы сегодня вечером меня почтили одним: сказав, что я не был *там.* — Он показал на мерцающий свет факелов.

— Тогда идем, — сказал Гефестион.

Друзья спустились к воде и смыли с рук кровь. Гефестион ослабил пряжку плаща и окутал им себя и Александра. Вдоль реки они пошли к густой тени ив, нависших над питающим их потоком.

Филипп закончил вечер трезвым. Когда он танцевал перед пленными, Демад, афинский эвпатрид, сказал ему со спокойным достоинством:

— Когда судьба отводит тебе роль Агамемнона, царь, не стыдно ли тебе разыгрывать Терсита?[66]

Филипп был не настолько пьян, чтобы не почувствовать, что это был — при всей его суровости — упрек грека греку. Он остановил комос, велел омыть Демада и дать ему чистую одежду,

---

[66] Сноски: 66

Терсит — один из участников Троянской войны, был хромоног, уродлив, болтлив и обладал дурным характером.

накормил в своем шатре и на следующее утро отправил в Афины как посла. Даже во хмелю Филипп не потерял своей проницательности: эвпатрид принадлежал к партии Фокиона, которая выступала за мир, но повиновалась призыву к войне. Демад передал Афинам поставленные царем условия. Их объявили ошеломленному Собранию, которое выслушало требования с недоверчивым облегчением.

Афины должны были признать гегемонию Македонии; таковы же были условия мира, выдвинутые Спартой шестьдесят лет назад. Но спартанцы перерезали глотки всем пленным, взятым у Эгоспотам, трем тысячам человек; они под звуки флейт разрушили Длинные стены и насадили тиранию. Филипп обещал освободить пленников, не требуя выкупа, не входить в Аттику, а форму правления предоставлял их собственному выбору.

Афиняне согласились, и останки павших были возвращены городу должным образом. Мертвых сожгли на общем погребальном костре, поскольку трупы невозможно было сохранить до дня окончательного установления мира. Пылал огромный костер; целый отряд поддерживал в нем огонь в течение дня; другие подносили тру-

пы; всепожирающее пламя вздымало к небу дым от рассвета до заката, и люди пришли в изнеможение. Погибло более тысячи человек. Пепел и опаленные кости собрали в деревянные лари, за которыми должны были приехать посланцы Афин.

Фивы, измученные и лишенные помощи, сдались без каких-либо условий. Афины открыто выступили как враг, но Фивы, этот вероломный союзник… Филипп занял городскую цитадель, казнил или лишил имущества главарей антимакедонской партии и освободил Беотию. Никаких переговоров не было, мертвых фиванцев быстро сгребли в одну кучу. Воинов Священного Союза положили вместе в братской гробнице по праву героев; покой их охранял мраморный лев Херонеи.

Когда послы Филиппа вернулись из Афин, царь велел передать пленным афинянам, что они свободны, и вернулся к прерванному обеду. Царь еще ел, когда один из гетайров попросил разрешения войти. Воин отвечал за конвой.

— Ну? — спросил Филипп. — Что случилось?

— Государь, они просят свои вещи, — сказал гетайр.

Филипп отложил лепешку, которой подбирал

остатки похлебки:

— Просят что?

— Барахло из их лагеря, постели и все такое.

Македонцы открыли рты и выпучили глаза. Филипп хрипло захохотал, сжав ручки кресла и выставив вперед свою черную бороду.

— Они думают, — пророкотал он, — что мы выиграли у них игру в кости? Скажи, пусть убираются.

Когда послышался мерный топот уходящей колонны, Александр спросил:

— Почему бы не пойти дальше? Нам нет нужды разрушать город, они сдадутся, как только увидят наше приближение.

Филипп потряс головой:

— Ни в чем нельзя быть уверенным. Акрополь еще ни разу не сдавался, с того дня, как был заложен.

— Ни разу? — Глаза Александра мечтательно загорелись.

— А когда город пал, это было победой Ксеркса. Нет, нет.

— Да, это правда.

Ни отец, ни сын не заговаривали ни о комосе, ни о том, что Александр в нем не участвовал; каждый радовался деликатности другого.

— Но я надеюсь, ты, по крайней мере, не позволишь Демосфену вновь забрать их в свои руки, — сказал Александр.

Филипп провел по тарелке кусочком хлеба:

— Отними у них этого человека — они обзаведутся его статуей. Живой он не так похож на героя. Что же, ты сам очень скоро увидишь Афины. Я отправляю тебя как своего посла отвезти им погребальные урны.

Александр медленно оглянулся. В течение какого-то мгновения он подозревал, что стал предметом странной шутки. Он не мог представить, что, дважды пощадив Афины, избавив их от вторжения и постоя, отец не отправится в город сам как великодушный победитель, чтобы пожать плоды благодарности. Неужели он стыдился комоса? Или это часть политики? Возможно ли верить ему?

— Послать тебя, — сказал Филипп, — значит проявить деликатность. Меня бы сочли высокомерным. Сейчас афиняне на положении союзников. Может быть, наступит более подходящее время.

Да, Филипп все еще не отказался от мечты. Он хотел, чтобы ворота Афин открылись изнутри. Выиграв войну в Азии и освободив греческие

города, царь должен был приехать в Афины на устроенный в его честь пир — не как завоеватель, как почетный гость. А он даже никогда не видел город.

— Хорошо, отец, я еду. — И только после этого Александр спохватился и произнес слова благодарности.

* * *

Александр проехал между башнями Дипилонских ворот, через Керамик. По одну сторону тянулись гробницы прославленных мужей и знати; старые раскрашенные могильные стелы поблекли от дождей и ветра, на новых еще висели увядшие траурные венки с вплетенными в них прядями волос. Обнаженные мраморные вожди гордо поднимали головы, женщины улыбались своему отражению в зеркале, солдат смотрел на поглотившее его кости море. Все они хранили безмолвие. Среди них шумно толкались толпы живых.

Пока еще не была возведена гробница, готовая принять урны с прахом, привезенные длинным погребальным поездом, для них построили павильон. Александр ехал, провожаемый подобострастными взглядами, но за его спиной

поднимался пронзительный крик: женщины теснились вокруг катафалков, оплакивая павших. Александр чувствовал, как Букефал вздрогнул под ним; сзади, от могил, кто-то швырнул им в спину комок грязи. Конь и всадник переживали и худшее; ни тот ни другой не удостоили обидчика взглядом. Если ты сражался тогда, мой друг, тебе это мало приличествует, если же нет — еще меньше. Но если ты женщина, я тебя понимаю.

Впереди возвышались отвесные северо-западные утесы Акрополя. Александр пробежал по ним взглядом, гадая, каковы остальные стороны. Кто-то пригласил его на общественный ужин, он вежливо отклонил приглашение. У дороги стоял, опираясь на копье, мраморный гоплит в древних доспехах; Гермес, проводник мертвых, наклонялся, протягивая руку ребенку; жена и муж прощались; двое друзей соединяли над алтарем руки, между ними стоял кубок. Повсюду Любовь в молчании смотрела на Неизбежность. Здесь не было места риторике. Кто бы ни пришел после, эти люди построили великий город.

Александра провели через Агору, чтобы он выслушал речи в зале Совета. Время от времени в ропоте толпы он различал сдавленное прокля-

тие, но партия войны, предсказания которой оказались пустыми, держалась преимущественно в стороне. Демосфен словно растворился в воздухе. Старых друзей, гостеприимцев и защитников Македонии насильно выдвинули вперед; Александр чувствовал себя неловко, но при встрече со знакомыми делал все от него зависящее. Здесь был Эсхин, не дрогнувший, но внутренне готовый дать отпор недовольным согражданам. Филипп явил милость даже большую, чем осмеливалась предрекать партия мира; теперь эти люди возбуждали у сограждан ненависть, как все те, кто оказывается прав. Осиротевшие, разорившиеся, лишенные всего следили за ними недремлющими очами Аргуса, ища и находя в правых проблески торжества. Явились также и люди, подкупленные Филиппом, одни — вкрадчивые, другие — раболепные; эти нашли сына царя вежливым, но туповатым.

Александр ел в доме Демада, в обществе нескольких почетных гостей: случай не располагал к пиршеству. Однако все было воистину по-аттически: неброская элегантность одежд, ложа и столы с совершенным по вкусу орнаментом и полировкой; винные кубки старого серебра, истончившегося от множества чисток; достойные

вышколенные слуги; беседа, в которой никто никого не перебивал и не повышал голос. В Македонии сдержанность Александра за столом казалась всем необычной и непонятной, но здесь он внимательно следил за сотрапезниками, стараясь не оплошать.

На следующий день Александр принес в Акрополе жертвы богам города, прося о надежном мире. Здесь баснословная Афина-воительница кончиком копья указывала путь кораблям — где ты была, богиня, или твой отец запретил тебе сражаться, как это было под стенами Трои? Повиновалась ли ты на этот раз? Здесь, в твоем храме, стоит Дева Фидия, сделанная из слоновой кости, в позолоченной одежде; сюда доставляют в течение столетия трофеи и подношения. (Три поколения; всего лишь три!)

Александр вырос во дворце Архелая: прекрасные здания не были для него чем-то новым, он предпочитал говорить об истории. Ему показали оливу Афины, которая, когда персы сожгли ее, за ночь вновь оделась листвой. Персы унесли и древние статуи Освободителей — Гармодия и Аристогитона, чтобы украсить Персеполь.

— Если мы сможем вернуть эти скульптуры, — сказал Александр, — я пришлю их вам.

Освободители были храбрыми воинами и истинными друзьями.

Никто не ответил ему. Македонская хвастливость уже давно вошла в поговорку. Стоя на парапете, Александр искал взглядом место, где вскарабкались персы, и нашел его без посторонней помощи; спрашивать казалось невежливым.

Чтобы почтить великодушие Филиппа, партия мира решила установить в Парфеноне статуи царя и его сына. Сидя перед делавшим зарисовки скульптором, Александр думал, что изображение отца будет стоять здесь, и прикидывал, когда же сам Филипп въедет в этот город.

Есть ли что-нибудь еще, спросили Александра, какое-либо место, которое он хочет посетить перед отъездом? «Да, — сказал Александр, — это Академия. Аристотель, мой наставник, бывал там. Теперь он живет в Стагире, мой отец отстроил город и вернул в него жителей. Но я бы хотел увидеть место, где учил Платон».

Вдоль дороги в Академ были погребены все великие афинские воины прошлого. Александр увидел боевые трофеи, и его вопросы задержали отряд. Здесь тоже лежали в братских могилах люди, погибшие в знаменитых сражениях вме-

сте. Уже расчищали новое место; он не спросил, для кого.

Дорога исчезла в вековой оливковой роще, высокую траву и полевые цветы в которой уже иссушила осень. Рядом с алтарем Эрота стоял другой, посвященный Эроту Мстительному. Александр поинтересовался, что это значит. Чужеземец, ответили греки, полюбил прекрасного афинского юношу и поклялся, что нет ничего такого, чего бы он не сделал для возлюбленного. «Тогда спрыгни со скалы», — ответил тот. Когда юноша увидел, что влюбленный бросился вниз, он последовал за ним.

— Он правильно сделал, — сказал Александр. — Какое имеет значение, откуда человек родом? Главное — что такое есть он сам.

Афиняне переглянулись и поменяли тему; вполне понятно, что сыну македонского выскочки приходят такие мысли.

Спевсипп, унаследовавший от Платона школу, умер год назад. В холодном, простом белом домике, принадлежавшем Платону, Александра принял новый глава школы, Ксенократ, могучий великан, степенный и важный. Перед ним, как говорили, все расступались даже в базарный день на Агоре. Александр, принятый с любезно-

стью, какую выдающийся учитель оказывает многообещающему ученику, нашел философа серьезным человеком и запомнил его.

Они немного поговорили о методе Аристотеля.

— Человек должен следовать своей правде, — сказал Ксенократ, — куда бы она ни привела его. Аристотеля, я полагаю, его правда увела прочь от Платона, который был человеком, считавшим «как» слугой «почему». Я иду по стопам Платона.

— Ты его любишь?

Ксенократ повел Александра мимо фонтана в виде дельфина к увитой миртом гробнице Платона; рядом высилась статуя философа. Платон сидел со свитком в руке, его классической формы продолговатая голова, венчавшая мощные плечи, чуть склонилась. На закате своих дней он стриг волосы так же коротко, как во времена, когда был юношей-атлетом. Борода была аккуратно подрезана, лоб вдоль и поперек изборожден морщинами; из-под тяжелых надбровных дуг пристально смотрели запавшие глаза человека, который бежит от небытия.

— Все же он верил в благо. У меня есть несколько его книг, — сказал Александр.

— Что до блага, — заметил Ксенократ, — Платон сам был лучшим его свидетельством. Помимо

этого, что может искать человек? Я хорошо его знал. Я рад, что ты читал его книги. Но в них, как он сам всегда говорил, изложено учение его наставника, Сократа. Книги самого Платона никогда бы не появились: то, чему он учил, можно было понять только в беседе. Так пожар возгорается от небольшого пламени.

Александр нетерпеливо вглядывался в задумчивое мраморное лицо, словно оно было крепостью на неприступной скале. Но утес исчез, смытый потоком времени, никогда и никому не взять его штурмом.

— У него было тайное учение? — поинтересовался Александр.

— Секрет прост. Ты солдат, и единственное, что можешь, — это передать свою мудрость людям, научить их тела переносить тяжелые испытания, а души — сопротивляться страху, не так ли? Тогда от искры возгорится другая искра. Так и с ним.

С сожалением и легким недоверием Ксенократ смотрел на юношу, который, в свою очередь, с легким недоверием и сожалением смотрел на мраморное лицо. Миновав гробницы мертвых героев, Александр вернулся в город.

Он собирался переодеться к ужину, когда ему

доложили о госте: хорошо одетом, с хорошей речью человеке, заявившем, что он встречался с Александром в зале Совета. Их оставили одних. Незнакомец начал издалека. Александр узнал, что все хвалят проявленные им скромность и выдержку, которые так хорошо подходят его миссии. Многие, однако, сожалеют, что из уважения к публичному трауру наследник вынужден отказывать себе в удовольствиях, которыми город располагает в полной мере. Позором будет не предложить ему вкусить их в безвредной обстановке частного дома.

— У меня сейчас есть один мальчик… — Гость описал прелести Ганимеда.

Александр выслушал его, не прерывая.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он наконец. — У тебя есть мальчик? Он твой сын?

— Государь! Ах, вы, должно быть, шутите, — смутился гость.

— Возможно, твой друг? — продолжал Александр.

— Ничего подобного, уверяю вас: мальчик всецело в вашем распоряжении. Только взгляните на него. Я заплатил две сотни статеров.

Александр встал.

— Я не понимаю, — сказал он, — что я сделал,

чтобы оказаться достойным тебя или твоей торговли. Пойди прочь.

Афинянин так и сделал, в ужасе возвратившись к партии мира, которая хотела, чтобы юноша увез из их города приятные воспоминания. Проклятье лживым сплетникам! Теперь уже поздно предлагать ему женщину.

На следующий день Александр выехал на север.

Вскоре после этого тела павших у Херонеи были погребены в общей могиле в Ряду Героев. Граждане обсуждали, кто будет произносить надгробную речь. Предлагали Эсхина и Демада. Но один из них был слишком упоен своей правотой, другой — слишком удачлив; скорбящим сердцам Собрания оба казались приторными и самодовольными. Все глаза обратились к опустошенному лицу Демосфена. Полное поражение, чудовищный позор на какое-то время испепелили кипевшую в нем злобу; причиной новых морщин, залегших на лбу, была скорее боль, чем ненависть. Оплакивающие близких могли довериться этому человеку в своем горе: ему не пристало радоваться. И речь произнес Демосфен.

Все греческие государства, за исключением

Спарты, отправили послов в Коринф, где собрался Совет. Филипп был признан верховным полководцем Эллады в предстоящей войне с Персией. На этой первой встрече он не просил большего. Все остальное придет потом.

Царь направился к границам угрюмой Спарты, но потом передумал. Пусть старый пес сидит в своей конуре. Он не выйдет сам, но, загнанный в угол, умрет, яростно сопротивляясь. Филипп не стремился стать Ксерксом новых Фермопил.

Коринф, город Афродиты, встретил их приветливее Афин.

Царю и наследнику оказали пышный прием. Александр, не пожалев времени, проделал долгий и трудный путь до Акрокоринфа и вместе с Гефестионом осмотрел массивные стены, которые снизу казались узкой лентой, опоясывающей мощно вздымавшийся лоб горы. День стоял ясный, и на юге виднелись Афины, на севере — Олимп. Александр оценил прочность стен, отметил недочеты, запомнил размеры, не забыл полюбоваться памятниками. На самом верху угнездился маленький, белый, милый храм Афродиты. Некоторые из знаменитых жриц богини, сказал проводник, как раз в это время поднимаются сюда из городского храма, чтобы служить

богине. Он выжидающе помедлил — но тщетно.

Демарат, коринфский аристократ древнего дорийского рода, бывший старым гостеприимцем Филиппа, радушно принял его на все время Совета. Однажды вечером, в своем огромном доме на склоне Акрокоринфа, он дал в честь царя небольшой дружеский пир, пообещав Филиппу гостя, который наверняка будет ему интересен.

Им оказался Дионисий Младший, сын Дионисия Великого, позднее — Сиракузского. С тех пор как Тимолеон изгнал его, уничтожив тиранию, он жил в Коринфе и зарабатывал на жизнь, содержа частную школу. Это был близорукий, нескладный, неприметный человек, примерно ровесник Филиппа; новое положение и недостаток средств положили конец его знаменитым излишествам, но сизый нос выдавал застарелого пьяницу. Расчесанная учительская бородка скрывала безвольный подбородок. Филипп, уже превзошедший даже его грозного отца, тирана Дионисия, обращался с ним чарующе деликатно и, когда вино пошло по кругу, был вознагражден откровенностью.

— У меня не было никакого опыта, когда я стал наследником моего отца, вообще никакого. Мой отец был очень подозрительным человеком.

Вы наверняка слышали рассказы о нем, по большей части они правдивы. Все боги да будут мне свидетелями: у меня и в мыслях не было когда-либо причинить ему вред, но до дня его смерти меня обыскивали с ног до головы, прежде чем допустить к нему. Я никогда не видел государственных бумаг, не присутствовал на военных советах. Если бы он, как делаете это вы со своим сыном, оставлял меня управлять страной на время своих походов, история, возможно, сложилась бы иначе.

Филипп серьезно кивнул и сказал, что в это легко поверить.

— Я был бы доволен, если бы он просто оставил меня в покое, позволив предаваться усладам юности. Он был суровым человеком; очень способным, но суровым.

— Что ж, многие причины ведут к падению, — согласился Филипп.

— Да. Когда отец захватил власть, народ по горло был сыт демократией, а когда передал ее мне — по горло был сыт деспотией.

Филипп отметил про себя, что Дионисий не столь глуп, как это казалось.

— Но почему Платон не помог тебе? Говорят, он приезжал в Сиракузы дважды.

Невыразительное лицо изменилось.

— Видя, как я выношу столь великий удар судьбы, не кажется ли тебе, что я все же кое-чему у него научился?

Во взгляде водянистых глаз появилось едва ли не величие. Филипп глянул на аккуратную штопку единственного хорошего хитона Дионисия, дружески накрыл его руку своей и кликнул виночерпия.

На позолоченной кровати, изголовье которой украшали резные лебеди, Птолемей лежал со своей новой девушкой — Таис Афинской.

Совсем юной она приехала в Коринф, и теперь у нее уже был собственный дом. Стену покрывали изображения переплетающихся любовников, на ночном столике стояли два изысканных неглубоких кубка, кувшин с вином и круглая склянка с душистым притиранием. Пламя лампы-треножника, удерживаемой позолоченными нимфами, озаряло комнату; девушке было девятнадцать лет, и она не нуждалась в таинственности. Черные волосы Таис были мягкими, как пух; синие глаза, ярко-розовый ненакрашенный рот; краска, однако, выделяла ногти, соски и ноздри, делая их похожими на розовые раковины. Кремовая кожа ровная, безволосая и гладкая, как алебастр.

Птолемея она очаровала. Час был поздний, и он лениво касался ее тела, уже не ожидая, что старое пламя возгорится вновь.

— Нам нужно жить вместе. Эта жизнь не для тебя. Я не женюсь еще многие годы. Не бойся, я позабочусь о тебе, — сказал он.

— Но, душенька, все мои друзья здесь. Наши концерты, представления… Я буду совершенно одинока в Македонии.

Все говорили, что Птолемей — сын Филиппа. Не следовало показывать нетерпение.

— Да, но впереди Азия. Ты будешь сидеть у голубого фонтана, среди роз, а я вернусь из похода и наполню твой подол золотом, — уговаривал Птолемей.

Таис засмеялась и куснула его за мочку уха.

Вот это мужчина, думала она, его действительно можно принимать каждую ночь. По сравнению с другими…

— Дай мне немного подумать. Приходи к ужину завтра, нет, уже сегодня. Я скажусь Филету больной, — предложила красавица.

— Маленькая проказница. Что тебе принести?

— Только себя самого. — Таис знала, что это действует безотказно. — Македонцы настоящие мужчины.

— Брось, ты пробудишь к жизни и статую.

— Я рада, что вы начали бриться. Теперь снова видны красивые лица. — Таис провела пальцем по его подбородку.

— Александр ввел эту моду. Он говорит, что борода помогает врагам — им есть за что ухватиться.

— О, поэтому?.. Александр прелестный мальчик. Все влюблены в него.

— Все девушки, кроме тебя? — спросил Птолемей.

Таис рассмеялась.

— Не будь ревнивцем. Я имела в виду солдат. Александр один из нас, в глубине души, понимаешь?

— Нет. Нет, ты не права, — возразил Птолемей. — Он целомудрен, как Артемида, или почти так же.

— Да, это всем видно, но я хотела сказать другое. — Пушистые брови Таис задумчиво сдвинулись. Ей нравился новый любовник, и впервые в жизни она поверяла мужчине свои истинные мысли. — Александр похож на великого человека, такого, о которых пели аэды в старые дни. Знаешь, такие люди живут не для любви, но окружены любовью. Уверяю тебя, я видела са-

ма: они — кровь его тела, все эти люди, которые, он знает, пойдут за ним в огонь. Если наступит день, когда они не последуют за ним, Александр начнет медленно умирать, совсем как какая-нибудь знаменитая гетера, когда любовники покидают ее двери и она откладывает в сторону зеркало.

Легкий вздох был ей ответом. Таис бережно подняла покрывало и окутала им их обоих. Птолемей уже засыпал, близилось утро. Пусть останется. Можно начать привыкать к нему.

Из Коринфа Филипп отправился домой, чтобы начать приготовления к войне в Азии. Когда он будет готов, то добьется, чтобы Совет дал согласие на поход.

Большая часть армии ушла вперед под предводительством Аттала и разошлась по домам на отдых; так же поступил и Аттал. Он владел старой, замшелой родовой крепостью на склонах горы Пидна. Филипп получил от него письмо, в котором Аттал просил царя почтить его скромный дом и отдохнуть после долгого перехода. Филипп, нашедший Аттала проницательным и одаренным, послал свое согласие.

Когда они свернули с горной дороги в холмы и линия горизонта над морем удлинилась, Алек-

сандр сделался неразговорчивым и угрюмым. Вскоре он покинул Гефестиона, подъехал к Птолемею и увлек его за собой в сторону от отряда, на заросший вереском и кустарниками склон холма. Птолемей, озадаченный, последовал за Александром, но ум его занимали собственные дела. Сдержит ли гетера слово? Таис заставила его ожидать ответа до самой последней минуты.

— О чем думает отец? — сказал Александр. — Почему не отошлет Павсания в Пеллу? Как он может везти его туда?

— Павсаний? — пробормотал Птолемей. Его лицо изменилось. — Что ж, он вправе сопровождать царя как телохранитель.

— Павсаний вправе быть избавленным от этого, если вообще имеет какие-то права. Ты что, не знаешь, что это случилось в доме Аттала?

— У Аттала есть дом и в Пелле, — возразил Птолемей.

— Это было здесь. Я услышал об этом в двенадцать лет. Я был на дворцовой конюшне, в одном из стойл, меня не заметили; конюхи Аттала рассказывали нашим. Мать рассказала мне то же самое, годы спустя. Я не стал ей говорить, что уже все знаю. Это случилось здесь.

— Все было так давно. Шесть лет прошло, — на-

помнил Птолемей.

— Ты думаешь, кто-то забудет такое и через шестьдесят? — нахмурился Александр.

— В конце концов, Павсаний на службе, он не обязан чувствовать себя гостем.

— Его нужно было освободить от этой службы. Отец должен был ему помочь.

— Да, — сказал Птолемей медленно. — Да, жаль… Знаешь, я не вспомнил, о чем речь, пока ты не заговорил, а я не так занят делами, как царь.

Букефал, чувствуя, как оцепенел его всадник, всхрапнул и встряхнул лоснящейся гривой.

— Об этом я не подумал! Есть нечто, о чем можно напомнить и царю! Пармениону следовало это сделать, они с отцом росли вместе. Но возможно, Парменион и сам забыл о том, что случилось.

— Это только на одну ночь… Я думаю, если все устроилось хорошо, Таис уже продала дом. Ты должен ее повидать. Подожди, вот услышишь, как она поет!

Александр вернулся к Гефестиону. Друзья ехали молча, пока вдали не замаячили стены крепости, сложенные из тесаных камней, зловещее напоминание о годах беззакония. От ворот отделилась группа всадников, спешивших с приветствием.

— Если Павсаний будет не в духе, не ссорься с ним, — предупредил Александр.

— Да. Я знаю, — кивнул Гефестион.

— Даже цари не имеют права причинять людям зло и после забывать об этом, — сказал Александр.

— Я не думаю, — ответил Гефестион, поразмыслив, — что Филипп забыл. Тебе нужно вспомнить, сколько кровавых распрей прекратил он за свое царствование. Подумай о Фессалии, о Линкестиде. Мой отец говорит, когда Пердикка умер, в Македонии не нашлось дома или племени, не вовлеченных хотя бы в одну кровную месть. Ты знаешь, я должен был бы мстить Леоннату, его прадед убил моего, я, наверное, говорил тебе об этом. Царь часто приглашал наших отцов на ужин вместе, чтобы убедиться, что все в порядке; теперь они и не вспоминают о вражде.

— Но это была старая семейная вражда, не их личная неприязнь.

— Таков удел царя, Павсаний должен это знать. Царь гасит вражду.

И действительно, когда они добрались до крепости, Павсаний исполнял свои обязанности, как обычно. Его делом было охранять двери, пока царь пировал, а не сидеть с гостями. Еду ему

принесут позднее.

О свите царя и о лошадях радушно позаботились, самого его, вместе с сыном и несколькими избранными друзьями, ввели в парадные покои. Грубо выстроенная крепость была чуть моложе замка в Эгии — старого, как сама Македония. Атталиды считались древним кланом. Комнаты отличались изысканным убранством: мягкие персидские ткани, резная мебель с инкрустацией. Как высший знак внимания, к гостю вышли женщины, чтобы быть представленными ему и предложить сласти.

Александр заинтересовался изображением персидского лучника на гобелене. Внезапно он услышал голос Филиппа:

— Я и не знал, Аттал, что у тебя есть еще одна дочь.

— У меня ее и не было, царь, до недавнего времени. Боги, взявшие у нас моего брата, даровали ее нам. Это Эвридика, дитя бедняги Биона.

— В самом деле бедняга, — сказал Филипп. — Вырастить такую красавицу и умереть накануне ее свадьбы!

— Мы еще не думали об этом, — сказал Аттал просто. — Мы слишком довольны нашей новой дочерью, чтобы так скоро с ней расстаться.

При первых звуках голоса отца Александр резко обернулся, как сторожевой пес, услышавший крадущиеся шаги вора. Девушка стояла перед Филиппом, держа в правой руке чашу полированного серебра. Царь взял Эвридику за свободную руку, как мог бы это сделать кто-то из родственников, и теперь отпустил, возможно, потому, что увидел, как она зарделась. В облике девушки проступали фамильные черты Аттала, но все его изъяны обратились в ее достоинства: впалые щеки — в нежные ямочки под тонкими скулами, соломенные волосы — в золотые; его худоба — в ее тонкость и гибкость. Филипп сказал несколько слов в похвалу ее умершему отцу, она слегка поклонилась царю, встретилась с ним взглядом и опустила глаза, подходя со своей чашей к Александру. На губах Эвридики угасала мягкая нежная улыбка.

Назавтра — отъезд был отложен до полудня — Аттал сообщил, что этот день посвящен местным нимфам, в честь которых дадут пир и будут петь женщины. Девушки пришли со своими венками; голос Эвридики был по-детски высоким, но верным. Гости попробовали и похвалили прозрачную воду источника нимф.

Когда гости наконец отправились в путь, пол-

дневный жар еще не схлынул. Через несколько миль Павсаний отделился от отряда. Видя, что он спускается к ручью, один из товарищей окликнул стража, советуя подождать милю-другую до того места, где вода станет чище: здесь ее замутил скот. Павсаний сделал вид, что не услышал, зачерпнул в сложенные ковшом руки воды и жадно напился. Все время, проведенное в доме Аттала, он не пил и не ел.

Александр стоял рядом с матерью под картиной «Разорение Трои» кисти Зевксида. Над Олимпиадой раздирала на себе одежды царица Гекуба, вокруг головы Александра пурпурным нимбом растекалась кровь Приама и Астианакса. Языки пламени от зимнего очага ложились бликами на нарисованный огонь и живые лица.

Под глазами Олимпиады лежали черные круги, лицо посекли морщины; она словно постарела сразу на десять лет. Александр крепко сжал пересохший рот; он тоже провел бессонную ночь, но старался этого не показывать.

— Мама, зачем снова посылать за мной? Все сказано, и ты это знаешь. То, что было правдой вчера, остается правдой сегодня. Я должен пойти.

— Здравый смысл! Выгода! Филипп сделал из тебя грека. Если он хочет убить нас, устранить

как помеху — хорошо, пусть убьет. Умрем гордо.

— Ты знаешь, что Филипп нас не убьет. Наши враги хотят загнать нас в угол, и это все. Если я пойду на свадьбу, если я одобрю девушку, всем будет ясно, что я отношусь к ней так же, как и все остальные, — фракийские и иллирийские женщины считаются ничтожеством. Отец это знает: неужели ты не видишь, что он пригласил меня именно поэтому? Филипп сделал это, чтобы пощадить наше самолюбие.

— Что? Заставив тебя пить за мой позор? — взорвалась Олимпиада.

— Нужно ли мне это делать? Признай, раз уж это правда: царь не откажется от девушки. Очень хорошо; она македонка, из семьи столь же древней, как наша; разумеется, родные должны настаивать на браке. Вот почему Филиппа познакомили с ней, я понял это в первую же минуту. Аттал выиграл этот бой. Если мы сыграем ему на руку, он выиграет и войну целиком.

— Все подумают только одно: ты принял сторону своего отца против меня, чтобы сохранить его благосклонность.

— Они не так плохо меня знают.

Эта мысль мучила Александра половину ночи.

— Пировать с родней этой шлюхи! — взвилась

Олимпиада.

— Пятнадцатилетняя девственница. Девушка всего лишь приманка, как ягненок в волчьей ловушке. О, она сыграет свою роль, но через год-другой отец найдет кого-нибудь помоложе. Зато Аттал воспользуется отведенным ему временем. Думай о нем.

— Значит, мы должны пройти через это!

Хотя в голосе матери звучал горький упрек, Александр принял эти слова за согласие — с него было довольно.

В его комнате ждал Гефестион. С ним они тоже обо всем поговорили. Какое-то время они молча сидели рядом на кровати. Наконец Гефестион произнес:

— Ты узнаешь, кто ее друзья.

— Я это уже знаю, — ответил Александр.

— Друзьям царя следовало отговорить его. Разве Парменион не может этого сделать?

— Он пытался, Филот мне рассказывал. Я знаю, о чем думает Парменион. И я не могу сказать маме, что понимаю его.

— Да? — сказал Гефестион после долгой паузы.

— Когда отцу исполнилось шестнадцать, он влюбился в женщину, которой не было до него дела. Он посылал ей цветы — она выбрасывала

их в выгребную яму, он пел под ее окном — она выливала ему на голову ночной горшок, он хотел жениться — она позволяла ухаживать за собой его соперникам. Наконец он не сдержался и ударил ее, но ему невыносимо было видеть, как она лежит у его ног, и он ее поднял. Потом, уже царем Македонии, он стыдился подойти к ее дверям, вместо этого послал меня. Я пошел, и что же — после всех этих лет нашел старую накрашенную шлюху. И я пожалел его. Я никогда не думал, что такой день наступит, но это правда, я жалею его. Он заслуживает лучшего. Эта девушка… хотел бы я, чтобы она была танцовщицей, или флейтисткой, или развратным мальчишкой: тогда у нас не было бы этих проблем. Но раз он так ее хочет…

— И ты *поэтому* идешь?

— О, я мог бы подыскать причины поубедительнее. Но — поэтому.

* * *

Свадебный пир давали в городском доме Аттала, недалеко от Пеллы. Он был заново отремонтирован, причем полностью; колонны украсили позолоченными гирляндами, бронзовые инкрустированные статуи привезли с Самоса. Учли са-

мые мелочи, все свидетельствовало о том, что эта женитьба царя отличается от всех прочих, за исключением первой. Как только Александр вошел в сопровождении своих друзей и они огляделись, на всех лицах отразилась одна мысль. Это был дом тестя царя, а не дяди очередной наложницы.

Невеста сидела на троне, окруженная роскошным приданым и подарками жениха; Македония придерживалась более старых обычаев, чем юг. Золотые и серебряные кубки, кипы чудесных тканей, украшения и ожерелья были разложены на вышитых покрывалах; на помосте стояли инкрустированные столы, нагруженные ларцами с пряностями и фиалами благовоний. Одетая в шафрановое платье, в венке из белых роз, Эвридика сидела, опустив глаза на свои скрещенные руки. Гости выкрикивали обычные поздравления; стоявшая рядом жена Аттала благодарила их от имени невесты.

В должное время женщины увели Эвридику в приготовленный для нее дом. Свадебное шествие за носилками отменили как неуместное. Александр, разглядывая Атталидов, был уверен, что они страстно этого желали. Он думал, что его гнев угас, пока не поймал на себе изучающий взгляд Аттала.

Искусно приготовленное жертвенное мясо было съедено, за ним последовали лакомства. Хотя дымоход исправно работал, жарко натопленная комната наполнилась чадом. Александр заметил, что к нему никто не подходит, он сидел один среди своих друзей. Он был рад, что Гефестион рядом, но его место должен был бы занять родственник невесты. Атталиды, даже самые юные, теснились вокруг царя.

— Скорее, Дионис, — пробормотал Александр Гефестиону. — Ты нам очень нужен.

Однако, когда вино принесли, Александр пил, по обыкновению, немного, умеренный в этом так же, как в еде. Македония была страной горных ручьев с чистой, хорошей водой, никто не являлся к столу с пересохшим от жажды ртом, как это случается в жарких странах Азии, где реки иссякают под палящим солнцем.

Когда гости их не слышали, Александр с Гефестионом позволяли себе обмениваться шутками, которые остальные приберегали для обратного пути домой. Юноши из окружения Александра, сердясь, что царевичем пренебрегают, ловили их негромкие замечания и подхватывали издевки уже с меньшей осторожностью. В пиршественном зале повеяло запахом раздора.

Забеспокоившись, Александр шепнул Гефестиону: «Нам лучше сохранять приличия» — и повернулся к своей компании. Когда жених уедет, они смогут незаметно ускользнуть. Александр взглянул на отца и увидел, что тот уже пьян.

Сияющее лицо Филиппа раскраснелось, вместе с Парменионом и Атталом он горланил старые армейские песни. Жир от мяса стекал ему на бороду. Филипп громко отвечал на избитые с незапамятных времен шутки о первой брачной ночи и мужской удали, которые, по обычаю, сыпались на жениха, как раньше — изюм и пшеница. Он завоевал девушку, он был среди старых друзей, македонское братство восторжествовало, вино подбавило радости в его и без того ликующее сердце. Александр, тщательно вымытый, полуголодный и почти трезвый — хотя он был бы трезвее, если бы больше ел, — сидел в молчании, сгущавшемся вокруг него, как туча.

Гефестион, сдерживая гнев, переговаривался с соседями, чтобы отвлечь внимание. Самый недостойный хозяин, думал он, не подверг бы такому испытанию и своего раба. Он злился и на себя самого. Как мог он не предвидеть всего этого, почему ничего не предпринял, чтобы уберечь Александра? Он сохранял спокойствие,

потому что ему нравился Филипп, потому что он считал это наилучшим выходом, а еще — теперь Гефестион вынужден был это признать — назло Олимпиаде. Александр принес жертву, повинуясь одному из тех порывов безрассудного великодушия, за которые Гефестион любил его. Его следовало защитить, друг должен был вступиться за друга. Но Александра предали.

В поднявшемся шуме Александр говорил:

— …она одна из клана, но у нее не было выбора, она едва вышла из детской…

Гефестион удивленно взглянул на друга. Среди всех раздумий единственное, что не приходило ему в голову, — это то, что Александр сердит на девушку.

— Со свадьбами всегда так, ты же знаешь, это обычай, — сказал Гефестион.

— Она была испугана, когда увидела Филиппа впервые. Она старалась взять себя в руки, но я это видел.

— Ну, он не будет с ней груб. Это не в его стиле. Он не новичок с женщинами.

— Воображаю, — процедил Александр, уткнувшись в свой кубок.

Он быстро осушил его и вытянул руку; мальчик-виночерпий подбежал с охлажденным

в снегу ритоном; вскоре, внимательный к своим обязанностям, он вернулся, чтобы снова наполнить кубок.

— Оставь это для здравиц, — заботливо сказал Гефестион.

Поднялся Парменион, чтобы от имени царя похвалить невесту: это было обязанностью ближайшего родственника жениха. Друзья Александра заметили его ироническую улыбку и тоже открыто заулыбались.

Парменион говорил на многих свадьбах, в том числе и на свадьбах царя. Он был выдержан, прост, осторожен и краток. Аттал, сжимая в руке огромную золотую чашу, сорвался со своего ложа, чтобы произнести ответную речь. Когда он встал, стало ясно, что он так же пьян, как Филипп, и уже почти не помнит себя.

Его похвала Филиппу была громкой и многословной, неуклюже построенной, прерывистой, Аттал едва не плакал пьяными слезами, и восторженные рукоплескания были данью царю. Они стали осторожнее, когда Аттал разошелся. Парменион пожелал счастья мужу и жене. Аттал, почти не скрываясь, желал счастья царю и царице.

Его ставленники одобрительно закричали,

стуча кубками о столы. Друзья Александра переговаривались, не понижая голоса, уже не боясь быть услышанными. Те, кто старался сохранять нейтралитет, озадаченные, сбитые с толку, молчали.

Филипп, не настолько пьяный, чтобы не понять, что это значит, не отрывал от Аттала своего налившегося кровью глаза; борясь с туманом в собственной голове, он размышлял, как остановить этого человека. Здесь была Македония; царь пережил множество стычек на симпосиях, но никогда прежде не бывал вынужден обуздывать вновь приобретенного тестя, мнимого или нет. Остальные знали свое место и были ему признательны. Филипп медленно перевел взгляд на сына.

— Не обращай внимания, — шепнул Гефестион. — Он напился, все это знают, все забудут об этом утром.

В самом начале речи Гефестион покинул свое ложе и встал рядом с Александром, который, не отрывая глаз от Аттала, приподнялся и застыл, будто катапульта, готовая выстрелить.

Филипп, взглянувший в их сторону, отметил вспыхнувшие щеки и золотые волосы, приглаженные для пира, и встретился с испытующим

взглядом широко открытых серых глаз, переводимых с его лица на лицо Аттала. Ярость Олимпиады? Нет, та закипала мгновенно, эта зрела внутри. «Чушь, я пьян, он пьян, мы все пьяны, и почему бы нет? Почему мальчик не может отнестись к этому легко, как все остальные? Пусть все проглотит и забудет».

Аттал вещал о старой доброй македонской крови. Он хорошо заучил свою речь, но, соблазненный улыбающимся Дионисом, решил кое-что добавить. В образе этой прекрасной девственницы отчая земля вновь привлекает царя на свою грудь, под благословение богов рода. «Будем же молить их, — воскликнул Аттал в порыве внезапного вдохновения, — о законном, истинном наследнике!»

Поднялся шум: рукоплескания, протест, негодование смешались с неуклюжими попытками обратить опасные слова в шутку. Потом гам прервался; Аттал, вместо того чтобы осушить свой кубок, схватился свободной рукой за голову. Между пальцами потекла кровь. Что-то сияющее — серебряная застольная чаша — покатилось по мозаичному полу. Александр приподнялся со своего ложа, опираясь на одну руку. Гул встревоженных голосов эхом отразился от высоких

сводов. Голос Александра, перекрывавший шум битвы при Херонее, разнесся над залом:

— Ты, подонок, числишь меня в незаконных?

Юноши, его друзья, разразились негодующими воплями. Аттал, понявший, что его ударило, сдавленно всхрапнул и швырнул в Александра свой тяжелый кубок; Александр оценил силу его замаха и даже не шевельнулся; кубок не пролетел и половины пути. Друзья и родственники кричали, пир становился похож на поле боя. Филипп, взбешенный и теперь знающий, на кого излить свой гнев, прорычал:

— Как ты дерзнул, мальчишка? Как ты дерзнул? Веди себя прилично или убирайся домой!

Александр почти не повысил голоса. Как и пущенная им чаша, слова попали точно в цель.

— Старый смердящий козел. Неужели у тебя нет стыда? По всей Элладе разносится твоя вонь — что тебе делать в Азии? Неудивительно, что афиняне смеются.

Сначала ответом ему было только затрудненное, как у загнанной лошади, дыхание. Красное лицо царя еще больше побагровело. Его рука шарила по ложу. Здесь, на свадебном пиру, у него единственного был меч.

— Сын потаскухи!

Филипп сорвался с ложа, опрокинув свой стол. Со звоном посыпались кубки и тарелки с десертом. Рука Филиппа сжимала рукоять меча.

— Александр, Александр, — в отчаянии бормотал Гефестион. — Уходи отсюда, скорее уходи!

Не обращая на него внимания, Александр перекатился на дальний край ложа и обеими руками вцепился в его деревянную обшивку. Он ждал с холодной нетерпеливой улыбкой.

Задыхаясь, хромая, волоча за собой меч, Филипп ковылял к своему врагу. В куче посуды на полу он поскользнулся на яблочной кожуре, перенес вес тела на больную ногу, не устоял и рухнул, во всю длину растянувшись среди сластей и черепков.

Гефестион шагнул вперед, инстинктивно желая помочь царю.

Александр вышел из-за ложа. Положив руки на пояс, вскинув голову, сверху вниз смотрел он на багрового, хрипло выкрикивающего проклятия человека, ползущего к своему мечу в луже разлитого вина.

— Смотрите, люди! Смотрите на того, кто готов повести вас из Греции в Азию. Он валится с ног, не пройдя и двух шагов между ложами.

Филипп, опираясь на обе руки, поднялся на здо-

ровое колено. Осколок тарелки порезал ему ладонь. Аттал с родственниками суетились вокруг, стараясь помочь. Во время этой суматохи Александр дал знак друзьям. Они вышли вслед за ним, молча, осторожно, словно возвращаясь из ночного военного набега.

От своего поста у дверей, покинуть который он не сделал ни единой попытки, за Александром следил Павсаний. Так путник в иссушенной зноем пустыне смотрит на человека, напоившего его холодной прозрачной водой. Никто не заметил этого взгляда. Александр, собирая вокруг себя молодых, никогда и не думал на него рассчитывать. К тому же с Павсанием нелегко было говорить.

Букефал ржал во дворе; он слышал боевой клич своего хозяина. Юноши бросали пиршественные венки на припорошенную снегом землю, вскакивали в седло, не дожидаясь помощи конюхов, и галопом неслись в Пеллу по утоптанной дороге, колеи которой уже прихватил мороз, а лужи покрылись тонкой кромкой льда. Перед дворцом, вглядываясь при свете ночных факелов в их лица, Александр прочел вопрос в обращенных к нему взглядах.

— Я везу мою мать в Эпир, в дом ее брата. Кто едет со мной?

— Я стою за себя, — сказал Птолемей, — и за одного из истинных наследников.

Гарпал, Неарх и остальные сгрудились вокруг; из любви, из преданности, из подсознательной веры в удачу Александра, из страха перед царем и Атталом или просто стыдясь отступиться на глазах остальных.

— Нет, не ты, Филот, ты останешься, — сказал Александр.

— Я еду, — быстро сказал Филот, оглядываясь. — Отец простит меня, а если нет — что с того?

— Нет, Парменион лучший отец, чем мой, ты не должен оскорблять его из-за меня. Послушайте меня, остальные. — Голос Александра стал отрывистым, словно он отдавал приказы на поле боя. — Нам нужно уезжать немедленно, прежде чем меня бросят в темницу, а мою мать отравят. Едем налегке, берите запасных лошадей, все оружие, все деньги, которые сможете достать, дневной запас еды, надежных слуг, умеющих сражаться: я их вооружу и дам лошадей. Все встречаемся здесь, когда протрубят к следующей смене стражи.

Юноши разошлись, все, кроме Гефестиона, который смотрел на Александра так же потерянно, как путешественник в безбрежном море смотрит

на рулевого.

— Филипп еще пожалеет об этом, — сказал Александр. — Он рассчитывает на Александра Эпирского. Он возвел его на трон, у него было много хлопот из-за этого союза. Теперь Филипп может забыть об этом, пока царица не будет восстановлена в своих правах.

— А ты? — тупо спросил Гефестион. — Куда ты поедешь?

— В Иллирию. Там я добьюсь большего. Я понимаю иллирийцев. Ты помнишь Косса? Отец для него ничто, он один раз взбунтовался и взбунтуется вновь. А меня он знает.

— Ты хочешь сказать… — начал Гефестион, чтобы не молчать.

— Иллирийцы хорошие воины. И могут сражаться еще лучше, если у них будет полководец.

«Сделанного не вернешь, — думал Гефестион, — но как могу я спасти его?»

— Хорошо. Если ты думаешь, что так будет лучше, — сказал он.

— Остальные доедут до Эпира, а там пусть выбирают. Каждому дню своя забота. Посмотрим, как верховному командующему всех греков понравится начать поход в Азию с сомнительным Эпиром и готовой к войне Иллирией за спиной.

— Я соберу твои вещи. Я знаю, что взять, — кивнул Гефестион.

— Это счастье, что мама ездит верхом, у нас нет времени для носилок.

Александр нашел Олимпиаду бодрствующей, лампа еще горела. Царица сидела в своем кресле, уставившись на стену перед собой. Она взглянула на сына с укором, зная только то, что он приехал из дома Аттала. В комнате пахло сожженными травами и свежей кровью.

— Ты была права, — сказал Александр. — Более чем права. Собери свои драгоценности, я отвезу тебя домой.

Когда он вернулся в свою комнату, его походная сумка была уже полностью собрана, как и обещал Гефестион. Поверх вещей лежал кожаный футляр со свитком «Илиады».

Горная дорога на запад вела к Эгии. Чтобы обогнуть ее, Александр повел свой маленький отряд перевалами, которые изучил, когда показывал своим людям, как воевать в горах. Дубы и каштаны у подножия холмов стояли нагие и черные, влажные тропы над ущельями были засыпаны палой листвой.

В этом захолустье люди редко видели чужих. Александр сказал, что они паломники, едущие

в Додону вопросить оракула. Никто из горцев, мельком видевших Александра на учениях, не узнал бы его сейчас, в старом дорожном петасе и плаще из козьих шкур, небритого, выглядевшего старше своих лет. Спустившись к озеру Кастория, с его ивами, болотами и плотинами бобров, они привели себя в порядок, понимая, что все равно будут узнаны; но легенда осталась прежней и не подвергалась сомнению. То, что царица была на ножах с царем, ни для кого не являлось новостью; если она хотела просить совета у Зевса и матери Дионы[67], это было ее делом. Беглецы обогнали молву. Была ли за ними погоня, оставили ли их на произвол судьбы, как приблудных собак, решил ли Филипп, по обыкновению, выждать, чтобы время работало на него, они не знали.

Олимпиада со времен девичества не предпринимала такого путешествия. Но она провела детство в Эпире, где все пользовались дорогами через горы, из боязни пиратов Керкиры, которыми кишело побережье. К вечеру первого дня царица побледнела от усталости и дрожала от холода; они заночевали в пастушеской хи-

[67] Сноски: 67

Диона — греческая богиня, одна из супруг Зевса, мать Афродиты. Диона после Геры почиталась в Додоне наряду с Зевсом.

жине, которую покинули обитатели, когда стада спустились на зимние пастбища. Путники не отважились довериться жителям деревни в такой близи от дома. Но утром Олимпиада проснулась посвежевшей и вскоре держалась наравне с мужчинами, ее глаза и щеки пылали. Она без жалоб ехала верхом от деревни до деревни.

Гефестион ехал рядом с остальными, глядя на гибкие, окутанные плащами фигуры впереди. Мать и сын, сблизив головы, совещались, строили планы, поверяли друг другу свои замыслы. Его враг овладел полем битвы. Птолемей относился к нему свысока, едва ли сознавая это, без задних мыслей; принесенная Птолемеем жертва, похоже, была самой тяжелой. В Пелле он оставил Таис после кратких месяцев блаженства. А Гефестион, со своей стороны, поступил единственно возможным для него образом; как Букефал, он был частью Александра. Никто не обращал на него внимания. Ему казалось, что вот так они будут ехать вечно.

Они повернули на юго-восток, к высоким хребтам и водопадам между Македонией и Эпиром, с трудом преодолевая вздувшиеся реки, двигаясь кратчайшей, но трудной дорогой между высотами Грамма и Пинда. Прежде чем они поднялись

на горную гряду, за которой истощались красные земли Македонии, пошел снег. Тропы стали опасны, лошади измучились; путники обсуждали, не лучше ли вернуться к Кастории, чем ночевать на открытом месте. Пока они совещались, к ним, мелькнув между буками, подъехал верховой и предложил оказать честь дому его отсутствующего хозяина: тот был обязан остаться в Пелле, но прислал домой распоряжение принять беглецов.

— Это страна орестидов, — сказал Александр. — Кто же твой хозяин?

— Не будь глупым, дорогой, — пробормотала Олимпиада. Она повернулась к посланцу. — Мы будем рады быть гостями Павсания. Мы знаем, что он наш друг.

Массивная старая крепость, окруженная густым лесом, высилась на отроге горы. Им предложили горячую воду, хорошую пищу и вино, теплые постели. Жена Павсания постоянно жила здесь, хотя все служившие при дворе мужчины перевезли свои семьи в Пеллу. Это была рослая, сильная горянка, когда-то искренняя и простодушная, но измученная догадками и подозрениями. Ее муж, до того как они встретились, получил от кого-то страшное оскорбление, неве-

домо где и как; его день еще придет; эти люди, враги его врагов, должны встретить радушный прием. Но против кого он мог объединиться с Олимпиадой? Почему здесь наследник, полководец друзей? Молодая женщина устроила их как можно удобнее, но, оставшись одна на своей постели, в огромной комнате Павсания, где тот жил две-три недели в году, она слушала крик совы и волчий вой, и тени сгущались вокруг ее лампы. Ее отец пал на севере от руки Барделиса, дед — на западе от руки Пердикки. Когда гости на следующий день уехали, женщина спустилась в высеченный в скале погреб, пересчитывая запасы продовольствия и наконечники стрел.

Путники пробирались сквозь каштановые рощи, где даже хлеб пекли из размолотых каштанов, потом через ельник вышли к перевалу. Свежий снег блестел под солнцем, заливавшим светом бескрайний простор неба. Здесь пролегала освященная богами граница. Олимпиада оглянулась на восток, ее губы шевелились, произнося древнее заклинание, выученное у египетской ведьмы; царица прошептала его слова над камнем особой формы, который подняла и бросила назад.

В Эпире снег таял; им три дня пришлось ждать

в деревне на берегу разлившейся реки; лошадей держали в пещере. Но в конце концов они достигли Молоссии.

Холмистое плато славилось своими суровыми зимами, но тающие снега щедро питали пастбища, на которых паслись огромные коровы с длинными рогами; отборные овцы носили кожаные попонки, чтобы терн не попортил шелковистого руна; сторожевые собаки не уступали им в размерах. Высокие дубы — священное богатство этой земли, высоко ценимое корабельщиками и плотниками, — стояли нагие, неподвластные грядущим столетиям. В добротно выстроенных домах деревень сновали стайки крепких ребятишек.

Олимпиада причесала волосы и надела золотую цепь:

— Предки Ахилла вышли отсюда. Его сын Неоптолем жил здесь с Андромахой, когда вернулся из Трои. Я передала тебе их кровь. Мы были первыми из всех эллинов. Все они получили свое имя от нас.

Александр кивнул; он слышал этот рассказ на протяжении всей своей жизни. Это была богатая земля; до недавнего времени она не имела верховного правителя, и царь, хотя и приходился

Олимпиаде братом, своей властью был обязан Филиппу. Александр ехал в задумчивости.

Отправив гонца известить о своем прибытии, юноши побрились у лужи в скале и причесались. В воде плавал лед, но Александр искупался. Достав свои лучшие вещи, они принарядились.

Вскоре, чернея на фоне полусошедшего снега, блестя оружием, показался отряд всадников. Царь Александр встречал родичей. Высокий рыжеватый мужчина чуть за тридцать; с густой бородой, скрывавшей характерный рот, с прямым фамильным носом и глубоко посаженными, беспокойными, внимательными глазами. Он поцеловал сестру в знак приветствия и произнес обычные в таких случаях слова. Долго готовившийся к этому нежданному визиту, царь старался обходиться с гостями учтиво. Благодаря браку сестры он владел царством. Но чего она только не сделала, чтобы брат его потерял. Из гневного письма сестры Александр не смог понять, отверг ли уже ее Филипп. В любом случае брат должен был принять ее и поддержать в оскорбленном достоинстве, чтобы не замарать чести семьи. Сама по себе Олимпиада приносила множество беспокойства. Ее брат надеялся, вопреки вероятию, что она не привезет с собой

смутьяна-сына, о котором поговаривали, что он в двенадцать лет убил человека и ни одного дня не мог посидеть спокойно.

С недоверием, ловко спрятанным под вежливым обхождением, царь смотрел на юношей с твердыми лицами македонцев, но выбритыми на манер южных греков. Они выглядели решительными, наблюдательными, крепко спаянными друг с другом; какую беду они сюда принесли? Царство было устроено; племенные вожди, признав гегемонию Александра, сопровождали его в войнах и платили налоги; иллирийцы держались по ту сторону границы; только в этом году он разгромил две разбойничьи шайки, местные крестьяне сложили в его честь благодарственный гимн. Кто последует за ним в войне с могущественной Македонией, кто возблагодарит его после? Никто. Филипп, если выступит в поход, поднимется прямо в Додону и поставит нового верховного царя. Более того, царь Александр всегда любил этого человека. Он ехал между сестрой и племянником, вдыхая морозный воздух и надеясь, что его жена будет в состоянии принять гостей: он оставил ее в слезах, к тому же она ждала ребенка.

Извилистой тропой спустились к Додоне, царь

впереди. Вплотную подъехав к Олимпиаде, Александр пробормотал:

— Не рассказывай ему о моих намерениях. О себе — что хочешь. Обо мне ты ничего не знаешь.

Изумленно и сердито мать спросила:

— Что он сделал такого, что ты ему не доверяешь?

— Ничего. Я должен подумать, мне нужно время.

Додона стояла на равнине в высокогорье, защищенная длинной горной грядой, покрытой снегом. Свирепый ветер осыпал отряд мелким градом, словно каменной крошкой. Город на склоне холма был обнесен стенами; внизу виднелась святыня оракула, защищенная только низкой изгородью и охраняемая своими богами. Посреди нее раскидистый дуб вздымал над карликовыми, будто игрушечными, алтарями черный лабиринт своих ветвей, чуть присыпанных снегом. Ветер доносил до путников низкий гудящий шум, поднимающийся и опадающий вместе с его порывами.

Городские ворота были распахнуты. Когда они подъезжали, Александр сказал:

— Дядя, я хотел бы вопросить оракула, прежде чем действовать. Ты мне не скажешь, когда сле-

дующий день предсказаний?

— Ну разумеется, скажу. — С неожиданной теплотой царь Александр произнес обычное пожелание на счастье: — Бог и удача.

До дня предсказаний еще оставалось время. Царь Александр еще не расстался с юностью, когда Олимпиада вышла замуж; она всегда изводила его, хотя он был старше. Теперь ей предстоит узнать, кто хозяин в этом доме. Этот закаленный в войнах юноша с его боевыми шрамами, безумными глазами и отрядом холеных изгоев ей не поможет. Пусть идет своим путем в Аид и оставит благоразумных людей в покое.

Жители Додоны приветствовали своего царя с неподдельной преданностью. Царь Александр возглавлял горожан в их стычках с многочисленными врагами и был менее жаден, чем воюющие вожди. Собралась толпа; в первый раз после отъезда из Пеллы Букефал услышал привычные приветствия, крики «Александр!». Вскинув голову, конь перешел на горделивую парадную поступь. Александр сидел очень прямо, глядя перед собой; Гефестион, стороною кинув на него взгляд, увидел, что друг бледен так, словно потерял половину крови. Он держался вежливо, спокойно отвечал на вопросы царя, но, оказав-

шись в доме Александра, не оттаял; даже губы его побелели. Олимпиада, забыв собственную усталость, погоняла слуг, которых послала за подогретым вином с пряностями: ведь только вчера какого-то гуртовщика нашли замерзшим на верхнем перевале.

Снег перестал падать и, схваченный морозом, хрупким настом лежал на земле. Бледное холодное солнце поблескивало на сугробах и ветках кустарника; пронизывающий ледяной ветер с гор продувал все закоулки. В белом пространстве, похожем на старое полотно, чернело пятно пожухлой зимней травы и влажный ствол дуба. Храмовые рабы счищали снег, сбрасывая его к дубовому частоколу; там он лежал потускневшей грудой, перемешанный с листьями и скорлупой желудей.

Юноша в плаще из козлиной шкуры вошел в открытый проем ограды из массивных, почерневших от времени бревен.

С перемычки свисала, покачиваясь на кожаной веревке, глубокая чаша. Александр поднял прислоненную к ограде палку и резко ударил. Покатился долгий дрожащий звук, расходясь, как круги на воде; откуда-то из глубины святилища донесся глубокий ответный гул. Сучья,

наросты и старые птичьи гнезда могучего дерева были засыпаны снегом. Вокруг дуба на открытом месте стояли древние грубые алтари, святыни столетий.

Это был самый старый оракул Греции. Аммон Египетский, отец всех оракулов, древнее самого времени, передал ему свое могущество. Додона прорицала еще до того, как Аполлон пришел в Дельфы.

Ветер, заунывно свистевший в верхних ветвях, яростным порывом спустился вниз. Впереди раздался громкий лязг: на мраморной колонне стоял бронзовый мальчик с плетью в руках. Ее бронзовые хвосты, раскачиваемые ветром, ударялись тяжелыми концами в бронзовый котел. Акустические сосуды вроде этого иногда использовались в театрах. Грохот был оглушительным. Слабеющий звук отозвался в гулкой бронзе стоящих вокруг священного дерева треножников, как затихающий раскат грома. Прежде чем он угас, новый порыв ветра поднял плеть. Из каменного домика за деревом высунулись седые головы.

Александр улыбался, как перед сражением. Он шагнул в бряцающий круг. В третий раз подул ветер, и в третий раз прокатился и замер гул бронзы, остановившись на слабом трепете.

Из крытой тростником хижины, что-то бормоча друг другу, вышли три старухи, завернутые в меховые, изъеденные молью плащи. Это были Голубицы, слуги оракула. Когда они обогнули черный влажный ствол, стало видно, что их лодыжки обернуты шерстяными отрепьями, но потрескавшиеся, с въевшейся грязью ступни босы. Силу давало им прикосновение земли, и они не имели права расставаться с нею; таков был закон святилища.

Первая женщина выглядела жилистой и крепкой, судя по ее виду, можно было предположить, что большую часть жизни она выполняла мужскую работу в деревне. Вторая — низенькая, круглая, простая, с заострившимся носом и выпяченной нижней губой. Третья — крошечная скрюченная карга, высохшая и коричневая, как старый желудь. Говорили, что она родилась в год смерти Перикла.

Кутаясь в мех, Голубицы озирались по сторонам, удивленные, казалось, видом этого единственного паломника. Высокая что-то шепнула низенькой. Самая старшая подковыляла на своих трясущихся птичьих ножках к Александру и, как любопытный ребенок, ткнула в него пальцем. Ее глаза затягивала бело-голубая пленка,

она была почти слепа.

Резкий, настороженный голос произнес:

— Как хочешь ты вопросить Зевса и Диону? Тебе нужно имя бога, которого ты должен умилостивить, чтобы твое желание исполнилось?

— Я сам задам мой вопрос богу, — ответил Александр. — Дайте мне все нужное для письма.

Высокая старуха склонилась над ним с неуклюжей лаской; она двигалась, как домашнее животное, и так же пахла.

— Да, да, только бог это увидит. Но жребии лежат в двух чашах: в одной — имена богов, ждущих приношения, в другой — «Нет» и «Да». Какую поставить?

— «Нет» и «Да».

Самая старая все еще сжимала в крошечном кулачке складку его плаща, с неустрашимостью ребенка, чья красота обезоруживает сердца. Внезапно снизу донесся ее тонкий голосок:

— Будь осторожен со своим желанием. Будь осторожен.

Александр склонился над ней.

— Почему, мать? — спросил он мягко.

— Почему? Потому что бог исполнит его.

Он положил руку на ее голову — костяную скорлупку под шерстяным лоскутом — и погла-

дил, глядя поверх нее в черные провалы дуба. Две остальные Голубицы переглянулись. Никто не произнес ни слова.

— Я готов.

Старухи скрылись под низкой кровлей святилища рядом с их каморкой; старшая плелась за ними, пискляво покрикивая, как какая-нибудь прабабка, пробравшаяся в кухню, чтобы докучать работающим женщинам. Было слышно, как они суетятся и ворчат, словно хозяева постоялого двора, застигнутые врасплох гостями, которым нельзя отказать.

Огромные древние ветви простирались над головой Александра, дробя бледное солнце. Ствол, покореженный и сморщенный временем, прятал в своих складках мелкие приношения богомольцев, оставленные столь давно, что кора уже почти поглотила их. Частью он был изъеден червями и ржавчиной. Лето обнажит то, что сейчас скрывала зима: некоторые из огромных ветвей омертвели. Дуб пустил свои первые корни, когда еще был жив Гомер; жизнь дерева близилась к закату.

Из глубин дерева, где ствол разветвлялся, доносились сонное воркование и стоны: в дуплах и клетушках, прибитых там и сям, прятались

священные голуби, пара за парой, распушившие перья и жмущиеся друг к другу на холоде. Когда Александр подошел ближе, из темного укрытия раздалось громкое «рууу-ку-куу!».

Вышли женщины с низким деревянным столиком и древней работы кувшином с черно-фигурной росписью. Кувшин поставили на стол под деревом. Старуха вложила в руку Александра полоску мягкого свинца и бронзовый стилос.

Александр положил свинец на старый каменный алтарь и, твердо выводя буквы, сияющие серебром на тусклой поверхности, написал: «БОГ И УДАЧА. АЛЕКСАНДР СПРАШИВАЕТ ЗЕВСА СВЯЩЕННОГО И ДИОНУ, ПРОИЗОЙДЕТ ЛИ ТО, ЧТО ДЕРЖУ Я В СВОИХ ПОМЫСЛАХ?» Втрое сложив полоску, так что слов стало не видно, он кинул ее в кувшин. Прежде чем прийти сюда, Александр расспросил, что и как делать.

Высокая Голубица приблизилась к столу и подняла руки. Нарисованные на кувшине жрицы были изображены именно в этой позе. Слова заклинания на жаргоне чужого языка исказились временем и невежеством; подражая воркованию голубей, женщина опускала гласные. Вскоре ей отозвалась одна из птиц, и все сердце дерева глухо зарокотало.

Александр смотрел, сосредоточившись на своем желании. Жрица опустила руку в кувшин и начала шарить внутри, когда старуха, подскочив к ней, вцепилась в ее плащ, вереща пронзительно, как обезьянка.

— Это было обещано мне! — чирикнула она.

Жрица отступила, украдкой взглянув на Александра; третья что-то прокудахтала, но не двинулась с места. Старуха засучила рукав платья, обнажив тонкую, как палка, руку. В кувшине зашуршали дубовые таблички, на которых были вырезаны жребии.

Не вмешиваясь в их ссору, Александр стоял в ожидании, не спуская глаз с кувшина. Нарисованная черная жрица обращала к нему поднятые ладони, застыв в неудобной архаической позе. У ее ступней обвивала ножку нарисованного стола нарисованная змея.

Искусное изображение казалось живым, голова змеи тянулась вверх. Ножка стола была не выше низкой кровати, змее легко взобраться по ней. Это была домашняя змея, хранительница тайн. Пока старуха бормотала, стуча жребиями, Александр, нахмурясь, пытался вернуться в прошлое, во тьму, из которой выползали змеи: ощущение какого-то застарелого гнева, чудовищная

рана, неотомщенное смертельное оскорбление. Александр столкнулся лицом к лицу с могущественным гигантом. Дыхание Александра паром растворялось в холодном воздухе; потом наступила пауза, он перестал дышать; какой-то случайный звук вывел Александра из оцепенения. Его пальцы и зубы сжались. Воспоминания открылись и кровоточили.

Старуха распрямилась. В грязном кулаке был зажат сложенный листок свинца и два жребия. Жрицы кинулись к ней: закон предписывал доставать только один жребий, тот, что лежал ближе всех к свинцу. Они зашипели на нее, как на ребенка, осквернившего святыню в своем неведении. Старуха подняла голову — выпрямить спину она уже не могла — и юным властным голосом сказала:

— Назад! Я знаю, что должна делать.

На мгновение стало видно, как красива она когда-то была.

Оставив свинец на столе, Голубица подошла к Александру, вытянув обе руки, по жребию в каждой.

— Для желания в твоем уме. — Она открыла правую руку. — Для желания в твоем сердце. — Она открыла левую.

На обеих черных деревянных табличках было вырезано «Да».

Глава 8

Молодая жена царя Филиппа родила своего первого ребенка. Девочку. Удрученная повивальная бабка вынесла малышку из комнаты роженицы. В знак ритуального одобрения Филипп взял ребенка на руки: маленькое красное сморщенное существо принесли совсем голым, чтобы невозможно было скрыть изъяны. Изъянов не было. Аттал, тенью бродивший по дому с первой минуты схваток, склонился над младенцем, и его лицо тоже покраснело и сморщилось; он надеялся вопреки всему, пока не увидел пол ребенка своими глазами. Когда девочку унесли, бледно-голубые глаза Аттала с ненавистью посмотрели ей вслед. Он готов швырнуть ее в озеро, подумал Филипп, как ненужного щенка. Из детей царя на каждые пять девочек приходился только один мальчик. Часто он чувствовал себя из-за этого неловко, но в этот раз выслушал новости с глубоким облегчением.

В Эвридике было все, что нравилось ему в женщинах: чувственная без распущенности, всегда готовая усладить, никогда не устраивавшая сцен. С радостью, в любой день, он возвел бы ее

на место Олимпиады. У него даже промелькнула мысль тайно убрать ведьму с дороги: это бы разрешило все проблемы; на ее руках достаточно взывающей к отмщению крови, чтобы совершить суровое правосудие, а в Македонии есть люди не менее искусные в подобных вещах, чем она. Но как бы осторожно он ни устроил дело, сын все равно узнает. Ничто не укроется от него, он выжмет правду из воздуха. И тогда?

А сейчас? Что ж, эта девочка дала ему передышку. Аттал десятки раз твердил царю, что в их семье рождаются одни мальчики. Теперь пусть поостынет. И Филипп, как делал он это на протяжении десяти месяцев, снова отложил решение.

Планируемая им война в Азии постепенно приближалась. Оружие было закуплено и собрано на складах, войска обновились, лошади выезжены; деньги лились рекой: к поставщикам, казначеям, посредникам, клиентам. В хорошо обученной, вымуштрованной, готовой к походу армии ходили легенды о баснословных сокровищах Азии, о щедрых выкупах за плененных сатрапов. Но предчувствия томили: нежные отзвуки, шепотки, искра, улыбка на лице опасности.

Были также и помехи более существенные.

Яростная свара, которая могла породить множество кровных распрей, завязалась в винной лавке Пеллы между всадниками из отряда Аттала, состоявшего из его родичей, и теми, кого снова стали называть конницей Никанора, — хотя ни один человек, ценивший свою жизнь, не произнес бы этого имени в их присутствии. Филипп послал за зачинщиками, они молча переглядывались и уклонялись от ответа, пока самый младший, наследник древнего дома, который помнил, что его род сверг чуть ли не десяток царей или помог им прийти к власти, сказал, дерзко задрав бритый подбородок:

— Царь, они клеветали на твоего сына.

Филипп велел безбородому присматривать за собственной семьей; со своим сыном он разберется сам. Люди Аттала, надеявшиеся услышать: «У меня пока нет сына», удалились опечаленные. Вскоре Филипп отправил на запад очередного лазутчика — узнать, что происходит в Иллирии.

В Эпир царь не посылал: Филипп знал, где сейчас Александр. Он получил от сына письмо, которое прекрасно понял: человек чести, Александр зашел в своем служении благородству до последней черты. Эту последнюю черту можно было почувствовать без труда. Филипп ответил

с равной сдержанностью. Царица покинула Пеллу по своей воле, из-за своего неуживчивого характера, не претерпев никаких явных оскорблений. Здесь он стоял на твердой почве: не все царские дома Эпира были моногамны. Олимпиада настроила против царя своего сына; вина за теперешнюю ссылку юноши всецело лежала на ней. Письмо не содержало смертельных оскорблений; Александр, в свою очередь, должен был это понять. Но что случилось в Иллирии?

Молодые люди, вернувшиеся из Эпира домой, привезли письмо.

Александр приветствует Филиппа, царя Македонии. Я отсылаю назад, к тебе и их отцам, этих людей, моих товарищей. Они ни в чем не виновны. По своей доброте мои друзья сопровождали царицу и меня в Эпир; прибыв сюда, мы не требуем более их помощи. Когда царица, моя мать, будет восстановлена в своих правах и достоинстве, мы вернемся. До этого я буду действовать по своему усмотрению, не спрашивая чьего-либо позволения.

Передай от меня привет солдатам, которых я возглавлял под Херонеей, и тем, кто был со мной во Фракии. И не забудь человека, которого я спас под Перинфом, во время мятежа аргивян. Ты зна-

ешь его имя. Прощай.

Сидя в своем кабинете, где он обычно просматривал бумаги, Филипп скомкал письмо и швырнул его на пол; потом нагнулся, припадая на больную ногу, поднял, тщательно разгладил и запер в ларец.

Лазутчики один за другим приносили с запада тревожные вести, но ни одного факта, чтобы зацепиться. Всегда одни и те же имена небольшого тесного союза. Птолемей: «Ах, если бы я мог открыто взять к себе мать Александра, сейчас Филипп запел бы по-иному». Неарх: «Александр как хороший моряк, он стал бы капитаном, будь поумнее». Гарпал: «Я никогда не доверял этой хромой лисе, но мальчик распорядился по-своему». Эригий… Лаомедон… Гефестион, что же, куда пойдешь без своей тени. На мгновение Филиппом овладела печальная и негодующая зависть человека, который верит, что всегда искал совершенной любви, но не может понять, что скупился платить по-настоящему.

Новости были разными; имена никогда не менялись. Александр со своим отрядом побывал в крепости Коса, в крепости Клита, который настолько приблизился к месту верховного царя, насколько Иллирия могла это позволить; они по-

бывали на границе с Линкестидой. Александр вышел на побережье и, говорят, справлялся о кораблях на Керкиру, в Италию, Сицилию, даже Египет. Его людей замечали в областях Эпира. Шли слухи, что Александр закупает оружие, нанимает копьеносцев, тренирует армию в каком-то лесном логове. Всякий раз, когда Филиппу нужно было перегруппировать войска для войны в Азии, приходило тревожное сообщение, и на границу приходилось посылать отряды. Без сомнения, мальчик поддерживал связь с друзьями в Македонии. На бумаге военные планы царя остались неизменными, но его военачальники чувствовали, как он медлит, ожидая следующего донесения.

Крепость гнездилась на скалистых берегах Иллирийского залива, густо заросшего лесом. Александр смотрел вверх, на окутанные ночной тьмой, черные от копоти стропила. Этот день, как и предыдущий, он провел охотясь. Его тростниковая постель в отведенном гостям углу зала была полна блох. Здесь, посреди собак, грызущих оставшиеся от ужина кости, спали холостяки. Голова у Александра постоянно болела. От дверей тянуло сквозняком, освещенное луной небо, казалось, полнилось сиянием. Он встал и завернулся

в одеяло — запачканное, все в прорехах; его собственное, хорошее, украли несколько месяцев назад, едва ли не в самый день его рождения. В кочевом лагере у границы Александру исполнилось девятнадцать лет.

Он пробрался между телами спящих, об кого-то споткнулся; человек сонно выругался. Снаружи узкий вал окружал голый утес. Скала обрывалась прямо в море, далеко внизу вокруг валунов вскипал смутно поблескивающий прибой.

Александр узнал звук шагов за спиной и не обернулся. Гефестион прислонился к стене рядом.

— Что случилось? Не можешь заснуть? — спросил Гефестион.

— Я проснулся.

— У тебя опять колики?

— Там воняет, — поморщился Александр.

— Зачем ты пьешь эту собачью мочу? Лучше лечь трезвым.

Александр взглянул на него, как пес, готовый заворчать. На его руке отпечатались следы зубов недавно убитого леопарда. Весь день царевич провел в движении, но теперь стоял неподвижно, глядя вниз, в головокружительную бездну моря. Наконец Александр сказал:

— Так больше продолжаться не может.

Гефестион нахмурился, вглядываясь в ночь. Однако он рад был это слышать, как ответ на вопрос, который страшился задать.

— Да, — сказал он. — Вряд ли может.

Александр поднял несколько камешков со стены и кинул их в мерцающие волны. Не показалось ряби, не донеслось ни единого звука, даже когда камешки ударялись о скалу. Гефестион оставался недвижим. Он просто был рядом, как велело ему предчувствие.

— Даже хитрость лисицы, — сказал Александр вскоре, — через какое-то время иссякает. И когда она принимается за старые трюки во второй раз, сеть уже наготове.

— Боги часто посылали нам удачу, — заметил Гефестион.

— Время истекает. Такое чувство, что впереди война. Ты помнишь, как Полидор[68] со своими двенадцатью воинами пытался удержать крепость во фракийском Херсонесе? Множество шлемов маячили над стенами, двигались, сменяя друг друга. Я сглупил и послал за подкреплением,

---

[68] Сноски: 68

Полидор — сын царя Трои Приама. Описываемый эпизод относится к девятому году Троянской войны, когда греки совершали набеги на союзников осажденного города.

потерял два дня, помнишь? Потом камень из катапульты сбил один шлем, и стало видно, что он насажен на шест. Это должно было случиться, время Филиппа истекло. Мое время истечет, когда какой-нибудь иллирийский вождь перейдет границу по собственному усмотрению, чтобы угнать скот или отомстить, и Филипп поймет, что я тут ни при чем. Мне не удастся одурачить отца после этого, он меня слишком хорошо знает.

— Ты все еще мог бы возглавить набег, еще не поздно передумать, — сказал Гефестион. — Если немного отойдешь в сторону моря и будешь действовать с меньшим размахом… При всех заботах Филиппа маловероятно, что он разберется в действующих лицах нашего представления.

— Как я могу это знать? Нет, я получил предостережение… что-то вроде предостережения… у Додоны.

Гефестион воспринял новость молча. Александр рассказывал другу об оракуле только это.

— Александр, твой отец хочет, чтобы ты вернулся. Я знаю. Поверь мне. Я все время это знал, — сказал Гефестион.

— Хорошо. Тогда он должен сказать это моей матери.

— Филипп хочет, чтобы ты вернулся не только из-за войны в Азии. Ты не хочешь и слышать об этом, но царь тебя любит. Тебе могут не нравиться проявления этой любви. Еврипид говорит, у богов множество лиц.

Александр опустил руки на расколотый камень и весь обратился во внимание.

— Еврипид писал для актеров. Множество масок, я бы сказал, да, масок. Одни привлекательные, другие — нет. Но лицо одно. Только одно, — продолжал Гефестион.

Метеор с желто-зеленой пылающей головой и бледнеющим красным хвостом прочертил полосу в небе и упал далеко в море. Гефестион постарался скрыть радость, как прячут осушенный наскоро кубок.

— Это предзнаменование для тебя. Ты должен решиться сегодня ночью. Ты знаешь, что должен это сделать, — сказал Гефестион.

— Я проснулся; вокруг смердело, как в выгребной яме.

Между камней стены пророс стебелек бледного цветка; Александр машинально вертел его в пальцах. Словно огромная гора свалилась с его плеч. Это не принесло радости и больше походило на первые приметы смертельной усталости.

Бездействие… Александр мог вынести все, кроме бездействия. Гефестион почувствовал, что может дать другу нечто большее, чем любовь.

— Сегодня ночью, — сказал Гефестион ровно. — Ждать нечего, ты знаешь.

Александр не двинулся. Но Гефестиону показалось, что он собрался, сжался в комок.

— Да. Первое: я трачу время без всякой пользы. Я не чувствовал этого раньше. Второе: несколько человек — и царь Клит, полагаю, один из них — захотят отослать отцу мою голову сразу же, как только убедятся, что не смогут использовать меня в борьбе с ним. И третье: Филипп смертен, никто не знает, когда пробьет его час. Если отец умрет, а я буду за границей…

— И это также, — сказал Гефестион спокойно. — Что ж, как скажешь. Ты хочешь вернуться домой, он хочет, чтобы ты вернулся. Вы смертельно оскорбили друг друга, никто не желает заговорить о примирении первым. Значит, нужен подходящий посредник. Кто бы мог стать им?

Твердо, словно решение уже было принято раньше, Александр сказал:

— Демарат Коринфский. Он любит нас обоих и будет рад важному поручению. Демарат хорошо справится. Кого мы за ним пошлем?

Выбор пал на Гарпала, с его печальной изящной хромотой, смуглым подвижным лицом, быстрой улыбкой и милой серьезной предупредительностью. Они проводили Гарпала до границ Эпира, чтобы обезопасить его от разбойников; но письма при нем не было. Для выпавшей на долю Гарпала миссии все письменные свидетельства казались немыслимыми. Он взял с собой только мула, перемену одежды и ослепительное обаяние.

Филипп с удовольствием узнал, что его старый друг и гость Демарат, приехав по делам на север, собирается навестить царя. Царь расстарался с ужином и, чтобы оживить трапезу, нанял для танца артиста с мечами. Когда ужин был съеден, а танцор удалился, друзья сели за вино. Коринф собирал сплетни со всей Южной Греции, и Филипп тотчас осведомился о новостях. Царь слышал о каких-то разногласиях между Спартой и Фивами; каково мнение Демарата?

Демарат, почетный гость, гордящийся своим положением, ловко воспользовался намеком и покачал своей благородной, увенчанной сединами головой.

— Ах, царь! От тебя ли я слышу упрек грекам, не живущим в согласии! Ведь твой собственный дом объят войной.

Филипп, в голове которого еще не помутилось от винных паров, резко скосил на гостя свой единственный черный глаз. Опытный дипломат, он уловил особую нотку, подход к какому-то делу первостепенной важности. Но сделал вид, будто ничего не заметил.

— Этот мальчишка. Александр вспыхивает от одной искры, как сухая щепка. Глупая болтовня пьяного наутро заслуживала бы только смеха, если бы мальчик сохранил здравый ум, с которым родился. Но он взбесился и побежал к своей матери, а ты знаешь ее.

Демарат издал сочувственное восклицание. Какая жалость, сказал он, что будущее юноши зависит от его ревнивой опальной матери. Гость безошибочно процитировал несколько приличествующих случаю элегических строк из Симонида, подготовленных заранее.

— Александр отрезал бы себе нос, — сказал Филипп, — только чтобы досадить мне. Мальчик с такими дарованиями, и все впустую. Мы бы хорошо ладили, если бы не эта сука. Ему виднее. Что ж, теперь Александр за все заплатит, ему осточертеют иллирийские холмы. Но если он думает, что я…

Уже наступало утро, когда разговор наконец

стал серьезным.

В Эпире Демарат был самым почетным гостем царя. Ему предстояло сопроводить назад в Пеллу сестру царя Александра и ее помилованного сына. Поскольку посол и без того не считал денег, его одарили похвалами. Царь Александр пил за него из родовой золотой чаши, которую умолил принять как небольшой подарок на память. Олимпиада выказала всю обходительность, на какую была способна; если враги называют ее сварливой, пусть судит об этом сам. Александр, надев единственный хороший хитон, который у него оставался, как никогда отличался предупредительностью. И вот однажды вечером, верхом на измученном муле, в Додону явился усталый закоченевший старик. Это был Феникс. В горах его застала скверная погода, и он почти свалился с седла в протянутые руки своего названого сына.

Александр потребовал горячую ванну, душистое масло и опытного банщика, но о последнем, как оказалось, в Додоне никогда и не слышали. Тогда Александр спустился сам в купальню, чтобы растереть Феникса.

Старая царская купальня из раскрашенной глины много раз чинилась и подтекала; ложа

не было, за ним пришлось посылать. Александр поочередно разминал узловатые мускулы бедер, массируя и похлопывая тело старика, как показывал ему Аристотель и как он сам, дома, учил своего раба. В Иллирии Александр врачевал всех остальных. Даже когда знания или память изменяли ему и он полагался на увиденные во сне предзнаменования, горцы предпочитали искусство царского сына чарам местной знахарки.

— Ухм, а-ах, так лучше, именно здесь у меня всегда щемит. Ты учился у Хирона, как Ахилл?

— Нужно учиться у лучших учителей. Теперь повернись.

— Этих шрамов на руке я у тебя раньше не видел, — заметил Феникс.

— Мой леопард. Я должен был отдать шкуру хозяину дома, — пояснил Александр.

— Одеяла благополучно доставили?

— Ты посылал и одеяла? В Иллирии кругом воры. Книги я сохранил: иллирийцы не умеют читать, а в растопке, к счастью, нужды не было. Однажды эти дикари украли Букефала.

— Что ты сделал? — поинтересовался Феникс.

— Пошел следом и убил вора. Он не ушел далеко, Букефал не позволил ему на себя сесть.

Александр растирал подколенное сухожилие

старика.

— Ты всех нас держал в страшном напряжении полгода, даже больше.

Не прекращая работать, Александр коротко рассмеялся.

— Но время прошло, а ты не тот человек, от которого можно легко отделаться. Твой отец сделал ставку на естественные чувства. Как я ему и советовал. — Феникс вывернул шею, чтобы встретиться с Александром взглядом.

Александр распрямился, вытирая жирные от масла руки полотенцем.

— Да, — сказал он медленно. — Естественные чувства, да, можно назвать это и так.

Феникс, наученный опытом многих лет, поскорее сменил опасную тему:

— А что, Ахилл, вел ли ты сражения на западе?

— Однажды, в племенной войне. Нужно поддерживать своих гостеприимцев. Мы победили.

Александр откинул назад увлажнившиеся от пота волосы; его рот запал, черты лица заострились. Он сердито отшвырнул полотенце в угол.

«Александр привык хвастаться тем, что претерпел при Леониде, — подумал Феникс, — это научило его выносливости; в Пелле я слушал его

и улыбался. Но этими месяцами в Иллирии он никогда не будет хвалиться, и тому, кто станет насмехаться, следует быть осторожным».

Внезапно, словно подслушав его мысли, Александр с угрюмым раздражением произнес:

— Почему мой отец потребовал, чтобы я попросил прощения?

— Ну, Филипп любит поторговаться. При любой торговле запрашивают слишком высокую цену. Под конец он не настаивал.

Феникс спустил с ложа свои короткие узловатые ноги. Рядом с ним виднелось низкое оконце, в верхнем углу которого устроила гнездо куница; на подоконнике, хранившем следы помета, лежал зазубренный гребень слоновой кости. В его зубьях застряло несколько рыжих волосков из бороды царя Александра. Феникс причесывался с непроницаемым лицом, поглядывая на своего питомца.

Александр убедился, что может потерпеть неудачу. Да, даже он. Он видел реки, переправиться через которые во время паводка становилось невозможно. Как-то раз, темной ночью, в этой стране разбойников Александр увидел себя самого — кто знает каким? Стратегом наемников, которого какой-нибудь сатрап нанимает для вой-

ны с Великим царем; или третьеразрядным сицилийским тираном; возможно, блуждающей кометой вроде Алкивиада[69] — девять чудесных дней каждые несколько лет, а потом смерть во мраке. На мгновение Александр это увидел. «Мальчик любит показывать свои боевые шрамы, но этот будет скрывать, как позорное клеймо, — и уже скрывает, даже от меня», — заключил свои размышления Феникс.

— Ну же! Ударьте по рукам; старые счеты долой, начнем с чистой таблицы. Вспомни, что сказал Агамемнон Ахиллу, когда они примирились:

> *Часто винили меня, но не я, о ахейцы, виновен;*
>
> *Зевс Эгиох, и Судьба, и бродящая в мраках Эриннис:*
>
> *Боги мой ум на совете наполнили мрачною смутой*
>
> *В день злополучный…*[70]

---

[69] Сноски: 69

Алкивиад (ок. 450 — ок. 404 до н. э.) — родственник Перикла, афинский политик и военный. В продолжение своей бурной жизни несколько раз менял свои политические пристрастия. Известен не только блестящими победами на поле брани, но и коварством и предательством.

[70] Сноски: 70

Гомер. Илиада. Песнь 19, ст. 86–89.

Твой отец прочувствовал это. Я прочел на его лице.

— Я могу одолжить тебе гребень почище этого, — сказал Александр. Он положил гребешок назад под гнездо и вытер пальцы. — Мы знаем, что ответил Ахилл:

> *Гектор и Трои сыны веселятся о том, а данаи*
>
> *Долго, я думаю, будут раздор наш погибельный помнить.*
>
> *Но совершившееся прежде оставим в прискорбии нашем,*
>
> *Гордое сердце в груди укротим, как велит неизбежность*[71].

Александр взял в руки чистый хитон, который достал из чересседельной сумки Феникса, аккуратно, как вышколенный слуга, накинул его на старика и протянул ему пояс.

— Ах, дитя, ты всегда был добр ко мне.

Феникс завозился с пряжкой, опустив глаза. Этими словами он предполагал начать увещевание, но, во всем отчаявшись, произнес их просто как благодарность.

---

[71] Сноски: 71
Там же, ст. 63–65.

* * *

Конница Никанора снова стала илой Александра.

Препирательства заняли какое-то время; множество гонцов от Демарата к царю и обратно проделали трудную дорогу между Эпиром и Пеллой. Главным итогом сделки, достигнутым после многих ухищрений, стал отказ каждой партии от торжества победы. Когда отец наконец встретил сына, оба почувствовали, что сказано уже достаточно, и избавили себя от необходимости объясняться второй раз, теперь на словах. Каждый оглядел противника с любопытством, обидой, подозрением, сожалением и робкой надеждой, которую и тот и другой скрывали слишком хорошо.

Под взыскательным взглядом Демарата отец и сын обменялись символическим поцелуем примирения. Александр вывел вперед свою мать; Филипп поцеловал и ее, отметив про себя, что гордыня и ненависть испещрили ее лицо еще более глубокими морщинами, чем прежде, и с удивлением вспомнил свою былую юношескую страсть. После этого все трое разошлись, чтобы, вернувшись в русло старой жизни, обна-

ружить: ничто не осталось по-прежнему.

До сих пор большинство придворных избегало вставать на чью-либо сторону. Только отдельные группки — Атталидов, шпионов Олимпиады, друзей и товарищей Александра — ссорились и интриговали. Но появление изгнанников произвело на Пеллу такое же действие, как кислая закваска — на молоко. Началось брожение, все спешили размежеваться.

Молодые знали, что Александр, несмотря на юность, превзошел старших. Когда завистливые старики пытались его свергнуть, он выстоял и оказался победителем. Собственное едва тлеющее недовольство молодых Александр обратил в пламя неповиновения; он был их героем-жертвой. Даже обиду Олимпиады, поскольку она была его матерью, молодежь сделала своей собственной. Видеть, как твою мать позорят, а твой отец, старик, которому за сорок, в глазах всей Македонии выставляет себя на посмешище, женясь на пятнадцатилетней девочке, — можно ли молча проглотить такое? Наконец увидев Александра, молодые приветствовали его с яростным пылом, и он не смог их не ободрить.

Лицо Александра удлинилось. Постепенно, с годами, черты его становились более суровыми,

но замкнутая отрешенность взгляда появилась недавно. Восхищение юношей смягчило Александра, и теплая, доверчивая улыбка стала для молодых наградой.

С Гефестионом, Птолемеем, Гарпалом и остальными товарищами его изгнания обращались с благоговейным уважением; их рассказы становились легендой. Эти не предали своего друга. Все их истории повествовали об успехе: охота на леопарда, стремительные налеты на границу, славная победа в межплеменной войне. Их гордость и любовь принадлежали Александру, они переменили бы, если б смогли, самые его воспоминания. Благодарности Александра, пусть и невысказанной, им было достаточно, они чувствовали себя любимыми. Вскоре и молодым, и самим себе приближенные царского сына стали казаться признанными вождями; они начали показывать это, иногда осторожно, иногда — нет.

Собралась партия Александра. Ее составили люди, которые любили его или рядом с ним сражались, кому, может быть, где-то во Фракии, раненому или полузамерзшему, он уступил свое место у костра и свой кубок с вином; или те, чье иссякающее мужество он вновь зажег каким-

нибудь словом; здесь были и те, кто рассказывал ему разные истории в караульной, когда царевич был ребенком; и все те, кто, оглядываясь назад, на годы беззакония, хотел прежде всего сильного наследника; и те, кто ненавидел его врагов. Могущество и гордость Атталидов росли с каждым днем. Парменион, некоторое время назад овдовевший, женился на дочери Аттала, и царь был его дружкой.

В первый же раз встретившись с Павсанием наедине, Александр поблагодарил его за гостеприимство, оказанное его родом. Спрятанные в бороде губы слегка раздвинулись, словно пытаясь ответить на улыбку улыбкой, но они окончательно утратили гибкость.

— Безделица, Александр. Для нас это было честью… Я бы сделал для тебя большее.

На мгновение их глаза встретились, Павсания — изучающие, Александра — вопрошавшие, но Павсания всегда было нелегко понять.

Эвридика теперь жила в прелестном новом доме на склоне холма, недалеко от дворца. Сосновый лес вырубили, чтобы расчистить место, а статую Диониса, которую поставила в роще Олимпиада, возвратили царице. Статуя не принадлежала к древним святыням, а являлась лишь

прихотью, в устах молвы связанной с неким скандалом.

Гефестион, появившийся в Пелле слишком поздно, чтобы разбираться в таких вещах, знал, что положение Александра во многом зависит от поведения его матери. Конечно, сын должен защищать царицу, у него не было выбора, но почему с такой страстью, с такой жестокостью к своему отцу, такой слепотой к собственному благу? Истинные друзья делят все, кроме прошлого, оставшегося за границей их встречи.

То, что у царицы есть своя партия, все знали даже слишком хорошо; комнаты Олимпиады походили на зал собраний оппозиции какого-нибудь южного города. Когда Александр туда шел, Гефестион чувствовал, что теряет терпение. Да знал ли царевич, что замышляла его мать? Что бы там ни было, но, когда беда случится, царь решит, что сын знал все.

Гефестион по молодости лет разделил потрясение Александра, когда льстецы, некогда усердные, стали держаться на расстоянии. Самые победы Александра настораживали их. В Македонии, с ее историей, он слился с опасностью, как леопард — с яркими пятнами. Александр всегда презирал рабскую угодливость, но хотел,

чтобы его любили. Теперь он учился понимать, кто из его окружения этим воспользовался. За уроками со спокойной насмешкой зловеще наблюдал царь.

— Ты должен попытаться сгладить ваши разногласия, — твердил Гефестион. — Филипп хочет этого, иначе зачем ему было тебя возвращать? Младший всегда подходит первым, в этом нет позора.

— Мне не нравится, как он на меня смотрит, — хмурился Александр.

— Филипп может думать точно так же, вы оба дошли до предела. Но как ты можешь сомневаться в том, что ты его наследник? Кто еще остается? Арридей?

Идиот Арридей недавно появился в Пелле на одном из праздников. Родня его матери всегда подводила его, наряженного и причесанного, выразить почтение Филиппу. Царь с гордостью признал Арридея своим сыном, когда того вынесли из комнаты роженицы прелестным, здоровым на вид младенцем. Теперь Арридею исполнилось семнадцать; он перерос Александра и, пока его нижняя челюсть не отвисла, походил внешностью на Филиппа. Беднягу перестали брать в театр, потому что он разражался громким сме-

хом в самых трагических местах, и на серьезные обряды, из опасения, что с Арридеем случится припадок. Во время таких припадков Арридей падал и бился на земле, как выброшенная на берег рыба, в грязи, весь мокрый. Эти припадки, как говорили врачи, и ослабили рассудок несчастного, который до этого не отличался от обычных детей. Арридей наслаждался зрелищем пира, повсюду ходя за старым рабом, как маленький мальчик за своим педагогом. В этом году у него выросла черная бородка, но Арридей не расставался со своей куклой.

— Что за соперник! — смеялся Гефестион. — Почему бы тебе, Александр, не успокоиться?

Дав добрый совет, он выходил из комнаты, натыкался на кого-нибудь из партии Атталидов или даже на одного из многочисленных врагов Олимпиады, приходил в негодование от любого их слова и кидался в драку. Всем друзьям Александра приходилось участвовать в таких потасовках, а Гефестиону, с его бешеным нравом, чаще всех. Истинные друзья делят все, особенно врагов. Позднее Гефестион мог корить себя, но все его приближенные знали, что Александр никогда не упрекнет их за эти доказательства любви. Он не настраивал их против кого бы то

ни было, но вокруг облаком стояла та особая отчаянная преданность, от которой, как от кремня, сыплются искры.

Александр без устали охотился, с наибольшим удовольствием — когда зверь оказывался опасным или же попадал в его руки после долгого трудного преследования. Он читал мало, но не бесцельно; его беспокойство требовало действия. Александр успокаивался, только когда готовил свою илу к предстоящей войне. Он успевал повсюду; требовал от оружейников катапульт, которые можно было бы разбирать на части и перевозить в повозках, не оставляя их гнить после каждой осады; в рядах конницы осматривал ноги лошадей, проверял полы конюшни, обсуждал корм. Александр подолгу беседовал с много путешествовавшими людьми: торговцами, послами, актерами, наемниками, которые знали греческую Азию и даже земли за нею. Все, что они ему рассказывали, он, отрывок за отрывком, сверял с «Анабасисом» Ксенофонта.

Гефестион, деливший с Александром его занятия, видел, что все надежды друга возложены на войну. Месяцы безделья тяготили его, как оковы; он нуждался в лекарстве сражений, чтобы победами уничтожить врагов и исцелить свою

гордость. Александр полагал решенным, что его пошлют вперед, одного или с Парменионом, чтобы проложить главному войску дорогу в Азию. Гефестион, скрывая собственное беспокойство, поинтересовался, говорил ли он об этом с царем.

— Нет. Пусть сам придет ко мне, — ответил Александр.

Царь, хотя и занятый сверх меры, замечал все. Он видел изменения в тактике, требовавшие его одобрения, и ждал просьбы об этом, но тщетно. Филипп видел, как лицо юноши становится другим, а его товарищи почти не расстаются. Прочесть мысли Александра всегда было непросто, но когда-нибудь мальчик должен был прийти к нему как солдат к солдату, он не мог ослушаться. Как человек Филипп был уязвлен и сердит, как правитель — полон подозрений.

Царь только что получил хорошие новости: был заключен союз бесценного стратегического значения. В глубине души Филиппу хотелось похвастаться перед сыном. Но если мальчик был слишком упрям, чтобы советоваться со своим отцом и царем, то не мог ожидать, чтобы у него просили совета. Пусть узнает сам или от шпионов своей матери.

Поэтому о предстоящей женитьбе Арридея

Александр услышал от Олимпиады.

Сатрапией Кария, на южном изгибе малоазийского побережья, правила под рукой Великого царя ее старая династия. Великий Мавсол, прежде чем успокоиться в своем колоссальном Мавзолее, выстроил себе маленькую империю, на море — до Родоса, Коса и Хиоса, на юг — до побережья Ликии. Хотя и небесспорно, царство унаследовал его младший брат Пиксодор. Он заплатил дань и формально признал свою зависимость; Великий царь поостерегся просить большего. После того как Сиракузы вернулись к былой анархии, но до возвышения Македонии, Кария была сильнейшей державой Внутреннего моря. Филипп долго наблюдал за ней, отправляя секретные посольства, разыгрывая свою игру. Теперь царь торжествовал. Он обручил Арридея с дочерью Пиксодора.

Олимпиада узнала об этом в театре, на трагедии, представленной в честь карийских послов.

Она послала за Александром, но его нашли не сразу. Вместе с Гефестионом Александр ушел за сцену, чтобы поздравить Фессала. Играли «Безумие Геракла» Еврипида. Впоследствии Гефестион, недоумевая, спрашивал себя, как мог он пропустить предзнаменование.

Фессалу было сейчас около сорока, он находился в зените своих дарований и славы. Достаточно многоликий, чтобы выступать в любой маске, от Антигоны до Нестора, он, как и прежде, особенно гремел в героических ролях. Только это от него и требовалось. Фессал только что снял маску. Когда он увидел Александра, на лице его отразилось живейшее сочувствие: за время своего отсутствия наследник сильно изменился. До Фессала доходили слухи; он постарался дать Александру понять как можно яснее, что его собственная преданность не поколеблена.

Покинув театр, Гефестион отлучился, чтобы провести час со своими родителями, приехавшими в город на праздник. Когда он вернулся во дворец, то оказался в центре урагана.

Комната Александра была полна его друзей, все говорили одновременно: негодуя, намекая, тут же строя заговоры. Увидев Гефестиона в дверях, Александр вырвался из толпы, подбежал к нему и, схватив за руку, прокричал прямо в ухо новости. Ошеломленный его яростью, Гефестион что-то сочувственно пробормотал; разумеется, Александр должен был услышать о свадьбе от царя, разумеется, к нему отнеслись пренебрежительно. Истина постепенно, как мозаика,

сложилась из разрозненных слов. Александр поверил матери, что таким образом Филипп подтвердил права Арридея на македонский престол. Олимпиада в этом не сомневалась.

«Я должен увести его отсюда», — подумал Гефестион, но не осмелился даже на попытку. Александр горел, словно в лихорадке, юноши — вспоминая его победы, проклиная неблагодарность царя, предлагая нелепые советы — чувствовали, что необходимы Александру, и не собирались его оставлять. От Гефестиона он хотел того же, чего и от всех остальных, только с большим нетерпением. Безумием было бы перечить ему сейчас.

«Иллирия, — думал Гефестион. — Это как болезнь, от которой он не может оправиться. Позднее я поговорю с ним».

— Что это за женщина? — спросил Гефестион. — Невеста знает, что просватана за недоумка?

— А ты как думаешь? — сказал Александр, его ноздри раздувались. — Что за человек ее отец?

Его брови сошлись, он задумался, потом начал мерить шагами комнату. Гефестион распознал пролог близящегося действия.

Шагая за Александром по пятам, не обращая

внимания на признаки опасности, Гефестион сказал:

— Александр, это не может быть правдой, если только царь не сошел с ума. После того как его выбрали царем, потому что македонцы не хотели признать ребенка? Как он может думать, что они признают слабоумного?

— Я знаю, что он делает. — Казалось, от Александра исходили волны сухого жара. — Арридей всего лишь затычка, пока Эвридика не родит мальчика. Это работа Аттала.

— Но… но подумай! Этот мальчик еще даже не родился. Потом нужно время, чтобы он вырос. Скажем, восемнадцать лет. А царь — солдат.

— Эвридика опять беременна, ты не знал? — прокричал Александр.

«Если дотронуться до его волос, — думал Гефестион, — можно будет, наверное, услышать треск».

— Царь не может считать себя бессмертным, — возразил Гефестион. — Он отправляется на войну. Что случится, если Филипп умрет в ближайшие пять лет? Кто тогда станет царем, если не ты?

— Если только царь меня не убьет.

Александр произнес эти слова как нечто привычное.

— Что? Как ты мог в это поверить? — ужаснулся Гефестион. — Собственного сына?

— Все говорят, я ему не сын. Что ж, тогда я должен позаботиться о себе сам.

— Кто так говорит? Уж не имеешь ли ты в виду эту пьяную болтовню на свадьбе? Думаю, говоря об истинном наследнике, Аттал всего лишь хотел сказать, что в нем будет македонская кровь с обеих сторон.

— О нет. Сейчас говорят другое! — кипел Александр.

— Послушай. Давай пройдемся. Поохотимся, например. Обсудим все после, — предложил Гефестион.

Быстро оглянувшись, чтобы увериться, что никто больше не слышал этих слов, Александр отчаянно пробормотал:

— Спокойствие, спокойствие.

Гефестион отошел к остальным, и Александр снова заметался по комнате, как волк в клетке. Внезапно он повернулся и сказал:

— Я с этим справлюсь!

Гефестион, привыкший всецело доверять этим ноткам решимости в голосе Александра, мгновенно ощутил приближение катастрофы.

— Посмотрим, — сказал Александр, — кто вы-

играет от этой помолвки.

Его друзья, в точности как хор в трагедии, стали умолять его открыться.

— Я пошлю в Карию, чтобы рассказать Пиксодору, какого рода сделку он заключил.

Раздались рукоплескания. «Все сошли с ума, — думал Гефестион, — весь мир обезумел». Перекрывая шум, моряк Неарх выкрикнул:

— Ты не можешь этого сделать, Александр. Мы проиграем войну в Азии из-за тебя.

— Ты мог бы дать мне закончить, — огрызнулся Александр. — Я предложу дочери Пиксодора себя.

Когда до них дошел смысл этих слов, воцарилось молчание. Потом Птолемей сказал:

— Сделай это, Александр. Я поддержу тебя, вот моя рука.

Гефестион в ужасе уставился на него. Он рассчитывал на Птолемея, здравомыслящего старшего брата. Тот недавно выписал назад из Коринфа Таис, уехавшую на юг на время его ссылки. Но сейчас стало ясно, что Птолемей взбешен не меньше Александра. В конце концов, хотя и непризнанный, он был старшим сыном Филиппа. Привлекательный, способный, честолюбивый, уже достигший тридцати лет,

он полагал, что и сам прекрасно смог бы управлять Карией. Одно дело — уступить любимому брату, законному наследнику, и совсем другое — остаться в тени из-за слюнявого Арридея.

— А вы все что скажете? Мы останемся с Александром? — крикнул Птолемей.

Некоторые смутились, но согласились все. Убежденность Александра всегда захватывала. Юноши заявили, что этот брак сохранит Александру его место и принудит царя считаться с ним. Даже слабовольные, видя, что Александр считает голоса, присоединялись к заговору; все же, думали они, это не иллирийское изгнание, им ничего не придется делать, весь риск Александр возьмет на себя.

Это измена, думал Гефестион. Отчаяние сделало его дерзким; он взял Александра за плечи с твердостью человека, заявляющего о своих правах. Александр тотчас же повиновался и вместе с ним отошел в сторону.

— Утро вечера мудренее. Ты примешь решение завтра, — твердо сказал Гефестион.

— Никогда не следует откладывать.

— Послушай. Что, если твой отец и Пиксодор меняются тухлой рыбой? Что, если она потаскушка или уродина? Как раз пара для Арридея.

Ты станешь посмешищем.

С видимым усилием Александр поднял на него широко распахнутые блестящие глаза и со спокойствием, которое тяжело ему далось, сказал:

— Ну и что? Для нас разницы нет, ты это знаешь.

— Конечно знаю! — сказал Гефестион сердито. — Ты ведь не с Арридеем говоришь, с этим дурачком…

«Нет, нет, один из нас должен сохранить рассудок». Внезапно, по причине, неясной ему самому, Гефестион подумал: «Александр доказывает, что может отнять женщину у своего отца. Она предназначена Арридею, приличия соблюдены, недоумок ничего не узнает. Но кто отважится сказать Александру о его истинных мотивах? Никто, даже я».

Александр, упрямо склонив голову, заговорил о мощи карийского флота. Гефестион прекрасно чувствовал невысказанный призыв, таящийся за его словами. Друг хотел не совета, но доказательств любви. Он должен получить все, в чем нуждается.

— Ты же знаешь, я с тобой, чем бы это ни обернулось. Что бы ты ни сделал.

Александр стиснул его руку, быстро улыбнулся

и подошел к остальным.

— Кого ты пошлешь в Карию? — спросил Гарпал. — Я поеду, если хочешь.

Александр сжал обе его руки.

— Нет, македонцу нельзя; мой отец заставит тебя поплатиться. Благородно с твоей стороны было предложить это, Гарпал, я никогда не забуду.

Александр поцеловал Гарпала в щеку; он становился очень чувствительным. Еще несколько человек сгрудилось вокруг него, наперебой вызываясь исполнить поручение. Словно в театре, подумал Гефестион.

Едва это слово пришло ему на ум, как он понял, кого выберет Александр.

Фессал явился уже в сумерках и был впущен через сад в покои Олимпиады. Царица пожелала присутствовать при беседе, но Александр встретился с актером наедине. Фессал вышел, высоко неся голову; на пальце у него красовалось золотое кольцо. Олимпиада также поблагодарила актера, пустив в ход все свое обаяние, еще не до конца утраченное, и дала Фессалу талант серебра. Фессал ответил с большой учтивостью; опыт научил его произносить речи, в то время как он обдумывал совершенно иные вещи.

Дней через семь Александр встретил Арри-

дея в дворцовом саду. Теперь идиот приезжал в Пеллу чаще; врачи советовали выводить его в люди, чтобы дать пищу уму. Арридей торопливо побежал навстречу Александру; старый слуга, которого Арридей перерос уже на полголовы, озабоченно ковылял позади. Александр, для которого идиот был не большим злом, чем собака или лошадь его врага, ласково поздоровался.

— Как поживает Фрина? — спросил он. Куклы не было видно. — Ее у тебя отобрали?

Арридей ухмыльнулся. В его мягкой черной бороде блестели дорожки слюны.

— Старушка Фрина в сундуке. Она мне не нужна. Мне привезут настоящую девушку, из Карии.

Он добавил непристойную похвальбу, как несмышленый ребенок, подражающий взрослым.

Александр смотрел на Арридея с жалостью.

— Заботься о Фрине. Она хороший друг. В конце концов ты, может быть, захочешь к ней вернуться.

— Нет! У меня будет жена. — Арридей кивнул Александру и сказал с дружеской искренностью: — Когда ты умрешь, я буду царем.

Дядька Арридея быстро ухватил дурачка за пояс, и он двинулся дальше, что-то нескладно

напевая себе под нос.

Уверенность Филота росла. Он хорошо знал значение взглядов, которыми при нем обменивались. Снова его не посвятили в тайну. Уже полмесяца он чувствовал запах заговора, но друзья Александра держали языки за зубами. Наконец Филот все понял: они были слишком упоены собой или слишком испуганы, чтобы таиться.

Для Филота это время было нелегким. Годами принадлежа к окружению Александра, он никогда не допускался в тесный круг его самых близких друзей. Филот искусно сражался, имел привлекательную внешность — за исключением голубых глаз навыкате, — мог составить хорошую компанию за ужином, был завзятым щеголем; его донесения царю всегда были осторожны. Филота, без сомнения, ни в чем не подозревали. Почему же тогда ему не доверяли? Интуитивно он винил в этом Гефестиона.

Парменион не оставлял Филота в покое, требуя новостей. Если он что-то пропустит, что бы там ни было, и его отец, и царь спросят с него. Теперь Филот думал, что благоразумнее было бы разделить с Александром изгнание; он принес бы пользу Филиппу и сейчас принадлежал бы к посвященным. Но все произошло слишком

внезапно, Александр сделал свой выбор во время ссоры на свадебном пиру. Храбрый на поле боя, Филот слишком любил удобства спокойной жизни, чтобы в сомнительной ситуации таскать для других каштаны из огня.

Филот страстно желал, чтобы ни до Александра, ни до Гефестиона — что было одно и то же — не дошли слухи, что он шпионит. На поиски истины ушло время; Филот собирал там и тут пустячные сплетни, искал недостающие части разрозненной картины, стараясь оставаться незаметным, и наконец узнал правду.

Было решено, что Фессал не будет писать сам; при его поручении это показалось бы слишком подозрительным. Актер послал доверенного человека из Коринфа, чтобы сообщить о своем успехе.

Пиксодор знал кое-что, хотя и недостаточно, об Арридее: Филипп, имея опыт дипломатии, знал, что прочный союз не может быть достигнут бесстыдным мошенничеством. Но когда сатрап узнал, что за ту же цену он может приобрести вместо осла прекрасного рысака, он расцвел. В приемном зале Галикарнаса, с его пестрым мрамором, персидскими тканями и греческой мебелью, мимо Фессала скромно прошла дочь

Пиксодора. Никто не потрудился сказать Аридею, что невесте всего восемь лет. Фессал, как полномочный представитель Александра, выразил восторг. Брак, конечно, предполагалось заключить по доверенности, но, когда он совершится, родня жениха вынуждена будет его признать. Остается только выбрать человека соответствующего положения и отослать его в Македонию.

Большую часть дня, при Александре и в его отсутствие, ничто другое не обсуждалось среди его друзей. Когда поблизости появлялся кто-то из чужих, они говорили обиняками. И этот день дал Филоту последнее недостающее звено для его цепи.

Действовать, когда готов, сохранять спокойствие до последней минуты — это было едва ли не лучшей способностью царя Филиппа. Он не хотел огласки и шума; вреда и так причинено достаточно. За всю свою жизнь Филипп редко испытывал такой гнев, но и на этот раз его негодование было холодным и трезвым.

День прошел мирно. Настала ночь; Александр отправился в свою комнату. Когда он остался совершенно один — иными словами, когда Гефестион покинул его, — у дверей выставили

стражу. Окно комнаты находилось в двадцати футах над землей, но и под ним стояли солдаты.

Александр узнал об этом только утром. Филипп тщательно выбрал охрану, она не отвечала на вопросы. Голодный, царевич просидел так до полудня.

Под подушкой Александра лежал кинжал, в царском доме Македонии столь же естественная вещь, как и одежда. Александр спрятал оружие под хитоном. Если принесут пищу, он к ней не прикоснется: смерть от яда недостойна воина. Александр прислушался.

Когда наконец раздались шаги, Александр услышал, как стража берет на караул. Значит, это был не палач. Он узнал поступь отца, но облегчения не почувствовал.

Филипп вошел в сопровождении Филота.

— Мне нужен свидетель, — сказал царь. — Им будет этот человек.

Из-за плеча Филиппа Филот послал Александру полный беспокойства взгляд: участие, смешанное с недоумением. Его рука слабо двинулась, неловким жестом предлагая Александру в этой неведомой беде свою беспомощную преданность.

Александр едва на него посмотрел. Царь запол-

нил собой всю комнату — большой рот на широком лице плотно сжат, густые брови, всегда насупленные, вздымались, как распростертые крылья ястреба. Сила веяла от него, как жар. Александр ждал, поднявшись на ноги, чувствуя спрятанный кинжал каждым нервом кожи.

— Я знал, — сказал отец, — что ты своеволен, как дикий кабан, и тщеславен, как коринфская шлюха. Я знал, что ты можешь оказаться предателем с тех пор, как стал слушать свою мать. Но на одно я не рассчитывал: что ты окажешься дураком.

При слове «предатель» у Александра перехватило дыхание, он попытался что-то сказать.

— Помолчи! — взорвался Филипп. — Как осмеливаешься ты открывать рот? Как осмелился ты вмешаться в мои дела, со своим нахальством и нелепой детской злобой, ты, ослепленный, безмозглый дурак?

— Ты привел сюда Филота, — спросил Александр, помолчав, — чтобы он выслушивал это? — Он содрогнулся, как от нанесенной раны, боль которой еще не успела накрыть огнем.

— Нет, — сказал царь угрожающе. — Подожди, всему свое время. Из-за тебя я потерял Карию. Неужели ты этого не видишь, глупец? Боги бла-

гие, если ты так много мнишь о себе, почему ты хоть чуть-чуть не подумал на этот раз? Ты хочешь быть персидским заложником? Ты хочешь сделать толпу варваров своими новыми родственниками, чтобы они не отходили от тебя ни на шаг, когда начнется война, выдавали наши планы и торговались из-за твоей головы? Что ж, если таков твой замысел, я скорее отправлю тебя в Аид, там ты будешь меньшей помехой. А теперь — неужели ты думаешь, что Пиксодор примет Арридея? Только если он еще больший дурак, чем ты, а на это мало надежды. Я рассудил, что без Арридея мне обойтись легче. Ладно, я сглупил, я заслуживаю того, чтобы плодить дураков. — Он тяжело перевел дыхание. — Мне не везет с сыновьями.

Александр застыл на месте. Даже прижатый к его ребрам кинжал едва шевелился. Через какое-то время он сказал:

— Если я твой сын, тогда ты обесчестил мою мать.

Он говорил без выражения, захваченный поднявшимися в нем чувствами.

Филипп выпятил нижнюю губу.

— Не выводи меня из терпения, — сказал он. — Я принял ее обратно только ради тебя, я стараюсь

не забывать об этом. Не выводи меня из терпения перед свидетелем.

Сжавшийся у дверей Филот грузно переступил с ноги на ногу и сочувственно кашлянул.

— Теперь, — сказал Филипп, — я перехожу к делу. Первое: я отправляю посла в Карию. Он отвезет одно письмо от меня, формальный отказ дать согласие на твою помолвку, и одно от тебя, в котором ты возьмешь свои слова назад. Или, если ты не захочешь писать, я сообщу Пиксодору, что ты волен поступать как тебе угодно, ибо больше не являешься моим сыном. Если твой выбор таков, скажи мне прямо сейчас. Нет? Очень хорошо. Тогда второе. Я не прошу тебя обуздывать свою мать, ты не сможешь это сделать. Я не прошу тебя выдавать мне ее замыслы; я никогда об этом не просил, не стану просить и сейчас. Но пока ты живешь в Македонии как мой наследник — а так будет до тех пор, пока я не переменю свое решение, не дольше, — ты будешь держаться в стороне от ее интриг. Если ты впутаешься в них снова, то можешь вернуться туда, где был, и остаться там навсегда. Чтобы помочь тебе избежать зла, юные дураки, которых ты завел так далеко, отправятся искать себе приключений за пределами царства. Сегод-

ня они приводят в порядок свои дела. Как только они уедут, ты сможешь покинуть эту комнату.

Александр слушал молча. Он долго готовился к пытке, на случай если его каким-то образом возьмут живым. Но он готовил к страданию свое тело.

— Ну? — сказал царь. — Ты не хочешь узнать, кто они?

— Можешь сам догадаться, что хочу, — ответил Александр.

— Птолемей: мне не везет с моими сыновьями. Гарпал: скользкая жадная лиса, я бы купил его, если б он этого стоил. Неарх: его критская родня вволю посмеется над ним. Эригий и Лаомедон…

Царь медленно ронял имена, наблюдая, как белеет лицо сына, стоящего перед ним. Мальчику пришло время раз и навсегда узнать, кто здесь хозяин. Пусть подождет.

Филот, с радостью устранивший бы Гефестиона, не назвал его в числе заговорщиков. Не чувство справедливости и не доброта, но неискоренимый страх удержал его. Царь, со своей стороны, никогда не считал, что Гефестион опасен сам по себе, хотя знал, что ради Александра тот, если возникнет необходимость, пойдет на все. Стоило рискнуть. Это помилование досадит Олимпиаде;

кроме того, есть и еще одна причина.

— Что касается Гефестиона, сына Аминтора, — сказал царь, выдержав паузу, — тут я рассудил иначе. — Филипп снова замолчал, в эту минуту в нем боролись презрение и глубоко затаенная зависть. Может ли мужчина, да и женщина тоже, жить вот таким чувством? — Ты не будешь, я полагаю, утверждать, будто он не был посвящен в твои планы или отказался в них участвовать.

Глухо, с огромной болью в голосе Александр проговорил:

— Он не соглашался, но я вынудил его.

— Да? Что же, пусть будет так, — кивнул Филипп. — Я принимаю во внимание, что в его положении он не избежал бы хулы, равно приняв твои намерения или же выдав их. — Голос Филиппа звучал сухо, он отвел Гефестиону подобающее ему место. — Тем не менее в настоящее время я избавил его от ссылки. Если он даст тебе еще один добрый совет, ты вполне сможешь принять его, как ради себя самого, так и ради друга. Ибо я говорю тебе это перед свидетелем, на случай если ты станешь впоследствии оспаривать мои слова: если ты еще раз будешь замечен в преступном заговоре, я возложу ответственность на него, как на человека знавшего и сочувствовавшего.

Я обвиню его перед Собранием Македонии и потребую его смерти.

— Я слышал тебя, — сказал Александр. — Тебе не было нужды приводить свидетеля.

— Очень хорошо. Завтра, когда твои друзья уберутся из Пеллы, я сниму стражу. Сегодня можешь подумать о своей жизни. Сейчас самое время.

Царь вышел. Стража за дверью пробряцала оружием. Филот выскользнул следом. Он собирался взглянуть на Александра с осторожным сочувствием, с красноречивым возмущением. Но покинул комнату, пряча лицо.

Шли дни; Александр, выпущенный на свободу, обнаружил, что толпа его приверженцев сильно поредела. Дружба с ним могла стоить слишком дорого, даже молодым. Вся мякина отсеялась, осталось твердое зерно. Александр запоминал тех, кто остался ему верен; они никогда не будут забыты.

Через несколько дней Александра призвали в малую приемную. Посыльный сказал только, что царь требует его присутствия.

Филипп сидел на троне, в окружении судей, нескольких писцов и тяжущихся, ожидающих своей очереди. Без единого слова он указал сыну на сиденье у своих ног и продолжал диктовать

письмо.

Александр помешкал, потом сел.

— Пусть введут его, — сказал Филипп страже у дверей.

Четверо человек ввели Фессала. Ноги и руки актера были закованы. Он шел тяжелой нетвердой походкой, волоча железо. На запястьях кандалы натерли кровавые раны.

Актер был небрит и нечесан, но голову держал высоко поднятой. Царю он поклонился столь же почтительно, как если бы считался гостем — не больше и не меньше. Фессал отвесил поклон и Александру; во взгляде артиста не было упрека.

— Вот и ты, — сказал Филипп мрачно. — Честный человек явился бы сам, чтобы дать отчет о своем посольстве. А мудрый — убежал много дальше Коринфа.

Фессал склонил голову.

— Так это кажется, царь. Но я привык не нарушать свои контракты.

— Тогда жаль разочаровывать твоих нанимателей. Ты дашь свое последнее представление в Пелле. И дашь его в одиночестве.

Александр встал. Все глаза обратились к нему; теперь стало ясно, зачем он здесь.

— Да, — сказал царь. — Пусть Фессал посмотрит на тебя, Александр. Он обязан тебе своей смертью.

Голос Александра дрогнул. Он сказал с трудом:

— Он слуга Диониса, его особа священна.

— Актеру следовало держаться своего ремесла.

Филипп кивнул судье, который начал что-то записывать.

— Он фессалиец, — сказал Александр.

— Он гражданин Афин уже двадцать лет. После заключения мирного договора он действовал как мой враг. У Фессала нет никаких прав, и он это знает.

Фессал, едва заметно покачав головой, бросил взгляд на Александра, но тот не отрываясь смотрел на царя.

— Если воздать ему по заслугам, — сказал Филипп, — он завтра же будет повешен. Если же он рассчитывает на милосердие, то должен попросить меня об этом. Точно так же, как ты.

Александр стоял в оцепенении, сдерживая дыхание. Все смотрели на него. Он шагнул к трону.

Фессал с лязгом выдвинул вперед скованную ногу. Теперь актер стоял в позе героической стойкости, столь любимой его зрителями. Все глаза обратились к нему.

— Позволь мне ответить за все. Никому не следует превышать своих полномочий. В Карии я вмешался не в свое дело. Скорее, чем твоего сына, я должен просить Софокла быть моим защитником.

Он вытянул обе руки в классическом жесте мольбы, который к тому же, для наилучшего эффекта, обнажил его язвы. Вокруг приглушенно зашептались. Фессала увенчивали лаврами чаще, чем любого олимпийского победителя, и греки, даже видевшие не больше одного спектакля за всю жизнь, знали его имя. Слова мольбы он произнес глубоким звучным голосом, который мог бы захватить аудиторию в двадцать тысяч человек, а теперь был искусно соразмерен с пространством зала.

Слова были удачно подобраны, но означали совсем иное. В действительности Фессал хотел сказать: «О да, я знаю, кто ты. А ты знаешь, кто я. Не пора ли прекратить комедию?»

Черный глаз Филиппа сузился. Он понял намек актера и был сильно удивлен, когда его сын, вспыхнув, сделал несколько шагов и встал рядом с Фессалом.

— Разумеется, государь, я буду просить милосердия для Фессала. Намного позорнее не сделать

этого. Он рисковал для меня жизнью, я не пожалею для него своей гордости. Прошу, прости его, вся вина на мне. И ты, Фессал, пожалуйста, прости меня.

Фессал сделал жест выразительнее любых слов. В воздухе повисло ясно различимое одобрение. Филипп кивнул Фессалу как человек, достигший желаемого.

— Очень хорошо. Надеюсь, Фессал, это научит тебя не прятаться за спину бога после всякого дурного поступка. На этот раз ты прощен, не злоупотребляй этим. Уведите его и снимите цепи. Остальными делами я займусь чуть погодя.

Царь вышел. Ему нужно было время, чтобы взять себя в руки, иначе можно наделать ошибок. Эти двое едва не сделали из него дурака. Пара фигляров, как они разыграли эту сцену, украв его триумф.

* * *

Вечером Фессал сидел в доме, где остановился Никерат. Старый друг ехал следом за актером до самой Пеллы на случай, если потребуется выкуп. Теперь он натирал мазью раны актера.

— Дорогой мой, — говорил Фессал, — я так переживал за мальчика. Он еще так мало видел

в этой жизни. Я пытался подать ему знак, но он поверил каждому слову царя. Он уже видел веревку вокруг моей шеи.

— Как и я. Неужели ты никогда не поумнеешь? — проворчал Никерат.

— Ну, ну, кто, по-твоему, Филипп, — какой-нибудь иллирийский разбойник? Тебе бы стоило поглядеть, каким греком он выступал в Дельфах. Он уже знал, что зашел слишком далеко, еще до того, как я ему это сказал. Отвратительная поездка. Домой отправимся морем.

— Ты знаешь, что коринфяне оценили тебя в полталанта? — поинтересовался Никерат. — Аристодем получил твои роли. Никто не заплатит тебе за представление, частным образом устроенное для Филиппа.

— О, я играл не один. Даже не предполагал, что мальчик будет столь естествен. Какое чувство театра! Подожди, пока Александр найдет себя; говорю тебе, мы многое увидим. Но это чудовищно, так обойтись с ним! Мое сердце обливалось кровью, правда обливалось.

— Да, я знаю, — шептал Гефестион в полуночной тьме. — Я знаю. Но сейчас ты должен поспать. Я останусь с тобой. Постарайся заснуть.

Бесцветным горячечным голосом Александр

повторял:

— Он втоптал меня в грязь.

— Филипп не дождется одобрения. Это скандал — заковать Фессала, все так говорят. Все говорят, что ты держался великолепно.

— Он втоптал меня в грязь, желая показать, что может это сделать. Перед Фессалом, перед всеми, — шептал Александр.

— Все забудут. И ты должен забыть. Все отцы время от времени творят несправедливость. Помню, однажды…

— Он мне не отец.

Гефестион на мгновение застыл, оцепенев.

— О, но не в глазах богов; они выбирают, кто… — начал Гефестион.

— Никогда больше не произноси этого слова, — прервал друга Александр.

— Бог все откроет тебе. Ты должен ждать его знака, ты это знаешь… Подожди, пока не начнется война. Подожди, пока ты не выиграешь свое следующее сражение. Тогда Филипп еще будет тобой гордиться.

Александр лежал, распростершись на спине, глядя вверх невидящими глазами. Внезапно он сжал Гефестиона в объятиях с такой яростью, что тому стало нечем дышать.

— Я сошел бы с ума без тебя!

— Я без тебя тоже, — пылко ответил Гефестион.

«Измени значение, — подумал он, — и отвратишь несчастье».

Александр ничего не ответил. Его стальные пальцы впились в плечо Гефестиона, синяки будут держаться неделю. «Я тоже милость царя, — думал Гефестион, — подарок, который Филипп может отобрать». Вскоре, исчерпав запас слов, Гефестион предложил вместо них печаль Эроса; она, по крайней мере, принесла сон.

Молоденькая рабыня выскользнула из тени за колонной: черная девушка-нубийка в алом платье. Ребенком ее подарили девочке Клеопатре, как могли бы подарить куклу; они выросли вместе. Прежде чем заговорить, нубийка стрельнула взглядом направо, налево; черные глаза с поволокой блестели, как агатовые глаза статуй.

— Александр, моя госпожа просит тебя встретиться с ней в саду царицы, у старого фонтана. Она хочет поговорить с тобой.

Александр бросил на рабыню пронзительный настороженный взгляд, потом снова погрузился в себя.

— Сейчас не могу. Я занят, — сказал он.

— Пожалуйста, иди к ней сейчас, — взмолилась рабыня. — Пожалуйста, она плачет.

Александр увидел, что на темной матовой коже щек девушки блестят слезы, как капли дождя на бронзе.

— Хорошо, скажи ей, что я приду.

Стояло начало весны. Сплетение старых розовых кустов было усеяно твердыми красными почками, в неверном вечернем свете они пылали, как рубины. Миндальное дерево, проросшее в трещине между древними плитами, казалось невесомым в облаке розовых цветов. В тени вода фонтана с шумом разбивалась о старый бассейн, в проломах которого рос терн. Сидевшая на бортике Клеопатра приподняла голову на звук шагов и утерла слезы.

— Как я рада, что Мелисса нашла тебя, — сказала девушка.

Александр оперся коленом о парапет и сделал быстрое движение рукой.

— Подожди. Прежде чем что-либо скажешь, подожди.

Сестра отрешенно смотрела на него.

— Однажды я просил тебя предостеречь меня кое о чем. Это то самое?

— Предостеречь тебя? — Казалось, ее мысли

были заняты совсем иным. — О, нет же…

— Подожди, — прервал ее Александр. — Я не стану вмешиваться в дела матери, что бы там ни было. Ни в какой заговор. Это условие.

— Заговор? Нет, нет, пожалуйста, не уходи! — заторопилась Клеопатра.

— Говорю тебе, я освобождаю тебя от того обещания. Я не желаю знать.

— Нет, правда. Прошу, останься. Александр, когда ты был в Молоссии… с царем Александром… Какой он?

— Наш дядя? — удивился брат. — Но он был здесь несколько лет назад, ты должна его помнить. Большой, с рыжей бородой, молодо выглядит для своего возраста.

— Да, знаю; но что он за человек?

— Ну, честолюбив, я бы сказал; храбр на войне, но сомневаюсь в его справедливости. Он себе на уме, хотя и хорошо правит.

— От чего умерла его жена? Он был добр к ней? — спрашивала Клеопатра.

— Откуда мне знать? Она умерла родами. — Александр замолчал и посмотрел на нее, потом изменившимся голосом спросил: — Зачем тебе это?

— Я должна буду выйти за него замуж.

Александр отпрянул. В невидимом ручье глухо бормотала вода.

— Когда ты это узнала? — пришел он в себя. — Мне должны были сказать. Царь не говорит мне ничего. Ничего.

Сестра молча взглянула на него, сказала:

— Отец только что посылал за мной, — и отвернулась.

Александр нагнулся, привлек ее к себе. Он редко обнимал сестру с тех пор, как они были детьми. Она выплакивала свое горе в объятиях Мелиссы.

— Мне так жаль, — говорил Александр. — Тебе не надо бояться. Он неплохой человек, он не слывет жестоким. Люди его любят. И ты будешь совсем рядом с нами.

«Ты, — подумала Клеопатра, — считаешь само собой разумеющимся, что можешь выбрать лучшее; если ты выберешь, тебе стоит только поднять палец. Когда они подыщут тебе жену, ты сможешь жить с ней или остаться с возлюбленной. Но я должна быть благодарна, что этот старик, брат моей матери, не слывет жестоким».

— Боги несправедливы к женщинам, — только и сказала девушка.

— Да, я часто думал так же. Но боги всегда справедливы, значит, это вина людей. — Глаза брата

и сестры встретились, в них мелькнул невысказанный вопрос, но мысли текли розно. — Филипп хочет быть уверен в Эпире, перед тем как идти в Азию. Что об этом думает мама?

Клеопатра молящим жестом ухватилась за складку его хитона.

— Александр, это то, о чем я хотела попросить. Не скажешь ли ты ей вместо меня?

— Сказать ей? Но она должна была узнать это прежде тебя, — удивился Александр.

— Нет, отец сказал, что сообщить ей должна я.

— Что такое? — Александр сжал ее кисть. — Ты что-то утаиваешь.

— Нет. Только это — отец знал, что мама будет сердиться.

— Еще бы. Какое оскорбление! Снова унижать ее, когда и так… Мне следует подумать…

Внезапно Александр отпустил сестру. Его лицо изменилось, он заходил взад-вперед по плитам, его ноги с кошачьей ловкостью избегали трещин и обломков. Клеопатра знала, что Александр разгадает, что им грозит, сделает это лучше, чем мать, думала она, но сейчас с трудом выносила минуты ожидания.

Брат обернулся. Клеопатра увидела, что лицо Александра посерело, а взгляд брата заставил ее

затрепетать. Вспомнив о присутствии сестры, он резко бросил:

— Я иду к матери, — и двинулся прочь.

— Александр! — окликнула его Клеопатра.

Он нетерпеливо остановился.

— Что это значит? Скажи мне, что это значит? — умоляла сестра.

— Ты разве сама не видишь? Филипп сделал дядю Александра царем Молоссии и гегемоном Эпира. Разве этого недостаточно? Они свояки, неужели этого недостаточно? Почему нет? Зачем делать его, помимо этого, еще и зятем? Как ты считаешь? Не помимо — вместо.

— Что? — медленно произнесла Клеопатра. — О нет, боги запрещают это!

— Что же еще? Содеянное Филиппом превратит Александра в его врага, если только дядя не будет упоен сладостью нового брака. Филипп собирается отослать домой Олимпиаду, чтобы сделать Эвридику царицей.

Внезапно Клеопатра завыла, раздирая свою одежду и волосы, царапая и осыпая ударами нагую грудь. Александр схватил сестру за руки, крепко сжал, поправил на ней платье.

— Тише! Не рассказывай всему миру о наших бедах. Нам надо подумать.

Клеопатра подняла огромные от ужаса глаза.

— Что будет? Мать убьет меня.

Дети Олимпиады без содрогания произносили эти слова. Но Александр прижал к себе сестру и стал поглаживать, как если бы успокаивал больную собаку.

— Нет, не будь дурочкой, — утешал ее Александр. — Ты знаешь, что она не причинит вреда тем, кого родила. Если мать кого-то и убила… — Он передернулся, но в ту же минуту неуклюже погладил сестру по голове. — Будь храброй. Принеси богам жертвы. Боги сделают что-нибудь.

— Я думала, — всхлипывала Клеопатра, — что если он неплохой человек… Я смогу взять Мелиссу… по крайней мере, я уеду отсюда. Но в одном доме с *ней,* после всего, что случилось!.. Лучше бы я умерла, лучше бы я умерла.

Растрепанные волосы девушки коснулись рта Александра, он чувствовал их соленую влажность. За спиной Клеопатры в кустах лавра мелькнул алый проблеск, и Александр освободил одну руку, чтобы поманить Мелиссу. Девушка, дрожа, приблизилась. В конце концов, подумал Александр, все, что она подслушает, и без того будет рассказано Олимпиаде.

— Да, я увижусь с мамой, — повторил он. —

Я иду к ней сейчас же.

Александр передал сестру в протянутые к ней черные руки с розовыми ладошками. Оглянувшись назад, на пути к неизбежному тягостному испытанию Александр увидел, как сидящая на бортике порфирного фонтана рабыня склоняется над дочерью царя, уткнувшейся в ее колени.

Новости об обручении разнеслись быстро. Гефестион попробовал угадать, что должен думать об этом Александр, и угадал правильно. Александр не появился за ужином; сказали, что он у царицы. Гефестион, дожидаясь в комнате Александра, заснул на его кровати; стук щеколды разбудил его.

Вошел Александр. Его глаза запали, но лихорадочно блестели от возбуждения. Александр подошел, высвободил руку и дотронулся до Гефестиона, как дотрагиваются до священных предметов: на счастье или во исполнение добрых предзнаменований. Но его мысли занимало что-то иное. Гефестион молча смотрел на друга.

— Она сказала мне.

Гефестион не спросил: «Что на этот раз?» Он знал.

— Олимпиада сказала мне наконец. — Александр пристально взглянул на Гефестиона.

Сквозь Гефестиона, позволяя тому разделить свое одиночество. — Она произнесла заклинание и просила бога позволить рассказать мне. Бог всегда отказывал ей. Этого я прежде не знал.

Гефестион неподвижно сидел на краю постели, всматриваясь в Александра. Он понимал: единственное, что он может сейчас отдать другу, — это он сам. С людьми нельзя говорить об их пути наверх из царства теней, иначе они снова погрузятся в подземный мир, уже навсегда. Это знал каждый.

Краем сознания Александр отметил застывшее тело Гефестиона, его лицо, которое сосредоточенность сделала прекрасным, неподвижные темно-серые глаза, белки которых блестели в свете лампы. Александр глубоко вздохнул и потер лоб.

— Я присутствовал при обряде, — сказал он. — Долгое время бог не отвечал ни да ни нет. Потом он заговорил. Он превратился во вспышку огня, и в…

Внезапно Александр, казалось, осознал, что Гефестион существует и сам по себе, не только как его часть. Он сел рядом и положил ладонь на колено друга.

— Бог позволил мне узнать правду, если я по-

клянусь не раскрывать ее. Так на всех мистериях. Все, что принадлежит мне, я могу разделить с тобой, но это принадлежит богу.

«Нет, — подумал Гефестион, — это принадлежит ведьме; такое условие она поставила из-за меня». Но он ободряюще сжал обеими руками кисть Александра. Рука была сухой и теплой и лежала в его ладонях доверчиво, но не ища утешения.

— Значит, ты должен повиноваться богу, — сказал Гефестион.

Не в первый раз, подумал он, не в последний; кто знает? Сам Аристотель никогда не отрицал, что подобные вещи случались; Гефестиону не следовало богохульствовать. Если когда-либо люди говорили с богами, такое возможно и сейчас. Но для бренного человека это великое бремя. Гефестион плотнее сжал руку, которую держал.

— Скажи мне только, удовлетворен ли ты? — спросил он.

— Да. — Александр кивнул теням за лампой. — Да, я удовлетворен.

Внезапно его лицо осунулось и поблекло, щеки, казалось, ввалились на глазах, рука стала ледяной. Он мелко задрожал. Гефестион видел такую дрожь у воинов, когда у них остывали раны после

боя. Лекарство, видимо, требовалось то же самое.

— У тебя здесь есть вино? — спросил он Александра.

Александр затряс головой. Он отнял свою руку, чтобы скрыть дрожь, и заметался по комнате.

— Нам обоим надо выпить, — сказал Гефестион. — Мне надо. Я рано ушел с ужина. Пойдем выпьем с Полемоном. Его жена наконец родила мальчика. Он искал тебя в зале. Полемон всегда был тебе предан.

Что правда, то правда. Этой ночью, счастливый сам и опечаленный видом наследника, изнуренного своими бедами, Полемон без устали наполнял кубок Александра. Александр повеселел, даже разошелся, он был в кругу друзей, большинство сражалось с ним у Херонеи. В итоге Гефестион на себе отнес его наверх в комнату, и Александр проспал до середины утра. Около полудня Гефестион заглянул проверить, как он. Александр читал за своим столом, рядом стоял кувшин с холодной водой.

— Что за книга? — спросил Гефестион, наклоняясь через его плечо.

Александр читал так тихо, что слов почти нельзя было разобрать. Он быстро перевернул свиток:

— Геродот. «История». Он пишет об обычаях персов. Нужно понимать нравы людей, с которыми собираешься сражаться.

Концы свитка, скручиваясь, встретились на том месте, где он читал. Чуть погодя, когда Александр за чем-то вышел из комнаты, Гефестион развернул их.

«…Проступки грешника всегда следует соизмерять с его заслугами; только если первые окажутся превосходящими, он осуждается к наказанию.

Персы полагают, что никто еще не убил собственных отца или мать. Они убеждены, что, если каждый подобный случай будет тщательно расследован, обнаружится, что ребенок был или подкидышем, или плодом прелюбодеяния; ибо, говорят они, непостижимо, как подлинный отец может умереть от руки собственного чада».

Гефестион снова закрыл это место. Какое-то время он стоял, глядя в окно, прислонившись виском к раме. Вернувшийся Александр улыбнулся, увидев отпечаток резных лавровых листьев на его коже.

Армия готовилась к войне. Гефестион, давно ждавший ее начала, теперь почти молился о ней. Угрозы Филиппа больше сердили его, чем пуга-

ли; как всякий заложник, он большую ценность представлял живым, чем мертвым, и солдаты царя царей могли бы убить его с большей долей вероятности. Здесь же их словно гнали по сужающемуся ущелью, где внизу под ногами несся стремительный поток. Война представлялась открытой долиной, свободой, избавлением.

Через полмесяца от Пиксодора из Карии прибыл посол. Его дочь, сообщал сатрап, серьезно заболела. Немалой частью его горя, кроме возможной потери дочери, был и его вынужденный отказ от высокой чести союза с царским домом Македонии. Шпион, прибывший тем же кораблем, донес, что Пиксодор послал новому царю царей, Дарию, обеты нерушимой верности и обручил девочку с одним из самых преданных Дарию сатрапов.

На следующее утро, сидя за рабочим столом Архелая, Филипп без единого замечания сообщил новость Александру. Сын, напрягшись, стоял перед ним. Филипп выжидательно поднял глаза на Александра.

— Да, — сказал Александр ровно. — Скверно все обернулось. Но вспомни, государь, я как жених Пиксодора устраивал. Послать ему отказ было не моим решением.

Филипп нахмурился. Все же он чувствовал какое-то облегчение. Мальчик слишком спокойно вел себя в последнее время. Эта дерзость, хотя и сдержанная, больше напоминала прежнего Александра. В гневе сын всегда раскрывался.

— Ты пытаешься оправдать себя, даже сейчас? — нахмурился Филипп.

— Нет, государь. Но мы оба знаем, что я говорю правду, — ответил Александр.

Он по-прежнему не повышал голоса. У Филиппа первый порыв ярости угас, царь ждал плохих новостей. Он тоже сдержался. В Македонии за оскорбление убивали, но речь начистоту была правом любого. В этом случае царь выслушивал и простых людей, даже женщин. Однажды, когда после долгого дня в зале суда Филипп сказал какой-то старой карге, что у него не осталось времени на ее дело, та крикнула: «Тогда прекращай быть царем!» — и царь задержался, чтобы выслушать ее. И сейчас Филипп слушал; это его обязанность, он царь. Можно было пойти на большее, но он начал скрывать свою боль, прежде чем успел ощутить ее силу.

— Я запретил этот союз по причинам, тебе известным.

Александр понимал, что Арридей стал бы по-

слушным орудием Филиппа, а сам Александр представлял собой серьезную опасность. Кария — могущественная страна, и возглавь ее сильный правитель…

— Вини свою мать. Она втянула тебя в эту глупость.

— Можно ли ее винить? — Александр все еще держал себя в руках, его испытующий взгляд чего-то искал. — Ты признавал детей от других женщин. И Эвридика сейчас на восьмом месяце. Разве не так?

— Так.

Серые глаза вглядывались, не отрываясь, в лицо Филиппа. Мольба в них могла бы смягчить царя. Филипп достаточно повозился, делая из мальчика царя; если сам Филипп падет в предстоящей войне, какой иной наследник возможен? Снова царь изучал лицо юноши, стоявшего перед ним: неуступчивое, так не похожее на его собственное. Аттал, македонец древнего рода, который считался старым, еще когда предки царя жили в Аргосе, передавал Филиппу местные сплетни о вакхических буйствах, обычаях, занесенных из Фракии. Эти обычаи женщины держат в тайне. На оргиях они не помнят себя, не знают, что делали, и в последствиях винят

богов в образе людей или змей. Но простой смертный смеется. Это лицо чужого, думал Филипп; потом он вспомнил, как горело, сияло это лицо, когда мальчик соскочил в его объятия с вороного коня. Колеблясь и сердясь на себя за эту нерешительность, Филипп думал: «Александр здесь, чтобы я наказал его, — как смеет сын пытаться загнать меня в угол? Пусть берет то, что ему дают, и будет благодарен, когда я решу дать. Чего еще ему надо?»

— Что же, — сказал царь вслух, — если у тебя, Александр, будут соперники в борьбе за царскую власть, тем лучше для тебя. Покажи, чего стоишь, заслужи право наследовать престол.

Александр смотрел на отца с пронзительной, почти мучительной сосредоточенностью.

— Да, — сказал он. — Именно так я и поступлю.

— Очень хорошо. — Филипп потянулся за бумагами, давая понять, что разговор закончен.

— Государь, кого ты посылаешь в Азию командовать авангардом?

Филипп поднял голову.

— Пармениона и Аттала, — сказал он кратко. — Если я не могу отправить тебя туда, где ты не будешь у меня на глазах, благодари себя самого. И свою мать. Это все. Ты можешь идти.

Трое Линкестидов, сыновей Эйропа, стояли на побуревшем крепостном валу своей крепости на холмах Линкса. Это было открытое место, безопасное от соглядатаев. Гостя они на время оставили внизу, выслушав его, но не дав пока ответа. Вокруг них в бескрайнем небе громоздились, цепляясь за вершины гор, белые башни облаков. Весна близилась к концу; на голых скалах, возвышавшихся над лесом, только в самых глубоких лощинах блестели полосы снега.

— Говорите что хотите, — сказал старший, Александр, — но я ему не верю. Что, если за этим стоит сам царь, вдруг старый лис хочет нас испытать? Или заманить в ловушку. Об этом вы подумали?

— Зачем это ему? — спросил средний брат, Геромен. — И почему сейчас?

— Где твои мозги? Филипп ведет армию в Азию, а ты спрашиваешь, почему сейчас.

— Ну, — сказал самый младший, Аррабай, — и зачем бы ему будоражить запад: он что, не уверен в нас? Нет, если бы царь это сделал, то два года назад, когда замышлял южный поход.

— Как говорит *этот*, — Геромен мотнул головой в сторону лестницы, — сейчас самое время. Как только Филипп выступит, у него будет наш

заложник.

Он взглянул на своего брата Александра, в обязанности которого входило встать во главе отряда своих единоплеменников в походе царя.

Александр ответил Геромену возмущенным взглядом. Еще до этого разговора он предчувствовал, что стоит отвернуться, как братья у него за спиной пустятся в какое-нибудь безумное предприятие, которое будет стоить ему жизни.

— Говорю тебе, я ему не доверяю. Мы не знаем этого человека, — повторил Александр, сын Эйропа.

— Однако, — заспорил Геромен, — мы знаем тех, кто за него поручился.

— Возможно. Но те, от чьего имени, по его словам, он выступает, они-то как раз и не оказали поддержки.

— А афинянин? — спросил Аррабай. — Если вы оба забыли свой греческий, поверьте мне на слово.

— Его поддержка! — Александр фыркнул, как лошадь. — Чего она стоила фиванцам? Он напоминает мне собачонку моей жены, которая бросается на больших псов, но способна только тявкать.

Геромен, ставший, когда подкуп вошел на гра-

нице в моду, расточительным, напомнил:

— Он прислал денег, чтобы нас умаслить.

— Приманка для птиц, — сказал Александр. — Мы должны их вернуть. Научись распознавать лошадь, тогда не задолжаешь барышникам. Неужели ты ценишь наши головы не дороже мешка персидских дариков? Настоящую цену за риск — он ее нам дал?

— Мы могли бы взять ее сами, — произнес Геромен негодующе, — убрав Филиппа с дороги. Что ты так мечешься: ты глава клана или наша старшая сестра? Нам предлагают вернуть отцовское царство, а ты лишь кудахтаешь, как кормилица над ребенком, который начинает ходить.

— Кормилица не дает ребенку разбить себе голову, — возразил Александр. — Кто нам это предлагает? Афинянин, который бежит, как козел, при запахе крови. Дарий — узурпатор, под которым шатается трон; у него достаточно проблем и без этой войны. Ты думаешь, они заботятся о нас? Более того, ты думаешь, они знают, с кем нам придется иметь дело в семье Филиппа? Разумеется, нет; они думают, это испорченный мальчишка, который вошел в доверие из-за побед, одержанных для него другими. Афинянин постоянно повторяет это в своих речах. Но мы

знаем. Мы видели парня в деле. Тогда ему было шестнадцать, а соображал он не хуже тридцатилетнего, и уже прошло три года. Еще месяца не минуло, как я был в Пелле, и говорю тебе: опального или нет, поставь его на поле боя, и люди пойдут за ним куда угодно. Можешь мне поверить. Способны ли мы сражаться с армией царя? Тебе известен ответ. Итак, участвует он в этом деле, как говорит афинянин, или нет? Вот в чем вопрос. Эти афиняне, они родных матерей продадут в публичный дом, если цена окажется подходящей. Все зависит от мальчика, а у нас нет доказательств.

Геромен отломал ветку ракитника, проросшего между камнями, и угрюмо хлестнул ею по стене. Александр задумчиво нахмурился, глядя на восточные холмы.

— Две вещи мне не нравятся, — продолжал он. — Первое: закадычные друзья царского сына в ссылке, некоторые не дальше Эпира. Мы могли бы встретиться в горах, и никто не узнал бы об этом. Тогда бы все прояснилось. Зачем посылать посредника, человека, которого я никогда не видел рядом с Александром, зачем доверять чужому свою голову? И второе: сын Филиппа, если верить посреднику, слишком много

обещает. Вы встречались с Александром. Подумайте, похоже ли это на него.

— Сперва мы должны подумать, — сказал Аррабай, — тот ли Александр человек, который сможет это сделать. Не все бы смогли. Думаю, он бы смог. И он в скверном положении.

— И если он незаконнорожденный, как говорят, — вставил Геромен, — тогда это будет опасно, но не кощунственно. Думаю, малый сможет это сделать и сделает.

— Я все равно утверждаю, что это не в его духе, — сказал Александр. Он проворно вытащил из волос вошь и раздавил ее большим и указательным пальцами. — Вот если бы это была его мать…

— Сука или ее отродье, можешь быть уверен, что они заодно, — ухмыльнулся Геромен.

— Мы этого не знаем. Что мы знаем наверняка: новая жена Филиппа опять носит ребенка. И говорят, Филипп отдает свою дочь за царя Эпира, так что тому придется стерпеть, если ведьму вернут ему. Теперь подумай, кто из них не может ждать. Александр может. От семени Филиппа родятся девочки, это все знают. Даже если Эвридика разродится мальчиком, царь, пока жив, может говорить, что ему угодно, но, если

он умрет, македонцы не примут наследника, не способного сражаться; ему следует это знать. Но Олимпиада — совсем другое дело. Она ждать не может. Копни поглубже, и готов поставить свою лучшую лошадь, ты увидишь, что ведьма приложила к этому руку.

— Если бы я знал, что это исходит от нее, — пробурчал Аррабай, — то подумал бы дважды.

— Парню только девятнадцать, — сказал Геромен. — Если Филипп умрет сейчас, не оставив других сыновей, кроме недоумка, тогда ты, — он ткнул пальцем в Александра, — следующий на очереди. Неужели ты не видишь, что именно это пытался нам сказать тот человек внизу?

— О Геракл! — Александр снова фыркнул. — Кто ты такой, чтобы говорить о недоумках? Ему девятнадцать, а ты видел его в шестнадцать. С тех пор сын Филиппа вел конницу под Херонеей. Иди к Собранию, давай, и скажи им, что он ребенок, слишком юный для войны, и предложи проголосовать за взрослого мужчину. Ты думаешь, я доживу до того дня, когда приеду в Пеллу считать поданные за меня голоса? Лучше перестань витать в облаках и присмотрись к человеку, с которым нам придется жить бок о бок.

— Я присматриваюсь, — кивнул Аррабай. —

Вот почему я сказал, что он скрывает от всех, законнорожденный он или нет.

— Ты говоришь, сын ведьмы может подождать. — Голубые глаза на багровом лице Геромена с презрением изучали Александра, положению которого Геромен завидовал. — Некоторые ждут не дождутся.

— Я сказал только: спроси себя, кто выигрывает от этого больше, — парировал Александр. — Олимпиада получает все, потому что брак дочери лишит ее всего, если царь доживет до него. Демосфену достанется кровь человека, которого он ненавидит больше смерти, если можно такое представить; афинянам — усобица в Македонии, если мы разыграем нашу карту; царство в смуте или в руках у мальчика, которого народ не воспринимает всерьез, особенно с тех пор, как он в немилости. Дарий, чье золото ты хочешь принять, даже если тебя из-за него повесят, выиграет еще больше, поскольку сейчас Филипп собирается на него войной. Всем им станет глубоко наплевать, как только дело будет сделано, если нас всех троих распнут у большой дороги. И все же ты ставишь на Александра. Неудивительно, что ты не можешь выиграть на петушиных боях.

Они еще какое-то время препирались. Наконец было решено отказать посреднику и вернуть золото. Но у Геромена росли долги, его не устраивала скудная доля младшего сына. Он согласился неохотно, и именно он перехватил гостя на его обратном пути на восток.

Запах свежей теплой крови смешивался с холодным благоуханием росистого утра, сосновой смолы, дикого тимьяна и маленьких горных лилий. Огромные псы, способные одолеть человека, жадно глодали оленьи кости; время от времени мозговая кость с треском крошилась под их зубами. Мертвая голова оленя — печальная, выпотрошенная — валялась в траве. Над огнем двое охотников жарили мясо к завтраку, остальные ушли к ручью. Двое слуг чистили лошадей.

На уступе скалы, обнажившемся из-под усеянного мелкими цветами дерна, Гефестион распростерся подле Александра, греясь в первых лучах утреннего солнца. Остальные могли их видеть, но не слышать. Так, по Гомеру, Ахилл и Патрокл уходили от своих дорогих товарищей, чтобы поделиться мыслями. Но вспомнила об этом тень Патрокла, когда мирмидоняне предавались горю, поэтому Александр считал эти строки дурным предзнаменованием и никогда

не повторял их. Он говорил о другом.

— Это походило на темный лабиринт, — вспоминал Александр. — И чудовищное ожидание. Теперь — дневной свет.

— Тебе следовало рассказать раньше.

Гефестион провел по запачканной руке пучком влажного мха, чтобы стереть кровь.

— Это бы только обременило тебя, — вздохнул Александр. — Ты знал, что это было.

— Да. Так почему бы не выговориться?

— Это недостойно солдата. Человек должен сам справиться со своим демоном. Оглядываясь на свою жизнь, я не могу вспомнить дня, когда бы его со мной не было: он подстерегал меня на всех перекрестках, где я ждал с ним встречи. Давно, с самого детства. Даже помыслы — ни разу не воплощенные в поступок, одни помыслы — ложились ужасным грузом. Иногда мне снились эвмениды[72], как они описаны у Эсхила; они дотрагивались до моей шеи длинными холодными черными когтями и говорили: «Однажды ты станешь нашим навеки». Это манило меня, самый ужас манил. Некоторые люди говорят, что, стоя на краю пропасти, они чувствуют, как пустота

[72] Сноски: 72

Эвмениды — эринии, переставшие быть богинями мщения. Существа, предотвращающие несчастья.

влечет их к себе. Кажется, это моя судьба.

— Я давно это знаю, — кивнул Гефестион. — Но я тоже твоя судьба, ты забыл?

— Мы часто говорили об этом, без слов — так лучше. Мысли отвердевают в словах, как глина в огне. Так и продолжалось; иногда я думал, что смогу освободиться от этого, потом сомневался снова. Все это позади, теперь мне открыта тайна моего рождения. Однажды я узнал, что отец мне чужой. Я стал думать, что делать. И с этого момента мои мысли очистились. Зачем это делать? Для чего? Почему сейчас? Есть ли необходимость?

— Я пытался объяснить тебе, — сказал Гефестион.

— Я знаю, но мой слух был затворен. Тут нечто большее, чем насилие надо мной этого человека. Это «тебе нельзя» бога, подавившее «я должен» моей души. И мысль о том, что во мне кровь Филиппа, вызывала тошноту. Теперь, когда я свободен, я ненавижу царя меньше. Да, бог очистил меня. Если бы я собирался сделать это, худшего времени, чем сейчас, не придумаешь: на отливе удачи, когда поток вот-вот готов обратиться вспять. Филипп не оставит меня здесь наместником, когда пойдет в Азию; я в опале, кроме

того, сомневаюсь, что царь осмелится на такой поступок. Он вынужден будет взять меня на войну. На поле боя, надеюсь, я многое смогу ему показать, и македонцам тоже. Воины были довольны мной у Херонеи. Если царь останется в живых, его отношение ко мне изменится, когда я выиграю ему несколько сражений. А если Филипп падет в бою, я окажусь там, во главе армии. Это самое главное.

Глаза Александра остановились на голубом цветочке в расселине скалы. Осторожно приподняв его головку, Александр припомнил название цветка и добавил, что отвар из него полезен при кашле.

— Конечно, — сказал Александр, — я убью Аттала, как только смогу. Лучше в Азии.

Гефестион кивнул; в свои девятнадцать он уже потерял счет людям, которых убил.

— Да, Аттал твой смертельный враг, ты вынужден от него избавиться, — сказал Гефестион. — Но девушка здесь ни при чем, царь найдет другую, как только выступит в поход.

— Я говорил маме, но… — ответил Александр. — Что ж, пусть думает что хочет, но я буду действовать, когда придет мое время. Она оскорбленная женщина, естественно, что мать жаждет мести,

хотя, разумеется, именно это побуждает царя выдворить ее из страны до отъезда и наносит достаточно вреда мне… Олимпиада будет интриговать до последнего, она ничего не может с этим поделать, это стало ее жизнью. Сейчас мать что-то затеяла и без конца пытается втянуть меня, но я запретил ей даже намекать мне о своих делишках.

Гефестион, пораженный этим новым тоном, косо, украдкой взглянул на Александра.

— Я должен подумать и что-то решить. Мне нельзя то и дело отвлекаться на эту суету. Мать должна понять.

— Это успокоит ее ум, я полагаю, — сказал Гефестион, который и сам успокоился. («Так значит, она колдовала, и ответил не тот дух; хотел бы я знать ее мысли».) — День свадьбы не может не быть для нее торжественным: ее дочь сочетается с ее братом. Что бы ни чувствовал царь, он будет вынужден почтить ее, хотя бы ради жениха. Точно так же Филипп должен будет почтить тебя.

— О да. Но главным образом это будет день его торжества. Празднества превзойдут все, что помнят люди и о чем написано в книгах. Эгия уже наводнена ремесленниками, а приглаше-

ний разослано столько, что я удивляюсь, как он не пригласил гиперборейцев. Не обращай внимания, мы должны пройти через это перед походом в Азию. В Азии это будет казаться таким же далеким. — Александр показал на равнину внизу.

Стада на расстоянии выглядели совсем крошечными.

— Да, это превратится в ничто, — согласился Гефестион. — Ты уже основал город, но там обретешь царство. Я вижу это так же ясно, словно боги открыли мне будущее.

Александр улыбнулся другу, сел, обхватив колени руками, и обратил взор на ближайшую к ним гряду гор. Где бы он ни был, он не мог надолго отвести глаз от линии горизонта.

— Ты помнишь то место у Геродота, где ионийцы посылают Аристагора к спартанцам, прося их освободить греческие города Азии? — спросил Александр. — Те отказались, услышав, что Сузы — в трех месяцах пути от моря. Сторожевые псы, не охотничьи… Ну, хватит, хватит! Лежать!

Годовалая борзая, удрав от охотников и вскарабкавшись сюда по запаху, успокоилась и, перестав ласкаться, послушно вытянулась рядом, уткнувшись в Александра носом. Он щенком привез ее из Иллирии и натаскивал в свободные

часы. Ее звали Пёрита.

— Аристагор, — продолжал Александр, — привез им высеченную на бронзе карту, весь мир со Всеобъятным Океаном, и показал персидскую империю. «Поистине задача нетрудная, ибо варвары — это люди, не способные к войне, а вы — лучшие и храбрейшие мужи на свете. (Возможно, это было правдой в те дни.) Вот как они сражаются: пользуются луками и коротким копьем, выходят на поле в шароварах, головы покрывают тюрбанами (только в том случае, если не могут позволить себе иметь шлем); это показывает, как легко их победить. Говорю вам также, что народы, населяющие те земли, обладают богатством большим, чем совокупное богатство всего остального мира (вот это правда). Золото, серебро и бронза; расшитые одежды; ослы, мулы и рабы; вы будете владеть всем этим, если решитесь». По своей карте Аристагор показывал им народы Персии, до киссиев на реке Хоасп. «И на ее берегах — город Сузы, где держит свой двор Великий царь и где находятся сокровищницы, в которых хранятся его богатства. Как только вы станете хозяевами этого города, вы сможете бросить вызов самому Зевсу: его богатства не превзойдут ваши». Аристагор

напомнил спартанцам, как они вечно сражаются у своих границ за клочок земли, с людьми, у которых нет ничего, что стоило бы боя. Зачем вам это, сказал он им, если вы можете стать владыками Азии? Спартанцы три дня держали его в ожидании, потом ответили, что город слишком далеко от моря.

Охотники у костра протрубили в рог, давая знать, что еда готова. Александр смотрел на горы. Как бы голоден он ни был, он никогда не спешил сесть за стол.

— Только Сузы. Они не хотели даже слышать о Персеполе.

В любом месте Оружейной улицы в Пирее, гавани Афин, стоял такой шум, что слов говорящих почти не было слышно. Мастерские были открыты, чтобы показать работу и выпустить жар от кузнечных горнов. Здесь не орды рабов копошились в дешевых скороспелых фабриках, но лучшие мастера снимали мерку с обнаженного заказчика, перенося ее на глиняную болванку. Пол-утра могло уйти на то, чтобы подогнать броню по фигуре и выбрать из книги образец узора для инкрустации. Только в нескольких мастерских делали доспехи для войны; наиболее модные обслуживали знатных людей, которые

хотели быть замеченными на Панафинеях. Если они могли выдержать шум, то встречались здесь со всеми своими друзьями; на приходящих и уходящих не обращали внимания. В комнатах наверху грохот едва приглушался, но собеседники, держась рядом, могли слышать друг друга; кроме того, все знали, что оружейники становятся туги на ухо, а это уменьшало опасность быть подслушанными.

В одной из таких комнат проходило совещание, встреча посредников. Ни один из главных действующих лиц не мог себе позволить, чтобы его заметили в обществе других, даже если бы все они могли собраться в одном месте. Трое из четверых склонялись над столом, скрестив руки на его деревянной крышке. Чаши с вином дребезжали от мерного грохота молотов, сотрясавшего пол; вино дрожало, время от времени выплескиваясь из чаш.

Троица достигла последних пунктов долгого, выматывающего спора о деньгах. Один был с Хиоса, он унаследовал оливковую бледность и иссиня-черную бороду от многолетнего мидийского владычества. Второй — из Иллирии, с границ Линкестиды. Третий, хозяин, был афинянин с волосами, собранными в пучок, и чуть

подкрашенным лицом.

Четвертый сидел, откинувшись в кресле, положив руки на сосновые подлокотники. Он ожидал окончательного решения, терпимо относясь к подобным спорам как к части своей миссии. В его прекрасных волосах и бороде сквозила рыжина; он явился с севера Эвбеи, связанной с Македонией давними торговыми отношениями.

На столе лежали диптих и стилос, с одного конца острый, чтобы писать, с другого — плоский, чтобы вымарывать написанное в присутствии всех четверых, пока никто не вышел из комнаты. Афинянин нетерпеливо постучал стилосом по столу, потом — по своим зубам.

— Вовсе не значит, что эти дары — все, на что способна дружба Дария, — сказал хиосец. — Как я и говорю, Геромен всегда может рассчитывать на место при дворе.

— Он ищет власти в Македонии, а не готовится к изгнанию, — ответил иллириец. — Я думал, вы это поняли.

— Разумеется. Мы условились о щедром задатке. — Хиосец взглянул на афинянина, который кивнул, опустив веки. — Основная сумма будет выплачена после мятежа в Линкестиде, как и договаривались. Я не убежден, что вождь, брат

Геромена, с ним согласен. И должен настаивать на оплате по результату.

— Разумно, — согласился афинянин, вынимая стилос изо рта. Он слегка шепелявил. — Теперь давайте запишем все, о чем условились, и вернемся к человеку, которого это касается больше всего. Мой патрон хочет получить гарантию, что он будет действовать именно в назначенный день — и ни в какой другой.

Это заставило эвбейца тоже наклониться к столу.

— Ты говорил это и раньше, и я ответил, что в твоих словах нет никакого смысла. Он всегда подле Филиппа. У него есть доступ в опочивальню. У него будет множество более удобных случаев — и чтобы сделать это, и чтобы благополучно скрыться. Нельзя требовать от него слишком многого.

— Мне велено просить, — сказал афинянин, постукивая стилосом по крышке стола, — чтобы все случилось именно в тот день; в противном случае мы не предоставим ему убежища.

Эвбеец ударил по и без того трясущемуся столу, заставив афинянина вздрогнуть и закрыть глаза.

— Почему, скажи мне? Почему? — прокричал он.

— Да, почему? — спросил иллириец. — Геромен не просит об этом. Новости достигнут его ушей в любое время.

Хиосец приподнял свои темные брови:

— Моему господину подойдет любой день. Если Филипп не окажется в Азии, этого достаточно. Зачем так настаивать?

Афинянин поднял стилос за оба конца, уперся в него подбородком и доверительно улыбнулся.

— Во-первых, потому, что в этот день все возможные претенденты на трон и представители всех партий приедут в Эгию на праздник, — сказал он. — Никто не избежит подозрений; они будут обвинять друг друга и, вполне вероятно, бороться за право наследования; мы извлечем из этого пользу. Во-вторых… Думаю, мой патрон заслуживает небольшой поблажки. Это увенчает труд его жизни, что видно каждому, кто о ней осведомлен. Он находит справедливым, что тиран Эллады будет сражен не темной ночью, когда он пьяным рухнет на свою постель, а на вершине торжества; в этом, осмелюсь сказать, я с ним согласен. — Афинянин повернулся к эвбейцу. — И ваш человек, при тех обидах, которые царь нанес ему, тоже должен быть этим доволен. Я так полагаю.

— Да, — сказал эвбеец медленно. — Без сомнения. Но это может оказаться невозможным.

— Это будет возможно. Порядок празднований уже в наших руках.

Афинянин перечислил подробности и, дойдя до выделенного им события, многозначительно поднял глаза.

— У тебя хороший слух, — заметил эвбеец чуть насмешливо.

— На этот раз можешь на него положиться, — усмехнулся афинянин.

— Не сомневаюсь. Но нашему человеку нужно дать возможность спасти свою голову. Как я сказал, у него будут более благоприятные обстоятельства, — продолжал эвбеец.

— Но не столь блестящие, — сказал афинянин. — Молва услащает месть… Ну, ну, раз уж мы заговорили о молве, я открою вам маленькую тайну. Мой патрон хочет получить новости первым в Афинах, еще до того, как сюда доберутся гонцы. Между нами, он замышляет видение, которое посетит его. Позднее, когда Македония вернется к своему племенному варварству… — Он перехватил сердитый взгляд эвбейца и поспешно добавил: — То есть перейдет во власть царя, который не будет мечтать о покорении мира,

он объявит благодарной Греции о своей роли в ее освобождении. Между тем, помня о его давней борьбе с тиранией, можно ли отказать ему в этой небольшой награде?

— Чем он рискует? — внезапно выкрикнул иллириец.

Хотя молоты внизу стучали с прежним шумом, его громкие слова заставили остальных сердито замахать руками. Иллириец не обратил на это внимания:

— Тот человек рискует жизнью, чтобы отомстить за поруганную честь. А Демосфен почему-то должен выбирать для этого время, чтобы получить возможность пророчествовать на Агоре.

Трое, возмущенные, обменялись недовольными взглядами. Кто, кроме деревенщины из Линкестиды, мог послать такого неотесанного мужлана на встречу политиков? Трудно было предугадать, что он выкинет еще, поэтому встреча была закрыта. Все ключевые вопросы уже обговорили.

Уходили поодиночке, выждав какое-то время. Последними оставались хиосец и эвбеец.

— Ты можешь быть уверен, что этот человек сделает свое дело? — спросил хиосец.

— О да. Мы знаем, как им управлять, — кивнул эвбеец.

— Ты был там? Ты сам это слышал?

Весенняя ночь в холмах Македонии выдалась прохладной. Факелы дымили от оконных сквозняков, горячие уголья в очаге угасали, вспыхивая на старых почерневших камнях. Было поздно. Когда тени углубились, каменные стены, казалось, придвинулись ближе к людям, словно подслушивая.

Гости разошлись, все, кроме одного; рабов отослали спать. Хозяин и его сын тесно сдвинули три ложа у столика с вином; остальные оттащили в спешке, отчего казалось, что в комнате царит беспорядок.

— Ты говоришь мне, — повторил Павсаний, — что был там?

Он резко нагнулся вперед и, чтобы сохранить равновесие, вынужден был ухватиться за край ложа. Глаза Павсания налились кровью от выпитого вина, но услышанное заставило его протрезветь. Сын хозяина встретился с ним взглядом: молодящийся мужчина с выразительными голубыми глазами и порочным ртом, скрытым в короткой черной бороде.

— Вино развязало мне язык, — ответил он. —

Я не скажу большего.

— Я прошу за него прощения, — вставил его отец, Дейний. — Что на тебя нашло, Геракс? Я пытался подать тебе знак.

Павсаний обернулся, как раненый вепрь.

— Ты тоже об этом знал? — спросил он.

— Меня там не было, — сказал хозяин, — но люди говорят. Прости, что здесь, в моем доме, ты наконец узнал об этом. Казалось бы, что даже между собой, тайно, не то что в компании, царь и Аттал постыдятся хвастаться таким делом. Но ты, как никто, знаешь, на что они похожи, когда надерутся.

Ногти Павсания впились в дерево так, что из-под них проступила кровь.

— Он поклялся мне восемь лет назад, что никому не позволит говорить об этом в своем присутствии. Его клятва убедила меня отказаться от мести. Он знал это, я сказал ему.

— Тогда Филиппа не назовешь клятвопреступником, — сказал Геракс с кислой улыбкой. — Он не позволил говорить об этом кому-либо, а сказал сам. Филипп поблагодарил Аттала за добрую услугу. Когда Аттал начал отвечать, царь зажал ему рукой рот, и оба рассмеялись. Теперь я понимаю.

— Филипп поклялся мне водами Ахерона, — сказал Павсаний почти шепотом, — что забудет об этом.

Дейний покачал головой:

— Геракс, я снимаю свой запрет. Раз столько народу слышало об этом, будет лучше, если Павсаний узнает обо всем от друзей.

— Вот что он сказал мне. — Голос Павсания охрип. — «Через несколько лет, когда люди увидят, что ты в чести, они начнут сомневаться в сплетнях, а потом и вовсе их забудут».

— Люди забывают о клятвах, — сказал Дейний, — когда чувствуют себя в безопасности.

— Да, Аттал в безопасности, — произнес Геракс легко. — С армией в Азии — кто его достанет?

Не глядя на них, Павсаний уставился на тускло краснеющие угли очага. Казалось, он говорит с угасающим огнем.

— Он думает, что уже слишком поздно? — спросил Павсаний самого себя.

— Если хочешь, — предложила Клеопатра брату, — можешь взглянуть на мое платье.

Александр прошел за сестрой в ее комнату, где платье висело на Т-образной распялке: тонкое, окрашенное шафраном полотно украшали вышитые цветы из драгоценных камней. Клео-

патра ни в чем не виновата. Вскоре они будут нечасто видеться. И Александр обнял сестру за талию. Вопреки всему, предстоящая торжественная церемония начинала ее завораживать. Ростки праздничного волнения пробились, как молодая зелень на опаленных холмах; Клеопатра ощутила, что станет царицей.

— Смотри, Александр.

Она подняла с подушки свадебный венок — колосья пшеницы и побеги олив, сделанные из тонкого золота, — и подошла к зеркалу.

— Нет! Не примеряй! — крикнул Александр. — Это очень дурная примета. Но ты будешь прекрасна.

Клеопатра утратила детскую пухлость; ее фигура обещала стать безупречной.

— Надеюсь, мы скоро поднимемся в Эгию. Я хочу посмотреть на убранство; когда понаедет народ, будет не протолкнуться. Ты слышал, Александр, о великом шествии к театру, чтобы освятить игры? Они будут посвящены всем двенадцати олимпийцам, и изображения, которые будут нести…

— Не двенадцати, — перебил Александр. — Тринадцати. Двенадцати олимпийцам и божественному Филиппу. Но он скромен: его изображение

понесут последним… Послушай, что это за шум?

Брат с сестрой подбежали к окну. Спешившись с мулов, группка людей церемонно выстраивалась, чтобы войти во дворец. Все они были увенчаны лаврами, их глава нес лавровую ветвь в руке.

Соскользнув с подоконника, Александр торопливо произнес:

— Я должен идти. Это вестники из Дельф, вопрошавшие оракула о войне.

Он отрывисто поцеловал сестру и повернулся к дверям. На пороге стояла их мать.

Клеопатра заметила, что взгляд Олимпиады прошел сквозь нее, и старая горечь вернулась снова. Александр, которому предназначался этот взгляд, тоже знал его издавна. Ему хотели рассказать секрет.

— Сейчас я не могу остаться, мама: прибыли вестники из Дельф. — Видя, что царица открыла рот, Александр быстро добавил: — Я вправе быть там. Мы не должны забывать этого.

— Да, тебе лучше идти.

Олимпиада протянула сыну руки и, когда он поцеловал ее, что-то зашептала. Александр отстранился со словами:

— Не сейчас, я приду позже, — и высвободился.

— Но сегодня же мы должны поговорить, — бросила Олимпиада ему в спину.

Александр вышел, не подав виду, что слышал ее. Олимпиада почувствовала на себе вопрошающий взгляд Клеопатры и заговорила о каких-то мелких свадебных хлопотах; таких обидных минут накопилось много за долгие годы. Клеопатра думала о них, но берегла мир. «Задолго до того, как Александр станет царем, — думала девушка, — если брат им когда-нибудь станет, я буду царицей».

В зале Персея главный прорицатель, жрецы Аполлона и Зевса, Антипатр и все, кому позволяло это их положение, собрались, чтобы присутствовать при оглашении ответа оракула. Вестники из Дельф стояли перед троном. Александр, первую часть пути бежавший, вошел медленно и встал справа от трона. Он явился как раз перед приходом царя. Ныне Александру приходилось заботиться о себе самому.

Потянулась минута молчаливого ожидания, перемежаемого шепотком. Царское посольство. Не из-за роя вопрошавших с их женитьбами, покупкой земли, морскими путешествиями и мольбой о потомстве, сомнения которых можно было разрешить, вытащив жребий, но ради

одного только вопроса седая пифия спустилась в туманную пещеру под храмом, села на свой треножник рядом с Пупом Земли, закутанным в магические сети, жевала горький лавр, вдыхала испарения от расселины скалы и передала свое боговдохновенное бормотание узкоглазому жрецу, переложившему его на стихи. Старые знаменитые предания, как туман, плыли от ума к уму. Те, кто сохранял трезвость духа, ожидали обычного шаблонного ответа: совета принести жертву соответствующим богам или освятить храм.

Вошел, хромая, царь; выслушал приветствия, сел, вытянув негнущуюся ногу. Теперь Филипп мог меньше упражнять ее, она выдерживала вес тела, на костях наросла новая здоровая плоть. Александр, стоявший рядом, заметил, что Филипп окреп.

Ритуальные слова были произнесены. Глава вестников развернул свиток:

— Аполлон Пифийский Филиппу, сыну Аминты, царю Македонии, отвечает так: «Увенчан для алтаря бык, конец близок. И жертвенный нож занесен».

Собравшиеся выразили предписываемое в таких случаях удовлетворение благим пред-

знаменованием. Филипп кивнул Антипатру, который с облегчением кивнул в ответ. Парменион и Аттал испытывали на побережье Азии затруднения, но теперь основные силы могли выступить в поход. Вокруг одобрительно загудели. Благоприятного ответа ждали: богу было за что благодарить царя Филиппа. Только особо избранным, бормотали придворные, Аполлон Двуязычный отвечал с такой ясностью.

— Я постоянно попадаюсь Александру на глаза, — сказал Павсаний, — но так и не получил от него знака. Вежлив, да; но таким он всегда был. Александр с детства знал всю историю. Я привык видеть это в его глазах. Но он не дает знака. Почему нет, если все это правда?

Дейний пожал плечами и улыбнулся. Он боялся этой минуты. Если бы Павсаний собирался расстаться с жизнью, то сделал бы это восемь лет назад. Человек, одержимый местью, хочет пережить своего врага и ощутить сладость его смерти. Это Дейний знал; все было подготовлено.

— Разве это удивляет тебя? Такие вещи, однажды увиденные, вспоминаются позже. Ты можешь быть уверен, что о тебе позаботятся как о друге; сдержан, конечно, он только из осторожности. Послушай, я принес тебе кое-что,

это успокоит тебя.

Дейний раскрыл ладонь.

— Одно кольцо похоже на другое, — сказал Павсаний, посмотрев.

— Взгляни хорошенько. Вечером, за ужином, ты увидишь его снова.

— Да, — сказал Павсаний. — Этого мне будет достаточно.

— Как, — воскликнул Гефестион, — ты опять носишь свое кольцо со львом! Где оно было? Мы искали повсюду.

— Симон нашел его в сундуке для одежды, — сказал Александр. — Должно быть, я шарил рукой в тряпках и обронил его.

— Я сам там смотрел, — возразил Гефестион.

— Полагаю, оно закатилось между складок, — сказал Александр.

— Ты не думаешь, что Симон его украл, а потом испугался?

— Симон? Он не так глуп: все знают, что кольцо мое. Сегодня, кажется, счастливый день.

Александр намекал на Эвридику, которая только что разрешилась от бремени, опять девочкой.

— Да выполнит бог доброе предзнаменование, — сказал Гефестион.

Александр и Гефестион спустились к ужину.

Александр остановился у входа, чтобы поздороваться с Павсанием. Заставить такого человека улыбнуться всегда было пусть небольшой, но победой.

* * *

В предрассветном сумраке старый театр Эгии пламенел в сиянии факелов и светильников. Маленькие лампы порхали, как светляки, в руках слуг, провожавших гостей к их местам. На скамьях лежали подушки. Легкий ветер от горных лесов разносил запахи смолы и многолюдной скученной толпы.

Внизу, в орхестре, были составлены в круг двенадцать алтарей олимпийцев. На них ярко пылал благоухающий ладаном огонь, который освещал одеяния священнослужителей и мускулистые тела младших жрецов, держащих блестящие тесаки. С полей внизу доносилось блеяние и мычание жертвенного скота, обеспокоенного суетой и светом факелов; на животных уже надели венки. Их голоса перекрывал рев Зевсова белого быка с позолоченными рогами.

На возвышении стоял трон царя. Убранство его еще смутно различалось в полумраке. К трону примыкали кресла для сына Филиппа и его но-

вого зятя.

В верхних ярусах сидели атлеты, возницы колесниц, певцы и музыканты, которым предстояло состязаться в играх, когда те будут освящены обрядом. Маленький театр был полон приглашенными Филиппом гостями. Солдаты и крестьяне, горцы, спустившиеся в город, чтобы увидеть представление, сновали и топтались на затененном склоне холма вокруг чаши театра или толклись вдоль дороги, по которой должна была пойти процессия. Голоса вздымались, опадали и смешивались в хоре, как волны на гальке пляжа. Мальчишки усеяли сосны, которые черными силуэтами вырисовывались на востоке светлеющего неба.

Старую ухабистую дорогу к театру разровняли и расширили для шествия. В свежем предрассветном воздухе сладко пахла прибитая горной росой пыль. Солдаты, которым предписывалось расчистить путь, несли факелы, добродушно распихивая толпу: толкавший и тот, кого толкали, часто оказывались единоплеменниками. Факелы гасли в набирающем силу безоблачном летнем рассвете.

Когда вершины хребтов за Эгией окрасились розовым, стало видно все сверкающее великолепие

торжества: высокие алые шесты, позолоченные флероны в виде льва или орла, развевающиеся знамена, гирлянды цветов, перевитые плющом; Триумфальную арку с вырезанными на ней и раскрашенными изображениями подвигов Геракла венчала Победа, которая держала в вытянутых руках позолоченные венки. По обе стороны от богини стояли двое живых золотоволосых мальчиков, одетых музами, с трубами в руках.

Лицом к легкому утреннему ветру в древнем каменном акрополе крепости Эгии стоял Филипп. Его голову венчал золотой лавровый венок, пурпурный плащ скрепляла золотая пряжка. Щебет птиц, резкие звуки настраиваемых инструментов, голоса зрителей и распорядителей церемонии доносились до него сквозь низкий рокот водопадов. Взгляд царя блуждал по равнине, простиравшейся на восток к Пелле и морю в утренней дымке. Его пастбище, покрытое сочной зеленью, лежало перед ним; рога соперников были сломаны. Широкие ноздри царя втягивали свежий родной воздух.

За ним, в алой тунике, перетянутой украшенным камнями поясом, стоял рядом с новобрачным сын Филиппа Александр. На его блестящих волосах, свежевымытых и расчесанных, лежал

простой венок из летних цветов. Половина греческих городов прислала Филиппу, в знак почтения, венки из кованого золота, но Александр не получил ни одного.

По двору выстроились кругом царские телохранители, готовые следовать за Филиппом. Павсаний, их начальник, расхаживал вдоль рядов. Те, кто оказывался на его пути, начинали поспешно оправлять одежду и оружие, но вскоре, видя, что начальник не смотрит на них, успокаивались.

На северном валу стояла среди своих служанок новобрачная, только что поднявшаяся с супружеского ложа. Клеопатра не нашла на нем удовольствия, хотя готовилась и к худшему. Муж и дядя Александр вел себя с ней благопристойно, не особенно напился, щадил ее юность и девственность и не выглядел таким уж старым. Клеопатра больше не боялась его. Перегнувшись через грубый каменный парапет, она рассматривала длинную змею процессии, тянущуюся вдоль стен. Подле нее мать пристально глядела во двор, ее губы двигались, доносилось приглушенное бормотание. Клеопатра не пыталась разобрать слов. Она ощущала колдовство, как жар от невидимого огня. Но уже настало время ехать в театр,

их носилки были готовы. Скоро Клеопатра будет на дороге в Эпир; все это утратит важность. Даже если Олимпиада явится туда, брат матери Александр сумеет ее обуздать. В конце концов, в этом что-то было: иметь мужа.

Музы дунули в трубы. Через арку Победы, под изумленные крики, двенадцать богов проследовали к своим алтарям. Каждую платформу тянула пара коней, покрытых красными и золотыми чепраками. Деревянные изображения были сделаны в полный рост богов, семь футов, и раскрашены афинским мастером, который работал для Апеллеса.

Сидящий на троне царь Зевс, со своим жезлом и орлом, представлял собой уменьшенную копию гиганта Зевса Олимпийского. Его трон был позолочен, одежда не гнулась от множества драгоценных камней и золотой канители. Аполлон носил наряд музыканта и держал в руке золотую лиру. Посейдон ехал на колеснице, запряженной морскими конями. Деметра сидела в короне из золотых колосьев, вокруг нее мисты держали факелы. Царицу Геру окружали ее павлины; насмешники замечали, что супруге Зевса отведено далеко не первое место. Дева Артемида, лук за плечами, держала за рога пре-

клонившего колени оленя. Обнаженный Дионис оседлал пятнистого леопарда. Афина стояла со щитом и шлемом, но без аттической совы. Гефест поднимал свой молот. Арес, поставив ногу на поверженного врага, свирепо смотрел из-под увенчанного гребнем шлема. Гермес завязывал крылатую сандалию. Афродита, задрапированная в струящийся шелк, сидела среди цветов, маленький Эрот стоял рядом. Многие вполголоса замечали, что скульптор сделал богиню похожей на Эвридику. Та еще не оправилась от родов и не смогла присутствовать на празднестве.

Когда последний олимпиец прошествовал под торжественные звуки фанфар, появилась тринадцатая платформа.

Царь Филипп сидел на троне, по бокам которого вместо подлокотников лежали, подняв головы, леопарды; над ним возвышался орел. Ноги царя покоились на крылатом быке в персидской тиаре и с человеческим лицом. Мастер сровнял его угловатую фигуру, убрал шрамы; Филипп походил на себя десятилетней давности. В остальном изображение можно было счесть живым, казалось, черные глаза вот-вот задвигаются.

Раздались приветственные крики, но, как струя холодного течения в теплом море, их раскололи

трещины зловещего молчания. «Его следовало сделать меньше», — шепнул какой-то старик-селянин своему соседу. Искоса поглядывая на цепочку покачивающихся впереди богов, люди осеняли себя быстрыми знаками от сглаза.

Последовали вожди Македонии, Александр Линкестид и остальные. Даже те, кто явился из самого дальнего захолустья, были одеты в плащи хорошей вычесанной шерсти, с вышивкой и золотой брошью. Старики, помнившие дни, когда одежду шили из козьих шкур и бронзовые булавки считались роскошью, щелкали языками: то ли недоверчиво, то ли удивленно.

Под низкий рокот дудок, наигрывающих дорический марш, прошли телохранители царя с Павсанием во главе. Одетые в парадные доспехи, они улыбались друзьям в толпе: день празднества не требовал обычной суровости. Но Павсаний смотрел прямо перед собой, на высокие ворота театра.

Раздался рев старинного рога и крики: «Да здравствует царь!»

Филипп ехал шагом на белой лошади, в своем пурпурном плаще и золотом венце. За ним, на некотором расстоянии, следовали его сын и зять.

Простой народ приветствовал новобрачного ритуальными фаллическими знаками, желая ему многочисленного потомства. Но ожидавшая у ворот группка молодежи грянула во всю мощь своих легких: «Александр!»

Улыбаясь, Александр, сын Филиппа, повернул к друзьям голову и посмотрел на них с любовью. Много лет спустя, став полководцами и сатрапами, они будут хвастаться этим перед молчаливыми завистниками.

Проследовал второй отряд телохранителей; процессию завершали жертвенные животные, по одному для каждого бога, во главе с быком, рога которого вызолотили, а шею обвили гирляндами цветов.

Солнце восстало со своего ложа, все засияло: море, трава в росе, прозрачная паутина на желтом ракитнике; драгоценности, позолота, холодная гладь полированной бронзы.

Боги вступили в театр. Проходя высокие ворота парода, повозки одна за другой огибали орхестру под рукоплескания гостей. Наконец великолепные изображения подняли и установили рядом со своими алтарями. Тринадцатое божество, не потребовавшее святилища, но владевшее всем вокруг, осталось стоять посередине.

Снаружи, на дороге, царь подал знак. Павсаний отрывисто выкрикнул команду. Шедшие впереди телохранители ловко развернулись и с двух сторон присоединились к своим товарищам позади царя.

До театра оставалось несколько стадиев. Вожди, оглядываясь на Филиппа, видели маневр охраны. На этом последнем отрезке пути царь, казалось, доверял свою жизнь идущим впереди. Польщенные, они расступились.

Широко шагая, Павсаний двинулся к пароду. Никто, кроме его собственных людей, которые сочли, что так и надо, не обратил на него внимания.

Филипп видел, что вожди ожидают его. Он подъехал ближе и, улыбаясь, кивнул им с лошади.

— Проходите вперед, друзья. Я еду следом.

Все двинулись; но один из старейших землевладельцев спешился и с македонской прямолинейностью спросил:

— Без охраны, царь? В такой толпе?

Филипп наклонился и похлопал его по плечу. Он надеялся услышать эти слова.

— Мой народ — моя охрана. Пусть чужестранцы увидят это. Благодарю за твою доброту, Арей,

но можешь идти.

Когда вожди удалились, Филипп придержал лошадь, снова оказавшись между зятем и Александром. По обе стороны дороги дружелюбно гудела толпа. Впереди ждал театр, полный друзей. Широкий рот царя улыбался, он предвкушал близкую минуту публичного торжества. Избранный народом царь, которого эти южане осмеливаются называть тираном: пусть сами увидят, нужна ли ему стена копьеносцев, чтобы защитить себя. Пусть расскажут Демосфену, думал он.

Филипп натянул поводья и кивнул. Двое слуг подошли, чтобы принять лошадей.

— Теперь вы, дети мои.

Александр, наблюдавший, как вожди исчезают в воротах театра, резко обернулся:

— Разве мы не с тобой?

— Нет, — отрывисто сказал Филипп. — Тебе не говорили? Я поеду один.

Новобрачный смотрел в сторону, чтобы скрыть смущение. Не будут же они препираться о порядке следования прямо сейчас, на глазах у всех! Последние вожди скрылись из виду. Новобрачный не мог отъехать один.

Прямо сидя на покрытом красным чепраком

Букефале, Александр взглянул на безлюдную дорогу, залитую солнцем, широкую, утоптанную, покрытую отпечатками копыт и колес, звеневшую пустотой. В конце ее, в треугольнике глубокой тени, отбрасываемой пародом, мерцало оружие, блестел алый плащ. Если Павсаний там, он должен был получить приказ?

Букефал прядал ушами, косил светлым, как оникс, глазом. Александр провел пальцем по его шее; конь застыл, как бронзовое изваяние. Новобрачный нервничал. Почему юноша не двигается? В иные минуты можно поверить в молву. Что-то такое в глазах. Тот день в Додоне: пронизывающий ветер, падает снег, на нем плащ из козьих шкур…

— Спускайся, — нетерпеливо сказал Филипп. — Твой шурин ждет тебя.

Александр снова взглянул в темный проем ворот. Он вдавил в бок Букефала колено, заставляя коня подойти ближе к царю, и с пристальным вниманием заглянул в лицо Филиппа.

— Еще слишком далеко, — сказал Александр спокойно. — Будет лучше, если я поеду с тобой.

Филипп поднял брови под золотым венком. Ему стало ясно, чего хотел мальчишка. «Значит, он еще не затвердил своего урока, но я не уступ-

лю».

— Это мое дело. Мне судить, что лучше, — отрезал царь.

Глубоко посаженные серые глаза встретились со взглядом царя. Филипп чувствовал, что поддается. В любом случае, подумал он, возмутительно так глазеть на своего владыку.

— Еще слишком далеко, — повторил высокий ясный голос, настойчиво, ровно. — Позволь мне поехать с тобой, и я отдам за тебя свою жизнь… Клянусь Гераклом.

В рядах ближестоящих, которые осознали, что происходит нечто непредвиденное, поднялся смутный любопытный шепот. Филипп, хотя и начинал сердиться, позаботился о том, чтобы на его лице ничего не отразилось. Понизив голос, он резко сказал:

— Достаточно. Мы едем в театр не для того, чтобы разыгрывать там трагедию. Когда ты мне понадобишься, я тебя позову. Выполняй мои приказы.

Недоумение ушло из глаз Александра, они стали пустыми, как прозрачное серое стекло.

— Хорошо, государь.

Голос тоже был отсутствующим. Александр спешился. Его дядя с облегчением последовал

за ним.

Павсаний отдал им честь, когда они проходили в ворота. Александр кивнул ему на ходу, продолжая разговаривать с царем Александром. Они поднялись по пандусу на сцену и под гул приветствий заняли свои места.

Филипп отпустил поводья. Послушный конь, не обращая внимания на шум, неторопливо двинулся вперед. Люди знали, что задумал царь, и, восхищаясь, приложили все усилия, чтобы он их услышал. Гнев Филиппа прошел; ему было о чем подумать. Если бы мальчик выбрал более подходящее время…

Царь ехал, принимая обожание своего народа. Эффектнее было бы дойти пешком, но хромота помешала бы величию момента. В просвете двадцатифутового парода уже виднелась орхестра, круг богов. Раздалась музыка в его честь.

От каменных ворот отделился солдат, чтобы помочь царю спешиться и принять лошадь. Это был Павсаний. В честь праздника он, должно быть, решил сам исполнить обязанность оруженосца. Как давно… Знак примирения. Наконец-то он забыл. Милый жест. В былые дни Павсаний получал подарок за подобную любезность.

Филипп тяжело соскользнул с лошади, улыб-

нулся и начал говорить. Левая рука Павсания плотно сжала его руку. Их глаза встретились. Павсаний выдернул правую руку из складок плаща столь быстро, что Филипп так и не увидел кинжала. Но он все прочел во взгляде Павсания.

Стража на дороге видела, что царь упал, и Павсаний нагнулся над ним. Должно быть, хромая нога подвернулась, думали они, Павсаний был неловок. Внезапно Павсаний распрямился и бросился бежать.

Он был телохранителем восемь лет, и в течение пяти из них командовал остальными. Первым завопил: «Он убил царя!» — крестьянин в толпе. И, словно лишь этот крик заставил их поверить своим глазам, солдаты, что-то смятенно крича, бросились к театру.

Добежавший первым посмотрел на тело, дико оглянулся, завопив: «За ним!» Поток людей хлынул за угол, огибая строения за сценой. Конь царя смирно стоял у парода. Никто так и не осмелился на него сесть.

Поляна за театром, посвященная Дионису, была возделана его жрецами и засажена виноградом. Толстые черные стволы выпустили побеги молодых лоз с сияющими зелеными листьями. На земле блестел шлем Павсания, который тот

отшвырнул на бегу; красный плащ накрыл деревянные подпорки. Спотыкаясь о комья земли, Павсаний бежал к открытым в старой каменной стене воротам. За ними ждал человек с двумя лошадьми.

Павсанию еще не было тридцати, он отлично бегал. Но за ним гнались двадцатилетние юноши, которых Александр обучал войне в горах; они оказались проворнее. Трое или четверо кинулись наперерез. Разрыв начинал сокращаться.

Но и ворота были недалеко. Разрыв сокращался слишком медленно. Лошади ждали на открытой дороге.

Внезапно, словно сраженный невидимым копьем, Павсаний кувырком полетел на землю, зацепившись за выходящий на поверхность узловатый корень. Он упал ничком, сразу же поднялся на четвереньки, высвобождая ногу, но на него уже налетели.

Павсаний перевернулся, вглядываясь в лица, ища. Бесполезно. С самого начала он был готов и к такому исходу. Павсаний смыл пятно со своей чести. Он ухватился за меч, но кто-то наступил ему на руку, еще кто-то рванул на нем доспехи. «У меня не было времени до конца насладиться гордостью, — думал он, когда железо пронзи-

ло его. — Совсем не было времени».

Человек с лошадьми, оглянувшись, бросил вторую, уже ненужную лошадь, вскочил в седло и галопом понесся прочь. Но всеобщее оцепенение прошло. Копыта стучали по дороге за виноградником. Всадники пронеслись через ворота вслед беглецу, зная цену добычи.

В винограднике вырвавшихся вперед преследователей наконец догнали остальные. Старший в охране взглянул на распростертое тело; кровь, словно в каком-то древнем жертвоприношении, напитала землю у корней виноградной лозы.

— Вы его прикончили. Юные дураки. Теперь его ни о чем не спросишь.

— Я не подумал об этом, — сказал Леоннат, приходя в себя от дурмана кровавой погони. — Я боялся, что он сумеет вырваться.

— Я думал только о том, — добавил Пердикка, — что он сделал. — Он вытер свой меч об одежду мертвого.

Когда они уходили прочь, Арат сказал:

— Так даже лучше. Вы знаете эту историю. Если бы Павсаний заговорил, он навлек бы позор на царя.

— Какого царя? — сказал Леоннат. — Царь мертв.

Место Гефестиона было в середине рядов, ближе к лестнице.

Друзья Александра, ожидавшие его, чтобы снова приветствовать, обежали театр и вошли через верхние ворота. Здесь находились места простонародья, но товарищи наследника на сегодняшнем празднике считались мелкой сошкой. Гефестион пропустил великий выход богов. Его отец сидел много ниже, мать должна была находиться среди женщин, в дальнем краю амфитеатра. Обе царицы уже были там, в первых рядах. Гефестион мог видеть Клеопатру, разглядывавшую алтари, как все остальные девушки; Олимпиада, казалось, считала это ниже своего достоинства. Застывшим взглядом она смотрела прямо перед собой, на пород в противоположной стене.

Гефестиону он виден не был, зато юноша мог подробно рассмотреть сцену и три трона на ней. Зрелище открывалось великолепное; у задника и кулис вздымались колонны с резными капителями, удерживающие расшитые занавеси, из-за которых лилась музыка. Из орхестры музыкантов оттеснило множество богов.

Гефестион ждал Александра, чтобы еще раз прокричать его имя. Если они не пожалеют глоток,

клич подхватит весь театр. Это ободрит друга.

Вот он вышел, с царем Эпира. Приветственный вопль разнесся по театру. Не важно, что имена звучат одинаково: Александр все поймет.

Он понял и улыбнулся. Да, ему стало лучше. Театр был небольшим: когда Александр выходил, Гефестион понял, что он не в себе. «Один из его снов, дурной сон; хорошо бы проснуться. Чего ожидать сегодня? Я увижусь с ним после, если смогу сделать это перед играми. Все будет проще, стоит только пересечь Геллеспонт».

Внизу, в орхестре, статуя царя Филиппа восседала на своем позолоченном троне, увитом по основанию лавром. Точно такой же трон ожидал на сцене. Музыка зазвучала громче, перекрывая шум на дороге.

Торжествующе загремели фанфары. Потом, нечаянным намеком, повисла пауза. Внезапно из рядов женщин, откуда был виден парод, донесся пронзительный крик.

Александр повернул голову. Его лицо, с которого сразу ушла напряженность, изменилось. Он прыжком сорвался с трона и бросился вниз, где мог видеть происходящее за кулисами. Александр сбежал по пандусу через орхестру, мимо жрецов, богов и алтарей, навстречу крикам сна-

ружи. Венок упал с его развевающихся волос.

Пока собравшиеся суетились и тревожно галдели, Гефестион спрыгнул со ступенек на ведущую к пароду галерею и помчался по ней. Друзья, не раздумывая, понеслись за ним: они были приучены не тратить впустую время. Юноши на галерее, стремительные и целенаправленные, сами по себе являлись спектаклем: там, где они пробегали, паника прекращалась. В конце галереи к пароду спускалась лестница. Здесь уже царила давка, толпились ошеломленные чужестранцы из нижних рядов. Жестко, словно в бою, Гефестион устремился в толпу, раздвигая зевак локтями, отпихивая плечом, награждая тумаками. Какой-то толстяк упал, увлекая за собой остальных; лестница была переполнена; в рядах люди беспорядочно сновали вверх и вниз. В самом центре хаоса, забытые своими гиерофантами, деревянные боги в кругу устремляли глаза на деревянного царя.

Как и они, неподвижная, не обращая внимания на дочь, вцепившуюся в ее руку и что-то кричащую, Олимпиада сидела, выпрямившись, на резном троне, не отводя глаз от парода.

Гефестион люто ненавидел всех, мешавших ему на дороге. Не помня себя, оставив всех товарищей

позади, он прокладывал свой путь к царю.

Филипп лежал на спине, между ребрами торчала рукоять кинжала — кельтской работы, со сложным переплетающимся узором серебряной инкрустации. Его белый хитон был почти незапятнан: лезвие запечатало рану. Александр склонился над ним, слушая сердце. Слепой глаз царя был полузакрыт, здоровый смотрел вверх, в обращенные на него глаза живых. На лице Филиппа застыло потрясение и изумленная горечь.

Александр дотронулся до века открытого глаза. Оно вяло подалось под его пальцами.

— Отец, — прошептал Александр. — Отец, отец.

Александр положил руку на холодный лоб. Золотой венец соскользнул на плиты. Через мгновение лицо Филиппа застыло, словно высеченное из мрамора.

Тело вздрогнуло. Рот приоткрылся, словно царь хотел заговорить. Александр подался вперед, взял голову отца в руки и низко нагнулся над ней. Но слова так и не прозвучали — только отрыжка, с маленьким сгустком крови, вызванная спазмом легких или желудка.

Александр отстранился. Внезапно его лицо изменилось. Он выпрямился. Резко, словно отдавая приказ на поле боя, он сказал:

— Царь мертв.

Потом встал на ноги и оглянулся.

— Они догнали его, Александр! — крикнул кто-то. — Они его повалили.

Широкий проход заполонили вожди, не вооруженные по случаю праздника, они второпях пытались выстроить защитную стену.

— Александр, мы здесь.

Это был Александр Линкестид, выдвинувшийся вперед. Он уже сыскал себе панцирь. Доспехи хорошо подошли; они были его собственными.

Александр все так же молча дернул головой в сторону говорившего, резко, как охотничий пес.

— Позволь нам сопроводить тебя к крепости; откуда нам знать, кто предатель? — предложил Линкестид.

«Да, кто? — думал Гефестион. — Этому человеку что-то известно. Для чего он приготовил оружие?» Александр оглядывал толпу: ищет остальных братьев-Линкестидов, понял Гефестион. Он привык читать мысли Александра.

— Что такое? — раздался в толпе голос Антипатра.

Народ расступился. Антипатр проложил себе путь в беспорядочном кружении гостей, маке-

донцы дали ему дорогу сами. В течение долгих лет он назначался единственным наместником Македонии; за ним стояла царская армия. Высокий, с венком на голове, одетый с умеренной пышностью, облеченный своим авторитетом, Антипатр оглядывался вокруг.

— Где царь? — спросил старик.

— Здесь, — ответил Александр.

Он выдержал взгляд Антипатра и отступил в сторону, открывая тело.

Антипатр наклонился и выпрямился.

— Он мертв, — сказал старик недоверчиво. — Мертв. — Антипатр провел рукой по лбу, дотронулся до пиршественного венка и, потрясенно вздрогнув, швырнул его на землю. — Кто?

— Павсаний его убил, — сказали в толпе.

— Павсаний? После стольких лет?

Антипатр осекся, смущенный тем, что сказал.

— Его взяли живым? — быстро, слишком быстро спросил Александр Линкестид.

Александр помедлил с ответом, всматриваясь в его лицо.

— Я хочу, чтобы ворота города закрыли и на стенах выставили дозорных. Никто не уедет, пока я не распоряжусь. — Александр изучающе оглядел толпу. — Алкета, твой отряд. Приведи воинов

в готовность.

«Птенец проклюнулся, — подумал Антипатр, — я был прав».

— Александр, здесь ты в опасности. Не лучше ли подняться в крепость? — спросил он.

— Всему свое время, — сказал Александр. — Что там происходит?

Снаружи второй начальник стражи пытался навести порядок при помощи тех младших военачальников, которых сумел найти. Но воины совсем потеряли голову и слушали своих товарищей, истерически кричащих, что все они будут казнены за соучастие. С проклятиями вояки набросились на юношей, убивших Павсания. Их обвиняли в том, что они хотели заткнуть убийце рот. Военачальники тщетно старались перекричать галдящих.

Александр вышел из глубокой синей тени парода в сияющий холодный свет раннего утра. Солнце едва ли поднялось выше с той минуты, как он появился в театре. Прыжком взлетел он на низкую стену у ворот. Шум стих.

— Александр! — резко выкрикнул Антипатр. — Осторожнее! Не показывайся!

— Стража, направо — фалангой! — приказал Александр.

Суетливая толпа притихла, как испуганная лошадь, успокоенная наездником.

— Я чту ваше горе. Но не уподобляйтесь в нем женщинам. Вы выполнили свой долг; я знаю, какие приказы вы получили. Я сам их слышал. Мелеагр, эскорт для тела царя. Отнесите его в крепость. — Видя, что люди оглядываются в поисках материала для носилок, Александр добавил: — За сценой есть дроги с реквизитом для трагедии.

Он склонился над телом и, расправив складку пурпурного плаща, прикрыл лицо и укоряющий глаз Филиппа. Солдаты сгрудились вокруг трупа.

Встав перед молчащими рядами стражи, Александр сказал:

— Те, кто прикончил убийцу, шаг вперед.

Юноши неуверенно вышли, колеблясь между гордостью и страхом.

— Мы в долгу перед вами. Не бойтесь, что это будет забыто. Пердикка…

Юноша шагнул вперед, его лицо просветлело.

— Я оставил Букефала на дороге. Ты не присмотришь за ним? Возьми с собой четверых.

— Да, Александр. — Признательный Пердикка молниеносно исчез.

Повисло молчание. Антипатр насупился.

— Александр, царица, твоя мать, в театре.

Не лучше ли дать ей охрану? — спросил он.

Александр отошел от старика вглубь парода. Антипатр стоял совершенно неподвижно. У входа царила суматоха; солдаты нашли дроги, украшенные росписью и задрапированные черным. Они подтащили их к Филиппу и подняли на них его тело. Плащ упал с лица царя. Кто-то опустил ему веки и придержал, чтобы они не открывались.

Александр, застыв, смотрел на театр. Толпа схлынула, рассудив, что болтаться здесь не стоит. Боги остались. В суете опрокинули статую Афродиты, и она неуклюже легла рядом со своим постаментом. Лишенный опоры юный Эрот склонился на ее упавший трон. Статуя царя Филиппа прочно сидела на своем месте, нарисованные глаза пристально смотрели на опустевший амфитеатр.

Александр повернулся. Его лицо потемнело, но голос прозвучал ровно.

— Да, я вижу, царица все еще там.

— Она, должно быть, горюет, — сказал Антипатр без всякого выражения.

Александр задумчиво взглянул на старика. Потом, словно что-то внезапно привлекло его внимание, посмотрел в сторону.

— Ты прав, Антипатр. Царице следует быть в надежных руках. И я буду благодарен тебе, если ты лично сопроводишь ее в крепость. Возьми столько человек, сколько сочтешь нужным.

Рот Антипатра открылся. Александр ждал, слегка склонив голову, его глаза застыли.

— Если тебе угодно, Александр, — сказал Антипатр и отправился выполнять поручение.

Настало минутное затишье. Гефестион чуть выдвинулся из толпы, молча, всего лишь предлагая свое участие, как повелевал ему бог. Александр не отозвался на призыв, но все же Гефестион чувствовал, что бог ему благодарен. Собственная будущность открылась перед Гефестионом: уходящие вдаль образы солнца и дыма. Он не должен оглядываться, где бы видение ни захватило его; его сердце приняло свою судьбу, все ее бремя, свет и тьму.

Глава эскорта отдал приказ. Царь Филипп, покачиваясь на своем позолоченном ложе, исчез из виду. Из священного виноградника несколько солдат принесли на куске плетня Павсания, прикрытого разодранным плащом; кровь капала сквозь раскрашенные прутья. Тело следовало показать народу.

— Приготовьте крест, — приказал Александр.

Шум стих до беспокойного бормотания и смешался с гулом водопадов Эгии. Вознося над ними свой могущественный неземной крик, в небо взмыл золотой орел. В его когтях извивалась змея, схваченная им на скалах. Люди подняли головы, тщетно ожидая, что змея извернется и нанесет смертельный укус. Александр, уловив шум, настойчиво следил за орлом, ожидая исхода схватки. Но, продолжая бороться, двое вечных противников растворились в безоблачном небе, над вершинами гор, сначала превратившись в пятнышко, потом — совсем исчезнув.

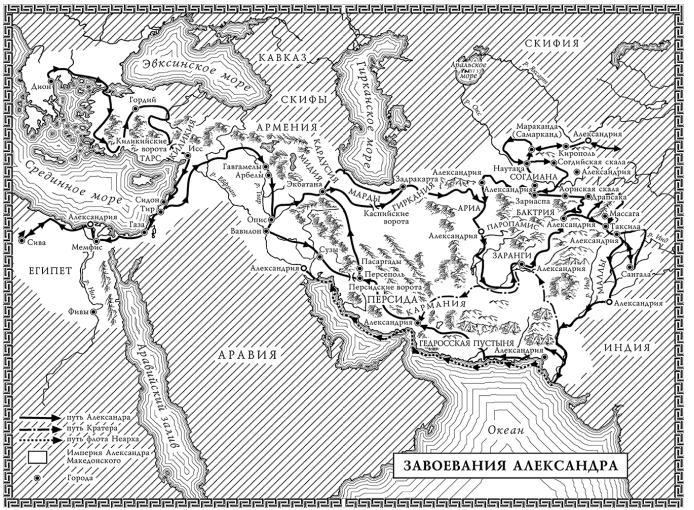
— Здесь все кончено, — сказал Александр, отдавая приказ возвращаться.

Когда они достигли крепостного вала, с которого видна была равнина Пеллы, молодое солнце нового летнего дня, поднявшееся из-за моря на востоке, широко разлило над ними свое сияние.

Персидский мальчик

Если мы вправе оценивать кого-либо по меркам его эпохи, то это в первую очередь Александр.

Герман Бенгстон. Греки и персы


Эвксинское море
КАВКАЗ
СКИФИЯ
Киммерийский Боспор
Дон
Горгиппия
Киммерийские ворота
Танаис
Керченский пролив
Гирканское море
СКИФЫ
АРМЕНИЯ
Каспийские ворота
Мараканда (Самарканда)
Александрия
Кирополь
Согдийская скала
Наутака
Александрия
Александрия
Гавгамелы
Арбелы
Средиземное море
Евфрат
Тигр
Сидон
Тир
Газа
Александрия
Скифа
Мемфис
ЕГИПТ
Нил
Фивы
Эбатаны
МАРДЫ
Каспийские ворота
Зариаспа
Александрия
Александрия
Александрия

Глава 1

Чтобы люди не подумали, будто я — раб без роду и племени, проданный отцом-крестьянином с торгов в засушливый год, скажу сразу: корни нашей семьи уходят в далекое и славное прошлое. Отцом моим был Артембар, сын Аракса, и в жилах моих предков, издавна живших в Пасаргадах, текла древняя царская кровь — кровь великого Кира[73]. Трое моих сородичей сражались за него, помогая царю возвысить персов над мидянами. Наше поместье в холмах к востоку от Суз[74] принадлежало восьми поколениям моих предков, и мне было лишь десять лет, когда не по своей воле я покинул его, но уже тогда я начинал постигать воинское искусство нашего рода, который, увы, на мне обрывается.

Крепостной холм, истертый непогодой до складывавших его камней, был ровесником нашей

---

[73] Сноски: 73

Кир II Великий (?–530 до н. э.) — создатель державы Ахеменидов — первого персидского государства, просуществовавшего с 530 по 330 гг. до н. э. Завоевал Мидию, Лидию, греческие города в Малой Азии, значительную часть Средней Азии и Вавилон.

[74] Сноски: 74

Сузы — древняя столица Элама, одной из провинций царства Ахеменидов, находившейся на территории современного Ирана.

семьи. Сторожевую башню древние строители врезали прямо в утес. Оттуда мы с отцом любовались, бывало, рекой, стремительно бегущей по зеленым равнинам к Сузам, городу лилий. Он указывал мне на сияющий дворец, окруженный широкой террасой, и обещал представить самому царю, как только мне исполнится шестнадцать.

То было во дни царя Оха. Мы благополучно пережили его правление, хоть и был он великим убийцей. Смерть же настигла моего отца оттого, что он остался верен юному сыну царя, Арсу, в борьбе его с визирем Багоасом.

Я был тогда мал, а посему мог бы и не помнить той давней истории, если бы визирь не носил мое собственное имя. В Персии такое не редкость, но, будучи единственным и любимым сыном, я вострил уши всякий раз, когда с удивлением слышал, как мое имя произносят с шипением ненависти.

Владельцы окрестных поместий и придворные владыки, которых мы, как правило, видели не чаще пары раз в году, время от времени проезжали горными дорогами. Наше укрепленное поселение лежало в стороне от их пути, но было удобным местом для встреч. Я любил глядеть на этих великолепных людей, восседавших на высоких

конях, и предвкушать грядущие события — опасности я не чуял, ибо никто из них не внушал мне страха. Порой они приносили жертвы у алтаря Огня; приезжал к нам и маг — жилистый старец, любивший карабкаться по окрестным скалам, подобно следующему за козами пастуху, убивая змей и скорпионов. Мне нравилось смотреть на языки пламени, на их отражения в полированных эфесах мечей, в золотых бляхах и богато украшенных шлемах. И думалось мне, так всегда и будет, пока я не присоединюсь к этим могучим воинам уже в качестве мужчины.

Вознеся молитву, они вместе выпивали священный напиток, после чего заводили разговоры о воинской чести.

В этом вопросе я был сведущ. Едва я достиг пятилетнего возраста, меня забрали от воспитывавших меня женщин, дабы обучить верховой езде, метанию из пращи и ненависти ко лжи. Дух многомудрого бога[75] питал светлый огонь. Во мраке лжи таилось безверие.

Недавно умер царь Ох. Мало кто скорбел бы о нем, угасни царь от болезни, но поговаривали,

---

[75] Сноски: 75

Имеется в виду Митра — древнеиранский бог солнца и дневного света, олицетворяющий также всеобщий моральный закон, который противостоит мраку и лжи.

что причина смерти царя — не болезнь, а снадобье. Багоас был высшим властителем государства, уже многие годы правившим наравне с самим царем, а молодой Арс лишь недавно женился, достигнув совершеннолетия. Ох же, имея выросшего сына и многочисленных внуков, начал понемногу урезать власть Багоаса. И умер, когда скорое падение визиря стало казаться очевидным и неминуемым.

«Стало быть, теперь, — рассуждал один из отцовских гостей, — вероломство освободило трон, хотя бы и для полноправного наследника. Сам я не виню Арса; сказывают, его честь осталась незапятнанной… Но царский сын еще юн, власть Багоаса возросла вдвое, и отныне старик в любое время может присвоить митру. Ни один евнух не возносился еще столь высоко».

«Не часто, но случается, — ответил отец, — их охватывает подобная жажда власти. Оттого лишь, что у них не может быть сыновей».

Он поднял меня, сидевшего рядом, на руки. Кто-то пробормотал благое пожелание.

Гость наивысшего ранга, имевший земли у самого Персеполя, но последовавший за царским двором в Сузы, сказал на то:

«Все мы согласны, что Багоас не должен пра-

вить страной. Имея терпение, мы увидим, как с ним уживется Арс. Пускай он молод; мне кажется, дни визиря уже сочтены».

Не ведаю, как поступил бы Арс, если бы оба его брата не были отравлены. Именно тогда он покинул дворец, дабы сплотить преданных друзей.

Три принца уже достигли совершеннолетия, но все трое по-прежнему оставались близки. Достигнув престола, цари часто отворачиваются от родственников; Арс был не таков. Визирь с подозрением относился к их дружеским беседам, и оба младших брата, один за другим, погибли от мучительных желудочных колик.

Вскоре после этого к нашему поместью прибыл гонец с царской печатью на доставленном свитке. Я был первым, кого встретил отец после отъезда посланника.

«Сын мой, — сказал он, — вскоре мне придется покинуть вас; царь созывает верных товарищей. Настанет время — помни об этом, сын, — когда каждому придется встать на сторону света в битве с ложью. — Его тяжелая рука легла мне на плечо. — Тебе непросто будет делить одно имя с исчадием зла. Но это едва ли надолго, бог милостив. Чудовище в человеческом облике не сможет унести имя с собой, и тебе придется

заново отстоять его честь. Тебе — и сынам твоих сынов».

Он поднял меня и расцеловал.

Отец распорядился укрепить поместье. Один из склонов холма, на котором оно стояло, был чересчур покат, но стены подняли на несколько рядов и устроили в них удобные для лучников щели.

За день до предполагаемого отъезда к воротам поместья подскакал отряд воинов. Их письмо также было отягощено царской печатью. Мы не догадывались, что послание прибыло из рук мертвеца: Арс разделил участь своих братьев, его малолетние сыновья были задушены. Мужская линия рода Оха прервалась… Взглянув на печать, отец повелел открыть ворота. Всадники въехали на двор.

Увидев все это, я беспечно вернулся в аллеи фруктового сада под стенами башни, к своим детским играм. Потом послышался крик, и я выбежал посмотреть. Пятеро или шестеро воинов выволокли из дверей человека с чудовищной раной в центре лица; кровь стекала ему в рот, струилась по бороде. С него сорвали богатое одеяние — и по плечам мужчины также текла кровь, ибо ушей у него не было. Узнать его я сумел лишь

по обуви: то были сандалии моего отца.

Даже сейчас я порой со стыдом вспоминаю, что окаменел тогда от ужаса и молча наблюдал за его смертью, не испустив даже крика. Наверное, отец понял мое состояние, ибо, когда его тащили мимо, он успел прокричать:

«Орксинс предал нас! Орксинс! Запомни имя! Орксинс!»

Открытый окровавленный рот и вопль исказили черты, сделав лицо еще страшнее. Не знаю, слышал ли я эти слова, — я только и мог, что стоять там, подобно каменному столбу, когда воины поставили моего отца на колени и, ухватившись за волосы, потянули вперед. Им пришлось пять или шесть раз ударить мечом, чтобы разрубить шею. Пренебрегшие милосердием в своем рвении, эти люди могли отрезать уши и нос уже после того, как отсекли бы голову; визирь не усмотрел бы разницы.

Занявшись отцом, они позабыли о моей матери. Должно быть, она сразу взбежала на башню; в минуту его смерти мать бросилась вниз, так что солдаты упустили возможность надругаться над ней. Падая, она кричала, — оттого лишь, мне кажется, что слишком поздно увидела меня у подножия стены. Мать рухнула на камни двора

на расстоянии древка копья от меня, и череп ее раскололся на моих глазах. Верю, дух отца успел увидеть, как бесстрашно она последовала за ним.

У меня были две сестры — двенадцати и тринадцати лет. Была и еще одна, девятилетняя, — от второй жены отца, которую унесла лихорадка. Я слышал их истошные крики. Оставили ли их умирать после того, как солдаты натешились добычей, убили их или захватили живыми, того я не знаю.

Наконец предводитель отряда обратил свой взор на меня, сильной рукой поднял в седло, и мы поскакали прочь. Возле моей ноги болталась окровавленная сума с головой отца. Оставшаяся у меня крохотная часть рассудка озадаченно вопрошала, отчего воин сжалился надо мною. Ответ был дан мне той же ночью.

Нуждаясь в деньгах, мой мнимый спаситель не оставил меня себе. На базарной площади Суз, города лилий, я стоял раздетый донага, пока покупатели распивали из маленьких чашечек финиковое вино, шумно торгуясь. Греческие мальчики воспитываются вне стыда, они привычны к обнаженному телу; у нас же более строгие понятия о благопристойности. В своем

неведении я думал, что пасть ниже уже невозможно.

Всего только месяц назад мать выбранила меня за то, что я заглянул в ее зеркало. Она сказала, я слишком юн для тщеславия, я же только мельком взглянул на свое лицо — и мало что успел заметить. Мой новый хозяин, однако, не скупился на похвалы:

«Настоящая порода, только взгляните. Наследник исконных персов, с грацией косули. Посмотрите на эти тонкие кости, на его профиль — повернись, мальчик, — власы, сиянием подобные бронзе, прямые и мягкие, словно шелк из страны Цинь[76], — подойди же, мальчик, дай им потрогать. Брови, выписанные тонкой кистью. Эти большие глаза, словно раскрашенные бистром, — о, это озера любви! Эти нежные руки не продаются задешево, чтобы скоблить потом полы… Только не говорите, что вам предлагали подобный товар в пять прошедших лет или даже десять».

Как только он делал паузу, чтобы перевести дух, купец замечал в ответ, что не намерен тратиться себе в ущерб. Наконец он назвал свою последнюю

---

[76] Сноски: 76

Цинь — одно из семи могущественных царств Древнего Китая.

цену, и воин возопил, что такая ничтожная сумма — чистый грабеж. Покупатель же возразил, что нельзя упускать из виду известный риск: «Мы теряем одного из пяти, когда оскопляем их».

«Оскопляем их», — подумал я, в то время как ладонь страха закрыла вежды понимания. Дома я наблюдал за тем, как холостили быка… Я не вздрогнул, не открыл рта, мне не о чем было просить этих людей. Как я убедился на собственном горьком опыте, в сем мире не осталось места для жалости.

Стенами своего двора — по пятнадцати футов высотой — дом купца напоминал царскую тюрьму. Рабов кастрировали у одной из них, под навесом. Меня опоили слабительным и не кормили; считалось, что так я легче перенесу оскопление. Затем меня втолкнули в холод и пустоту, дав сперва рассмотреть низкий столик с разложенными на нем ножами и специальную раму с торчащими в разные стороны палками, к которым привязывались ноги мальчиков. На раме я увидел зловещие темные потеки и грязные кожаные ремни… Только тогда я бросился к сандалиям торговца и вцепился в них с отчаянным плачем, умоляя о пощаде. Жалости в этих людях было не больше, чем в крестьянах, собирающихся

холостить бычка. Они не сказали ни слова утешения; привязывая меня ремнями, они обсуждали какие-то базарные слухи, а затем приступили к делу, и я не слышал уже ничего, только боль и собственные крики.

Говорят, женщины забывают о муках деторождения. Что ж, их направляют руки самой природы. Но ничья рука не сжала мою, дабы облегчить боль — сплошную боль меж почерневшим небом и землей. Ее я буду помнить до самой смерти.

Там была старая рабыня, кутавшая мои сильно гноившиеся раны. Работала она умело и быстро, чистыми руками, ибо мальчики считались достоянием хозяина и, как она призналась однажды, ее прогнали бы, потеряй она хоть одного. Рабыня сказала, что со мной все в порядке, «чистая работа», и позже добавила, глупо хихикая, что я смогу неплохо зарабатывать. Слов этих я тогда не понял; знал только, что она смеялась, пока я корчился от муки.

Как только я поправился, меня продали с торгов. Снова я стоял обнаженный, на сей раз на виду у глазевшей толпы. С помоста виднелся яркий краешек дворцовых стен, где, как обещал мне отец, я должен был в свое время предстать пред

царскими очами.

Купил меня торговец драгоценными каменьями; хоть и не сам он, а жена его выбрала меня, указав красным кончиком пальца из-за опущенных занавесей носилок. Мой хозяин медлил, упрашивая дать новую цену: предложение разочаровало его. От боли и тоски я исхудал, сбросив, вне сомнения, вместе с весом большую часть своей красоты. Перед торгами меня буквально набивали едой, но мое тело неизменно извергало ее обратно, словно бы презрев саму жизнь. Тогда меня решили поскорей сбыть с рук, а жене ювелира хотелось иметь при себе хорошенького пажа, дабы возвыситься над наложницами, и для этой цели я был достаточно пригож. Еще у нее была обезьянка с зеленоватым мехом.

Я очень привязался к этому животному; моей обязанностью было кормить его. Когда я входил, обезьянка бросалась ко мне в объятия, норовя крепко вцепиться в мою шею крошечными черными ручонками. Впрочем, вскоре зверек прискучил госпоже и его продали.

Я все еще был слишком мал и привычно жил сегодняшним днем. Но когда продали обезьянку, я с трепетом заглянул в будущее. Мне никогда уже не бывать свободным человеком, меня так

и будут всю жизнь продавать и покупать, как эту обезьянку, и еще — я никогда не стану мужчиной. Ночами эти мысли не давали мне уснуть. А утром казалось, что, лишившись мужского естества, я в одночасье состарился. Госпожа заметила, что я чахну, и повелела кормить меня так, что вскоре начались рези в животе. Но она вовсе не была жестока со мной и никогда не била, не считая тех случаев, когда я нечаянно ломал что-то ценное.

Пока я лежал, приходя в себя, у торговца, на престол воссел новый царь. Прямая линия Оха пресеклась, так что отныне в царских жилах текла разбавленная кровь каких-то боковых ветвей. Так или иначе, люди хорошо отзывались о государе. Датис, мой хозяин, не приносил новости в гарем, полагая единственной заботой женщин доставлять удовольствие мужчинам, а евнухов — приглядывать за ними. Глава евнухов, однако, с увлечением пересказывал нам все базарные сплетни; почему бы и нет? Это все, что у него было.

«Новый царь Дарий, — поведал нам он, — в достатке наделен и красотой, и доблестью. Когда царь Ох воевал с кардосцами и их могучий силач бросил вызов его воинам, только Дарий решился

шагнуть вперед. Он и сам был завидного роста, а пронзив великана первым же дротиком, снискал славу, не потускневшую и по сей день. Не обошлось, разумеется, без разногласий, и маги исследовали небо в поисках знамений, но никто в совете не осмелился оспорить выбор Багоаса; визиря попросту слишком боялись. Однако до сей поры никто не слыхал, чтобы царь убил кого-нибудь: по слухам, нрава он был самого спокойного и незлобивого».

Слушая рассказ евнуха и качая опахалом из павлиньих перьев перед лицом госпожи, я вспоминал пир по случаю дня рождения отца, последнего в его жизни. Гости правили вверх по склону холма и торжественным шагом вступали в ворота, конюхи принимали у них лошадей. У порога друзей приветствовал отец, рядом с которым стоял тогда и я… Один из гостей возвышался над остальными и столь был похож на бога, что даже не казался мне старым. Он отличался редкостной красотой, а все его зубы еще были на месте, и он подхватил меня, как грудного младенца… Я смеялся тогда. Разве не его звали Дарием? Но какое мне дело до того, кто ныне правит царством? — так думал я, качая свое опахало.

Вскоре, когда эти вести устарели, на базаре заговорили о западных землях. Там жили варвары, о которых рассказывал отец, — рыжеволосые дикари, красившие лица синим. Они жили на севере от Греции, племя, называвшее себя македонцами. Сначала они совершали набеги, затем у них хватило наглости объявить войну, и сатрапы прибрежных областей уже готовились отразить натиск македонцев. Последние новости гласили, что почти сразу после смерти царя Арса их собственный царь также был убит, на каком-то публичном представлении, где, как это принято у варваров, расхаживал без охраны. Наследник его был еще достаточно юн, чтобы Персия перестала беспокоиться о вторжении с западных рубежей.

Моя жизнь неспешно текла среди маленьких забот гарема: устраивать постель, приносить и уносить подносы с кушаньями, смешивать шербеты из горного снега и лимонного сока, красить госпоже ногти и отзываться на ласки девушек. У Датиса была всего одна жена, не считая трех молоденьких наложниц, которые были добры ко мне, зная, что их господин не питает пристрастия к мальчикам. Но если только госпожа замечала, что я прислуживаю им, она без жало-

сти таскала меня за ухо.

Скоро мне стали давать небольшие поручения, позволившие выходить в город, — ведь покупка хны, краски для век или ароматных трав для бельевых сундуков могла оскорбить достоинство главы евнухов; на рыночной площади и в лавках встречал я и других собратьев по несчастью. Некоторые евнухи походили на моего начальника — жирные и неуклюжие, с почти женскими грудями; увидев такого, я снова и снова зарекался умерить аппетит, хотя все еще быстро вытягивался в росте и, стало быть, нуждался в питании. Другие были иссохшие и визгливые, как измученные заботами старухи. Но некоторые держались уверенно и с достоинством, они были высоки и прямы; мне оставалось только догадываться об их секрете.

Настало лето; апельсиновые деревья на женской половине сада наполнили воздух ароматом, мешавшимся с благоуханным потом девушек, в скуке перебиравших пальцами по каменному краю бассейна с рыбками. Госпожа купила мне маленькую арфу, которую следовало удерживать на согнутом колене, и повелела одной из девушек научить меня ее настраивать. Я пел, когда в сад, задыхаясь от спешки и мелко сотрясаясь

всем телом, вбежал глава евнухов. Его распирали новости, но он все же сделал должную паузу, чтобы вытереть пот со лба и проклясть жару, заставив всех прислушиваться с нетерпением. Сразу было видно: настал великий день.

— Госпожа, — взвизгнул он наконец, — визирь Багоас умер!

Двор, словно гнездо скворцов, наполнился еле слышным щебетом. Госпожа махнула пухлой рукой, призывая всех замолчать:

— Но как? Неужели ты больше ничего не знаешь?

— Я узнал все в подробностях, госпожа. — Евнух вновь вытер лоб, дожидаясь приглашения сесть. Заговорщицки оглянувшись вокруг, подобно заправскому рыночному рассказчику, он заерзал на подушке. — Эта история уже хорошо известна во дворце, ибо случившемуся было множество свидетелей. Вы, несомненно, услышите все сами. Вы же знаете, госпожа, я умею спрашивать; если кому-то известно, значит известно и мне. Дело обстоит так: вчера Багоас испросил у царя аудиенцию и получил ее. Мужам подобного ранга, естественно, подают только самые изысканные вина. Внесли напиток, уже разлитый по золоченым чашам. Царь взял свою, Багоас — вторую,

и визирь подождал, пока царь не пригубит вина. Какое-то время Дарий держал чашу в руке, говоря о каких-то мелочах и наблюдая за лицом Багоаса; затем сделал вид, что отпил немного, и вновь опустил чашу, не сводя глаз с визиря. А потом сказал: «Багоас, ты верно служил трем царям. Государственный муж твоих заслуг должен быть отмечен подобающей ему честью. Выпьем же за здоровье друг друга — вот моя чаша, возьми ее; я же выпью из твоей». Виночерпий подал евнуху царскую чашу и передал вторую царю…

Выдержав необходимую паузу, евнух продолжал:

— Лицо, соблаговолившее поведать мне об этих событиях, сравнило цвет щек визиря с бледным речным илом… Царь выпил, и наступила тишина. «Багоас, — сказал он. — Я допил вино; жду теперь, чтобы и ты выпил за мое здоровье». Тогда Багоас прижал к груди ладонь, набрал воздуху и молил царя извинить его немощь; у него потемнело в глазах, и он испрашивал разрешения удалиться. Но царь ответил: «Садись, визирь. Это вино — твое лучшее лекарство». Тот сел; похоже, ноги попросту изменили ему. Чаша тряслась в руке, и вино начало проливаться. И тогда царь привстал в своем кресле, повысив голос

так, чтобы слышали все: «Пей свое вино, Багоас. Ибо говорю тебе, и не лгу: что бы ни было сейчас в твоей чаше, тебе лучше осушить ее одним глотком». Тут визирь выпил. И когда он встал, чтобы уйти, царская охрана приступила к нему с поднятыми пиками. Царь же дождался, пока яд не начал действовать, и только тогда оставил их, приказав ждать конца. Говорят, визирь умирал не менее часа.

Раздалось немало восклицаний, походивших на звон монет в шапке искусного рассказчика. Госпожа спросила о человеке, предупредившем царя. Глава евнухов с лукавым видом понизил голос:

— Царскому виночерпию пожаловано почетное одеяние… Кто знает, госпожа? Некоторые говорят, что царь не забыл о смерти Оха и что, обменявшись чашами, визирь прочел свою судьбу на его лице, но уже ничего не мог сделать. Пусть ладонь благоразумия закроет мудрые уста.

Значит, божественный Митра, покровитель правой мести, свершил свой суд. Отравитель умер от яда, как того и заслуживал. Но для богов век — мгновение. Мой тезка погиб, как и обещал мне отец; но Багоас покинул сей мир слишком поздно и для меня, и для сынов моих сынов.

Глава 2

Два года я прислуживал в хозяйском гареме, где более всего страдал от невыносимой скуки, вполне способной заморить человека до смерти. Я подрос, и хозяевам пришлось дважды сменить мою одежду. И все же мой рост рано замедлился. Дома говорили, что я буду таким же высоким, как отец, но оскопление, должно быть, причинило мне не только боль. Я и сейчас немногим выше подростка и всю жизнь сохранял мальчишескую стройность.

Как бы то ни было, на базаре мне не раз доводилось слышать похвалы своей красоте. Порой со мной заговаривали мужчины, но я отворачивался от них; по простоте душевной мне казалось, что они не стали бы интересоваться мною, будь им известно, что я — раб. И все же меня радовала возможность спастись на время от женской болтовни, окунуться в краски базарной жизни и глотнуть свежего воздуха.

Теперь уже и хозяин стал давать мне простые поручения: отнести записку ювелирам новой лавки, например, или что-нибудь в том же роде. Я побаивался царских мастерских, но Датис,

казалось, считал, что делает мне приятное, посылая туда. Ремесленники в основном были греческими рабами, ценимыми за мастерство. Естественно, на лице у каждого было проставлено клеймо, но то ли в качестве наказания, то ли с целью предотвратить побег вдобавок их часто лишали ноги, а порой и обеих. Тем из них, что вращали точильные круги, шлифуя геммы, в работе были нужны и руки, и ноги; чтобы их легче было выследить в случае побега, им отрезали носы. Я старался смотреть куда угодно, только не на них, — пока не заметил испытующий взгляд ювелира, явно подозревавшего меня в желании что-то стянуть.

С детства я знал, что после трусости и лжи наибольшим позором для благородного человека было занятие торговлей. О продаже и речи быть не могло; даже купить что-либо считалось бесчестьем. Все необходимое знатному мужу дает его собственная земля. Даже зеркальце моей матери, с выгравированным на нем крылатым мальчиком, доставленное из далекой Ионии, попало в наш дом с ее приданым. Как бы часто мне ни приходилось покупать что-то, всякий раз я испытывал жгучий стыд. Правду говорят люди: все познается лишь на собственном опыте.

Для ювелиров то был скверный год. Царь отправился на войну, оставив Верхний город безлюдным, подобно кладбищу. Юный царь македонцев добрался до Азии и захватывал греческие города один за другим, изгоняя персов. Ему было тогда немногим более двадцати, и сатрапы прибрежных областей не приняли его всерьез. Но он разбил их и, переправившись через Граник[77], заставил считать себя еще более опасным противником, нежели его отец.

Поговаривали, что македонский царь не был женат и что в походе его не сопровождали домочадцы — одни лишь воины, словно тот был не царем, а каким-нибудь разбойником. Зато его армия могла передвигаться необыкновенно быстро, даже по незнакомой горной стране. Гордость заставляла его носить блестящие доспехи, чтобы его всегда можно было увидеть в бою. О доблести его ходило множество историй, которые я не стану пересказывать, ибо те из них, что были правдивы, известны ныне всему свету; лживых же мы слышали достаточно. В любом случае молодой царь македонцев уже достиг всего, к чему стремился его отец, и явно не соби-

[77] Сноски: 77
Битва у реки Граник состоялась в мае 334 г. до н. э.

рался останавливаться.

Дарий между тем созвал армию и самолично отправился навстречу. А так как царь царей не путешествует в одиночестве, подобно юному набежчику с Запада, он захватил с собой двор и домочадцев с их собственными слугами, равно как и гарем — с матерью царя, самой царицей, принцессами и маленьким наследником, со всеми их непременными спутниками: евнухами, цирюльниками, швеями, прачками и так далее. Царица, слывшая исключительной красавицей, всегда приносила местным ювелирам хороший доход.

Приближенные царя также взяли на войну своих женщин, жен или наложниц — просто на тот случай, если поход затянется надолго. Так что в Сузах перевелись покупатели, за исключением тех, что могли позволить себе лишь дешевые побрякушки.

Той весной госпожа не получила нового наряда и целыми днями обращалась с нами неласково. Самая хорошенькая из наложниц приобрела новую вуаль, что на неделю сделало жизнь в гареме невыносимой. У главы евнухов стало меньше денег на покупки, чем обычно; госпожа оказалась урезана в сладостях, рабы — в пище. Мне же

оставалось только щупать худую талию и с превосходством поглядывать на других евнухов.

Я становился все выше. Хотя я опять вырос из прежней своей одежды, на обновки вовсе не рассчитывал, но, к моему удивлению, хозяин все же купил мне красивую тунику, шаровары с поясом и верхнюю куртку с широкими рукавами. На поясе даже был золотой ободок. Новое одеяние столь меня обрадовало, что, надев его впервые, я нагнулся над бассейном рассмотреть себя и не был разочарован.

В тот же день, вскоре после полудня, хозяин позвал меня в комнату, где обычно обсуждал дела с гостями. Помню, мне показалось странным, что Датис избегает поднимать на меня глаза. Начертав несколько слов и скрепив их печатью, он обратился ко мне:

— Отнеси это ювелиру Обару. Отправляйся сразу в мастерские, не шляйся по базару. — Оторвав взгляд от своих ногтей, он посмотрел на меня. — Обар мой лучший покупатель, так что постарайся быть с ним почтительным.

Его слова поразили меня.

— Господин, я никогда не был невежлив с покупателями. Неужели кто-то пожаловался на меня?

— О… вовсе нет, — заверил он, суетливо копаясь в необработанной бирюзе на подносе. — Я просто прошу тебя оказывать почтение Обару.

И все же пока я шел к указанному дому, мне приходило в голову лишь одно: хозяин беспокоится, как бы не потерять расположение ювелира. Воин, вырвавший меня из отчего дома, и то, что он сделал со мной после, успели уйти из моей памяти вместе с другими давними переживаниями, хоть порой я просыпался по ночам в слезах: мне снилось безносое лицо отца, его истошный крик. Без всякой опаски я вошел в лавку Обара, коренастого вавилонянина с густой кустистой бородой. Бросив один взгляд на записку, тот повел меня прямо во внутренние покои, словно я только этого и ждал.

Дальнейшее запомнилось мне лишь смутно. Память моя сохранила лишь нестерпимую вонь его тела и прощальный подарок: когда все кончилось, Обар наградил меня кусочком серебра за труды. Серебро я отдал прокаженному на базаре, принявшему его на лишенную пальцев ладонь и пожелавшему мне долгой жизни.

Я думал об обезьянке с зеленоватым мехом, которую унес мужчина с жестоким лицом, намеренный обучить ее каким-то базарным трюкам.

Мне пришло в голову, что, наверное, ювелир решил «опробовать» товар, прежде чем сделать покупку. Я бросился к канаве; меня так рвало, что, казалось, еще немного — и я извергну собственное сердце. Никто даже не поглядел в мою сторону. Весь в холодном поту, я вернулся в дом своего господина.

Хотел Обар купить меня или нет, того я не знаю, но хозяин явно никого продавать не собирался. Ему было гораздо проще снова и снова оказывать Обару эту маленькую услугу — он одалживал меня ювелиру дважды в неделю.

Сомневаюсь, чтобы мой господин хоть раз задумался, каким словом люди могли назвать его поступок. Вскоре обо мне прослышал приятель Обара и, должно быть, позавидовал. Не будучи сам торговцем, он платил монетами; он-то и передал добрую весть дальше… Уже очень скоро меня посылали к кому-то практически ежедневно.

Когда тебе двенадцать лет, о смерти можно мечтать, но мечта эта должна быть слишком ясной, чтобы действительно решиться наложить на себя руки. Я часто думал о смерти; мне снились кошмары, в которых мой безносый отец выкрикивал уже мое имя вместо имени предателя. Но в Сузах не было достаточно высоких стен,

чтобы я мог, вслед за матерью, броситься и разбиться о камни; никакой иной способ я не считал надежным. Что же до бегства, то перед глазами у меня был наглядный пример для подражания: обрубки ног рабов царского ювелира.

Стало быть, я ходил к своим клиентам, как мне приказывал мой господин. Некоторые из них были лучше Обара, другие — хуже стократ. Я еще могу припомнить, как замирало холодным комком сердце, когда мне доводилось подходить к незнакомому еще дому; как однажды мне приказали выполнить некую прихоть, которую я не могу описать здесь, и я вспомнил отца: уже не страшную маску, а гордого мужа, стоящего на пиру в честь своего последнего дня рождения, наблюдающего при свете факелов за тем, как наши воины танцуют с мечами… Чтобы почтить его память, я вырвался из объятий мерзавца и назвал его именем, которого тот заслуживал.

Из боязни испортить дорогую вещь мой хозяин не стал наказывать меня освинцованной плетью, часто гулявшей по плечам нубийца-привратника, — но и трость его оказалась вполне тяжела. С еще гудевшей спиной я был послан назад — вымолить прощение у клиента и исполнить его просьбу.

Более года я вел подобную жизнь, утешая себя лишь тем, что когда-нибудь выйду из детского возраста и мои мучения закончатся сами собой. Госпожа ничего не знала о них, и я старался обмануть ее, всегда держа наготове подходящий рассказ о прошедшем дне. В ней было больше благопристойности, чем в муже, но госпожа не имела власти спасти меня. Если б только она узнала правду, домашний очаг превратился бы в кошмар, пока — во имя мира в семье — Датис не продал бы меня за лучшую цену, которую ему могли посулить. Стоило мне вспомнить о покупателях — и ладонь благоразумия прикрывала мои уста.

Всякий раз, проходя по базару, я представлял, как люди говорят меж собой, указывая в мою сторону: «Вон он идет, этот продажный мальчишка Датиса». И все-таки мне частенько доводилось бывать там, чтобы удовлетворять любопытство госпожи. До Суз добрались слухи о том, что царь держал великую битву с Александром у морского города Исс[78] и проиграл ее. Дарий, единственный из всего войска, спасся на коне, бросив колесницу и доспехи. Что ж, царь остался жив,

[78] Сноски: 78

Александр Македонский разгромил персов при Иссе осенью 333 г. до н. э.

думал я, многие сочли бы его участь везением.

Когда до нас дошли наконец достоверные рассказы, мы узнали о захвате гарема с царицей, матерью Дария и всеми детьми. У меня были веские причины догадываться об их дальнейшей участи. Крики сестер все еще звенели в моих ушах; я представлял себе малолетнего принца на остриях пик, что, без сомнения, случилось бы и со мною, если б не жадность моего «спасителя». Впрочем, я никогда не видел всех этих людей и, поспешая к дому некоего господина, которого знал чересчур хорошо, сохранил немного жалости и для себя самого.

Позже кто-то принес весть — и клялся, что она явилась прямиком из Киликии, — будто бы Александр поселил царственных женщин в отдельном павильоне и, не допустив до них солдат, оставил им даже прислугу. Говорили, что и наследнику была сохранена жизнь… Над рассказом смеялись, ибо никто и никогда не вел себя подобным образом во время войны, не говоря уже о варварах с запада.

Царь спешно отступил к Вавилону и остался там на зиму. Весной же, однако, он вернулся в Сузы из-за жары — отдыхать от трудов, пока его сатрапы собирают новое воинство. Только нуж-

ды гарема удержали меня от того, чтобы бежать глазеть на царскую кавалькаду: любой мальчишка, каким я отчасти еще был, не смог бы устоять перед подобным зрелищем. Ждали, что Александр двинется теперь вглубь персидских земель, но у него хватило безрассудства осадить вместо этого Тир — хорошо укрепленную крепость на острове, способную выдержать десять лет осады. Пока македонец развлекался подобным образом, царь вполне мог наслаждаться отдыхом.

Теперь, когда царский двор воротился, пусть даже без царицы, я уповал на то, что к ювелирам вновь вернутся их доходы; тогда, возможно, мне позволят свернуть *свою* торговлю и остаться прислуживать в гареме. Некогда подобную жизнь я находил скучной; ныне она манила к себе, подобно пальмовой роще в сердце пустыни.

Вы считаете, наверное, что к тому времени я уже мог бы смириться со своим занятием. Но мальчик тринадцати лет — это все тот же десятилетний ребенок, пусть даже проживший еще три долгих года… Среди холмов, далеко-далеко, я еще способен был различить развалины отчего дома.

У нескольких клиентов я мог бы, подластившись, выклянчить хорошие деньги, которые

можно было не показывать хозяину. Но я скорее вкусил бы верблюжьего помета, чем попросил; некоторые, однако, были столь утомлены моей угрюмостью, что одаривали меня в надежде увидеть улыбку. Другие старались причинить мне боль самыми разными способами, но я быстро понял, что они станут мучить меня в любом случае, а мольбы только подхлестнут их. Худший из всех оставил меня в рубцах с ног до головы, и хозяин отказал ему впредь, но не из сострадания ко мне, а потому лишь, что тот портил чужое добро. С другими я познал изобретательность любви и потому не отказывался улыбнуться за серебряную монету, но, получив ее, покупал курительное зелье. Надышавшись им до полного отупения, я хладнокровно мог исполнять их прихоти; потому меня и по сей день еще мутит от его сладкого запаха.

Некоторые были по-своему добры ко мне. С ними мне казалось даже, что оказанное уважение требует чего-то взамен. Не ведая другого способа воздать им за доброту, я старался доставить удовольствие, и они рады были научить меня делать это лучше. Так я познал начала искусства.

Был среди них один торговец коврами, который, закончив, обращался со мной как с дорогим

гостем: усаживал рядышком, наливал вина и вел долгие беседы. Вину я был рад, ибо порой торговец делал мне больно; впрочем, он всегда был ласков со мной и старался доставить радость. Боль свою я скрывал — из гордости или от стыда, сколько его еще во мне оставалось.

Однажды он принял меня, вывесив на стене ковер, потребовавший от мастеров десяти лет работы. Торговец сказал, что хочет насладиться им прежде, чем ковер будет отправлен заказчику — другу самого царя, привыкшему к исключительному изяществу. «Быть может, — произнес в задумчивости торговец, — он знавал и твоего отца».

Я же почувствовал, как кровь отхлынула от лица, как похолодели ладони. Все это время я полагал свое имя собственной тайной, а имя отца — свободным от позора. Теперь же я понял, что хозяин узнал мою тайну от работорговца и похвалялся ею. Почему бы нет? Визирь, местью коего я лишился родных, опозорен и убит; оскорблять его ныне уже не считается изменой. И я съежился, подумав о нашем имени в устах всех тех, кто прикасался ко мне…

Прошел месяц, но я так и не сумел привыкнуть к этой мысли. Я с радостью убил бы многих своих

клиентов за то, что они знали мой секрет. И когда за мною вновь послал торговец коврами, я был лишь благодарен, что это он, а не кто-нибудь похуже.

Я прошел прямо во двор с фонтанчиком, где он иногда любил посидеть на подушках под лазурным навесом, прежде чем ввести меня в дом. Но на сей раз купец был не один; рядом с ним сидел какой-то другой мужчина. Я застыл в дверях, страшась, что опасливые мысли ясно читаются на моем лице.

— Входи же, Багоас, — позвал торговец. — Не пугайся так, милый мальчик. Сегодня мы с моим другом не спросим с тебя ничего, кроме свежести твоего присутствия и удовольствия от твоего чарующего пения. Рад видеть, что ты захватил арфу.

— Да, — отвечал я, — хозяин передал мне вашу просьбу.

Я не знал только, спросил ли Датис за это больше обычного.

— Входи. Мы оба измучены заботами прошедшего дня, согрей же нам души своим искусством.

Я пел для них, повторяя про себя: «Нет, они не успокоятся на пении». Гость не походил на купца; он был совсем как один из друзей отца,

пусть не с таким грубым лицом. Какой-то покровитель торговца, думал я. И сейчас меня подадут ему на блюде, выложенном зеленью.

Я ошибался. Меня попросили спеть еще, потом мы говорили о всяких мелочах, а вскоре меня отпустили, сделав маленький подарок. Такого со мной еще не бывало… Когда дверца во дворик закрылась за моей спиной, я услышал ровное гудение их голосов и знал, что говорят обо мне. Что ж, решил я по дороге домой, сегодня я дешево отделался. Значит, скоро мы еще встретимся с этим «другом».

Так и вышло. На следующий же день он купил меня.

Я видел, как он подходит к дому. Послали за вином; подававший его нубиец сказал, что хозяин о чем-то шумно торгуется с пришедшим. Он не догадывался, о чем они спорили, ибо понимал лишь самые простые персидские слова; я же отлично знал, в чем дело. Когда гость удалился и хозяин призвал меня к себе, я все понял прежде, чем Датис успел открыть рот.

— Ну что же, Багоас… — На лице его сверкала ослепительная улыбка. — Тебе сегодня повезло, мальчик, тебя берут в услужение в очень хороший дом.

«И по очень хорошей цене», — добавил я мысленно.

— За тобою пришлют завтра утром.

Жестом он повелел мне удалиться, но я медлил.

— Какого рода услужение, господин?

— Это во власти твоего нового хозяина. Постарайся оказывать ему должное уважение, мы здесь неплохо тебя воспитали.

Я открыл было рот, чтобы что-то ответить, но, к счастью, промолчал. Под моим прямым взглядом лицо Датиса побледнело; свиные глазки забегали по сторонам. Потом он отослал меня прочь, и это явилось облегчением для нас обоих.

Вот так, подобно обезьянке, я провалился вдруг в еще неизвестную новую жизнь. Госпожа едва не утопила меня в слезах; меня словно завернули в мокрую простыню. Конечно же, он продал меня, не спросив мнения супруги. «Ты был таким нежным мальчиком, таким милым. Я знаю, даже сейчас ты оплакиваешь родителей, я видела скорбь на твоем лице… Я молюсь о добром господине для тебя; ты ведь еще сущее дитя… Так спокойно, так уютно тебе было с нами…»

Мы заплакали снова, и все девушки в гареме подошли обнять меня на прощание. Надушенная

свежесть их тел казалась сладостной в сравнении с дурными воспоминаниями. Мне было тринадцать, но я мнил, что повидал уже все в этой жизни и, доживи хоть до пятидесяти, не узнаю ничего нового.

Я покинул дом наутро: за мною пришел исполненный достоинства евнух лет сорока, с приятным лицом и все еще следивший за фигурой. Он держался со мной столь вежливо, что я решился спросить у него имя своего нового хозяина. Евнух слегка изогнул губы в осторожной улыбке:

— Сначала нужно увериться, что ты подходишь ему. Сдержи любопытство, мальчик, в свое время ты все узнаешь.

Я чувствовал, он что-то скрывает, пусть не из злого умысла. И пока мы шли через базар к тихим улочкам с большими домами, надеялся, что вкусы моего нового господина не окажутся слишком необычными.

Дом был похож на все остальные. От улицы его, как и прочие богатые особняки, скрывала высокая стена с громадными воротами, щедро обитыми листами бронзы. Внутренний двор украшали высокие деревья, чьи верхушки едва виднелись из-за стены. Все здесь казалось величественным и очень старым. Евнух отвел меня

в маленькую комнату в крыле прислуги — каморку с единственной кроватью. Впервые за три года я усну, не слыша свистящего храпа главы евнухов… На кровати лежала стопка чистых одежд. Они казались скромными по сравнению с моим костюмом; только надев их, я убедился, что они куда удобнее и прочнее. Евнух поднял прежнюю мою одежду двумя пальцами и фыркнул:

— Безвкусная дешевка. Здесь она тебе не понадобится. Ладно, какое-нибудь бедное дитя обрадуется ей.

Я думал, что теперь меня отведут прямо к господину; тем не менее я считался недостойным увидеть его лик без особой подготовки, начавшейся в тот же день.

То был огромный старый дом, с опоясавшей двор прохладной анфиладой запущенных комнат. Казалось, здесь никто не живет, — обстановка некоторых состояла лишь из древнего сундука или старого дивана с вытертой обивкой. Пройдя через них, мы все же попали в комнату с полным набором мебели; мне подумалось, впрочем, что ею не пользовались, а просто хранили там. У стены стояли стол со стулом, покрытым чудесной резьбой; был здесь и буфет, уставленный красивыми сосудами из глазурованной меди;

к другой же стене была придвинута пышно убранная кровать с вышитым балдахином. Странно, но она была застелена, и рядом стояли скамеечка для одежды и ночной столик. Все здесь было отполировано до блеска, но комната почему-то все равно не казалась обитаемой. Резные окна облепили гирлянды ползучих растений, отчего свет в ней отдавал зеленью, словно вода в бассейне с рыбками.

Как бы то ни было, вскоре я обнаружил ответ на загадку. Комнату специально подготовили для моего обучения.

Изображая хозяина, евнух уселся на резной стул, дабы показать мне, как именно нужно предлагать то или иное блюдо, наливать вино, ставить чашу на стол или вкладывать ее в руку господина. В его манерах сквозила надменность благородства, но ни разу он не ударил и не выбранил меня, а потому я не чувствовал враждебности к этому человеку. Вскоре я понял, что тот трепет, который евнух старался внушить мне, тоже был частью подготовки, и, осознав это, действительно испытал нарастающий страх.

Сюда же мне принесли и полуденную трапезу; выходит, я не должен есть в обществе простых слуг. С тех пор как мы вошли в дом, я вообще

никого здесь не видел, кроме приведшего меня евнуха. В конце концов мне стало немного не по себе: я испугался, что меня оставят здесь на ночь, в этой огромной и страшной постели, посреди комнаты, кишащей призраками; в последнем я был вполне уверен. Но после ужина я вернулся в свою крошечную комнатку… Даже нужник, которым я пользовался, казался давно никем не посещаемым — разве только огромными пауками, что прятались в облепившей его листве.

На следующее утро евнух заставил меня повторить все вчерашние уроки. Он казался довольным мною ровно настолько, насколько это вообще мог выказать человек с его чувством собственного достоинства. Ну конечно же, подумалось мне, он ожидает прихода господина! Вздрогнув, я сразу выронил блюдо.

Внезапно дверь распахнулась и, как будто за нею открылся сад, полный ярких цветов, в комнату для занятий вошел юноша. Он уверенно шагнул к нам: веселый, красивый, с золотыми украшениями и в богатой одежде, пахнущий тонкими и дорогими духами. Я далеко не сразу осознал, что, хоть ему было не менее двадцати, он оставался безбородым: на вид юноша более

походил на гладко выбритого грека, нежели на евнуха.

— Привет тебе, оленеглазый отрок, — сказал он, щедро обнажив зубы, похожие на горсть свежеочищенного миндаля. — Что же, по крайней мере однажды мне сказали чистую правду. — Юноша повернулся к моему наставнику. — И как идут дела?

— Вовсе не плохо для первых занятий, Оромедон. Со временем из него выйдет что-то путное.

В голосе евнуха звучало уважение, но он говорил с юношей скорее как с равным. Хозяином Оромедон явно не был.

— Поглядим. — Юноша подал знак невольнику-египтянину, стоявшему позади, поставить на пол ношу и покинуть нас.

Я вновь повторил пройденный урок, и, когда собрался наполнить чашу вином, он сказал:

— Ты слишком сильно согнул локоть. Попробуй вот так… — Он поправил меня, легко прикоснувшись к моей руке кончиками пальцев. — Видишь? Получается гораздо грациознее.

Предложив блюдо со сладостями, я замер, ожидая порицания.

— Неплохо. Теперь давай-ка проделаем то же самое еще разок, но с настоящим сервизом.

Из принесенного рабом тюка он вынул сокровище, при виде которого я зажмурился. Здесь были чаши, кувшины и блюда из чистого серебра с искусной гравировкой, инкрустированной золотыми цветами.

— Ну-ка, — сказал юноша, небрежно отодвигая медный сосуд. — Видишь ли, в руках, держащих воистину прекрасные вещи, есть несомненная красота, но достичь совершенства можно, лишь ощутив их благородный вес.

Его удлиненные темные глаза послали мне тайную улыбку.

Когда я осторожно поднял блюдо, Оромедон вскричал:

— Вот! В нем есть этот дар! Он не боится брать их, зная, как с ними следует обращаться. Кажется, у нас все будет отлично.

Оглянувшись вокруг, юноша спросил в недоумении:

— Но где же подушки? И столик для вина? Он ведь должен научиться служить в опочивальне.

Мой прежний наставник вперил в него вопрошающий взгляд.

— О да, — ответил юноша, тихо рассмеявшись; его золотые серьги мелодично звякнули. —

В этом ты можешь быть уверен. Просто вели прислать сюда необходимое, и я все покажу ему сам. Я не стану беспокоить *тебя.*

Когда подушки были доставлены, он уселся на одну из них и показал, как следует подавать господину поднос, не поднимаясь с колен. Он вел себя столь по-дружески, даже указывая на мои ошибки, что я справлялся с этой новой для меня работой, не боясь показаться неуклюжим. Поднявшись, Оромедон похвалил меня:

— Замечательно. Быстро, ловко и плавно. А теперь давай приступим к обрядам спальни.

— Боюсь, господин, я еще не успел обучиться им, — ответил я, потупившись.

— Вовсе не обязательно называть меня господином. Это всего лишь игра, вторящая всем ритуалам. Я же должен обучить тебя другим вещам. В спальне, разумеется, полно церемоний, но нам следует лишь быстро пробежать их; почти все здесь будут делать люди повыше рангом, чем мы с тобой. Впрочем, не сплоховать в случае чего тоже весьма важно. Начнем с кровати, которую уже должны были приготовить. — Мы вдвоем откинули расшитое покрывало; постель была застелена простынями плетеного египетского полотна. — Как, без благовоний? Не знаю, кто го-

товил для нас эту кровать: все равно как в постоялом дворе для погонщиков верблюдов. Ну, как бы там ни было, представим себе, что благовония все же рассыпаны.

Встав у кровати, Оромедон потянул с головы свою шляпу-петас.

— Это сделает какой-нибудь сановник действительно высокого ранга. Теперь, чтобы снять пояс, требуется сноровка; само собой, господин не станет оборачиваться, чтобы помочь тебе. Просто обхвати мою талию и скрести ладони; вот-вот, именно так. Потом халат. Начинай расстегивать сверху. Теперь зайди за спину и медленно опускай его вниз; твой господин немного раздвинет руки, этого вполне достаточно. — Я снял с него халат, обнажив стройные оливковые плечи, на которые сразу упали черные кудри, едва тронутые хной. Мой наставник сел на кровать. — Что до туфель, то тебе придется встать на оба колена, немного откинуться назад и снять их по очереди, принимая каждую ногу отдельно, но всегда начиная с правой. Нет, не вставай пока. Он уже успеет распустить пояс штанов; и теперь ты тянешь их на себя, все еще стоя на коленях и все это время не поднимая глаз.

Я выполнил повеление наставника, а он немно-

го приподнялся на кровати, облегчая мне задачу, и остался в одной льняной повязке на чреслах. Двигался он с удивительной грацией, а кожа его не имела изъянов; то была не персидская, но мидийская красота.

— Не нужно складывать; постельничий заберет одежду, но помни: она ни мгновения не должна валяться на виду. И теперь, если только эту комнату потрудились бы оснастить всем необходимым, ты набросил бы на плечи господина ночную рубашку — это я виноват, совсем про нее забыл, — под которой он снял бы повязку в соответствии со всеми приличиями.

Плотно завернувшись в простыню, Оромедон распустил свою повязку и отложил ее на стул.

— А сейчас, если ничего не сказано заранее, надобно внимательно следить, не подаст ли он тебе знак остаться, когда из спальни выйдут все остальные. Ничего особенного, просто взгляд — такой, к примеру, — или едва заметное движение руки. Не стой изваянием, найди себе какое-нибудь занятие; я покажу на примере, когда нам доставят все, что нужно. Потом, когда вы окажетесь наедине, он жестом — таким — предложит тебе раздеться самому. Тогда ты отходишь к изножью кровати и снимаешь с себя все, быстро

и аккуратно, а одежду откладываешь в сторонку, только не на виду; ему вряд ли понравится созерцать стопку твоих вещей. Правильно, снимай с себя все. Теперь ты можешь подойти — с улыбкой, но без излишней фамильярности. Прекрасно, прекрасно. Мне нравится этот робкий взгляд, не забудь только о нем впредь. А теперь…

Оромедон откинул покрывало, столь доброжелательно и уверенно улыбаясь, что я успел забраться в постель раньше, чем сообразил, что происходит. Я отпрянул, и сердце мое взорвалось упреком и досадой. Юноша нравился мне, и я доверял ему, — зря, он лишь играл со мною! Он ничем не лучше прочих.

Потянувшись, он поймал мою руку, сжал ее твердо, но без раздражения или похоти.

— Полегче, мой оленеглазый отрок. Замри-ка и послушай. Я никогда, за все это время, не сказал тебе ни одного лживого слова. Я всего лишь учитель, и все это — не более чем часть моей работы, ради которой я здесь. И если моя работа мне по душе, тем лучше для нас обоих… Знаю, ты о многом хотел бы забыть; уже скоро память твоя смилостивится. В тебе есть гордость — уязвленная, но не растоптанная. Наверное, именно она превратила твои приятные черты в под-

линную красоту. Обладая таким нравом, ты, конечно же, должен был сдерживаться, живя так, как жил: разрываясь меж своим жалким, корыстным хозяином и его грубыми дружками. Но пойми, те дни уже прошли. Пред тобою — новая жизнь. Надо понемногу делиться тем, что ты прячешь внутри, и я здесь затем, чтобы научить тебя искусству наслаждения. — Протянув вторую руку, он мягко потянул меня на подушки. — Начнем. Обещаю, тебе понравится.

Я не стал противиться уговорам. Оромедон мог и впрямь обладать неким чудесным секретом, и все получилось бы хорошо. Сначала так оно и выходило, ибо мой наставник был столь же сведущ в своей науке, сколь обаятелен, — подобно существу из иного мира, зовущему покинуть мой собственный. С ним мне показалось, что я смогу вечно плавать в океане удовольствия, не опускаясь в его темные глубины. Я принял все, что было мне предложено, презрев старую защиту; и боль, вонзившая в меня свои клыки, была страшнее, чем когда-либо прежде. И я впервые не смог удержаться от стона.

— Прости меня, — взмолился я сразу, как только сумел. — Надеюсь, я не помешал тебе. Это вырвалось не нарочно.

— Но почему? — Оромедон нагнулся ко мне, словно и вправду был встревожен. — Ведь я же не мог сделать тебе больно?

— Конечно нет. — Я уткнулся лицом в простыню, стараясь промокнуть слезы. — Я всегда чувствую боль, если вообще что-то чувствую. Словно меня опять режут.

— Но ты должен был предупредить меня с самого начала! — Его голос все еще казался обеспокоенным, за что я бесконечно был ему благодарен.

— Я думал, это происходит не только со мной… Со всеми нами.

— Ничего подобного. Давно ли тебя подрезали?

— Уже три года, — отвечал я, — с небольшим.

— Не понимаю. Дай мне снова взглянуть… Но это же прекрасная работа; я в жизни не видел рубцов чище. Меня сильно удивило бы, если, подрезая мальчика с твоим лицом, они взяли бы больше, чем необходимо для того, чтобы сохранить твои щеки безволосыми. Конечно, что-то могло не получиться… Нож может проникнуть чересчур глубоко и выжечь все корни чувства до остатка. Или эти мясники могут вырезать вообще все чувственное, как это делают с нубийцами — по-моему, из страха перед их силой.

Но ты, затмевающий красотой любую женщину… Между прочим, мало кто из нас достоин этих слов, хоть нам то и дело приходится их слышать… Не могу понять, почему именно ты не можешь сполна насладиться любовью. Говоришь, ты страдаешь от болей с самого начала?

— Что? — вскричал я. — Неужели ты думаешь, я мог наслаждаться чем-то с этими свиньями? — Рядом со мной наконец-то был человек, готовый выслушать и понять. — Может, один или двое… Но я всякий раз старался думать о чем-то другом.

— Ясно. Теперь я начинаю догадываться, в чем дело. — Оромедон вытянулся на кровати с видом лекаря, обдумывающего жалобы больного. — Если только это не женщины. Ты ведь не думаешь о женщинах, правда?

Я вспомнил трех девушек, тискавших меня у бассейна, их округлые мягкие груди; мозг матери, брызнувший на камни нашего двора; вопли сестер. И, вспомнив, отвечал ему:

— Нет, не думаю.

— И никогда не смей этого делать. — Улыбка, таившаяся в глубине глаз, исчезла, когда он приблизил ко мне свое лицо. — Не воображай, что твоя красота — если она сдержит свое обещание — оставит женщин равнодушными, что они

не станут носиться за тобой, вздыхая и перешептываясь, или клясться, будто их вполне устроит то, что у тебя есть. Неправда! Они и сами будут в это верить, но рано или поздно ты наскучишь им, и досада исполнит их ненависти, и они предадут тебя. Связаться с женщинами — самый верный способ закончить жизнь на колу, под палящим солнцем.

Лицо моего наставника потемнело. Различив за его убежденностью какое-то ужасное воспоминание и надеясь успокоить его, я вновь повторил, что никогда даже не думал о женщинах.

Он обнял меня, осторожно утешая, хотя боль уже покинула мое тело.

— Ничего, ничего, я даже не знаю, почему это пришло мне в голову. Все и так вполне ясно. Видишь ли, у тебя очень тонкая восприимчивость — к наслаждению, во всяком случае, а потому и к боли. Кастрация еще никому не приносила добра, но для одних она — неприятное воспоминание, для других же — кошмар на всю жизнь… Твое оскопление преследует тебя вот уже три года с лишком, тебе кажется, будто этот ужас может повториться. Так бывает порой, и будь мы вместе — ты давно уже избавился бы от этого наваждения. Но ты презирал всех тех, с кем тебе

доводилось делить постель. Внешне ты с этим мирился, повинуясь их мерзкой похоти; внутри же гордость отнюдь не спешила уступить ей. Ты предпочел боль удовольствию, которое унизило бы твой дух. Причина боли в твоем гневе и в сопротивлении духа.

— Но я не противился тебе, — возразил я.

— Знаю. Но боль пустила корни; их нельзя выкорчевать за один день. Позже мы попробуем снова… Если только удача будет сопутствовать тебе, ты быстро преодолеешь эту боль. И я скажу еще кое-что: там, куда ты вскоре попадешь, она не станет сильно тебя беспокоить. Так мне кажется. Я не могу сказать тебе больше; сей запрет переходит все границы благоразумия, но я обязан его соблюсти.

— Если бы только я мог остаться с тобой! — шепнул я.

— Оленеглазый мой, я сам желал бы того же. Но ты предназначен тому, кто выше меня, а посему не влюбляйся; наша разлука слишком близка. Оденься, церемонию облачения мы оставим на завтра. Сегодняшний урок и без того затянулся.

Мое обучение заняло еще несколько дней. Он приходил пораньше — один, без надмен-

ного евнуха, — и сам обучал меня тонкостям услужения за столом, у фонтана, в покоях, в ванной… Он даже привел чудесного коня, чтобы на заросшей, запущенной лужайке перед домом показать мне, как следует садиться в седло и спешиваться, не теряя изящества; из всех премудростей верховой езды прежде я знал лишь одну — как не свалиться с нашего горного пони. И затем мы возвращались в залитую колышущимся зеленым светом комнату с огромной кроватью.

Мой учитель все еще надеялся изгнать из меня моего демона, действуя терпеливо и мягко. Но боль всегда возвращалась ко мне, и сила ее лишь возрастала от наслаждения, коим питалась.

— Довольно, — сказал он наконец. — Для тебя это слишком много, для меня — слишком мало. Я здесь, чтобы преподавать, и, боюсь, начинаю забывать о своем долге. Пока мы должны остановиться на том, что таков твой удел и прямо сейчас с ним ничего не поделать.

В досаде я обронил:

— Я предпочел бы вовсе ничего не чувствовать — как те, другие.

— О нет! Никогда не говори так. Для них един-

ственная отрада — пища. Вспомни только, что становится с *ними.* Я хотел бы полностью исцелить тебя — ради нас обоих; но что до твоей роли, то она в том, чтобы приносить наслаждение, а не получать его. И сдается мне, что вопреки своей скорби (а может, и благодаря ей — ибо кто может сказать, что делает истинного мастера художником?) ты обладаешь даром. Ты деликатен по своей природе, ты тонок в любви; именно поэтому недавние связи лишь разочаровывали тебя. Ты был похож на искусного музыканта, вынужденного слушать визгливых уличных певцов. Тебе всего лишь нужно научиться владеть инструментом. Моей задачей было помочь, хотя, мне кажется, ты во многом превзойдешь наставника. На сей раз не стоит бояться, что тебя призовут туда, где искусство станет твоим позором; это я могу обещать.

— И ты все еще не можешь сказать, кто мой господин?

— А ты еще не догадался? Впрочем, откуда?.. Одно лишь скажу, и не забудь эти слова: он любит совершенство. В драгоценностях и в сосудах, в тканях, коврах и мечах; в лошадях; в женщинах и в мальчиках. Нет, не надо пугаться! Ничего ужасного с тобой не сделают, даже если ты до-

пустишь ошибку. Но он может потерять интерес к тебе, и это будет печально. Мне хотелось бы представить тебя самим совершенством, меньшего он не ждет. Но позволь мне усомниться, что твоя маленькая тайна обязательно раскроется перед ним. Давай не будем больше вспоминать о ней и займемся приобретением полезного знания.

До сей поры, как я вскоре обнаружил, он был как музыкант, пробующий звучание еще незнакомой ему лиры или арфы, внимающий ее ответу на свои мягкие касания. Теперь же начались настоящие уроки.

Мысленно я уже слышу голос, принадлежащий человеку, не зашедшему в своих представлениях о рабстве далее собственных хлопков в ладоши и громогласных приказов. Этот голос гневно кричит мне: «Бесстыдный пес, ты хвастаешь тем, как растлил тебя в малолетстве тот, кто и сам был воспитан в разврате!» На сие я могу ответить, что уже целый год провел в этой трясине, не зная помощи и не имея надежды; и теперь окунуться в ласку, тонкую и изысканную, было для меня не растлением, а проблеском небесного блаженства. Мир вокруг меня изменил краски, — не знавший ничего, кроме свинской похоти,

я изведал величественнейшую музыку чувств. Она пришла легко, словно я вспомнил вдруг искусство, некогда полностью подвластное мне. Еще дома я грезил порой плотскими снами; живя там и дальше, вне сомнения, я развился бы чрезвычайно рано. Все это стушевалось во мне, но не погибло.

Как поэт, воспевающий битвы, но в жизни не притронувшийся к оружию, я мог вызывать в своем воображении картины страсти, не страдая от ее кровавых ран, о которых знал достаточно. Я мог творить музыку, с ее паузами и ритмами; как сказал Оромедон, я напоминал ему музыканта, не умевшего хорошо танцевать, но способного играть для танцоров. В его природе было принимать удовольствие в той же мере, в какой он его дарил, но однажды я превзошел его. Тогда он молвил:

— По-моему, оленеглазый отрок, мне нечему более учить тебя.

Его словам я ужаснулся, словно вести о неслыханном доселе бедствии. И прижался к нему, повторяя:

— Любишь ли ты меня? Неужели то были всего лишь уроки? Станешь ли скучать, когда я уйду?..

— Я не учил тебя разрывать сердца, — улыб-

нулся он.

— Но любишь ли ты меня? — Я никому не задавал этот вопрос с тех самых пор, как погибла моя мать.

— Никогда не спрашивай об этом у *него.* Это звучит чересчур дерзко.

Я смотрел ему в глаза. Смягчившись, Оромедон обнял меня, словно ребенка, каким я еще, в сущности, и был.

— Люблю тебя всем сердцем и с отчаянием думаю, что теряю тебя навсегда. — Он словно бы успокаивал дитя, страшащееся призраков и темноты. — Но завтра солнце встанет снова… Было бы жестоко брать с тебя клятвы; мы ведь можем и не встретиться более. А если встретимся, я не смогу говорить с тобой, и ты решишь, что я солгал. Я обещал не лгать. Служа великим, вверяй им судьбу свою. Не полагайся ни на что, но вей свое гнездо у стены, чтобы она защищала его от ветра… Понимаешь?

Над его бровью был маленький шрам, почти стертый временем. Я полагал его предметом гордости: друзья отца не считали за мужчин никого, на ком не было боевых отметин.

— Откуда это? — спросил я Оромедона.

— Конь сбросил меня на охоте. Тот самый конь,

на котором ты катался, — с того дня он мой. Видишь, со мной не обошлись дурно. Но *он* не выносит испорченных вещей, так что постарайся не спотыкаться.

— Я любил бы тебя, — сказал я, — будь ты покрыт шрамами с ног до головы. Неужели тебя могли отослать из-за?..

— О нет, я хорошо защищен от этого — ведь господин справедлив. Но я более не принадлежу к разряду безупречных ваз и полированных гемм. Не вей гнездо на ветру, мой оленеглазый. Вот тебе мой последний урок. Надеюсь, ты достаточно повзрослел, чтобы воспользоваться моим советом, ибо ты еще очень юн и он тебе пригодится. Пора вставать. Завтра мы увидимся снова.

— Ты хочешь сказать, завтра — в последний раз?

— Возможно. В конце концов, тебя ждет еще один урок. Я не показывал правильных движений при падении ниц.

— Ниц? — переспросил я в изумлении. — Но ведь так делают только в присутствии царя!

— Ну да, — отвечал Оромедон. — Долго же ты не мог догадаться.

Я взирал на своего наставника, вытаращив глаза. И лишь через какое-то время завопил:

— Я не смогу! Не смогу, не смогу!

— Что за новости, после всех моих стараний? И не смотри на меня такими глазами, словно я принес тебе смертный приговор вместо славного будущего.

— Ты не говорил мне! — Я вцепился в него так, что оцарапал ногтями.

Оромедон мягко разогнул мои пальцы.

— Я оставлял тебе достаточно намеков. Думал, ты справишься. Но видишь ли, испытание продолжается, пока ты окончательно не принят в свиту. Вполне возможно, ты не справился бы — и тогда тебя пришлось бы отослать прочь. Зная, кому тебя готовили служить, ты знал бы слишком много.

Я закрыл лицо, содрогаясь от душивших меня слез.

— Будет тебе. — Оромедон вытер мне глаза кончиком простыни. — Честно говоря, тебе нечего бояться. В нынешнем году у царя не все идет гладко, и ему требуется утешение. Говорю тебе, ты отлично справишься; я точно знаю. Кому же знать, как не мне?..

Глава 3

Несколько дней я прожил во дворце, никем не тревожимый; царь медлил призвать меня к себе. Я думал, что никогда в жизни не научусь находить дорогу среди великолепия залов, где повсюду высятся колонны — мраморные, порфировые, малахитовые, с вызолоченными капителями и кручеными стволами, а стены пестрят рельефами. Можно потеряться среди великого множества этих ярко раскрашенных фигур, спешащих на войну, несущих дары из дальних земель, тюки и сосуды, ведущих за собой быков и верблюдов. И кажется, что ты одинок в их торжественном шествии и не у кого спросить дорогу.

Во дворике евнухов я был встречен без особой теплоты — из-за моего особого положения, дарованного судьбой. По той же причине, впрочем, никто не обращался со мною скверно из опаски, что я могу затаить обиду.

Лишь на четвертый день жизни во дворце я

увидел Дария[79].

Царь вкушал вино и слушал музыку. Покои, расширяясь, выходили в напоенный ароматом лилий крошечный садик с фонтаном. На цветущих ветвях висели золотые клетки с яркими птицами. У фонтана рабыни уже складывали свои инструменты, и голос певуньи замирал в благоуханном воздухе, но вода и птицы продолжали плести свои негромкие мелодии. Высокие стены создавали впечатление полного уединения.

На низком столике подле царя стояли кувшин с вином и пустая чаша; рассеянный взор его блуждал по саду. Я сразу признал в нем гостя, бывшего на пиру в честь рождения отца. Но в тот день он был одет для долгой поездки по скверным дорогам; ныне же на нем были роскошный пурпурный халат с белым рисунком и легкая митра, надевавшаяся в часы отдыха. Борода царя была аккуратно расчесана и умащена арабскими благовониями.

Я вошел вслед за придворным, опустив глаза долу. Поднимать взгляд на царя — неслыханное кощунство, а потому я не мог сказать, вспомнил

---

[79] Сноски: 79

Дарий III Кодоман (?–330 до н. э.) — последний царь династии Ахеменидов.

он меня и встретил ли я благосклонность. Когда прозвучало мое имя, я распростерся на полу, как был научен, и поцеловал ковер у царских ног. Его туфли из мягкой окрашенной кожи были расшиты блестками и едва заметной золотой проволочкой.

Подняв поднос с вином, евнух вложил его в мои руки. Пока я пятился из покоев, мне послышался шорох богатых одежд.

Вечером того же дня я был допущен в царскую спальню, дабы прислуживать при отходе ко сну. Ничего не произошло, я лишь подержал халат немного, пока назначенный человек не принял его у меня. Тем не менее я старался двигаться грациозно, дабы не посрамить своего наставника. Казалось, Оромедон дал мне чересчур запутанные инструкции; на деле же новичкам великодушно облегчали задачу, принимая в расчет их неопытность. Следующим вечером, пока все мы ждали царского появления, старый евнух, каждая морщина которого вела красноречивый рассказ о его обширном опыте, шепнул мне на ухо:

— Если государь соизволит дать тебе знак, не уходи с остальными. Подожди, не будет ли для тебя каких-то иных указаний.

Я вспомнил, чему меня учили: ждал жеста, на-

блюдая из-под опущенных век; не стоял столбом, но занялся чем-то сообразным; заметил, оставшись наедине с царем, знак раздеться. Сложил одежду не на виду. Единственное, чего я не сумел сделать, — это подойти с улыбкой. Я был столь испуган, что знал наверняка: ничего, кроме жалкой гримасы, не получится. Итак, я приблизился, спокойно и доверчиво, надеясь на лучшее, — и простыни были откинуты для меня.

Сперва он целовал меня и тискал, словно куклу. Потом я угадал его желания — ибо был к тому вполне готов; кажется, мои ласки не были отвергнуты. Как и обещал Оромедон, боли я не испытал, вовсе не будучи скован путами наслаждения. За все то время, пока я был с ним, Дарию ни разу не пришло в голову, что евнух вообще что-то может чувствовать. Подобные вещи не сообщают царю царей, если он сам не спросит.

Он наслаждался мною, как теплом огня, пением птиц, фонтаном или музыкой, — и вскоре я смирился с этим. Он никогда не обращался со мною грубо, никогда не унижал и не причинял боли. Соизволение уйти я получал в самых изысканных словах, если только царь уже не спал к тому времени; наутро же я часто получал подарки. Но я все-таки знал, что такое удоволь-

ствие… Дарию было под пятьдесят, и, вопреки всем ваннам и душистым мазям, запах старости становился все сильнее. В царской постели меня порой посещало единственное желание: увидеть рядом не этого высокого бородатого мужчину, а гибкое тело Оромедона. Но ни изящная ваза, ни полированная гемма не властны выбирать себе владельцев…

Если вдруг меня начинала покалывать досада, я привычно старался вспомнить свой недавний удел. Царь был измучен избытком удовольствий, но он вовсе не желал избегать их. Я давал ему то, в чем он нуждался; в ответ он был снисходителен и милостив. Стоило мне подумать о прочих — жадные мозолистые руки, вонючее дыхание и грязные мысли, — как я тут же жалел о минутной слабости и старался отблагодарить своего повелителя так хорошо, как только умел.

Уже очень скоро я прислуживал Дарию все его свободные часы. Он подарил мне замечательную маленькую лошадку, чтобы я мог сопровождать его в верховых прогулках по царскому парку. Нет ничего странного в том, что парк этот часто называли раем: поколение за поколением цари собирали здесь редкие цветущие растения со всех концов Азии. Высокие деревья, с землей и кор-

нями, подчас нуждались в целой цепи повозок, влекомых волами, и в целой армии садовников, ухаживавших за ними в дороге. Дичь здесь также была отборной; во время охоты егеря гнали ее навстречу царю — и дружно аплодировали каждому меткому попаданию в цель.

Как-то Дарий вспомнил, что я могу петь, и пожелал услышать мое пение. Мой голос никогда не был особенно прекрасен, хотя порой голоса евнухов намного превосходят женские в силе и мягкости, но он был вполне приятным и чистым, пока я сам был мальчиком. Я бросился за маленькой арфой, купленной на базаре и подаренной мне моей прежней госпожой. Царь был так потрясен, словно я внес в его покои какую-то отвратительную падаль.

— Это что еще такое? Отчего ты не спросил у кого-нибудь подходящий инструмент? — Видя мое смятение, он проговорил тихо: — Да, я вижу, что гордость не позволила тебе просить. Но выброси же эту жалкую деревяшку. Ты споешь мне не раньше, чем получишь что-то, достойное своей красоты.

Мне принесли роскошную арфу из черепахового панциря и самшита, с колками из слоновой кости, и сам глава придворных музыкантов дал

мне несколько уроков. Но однажды, еще до того, как я успел выучить его сложные пьесы, я наслаждался солнцем, сидя на кромке фонтана и вспоминая равнины за стенами отчего дома. Когда царь попросил спеть, я выбрал песню, которую пели у ночных костров дозорные нашего поместья.

Когда я закончил, Дарий поманил меня к себе; в его глазах мне померещился блеск.

— Эта песня, — сказал он, — словно воскресила предо мною твоего бедного отца. Что за счастливые дни канули безвозвратно, и с ними — наша молодость… Он был верным другом Арсу, да примет многомудрый бог его душу; будь он жив ныне, я встретил бы его здесь как друга. Знай, мальчик мой: я никогда не забуду, что ты — его сын.

Он положил мне на голову унизанную перстнями ладонь. Там были двое его друзей и дворецкий; с той минуты, как он и желал того, моя позиция при дворе изменилась. Я не считался более мальчиком, купленным для удовольствий, но стал фаворитом благородного происхождения, — и все знали об этом. Отныне я мог быть уверен, что, ежели моя внешность утратит привлекательность либо окажется вовсе испорчена, царь все равно станет приглядывать за моею судьбой.

Мне выделили славную комнату в верхнем ярусе дворца, с выходящим в парк окном и собственным слугой; то был египтянин, ухаживавший за мной, как за принцем. В четырнадцать лет мальчишеское очарование сменяется красотой юности, и мое лицо также начало меняться. Я даже слышал, как царь говорил друзьям, что предвидел прелесть моих черт и что я не обманул ожиданий; он не верил, что во всей Азии кто-то может состязаться со мною в красоте. Все они, конечно, соглашались с ним, уверяя друг друга, что равных мне не сыскать. Само собой, уже скоро я научился держаться так, будто то была чистая правда.

Над царской постелью нависал решетчатый балдахин, по которому вились виноградные лозы из чистого золота. С них, в свою очередь, свисали гроздья драгоценных камней и большой светильник, украшенный тонкой резьбою. Порой, в глубокой ночи, когда он бросал на нас свои узорчатые тени, царь ставил меня у кровати, поворачивая в разные стороны, чтобы увидеть, как мое тело принимает свет. Мне казалось даже, что он мог бы обладать мною при помощи одних только глаз, если б не то уважение, которое царь питал к собственной мужественности.

Тем не менее бывали также и ночи, когда царь требовал развлечений. Мир, кажется, наполнен людьми, жаждущими всякий раз одного и того же и не терпящими малейших изменений. Порой это становится утомительным, но в то же время и не подвергает испытаниям воображение. Царь же обожал разнообразие и сюрпризы, хотя сам никогда не измысливал ничего нового. Опробовав все, чему научил меня Оромедон, я начал ждать дня, когда настанет и мой черед обучать своего преемника. Как я выяснил, до меня уже был мальчик, которого изгнали уже через неделю, ибо царь счел его начисто лишенным фантазии.

В поиске новых идей я посетил самую известную шлюху в Сузах — вавилонянку, якобы обучавшуюся в каком-то храме любви в Индии. В доказательство она показывала клиентам бронзовую статуэтку (купленную, если только мне не солгали, у проходившего мимо каравана), изображавшую двух демонов с тремя-четырьмя парами рук у каждого, совокуплявшихся в танце. Я счел невероятным, чтобы подобная игра принесла царю удовольствие, но оставил сомнения при себе… Женщины, похожие на эту, всегда постараются угодить евнуху, ибо мужчин у них

бывает более чем достаточно; однако наивные и грубые ласки настолько разочаровали меня, что я встал и оделся, забыв о приличиях. Протягивая ей кусочек золота, я заявил, что хочу оплатить время, ибо я потратил его, но не смогу остаться, чтобы хоть чему-то научить ее саму. Она же столь разъярилась, что нашла силы ответить, только когда я выходил из ворот ее дома. Так собственная фантазия стала моим поводырем, ибо, как я посчитал, ничего лучше в Сузах нельзя было сыскать.

Именно тогда я научился танцевать.

Еще ребенком я любил следовать за танцующими мужчинами или же прыгать и вертеться под мелодии, которые насвистывал сам. Знал я также, что еще не все потеряно, — стоит лишь обучиться. Царь возрадовался моему стремлению к знаниям (я не рассказал ему о вавилонянке) и нанял мне лучшего мастера в городе. Танцы оказались вовсе не детской забавой; обучение танцу можно сравнить с тренировкой воина, но я был готов к трудностям. Именно безделье и неподвижность делают евнухов тучными; они вечно сидят, шепчутся и ждут, пока не придет время что-нибудь сделать. Я же счел, что попотеть и хорошенько встряхнуть кровь вовсе не вредно.

Итак, в день, когда мой наставник объявил о конце занятий, я танцевал в садике с фонтаном перед самим царем и его друзьями: индский танец в тюрбане и набедренной повязке, расшитой блестками; греческий танец (по крайней мере, я так думал) в алом хитоне; кавказский танец с кривой позолоченной сабелькой. Даже господин Оксатр, брат царя, вечно взиравший на меня с презрением из-за своего пристрастия к женщинам, — даже он кричал от восторга, а после бросил мне золотой слиток.

Днем я танцевал в пышных нарядах; ночью я тоже танцевал, но тогда одеждой мне служили одни лишь легкие тени узорного светильника, свисавшего с золотой лозы. Очень быстро я научился замедлять свой танец ближе к его концу; царь никогда не оставлял мне времени на то, чтобы отдышаться.

Я часто задавался вопросом, уделял ли бы он мне столько внимания, не останься царица в плену. Государю она приходилась сводной сестрой и была дочерью того же отца от самой младшей жены, не говоря уже о том, что по возрасту вполне годилась в дочери самому Дарию. По слухам, она была красивейшей женщиной во всей Азии; разумеется, царь не стал бы довольство-

ваться чем-то меньшим. Теперь же он уступил ее варвару, еще более молодому, чем она сама, и, судя по деяниям, горячему и темпераментному. Ни о чем подобном, конечно, он не говорил со мной. На самом деле в постели он вообще почти не разговаривал.

Примерно тогда же я подхватил где-то пустынную лихорадку, и Неши, мой раб-египтянин, ухаживал за мной с большим старанием. Царь даже послал собственного врачевателя; сам он, впрочем, ни разу не пришел навестить меня.

Я вспоминал о шраме Оромедона, утешая себя, ибо мое зеркальце неизменно сообщало мне дурные новости. И все же, как бы юн я ни был, во мне, должно быть, еще теплилось нечто, жаждавшее… даже не знаю чего. Я плакал как-то ночью, слабый и измученный болезнью; Неши поднялся со своего соломенного тюфяка, чтобы смочить мне лицо. Вскоре после этого царь прислал мне какие-то золотые украшения, но все еще не приходил сам. Золото я отдал Неши.

Когда, поправившись, я снова услаждал царский слух игрой на арфе во дворике с фонтаном, к нам вошел сам великий визирь, распираемый новостями. Евнух царицы бежал из лагеря Александра и просил об аудиенции.

Будь там кто-либо еще, всем им пришлось бы удалиться и я последовал бы за ними, но я был вроде птиц или фонтана — частью обстановки. Кроме того, когда евнух вошел, ради сохранения тайны они говорили по-гречески.

Никто и никогда не спрашивал у меня, понимаю ли я этот язык. Но так уж вышло, что в Сузах жили несколько греческих ювелиров, с которыми торговал мой старый хозяин — геммами или же мною. Так что во дворец я вошел, отчасти зная язык, и проводил часы праздности, слушая греческого толмача. Он толковал для царя речи придворных чиновников и просителей, беглых тиранов из освобожденных Александром греческих городов или эмиссаров из государств наподобие Афин (которые он пощадил, казалось, для того лишь, чтобы вместе плести интриги против Дария), богатых греческих купцов, корабелов и шпионов. Я легко усваивал язык на слух, когда греческие слова тут же повторялись на персидском.

Государь сгорал от нетерпения, и, едва лишь вошедший распростерся у его ног, Дарий вопросил, жива ли его семья. Евнух отвечал: все живы и в добром здравии, более того, всем им воздаются царские почести, и размещены они

в подобающих их рангу жилищах. Именно поэтому, по словам евнуха, ему легко удалось спастись: охрану приставили к царственным женщинам скорее для того, чтобы не пускать никого внутрь, нежели для того, чтобы не выпускать наружу. Далеко не молодой уже, евнух говорил медленно: проделав столь долгий путь, он и вовсе выглядел дряхлым старцем.

Я видел, как пальцы царя сжимаются и разжимаются на подлокотниках. Нечему удивляться. Его мучил вопрос из тех, что обычно не задают слугам.

— Никогда, о господин! — Жест евнуха призвал самого бога в свидетели. — Повелитель, он даже не входил к ней со дня битвы, когда обещал поставить у ее покоев охрану. Мы были там неотлучно все это время. Мне довелось слышать, что за вином его сотоварищи вспомнили о красе госпожи и упрашивали его изменить решение; он пил и веселился, как и все македонцы, но при этих словах впал во гнев и запретил им впредь упоминать ее имя в его присутствии. Мне поведал о том надежный свидетель.

Дарий какое-то время молчал, погруженный в свои мысли. Испустив долгий вздох, он проговорил по-персидски:

— Что за странный человек!

Я думал, сейчас он спросит у евнуха, как выглядит Александр (я сам желал это знать), но, конечно же, царь видел его в битве.

— А моя мать? — продолжал Дарий на персидском. — Она слишком стара для подобных лишений. Хорошо ли заботятся о ней?

— Великий царь, здоровье моей госпожи превосходное. Александр не забывает справляться о нем. Когда я покинул лагерь, он навещал ее почти ежедневно.

— Мою мать? — Голос Дария внезапно изменился.

Мне показалось, царь побледнел. Я только не мог понять отчего — его матери было за семьдесят.

— Истинно так, о повелитель. Сначала он оскорбил ее; теперь же она принимает Александра всякий раз, когда тот просит об этом.

— Какое оскорбление он нанес ей? — хрипло вопросил царь.

— Он дал ей моток шерсти для вязания.

— Что? Как рабыне?

— Так решила и моя госпожа. Но едва лишь она выказала свой гнев, он испросил у нее прощения. Александр сказал, будто его мать и сестра

занимаются подобными делами и он вообразил, что за этим занятием ей будет приятнее коротать время. Едва моя госпожа увидела всю глубину невежества варваров, она приняла его извинения. Порой они не менее часа проводят, беседуя через толмача.

Царь сидел недвижно, уставившись перед собой невидящим взглядом. Он дозволил евнуху уйти и, вспомнив обо мне, подал знак играть. Я тихо перебирал струны, не мешая течению мыслей Дария, и лишь много лет спустя догадался о причинах его задумчивости.

Новости я передал своим друзьям во дворце, ибо теперь у меня появились друзья, из которых иные стояли довольно высоко, другие — нет, но все они рады были первыми услышать вести. Я не принимал даров, не желая торговать дружбой. Разумеется, я брал взятки, чтобы позже представить кого-то царю в нужном свете. Отказаться от них значило бы проявить враждебность, и рано или поздно кто-нибудь отравил бы меня. Нечего и говорить, я не отягощал внимания царя утомительными жалобами; он держал меня при себе вовсе не для этого. Порой я, впрочем, показывал ему что-нибудь со словами: «Такой-то дал мне это, чтобы я испросил у вас милости».

Это забавляло царя, ибо никто другой не решался на подобные просьбы. Часто Дарий переспрашивал в ответ: «И чего же он хочет?» — чтобы кивнуть потом: «Да, ты не должен обмануть его доверие. Все это можно устроить».

Многие шумно спорили о странном поведении македонского царя. Кто-то говорил, он желает показать свое презрение к плотским удовольствиям; другие возражали, называя Александра импотентом; третьи предполагали, что он не причинил вреда царским домочадцам в надежде на хорошие условия сдачи. Другие же утверждали, что его попросту интересуют одни лишь мальчики.

Евнух царицы подтвердил нам, что в его услужении действительно состояли многие юноши из благородных семей, но то был лишь обычай всех их царей. Сам же он считал, что великодушие к слабым было в характере этого человека, неизменно прибавляя, что по красоте и величию Александр никак не мог равняться с нашим собственным царем; ростом он едва ли достигал плеча Дария.

— Воистину так, и, когда он явился к царственным женщинам обещать свою защиту, мать нашего повелителя склонилась перед его

спутником, приняв того за настоящего царя. Поверите ли, они вошли вместе, плечом к плечу, и едва ли разнились друг от друга платьем. Спутник Александра был выше и отличался красотой среди прочих македонцев. Я почти утратил рассудок от горя, ибо прежде уже видел царя в его шатре… Друг царя попятился, и госпожа заметила мои знаки. Конечно, она отчаялась и пала ниц перед Александром, моля простить ее ошибку, но он собственноручно поднял ее и даже не рассердился на своего спутника. Как уверил меня толмач, он сказал ей тогда: «Не стоит беспокоиться, матушка, вы не слишком ошиблись. Он тоже Александр».

Что ж, варвары есть варвары, подумал я. И все же что-то шевельнулось в глубине моего сердца.

Евнух говорил также:

— Никогда не видел, чтобы царя так мало заботило собственное величие; он живет хуже, чем любой наш полководец. Войдя в шатер Дария, он пялился на его убранство, словно какой-нибудь землепашец. Он знал, для чего служит ванна, и воспользовался ею (первое, что он сделал), но с остальным он обращался так, что мы с трудом сдерживали улыбки. Когда он уселся

в кресло Дария, подошвы сандалий не достали земли — и он положил их на винный столик, приняв его за скамеечку для ног! Впрочем, вскоре он обжился в шатре, подобно получившему наследство бедняку. Он похож на мальчишку, пока не заглянешь ему в глаза.

Я спросил: что же он сделал с царскими наложницами? Неужели предпочел их царице? По словам евнуха, всех их Александр роздал своим друзьям; себе не оставил ни единой.

— Теперь мы знаем точно, — рассмеялся я в ответ. — Это все-таки мальчики!

Девушки из гарема, коих царь взял с собой, были, разумеется, отборными красавицами, и их пленение стало для Дария большой утратой. Несмотря на это, однако, у него их оставалось еще много; со мною он проводил лишь некоторые свои ночи. Хотя, по старому обычаю, в его гареме было ровно столько наложниц, сколько дней в году, некоторые из них могли только вспоминать о собственной юности. И это же абсурд, который лишь грекам может прийти в голову! — то, что они якобы еженощно обходили парадом царскую постель, дабы Дарий мог выбирать… То и дело он сам посещал гарем, чтобы узнать у главы евнухов имена пяти-шести девиц, кото-

рых тот считал наиболее обещающими. Позже он посылал за одной из них или порою за всеми — чтобы они пели и играли для него, пока он не сделает избраннице знака остаться. Дарию нравилось решать подобные вопросы с некоторым изяществом.

Отправляясь в гарем, он часто брал с собою и меня. Конечно, меня никак нельзя было бы ввести к царице, но мое положение было повыше, чем у любой из наложниц. К вящей радости Дария, я с готовностью признавал изысканность его имущества. Некоторые из девушек были само совершенство, с нежным румянцем на щеках, как на самых светлых и хрупких бутонах. Даже я мог бы мечтать о них… Быть может, Оромедон уберег меня от великой опасности, ибо одна-две уже вовсю строили мне глазки.

Я встретил его однажды, — одетый по обыкновению ярко, он проходил по залитому солнцем внутреннему двору, и странно было подумать, что мои одежды ныне стоили дороже, чем его собственные. Увидев Оромедона, я едва не бросился к нему в объятия, но он, чуть заметно улыбаясь, покачал головой; я знал уже достаточно придворных тонкостей, чтобы понять. Никогда не стоит показывать, что из приготовленного для пове-

лителя блюда повар оставил кусочек для себя самого. А потому я вернул Оромедону улыбку и прошел стороной.

Иногда, когда царь выбирал на ночь девушку, я лежал в своей чудесной комнате, вдыхая ароматный воздух парка, глядя, как в моем серебряном зеркальце отражается лунный серп, и думал: как все-таки хорошо и приятно лежать тут одному! Люби я Дария, меня, вероятно, терзала бы сейчас ревность, — подобные мысли немало угнетали меня, и я стыдился того, что не ревную. Царь сделал мне немало добра, возвысил меня, возвратил мне достоинство, подарил коня и множество вещей, от которых ломилась комната. Он не требовал моей любви, даже не заставлял меня притворяться. Зачем же мне забивать голову такими мыслями?

Истина была в том, что на протяжении десяти лет я был любим родителями, любившими друг друга. Я научился думать о любви по-доброму; не получая ни капли ее с той поры, я не привык думать о ней иначе. Теперь же я входил в тот возраст, когда мальчики, осмеиваемые в глазах сверстников жестокими девицами, начинают совершать первые ошибки или же, лапая в стогу какую-нибудь потную простолюдинку, невесело

размышляют: «Как, и это все?» Со мною не могло произойти ничего подобного; любовь была только миражом утерянного счастья, пустой фантазией.

Мое искусство не более соприкасалось с любовью, чем занятия лекаря. Я был пригож на вид, подобно золотой лозе (пусть моя красота не столь прочна), и всего-то умел разжечь вялый от пресыщения аппетит. Моя любовь не растрачивалась понапрасну, а мои мысли о ней были куда невиннее фантазий какого-нибудь выраставшего дома мальчишки. В тишине своей комнаты я шептал неясным теням, сотканным из лунного света: «Я прекрасен? Это лишь для тебя одного. Скажи, что любишь меня, ибо без тебя я не смогу жить». По крайней мере, в моем случае известное утверждение, что жить без надежды нельзя, оказалось справедливо.

В Сузах лето жаркое; это время года царь обычно проводил в своем прохладном летнем дворце в Экбатане[80], притаившейся среди холмов. Но Александр еще не снял осаду с Тира и упрямо воздвигал мол к острову — вот все, что я знал тогда о великом произведении осадного искус-

---

[80] Сноски: 80

Экбатана — древняя столица Мидии, летняя резиденция Ахеменидов.

ства. Говорили, что возня с городом может ему надоесть в любой момент, и тогда он поведет армию вглубь страны; Дарий же со своим воинством не успел бы заступить македонцам дорогу, отдыхая в далекой Экбатане. Моих собственных ушей достиг тогда разговор двух военачальников, считавших, что царю следовало остаться на лето в Вавилоне. Один из них сказал:

— Македонец не стал бы бежать от сражения.

Второй отвечал:

— Что ж, от Суз до Вавилона всего неделя пути; тамошние властители пока вполне справляются со своими заботами. И более того…

Я ускользнул незамеченным. Мне не вменялось в обязанность доносить на людей, не желавших зла и всего только говоривших слишком свободно, как некогда мой отец. Воздавая должное царю, скажу: он ни разу не требовал от меня ничего подобного. Дарий не смешивал государственные дела с удовольствиями.

И тогда пал Тир.

Александр разрушил стену и ворвался в брешь. Пролилось немало крови: в начале осады жители Тира убили посланников Александра на стене, на виду у его войска (они лишили плененных македонцев кожи, посыпая их раскаленным

докрасна песком). Выжившие после учиненной резни горожане были проданы в рабство, за исключением тех, кто успел укрыться в святилище Мелькарта[81]. Казалось, Александр почитал этого бога, хоть и называл его Гераклом. Взятие Тира означало, что севернее Египта сирийские корабли потеряли все порты, за исключением Газы, которой тоже долго не протянуть.

Имея самое смутное представление о западных рубежах империи, я тем не менее прочувствовал всю глубину беды, ясно прочитав ее на лице Дария. Александр же направился прямо в Египет, где нашу власть ненавидели еще со времен Оха, вновь запрягшего египтян в наш хомут. Ох осквернил их храмы и убил священного бога-быка. Ныне же, попытайся наши сатрапы запереть ворота пред Александром, египтяне тут же вонзили бы свои пики им в спины.

Вскоре все мы узнали, что царь выслал посольство во главе со своим братом Оксатром, взыскуя мира.

Условия не разглашались. У меня хватало ума не выпытывать царских секретов. Мне пред-

---

[81] Сноски: 81

Мелькарт — в западносемитской мифологии верховный бог города Тира, покровитель мореплавания; отождествлялся с Гераклом и часто изображался в львиной шкуре.

лагали деньги, чтобы я рискнул, но я решил поберечь собственную шкуру и счел разумным брать небольшие подношения, объявляя, будто царь держит свои тайны при себе, но я все же делаю, что могу. Конечно, если бы я брал большие суммы, это был бы крупный обман. А так все они не таили на меня зла; царь же не подозревал ни о чем, ибо я никогда и ничего у него не выспрашивал.

Посольство Дария меняло лошадей на каждой заставе, но все же не могло тягаться с ветром по примеру царских гонцов. На время ожидания жизнь во дворце замерла, как воздух перед бурей. Ночи я проводил один: в последние недели царь дарил своим вниманием женщин. Мне думалось, это укрепляло в нем мужество.

Когда же посольство вернулось, привезенные новости уже были известны. Оксатр решил, что ответ Александра должен прийти быстро, и выслал вперед царского посланника. Вихрем промчавшись по дорогам, тот прибыл за месяц до возвращения посольства.

Не было нужды задавать вопросы. Эхо гремело по всему дворцу, и его слышали даже в городе. Весь мир может цитировать ответ Александра по памяти, как сейчас это делаю я:

Свои десять тысяч талантов можешь оставить себе; я не нуждаюсь в деньгах — их у меня достаточно. Почему ты сулишь мне только половину своего царства до Евфрата? Ты предлагаешь часть в обмен на целое. Если захочу, то возьму в жены твою дочь, о которой ты говоришь, — будет на то твоя воля или же нет. Семья твоя в безопасности, я не требую выкупа. Приходи поговорить со мной, и я отпущу их с миром. Если ты ищешь моей дружбы, тебе стоит лишь попросить о ней.

Какое-то время (я уже забыл сколько — возможно, день) люди тихо перешептывались, втягивая головы в плечи. Затем внезапно все кругом зашумело; трубы пронзительно взывали о внимании. Герольды объявили, что царь отправляется на запад — в Вавилон, дабы подготовить там к сражению свое воинство.

Глава 4

Мы двинулись в путь уже через неделю. Двор еще никогда не собирался так быстро. Царский дворец бурлил, а управители, все до единого, бегали и квохтали, как куры. Глава евнухов гарема упрашивал царя решить, кого из девушек ему будет угодно взять с собой; хранитель дворцового серебра умолял меня отобрать любимые приборы государя. У самого Дария времени на меня не оставалось: люди, которых он собирал, не желали наслаждаться на военных советах моими танцами, а к ночи царь настолько уставал, что даже спал в одиночестве.

В один из этих последних дней я отправился на своей лошадке прогуляться вдоль речного берега, где по весне расцветают лилии. Оттуда мне удалось разглядеть окрестные холмы. На вершине одного из них ветра упорно трудились над нашим поместьем, пытаясь сровнять его с землей, и я почти решился отправиться туда, чтобы попрощаться с ним, но вспомнил, как оглянулся тогда на пожар, сидя на коне воина, который вез раскачивавшуюся у седла окровавленную суму. Пламя вздымалось

над горящими стропилами все выше и выше… Я вернулся во дворец и с головою ушел в сборы.

Евнухи гарема путешествуют подобно женщинам — в крытых повозках, набитых подушками. От меня тем не менее этого никто не ждал. Я отдал свою лошадь конюшим и попытался раздобыть ослицу для Неши, но мой слуга должен был пройти весь путь пешком, вместе с остальными.

Я взял с собой одежду, что получше, а также дорожное платье и несколько костюмов для танца. Деньги и драгоценности я увязал в пояс; туда же на всякий случай засунул свое зеркальце и гребни, а также краску для глаз со всеми кисточками. Я никогда не использовал румяна — этого не сделает никто, имеющий истинно персидскую внешность; красить слоновую кость — вот настоящая вульгарность.

Я купил также маленький кинжал. Мне еще не приходилось пользоваться оружием, но я умел правильно держать его, по крайней мере для танца.

Евнухи постарше несказанно огорчились и заклинали меня оставить кинжал дома. Они напомнили мне старый закон, гласивший, что невооруженные евнухи приравниваются на войне к женщинам и считаются за таковых

в плену; если же при них находят хоть какое-то оружие, их ждет участь плененных мужчин. Я отвечал им, что смогу выбросить кинжал, если только захочу.

По правде говоря, мне опять явился отец в том старом жутком сне, преследовавшем меня со дня его смерти. Просыпаясь весь в поту, я знал: он имеет право приходить ко мне, его единственному сыну, и требовать отмщения. Во сне я слышал имя предателя, которое он выкрикивал на своем пути к смерти. По утрам же, как обычно, я забывал его. У меня было мало надежды на то, что когда-нибудь мне удастся отомстить за отца; но, по крайней мере, я вооружился в память о нем. Есть евнухи, подобные женщинам, но есть и другие; мы — нечто иное и должны делать все, на что способны в своем положении.

По обычаю, царь должен выступать в поход на рассвете; не знаю, делается ли это для того, чтобы он успел получить благое напутствие священного огня, или же просто чтобы дать ему выспаться перед долгой дорогой. Повозки и носилки были собраны накануне вечером. Многие из нас были на ногах уже вскоре после полуночи, заканчивая последние сборы.

Небо еще не начинало светлеть, а мне уже

с трудом верилось, что настоящая армия осталась в Вавилоне, а все это полчище, растянувшееся на мили в обоих направлениях, — просто царский двор с домочадцами.

Одна только царская гвардия, десять тысяч Бессмертных, никогда не покидавших государя, заняла огромный участок дороги. За ними — царское «семейство». Его члены были связаны с царем деяниями, а не кровными узами; всего пятнадцать тысяч человек, из коих десять уже ждали нас в Вавилоне. Выглядели они великолепно; все их щиты были позолочены, и, когда они строились в походные колонны, в свете факелов драгоценные камни на их шлемах вспыхивали множеством ярких огоньков.

Пришли также и маги со своим переносным алтарем из серебра, готовые оберегать священное пламя и возглавить поход.

Я ездил взад-вперед, глазея на всю эту роскошь, пока мне не пришло в голову, что этак я могу загнать лошадь, а ей еще предстоит долгая дорога. Затем я вспомнил, что, сколько бы тут ни было коней и колесниц, вся колонна будет двигаться со скоростью пешего шага из-за идущих слуг и магов с их серебряным алтарем. Я вспомнил тогда об опрометчиво говорившем военачальнике

и его словах, что от Суз до Вавилона — всего неделя. Он-то, конечно, возглавлял отряд всадников… У нас в таком случае дорога займет не менее месяца.

Один только обоз вытянулся на многие мили. Добрый десяток повозок вмещал имущество самого царя: его шатер, мебель, одежды и столовую утварь, его походную ванну и все прочее. Были повозки для дворцовых евнухов с их добром, затем повозки женщин. В конце концов царь не стал долго раздумывать и взял с собой всех наложниц, что помоложе, — всего более сотни; они, их украшения, их евнухи и все прочее было лишь малой частью колонны. Придворные, еще не успевшие отправиться в Вавилон, везли с собой женщин и детей, свои гаремы с наложницами и все их пожитки тоже. За ними следовали повозки с продовольствием; подобное воинство не может питаться тем, что найдет по дороге. Караван уже растянулся дальше, чем мог охватить глаз. А за повозками с кладью шли еще и слуги: целая армия рабов, чьей задачей было разбить шатры и обустроить лагерь, а также повара, кузнецы, конюхи, починщики сбруи и множество личных слуг, подобных моему Неши.

Я вернулся с дороги к площади перед дворцом,

когда факелы уже бледнели под светлеющим небом. Маги выносили Колесницу Солнца. Она вся была покрыта листами золота, а на серебряном шесте в центре была водружена эмблема самого Солнца, окруженного извилистыми лучами, — божественный символ был единственным наездником Колесницы. Огромных белых лошадей, тянувших ее, вели под уздцы люди, шагавшие рядом: любой возничий оскорбил бы священный лик бога.

Последней вынесли боевую колесницу царя, украшенную под стать божественной. (Интересно, была ли она столь же хороша, как та, что Дарий оставил Александру?) Возничий раскладывал царское оружие: дротики и лук со стрелами в красивых колчанах. Впереди стояли носилки, в которых царь проделает свое путешествие, — с золотыми рукоятями и навесом от солнца, обшитым по краю кистями.

Когда горизонт заалел на востоке, появились Сыны Царского Клана: прекрасные юноши чуть постарше меня, место которых — подле государя; с плеч их ниспадали роскошные багряные одежды.

Весь этот порядок определялся древними предписаниями. Настало и мне время занять свое

место у повозок с евнухами; ясно, что рядом с царем я ехать не мог.

Внезапно над Колесницей Солнца вспыхнула яркая точка; в самом центре божественного символа помещался хрустальный шарик, поймавший сейчас первые лучи восходящего светила. Раздались рев походных рожков и раскатистые стоны труб. Вдалеке высокая фигура, закутанная в белое с пурпуром, ступила в царские носилки.

Медленно, вначале без всякого продвижения вперед, огромная цепочка беспокойно заерзала на месте, изгибаясь и покачиваясь. Затем, поначалу совсем еще вялая, подобно зимней змее, выползшей из-под кочки, она медленно задвигалась, сокращаясь сочленениями. Мы, должно быть, шли уже с час, прежде чем почувствовали, что действительно маршируем.

Мы двигались по Царскому тракту, бежавшему прочь через плодородную страну рек и низин, где жирный чернозем давал особенно обильные урожаи. Усаженные остриями осоки, неглубокие озера зеркалами отражали небеса. Порой дорога шла по насыпям из грубого камня, возвышавшимся над болотистой почвой. Сейчас болота обмелели и высохли, но мы ни разу не устраивали там привал: здешняя вода имела скверную

славу, насылая на неосторожных путников лихорадку.

Я виделся с царем каждый вечер, когда рабы разбивали его шатер. Там хватало места на всех, кого он привык видеть рядом; мне кажется, он был рад видеть знакомые лица. Часто Дарий оставлял меня на ночь. Расшевелить его бывало сложнее, чем когда-либо, и я не понимал тогда, отчего он просто не заснет. Теперь я думаю, что сон вовсе не пришел бы к царю, останься тот в одиночестве.

Каждые несколько дней царский посланец на коне галопировал навстречу нашему отряду: к царю спешил последний из длинной цепочки вестников, везших новости с западных рубежей. Александр взял Газу. К общей радости, македонец пока не двинулся дальше, хотя и не отступился от своих планов. Во время осады ему в плечо угодил снаряд катапульты, и Александр упал как подкошенный; снаряд пробил ему доспехи, но царь нашел силы встать и продолжал сражаться. Лишь чуть позднее он упал снова и был унесен прочь, словно мертвый. Наши люди ждали какое-то время, дабы увериться в его гибели, ибо уже тогда Александр успел прослыть человеком, которого не так-то просто убить. Как и следовало

ожидать, белый как мрамор от потери крови, он все еще жил. Ему, конечно же, требовалось некое время, чтобы залечить раны, но передовые отряды его войска уже устремились в Египет.

Когда эти вести разнеслись по колонне, я подумал: «Что, если Александр притворяется, дабы лишить нас бдительности? Затем он ударит на восток, подобно молнии, и захватит нас врасплох». Будь я на месте царя, я пересел бы из носилок в колесницу и понесся к Вавилону во главе конницы, так, на всякий случай.

Мне не терпелось услышать трубу, зовущую нас в седло. Каждый вечер, зная о том, что Неши смертельно устает, маршируя пешком, я сам чистил своего коня скребницей. Его я назвал Тигром. Прежде мне довелось видеть только шкуру хищника, но то было отличное имя для боевого скакуна.

Когда я вошел в царский шатер тем вечером, Дарий играл в шашки с одним из придворных, причем царь был столь рассеян, что его противнику с трудом удалось проиграть. Когда игра окончилась, царь попросил меня спеть. Я вспомнил боевую песню воинов моего отца, которая ранее так нравилась Дарию; я надеялся, что она согреет ему душу. После двух куплетов, однако,

он остановил меня, приказав петь что-нибудь другое.

Я подумал тогда о старой стычке Дария с кардосским силачом, прославившей его имя; постарался представить себе, как он шагнул вперед в своих доспехах, метнул копье и завладел оружием противника, после чего вернулся в строй под радостные крики других воинов. Тогда он был моложе; у него не было дворцов и стольких женщин. Но битва — не состязание перед строем, особенно если командуешь тысячами людей. Тем более если впереди тот полководец, от которого едва удалось спастись в прошлый раз.

Моя песня закончилась, и я спросил себя: «Как ты можешь судить? Тебе, евнуху, в жизни не повторить его подвигов! Он хороший хозяин, и ты должен быть доволен, ты, кому уже никогда не стать мужчиной».

Каждое утро божественный символ водружали у царского шатра. Каждое утро, едва первый луч зажигал чистым огнем хрустальный шар в центре, звенели рожки, царь поднимался на свои носилки и колесница двигалась за ним. Так мы шли по стране рек и низин, следуя Царскому тракту, и каждый день сменялся ночью.

Когда мне окончательно прискучивала бол-

товня евнухов, я отставал, чтобы поравняться с повозками гарема и перекинуться парой слов с девушками. В каждой повозке, разумеется, сидел по меньшей мере один евнух, прислуживавший и оберегавший ценный груз. Если меня приглашали, я вполне мог привязать Тигра сзади и залезть внутрь. Такой опыт казался мне поучительным. Все это сборище женщин никак не походило на маленький гарем моего прежнего хозяина. Каждая видела царя лишь однажды за целое лето, или за год, или вообще никогда; он мог посылать за одной и той же девушкой в течение целого месяца, чтобы потом навсегда позабыть ее. В общем, именно друг с другом им и приходилось уживаться; их отношения бывали полны ожесточенных распрей и мелких ссор между разными группками подруг, чаще объяснявшихся не ревностью друг к дружке, а просто вынужденным бездельем да одними и теми же лицами вокруг день за днем. Всякий раз, когда я посещал этот их мирок, я поневоле задавался вопросом: как они могут так жить? Мне оставалось лишь надеяться, что сам я как-нибудь избегну подобной участи.

Новости облетали всю колонну с удивительной быстротой. Люди болтали меж собою, пытаясь

хотя бы беседой скрасить томительные мили. Александр уже поправлялся и даже засылал в Персию шпионов, пытаясь выяснить, куда запропастился Дарий. Уже зная о нем кое-что, я мог догадаться, что же так распалило любопытство македонца. Он мог подозревать все что угодно, только не то, что враг все еще находится в пути.

Как бы то ни было, уже очень скоро он все узнал. Следующей новостью стало известие, что он отправился на юг, в Египет. Значит, спешить было некуда.

Мы шли и шли, одолевая по пятнадцать миль в день, и вскоре перед нами открылся запутанный лабиринт каналов и рукавов, направлявших Евфрат к вавилонским полям. Мосты здесь строили высокими из-за зимних наводнений. Затем дорога запетляла меж россыпью озер, приютивших рисовые посевы, — отражавшееся в них утреннее солнце немилосердно слепило нам глаза. И как-то в полдень, оставив рисовые поля за спиной, мы узрели далеко впереди огромные черные стены Вавилона, вытянувшиеся вдоль горизонта, отгораживая город от тяжело нависшего неба.

Не то чтобы стены были уже близки — это невероятная высота кладки сделала их видимыми.

Когда мы миновали наконец подступавшее к городскому рву пшеничное поле, уже позолоченное колосьями второго урожая, стены возвышались над нашими головами, подобно недоступным горным цепям. Я своими глазами видел каменные глыбы в потеках смолы, но все равно не мог поверить, что эта громадина — творение человеческих рук. Если пятнадцать рослых мужчин встанут друг другу на плечи, последний едва ли дотянется до края мощных укреплений, опоясавших город. У стен Вавилона мы не увидели признаков лагеря царской армии — для всех двадцати тысяч человек, не считая пятидесяти тысяч лошадей, нашлось место в городе.

В городских стенах была сотня крепких бронзовых ворот. Мы вошли через Царские ворота, обрамленные знаменами, и встречали нас вой труб, крики восхвалявших царя певчих и маги, оберегавшие свои огненные алтари; были там сатрапы и военачальники. Далее выстроилась армия; за стенами Вавилона скрывалось огромное пространство. Все городские сады могут давать урожаи в случае осады; их питает Евфрат. Неприступный город.

Царь въехал в Вавилон не в носилках, но в колеснице. Он был прекрасен в этот миг в своем

белом и пурпурном облачении, на полголовы возвышаясь над возничим. Вавилоняне ревели, громогласно приветствуя царя, когда тот проезжал мимо, возглавляя длинную цепь дворцовой знати и сатрапов, дабы показать себя армии.

Нас же, слуг и евнухов двора, провели задними улочками к тем воротам дворца, что соответствовали нашему положению, дабы мы все приготовили для встречи повелителя.

Знание способно подменить собой память. Роскошь вавилонского дворца все еще стоит перед моими глазами: маленькие кирпичики из лучшей глины — полированные, украшенные скульптурными фигурами, глазурованные или позолоченные; мебель нубийского черного дерева, инкрустированная слоновой костью; алые и багряные занавеси, расшитые золотой нитью и индскими жемчугами. Помню прохладу, невероятную после жара снаружи. Казалось, она пала на меня, словно тень слепящего горя, и стены дворца сдавили меня, как стены гробницы. И все же я вошел под дворцовые своды, как и любой юноша, уставший после долгой дороги, распахнутыми глазами взирая на все эти чудеса.

Когда слуги распаковали принадлежавшие

государю сосуды для пищи и вина, они занялись постелью, выложенной золотыми листами, с фигурами крылатых божеств у каждого столба кровати. Затем они приготовили ванну, ибо после путешествия Дарий пожелает смыть усталость и дорожную пыль.

В городе жарко, и потому вавилонские бани — подлинное удовольствие; там можно проводить целые дни. Пол выложен мраморными плитами, привезенными с запада, стены облицованы глазурованным кирпичом: белые цветы на глубоком синем фоне. Сама ванна — просторный бассейн, на лазурных плитках которого вытиснены золотые рыбки. По краям стояли кадки с благоуханными кустами и деревьями, менявшимися в зависимости от сезона: жасмин и лимон. Резные ширмы отгораживали место для купания с водой Евфрата.

Все здесь было готово, все просто сияло; вода была чиста как хрусталь и в меру тепла: бассейн прогревало само щедрое солнце. Там стояли также кушетки для отдыха после омовения, застеленные тонкими льняными покрывалами.

Ни одна из плиток, ни одна золотая рыбка, ни одна складка на покрывале не покинут мою память, пока я способен дышать. Когда я увидел

все это впервые, мне, однако, просто подумалось, что здесь очень мило.

Вскоре мы обустроились во дворце, и плавная смена дней оказалась подобна неустанному вращению колес, медленно поднимавших воду к висячим садам; нечего говорить, наш удел был легче, чем доля работавших там волов. Этот холм — прекрасное творение человека — с его тенистыми аллеями и прохладой парка нуждался в обильном орошении, и вода преодолевала долгий путь вверх. Прислушавшись, можно было различить где-то далеко за пением птиц тихое поскрипывание шадуфов.

Свежие войска все еще прибывали в Вавилон из отдаленных сатрапий, подчас проводя в пути многие месяцы. Весь город вышел на улицу, чтобы увидеть отряды бактрийцев. К осени жара понемногу начала спадать, но все они потели под своими парадными одеждами; войлочные халаты, подпоясанные широкими поясами штаны и подбитые мехом шапки — все очень красивое и теплое в расчете на суровые бактрийские зимы. По украшениям их предводителей и здоровому виду воинов, одолевших столь долгий путь, можно было догадаться о богатстве их страны. Каждый знатный господин привел

с собою воинство, защищавшее его поместье, — как поступил бы и мой отец, будь он еще жив. Но в Бактрии таких господ было сотни. Их имущество вез длинный караван тамошних двугорбых верблюдов; косматые и крепкие, эти животные славятся выносливостью.

Во главе колонны ехал Бесс, двоюродный брат Дария. Царь встретил его в приемном покое, поднявшись с трона, и подставил ему щеку для поцелуя: он был выше Бесса, но ненамного. Тот был крепок телом, наподобие своих верблюдов; лицо его, почти дочерна сожженное солнцем и ветрами, украшало множество боевых шрамов. Родственники не виделись со времен поражения у Исса. И теперь в глазах Бесса, казавшихся бледными под черными бровями, я разглядел тень насмешки, мелькнувшую на фоне почтения и преданности. В глазах же царя таилась опаска: Бактрия была самой могущественной сатрапией во всей империи.

В то же время подоспели и слухи о том, что Египет распростер свои объятия навстречу Александру, окружил его почетом как освободителя и признал фараоном.

Тогда я еще мало знал о Египте. Сейчас знаю больше — это страна, в которой я ныне живу.

Я видел изображения Александра на стене храма: там, где македонец приносит жертву Амону, он почти неотличим от всех прочих фараонов, вплоть до маленькой голубой полоски церемониальной бороды. Возможно, он даже носил ее, когда жрецы передали ему двойную корону властителей Египта и вложили в его руки посох и цеп. Он всегда старался соблюдать обычаи. В любом случае я не могу пройти мимо той фрески без улыбки.

Александр посетил оракула Амона в пустыне, в маленьком оазисе Сива, где ему поведали, что зачат он был не отцом своим, но богом. Так гласили слухи, ибо он вошел к оракулу один, а по возвращении сказал лишь, что удовлетворен пророчеством.

Я расспросил Неши об этом оракуле, пока раб одевал меня и укладывал мои волосы. Мой слуга обучался искусству писца при храме, пока Ох не завоевал Египет, захватив писцов в плен и продав их. Даже теперь Неши все еще брил голову.

По его словам, оракул был очень стар и весьма почитаем. Давным-давно (а по египетским меркам это значит по меньшей мере тысячу лет) бог говорил в Фивах, так же как потом в Сиве. Во дни

ужасной Хатшепсут, единственной женщины-фараона, ее пасынок Тутмос был мальчишкой, прислуживавшим в городе мертвых. Символ бога носили тогда — точно так же, как сейчас в Сиве, — в ладье, украшенной золотом и драгоценными камнями; о приближении бога народ узнавал по бряцанию множества бубенчиков. Носильщики рассказывают, будто шесты начинают давить им на плечи, когда бог изъявляет желание говорить; они чувствуют его вес, когда он незримо занимает свое место в ладье, и слышат голос, говорящий им, куда идти. Именно бог привел их к юному принцу, который прятался в толпе, глазея на божественную ладью, и заставил все сооружение качнуться, кланяясь будущему фараону. Тогда люди возвели мальчика на престол, уверовав в его славную судьбу… Неши знал множество чудесных историй, подобных этой.

Да и сам я, много позже совершив паломничество в египетскую пустыню (тяжкое путешествие, хотя я знавал и похуже), задавал оракулу некий вопрос. На что мне было указано принести должную жертву и не допытываться о том, кто принят среди богов. Все-таки я не мог мириться с мыслью, что так и не побываю в Сиве.

Тем временем в Вавилоне я был предоставлен

самому себе, ибо царь постоянно бывал занят, и проводил время, изучая достопримечательности великого города. Я даже вскарабкался по ступеням, опоясавшим храмовую башню Бела[82], хотя самая ее верхушка — то место, где на своей золотой постели когда-то возлежала его наложница, — оказалась разрушена. Меня часто останавливали проститутки, ибо моя юность все еще могла объяснить отсутствие бороды. Видел я и храм Милитты с его знаменитым двором.

Всякая девица в Вавилоне однажды в жизни должна предложить себя богине. Двор храма — это огромный базар, на котором продаются женские ласки: девушки сидят рядами, отмеченными алыми шнурами, и ждут. Никто из них не смеет отказать первому, кто бросит им на колени серебряную монету. Некоторые из тех, что я видел, были прекрасны, словно принцессы: окруженные рабами с опахалами, они сидели на шелковых подушках рядышком с простыми девицами с огрубевшими от тяжелой работы руками, пришедшими в город прямо с полей.

---

[82] Сноски: 82

Бел — «владыка» *(др. — семит.).* Бог-демиург вавилоно-ассирийского пантеона, в образе которого слились Энлиль — божество плодородия и стихийных сил природы, и Мардук — верховный бог города Вавилона.

Вдоль рядов бродили мужчины, пристально разглядывавшие товар, словно выбирая лошадь; мне казалось, еще чуть-чуть — и они начнут смотреть им в зубы. Миловидным девушкам не приходилось ждать долго; но даже если к одной из них подойдут оборванец с речной переправы и благородный господин, она пойдет с лодочником, если тот первым успел бросить монету. Многие простирали ко мне руки, надеясь выполнить свой долг с кем-то не слишком безобразным на вид. Неподалеку размещалась рощица, в которой исполнялся обряд.

Увидев кучку хохочущих мужчин, я подошел взглянуть на предмет их веселья. Они смеялись над уродливыми девицами, что сидят здесь днями напролет, так никем и не избранные. Чтобы я тоже смог посмеяться, мне указали на ту, что сидела здесь уже третий год.

Из юной девушки она превратилась в женщину. Одно из ее плеч уродовал горб; у нее были огромный нос и родимое пятно на щеке. Девицы вокруг нее, сколь они ни были простоваты, казалось, исполнялись надежды, только взглянув на несчастную. Она просто сидела со сложенными на коленях руками, покорно снося насмешки, как вол сносит побои кнутом или палкой. Я вновь

поразился глубине человеческой жестокости, и моими мыслями постепенно овладел гнев. Я вспомнил, как воины отрезали нос моему отцу, не дожидаясь его смерти; вспомнилось мне и то, как оскоплявшие меня пересказывали друг другу базарные шутки, оставаясь глухи к моим страданиям. Я вытащил из кошеля серебряный сиглос и бросил на колени убогой, произнеся ритуальные слова:

— Да поможет тебе Милитта.

Сначала она едва ли сообразила, чего мне нужно. Затем бездельники вновь непристойно заржали, выкрикивая свои напутствия. Она же, схватив монету, подняла смущенный взор. Улыбнувшись ободряюще, я протянул ей руку.

Девушка встала на ноги. В ее внешности не существовало ничего, кроме отвратительных изъянов; однако даже грубый глиняный светильник прекрасен, когда его свет прогоняет тьму. Я увел ее прочь от мучителей, шепнув:

— Пускай они поищут себе иных развлечений.

Она же ковыляла рядом, ниже меня на голову, хотя тогда я еще не успел окончательно вырасти. Низкий рост презирается в Вавилоне точно так же, как у нас в Персии. Все пялились на странную парочку, но я знал, что доведу деви-

цу только до деревьев — и не далее.

Внутри рощицы мне открылось безобразное зрелище. Ни один перс не мог бы представить себе подобное. Изможденной солнцем листвы явно не хватало для соблюдения благопристойности. В свои худшие дни в Сузах я не встречал настолько бесстыдных людей, чтобы они могли спокойно предаваться подобным утехам где-либо, кроме как в глубине своих жилищ.

Едва лишь выйдя за ворота храма, я повернулся к своей спутнице:

— Знай, что я не причиню тебе бесчестья. Прощай и живи счастливо.

Она же глядела на меня с улыбкой, все еще слишком обрадованная, чтобы до нее дошел смысл моих слов. Затем она показала куда-то в сторону, проговорив:

— Вот хорошее место.

То, что она действительно могла ожидать от меня чего-то подобного, даже не приходило мне в голову. Я едва мог поверить собственным ушам. И я, хоть вначале и не собирался открывать ей свою тайну, неохотно признался:

— Я из царских евнухов и не смогу возлечь здесь с тобой. Твои насмешники разозлили меня, и я захотел даровать тебе свободу.

Какое-то время она недоверчиво смотрела на меня, приоткрыв рот. И, внезапно вскричав: «О! О!» — дала мне две сильные пощечины, обеими ладонями. Я стоял там, и в моих ушах выли трубы; она же убегала прочь, выкрикивая: «О! О! О!» — и колотя себя в грудь.

Такая черная неблагодарность неприятно изумила и уязвила меня. Я был не более повинен в том, что какие-то люди оскопили меня в детстве, чем она — в своей уродливости. Но пока я, погруженный в мрачные думы, плелся к дворцу, мне открылось, что сегодня — впервые с момента моего рождения — кто-то нашел во мне желанное избавление от мук, будь то к добру или к худу. Я попытался представить себе, что дожил бы до двадцати лет, ни разу даже не придя кому-то на помощь… Эта мысль смирила мой гнев, но печаль не желала оставлять меня до самого возвращения домой.

С приходом зимы жара почти спала. Мне исполнилось пятнадцать, пускай об этом не знал никто, кроме меня самого. В нашей семье, по обычаю персов, всегда шумно праздновались годовщины рождений. Даже за пять прошедших лет я не сумел до конца привыкнуть просыпаться в этот день с мыслью, что он будет похож на все осталь-

ные; увы, царь никогда не спрашивал о дате моего рождения. Моя досада может показаться детским капризом, ибо Дарий бывал щедр и великодушен со мной во многие иные дни.

Из Египта прибывали обрывки новостей. Александр восстанавливал древние законы; он устроил великий пир с состязаниями атлетов и музыкантов. В дельте Нила он заложил новый город, отметив его границы дорожками зерна, на которое сразу набросились птицы. Знамение означало, как полагали тогда все, близкую гибель новорожденного города.

(Я стараюсь вообразить огромную стаю птиц, павшую с небес на рассыпанное Александром зерно. Зеленая равнина с зарослями папируса; несколько пальм; крохотное скопление рыбацких хижин. Теперь там стоит Александрия, жемчужина среди прочих городов. Пускай великий македонец не увидел своего творения в его полной славе, он все же вернулся сюда навечно; и город, давший когда-то пропитание птицам, приютил людей из всех уголков мира, как приютил и меня…)

Вскоре после бактрийцев в Вавилон вошли скифы — те из них, что были вассалами Бесса. Косматые светловолосые дикари с синими тату-

ировками на лицах. На них были заостренные шапки, грубо сшитые из шкур рысей, свободные рубахи и штаны с завязками у лодыжек. Запряженные в повозки волы везли их черные шатры и женщин. Скифы — прославленные лучники, но они воняют до самых небес. Если они и совершают в своей жизни омовение, то лишь когда повитухи принимают их из чрева матери и окунают в кобылье молоко. Всех скифов спешно отправили разбивать лагерь: вавилоняне снисходительны к бесстыдству соплеменников, но не в силах терпеть рядом чужаков, не имеющих привычки к ежедневным ваннам.

Пришла весть, что Александр оставил Египет. Его войска двинулись на север.

Царь собрал большой совет в огромном приемном зале. Я бродил у выхода, чтобы взглянуть, как оттуда будут выходить союзники Дария. То было всего лишь мальчишеское любопытство, но именно тогда я познал нечто, что осталось со мною на всю жизнь. Постарайся быть незамеченным — и ты увидишь, как люди преображаются, выдавая свои истинные мысли. В присутствии царя они обязаны выказывать ему уважение и подавлять собственные эмоции; снаружи каждый обретает их вновь, облегченно

вздыхая. Тогда и начинаются интриги.

Так я увидел, как Бесс отозвал в сторонку предводителя царской конницы Набарзана, прибывшего в Вавилон задолго до самого Дария. Он сражался у Исса, и его люди гордились своим военачальником.

В доме удовольствий, куда я ходил взглянуть на танцоров, мне довелось услышать один разговор. Вавилон — не Сузы, так что собеседники не знали меня в лицо, и тем не менее я даже не помыслил передать их слова царю. Они говорили, что Набарзан сражался достойно, хотя Дарий недопустимо просчитался, избрав скверную позицию. Конница атаковала, когда дрогнули остальные, и ей удалось расстроить линию македонских всадников. Персы все еще надеялись обратить неприятеля в бегство, когда царь бежал с поля битвы — одним из первых. Только тогда началось всеобщее отступление. Невозможно обороняться отступая — преследователь же способен наносить удары… В последовавшей резне оба винили царя.

Я долгое время жил среди вежливых, почтительных людей, даже не подозревая, что кто-то способен говорить вслух подобные вещи. Их слова больно ранили меня: вся жизнь верного

слуги — в имени повелителя, и он делит позор со своим господином. Предводитель конного отряда, чьи речи я подслушал в Сузах, был, вероятно, одним из соратников Набарзана.

Сам командующий был высок и строен, с чистым и гордым ликом подлинного перса. Как ни странно, он обладал живым характером и мог громко смеяться, хоть и нечасто позволял себе подобную вольность. При дворе он всегда обращался ко мне дружелюбно и с уважением, ни разу не попытавшись зайти дальше обычных учтивых приветствий. Я не мог сказать, склонен ли он любить мальчиков или же нет.

Они с Бессом составляли странную пару: стройный как меч, Набарзан носил простые и прочные персидские одежды; огромный Бесс с его неопрятной бородищей и широкой медвежьей грудью одевался в расшитую кожу, украшая себя цепями варварского золота. Но оба были воинами, вставшими плечом к плечу во время битвы. Выйдя из зала, они отошли от остальных и быстро удалились прочь, будто спеша побеседовать наедине.

Иные говорили открыто — и вскоре весь Вавилон знал, что обсуждалось на совете. Царь предложил всем персидским воинам отойти

в Бактрию. Там он сумел бы собрать большее войско, призвав людей из Индии и с Кавказа, дабы затем укрепить западные границы империи, или что-то в этом роде.

Именно Набарзан выступил вперед и процитировал старый вызов Александра, которого все еще считал хвастливым мальчишкой: «Выходи и сражайся. Если же не захочешь, я последую за тобою, где б ты ни укрылся».

Поэтому армия осталась в Вавилоне.

Бежать в Бактрию! Уступить врагу, не скрестив мечи вторично, свою землю! Сдать Персиду[83], саму древнюю землю Кира, сердце и колыбель нашей расы, не говоря уж об остальном! Даже я, за плечами которого не осталось ничего, кроме горьких воспоминаний и руин, был потрясен до глубины души. Чувства Набарзана я прочитал по его лицу… Той же ночью царь сделал мне знак остаться, я же постарался помнить о его доброте и выбросить из головы все прочее.

По прошествии нескольких дней я ждал утреннего выхода царя, когда в приемную ввели седоголового старца, державшегося удивительно прямо. То был сатрап Артабаз, восставший

---

[83] Сноски: 83

Персида (Фарс, Парса) — античное название исторической области на юге Ирана.

против Оха и живший в Македонии, в изгнании, во дни царя Филиппа. Войдя, я спросил, не принести ли ему чего-нибудь, дабы скрасить ожидание. Как я и надеялся, старик заговорил со мною, и я спросил, видал ли он Александра.

— Видал ли? Я баюкал его на своих коленях. Прелестное дитя… Да, даже в Персии его можно было бы назвать прекрасным.

Он погрузился в свои мысли. Все-таки Артабаз был очень стар и, между прочим, вполне мог предоставить своим многочисленным сыновьям следовать за царем на войну. Я решил было, что Артабаз забылся, как это бывает со стариками, и хотел уже напомнить о себе новым вопросом, когда он поднял густые седые брови, открывая ясный взгляд горящих глаз:

— И он ничего не боится. Совсем ничего.

Весной Александр вернулся в Тир. Он принес жертвы богам и опять устроил атлетические состязания. Казалось, македонец испрашивал божьей милости, начиная новый поход. Когда весна обратилась к лету, лазутчики донесли о том, что он идет на Вавилон во главе всей своей армии.

Глава 5

Меж Вавилоном и Арбелой почти триста миль — на север через долину, орошаемую Тигром.

От Тира Александр повернул на северо-восток, дабы обогнуть пустынную Аравию, а посему царь двинул свое воинство навстречу македонцу — на север, и весь двор последовал за ним.

Я воображал себе бесконечную колонну, растянувшуюся на многие мили. Но армия растеклась по всей долине, от реки до холмов, — словно бы здешняя земля плодоносила людьми, а не зерном. Куда ни обернись, всюду кони, верблюды и пешие воины. Там же, где не было видно ухабов, небольшими цепочками повозок подвигался обоз. Поодаль двигались колесницы «косарей» с длинными кривыми лезвиями, далеко торчавшими во все стороны; от них все держались подальше, словно от прокаженных. Один из воинов, попавшийся им на пути из-за своего скверного зрения, потерял ногу и вскоре истек кровью.

Приближенные царя не испытывали неудобств: вперед отправляли специальных гонцов, высматривавших для нас самую гладкую дорогу.

Тем временем Александр пересек Евфрат. Вперед он выслал инженеров, чтобы те навели мосты; царь же послал Мазайю, вавилонского сатрапа, преградить им путь с небольшим войском. Прибыв на место, персы принялись вколачивать сваи у своего берега, тем самым помогая неприятелю; когда же к реке подошел Александр со всеми своими силами, Мазайя бежал. Мост был завершен на следующий же день.

Вскоре мы узнали о том, что молодой воитель пересек и Тигр. Навести мост он не мог; недаром говорят, что течение Тигра подобно полету стрелы. Александр просто перешел его, по грудь в воде, первым отправившись вперед, чтоб нащупать брод для всех остальных. Македонцы не потеряли ни одного человека — разве что какую-то кладь.

Затем мы ненадолго упустили Александра из виду. Он повернул прочь с речной долины, чтобы провести воинство меж холмов и дать ему немного отдохнуть, там было прохладнее.

Когда же нам стал известен его путь, царь выехал, дабы избрать место для будущей битвы.

Военачальники убеждали царя, что он потерпел поражение у Исса из-за нехватки пространства: в тот раз персы просто не смогли

воспользоваться превосходством в числе. Между тем к северу от Арбелы лежала прекрасная, удобная равнина. Признаться, сам я так и не видел ее, ибо домочадцы царя оставались в городе с золотом и с запасами пищи, пока царь осматривал позиции.

Арбела — седой город, стоящий на холме. Он столь стар, что его история восходит ко временам ассирийцев. В это я могу поверить, ибо жители его по сию пору поклоняются одной только Иштар[84], без супруга. Богиня встречает их в храме: пугающе древняя, ее статуя с зажатым в руке пучком стрел впивается в пришедших холодным взглядом огромных глаз.

Среди управляющих двора царила полная суматоха — необходимо было подыскать подобающее жилье для всех прибывших женщин. Их теснили военачальники, нуждавшиеся в крепких домах для хранения сокровищ и размещения воинов. Надо было позаботиться о жилище и для самого царя, чтобы оно было готово, как только понадобится (для этого городскому правителю пришлось временно выехать из собственных палат). Мы попросту не успели осознать, что вскоре

[84] Сноски: 84

Иштар — древняя аккадская богиня плодородия, плотской любви, войны и распрей.

нас ждет великое сражение.

Едва мы устроились, с улицы донеслись крики и причитания; женщины бежали к храму. Я почувствовал, что происходит нечто странное, еще до того, как увидел знамение собственными глазами. Темнота ночи пожрала луну, и я заметил только, как ее последний краешек бесследно растворился в кровавом тумане.

Я похолодел. Люди стенали, горестно взывая о милости. Тогда я расслышал уверенный голос Набарзана, объяснявшего своим людям, что Александр — странник, подобно луне. Стало быть, знамение предназначено для него. Все, кто внимал его отрывистым словам, ободрились. Со стороны старого храма, где женщины уже тысячу лет служили богине, я слышал тем не менее не смолкавшие стенания, подобные свисту ветра в вершинах деревьев.

Царь послал огромное войско рабов на будущее поле битвы, повелев выровнять землю для колесниц и лошадей. Лазутчики передавали, что у македонцев коней куда меньше, а колесниц нет вовсе, не говоря уж о «косарях».

Новые вести принесли не шпионы, а посланник самого Александра. К нам явился Тириот, один из прислуживавших царице евнухов. Ма-

кедонец просил сообщить Дарию о ее смерти. Поднялись подобающие стенания, и царь всех отослал прочь. Мы слышали, как он гневно ревет в полный голос, а Тириот отвечает, вне себя от страха. Прошло немало времени, прежде чем тот вышел от царя, сотрясаясь всем телом, всклокоченный после того, как рвал на себе власы и одежды.

Тириот попал в плен еще прежде, чем я появился при дворе, но евнухи постарше отлично знали его. Они принесли ему подушек и вина, в котором Тириот, как видно, крайне нуждался. Все притихли, ожидая, что царь позовет кого-то из нас, но не слышали ни звука. Наконец Тириот поднес руку к горлу, покрасневшему и покрытому синяками.

— Нет добра в том, чтобы принести владыке дурные вести, — заметил египтянин Бубакис, глава дворцовых евнухов.

Тириот погладил горло:

— Отчего вы не плачете? Рыдайте, рыдайте, во имя божьей любви.

Какое-то время мы старательно выли на все лады. Царь не звал нас. Тогда мы отвели Тириота в тихий уголок: в стенах дома можно было не слишком опасаться чужих ушей, не то что

в шатре.

— Откройте мне, — попросил он, — выходил ли царь из себя в последнее время?

Мы отвечали, что временами он бывал не в духе, и только.

— Царь кричал, что Александр убил царицу, пытаясь свершить насилие над нею. Я обнимал его ноги, повторял и повторял, что она умерла от болезни на руках его матери. Я клялся, что Александр видел ее лишь дважды — в самый первый день и на погребальных носилках. Когда она умерла, он почтил ее память постом и даже не продолжил похода; именно за этим я и был послан: сказать, что над ее телом совершены все нужные обряды… Чем занимаются ваши шпионы? Неужели царю ни о чем не докладывают? Ведь должен же он знать, что Александр равнодушен к женщинам?

Мы в один голос отвечали, что это, конечно же, известно царю.

— Ему следовало бы благодарить Александра, что тот не отдал царственных женщин своим полководцам, как это сделал бы любой победитель. Македонец же отяготил себя царским гаремом, от которого не просил ничего. Царица-мать… Не знаю, что нашло на нашего государя;

он должен радоваться, что о ней, в ее возрасте, так хорошо заботится молодой воитель. Стоило мне упомянуть об этом, и царь снова впал в гнев. Он кричал, что скорбь Александра по нашей царице — это обычная скорбь мужчины по любимой наложнице. Он схватил меня за горло. Сами знаете, сколь сильны его руки; я все еще хриплю, слышите? Царь пригрозил, что велит пытать меня, пока я не скажу всю правду. Я же отвечал, что моя жизнь в его власти…

Зубы Тириота стучали. Я поднес к его губам чашу с вином, иначе он пролил бы целительный напиток на свои одежды.

— Наконец царь поверил мне. Богу ведомо, каждое мое слово — чистая правда. Но сперва мне почудилось, что это вовсе не Дарий предо мною.

Царь все еще молчал. Что же, подумалось мне, гибель луны и впрямь оказалась знамением. Это успокоит людей.

Послали за принцем Оксатром; тот явился немедля, и теперь они оплакивали утрату вместе. Царица приходилась ему единоутробной сестрой; сам же он был где-то лет на двадцать моложе царя. Когда скорбь Дария растворилась в пролитых им слезах, мы уложили царя в постель. Тириота тоже; бедняга, он едва не лишился чувств.

На следующий день шея его почернела, и евнуху пришлось повязать платок, прежде чем вторично предстать перед пославшим за ним царем.

Уходил он в страхе, но пробыл наедине с Дарием недолго. Царь лишь вопросил, не хотела ли мать передать что-нибудь сыну? Тириот отвечал: нет, но она пребывала в сильном расстройстве от скорби. Царь отпустил его, не спросив более ни о чем.

Пришло известие, что поле приготовлено для битвы: теперь оно гладкое, словно городская площадь, и безопасно для коней и колесниц. С одного фланга холмы, с другого — река. Царю пришлось прервать оплакивание супруги, дабы возглавить воинство. Все персидские цари ведут в бой центр, тогда как все македонские — правый край… Подвели колесницу с уложенным в нее оружием; царь надел кольчугу.

Двое или трое евнухов-постельничих, всегда следивших за его одеждой и туалетом, отправились с государем — прислуживать ему в лагере. До самой последней минуты я не знал, возьмет ли Дарий и меня. Эта мысль пугала, но и манила. Про себя я решил, что буду сражаться, если до того дойдет; таково было бы желание моего отца. Я то и дело попадался на глаза царю, но Дарий

молчал. С остальными я стоял во дворе, когда он поднялся в свою колесницу, и с остальными я отошел подальше, спасаясь от клубов пыли, поднятых царским эскортом.

Теперь мы были двором, оставшимся без повелителя: женщины, евнухи и рабы. Поле сражения простерлось столь далеко от нас, что нельзя было даже доскакать до места, откуда было бы хоть что-то видно. Мы могли только ждать.

Я поднялся на крепостную стену и смотрел на север, размышляя: мне пятнадцать. Я уже стал бы мужчиной, если мое мужество не отняли бы у меня. Будь мой отец еще жив, он взял бы меня с собой; он никогда не делал мне поблажек и даже матери не позволял. Сейчас я был бы с ним, среди наших воинов, — мы смеялись бы вместе, готовясь к смерти. Для того я появился на свет; в этом моя судьба. Я постараюсь оправдать свое рождение.

Мне пришло в голову обойти дворы, где стояли повозки, принадлежащие царским наложницам, и убедиться, что лошади рядом, упряжь в исправности, а кучера наготове и не пьяны. Я сказал им, что выполняю царский приказ, и они поверили мне.

Занятый этим, я наткнулся, неожиданно для са-

мого себя, на египтянина Бубакиса, главу евнухов; высокий и величавый, он всегда был вежлив со мной, но и сдержан. Не думаю, чтобы он одобрял мое присутствие подле государя. В любом случае он спросил меня, без всякого порицания в твердом голосе, чем это я занят. Его собственное присутствие здесь было весьма показательно.

— Мне подумалось, господин, — отвечал я ему, — что повозки должны быть готовы двинуться в любую минуту. На тот случай, — я смотрел Бубакису прямо в глаза, — если царю потребуется преследовать врага. Он может захотеть, чтобы двор был рядом с ним.

— Я тоже об этом подумал. — Бубакис важно кивнул, одобряя мои действия. Он не ошибся, предположив родство наших мыслей. — Ныне царь во главе воинства куда большего, чем при Иссе. Столько и еще полстолько.

— Истинно так. Еще с ним колесницы и «косари».

Поглядев друг на друга, мы тут же отвели глаза.

Я определил Тигра, своего коня, в отдельное стойло с крепкими воротами и позаботился о том, чтобы не дать ему застояться.

Царские посланники расставили посты для пе-

редачи вестей между царем и Арбелой. Почти ежедневно один из них появлялся у нас. Через день-другой мы услышали, что македонцы стали лагерем на холмах по ту сторону гавгамельской равнины[85], как царь и рассчитывал. Позже передали, что видели самого Александра: вместе с военачальниками он объезжал будущее поле битвы. Его узнали по сверкавшим доспехам.

Той ночью на небе играли летние молнии, не принесшие дождя. Северная часть горизонта горела; часами там вспыхивали и танцевали огненные языки, без раскатов грома. Воздух оставался тяжел и неподвижен.

На следующее утро я проснулся в предрассветных сумерках. Вся Арбела была на ногах, гарнизон занимался лошадьми. На восходе крепостная стена едва вместила всех, кто пришел глазеть на север, хоть там и не на что было смотреть.

Я снова повстречал Бубакиса, навещавшего женщин в их покоях, и догадался, что он уговаривает евнухов не сидеть на месте. Заботы гарема делают этих людей жирными и ленивыми, однако все они остались верны своему долгу, как нам

---

[85] Сноски: 85

Битва возле небольшого селения Гавгамелы состоялась 1 октября 331 г. до н. э.

вскоре предстояло убедиться.

Пуская Тигра галопом, я чувствовал, как нетерпелив и раздражен мой конь: он перенял это у других лошадей, а те — у воинов. Вернувшись, я сказал Неши:

— Присматривай за конюшнями. Гляди, чтобы никто не ворвался туда.

Он не спрашивал ни о чем, но я видел, что по телу раба также пробегает дрожь нетерпения. Война несет рабам много шансов — и плохих, и добрых.

В полдень прибыл царский гонец. Битва началась вскоре после восхода солнца. Наша армия провела всю ночь без сна, ибо царь решил, что македонцы, будучи в меньшинстве, могут рискнуть напасть в темноте. Тем не менее Александр дождался рассвета. Посланник, принесший эту весть, был шестым в цепочке и более не знал ничего.

Пришла ночь. Солдаты жгли сигнальные костры вдоль городских стен.

Около полуночи я стоял на стене у Северных ворот. Жара не спадала целый день, но вечерний ветер принес долгожданную прохладу, и я спустился за теплым одеянием. Едва я успел вернуться, как улица у Северных ворот заполнилась

криками и шумом: возгласы людей, мечущихся взад-вперед, налетающих в полутьме друг на друга, неровный стук копыт усталых, спотыкающихся лошадей, свист плетей. Всадники вели себя словно пьяницы, забывшие, куда они правят. То были не посланники; то были воины.

Пока они приходили в себя и потихоньку успокаивались, выбежали люди с факелами. Я увидел мужчин, белых от запекшейся на лицах дорожной пыли, в черных потеках крови, алые ноздри и кровавую пену на губах их коней… Прибывшие стонали одно: «Воды!» Несколько воинов гарнизона зачерпнули из ближайшего фонтана своими шлемами и поднесли их прибывшим — и, словно одно лишь зрелище воды, стекавшей по рукам, придало им силы, один из всадников прохрипел:

— Все потеряно… Царь едет сюда.

Я пробился вперед с криком:

— Когда?

Тот, что успел сделать глоток, ответил:

— Уже скоро.

Их кони, обезумевшие от запаха воды, тащили их прочь, рвались к фонтану.

Толпа поглотила меня. Начались причитания, поднявшиеся до ночного неба. Крик бродил и колыхался в моей крови, подобно лихорадке.

Из моей глотки вырвался стон, который я едва признал за свой: вне моей воли, вне стыда. Я был частью общей скорби, так же как дождевая капля — часть ливня. И все же, рыдая, я барахтался в толпе, стараясь вырваться из ее цепких объятий. Освободившись, я побежал к дому городского правителя, где были царские покои.

Бубакис появился в дверях, подзывая раба и приказывая ему бежать узнать новости. Я перестал вопить и поведал обо всем.

Наши глаза говорили без слов. Мои сказали, кажется: «Опять он бежал первым. Но кто я, чтобы винить царя? Я не пролил ни капли крови за него, и все, что есть у меня, я получил от него». Его же глаза отвечали: «Да, держи свои мысли при себе. Он — наш повелитель. В этом — начало и конец». Затем он возопил: «Увы! Увы!» — и принялся колотить себя в грудь, исполняя долг. Но уже через минуту он созывал слуг, приказывая им готовиться к встрече царя.

— Следует ли мне проследить за отправкой женщин? — спросил я.

Стенания омывали город, подобно разлившейся реке.

— Скачи туда и предупреди евнухов, но не оставайся с ними. Наш долг — быть с царем. — Буба-

кис мог не одобрять того, что повелитель держит при себе мальчика, но долг подсказывал евнуху беречь все имущество господина и держать его наготове. — Твой конь все еще у тебя?

— Надеюсь, если только я сумею быстро пробраться к нему.

Неши присматривал за воротами конюшен, не особенно выставляясь напоказ. Он всегда был в меру осторожен.

Своему рабу я сказал:

— Царь скоро будет здесь, и мне придется сопровождать его. Нам предстоит непростое путешествие, особенно тяжкое для пеших. Не знаю, куда он намерен выехать, но македонцы скоро будут здесь, и он не станет задерживаться. Ворота открыты; тебя могут убить, но ты можешь и спастись, бежать в Египет. Последуешь ли ты за нами или предпочтешь свободу? Выбирай сам.

Неши сказал, что выбирает свободу и, если его убьют в суматохе, он умрет, благословляя мое имя. Он распростерся предо мной, хотя чуть не был затоптан, и бежал прочь.

(Неши действительно сумел добраться до Египта. Я видел его совсем недавно: писец в маленькой уютной деревне близ Мемфиса. Он почти

узнал меня; я мало изменился и всегда следил за фигурой. Но он не вспомнил, где нам довелось встречаться, а я молчал. Это было бы неправильно — напоминать ему о рабстве теперь, когда он уважаем. Но правда также и в том, что мудрым ведомо: вся красота рождена, чтобы увянуть, — никому, однако, не стоит напоминать об этом. Потому я просто поблагодарил Неши за то, что он указал мне дорогу, и пошел своим путем.)

Когда я выводил Тигра из стойла конюшни, ко мне подбежал человек и предложил за него двойную цену. Я вернулся как раз вовремя — скоро вокруг лошадей закипит драка. Мне оставалось только радоваться, что кинжал все еще со мною, спрятанный в поясе.

Во всех домах, занятых гаремом, шли поспешные сборы; евнухи надевали на лошадей упряжь. Еще с улицы можно было услыхать взволнованный щебет голосов, словно у лавки торговца певчими птицами, и почуять благовонные облака, исходящие от перетряхиваемых одежд. Каждый евнух спрашивал меня, куда намерен бежать царь. Хотел бы я это знать, дабы указать им дорогу, прежде чем у них уведут мулов. Я понимал также, что многие будут пойманы македонцами, и не желал им этой участи; там, куда я спешил,

во мне нуждались меньше, и сердце мое ныло от тоски. Но Бубакис прав. Как подтвердил бы мой отец, преданность в несчастье — вот единственный путь для мужчины.

Когда я закончил свой объезд и вернулся к Северным воротам, всеобщие стоны ненадолго смолкли, словно в буре наступило временное затишье. Слышался лишь нетвердый стук копыт загнанных до полусмерти лошадей. Все замерло: в город въезжал царь.

Он стоял в своей колеснице, в доспехах. За ним — горстка всадников. Лицо Дария казалось опустошенным, а взгляд был неподвижен, подобно взгляду слепца.

На нем была корка дорожной пыли, но ни одной раны. Я видел кровавые рубцы на лицах сопровождавших его, их бессильно обвисшие руки или почерневшие от запекшейся крови ноги; словно выброшенные на берег рыбы, они беззвучно открывали рты, изнемогая от жажды. Эти люди помогли ему бежать.

На своем свежем коне, в чистых одеждах, без единой царапины, я не мог присоединиться к ним. По боковым улочкам я поспешил к дому городского правителя. Именно Дарий шагнул вперед для схватки с кардосским гигантом —

единственный, кто отважился на это. Сколько лет пролетело с тех пор? Десять? Пятнадцать?

Я понимал, откуда ему удалось вырваться сегодня: грохот битвы, облака пыли; люди сшибаются с людьми, сила противостоит силе; вздымающаяся волна боя; обманные маневры противника; маска сброшена, ловушка захлопнута; ты — не царь более, нет у тебя власти над хаосом. А где-то там, впереди, ждет враг, заставивший тебя бежать у Исса: человек, снова и снова вторгавшийся в твои сны, превращая их в невыносимые кошмары… Кто я, чтобы судить моего повелителя? На моем лице нет ни крупицы пыли.

И то был последний раз, когда я мог сказать это, — последний за многие, многие дни. Через час мы уже спешили к армянским проходам, направляясь в Мидию.

Глава 6

Мы карабкались в горы, оставив страну холмов позади. Дорога вела в Экбатану, и никто не преследовал нас.

В пути наш скорбный караван догоняли остатки войска: и целые отряды, и спасшиеся в одиночку. Вскоре нас можно было вновь называть «великой силой», ежели не знать, конечно, какие потери мы понесли в бою. Бактрийцы Бесса присоединились к нам по дороге; разумеется, они решили держаться нас, ибо мы направлялись в их родные места. Бессмертных, царскую гвардию и всех мидян и персов — и пеших, и конных — вел теперь Набарзан.

С нами были также и греческие наемники, всего около двух тысяч. Меня поразило тогда, что ни один не сбежал, хоть и сражались они только за плату.

Самой прискорбной потерей были Мазайя, сатрап Вавилона, и все его люди. Они держали свои позиции еще долго после того, как центр был сломлен бегством царя, — вполне вероятно, именно они спасли ему жизнь; жаждавшему погони Александру пришлось повернуть строй

и рассчитаться с ними. Никого из этих бравых воинов не было с нами сейчас; должно быть, все они погибли.

Лишь около трети повозок с женщинами удалось вырваться из Арбелы; из них лишь две занимали царские наложницы, остальные везли девушек из гаремов властителей, оставшихся позади, дабы прикрыть бегство. Ни один из евнухов не убежал, бросив хозяек на произвол судьбы. Какая судьба постигла их, мне неведомо и по сей день.

Все сокровища были утеряны, но в Экбатане ими все еще были набиты подвалы. При всей спешке дворцовые распорядители догадались захватить с собой столько продовольствия, сколько могли унести; что и говорить, в нем мы нуждались теперь куда более, чем в деньгах. Бубакис, как я обнаружил, еще с утра держал наготове повозку с поклажей Дария. В своей мудрости он сунул туда же лишний шатер и охапку подушек для царских евнухов.

Стоит ли говорить, что путешествие оказалось не из легких. Осень потихоньку выгоняла лето; в равнинах все еще стояла жара, но холмы уже овевались прохладой. В горах было попросту холодно.

У нас с Бубакисом были кони; в повозках ехало еще трое евнухов. Более никого из нас не осталось — не считая тех, что прислуживали женщинам.

Каждая новая тропа поднималась все выше и круче. Все чаще мы утыкались в глубокие скалистые трещины и провалы. С утесов нас разглядывали дикие козы — легкая добыча бактрийских лучников, старавшихся разнообразить наши скудные трапезы. Ночью мы впятером жались друг к дружке, подобно птенцам в гнезде, — наши тонкие покрывала, которых и так не хватало на всех, едва спасали от холода. Бубакис, проявлявший ко мне всяческую благосклонность и обращавшийся со мной как отец, делил со мною покрывало. Тело свое он умащал каким-то снадобьем с мускусным запахом, но я все равно был признателен ему за заботу. Нам повезло, что у нас вообще оказался шатер; почти все воины, в спешке бросив нажитое, спали под открытым небом.

Из их рассказов я собрал воедино картину всей битвы — так хорошо, как сумел. Позже я слышал эту историю из уст людей, действительно знавших все детали: каждую хитрость, каждый приказ, каждый удар. Я знал ее наизусть,

но сейчас не могу заставить себя повторить все сначала. Говоря вкратце, наши люди устали после ночного бдения, когда царь ожидал неожиданной атаки. Александр же, как раз рассчитывая на это, дал своим воинам хорошенько выспаться и отдохнуть, да и сам уснул сразу, как только закончил составлять план сражения. Спал он как убитый; на рассвете его пришлось расталкивать — настолько он был уверен в победе.

Многие ждали, что Александр, выступивший справа, с самого начала начнет пробиваться к Дарию, сражавшемуся в центре. Вместо этого, однако, македонец бросился через всю линию войск, стараясь взять в клещи наш левый фланг. Дарий посылал туда все новые и новые отряды, пытаясь предотвратить это; Александр же снова и снова перекидывал людей налево, совсем истончив наши центральные ряды. И только тогда он, во главе маленького отряда, молнией метнулся навстречу нашему царю, сопровождаемый оглушительным ревом воинов.

Царь бежал рано, но, в конце концов, далеко не первым. Его возница был сражен брошенным копьем, и, когда тот упал, многие приняли его за Дария. Тогда и началось бегство.

Дарий мог бы сразиться с македонцем один

на один, как некогда в Кардосии. Схватись он за поводья, да испусти боевой клич, да врежься в ряды неприятеля! Конечно, его ждала верная гибель, но имя Дария жило бы в веках, и честь царя не была бы запятнана. Как часто, ближе к концу, должен он был презирать свою слабость… Но, подхваченный общей паникой, как лист — осенним ветром, он поворотил колесницу и бежал, едва только завидев Александра, стремительно пробивавшегося к нему на своем черном коне. С этой минуты гавгамельское поле превратилось в бойню.

Еще одну вещь я узнал от воинов. Дарий устроил вылазку в стан врага, за линию македонцев: крохотному отряду он поручил освободить свою плененную семью. Они действительно прорвались к лагерю Александра, и неразбериха боя помогла им до поры остаться неузнанными. Освободив немногих пленных персов, они достигли и шатра женщин, призывая тех бежать с ними. Все вскочили на ноги, кроме матери царя Сисигамбис. Она не двинулась с места, не произнесла ни слова, не дала даже знака, что слышала просьбу воинов. Никого не удалось освободить — македонцы опомнились и отогнали отряд прочь… Последнее, что они видели, — то, как прямо она

сидела в своем кресле, сложив ладони на коленях и глядя перед собой.

Я спросил одного из сотников, почему мы движемся к Экбатане, вместо того чтобы вернуться в Вавилон.

— Это не город, а уличная девка, — возразил тот. — Едва завидев Александра, она постелет чистую простыню и ляжет, раздвинув ноги. Будь там наш царь, она выдала бы его врагу.

Другой кисло прибавил:

— Когда за твоей колесницей бегут волки, надо либо остановить коней и сражаться, либо бросить им что-нибудь, выигрывая время. Царь бросил Вавилон волкам. И Сузы — вместе с ним.

Я отстал, чтобы поравняться с Бубакисом, который не одобрял моих бесед с мужчинами. И, будто прочитав мои мысли, он спросил меня:

— Ты говорил когда-то, что не бывал в Персеполе?

— С тех пор как я служу царю, он не ездил туда ни разу. Что, там лучше, чем в Сузах?

Вздохнув, Бубакис отвечал:

— Во всем мире не отыскать царского дворца прекраснее… Если только Сузы падут, Персеполь удержать не удастся.

Мы проходили одно ущелье за другим. Дорога

за нами оставалась чиста, ибо Александр предпочел Вавилон и Сузы. Когда спокойный шаг нашей колонны прискучивал мне, я практиковался в стрельбе из лука. Не так давно я подобрал лук, принадлежавший скифу, бежавшему в холмы и умершему там от ран. Луки всадников легки, и я свободно мог натянуть его. Первой пораженной мною мишенью стал сидевший на месте заяц — незавидная добыча, но царь был рад получить его на ужин вместо надоевшей козлятины.

Вечерами он бывал задумчив и тих; многие ночи он даже спал в одиночестве, пока холод не заставил его брать в постель девушку из гарема. За мною Дарий не посылал. Возможно, он вспоминал песню воинов моего отца, которую я пел ему, бывало. Не могу сказать.

Вершины самых высоких гор окрасились белым, когда в конце последнего ущелья нашим взорам предстала Экбатана.

Это, если хотите, сразу и дворец, и крепкостенный город. Мне он больше напомнил причудливый рельеф, изваянный в горном склоне каким-то резчиком-великаном. Клонившееся к западу солнце оживило выгоревшие краски, поднимавшиеся ввысь строгими рядами огромных колонн: белый ярус, черный, алый, синий

и желтый. Два верхних, вмещавшие сам дворец и его сокровищницу, горели живым огнем: внешний ряд колонн был обшит серебром, а внутренний — золотом.

Для меня, росшего в холмах, Экбатана была стократ прекраснее Суз. Я едва не плакал, подъезжая к этой каменной сказке. Глаза Бубакиса тоже покраснели, но его огорчало, что царь вынужден прятаться в своем летнем дворце сейчас, когда приближается зима, и ему более некуда бежать.

Мы въехали в городские ворота сквозь камень стен и поднялись к дворцу на самый верх, к выложенным золотом зубцам последнего яруса. Сам дворец оказался цепью просторных зал-балконов, с которых открывался чарующий вид на окрестные горы. Заполонившие город воины спешно строили себе деревянные хижины с кровлями из хвороста; наступала зима.

Снег, вначале окрасивший горные вершины, постепенно сползал ниже по склонам. Моя комната (столь малому двору еще можно было сыскать отдельные покои) находилась высоко, в одной из башен. Каждый день я следил за тем, как в горах удлиняются ослепительно-белые языки снега, пока однажды — совсем как в детстве — не проснулся от яркого света, бившего

в окно. Снег укрыл город: он лежал на балконах и башнях, на солдатских хижинах и на каменных стенах дворца. На перила балкона уселся ворон, сбивший с них снежную шапку, и под его когтями заискрился золотой лоскут… Я вечно мог бы наслаждаться этой чистой красотой, если бы не холод. Мне пришлось разбить ледок в кувшине с водой — а зима только начиналась.

Теплых вещей у меня не было, и я испросил у Бубакиса разрешения посетить городской базар.

— Не стоит, мой мальчик, — отвечал он. — Я разбирал недавно гардероб… Многие одежды лежат тут со дней царя Оха. Для тебя я уже нашел кое-что, в чем ты будешь неотразим.

Так я получил великолепную меховую накидку из рысьей шкуры с алой каймой; вероятно, некогда она принадлежала кому-то из принцев. Бубакис рад был помочь: похоже, он заметил, что Дарий в последнее время не посылал за мной, и хотел сделать меня желанным.

Горный воздух был для меня как здоровье после долгой болезни. Скажу даже, что он благоприятнее отразился на моей внешности, чем накидка. Так или иначе, царь призвал меня к себе, не медля более. Надо сказать, последняя битва сильно

изменила его. Дарий постоянно был встревожен чем-то, и мне стоило немалого труда доставить ему удовольствие. Ежеминутно я чувствовал раздражение царя. Ранее такого не бывало, и теперь я всякий раз старался закончить побыстрее, дабы не ввергнуть себя в нечаянную немилость.

Как бы то ни было, я отлично понимал, что творится сейчас в царской душе, и не держал на него обиды. Он только что получил известие о том, как город-шлюха принял Александра на своем ложе.

Я сказал бы, что даже его натиск эти великие стены могли бы выдерживать не менее года. Увы, Царские ворота Вавилона распахнулись. Улицу выстилали цветы, и на каждом перекрестке стояли треножники и алтари, дымившиеся драгоценными благовониями. Александра встретила процессия, поднесшая ему дары, достойные царя: чистопородных нисайянских лошадей, стадо волов с цветочными венками на рогах, украшенные золотом повозки с леопардами и тиграми в клетках. Маги и халдеи пели ему хвалы под сладостную музыку арф. Кавалерия городского гарнизона прошла перед ним парадом, без оружия… По сравнению с этим Дария те же люди встречали как какого-то малозначимого

правителя.

Но я не успел сказать о худшем. Посланцем, встретившим Александра у городских стен и передавшим ему ключи от Вавилона, был сам сатрап Мазайя, коего мы столь горестно оплакивали по дороге в Экбатану.

Он исполнил свой долг в сражении. Нет сомнения, что из-за пыли и шума он не сразу прознал о бегстве Дария и еще надеялся на поддержку, на победу… Узнав же, сделал выбор. Мазайя быстро отозвал своих людей с поля битвы, чтобы успеть в союзники к Александру, — и сделал это вовремя. Македонец подтвердил его полномочия: Мазайя так и остался сатрапом Вавилона.

Несмотря на весь прием, оказанный ему Мазайей, Александр вступил в город осторожно, в боевом строю, самолично правя колесницей. Впрочем, повода для злорадства не было: Александр приказал выкатить золоченую колесницу Дария и въехал во дворец, как и подобает правителю.

Я старался представить себе этого странного молодого варвара, дикаря — во дворце, который был мне столь хорошо знаком. Отчего-то — быть может, из-за того, что, очутившись в захваченном шатре Дария, он первым делом принял

ванну (по всем свидетельствам, Александр не уступил бы в чистоплотности любому персу), — я воображал его в царской купальне, с ее лазурными плитками и золотыми рыбками, плещущимся в нагретой солнцем воде. Завистливая мысль — здесь, в Экбатане.

Для слуг во дворце были устроены удобные помещения; их комнаты не менялись веками, с тех пор как мидийские цари жили в этих горах круглый год. Преображались с течением лет лишь царские покои: империя росла, и верхние балконы стали просторнее, они были открыты для прохлады, легкими ветерками спускавшейся с гор, чтобы принести царю свежесть отдохновения в жаркие летние дни. Сейчас они были заметены снегом.

Пятьдесят плотников смастерили ставни, закрывшие от нас горы; слуги принесли десятки жаровен, но ничто не могло по-настоящему согреть летнюю резиденцию персидских царей. Мне была понятна горечь Дария при мысли об Александре, нежащемся сейчас под теплым солнцем Вавилона.

Бактрийцы, привыкшие к суровым зимам в родных краях, чувствовали бы себя неплохо, если б не спешное бегство, заставившее их бро-

сить пожитки на гавгамельской равнине. Персам и грекам приходилось не слаще. Люди из горных сатрапий отправлялись на охоту, дабы самим раздобыть себе меховую одежду; иные покупали ее на базаре или же грабили селян, делая набеги в поля.

Принц Оксатр, как и прочая знать, жил во дворце. Бесс смеялся над лютым холодом сквозь свою черную бороду; Набарзан же заметил, что мы стараемся предоставить ему весь комфорт, который только можем позволить, и поблагодарил со всей учтивостью. Бесспорно, он был достойным наследником высокородных пращуров.

Воинам неплохо платили из царской сокровищницы. Они оживили городскую торговлю, но, сильно нуждаясь в ласках редких здесь шлюх, причиняли немало бед честным женщинам. Да и сам я, совершая конные прогулки, быстро научился сторониться греческих поселений. Надо признать, греки вполне заслуживают свою славу мужеложцев. Должно быть, все они знали, кто я и кому служу, но все равно громогласно подзывали меня свистом и криками, забыв о всякой пристойности. В любом случае я уважал их обычаи; кроме того, я отдавал должное нерушимости их слова. Греки не оставили царя в его

черный час.

Последние листья опали с чахлых, убогих деревьев: их унесли ветра, срывавшие с ветвей даже снег. Дороги перекрыли заносы. Каждый новый день был похож на прошлый, и моим единственным развлечением оставались стрельба из лука да танец, хотя мне тяжело бывало разогреться, не растянув при этом связки.

Для царя каждый день тянулся как целая неделя. Его брату Оксатру едва ли исполнилось тридцать, он отличался от Дария ликом и образом мыслей, на целые дни покидал дворец для охоты с другими молодыми властителями. Царь занимал сатрапов и благородных гостей дворца приглашениями на обеды, но, погрузившись в мрачные думы, мог забыть о них и не подать знака к беседе. Благодаря моим танцам, я думаю, он избавлялся от необходимости говорить. Гости же, не имевшие иных развлечений, делали мне щедрые подарки и превозносили мое мастерство в изысканных похвалах.

Мне не показалось бы странным, если бы Дарий пригласил на подобный обед Патрона, командовавшего греками. Но подобная мысль ни разу не посетила царя: он не желал впускать в покои людей, рангом подобных этому наем-

нику.

Наконец случилась оттепель, и посланнику удалось прорваться к нам заснеженными горными тропами. То был торговец лошадьми из Суз, явившийся в надежде на награду. Теперь мы зависели от подобных ему людей и платили им сполна, сколь бы ни были печальны принесенные вести.

Александр был уже в Сузах. Город открыл перед ним свои ворота, пускай без ложного радушия Вавилона. Македонец завладел всей сокровищницей, накапливавшейся многими династиями; то была настолько внушительная сумма, что, услышав о ней, я не мог поверить в то, что весь мир способен вместить подобное богатство. Воистину, достаточно сочный кусок, чтобы удержать волков от преследования колесницы.

Когда зима наверстала упущенное, вновь перекрыв дороги и заперев нас всех вместе на многие недели в окружении голых скал, люди все больше замыкались в себе, озлоблялись или тупели. Воины разделились на мелкие группки, возобновив старую вражду, принесенную ими из родных краев. Жители грязного городка у подножия дворца все чаще приходили с жалобами на бесчестье, постигшее их жен, дочерей или же сыновей.

Подобные пустяки не достигали царских ушей; уже скоро все жалобщики разыскивали Бесса или Набарзана. Безделье, однако, не пощадило и самого Дария; он набрасывался то на одного, то на другого слугу, упрекая их за нерадивость; выбор его зачастую бывал случаен, так что все мы ходили по краю пропасти, имя которой — царская немилость. В том, что вскоре произошло со мною, виноваты те долгие, белые, пустые дни без малейшего проблеска радости. И поныне я думаю так же.

Однажды вечером он послал за мною, впервые за долгое-долгое время. Пятясь из опочивальни, Бубакис сделал мне знак и еле заметным кивком поздравил меня, но с самого начала я был не уверен ни в себе, ни в расположении царя. Мне вспомнился тогда мальчик, служивший до меня, и то, как он был отослан с обвинением в нехватке фантазии. Потому я рискнул вновь испробовать нечто, немало изумившее царя в Сузах. Все шло хорошо, пока внезапно он не оттолкнул меня и, сильно ударив по лицу, не приказал убираться с глаз, обозвав напоследок «отвратительным наглецом».

У меня так тряслись руки, что я едва смог одеться. Спотыкаясь, я брел нескончаемыми ко-

ридорами дворца, почти ослепленный слезами боли, обиды и растерянности. Закрыв лицо рукавом, чтобы вытереть их, я налетел на кого-то.

Одежды пострадавшего на ощупь показались мне богатыми, и я забормотал извинения. Он же положил ладони мне на плечи и заглянул в лицо, разглядывая меня в неровном свете укрепленного на стене факела. То был Набарзан. Стыд заставил меня проглотить слезы; Набарзан имел на удивление острый язык и при желании мог высмеять кого угодно.

— Что случилось, Багоас? — спросил он с величайшей нежностью в голосе. — Неужели кто-то решился ударить тебя? Твое милое лицо завтра испортит синяк.

Набарзан говорил со мной, словно обращаясь к женщине. Вполне естественно, но в ту минуту я был настолько унижен, что его тон оказался последней каплей. Даже не понизив голоса, я буркнул:

— Он ударил меня, просто так, ни за что. И если это сделано мужчиной, то я также могу носить это имя.

В полной тишине Набарзан взирал на меня сверху вниз. Это быстро отрезвило меня; по неосторожности я вложил свою жизнь в его

руки.

— На это мне нечего ответить, — сказал он наконец. И пока я стоял как вкопанный, осознавая страшную тяжесть вырвавшихся слов, Набарзан тронул мою пылавшую щеку кончиками пальцев. — Забыто. Но помни: мы оба отныне станем держать язык за зубами.

Я согнулся, намереваясь пасть ниц, но он удержал меня за плечи:

— Отправляйся спать, Багоас. И пусть сон не оставит тебя, что бы ни было сказано. Царь забудет обо всем завтра же, не сомневайся.

Всю ночь я не мог сомкнуть глаз, но не из-за страха за свою жизнь. Набарзан не предаст. В Сузах я привык к мелким дворцовым интрижкам: взаимной слежке, клевете соперников, бесконечной игре во имя царского расположения. Теперь же я знал, что провалился куда-то неизмеримо глубже. Набарзан не скрывал от меня презрения — презрения вовсе не ко мне.

Когда синяк сошел, царь послал за мной и попросил танцевать, после чего подарил десять золотых дариков. Но нет, вовсе не из-за случайного синяка саднила моя память.

Глава 7

Когда стужа пошла на убыль, с севера до нас долетели добрые вести. Скифы — из тех, что были в союзе с Бессом, — собирались прислать нам десять тысяч лучников, как только весна расчистит заносы на дорогах. Кардосцы, жившие у Гирканского моря, ответили на царский призыв обещанием подмоги в пять тысяч пеших воинов.

Управитель Персиды, Ариобарзан, также передал весточку. Он воздвиг стену, перекрывшую от края до края всю громаду ущелья Персидских ворот, единственного прохода к Персеполю. Отныне город можно было удерживать вечно; любая армия, которая осмелится войти в ущелье, будет уничтожена сверху градом камней и валунов. Александр и его люди погибнут, так и не дойдя до стены, если, конечно, нам хотя бы немного повезет.

Я слышал, как Бесс говорил своему приятелю, проходя мимо: «О, мы должны быть сейчас там, а не здесь». К счастью для самого Бесса, боги остались глухи к его желанию.

Между Персидой и Экбатаной лежит долгий и трудный путь, особенно если в резерве один

лишь конь. Не успели новости достичь нас, как Александр взял Персеполь. Если бы мы только знали!

Поначалу он пытался пройти сквозь Персидские ворота, но, скоро убедившись в смертельной опасности ловушки, отозвал войско. Защитники было решили, что Александр не вернется, но македонец прознал от пастуха (коего весьма щедро наградил впоследствии) о существовании какой-то смертельно опасной козьей тропки. По ней — если только не свернешь шею — можно обойти ущелье и выбраться к городу. Той тропою Александр и провел часть своих воинов сквозь тьму и снега. Он напал на персов с тыла, а оставшееся войско ринулось в ворота, лишенные защитников. Наши люди оказались зерном меж двух жерновов; мы же тем временем радовались жизни в Экбатане.

Текли дни; снега покрылись хрусткой корочкой наста, небо оставалось чистым и холодным, без малейшего дуновения ветра. Из окон дворца, меж оранжевых и голубых колонн, я наблюдал, как городские мальчишки играют в снежки.

Давно привыкнув к обществу мужчин, я едва мог вообразить, что это значит — быть мальчиком среди себе подобных. Мне только что

исполнилось шестнадцать; мне уже не было дано познать радостей детства. Я понял вдруг, что у меня нет друзей — в том смысле, в каком это слово понимают дети, — одни лишь покровители.

Что же, думал я, нет смысла грустить понапрасну; грусть не вернет того, что отнял у меня нож торговца рабами. Есть свет и есть тьма, как говорят нам маги, и все живое на земле может выбирать между ними.

Итак, свои конные прогулки я совершал в полном одиночестве; иногда мне снова хотелось взглянуть на город-рельеф, на сияние красок и металла его стен, обрамленных белизною снега. В холмах меня коснулось дыхание свежего ветра — поразительный аромат, еле заметно пробивающийся сквозь прозрачную чистоту горного воздуха. То был первый поцелуй весны.

С водосточных желобов стаяли сосульки. Из снега показалась бурая, жухлая трава; все во дворце начали выезжать на прогулки. Царь созвал военный совет, чтобы решить, что делать, когда дороги откроются и подоспеют свежие силы. Я достал свой лук и в ближней лощине подстрелил лисицу. У нее была чудесная шкурка с серебристым отливом, и я отнес ее городскому скорняку, попросив его сделать мне шапку.

Вернувшись, я побежал к Бубакису рассказать о своей удаче: кто-то из слуг шепнул мне, что евнух у себя в комнате и что он «принял новости близко к сердцу».

Еще из коридора я услышал его безутешные рыдания. Не так давно я не решился бы войти, но эти времена уже минули. Бубакис лежал, распростершись на своей кровати, и плакал так, что, казалось, сердце его вот-вот разорвется от горя. Присев рядышком, я тронул его за плечо — и Бубакис обернул ко мне залитое слезами лицо.

— Александр сжег его! Сжег дотла. Все, все исчезло — там теперь одно пепелище…

— Что он сжег? — переспросил я.

— Дворец в Персеполе.

Сев на кровати, Бубакис уткнулся в полотенце, но новые слезы пролились сразу, едва только он утерся.

— Царь посылал за мной? Я не могу лежать здесь, пока…

— Ничего страшного, — отвечал я, — кто-нибудь заменит тебя.

И он рассказал мне, всхлипывая и вздыхая, о колоннах в форме лотоса, о прекрасной резьбе, о драгоценных занавесях, о золоченых сводах. На мой взгляд, все это очень напоминало Сузы,

но я скорбел вместе с Бубакисом над его великой утратой.

— Что за варвар! — сказал я. — И дурак к тому же, сжечь собственный дворец! — Весть о падении Персеполя уже дошла до нас.

— Говорят, он был пьян… Тебе не стоит выезжать надолго, Багоас, только потому, что царь занят на совете. Он может счесть твою свободу излишней, и это не принесет тебе добра.

— Я прошу прощения. Ну же, дай мне полотенце, тебе потребуется холодная вода.

Выжав для Бубакиса его полотенце, я сошел в зал прислуги. Мне хотелось услышать прибывшего посланника собственными ушами, пока ему еще не успела приесться история. Я едва не опоздал: те, кто уже слышал ее, все еще шушукались, рассказчика же столь усердно попотчевали вином, что он едва был способен открыть рот и тихонько подремывал на груде одеял. Весь зал заполонили дворцовые слуги и некоторые из воинов, отстоявшие ночную стражу.

— Был большой пир, и все они напились, — пояснил мне управляющий. — Какая-то шлюха из Афин умоляла Александра поджечь дворец, потому что Ксеркс некогда сжег греческие храмы. Первый факел Александр бросил сам.

— Но он же жил в нем!

— Где ж еще? Он разграбил весь город, едва взяв его.

Об этом я уже слышал.

— Но почему? Он ведь не грабил Вавилон. Или Сузы. — Признаться, я вспомнил о нескольких домах, которые был бы рад увидеть в пламени.

Седой воин, сотник, пояснил мне:

— А чего ж тут непонятного? Вавилон сдался. И Сузы. А в Персеполе гарнизон спасался бегством — вместо того чтобы принести Александру ключи от города. Да они сами начали грабить собственный дворец, чтобы поменьше оставить врагу. Ни у кого не было времени прийти и сдаться, хотя бы для виду. К тому ж Александр сам заплатил своим воинам за взятие Вавилона, а потом и Суз. Но это ведь не то же самое… Два великих города пали, а солдаты не получили даже шанса на поживу. Войска не могут сдерживаться вечно.

Его громкий голос разбудил посланника. В суматохе пожара он украл двух лошадей из конюшен и теперь наслаждался важностью своих новостей, пока вино не сморило его окончательно.

— Нет, — сипло вымолвил он. — Это все греки. Царские рабы… Они вырвались на свободу и встретили Александра на дороге в город, четыре тысячи бывших рабов. Никто и подумать не мог, что их так много, пока они не собрались все вместе.

Голос его затих, и воин сказал мне:

— Не обращай внимания, пусть спит. Я расскажу тебе потом.

— Он плакал, увидев их. — Посланник рыгнул. — Один из них поведал мне… Ныне они все свободны — свободны и богаты. Александр собирался послать их домой, одарив деньгами, которых им хватит на первое время; но они не хотели, чтобы соплеменники видели их в таком состоянии. Они попросили его о земле, которую могли бы обрабатывать все вместе, ибо сами привыкли к виду друг друга. Вот, а потом он разозлился, как никогда, двинулся прямо в город и спустил своих людей с цепи. Только дворец оставил себе, а потом сжег и его.

Я вспомнил Сузы и греческих рабов, принадлежавших царскому ювелиру, культи их ног, клейменые и безносые лица. Четыре тысячи! Большинство, должно быть, жили там со дней царя Оха. Четыре тысячи!

Я подумал о Бубакисе, оплакивавшем утерянную красоту… Едва ли он видел в Персеполе греческих рабов, а если и видел, то двоих-троих, не больше…

— Итак, — молвил воин, — вот вам и конец зимних торжеств. Когда-то я служил там; город останется со мной на всю жизнь… Что ж, война есть война. Помню, воевал я в Египте с Охом… — Насупившись, он умолк, но потом вскинул взгляд снова. — Не знаю, насколько пьян был Александр. Он разжег свой костер, когда уже был готов уходить.

Я понял, что он имеет в виду. Весна повсюду сменяла зиму. Но никакой воин не принимает всерьез догадливость евнухов.

— Он спалил дворец у себя за спиной. И знаешь, куда он двинется теперь? Сюда, куда же еще!

Глава 8

Поздней весной, когда с небес упал дождь, а по лощинам побежали бурые потоки, царь приказал отправить женщин на север. В Кардосии, за узким проходом Каспийских ворот, они окажутся в безопасности.

Я помогал им рассаживаться по повозкам. Царских любимиц можно было различить с первого взгляда: их выдавал утомленный вид и тени под глазами. Даже после долгих прощаний многие не спешили сходить с крыши дворца, глазея им вслед.

Для простых солдат это не значило ровным счетом ничего, разве что их предводители завистливо вздыхали — их собственные женщины поплетутся за ними с увязанным в тюки имуществом за спиной, как солдатские жены делают испокон веку. Более привыкшие обходиться без помощи, чем изнеженные дамы из гаремов, многие из них шли за войском еще с Гавгамел.

Александр направился в Мидию. Казалось, он не слишком спешит, по пути ненадолго задерживаясь то здесь, то там. Мы тоже со дня на день ждали приказа сняться с места и двинуться

на север, где нас обещали встретить войска кардосцев и скифов. Объединив силы, мы подождем Александра и поспорим с ним за право прохода в Гирканию. Так говорили. Поговаривали также, хоть и не столь громко, что, действуй Александр быстрее, мы сами бы устремились в Гирканию — и оттуда в Бактрию… «Служа великим, вверяй им судьбу свою». Я старался прожить каждый день так, как если бы он был последним.

Ясным утром новорожденного лета мы двинулись в путь. Там, где дорога сворачивала в холмы, я оглянулся, не останавливая коня, дабы сохранить в памяти сияние зари на золотых зубцах стен. «Прекрасный город, — думал я, — прощай, мы не встретимся больше». Знал бы я только!

Когда армия проходила через прятавшиеся в предгорьях деревушки, я приметил, сколь худы тамошние жители и сколь угрюмо они рассматривают нашу колонну. Да, здешний край слишком беден, чтобы долго кормить целую армию. И все же, когда мимо проезжал сам царь, они все падали ниц. Для них он был богом, высоко вознесшимся над деяниями своих слуг. Уже тысячу лет эта истина течет в наших жилах, неистребима она и во мне — хоть я и видел, из чего сотворены подобные боги.

Наш путь лежал через пустынные холмы, под яркой синевою неба. Щебетали птицы. Конные воины пели по дороге: в основном то были бактрийцы на своих приземистых косматых лошадках. Здесь, среди древних холмов, сложно было думать о мимолетности жизни.

Уже скоро, впрочем, их песни смолкли. Мы приближались к назначенному месту, где нас должны были ждать скифы. Они не высылали дозорных; кардосцев тоже не было видно. Наш собственный передовой отряд не нашел никаких признаков их лагерей.

Царь рано подал знак к отдыху. За мною он не посылал, хоть женщин с нами уже не было. Возможно, моя оплошность в Экбатане истребила в нем желание; или, быть может, оно убывало само собой. Если так, мне стоит приготовиться принять на себя маленькие ежедневные обязанности простого евнуха при дворе. Будь мы сейчас в одном из царских дворцов, а не в пути, я вполне мог бы уже получить такой приказ.

Если только это случится со мною, думал я, непременно заведу любовника. Мне вспоминался Оромедон; он всегда излучал особый свет, и теперь, вспомнив о нем, я открыл источник этого света. У меня самого не было недостатка

в предложениях, тайных разумеется, ибо царя боялись, но мне все же давали знать, где мне следует рассчитывать на радость свидания.

Подобными глупостями тешат себя юные, коим их мимолетное счастье или горе всегда кажется вечным, пускай притом сами небеса грозят обрушиться на землю!

Через два дня, так и не оправдавшие наших ожиданий, мы сошли с северного тракта и свернули на проселочную тропу, приведшую нас к равнине, где мы рассчитывали увидеть лагерь скифов.

Мы были там уже около полудня; огромное поле, поросшее горным бурьяном да низким кустарником. Свой лагерь мы разбили там, где несколько чахлых деревьев клонились под ветром и слышалось поскуливание кроншнепов; меж камней то и дело шмыгали кролики. В остальном же я в жизни еще не видел такой безотрадной пустоты…

Тихо сгустилась ночная тьма. К вечернему шуму лагеря скоро привыкаешь: песни, гул бесед, редкие смешки или ссоры, приказы, стук котелков. Сегодняшней же ночью — лишь ровное бормотание, похожее на тихий скрип мельничных колес, вращаемых речным потоком. Оно все

не хотело прекращаться, и я так наконец и заснул под его размеренное гудение.

На рассвете меня разбудили громкие возгласы. Пять сотен конников ускользнули от нас этой ночью, равно как и добрая тысяча пеших воинов, забравших с собою все свое снаряжение, кроме щитов.

Рядом с моим шатром чей-то голос отрывисто бросал греческие слова, которым тут же вторил толмач. Патрон, предводитель греков, явился объявить, что все его люди на месте.

Они давным-давно могли бежать к Александру и помочь ему разграбить Персеполь. Здесь они довольствовались жалованьем, казначеи же прятали от них остальные деньги. Патрон был крепко сбитым седым мужчиной с квадратным лицом, невиданным среди персов. Он был родом из какой-то греческой провинции, проигравшей сражение отцу Александра; потому он пришел к нам и привел своих людей с собою. Они служили в Азии еще со времен царя Оха. Я с радостью видел, что Дарий говорит с греком приветливее обычного. Так или иначе, в полдень, когда солнце оказалось прямо над головами, был созван военный совет, но Патрона не пригласили. Чужак и наемник, он был не в счет.

Трон водрузили на помост в царском шатре, убранном и вычищенном в срок. Властители собирались не спеша, их длинные плащи хлопали на резком ветру; на них были лучшие одежды, какие только остались… Они столпились снаружи, ожидая дозволения войти. Немного в стороне о чем-то горячо спорили Набарзан с Бессом. На их лицах ясно читалась решимость — я давно ждал этого и боялся.

Войдя, я тихо сказал Бубакису:

— Грядет что-то ужасное.

— Что ты говоришь? — Он с такой силой вцепился мне в руку, что та сразу заныла.

— Не знаю сам. Зреет что-то против царя.

— Зачем ты говоришь такое, если не знаешь? — Он был груб, ибо я растревожил его смутные страхи.

Сатрапы и воители вошли, пали ниц, после чего заняли свое место строго по чину. Мы, евнухи, сокрытые от их глаз в царской опочивальне, слушали через задернутые кожаные занавеси. Таков был обычай; сегодняшний совет — не тайные переговоры. Хотя мы послушали бы и их, если б только могли.

Царь говорил с трона. Очень скоро стало ясно, что речь он приготовил сам.

Дарий воздал хвалу преданности его слушателей, напоминая им (вот правитель, верящий в подданных!) о том, как щедро Александр одаривал перебежчиков вроде Мазайи из Вавилона. Он долго говорил о былых победах и славе Персии, и я почти физически ощутил растущее нетерпение владык и военачальников. Наконец он добрался до сути: царь предлагал занять последний пост у Каспийских ворот. Победа или смерть.

Повисло плотное молчание — хоть нож втыкай. Персидские ворота, обороняемые прекрасными воинами, пали в разгар зимы. Теперь настало лето. Что же до боевого духа нашего войска — да неужто царь не чувствует, как настроены люди?

Но я, бывший некогда близким к Дарию, — мне кажется, я понял его. Он не забыл песню воинов моего отца. Я чувствовал, как стремится царь смыть свой позор. Он представлял себя у Каспийских ворот, где вновь обретет честь, потерянную при Гавгамелах. Но ни один из тех, что стояли пред ним сейчас, не видел картин, владевших сейчас Дарием. И ответом ему была жуткая тишина.

На туалетном столике в опочивальне лежал

ножик, которым рабы подрезали царю ногти. Я потянулся за ним, вонзил в занавеси, повертел и приник к проделанному отверстию. Бубакис был шокирован, но я просто протянул ему нож. Царь сидел к нам спиной; остальные же не могли ничего заметить, даже если бы все евнухи разом высунули головы из дыр.

Дарий застыл на своем троне; мне были видны пурпурный рукав и верхушка митры. И еще я видел то, что видел он сам: лица. Хоть никто не рискнул шептаться в присутствии повелителя, их глаза блестели, взгляды прыгали по рядам.

Кто-то шагнул вперед. В высокой фигуре с усохшими плечами и белоснежной бородой я узнал Артабаза. Увидев его впервые, я решил, что он неплохо выглядит для человека, которому под восемьдесят. На самом же деле Артабазу было девяносто пять, но он все равно держался прямо. Когда он приблизился к помосту, царь ступил вниз и подставил щеку для поцелуя.

Своим твердым, высоким, старческим голосом Артабаз объявил, что он сам и его сыновья, со всеми людьми, будут стоять до последнего человека на том поле битвы, какое повелителю будет угодно избрать. Дарий обнял старца, и тот вернулся на место. Водворилась прежняя тиши-

на, и минуты казались столетиями.

Затем какое-то движение, тихий шепот… Вперед вышел Набарзан. Вот оно, подумалось мне.

На нем было серое шерстяное одеяние с вышивкой на рукавах, которое он носил в ту ночь в Экбатане. Оно выглядело старым и потертым. Полагаю, ничего лучше у Набарзана не осталось — все было утрачено в суматохе бегства… В первых же словах Набарзана ясно прозвучали власть и угроза:

— Мой повелитель. В сей час столь тяжкого выбора, мне кажется, мы можем без страха смотреть вперед, лишь оглянувшись назад… Во-первых, наш враг. Он владеет богатством, он быстр и крепок. У него хорошее войско, почитающее его как бога. Говорят — и какова в сих словах доля правды, я не берусь судить, — что он делит с воинами все трудности и в мужестве подает им пример.

Сказав это, Набарзан ненадолго умолк.

— В любом случае ныне он может вознаградить преданность из твоей казны, государь. Так говорят о нем; но что еще мы слышим всякий раз, когда произносится его имя? Что он удачлив. Удача сопутствует ему, куда бы он ни двинул войско.

Новая, более длительная пауза. Теперь они сдерживали дыхание. Что-то быстро приближалось, и многие из них уже знали, что именно.

— Но так ли это? Если я найду на своей земле чистокровного скакуна, меня назовут удачливым. Бывшего же владельца — несчастливым.

Властители, стоявшие сзади и не подозревавшие ни о чем, зашевелились. В передних рядах между тем тишина уже начинала звенеть. Я видел, как пурпурный рукав заерзал на подлокотнике трона.

— Пусть безбожники, — мягко продолжал Набарзан, — говорят о случае. Нам же, взращенным в вере отцов, надлежит помнить, что все случается лишь по воле небес. Зачем же нам думать, что многомудрому богу угоден Александр — чужак и разбойник, следующий иной вере? Не стоит ли нам, как я уже сказал, оглянуться назад и попытаться узреть какой-то былой грех, из-за которого мы терпим сегодня страдания?

Тишина стала абсолютной. Даже глупцы уже поняли; так собаки, бывает, начинают волноваться, почуяв раскат еще не прогремевшего грома.

— Мой повелитель, весь мир знает о твоей безупречной чести, вознесшей тебя на этот трон после всех тех ужасов, к коим ты не имел

касательства. — Голос Набарзана превратился в глухое мурлыканье леопарда, слова его обжигали иронией. — Благодаря твоему справедливому суду вероломный злодей обращен во прах и не властен более похваляться бедами, которые он принес государству. — Набарзан вполне мог бы добавить: «Или же обвинить в них тебя самого». — И все же не с тех ли пор нас оставила удача? Мы — тот кувшин, который опорожнил удачливый Александр. Повелитель, старики говорят, что проклятия, падшие на голову преступника, могут пережить его. Не пора ли задаться вопросом, что сможет ублажить Митру, стража справедливости и чести?

Статуи, высеченные в камне. Они уже все поняли, но еще не могут поверить.

Голос Набарзана изменился. Бесс шагнул вперед из общего ряда и встал, возвышаясь, рядом с ним.

— Мой царь и повелитель, наши крестьяне, заблудившись в холмах, выворачивают наизнанку меховые плащи, дабы демон, уведший их прочь с верной тропы, потерял их из виду. В простых людях жива древняя мудрость. И нам также, верю я ныне, следует вывернуть злосчастные одежды, хоть бы они были пурпурными. Здесь

стоит Бесс, делящий с тобою, о повелитель, кровь Артаксеркса. Позволь же ему носить митру и командовать людьми, пока не окончится эта война. Когда македонцы будут изгнаны с нашей земли, ты вернешься.

Вот, наконец они поверили. На памяти каждого из нас уже двое владык умерли от яда. Но никто и помыслить прежде не мог, чтобы великому царю, одетому в пурпур и сидящему на троне, кто-то мог приказать встать и уйти.

Тишина раскололась: громкие восклицания согласия, внушенные и отрепетированные заранее; тревожные крики и вопли ярости; бормотание сомневавшихся. Внезапно громоподобный возглас «Изменник!» затопил собою все остальные. То кричал сам царь, нетвердой поступью спускающийся с помоста в своем пурпурном одеянии. Обнажив кривую саблю, он шел на Набарзана.

Дарий был страшен — рост и гнев делали его исполином. В своем царском величии даже мне он казался божеством. Я перевел взгляд на Набарзана, ожидая увидеть его на коленях, с опущенной головой.

Вместо этого к Дарию бросилась целая толпа: Набарзан, Бесс и главные бактрийские владыки низко кланялись, вымаливая прощение. И, вце-

пившись в царское одеяние, прося о милости, они силой опустили занесенное было лезвие. Сабля неуверенно задрожала в руке Дария и в конце концов ткнулась в землю. Все они пали ниц, горестно оплакивая свое преступление, повторяя, что мечтают уйти, дабы не встретить его праведного гнева, и вернутся тогда лишь, когда он сам даст им позволение узреть его лик.

Пятясь, все они выскользнули за порог. И все бактрийские полководцы последовали за ними.

Кто-то задыхался рядом со мной. Бубакис проделал в занавеси дыру вдвое больше моей и теперь сотрясался всем телом, не в силах подавить ужас.

Шатер ходил ходуном, подобно муравейнику, разрушенному неосторожным путником. Старик Артабаз, его сыновья и верные царю персидские владыки сгрудились подле Дария, торжественно клянясь в своей преданности повелителю. Он поблагодарил их и распустил совет. Мы едва успели привести себя в порядок, прежде чем царь вошел в опочивальню.

Не говоря ни слова, он позволил Бубакису снять с себя пурпурное облачение и надеть мантию для отдыха, после чего опустился на ложе. Черты лица его заострились, словно Дарий уже месяц

не покидал постели, тяжко терзаемый хворью. Я выскользнул прочь, не поклонившись, не испросив разрешения. Неслыханная дерзость, но я знал, что прямо сейчас царю нет дела до подобных мелочей. Бубакис даже не выбранил меня после.

Я направился прямо в лагерь. Одежда моя была уже изношена и пахла конюшнями с тех пор, как «сбежал» мой раб. Никто не признал меня.

Бактрийцы были заняты делом — они начинали сворачивать лагерь.

Быстро же они! Значит, Бесс и вправду испугался царского гнева? Но я не мог представить, чтобы Набарзан так легко сдался. Я врезался в толпу спешивших куда-то бактрийцев; среди них, погруженных в собственные думы, я ощутил себя невидимым. В основном меж собою они говорили о правах, принадлежащих их военачальнику: пришла, дескать, пора мужчине занять трон. Кто-то прошептал:

— Что ж, теперь никто не сможет сказать, что царю не дали его шанса.

Поодаль, как всегда в безупречной чистоте, стояли шатры греков. Там никто не собирал вещей. Все они просто сбились вместе поговорить. Греки — великие мастера болтать языками,

но весьма часто им и вправду есть что сказать. Я подобрался к ним поближе.

Они были столь увлечены спором, что я пробился в середину прежде, чем кто-либо успел обратить на меня внимание. Впрочем, один из них вскоре оглянулся и шагнул мне навстречу. Издали я счел его сорокалетним, но теперь, когда он смотрел на меня сверху вниз, я понял, что он моложе по меньшей мере на десяток лет. Война и усталость сделали остальное.

— Прекрасный незнакомец, неужели я все-таки вижу тебя? Отчего же ты никогда не навещал нас?

На нем все еще была греческая одежда, хотя сама ткань протерлась до нитяной основы. Кожа его была смугла, как кедровые доски, а бородка выгорела на солнце и теперь казалась значительно светлее волос. Его улыбку я счел искренней.

— Друг мой, — отвечал я, — сегодня не день для учтивых бесед. Бесс только что открыл царю, что сам хочет сесть на его трон.

Я не видел смысла скрывать истину от верных Дарию людей, когда ее знает каждый изменник.

— Да, — кивнул грек. — Они предлагали нам перейти на их сторону, суля двойную плату.

— Некоторые из персов также остались верны,

хоть теперь ты, должно быть, уже сомневаешься в этом. Скажи, что задумали бактрийцы? Почему они сворачивают лагерь?

— Далеко они не уйдут. — Грек поедал меня глазами, не пряча жадного взгляда, но и не оскорбляя им. — Сомневаюсь даже, решатся ли они скрыться из виду. Судя по тому, что они наговорили Патрону, все предстанет так, будто они спешат исчезнуть с царских глаз, страшась праведного гнева. Разумеется, это лишь уловка. Без них нас останется совсем мало; они хотят, чтобы все это поняли и в следующий раз были посговорчивей. Что ж, я служу в Азии меньше Патрона с его фокийцами, но и мне ведомо, как верные персы чтут своего царя. У нас в Афинах все иначе; но и дома все далеко не так гладко — потому я и покинул родные края… В общем, лично я служу там, где поклялся служить, и буду держать свою клятву. У каждого должна быть сума, в которой можно носить свою честь.

— Такая сума есть у каждого из греков. Все мы помним об этом.

Он тоскливо разглядывал меня ярко-голубыми глазами, словно ребенок, просящий о чем-то, чего ему никогда не заполучить.

— Ну а наш лагерь и в полночь будет стоять

там, где стоит. Что скажешь, если я приглашу тебя выскользнуть из своего, чтобы распить со мной по чаше вина? Я мог бы рассказать тебе о Греции, раз уж ты так хорошо говоришь на нашем языке.

Едва не рассмеявшись, я отказался от его рассказов. Но что говорить, грек понравился мне, а потому я отвечал с улыбкой:

— Ты знаешь, что я служу царю. Сегодня ему потребны все друзья, какие у него есть.

— Что ж, я всего лишь спросил. Мое имя Дориск. Твое я знаю.

— До свидания, Дориск. Осмелюсь сказать, мы еще встретимся.

На это я вовсе не уповал, но хотел показать дружелюбие. Подав ему руку (мне показалось, он никогда не выпустит ее из своей), я вернулся к царскому шатру.

Государь был один. Бубакис сказал, что Дарий никого не желает видеть и даже не ест ничего, а также что Набарзан собрал всех конников и встал лагерем рядом с людьми Бесса, — дойдя до этого места, евнух разрыдался. Страшно было видеть, как он затыкает рот концом своего пояса: не для того чтобы прикрыться от взгляда юного ничтожества вроде меня — кем еще я был теперь? — а чтобы царь не услыхал плача.

— Греки верны нам, — сказал я.

Некогда Бубакис предостерегал меня от того, чтобы я близко подходил к ним. Теперь он просто спросил: что такое две тысячи воинов против тридцати с лишком тысяч бактрийцев и всадников Набарзана?

— Верных царю персов тоже немало. Кто командует ими сейчас?

Промокнув глаза другим концом пояса, Бубакис ответил:

— Артабаз.

— Что?! Не могу поверить.

Египтянин не ошибся. Древний старец совершал объезд лагеря персов, встречался с владыками и сатрапами, ободряя их в присутствии воинов. Подобная преданность может растрогать и камень. Странной казалась мысль, что, по меркам многих, Артабаз был уже глубоким стариком, когда восстал… Но то был бунт против Оха, который, по-моему, не дал ему иного выбора — мятеж или смерть.

Закончив объезд, старик явился к царю и заставил его поесть, разделив с ним трапезу. Нам было приказано удалиться, но мы слушали их разговор. Раз теперь нельзя было и думать о том, чтобы повести войска в битву, они собирались

пройти Каспийскими воротами, пустившись в путь на рассвете.

Пока мы ужинали в своем шатре, я высказал то, что более не мог носить в себе:

— Отчего же царь сам не объедет лагерь? Он годится Артабазу во внуки! Ему только пятьдесят… Воины должны *хотеть* сражаться под его началом, и кто, кроме самого царя, лучше убедит их в этом?

Евнухи набросились на меня с гневом — все до единого. Что я, с ума сошел? Неужели я хочу, чтобы сам царь ободрял солдат, словно какой-то сотник? Кто станет почитать его после этого? Куда пристойнее терпеть напасти, не теряя достоинства и не отдавая на поругание своего божественного величия.

— Но, — возразил я, — сам великий Кир был полководцем. Я знаю, во мне течет его кровь. Его люди обязательно должны были увидеть царя хотя бы раз, пусть мельком, в течение дня!

— То были грубые, невежественные времена, — ответил Бубакис. — И им не дано вернуться.

— Будем надеяться, — сказал я. И, надев меховую накидку, вышел из шатра.

Темнота была бы полной, если б не костры караульных да факелы, то здесь, то там воткну-

тые прямо в землю. Тускло светились стены некоторых шатров. Проходя мимо погасшего факела, я размазал немного золы по лицу, после чего пробрался к ближайшему костру, у которого заслышал бактрийский говор, и опустился на корточки рядом с остальными.

— Сразу видно, его проклял сам бог, — говорил бактрийский сотник. — Это сводит его с ума. Он ведет нас через Каспийские ворота, чтобы угодить в ловушку, подобно крысам. Встретить врагов там, где по обе стороны горы, а сзади — Гирканское море?.. Зачем, если Бактрия сможет держаться вечно? — Он продолжал, описывая тамошние бесчисленные крепости, каждая из которых неприступна, если враг не птица. — Все, что нам нужно, чтобы прикончить македонцев прямо там, — это царь, который знал бы страну. И сражался бы как мужчина.

— О Бактрии, — отвечал ему один из персов, — не могу судить, не знаю. Но не говори о божьем проклятии, если собираешься обнажить меч против царя. Вот уж верно деяние, проклятое всеми богами.

Одобрительное бормотание… Я вытер нос — пальцами, по-крестьянски, — обвел воинов тупым взглядом и отправился прочь, подальше

от света костра.

Услышав шум голосов в шатре неподалеку, я как раз собирался зайти за него и послушать, обогнув сначала воткнутый у входа факел, когда полог взлетел и из шатра выскочил мужчина, да так быстро, что мы столкнулись. Он взял меня за плечо, вовсе не грубо, и повернул лицом к свету.

— Бедняжка Багоас. Нам, кажется, суждено встречаться, налетая друг на друга в ночи. У тебя совсем черное лицо! У него вошло в привычку избивать тебя каждую ночь?

Зубы сверкнули белым при свете факела. Я знал, что он опаснее голодного леопарда, но все же не мог бояться его, не мог даже ненавидеть, хоть и должен был.

— Нет, мой господин Набарзан. — По всем правилам мне следовало опуститься пред ним на колено, но я решил пренебречь ими. — Но пусть даже так, царь есть царь.

— Ах вот как? Да, я был бы сильно разочарован, если бы твоя преданность хоть ненамного отстала от твоей красоты. Вытри с лица эту грязь. Я не причиню тебе зла, мой милый мальчик.

Я не сразу понял, что тру лицо рукавом, будто обязан повиноваться. Он же просто хотел пока-

зать мне, что обо всем догадался.

— Так-то лучше. — Пальцем Набарзан стер с моей щеки пропущенное пятно. Затем он положил ладони мне на плечи, и улыбка исчезла с его лица. — Твой отец погиб, приняв сторону царя, как я слышал. Но Арс имел право крови носить пурпур и вести нас в бой. Да, Арс был подлинным воителем. Отчего, как ты думаешь, Александр еще не разгромил нас? Он мог бы сделать это давным-давно. Я назову тебе причину — жалость! Твой отец умер, защищая честь персов. Всегда помни об этом.

— Я не забыл, мой господин. И я знаю, где покоится моя честь.

— Да, ты прав. — Сжав на мгновение мои плечи, он тут же отпустил их. — Возвращайся к Дарию. Можешь одолжить ему немного мужества.

Леопард совершил свой бросок: стальные когти выскочили из мягких подушечек лап. Когда Набарзан ушел, я обнаружил, что встал на колено, не отдавая себе в том отчета.

У входа в царский шатер я встретил уходившего Артабаза. Низко поклонившись, я прошмыгнул было мимо, но он преградил мне путь рукою в синих набухших венах:

— Ты идешь из лагеря, мальчик. Что ты узнал?

Я сказал, что лагерь кишит бактрийцами, которые склоняют на свою сторону преданных царю персов. Артабаз раздраженно поцокал языком:

— Мне надо встретиться с этими людьми.

— Господин! — выдохнул я, отважившись на дерзость. — Вам нужно поспать. Вы ведь не отдыхали весь день и половину ночи.

— Что мне нужно, сын мой, так это повидать Бесса с Набарзаном. В моем возрасте люди уже не спят как вы, молодые. — В руках старика не было даже посоха.

Он был прав. Едва пересказав Бубакису новости, я лег и тут же провалился в мертвый сон.

Меня разбудил рог, трубивший «готовьтесь к маршу». Я открыл глаза и увидел, что все остальные уже ушли. Что-то происходит. Поспешно натянув одежду, я выскочил наружу: царь, уже облачившийся в дорожное одеяние, стоял у шатра, готовый взойти на колесницу. У его ног на коленях застыли Бесс и Набарзан, старый Артабаз стоял рядышком.

Дарий говорил им, как печалит царя вероломство слуг. Низко опустив головы, оба покаянно били себя в грудь. В голосе Бесса — можно было поклясться! — стояли слезы. Единственным его желанием, завывал он, было отвести от великого

царя проклятие, накликанное другими; он сделал это, как поднял бы щит, защищая царя в бою. Он принял бы гнев богов на себя и радовался каждой полученной ране… Набарзан благоговейно коснулся полы царского халата, повторяя, что увел своих людей, опасаясь праведного гнева повелителя; вновь обрести его расположение для обоих было радостью, коей им вовек не забыть, сколько ни суждено им прожить на свете.

С восхищением я взирал на Артабаза, чьи труды получили столь щедрое вознаграждение; возлюбленная Митрой душа, коей суждено отправиться прямо в заоблачные сады, минуя кипящие волны Реки Испытаний. Все опять встало на место. Верность вернулась к заблудшим. Свет снова одержал победу над мраком лжи. Я все еще был весьма юн…

Царь, плача, протянул к ним руки. Изменники пали ниц и целовали землю у его ног, называя себя счастливейшими из людей и вознося похвалу щедрости, с которой он даровал им прощение… Дарий взошел на колесницу. Сыновья Артабаза попытались заманить отца в повозку, где он смог бы наконец отдохнуть. Он закричал на них в гневе и потребовал привести коня. Сыновья в смущении отступили; старшему было за семь-

десят.

Я отправился к конюхам, выводившим лошадей. Воины, всю ночь бродившие из лагеря в лагерь, споривше и обсуждавшие новости до самого утра, нехотя строились в походные колонны. Персы выглядели лучше, но терялись среди прочих. По правде говоря, их было меньше, чем ночью. Бактрийцев тоже — это бросалось в глаза, несмотря на их громадное число.

Все из-за долгих ночных споров. Персы, видевшие себя в меньшинстве, сотнями покидали войско; но они смогли убедить и некоторых бактрийцев — запугать их Митрой, без жалости каравшим за грехи. Принужденные выбирать меж гневом Митры и приказами Бесса, они избрали долгий переход в родные края.

Подъезжая к повозкам царского двора, я увидел греков уже в походном строю. Они все были тут, до единого человека. И все вооружены.

В долгих маршах, когда не предвиделось внезапных стычек, они всегда складывали оружие — шлемы и кирасы — на тележки, оставляя при себе лишь мечи. На них были короткие туники (из самого разного материала, столь давно они были оторваны от дома) и широкие соломенные шляпы, в каких обычно путешествуют греки,

чья кожа боится солнечных ожогов. Теперь же я видел на них латы, шлемы и даже наголенники, у кого они были; за спинами у них висели круглые щиты.

Когда я проезжал мимо их строя, кто-то выбежал и помахал мне. Дориск. «За кого он меня принимает?» — подумал я. Ну, я покажу негодяю, как выставлять меня на общее посмешище! Я как раз собирался пустить коня легким галопом, когда увидел выражение его лица. Нет, то был не флирт, и я подъехал поближе.

Добежав до моего коня, он ухватил меня за сапог и сделал знак наклониться, ни разу даже не улыбнувшись.

— Ты можешь передать царю кое-что?

— Сомневаюсь. Он уже в пути, так что я опоздал. А в чем дело?

— Скажи ему, пусть не даст надуть себя. Он не видел, чем кончилась вчерашняя ночь.

— О, вот оно что! — Я расплылся в идиотской улыбке. — Опасаться больше нечего. Сегодня они оба испросили прощения.

— Мы знаем. В том-то и дело; вот почему Патрон заставил нас вооружиться.

Мой желудок сжался в комок.

— Что это значит? — переспросил я, моргая.

— Вчера никто не выставил охрану, об этом говорят все. Они надеялись переманить на свою сторону персов; если б это удалось, они действовали бы уже сегодня. Но персы заявили, что опасаются мести богов; вот почему многие из них удрали этой ночью! Так что все начнется, едва мы пройдем сквозь ворота, — на первом же привале они сделают это.

Вспомнив свою жизнь, я проклял веру в искренность людей.

— Сделают что?

— Схватят царя и продадут его Александру.

Я полагал, что видел предательство, но, увы, я все еще оставался неоперившимся птенцом.

— Ну-ну, держись, ты прямо позеленел. — Дориск вытянул руки, удерживая меня в седле. — А теперь слушай: они подлые змеи, но не дураки. Царь есть царь, хотя он не лучший полководец на всем белом свете, давай это признаем. Одним ударом они намерены убрать Дария с дороги и купить мир с Александром. Потом они отойдут в Бактрию, чтобы приготовить страну к войне.

— Не трогай меня, люди же смотрят! — Я быстро приходил в себя. — Александр ни за что не поверит тем, кто способен на такое.

— Говорят, он чересчур доверчив там, где ему

тоже верят. С другой стороны, да помогут тебе боги, если ты сумеешь помешать заговорщикам. Я видел, что Александр оставил от Фив…[86] Не важно, просто передай это царю.

— Но я не должен говорить с ним на людях. — Воистину, я не смог бы сказать Дарию ни слова, даже если по-прежнему считался бы его любимцем. — Это может сделать только ваш предводитель — к царю не допустят никого ниже рангом.

— Патрон? Царь едва ли помнит его в лицо. — Слова Дориска царапнули мой слух горечью.

— Знаю. Но он должен попробовать. — В моей голове забрезжили кое-какие мысли. — Царь говорит по-гречески. Кое-кто из нас знает ваш язык… Но Бесс не может обойтись без толмача, и Набарзан тоже. Даже если они будут где-то рядом, Патрон все равно сумеет предупредить царя.

Дориск на секунду задумался.

— Это уже что-то… Я передам ему. Нас всего лишь горсть по сравнению с бактрийцами, но, если Дарий доверится грекам, мы еще успеем

---

[86] Сноски: 86

В 335 г. до н. э. жители города Фивы в Греции вероломно восстали против македонцев. Александр жестоко подавил мятеж. Все оставшиеся в живых горожане были проданы в рабство, а город снесен до основания.

отвратить от него беду.

Вскоре я нагнал двор, отошедший уже на четверть мили. Колесница Солнца была потеряна у Гавгамел, но двое магов с алтарем все еще шли впереди. За ними, однако, стройный порядок смешался, предписанная обычаем очередность была забыта. Люди разных рангов шли вместе, стремясь оказаться поближе к царю. Бубакис ехал верхом сразу за колесницей Дария — неслыханное нарушение порядка! Бок о бок с ним держался Бесс собственной персоной, на огромном боевом коне нисайянской породы, сложением подобном быку.

Я поравнялся с Бубакисом, но он лишь окинул меня тусклым от бессонницы взглядом, словно говоря: «Какая уж теперь разница?» Мы ехали слишком близко от царской колесницы, чтобы разговаривать.

Занавешенные носилки остались далеко позади, в Арбеле, их время прошло. Должно быть, Дарий сильно уставал, весь день стоя в колеснице. Я все еще чувствовал к нему нечто большее, нежели просто долг. Я вспоминал его в добром настроении, радостным и отдохнувшим, в тенетах удовольствия. Вспоминал, как он играл со мною, как бывал добр ко мне… Он знал, что его

презирают. И быть может, ударил меня тогда, почувствовав это бремя.

Царь оставался царем; он не мог помыслить, что существуют иные силы, кроме смерти, способные лишить его священной митры. Бедствие за бедствием, ошибка за ошибкой, один позор за другим… Друзья предают. Воины, словно воры, крадучись покидают его каждую ночь — те воины, коим он должен казаться подобным богу! Александр все ближе, ненавистный враг… И главная опасность притаилась у самого локтя, а он еще даже не знает о ней!

Кому он мог бы довериться? Нас мало — тех, кто для удобства царей превращен в жалкое подобие мужчин… Да две тысячи наемников, верных царю не из любви к нему, а во имя сохранения собственной чести.

Пока мы шли, дорога продолжала подниматься: неширокий путь, пробитый в голом камне. Пожалуй, не было среди нас никого, кто не задавался бы вопросом: «Что же станется *со мною?*» — мы всего лишь люди. Бубакис раздумывал, должно быть, о нищете или о скучном существовании в каком-нибудь маленьком гареме. Я же владел лишь одним ремеслом, знал лишь одно занятие… Мне вспоминались годы рабства в Сузах. Я уже

не был настолько юн, чтобы смириться с жизнью, страшась избрать смерть. Но мне хотелось жить.

Дорога взбиралась все выше, и мы уже подходили к перевалу, хранимому стеной Тапурии — острыми и голыми пиками, столь высокими, что даже летом с их вершин не сходили белые шапки льда. По предгорьям змеею вился наш путь — все выше и выше, чтобы далеко-далеко вверху нырнуть в расщелину. Вопреки унынию, мое сердце билось все сильнее: там, за пиками, должно плескаться море, а я никогда не видел его!

За каждым новым поворотом нас ждала очередная стена источенного ветрами мертвого камня — и ничего живого на нем, кроме редких кипарисов, скрюченных калек. Изредка, у петлявших по камням речушек, нам попадались крошечные поля и хижины, дикие жители которых убегали прочь, подобно кроликам. Здешний воздух пел чистотой хрусталя, а впереди, погруженная в тень, уже виднелась узкая глотка ворот.

Александрия Египетская — блестящий город, и в нем можно сыскать все, что может потребоваться благоразумному мужу. Скажу даже, что моим дням суждено истечь здесь и я уже

не намерен покидать эти стены. Но все же, стоит мне вспомнить высокие холмы и горную тропу, поднимающуюся ввысь, чтобы вновь нырнуть в неведомую страну, еще скрытую скалами, я теряю уверенность. Даже будучи мальчишкой, в полной мере познавшим опасность и зло, даже тогда я почувствовал исступленный восторг, услышал пророчество и увидел свет.

Наш путь лежал меж отвесными скалами и обрывом; далеко внизу бурлил шумный поток… Мы дошли до самих ворот. Даже на такой высоте камень дышал жаром, и колонны поредевшего воинства подтягивались с трудом. Конечно же, этот проход вполне можно было бы удержать. Прямо впереди своим огромным конем правил Бесс, не отъезжавший от царской колесницы. Патрона не было видно. Что заставит предводителя греков послушать совета, пришедшего через вторые руки и исходящего, если уж на то пошло, всего лишь от мальчика для развлечений?

Дорога выровнялась и открылась взору. Мы стояли на самом верху перевала, и Гиркания расстилалась под нами. То была иная страна. Горы одеты лесами — один зеленый уступ над другим. Далее — узкая равнина, за которой лежало море. Горизонт вытянулся вширь, охватывая серебря-

ный щит вод. При виде подобной красоты у меня перехватило дыхание. Черная полоса берега изумила меня, я не знал, что его закрывали стаи бакланов: миллионы и миллионы птиц кормились здесь, на щедром рыбой мелководье.

Тапурийская цепь — великие горы, разделяющие воды надвое. Воистину, так случилось и со мной: в тех краях сама жизнь моя оказалась рассечена на две половины.

Недолго отдохнув, мы устремились вниз в окружении высоких и стройных деревьев. Струи ручьев звенели, разбиваясь о красноватые камни; вода оказалась очень холодной, но вкусной, с едва уловимым привкусом железа. Остановку сделали в сосновой роще; здесь мы разложили подушки царя и разбили его маленький шатер для отдыха.

Когда же мы вновь тронулись в путь, воздух изменился, неся в себе влагу, тогда как вершины деревьев сдерживали ветер, спускавшийся нам вослед с перевала. Лагерем мы стали поздно, стараясь спуститься пониже, где ветра не было вовсе; уже сейчас в глубине лощин темнели, сгущаясь, тени. Оглядываясь по сторонам, я заметил кого-то, кто правил конем сразу за мною. То был Патрон.

Бывалый воин, он не понукал коня, дожидаясь, пока дорога не станет легче. Поймав его взгляд, я отстал, пропуская греческого полководца вперед. Спешившись, он повел коня в поводу: то ли из уважения к царю, то ли из желания быть замеченным. Патрон не отрывал от Дария глаз.

Бесс увидел его первым. Спина его сразу отвердела, и, подъехав к царю поближе, он завел с ним какую-то беседу. Патрон невозмутимо следовал позади, не отставая от колесницы.

Описывая, вслед за дорогой, крутой поворот, колесница на мгновение развернулась к нам боком, и Дарий поднял брови, все же заметив Патрона. Никто не должен смотреть в лицо великому царю, но греческий полководец не опустил глаз. Когда же взгляды их встретились, Патрон не сделал какого-либо жеста, просто продолжал смотреть.

Царь обратился к Бубакису, и тот, отстав, сказал Патрону:

— Повелитель спрашивает, не хочешь ли ты попросить чего-нибудь?

— Да, передай повелителю, что я хочу говорить с ним, но без толмачей. Скажи, это не ради меня, но ради него самого. Без толмачей.

Изменившись в лице, Бубакис повторил посла-

ние. Из-за наклона дороги колесница двигалась медленно, цепляясь за грунт особыми крюками; и когда царь поманил Патрона к себе, я принял уздечку и вел коня грека в поводу, пока они говорили.

Догнав колесницу, Патрон пошел рядом с ней, по другую сторону от Бесса. Он говорил тихо, и потому я не слышал его первых слов; но Бесс мог их расслышать. Патрон рискнул жизнью своих людей, положившись только на мое слово!

Вскоре он увидел, должно быть, что я не ввел его в заблуждение: на лице Бесса ясно читалась еле сдерживаемая злоба. Голос грека зазвучал громче:

— Мой повелитель, послушай моего совета и разбей шатер в нашем лагере. Мы давно служим тебе, и если только ты когда-нибудь верил нам, доверься и сегодня. Это необходимо.

Царь и бровью не повел, сохраняя в лице безмятежность. Спокойствие его духа обрадовало меня: слуга должен уважать своего господина.

— Зачем ты говоришь мне это? — спросил царь, запинаясь; его греческий был ничем не лучше моего. — Чего боишься?

— Господин, речь о предводителе твоей конницы, и этот человек здесь, рядом. Ты понимаешь,

отчего я избегаю называть имена.

— Да, — ответил царь. — Продолжай.

— Господин, этим утром тебе солгали. Сегодня же ночью они сделают то, что задумали.

Царь ответил:

— Если так угодно богу, так оно и будет.

Я понял причину его спокойствия, и мое сердце камнем повисло в груди. Дарий отчаялся.

Патрон ступил ближе и оперся о край колесницы. Старый вояка, он прекрасно понял услышанное. Словно пытаясь уговорить дрогнувшие в бою ряды, он вложил в слова всю силу убеждения:

— Останься в нашем лагере, господин. Каждый из нас сделает все, что только в человеческих силах. Оглянись вокруг, на эти леса. Когда настанет ночь, мы постараемся ускользнуть от твоих врагов.

— К чему все это, друг мой? — Утратив надежду, Дарий вернул себе достоинство. — Я и так задержался здесь, если мой собственный народ желает мне смерти. — Не ведаю, что прочел он на лице Патрона: я не мог его видеть. — Будь уверен, я доверяю всем вам. Но если твои слова правдивы, на каждого верного мне человека, будь то грек или перс, приходится по десятку врагов. Я не стану покупать несколько лишних

часов ценою всех ваших жизней — то скверная награда за преданность. Возвращайся к воинам и скажи, что я ценю их мужество.

Отсалютовав, Патрон отстал от колесницы. Когда он принимал у меня поводья коня, глаза его сказали: «Ты молодец, парень. Это не твоя вина». И я оглянулся посмотреть на Бесса.

Лицо его шло темными пятнами, и сейчас он походил на демона. Бесс не знал, что открыл царю Патрон, и злился. На мгновение мне даже почудилось, что сейчас он вытащит меч и зарубит царя, разрешив сомнения. В любом случае убить его значило испортить товар, и он с трудом овладел собой. Переведя дыхание, он обратился к Дарию:

— Этот человек готовит предательство. Мне нет нужды знать его язык, я все прочитал по его лицу! — Бесс подождал, не ответит ли царь, но тот молчал. — Настоящие отбросы. У них нет дома, они рады продаться тому, кто больше заплатит. Боюсь, повелитель, Александр хорошо заплатил им за вероломство, превзойдя тебя в щедрости.

Даже от кровного родственника подобные слова оскорбительны. Царь ответил лишь:

— Я не верю ему. Так или иначе, в его просьбе было отказано.

— Господин, я счастлив слышать это. Надеюсь только, твоя вера в мои добрые намерения не ослабнет. Да будут боги моими свидетелями.

— И моими также, — ответил на это царь.

— Тогда я счастливейший из твоих подданных!

— Но ежели Патрон действительно столь вероломен, как ты говоришь, он поступает немудро, рассчитывая на Александра. Македонец готов вознаградить сдающихся на его милость, но предателей он жестоко карает.

Насупив черные брови, Бесс молча отвел взор. Мы петляли по темнеющему лесу вслед за изгибами дороги, вместе с нею опускаясь все ниже и ниже. Верхушки гор, видневшиеся между деревьями, все еще сверкали золотом. Вот-вот наступит ночь.

Лагерь мы разбили на широкой поляне, которую наискось пересекали быстро бледневшие ленты закатного солнца. Они казались струями густой горячей жидкости, — и скажу даже, рассвет обещал чарующее зрелище… Впрочем, никто из нас не видел той поляны на восходе солнца, так что не могу говорить уверенно.

Где-то неподалеку располагалась деревушка, и персы отправились туда добывать продовольствие, как обычно. Когда они пропали из виду,

скрывшись за деревьями, поляна все еще была запружена воинами. Никто из бактрийцев не покинул ее, и теперь они раскладывали ночные костры. Они все еще были вооружены, и все мы догадывались, что это может значить. Словно последний приступ долгой лихорадки.

К царю явился Оксатр: он объявил, что, вернувшись, персидские войска станут на охрану Дария. Царь обнял брата и просил его ничего не предпринимать без приказа. Оксатр всегда был мужественным воином, но никто в их роду, похоже, не обладал качествами настоящего полководца. С двумя тысячами воинов Патрон сумел бы добиться большего, чем Оксатр — с двадцатью; по-моему, Дарий знал о том. Когда же Оксатр ушел, царь послал за Артабазом.

Я нашел старика немного усталым после долгой езды в седле, но все еще не теряющим бдительности. Сопровождая его к царскому шатру, я заметил греческий лагерь, укрытый в тени деревьев. Там не выпускали из рук оружия и уже выставили часовых.

Шатер был окружен царской стражей; среди нее еще попадались уцелевшие Бессмертные, вооруженные пиками. Свет костров выхватывал из темноты золотые плоды гранатового дерева,

венчавшие почетное оружие, да глаза самих воинов, угрюмо взиравших перед собой.

Скрытые занавесью, мы слышали, как царь поведал Артабазу о предложении Патрона. Какое-то время старец молчал, вне сомнения размышляя о своих трудах долгой прошлой ночи, затем стал умолять царя разбить шатер в греческом лагере; персы, за которых он мог поручиться, сравняются в мужестве с греками, если только сам повелитель будет с ними… Я же размышлял: «Бедный старик, ты слишком долго живешь в этом мире, и нет тебе покоя», когда он прибавил, задыхаясь:

— Эти греки — настоящие солдаты; война — их хлеб. Бактрийцы же всего-навсего набранные по деревням землепашцы. В Македонии я видел, что значит дисциплина. Разница между чистокровным скакуном и волом… Доверься грекам, мой повелитель.

Как часто мы подслушивали вот так, из-за кожаной занавеси, из праздного любопытства, чтобы попросту быть в курсе всех дворцовых интрижек и новостей! Ныне мы ловили каждое слово беседы, от исхода которой зависела жизнь каждого из нас.

— Нет, все кончено, — ответил старику Дарий. — Я всегда охотно полагался на надежду;

увы, в последнее время слишком многие поплатились за это. Теперь, когда я расстался с надеждами, не возвращай их мне.

Ответом был сдавленный стон. То рыдал Артабаз.

— Дорогой друг, — говорил ему царь, — ты потерял со мною бесценные годы жизни. Остаток ее принадлежит тебе; иди, и да пребудет с тобой благословение многомудрого бога.

Плач не смолкал. Возвысив голос, царь призвал нас; обезумев от горя, Артабаз цеплялся за его одежды, зарываясь лицом в пурпурную ткань. Дарий обнял старца со словами:

— Верный слуга не захочет расстаться с господином, но я отпускаю его. Помогите ему выйти.

Он осторожно высвободил свой рукав из пальцев старика, цеплявшихся за него, словно ручонки младенца; очень бережно мы вывели Артабаза из шатра. Царь отвернулся… Отведя старика к его людям, мы возвратились в шатер и поначалу не увидели Дария. Он распростерся на земле, уронив голову на руки.

Страшная мысль затмила нам разум. Но рядом с царем не было никакого оружия, и тяжелое дыхание вздымало его плечи. Он лежал в своем шатре, как загнанный охотниками зверь: исчер-

пав все силы, он просто ждал здесь появления гончих или удара копья.

Дарий не крикнул нам убираться, и мы стояли, не зная, что теперь делать, молча впитывали ужасное зрелище, раздираемые когтями отчаяния. Прошло несколько минут, прежде чем я смог соображать. Тогда я разыскал за занавесями царский меч, вынес его в приемный покой и положил на столик, где его легко можно было найти в случае нужды. Бубакис видел, чем я занимаюсь, но отвел взгляд.

Выполняя последний долг перед повелителем, я был далек от мысли, что тот, кто любил меня, лежит теперь поверженным предо мною. Я служил ему и старался делать это насколько умел хорошо. Он ведь был царем.

Прошло еще несколько минут, прежде чем Дарий пошевелился и попросил всех нас выйти.

Наш собственный спальный шатер был разбит лишь наполовину, да так и брошен: один конец полотнища свисал с шеста, другой валялся на земле. Рабов не было видно. Отовсюду доносилась беспорядочная мешанина голосов: ссорившихся, споривших, впустую выкрикивавших какие-то приказы. То была не армия более, но лишь огромная разношерстная толпа. Некоторое время мы

сидели, перешептываясь, на уже разобранных тюках с кожей для шатра. Потом, вскинув голову, я увидел, что телохранители покинули царя.

— Они ушли!

Вскочив, я отправился к шатру убедиться, что мои глаза не солгали мне. Никого, даже ни одной воткнутой в землю пики с золотым наконечником. Бессмертные сложили с себя свой почетный ранг и превратились в точно таких же простых смертных, как и все прочие. Мы остались одни.

Долго стояли мы у входа, не нарушая молчания. Потом я сказал:

— Кажется, я слышал голос. Пойду узнаю, не нужно ли ему чего-нибудь.

Он лежал все в той же позе. Тихо войдя в шатер, я опустился на колени рядом с царем. Конечно, ничего я не слышал; но память о прежних временах вернулась ко мне, и вспомнилось, что даже благовония, которыми я умастил себя утром, были его подарком. В конце концов, я не походил на остальных.

Дарий лежал, положив голову на согнутую руку, вытянув другую вперед. Я же не решался коснуться его без позволения. Он был царем.

Почувствовав мое присутствие, повелитель

дернул плечом:

— Приведи ко мне Бубакиса.

— Да, господин. — Для него я был лишь слугой, способным исполнить простое поручение. Он позабыл обо всем.

Бубакис скрылся в шатре, и вскоре мы услыхали его истошный крик, похожий на предсмертный вопль. Втроем мы вбежали внутрь. Меч все еще лежал на столике, царь — на земле. Бубакис стоял рядом с ним на коленях, бия себя в грудь, разрывая на себе одежду и нещадно терзая волосы.

— Что случилось? — вскричали мы в страхе, словно с нами не было великого царя. Все то, что знали мы и к чему были готовы, рушилось на глазах.

— Повелитель приказывает нам уйти, — всхлипнул Бубакис.

Не поднимаясь с земли, царь протянул к нам руку:

— Все вы честно выполняли свой долг. Более мне ничего не нужно, и я освобождаю всех вас от службы. Бегите, спасайтесь, пока еще не поздно. Это последний приказ, и никто не может ослушаться.

В мгновение ока нашими душами завладел

страшный, смертельный ужас: поверженный царь, брошенный шатер, незнакомый черный лес, полный диких тварей и врагов… Хочу надеяться, что мы плакали о нем; с каждым прошедшим годом мне все проще верить в это. Мы кричали в голос среди ночи, пьяные от страха и горя, как плакальщики на похоронах, мы сливали голоса в общий вой, не различая собственного стона средь чужих.

Убрав с глаз выбившиеся волосы, я заметил кого-то у входа. Даже в безумии отчаяния я помнил, что охрана ушла, и бросился туда, не думая об опасности. Там стояли Бесс и Набарзан, а за их спинами — воины.

Бесс отвел взгляд от распростертого на полу царя и обрушил кулак в ладонь, бросив Набарзану:

— Поздно! Я ведь предупреждал тебя.

Слышно было, как скрипнули его зубы.

— Я и помыслить не мог, что он способен на такое, — пробормотал Набарзан.

В его лице не было больше злобы, только уважение и немного грусти. Поймав мой взгляд, он коротко кивнул.

Бесс же схватил мое плечо ручищей и затряс меня, приподняв над землею:

— Он умер? Отвечай, он покончил с собой?

За меня ответил Бубакис:

— Возрадуйтесь, господин, ибо мой повелитель в добром здравии.

Лицо Набарзана застыло, как у высеченной в камне статуи. Он шагнул вперед, сказав Бессу:

— Вот оно что! Идем же.

Царь поднялся на ноги, едва они вошли. И встретил их словами:

— Почему вы здесь?

— Я здесь, — отвечал ему Бесс, — по праву царя.

Дарий остался спокоен.

— Какое же царство поручил твоим заботам бог?

— Я выполняю волю своего народа. Тебе следовало поступать так же.

— Как ведомо вам обоим, я уже не во власти карать предателей. Знаю, однако, кто свершит суд вместо меня, — отвечал царь.

Бесс вздернул голову:

— Я готов держать ответ перед Митрой.

— Уж наверное, раз ты решился на измену. Но я говорил об Александре.

Прежде безмолвствовавший, Набарзан тихо произнес:

— Не называй имени врага, которому ты отдал

свой народ. Мы делаем это, чтобы освободить землю, взрастившую нас.

— Ты пойдешь с нами, — сказал Бесс.

Я раздумывал, не вложить ли меч в руку повелителя. Но Дарий вполне мог и сам до него дотянуться. Как мог я решать за своего господина, когда ему умереть?

Он шагнул назад; думаю, он собирался схватить оружие и драться. Но Дарий никогда не бывал скор — ни в движениях, ни в мыслях. Едва он сделал шаг, к нему подскочили и схватили за руки. Царь был высоким, сильным мужчиной, но руки его ослабли, и, когда в шатер вошли воины, он перестал сопротивляться. Дарий стоял смирно, вновь обретя достоинство. По крайней мере, он умел страдать, как подобает правителю огромной страны. Быть может, Бесс почувствовал это. Он сказал:

— Что ж, если мы вынуждены связать его, пусть путы соответствуют его рангу. — Сняв с шеи массивную золотую цепь, он обмотал ею запястья царя, словно веревкой, пока двое бактрийцев удерживали руки Дария за спиной.

Они вывели царя из шатра, придерживая за плечи, словно тот был преступником. Стоявшие у входа бактрийцы зашептались; я расслы-

шал приглушенные возгласы и смех, в котором звенели нотки ужаса.

Рядом стояла обычная тележка с навесом из шкур, в каких мы перевозили сложенные шатры. К ней и повели Дария; мы же стояли, глядя им вслед и не веря собственным глазам, беспомощные, окоченевшие от страха. С трудом очнувшись, Бубакис вскричал: «Дайте ему хотя бы несколько подушек!» — и мы вбежали в шатер, чтобы разыскать их. Когда вернулись, царь уже сидел в повозке, рядом с двумя рабами из тех, что разбивали лагерь; не знаю, были ли то слуги или просто стражи. Мы побросали подушки в повозку, и воины отогнали нас прочь. Лошадей взнуздали, погонщик сел спереди. Казалось, целую вечность мы стояли там, наблюдая за приготовлениями и слушая перекличку конников. Пешие воины более напоминали толпу зевак, нежели колонну войска. Бесс выкрикнул приказ, и повозка, сотрясаясь на ухабах, потащилась через всю поляну к дороге.

Мимо пробежал воин, сжимавший в руках знакомую мне вещь. То был большой кувшин для воды, принадлежавший царю. В шатре хозяйничали бактрийцы, оставшиеся, чтобы разделить поживу. Несколько мародеров дрались у входа,

оспаривая друг у друга наиболее ценную добычу.

Бубакис обратил ко мне обезумевший взор и, крикнув: «Пропустите нас к Артабазу!» — побежал к персидскому лагерю. Остальные евнухи последовали за ним, и воины расступились, пропуская. Ведь то были всего лишь скопцы: безоружные, они были не в счет.

Я же остался стоять, спиною вжавшись в дерево. Прогалина казалась теперь огромной пустыней, полной опасностей. Я вспомнил Сузы: нет, я не походил на остальных. Меня вполне могли счесть царским имуществом и завладеть мною как законной добычей…

Так и не разобранные, тюки исчезли. Рядом был наш, лишь наполовину поставленный, полоскавшийся на ветру шатер. Я вбежал в него, выбил ногою шест и позволил всей массе натянутой кожи рухнуть на себя…

Складки пропускали немного воздуха, так что главное теперь было не шевелиться. Я лежал там в полной темноте, словно в могиле. И верно, вся жизнь моя оказалась погребена здесь, на этом самом месте. Когда же гробница раскроется, чтобы выпустить наружу, меня встретит совсем иная жизнь, столь же незнакомая мне, как и младенцу, заключенному во чреве матери.

Глава 9

Я лежал в укрытии. Плохо выдубленная кожа была тяжела и воняла, но я не решался шевельнуться. Извне доносился глухой шум общей суматохи, который утих, когда царский шатер был обобран дочиста. Вскоре к моему убежищу приблизились двое воинов, и я едва не вскрикнул от ужаса; но они решили, как я и надеялся, что, раз шатер так и не успели поставить, он пуст. После мне уже ничего не оставалось, кроме как ждать.

Ждал я долго, ибо не доверял отсутствию криков снаружи, — я просто мог и не расслышать их. Наконец я осторожно пополз в сторону и вскоре высунул голову из-под кожаного завала. Поляна была пуста, если не считать все еще чадивших костров. После темноты даже свет звезд показался мне чересчур ярким, но уже за первыми деревьями я ничего не мог разглядеть. До меня едва доносились звон оружия и гул голосов уходившего отряда; то были, конечно же, царские войска, люди Артабаза: они покинули бунтарей, ибо не могли сразиться с ними из-за неравенства в числе. Мне следовало догнать их, и поскорее.

Стараясь не шуметь, я пошарил под упавшим шатром и собрал свои пожитки. Теперь конь… Мне было достаточно лишь вспомнить о нем, чтобы знать ответ. Крадучись и спотыкаясь впотьмах, я набрел на колышки, к которым привязывали лошадей. Естественно, кроме колышков, там ничего и никого не осталось.

Мой бедный маленький Тигр, красивый подарок Дария… Он был взращен не для тяжкой поклажи! Я недолго скорбел о нем, бредущем сейчас за каким-нибудь бактрийским увальнем, ибо совсем немного времени потребовалось мне, чтобы ужаснуться собственной участи.

Враг ушел. Ушли также все те, кто были мне друзьями. Ночь уже перевалила за половину, но я не видел знаков, куда они могли направиться.

Мне потребуется пища. В царском шатре, выброшенное на землю, лежало содержимое обеденных чаш. Бедняга, он так и не поел. Завернув еду в платок, я набрал полную флягу воды из ручья.

Голоса доносились еле-еле. Я шел за ними, уповая на то, что это не бактрийцы последними свернули лагерь. Те, за кем я шел, кажется, намеревались пройти вдоль горного кряжа; за собой они оставляли хорошо вытоптанную тропу,

пересекавшую ручьи; ноги я замочил по колени, и в дорожной обуви мерзко хлюпала вода. Я не ходил по бездорожью с тех пор, как был ребенком, а по возвращении меня всегда ожидали заслуженный нагоняй и сухая одежда.

Рассвет еще не забрезжил, когда я прибавил шагу, заслышав впереди женские голоса. То были следовавшие за лагерем женщины, и они несли свой скарб. Если поспешить, я скоро поравняюсь с колонной. Теперь, когда лунный серп прибавил немного света, я мог идти быстрее.

Вскоре я увидел впереди мужской силуэт. Один из воинов отстал от остальных, чтобы помочиться, и я стоял, отвернувшись, пока он не закончил. Только тогда я подошел — и увидел пред собою грека. Значит, это их я нагонял! Меня сбили с толку женские голоса; конечно, эти женщины — персиянки, как же иначе? Наемники не таскали за собою жен, они оставляли их дома.

Грек был крепким воином, с приземистой фигурой и короткой черной бородой. Его лицо показалось мне знакомым, но я, верно, обознался. Шагнув навстречу, он воззрился на меня в изумлении. От него несло потом.

— Клянусь Псом![87] — сказал он наконец. — Это мальчишка Дария.

— Я Багоас, из царских слуг, и мне нужна помощь. Я пытаюсь догнать персов, ушедших с Артабазом. Скажи, сильно ли я сбился с пути?

Грек медлил, оглядывая меня с ног до головы, но все же произнес:

— Нет, не слишком. Следуй за мной, и я выведу тебя на верную тропу.

Он зашагал прямо в чащу. При нем не было оружия, по греческому обычаю на марше.

Ни малейшего признака тропы; лес, казалось, вырастал вокруг нас стеной, и мы не успели уйти далеко, когда грек обернулся. Одного взгляда было достаточно. В словах нужды не было, и, не тратя их зря, он просто упал на меня, придавив своим весом.

Когда он прижал меня к земле, ко мне вернулась память. Чернобородый грек и вправду походил на человека, которого я знал когда-то: на Обара, ювелира в Сузах. В одно-единственное мгновение я пережил все снова, но я уже не был двенадцатилетним мальчишкой.

Грек был вдвое тяжелей, но я ни разу не усо-

---

[87] Сноски: 87

Имеется в виду египетский бог Анубис — судья богов, покровитель умерших, который почитался в образе дикой собаки Саб.

мнился, что у меня достанет силы убить его. Я вяло боролся с ним — только для того, чтобы скрыть, чем я занят, — пока не вытащил кинжал. И тогда я вонзил его греку меж ребер, по самую рукоять. Среди танцев, которыми я радовал царя, был один из его любимых — я исполнял его лишь ночью, когда мы были одни. Танец тот заканчивался медленным кувырком назад со стойки на руках. Поразительно, какими крепкими от этого становятся руки.

Насильник задергался, кашляя кровью. Вытащив кинжал из раны, я воткнул его снова — в сердце. Я знал, где оно находится; слишком часто я слышал его биение вместе с хриплым дыханием у своего виска. Грек широко открыл рот и умер, но я продолжал вонзать в его тело кинжал, куда только мог дотянуться. Я словно бы вновь оказался в Сузах и убивал теперь сразу двадцать человек в одном; нет, я не испытывал удовольствия, но познал радость возмездия, которая и по сей день жива в моей душе.

Где-то надо мною мужской голос крикнул: «Хватит!» — я же не замечал ничего, кроме тела, у которого стоял на коленях. Обернувшись, я увидел Дориска.

— Я слышал твой голос, — сказал он.

Я встал; моя рука, сжимавшая кинжал, была окровавлена до локтя… Дориск не стал спрашивать, почему я сделал это, — чернобородый грек почти успел сорвать с меня одежду. Словно раздумывая вслух, Дориск произнес:

— Я-то считал тебя простым ребенком.

— Те дни давно уже миновали, — отвечал я.

Мы смотрели друг на друга в тусклом утреннем свете. Дориск был вооружен мечом и, реши он отомстить за своего товарища, убил бы меня, как новорожденного щенка. Было все еще слишком темно, чтобы разглядеть его глаза.

Вдруг он сказал:

— Быстро, надо спрятать тело. Его кровный брат служит вместе с нами. Ну же, хватай за ноги… Вон туда, за кусты; мы скатим его в овраг.

Мы раздвинули ветви. По дну оврага весной, наверное, бежала речушка, он был глубок и крут. Тело гулко скатилось вниз, и кусты сомкнулись.

— Этот воин сказал мне, — заговорил я, — что поможет выйти к персам.

— Он солгал, они идут впереди нас. Омой свою руку и этот нож, здесь есть вода. — Дориск показал мне ручеек, бежавший меж камней. — В местных лесах водятся леопарды. Нас предупреждали, чтобы мы не отставали от остальных… Ему тоже

следовало помнить об этом.

— Ты возвращаешь мне жизнь, — сказал я.

— Не думай, что ты мне чем-то обязан… Но в любом случае — как ты собираешься поступить с нею?

— Попробую нагнать Артабаза. Помня о Дарии, он может взять меня с собой.

— Поспешим, а то потеряем колонну.

Мы карабкались по камням, поросшим мхом и кустарником; когда же нам попадалось особенно крутое место, Дориск помогал мне одолеть преграду. Я пытался вспомнить, как Артабаз на самом деле относился к тому, что царь держал при себе мальчика. И ведь он был столь стар, что ночная скачка вполне могла убить его! О сыновьях Артабаза я не знал практически ничего.

— Насколько я могу судить, — задумчиво протянул Дориск, — старик сделает для тебя все, что только сможет. Но знаешь ли ты, куда он направился? Они намерены сдаться Александру.

Одному только богу ведомо, отчего мне раньше не пришло это в голову. Конечно, старик может положиться на милость врага, которого некогда качал на коленях! Я настолько пал духом, что не мог выдавить ни слова.

— В конце концов, — продолжал Дориск, —

мы отправимся за ним. Иного пути нет. Никто из нас не доверяет Бессу; об Александре, по крайней мере, говорят, что он держит слово, однажды дав его.

— Но где искать Александра?

— В эту минуту он, должно быть, проходит ворота. Двое из приближенных Дария бросились ему навстречу; сказали, пусть лучше царь будет с ним, нежели с изменниками. К тому же и сами они явно не останутся внакладе.

— Молю бога, чтобы они не опоздали.

— Если Александр спешит, он действительно скор. И мы вовсе не хотим встать у него на пути… Персы далеко впереди; они жаждут переговоров, а не битвы. Ага, вот и наша колонна!

Сдерживая голоса, воины пробирались меж деревьями, словно тени. Дориск не вел меня прямо к ним, но шел в стороне. Сейчас я был покрыт синяками и сбил ноги от долгой ходьбы в промокшей обуви, так что был признателен за помощь. Когда я споткнулся в очередной раз, Дориск взял у меня суму. Тускловатое мерцание меж стволов красноречиво заявляло о близком рассвете. Дориск присел на упавший ствол, и я тоже был не прочь передохнуть.

— Значит, я думаю вот что, — сказал он. —

Мы обогнем горы, не выходя на дорогу. Идем в Гирканию, а потом… кто знает? Если ты твердо решил догнать персов, то, по-моему, завтра добьешься своего, когда к полудню они разобьют лагерь. Придется попотеть, раз уж ты не привык ходить пешком. — Он помолчал; светлеющее небо теперь показало мне его голубые глаза. — Или можешь идти дальше со мной и принять мою руку. Тебе не придется хвататься за свой нож. Это я обещаю.

Я вспомнил, как он улыбался мне, когда мы встретились в первый раз. Теперь в его улыбке было меньше тоски и больше надежды. С удивлением я подумал, что теперь могу ответить «да» или «нет», как захочу. Впервые в жизни. И я сказал:

— Да, я пойду с тобой.

Догнав колонну, мы заняли в ней свое место. Даже когда совсем рассвело, никто не удивлялся, видя меня среди воинов. Нескольких мужчин сопровождали мальчики, шедшие рядом с ними. Многие греки предпочитали женщин, но их подругам приходилось держаться позади строя.

Когда мы остановились передохнуть, я разделил с Дориском последние крохи имевшейся у меня пищи. Он сказал, что впервые в жизни ему

выпадает честь вкусить яств с царского стола.

Он оказался заботливейшим спутником. Когда мои натертые ноги нестерпимо заныли, он бросился на поиски заживляющего раны бальзама и нашел его у одного из воинов. Сняв мою обувь, Дориск собственными руками смазал и перевязал мне ноги, повторяя, сколь они стройны и прекрасны, хоть они и были в таком виде, что я постыдился бы их показывать. Один раз, когда никто не смотрел в нашу сторону, он даже поцеловал их. К счастью, когда я боролся со своим насильником в кустах, мой лук отлетел в сторону и не пострадал, а стрелы чудом не выпали из колчана, так что и я мог предложить ему что-то (не считая любви), стреляя дичь для общего котла.

Дориск рассказал мне об Афинах, где, по его словам, в довольстве и достатке жила его семья, пока некий злодей не привлек его отца к суду по ложному обвинению; злоумышленник нанял известного оратора, который очернил имя отца Дориска грязной ложью. Судьи сочли его виновным; семья лишилась доходов, и Дориск, младший из сыновей, был принужден продавать свой меч. По его словам, тот же самый оратор наставлял народ, как следует голосовать,

какие законы принимать, идти ли на войну или же стремиться к миру… Все это называется «демократия», сказал мне Дориск, и она была наилучшим устройством общества в добрые старые времена, когда составители речей старались не грешить против истины.

Я отвечал ему, что в Персии мы все научены говорить только правду — это наша главная черта. Вне сомнений, Бесс с Набарзаном тоже ненавидели ложь.

Меж нами установилась самая тесная приязнь, но — к своему великому огорчению — я нашел стиль его любовных игр до разочарования бедным. Я всегда делал вид, что получаю удовольствие, ибо для Дориска это было весьма важно. Нет ничего проще, чем оказать другу подобную услугу, но это единственное из моих умений, которым мне пришлось воспользоваться в греческом лагере… Греков я посчитал совершенно безыскусными в этом смысле.

Мне вспомнилось, как я пообещал себе завести любовника, когда царь перестал посылать за мной. Мне рисовались тогда тайные встречи в саду, при свете полной луны; шелест шелковых одежд у распахнутого окна; драгоценный камень, привязанный к розе… Теперь я оказался здесь,

вдвоем с пехотинцем чужого войска, в простом убежище из наломанных ветвей.

Как-то ночью Дориск поведал мне о мальчике, которого полюбил дома, в Афинах, хоть красота его и была лишь бледной звездочкой в сравнении с ослепительным светилом, добавил он, имея в виду меня.

— Первый пушок еще не успел тронуть ему щеки, когда я обнаружил, что он тратит мои деньги на женщин. Мне казалось, сердце вот-вот разорвется от горя.

— Но, — отвечал ему я, — это же естественно, если твой возлюбленный столь молод.

— Прекрасный чужестранец, с тобой бы это не могло произойти.

Я отвечал ему:

— Да. Торговцы рабами в Сузах потрудились на славу.

Какое-то время он виновато молчал, потом же спросил, сильно ли я обиделся. Он был добр со мной, и оттого я покачал головой.

— В Греции, — поспешил он заверить, — этого не делают вовсе…

Но мне не кажется, однако, что грекам есть чем гордиться, пока они продают детей в бордели.

В их лагере мне было легко, ибо греки долго

прожили в Персии и старались уважать наши обычаи. Не соблюдая приличий в отношении друг друга, со мною они тем не менее старались сдерживаться. Они почитали также святость рек, набирая воду для умывания и не оскверняя потоков. Свои собственные тела они чистили странным способом, размазывая по ним масло, которое затем соскребали специально притупленными ножами, столь бездумно открывая себя чужим взорам, что из скромности я уходил прочь. Запах масла был мне неприятен; я так никогда и не сумел привыкнуть к нему.

Ближе к ночи женщины сооружали какие-то небольшие шалаши для своих мужчин (у некоторых были и дети), готовили им ужин. Днем у них не было возможности повидаться… Что же до мальчиков — прелестных крестьянских ребятишек, купленных у нищих родителей за пару серебряных монет, ушедших от родного дома на многие лиги и растерявших по дороге все персидские понятия о вежливости и благопристойности, — то даже я не хотел задумываться об их дальнейшей судьбе. Те же из воинов, что шли парами и делили поклажу поровну меж собой, сделались любовниками еще в Греции.

Так мы и продолжали путь, полный опасно-

стей, казавшихся тогда великими, и дней через двадцать достигли западных холмов, которыми заканчивалось владычество обледенелых горных вершин. Только тогда мы смогли окинуть взором раскинувшуюся внизу Гирканию. Здесь греки построили настоящий лагерь, крепкие деревянные укрытия; тут они рассчитывали остаться, не привлекая к себе лишнего внимания, пока не узнают, где теперь Александр. Отсюда они рассчитывали выслать послов, а не бросаться прямо к нему в руки.

Уже довольно скоро какие-то местные охотники поведали нам, что македонцы обходят склоны, не выбираясь из леса, — сами горы прикрывают им фланг. Охотники не могли сказать, впрочем, подозревает ли Александр о присутствии здесь греческого отряда.

И один лишь я, когда все вопросы были заданы, спросил охотника, не слышно ли чего-нибудь о судьбе Дария. Мне ответили, что царь погиб; вероятно, это Александр убил его.

Пришло время собираться в дорогу. Где-то неподалеку и старый Артабаз также должен был разбить лагерь, чтобы самому отправиться к Александру. Я порасспросил охотников. Они отвечали, что некий персидский властитель

действительно стоит лагерем в лесу, на расстоянии одного дня ходьбы на восток; кто именно, они не могли сказать. И он, и все его люди были чужаками в этих краях.

Мы с Дориском распрощались той же ночью; я должен был пуститься в путь на рассвете. Кроме грека, никого на этой земле не волновало, погиб я или выжил, и теперь я наконец почувствовал это.

— У меня никогда не было мальчика, подобного тебе, — сказал он. — И никогда уже не будет. Ты отвратил меня от всех остальных, так что отныне мне придется искать любви у женщин.

Весь день я шел через лес по охотничьим тропам, страшась змей под ногами и леопардов в зарослях, раздумывая по пути, что стану делать, если персы перенесли лагерь. Но еще до того, как солнце спустилось к горизонту, я набрел на частокол, укрытый от глаз поворотом горного потока. Ограда из колючих ветвей окружала жилье, и у единственного прохода стоял часовой, со спокойствием, присущим только хорошо обученным воинам. Увидев, что я всего лишь евнух, он опустил пику и спросил, чего мне нужно. Только тогда я вспомнил, что одежды мои успели превратиться в непристойные грязные отрепья.

Назвав себя, я попросил о прибежище на одну ночь. После пути через незнакомый лес меня уже не беспокоило, кто они такие, пусть только позволят войти.

Страж передал с кем-то весть, и вскоре из лагеря появился посланный за мною безоружный воин, вежливо пригласивший меня внутрь. Лагерь оказался рассчитан не более чем на несколько сотен воинов; с Артабазом же были тысячи. Здесь стояли шалаши, сложенные из дерева и тростника; никаких шатров. Казалось, эти люди пришли налегке, но в сторонке я увидел и загон с прекрасными нисайянскими лошадьми. Тогда я спросил имя славного мужа, оказавшего мне гостеприимство.

— Не тревожься, ведь он предлагает тебе ночлег. Ныне чем меньше знаешь, тем лучше.

Жилище неизвестного мне властителя оказалось во всем подобно прочим, но гораздо вместительнее, из нескольких комнат. К моему замешательству, слуга ввел меня в прекрасно обставленную ванную, которой явно мог пользоваться лишь хозяин.

— Ты ведь захочешь искупаться после долгой дороги. Воду сейчас принесут.

Мне даже неловко было марать чистую скамью

своею грязной одеждой. Два раба-скифа наполнили ванну горячей и холодной водой; здесь было даже благовонное масло! Неописуемое удовольствие. Я вымылся сам и промыл волосы, едва заметив хорошо вышколенного слугу, который вошел с вежливо опущенным взглядом и забрал мои пропитанные грязью и потом лохмотья.

Когда, разомлев от теплой воды, я блаженно откинулся на бортик ванны, занавес, разделявший комнаты в этом доме, качнулся. Ну, подумал я, и что с того? Мужчина, убитый мною в лесу, сделал меня пугливым, подобно какой-нибудь девчонке. Подобный ему человек вошел бы ко мне, даже не раздумывая, так следует ли во всяком видеть только врага? Я встал и, насухо вытершись, надел оставленный мне прекрасный халат белой шерсти.

Тот же слуга внес поднос с изысканными яствами: там были сочное мясо молочного козленка под соусом, белый хлеб и вино с пряностями. Удивившись этому чуду в столь суровых обстоятельствах, я вспомнил о городе Задракарте, мельком виденном мною далеко внизу, и решил, что мой приветливый хозяин разбил здесь лагерь, прибыв оттуда налегке, но не без денег.

После трапезы я сидел, испытывая полное

блаженство, и причесывался, когда слуга внес в комнату стопу одежды, сказав:

— Мой господин надеется, ты сочтешь это достойным себя.

Одеяния были сшиты из чудесной тонкой ткани: широкий балахон вишневого цвета, синие штаны и туфли с вышивкой. Одежда подогнана во множестве мест, чтобы сделать ее меньше; должно быть, ее ушивали по моей собственной… Я вновь почувствовал себя самим собой. Чтобы отметить такое событие, я подвел глаза тенями и надел серьги.

Вернувшись, слуга сказал:

— Тебя желает видеть мой господин.

Только подпоясываясь, я вспомнил о кинжале. Его унесли вместе с моей старой одеждой и не вернули.

В хозяйских покоях со стропил свисал зажженный светильник тонкой резьбы; яркие полотнища местной работы выстилали деревянные стены. Мой гостеприимный хозяин полулежал на диване, и перед ним стоял столик для вина. Улыбнувшись, он приветствовал меня, подняв руку.

То был Набарзан.

Я стоял у входа, безучастный, как вол, и пытал-

ся привести в порядок разбежавшиеся мысли. Скорее, чем ступить под крышу к этому человеку, продавшему жизнь моего господина, мне следовало переночевать где-нибудь в лесу, под корягой. Теперь же, искупавшись и насытившись, в новых одеждах, обретя убежище на ночь, я не мог чувствовать ничего, кроме благодарности за то, что Набарзан не открыл мне своего имени с самого начала.

— Войди же, Багоас. — Казалось, его ничуть не задела моя неучтивость. — Присядь. Надеюсь, ты остался доволен приемом.

Приведя в порядок мысли, я склонился в поклоне — это, по крайней мере, я мог себе позволить — и произнес слова, в которых была истина:

— Я в великом долгу у тебя, господин.

— Вовсе нет. Присядь же, давай поговорим. У меня не часто бывают гости, и я рад твоему обществу.

Присев на край дивана, я принял предложенное вино.

— Но скажи, кого ты ожидал здесь увидеть? — продолжал Набарзан.

— Артабаза, — ответил я, — или его людей.

— Замечательный старик, чья душа сплетена

из одних достоинств. Александр встретит его с распростертыми объятиями — именно добродетельность он более всего ценит в людях.

Должно быть, Набарзан хорошо платил за доставляемые сведения. Но я размышлял сейчас о том, что он давно вышел за пределы обычной вежливости хозяина к попросившему о ночлеге путнику; меня беспокоило также воспоминание о шевельнувшемся занавесе. Как некогда в Вавилоне, в мои думы закралось сомнение.

— Ты тревожишься, — сказал он самым дружелюбным тоном, — я могу это понять; путешествие не было легким, раз тебе даже пришлось пустить в ход кинжал. Забудь о нем; я не причиняю вреда гостям, однажды впустив их в дом.

Теперь, когда мои мысли были прочитаны, я ответил, что не сомневался в его добрых намерениях. Сам по себе Набарзан никогда не бывал мне неприятен. Я с радостью вознаградил бы его за доброту, если бы не содеянное им. То был вопрос моей чести.

— Я знаю, сколь ты был предан Дарию. — Видно, Набарзан умел читать по лицу. — В одном царю повезло: ему верно служили более достойные люди, чем он сам. В нем, наверное, действительно что-то такое было, но, увы, я не имел счастья

разгадать, что именно.

— Он поднял меня из дорожной пыли и дал мне все, что я имел. Даже собака не смогла бы укусить его после этого.

— Да, даже избитая им собака. Однако хозяин умирает, и преданный пес всегда бежит прочь.

— Значит, он и вправду мертв? — Я вспомнил о повозке и золотой цепи, сковавшей ему руки. Сердце мое ожесточилось.

— Да, мертв.

Внезапно мне в голову пришла мысль: а что же Набарзан делает здесь, получив, по всей видимости, свою награду? Почему прячется в лесу со столь малым войском? И где же тогда Бесс?

— Я слышал, Александр убил его?

— Слухи, распускаемые невежественными крестьянами, мой мальчик. — Печально улыбаясь, Набарзан покачал головой. — Александр ни за что не убил бы Дария. Он предоставил бы царю Персии самые изысканные развлечения, покачал бы его сына на своем колене, после чего даровал бы Дарию какой-нибудь дворец, где тому было бы суждено встретить старость. Александр женился бы на его дочери, вежливо осведомившись, нельзя ли признать его полномочия. Восстань Дарий позднее — и его растоптали бы

без жалости, но, конечно, он ни за что не решился бы на такое. Повторяю, он спокойно дожил бы до дряхлой старости… Обо всем этом он начал подумывать, когда Александр уже гнался за нами по пятам. Македонец летел, как ветер из Скифии; весь путь за его спиной, должно быть, усыпан трупами загнанных лошадей. Царская повозка сильно затрудняла нам дорогу, и мы освободили Дария, привели коня. Царь же отказался подняться в седло, заявив, что больше доверяет Александру, чем нам. Он останется там, где стоит, и сам проведет переговоры. К тому моменту Александр уже рубил наш тыл, жизнь и смерть зависели от мгновений. Царь не желал ехать дальше, вот почему нам пришлось убить его собственными руками. Поверь, я оплакиваю его гибель.

Я молчал, уставившись в тени, танцевавшее за пределами яркого пятна светильника.

— Знаю, — продолжал Набарзан, — чем ты ответил бы мне сейчас, если бы язык тебе не связывали путы моего гостеприимства. Так пусть же меж нами не будет недомолвок. Дарий — царь, каким бы скверным полководцем он ни был. Но я — перс, и для меня второе важнее первого… Я не искал (как некий визирь, твой тезка) царя,

который стал бы моим слугой. Мне был нужен царь, который вел бы нас к победам, служить коему я сам почитал бы за честь. Что ж, Митра посмеялся надо мной. Когда все было кончено, я превратился в перса, у которого вообще нет царя.

Быть может, вино разморило меня, притупив сознание, но оно не успело замутить его вовсе. Зачем Набарзан говорит все это? Зачем признался в цареубийстве? Отчего не считается с разницей в нашем положении? Никакого смысла в том я не находил.

— Но, господин мой, — сказал я, — все вы собирались посадить на трон Бесса. Неужели и он также погиб?

— Пока еще нет. Он надел митру и отправился в Бактрию, но смерть настигнет Бесса в тот момент, как только до него доберется Александр. Я больше страдаю от собственного недомыслия, чем от содеянного предательства. Так-то, мой милый мальчик. Я искал царя для Персии, а нашел лишь разбойника с гор.

Набарзан вновь наполнил мою чашу.

— Я полагал, он сумеет обрести величие, когда царство упадет к нему в ладони. Увы. Как только Дарий был связан, все бактрийское воинство

превратилось в свору мерзавцев. Бесс не смог остановить грабежа царского шатра, который уже принадлежал ему самому! Они завладели бы даже сундуком с деньгами, не позаботься я о нем заблаговременно…

В его словах опять послышалось мурлыканье леопарда. Теперь я многое понимал.

— Но то было лишь начало. Они крушили все вокруг, будто оказались посреди чужих земель: грабили, насиловали, убивали. Почему бы нет? Ведь они же не в Бактрии. Я напомнил Бессу, что отныне он — великий царь; его люди режут его же подданных! Бесс счел это должным вознаграждением за верную службу. Я убеждал поспешить: если бы нас догнал Александр, все оказалось бы впустую. Бесс отмахнулся. И тогда глазам моим предстала истина: он не собрал своих воинов в кулак только потому, что не мог! Они служили не за страх, а за совесть при старом порядке, который понимали. Теперь же они знали одно: нет более царя, все порядки рухнули. И они правы. Царя действительно нет.

Темные глаза Набарзана, затуманившись, созерцали что-то за моей спиной. Мне же пришло в голову, что с тех пор, как он забился в эту дыру, я был первым, с кем он мог поделиться своими

печалями.

— А потом Александр вихрем налетел на нас с той горсткой людей, что выдерживали его бешеный темп, и нашел наши тылы шатавшимися, словно пьяные крестьяне в базарный день. Сотни воинов Александра окружили тысячи наших, как пастухи — стадо. С меня было довольно. Я потерял самого себя, положение, будущее (и даже веру, как ты сказал бы мне, если б только мог), чтобы вместо никчемного труса посадить на престол бесполезного негодяя. Даже поражение у Исса не оставило во мне такой горечи. С отрядом собственных всадников, еще не растерявших последние крохи дисциплины, я бежал прочь и, пройдя через все эти леса, встал лагерем, где ты и нашел нас.

Сказать на это было нечего, но я вспомнил о своем долге перед Набарзаном:

— Но и тут тебя подстерегают опасности, господин. Александр идет на восток.

— Да, я тоже слыхал об этом. И стараюсь сделать все, что в моих силах. Но, милый мой мальчик, мы довольно времени потратили на разговоры обо мне. Давай подумаем и о твоих делах… Жаль, что ныне тебе приходится жить впроголодь, вот как сейчас, но какое будущее я

мог бы предложить взамен? Если бог смилостивится и позволит мне вновь увидеть родные края, я все равно окажусь в немалом затруднении… Должен признаться, я часто сожалел, что ты — не девушка или же о том, что за всю свою жизнь мне не удалось встретить девушки с лицом, красою подобным твоему. Грезить о чем-то большем мне не позволяет естество. А ведь и вправду, ты уже не столь женоподобен, каким я помню тебя во дворце Вавилона! Это придает твоим чертам подлинное своеобразие. Но мне надо сперва выжить из ума, прежде чем я найду тебе место где-нибудь в своем гареме…

Набарзан улыбался, но я чувствовал, что за этой игрой он все же скрывал что-то.

— Однако, — продолжал он, — ты, вне сомнения, самое привлекательное существо из всех, кого мне доводилось встречать, будь то женщина, девочка или мальчик. И впереди остается лишь несколько лет подобной красоты; ужасно было бы растратить их втуне. Правда в том, что ты должен служить лишь царям.

Набарзан явно не ждал ответа, а потому я хранил вежливое молчание.

— Как бы хотелось мне чем-нибудь обеспечить твое будущее. Но у меня нет и собственного…

Теперь мне ясно: надо отправляться по единственно возможной дороге, вслед за Артабазом, не имея притом ни единого из его преимуществ.

— Неужели ты отправишься к Александру? — вздрогнув, переспросил я.

— Куда ж еще? Он — единственный великий царь, который у нас теперь есть или которого мы достойны. Будь он персом и столь же доблестным полководцем, все мы давным-давно уже последовали бы за ним. Все, на что я могу надеяться в лучшем случае, — это тихая жизнь в родном краю, за счет моих собственных угодий. Цареубийство — тот грех, который жестоко преследуют все цари без исключения, и все же… Александр — воин. Он дважды сражался с Дарием. И я думаю, он сможет понять меня.

Из уважения к хозяину дома я не мог отвечать.

— Во всяком случае, он обещал мне безопасность, если я лично явлюсь к нему узнать условия сдачи. Пусть даже он возненавидит меня за содеянное, я еще смогу вернуться в этот лагерь. И вот тогда, я думаю, начнется настоящая игра.

— Надеюсь, этого не случится, господин! — Мои слова были искренни, и Набарзан благодарно улыбнулся в ответ.

— Ты видел моих лошадей в загоне? Это по-

дарок для Александра. Конечно же, их уберут золотом и серебром, но у македонца и так полно коней, ничем не хуже этих.

Из вежливости я возразил: Александру никогда не сыскать лучше.

— Да почему же, в них нет ничего особенного. В конце концов, Александр — самый богатый человек в мире. Какой подарок способен обрадовать его? Если чего-то ему хочется — значит оно у него уже есть… Такому человеку можно сделать лишь один ценный дар. Подарить нечто такое, чего он искал очень и очень давно, сам даже не подозревая о том.

— Надо очень хорошо знать Александра, господин, чтобы разыскать для него подобную вещь.

— И все-таки, сдается мне, я видел именно то, что ему необходимо.

— Рад слышать это, господин. Но что же это такое?

Помолчав немного, Набарзан ответил:

— Ты.

Глава 10

Мы, персы, говорим так: серьезный вопрос надлежит обсудить дважды. Сперва на пьяную голову, а уж затем — и на трезвую.

На следующее утро я проснулся на соломенном тюфяке в покоях Набарзана, где мирно спал, не подвергаясь приставаниям, словно в доме кровного родственника. Голова немного гудела: по всему видно, отменное вино мы пили вчера. Лес наполнял утренний щебет птиц. Когда же я оглянулся по сторонам, пытаясь сообразить, где нахожусь, то сразу увидел моего гостеприимного хозяина, спавшего в другом конце комнаты. Память не желала проясняться, но почти сразу откуда-то взялось смутное ощущение нависшей грозной опасности, и оно все не исчезало.

Мы говорили и пили, пили и говорили… Припоминаю слова: «Неужто они и вправду красят лица синим?» И гораздо позднее, кажется, Набарзан заключил меня в целомудренные, но теплые объятия, призвал богов мне в помощники и расцеловал. Должно быть, я не стал противиться.

Где-то в лагере гулко лаяла собака. Заслышав голоса, я решил, что должен все обдумать,

прежде чем проснется Набарзан. Ко мне понемногу возвращались обрывки вчерашнего разговора. «Ты сам должен избрать свой путь. Поверь, я не стану принуждать тебя хитростью: ты узнал бы всю правду, едва я скрылся бы с глаз, — и тогда я обрел бы опасного врага. Но ты остался верен Дарию передо мной, его убийцей, и я думаю, что могу довериться тебе. Ты расскажешь обо мне все как есть».

И еще он сказал: «Служа Дарию, я пытался вызнать об Александре все, что только можно. Всегда следует изучить своего врага заранее… Среди прочих, более полезных в то время сведений я узнал также, что гордость македонца простирается и в его опочивальню: он ни разу не возлежал с рабом или с пленным. А потому, сдается мне, первым делом он осведомится, свободен ли ты и пришел ли по собственной воле». — «Что ж, — молвил я, — тогда я знаю, что ему ответить».

Крохотная пичуга села на деревянный ставень окна и запела так громко, что ее горлышко трепетало, словно в такт сердцу. Набарзан спал покойно, как если бы за его голову не была назначена награда. Он сказал еще, если только я верно помню: «Насколько мне ведомо, дважды некие просители предлагали Александру гре-

ческих мальчиков, известных своею красотой. Он же всякий раз отвергал их предложения с негодованием. Но, милый мой Багоас, ни один из угодливых подхалимов даже не подумал предложить ему женщину».

Кажется, я помню, как Набарзан взял на ладонь локон моих волос (еще влажных после ванны) и задумчиво покрутил в пальцах. К тому времени мы оба уже были изрядно навеселе. «Никаких особенных усилий не нужно, — сказал он, — чтобы отвергнуть пустое имя, пусть даже стоящее рядом со словом „прекрасный“. Но плоть и кровь — о, то совсем иное дело!..»

Во что превратилась моя жизнь, горестно размышлял я, с тех пор как царь покинул нас? Увы, я владею только одним ремеслом, способным прокормить меня. Только одно у всех на уме, и у Набарзана тоже — пусть даже он отдаст меня другому. Если отказаться, очень скоро я кончу там, где начинал в двенадцать лет…

И все-таки я страшился порвать со всем, что знал, связать остаток жизни с варварами. Кто откроет мне, как ведут себя македонцы в опочивальнях? Каковы их любовные привычки? В Сузах я познал истину: даже самая привлекательная внешность может оказаться

маской, за которой таятся невыразимые ужасы. И наконец: положим, мне не удастся угодить Александру?..

Пусть так, рассудил я, неведомые опасности лучше череды несчастий, медленно и незримо впивающихся в тело, подобно проказе, пока сама жизнь не превратится в пытку, одна мысль о которой некогда могла ее оборвать. Один бросок копья: в цель или мимо. Да будет так.

Набарзан зашевелился, зевнул и, подняв голову, улыбнулся мне. Но лишь за завтраком спросил:

— И что же, в согласии ли трезвый с пьяным?

— Да, мой господин, я пойду. С одним условием: ты дашь коня, ибо мне надоело ходить пешком. И еще, коли уж ты предлагаешь меня в дар самому богатому человеку на свете, я должен выглядеть так, словно я и впрямь чего-нибудь стою.

Набарзан громко рассмеялся:

— Хорошее начало! Никогда не продавай себя задешево, особенно Александру. У тебя будет и конь, и настоящая одежда, а не эти обноски. Я уже послал в Задракарту. В любом случае нам следует дать твоим ссадинам возможность затянуться. Теперь, созерцая твой лик при свете дня, вижу: путь сквозь лес не был праздной прогулкой… — Взяв за подбородок, Набарзан повернул

меня к солнцу. — Пустяк, всего лишь царапины. Несколько дней — и они исчезнут.

Минуло четыре дня, прежде чем наша кавалькада спустилась с холмов к лагерю Александра.

Набарзан был сама щедрость. Мой гнедой конь с белыми гривой и хвостом оказался даже лучше, чем бедняжка Тигр; теперь я владел двумя замечательными нарядами, причем лучший из них, что был сейчас на мне, — с настоящими золотыми пуговицами и с вышивкой на рукавах.

— Прости, милый мальчик, — сказал Набарзан, когда мы тронулись в путь, — что я не могу вернуть тебе кинжал. Александр решил бы, что я посылаю к нему убийцу.

За нами гордо вышагивали нисайянские лошади в красиво украшенных сбруях и уздечках, с бахромой на чепраках… С достоинством, но скромно одетый благородным просителем, Набарзан правил конем позади меня; неторопливый в движениях и хранящий спокойствие, он выглядел не менее чистопородным, чем его лошади. Надеюсь, Митра простил мне добрые мысли о нем.

Впереди кавалькады ехал проводник — македонский военачальник, знавший несколько персидских слов. Поднявшись на очередной

холм, он остановился и, обернувшись к нам, указал вниз. Там, у реки, был разбит небольшой лагерь — Александр разделил воинство, чтобы прочесать горы и укрепить людьми опорные точки, так что сейчас его окружало только личное войско, приведенное из Македонии. Его шатер мы увидели сразу; внушительными размерами он напоминал персидский.

Набарзан шепнул мне:

— Видишь? То шатер Дария; я узнал бы его где угодно. Александр захватил его при Иссе.

О той битве он всегда говорил с горечью. Мне вспомнились воины в Вавилоне и их рассказы о том, как достойно бился Набарзан, пока царь не бежал прочь.

Мы правили сквозь лагерь под цепкими взглядами македонцев, пока не добрались до площадки перед царским шатром. Слуги приняли наших коней, и Набарзан был представлен вышедшему Александру.

Как ясно — даже теперь, спустя годы, — я помню, каким увидел его в первый раз! Он оказался вовсе не столь мал ростом, как представлялось мне по чужим рассказам. Конечно, рядом с Дарием он и впрямь выглядел бы мальчишкой: даже молодой македонец, вслед за ним вышедший

к нам из шатра, был повыше. Нет, рост самого Александра был средним; как мне кажется, люди ждали, чтобы стать соответствовала деяниям, и разочарование уменьшало его рост в их глазах.

Артабаз говорил, даже в Персии его можно было бы назвать красавцем. Ко времени нашей встречи Александр несколько дней провел в седле, защищаясь от солнца не шляпой, но открытым шлемом, и обжегся. Светлая кожа покраснела, приняв ненавистный оттенок, напоминавший нам о северных дикарях, но у Александра не было их рыжих волос — его локоны горели золотом. Небрежно остриженные по плечи, не прямые и не кудрявые, они свободно ниспадали, подобно сияющей пряже. Когда Александр обернулся к толмачу, я увидел, что черты его лица правильны, хоть и искажены пересекавшим скулу шрамом от удара мечом.

Какое-то время спустя Набарзан с поклоном указал на подарки, после чего перевел взгляд на меня. Я стоял слишком далеко, чтобы слышать его речь, но Александр тоже поглядел в мою сторону, и я впервые увидел его глаза. Их я помню, словно это случилось вчера, собственные спутавшиеся мысли — куда менее отчетливо. Я испытал нечто вроде шока и подумал про себя,

что следовало лучше подготовиться к подобному испытанию.

Приблизившись с опущенным взором, я пал ниц. Александр сказал по-персидски: «Ты можешь подняться». В то время он едва ли знал хотя бы пяток фраз на нашем языке, но выучил эту, наравне со словами приветствия. Он не привык, чтобы люди простирались перед ним на земле; сразу видно, от этого ему становилось не по себе. Поклонившись, мы встаем без всякого приказа, но никто, однако, не спешил указывать царю на его ошибку.

Я стоял перед ним, опустив глаза (как то подобает в присутствии владыки), когда Александр неожиданно выкрикнул мое имя: «Багоас!» — и, застигнутый врасплох, я поднял голову, как он на то и рассчитывал.

Как добрый прохожий может улыбаться незнакомому ребенку, пытаясь прогнать его страхи, так Александр улыбнулся мне. Не поворачиваясь, он бросил толмачу:

— Спроси мальчика, пришел ли он по доброй воле.

— Мой господин, я немного говорю по-гречески, — сказал я, не дожидаясь перевода его просьбы.

— И очень даже неплохо. — Александр явно был удивлен. — Что, Дарий тоже знал греческий?

— Да, повелитель.

— Тогда отвечай на мой вопрос.

Я подтвердил, что пришел по своей воле, надеясь на честь служить ему.

— Но ты явился ко мне с человеком, убившим прежнего твоего господина. Что скажешь на это?

В глазах Александра что-то погасло. Он вовсе не старался испугать меня, но взгляд его похолодел, и этого оказалось довольно.

Набарзан отступил на несколько шагов, и Александр метнул взгляд в его сторону. Я же припомнил, что Набарзан не понимает греческого.

— О великий царь, — сказал я Александру, — Дарий был добр ко мне, и я вечно буду скорбеть о его гибели. Но властитель Набарзан — воин, и он счел его смерть необходимой для блага моей страны. — (По лицу Александра пробежала легкая тень, словно он понял что-то.) — Воистину, он раскаялся в содеянном.

Помолчав, Александр отрывисто вопросил:

— Скажи, был ли Набарзан твоим любовником?

— Нет, мой господин. Только хозяином, приютившим путника.

— Значит, не любовь заставляет тебя просить за него?

— Нет, мой господин. — Думаю, именно из-за выражения его глаз, а вовсе не по совету Набарзана я тотчас добавил: — Будь он моим любовником, я не покинул бы его в беде.

Александр поднял брови, затем с улыбкой обернулся к юноше, стоявшему за его спиной:

— Ты слышал, Гефестион? Такого защитника всегда стоит иметь под рукой.

Не позаботившись поклониться или хотя бы добавить «мой господин», молодой человек тряхнул головой:

— По меньшей мере они могли бы не обрекать его на муки.

К моему изумлению, Александр пропустил непочтительность своего спутника мимо ушей:

— Не забывай, они спешили… Я и подумать не мог, что Дарий знал греческий. Если б мы только успели вовремя!

Македонский царь осмотрел лошадей и похвалил их через толмача, после чего пригласил Набарзана войти к нему в шатер.

Я ждал рядом с нервничавшими конями, пока собравшиеся македонцы разглядывали меня. В Персии всякий евнух знает, что отличается

от прочих мужчин отсутствием бороды; я чувствовал себя весьма неуверенно, оказавшись в толпе, где бород не было ни у кого. Александр брился с самой юности и призывал следовать своему примеру. Персидский воин не задумавшись пролил бы кровь любого, кто посоветовал бы ему уподобиться евнухам, но мне кажется, что македонцам это попросту не приходило в голову. У них не было евнухов, так что в лагере я оказался единственным.

Никто не досаждал мне расспросами. В македонцах я нашел дисциплину, но ни малейших признаков почтительности, которую ожидаешь встретить в царском окружении. Обступив меня со всех сторон, они пялились, обсуждая меж собой мою внешность, словно я был лошадью; они, конечно же, не догадывались, что я могу понять их. Признаться, наиболее грубых слов я действительно не понимал; но воины говорили по-македонски, а этот язык немногим отличен от греческого, так что я вполне мог догадываться, что они имеют в виду, и едва удерживался от слез. Что станется со мною среди подобных людей?

Полог шатра откинулся, и наружу вышли Александр, его толмач и Набарзан. Царь сказал что-то

и протянул руку для поцелуя. По лицу Набарзана я прочел, что то был знак прощения и помилования.

Бывший командующий царской конницей произнес красивую речь, клянясь в верности, и получил разрешение уйти. Обернувшись ко мне, он весьма официально (нас слышал царский толмач) произнес:

— Багоас, служи своему новому господину столь же хорошо, как и прежнему, — и подмигнул, прежде чем усесться на коня.

Набарзан вернулся в свои родовые владения, к своему гарему и, должно быть, жил там, как и надеялся, в тишине и спокойствии. Нам не довелось повстречаться снова.

Александр приказал увести лошадей и обернулся, словно только что вспомнив обо мне. Признаться, я видал этот прием и в лучшем исполнении. На миг мне почудилось… да что там, я готов был поклясться, будто в его взгляде мелькнуло нечто, что невозможно спутать. Обычно, когда тебя окидывают подобным взором, сразу чувствуешь себя неуютно, но порой этот взгляд успокаивает. Впрочем, длилось это лишь мгновение — и начисто пропало, оставив в глазах Александра лишь деловитость полководца.

— Ну, Багоас, добро пожаловать ко мне на службу. Повидайся с Харесом, управляющим моим двором, он покажет, где ты будешь жить. Мы еще встретимся позже.

Что ж, подумал я, сказано достаточно ясно.

Солнечный диск клонился к земле; мой дух также. Я не представлял себе, когда царь обычно отправляется спать.

Пришло время трапезы; я ел вместе с писцами, ведшими учет имуществу и событиям. Харес поселил меня с ними, ибо иного места для подобных мне попросту не существовало — разве что в солдатских казармах или же со слугами. Пища оказалась грубой и черствой, но писцы, кажется, к лучшей не привыкли. Спустя какое-то время один из них вежливо осведомился, как именно велись архивные записи в Сузах; к счастью, я смог удовлетворить его любопытство и завоевать тем самым их дружелюбие. В любом случае они не могли дать мне совета по поводу моих обязанностей. Я же не решился спросить, какой именно знак подает их царь, чтобы его избранник остался, когда уйдут остальные. Будь у них евнухи, они-то сумели бы помочь!

Царь уже отправился трапезничать с полководцами своей армии, и я вернулся к управителю

Харесу — благородному македонцу высокого ранга. Честно сказать, я не был в восторге от его трудов; по персидским меркам, македонский лагерь был устроен кое-как, даже если считать его коротким привалом. Когда я пришел, он, как мне показалось, даже не знал, куда приткнуть меня, но, оглядев мою богатую одежду (в этом смысле я очень многим был обязан Набарзану), он выдал мне влажное и сухое полотенца, чтобы Александр мог вытереть руки во время трапезы. Я стоял чуть позади его кресла, и царь воспользовался ими; отчего-то мне все равно показалось, что Александр не ждал увидеть меня там.

Я уже был наслышан об их варварских обычаях в отношении вина: его подавали прямо во время еды, к мясу. Никто, однако, не подготовил меня к той свободе речей, которую царь допускал за столом. Они звали его просто Александром, без титулов, как равного; они даже позволяли себе громко смеяться в его присутствии, и, вместо того чтобы упрекнуть наглецов, Александр присоединялся к ним! Они вспоминали минувшие битвы, как это делают простые воины, оказывая мало почтения своему сотнику; я сам слышал, как один из них произнес: «Нет, Александр, то было за день до того», — и сия дерзость даже не была

наказана! Они так и продолжали спорить, вспоминая новые подробности. Каким чудом, думал я, он может заставить их подчиняться приказам в пылу сражения?

Когда же они наелись (пища — как в крестьянской хижине на праздник, вовсе без сладостей), все слуги вышли, кроме виночерпиев. Потому и я ушел, направившись прямо к царскому шатру, дабы приготовить постель. Я был немало поражен, найдя ложе бедным, словно кровать простого воина: там едва нашлось бы место для двоих. В шатре я увидел несколько красивых золотых сосудов (изъятых, дерзну сказать, из персепольского дворца); что же до прочей обстановки, то она оказалась удивительно проста: кровать со скамеечкой для одежды, умывальник, стол со стулом, полочка со свитками и высокая ванна, выложенная серебряными листами, — должно быть, она некогда принадлежала Дарию и была захвачена вместе с самим шатром.

Я поискал благовония, но так и не сумел их найти. Как раз в этот момент в шатер вошел македонский мальчик примерно одного со мною возраста, с порога вопросивший:

— Ты что здесь делаешь?

Можно подумать, он спугнул вора. Я не ответил

той же грубостью, но напомнил, что был принят сегодня в услужение.

— Впервые слышу, — заявил он. — Кто ты такой, чтобы вползать сюда без разрешения? Я охраняю шатер, и насколько я могу судить, ты явился отравить Александра.

Он завопил, подзывая подмогу, и в шатер вбежал еще один мальчик. Вдвоем они как раз собрались задать мне хорошую взбучку, как вдруг полог откинулся и на пороге появился незнакомый мне юноша. Мальчики понурились даже прежде, чем тот открыл рот.

— Во имя Зевса! — вскричал мой спаситель. — Разве ты, Антикл, не можешь стоять на часах без этих воплей, подобных крикам рыночного зазывалы? Я услыхал тебя снаружи; считай, тебе повезло, если их не слышал сам царь. Что здесь происходит?

Мальчик ткнул в меня пальцем:

— Я нашел его здесь, и он рылся в вещах Александра!

Юноша поднял брови.

— Ты мог бы спросить кого-нибудь из нас, прежде чем поднимать на ноги весь лагерь своим ревом. Сколько можно с тобою нянчиться? В толк не возьму, как Александр только терпит

эту безмозглую детвору!

Мальчик, внезапно рассердившись, дерзко отвечал ему:

— Тебе еще не надоело следить за нами? Ты сам давно уже не служишь Александру, но до сих пор не можешь свыкнуться с этой мыслью! Между прочим, я сегодня дежурю, и неужто в мои обязанности входит допускать в царскую спальню всякого дешевого скопца, которому вздумается пошарить в чужих вещах? Что мне с того, что какой-то варвар подбросил нам эту гнусную подстилку?

Юноша не отводил тяжелого взгляда, пока мальчик не покраснел.

— Во-первых, не сквернословь, Александр этого не любит. А насчет всего остального, поверь мне на слово: мальчик имеет право быть здесь. Я своими ушами слышал, как Александр говорил с ним. Подвергать твой скудный разум другим испытаниям я не стану. Клянусь египетским Псом! Будь я хотя бы наполовину таким идиотом, я тут же пошел бы и удавился!

Пробормотав что-то, оба мальчика вышли. Юноша же окинул меня долгим взглядом, улыбнулся ободряюще и тоже покинул шатер. Я же остался, мало что поняв из происшедшего.

По обычаю, из Македонии вместе с новыми войсками прибывали и новые телохранители царя. Эта почетная обязанность, частью которой были и ночные дежурства, возлагалась на сыновей тамошних властителей. Обычно служба каждого продолжалась два-три года, не более, но за четыре года войны те служители, с которыми Александр некогда покинул родные края, уже превратились в мужчин. В Македонии он сам выбирал телохранителей; все они давно знали его обычаи, да и сам он уже привык, чтобы все шло как по маслу. Теперь же, перейдя в конницу, они, как предполагалось, должны были натаскивать недавно прибывших новичков, к которым относились с величайшим презрением. Все это я узнал гораздо позже.

В царском шатре я остался один. Мне казалось странным, что еще никто не пришел, дабы вместе со мною дождаться Александра и помочь ему разоблачиться; однако я ни минуты не сомневался, что они вскоре явятся. Зажег ночник от висевшего на крюке светильника, поставил у кровати, а сам отошел в пустой угол и сел, скрестив ноги, в тени, предавшись горестным мыслям по поводу своей дальнейшей судьбы.

За стеной послышались голоса; вскоре в шатер

вошел сам царь в сопровождении двух военачальников. Мне было ясно, что они просто вошли вместе, погруженные в беседу, и никто из них не намерен приготовить царя ко сну. Я же почувствовал себя весьма неловко. Быть может, Александр не хочет, чтобы они узнали о том, что он посылал за мною? Подумав так, я остался недвижим в своем темном углу.

Когда военачальники вышли, я как раз собирался встать и помочь царю снять одеяние, но Александр в задумчивости начал ходить из угла в угол, как если бы остался один. Казалось, он глубоко погружен в мысли и не хочет, чтобы его беспокоили. Я сидел тихо, давно научившись понимать, когда следует попадаться на глаза повелителю, а когда стоит держаться подальше.

Александр шагал взад-вперед, чуть склонив голову набок, и его остановившийся взгляд, казалось, был устремлен куда-то сквозь стены шатра. Походив так немного, он уселся за стол, открыл восковые таблички и принялся писать. Мне это показалось странным занятием для царя, в чьем распоряжении было немало писцов, которые могли выполнить для него всю работу. За все то время, что я провел у Дария, мне ни разу не довелось видеть, чтобы тот хотя бы прикасался

к инструментам для письма.

Внезапно, без всякого приветствия или представления, при полном молчании охраны, в шатер вошел молодой человек. Он не спросил дозволения и даже не приостановился на пороге… Я узнал его: он стоял рядом с Александром, когда Набарзан представлял меня. Царь, сидевший спиною ко входу, продолжал писать, не подозревая о посетителе; вошедший же быстро шагнул к нему и, встав позади, запустил пальцы в его волосы.

Я был так напуган, что не смог даже вскрикнуть. За одно-единственное мгновение мою бедную голову посетили тысячи кошмарных видений. Нужно успеть добраться до леса прежде, чем тело будет найдено. Убийца рассчитывает обвинить в смерти Александра меня, зная, что царь посылал за мной! Меня ждут изощренные пытки; я буду умирать три дня, никак не меньше.

И тогда, едва успев подняться на ноги, чтобы бежать, я понял, что смертельного удара так и не последовало. У вошедшего не было в руках оружия, а царь, скорый в движениях, не думал сопротивляться. Его голову не заламывали назад, не перерезали глотку. Пришелец просто ерошил ему волосы пальцами, как это делает мужчина,

играя с мальчиком.

Изумление приковало меня к месту. Я все понял. Юноша — я уже вспомнил его имя: Гефестион — наклонился к Александру, чтобы прочесть написанное. Немного опомнившись, я медленно двинулся назад, в спасительную тень, и оба обернулись, вздрогнув от удивления.

Сердце мое почти перестало биться. Я пал ниц и поцеловал пол. Когда же я встал, Гефестион, сдерживая смех, повернулся к Александру, в шутку нахмурив брови. Царь, впрочем, не сводил с меня глаз и вовсе не смеялся притом.

Он спросил, что я здесь делаю, но все греческие слова вылетели у меня из головы. Поманив к себе, он ощупал меня твердыми, тяжелыми ладонями и сказал:

— Оружия нет… И давно ли ты прячешься тут?

— О, повелитель мой, я пришел сразу после трапезы. — Я не решился напомнить царю, что он желал видеть меня; без сомнения, он мечтал, чтобы я забыл об этом. — Прошу прощения, господин, это правда. Я… я думал, мне следовало ждать тебя здесь.

— Ты ведь слышал, я собирался поговорить о твоих обязанностях позднее.

С этими словами я почувствовал, как тело омы-

ла теплая волна, заставившая мое лицо вспыхнуть. О, с каким удовольствием я провалился бы прямо в чрево земли! Ответить я не мог.

Видя мое смущение, Александр произнес мягко, без всякой грубости в голосе:

— Не обвиняй себя. Вижу, ты неверно понял мои слова, и не сержусь, Багоас. Можешь идти и спать спокойно.

Низко поклонившись, я вышел. Ночная смена охраны стояла спиной ко входу, и я задержался у темной стороны шатра. У меня нет здесь друзей. Некому наставить меня. А потому я должен всему научиться сам и узнать как можно больше.

Царь говорил:

— Представляешь? Сразу после трапезы! И — ни звука. Он двигается бесшумно, словно кошка.

— Бедняга окаменел от страха, — отвечал Гефестион. — Что ты здесь делал с ним, Александр? — И весело рассмеялся.

— Кажется, я догадываюсь, — сказал царь. — По-моему, он вообразил, что ты задумал убийство. Вспомни, что он обучен персидским манерам — и придворным манерам, раз уж на то пошло. Как он перепугался, бедняга… Он был мальчиком Дария, ты знаешь? Я сказал ему, что повидаюсь с ним позже; естественно, он решил, что я

приглашаю его в постель. Он так страдает теперь из-за моей оплошности… Все моя вина; мне показалось, он хорошо говорит по-гречески. Мне следовало воспользоваться услугами толмача. Знаешь, в подобных вопросах надо самому быть немножко персом, чтобы ничего не напутать.

— Это было бы ужасно. Ты и греческому-то выучился не слишком быстро… Что ж, вот тебе и учитель. И впрямь можно найти мальчишке какое-нибудь занятие; будем считать, тебе есть с кем практиковаться в персидском.

Один из телохранителей пошевелился, и мне пришлось отступить, не слушая дальше.

Постель мне приготовили в шатре писцов. Горевший у входа факел освещал его зыбким, призрачным светом. Двое уже спали; третий лишь притворялся и высунул голову из-под покрывала, стоило мне сбросить одежду. Окончание дня впору остальным кошмарам. Закрыв лицо простыней, я прикусил подушку и щедро омыл ее немыми слезами.

Я вспоминал обещания Набарзана. Каково вероломство! Как он мог не ведать, зная об Александре так много? Вся македонская армия, должно быть, знает… Сколько же эти двое должны

быть любовниками, чтобы вести себя так, чтобы говорить так? «Ты не слишком быстро выучился греческому»… Лет десять?

Евнух царицы сказал нам, что они вдвоем посетили захваченный шатер, — и мать царя не знала, кому из них поклониться. «Не стоит беспокоиться, матушка, вы не слишком ошиблись. Он тоже Александр». Даже от нее он не таился!

Зачем же, думал я, ему было принимать мои услуги? Что ему нужно от мальчика? Он и сам чей-то мальчик. И ведь ему не меньше двадцати пяти…

Один из писцов храпел. Несмотря на весь свой гнев, я с тоской вспоминал дом Набарзана. Завтра он будет покинут; год спустя сгниет и вновь обратится в лес. Так же и во мне самом очень скоро отомрет все персидское, коли мне суждено плестись по чужим землям, а целая армия варваров будет донимать меня приставаниями.

Мне вспомнились слова Набарзана, произнесенные в бледном тумане света и винных паров: «Что можно подарить такому человеку? Нечто, чего он искал очень и очень давно, даже не подозревая о том…» Ладно, он обвел меня вокруг пальца, как и самого Дария; этого и следовало ждать. И все-таки Набарзан привел меня

сюда, добиваясь милости Александра; он даже не притворялся, будто хочет чего-то другого… Я несправедлив к нему, решил я напоследок. Должно быть, он поступил так по неведению.

И очень скоро я уснул, вконец измотанный мрачными думами.

Глава 11

Когда ты молод, утреннее солнце способно творить чудеса. Придя к коновязи, я обнаружил, что конь мой (я назвал его Львом) ухожен и сыт. Хоть лица фракийских конюхов поначалу едва ли показались мне человеческими — вот народ, действительно красивший кожу в синий цвет, — один из них объяснил мне при помощи улыбок и жестов, каким превосходным скакуном мне довелось завладеть. И уже когда я легким галопом правил вдоль реки, сердце мое ожило; но затем глазам моим предстало столь безобразное зрелище, что поначалу я с трудом мог им поверить.

Десяток юношей ступили в воды реки, погрузив тела в священные струи! Они старательно смывали с себя грязь и, словно бы наслаждаясь нечестивым осквернением потока, весело плескались или же плавали. Среди прочих голов заметил я и мокрую копну золотых волос, которая могла принадлежать лишь самому Александру! Мне почудилось, что он глядит в мою сторону, и я ускакал прочь, содрогаясь от ужаса.

«Варвары! — думал я. — Какую месть уготовит им Анахит — повелительница вод?..» Утро насту-

пало чудесное; свежесть его понемногу сдавалась под напором тепла. Воистину, я оставил цивилизацию позади. И все же… Если не подозревать о грехе, какое, должно быть, удовольствие — скользить по сверкающей реке нагим, точно рыба!

Но там, где река огибала лагерь, меня ждала еще более гнусная картина, — казалось, нет такого оскорбления, какого эти люди не могут нанести божеству речных потоков. Они не просто мылись сами; они ополаскивали котлы, купали коней… Отвращение мое сразу вернулось. Нечего удивляться, что утром мне лишь с великим трудом удалось раздобыть сосуд, чтобы набрать воды для умывания!

Худшей бедой оказалась непристойность отхожего места. Простая канава (и это на царском дворе!), куда надлежало спускаться, что само по себе неприятно. Кроме того, юные служители Александра и прочие дурно воспитанные люди непременно захотят взглянуть на меня… Любой персидский мальчик удовлетворяет свое любопытство в отношении евнухов, пока ему нет еще и шести лет; здесь же вполне взрослые воины всерьез полагали, будто нож действительно способен обратить мужчину в женщину. Я сво-

ими ушами слышал, как телохранители бились об заклад, рассчитывая проверить на мне свои нелепые догадки! Еще несколько дней я, устрашенный подобным бесстыдством, поспешно скрывался в лесу, прежде чем позывы природы могли заставить меня поступиться скромностью.

Так и не получив разъяснений о своих обязанностях, я не без трепета предстал перед царем во время обеда. Однако, вместо того чтобы прогнать с глаз долой, Александр даже возвысил меня. В течение дня македонский лагерь посетило несколько благородных персов, явившихся сдаться и принести клятву в верности. Получив прощение, Набарзан был сразу отпущен восвояси — из-за того, что убил своего царя; этих же властителей Александр принял как почетных гостей. Не однажды, когда перед царем ставили особенно лакомое яство, Александр приказывал подававшему пищу слуге взять немного и говорил мне: «Ступай к такому-то и скажи: я надеюсь, он разделит со мною это блюдо». Даже привыкшие к лучшей пище гости были довольны его истинно персидской любезностью. Я же поражался ей, плохо представляя себе, когда и где он мог всему этому научиться.

Весьма часто, когда Александр отсылал кому-то

новый деликатес, я склонялся к нему и предупреждал, что так скоро для него самого ничего не останется. Царь же улыбался и продолжал есть то же, что и остальные. Солнечный ожог совсем пропал. Да, следовало признать: даже для Персии Александр был весьма хорош собой.

За время трапезы он ни разу не приказал мне отнести что-нибудь самому. Александр помнил о прошлой ночи и старался щадить мою гордость. Казалось, ему присуща природная учтивость, невероятная для человека, воспитанного среди варварской дикости. О прочих македонцах сказать подобное было никак нельзя. Друзья Александра следовали ему во всем, а Гефестион не спускал с него глаз все время обеда, но некоторые (те в основном, что сохранили свои бородки) достаточно ясно давали понять, что именно они думают о совместной трапезе с персами. При малейшем различии манер они смеялись и даже указывали пальцами на гостей! За столом сидели властители, чьи предки правили этой страной задолго до времен Кира, но я между тем был вполне уверен, что неотесанные вояки Александра желали бы увидеть, как те сами разносят пищу… Несколько раз повелитель устремлял на этих невежд холодный, тяжелый взгляд,

но лишь немногие утихали; прочие же делали вид, что не замечают царского гнева.

Что ж, пускай винит самого себя, размышлял я. Александр сам позволяет им вести себя в его присутствии подобно необученным псам, не желающим выполнять простые команды хозяина. Его страшатся на поле брани, но не за собственным столом. Что подумает мой народ о таком царе?

Один-двое персов с любопытством поглядывали в мою сторону. Далеко не все они знали, кто я; Дарий и помыслить не мог, чтобы появиться где-нибудь на людях в моем обществе. А вот Александр, для которого я — ничто и никто, кажется, был вполне доволен тем, что меня разглядывают гости. Ну конечно, думалось мне тогда, ведь я такая же военная добыча, как и колесница поверженного владыки… «Посмотрите сюда, пожалуйста. Это мальчик Дария».

На третий день управляющий Харес дал мне письменное послание, попросив разыскать царя со словами: «Сдается мне, он играет в мяч».

Выспросив дорогу, я отыскал просторную квадратную площадку, огороженную стенами из натянутого меж кольев полотнища, из-за которых доносились крики и топот бегущих ног.

Входом служил захлест того же полотна, у коего даже не была выставлена стража. Войдя, я замер, словно вкопанный в хорошо утрамбованную почву. Восемь или десять юношей бегали тут за мячом, и каждый из них — в чем мать родила.

Невероятно. Единственными взрослыми мужчинами, которых мне довелось видеть в подобном состоянии, были рабы, продававшиеся вместе со мною, да злодеи у позорных столбов, чьи преступления заслуживали подобного унижения. В какую ловушку я угодил? С какими людьми связал жизнь свою? Я как раз собирался улизнуть, как ко мне, подпрыгивая, подбежал заросший волосами молодой человек и поинтересовался, чего мне здесь нужно. Отведя взор, я пробормотал, что зашел сюда по ошибке, ибо был послан Харесом сыскать царя.

— Да, он тут, — ответствовал мой собеседник и бросился за мячом. — Александр! Тебе какое-то послание от Хареса!

Через мгновение рядом со мною оказался царь, раздетый донага, как и все прочие.

По полному отсутствию стыдливости вполне можно было бы вообразить, будто Александру в жизни не приходилось носить какую-либо одежду или чувствовать в том нужду. Я опустил

глаза, слишком потрясенный, чтобы вымолвить хоть слово, и он переспросил, подождав:

— Так что за послание?

Вовсе растерявшись, я забормотал, умоляя о прощении; Александр же принял из моих рук записку и прочел ее. Тогда как молодой человек, подбежавший ко мне первым, источал острый запах пота, царь был совершенно свеж, будто только что из ванны, но и он, конечно же, пылал румянцем после своих упражнений. Об Александре говорили, будто огонь, пылавший в нем от природы, давно испепелил в македонском царе все человеческое. Впрочем, в ту минуту меня больше занимало, как бы скрыть жар стыда, окрасивший багрянцем мое собственное лицо.

— Передай Харесу… — начал было Александр, но умолк. Я чувствовал на себе его взгляд. — Нет, просто скажи, что я скоро пошлю кого-нибудь за ним. — Понятное дело; он не доверяет мне самого ничтожного послания; нечему удивляться. — Все, в общем.

Помолчав еще немного, он позвал:

— Багоас…

— Да, мой господин? — тихо отвечал я, глядя под ноги.

— Ну, гляди веселей. Скоро привыкнешь.

Я вышел, словно в зыбком тумане. Пусть даже греки олицетворяли собой все возможные неприличия, я все равно не мог представить, чтобы сам царь мог пасть столь низко! Ведь это я, обученный сбрасывать одежду по первой прихоти господина, должен стыдиться того, что менее «пристоен», чем все прочие. Это что-нибудь да значит, размышлял я, если царь может вогнать в краску мальчика для удовольствий… Неужто у него вовсе нет чувства собственного достоинства?

Вскоре после этого лагерь был свернут с ошеломившей меня быстротой. Когда застонала труба, все бросились в разные стороны, и мне почудилось, что каждый здесь знает, что ему делать, без всяких приказов. Я последним явился за своим конем, и старший конюх обругал меня за медлительность; когда же я выехал к шатру, то его уже не было, а мои вещи кучкой лежали на траве. Мы двинулись в путь, и я подумал, что Дарий к этому времени не успел бы еще даже проснуться.

Я поискал глазами Александра: мне было любопытно, в какой части нашей колонны он займет место. Царя нигде не было видно, и я спросил о нем у писца, правившего конем неподалеку.

Тот показал куда-то в сторону; немного поодаль от колонны быстро двигалась колесница, из которой как раз выпрыгнул какой-то человек. Пробежавшись немного рядом с нею, он легко вскочил обратно, хоть она и не замедляла бега. Я спросил:

— Зачем Александр заставляет людей делать подобное? Это наказание?

Мой собеседник расхохотался, запрокинув голову:

— Но ведь это и есть Александр!

Видя мое изумление, писец пояснил:

— Он упражняется. Не выносит тратить время впустую, приноравливаясь к пешим. Порой он даже охотится, ежели дичь хороша.

Я подумал о носилках под балдахином, о магах с их алтарем, о длинной цепи евнухов, женщин и поклажи… Все это было словно в другой жизни.

Мы двигались на северо-восток, в Гирканию. И на первом же привале, едва мы разбили шатры, появились персы: то пришел сдаваться старый Артабаз со своими воинами.

После долгого перехода он отдыхал и собирал сыновей. Вместе со старшими он представил Александру и девятерых юношей с правильными

чертами лиц, коих мне не приходилось видеть ранее. Должно быть, он зачал всех их, когда ему самому было далеко за семьдесят.

Александр встречал старца у полога шатра; шагнул вперед, взял его ладони в свои, подставил щеку для поцелуя. Покончив с этими формальностями, царь сердечно обнял его: так любящий сын может заключить в объятия престарелого родителя.

Конечно, Артабаз хорошо говорил по-гречески после стольких лет изгнания. За обедом Александр усадил старца по правую руку; стоя за креслом, я слышал, как они смеются, вспоминая его детские шалости и рассказы о Персии, слышанные будущим великим царем с колен Артабаза. «Но даже тогда, мой повелитель, ты спрашивал меня, каким оружием сражается царь Ох». Александр улыбался в ответ и потчевал старика лучшими кусками с собственного блюда. Даже величайшие грубияны из македонцев вели себя смирно.

Вскоре после трапезы в лагерь прибыл посланец от греческих наемников Дария: он хотел прояснить условия сдачи.

Я был благодарен Артабазу, который — как я знал наверняка — замолвит за них словечко,

что он и сделал. Но, оскорбившись тем, что греки могли воевать против греков, Александр велел передать Патрону, что все они должны либо прийти сами, чтоб узнать его условия, либо держаться подальше.

Греческое войско явилось два дня спустя — большая его часть, во всяком случае. Некоторые ушли через ворота, решив попытать счастья самостоятельно; один афинянин, известный всей Греции противник македонцев, наложил на себя руки. Остальные держались с достоинством, хотя заметно исхудали. Я не мог подобраться поближе, но, кажется, заметил среди прочих и Дориска; в ужасе я пытался сообразить, как спасти его, если Александр приговорит наемников к смерти.

Но страх, внушенный грекам отказом говорить с их посланцем, был единственным мщением Александра. Патрон и его ветераны, служившие в Персии еще до того, как македонец объявил войну, были отпущены на родину. Тех же из греков, кто, подобно Дориску, прибыл сюда впоследствии, царь обругал. Сказав, что они не заслуживают возвращения домой, Александр попросту нанял их по прежней цене (собственным людям он платил больше). Они строем двинулись прямо в свой лагерь, так что мне так и не удалось проститься

с Дорискомъ.

Вскоре после того Александр отправился сражаться с мардами.

Этот народ, знаменитый своею свирепостью, жил в глухих горных лесах к западу от нашего лагеря, но не высылал к нам послов. Они не владели ничем, что можно было бы обложить податями, а потому персидские цари многие поколения не обращали на мардов внимания, предоставив тех самим себе. Кроме того, о них шла дурная слава дерзких разбойников, и, конечно, Александр вовсе не намеревался оставлять вооруженных врагов за своею спиной, — да и слышать потом, что марды, дескать, не по зубам македонцам, он также не хотел.

Он отправился налегке, чтобы суметь ударить быстро. Я же воспользовался царским отъездом, чтобы побродить по лагерю, довольный, что не попадаюсь на глаза юным телохранителям: Александр взял их с собой. Кажется, эти мальчики воображали, будто я сам избрал свою судьбу, и при встрече окатывали меня презрением, смешанным с завистью, которую не хотели признавать. Они могли выполнять свои обязанности — самые простые и грубые, — но притом ничего не смыслили в вещах, каким

был обучен я. Их раздражало, что Александр не хохочет в тон с ними над моим «варварским раболепием» (как они это называли), а, напротив, выбрал именно меня прислуживать за столом почетным гостям. Они постоянно досаждали мне за его спиной.

Стараясь постичь премудрости персидского этикета, управляющий Харес частенько беседовал со мною; в македонском лагере я был единственным, кто хоть что-то знал об устройстве царского двора. Обращаясь ко мне, он неизменно бывал вежлив и даже почтителен… Я находил время и для прогулок на Льве, хотя равнина, по правде говоря, оказалась сыровата для конной езды. То, что я владел добрым конем, было вечной причиной для недовольства юных слуг, полагавших, что его непременно следует отнять у меня… Сами они ездили на обычных воинских лошадях, которых им поручал глава конюхов.

Царь возвратился уже через полмесяца. Он гнался за мардами, загоняя их все выше в горы, где те надеялись отсидеться; однако, видя, что преследователи карабкаются следом, разбойное племя сдалось и признало Александра царем.

Тем же вечером, за трапезой, я услышал слова

Александра, обращенные к Птолемею, своему незаконнорожденному брату: «Он вернется завтра!» Столько радости было в его возгласе, что я было решил, будто царь подразумевает Гефестиона, но тот сидел рядом, за тем же столом.

Следующим утром лагерь всколыхнула волна ожидания. Проснувшись с тупой головной болью, я все же присоединился к толпе, собравшейся у царского шатра. Видя добрый лик стоявшего рядом старого македонца, я спросил, кого все так ждут. Расплывшись в беззубой улыбке, он отвечал:

— Букефала. Марды вернут его сегодня.

— Букефала? — Вроде это означало «быкоголовый». Странное имя. — Поведай мне, кто он?

— Ты что же, никогда не слыхал о Букефале? Да это ведь конь Александра.

Памятуя, как сатрап за сатрапом приводили повелителю табуна лучших коней своей земли, я осведомился, отчего марды ведут сегодня именно Букефала. Ответом мне было:

— Да ведь они-то его и украли!

— В краю грабителей и конокрадов, — рассудил я, — царь должен возрадоваться, что его возвращают так скоро.

— Разумеется, скоро! — преспокойно кивнул

старик. — Александр передал весть, что, если Букефала не вернут, он предаст огню лес и вырежет весь народ.

— Из-за *коня*? — ахнул я, вспоминая доброту македонца к Артабазу и милостивое прощение, дарованное грекам. — Но это, конечно, всего лишь угроза?

Старик ненадолго задумался:

— Из-за Букефала? О, я думаю, он не стал бы устраивать настоящую бойню… Нет, не всех сразу. Он начал бы потихоньку — и продолжал бы лить кровь, пока марды не приведут коня обратно.

Александр вышел и теперь стоял у полога шатра, как в день встречи с Артабазом. Гефестион и Птолемей стояли рядом. Птолемей был худощавым воином с перебитым носом, на десяток лет старше Александра. Большинство персидских царей убрали бы подобного человека с дороги, едва сев на трон, но эти двое казались мне лучшими друзьями. При звуке приближающихся рожков все заулыбались.

Первым к шатру выехал вождь мардов — в столь ветхом одеянии, что можно было подумать, будто его украли еще во дни Артаксеркса. Позади грумы вели цепочку лошадей. Я увидал

сразу, что среди них не было ни одного коня благородной нисайянской породы; впрочем, рост скакуна еще ничего не значит.

Я вытянул шею, выглядывая из-за плеч воинов, чтобы узреть ту дивную жемчужину, ту огненную стрелу, что стоила целой провинции и народа, ее населявшего. Букефал должен быть чем-то божественным, чтобы царь хотя бы заметил его отсутствие среди стольких славных коней! Дарий всегда правил только лучшими скакунами и вскоре заметил бы подмену, но лишь управитель конюшен мог уверенно выбрать коня, более прочих достойного носить государя.

Кавалькада медленно приближалась. В знак раскаяния марды украсили всех лошадей на свой варварский манер: прицепили им на головы плюмажи, а на лбы накинули алую шерстяную сеть; убрали сбрую бубенцами и блестками. По какой-то странной причине более всех остальных они разукрасили подобным образом дряхлого черного коня, бредшего впереди. Казалось, он избит до полусмерти… Царь шагнул навстречу.

Старый конь вскинул голову и громко заржал; видно, некогда он и впрямь был отменным скакуном. Внезапно Птолемей сорвался с места и бегом, словно мальчик, бросился к черному

страшилищу. Вырвав у марда узду, он выпустил ее из рук, и конь тяжким галопом на негнущихся ногах устремился вперед, заставив колыхаться свою дурацкую мишуру. Прямо к Александру скакал он — и, доскакав, ткнулся мордой ему в плечо.

Царь провел ладонью по голове старого друга. Оказывается, все это время Александр стоял, сжимая в руке яблоко, и теперь угостил коня. Потом повернулся, щекою прижавшись к шее Букефала; я увидел, что царь плачет.

Тогда мне казалось, что Александру уже нечем удивить меня… Я оглянулся вокруг, чтобы посмотреть, как станут реагировать воины. Двое стоявших рядом со мною суровых с виду македонцев часто моргали, вытирая рукавами носы.

Черный конь пожевал вытянутыми губами царское ухо, словно нашептывая о чем-то Александру, и опустился вслед за тем на землю, со скрипом подломив под себя задние ноги. Так Букефал и застыл перед царем: будто совершил подвиг и ожидал теперь заслуженной награды.

Александр же, даже не стирая влагу со щек, вздохнул: «Он слишком стар, но не захочет смириться. Да, его уж не отучить…» Сказав это,

он осторожно уселся на чепрак — и конь сразу же встал, не без усилия, но быстро. Неспешной рысью они оба направились к коновязи, и собравшаяся часть воинства издала одобрительный рев. Царь повернулся в седле и махнул нам рукой.

Стоявший рядом старик обернулся ко мне с улыбкой, и я сказал ему, недоумевая:

— Не могу понять, господин. Ведь этот конь выглядит на все двадцать лет с лишком!

— О да, ему двадцать пять. Он лишь на год моложе Александра… Филипп вознамерился купить Букефала, когда нашему царю не было еще и четырнадцати. По дороге с конем обращались скверно, и он не желал подпускать к себе конюхов. Царь Филипп, совсем уже отчаявшись, отказался было от покупки, но Александр крикнул ему с упреком: дескать, зачем отвергать такого прекрасного коня? Царь счел сына самоуверенным не по годам и позволил ему попробовать усмирить зверя. Однако Букефал подчинился, едва ощутив его руку. Да, так Александр впервые достиг того, что было не по силам его отцу… В шестнадцать он получил свое первое войско и уже до того бывал в сражениях; все это время под ним ходил Букефал. Даже при Гавгамелах Александр бросился в схватку именно на нем,

хоть вскоре и сменил коня. Что ж, Букефал отвоевал свое. Но как видишь, он все еще любим.

— Это редкость, — сказал я, — среди царей…

— Среди кого угодно. Ну, я не сомневаюсь, что и ради меня, к примеру, он тоже может рискнуть жизнью. Так уже бывало, хоть во мне для него не более пользы, чем в этой старой скотине. Когда-то я рассказывал Александру истории о великих героях, ныне же он сам творит чудеса… Но пусть Александр был всего лишь дитя, когда я встал меж ним и его суровым наставником, он никогда не забывает добра. Помню, однажды я совсем выбился из сил и дальше идти не мог… То было в холмах, неподалеку от Тира; Александр не хотел оставлять меня на чье-либо попечение, и потому мы заночевали вдвоем. Все из-за меня: воин должен поспевать за своею колонной, стар он или нет… Мы лежали на голых камнях, была зима, поднялся лютый ветер, и совсем неподалеку мерцали сторожевые костры врагов. Жалея меня, Александр сказал: «Феникс, ты мерзнешь. Так не годится. Подожди». И бросился прочь, быстрый, как вспышка молнии; со стороны ближайшего костра я услыхал вопли — и вот он вернулся, как факельщик, с пылающей ветвью в руке. В одиночку, вооруженный лишь мечом,

Александр внушил врагам трепет. Мы раздули пламя — и все они бежали прочь, даже не остановившись поглядеть, сколько же врагов готовится напасть… Да, той ночью нам было тепло.

Я бы еще послушал старика, который был рад моему вниманию, но как раз в ту минуту внутренности мои скрутило, и мне пришлось отбежать в сторону. Голова раскалывалась от боли; меня била дрожь; приступы тошноты следовали один за другим… Я пожаловался Харесу, что меня лихорадит, и он тут же отослал меня в шатры к лекарям.

После стычек с мардами они были набиты ранеными. Лекарь положил меня в углу и запретил разгуливать среди других — на тот случай, если моя болезнь заразна. Во всем дурном есть и своя добрая сторона: болезнь заставила меня свыкнуться с македонскими нужниками. Я мог думать только о том, чтобы добежать туда как можно скорее.

В госпитале я лежал слабый, как дитя, ибо одну лишь воду мог удерживать в желудке. Лежа, я слушал, как воины бахвалятся своей доблестью, вспоминают взятые ими города или обесчещенных женщин, говорят об Александре…

— Оттуда, со склона, они бросали в нас огром-

ными камнями — такие глыбы, что могли бы сломать тебе руку вместе со щитом. Они скачут кругом, но Александр все равно лезет вверх: «Чего вы ждете, глупцы? Из этих камней уже можно сложить загон для овец! А ну-ка, все сюда!» И он взлетает на кручу, что твой кот — на дерево. Мы царапаем скалу за ним вослед и попадаем в нишу, где нас уже не достанешь камнем; берем их с фланга… Кое-кто попрыгал вниз с утеса, но остальных мы изловили…

Были среди раненых и такие, кого боль заставляла молчать. В плече у одного воина, лежавшего недалеко от меня, застрял наконечник стрелы. Его друзья в пылу битвы пробовали разрезать плоть, чтобы добраться до обломка, но так и не смогли его вытащить; рана гноилась, и врачеватели должны были осмотреть ее в тот же день. Очень долго, пока не появились хирург с помощником, принесшие свои инструменты, воин лежал недвижно, подобно мертвецу. Остальные при виде лекарей издали осторожные возгласы ободрения и тоже умолкли.

Сначала воин стойко переносил боль, но вскоре застонал, а после и закричал в голос; потом он стал вырываться из рук лекаря, и слуге даже пришлось удерживать его на постели. Как раз

тогда чья-то тень закрыла вход; кто-то вошел и встал на колени подле раненого. Воин сразу затих, лишь дыхание со свистом вырывалось из его крепко сжатых зубов.

— Держись, Стратон. Сейчас пойдет быстрее, ты только держись.

Я узнал голос; он принадлежал Александру.

Царь оставался в шатре, заняв место помощника лекаря. Воин не кричал более, хоть инструмент глубоко погрузился в рану; наконечник стрелы был извлечен, и Стратон вздохнул — то ли с облегчением, то ли с триумфом. Царь же сказал:

— Гляди-ка, что ты прятал в плече. Никогда не видел, чтобы человек переносил такое лучше, чем ты.

— Зато мы видели, Александр, — отвечал ему раненый.

По шатру пронесся приглушенный шелест согласия.

Похлопав раненого по здоровой руке, Александр поднялся на ноги. Его свежая белая туника покрылась пятнами крови и гноя, струей бивших из раны. Я думал, сейчас он уйдет, дабы привести себя в порядок, но он просто сказал хирургу, накладывавшему повязку: «Занимайся своим делом, не обращай на меня внимания». Высокий

охотничий пес, до поры тихо сидевший у входа, встал и подбежал к царю. Оглянувшись кругом, Александр двинулся в мой угол, и я заметил у него на предплечье красные полосы от пальцев. Раненый воин, должно быть, вцепился в него — в священную царскую особу!

В шатре стоял простой деревянный табурет, коим пользовались перевязчики ран. Александр подобрал его — сам, своею рукой! — и присел у моего изголовья. Пес встал передними лапами на покрывала и принялся обнюхивать меня, водя из стороны в сторону длинной мордой.

— Фу, Перитас. Сядь, не мешай, — сказал ему Александр. — Надеюсь, в твоей части мира собаки не считаются нечистыми тварями, как у евреев?

— Нет, мой господин, — отвечал я, стараясь поверить, что все это не сон. — Мы уважаем их здесь, в Персии. «Собака — единственный друг, который никогда не предаст и не солжет тебе» — так говорим мы о них.

— Добрые слова. Слыхал, Перитас?.. Но сам-то ты как, мальчик? Выглядишь скверно. Что, пил дурную воду?

— Не знаю, господин.

— Всегда спрашивай о воде. Вообще, на равнинах ее всегда следует разбавлять вином. Чем хуже

вода, тем больше вина доливаешь, понятно? Я ведь тоже страдал от похожей хвори. Сначала ломит все тело, потом этот понос… Несладко тебе приходится: вижу, как запали твои глаза. Сколько раз сегодня?

Вернув утраченный было дар речи, я ответил; царь быстро заставил меня привыкнуть к любым потрясениям.

— Дело нешуточное, — подтвердил он. — Пей побольше, у нас здесь есть хорошая вода. Ешь только растертую пищу… Мне известен секрет одного настоя, но тут не растут нужные травы. Надо будет разузнать, чем пользуются местные жители… Береги себя, мальчик. Мне не хватает тебя за трапезой. — Александр встал, и его пес тоже. — Я побуду здесь еще немного; не обращай внимания, коли будет нужно выбежать. Никаких персидских формальностей. Я-то знаю, что такое сдерживаться, когда готов разорваться пополам!

Он передвинул деревянный табурет к другому ложу. Я был столь поражен, что мне практически сразу потребовалось выйти.

Когда царь ушел, я незаметно вытащил свое зеркальце из лежавшей под подушкой сумы и, спрятавшись под покрывало, уставился в него, изучая лицо. Кошмарное зрелище, Александр

и сам так сказал. «Неужели он и вправду скучает по мне?» — думал я. Нет, просто для каждого он сыщет слово утешения… «Выглядишь ты скверно» — вот его подлинные слова.

Над своей головой я услышал ворчание — то был моложавый ветеран, грубый и широкоплечий, что лежал рядом; он говорил мне что-то, но я не мог разобрать слов. Может быть, он увидел зеркало?

— Пожалуйста, говори по-гречески, — взмолился я. — Мне неведом македонский язык.

— Ну, теперь-то ты понял, что Александр чувствовал в госпитале у Исса?

— У Исса? — Тогда мне, кажется, было тринадцать. — Я ничего не слышал о госпитале.

— Тогда я расскажу тебе. Воины твоего народа ворвались в Исс, едва лишь Александр ушел оттуда; конечно, он сразу вернулся, чтобы сражаться. И раненых оставил неподалеку, в шатрах вроде этого. А твой царственный шлюхолюбец, бежавший быстрее лани от Александрова копья, был весьма отважен, сражаясь с людьми, слишком слабыми, чтобы стоять на ногах! Он велел перерезать раненых. Они… Ну, я думаю, ты-то слыхал о подобных вещах. Я был там, когда их нашли. Даже если б все эти люди были варварами,

я и то взбесился бы, увидев подобное. Один-двое остались в живых; им отрезали кисти — и прижгли обрубки запястий. Я видел, как смотрел на них Александр. Все решили, что месть свершится, едва представится случай, и каждый из нас помог бы ему, слышишь? Но нет, наш царь слишком горд для этого. Теперь, когда мой гнев остыл, я рад, что он удержал нас от резни. Так что теперь ты можешь лежать здесь с миской своей размазни, в уюте и безопасности.

— Прости, я не знал, — ответил я, лег и натянул на голову покрывало.

«Твой царственный шлюхолюбец». Всякий раз, как Дарий бежал с поля сражения, мне думалось: кто я, чтобы судить своего господина? Но теперь я судил его. Была ли то жестокость труса или же развлечение? Маленькие странности. Болезнь и так вымотала меня, а теперь еще и этот позор. Прежде я держался гордо, ибо царь избрал меня. Но нет, даже этого он не исполнил сам, поручив сие деликатное дело своднику… Обернутый в покрывала, словно труп, я предался горю.

Сквозь простыню и собственные всхлипы я расслышал чьи-то слова: «Смотри, что ты натворил! Мальчонка и так уже при смерти, а из-за тебя с ним случились судороги. Они совсем из друго-

го теста, чем мы с тобой, дурачье! Жалеть ведь будешь, ежели он помрет от этого. Говорю тебе, царю приглянулся парнишка, я-то сразу понял».

Мое плечо тут же затрясла чья-то тяжелая рука, и первый воин (которому ни за что не следовало подниматься на ноги) шепнул мне в ухо, чтобы я не принимал его рассказ так близко к сердцу, ведь это не моя вина. Он вдавил мне в ладонь зрелую фигу, которую у меня хватило ума не съесть, но я притворился, что жую. Лихорадка вспыхнула во мне и выжгла даже слезы на щеках.

Приступ был острым, но коротким. Так что, когда на повозках мы отправились к следующему лагерю, мне уже было намного лучше, хотя для большинства раненых путешествие стало пыткой. Воин с наконечником стрелы в плече испустил дух по дороге — рана загноилась и вызвала лихорадку. В бреду агонии он призывал царя… Ехавший в моей повозке воин пробормотал, что даже Александр не успел пока одержать победу над смертью.

Юная плоть исцеляется быстро. В следующий раз, когда мы переносили лагерь, я уже мог сидеть в седле. За время моего краткого отсутствия в стане македонцев произошли некие перемены. Из колонны конных Соратников — представите-

лей благородных македонских семейств — ко мне вдруг воззвал голос, крикнувший по-персидски: «Багоас, сюда! Перетолкуй мне кое-что на греческий». Я глазам своим не поверил. То был принц Оксатр, брат Дария.

Белокурый и светлоглазый — редкий для перса облик, — он не казался чужаком меж македонцев, хотя статью и ростом превосходил любого из них. Он не случайно оказался среди Соратников: Александр внес его имя в списки. В битве при Иссе они сражались лицом к лицу, рядом с царской колесницей. Встречались и позднее, когда пал Тир и Дарий выслал посольство. Уже тогда оба оценили доблесть друг друга, и теперь, когда Бесс завладел священной митрой, Оксатр обратился к Александру за помощью в кровной мести, ибо не мог вообразить убийцу брата сидящим на троне.

Да, Оксатр мог пылать гневом, осуждая это гнусное преступление. Только теперь я услышал всю историю — Набарзан рассказал мне лишь ту правду, которую знал. Самозванец пронзил царя копьем, убил двух его рабов и покалечил лошадей, после чего бежал, сочтя Дария мертвым; но Александр уже дышал им в затылок — и оттого-то, в спешке бегства, рука Бесса нанесла

неловкий, неуклюжий удар. Израненные животные стремились к воде и волокли за собой опрокинутую повозку. Умирающий царь, лежа в собственной крови, слышал сквозь жужжание мух, как пьют кони, в то время как его собственные губы растрескались от жажды… Наконец к повозке подбежал македонский воин, которому показалось странным, что лошадей пытались убить, вместо того чтобы украсть их; остановившись в недоумении, он услыхал стон. Македонец оказался сострадательным человеком, так что Дарий все-таки утолил жажду прежде, чем его настигла смерть.

Александр, придя слишком поздно, набросил на тело собственный плащ. Передав Дария скорбящей матери, он затем отослал тело в Персеполь для погребения с царскими почестями.

Мне следовало задуматься о будущем. Александр не нуждался в моем искусстве, а потому надобно было добиваться милости другими средствами, если, конечно, я не хотел докатиться до положения простого мальчика, следовавшего за македонским лагерем. Я прекрасно догадывался, чем это могло бы закончиться, а потому искал иных выходов.

Со времени кражи любимого Букефала царь

серчал на своих юных телохранителей. Кони Александра были их заботой; это они вели Букефала через лес, когда внезапно, откуда ни возьмись, налетели марды. Рассказывая о нападении, юноши в несколько раз преувеличили число дикарей, но Александр, говоривший по-фракийски, перемолвился с конюхами. Тем нечего было скрывать: их честь не пострадала, ибо фракийцы вовсе не носили оружия… Александр тогда нянчился с Букефалом, как с любимым дитятей, ежедневно выводя его на прогулки, дабы тот не истомился. Без сомнения, царь уже представлял его себе голодным, забитым до полусмерти и покрытым язвами…

Юноши, хоть и весьма высокородные, были новичками при дворе и уже доставили Александру немало хлопот, сменив своих хорошо вышколенных предшественников. Поначалу он проявлял терпение, но оно уже истощилось; вдобавок, по невежеству своему, стражи не знали, как следует вести себя в час его немилости. Некоторые бывали угрюмы, другие же — неуклюжи и вспыльчивы.

Я довольно часто бывал в царском шатре с какими-нибудь поручениями и сразу исправлял любую небрежность, радуясь, что могу сослужить

службу Александру. Нужды его были крайне просты, и я следовал им, не поднимая лишнего шума. Уже очень скоро, привыкнув к моей помощи, царь просил меня, бывало, присмотреть за тем или за этим. Он чувствовал себя увереннее, если я был где-то под рукой. Порой я даже слышал, с каким раздражением он бросал телохранителям: «О, только не трогай. Багоас все сделает сам».

Нередко, когда я бывал в шатре, туда вводили персов, прибывших к Александру. Каждого я встречал, оказывая должную степень уважения в соответствии с рангом гостя; часто я видел, как сам Александр подражает мне.

К охранявшим его юношам царь обращался коротко и грубо, как бывалый сотник — к молодым, необученным воинам. Со мной же он всегда бывал учтив, даже если я в чем-то проявлял невежество. Признаться, я и вправду полагал рождение Александра среди варваров его несчастьем. Такой человек заслуживает быть персом, думалось мне.

Судя по всему, я и впрямь должен был благодарить судьбу за то, что мое положение при македонском царе отличалось от того, какое прочил мне Набарзан. Кто знает, сколь долго продлится царский интерес? А верного и толкового слугу

так просто не прогонишь…

И все же царь ни разу не призывал меня к себе, сидя в ванне или лежа в постели. У меня не было сомнений: это все из-за той, первой ночи. Когда же навестить Александра приходил Гефестион, я поспешно удалялся еще до его появления. О том меня предупреждал Перитас, знавший его поступь и начинавший радостно стучать хвостом по земле.

То, что Александр благоволил ко мне, настолько раздражало его телохранителей, что лишь в присутствии самого царя был я свободен от оскорблений. Готовый к их зависти, я не ожидал встретить подобную волну грубых насмешек, но мое положение при царе не было достаточно прочным, чтобы я мог пожаловаться. Кроме того, он мог счесть меня мягкотелым.

Новый переход привел нас в Задракарту, город у моря. Здесь стоял и царский дворец. Не ведаю, когда в последний раз его посещали цари; впрочем, Дарий, кажется, намеревался побывать здесь. Богато украшенный дворец содержался в отменном порядке, хотя сам чертог был грубоват и несказанно стар; его изъеденные молью ковры лишь недавно заменили на полотнища кричаще безвкусной скифской работы. Вокруг

меня так и вились дряхлые евнухи, выспрашивавшие о привычках царя. Каждый из них провел тут не менее сорока лет, медленно зарастая плесенью в пустом дворце, но я был счастлив слышать родную речь из уст кого-то, подобного мне. Они желали знать, не набрать ли гарем и какими соображениями следует при том руководствоваться; я отвечал, что наилучшим решением будет подождать царского приказа. Окинув меня насмешливыми взглядами, они не спрашивали более ни о чем.

Александр рассчитывал дать воинству полумесячный отдых в Задракарте, устроить для них игры и представления, а также принести жертвы богам в благодарность за последние победы. Воины были вольны проводить время по своему разумению, и теперь городские жители избегали выходить на улицы с наступлением темноты.

Как я узнал в первый же день, царские телохранители также были предоставлены самим себе.

Стараясь ни у кого не путаться под ногами, я тихонько осматривал дворец и забрел в галерею древних внутренних двориков, где услыхал голоса и стук копий о дерево. Увидев меня, юноши выбежали из двора, где упражнялись в бросках копья. «Идем с нами, красавчик. Мы сделаем

из тебя отважного воина!» Их было восемь или десять человек, и не к кому обратиться за помощью. Мишенью им служил расщепленный кусок деревянной обшивки, в середине коего имелось изображение скифа в человеческий рост. Выдернув из него свои дротики, они заставили и меня метнуть копье. Я не держал в руках подобного оружия с детства, когда у меня действительно был маленький, игрушечный дротик, и оттого даже не смог попасть в цель острым концом своего копья… Юноши стонали от смеха; один из них, решив покуражиться, встал перед «скифом», а другой метнул два копья, вонзив их в дерево по обе стороны от него. «Теперь твоя очередь! — крикнул кто-то. — Становись там, безъяйцый, и не замочи свои прелестные штанишки!»

Я встал у доски, и копья вонзились слева и справа от меня. Я решил было, что на этом они успокоятся, но, услышав восторженные вопли, понял, что забава едва началась.

В тот момент во дворик заглянул молодой конник, и сам недавно служивший царским телохранителем. Строгим тоном он вопросил, чем это заняты юноши. Те отвечали, что не нуждаются в няньках, и он удалился, не вымолвив

более ни слова.

Когда пропала эта последняя надежда, я предал себя в руки смерти. Конечно, они замыслили убить меня и свести потом мою гибель к случайному несчастью. Но сначала желали увидеть, как изнеженный персидский евнух ползает у них в ногах, вымаливая пощаду. О нет, думал я. Этого им увидеть не придется. Я умру, как и был рожден: Багоас, сын Артембара, сына Аракса. Никто не скажет, что я сдох как собака, оставаясь мальчиком Дария.

А потому я держался прямо, когда самый ловкий из юношей, прикидываясь пьяным на потеху остальным, метнул копье и угодил в щит столь близко от меня, что я даже слышал свист рассекаемого дротиком воздуха. Все они стояли лицом ко мне и спиною к выходу во дворик. И потому не заметили, как там появился царь, выбежавший на голоса и замерший за их спинами.

Уже открыв было рот, мой господин заметил, что один из юношей изготовился метать, и подождал, втянув воздух, пока копье благополучно не вонзилось в мишень, не зацепив меня. Только тогда Александр закричал.

Прежде я ни разу не слыхал, чтобы царь пользовался грубой македонской бранью. Еще никто

не разъяснил мне, что это признак опасности… Теперь подобных разъяснений мне уже не требовалось.

Что бы он ни говорил им, сказанное заставило всех юношей выронить копья и застыть перед ним с опущенными багровеющими лицами. Потом Александр перешел на греческий:

— Вы бежали от мардов, словно состязаясь в скорости. Но теперь я вижу, что и вы способны быть великими воителями, — как доблестно вы сражаетесь с мальчиком, не обученным держать копье! Вот что я скажу: он куда более напоминает мне мужчину, чем любой из вас. Запомните раз и навсегда: я жду, чтобы мне служили благородные воины. Впредь вам строго запрещается оскорблять моих приближенных, будь то родственники или слуги. Любой, кто не подчинится этому приказу, лишится коня и присоединится к пешим воинам. Второй раз — двадцать ударов бичом. Слышали меня? Теперь убирайтесь.

Отсалютовав, юноши похватали свои копья и вышли. Царь шагнул ко мне.

Я должен был, конечно, пасть перед ним ниц, но один из дротиков пробил мне рукав, пригвоздив к мишени. Александр высвободил древко и отбросил прочь, убедившись сначала, что рука

моя осталась невредима. Выйдя из окружения торчавших копий, я вновь попытался пасть перед царем.

— Нет, вставай-ка, — остановил меня Александр. — Нет нужды постоянно падать на колени, это не в наших обычаях… Жаль, они испортили такое красивое одеяние. Ты сполна получишь его стоимость. — Кончиками пальцев он провел по прорехе в моем рукаве. — Мне было больно видеть все это. Они грубы и невоспитанны; у нас не было времени вышколить их хорошенько, но я стыжусь того, что они македонцы. Подобное не повторится, я обещаю.

Обхватив рукой мои плечи, Александр легонько встряхнул меня и, широко улыбнувшись, прибавил:

— Ты вел себя достойно.

Не знаю, что чувствовал я до того. Возможно, лишь трепет перед его величественным гневом.

Цыпленок, заточенный в своей скорлупе, не знает иного мира. Сквозь стены крошечного дома к нему нисходит белизна, но он пока не знает, что это свет. И все же цыпленок пытается пробить свою белую стену, не понимая даже зачем. Молния пронзает ему сердце; скорлупа разбивается, и мир оказывается куда больше

и богаче, чем он мог подозревать.

Я подумал: «Вот он, мой господин, служить которому я рожден. Я нашел своего царя».

И, глядя ему вослед, я сказал себе: «Он будет моим, пусть даже меня ждет смерть».

Глава 12

Царские покои, из которых открывался вид на морской берег, располагались прямо над пиршественным залом. Александр любил море, привыкнув видеть его еще с раннего детства. Тут я служил ему, как ранее в шатре; но здесь, как и прежде, он никогда не призывал меня в вечерние часы.

Через полмесяца царь снова ринется в бой. У меня оставалось так мало времени…

В Сузах я считал свое искусство совершенным, ибо не догадывался, чего ему может недоставать. Я знал, что делать, когда за мною посылали, но за всю свою жизнь мне ни разу не приходилось кого-либо обольщать.

Не то чтобы Александр оставался равнодушен ко мне. Первая любовь не отняла у меня зрения — какие-то искорки вспыхивали, когда наши взгляды встречались. В его присутствии я остро чувствовал собственную привлекательность — это знак, который нельзя спутать. Но я боялся — да, боялся его гордости. Я был всецело в его власти; он думал, я не могу сказать ему «нет». Как прав он был! И все же, предло-

жи я ему свою любовь, будучи тем, кем был, что подумал бы Александр? Я потерял бы даже то немногое, что имел, — он не покупал любви на базаре.

Юноши-телохранители невольно оказали мне услугу. Александр приблизил меня к себе, чтобы отплатить им за злобную выходку; по крайней мере, так это выглядело. Он не считал злата, восполняя стоимость испорченной одежды, просто отсыпал мне полную горсть. Я сразу же заказал новый наряд и, можете быть уверены, надел его сразу, как только тот был готов, дабы заслужить похвалу. Александр улыбался; ободрившись, я попросил его потрогать, сколь тонок и прочен материал. Какое-то мгновение казалось, из этого может что-нибудь получиться. Но увы.

Александр любил читать, когда у него находилось для этого время. Я знал, когда следует вести себя тихо; мы все были научены этому в Сузах. Пока он читал, я сиживал, скрестив ноги, у стены, глядел на круживших в небе чаек, прилетавших за дворцовыми объедками, но то и дело бросал на Александра короткие взгляды. Ни в коем случае нельзя открыто таращиться на царя! Он не читал себе вслух, как это делают обычно; слышалось лишь тихое бормотание. Но я

замечал, когда бормотание вдруг прекращалось.

Он ощутил мое присутствие; это было как прикосновение. Я поднял глаза, но Александр не отводил взгляда от свитка. Я же не решился встать и подойти — или сказать: «Вот я, мой господин…»

На третий день Александр приносил жертвы богам и участвовал в процессии. По той простоте, в какой он жил, я не смог бы угадать, как любит он зрелища. Он возглавлял шествие, выпрямившись в колеснице Дария (я обнаружил, что Александр повелел настлать ее пол где-то на пядь); власы его венчал золотой лавр, а застежку багряного плаща украшали драгоценные камни. Он наслаждался триумфом, но мне не удалось прорваться поближе, а ночью устроили грандиозный пир, продолжавшийся до рассвета. Я потерял и половину следующего дня, ибо Александр поднялся не ранее полудня.

И все-таки Эрос, которому тогда я еще не был научен поклоняться, не оставил меня. На следующий день Александр спросил:

— Багоас, что ты думаешь о вчерашнем танцоре, бывшем ночью на пиру?

— Превосходно, мой господин. Для обучавшегося в Задракарте.

Он рассмеялся:

— Танцор клялся, что прошел школу Вавилона. Но Оксатр говорит, его танцы не идут ни в какое сравнение с твоими. Почему ты никогда не говорил мне?

Я не открыл, что давно уже страдаю от отсутствия повода.

— Мой господин, я не упражнялся с тех пор, как оставил Экбатану. Мне было бы неловко танцевать пред твоими очами сейчас.

— Отчего же, ты в любой день можешь пользоваться залом для танца, такой ведь должен найтись где-нибудь во дворце…

Вдвоем мы долго бродили по древнему лабиринту комнат, пока не нашли одну, достаточно просторную и с хорошим полом. Ее Александр повелел вычистить до наступления ночи.

Я мог бы упражняться без музыки, но нанял флейтиста — на случай, если вдруг позабуду, где я и чем занимаюсь. Достал из сумы расшитую блестками набедренную повязку и распустил волосы.

Какое-то время спустя флейтист сфальшивил, уставясь на двери, но я, разумеется, был слишком поглощен танцем, чтобы проследить за его взглядом. Совершив кувырок назад со стойки на руках,

я сделал знак закончить игру, но когда, встав на ноги и отряхнувшись, обернулся посмотреть, там уже никого не было.

Тем же днем, но чуть позже я снова сидел в царских покоях, пока Александр читал свою книгу. Голос его дрогнул, и наступила тишина, подобная музыкальной ноте. Я сказал:

— Ремешок твоей сандалии ослаб, господин, — и встал на колени у его ног.

Я чувствовал на себе прямой взгляд царя. Еще мгновение — и я взглянул бы прямо ему в глаза, но тут Перитас застучал хвостом.

Я распустил завязки сандалии, так что мне пришлось снова зашнуровать ее, и потому Гефестион вошел в комнату прежде, чем я мог бы бежать. Я поклонился; он приветствовал меня с доброй улыбкой, почесывая одновременно пса, который радостно носился вокруг него.

Так завершился пятый день из пятнадцати, мне отпущенных.

На следующее утро царь отправился вдоль побережья поохотиться на уток, кишевших на болотистых угодьях недалеко от города. Я думал, он не вернется до вечера, но Александр был во дворце задолго до заката. Приняв ванну (куда меня все еще не допускали), он обратился ко мне

со словами:

— Багоас, сегодня я не стану засиживаться за трапезой допоздна… Признаюсь, я надеялся немного поучить персидский язык. Ты не поможешь мне?

Я помылся, надел свой лучший костюм и заставил себя поесть. Александр трапезничал с несколькими друзьями и не нуждался в моих услугах. Поднявшись в его покои, я вооружился терпением.

Прежде чем войти, Александр задержался в дверях; я испугался, что он забыл обо мне и не ожидал здесь увидеть. Улыбнувшись, царь шагнул в комнату.

— Хорошо. Ты уже здесь.

Где ж еще? Подобные замечания вовсе не входили в его привычки.

— Поднеси-ка это кресло к столу, а я пока сыщу книгу.

Я ужаснулся:

— Мой царь и повелитель, нельзя ли обойтись без книг?

Он удивленно поднял бровь.

— Мне очень жаль, господин, но я не умею читать. Даже по-персидски, — пояснил я.

— О, это пустяки. Я и не думал, что ты умеешь

читать; книга — для меня. — Александр отыскал ее на полке со свитками и, перелистывая, сказал мне: — Начнем. Присядь тут.

Меж нами было около метра, и сами кресла весьма смущали меня. Усевшись, попадаешь в ловушку, и нет никакой возможности выбраться из нее и пересесть поближе. Я с сожалением оглянулся на диван.

— Работать мы будем так, — сказал Александр, раскладывая таблички и стилос. — Я читаю греческое слово и записываю его; ты произносишь его по-персидски, и я тоже запишу, что услышу. Так делал Ксенофонт — человек, сочинивший это.

Речь шла о старой, весьма потрепанной книге с клеевыми заплатами на ветхих страницах. Александр осторожно раскрыл свое сокровище.

— Я выбрал ее, чтобы тебе тоже было интересно; здесь описана жизнь Кира. Правда ли, что ты его потомок?

— Да, господин. Мой отец — Артембар, сын Аракса. Его убили, когда погиб царь Арс.

— Я слышал о том, — сказал царь, бросив на меня сочувственный взгляд.

Лишь Оксатр мог рассказать ему, думал я. Должно быть, Александр справлялся обо мне.

Над столом висело большое старинное колесо с расставленными по ободу маленькими светильниками, и множество огней бросало на страницы двойные и тройные тени от рук Александра. Свет касался его скул, но оставлял в тени глаза. Царь едва заметно раскраснелся, хоть я видел, что за обедом он выпил не более вина, нежели обычно. Я не отрывал глаз от книги с ее загадочными письменами, чтобы Александр мог рассмотреть меня получше.

«Что же делать? — думал я. — Зачем он усадил нас в эти глупые кресла, хотя желает вовсе не этого? И как мне теперь вытащить нас из их холодных объятий?» В памяти моей вновь загудели слова, сказанные Набарзаном… Неужели царю тоже никогда не приходилось обольщать кого-нибудь?

Помолчав, Александр заговорил:

— Еще с детства Кир казался мне образцом для всех царей, как Ахиллес (о котором ты, конечно, ничего не знаешь) для всех героев. Я прошел всю вашу страну и видел его могилу. Ты, Багоас, родился и вырос в Персии, но слышал ли ты рассказы о нем?

Рука Александра легла на стол рядом с моею. Как мне хотелось схватить ее и вскричать:

«Стал бы Кир сдерживаться?..» Он не принял решения, думал я, иначе мы не сидели бы здесь с книгой. Так просто потерять его: сегодня и, возможно, навсегда.

— Отец сказывал мне, — начал я, — будто давным-давно правил в Персии жестокий царь Астиаг; и поведали царю маги, что сын дочери займет трон его. Потому отдал он дитя властителю по имени Гарпаг, дабы тот умертвил младенца. Но ребенок был удивительно пригож, и Гарпаг не решился содеять такое зло; а потому отдал он младенца пастуху, дабы тот оставил его на вершине горы и убедился бы в его смерти. По дороге пастух зашел домой и узнал, что ребенок его собственной жены только что умер, и та горько плакала, говоря: «Мы уже стары; кто станет кормить нас?» Тогда пастух сказал: «Вот тебе сын, но поклянись хранить эту тайну вечно». Он отдал ей дитя, а мертвого младенца положил на вершине горы, обернув царскими одеждами. И явились шакалы и обглодали труп ребенка так, что никто не сумел бы признать его, и тогда пастух принес тельце Гарпагу. И вырос Кир сыном пастуха, но был отважен, подобно льву, и прекрасен, подобно утру, и прочие дети называли его своим царем. Когда же Киру было двенадцать,

царь Астиаг прослышал о нем и послал за ним, чтобы видеть его. Но уже тогда мальчик имел семейные черты, и Астиаг заставил пастуха рассказать обо всем. Царь намеревался умертвить мальчика, но маги объявили, что прозвище Кира среди других детей — Царь — исполнило пророчество и нет нужды в смерти его. Потому Кира отослали вновь к его родителям. Месть царя свершилась над Гарпагом… — Я понизил голос до шепота, как некогда делал отец. — Он взял его сына и убил, и приготовил мясо его, и подал Гарпагу за обедом. И лишь когда тот отведал угощение, показал ему царь голову мальчика. Она была в корзине.

Мой рассказ едва начался, но что-то заставило меня умолкнуть. Александр внимательно глядел на меня, и я едва не поперхнулся собственным сердцем.

Я сказал: «Буду любить тебя вечно», хоть мой язык и произнес:

— Есть ли это в твоей книге, господин?

— Нет. Но я читал что-то подобное у Геродота. — Резко отодвинув кресло, Александр поднялся и подошел к окну, выходившему на море.

Исполненный благодарности, я тоже встал. Неужели он прикажет мне снова усесться? Писцы,

которым он диктовал свои письма, всегда сидели, пока царь прохаживался у их столов… Но Александр молчал. Отвернувшись от окна, он шагнул ко мне, застывшему под светильниками, спиною к нашим креслам.

Вскоре он разомкнул губы, чтобы сказать:

— Обязательно поправляй меня, если я когда-либо допущу ошибку в персидском. Не бойся, ибо без этого я никогда не научусь говорить.

Я сделал шаг навстречу. Прядь волос упала мне на плечо, и царь коснулся ее, протянув руку.

Тихо я сказал:

— Моему господину ведомо, что ему следует лишь пожелать.

Эрос зажал сеть в могучем кулаке, и забросил ее, и потянул; отрицать это было бессмысленно. Рука, ласкавшая мои волосы, скользнула ниже. Александр мягко произнес:

— Со мною ты — под моею защитой.

Услышав эти слова, я отбросил почтительность к священной особе царя и обхватил руками его шею.

И тогда кончилось его притворство. Я стоял, заключенный в первые объятия, которых мне действительно пришлось добиваться.

Я молчал, и без того уже зайдя чересчур далеко.

Все, что я жаждал сказать ему, было: «У меня есть всего один дар для тебя, но он станет лучшим из всех, какие ты получал в своей жизни. Просто возьми его, и все».

Казалось, Александр все еще колеблется; не из-за нежелания, впрочем, — это было ясно. Но что-то сдерживало его, какая-то осторожность… Меня ослепила мысль: где и как жил этот великий воин? Он знает не более, чем дитя.

Я вспомнил о его знаменитой сдержанности, которая значила, как я полагал, лишь то, что он не насиловал своих пленниц. Я думал о ней, когда Александр отошел к двери сказать охране, что собирается в постель и не нуждается в их помощи (надо думать, они бились об заклад, выйду я — или же нет). Когда мы шли к дверям спальни, я думал: все остальные прекрасно знают, чего им нужно. Значит, я должен выяснить это для него? Мне неизвестны обычаи его народа, я могу нарушить какие-то запреты… Либо он любит меня, либо мне суждено умереть.

Перитас, вскочивший из угла, где лежал свернувшись, поплелся за нами и устроился в ногах кровати, там, где я был обучен оставлять одежду, дабы вид ее не оскорблял царя. Но Александр спросил: «Как все это снимается?» — и в итоге

вся она легла в одну стопку с его собственным одеянием, на скамеечке.

Кровать была старой, но пышной работы, из раскрашенного и позолоченного кедра. Настало время устроить моему любимому тот персидский пир, какого он вправе был ожидать от мальчика Дария. Я держал блюда наготове, со всеми специями. Но пусть мое искусство сделало из меня древнего старца, мое сердце — не обученное никем — было молодо, и внезапно именно оно направило меня. Вместо того чтобы предлагать утонченные яства, я просто вцепился в Александра, как воин с обломком стрелы, застрявшим в плече. Я бормотал такие глупости, что и ныне краснею, вспомнив о них; осознав, что говорю по-персидски, я повторил их и на греческом. Я говорил, что думал было, он никогда не полюбит меня… Я не упрашивал царя брать меня всюду, куда бы он ни направился; мне даже в голову не пришло зайти столь далеко. Я был словно путешественник в пустыне, вдруг набредший на колодец с чистой водою.

Царь мог ожидать чего угодно, но не того, чтобы его вот так пожирали заживо. Сомневаюсь, что он расслышал хотя бы слово из тех, что я шептал ему в плечо.

— Что такое? — спросил он. — Скажи мне, не бойся.

Запрокинув лицо, я шепнул:

— Ничего, господин мой, прости меня. Это всего лишь любовь.

Он ответил: «И только?» — и положил ладонь мне на голову.

Какими смешными казались теперь мои планы! Мне следовало знать о нем больше, видя, как за столом Александр отдавал лучшие куски гостям, не оставляя ничего для себя. Он не верил в удовольствие, которого нужно добиваться, из гордости или же из ревностной любви к свободе. И я, видевший то, что я видел, не смел винить его. И все же сам Александр получал что-то с тех опустевших блюд. Он обожал дарить — до нелепости, до безрассудства.

— Всего лишь любовь? — переспросил он. — Тогда не мучь себя, ибо ее у нас достаточно, чтобы поделиться друг с другом.

Мне, стоявшему за креслом Александра во время пиршеств, следовало помнить, что он никогда не спешил схватить приглянувшийся кусок. Если не считать Оромедона (а он действительно не в счет), Александр был самым молодым из мужчин, с которыми я делил ложе, — но жар-

кое объятие царя сразу смягчилось, едва ему показалось, что со мною что-то не так. Он выслушал бы все жалобы, если б таковые у меня были. И вправду, сразу было видно — и многие высоко ценили это: Александр мог отдать все в обмен на любовь.

Царь действительно нуждался в моей любви. Я не мог поверить в такое счастье, не испытанное доселе никем из смертных. Ранее я гордился тем, что умею дарить наслаждение, ибо таково было мое искусство; прежде мне ни разу не довелось познать, что это значит: самому получать удовольствие. Александр вовсе не был столь наивен в любви, как я полагал, просто его познания были крайне скудны. Впрочем, он был способным учеником. Все, что я преподал ему в ту ночь, он принимал как рожденное некой счастливой гармонией наших сердец. По крайней мере, даже мне так казалось.

Потом он долго лежал без движения, распростершись, словно мертвый. Я знал, что Александр не спит, — и уже прикидывал, не значит ли это, что мне следует удалиться. Но он притянул меня обратно, хоть и не сказал ни слова. Я лежал тихо. Мое тело пело, словно струна арфы, издающая ноту. Наслаждение оказалось столь же пронзи-

тельным, как некогда — боль.

Наконец он повернул ко мне лицо и отрешенно, словно долгое время оставался один, спросил:

— Значит, этого у тебя не отняли?

Я пробормотал что-то в ответ, сам не знаю, что именно.

— А после, — продолжал он, — приносит ли это печаль?

Я шепнул:

— Нет, мой господин. Сегодня впервые.

— Правда? — Александр положил ладонь мне на лицо и, повернув его, вгляделся в мои глаза, освещенные светом ночной лампы. Потом поцеловал меня, сказав: — Так пусть же это знамение окажется счастливым.

— А ты сам, господин? — спросил я, набравшись отваги. — Ты тоже чувствуешь печаль?

— Всегда, хоть и недолго. Не обращай внимания. За все хорошее следует платить: либо до, либо после.

— Ты увидишь, господин мой, я научусь не допускать печали к тебе.

Александр беззвучно рассмеялся:

— Твое вино слишком крепко, милый мой, чтобы пить его часто.

Я был поражен; все мужчины, которых я знал,

делали вид, что имеют больше, чем у них было. Я сказал:

— Мой повелитель силен, как молодой лев. Это вовсе не усталость тела.

Александр нахмурился, и я испугался его гнева, но он сказал лишь:

— Тогда, мой мудрый врачеватель, поведай, что это такое.

— Это словно тугой лук, господин. Он всегда устает, если его тетиву долго не натягивают. Но лук нуждается в отдыхе, как и дух лучника.

— А, я слышал о том. — Медленно он перебирал в пальцах прядь моих волос. — Какие мягкие. Я никогда не видел столь тонких локонов. Ты поклоняешься огню?

— Когда-то мы поклонялись ему, господин, еще когда я жил дома.

— Ты прав, — сказал он, — ибо пламя божественно.

Он помолчал, отыскивая нужные слова, но в том не было нужды, я понял его. И покорно опустил голову, сказав:

— Сделай так, чтобы мой господин никогда не сбился с пути; да буду я словно чаша воды, которую, торопясь мимо, он выпьет в полдень, — этого мне довольно.

Потянувшись к моим закрытым глазам, Александр коснулся ресниц:

— О нет, неужели так я отплачу тебе? Луна лишь поднимается. Куда сегодня торопиться?

Позже, когда луна застыла в вышине и Александр уже спал, я наклонился взглянуть на него. Высший восторг не давал мне сомкнуть глаза. Его лицо, разгладившись, стало прекрасным; он был удовлетворен и во сне обрел покой. «Пусть мое вино крепко, — думал я, — ты вернешься выпить еще».

Что там говорил Набарзан? «Нечто такое, чего он искал очень и очень давно, сам даже не подозревая о том». О, хитрый лис! Как узнал он?

Рука Александра, потемневшая на солнце, лежала на покрывале, и молочно-белое плечо его несло одно лишь пятнышко — затянувшуюся глубокую рану от удара рычагом катапульты в Газе. Пятно уже побледнело; сейчас оно было цвета разведенного вина. Беззвучно я коснулся его губами. Александр спал крепко и не пошевелился.

Мое искусство не многого бы стоило, если б я не сумел вести его за собой, однажды поняв. Легкое облачко пересекло лунный диск. Я вспоминал ту, первую ночь в его шатре и то, как вчера Гефестион пришел нежданным гостем, и был

принят, и улыбался мне — в точности как собаке. Был ли он настолько уверен в своей неуязвимости, чтоб вовсе не вспоминать обо мне? Чтоб хотя бы озаботиться? «В жизни не догадаешься, чем я занимался прошлой ночью». — «Отчего же? Ты спал с мальчиком Дария, я давно это предвидел. И что же, тебе понравилось?»

Александр был прекрасен во сне: безмятежно сомкнутые губы, тихое дыхание, свежее расслабленное тело. Угасающий жар нашей страсти мешался в комнате с запахом кедрового дерева, с легким дуновением морской соли: приближалась осень, и ночной ветер летел с севера. Я натянул на него покрывало; не проснувшись, Александр придвинулся ко мне в этой огромной постели, в поисках тепла.

Скользнув в его объятия, я подумал: «Мы еще посмотрим, кто выйдет победителем. Я или ты, высокий македонец. Все эти годы ты считал его своим мальчиком, но только со мною станет он мужчиной».

Глава 13

Новости разлетелись по лагерю мгновенно. Александр не переживал: в случае нужды царь мог хранить тайну, но скрытным не был никогда. Он вовсе не отрицал, что мое присутствие радует его, но и не поощрял насмешников. Я гордился тем, как повел себя Александр, что было мне внове, ибо я был научен не судить поступков господина. Теперь именно я служил Александру, когда он принимал ванну; остальных царь отсылал прочь.

Раз или два, стоя за царским креслом во время трапезы, я ловил на себе взгляд Гефестиона; других знаков он не подавал, приходя и уходя столь же свободно, как и ранее. Я никак не мог узнать, что именно говорил он, когда я покидал комнату, — стены в Задракарте чересчур толсты.

Со мною Александр ни разу не заговаривал о нем, но я не обманывался на сей счет. Нет, он не забыл; ничто не могло заставить его забыть.

Я вспоминал о старом боевом коне царя, из-за которого тот был готов смести с лица земли целую провинцию со всеми ее обитателями, пусть

Букефал уже не способен нести его на битву. Это почти то же самое, думал я. Александр никогда не отвергает любви — это противно его натуре. Мне казалось, что Гефестион поступил не так уж скверно. Если прелестный мальчик, которого вы поймали в стоге сена, в восемнадцать лет становится предводителем всадников, все еще оставаясь при этом вашим мальчиком, — стоит ли жаловаться на судьбу? И если он достигает положения фараона и великого царя и сильнейшее войско мира окружает его, разве же не чудесно, если он сочтет, что ему самому надобен мальчик? Сколько времени прошло с той поры, как эти двое действительно занимались любовью, а не просто думали друг о друге как о любовниках? Столько же, сколько минуло с последней битвы, на которую Александр выехал на своем черном коне? И все-таки…

Но с наступлением ночи тревоги оставляли меня. Теперь Александр знал, чего ему недоставало, но я знал лучше. Иногда в танце превосходишь самого себя и более не способен оступиться; с нами было точно так же.

Однажды, когда лунный свет заблестел на золоте, упав сквозь узкий проем окна, я мысленно перенесся в свою старую комнату в Сузах и вновь

прошептал заклинание мечты: «Я прекрасен? Это лишь для тебя одного. Скажи, что любишь меня, ибо без тебя я не смогу жить». Я справедливо наделял эти слова магической силой.

Сомневаюсь, чтобы Александр хоть однажды возлежал с кем-то, к кому не чувствовал расположения. Он нуждался в любви так же, как пальмовое дерево жаждет воды, — всю свою жизнь он ждал любви от армий, от городов, от покорившегося врага и не мог насытиться… Как скажет вам любой, это делало его беззащитным перед изменой мнимых друзей. Что ж, пусть так, но, не любя человека, его не сделают богом — после смерти, когда он перестанет внушать страх. Александр нуждался в любви и никогда не прощал предательства, которого не был способен понять. Ибо сам он, видя искренность любви, никогда не употреблял ее во зло и не презирал дающего. Он принимал ее с благодарностью и чувствовал себя связанным ею. Мне следовало бы знать.

Александр лелеял надежду, что даровал мне нечто такое, чего не мог дать Дарий; а потому я так и не открыл ему, что Дарий никогда не задумывался о подобных вещах. Александр всегда любил превосходить своих соперников.

Но по-прежнему, когда желание бывало растра-

чено, он впадал в тяжкую задумчивость — так, что я даже боялся нарушить молчание. И все же именно Александр избавил меня от боли, с которой я уже готов был свыкнуться, и теперь я хотел исцелить его грусть. Я проводил кончиком пальца от его брови вниз, к горлу, и он благодарно улыбался, показывая, что не сердится. Как-то ночью, вспомнив о благоговении, с которым он показывал мне старую книгу, я тихо шепнул ему в ухо:

— Знаешь ли ты, о повелитель, что великий Кир некогда любил мидийского мальчика?

При звуках достославного имени лицо Александра немного просветлело, и он открыл глаза:

— Правда? Как же они встретились?

— Кир одержал победу в битве с мидянами, повелитель, и обходил поле сражения, чтобы взглянуть на убитых героев. Там он узрел мальчика, едва живого от ран, лежавшего рядом с мертвым отцом. Увидев царя, тот сказал: «Делай со мною что хочешь, но не оскверняй тела отца — он хранил верность». Кир отвечал: «Я не имею такого обычая. Твой отец будет погребен с почестями», ибо полюбил мальчика, хоть тот и лежал израненный, в собственной крови. И мальчик взглянул на Кира, коего видел

лишь издалека, в сияющих доспехах, и подумал: «Вот он, мой царь». Кир же взял его, и ухаживал за ним, и оказал ему честь своей любовью; и тот был верен ему до конца. И настал мир меж мидянами и персами.

Теперь я завладел вниманием Александра. Печаль его исчезла бесследно:

— Впервые слышу. Что это была за битва? И как звали мальчика?

Я ответил ему; любовь наделила мою фантазию крыльями.

— Конечно же, повелитель, в этой части света люди знают немало старых историй. Не могу судить, все ли они правдивы.

Разумеется, я придумал все до последнего слова и сделал бы свой рассказ куда красочнее, если бы знал греческий лучше. Насколько мне было известно, Кир никогда не проявлял склонности к мальчикам.

Мое заклинание подействовало. Я вспомнил еще несколько историй, которые — будь они правдой или вымыслом — действительно рассказывались в стране Аншан. Немногим позже царь объявил мне, что даже мальчик великого Кира не может сравниться в красоте своей с мальчиком Александра. И после уснул, не грустя более.

На следующий же день он вновь вытащил книгу и принялся читать ее мне. Целый час мы были вдвоем. Александр сказал, что еще ребенком читал ее дома и что книга поведала ему о душе истинного правителя.

Ну, быть может, и так; но если бы сам Кир прочел ее, он немало бы удивился своему портрету… Книгу сочинил не какой-то ученый перс, читавший хроники и беседовавший со стариками, но грек-наемник, сражавшийся во дни Артаксеркса против царя, на стороне Кира Младшего[88]. Ему удалось вытащить своих людей из лихой передряги и благополучно привести их домой, в Грецию, и после этого не приходится удивляться, что на родине верили каждому его слову.

Конечно, Александр читал мне не всю книгу, но лишь свои любимые отрывки. Не знаю, смог бы я держать глаза открытыми, если б мне читал кто-то другой. Мы оба недосыпали. Я мог вечно смотреть на его лицо, и потому Александр никогда не знал, на каком месте я переставал слушать. Я всегда мог понять, какой именно от-

---

[88] Сноски: 88

Имеются в виду древнегреческий писатель и историк Ксенофонт (ок. 430–355 или 354 до н. э.) и его сочинение «Киропедия», где он изобразил «идеального» правителя и «идеальное» государство.

рывок особенно мил его сердцу, и усилием воли начинал постигать смысл плавно текущих слов.

— Не все то, что описано здесь, — сказал он мне, — истинно, как я обнаружил, пожив немного в Персии. Мальчики вашего народа ведь не обучаются в общественных школах?

— Нет, господин. Наши отцы сами готовят нас к войне.

— Что, и юношей тоже?

— Да, мой господин. Они учатся, сражаясь с соплеменниками.

— Так я и думал… Ксенофонт попросту слишком гордится спартанцами. Но это ведь правда, что Кир любил разделять лучшие блюда своего повара с друзьями?

— О да, господин. С тех пор великая честь — разделить с царем его пищу. — Вот откуда он узнал о наших обычаях! Этот Ксенофонт, должно быть, прожил в Персии достаточно долго. Меня так это тронуло, что я едва не заплакал.

Александр прочитал мне историю о том, как властители выбрали для Кира самую прекрасную из захваченных в бою женщин, горько рыдавшую о погибшем супруге. Но Кир, знавший, что сей муж остался жив, даже не захотел увидеть ее лица, не стал отнимать у нее слуг,

поселив с большими почестями среди собственного двора, и послал весть ее мужу. Когда же тот явился сдаться и поклясться в верности, царь вывел ее к нему и сам соединил их руки. Пока Александр читал, я внезапно понял, что именно это он замыслил для Дария и его царицы. Вот почему он так скорбел о ней! Я видел, как он представлял себе этот счастливый миг — совсем как в книге, — и думал о простой повозке с залитыми кровью подушками…

Гарема Дария более не было с ним. Еще до моего появления в лагере Александр поселил мать царя в Сузах, со всеми принцессами.

«Царь, — говорилось где-то в книге, — должен не просто доказать свое превосходство над теми, кем он правит; он должен зачаровать их». Я попросил:

— Позволь мне сказать это по-персидски.

И мы улыбнулись друг другу.

— Ты должен научиться читать греческие книги, — сказал Александр. — Неумение читать — большая потеря. Я непременно сыщу тебе терпеливого учителя, но только не Каллисфена, он почитает себя слишком великим.

Несколько дней мы вместе читали книгу, и Александр часто переспрашивал о правдиво-

сти того или иного места. Царь так доверял ей, что разубеждать его я не стал: этот греческий рассказчик, придя в Персию из Афин, где нет царя, выдумал его и назвал Киром. Впрочем, я всегда отмечал те места в книге, где неверно трактовались персидские обычаи, чтобы Александр не терял лица пред моим народом. Но когда он зачитывал мне какие-то наставления, воспитавшие его собственную душу, я всегда удостоверял, что Кир сам надиктовал их, еще в Аншане. Дарить радость тому, кого любишь, — что может с этим сравниться?

— В детстве не всегда и не все были со мной правдивы, — признался Александр однажды. — Не стану оскорблять твой слух тем, что мне говорили о персах. Наверное, старик[89] все еще повторяет эту чушь в афинской школе. Именно Кир открыл мне глаза: я прочел эту книгу, когда мне было пятнадцать. Правда заключена в том, что все мы — дети бога. Самые чистые, самые прекрасные из нас ближе к нему, чем остальные; и таких можно найти повсюду, в любом краю. — Его ладонь легла на мою. — А теперь скажи мне, — попросил он, — правда ли, что Кир

[89] Сноски: 89

Имеется в виду греческий философ Аристотель — воспитатель Александра Македонского.

объединил собственное войско с мидийским, чтобы воевать с ассирийцами? Здесь об этом прямо сказано. Геродот же сообщает — как и ты сам говорил, — что он победил мидян в сражении.

— Он сделал это, мой господин. Любой перс скажет тебе то же самое.

Александр зачитал из книги:

— «Так он правил этими народами, пусть даже они говорили на другом языке, нежели он сам, и обычаи их были разными. Тем не менее Кир сумел внушить всем им такой трепет, что они боялись предстать перед ним; царь мог пробудить в них столь сильное желание угодить ему, что все они стремились подчиняться его воле».

— Это чистая правда, — отвечал я. — И так будет вновь.

— Но он никогда не ставил персов выше мидян? Он правил и теми и другими как единый для всех царь?

— Да, повелитель.

На самом же деле я слыхал, будто некоторые мидийские вожди объединились в заговоре против Астиага, устав от жестокости своего правителя. Вне сомнения, они обрели некую выгоду, договорившись о чем-то с Киром, и тот сдержал слово как человек чести. Я сказал:

— Это правда, Кир всех нас сделал братьями.

— Так и должно было случиться. Кир не покорял народы; он увеличивал империю. Он выбирал людей, основываясь на том, что они собой представляли, и не слушал советов и сплетен… Ну, мне не кажется, что ему было трудно убедить в своей правоте тех, кого он завоевал; убедить победителей — вот главная трудность.

Я был потрясен. «Вот как? — думалось мне. — Даже в этом он хочет следовать за Киром? Нет — пойти еще дальше, ибо Кир был связан обещанием, а Александр свободен… И я — первый перс, который слышит о том!»

Прошло немало времени с той поры, когда я еще был способен восстановить в памяти облик отца. Теперь же я видел его лицо словно наяву, и он вновь благословил моих будущих сыновей. Быть может, в конце концов, его слова не были пустым ветром?

— Скажи, о чем ты сейчас думаешь? — попросил Александр.

— О том, что сыны мечты переживут сынов семени, — ответил я.

— Ты пророк. Я часто об этом думал.

Я не ответил ему: «Нет, я всего лишь евнух и стараюсь не поддаться унынию», но поведал все

о празднестве Нового года — тех пирах, которые Кир устроил в честь новообретенной дружбы, и о том, как он повел своих людей на Вавилон, а мидяне и персы соперничали в доблести пред его очами. Иногда, в пылу рассказа, я запинался на каком-нибудь трудном греческом слове, и всякий раз Александр успокаивал меня: «Ничего страшного. Я понимаю».

Весь день от него исходило сияние, а ночью словно бы мальчик Кира вошел к нему, а не мальчик Дария. Без намека на грусть он уснул с улыбкой на устах, я же сказал себе: «Вот, я уже сделал для него нечто такое, что не удавалось Гефестиону».

Как все-таки капризно сердце! Дарий не предлагал любви и не искал ее, но я почитал своим долгом быть благодарным за все, что он подарил мне: за коня, зеркальце, браслет… Теперь же, обладая всеми богатствами, я терзал свою душу, ибо некто другой был здесь прежде меня… Нет, Александр должен быть моим весь, без остатка!

Во всем, кроме слов, Александр показывал мне, что еще никто не доставлял ему такого удовольствия; он был слишком великодушен, чтобы скрывать это. Но слова так и не были произнесены, и я отлично понимал почему. Такие речи

посягнули бы на преданность любимому.

«Никогда не будь назойлив, — поучал меня некогда Оромедон. — *Никогда, никогда, никогда!* Это простейший способ оказаться в уличной канаве». И он, всегда бывший со мною мягким, так дернул меня за волосы, что я поневоле взвыл. «Я сделал это для твоего блага, — сказал он тогда, — чтобы ты получше запомнил».

Ни один народ не обладает особым расположением бога, но в каждом племени есть люди, к коим бог благоволит больше, чем к остальным. Я помнил.

Случалось, мне до слез хотелось сжать Александра в объятиях и громко воскликнуть: «Ты любишь меня больше всех остальных! Скажи, что любишь! Скажи, что любишь меня больше всех!» Но я помнил.

Стоя у стены в зале приемов Задракарты, я наблюдал за тем, как царь встречает македонцев, пришедших говорить с ним. Он обращался с этими людьми как с равными себе, отбросив все формальности, и сейчас ходил среди них, громко рассуждая о чем-то.

«Ты способен извлечь тончайшую мелодию, — говорил мне Оромедон. — Нужно лишь получше узнать свой инструмент». У этой арфы множество

струн, и некоторых я не был властен коснуться, но мы с Александром все-таки создавали гармонию.

Так думал я, когда вошел посланник с целой стопкой писем, присланных из Македонии. Царь взял их и присел на ближайший диван, совсем как обычный человек. Порой он допускал подобные промахи… Мне не терпелось объяснить, что из-за них страдает в первую очередь он сам.

Пока Александр крутил в руках письма, к нему подошел Гефестион и присел рядышком. Я охнул почти в голос — ну разве это не бесстыдство?! Но Александр лишь сунул ему несколько мешавших свитков.

Они сидели не очень далеко от меня, и я слышал, как Александр, взвесив на ладони самое толстое письмо, вздохнул:

— От матери.

— Прочти его сейчас и покончи с этим, — предложил Гефестион.

Хоть и ненавидя его, я мог понять плененных после проигранного сражения персиянок, воздавших ему царские почести. По нашим персидским понятиям, он был более красив, чем Александр, — выше ростом и с чертами лица, близкими к идеалу. Когда он был спокоен, в эти

черты закрадывалась печаль, порой напоминавшая настоящую скорбь. Власы Гефестиона были потоком сияющей бронзы, хоть и намного более жесткими, чем мои.

Тем временем Александр вскрыл письмо царицы Олимпиады. И Гефестион, положив руку на его плечо, читал послание матери сыну вместе с царем!

Сквозь туман собственного гнева я заметил, что это шокировало даже македонцев. Их осторожный шепот достиг моих ушей: «Да кто он такой? Что он о себе возомнил?», «Ну, все мы знаем, кто он царю, но Гефестиону нет никакой нужды кричать о том во весь голос».

Один из тех ветеранов Александрова войска, что выделялся среди прочих бородой и дурными манерами, спросил: «Если он вправе прочесть письмо матери Александра, тогда почему бы нам всем не послушать, о чем она пишет?» Говорил он достаточно громко.

Александр поднял голову. Он не стал звать охрану, чтобы увести наглеца прочь. Он даже не отругал его. Александр просто снял с пальца кольцо-печатку, с улыбкой обернулся к Гефестиону и запечатлел на его губах царскую печать. Они оба вновь склонились над письмом.

Я умею двигаться тихо, даже если меня слепят слезы. Моего ухода не заметил никто. Прибежав к конюшням, я оседлал Льва и поскакал прочь из города, мимо прибрежных болот, над которыми всколыхнулись облака горько стенающих черных птиц, так похожие на рой моих собственных мыслей. Когда же я повернул обратно, мысли успели смолкнуть, подобно стае ворон, деловито терзающих падаль. Мне трудно жить, пока этот человек дышит тем же воздухом, что и я сам. Ему придется умереть.

Ведя коня через низенький кустарник, которым обильно порос песчаный берег у Экбатаны, я все продумал от начала и до конца. Мальчиками они поклялись хранить верность, и, пока Гефестион жив, Александр будет связан этой клятвой. Царь предпочтет его всем чудесам мира, даже понимая в глубине сердца, что меня любит сильнее… Мое собственное сердце извивалось в пламени. Иного выхода попросту нет. Гефестион умрет, ибо я убью его.

Завтра же куплю старые обноски у нищих на городском базаре. Где-нибудь неподалеку переоденусь и схороню собственную одежду в песке. Лоскутом обмотаю голову, чтобы спрятать безбородое лицо, и отправлюсь к узким извилистым

улочкам вдоль городской стены. Найду аптекаря, который не станет задавать лишних вопросов. И вряд ли пройдет много времени, прежде чем я смогу улучить минутку и подсыпать отраву в еду или вино своему сопернику.

Вернувшись, я приказал конюху приглядеть за моим взмыленным конем, а сам опять вошел в зал приемов, чтобы увидеть врага и прошептать про себя: «Скоро ты умрешь».

Застыв на прежнем месте у стены, я мысленно обозрел свой план. Хорошо, яд я сумею купить. Каким он будет — несколько капель в фиале[90] или же щепотка порошка в тряпице? Где мне держать отраву — спрятать в складках одежды? Повесить на шею? И долго ли мне придется носить ее с собой?

Когда кровь поостыла, мне пришла на ум тысяча неприятных случайностей, которые выдадут мой замысел еще до того, как мне удастся воспользоваться зельем; я перебирал в уме все мелочи, и внезапно — словно блеснула молния! — мне открылось, какую страшную ловушку я сам себе уготовил. Если у меня найдут яд, кто усомнится, что он предназначен

---

[90] Сноски: 90

Фиал — плоская низкая чаша для питья и для возлияния во время жертвоприношений.

для Александра? Меня привел к нему человек, уже прослывший цареубийцей.

Значит, в тот же час Набарзана вытащат из дому и распнут рядышком со мной. Меня еще долго будут помнить: как же, персидский мальчик, продажная тварь, подстилка Дария, которому удалось обвести вокруг пальца великого Александра. Таким же точно меня запомнит и царь. Нет, я уж скорее сам проглочу яд до последней капли, пусть даже он и сожжет мне все нутро.

Македонцы поговорили с царем и разошлись. Настала очередь персов. Их присутствие напомнило мне, чей я сын. Что за безумие вселилось в меня? Убить преданного царю воина из-за того лишь, что он перешел мне дорогу? Братья царя Арса тоже хранили верность и тоже стояли на чужом пути. И мой бедный отец…

Когда я снова увидел Гефестиона подле царя, то сказал про себя: «Что же, я мог бы убить тебя, если б только пожелал. Тебе сильно повезло, что я не унижусь до этого». Я все еще был достаточно юн, чтобы такие мысли принесли мне облегчение, чересчур юн и чересчур полон собственных горестей, чтобы подумать о терзаниях моего врага.

То, что Гефестион некогда имел, уже никогда

не будет принадлежать другому. Его притязания удовлетворены; как может он просить о чем-то большем? Просить, чтобы его возлюбленный не предавал их любви и отверг темноглазого персидского мальчика? А если тот дает царю нечто такое, о чем Александр прежде и не подозревал? Возможно, со времени их юности желание потускнело (и коли так, я мог догадаться, чье потускнело первым); но оставалась любовь — столь же открытая общему взору, как и законный брак. Эти ночи в Задракарте… Лежа в одиночестве, мог ли Гефестион спокойно уснуть? Мне следовало узреть в его самонадеянной выходке с письмом просьбу доказать любовь. Александр узрел — и выполнил ее на глазах у всех…

В ту ночь, раздираемый тоскою и чувством вины, я утратил чувство гармонии, вел себя неестественно и глупо. Так, я решился попробовать некий трюк, которому выучился в Сузах, — любовная игра, одна из тех, о существовании которых Александр едва ли мог догадываться. Свою ошибку я почувствовал сразу и испугался царского гнева, не учтя его наивности в подобных делах. Он же вскричал: «Только не говори, что проделывал этакое с Дарием!» — и так смеялся, что едва

не свалился с кровати. Я был настолько смущен, что спрятал лицо в ладони и отказался убрать их. «В чем дело?» — недоуменно спросил Александр. Я отвечал: «Прости, что рассердил тебя. Я уйду». Но он притянул меня к себе: «Ну, не дуйся. Что случилось?» Потом голос его дрогнул, и он спросил тихо: «Ты все еще тоскуешь по Дарию?»

Царь был ревнив — да, даже он! Я бросился к Александру и так крепко обнял его, что мои объятия более напоминали хватку борца, чем любовь. Он успокаивал меня еще какое-то время, прежде чем мы смогли начать все сначала. Но даже тогда я все еще был натянут как тетива лука, и в конце почувствовал боль, почти как в былые времена. Я молчал, сцепив зубы, но он, наверное, все равно уловил разницу. Потом я тихонько лежал, никак не пытаясь отвести от него обычную печаль. Именно он попросил в конце концов:

— Ну же, давай рассказывай.

— Я слишком люблю тебя, вот и все, — отвечал я.

Притянув меня к себе, он пробежал пальцами по моим распущенным волосам.

— «Слишком» не бывает, — сказал он. — «Слишком»? Этого недостаточно.

Во сне он не оттолкнул меня, как делал по-

рой, — мы не разжимали объятий всю ночь.

На следующее утро, едва я проснулся, Александр спросил:

— Как твои успехи в танце?

Я ответствовал, что упражняюсь ежедневно.

— Отлично. Сегодня мы вывешиваем расписание состязаний в честь победы. Там будут и танцоры.

Я прошелся по комнате колесом и сделал обратный кувырок.

Александр рассмеялся, но тут же сдвинул брови и сказал очень серьезно:

— Об одном ты обязательно должен помнить. Я никогда не даю советов судьям. Это плохо выглядит, знаешь ли. На играх в Тире я был готов на все, чтобы увидеть венок на голове Теттала… По мне, так еще не родился трагик, равный ему в таланте; кроме того, он был моим посланником и хорошо послужил мне. Но судьи избрали Афенодора, и мне пришлось смириться с их решением. Поэтому могу лишь просить: выиграй это состязание для меня.

— Даже если умру, — ответил я, стоя на руках.

— О, тсс… — Александр сделал греческий знак, отводящий несчастье.

Позже он дал мне пригоршню золота на наря-

ды и послал ко мне лучшего флейтиста, какого только можно было сыскать в Задракарте. Если Александр угадал причину моих горестей и ничем не мог помочь, он нашел прекрасный способ заставить меня забыть обо всем.

Мои старые танцы успели мне порядком надоесть, и для царя я придумал новый. Начинался он быстро, в кавказском стиле, потом замедлялся, и тут приходилось выгибаться, показывая чувство равновесия и силу. В заключительной части были сюрпризы, но не слишком много, ибо в первую очередь я был танцором, а не акробатом. Подумав над костюмом, я заказал короткую тунику в греческом стиле — из алых полосок ткани, скрепленных лишь у горла и талии. Бока оставались обнажены. К ножным браслетам я велел пришить маленькие круглые бубенцы из кованого золота. Для первой части танца я воспользуюсь тимпаном…

Я упражнялся, как никогда в жизни. В первый же день, едва я закончил и отослал флейтиста, пришел Александр. Увидев, как я вытираюсь полотенцами, едва дыша, царь взял меня за плечи и встряхнул.

— С сегодняшнего дня и вплоть до состязаний ты будешь спать тут. Хорошего понемножку.

Он повелел поставить мою кровать в зале для танцев. Я понимал его правоту, но печалился, что Александр способен обходиться без меня; зная не более любого воина его армии, я мог лишь догадываться, как царь переносит пустоту своего ложа. Поначалу я даже думал, что не переживу ночь вдали от любимого, но так наупражнялся за день, что уснул как убитый, едва опустив голову на подушку.

В день состязаний я рано явился в комнату Александра, где один из прислуживавших ему юношей пытался совладать с застежкой его плаща. Едва увидев меня, царь сказал ему: «Оставь, Багоас разберется. Ты можешь идти». Некоторые из телохранителей набрались опыта, и царь смягчился по отношению к ним, но именно этот был на удивление неуклюж. Хмурясь, он вышел; царь же обратился ко мне со словами: «Можешь себе представить? Он так и не сумел приладить мантию». Я передвинул аграф и правильно заколол его, шепнув: «В следующий раз позови меня». Схватив меня за ладони, он притянул к себе и поцеловал. «Мы еще увидимся, когда ты будешь танцевать».

Утром устраивались состязания для атлетов: бег, прыжки, метание копья и диска, кулачный

бой и борьба. Я впервые видел греческие игры и, пожалуй, чувствовал некий интерес к ним, хотя впоследствии они всегда наскучивали мне, едва начавшись. Состязания танцоров были назначены после полуденного перерыва.

Специально для нас — и для музыкантов — армейские плотники соорудили настоящий театр со сценой, обращенной к отлогому склону, по которому поднимались ряды сидений для зрителей и скамьи для знатных гостей; имелось там и возвышение для царского кресла. Задник был весьма натуралистично расписан колоннами и занавесями, да с таким искусством, что мне оставалось лишь поражаться. В Персии мы не знали ничего подобного. Я еще никогда не видел такого сооружения, но когда поднялся на сцену и осмотрел ее, то счел доски помоста вполне годными для танца.

Склон понемногу заполнялся, и македонские военачальники занимали свои места на скамьях. Я отошел в сторонку — туда, где мне и другим танцорам указали ждать: на лугу, немного поодаль от сцены. Мы искоса посматривали друг на друга: трое греков, два македонца и еще один персидский танцор, мой соплеменник. О появлении царя возвестили трубы. Все остальные

танцоры повернули ко мне полные ненависти лица — они знали, кто я.

Но не думаю, что в конце наших состязаний даже они стали бы оспаривать мою победу. Я знал, что обязан танцевать прекрасно, дабы доставить радость Александру. Действительно, он даже не заговаривал с судьями, но ведь и судьи — всего только люди. Те, что оценивали игру актеров в Тире, могли отлично знать о том, как Александр относится к искусству Теттала; любовь — совсем иное дело. С этим поневоле приходится считаться.

В Сузах я танцевал в надежде обрести милость, из страха оказаться на улице, из собственного тщеславия. Нынешний танец я посвятил нашей любви.

Очередность выступлений решил жребий; я поднялся на сцену четвертым. И не успел я завершить свой первый, быстрый танец с тимпаном, как публика стала аплодировать. Мне это было в диковинку. Прежняя моя аудитория ограничивалась горсткой почетных гостей Дария, хваливших меня из вежливости. Этот рев был искренним выражением восторга; он даровал мне крылья. Добравшись до кувырков в конце танца, я уже едва слышал музыку.

Судьи не стали долго спорить. Мне тут же был присужден венец победителя. Под грохот рукоплесканий и возгласов я подошел к возвышению и преклонил колено. Кто-то передал Александру блестящий золотой венец. Я поднял глаза — и встретил его улыбку.

Царь опустил венец на мою голову, лаская ее прикосновением. Если б счастье могло переполнить человека, подобно еде или питью, я бы, наверное, разлетелся на куски. «Гефестион не способен на такое даже ради тебя», — думал я.

Следующими состязались кифаристы. Если б сам многомудрый бог послал своих добрых духов играть для нас, я не услышал бы музыки чудеснее.

Не помню ничего, что было со мною меж этим раем и креслом Александра, за которым я стоял вечером во время праздничного пира — большого, даже грандиозного, по македонским понятиям. Зал приемов сверкал огнями сотен светильников; пришло слишком много гостей, чтобы греческих кушеток хватило на всех. Александр пригласил многих знатных персов — их собралось больше, чем когда-либо ранее. Всю трапезу я провел на ногах, принимая подарки и выслушивая комплименты. Казалось, каждый успел

заготовить похвалу моему танцу. Я сказал себе: «Александр оказывает моему народу честь потому, что видит в нем определенные достоинства; но отчасти и потому, что я тоже перс». О приближавшейся ночи я грезил с восторгом ожидания.

Ближе к полуночи я первым поднялся в царские покои. Вместо вечернего одеяния и полотенец рядом с ванной я увидел разложенными чистые одежды. Не живи я как во сне, я должен был бы предвидеть это — и сообразил как раз вовремя, чтобы не выставить себя идиотом.

Войдя, Александр обнял меня, не тратя времени на слова. Прислуживавший ему юноша ушел, едва меня завидев, и тогда только Александр сказал:

— Сегодня мне завидует вся Задракарта, но не потому, что я царь.

Я расстегнул аграф и помог ему переодеться. В дверях он обернулся:

— Не жди меня сегодня, милый. Придут старинные друзья — и, может статься, я буду пить с ними до рассвета. Ложись спать и постарайся согреться, а то завтра не разогнешься.

«Ночь по-македонски, — думал я, раскладывая багровый плащ Александра на скамье. — Что ж, он честно предупредил. Ничего страшного;

сколь бы пьян он ни был, именно я уложу его в кровать, а не этот неотесанный болван-телохранитель. Ради любимого я готов и на большее».

Я вынул из сундука простыню и калачиком свернулся в углу. Твердый камень пола недолго противостоял моей усталости…

Во мгле сновидений я расслышал голос Александра и сразу очнулся ото сна. Пели птицы, но рассвет еще не забрезжил.

— Нет, каждый шаг сам… Филота пришлось тащить вчетвером.

— Далеко им его не унести, — отвечал Гефестион. — А теперь скажи, ты доберешься до кровати самостоятельно?

— Да, но ты все равно входи… — (Тишина.) — О, да перестань же! Здесь никого нет.

Я лежал не шевелясь. Кости ломило; конечно, Александр был прав, советуя согреться. Простыню я натянул на лицо в страхе, что на него упадет свет.

Гефестион отнюдь не нес Александра, тот лишь опирался на поводыря, обняв его за шею. Мой соперник усадил царя на кровать, расшнуровал ему сандалии и расстегнул пояс, стянул через голову хитон и осторожно уложил уже дремлющего Александра в постель. Затем он подвинул

к кровати столик с кувшином воды и чашей, поискал ночной горшок и поставил на виду. Окунув полотенце в кувшин, он отжал его и протер лоб Александру; Гефестион и сам-то не слишком твердо держался на ногах, но проделал все аккуратно и быстро.

— О, вот это хорошо… — тихо выдохнул Александр.

— Тебе надо хорошенько выспаться. Смотри, тут вода, а там — горшок.

— Высплюсь… А, отлично. Ты, как всегда, обо всем позаботился.

— Привык уже. — Нагнувшись, Гефестион поцеловал Александра в лоб. — Спи спокойно, любовь моя… — Он вышел, тихонько притворив за собою дверь.

Александр перевернулся на бок. Я подождал немного, чтобы удостовериться, что он спит, и только затем воровато сложил и спрятал простыню. Когда я крадучись пробирался по коридорам к своей холодной постели, настал рассвет и застонали чайки…

Глава 14

Мне точно известно, где началась моя юность. Это произошло в Задракарте, когда мне было шестнадцать. До того я был ребенком, но детство, оборвавшись когда-то давно, привело меня к некоему переходному состоянию, где юность владела лишь моим телом. Теперь же, по прошествии семи лет, все это было возвращено мне сполна. Воспоминания о долгом путешествии имели острый, свежий привкус юности.

В моей памяти навсегда запечатлелись картины тех странствий — долгие месяцы лик земли плыл передо мною, подобно медленно влекомым по водам Нила ладьям, если смотреть на них, сидя на берегу. Горные кряжи, снежные пустыни, набирающие зелень леса, черные озера в богатых дичью лугах, степи с выжженной травой… Скалы, превращенные игривым ветром в каменных драконов… Райские долины и цветущие сады… Горы, горы без конца — пронзающие небо, слепящие глаза мертвой белизной пиков… Холмы, усыпанные незнакомыми цветами… И дождь. Ливень, стеною падающий вниз, словно бы прохудились сами небеса, превращающий землю в грязь, ре-

ки — в стремительные потоки, оружие — в труху, а мужчин — в беспомощных детей. И раскаленные докрасна песчаные холмы рядом с сияющим синевой морем…

Итак, мы покинули Задракарту и двинулись на восток. Мне было шестнадцать, и любовь сводила меня с ума. Обогнув тянувшиеся из Гиркании горы, мы узрели пред собою пустынные просторы новой страны. Но пустота не была полной, ибо мы несли город на своих плечах.

Царские колонны можно было назвать столицей. Александр покинул Грецию, будучи царем-полководцем; свободный как птица, он оставил царство на попечение регента и переправился через море. Потом пали великие города и погиб Дарий. Теперь Александр был великим царем Персии и находился в пределах собственной империи, а потому все государственные дела не отставали от него.

Мы шли по стране без городов, подобной древней Персиде до времен Кира. Здесь стояли лишь небольшие укрепленные поселения, похожие на те, что я видел в родном краю, только побольше — ибо все они некогда были твердынями местных царей. Разделенные сотнями миль, они казались почти одинаковыми: крепкий

каменный дом на склоне холма и хижины, обступившие его кругом. Цари постепенно превращались в вождей и сатрапов, но их жилища, сколь бы просты и ветхи они ни были, все еще звались царскими крепостями. Племена скотоводов мирно кочевали со своими стадами от одного пастбища к другому, и маленькие деревушки теснились там, где чистая вода не переводилась круглый год. Лига за лигой убегали назад, а наш лагерь оставался единственным городом в той пустынной стране.

Кроме собственно армии, здесь были те, кто прислуживал ей: оружейники, строители, плотники, торговцы, кожевенники, конюхи; женщины и дети всех этих людей; рабы. Теперь за Александром следовали и многочисленные чиновники. Всем им выплачивалось жалованье из царской казны. Шли за нами и те, кто надеялся заработать: торговцы лошадьми и одеждами, ювелиры, актеры и музыканты, жонглеры, сводники и проститутки обоих полов (или же вовсе бесполые). Ибо даже пешие воины были богаты; что же касаемо военачальников, те и сами жили подобно царям.

У них были собственные дворы с прислугой и управляющими; их наложницы жили в рос-

коши, ни в чем не уступая женщинам из гарема Дария, а их скарб вмещали десятки повозок. Военачальников, когда те заканчивали упражнения, опытные массажисты растирали маслом и миррой. Александр лишь посмеивался, видя в том простые человеческие слабости старых друзей. Я же не мог выносить вида этих людей, превосходивших его в гордыне и в роскоши.

У самого Александра не оставалось времени не только для показной пышности, но и весьма часто для меня. В конце каждого перехода его ждала тысяча дел: царский шатер осаждали гонцы и высланные вперед дозорные, инженеры и торговцы, а также обыкновенные воины, выносившие на царский суд свои ссоры, считая это, кажется, вполне естественным. После всего этого постель бывала нужна ему лишь для сна.

Дарий, видя, что плотское желание изменяет ему, почувствовал бы себя обманутым природой и послал за кем-нибудь вроде меня, чье искусство вернуло бы ему уверенность. Александр, заглядывая в завтрашний день, полагал, что природе угодно, чтобы он получше выспался этой ночью.

Есть вещи, которые невозможно объяснить полноценному мужчине. Для таких, как я, плот-

ская любовь — удовольствие, но не необходимость. Гораздо более я стремился просто видеть повелителя, быть рядом с ним, совсем как собака или ребенок. В теплоте и гладкости тела возлюбленного я видел богатство жизни. Но я никогда не просил его: «Пусти меня к себе, я не стану мешать». Никогда не будь назойлив, никогда, никогда! Александр нуждался в моих услугах и днем, а ночь награды придет рано или поздно.

В одну из таких ночей он спросил:

— Ты был зол на меня, когда мы сожгли Персеполь?

— Нет, мой господин. Я никогда не бывал там. Но зачем же ты сжег его — дотла, до самой земли?

— До небес. Мы сожгли город до самых небес… Бог подвиг нас на это. — При свете ночного светильника я видел лицо его подобным лику певца, увлеченного песней. — Огненные занавеси, ковры… Столы с обильным угощением из языков пламени, потолки — все они были из кедра… Когда мы перестали бросать факелы и жар выгнал нас наружу, дворец вознесся в черное небо, словно один сплошной поток огня: грандиозный огненный ливень, хлещущий ввысь, брызгая искрами; он ревел и возносился прямо

в небеса… И я думал тогда: понятно, отчего огню поклоняются люди. Что в этом мире может быть божественнее?

После любовных игр Александр с охотой предавался беседе. В нем все еще скрывалось нечто, словно бы каравшее его слабостью и печалью за удовлетворенное желание. Тогда я заговаривал с ним о серьезных вещах, шуткам не место было в такие минуты.

Однажды он спросил:

— Вот мы лежим здесь вдвоем, ты да я, а ты по-прежнему зовешь меня «повелителем» и «господином». Почему?

— Ты и есть повелитель. Господин моего сердца, вообще всего…

— Вот и оставь это в сердце, милый. По крайней мере, при македонцах; я уже замечал взгляды…

— Ты всегда будешь моим повелителем, как ни назови. Как же мне следует называть тебя?

— Александром, разумеется. Любой македонский воин зовет меня так.

— Искандар, — повторил я. Мой греческий выговор был еще не слишком хорош.

Рассмеявшись, он попросил меня попытаться еще разок. Я повиновался.

— Так-то лучше, — одобрил мой господин. — Они слышат, как ты величаешь меня, и, наверное, думают: «Значит, Александр уже строит из себя великого царя».

Наконец-то он дал мне шанс!

— Но господин, мой повелитель Искандар, ты и есть великий царь Персии! Я знаю свой народ; он ведет себя иначе, чем македонцы. Знаю, греки говорят: боги могут завидовать великим смертным, но они наказывают сп… — Я усердно сидел над книгами, но слова еще порой ускользали от меня.

— Спесивцев, — сказал Александр. — И боги уже присматриваются ко мне…

— Но не персы, господин. Великий муж должен иметь величие, ибо, если он ведет себя недостойно положению, перс не станет уважать его.

— Недостойно? — тяжко выдохнул он.

Отступать было поздно.

— Господин, мы ценим отвагу и чествуем победителя. Но царь… он должен быть выше; великие сатрапы должны приближаться к нему словно к самому богу. Перед ним они падают ниц, что перед ними самими делают только простолюдины.

Александр молчал. Я ждал в страхе… Наконец он медленно произнес:

— Брат Дария хотел сказать мне об этом. Но так и не решился.

— Разгневан ли мой господин?

— Гневаться на совет, данный с любовью? Никогда. — Он обнял меня крепче. — Но запомни: Дарий проиграл, и я скажу тебе отчего. Сатрапами и вправду можно управлять так, как ты говоришь. Но воинами?.. Нет, никогда. Они не пойдут за каким-то царственным изваянием, к которому приходится подползать на брюхе. Они желают, чтобы им воздавали должное за храбрость, проявленную во время сражений. Полководец должен помнить, есть ли у стоящего перед ним воина брат и служит ли он в той же сотне. И ежели тот погибнет в бою, воин захочет услышать слово сочувствия. Когда идет снег или на войско обрушиваются порывы ледяного ветра, воины должны видеть, что полководец страдает тоже. И если еды или воды мало, а ты идешь во главе колонны, они должны знать: ты ведешь их, чтобы пополнить запасы; только *тогда* они пойдут за тобой. И они любят смеяться. Я узнал, над чем они смеются, еще в казарме отцовских воинов, когда мне было шесть лет. Они сделали меня великим царем Персии, помни об этом… Нет, я не гневаюсь; ты верно сделал, что сказал.

Знаешь, в моих жилах течет и греческая, и троянская кровь.

О том я не ведал, но благоговейно поцеловал плечо Александра.

— Ерунда. Я в точности такой же, как и твой собственный народ, найди в нем что-то и от меня. Зачем говорить «мой» или «твой»? Они все станут «наши». Кир не знал покоя, пока не добился равенства всех племен своего царства. Пришло время начать все сызнова. Бог не вел бы нас этим долгим путем без цели.

Я сказал ему:

— Прости, я слишком много говорил. В твоих глазах уже нет сна.

В прошлый раз в ответ на те же мои слова Александр предложил: «Тогда еще разок?» Сейчас он пробормотал: «Да-да», продолжая думать. Я уснул близ его открытых глаз.

Мы входили в Бактрию по уже тронутым красками осени отрогам, иссеченным суровыми ветрами, прилетавшими с заснеженных вершин. Я купил себе алое одеяние, отороченное куньим мехом, — взамен утерянной у Каспийских ворот рысьей накидки. Воины и люди, следовавшие за лагерем, кутались в овечьи и козьи шкуры, пытаясь согреться; у военачальников

были прочные шерстяные плащи, но лишь персы — в штанах и в одеяниях с длинными рукавами — действительно выглядели тепло одетыми. Порой македонцы бросали на меня завистливые взгляды, но они предпочтут смерть от холода, но не облачатся в чуждый им наряд побежденных. Чем обирать гниющие трупы, они скорее пожрали бы своих детей.

Пали первые дожди; идти по влажной, хлюпающей слякоти вдоль русел разлившихся рек стало неизмеримо труднее, так что теперь мы двигались не быстрее колонн Дария. Я увидел разницу, лишь когда нас нагнали вести о бунте, который поднял за нашими спинами Сатибарзан, сатрап Арии. Незадолго до того он пришел сдаваться в Задракарту, и Александр протянул ему правую руку, пригласил к трапезе, подтвердил его власть сатрапа и дал сорок македонских воинов, дабы укрепить гарнизон крепости. Всех их Сатибарзан убил, едва Александр отошел с войском; ныне он созывал своих соплеменников биться на стороне Бесса.

Над продрогшей, промокшей вереницей наших воинов прозвучал чистый клич рога. Кони, заржав, взметнулись на дыбы, осаженные твердыми руками. В колючем морозном воздухе про-

гремели отрывистые приказы; невозможно было поверить, чтобы конница могла столь быстро построиться правильными рядами… Александр сел на боевого коня, земля содрогнулась, и все они мгновенно растворились в холодной завесе дождя, оставив за собой лишь быстро затихающий дробный стук копыт. Словно бы дремавший великан метнул вдруг копье.

Мы разбили лагерь и ждали, обдуваемые всеми небесными ветрами; мужчины и женщины прочесывали равнину в поисках хвороста. Я же, воспользовавшись остановкой, отправился к своему учителю Филострату — угрюмому молодому эфесцу, который никогда не приходил в гнев от моей непонятливости (именно ему обязан я ныне тем, что пользуюсь разрешением работать в библиотеке царя Птолемея; я прочел всех греческих авторов, стоящих упоминания, но по сей день не могу вывести простейшей надписи на родном языке).

Писцы вели хронику похода, и от них я быстро узнал все новости. Войско, собранное сатрапом, бежало сразу, как только разнесся слух о приближении Александра; сам же Сатибарзан укрылся от царского гнева, бежав к Бессу. Александр приговорил его к смерти — простить предательство

он не мог. Тем не менее новый сатрап, назначенный им для Арии, тоже был персом. Царь же вернулся к разбитому нами лагерю в разгар начавшейся метели и уселся разбирать накопившиеся дела.

Возвращавшиеся с поля боя воины всегда жаждали женских ласк — или иных, в зависимости от склонностей. Я же не внушал себе напрасных надежд, ожидая встречи с Александром: растрачивая силы в битве, он никогда не оставлял чего-либо «на потом». Кроме того, его ждала полумесячная стопа государственных дел; с нею царь расправился всего за пять дней. Затем он пригласил друзей и пил с ними до самого утра. Александр стал словоохотлив и словно бы заново пережил весь поход. Потом он проспал день напролет и всю следующую ночь тоже.

Причиной тому было отнюдь не вино, хотя Александр выпил немало; половины этого времени ему вполне хватило бы, чтобы выспаться. С помощью вина он останавливал бег мыслей, забывших об отдыхе. Как бы ни был пьян, Александр всегда принимал ванну, имея привычку очищать тело перед сном. Он ни разу не поднял на меня руку, но, впрочем, опирался о мои плечи, выравнивая шаг. Вино вытаскивает наружу

сокрытые, тайные черты: даже Александр не мог противостоять этому, но грубость в спальне никогда не входила в их число.

На следующий день он проснулся бодрым, точно жеребенок; свернул еще одну гору работы и сокрушался ночью: «Как я только мог потратить так много времени!»

Я оказал ему самый радушный прием всеми средствами, какие только знал, и некоторыми из тех, о коих лишь догадывался. Александр говорил шутя, что я пытаюсь сделать из него образцового перса; правда заключалась в том, что я уже забыл, как доставлять наслаждение кому-то другому. Нежность и мягкость он воспринимал куда лучше, нежели ослепляющую страсть. Впрочем, я владел искусством, позволявшим довести мужчину до исступления, доставив тому крайне острое удовольствие, и проделывал это с ним, оставляя, однако, на челе Александра легкое облачко досады; для меня же то был лишь один прием из множества. Мне следовало с самого начала повиноваться велениям своего сердца, но до Александра никто даже не предполагал, что оно у меня есть… Теперь, когда я показал ему тропу через сад наслаждений, ему был надобен не провожатый, а спутник. Александр никогда

не бывал бестактен или груб: в самой его природе было заложено свойство дарить — и в опочивальне тоже. Здесь, как и всюду, он не давал своему недовольству выплеснуться наружу.

Принц Оксатр был возведен в должность царского телохранителя. Александру нравилось видеть рядом красивые лица; кроме того, царь счел эту милость достойной его ранга. Оксатр был всего лишь на палец ниже Дария; Александр сказал мне, смеясь, что для Филота это будет приятной неожиданностью — беседовать с человеком, взирающим на него сверху вниз. Я отвечал со скованностью, которую, как я надеялся, он заметил. Как раз этого самого Филота я никак не мог выкинуть из головы.

Он был величайшим из полководцев Александра, предводителем Соратников; его считали красавцем, хоть он и был чересчур рыж по персидским понятиям. Одновременно он был первым из тех, кто превосходил самого царя по величию и роскоши. Клянусь, он охотился с большим числом слуг и загонщиков, чем даже Дарий; внутреннее убранство его шатра напоминало дворец. Однажды я относил туда послание и был встречен Филотом с нескрываемым презрением. Нельзя сказать, чтоб это принесло ему благо,

хотя Гефестион также недолюбливал чванливого любителя пышности, и Александр знал о том.

Познав особенности жизни при дворе, быстро научаешься искать там, где следует. Иногда я вставал дозором у дверей приемного зала (как делал еще в Вавилоне), чтобы видеть выходящих. Обычной чередой предо мною проходили лица: спокойные и разочарованные, полные облегчения или удовлетворенные, но улыбка Филота чересчур быстро сползала с лица, и однажды, можно было поклясться, я видел на его устах насмешку!

Все это я держал в глубине сердца. Я не решился рассказать: Александр знал Филота всю свою жизнь, они водили дружбу еще мальчишками, и подозревать отважного полководца в измене весьма походило на предательство; он был безусловно верен — и все тут. Этого мало; отец его, Парменион, рангом стоял выше любого другого военачальника и даже Кратера, превосходившего всех остальных в пределах нашего лагеря. Еще при царе Филиппе Парменион командовал войсками. Нам не доводилось встречаться, ибо его воинство охраняло западные дороги далеко за нашими спинами; иными словами, ему были доверены все наши жизни. Потому

я хранил молчание. Я мог лишь воздать хвалу стати боевых нисайянских коней Оксатра, их роскошной сбруе, добавив:

— Но конечно же, мой господин, даже при дворе Дария он не жил столь богато, как Филот.

— Правда? — спросил Александр, и я видел, что моя маленькая хитрость все-таки заставила его призадуматься. А потому я обнял его, смеясь:

— Но теперь даже ты сам не богаче меня.

Единственным последствием нашей беседы, какое я только сумел усмотреть, было то, что Александр оглядел коней Оксатра и был настолько очарован их сбруей, что повелел изготовить для Букефала в точности такую. Никакая греческая лошадь не покажется персу прекрасной; но теперь, когда черный конь был сыт, ухожен и бодр, и впрямь можно было поверить, что именно он десять лет носил Александра в битвах и ни разу не выказал страха. Большинству лошадей новая пышная сбруя (оголовье уздечки с кокардой, серебряные защечные розетки и многочисленные кисти да побрякушки) причиняла бы одни лишь неудобства; Букефал же, видно, был о себе весьма высокого мнения и гордо выхаживал наряженный, показывая достоинства сбруи с наилучшей стороны.

В его характере и впрямь было нечто от самого Александра.

Я размышлял об этом, обтирая царя губкой перед обедом. Он любил это, как и ванну перед сном; когда войны оставляли ему время, Александр поддерживал свое тело в идеальной чистоте. Сначала я недоумевал, каким это благовонием он пользуется, и даже искал фиал; не найдя ничего, я понял, что так и должно быть. То был его природный дар.

Я похвалил украшения и величаво выступавшего в них Букефала, Александр же ответил, что заказал еще несколько подобных сбруй в подарок друзьям. Я принялся вытирать его; сплошные мускулы, но не слишком выпирающие из-под кожи, как у тех неповоротливых греческих борцов. Я сказал:

— Сколь хорошо, господин, ты смотрелся бы в одеянии, соответствующем этой сбруе.

Александр быстро обернулся:

— Почему ты говоришь мне это?

— Просто смотрю на тебя сейчас.

— О нет. Ты читаешь мои мысли, я уверен! Я сам только что подумал, что в собственном царстве мне не следует походить на чужеземца.

Его слова несказанно обрадовали меня, и ветер

очень вовремя принялся насвистывать свои протяжные мелодии за стеною шатра.

— Могу сказать, господин, что при такой погоде тебе было бы гораздо теплее в штанах.

— В штанах? — изумился Александр, уставясь на меня в ужасе, словно я предложил ему окраситься с ног до головы в синий цвет. Потом он рассмеялся. — Мой милый мальчик, на тебе они очаровательны; стражу Оксатра они тоже украшают. Но для македонца штаны — это что-то… Не спрашивай что. Я безнадежен, как и все прочие.

— Мы придумаем что-нибудь, мой повелитель. Что-то подобное персидскому одеянию, в каких ходят владыки.

Мне не терпелось сделать любимого прекрасным по всем меркам моего народа.

Александр послал за куском отменной шерстяной ткани, чтобы я смог обернуть его ею. Но я едва успел начать, как выяснилось: кроме штанов, Александр не желает носить и одежду с длинным рукавом. По его словам, она стесняла бы движения, но я прекрасно видел, что это всего лишь отговорка. Я заявил, что сам Кир одел персов в мидийское платье (самое обидное, то была чистая правда), но даже волшебное имя

оказалось не властно заставить царя переменить решение. А потому я вынужден был прибегнуть к старинному персидскому наряду — настолько старомодному, что никто не носил такого вот уже сотню лет, за исключением царя на больших празднествах. Если б я не видел своими глазами, как в него облачали Дария, то ни за что бы не догадался, как именно его шьют. Одеяние это состоит из длинной юбки, собранной в складки у пояса, и чего-то наподобие пелерины с отверстием для головы; эта штука закрывает верх и руки, свисая до самых запястий. Я сметал юбку, вырезал пелерину и прикинул на Александре, придвинув зеркало, чтобы он взглянул на результат моих трудов.

— Я видел такие, — заявил он, — на стенных рельефах Персеполя. Ну и что ты думаешь? — Александр бочком приблизился к зеркалу. В вопросах одежды он был подобен женщине, если только находил подходящий предлог.

— Выглядит очень внушительно, — сказал я. Царь действительно мог показаться в таком виде на людях, хоть подобная одежда и требовала немалого роста. — Не стесняет ли движений?

Александр походил взад-вперед.

— Нет, если только ничего не надо делать.

Пожалуй, я все-таки закажу себе такой наряд. Белый, с пурпурной оторочкой.

Тогда я сыскал для него лучшего портного (в нашем лагере было множество персов, и за ними следовали всевозможные ремесленники), и тот сотворил действительно красивую вещь. Принимая персидских гостей, царь надевал ее в сочетании с низкой открытой тиарой. Я сразу увидел, как возросло их уважение. Существует множество способов падать ниц, и не все они одинаково выражают почтение; Александру я этого не открывал, не желая предавать свой народ. То, что низкорожденные македонцы вообще никак не кланяются, больно уязвляло гордость персидских властителей.

С радостью я поведал ему, что новое царское облачение весьма понравилось персам; я умолчал (хоть это и рвалось с моего языка), что Филот обменялся насмешливыми взглядами с кем-то из своих друзей, сидевших за дальним концом стола.

Как я и ожидал, вскоре Александр счел новое приобретение неудобным; по его словам, в нем нельзя было ходить быстро — легким, размашистым шагом. Я мог бы ответить, что при персидском дворе никто не ходит быстро… Так или ина-

че, он заказал себе другой наряд, весьма напоминавший собою длинный греческий хитон, правда, за исключением верхней части, спадавшей на руки. С ним царь носил широкий мидийский пояс: ярко-алый на белом. Одеяние шло ему, но в глазах македонцев оно с тем же успехом могло иметь и рукава. Александр же был столь уверен, что наконец-то достиг золотой середины, что у меня попросту не хватило духу сказать ему о том.

Гефестион, как всегда, поддержал его и с восторгом принял персидские украшения для своего коня. Моих ушей достиг шепоток о его угодливости, но я уже знал: это чушь. У меня было предостаточно времени, чтобы составить правильное мнение о Гефестионе. Сколь легко он мог бы отравить меня или обвинить в каком-либо преступлении, заручившись поддержкой лжесвидетелей! Он мог бы спрятать среди моих вещей драгоценность и затем обвинить меня в воровстве; что-нибудь в этом духе уже давно произошло бы со мною при персидском дворе, встань я на пути властительного фаворита. Среди друзей-воинов Гефестион славился острым языком, но никогда не воспользовался им против меня. Если нам доводилось встречаться, он неиз-

менно говорил со мною как с каким-нибудь благородным оруженосцем — вежливо и сухо. В ответ я предлагал ему уважение без лести. Часто я желал ему смерти — как он, без сомнения, мне, — но, понимая друг друга, мы словно бы заключили негласный уговор. Мы оба оказались неспособны поднять руку на что-либо, ценимое Александром, а потому у нас не было иного выхода.

Довольно далеко зайдя на восток по голым сумрачным скалам да по щедрым на живность долинам (где, пользуясь возможностью, пополняли запасы пищи), мы остановились передохнуть в древнем царском жилище под названием Заранджан. Оно представляло собою нависший над массивными скалами старый бастион, сложенный из грубо обтесанных камней; к нему вели столь же грубо выбитые в скале ступени, а окнами по большей части служили узкие бойницы, оставленные для лучников. Вождь местного народа покинул комнаты наверху башни — они пропахли лошадьми из-за устроенных внизу конюшен. Александр поселился в башне, зная, что отказ может обидеть гордое племя хозяев; телохранители разместились в караулке на полпути вверх по лестнице, вед-

шей в царские комнаты и приемную; там же, наверху, располагались две узенькие комнатки: одну занял царский оруженосец, другую — я сам. Попасть же в комнаты, в которых поселились друзья Александра, можно было, лишь обойдя башню снаружи.

Я повелел принести жаровню, дабы Александр мог в тепле принять ванну; изо всех щелей башни нещадно дуло, а после долгого перехода царь желал смыть дорожную пыль перед трапезой. Вода была в меру горяча, и я тер ему спину куском пемзы, когда с протяжным скрипом распахнулась огромная дверь и на пороге показался один из юных телохранителей Александра.

Сидевший в ванне царь спросил его:

— Что такое, Метрон?

Юноша с трудом переводил дыхание. Надо сказать, он был в меру старателен и служил Александру как мог хорошо; пусть просто из уважения к повелителю, он был вежлив даже со мною. Сейчас он стоял на пороге, пытаясь обрести голос, с белым, подобно простыне, лицом. Александр попросил его взять себя в руки и говорить. Сглотнув, тот начал:

— Александр… Там пришел человек. Он готов назвать имена заговорщиков, хотевших… убить

тебя.

Я ополоснул пемзу. Александр поднялся на ноги:

— Где он?

— В оружейной, Александр. Больше негде.

— Его имя?

— Кебалин, эскадрон Леонната. Господин, я принес тебе меч.

— Отлично. Ты приставил к нему охрану?

— Да, Александр.

— Молодец, парень. А теперь скажи, что ему нужно.

Я все еще вытирал и одевал царя. Смирившись с тем, что меня не собираются отсылать прочь, Метрон сказал:

— Он пришел, чтобы говорить за своего брата, господин, за юного Никомаха. Тот не решился прийти сам — заговорщики догадались бы. Вот почему он рассказал Кебалину.

— Вот как? — терпеливо переспросил Александр. — Рассказал Кебалину что?

— Про Димноса, господин. Это тот самый.

Брови Александра на мгновение поднялись. Метрон тем временем опоясал его ремнем, на котором висел меч.

— Он… Ну, друг юного Никомаха, господин.

Он хотел, чтобы Никомах был с ними заодно, но тот отказался. Димнос уже полагался на него, а потому совсем потерял голову и сказал, что они убьют его, если тот не согласится. И потому Никомах сделал вид, что согласен, и рассказал брату.

— «Они»? Кто остальные?

Лицо юноши вытянулось.

— Александр, прости меня. Он говорил, но я не запомнил имен.

— По крайней мере, честно. Помни, воин не должен терять рассудка даже в самый отчаянный момент… Ладно, ступай сыщи мне предводителя стражи.

Александр начал мерить комнату шагами. Его взгляд был строг, но я не видел в нем признаков удивления или растерянности, уже зная, что в Македонии от рук убийц погибло больше царей, чем даже в Персии. В последний раз злоумышленники воспользовались кинжалом. Говорят, отца Александра убили на глазах у сына.

Когда явился предводитель стражи, Александр приказал:

— Арестуй Димноса из Халестры. Ты найдешь его в лагере и приведешь сюда. — И вместе с Метроном царь направился в оружейную комнату.

Оттуда до меня донесся мужской возглас: «О царь! Я уж думал, мне не успеть вовремя!» Будучи сильно испуган, Кебалин говорил быстро и невнятно, так что я и вовсе пропустил часть его рассказа. Что-то насчет того, будто Димнос счел, что царь недооценивает его, а потом: «Но это лишь то, что он сказал моему брату, не желая объяснять, почему в это дело вмешались и другие». Были названы имена, которые (подобно Метрону) я запамятовал, хоть и видел, как умерли эти люди.

Александр позволил Кебалину продолжать, не подгоняя, когда тот терял мысль. Потом спросил:

— Сколько времени твой брат знал об этом, прежде чем открылся тебе?

— Нисколько, Александр. Он сразу бросился искать меня и нашел.

— Значит, все это случилось сегодня, когда мы разбивали лагерь?

— О нет, Александр! Вот почему я прибежал сам. Это было два дня назад.

— Два дня? — прозвенел голос Александра. — Я ни разу не покидал лагерь. Сколько ты сам был замешан в заговоре, пока не струсил?.. Арестуйте его.

Стражи потащили молодого воина, от ужаса хватавшего воздух ртом, из комнаты.

— Но, Александр, — хрипел он, едва не срываясь на крик, — я отправился к тебе в ту же минуту, как только услышал. Клянусь, я пришел прямиком к твоему шатру. Значит, он не рассказал тебе? Он сказал, что поведает обо всем, как только ты будешь свободен. И на следующий день — то же самое. Царь, я клянусь бессмертием Зевса! Неужели он вообще ничего не говорил?

Наступила тишина. Александр смерил юношу пристальным взглядом.

— Отпустите его, но стойте рядом. Теперь дай мне понять. Ты говоришь, все это ты рассказал кому-то из моего окружения и тот вызвался предупредить меня?

— Да, Александр! — Кебалин едва не рухнул на камень пола, когда воины отпустили его. — Клянусь, только спроси у него, царь! Он сказал, что я поступил верно и что он доложит тебе, как только появится возможность. Потом, вчера, он сказал, что ты занят делами и он сделает это позже. А сегодня, когда мы увидели, что Димнос с дружками еще разгуливают на свободе, брат сказал, что я должен как-то пробиться к тебе сам.

— Сдается мне, твой брат не дурак. И кому же

ты рассказывал все это?

— Филоту, царь. Он…

— Что?!

Тот повторил имя, от страха заикаясь. Но в лице Александра я не видел недоверия — он о чем-то вспоминал.

Помолчав немного, он сказал:

— Очень хорошо, Кебалин. Тебя и твоего брата будут охранять как свидетелей. Вам обоим нечего бояться, ежели вы говорите правду. Приготовьтесь четко и ясно повторить свой рассказ.

Стражи увели Кебалина, остальных же Александр послал за верными людьми. Пока мы оставались наедине, я привел в порядок и убрал ванные принадлежности, глупо досадуя, что сюда набежит целая толпа, прежде чем я позову рабов вынести тяжелую ванну. Я не собирался оставлять Александра одного, пока кто-нибудь не явится.

Быстро шагая из угла в угол, он столкнулся со мной лицом к лицу, и слова хлынули из его уст:

— В тот день он провел со мною более часа. Говорил о лошадях. Слишком много дел!.. Мы были друзьями, Багоас, мы дружили еще детьми. — Быстро отвернувшись, Александр

дошел до стены и возвратился. — Он изменился после того, как я посетил оракула в Сиве. Филот смеялся над пророчеством мне прямо в лицо, но он всегда высмеивал богов, и я простил его. Меня предупреждали о нем еще в Египте; но он был мне другом; что я — Ох, что ли? И все-таки он уже не стал прежним… Да, он изменился, пока я был у оракула.

Я еще не успел ответить, как стали собираться те, за кем посылали, и мне пришлось уйти. Первым вошел полководец по имени Кратер, живший поблизости от башни. Выходя, я слышал голос Александра:

— Кратер, я хочу, чтобы ты выставил охрану на всех дорогах, на каждой тропе, по какой только может проехать конный. Никто, по какой бы то ни было причине, не должен покинуть лагерь. Иди и сделай, нельзя медлить; когда вернешься, я расскажу, зачем все это.

Другие друзья, за которыми Александр посылал, — Гефестион, Птолемей, Пердикка и остальные — закрылись в его комнате, и я ничего более не услышал. Затем по лестнице застучали сандалии. Юный Метрон, бежавший впереди (он уже поборол страх и сиял теперь сознанием собственной важности), поскребся в дверь:

— Александр, несут Димноса. Господин, он сопротивлялся аресту.

Четверо воинов внесли на армейских носилках молодого светлобородого македонца, чей бок и губы сочились кровью. Он дышал с трудом, булькая и содрогаясь.

— Кто из вас содеял это? — грозно спросил Александр, и все четверо вмиг побледнели, подобно своей ноше.

Командовавший арестом с трудом нашел силы ответить:

— Он сам сделал это, господин. Я даже не успел арестовать его, он вонзил в себя меч, едва увидел нас.

Александр стоял над носилками. Димнос узнал царя, хоть его глаза уже подернулись пеленой. Александр положил руку на плечо преступника, и я подумал было, он хочет встряхнуть его, вырвать имена сообщников, пока еще есть время. Но он спросил лишь:

— В чем я провинился пред тобою, Димнос? Что я сделал тебе?

Губы молодого воина дрогнули. На его лице я увидел последнюю тень гнева. Слегка повернув голову, Димнос уставился на мое персидское одеяние и тихим голосом, едва слышным за клекотом

крови, произнес: «Варвар...» Но кровь хлынула изо рта, и глаза Димноса потухли навек.

Александр вздохнул:

— Закройте тело. Положите где-нибудь подальше от глаз и выставьте охрану.

Воин низшего ранга нехотя расправил на трупе свой плащ.

Вскоре после этого вернулся Кратер с вестью, что его люди занимают посты на дорогах; потом явился кто-то еще, объявивший, что царский ужин готов и подан.

Когда все они проходили мимо моей комнаты, в которой я едва успел скрыться, Александр говорил:

— Дороги и тропы еще не перекрыты. Запомните: он ничего не должен знать до тех пор, пока охрана не встанет на каждой тропке, ведущей отсюда. Придется преломить с ним хлеб, нравится нам это или нет.

Гефестион отвечал:

— Он уже преломлял его с тобою без всякого стыда.

То был македонский ужин, в моих услугах Александр не нуждался. Жаль, мне хотелось бы взглянуть на лица... Подобных мне часто обвиняют в чрезмерном любопытстве; потеряв

часть своей жизни, мы пытаемся восполнить брешь за счет чужих. В этом я подобен остальным и не скрываю того.

Царской трапезной служил огромный каменный амбар со столь неровно уложенными плитами пола, что неосторожный гость мог споткнуться. Незавидная обстановка для того, кому назначено вкушать пищу в последний раз в жизни; впрочем, предателю я и не желал лучшего.

Избавившись от ванны, я убрал царские покои, приготовив их для предстоящего совета. Потом поел, подошел к жаровне, чтобы согреть ладони, и принялся размышлять о перекрытых дорогах. Довольно быстро я все понял. Филот приходился сыном Пармениону, величайшему после царя человеку во всей Азии. Именно Парменион оберегал наши тылы. Он был также хранителем сокровищницы Экбатаны и имел собственную армию, которую мог бы содержать вечно, черпая из этих запасов. Многие из его воинов были попросту наемниками, служившими под его началом из корысти. Филот был его последним сыном; двое других погибли за время долгого похода. Да, я все понял.

Ужин закончился необычайно рано. Александр вернулся к себе в окружении друзей и послал

за Никомахом, чтобы выслушать его историю от начала до конца. Тот был юн, женоподобен и трепетал от страха; царь обращался к нему приветливо и мягко. После того, где-то около полуночи, все названные заговорщики были взяты под стражу. Филот — последним.

Его ввели к царю. Полководец щурился при свете факелов, его ноги заплетались: он обильно пил во время трапезы и успел уснуть. Теперь, когда все заговорщики были арестованы, никто не стал запирать дверей ради сохранения тайны. Я слышал все, до последнего слова. До сей поры царь был подобен металлу твердостью взгляда и голоса; теперь же, мне показалось, я слышал голос мальчика, рассерженного на старшего товарища, которому он верил и пытался подражать. Почему Филот сокрыл предупреждение Кебалина? Как он мог?.. И, охваченный безумием (греки говорят, что, избрав жертву, боги сводят ее с ума), Филот ответствовал именно этому мальчику, а не царю.

Громко расхохотавшись, пусть и не совсем раскованно, он сказал ему:

— Ну, я ничего такого не подумал, да и с чего бы? Мой дорогой Александр, паршивый мальчишка попросту поссорился со своим лю-

бовником — ты и сам не стал бы выслушивать весь этот вздор!

Филот слыл удачливым женолюбцем, чем не уставал похваляться. Презрение, прозвучавшее в его голосе, было порождено смятением и, я бы сказал, выпитым за ужином вином, но оно придало царю решимости. В мгновение став старше лет на пятнадцать, Александр возразил ему:

— Димнос убил себя, предпочтя смерть осуждению. А тебя завтра ждет суд. Стража! Отведите Филота в его шатер и не сводите с него глаз.

Суд состоялся наутро, на пустыре за лагерем. Было холодно, и бесформенные серые тучи плевались моросящим дождем, — но пришло все войско. Пользуясь своим правом, македонцы собрались в первых рядах. Странно сказать, царь не мог предать смерти македонца без общего голосования! Будь они в своем краю, любой землепашец мог бы подойти и подать голос: за или против.

Для меня там не нашлось места, и я наблюдал суд из окна башни: множество маленьких фигурок, застывших на открытой всем ветрам площадке. Сначала выслушали сообщников Димноса — они уже во всем сознались и теперь старались взвалить свою вину на чужие плечи

(в Бактрии волки воют еженощно, а потому я не могу уверенно сказать, чьи голоса слышал). После каждого разбирательства македонцы выкрикивали свое решение и человека уводили прочь.

Последним вышли Филот, коего я признал по росту, и Александр. Не узнать царя я не мог… Они довольно долго простояли там, и лишь по жестам можно было судить, кто из них сейчас говорит. Потом выступили свидетели, человек десять. Затем слово вновь взял царь; македонцы крикнули погромче — и все было кончено.

О происходившем на пустыре я узнал позже. Люди долго еще обсуждали случившееся; много говорили о братьях, но больше — о гордыне Филота, дерзнувшего упрекать Александра. Назвав его «мальчишкой», Филот приписал все его победы себе и Пармениону; об Александре он сказал, что тот был глуп и тщеславен с детства, ему больше к лицу быть царем лебезящих перед ним варваров, нежели сдержанных македонцев. Теперь же, радостно проглотив наживку, подброшенную египетскими жрецами, Александр не удовольствуется уже ничем, кроме своей мнимой божественности; пусть же боги помогут народу, коим правит человек, полагающий себя

чем-то большим, нежели простой смертный.

Казни должны были состояться днем позже: побивание камнями для простых воинов; для Филота — смерть от ударов копьями. В Персии всех их замуровали бы в каменной печи и медленно раскалили бы ее, причем царь не стал бы спрашивать совета у подданных.

Но сам Филот, сокрывший заговор, хотел ли он чужими руками жар загребать или же сам состоял в числе зачинщиков? Это до сих пор было неясно.

Царь держал закрытый совет, и я тем временем вновь поднялся на башню. Воины уже вкапывали столбы на месте, отведенном для казней. На дорогах и тропах я видел стоявших на постах стражей… Кто-то правил по западной дороге: трое, одетые в арабское платье, на одногорбых верблюдах. Они привлекли мое внимание изяществом хода, несравнимого с неуклюжим шагом огромных косматых верблюдов Бактрии. Быстротой и выносливостью дромадеры превосходят всех иных тварей, способных нести человека. Своим плавным, скользящим шагом они приблизились к заставе, — и я вгляделся в ту сторону, ожидая, что их сейчас повернут обратно. Однако после небольшой заминки у поста верблюды

продолжили свой путь.

Я спустился — на тот случай, если вдруг зачем-нибудь понадоблюсь царю. Совет вскоре завершился, и все разошлись. Гефестион вышел последним, но Александр поманил его обратно. Войдя, тот задвинул засов.

При иных обстоятельствах я нашел бы себе какой-нибудь темный закоулок, где предался бы своему горю, но сейчас их лица убедили меня действовать иначе. Я оставил туфли у себя в комнате и босиком подбежал к двери; засовом в крепости служила толстая доска, и Гефестион не без труда задвинул ее в пазы. Пока ему удастся открыть дверь, я буду уже далеко. Невозможно узнать слишком много о том, кого любишь.

Гефестион говорил:

— Я уверен, что это он доносил о наших проделках твоему отцу. Помнишь, я предупреждал?

— Помню. — Я вновь слышал голос не Александра-царя, а обиженного мальчика. — Но он тебе никогда не нравился… Что ж, ты был прав.

— Да, прав! Он всегда завидовал тебе и всюду ходил с нами из одного лишь тщеславия. Слышал бы ты его в Египте… На сей раз мы должны узнать все.

— Да, — отвечал царь. — Теперь мы должны

узнать все.

— И не принимай близко к сердцу. Филот не стоит того, да и никогда не стоил.

— Не стану.

— Он изнежен и давно потерял форму, Александр. Много времени это не займет.

Голос Гефестиона прозвучал у самой двери, и я приготовился бежать, но царь сказал: «Подожди», и я вновь приник к щели.

— Если он станет отрицать, что его отец знал обо всем, не слишком усердствуй.

— Почему? — спросил Гефестион. Его голос звучал чуть раздраженно.

— Потому что в том нет смысла.

— Ты хочешь сказать, — медленно произнес Гефестион, — что намерен…

— Уже сделано, — ответил Александр. — Иного выхода не было.

Тишина. Теперь говорят их глаза, решил я. Наконец Гефестион сказал:

— Что ж, таков закон. Ближайшие родственники предателя. Обычай нельзя преступать.

— Это был единственный выход.

— Да. Но ты почувствуешь себя лучше, если будешь знать наверняка: он виновен.

— В чем я могу быть уверен? Нет, я не стану

искать искупления вины во лжи, Гефестион. Сделано то, что необходимо было сделать. Этого достаточно.

— Очень хорошо. Давай быстрее с этим покончим.

Гефестион снова двинулся к двери.

Я был в своей комнатушке задолго до того, как он совладал с засовом.

Прошло немало времени, прежде чем я решился прийти к царю и спросить, не нужно ли что-нибудь сделать. Он все еще стоял у окна, так и не сойдя, должно быть, с места.

— Нет, — ответил он. — Мне нужно пойти… присмотреть кое за чем. — И в одиночестве сошел по извилистым ступеням, освещенным зыбким светом факелов.

Я ждал, напрягая слух. В Сузах, еще будучи рабом, я ходил, как и другие мальчишки, поглазеть на казни. Видел, как людей сажали на кол, как сдирали с них кожу… Три раза я был там, против своей воли привлеченный этими ужасами. Всякий раз там собирались большие толпы, но с меня было довольно. У меня не было никакого желания пойти посмотреть на работу Гефестиона. Да в ней и не будет ничего особенного — по сравнению с тем, что я уже видел.

Позже я услыхал крик и не почувствовал жалости. То, что сделал Филот моему господину, ничто не могло искупить — первое предательство, совершенное другом. Я тоже мог вспомнить, как в одно мгновение расстался со своим детством.

Крик прозвучал вновь, скорее звериный, нежели человеческий. Пусть страдает, думал я. Моему господину непросто будет пережить потерю своей веры в друзей. Он взвалил на плечи бремя, от которого уже никогда не сможет избавиться.

Я понял значение его тайной беседы с Гефестионом. В стране, лежащей за нами, Парменион правил, подобно царю. Окруженный собственным воинством, он не боялся ни ареста, ни суда. Виновный или же невинный, он бросился бы вершить кровную месть, едва получив известие о казни сына. В Бактрии зимы свирепы; я вообразил нашу армию и всех, кто следовал за нею, — как мы замерзаем без пищи, без подкреплений; сдавшиеся сатрапы сливают свои полки в одно воинство с армией Пармениона и жмут с тыла. Бесс и его бактрийцы окружают нас, чтобы перебить всех в одночасье…

Я понял и цель всадников, скакавших на верблюдах — быстрейших из тварей, способных

нести человека! — по западной дороге: нанести упреждающий удар, прежде чем до отца дойдет весть о гибели сына.

Подобное бремя отягчает лишь царские плечи. Александр нес его всю свою жизнь и, как и предвидел, все еще несет его — уже после смерти. Я лишь один из тех многих тысяч, что остались живы потому лишь, что он принял на себя эту ношу. Мне могут возразить, что я слепо защищаю собственную правду, но до конца своих дней мне не увидеть иного решения, чем то, что принял он.

Крики длились недолго. Преступник, подобный Филоту, не мог бы открыть под пыткой больше, чем уже было известно.

В тот вечер царь поздно отправился спать. Он был трезв и сосредоточен, словно назавтра была назначена битва. Александр избегал говорить со мною, но благодарил за всякие мелочи снова и снова, чтобы я не подумал, будто он чем-то разгневан.

Я лежал в своей крошечной комнатенке, и сон все не шел ко мне. Я знал: Александр тоже не может уснуть. Ночь тянулась медленно; внизу бряцали оружием и шептались телохранители; страшно завывали бактрийские волки. Никогда

не будь назойлив, никогда, никогда. Я тихонько оделся, постучал нашим условным стуком и даже не стал ждать позволения войти.

Александр лежал, опустив голову на согнутую руку; Перитас, всегда спавший в изножье хозяйской постели, стоял рядом и обеспокоенно скреб лапой простыню. Царь почесывал псу уши.

Я подошел, встал на колени по другую сторону кровати и сказал:

— Мой господин, могу ли я пожелать тебе доброй ночи? Просто доброй ночи?

— Иди на место, Перитас, — сказал он. Пес послушно поплелся к своей подстилке, Александр же ощупал мое лицо и ладони. — Ты же мерзнешь. Давай залезай.

Сбросив одежду, я забрался под покрывало рядом с ним. Александр согрел мои пальцы у себя на груди, не нарушая молчания. Я потянулся вверх и отбросил прядь волос, упавшую на его лоб.

— Моего отца предал лживый друг, — сказал я. — Даже умирая, отец выкрикивал его имя… Ужасно, если предает друг.

— Когда мы вернемся, — ответил Александр, — ты назовешь мне это имя.

Пес, покрутившись на месте, подошел взгля-

нуть на нас и затем вновь улегся на подстилку, словно бы удовлетворившись моей заботой о его хозяине.

Я сказал:

— Смеяться над богами — смерть. В Сузах у меня был раб из Египта, не простой человек: он прислуживал когда-то в храме. Он говорил: ни один оракул не сравнится чистотою пророчеств с тем, кто вещает в Сиве.

Александр глубоко вздохнул, глядя вверх, на балки потолка, где трепетали легкие тени паутин, подсвеченных дрожащим огоньком светильника. Немного подождав, я обнял его рукою, и Александр положил сверху ладонь, чтобы я не убирал ее. Он долго молчал, держа мою руку на своей груди. Потом сказал:

— Сегодня я сделал одну вещь, о которой ты не знаешь. Меня будут упрекать за это черное дело люди, которые еще даже не родились, но я не мог поступить иначе.

— Что бы ни было сделано, — отвечал ему я, — ты царь, господин мой.

— Так нужно. Иного выхода не было.

Я сказал:

— Свои жизни мы вручаем царю, и он несет их на своих плечах. Если б не направляла его божья

десница, спина несущего давно переломилась бы под этим грузом.

Александр вновь вздохнул и притянул мою голову к себе на плечо.

— Ты мой царь, — тихо сказал я. — Все, что бы ты ни содеял, хорошо для меня. Если я когда-нибудь солгу тебе, если утрачу свою веру в тебя, пусть тогда закроются предо мною врата Страны Вечного Блаженства, а Река Испытаний выжжет мою душу без остатка. Ты — царь, сын бога.

Мы лежали молча и не шевелились, наконец Александр уснул. Успокоившись, я тоже прикрыл воспаленные глаза. Видно, вела меня какая-то высшая сила: я пришел, когда во мне действительно нуждались.

Глава 15

Вместе с Филотом от ударов копий погиб и Александр Линкестид — следующий наследник царского рода, имевший право на македонский трон, будучи отпрыском какой-то боковой ветви семейства. Его братья участвовали в заговоре убийц царя Филиппа; вина старшего не была доказана, и Александр взял его с собой, дав чин в своем войске. Теперь выяснилось, что Димнос и остальные намеревались сделать его новым царем; Александр Линкестид, по их разумению, чтил македонские обычаи и удерживал бы варваров на том месте, что предназначили им греческие боги.

Он был предупрежден о суде и подготовил речь в свою защиту; но, оказавшись перед ассамблеей, смог лишь промямлить, запинаясь, какую-то бессмыслицу. Мне сказали, он походил на квакающую жабу; его приговорили из презрения, сказав, что подобный царь был бы сущим позором. Один или двое из обвиняемых говорили красноречиво и внятно и были отпущены. Мы уже продолжали свой марш, когда нас настигла весть о смерти Пармениона.

Воины приняли ее спокойно. Они сами приговорили Филота; внутренне они были готовы поверить, что и отец заодно с предателем. Тяжкие думы смущали только бывалых военачальников старой закалки, начинавших службу при царе Филиппе: те еще помнили, что именно Парменион даровал им победу в день, когда родился Александр… Им мнилось, царь Филипп был достойным македонцем. Освободив греческие города в Азии, он с легким сердцем вернулся бы домой, чтобы править Грецией, о чем мечтал всю свою жизнь.

Наш движущийся город плелся по скудным растительностью землям, побуревшим от ожогов беспощадного летнего солнца, но уже охлажденным осенними ветрами, горестно завывавшими в расщелинах. То была суровая страна; слабые и больные из числа следовавших за нами не выдерживали и погибали — кто-нибудь из их родных либо земляков выцарапывал им могилы в твердом грунте. Никто не голодал; с запада нас догоняли повозки с пищей и стада, истощенные путешествием. Часто мы продолжали свой путь без Александра — он с воинами рыскал по равнинам в поисках Бесса, который, по слухам, бежал куда-то на восток.

Они возвращались спустя дни или же недели: тощие люди на тощих конях, далеко опередившие свой обоз. То и дело какой-нибудь упрямый форт решал, что один из всех выдержит осаду, и Александру приходилось задерживаться. Катапульты разбирались по частям и грузились на мулов; с ними доски для лестниц — на случай, если местность вокруг окажется пустынной; а если позволяли дороги, то и осадная башня, подпрыгивающая за упряжкою из десятка волов… По скверным дорогам не могли пройти повозки с ранеными, а потому Александр заранее беспокоился о носилках. Он разъезжал вдоль колонны и за всем присматривал сам. Почти невозможно было поверить, скольких воинов он знал по имени — среди многих тысяч! Они часто смеялись: воин — над шуткою царя или же наоборот.

Воины, давно сражавшиеся под началом Александра, отменно знали свое дело. Большинство из них даже не видели царя в персидском платье; они помнили его изношенную греческую одежду и старый кожаный панцирь с дырами по краям нашитых на него металлических пластин. Им не нужен был македонец достойнее их молодого непобедимого полководца, вместе с ними потевшего, мерзшего или голодавшего: Алек-

сандр не присядет отдохнуть, пока не убедится, что все сыты, а раненым обеспечен должный уход. Александр не спит в тепле и сухости, если остальным холодно и сыро; только Александр может рискнуть всем — и добиться победы. Что с того, если он назначает персидских сатрапов там, где какой-нибудь македонец обобрал бы всю провинцию? Воины беспокоились лишь о собственной доле добычи, и царь делил ее справедливо. Что с того, если Александр спит с мальчиком Дария, когда у него есть время? Он тоже имеет право на свою долю. Но воины уже начинали с тоскою вспоминать о доме…

Они уже получили свою награду — сокровища покоренных ими великих городов. Они искупались в золоте. Однажды, как мне рассказывали, один из множества мулов, перевозивших царскую казну, охромел. Ведший его воин, ратуя о царском добре, взвалил на себя ношу и, спотыкаясь под тяжелыми тюками, побрел дальше. Александр же, подъехав к нему, сказал: «Пронеси еще немного: только до своего шатра. Это твое». Так жили они. Македонские воины получили от персов, что хотели, и более не желали слышать о нас.

С Александром было иначе. Его аппетит не знал

насыщения. Он любил побеждать, а Бесс все еще не был разбит. Александру нравилось величие; наши дворцы, наши манеры показали ему, что это такое. Мальчиком его учили презирать нас; он же нашел в наших вождях красоту и доблесть, взращиваемые поколениями; кроме того, он нашел меня. Александру нравилось царствовать; перед ним расстилалась целая империя, ослабленная скверным управлением, — империя, едва почуявшая натяжение узды его сильной рукой. И наконец, у Александра было его стремление. То горячее мгновение острой радости, что я испытал у Каспийских ворот, входя в новую, еще неведомую мне страну, Александр переживал постоянно: он жаждал узреть своими глазами все чудеса мира, воспетые в невероятных рассказах путешественников. Даже минута промедления может обернуться пыткой для тех, чья тяга к чему-то чересчур велика.

И все-таки ему пока удавалось сохранить преданность войска. Как некогда великий Кир, Александр очаровывал служивших ему. Он сказал воинам, что отступление сейчас, когда Бесс еще не схвачен, вызовет презрение покоренных народов и немедленное восстание, македонцы потеряют все, что было ими завоевано, а вместе

с тем и славу победителей. Воинам это не было безразлично. Они ценили покорность, каковую сумели внушить варварам.

Поговорив с ними, Александр возвращался ко мне. Он был рад нашим играм, ибо уже давно не утолял жажду плоти; но были и вещи, в которых он нуждался куда больше. Александру нравилось возвращаться в это другое царство, где он находил любовь; ему нравилось знать о красоте Солнца и об иной красоте — Луны. Ему нравилось, как я вскоре обнаружил, засыпать под бесконечные истории, рассказываемые на персидских базарах: о принцах, странствующих в поисках яйца птицы Феникс, скачущих к неведомым крепкостенным башням, опоясанным языками пламени, или же о юношах, в чужом обличье тайно посещающих прекрасных чародеек. Александр любил слушать мои рассказы о дворе в Сузах. Когда я вспоминал о ритуалах, связанных с омовением или подготовкой ко сну, он не мог удержаться от смеха, но об этикете приемов слушал не перебивая.

Он доверял мне. Без доверия он не смог бы жить. Он верил и Гефестиону, отнюдь не только мне на беду, как я знаю ныне.

Власть Филота оказалась чересчур велика

для одного человека. Теперь царь поделил ее меж двумя полководцами: Черным Клитом, ветераном, которого знал еще с детства, и Гефестионом.

Если бы дело было в доверии, Гефестион получил бы всю власть без остатка. Но и в армии есть своя политика; войско уже разделялось на партии. Гефестиона знали как правую руку царя во всем новом, что задумывал Александр. Он выучил наши вежливые фразы, был статен и хорош собой, походя на иранских вельмож, которые восхищались им и уважали его; он «прочувствовал Персию», как сказали бы люди старой школы. Приземистый чернобородый Клит, получивший тот же ранг, вселял в простых воинов уверенность: что бы ни случилось, их не оставят на произвол судьбы.

Для меня же все это значило лишь, что отныне Гефестион будет выезжать на битву во главе собственного войска.

Он хорошо показал себя в сражениях. Будучи сыном некоего македонского властителя, он заслужил эту честь, даже если она порой и разлучала его с Александром. Я желал ему всех почестей, какие только можно снискать вдалеке от царского шатра, — я, взыскующий лишь одного…

Ко времени сбора урожая мы подошли к До-

лине благодетелей. Александр был несказанно рад тому, что нашел это место. Я поведал ему всю историю, отсутствовавшую (как и многое другое) в его книге о Кире: то, как этот народ принес царской армии пищу, когда та страдала от лютого голода в бесплодной степи. Найдя этих людей столь добродетельными, Кир освободил их от дани и позволил самим управлять своей землей. Именно он нарек их благодетелями. Их племя выжило; медлительные, застенчивые, с широкими скулами, они были приветливы даже с простыми воинами, ибо со времен Кира никто не тревожил их тихой, спокойной жизни. Долина, укрытая от пронзительных северных ветров, была широка и плодородна. Здесь Александр дал своим людям отдохнуть и купил у благодетелей плоды их трудов по цене, о которой им и мечтать не доводилось. К тому же он пообещал повесить всякого, кто причинит этим людям хоть какой-то вред.

Сам же он, не имея привычки бездельничать где бы то ни было, выезжал поохотиться, порой позволяя мне сопровождать его. Александр сказал мне, что, по мнению Ксенофонта, охота во всем подобна войне. Для самого Александра так оно и было. Опасная каменистая почва, дол-

гая скачка, бешеное преследование зверя — льва или вепря, на выбор, — всем этим и привлекала его охота. Я же вспоминал Дария, стрелявшего в царском саду по изображениям дичи, влекомым слугами. После Александровых охот я падал от усталости едва ли не замертво, но скорее действительно умер бы, чем признался в том, — хотя уже довольно скоро окреп и по возвращении лишь с удвоенным аппетитом набрасывался на ужин.

Пока мы стояли в долине, некий персидский властитель устроил роскошный пир по случаю своего дня рождения и просил царя оказать ему честь присутствием. Александр вернулся с пира почти совсем трезвый. Персы охотно выпивают на своих празднествах, но, даже перебрав, держатся достойнее македонцев. Потому Александр всегда был осторожен на персидских пирушках и заодно приглядывал за своими друзьями.

Когда я укладывал его в постель, он сказал вдруг:

— Багоас, за все это время я так и не спросил у тебя. Когда же *твой* день рождения?

Он не мог понять, отчего я плачу. Я рухнул на колени у кровати и закрыл ладонями лицо; Александр же гладил меня по голове, словно

Перитаса. Когда же я наконец выдавил ответ, он нагнулся надо мною, и я расслышал над ухом всхлипывание. Бессмыслица! Это мне следовало устыдиться.

Александр сказал, что не станет тратить понапрасну ни дня, раз я пропустил столько праздников. На следующее утро он подарил мне прекрасного коня арабской породы и к нему — конюха-фракийца. А два дня спустя, когда ювелир закончил работу, — кольцо с его портретом, вырезанным в халцедоне. Меня похоронят с этой драгоценностью. Я оговорил это в своем завещании, куда приписал и проклятие, дабы бальзамировщики не покусились на мое сокровище.

Благодетели были не просто отзывчивым народом; меж собою они выработали весьма справедливые законы. Александр сильно привязался к ним и перед тем, как покинуть долину, предложил удвоить их земли. Они же попросили небольшую полоску с краю — тот единственный кусочек долины, который еще не принадлежал им: это помогло бы отгородиться от внешнего мира, чего благодетели желали превыше всего остального. Александр исполнил просьбу и принес в их честь жертву Аполлону.

Бесс остановился на севере, но мы не видели

признаков того, что он собирает там мощную армию. Александр же (пока его полководцы и сатрапы подчиняли округу) двинулся на восток, к внешним окраинам великого Кавказа; он не спешил, стараясь оставить след на этой земле, здесь и там основывая поселения.

Помню, именно тогда я впервые видел, как он закладывает город, одну из своих Александрий. Место было удобное: скалистый холм, который при случае несложно было защитить, стоящий прямо на удобном торговом пути, ежели верить финикийским купцам. Здесь круглый год бил чистый ключ — его облекут в холодный камень фонтана, — а вплотную к городским постройкам прилегали отменные земли. Город встал бы здесь на защиту торговцев, страдавших от разбойничьих набегов. Каждый день Александр вместе со своим архитектором Аристобулом карабкался по нависавшим над городом скалам, намечая места для размещения будущей крепости, рынка, ворот и их защитников, лично следя за правильной прокладкой улиц с каналами для отбросов. Он не считал себя выше подобных мелочей. У Александра было достаточно рабов, чтобы добывать и обрабатывать камень, равно как и свободных мастеровых для строительства.

Мне оставалось лишь поражаться быстроте, с коей поднялись городские стены.

Затем Александру пришлось заселить город. Он дал разрешение остаться здесь бывалым воинам разных племен; они рады были получить надел земли, хоть кое-кто и загрустил о родных краях впоследствии. Некоторые ремесленники также остались. Хоть они и не были особенно искусны, иначе последовали бы за властителями да полководцами, но здесь у них не имелось соперников, и они принесли с собой в эти пустоши какую-то частицу Суз или Греции. Всем этим людям Александр оставлял завет блюсти законы, не слишком чуждые их привычкам и не противоречащие воле богов, которым они привыкли поклоняться. Он остро чувствовал, что найдет отклик в душах этих людей, в чем они узрят справедливость.

Царь вкладывал в создание этого города всю душу — трудился день напролет, вплоть до самого ужина. Он не напивался допьяна (здесь была отличная вода, и никто не страдал от жажды), но после трудов любил посидеть с друзьями, когда перед ним непременно стояла наполненная чаша. Закладка нового города всегда будоражила его ум. Александр знал, что город понесет его

имя навстречу будущим поколениям; это всякий раз заставляло его думать о собственных деяниях. Он любил вспоминать о них, и некоторые говорят, будто слишком любил… Что ж, это его свершения. Кто станет отрицать?

Потом он иногда подолгу говорил со мною, пока его дух был взбудоражен вином. Однажды я задал вопрос: знал ли он, еще не успев пересечь море и попасть в Азию, что станет великим царем? Александр ответил:

— Поначалу нет. То была война моего отца; я просто хотел выиграть ее поскорее — не затягивать, как это вышло у него. Я был назначен командовать греками, дабы освободить греческие поселения и города в Азии. Добившись цели, я распустил войско; только тогда началась *моя* война… — Он умолк, но, найдя во мне понимание, продолжил: — Да, то было после Исса. Когда Дарий бежал, оставив мне колесницу, и драгоценную накидку, и все оружие, тела умерших за него друзей, жену — даже мать! — вот тогда я сказал себе: «Если это и есть великий царь, то я справлюсь с его царством получше, чем он».

Я ответствовал:

— Сам Кир добился меньшего.

Знаю, завистливые греки писали, будто я

льстил ему. Лжецы! Для Александра ничто не было «слишком хорошо» или «наполовину хорошо». Я чувствовал нетерпеливое устремление его величия, сдерживаемое и обуздываемое вялостью подчинявшихся ему. Говорят, я получал от него подарки. Конечно. Лучшим подарком было видеть радость дарившего. Я принимал подарки из любви, а не из закисшей завистью алчности, как те, что ныне зовут себя его лучшими друзьями. Да будь Александр хоть преступником, за чью голову царь назначил бы награду, я и то босым шел бы за ним через всю Азию, голодал бы с ним и продавал свое тело на базарах, чтобы купить ему хлеба. В истинности своих слов я готов поклясться перед богом. Неужели я не имел права дать ему немного радости? С моих губ не слетело ни единого лживого слова — все были продиктованы сердцем.

Основав город, Александр совершил жертвоприношения и посвятил их Гераклу и Аполлону, коего полагал схожим с Митрой. Во имя этого бога я танцевал, и надеюсь, что не прогневал обоих: танец предназначался лишь Александру.

Ныне я уже не был чужаком при дворе. У меня было два коня, вьючные мулы, собственный шатер и кое-какие другие ценности. Что касаемо

власти, то я жаждал иметь ее над одним лишь сердцем в мире. Иногда я вспоминал Сузы и всех тех, кто старался купить мое заступничество в своих делах с царем. Теперь это пробовали только новички, которых не успевали предупредить. Персы говорили: «Евнух Багоас — пес Александра. Оставь его, он не возьмет мяса из чужих рук». Вторили им и македонцы: «Остерегайся персидского мальчишки. Он обо всем рассказывает Александру».

Порой, когда я служил царю в опочивальне, он повторял, что мне не следует выполнять работу слуг; но то была лишь вежливость. Он прекрасно знал, что ради этого я живу. Кроме того, он привык к моей помощи.

Мы шли маршем к вершинам гор на востоке: по узким проходам высоко в горах, по жалким тропам, ведомым лишь пастухам, гнавшим стада на новые луга, не гуще и не сочнее прежних. Скалистые склоны усыпали крошечные яркие цветочки, словно вышедшие из-под резца ювелира. Неохватная бездна неба распахивалась от горизонта до горизонта. Я жил одним часом, я был юн, и мир расстилался предо мною; то же было и с Александром, всегда скакавшим вперед, чтобы увидеть еще один изгиб дороги.

Как-то вечером он попросил меня поучить его персидскому (я уже преподал ему кое-что, но его выговором пока не стоило хвастать на людях). Звуки нашего языка сложны для жителей Запада; я даже не делал вид, что Александру он дается легко. Но если и мучило Александра разочарование, то уже через секунду он справлялся с ним, зная, что я просто не мог позволить ему прилюдно опозориться — ведь его гордость не вынесла бы подобной насмешки.

— Посмотри, какие ошибки я до сих пор делаю в греческом, Искандар. — Я запнулся разок-другой, чтобы развеселить его.

— Как подвигаются твои занятия? Ты уже попробовал читать?

— У моего учителя всего две книги, и обе чересчур сложны для меня. Он попросил Каллисфена одолжить нам одну, но тот сказал, что великие сокровища греческой мысли не должны пятнаться пальцами варвара.

— Что, он сказал это тебе прямо в лицо?

Я и не предполагал, что Александр так рассердится. Этот Каллисфен был настолько мудр, что его следовало звать не писцом, а философом. К тому же он вел хронику деяний Александра. Мне казалось, мой господин заслуживал иметь

для этой цели человека, который получше понимал бы его, но никогда не стоит спешить с выводами, если рядом великие.

Сейчас же в словах Александра звучала усталость:

— Мне надоел этот сумасброд. Он слишком горд собою… Я и взял-то его, только чтобы доставить приятное его дяде, Аристотелю. Каллисфен повторяет за стариком идеи, ошибочность которых мне довелось прочувствовать на собственной шкуре, но в нем нет и доли мудрости Аристотеля, за которую я и почитаю старика. Именно он рассказал мне, к чему следует стремиться душе; он преподал мне искусство врачевателя, с помощью коего я уже спас несколько жизней; научил взирать на мир природы, и это обогатило мою жизнь… Я до сих пор посылаю старику образцы камней, звериные шкуры, травы — все, что выдержит дорогу… Что это за синий цветок? — Он вынул его из-за моего уха. — В жизни такого не видел.

Цветок был почти мертв, но Александр расправил лепестки, действуя крайне осторожно.

— У Каллисфена нет никакого понятия, — заявил он. — И что, часто он оскорбляет тебя?

— О нет, Сикандер…

— А-лек-сандр.

— Аль-Скандер, повелитель моего сердца. Нет, обычно он просто не замечает меня.

— Не обращай внимания, если Каллисфен воображает, будто слишком умен, чтобы говорить с тобой. Мне начинает казаться, что следующим стану я.

— О нет, господин. Послушать его, так это благодаря его хронике ты прославишься в веках. — Я слышал это собственными ушами и рассудил, что Александру следует знать.

Он помрачнел. Это было все равно что наблюдать за разразившейся грозой, прячась в безопасном убежище.

— Вот как? Те несколько отметин, что я оставил на лице земли, сберегут память обо мне и без его измышлений. — Александр принялся мерить шатер шагами; будь у него хвост, он хлестал бы им по бокам. — В первый раз он написал обо мне с такой неискренностью, что даже правда смердела ложью. Я был тогда мальчишкой и не разглядел причиненного зла. Я обогнул Последний мыс благодаря посланной богами удаче и доброй догадке; Каллисфен же заставил волны кланяться мне! А божественный ихор, что течет в моих жилах? Достаточно людей видали

цвет моей крови, сколько раз ему повторять… И ни единого слова не продиктовано сердцем!

Солнце потихоньку опускалось за горизонт, волнами темнели вересковые луга, костры дозорных излучали невысокие языки пламени… Александр постоял в дверях, стараясь прогнать гнев, пока вошедший раб не зажег светильники.

— Значит, ты никогда не читал «Илиаду»?

— Что это, Искандер?

— Погоди-ка… — Он отошел к кровати и вернулся с чем-то блестящим в руках. — Если Каллисфен считает себя выше того, чтобы дать тебе Гомера, то я — нет.

Он поставил ношу на стол; то был ковчежец чистого белого серебра — золотые львы по бокам и крышка, выложенная малахитом и ляписом, вырезанными по очертаниям листьев и птиц. Во всем мире не могло быть двух одинаковых. В молчании я взирал на ковчежец.

Александр глянул мне в лицо:

— Ты уже видел это?

— Да, господин.

Ковчежец стоял у кровати Дария, под золотыми виноградными ветвями.

— Я должен был подумать об этом. Он неприятен тебе? Я уберу его с глаз.

— Воистину нет, господин мой.

Александр снова опустил на столик свое сокровище.

— Скажи, что Дарий хранил в нем?

— Сладости, господин.

Порой, когда царь бывал доволен мною, он засовывал одну мне в рот.

— Смотри, зачем использую его я. — Александр поднял крышку; я уловил едва заметный аромат гвоздики и корицы. Он вернул мне прошлое, и на мгновение я прикрыл глаза. Александр вынул книгу, даже более потрепанную и чиненную, чем та, что прославляла деяния Кира. — Я получил ее в тринадцать лет. Это старый греческий язык, знаешь ли, но я постараюсь читать попроще. Но не слишком, а то испорчу тебе все удовольствие.

Царь прочел несколько строк и спросил, понял ли я их.

— Он говорит, что споет о гневе Ахилла, принесшем ужасные несчастья грекам. Очень много народу погибло, и тела их были пожраны псами. И коршунами тоже. Но он говорит, такова была воля Зевса. И все началось, когда Ахилл поспорил с каким-то властителем, который… который был очень силен.

— Замечательно. Вопиющий стыд, что у тебя еще нет своих книг! Я пригляжу за этим. — Бережно отложив книгу, Александр спросил: — Хочешь, я расскажу тебе всю историю?

Подойдя, я уселся у его колен, обхватив их рукою. Пока рассказ позволял мне сидеть здесь, меня ничуть не волновал его сюжет. Или, по крайней мере, так мне казалось тогда.

Александр просто пересказал мне историю Ахилла, выпустив из нее все, чего я мог бы не понять. Поэтому, описав ссору воина с великим царем (и то, как Ахилл отказался поклясться ему в верности), он быстро перешел к Патроклу, бывшему другом Ахилла еще с детства; Патрокл встал на его сторону и сопровождал в изгнании, а после погиб, заняв место друга в битве… Ахилл отомстил за него, хоть и было предсказано, что за гибелью друга последует и его собственная смерть. И после поединка, когда он заснул, усталый и измученный, дух Патрокла посетил его сон, чтобы потребовать должных похорон и напомнить об их любви.

Александр не вторил базарным певцам, а говорил так, будто был там и видел все собственными глазами. Наконец мне стало ясно, где именно угнездился мой соперник, — в душе Алек-

сандра, гораздо глубже тех недр, куда заходят любые воспоминания плоти. Там хватало места лишь для одного Патрокла. И чем же был я сам, как не цветком, который бездумно суют за ухо и увядшим выбрасывают на закате? Я плакал в тишине и едва ли осознавал, что глаза мои источают слезы — в точности как и сердце.

Александр, улыбаясь, вытер мои глаза ладонью.

— Не стыдись своих слез. Я тоже плакал, когда прочел впервые. Отлично это помню.

Я шепнул:

— Мне жаль, что они умерли.

— Им тоже. Они любили жизнь. Но умерли без страха. Отсутствие страха — вот что делает чью-то жизнь стоящей любви. Мне так кажется.

Поднявшись, он бережно взял ковчежец.

— Смотри, он был ближе к тебе, чем ты мог бы догадаться. — Убрав подушку, Александр поднял короб кровати. Там был и кинжал, отточенный словно бритва. Каждого второго царя Македонии убивали, а порой страною правили сразу двое.

Прошло немало времени, когда, приблизясь к царскому шатру, я услыхал, как Александр убеждал кого-то: «Говорю тебе, его глаза наполнились слезами, когда он услышал историю

Ахилла. А этот дурак Каллисфен говорит о персах так, словно они сродни скифским разбойникам. У мальчика больше поэзии в кончике пальца, чем во всей голове этого педанта!»

К концу лета мы достигли южных отрогов Паропамиса[91], уже укутанных снегом. Далеко на востоке они соединялись с великим Кавказом, стеною Индии, которая вздымается все выше и выше — дальше, чем может охватить глаз.

На уступах предгорий, укрытых от северного ветра, Александр основал уже третью Александрию за год. К появлению первого снега город был готов принять нас на зиму. Памятуя о некоторых царских постройках, весьма напоминавших логовища легендарных великанов-людоедов, было особенно приятно вдыхать свежий запах недавно оструганного дерева и краски. Дом городского управителя украшал портик с колоннами в греческом стиле; напротив него возвышался постамент для статуи Александра.

То была первая работа скульптора, которую царь заказал с той поры, как я присоединился к нему; он, конечно, столь же привычно разоблачался в мастерской, как и в своем шатре.

---

[91] Сноски: 91

Паропамис — горная область к югу от Гиндукуша.

Скульптор сделал наброски со всех сторон — семь или восемь этюдов, — пока Александр взирал куда-то вдаль, стараясь придать своему лицу особую значительность. Вслед за тем скульптор измерил его с ног до головы циркулями, а потом Александр мог отправляться на охоту и вовсе не думать о своей статуе, пока скульптор не приступит к окончательной обработке головы. Получилось превосходно: в скульптурном воплощении царя читались спокойствие и устремление к далеким целям, что столь отвечало его душе, — хотя, конечно же, на статуе не было шрама.

Как-то вечером Александр сказал мне:

— Я задумал нечто новое. Сегодня я разослал приказы по городам — хочу, чтобы мне собрали новую армию. Это войско я стану взращивать из семени: я приказал обучить греческому языку и владению македонским оружием тридцать тысяч персидских мальчиков. Нравится тебе моя идея?

— О да, Аль-Скандер. Сам Кир был бы доволен… И когда же они будут готовы?

— Придется подождать лет пять. Они должны начать обучение совсем юными, пока их разум еще не успел закоснеть. Но к тому времени, я на-

деюсь, и македонцы также будут готовы.

На то я беспечно ответил: «Разумеется». Я все еще был в том возрасте, когда пять лет кажутся половиной жизни.

У предгорий стало чуть теплее, а из-под таявшего снега потянулись к солнцу первые тоненькие цветы. Александр решил, что ему по силам одолеть горы в погоне за Бессом.

Не думаю, чтобы даже местные пастухи предупреждали его о чем-либо. Они просто поднимались повыше, когда летом линия снегов начинала свое медленное отступление. Александр догадывался, что одолеть высокие перевалы будет непросто, и отправился вперед вместе с воинами; впрочем, я сомневаюсь, чтобы они понимали, что делают. Даже для нас, кому не приходилось прокладывать дорогу и у кого запасы пищи были под рукою, восхождение стало кошмаром. Я люблю горы, но эти явно ненавидели людей и отнеслись к нам без приязни. Воздух жег горло, а ноги и пальцы рук пылали, когда я вновь вколачивал в них жизнь. Ночами люди жались друг к дружке в поисках тепла, и я тоже получал великое множество приглашений. Каждый обещал обращаться со мною как с братом, что означало: ты никому не расскажешь — ведь будет уже

поздно. Я спал, прижавшись к Перитасу, коего Александр оставил на мое попечение; то был большой пес, и я нашел в нем немало тепла.

В любом случае испытанные нами трудности не шли ни в какое сравнение с невзгодами, выпавшими на долю армии. Не находя топлива на голых скалах, воины были вынуждены оттаивать куски мяса теплом собственных тел или, если им везло, получать его еще теплым, когда погибала очередная лошадь. Хлеб весь вышел, и воины поддерживали в себе жизнь жухлой травой, какой питаются козы. Многие не проснулись бы, уснув в снегу, если б не Александр: пеший, он брел вдоль колонны, находил лежащих и, пробудив, вдыхал в них частицу собственной жизни.

Мы догнали войско у пограничного форта Драпсака, по ту сторону гор. Здесь еще можно было сыскать пищу; внизу Бесс опустошил земли, надеясь изморить нас голодом.

Я нашел Александра в доме из грубо отесанных камней, где он остановился передохнуть. Его лицо пожег холод, и мне сперва показалось, будто костяк его держался на одних лишь сухожилиях. Я не привык видеть царя голодающим вместе со своими людьми.

— Ничего страшного, — сказал он. — Скоро все утрясется. Но не могу поверить, что когда-нибудь мне удастся согреться.

Он улыбнулся мне, и я ответил:

— Согреешься, и нынче же.

У меня не было возможности долго согревать его. Едва воины насытились и немного отдохнули, Александр спустился в Бактрию.

Теперь возраст позволял мне сражаться. И прежде меня евнухи (а среди них — мой ужасный тезка) носили оружие. У меня не шел из головы Гефестион, бывший в горах рядом с Александром; быть может, благодаря теплу именно его тела мой господин остался жив. Поэтому вечером накануне похода я просил Александра взять меня с собой; я напомнил ему о своем отце, не бежавшем от схваток с врагами, и сказал, что, если я не смогу биться рядом с ним, стыд не позволит мне жить.

Тихо, с нежностью в голосе, Александр отвечал мне:

— Милый Багоас, я знаю, что ты мог бы сражаться рядом со мною. Ты погиб бы на моих глазах, и весьма быстро. Если б твой отец был жив и обучил тебя, тогда, несомненно, ты бился бы с врагом не хуже меня самого. Но учение

требует времени, да и боги желали иного. Ты нужен мне там, где ты есть сейчас. — Он был горд, но не за себя одного; он понимал и чужую гордость.

Как раз в это время Перитас, ужасно избалованный ночлегами в моих покрывалах, попытался украдкой вползти на кровать, хоть был тяжел, да к тому же и занял все место. Потому он был изгнан под наш общий смех, и этим все кончилось. Я снова остался в обозе, когда Александр двинулся вперед во главе войска, надеясь поймать Бесса.

Но час возмездия еще не настал; македонцы не нашли ничего, кроме снега, все еще глубокого здесь, на высокогорье. Бесс не смог разорить всю страну — зимою здешний народ хоронит все добро: виноградные лозы, фруктовые деревья и даже самих себя, ибо живут они в убежищах, похожих на вкопанные в землю ульи, которые заносятся снегом и становятся невидимы. Эти люди закрываются внутри со всеми своими припасами и выходят наружу лишь весной. Обезумевшим от голода воинам стоило только заметить дымок, пробивающийся из-под снега, — и тогда они легко могли докопаться до пищи. По их словам, в этих норах стоит страшное зловоние и каждый

кусок пропитан им почти что насквозь; обитателей лачуг это, впрочем, ничуть не заботило.

Весной мы, следовавшие за войском, догнали его окончательно. Двор и весь наш царский городок обрели привычную форму и вместе с армией двинулись дальше, вглубь страны. Потом до нас дошла весть о том, что Бесс переправился через Окс[92] где-то на востоке. Он бежал прочь, сопровождаемый горсткой воинов. Набарзан, как выяснилось, был первым (но далеко не последним) из тех, кто понял: ждать от Бесса царских деяний нелепо.

Александр медленно двигался по Бактрии. Никто не сопротивлялся, и поэтому, куда бы он ни шел, ему приходилось принимать сдающихся и оставлять управителей на своих новых землях. Бесс мог не спешить.

Вновь мы услышали о нем из уст одного его бывшего приспешника, уже далеко не молодого властителя, с ног до головы покрытого дорожной пылью, набившейся ему в бороду и в складки одеяния. Он явился к нам на измученном коне, чтобы сдаться на милость Александра.

Когда беглецы устроили военный совет,

---

[92] Сноски: 92

Окс — название Амударьи в греческих и латинских источниках.

он и Бесса уговаривал сделать то же, объяснил нам Гобар (так его звали); я сам толковал его речи ради соблюдения тайны. В пример он поставил Набарзана, что оказалось большим промахом. Бесс изрядно напился, и один только звук этого имени заставил его броситься на Гобара с обнаженным мечом. Тот ползком удрал из начавшейся свалки и бежал; его почти и не преследовали, ибо весьма уважали. И вот он оказался в шатре Александра, готовый поведать все, что знал, в обмен на прощение.

Бактрийские новобранцы бросили Бесса; он так ни разу и не повел их в бой, убегая от Александра. Они разошлись по своим родовым поселениям, и их посланникам можно верить. С Бессом остались лишь те, кто сопровождал Дария на его пути к смерти: жалкие людишки, до сих пор не покинувшие господина не из любви к нему, а из страха перед Александром.

Теперь Бесс направлялся в Согдиану, с которой связывал свои последние надежды. По словам Гобара, согдианцы не любят чужаков и пришлого царя примут с неохотой («Поначалу», — вежливо добавил он). Потому Бесс рассчитывал пересечь Окс и сжечь за собою ладьи.

— Мы перейдем через эту реку, если будет нуж-

но, — отвечал Александр.

В то же время ему следовало избрать сатрапа для Бактрии. Я ожидал его решения с печалью; второй персидский сатрап Арии восстал против него, и Александру пришлось послать туда македонца. Тем не менее Бактрию он вновь отдал персу. То был Артабаз. Совсем недавно он признался Александру, что по старости не сможет продолжать марш; переход через горы подточил его и без того скудные силы. Я слыхал впоследствии, что он правил провинцией благоразумно, расчетливо, энергично и справедливо, ушел со службы в девяносто восемь лет и погиб в сто два года, сброшенный чересчур ретивым для него конем.

Значит, настало время идти на север и пересечь Окс. В горах мы побывали рядом с его истоком, но долгие лиги речной поток бежит по узким скалистым ущельям, доступным лишь взору небесных птиц. Холмы, по которым река спешит далее, расступаются в преддверии пустыни, и уже после того поток замедляет бег и, расширяясь, продолжает свой путь в неведомые земли, где, по слухам, уходит в песок. Мы же собирались пересечь Окс на первой же переправе,

откуда начинается дорога на Мараканду[93].

Мы сошли к реке по красивым склонам, где росли виноград и фруктовые деревья. Где-то здесь родился сам святой Зороастр, научивший народ поклоняться богу через пламя. Александр внял этому с благоговением: он был вполне уверен, что наш многомудрый бог во всем подобен греческому Зевсу, и чтил святость огня еще с самого детства.

Уже весьма скоро мы пресытились огнем: едва мы сошли в долину Окса, как с севера подул пустынный ветер. Он приходит летом, и все живое страшится его укусов. Его можно сравнить с ветром, пролетевшим сквозь огромный очаг и бьющим из гигантских мехов прямо в лицо… Нам пришлось повязать головы тряпками, чтобы спасти лица от жгучего, жалящего песка; так мы шли четыре дня, пока не достигли реки.

Нашим глазам открылось великолепное, ни с чем не сравнимое зрелище; таким оно казалось, по крайней мере, мне и всем тем, кто не видал Нила. Стоявший на другом берегу пустынный олень казался не крупнее мыши. Инженеры Александра взирали на бурный поток

---

[93] Сноски: 93

Мараканда — древнее название Самарканда в сочинениях античных авторов; столица Согдианы.

с унынием: они привезли с собою груженные лесом повозки, но видели теперь, что им не удастся вбить ни одной сваи в зыбучий песок берегов. Река была чересчур широка, глубока и норовиста, перекинуть через нее мост нечего было и думать.

Меж тем нашим глазам предстали люди, кормившиеся переправой; они пришли с поднятыми руками в надежде на кусок хлеба. Еще совсем недавно каждый из них владел плоскодонной лодкой с ярмом на шестах, куда впрягали лошадей, обученных переплывать реку. Бесс предал лодки огню на той стороне, забрал всех лошадей и не заплатил. Александр предложил этим людям золото за все, что у них осталось.

Услыхав это, беднейшие из них принесли спрятанное ими сокровище: плоты из надутых шкур, с помощью которых можно было переплыть реку по течению. Это все, что у них было. «На этих плотах мы и пересечем Окс», — заявил Александр, приказав изготовить плоты для всего воинства.

Шкур у нас хватало; из них были сделаны наши шатры. Изготовившие их мастера изучали теперь местное искусство и приглядывали за ходом работы. Внутреннюю полость каждого плота набивали соломой и тростником, чтобы удержать

его на плаву.

Я редко бывал столь напуган, как в тот момент, когда пришла пора отталкиваться от берега. Плот делили со мною двое моих слуг; с нами были также лошади и мул. Когда поток потянул нас, животные заметались, и фракиец застонал молитву какому-то фракийскому богу; я же увидел, как впереди перевернулся плот поболее нашего, и уже подумал было, что эта река приведет меня к иному Потоку… Но то был первый раз, когда я разделил с Александром опасность, я, мечтавший биться рядом с ним! Я видел также, что мой слуга, перс из Гиркании, не сводит с меня глаз, надеясь на поддержку или же просто желая увидеть, как поведет себя евнух. «Я убью тебя, — подумалось мне, — прежде, чем ты поведаешь кому-то о моей трусости!» Поэтому я сказал с наигранной беспечностью: «Нечего бояться, люди каждый день переплывают реку точно таким же способом» — и указал на хозяев перевернувшегося плота, которые плыли дальше, держась за него. Лошади почуяли течение и потянули нас вперед; мы достигли берега, едва замочив одежды.

Даже женщины и дети переплывали реку — у них не было иного выбора: ближайший форт отстоял отсюда на многие мили пустыни. Я видел

плот с сидящей на нем женщиной, прятавшей глаза, и там же пятерых детишек, визжащих от удовольствия.

Переправа завершилась через пять дней. Теперь плоты следовало просушить и вновь превратить в шатры. Привезенные нами доски Александр отдал людям с переправы, чтобы те смогли соорудить себе прочные лодки.

Лошади во множестве гибли во время перехода под яростным, сжигавшим кожу ветром. Я думал было, что мне суждено потерять Льва: попона стояла на нем торчком, а голова коня низко опустилась. Орикс — сильный, красивый жеребец, подаренный Александром, — держался молодцом, но Лев был дорог мне… Он едва выжил в этом аду, как и Букефал, которого сам царь заботливо опекал всю дорогу. Теперь его коню было двадцать семь лет, но тот, видно, решил держаться до последнего.

Вскоре мы смогли немного расслабиться. Два бактрийских властителя, все еще следовавшие за Бессом, прислали гонца: они уезжают, оставляя своего повелителя на милость Александра. Деревня, в которой обосновался Бесс, с радостью выдаст его.

Последнее никого не удивило — ведь мы были

в Согдиане. Странно, что жители этой страны еще не успели самостоятельно расправиться с Бессом: у них вообще нет законов, достойных упоминания, кроме закона кровной мести. Даже гостеприимство не принимается здесь за правило. Если вам повезет чуть больше, чем Бессу, вы можете чувствовать себя в безопасности под их крышей, но едва вы свернете за поворот дороги, имея при себе что-то ценное, они подкараулят вас и перережут вам глотку. Основные развлечения, столь любимые в Согдиане, — разбой и междоусобные войны.

Александр счел ниже своего достоинства арестовывать Бесса самому и послал в деревню Птолемея, отдав в его распоряжение многочисленное войско, раз уж ему предстояло иметь дело с предателями. Конечно же, войско не было ему надобно: бактрийские властители успели улизнуть, а глинобитный форт впустил его людей внутрь за малую плату. Бесса нашли в крестьянской лачуге — одного, всего лишь с парой рабов.

Если дух Дария взирал в тот день вниз, он должен был удовлетвориться мщением. Властители, выдавшие Бесса, следовали собственному примеру цареубийцы; желая убрать его с дороги, они попытались заодно придержать Алексан-

дрову прыть, покуда соберут достаточно сил для войны.

У Птолемея были ясные приказы. Когда во главе своей армии к деревне подошел Александр, Бесс стоял у дороги раздетый догола, с руками, привязанными к крепкому деревянному шесту. Я видел еще в Сузах, как та же участь постигла известного разбойника, перед тем как его предали смерти. Я никогда не говорил о том царю; должно быть, он вызнал о надлежащем наказании у Оксатра.

Набарзан был прав — Бесс оказался никудышным царем. Мне передали, что, когда Александр спросил его, зачем он обрек своего господина и родственника на столь страшную смерть, тот взмолился о милосердии: он был всего лишь одним из многих, кто согласился учинить это над Дарием, дабы снискать благосклонность Александра. Он не объяснил, отчего в таком случае сам надел митру. Бандит из Суз держался куда достойнее. Александр приказал бичевать цареубийцу и не снимать оков до назначенного судилища.

Предавшим Бесса властителям не следовало надеяться, что этой подачкой они смогут сдержать Александра. Царь двинулся вглубь Согдианы:

она была частью его империи, и он намеревался оставить ее таковой.

Согдианцы живут в стране огромных песчаных дюн и мрачных ущелий. У каждой тропы стоят крепости, набитые вооруженными грабителями, и караванам приходится нанимать целые армии для охраны, дабы благополучно миновать их. Согдианцы хороши собой; обликом каждый похож на хищную птицу, а статью — на князя. Почти вся Согдиана полна скал и камней, но жилища они строят из глины, как ласточки, ибо презирают ремесло каменщиков. Они способны ездить верхом по таким тропкам, где даже горные козы боятся пройти, но с легким сердцем нарушат данное слово, если это покажется им выгодным. Александр был очарован согдианцами, пока не обнаружил это последнее обстоятельство.

Поначалу все шло замечательно. Мараканда сдалась; ее примеру последовала и вся цепочка крепостей, стоящих на реке Яксарте[94]. За нею тянутся степи — владения кочующих по ним скифов, противостоять набегам которых и призваны гарнизоны крепостей.

Потом Александр созвал местных вождей

---

[94] Сноски: 94

Яксарт — древнее название Сырдарьи.

в свой лагерь, дабы держать совет со всеми ними. Он задумал объявить, что намерен править их землями справедливо, и расспросить о законах, по которым они жили до сих пор. Вожди же, знавшие лишь то, что сделали бы сами, окажись они на месте Александра, даже не усомнились, что он вознамерился отсечь им головы. Поэтому совершенно внезапно для нас устрашающе вопящие согдианцы штурмовали крепости на реке и расправились с их гарнизонами, после чего взяли в осаду Мараканду и размели в клочья наш обоз.

Сперва Александр бросился на помощь своим. Налетчики устроились на ночлег на вершине утеса. Дым, поваливший от сигнального костра у царского шатра, оповестил войско. Воины мгновенно построились; Александр двинулся к скале и быстро взял ее приступом.

Обратно его принесли на носилках и положили на кровать. В шатре его уже ждал лекарь, а также и я. Стрела угодила в голень и разбила кость. Александр заставил своих людей вырвать шипастый наконечник и не сходил с коня, пока лагерь врага не был взят.

Когда мы, сначала размочив, снимали приставшие к ране тряпки, вместе с ними вышли и осколки кости. Немало других осколков торчало

прямо из кожи, и лекарю пришлось выдергивать их.

Александр лежал, глядя перед собою, недвижный, подобно собственной статуе; даже губы его не дрожали. И все же он мог, он умел плакать — как оплакивал участь изувеченных рабов Персеполя, худобу старого Букефала, гибель Ахилла и Патрокла, умерших тысячу лет назад… мои позабытые дни рождения.

Врачеватель перевязал рану, приказал ему лежать тихо и вышел. Я стоял у кровати с миской кровавой воды; по другую сторону встал Гефестион, терпеливо ожидавший, пока я уйду.

Я сделал шаг к выходу, стараясь не расплескать воду. Александр повернул голову и сказал мне (то были его первые слова за все это время): «Ты отлично справляешься с бинтами, Багоас. У тебя легкая рука».

Дней семь он страдал от раны. Иными словами, к крепостям на реке Яксарте он отправился не на коне, а в паланкине. Сперва его несли пехотинцы, но вскоре кавалеристы пожаловались, что им отказали в этой привилегии. Тогда Александр позволил им сменять друг друга, а ночью, когда я накладывал чистую повязку, он признался, что непривычные к пешим переходам

конники постоянно спотыкаются.

На сей раз я отправился вперед вместе с армией, ибо Александр был доволен тем, как я справлялся с перевязками. Каждый день царя посещал лекарь, приходивший нюхать рану: если начинает гнить костный мозг, жить человеку недолго. Как ни скверно выглядела рана, она понемногу начала затягиваться, но на голени Александра все же осталась выбоина, беспокоившая его до конца дней.

Вскоре Александр избавился от носилок, пересев на коня. К тому времени как мы достигли лугов у реки, он уже начал ходить.

Некогда Дориск сказал мне: «Говорят, он чересчур доверчив; но да поможет тебе бог, если ты обманешь его доверие». Теперь я видел истину этих слов.

Пять крепостей на реке Александр взял за два дня; тремя штурмами он руководил сам, сражаясь в первых рядах. Все эти люди клялись ему в верности, а потом взбунтовались и помогли истребить гарнизоны своих же крепостей! Если согдианцы полагали, что человек должен быть слабоумен, чтобы держать собственное слово, теперь они получили урок, который были способны понять.

Тогда моим глазам предстало то, чего я не видел ни разу за время нашего перехода через Бактрию: женщин и детей гнали к лагерю, словно скот. Военная добыча. Все мужчины погибли.

Это происходит повсюду. Греки делают это с другими греками. Должно быть, так поступал и мой собственный отец, воюя за Оха; впрочем, Ох ни за что не дал бы этим людям и единственного шанса. Как бы там ни было, я видел это впервые.

Александр не имел намерений тащить за собою всю эту толпу женщин; он собирался обустроить здесь новый город, и все они стали бы женами новых поселенцев. Но воины, до сей поры лишенные рабынь-наложниц, тем временем могли выбирать любовниц по своему вкусу. Надо было лишь прийти и увести женщину с собой. Порой и совсем юные девочки с чумазыми личиками, спотыкаясь, плелись за своими новыми владельцами; всхлипывая или стеная, они дожидались, пока у хозяина появится время позаботиться о них. Некоторые из девочек едва могли идти; кровавые пятна на их юбках красноречиво пояснили почему. Мне снова вспомнились три мои сестры, о которых я давным-давно постарался забыть…

То была зола, остающаяся в костре, когда кон-

чается пляска пламени. Александр знал, зачем появился на свет, знал, чего еще предстоит достичь, о том поведал ему бог. Всех, кто помогал ему, царь привечал, как возлюбленных родственников. Если же кто-то задерживал его, Александр поступал, как велела необходимость, и затем продолжал путь, не отрывая глаз от огня, за которым шел.

Шестым городом был Кирополь, укрепленный лучше прочих: он стоял не у реки, сложенный из кирпичиков грязи, а на склоне холма и был выстроен из камня. Город был основан самим Киром, и потому Александр послал вперед осадные орудия, назначив руководить осадой Кратера и наказав дождаться его самого. Царь разбил шатер совсем рядом с линией осады, чтобы поменьше ходить пешком; поэтому я видел часть сражения. Большой осколок кости только что выступил из ямки на голени Александра, и он заставил меня выдернуть его, сказав, что лекари слишком много болтают попусту, а я могу сделать это гораздо лучше. Кровь оказалась чистой. «Моя плоть заживает быстро», — сказал он мне.

Орудия уже были собраны и установлены по местам: две обтянутые шкурами осадные башни; ряд катапульт, похожих на огромные луки,

положенные набок и стреляющие толстыми бронзовыми стрелами; тараны с защитными навесами. В честь Кира Александр надел лучшие доспехи — свой блестящий серебряный шлем с белыми крыльями и знаменитый родосский пояс. Из-за жары он оставил в шатре украшенный каменьями нагрудник с высоким воротом. Я слышал приветственные крики воинов, когда Александр скакал к войску, и вскоре началась осада.

От ударов тарана вздрагивала земля. Ввысь поднялись огромные облака пыли, но стена не поддавалась. Какое-то время я следил за передвижениями серебряного шлема, пока тот не скрылся за углом крепостной стены… Прошло не так много времени, когда до небес поднялись вопли и стенания. Большие ворота крепости распахнулись, и наши воины хлынули внутрь. На стенах закипела рукопашная, а я не понимал почему — ведь согдианцы сами отворили городские ворота. Оказалось, они ни при чем: то было делом рук Александра.

Форт получал воду из реки, из русла которой к стенам крепости был отведен рукав. Этим летом вода стояла совсем низко, и по каналу вполне мог пройти, согнувшись, вооруженный человек.

Александр, несмотря на боль в ноге, самолично повел небольшой отряд этим путем, а согдианцы, отвлеченные нашими таранами, плохо приглядывали за воротами. Александр сумел пробиться к ним и выдернул засовы.

На следующий день он вернулся в лагерь. С ним было несколько военачальников, озабоченно справлявшихся о его здоровье. Александр раздраженно тряс головой, а увидев меня, поманил к себе и шепнул: «Принеси мне дощечки и стилос».

Шептал он оттого, что закрывавший шею нагрудник остался в шатре. В уличном бою в горло Александру угодил брошенный камень, повредивший связки. Будь удар чуть посильнее, булыжник сломал бы кость, задушив его, но Александр оставался там и хрипел свои команды, пока цитадель не сдалась на его милость.

Он мог переносить боль мужественно, как никто иной, но вынужденное молчание едва не свело его с ума. Александр не хотел тихо отдыхать наедине со мною, понимавшим его нужды по движениям руки; едва к нему возвращался голос, царь тут же напрягал горло, и тот вновь исчезал без следа. Александр не выносил необходимости сидеть за трапезой и слушать

чужие разговоры, не имея возможности вставить ни словечка, и поэтому ел, не выходя из шатра, где писец зачитывал ему отрывки из книг, за которыми царь посылал в Грецию. Строительство нового города уже началось. Александр часто наведывался туда, и, разумеется, находилась тысяча причин сказать что-нибудь. Но все же голос мало-помалу укреплялся: плоть Александра всегда заживала быстро, вопреки всему, что он причинял ей.

За рекой появились скифы; они пришли со своими повозками, табунами и черными войлочными шатрами. Услыхав о восстании согдианцев, скифы слетелись разделить добычу, подобно воронам. Впрочем, увидев наш лагерь, они быстро исчезли из виду — и мы было решили, что они ушли совсем. На следующий день, однако, скифы вернулись, на сей раз одни мужчины. Они кругами ездили на своих косматых лошадках, потрясая копьями с привязанными к ним кистями и выкрикивая угрозы. Они даже пытались стрелять из луков через реку, но их стрелы не долетали до нас. Александр, пожелавший узнать, из-за чего они подняли весь этот шум, послал за Фарнеухом, главою толмачей. Суть их возгласов, как оказалось, была такова: ежели Александр хочет

познать разницу меж бактрийцами и скифами, ему следует только пересечь реку.

Так продолжалось несколько дней кряду, скифы шумели все громче, сопровождая оскорбления жестами, не нуждавшимися в толковании. Терпение Александра быстро иссякало.

Он собрал военачальников в своем шатре, и они расселись поближе, чтобы Александру не было нужды повышать голос. Шепот заразителен; все они очень напоминали собрание каких-нибудь заговорщиков. Я не мог расслышать ни слова, пока не заговорил Александр: «Конечно гожусь! Я могу делать все, только не кричать». — «Тогда перестань повышать голос, — отвечал Гефестион, — иначе опять станешь нем как рыба». Пока они спорили, их голоса звучали все громче. Александр заявил: если скифам удастся уйти, так и не получив урока, они нападут на новый город, едва македонское войско скроется из виду. Этот урок он намеревался преподать сам, а потому остальные были против.

Ужинал он в своем шатре, угрюмо набычившись, подобно Ахиллу. Гефестион немного посидел с ним, но ушел, поняв, что иначе Александр не замолчит. Поэтому я вернулся, не отвечал ни на что, кроме языка знаков, и в должное

время уложил царя в постель. Когда он поймал мою руку, чтобы удержать меня, должен признаться, я вздохнул с облегчением. Лук слишком долго был натянут… Мы отлично справились и без слов, а после я усыпил Александра старыми легендами.

Я понимал, разумеется, что Александр не изменит своего решения насчет скифов. По его представлениям, если он не двинулся бы туда сам, они непременно сочли бы царя трусом.

Яксарт был куда уже Окса. На следующий же день Александр повелел строить плоты для переправы и послал за провидцем Аристандром, всегда толковавшим для него знамения. Аристандр явился сказать, что внутренности жертвенного животного говорят не в пользу похода (у нас, персов, есть гораздо более простые способы испрашивать у небес совета). Я слышал шепоток, будто военачальники Александра убедили провидца отказать царю в переправе, но на их месте я и сам сходил бы к этому голубоглазому магу с просьбой сфальшивить в пророчестве. К несчастью, он говорил правду.

На следующий день явилось еще больше скифов. Теперь они походили своим числом на армию. Александр принес новые жертвы

и получил новое «нет»; спросил, кому угрожает опасность — ему самому или же его людям? Ему, отвечал Аристандр. Конечно, царь в ту же минуту изготовился пересечь реку.

С болью в сердце я взирал на его последние приготовления. На виду у двух телохранителей я не мог посрамить Александра непристойной печалью и вернул ему прощальную улыбку, улыбка — всегда добрый знак.

Скифы намеревались перерезать воинов сразу, едва те выберутся на берег. Они не приняли в расчет наших катапульт, чьи стрелы летели дальше их собственных. Достаточно было продырявить одного из всадников (сквозь щит и доспехи), чтобы все они отошли подальше. Александр выслал первыми лучников и пращников, чтобы сдержать скифов, пока не переберутся фаланги пехоты и конники. Конечно, сам он не мог ждать и пересек реку на первом же плоту.

С другого берега весь бой казался смертоносным танцем: скифы описывали круги вокруг македонского квадрата; затем сокрушительно ударила наша кавалерия — справа и слева, — сжимая кольцо, пока скифы не дрогнули и не бросились бежать вглубь своих степей. В поднявшихся клубах пыли (а в тот день было очень жарко) они

мчались по равнине, преследуемые всадниками Александра. Потом уже ничего не было видно, кроме колышущихся на волнах реки плотов, везших наших убитых и раненых — не особенно много, — да коршунов, с криками дравшихся над трупами скифов.

Три дня мы ждали пыльного облака, несущего весть о возвращении Александра. Потом оно появилось — и первыми были гонцы. Снова мы с лекарем ожидали царя в шатре.

Когда несшие его юноши опустили носилки, я бросил один лишь взгляд и подумал: «Он умер, умер!» В глубинах моего тела поднялся горестный вопль, и я уже был готов испустить его, когда увидел, как дрогнули веки Александра.

Он лежал бледный, словно покойник: его светлая кожа утратила все краски, когда кровь покинула ее. Глаза ввалились, превратившись в глазницы черепа, и он вонял — он, любивший всегда быть чистым, подобно брачной простыне! Я видел, что, даже слишком слабый, чтобы говорить, он все еще мог испытывать чувства и стыдился запаха. Сделав шаг, я встал рядом.

— Это понос, господин, — сказал один из телохранителей лекарю. — Меня просили передать тебе, что он пил дурную воду. Было очень жарко,

и он напился из застоявшейся лужи. У него был кровавый понос, и теперь он совсем слаб.

— Я и сам вижу, — сказал врачеватель.

Веки Александра затрепетали. Они говорили над его телом, словно царь уже лежал в могиле; так почти и было, но их речи сердили его. Никто не заметил царского гнева, кроме меня.

Врачеватель дал ему испить снадобье (которое он приготовил, едва прибыл гонец) и сказал телохранителям: «Его надобно уложить в постель». Они шагнули к носилкам… Глаза Александра распахнулись и повернулись в мою сторону. Я догадался. Он лежал в собственных нечистотах, ибо был слишком ослаблен болезнью, чтобы следить за собой. Он не желал, чтобы эти люди раздевали его, — это уязвляло его гордость.

Я обратился к врачу: «Царь хочет, чтобы я сам приглядел за ним. Я могу сделать все необходимое». Едва слышно Александр выдохнул: «Да». И они вышли, оставив его на мое попечение.

Я послал рабов за горячей водой и льняными полотнищами. Пока Александр еще лежал на носилках, я обмыл его дочиста и избавился от грязной одежды. Ягодицы и ноги его кровоточили: он еще долго мчался за удиравшими врагами уже после того, как ему стало худо. Схо-

дил с коня, чтобы очиститься, и вновь садился в седло, пока не потерял сознания от слабости. Я натер его кожу маслом, перенес Александра в чистую постель (он так истощал, что это оказалось совсем несложно) и подложил стопку чистой льняной ткани вниз, хоть сейчас он уже опорожнил себя досуха. Когда я положил ладонь ему на лоб, дабы измерить лихорадку, он шепнул: «О, как хорошо».

Вскоре после того повидать его пришел Гефестион, только что переправивший через реку своих людей. Разумеется, я сразу покинул шатер. Это было словно разодрать собственную плоть, и я сказал себе: «Если только царь умрет, когда у его ложа вместо меня будет этот человек, а не я, тогда воистину я убью его. Пусть посидит там теперь; я не откажу моему господину в его последнем желании… Но все-таки он был рад мне».

Как бы там ни было, под действием питья Александр проспал всю ночь. Хотел встать на следующий день и сделал это днем позже. Еще два дня минуло, и он принял скифских послов.

Их властитель послал испросить прощения у Александра за нанесенное оскорбление. Люди, обеспокоившие его, были не знавшими закона разбойниками, и властитель никоим образом

не принимал их сторону. Александр послал вежливый ответ; казалось, скифы получили свой урок.

Однажды вечером, расчесывая царю волосы и пытаясь распутать их, не причиняя боли, я шепнул Александру:

— Ты едва не умер. Знаешь ли о том?

— О да. Хотя мне всегда казалось, что бог вел меня к чему-то иному; но человек должен быть готов встретить смерть. — Он коснулся моей руки; благодарность не прозвучала вслух, но от этого не стала меньшей. — Жить следует так, словно проживешь вечность, но как если бы каждое мгновение твоей жизни могло оказаться последним. Сразу и то и другое.

Я отвечал:

— Такова жизнь богов, которые вообще не умирают: солнце заходит, чтобы подняться на следующее утро. Но прошу тебя, не скачи слишком быстро в своей небесной колеснице, иначе здесь, внизу, всех нас окутает тьма.

— Кстати, — сказал он, — эта хворь проняла меня до самых печенок: вода в равнинах — сущая отрава. Поступай в точности как и я: не пей ничего, кроме вина.

Глава 16

Спитамен, один из двух предавших Бесса властителей, осадил Мараканду. Когда первый отряд, посланный туда Александром, был разгромлен, царь сам направился к осажденному городу. Услыхав о его приближении, Спитамен свернул лагерь и бежал в северные пустыни. К тому времени как в страну вернулся порядок, пришли холода и Александр, желавший приглядывать за скифами, остановился на зиму в Зариаспе.

Это небольшой городок на Оксе, к северу от переправы; в этом месте русло реки сильно расширяется. Жители городка прокопали множество каналов и вырастили немало зелени: за пределами города лежала пустыня. Летом здесь, должно быть, жарко, словно в печи. Признаюсь, я нигде не видел столько тараканов, как там; в большинстве домов специально держат змей, чтобы те пожирали насекомых.

Александр поселился в доме управителя, сложенном из обожженного кирпича: настоящая роскошь в месте, где испокон веку строили из грязи. Там нашлись красивые драпировки и изящная утварь, делавшие дом уютным и по-

царски пышным. Я радовался, видя, что Александр стал менее беспечен в отношении своего ранга. Для торжественных случаев он заказал превосходное новое одеяние цветов великого царя: красное с белой каймой. Именно здесь он впервые надел митру.

Это я открыл ему, что все персы будут ожидать увидеть на царе митру, когда он станет допрашивать Бесса. Чтобы говорить с предателями, царь должен выглядеть по-царски.

— Ты прав, — отвечал мне Александр. — Персидские дела следует решать по обычаям персов. Мне уже рассказали, что это значит. — Хмурясь, он шагал по комнате. — Персидское наказание: первым делом нос и уши. На меньшее Оксатр не согласится.

— Конечно, господин мой. Он приходился Дарию братом.

Я не добавил: «Иначе зачем он принял бы чужого царя?» Александр видел это сам.

— Ваш обычай суров, — сказал он, — но я буду ему следовать.

Александр всегда взвешивал свои слова и не говорил о столь важных вещах, не имея решения наготове, но я все равно страшился того, что он может передумать. Это весьма повредило бы

его отношениям с персами. Мой отец пострадал оттого лишь, что оставался верен; как же тогда предатель может уйти от наказания? Кроме того, у меня оставался и другой, еще не оплаченный долг.

— Передавал ли я когда-нибудь тебе, Аль-Скандер, слова Дария, сказанные перед тем, как его уволокли прочь? «У меня нет более власти карать предателей, но я знаю, кто свершит суд за меня». Бесс решил было, что царь говорит о наших богах, но тот пояснил, что имел в виду тебя.

Александр застыл на месте:

— Дарий сказал это обо мне?

— Да, и его слова я слышал собственными ушами. — Я подумал о коне, серебряном зеркальце и о своих ожерельях; как мог я не чувствовать признательности?

Александр походил еще немного, затем повторил:

— Да, это надлежит сделать по вашим собственным обычаям.

Я шепнул про себя: «Пребудь в мире, бедный царь, что бы ни оставила от твоей души Река Испытаний, стремясь очистить тебя для Страны Вечного Блаженства. Я сделал для тебя все, что было в моих силах».

Средь молчаливой толпы я наблюдал за тем, как Бесса вели на суд. Он как-то усох с той ночи, которая врезалась мне в память, лицо его было серым, будто глиняное. Бесс знал о своей участи. Когда его впервые привели к Александру, он заметил Оксатра рядом с сидевшим на коне царем.

Если бы он сдался вместе с Набарзаном, его могли и пощадить. Оксатр явился позже и ни за что не заставил бы Александра нарушить слово: царь сдержал его в отношении Набарзана, чего бы там ни желал Оксатр. Я часто задумывался, зачем было Бессу вообще надевать царскую митру? Чтобы купить этим расположение своих людей? Руководи он ими разумно, они ни за что не предали бы его. Полагаю, это Набарзан поначалу внушил ему мысль о царстве, но у Бесса попросту не было той гибкости ума. Он не сумел распорядиться властью, но и не захотел сложить ее с себя.

Допрашивали Бесса сразу на двух языках: греческом и персидском. Совет принял свое решение. Бесс лишится носа и мочек ушей, после чего будет отправлен в Экбатану, где и произошло предательство; там его распнут перед собранием мидян и персов. Такое наказание соответствовало проступку и всем обычаям.

Я не пошел смотреть на то, как его увозили в Экбатану. Раны Бесса еще оставались свежими, и я боялся, что он напомнит мне об отце.

В должное время из Экбатаны пришла весть о его смерти. Бесс умирал почти три дня. Оксатр проделал неблизкий путь, чтобы посмотреть на это, и, когда тело было снято с креста, разрубил его на куски и отвез в горы — разбросать для волков.

Бульшую часть той зимы наш двор оставался в Зариаспе.

Со всех концов империи стекались сюда люди, и Александр принимал их во всем блеске и величии своего положения, какие только мог освоить. Однажды вечером он облачался в свое персидское одеяние, и я расправлял на нем складки.

— Багоас, — сказал он, — я и прежде слышал из твоих уст то, что не осмелились бы сказать мне наиболее могущественные из властителей твоей страны. Насколько беспокоит их то, что македонцы не следуют обычаю падать ниц?

Я так и знал, что когда-нибудь он задаст мне этот вопрос.

— Господин, они действительно обеспокоены. Это мне ведомо.

— И сильно? — Царь повернулся ко мне. —

Об этом говорят вслух?

— Я не слышал, Аль-экс-андр. — Мне все еще приходилось медленно произносить его имя, чтобы не ошибиться. — Кто осмелился бы обсуждать это? Но ты, в любезности своей, не отрываешь глаз от приветствующего тебя гостя, тогда как я могу смотреть, куда только захочу.

— Ты хочешь сказать, им не нравится, что персы делают это?

Я надеялся, все будет куда проще.

— Не совсем, Аль-Скандер. Мы с детства обучены падать ниц перед царем.

— Ты сказал достаточно. Значит, когда македонцы не падают, это уязвляет чувства персов?

Я оправил складки на поясе и не ответил.

— Я понял. Зачем мучить тебя расспросами? Ты всегда говоришь мне одну лишь правду.

Что ж, порой я говорил ему то, от чего, как я думал, он станет чуточку счастливее, но Александр никогда не слышал из моих уст лжи, которая могла бы как-либо повредить ему.

В тот вечер за ужином он держал глаза открытыми. Сдается мне, он многое увидел, пока вино не замутило взгляда. Вечерние трапезы в Зариаспе завершались, лишь когда никто уже не держался на ногах.

Александр был прав, считая воду Окса ядом для тех, кто не пьет ее с малолетства. Полагаю, в этих краях люди, подверженные действию этой отравы, умирают совсем юными, не успев дать жизнь потомству.

Виноград не растет на берегах этой реки, и вино привозят сюда из Бактрии. Это крепкое питье, но три его части необходимо разбавлять только одной частью воды, дабы усмирить лихорадку Окса.

Стояла зима, и было прохладно; ни одному хозяину-персу и в голову бы не пришло подать гостям вино еще до сладостей. Македонцы прихлебывали вино в течение всей трапезы, как обычно. Персидские гости могли следовать их примеру, из вежливости поднося к губам свои чаши, но македонцы то и дело наполняли их вновь, как у них это принято.

Если мужчина напивается допьяна время от времени, в том нет худа. Но давайте ему крепкое вино вечер за вечером, и скоро оно пропитает кровь. Если б только мой господин остановился на зиму в холмах, у чистого источника, он тем самым избавил бы себя от многих горестей.

Нельзя сказать, чтобы он каждую ночь бывал по-настоящему пьян. Это зависело от того, сколь-

ко времени он просидел за столом. В начале трапезы Александр не опрокидывал одну чашу за другой, как прочие. Вино сопровождало беседу: он говорил, и чаша стояла перед ним, потом он выпивал ее и беседа продолжалась. Чашу за чашей, он пил не более обычного. Но бактрийское вино следует разбавлять двумя третями воды. Каждая выпитая чаша была вдвое крепче, чем он привык.

Иногда, задержавшись ночью за трапезой, Александр поднимался в полдень, но если наутро ему предстояли серьезные дела, он вставал рано — свежий и в добром настроении. Его память удерживала каждую мелочь, даже день моего рождения. За ужином он поднял за меня чашу, похвалил мою службу и даровал мне золотой кубок, из которого пил, а также поцелуй. Бывалые македонские военачальники не слишком скрывали возмущение — то ли тем, что я перс (или евнух), или же тем, что Александр не стыдился меня… Не могу сказать наверняка; быть может, все сразу.

Царь не забыл о ритуале падения ниц. Он много думал о нашем разговоре и вскоре продолжил его.

— Это необходимо изменить, — сказал мне

Александр. — И не в отношении персов, ваш обычай чересчур стар для этого. Если, как говорят, его ввел сам Кир, значит у него были на то веские причины.

— Мне кажется, Аль-Скандер, он хотел примирить народы. Прежде то был мидийский обычай.

— Вот видишь! Он добивался верности от обоих народов, а вовсе не стремился подчинить один другому. Говорю тебе, Багоас, когда я вижу, как персидский властитель, чей титул восходит ко временам еще до Кира и озаряет человека своим особенным светом, кланяется мне до земли, а какой-то македонец, которого мой отец поднял из грязи и чей собственный отец кутался в овечьи шкуры, глядит на него сверху вниз, как на собаку, — в такую минуту я готов снести голову с его плеч!

— Не стоит, Аль-Скандер, — отчасти натянуто рассмеялся я.

Пиршественная зала внизу была весьма велика, но комнаты наверху оказались чрезмерно узки. Александр ходил из угла в угол, подобно леопарду в клетке.

— В Македонии властители так недавно признали общего царя и начали ему подчиняться, что все еще полагают это большим одолжением

с их стороны. Дома, когда мой отец был жив, он встречал заморских гостей, соблюдая утонченный этикет царского двора, но, когда я был мальчиком, наши пиршества сильно напоминали крестьянские праздники… Я догадываюсь о чувствах знатных персов. В моих жилах течет кровь Ахилла и Гектора, ведущих свой род от самого Геракла; о чем еще можно говорить?

Александр направлялся в опочивальню. Было еще не совсем поздно, но вино продолжало будоражить его. Я боялся, что ванна может остыть.

— С воинами все так просто! По их разумению, у меня вполне могут быть свои странности, когда война не зовет меня в бой; они знают мне цену на бранном поле. Нет, это люди с положением, те, кого мне следует принимать вместе с персами… Видишь ли, Багоас, у нас дома падают ниц лишь перед богами.

В его голосе промелькнуло нечто, убедившее меня в том, что он неспроста заговорил со мною. Я знал Александра. Направление его помыслов не было для меня тайной. Что тут особенного? Даже простые воины чувствовали это, пусть не совсем понимая, что именно чувствуют.

— Аль-экс-андр, — осторожно произнес я, давая ему понять, что говорю, тщательно взвешивая

каждое слово, — всякий знает: оракул в Сиве не может лгать.

Царь взирал на меня пронзительным, остановившимся взглядом серых глаз. Потом распустил пояс. Я помог ему снять одеяние, и Александр вновь повернулся ко мне. Я видел, как он и задумал, след от катапульты на плече; шрам от удара мечом, идущий по бедру; багровую вмятину на голени. Воистину, эти раны истекали кровью смертного, а не кровью божества. Кроме того, Александр вспоминал, как я заботился о нем в тот раз, когда он испил дурной воды.

Его глаза встретились с моими в полуулыбке, и все же было в них нечто, к чему не могли дотянуться ни я сам, ни кто-либо другой. Возможно, это сумел сделать оракул в Сиве.

Коснувшись его плеча, я поцеловал шрам от выстрела катапульты.

— Бог всегда с нами, — сказал я. — Смертная плоть — его слуга и жертва. Помни о нас, любящих тебя, и не позволь богу забрать все, без остатка.

Александр улыбнулся и распахнул объятия. Той ночью смертная плоть получила должное. Все было так, словно царь высмеивал сам себя, хоть и был по обыкновению мягок со мною.

К тому же где-то рядом ожидало и другое его воплощение, готовое вновь заявить свои права на Александра.

На следующий день царь немало времени провел, запершись наедине с Гефестионом, и старая боль вновь впилась мне в сердце. Затем лучшие друзья царя принялись сновать туда-сюда; чуть позднее специальные посланцы отправились приглашать гостей на большой пир: пятьдесят кушеток, не меньше.

Где-то в течение дня Александр сказал мне:

— Знаешь ли ты, что я задумал, Багоас? Этим вечером надо попробовать. Надень свои лучшие одежды и присмотри за персидскими гостями. Они уже знают, чего следует ждать, Гефестион известил их. Просто сделай так, чтобы они почувствовали уважение; у тебя, с твоими придворными манерами, это получится лучше, чем у кого-либо из нас.

Значит, подумалось мне, моя помощь ему тоже требуется. Я надел лучший наряд, который был теперь действительно великолепен, с золотой вышивкой на темно-синем фоне; потом пришел одеть Александра. Он надел торжественное персидское одеяние, но к нему — не митру, а низкую корону: Александр облачался не только для пер-

сов, но и для сородичей.

Если б только, думал я, они придержали вино до десерта! Нам предстояло дело весьма деликатное…

Пиршественный чертог щедро украсили для большого пира. Я приветствовал персидских вельмож, каждого в соответствии с его рангом, и каждого провел к ложу, по дороге воздавая хвалу чьим-то знаменитым предкам, племенным коням и так далее; затем я приблизился к царю, дабы служить ему за столом. Трапеза шла гладко, даже вопреки вину. Блюда были вынесены, и все уже готовились провозгласить здравицу царю, когда кто-то поднялся, чтобы, как решили гости, облечь этот тост словами.

Этот был, безусловно, трезв. Звали его Анаксарх, и был он скучнейшим из философов, следовавших за нашим двором, из тех, кого греки кличут софистами. По части мудрости, впрочем, они вместе с Каллисфеном не составили бы и половину одного хорошего философа. Когда Анаксарх поднялся, Каллисфен был зол, как старая жена, ревнующая к молодой наложнице: он дрожал от ярости, что это не его пригласили говорить первым.

Конечно, он бы не справился с этой задачей

так блестяще. Анаксарх говорил хорошо поставленным, богатым оттенками голосом и, должно быть, заучил свою речь наизусть, со всеми ее оборотами и украшениями. Начал он, заговорив о греческих богах, вошедших в жизнь в обличье смертных и позднее обожествленных за свои славные деяния. Одним был Геракл, другим — Дионис. Неплохой выбор; сомневаюсь, однако, что философ угадал то, о чем знал я: Александр имел нечто от обоих — стремление достичь чего-то, лежащего далеко за пределами, доступными всем прочим, и наравне с этим — красоту, мечты, исступленный восторг… Думал ли я и о безумии уже тогда? Наверное, нет; не помню.

— Эти боги, — продолжал Анаксарх, — в своих странствиях по земле разделяли горести и радости всего человечьего племени. Если б только люди раньше узрели их божественность!

Затем он напомнил гостям о свершениях Александра. Простая истина, пусть известная прежде, задела за живое даже меня. Анаксарх заявил, что, когда богам будет угодно — да задержат они этот день! — призвать царя к себе, никто не станет сомневаться, что ему сразу же будут возданы почести, достойные божества. Почему бы нам не воздать их сейчас, не сделать Александру

приятное и не вознаградить его за труды? Зачем ждать его смерти? Мы все должны гордиться, что были первыми, кто поклонился новому богу, так пусть же символом нашего смирения и восторга станет ритуал падения ниц.

Пока философ говорил, я не отрывал взгляда от лиц. Персы обо всем знали заранее и теперь внимали словам Анаксарха в степенном ожидании. Друзья царя, также скрывая эмоции, были озабочены вдвойне: они рукоплескали словам оратора и, как и я сам, наблюдали за лицами, все, кроме Гефестиона, который все это время не сводил глаз с Александра, — он был серьезен, подобно персам, но даже более внимателен, чем они.

Из-за царского ложа я отошел в сторонку, где тоже мог бы наблюдать за Александром. Моим глазам предстало, что слова Анаксарха, должные послужить делу, принесли также и удовольствие. Хоть вовсе не пьяный, царь все же пил за ужином, — сияние вновь озаряло его глаза. Он устремил их в пространство, как делал это, позируя для набросков скульптора. Это было ниже его — глазеть кругом и следить за выражением лиц гостей.

Бульшая часть македонцев поначалу приняла

речь философа за немного затянувшуюся здравицу. В добром настроении после возлияний, ему благосклонно хлопали даже бывалые военачальники. Они не видели, куда он гнет, до самого конца, когда вдруг выпучили глаза, словно получив удар чем-нибудь тяжелым по затылку. К счастью, я заранее приготовился услышать неподходящие к случаю растерянные смешки.

Остальные с самого начала поняли, к чему ведет свою речь Анаксарх. Люди угодливые и завистливые, желавшие быть первыми, кто доставит царю приятное, в своем нетерпении не могли дождаться окончания речи. Большинство тех, что были помоложе, поначалу казались ошеломленными; но для них дни царя Филиппа остались в прошлом, когда, будучи еще мальчиками, они повиновались своим отцам и делали все, что им говорили. Теперь прошло их время. С той поры как их повел за собою Александр, каждый следующий поворот этой длинной дороги приносил с собою что-то новенькое. Может быть, царь зашел уже чересчур далеко, но они все равно желали следовать за ним.

Анаксарх наконец уселся. Друзья царя и персы похлопали; более никто. Началось нечто вроде неловкой суеты. Персы с жестами уважения вста-

ли у своих лож, готовясь выйти вперед. Друзья царя также вскочили с мест, подгоняя остальных словами: «Ну же, начнем прямо сейчас!» Подхалимы, дрожавшие от нетерпения, ждали, пока кто-нибудь не сделает это первым. Со своих кушеток медленно стали подниматься и прочие македонцы.

С ними встал и Каллисфен, внезапно громогласно воззвавший своим хриплым голосом: «Анаксарх!» В зале сразу же воцарилась тишина.

Я наблюдал за Каллисфеном, зная, что царь остыл к этому человеку после моих слов о нем. Негодуя по поводу того, что ему могли предпочесть другого оратора, он ревностно ловил каждое слово Анаксарха и весьма быстро сообразил, к чему тот клонит. Я уже догадывался, что он задумал.

Оба были философами, но весьма разнились не только складом своих мыслей, но и обликом. Одеяние Анаксарха было украшено вышитой каймой; его серебрящаяся сединой борода шелковиста и тщательно причесана. Бороденка же Каллисфена, угольно-черная, была редкой и неопрятной; простота его одежд казалась грубой на торжественном пиру, особенно ежели учесть, как щедро платил ему Александр. Каллисфен прошел далеко вперед, дабы всем нам дать

возможность созерцать себя. Царь же, под приветственные возгласы друзей вернувшийся из странствия по далеким неведомым просторам, теперь повернулся и уставился на него в недоумении.

— Анаксарх, — повторил тот, словно бы затевая философский спор где-нибудь на базарной площади, а не в царском чертоге, — мне кажется, что Александр достоин всех почестей, какие только могут оказываться смертному. Но необходимо помнить и о глубокой пропасти меж почестями, положенными людям и божествам.

Каллисфен счел необходимым перечислить последних, и мне этот список показался нескончаемым. Философ продолжил речь, объявив, что божественная хвала, возданная смертному, оскорбляет богов точно так же, как царские почести, оказанные обычному человеку, оскорбляют царя.

После этих его слов я услыхал пронесшуюся по зале волну одобрительного бормотания. Подобно рассказчику, завладевшему вниманием слушателей, Каллисфен расцвел и проявил чудеса красноречия. Он напомнил Анаксарху, что тот подает советы греческому владыке, а не како-

му-нибудь Камбизу или Ксерксу[95]. Презрение, с коим он упомянул эти имена, в немалой степени потакало настроениям македонцев. Я видел, как переглядываются персы, и — скрывая стыд и досаду — обошел тех, чей ранг был наиболее высок, предлагая сладости. Я уже побывал на нескольких представлениях в театре и отлично понимал, что один скверный актер может вконец испортить замечательное выступление другого. Юность и неведение не мешали мне видеть истину.

Вовсе не смущенный моими действиями (ибо что может значить евнух-варвар, прислуживающий своим высокопоставленным собратьям?), Каллисфен зашел еще дальше, заявив, будто Кир, впервые введший ритуал падения ниц перед царем, выглядит глупо по сравнению с бедными, но свободными скифами. Будь я на месте философа, я наверняка пояснил бы смысл этих рассуждений: «Киру так и не удалось покорить скифов», но это прозвучало бы слишком явным упреком Александру. Должно быть, все находившиеся в зале слышали, какого высокого мнения придерживается царь о Кире; во всяком случае,

---

[95] Сноски: 95

Камбиз, Ксеркс — древнеперсидские цари из династии Ахеменидов.

об этом прекрасно знал Каллисфен, некогда пользовавшийся доверием Александра. Философ ловко повернул нить своих рассуждений, добавив, что принимавший эти почести Дарий неоднократно бывал побежден Александром, отлично обходившимся и без них. Это дало македонцам право зааплодировать с воодушевлением.

Так они и сделали; ясно было, что они рукоплещут не просто этой плохо прикрытой лести. Каллисфен перетянул на свою сторону всех сомневавшихся, которые вместе с прочими пали бы ниц, не открой он рта. И сыграл он не на благочестии македонцев, а на их презрении к персам! Я не упустил из виду язвительного взгляда, брошенного им на меня при упоминании о Дарии.

Следует быть справедливым к мертвым, которые не могут ответить. Быть может, кто-то похвалит мужество Каллисфена; другой вправе будет упрекнуть его в слепом самолюбовании. В любом случае восторг македонцев был коротким удовольствием для оратора; гнев Александра, конечно, длился гораздо дольше.

Не то чтобы царь постарался выказать его. После этой пощечины он стремился сохранить достоинство. На его чистой коже румянец алел, подобно яркому знамени, но лик Александра

оставался спокоен. Он поманил к себе Хареса, тихо поговорил с ним и послал обойти ложа македонцев, дабы сказать гостям: если падение ниц противоречит их взглядам, им не следует больше думать об этом.

Персы не слышали речи Каллисфена, ибо толмач счел ее слишком резкой для перевода. Должно быть, именно дрожь в голосе философа, упомянувшего наших царей, поведала им о ее содержании. Персы видели, как Харес обходит кушетки и те, кто уже встал, вновь опускаются на свои ложа. Наступила тишина. Персидские властители переглядывались друг с другом. И тогда, не перебросившись ни словом с соплеменниками, властитель самого высшего ранга выступил вперед, пересекши зал поступью, величию которой подобные ему люди научаются еще в детстве. Он салютовал, опустился пред царем на колени и пал ниц.

В порядке старшинства все остальные последовали его примеру.

Это было замечательно. Ни один благородный гость на пиру не мог не узреть в этом поступке всей гордости этих людей. Если же неотесанные чужестранцы, пришедшие в нашу страну откуда-то с запада, полагали себя стоящими выше

древнего этикета, благородный человек, в свою очередь, был выше того, чтобы заметить их недовольство. Но прежде всего, впрочем, властители падали ниц перед Александром из благодарности: ведь он старался оказать им честь. Когда первый из персов встал лицом к царю — перед тем как опуститься на колени, — я видел, как встретились их взгляды и как промелькнуло в них понимание.

Перед каждым из тех, кто падал ниц, Александр любезно склонялся сам; македонцы шептались на своих ложах, когда в конце процессии вперед вышел старик, довольно тучный и одеревенелый в коленях, и опустился на пол, стараясь изо всех сил. Всякому понятно: становясь на колени, не стоит задирать зад, — и все прочие падали ниц со всею грацией; только слабоумный мог осмеять немощь бедного старца. Я услыхал пролетевшее где-то меж македонцами хихиканье; и тогда один из них, некий Леоннат из отряда Соратников, грубо загоготал. Персидский вельможа, как раз в это время пытавшийся подняться, не уделяя должного внимания своей устойчивости в попытке сделать это как можно быстрее, был так шокирован, что чуть было не упал. Я стоял за ним, дожидаясь собственной очереди, и помог бедняге

устоять на ногах.

Занятый этим, я не видел реакции Александра и, подняв наконец взор, узрел пустой трон. Царь размашистым шагом направлялся к обидчику, и полы его одеяния развевались; шаг Александра был легок, словно ноги его вообще не касались пола; он был подобен молодому льву в прыжке. Не думаю, чтобы Леоннат вообще заметил его приближение. Не сказав ни слова, Александр устремил вниз яростный взгляд побелевших глаз, схватил Леонната за волосы одной рукой, за кушак другой и стащил с ложа прямо на пол.

Говорят, что Александр редко сражался с врагом во гневе; обыкновенно он бывал в приподнятом, легком настроении и часто улыбался. И все же сегодня я думаю: сколько же людей в своей предсмертной агонии встречали этот горящий белым огнем взгляд? Леоннат, в ярости барахтавшийся на полу, подобный упавшему медведю, глянул вверх и мгновенно побледнел. Даже я почувствовал, как затылок мой словно бы омыло холодным дуновением. Я бросил взгляд на пояс Александра, ожидая увидеть там оружие.

Но царь просто встал над Леоннатом, уперши руки в бока и лишь чуточку запыхавшись, и проговорил спокойно:

— Ну вот, Леоннат, теперь ты тоже лежишь предо мною. И ежели ты воображаешь, будто хорошо при этом выглядишь, тогда посмотри на себя со стороны.

Затем царь прошел к собственному трапезному ложу и о чем-то заговорил с окружавшими его гостями.

Грубость наказана, подумал я. Никто не пострадал. Зачем мне было пугаться?

Пир быстро подошел к концу, и Александр вернулся в опочивальню совершенно трезвым. Львиная ярость пропала без следа; он не находил покоя, меряя шагами комнату, говорил об оскорблении, нанесенном моему народу, и лишь затем с тоскою выкрикнул:

— Отчего Каллисфен восстал против меня? Чем я провинился перед ним? У него было все: подарки, влияние — все, о чем он только ни просил. Если это друг, дайте мне лучше честного врага. Некоторые из них делали мне добро; этот явился на пир лишь затем, чтобы унизить меня. Я видел в нем ненависть. Почему?

Я подумал: «Быть может, философ действительно верит в то, что божественные почести следует воздавать одним лишь богам?» Но тут же вспомнил, что греки и раньше оказывали их смертным.

Кроме того, здесь было и что-то другое… Когда привыкаешь к жизни при дворе, подобные вещи чувствуются сразу. Каллисфен был греком, и я не знал, кто другой может стоять за ним. И просто ответил, что так, по-моему, философ пытался снискать себе верных сторонников.

— Да, но почему? Мне нужно это знать…

С некоторыми сложностями я заставил Александра раздеться и принять ванну. Я ничем не мог успокоить его и боялся, что царь не уснет.

Гневался он не только из-за поругания прав, на которые уже рассчитывал с того момента, как они были заявлены. Люди оказались недостойны его любви к ним, предали ее. Чувство это было слишком глубоким, чтобы Александр смог говорить о нем. Нанесенная в минуту душевного подъема рана все еще кровоточила. И все же он сдержал гнев; именно нанесенное персам оскорбление прорвало плотину. Александр завершил день с мыслью о нас — так же, как и начал его.

Я уложил царя в постель и искал какие-то утешительные слова, когда от двери раздался голос: «Александр?» Лицо царя просветлело, когда с губ его слетело: «Входи». То был Гефестион. Я знал, что он не стал бы спрашивать позволения, не будучи уверен в моем присутствии.

Я оставил их наедине, думая: «В день, когда Александр вопрошал оракула, этот человек был там и слышал все. Теперь он пришел, чтобы сделать то, чего не смог бы сделать я сам». Вновь я желал смерти Гефестиону.

Зарывшись головой в подушку, я сказал себе: «Смогу ли я лишить своего заболевшего господина целебного питья потому только, что не я сам собирал травы? Нет, пусть лучше он исцелится». Потом я выплакал себе все глаза и уснул.

Когда зима отступила, двор Александра переместился в Мараканду. Так мы избавились от отравленной воды Окса и его жарких равнин. Теперь, думал я, все пойдет хорошо.

После Зариаспы все здесь казалось райским: зеленая речная долина у самого подножия гор, высокие белоснежные пики над головою и вода, словно текучий лед, чистая, как хрусталь… Во многих садах миндальные деревья уже набирали цвет, а из тающих снегов поднимались маленькие нежные цветки лилий.

Хоть и раскинувшаяся на землях Согдианы, эта долина вовсе не погружена в дикость, подобно лежащим далее: это настоящее пересечение караванных путей, и здесь можно встретить людей отовсюду. На базарах продаются искусно

отделанные бирюзой конские сбруи и кинжалы в ножнах кованого золота. Здесь можно купить даже шелк из страны Цинь, и я приобрел его достаточно, чтобы сшить длинное одеяние; по небесно-голубому фону там были вышиты цветы и летающие змеи. Продавец заявил, что шелк был в пути целый год, а Александр решил, что Цинь должна лежать где-то в Индии, ибо нет никакой земли за пределами вод Внешнего океана. Глаза царя сияли всякий раз, когда он говорил о далеких чудесных краях.

Цитадель немного растянута в своем плане, словно бы стремится куда-то на запад над городом у собственных стен. Это довольно вместительная крепость с настоящим дворцом внутри. Здесь Александр занялся ворохом важнейших дел, не достигших его на севере. Он принимал множество персов самого высокого ранга и, как я отчетливо видел, не перестал думать о нашем обычае приветствовать владыку.

Леоннат был прощен. Александр сказал мне, что в общем он совсем не плохой человек и добрый товарищ и что он имел бы куда больше здравого смысла, не напейся он на том пиру. Я отвечал ему, что в Мараканде все будет иначе, раз здесь мы можем пить воду из горных источ-

ников.

В моих словах сквозила надежда. На берегах Окса Александр слишком долго был вынужден пить крепкое бактрийское вино и успел привыкнуть к нему. Здесь он смешивал его с водой примерно наполовину — но для бактрийского вина этого вовсе не достаточно.

Если беседа текла плавно, Александр говорил больше, нежели пил, и, даже если засиживался допоздна, все бывало прекрасно. Но порой он просто приходил трапезничать с намерением напиться. Все македонцы поступают так время от времени; на берегах Окса они привыкли делать это чаще обычного.

Никогда в своей жизни Александр не напивался во время марша. Победы его были слишком блестящи: медлительные враги оставляли царю достаточно времени. Он также не пил, когда ему бывало необходимо подняться рано на следующий день, даже просто для того, чтобы поохотиться. Иногда охота отнимала два-три дня, и Александр разбивал свой шатер в холмах; она прочищала ему кровь, и он возвращался свежим и бодрым, как мальчик.

Александр понемногу приноравливался к нашим обычаям. Поначалу мне казалось, он делает

это затем, чтобы не выказать ненароком неуважения; потом я увидел, что он просто привык соблюдать их. Почему бы и нет? Я с самого начала понимал, что македонский царь во многом превосходил породившую и воспитавшую его страну. Сама душа его была цивилизованна; мы лишь показали ему самые общие, внешние формы своей культуры. Все чаще, принимая гостей и просителей, Александр надевал митру. Она весьма шла ему, ибо имела форму боевого шлема. Он взял в свиту нескольких управителей из местного дворца, и те наняли персов-поваров; отныне персидские гости вкушали настоящие праздничные яства, к которым привыкли, но и сам Александр бывал доволен кушаньями, хотя, по обыкновению, ел совсем немного. Чувствуя его добрую волю и гармонию с нашими обычаями, многие из тех, кто прежде служил ему из одного лишь страха, отныне делали это с удовольствием. Его правление было одновременно и сильным, и справедливым; немало времени пролетело с той поры, как у персов был царь, сочетавший и то и другое.

Впрочем, македонцы чувствовали себя обманутыми. Они ведь оставались победителями и полагали само собой разумеющимся, что это

будет заметно во всем. Александр не мог не понимать этого. Он не был человеком, легко идущим на уступки, и вскоре вновь попробовал кружным путем привести своих соплеменников к ритуалу падения ниц. На сей раз он начал не с подножия, но с вершины.

Ни великолепного пира, ни персидских гостей. Одни лишь друзья, которым он мог верить, а также имевшие вес македонцы, коих он надеялся убедить. Он поделился со мною своими планами, и я счел, что ему это удастся: Александр был щедро наделен чувством такта.

Сам я, однако, не был допущен. Александр не сказал мне отчего; он превосходно видел, что я и так понимаю причину. Но все-таки, страстно желая увидеть это, я прокрался в примыкавшую комнату для слуг и затаился там, откуда мог созерцать все через проем дверей. Харес промолчал. Я почти всегда мог поступать, как мне вздумается, если только не нарушал рамок пристойности.

Все ближайшие друзья царя были приглашены: Гефестион, Птолемей, Пердикка, Певкест — и Леоннат тоже, благодарный за дарованное ему прощение и готовый исправиться. Что до остальных, то все они знали, что должно произойти. Когда Александр открыл мне, что пригласил

и Каллисфена, удивление столь ясно проступило на моем лице, что он добавил: «Гефестион говорил с философом, и тот согласился. Но даже если он нарушит свое слово, я не стану замечать этого. Все будет иначе, чем в прошлый раз. Да и остальные не одобрят его выпада».

То была лишь маленькая вечеринка, не более чем на двадцать кушеток. Я видел, что Александр не пригубил своей чаши. Не было на свете удовольствия, что смогло бы подчинить царя себе, столь сильна была его воля. Он говорил, подносил к губам чашу и снова говорил.

Никто не мог уподобиться Александру в красноречии, когда тот бывал в ударе и обращался к благодарному слушателю. С греком он заговаривал об известных пьесах и актерах, о скульптуре, поэзии и живописи или же о том, как следует спланировать улицы города так, чтобы жителям было удобно в нем; с персом он говорил о предках собеседника, лошадях, обычаях его сатрапии или же о наших богах. Некоторые из его македонских друзей в детстве ходили к их общему наставнику — Аристотелю, о котором Александр до сей поры был самого высокого мнения. С большинством же других, в жизни своей не прочитавших ни одной книги и спо-

собных всего лишь «царапать» по воску, он был вынужден говорить об их заботах, их охотничьих удачах, их любовных похождениях или же о войне, что, если вино достаточно бойко ходило по кругу, быстро приводило беседу к победам Александра. Полагаю, это правда — то, что порой он говорил о них слишком много. Но всякий мастер, даже непревзойденный в своем искусстве, любит воскрешать в памяти уже созданные шедевры.

В ту ночь вино было хорошенько разбавлено, и все шло гладко. Для каждого из гостей у Александра нашлось нужное слово. Я слышал, как он спросил у Каллисфена, давно ли тот получал весточку от Аристотеля, на что философ отчего-то отвечал с запинкой, хоть сумел быстро совладать с собою и скрыть замешательство. Александр же рассказал остальным, что повелел сатрапам всех провинций посылать философу (уже обладавшему обширным собранием редкостей) любые странные находки, какие только удастся разыскать. Кроме того, Александр подарил Аристотелю немалые деньги — восемьсот талантов, чтобы тот выстроил на них здание, которое вместило бы коллекцию. «Когда-нибудь, — объявил он, — я непременно схожу и посмотрю на нее».

Столы очистили после трапезы; в тот вечер гостям не предлагали персидских сладостей. Все ждали чего-то; казалось, сам воздух был пропитан ожиданием. Харес, чья должность обычно считалась слишком высокой, чтобы он позволял себе разносить что-либо, самолично внес в залу прекрасную золотую чашу. То была персидская работа — по моему разумению, из Персеполя. Ее-то Харес и вложил в ладони Александру.

Царь отпил из нее, затем протянул Гефестиону, чье ложе стояло справа от кушетки Александра. Гефестион выпил, передал чашу Харесу и поднялся со своего места; тогда, оказавшись перед Александром, он пал ниц. Получилось превосходно, — должно быть, он упражнялся дни напролет.

Я отпрянул подальше. Зрелище вовсе не предназначалось для моих глаз, и я вполне понимал справедливость этого требования. Большую часть собственной жизни я провел, сгибаясь до земли, — как и все мои предки, вплоть до времен Кира. Это просто старая церемония, и нам отнюдь не кажется, что она способна как-то унизить человека, но для македонца, со всей его гордостью, это нечто совсем иное. У Гефестиона было право — по крайней мере, в тот первый раз —

не делать этого на виду у персов, и в особенности у меня на глазах.

Он поднялся на ноги с не меньшей грацией, чем опускался на колени (ничего лучше я не видывал даже в Сузах), и шагнул к Александру, обнявшему его за плечи и расцеловавшему. Глаза их разделили улыбку. Гефестион вернулся на свое ложе, и Харес отнес чашу Птолемею. Так оно и продолжалось: каждый приветствовал царя и затем обнимал друга. На сей раз, подумалось тогда мне, даже Каллисфен не должен смутиться.

Очередь философа подошла ближе к концу. Словно бы случайно, Гефестион как раз в это время заговорил с Александром, который отвернулся, чтобы ответить. Никто из них не наблюдал за Каллисфеном.

Я же не спускал с философа глаз. Мне хотелось понять, достоин ли этот человек уважения. Вскоре я получил ответ на свой вопрос; он отпил из чаши, после чего прошел сразу к Александру, который (как решил Каллисфен) ничего не заметил, и встал рядом с ним, ожидая поцелуя. Я представил себе, как позже он хвастает, что был единственным, кто не стал кланяться. Едва возможно поверить, чтобы взрослый человек мог оказаться таким дураком!

Гефестион взглядом предупредил Александра. Тот промолчал. У Каллисфена был шанс сдержать данное слово; нарушив его, он оказался бы презираем самыми властными людьми при дворе. Такой поступок заставит отвернуться от него всех, кто счел бы выходку Каллисфена личным оскорблением.

Придумано было отлично; никто не учел, правда, степень презрения, которое эти люди питали к Каллисфену уже сейчас. Когда Александр повернулся к нему, кто-то воззвал со своего места: «Не целуй его, Александр! Он не падал ниц!»

Услышав, царь не мог сделать вид, что ничего не произошло. Он удивленно поднял брови и вновь отвернулся от Каллисфена.

Можно подумать, этого было достаточно. Каллисфен же никогда не знал меры ни в добре, ни в зле. Он пожал плечами и отошел от царя со словами: «Ну что ж, обойдусь и без поцелуя».

Полагаю, если человек способен сохранять хладнокровие в первом ряду сражающихся, это не идет ни в какое сравнение со спокойствием, надобным для того, чтобы иметь дело с Каллисфеном. Александр же просто подманил Хареса, который догнал философа, пока тот еще не успел вновь устроиться на своем ложе. Весьма

удивленный — подумать только! — новостью о своем изгнании, тот встал и вышел, не открывая более рта. В душе я поздравил царя с тем, что он не удостоил философа чести выслушать слово «вон!» из собственных уст. Да, подумал я, он быстро учится.

Несколько друзей последними пали ниц, как если бы ничего не случилось; дальше все шло, как и на любом ином дружеском собрании. Но все уже было испорчено. Каллисфен доказал всю низость своих намерений, но был способен изготовить из этого собственный рассказ, который мог бы воодушевить прочих. Снова и снова я возвращался к одной и той же мысли…

В тот день царь лег относительно рано. Я выслушал всю историю (ведь меня там не было) и затем сказал:

— Ради поцелуя я готов и на большее. Я убью этого человека для тебя. Время пришло. Просто скажи одно лишь слово.

— Ты и правда сделаешь это? — В голосе Александра было больше удивления, чем жажды услышать мой ответ.

— Конечно же сделаю. Всякий раз, когда ты едешь на битву, твои друзья убивают твоих врагов. Я же еще ни разу никого не убил ради тебя.

Позволь мне сделать это теперь.

Он сказал:

— Спасибо, Багоас. Но это вовсе не то же самое.

— Никто не узнает! Караваны привозят тонкие, незаметные яды издалека, даже из Индии. Я скрою лицо, когда пойду покупать снадобье, и знаю, что нужно делать.

Он положил ладонь мне на лицо и спросил:

— Ты уже делал это для Дария?

Я не ответил ему: «Нет, это просто план, который я придумал, чтобы убрать с дороги твоего возлюбленного».

— Нет, Аль-Скандер. За всю свою жизнь я убил лишь одного человека и сделал это, спасаясь от посягательств на свою честь. Но для тебя я готов на убийство — и обещаю, что не допущу небрежности.

Очень нежно Александр отнял пальцы от моего лица.

— Когда я сказал, что это не то же самое, я имел в виду «для меня».

Мне следовало знать. Александр никогда не убивал тайком, ни разу — за всю свою жизнь. Он не стал скрывать смерть Пармениона, когда дело было сделано. У него, вероятно, было множество друзей, которые с радостью избавили бы

царя от козней Каллисфена и даже устроили так, чтобы смерть философа показалась естественной. Но Александр не желал делать то, чего не смог бы потом объявить своим деянием. И все же, если б он только позволил мне послужить ему так, как я желал того, это избавило бы царя от многих неприятностей и даже спасло несколько жизней.

После того, что случилось, он более не заговаривал о падении ниц. С македонцами он вел себя по-прежнему, иногда устраивая вечера с вином и дружескими беседами. Но что-то все-таки переменилось. Те, кто согласился пасть перед ним на колени — из любви, преданности или же из понимания, — отныне избегали общества пренебрегших царской волей, словно бы бросая на них тень недоверия. Каждый теперь знал свое место; отныне если кто-то и бывал не уверен, к кому следует примкнуть, то обе стороны тут же осыпали его упреками; расцветали раздоры.

Когда мы, персы, сгибали свои тела перед владыкой, никто из македонцев и не думал возражать. С чего бы? Мы просто выказывали царю покорность и готовность служить ему. Но старый ритуал становился похож на богохульство, когда ему пытались следовать македонцы.

Партии уже успели разделиться и даже пролить

кровь. В уничтожении сил, поначалу брошенных на освобождение Мараканды, скрывалась какая-то темная история. Наши воины вытеснили осаждающих из их лагеря, но затем атаковали значительное скифское войско — и оказались загнаны в угол у самой реки. Царский толмач Фарнеух был отправлен навстречу врагу с полномочиями посла; македонские военачальники — как конники, так и пехотинцы — не сразу убедили его принять командование. Никто уже не узнает всей правды о случившемся; немногие выжившие воины обвиняют то одного, то другого, но, кажется, предводитель всадников не выдержал ожидания и во главе конницы пересек реку, бросив пехоту на обрыве у берега. Пешим воинам пришлось торопиться вслед за конниками; достигнув вплавь маленького островка посреди реки, они все стали там прекрасными мишенями для скифских стрел. Немногие смогли уплыть, чтобы поведать нам эту горькую повесть. Мараканда была осаждена вновь, и только сам Александр освободил город, после чего самолично отправился взглянуть на изуродованные тела и похоронить их.

Он был страшно разгневан тем, как хорошее войско оказалось безжалостно разбито вслед-

ствие неумелого руководства, и сказал, что жалеет о потере Фарнеуха более, чем о смерти таких полководцев. Друзья Александра говорили, что эти люди считали персов недостойными разделить с ними пищу; по их мнению, персидские войска были способны лишь прикрыть их собственные, когда дело шло плохо. Все это вселило в некоторые сердца затаенную злобу и ожесточило беседы на обычных вечерних пирушках с обильными возлияниями. Каждую ночь с ужасом я ждал, что вот-вот в присутствии царя разгорится какая-нибудь драка или иная недостойная сцена. Этого я страшился более всего. К счастью, бог не наделил меня даром предвидения.

Примерно тогда Черный Клит (прозванный так за свою жесткую бороду) явился во дворец испросить царского приема.

Это был тот самый Клит, что разделял с Гефестионом командование отрядом Соратников. Если вам потребен пример бывалого вояки, не желающего мириться с любыми новшествами, то он перед вами. Александр всегда потакал ему, ибо тот знал царя с колыбели; Клит был младшим братом царской няньки — благородной македонянки, воспитавшей Александра. Полагаю,

Клит был старше царя лет на десять. Он бился еще в рядах войска царя Филиппа и, обладая старомодными взглядами и представлениями, всегда говорил свободно при ком бы то ни было и презирал всех инородцев. Наверное, он помнил годовалого Александра ковыляющим по полу и пускающим под себя лужицы. Не много ума надо, чтобы вспоминать подобные вещи о великом человеке; с другой стороны, я не думаю, что Клит мог бы — даже напрягшись — мыслить более общими понятиями. Он был отменным воином и неизменно проявлял мужество в гуще сражения. Всякий раз, когда ему на глаза попадался перс, на его лице вырисовывалось сожаление, что он убил их меньше, чем мог бы.

Поэтому посещение дворца Клитом, пришедшееся как раз на то время, когда именно Оксатр встал на часах, охраняя царя, стало подлинным злосчастием.

Я проходил мимо и, услыхав, как к Оксатру обращаются словно бы к слуге, остановился взглянуть на наглеца. Посчитав ниже своего достоинства заметить грубый тон, Оксатр не собирался бросать пост и бежать выполнять чьи-то поручения; поманив меня, он сказал по-персидски: «Багоас, передай царю, что полководец Клит

хочет повидать его».

Я ответил на том же языке и поклонился; не стоило забывать, какое положение мы имели при дворе в Сузах. Поворачиваясь, чтобы уйти, я увидал лицо Клита. Между ним и царем стоят теперь два варвара, причем один из них — евнух! Теперь я ясно видел, как отнесся Клит к тому, чтобы оказаться представленным владыке продажным персидским мальчишкой.

Царь принял его довольно скоро. В деле, приведшем к нему Клита, не было ничего необычного; я слышал весь их разговор. И лишь потом, когда полководец вышел и вновь узрел стоящего на часах Оксатра, брови чернобородого македонца вновь сомкнулись над переносицей.

Вскоре после этого незначительного происшествия царь давал большой пир — в основном для своих македонских друзей. Впрочем, на нем были и греки, посланцы из Западной Азии, равно как и несколько персов, занимавших значительные должности в управлении провинцией, чьи полномочия царь подтвердил ранее.

Двор Александра теперь вырос, уже вполне соответствуя его положению; здесь все было учтено, чтобы в случае надобности угодить гостям любого ранга и звания. Я мог отправиться на ба-

зар за покупками, или уйти в город посмотреть на танцы, или же просто зажечь лампу и читать свою греческую книгу, что в последнее время стало удовольствием… Но что-то толкнуло меня посетить в тот вечер пиршественную залу. В том не было особой причины, меня просто угнетали обычные тревоги… и захотелось быть поблизости. Такие предчувствия могут внушаться богом или же просто порождаться опытом: так хорошие пастухи бывают способны угадывать погоду. Если это бог послал меня туда, то, верно, мне предназначалось вмешаться и отвратить беду. Как знать?

С самого начала мне все показалось странным. Александр принес в тот день жертву Диоскурам, греческим героям-близнецам. Клит тоже задумал пожертвовать двух овец Дионису, чей праздник отмечался в тот день в Македонии, а Клит всегда исполнял старые обычаи. Он обрызгал вином своих овец, уже готовясь перерезать им глотки, когда услыхал рожок, зовущий гостей к столу. Поэтому он оставил все как есть и ушел. Но глупые овцы, приняв своего палача за пастуха, покорно поплелись следом и вместе с ним вошли в двери залы. Все катались со смеху, пока не выяснилось, что овцы были жертвенными

животными, уже посвященными богу. Царь был весьма взволнован этим знамением и послал за жрецами, которые принесли бы эту жертву за Клита. Тот поблагодарил Александра за добрую мысль, и как раз в это время вошли виночерпии со своими сосудами.

Я понял сразу, что этот вечер был одним из тех немногих, когда Александр опускался на пиршественное ложе с твердым намерением напиться. Именно он задавал темп; виночерпии сновали взад-вперед столь быстро, что все были уже изрядно навеселе к тому времени, как с мясными блюдами было покончено, тогда как, по персидскому обыкновению, вино только сейчас следовало бы предложить гостям. Я и по сей день не могу совладать с гневом, когда несведущие греки объявляют, что именно мы приучили царя преступать меру в отношении вина. Да неужели?..

В тот день был подан десерт: превосходные спелые яблоки из Гиркании. Они хорошо перенесли неблизкий путь, и Александр заставил меня взять одно еще до ужина — на тот случай, если их вдруг не останется вовсе. Царь никогда не бывал чересчур занят, чтобы подумать о мелочах наподобие этой.

Кажется, в самой человеческой природе заложена способность обращать добрые дары бога во зло. В любом случае именно с этих яблок разговор принял неверный оборот.

Друзья Александра рассуждали в том духе, что фрукты всех четырех сторон света ныне прибывают к его столу, поступая из собственных его земель. Диоскуры и те были обожествлены за меньшие подвиги на поле брани.

Ныне, прочтя немало книг, я убедился в правдивости этих слов. Самой дальней точкой, куда только смогли добраться близнецы на корабле Ясона из родимой Спарты, был Эвксинский Понт — примерно то же расстояние, что из Македонии до Западной Азии, да и то лишь вдоль берега. Другие походы, в которых участвовали Диоскуры, были маленькими греческими войнами, поездками за стадами или за своей сестрой, похищенной каким-то афинским царем. Все это не так далеко от дома. Без сомнения, братья были отличными воинами, но я сомневаюсь, что они могли сражаться плечом к плечу, ведя притом своих людей на битву. Один из них был всего лишь борцом. Поэтому Александр не стал отрицать, что превзошел их. Зачем бы ему это делать? И все-таки я чувствовал приближение беды.

Можно представить, какой шум о богохульстве подняли сторонники старых порядков. На это друзья Александра отвечали криком (к тому времени орали уже все в зале), что близнецы были рождены такими же смертными, как и Александр, и одни только зависть и желчь под фальшивыми масками благочестия могут отказать ему в почестях, которых он заслуживает куда более, чем эти двое.

Словно бы и сам пропитавшись царившим в зале ароматом брожения, я выпил немало вина в помещении для слуг, и теперь все плыло предо мною, словно в зыбком тумане. Так бывает во сне: знаешь, что грядет нечто ужасное, но уже ничего нельзя исправить. Впрочем, и трезвый, я ощутил бы то же самое.

— Александр то, Александр се, везде Александр! — Гулкий и хриплый голос Клита перекрывал все остальные. Именно он заставил меня броситься из своего укрытия ко входу в пиршественную залу. Полководец стоял, выпрямившись во весь рост, у своего ложа. — Он что, сам покорил всю Азию? Неужели мы ничего не свершили?

На что Гефестион проорал через всю комнату (уже пьяный, как и все прочие):

— Он вел нас! Ты не заходил так далеко с Фи-

липпом!

Только этого и недоставало, чтобы удвоить гнев Клита.

— Филипп! — закричал он. — Филипп начинал с пустого места! Какими он принял нас? Племена грызутся, цари бьются за трон, повсюду враги. Его убили, когда ему не исполнилось и пятидесяти, а кем он был тогда? Повелителем Греции, хозяином Фракии до Геллеспонта; все было готово к походу на Азию! Без своего отца, — теперь Клит кричал прямо в лицо Александру, — где б ты оказался сегодня? Без армии, которую он собрал для тебя? До сих пор отбивался бы от иллирийцев!

Я был потрясен до глубины души тем, что он мог так оскорбить повелителя в присутствии персов. Что бы ни ждало этого человека в дальнейшем, его следовало немедленно вывести вон. Я ждал, что царь прикажет это сразу же.

— Что?! — крикнул он в ответ. — За семь-то лет? Ты что, из ума выжил?

Никогда прежде я не видал, чтобы Александр так забывался. Он походил на какого-нибудь забияку в таверне. И пьяные македонские олухи не придумали ничего лучше, как вторить ему своими воплями.

— Отбивался бы от иллирийцев! — рокотал Клит в ответ.

Александр, привыкший, чтобы его голос был слышен над шумом сражения, если он повышал его, сделал это сейчас:

— Мой отец боролся с иллирийцами половину своей жизни! И они не желали успокоиться, пока я не вырос, чтобы оказать отцу эту услугу. Мне было шестнадцать. Я гнал их многие лиги уже за пределами прежних границ, и там-то они и остались! А ты где был в то время? Вместе с отцом не высовывал носу из Фракии, после того как трибаллы разгромили тебя!

Я давно уже слыхал, что царица Олимпиада была ревнивой, неуправляемой женщиной, научившей Александра ненавидеть отца (как полагал я, оттого лишь, что в Македонии не сыщешь ни единого человека, обученного правильно управлять гаремом). От стыда мне хотелось провалиться сквозь землю.

Началась настоящая буря пререканий. Вновь вспомнили про прискорбный разгром войска на речном берегу, вновь пережили обрушившийся на островок шквал скифских стрел. В общем шуме Александр немного пришел в себя. Царь призвал к тишине голосом, который сразу же

возымел действие; я видел, что он с трудом сохраняет самообладание. Едва все утихли, он обратился к сидевшим неподалеку греческим гостям:

— Должно быть, вы чувствуете себя полубогами среди диких зверей, посреди всего этого крика.

Клит услышал. Побагровев от выпитого вина, смешавшегося с яростью, он завопил:

— Значит, теперь мы звери? И дураки, и растяпы! В следующий раз он назовет нас трусами. Именно так и назовет! Это мы — те воины, какими сделал нас твой отец, *мы* принесли тебе все твои победы. И теперь даже кровь его недостаточно хороша для тебя, ты ведь теперь «сын Амона»!

Мгновение Александр безмолвствовал. Затем сказал — негромко, но таким свирепым голосом, что тот прорезал насквозь всю суматоху спора:

– *Убирайся.*

— Да, я уйду, — ответил Клит. — Отчего не уйти? — Внезапно выбросив в сторону руку, он указал на меня дрожащим перстом. — Да, когда для того, чтобы повидаться с тобой, нам приходится сначала спрашивать разрешения у варваров, подобных этому выродку, лучше уж держаться подальше. Лишь мертвецы, Пармениона и его сыновья, счастливы ныне.

Не сказав ни слова, Александр потянулся к блюду с яблоками, замахнулся и метнул плод прямо в голову Клита. Бросок был убийственно точен; я слышал глухой удар.

Гефестион прыжком поднялся на ноги и подскочил к Александру. Я слышал слова, обращенные к Птолемею:

— Выведи его. Во имя любви богов, выведи его отсюда.

Птолемей бросился к Клиту, все еще потиравшему ушибленный лоб, схватил его за руку и потянул к дверям. Клит обернулся и помахал ладонью.

— Этой самой рукой, — заявил он, — я спас тебе жизнь у Граника, когда ты подставил спину под копье Спитридата.

Александр, бывший на пиру в своем персидском одеянии, схватился за пояс, словно бы надеясь найти там меч. Возможно, в Македонии они действительно не снимают оружия, отправляясь пировать.

— Подставил спину?! — крикнул он. — *Лжец!* Подожди меня, не убегай!

Теперь у него была причина гневаться. Родственники Спитридата, жившие в Сузах, уверяли всех, будто бы тот погиб, сражаясь с Александром

лицом к лицу, но они наделяли его чрезмерным мужеством: этот воин пытался убить Александра, подойдя со спины, когда царь рубился с кем-то другим. Клит, в свою очередь подскочивший сзади, отрубил Спитридату руку, уже занесенную для удара. Как я полагаю, любой воин, оказавшийся поблизости, сделал бы в точности то же самое, но Клит столь часто похвалялся своим подвигом, что всех уже тошнило от этой старой истории. Сказать, будто Александр подставил врагу спину, было вовсе уж бесчестно. Царь вскочил на ноги, но Гефестион и Пердикка остановили его, ухватив поперек туловища. Александр боролся и проклинал их, пытаясь вырваться, пока Птолемей тащил к дверям Клита, все еще бормотавшего какие-то оскорбления, и вовсе уже неслышные в поднявшемся шуме. Тем временем Гефестион увещевал Александра:

— Мы все напились. Потом ты пожалеешь…

Барахтавшийся в их объятиях Александр процедил сквозь зубы:

— Кажется, так кончил Дарий. Еще немного — и вы принесете веревки.

Его разумом овладел какой-то злой бог, подумал я. Нет, это не просто выпитое вино; его надо спасать. И подбежал к извивавшемуся клубку

людей:

— Александр, с Дарием было иначе. Это твои друзья, они не желают тебе худа.

Полуобернувшись на мой голос, Александр непонимающе переспросил:

— Что?

Гефестион фыркнул:

— Поди прочь, Багоас, — с раздражением, подобным тому, с каким обращаются к ребенку, требующему внимания в самый неподобающий момент.

Наконец Птолемей довел Клита через всю залу до дверей и остановился распахнуть их. Готовый броситься обратно, Клит едва не вырвался, но Птолемей всегда имел крепкую хватку. Оба пропали из виду, двери затворились за ними. Тогда с видимым облегчением Гефестион произнес:

— Он ушел. Теперь он тебя не слышит. Не выставляй себя на посмешище, успокойся и сядь.

Они разжали объятия.

Александр запрокинул голову и испустил пронзительный вопль на македонском наречии. Снаружи в залу вбежало несколько воинов. Царь призвал охрану.

— Трубач! — крикнул Александр. Тот шагнул

вперед: в его обязанности входило каждую минуту быть подле царя. — Общая тревога!

Воин медленно поднял инструмент, не спеша сигналить. Тревога подняла бы на ноги всю армию. Со своего поста он видел практически все, что произошло в зале. Стоявший позади царя Гефестион сделал ему знак: «Нет».

— Труби же! — настаивал Александр. — Ты что, оглох? Общая тревога!

Снова воин поднес к губам трубу. Перед собою он видел глаза пяти или шести полководцев, молча взывавших: «Не надо». Он опустил инструмент, и Александр наотмашь ударил воина по лицу.

— Александр! — вскричал Гефестион.

Какое-то время царь молчал, словно бы приходя в себя. Наконец он обронил широко разинувшим рты стражникам:

— Ступайте на свои посты.

Бросив на него встревоженный взгляд, трубач последовал за товарищами.

Когда спор еще только начинал разгораться, персы тихонько ушли, принеся свои извинения управителям двора. Вечно любопытствующие греки оставались куда дольше, но и они скрылись — уже без церемоний, — стоило Александру

позвать стражу. Теперь в зале оставались одни македонцы; позабыв собственные распри, они пялились друг на друга, подобно крестьянам, затеявшим потасовку за оградой своего поселения и устрашившимся близкой вспышки молнии.

Я подумал: «Они должны пропустить меня. Александр услышал, когда я назвал имя Дария. Пусть делают что хотят, но я проберусь к нему».

Но теперь царь был свободен и, пошатываясь, брел по пиршественной зале, взывая к Клиту так, как если бы тот был еще здесь:

— Все эти раздоры в лагере — твоих рук дело!

Он прошел рядом, даже не заметив меня; я же не стал задерживать его. Как мог я схватить царя за руку на виду у стольких людей? И без того вечер был полон непристойности. Но он хотел покарать дерзкого грубияна собственными руками, вместо того чтобы послать за палачом! Какому еще царю, кроме воспитанного в Македонии, может прийти в голову что-то подобное? Все и так было хуже некуда — и без того, чтобы на виду у всех за руки царя цеплялся его персидский мальчик! Быть может, разницы уже и не было б или же (как мне кажется) Александр оттолкнул бы меня, так и не услышав… Но даже

теперь я просыпаюсь порой в ночи и думаю о том давно прошедшем дне.

Как раз в это время Птолемей, тихо проскользнувший внутрь через двери, предназначенные для слуг, шепнул остальным:

— Я вывел его за пределы цитадели. Там он должен остыть.

Царь все еще взывал: «Клит!» — но я уже успокоился. Он просто напился и хочет разбить кому-нибудь физиономию, думал я. Скоро это пройдет. Я посажу его в хорошую горячую ванну и выслушаю все, что он скажет. Потом Александр проспит до завтрашнего полудня и вновь проснется самим собой.

— Клит, где ты?

Едва Александр подошел к дверям, они распахнулись настежь. Там стоял Клит, краснолицый и запыхавшийся. Должно быть, он помчался обратно, едва Птолемей оставил его.

— Вот тебе Клит! — рявкнул он. — Здесь я!

Он явился, чтобы оставить за собой последнее слово. Оно слишком поздно пришло ему на ум, и Клиту не хотелось отказываться от столь веского довода в свою пользу. Самой судьбой ему было предначертано исполнить свое желание.

Из-за его спины в проем дверей нерешительно

заглядывал стражник, робостью подобный грязному псу. У него не было приказа не впускать полководца, но ему не понравилось состояние Клита. Воин стоял за спиною нахала, сжимая свое копье, послушный долгу и готовый к действию. Александр же, не успевший сделать и шагу, ошеломленно уставился на неугомонного спорщика.

— Послушай, Александр. «Когда трофей у эллинов…»[96]

Даже македонцы знают наизусть Еврипида. Я бы сказал даже, любой из находившихся там, кроме меня, мог бы завершить эту знаменитую цитату. Смысл ее в том, что победа — дело рук воинов, но именно полководцам достается вся слава. Не знаю, собирался ли Клит читать до конца.

Белый вихрь метнулся к дверям и развернулся снова. Послышалось мычание, похожее на последний крик быка, умирающего под ножом мясника. Клит обеими руками схватился за древко поразившего его прямо в грудь копья; корчась, упал с хриплым вздохом, вытянулся в агонии. Его рот и глаза распахнулись.

Все произошло столь быстро, что мне даже

---

[96] Сноски: 96

Еврипид. Андромаха. Ст. 693. Пер. И. Анненского.

показалось, будто смертельный удар нанес ему страж: копье принадлежало ему.

Тишина, растекшаяся по огромной зале, сказала мне правду.

Александр встал над телом, глядя вниз. Недоуменно позвал: «Клит?» — но мертвец просто взирал на него с полу. Тогда царь ухватился за древко и потянул. Когда оно не пожелало выйти из раны, я увидел, как Александр начал было привычное воину движение — наступить на тело и попытаться снова. Вздрогнув, он остановился и потянул опять. Оно резко вышло и, залитое кровью, запятнало одежды Александра. Медленно он развернул копье острием к себе и упер его тупым концом в пол.

Птолемей всегда уверял, что это ничего не значило. Я знаю только, что сам я вскричал: «Нет, господин!» — и вырвал копье из рук Александра. Я застал его врасплох, как он сделал это со стражником. Кто-то потянулся за оружием и убрал его подальше от глаз; Александр же опустился на колени рядом с телом и ощупал грудь Клита, после чего накрыл ему лицо своими окровавленными ладонями.

— О боже! — медленно выдохнул Александр. — Боже, боже…

— Идем отсюда, Александр, — шепнул ему Гефестион. — Тебе нельзя здесь оставаться.

Птолемей и Пердикка помогли ему подняться. Сперва он сопротивлялся, все еще пытаясь найти в трупе признаки жизни. Потом ушел с ними, двигаясь словно во сне. Его лицо в кровавых потеках было страшно, и собравшиеся кучками македонцы взирали на него с ужасом, когда царь проходил мимо. Я поспешил вослед.

У двери в его комнату стоявший на часах юноша бросился вперед, спрашивая:

— Не ранен ли царь?

Птолемей отвечал ему:

— Нет. Твоя помощь не надобна.

Попав внутрь, Александр рухнул на кровать вниз лицом — прямо, как и был, в запятнанном кровью одеянии.

Я заметил, что Гефестион озирается, и догадался, что он ищет. Намочив губку, я подал ему. Потянув Александра за рукава, Гефестион смыл кровь с его ладоней, а после очистил и лицо, поворачивая голову царя сначала в одну сторону, затем — в другую.

— Что ты делаешь? — вопросил Александр, отталкивая его руки.

— Смываю с тебя кровь.

— Вряд ли получится. — Александр протрезвел. И успел осознать содеянное. — Убийство, — произнес он.

Снова и снова царь повторял это, словно пытаясь выучить трудное слово на чужом языке. Александр сел на кровати. Его лицо не стало чище усилиями Гефестиона. Я послал бы за горячей водой, легонько прошелся губкой и сделал бы все как нужно.

— Уходите, все вы, — сказал царь. — Мне ничего не надо. Оставьте меня одного.

Переглянувшись, друзья Александра повернулись, чтобы выйти. Я ждал, чтобы позаботиться о моем господине, когда пройдет его первая печаль.

Гефестион поманил меня за собой:

— Идем, Багоас, ему сейчас никто не надобен.

— Я и есть «никто», — ответил я. — Позвольте мне приготовить ему постель.

Я шагнул к кровати, но Александр повторил свое «уходите все», и мне тоже пришлось выйти. Если б Гефестион держал рот закрытым, я бы тихонечко посидел в углу, пока Александр не забыл бы обо мне. Потом, уже ночью, когда жизненные соки текут медленнее, он не стал бы противиться моей помощи. Друзья царя даже

не накрыли его простыней, а ведь ночи были холодными!

Все трое ушли, тихо переговариваясь меж собою. Добравшись до собственной комнаты, я не стал раздеваться — на тот случай, если Александр позовет меня. Я прекрасно понимал, что, допустив такое страшное унижение, царь никого не может сейчас видеть. Мое сердце истекало кровью за него. Мы многому научили Александра в Персии, и потому он ощущал свой позор. По сравнению с происшедшим сегодня тот случай, когда Набарзан попросил Дария сойти с трона, дабы на время уступить его Бессу, был образцом придворного этикета.

Я вообразил себе человека, подобного Клиту, оскорбляющим великого царя в Сузах, если такое вообще возможно представить. Царь просто пошевелил бы пальцем, и появились бы люди, чьей заботой и было охранять его покой. Преступника мгновенно уволокли бы прочь, зажав ему рот ладонью; пир продолжался бы своим чередом, и лишь на следующий день, когда царь успел бы отдохнуть, он не спеша выбрал бы для обидчика заслуженную им смерть. Все было бы сделано тихо и достойно. Царю ни о чем не пришлось бы беспокоиться; ему стоило только шевельнуть

рукою!

Я думал, Александр понимает, что навлек на себя немалый позор перед греками и даже персами; что своим необдуманным поступком потерял бездну уважения. Ему нужно помочь и напомнить о его величии. Среди всех напастей царя вовсе не следует оставлять одного!

В мертвый час уже после полуночи я в одиночестве отправился к его комнате. Телохранитель у двери смотрел на меня не двигаясь. Из-за двери до меня доносился протяжный вой Перитаса, и я понимал, что Александр, конечно же, плачет.

— Впусти меня, — попросил я стража, — царю нужны мои услуги.

— Нет, ты не войдешь сюда. И никто другой. Таков мой приказ.

Этот юноша, Гермолай, никогда не давал мне повода усомниться в его мнении насчет евнухов. Он рад был не впускать меня и вовсе не сострадал печали моего господина. Звуки плача разрывали мне сердце; теперь я отчетливо слышал их.

— Ты не имеешь права не впустить меня, — сказал я. — Ты ведь знаешь, я-то могу войти.

В ответ Гермолай молча перегородил дверь своим копьем; о, с каким наслаждением я вонзил бы в него нож! Вместо этого я вернулся к себе

в комнату и до утра не сомкнул глаз.

Когда стража сменилась, где-то между зарею и восходом, я отправился туда снова. Теперь у двери стоял Метрон. Я сказал:

— Царь будет ждать меня. Никто не служил ему со вчерашнего вечера.

Этот юноша был здравомыслящим человеком и позволил мне войти.

Александр лежал, запрокинув лицо, взирая на потолочные брусья. Кровь на его одеянии высохла, обретя ржавый оттенок. Царь так и не позаботился о себе, даже не натянул покрывала! Взгляд его был неподвижен, словно взор мертвеца.

— Аль-Скандер, — позвал я. Глаза его медленно повернулись на мой голос, и в них было пусто — ни радости, ни раздражения. — Аль-Скандер, уже почти утро. Ты слишком долго печалился.

Я положил ладонь на его брови, и он позволил ей лежать там достаточно, чтобы я не почувствовал пренебрежения. Затем он отодвинулся.

— Багоас. Ты не позаботишься о Перитасе? Он ведь не сможет сидеть тут взаперти.

— Конечно, только после того, как позабочусь о тебе. Если ты снимешь с себя это и искупаешься, ты еще успеешь немного поспать.

— Пусть он пробежится рядом с твоим конем, — сказал Александр ровным голосом. — Ему нужно размяться.

Пес вскочил на ноги и прыжками бросался от меня к лежащему Александру, исполненный муки. Он уселся, когда я приказал ему, но не переставая крутил головой.

Я умолял:

— Сейчас принесут горячую воду. Давай снимем с тебя эту грязную одежду. — Я надеялся, это сработает, ведь Александр так любил быть чистым.

— Я сказал, мне ничего не нужно. Возьми собаку и уходи.

— О господин мой! — вскричал я. — Как можно казнить себя за смерть такого ничтожества? Даже если не следовало опускаться до этого, ты все равно поступил хорошо.

— Ты не понимаешь, что я натворил, — отвечал он. — Откуда тебе знать? Не беспокой меня сейчас, Багоас. Мне ничего не нужно. Возьми поводок Перитаса; он лежит на окне.

Сначала пес оскалился на меня, но Александр поговорил с ним, и тот смирился. У двери уже стояли три кадки с горячей водою, а раб поднимался по лестнице с четвертой. Мне ничего не оставалось, кроме как отослать воду обратно.

Метрон озабоченно шагнул от двери и тихо спросил меня:

— Неужели он вообще ничего не хочет?

— Нет. Только чтобы я позаботился о собаке.

— Он принял случившееся близко к сердцу. Оттого, что убил друга.

— Друга? — Должно быть, я вытаращил глаза, как последний дурак. — Да знаешь ли ты, что сказал ему Клит?

— Ну, он все-таки был ему другом, еще с детства. Клит всегда говорил очень прямо… Ты не поймешь, пока сам не поживешь в Македонии. Разве ты не знаешь, что ссоры друзей — самые горькие?

— Правда? — переспросил я, не имея о том ни малейшего представления, и повел измучившуюся собаку на воздух.

Дав Перитасу вволю побегать, я весь день ходил подле закрытой двери. В полдень я видел, как Александру принесли еду — и унесли нетронутой. Позже явился Гефестион. Я не слышал, о чем он говорил (из-за стражника у двери), но расслышал возглас Александра: «Она любила меня, как родная мать, а я так ответил на ее любовь!» Должно быть, он имел в виду свою няню, сестру Клита. Гефестион вскоре вышел. Спря-

таться было негде, но и увидев меня, он ничего не сказал.

Царь отослал хороший горячий ужин, так и не притронувшись к блюдам. На следующее утро, совсем рано, я принес ему напиток из вина, яйца, молока и пряностей, чтобы дать ему хоть немного сил. Но на часах стоял новый страж, и он не впустил меня. Царь пролежал, постясь, весь тот день.

После того к нему начали приходить наделенные властью люди, упрашивавшие Александра позаботиться о себе. Даже философы явились читать ему свои нравоучения. Я не мог поверить своим глазам, когда они послали к царю Каллисфена. Быстро поразмыслив, я вошел по пятам за ним. Уж если этот человек может войти, то я-то и подавно. Мне хотелось посмотреть на воду для питья; я помнил, что в кувшине ее было совсем немного.

Ее оказалось ровно столько же, сколько было и ранее — всего лишь четверть кувшина. За два дня Александр не сделал ни глотка, и это при той жажде, которую мужчина испытывает после вина!

Я присел в углу, слишком расстроенный, чтобы слушать Каллисфена. Кажется, он постарался

быть по-своему полезным, заявив, что раскаяние почти снимает грех. На мой взгляд, одно присутствие философа и то, как он держался, было способно оскорбить; но Александр выслушал его не перебивая, а в конце сказал, что ничего так не хочет, как побыть в одиночестве. Как я и уповал, мне удалось остаться незамеченным.

Но в это время вошел Анаксарх, спросивший у Александра, отчего он лежит тут в скорби, когда властелин мира имеет полное право поступать так, как ему хочется. Царь и этого выслушал с терпением, хотя в его состоянии даже стрекот кузнечика должен был казаться утомительным шумом. Затем, уже собравшись уходить, глупец Анаксарх надумал прибавить:

— Вот, пусть сидящий здесь Багоас накормит тебя и приведет в достойный вид.

Так я был замечен и отослан прочь вместе с софистом. Все мои старания пошли прахом.

Пришел третий день; ничто не изменилось. Новости уже успели обежать лагерь. Люди не шатались по городу, но мололи языками в своих шатрах или же сидели группками напротив дворца, то и дело посылая узнать о настроении царя. Совсем не обязательно долго жить среди македонцев, чтобы догадываться — они частень-

ко убивают друг дружку в пьяных драках после пирушек; прошло немало времени, прежде чем состояние царя стало их беспокоить. Но простые воины знали на собственном опыте: чего Александр хотел, того он непременно добивался. И сейчас они начинали бояться, что он желает смерти.

Я полночи провел, мучимый тем же страхом.

С радостью смотрел я на то, как в комнату Александра входит врачеватель Филипп. Хотя это случилось еще до моего появления в лагере, я уже слышал рассказ о том, как очень больной царь доверился ему и выпил принесенное Филиппом снадобье, только что прочитав послание Пармениона, предупреждавшее, что этот человек подослан Дарием отравить его. Александр протянул письмо лекарю и, пока тот читал, проглотил напиток… Но вскорости Филипп вышел от царя, покачивая головою.

Я *должен* попасть внутрь, думалось мне. С собою я взял пару золотых статеров, чтобы подкупить охрану. Если б страж попросил кувшин моей крови, я отдал бы и его.

Едва я приблизился, чтобы заговорить с ним, дверь открылась, и вышел Гефестион. Я шагнул в сторону, но он сказал мне:

— Багоас, нам нужно поговорить.

Он вывел меня вниз, в открытый дворик, подальше от стоков карниза. Только тогда Гефестион попросил:

— Мне бы не хотелось, чтобы ты входил сегодня к царю.

Из-за немалой власти, которой он был облечен, я постарался сдержать гнев. Что, если соперник попытается отослать меня прочь от господина?

— Разве не сам царь должен приказывать? — спросил я, еле стерпев захлестнувший мое сердце ужас.

— Истинно так.

С удивлением я увидел, что и Гефестион старается сдержаться. Чего он боится? И от кого исходит опасность — от *меня*?

— Если Александр пошлет за тобою, никто не станет противиться. Но держись подальше, пока это не случится.

Слова Гефестиона потрясли меня. Признаться, я был лучшего о нем мнения.

— Он убивает себя, но ежели его спасут — не все ли равно, кто это сделает? Мне все равно.

— Нет, — медленно проговорил он, взирая на меня с высоты своего роста. — Нет, по-моему. — Он все еще говорил со мною словно

с докучливым дитятей, уже прощенным за шалости. — Сомневаюсь, что он убьет себя. Александр вспомнит о предначертании… Ты понимал бы, сколь он выносливый, если бы служил рядом с ним. Он и не такое выдержит.

— Человек не может обходиться без воды, — шепнул я.

— Что? — резко переспросил Гефестион. — У него есть вода, я сам видел.

—

Ее в кувшине ровно столько же, как и в первую ночь, когда ты выгнал меня…

Подумав, я добавил:

— Я приглядываю за подобными вещами, когда мне позволяют это делать.

Гефестион сдержался и на сей раз.

— Да, он обязательно напьется, я постараюсь уговорить его.

— Но не я? — Теперь я сожалел, что не отравил этого человека в Задракарте.

— Нет. Потому что ты войдешь туда и скажешь, что великому царю позволено все.

Я собирался сказать нечто совсем другое, и уж в любом случае это никак не касалось Гефестиона.

— Воистину это так. Царь есть закон.

— Да, — удовлетворенно ответил Гефестион. — Так я и знал, что ты скажешь ему что-нибудь в этом роде.

— Почему нет? Кто окажет царю уважение, если предатели безнаказанно плюют ему в лицо? В Сузах человек, подобный Клиту, молил бы бога о той смерти, какую получил он.

— Не сомневаюсь, — сказал Гефестион.

Я вспомнил о криках Филота, но не стал напоминать о них, а лишь промолвил:

— Конечно, если б царь оставался собою, он не стал бы пятнать руки. Теперь он понял это.

Гефестион глубоко вдохнул сквозь зубы, словно бы с трудом сдерживаясь от того, чтобы размозжить мне голову.

— Багоас, — медленно заговорил он, — я знаю, что великий царь волен поступать, как ему хочется. Александр тоже это знает. Но он также помнит и о том, что он — царь македонцев, который не может преступить общий для всех закон. Он не может убить македонца — своими собственными руками или любыми другими, — пока за это не проголосует ассамблея. Вот о чем он забыл.

Мне вспомнились слова Александра: «Ты не понимаешь, что я натворил».

— Не в нашем обычае, — сказал я, — так рано предлагать вино. Подумай, как его оскорбили!

— Я был там. Я знал отца Александра… Но это сейчас не важно. Царь преступил первый закон Македонии. Не сдержался. Этого он не может простить себе.

— Но, — вскричал я, — он должен простить! Иначе он умрет.

— Разумеется, должен. Как ты думаешь, чем сейчас заняты македонцы? Они созывают ассамблею, чтобы судить Клита за измену. Они приговорят его, и тогда смерть Клита станет законной. Простые воины придумали это: они хотят, чтобы Александр простил себя.

— Но, — мой голос дрогнул, — неужели ты сам не хочешь того же?

— Хочу. — Гефестион старательно выговаривал слова, будто я мог не понимать греческий. — Да, но меня беспокоят условия, на каких он может на это согласиться.

— А меня беспокоит только он сам, — ответил я.

Внезапно он закричал на меня, словно сотник — на непутевого воина:

— Глупый мальчишка! Да у тебя есть хоть капля мозгов? — Прежде он говорил со мною тихо,

и от крика я отшатнулся, словно от удара. — Неужели ты до сих пор не заметил, — возвышаясь надо мной, Гефестион бросал слова вниз, уперев сжатые кулаки в бока, — что Александр ценит любовь своих воинов? Да или нет? Теперь подумай: эти люди — македонцы. Если ты до сих пор не сообразил, что это значит, тогда ты должен быть глух и слеп. В Македонии любой свободный человек имеет право поговорить со своим вождем с глазу на глаз; любой свободный человек — или вождь — может говорить с царем. И вот что я тебе скажу: они, эти люди, прекрасно понимают, что Александр убил Клита в пылу гнева, это могло произойти с любым из них. Но если бы царь хладнокровно казнил его на следующий день, это уязвило бы их права, одинаковые для всех свободных людей, и их любовь к нему дрогнула бы. Если и *ты* любишь его, никогда не говори Александру, будто он стоит выше закона.

Говоря это, Гефестион понемногу остывал, и я ответил:

— Но Анаксарх уже говорил ему это.

— То Анаксарх! — Гефестион пожал плечами. — Но тебя он может и послушать.

Должно быть, эти слова дались Гефестиону

с трудом. Мне надо было ответить той же искренностью:

— Я понимаю и готов признать, что тебе виднее. Ничего такого я не скажу, обещаю. А теперь могу ли я видеть его?

— Не сейчас. Я вовсе не сомневаюсь в твоем слове, но пока ему лучше будет побыть с македонцами.

Сказав это, Гефестион повернулся и пошел прочь. Он взял с меня обещание, так ничего и не оставив взамен. Я никогда не рвался к власти, как некоторые другие евнухи; меня влекла одна лишь любовь. И теперь я наконец понял, чего стоит власть. У Гефестиона она была. Если бы ею обладал и я, кому-то пришлось бы впустить меня к господину.

Весь тот долгий день я ходил к стражнику на часах спросить, поел ли и выпил ли царь хоть что-нибудь. Ответ оставался прежним: «Александр сказал, ему ничего не нужно».

Воины судили Клита и объявили его изменником, справедливо преданным смерти. Как можно остаться глухим к такому доказательству любви? Но даже это никак не тронуло Александра. Неужели он и вправду считал, что убил друга? Я вспомнил о дурном знамении с овцами

и то, как Александр приказал принести жертву для Клита, дабы обеспечить тому безопасность. Кроме того, царь сам пригласил Клита прийти и разделить с ним спелые яблоки…

Солнце поднялось к зениту; солнце опустилось вниз. Сколько еще солнц?

Я просидел в своей комнате, пока не наступила кромешная тьма, из опасения, что Гефестион увидит меня. Когда все уснули, я взял кувшин со свежей родниковой водою и чистую чашу. Все будет зависеть от того, какой именно страж стоит сейчас у дверей. Бог был милостив ко мне. В ту ночь там стоял Исмений, всегда хорошо обращавшийся со мной; кроме того, он любил царя.

— Да, войди, — сказал он. — Мне все равно, будут ли меня бранить после. Я и сам заходил, едва только занял пост. Но Александр спал, и я не решился разбудить его.

Сердце мое замерло в груди.

— Спал? Ты слышал его дыхание?

— О да, но он уже почти умер. Войди и постарайся уговорить его.

Дверь отворилась бесшумно. В комнате было темно: Александр погасил ночной светильник. После пламени факела снаружи я поначалу различил лишь очертания тускло мерцавших окон.

Но вышла луна, и очень скоро я смог разглядеть спящего Александра.

Кто-то набросил на него покрывало, но во сне Александр наполовину раскрылся. Он все еще был в одеянии с засохшими кровавыми пятнами. Волосы его спутались, а кожа натянулась на скулах. Сколь светловолос он ни был, я разглядел пробивающуюся щетину даже в этой темноте. На столике у кровати стоял наполненный водою кувшин, к которому он даже не прикоснулся. Сухие губы Александра уже потрескались; во сне он пытался увлажнить их, то и дело проводя по ним таким же сухим языком.

Я наполнил чашу. Присев на краешек кровати, я окунул два пальца в воду, и капли стекли прямо на губы Александра. Словно щенок, он облизнул мои пальцы, так и не проснувшись. Так я и поил его, пока не увидел, что Александр пробуждается; тогда я приподнял ему голову и наклонил чашу. Он глотнул воды, глубоко вздохнул и глотнул снова. Я наполнил чашу вновь, и Александр опорожнил ее.

Пригладив ему волосы, я провел ладонью по бровям — Александр не стал отворачиваться. Я не стал упрашивать его вернуться к нам; он уже наслушался подобных речей. Я просто сказал:

— Не прогоняй меня больше. Это разбивает мне сердце.

— Бедняжка Багоас. — Он накрыл мою руку холодной ладонью. — Завтра ты сможешь входить ко мне, когда только захочешь.

Я поцеловал ему пальцы. Он нарушил обет еще прежде, чем сообразил, что делает; теперь его пост завершен. Да, именно теперь, когда я пришел к царю, а не толпы этих самодовольных идиотов, увещевавших его, словно капризного ребенка.

Высунув голову из дверей, я шепнул Исмению:

— Пошли кого-нибудь разбудить повара. Яйцо с медом и вином, да пусть покрошат туда творогу. Спеши, пока царь не передумал.

Лицо стража просияло, и от радости он крепко ударил меня по плечу; будь на его месте Гермолай, он, конечно же, не сделал бы ничего подобного.

Я вернулся к кровати Александра: мне не хотелось, чтобы он уснул прежде, чем прибудет еда, и, проснувшись, вновь заявил, будто ему «ничего не нужно». Но царь и не думал закрывать глаза. Он знал, куда я отходил, и прекрасно понял, о чем я попросил стражника. Он молча ждал свой завтрак, а я говорил ему о всяких мелочах вроде

проделок Перитаса, пока Исмений не постучал в дверь. Напиток пах просто восхитительно; я не стал произносить долгих речей, а просто снова приподнял голову Александра. Почти сразу он принял горшочек из моих рук и быстро покончил с едой.

— Теперь поспи, — сказал я ему, — но помни: ты должен послать утром за мною, иначе меня просто не впустят к тебе. Я здесь тайно.

— Сюда впускали достаточно людей, которых я не хотел видеть, — сказал он. — Тебя хочу.

Поцеловав меня, он повернулся на бок. Когда я показал Исмению пустой горшочек, он так обрадовался, что тоже расцеловал меня.

И вот уже на следующий день я искупал, побрил и причесал Александра, и царь опять стал самим собою, разве только очень усталым с виду. Он все еще не выходил из своей комнаты; ему требовалось больше мужества на это, чем на погоню за Дарием при Гавгамелах, а потому, по моим представлениям, он должен был сделать это очень скоро. Прослышав, что Александр больше не постится, воины поздравляли друг друга, ибо это они приговорили Клита. Так было лучше всего, и в душе я тоже поздравил их.

Позже повидать царя пришел жрец Диони-

са. Он ждал знамения, и бог говорил с ним. Причиною всему случившемуся был гнев бога: в праздничный день Клит оставил жертвоприношение незавершенным (разве не в упрек ему уже посвященные богу животные следовали за ним до пиршественной залы?), а Александр вместо Диониса пожертвовал овец Небесным Близнецам. Поэтому священный гнев божества излился на обоих; зная об этом, теперь никто не смог бы упрекнуть Александра в содеянном.

Я своими глазами видел, что это известие немного успокоило Александра. Не ведаю, почему он выбрал в тот день Диоскуров… Но я помню беседу за роковым ужином: там говорилось — его подвиги превосходят их свершения (и это правда), а потому Александр заслуживает тех же почестей. Догадываюсь, что царь хотел еще один раз попытаться привить своему народу наш, персидский, взгляд на ритуал падения ниц. Кто мог предполагать, что это закончится столь жестоко? Но Дионис жестокий бог. В одной из книг, присланных Александру из Греции, я нашел кошмарную пьесу о нем.

Царь приказал принести грандиозную искупительную жертву. Остаток дня он провел со своими ближайшими друзьями и после этого

выглядел уже гораздо лучше. Александр рано отправился спать; его силы подточил не столько пост, сколько нравственное страдание. Когда он лег, я потушил лампу и поставил на столик ночной светильник. Александр взял меня за руку, сказав:

— Прошлой ночью, пока я не проснулся, мне снилось чье-то доброе присутствие.

Я подумал о своей жизни и тоже улыбнулся:

— Бог послал тебе этот сон, чтобы сказать: гнев его прошел. Он отпустил тебя, вот почему ты выпил воду.

— Мне снилось, рядом со мною кто-то есть, кто-то добрый…

Рука его была тепла. Я вспомнил, что вчера она показалась мне холоднее камня, и осторожно сказал:

— Бог воистину покарал нас безумием; я и сам ощутил его. Знаешь ли ты, господин мой, что я зашел одним лишь глазком взглянуть на ваш пир, но, побывав в зале, не удержался — и сам припал к сосуду с вином, словно из-под плетей? А потом видел все словно в горячечном бреду… Бог был с нами в ту ночь! Я повсюду ощущал его присутствие.

— Да, — медленно проговорил Александр. —

Да, это странно. Я был сам не свой. Да и Клит тоже. Вспомни, как он вернулся! Бог вел его, как Пенфея, коего обрек на гибель, и заставил его мать принять грех убийства. — Царь знал, что я уже успел прочитать «Вакханок».

— Никто не может остаться самим собой, если бог карает человека безумием. Спи в мире, мой повелитель. Бог простил тебя; он разгневался потому лишь, что ты дорог ему. Твое пренебрежение ранит его больше, нежели чье-то другое.

Я посидел у стены на тот случай, если Александр не сможет быстро уснуть и захочет поговорить. Но он уснул сразу же и лежал спокойно. Я ушел к себе довольный. Что может сравниться с тем, чтобы дать спокойствие тому, кого любишь?

Кроме всего прочего, я сдержал слово, данное Гефестиону.

Глава 17

Бульшую часть того года, да и следующего тоже, мы провели в Бактрии и Согдиане. То была долгая, непростая война. С согдианцами никогда не знаешь, что происходит. В основном они заняты кровной враждой с племенем, живущим поблизости, в укрепленном городе на таком же холме; предметом ссоры могут быть права на источник или какая-нибудь женщина, неведомо когда ушедшая за хворостом и не вернувшаяся домой. Дав клятву, эти люди могут хранить верность Александру только до тех пор, пока он не покорит и соседей. Тогда, если он примет их сдачу и не перережет им глотки, они сами восстанут против него. Спитамен, их лучший полководец, был убит врагами Согдианы; ожидая награды, те послали Александру его голову, но после того им уже нельзя было доверять. Наши воины никогда не оставляли умирающих на поле брани, как бы ни нажимал враг, — только бы их не нашли согдианцы. Любой раненый лишь поблагодарил бы друга за смертельный удар.

Александр неделями пропадал где-то, пытаясь управиться с этими местными стычками.

Я скучал по нему и пребывал в постоянной тревоге, но и тогда находил себе утешение: во время погонь, осад или сражений Александр всегда бывал трезв. У него в достатке было доброй воды из горных источников. С путом из его крови изгонялось вино, и царь вновь во многом становился прежним Александром, иногда устраивая ночные беседы с выпивкой, заканчивавшиеся долгим сном; между ними он всегда бывал сдержан. Ужасный урок, полученный в Мараканде, преследовал его до конца дней. Он уже не бывал слаб в отношении вина, не говоря уже о том, чтобы чинить насилие. Даже клеветники не станут отрицать этого.

Человек не столь благородный, наверное, затаил бы на меня обиду, ибо мои глаза видели Александра во гневе и отчаянии. Но царь запомнил лишь то, что я принес ему успокоение. Он никогда не предавал любви.

Однажды ему пришлось снова пересечь Окс; на сей раз сделать это было проще, ибо лодок было достаточно, да и погода смилостивилась. Я с трудом припоминаю переправу, вот только отчетливо помню чудо, случившееся примерно в то же время. Юноши-телохранители едва успели разбить шатер Александра, ибо я заметил

разложенные неподалеку вещи, когда услышал восклицания. Прямо рядом с шатром, который стоял почти что на речном берегу, обнаружился темный источник. Рабы сняли пену, чтобы посмотреть, нельзя ли напоить здесь коней, — и оказалось, что источник бьет маслом!

Быстро сыскали Александра, чтобы он взглянул на чудо. Все мы растирали масло по рукам, и оно гладко растекалось по ним. Царь тут же послал за провидцем Аристандром, дабы тот истолковал знамение. Пророк принес жертву и объявил, будто маслом перед состязаниями смазывают свои тела борцы, а потому знамение предвещает будущие трудности, но обильный поток в то же время говорит о победе и благополучии.

С пришествием вечера мы наполнили чудесным маслом один из царских светильников. Оно неплохо горело, хотя и чадило; светильник пришлось выставить наружу. Александр хотел попробовать масло на язык, но я предупредил, что оно может оказаться отравой, не уступающей воде Окса, и он передумал. Леоннат уговаривал нас бросить в источник зажженный факел, дабы посмотреть, что будет, но Александр решительно воспротивился столь нечестивому поступку по отношению к дару богов.

Предсказанные Аристандром трудности не заставили себя ждать. Царь вечно был где-то в горах, и очень часто с весьма малочисленными отрядами, ибо войско было разделено; ему хотелось приучить Согдиану исполнять законы. Он быстро приобрел удивительную ловкость во взятии крепостей на здешних холмах. Наших ушей во множестве достигали рассказы о его стойкости в жару и в холод (Согдиана ни в чем не знает меры), об ужасной буре, вместе с молниями обрушившей на войско Александра и крупный град, а также о страшных морозах, когда воины погибали, охваченные отчаянием и страхом: они замерзали, отстав от остальных в ночном лесу, но Александр сам отыскивал заблудившихся во мраке чащоб, растирал их и заставлял складывать костры. Наконец и он сам присел отдохнуть у огня, когда из леса, пошатываясь, выбрался воин, уже почти не державшийся на ногах от холода и усталости, вообще едва ли соображавший, где находится. Ободрав пальцы, Александр своими руками снял с него заледеневшие доспехи и усадил воина в свое собственное кресло, поближе к огню.

(Царь Птолемей, который был там и все видел собственными глазами, приводит подобные слу-

чаи в своей книге, дабы о них узнали и те, что будут жить после нас. Иногда, желая уточнить детали других событий, он посылает за мною — и я рассказываю ему все то, чем, по моему мнению, мог бы гордиться сам Александр. Зная, что я проделал весь путь до Египта с его золотым саркофагом, царь Птолемей в доброте своей нашел для меня местечко при своем дворе. Он говорит громче, чем ему кажется, ибо в последнее время стал немного туговат на ухо — он на двадцать лет старше меня самого, — и порой я слышу, как он тихо, по его мнению, говорит какому-нибудь заморскому гостю: «Взгляни туда. Разве ты не видишь, что сей человек некогда был сказочно красив? Это Багоас, мальчик Александра».)

В лагере я читал труды Геродота, продираясь сквозь трудности языка вместе с Филостратом. Учитель просил извинить его за выбор книги — их у него было немного, — но я успокоил его тем, что для меня не стало новостью поражение, нанесенное Ксерксу в Греции; мой прапрадед воевал вместе с ним.

Мы с Филостратом привязались друг к другу — но только как учитель и ученик, несмотря на все ухмылки Каллисфена. Когда Александр отправлялся воевать, а хроника его свершений

бывала доведена до современного состояния дел, философу практически нечем было заняться до тех пор, пока не возвращался царь в сопровождении своих юных телохранителей, которых Каллисфену вменялось обучать. Они были благородного происхождения и когда-нибудь потом сами вполне могли бы повести воинов в битву, поэтому Александр не хотел, чтобы юноши оставались невеждами. Он так и не снял с философа этой обязанности, хотя царь с Каллисфеном давно уже отдалились друг от друга. Лично я считал это чрезмерным великодушием, но, с другой стороны, Александру приходилось учитывать мнение Аристотеля.

В тот момент Каллисфен как раз перебирал свою библиотеку; сквозь распахнутый полог его шатра мы отлично видели многочисленные подставки для свитков. Филострат вошел внутрь и еще разок попытался одолжить одну из книг, дабы я мог почитать греческие стихи. Я слышал брошенное ему твердое «нет», в ответ на что Каллисфен услыхал: если хотя бы один его ученик подает половину тех надежд, что подаю я, тогда его можно считать счастливчиком. Каллисфен в ответ заявил, что *его* ученики подают надежды в высоком искусстве философии, а не в обычном

чтении книг. Филострат спросил: «А умеют ли они читать?» — и вышел. Примерно месяц они с Каллисфеном не разговаривали.

Когда Александр вернулся, я попросил его подарить что-нибудь Филострату: царь любил, когда его о чем-то просили. Не думаю к тому же, что моя история про Каллисфена причинила философу какой-либо вред.

— А почему ты не просишь о чем-нибудь для себя? — спросил Александр. — Неужели думаешь, что я недостаточно люблю тебя?

— В Сузах я получал подарки, но не любовь, — ответил я. — Ты даровал мне все, в чем я нуждался. И потом, мой лучший костюм еще не обтрепался… Ну, почти.

Александр рассмеялся и сказал на это:

— Купи другой. Мне хотелось бы взглянуть на тебя в чем-нибудь новом, ведь и фазан меняет оперение по весне.

Посерьезнев, он добавил:

— Моя любовь будет с тобою вовеки. Для меня эти узы священны.

Вскоре он вновь покинул лагерь. Я заказал себе новое одеяние — глубокого красного цвета, с выложенными блестками золотыми цветами. Пуговицы были драгоценными украшениями

в виде крошечных розовых бутонов. Получив обновку, я отложил ее, чтобы надеть по возвращении царя.

Скоро мне должно было исполниться двадцать лет. Оставшись один в своем шатре, я часто смотрел в зеркало: для подобных мне этот возраст опасен.

Хоть внешность моя и изменилась, она все еще была привлекательна. Мой стан по-прежнему оставался тонок, черты лица не огрубели, но очистились. Нет на свете бальзама, чье действие сравнилось бы с любовью.

То, что я перестал быть мальчиком, не имело значения. Когда мы увиделись впервые, меня уже нельзя было назвать ребенком; Александр был не из тех, кого привлекают дети. Ему просто нравилось видеть вокруг красивые юные лица. Один из его телохранителей, по имени Филипп, не так давно погиб по этой самой причине. Я видел, что этот юноша нравился Александру; может, где-то во время последнего похода они даже провели вместе ночь — теперь я могу думать об этом спокойно. В любом случае юноша мечтал доказать Александру свою преданность, и такая возможность вскоре представилась. Летом, в жару, они догоняли бежавших от них согдианцев;

лошадь Филиппа пала, подобно многим другим, и поэтому он в полном вооружении бежал рядом с царским конем, отказавшись от предложенного скакуна: просто чтобы показать Александру, из какого крепкого материала он сделан. Погоня закончилась схваткой, и Филипп стоял рядом с Александром в колеснице; затем, когда враг был повержен, жизнь просто покинула тело юноши, словно пламя — погасший светильник. Он продержался как раз достаточно, чтобы умереть на руках у Александра. Даже я не мог обвинять его в том.

Да, привычно думал я, глядя в свое зеркальце. Он всегда будет любить меня. Он никогда не принимает любви, не награждая ею взамен. Но когда желание станет увядать, для меня настанет день скорби. О великий Эрос (я уже хорошо знал этого бога), отведи от меня сей день!

Покорив земли, Александр основывал города, причем некоторые из них стали творением Гефестиона, быстро научившегося — вслед за царем — находить удобное место. Среди македонцев он был остер на язык, но следил за своими манерами и выказывал осмотрительность в беседах с иноплеменниками. Я с радостью воздавал должное его добродетелям, едва Гефестион скры-

вался из виду.

Какой смысл в том, чтобы бичевать душу былой ревностью? Они с Александром были вместе не десять лет (как я поначалу думал), а все пятнадцать. Они уже были вместе, когда я учился ходить во младенчестве. Человеку не дано знать будущее; прошлое же было, есть и пребудет вовеки.

Мы остановились на зиму в укрытом от ветра скалами месте под названием Наутика, с водопадом и пещерою. Александр вновь занял верхние помещения крепостной башни и в собственную опочивальню пробирался через люк в полу. Я до смерти боялся, что когда-нибудь после ужина он может оступиться на приставной лестнице, пусть даже Александр и не имел обыкновения спотыкаться, сколь бы пьян ни был. В его комнате был устроен большой очаг, расположенный как раз под дырою в крыше; снег залетал внутрь и шипел в пламени. Александр часто сидел здесь, беседуя с Гефестионом и поглаживая распростершегося, наподобие звериной шкуры, Перитаса. Но ночи были моими. Порой Александр говорил мне: «Куда же ты пойдешь в этакий холод?» — и оставлял у себя для того лишь, чтобы я не замерз. Он всегда давал больше,

нежели принимал.

В нижнем помещении, отапливаемом жаровнями и продуваемом сквозняками, он целыми днями разбирал накопившиеся дела. У стены стояло кресло, во время приемов служившее ему троном; напротив же, за занавесом, — рабочий стол с грудою дощечек и иных записей, а также посланий со всех концов света. Чем больше стран покорял Александр, тем более прибавлялось ему работы.

У него было войско, за которым следовало приглядывать, чтобы поддерживать в форме во время вынужденной праздности, пока не откроются дороги. Александр объявил о состязаниях, к которым следовало быть готовым в первый же ясный день. Один раз мы даже смотрели представление, на настоящей сцене и с актерами, прибывшими из Греции. Эти люди готовы были преодолеть воду, огонь и лед, чтобы по возвращении домой иметь возможность рассказывать, будто играли для самого Александра. Филострат сидел рядом со мною и шепотом пояснял наиболее тонкие детали их мастерства. Каллисфен, сидевший в окружении любимых учеников, громко фыркал, поглядывая в нашу сторону, и сказал Гермолаю что-то такое, от чего юноша зашелся в хохоте.

Наконец настала весна, и громадные снежные лавины загрохотали вниз по склонам окрестных гор; ручьи превратились в бурные ржаво-коричневые потоки, увлекающие за собой сучья, листья и прочую прошлогоднюю грязь. Открылись удобные дороги. Согдианские разбойники выползли из логовищ, ожидая первых караванов, но вместо них повстречали войска Александра.

Страна, казалось, притихла под властью царских гарнизонов, но спокойствие было временным. Нас достигли новости о могучем вожде, в прошлом году сдавшемся Александру и клявшемся ему в верности; ныне он собирал соплеменников и спешно вооружался. Старая история — нового в ней было лишь то, что вождь владел Скалой Согдианы.

Об этой твердыне говорили, что она укреплена лучше всех прочих крепостей в Азии. Огромный, отвесно вздыбившийся утес с изрытым пещерами верхом. В этих норах жили многие поколения, там могла разместиться небольшая армия; там были склады с продовольствием, рассчитанным на многие годы осады. У обитателей Скалы имелись хранилища для воды — достаточные, чтобы все эти люди смогли продержаться засушливым летом. Говорили, что снег в тех

краях еще не стаял, но вождь уже отослал наверх часть воинства, сокровища и женщин, пока сам поднимал округу против Александра.

Царь выслал вождю приглашение на переговоры. К тому времени уже было известно, что головы посланников возвращаются от Александра на плечах своих хозяев, а не как-нибудь иначе, и потому к нам действительно явились двое чванливых послов от племени. Выслушав условия Александра (он предлагал забыть всю историю в обмен на немедленную сдачу), послы рассмеялись и заявили, что царь может идти своей дорогой — или же остаться; взять Скалу Согдианы он сможет лишь в том случае, если его воины отрастят себе крылья.

Сохраняя спокойствие, Александр повелел накормить послов, и они благополучно унесли домой свои головы. Какой-нибудь согдианский вождь, получив подобный ответ, оставил бы им головы до того последнего мига, пока послы сами не были бы рады расстаться с ними. Александр же попросту решил взять Скалу, даже если для этого понадобится осаждать ее целый год.

Весь наш лагерь перекочевал туда. Неприступную Скалу было видно издалека, и чем ближе мы подходили к ней, тем более убеждались: взятие

такой твердыни — действительно задача, посильная одним только орлам. Утес неприступен со всех сторон; отвесные обрывы опоясали его кольцом, угрюмо нависая над острыми камнями. Едва виднелась присыпанная снегом узкая козья тропа, по которой поднимались сами жители; каждый шаг по ней надлежало пройти под разверстыми пастями пещер, темневших наверху.

Мы разбили лагерь немного поодаль — там, куда не долетали стрелы защитников. За ним, дугою растянувшись вокруг Скалы, расположились все те, кто шел за армией Александра, — торговцы и рабы, писцы и ремесленники, владельцы табунов, певцы, художники и скульпторы, плотники и дубильщики кож, танцоры и кузнецы, ювелиры, шлюхи и сводни.

Впоследствии люди писали об осаде так, будто Александр был дерзким мальчишкой, задумавшим напроказить всем назло. Конечно, это всегда было в нем — дерзость своего духа он сохранил бы и до глубокой старости. Но Скала правила многими лигами окрестных земель, и Александр просто не мог оставить ее, непокорную, за своею спиной. К тому ж и сами согдианцы, принимавшие за основной довод силу, сразу презрели бы власть царя и разнесли бы все его города на ку-

сочки, едва бы он двинулся прочь.

Вождь племени, Оксиарт, покидал во дни мира свое орлиное гнездо. Его дом и родное поселение находились внизу, у начала тропы наверх, однако Александр не позволил воинам сжечь их, чтобы защитники не решили, будто он не намерен оставить в живых сдающихся. Из отверстий пещер на нас взирали люди — столь же крошечные, как если бы они были вырезаны на перстне. На кручах под ними, где даже летом нельзя было углядеть и тропки для кроличьих лапок, зима замела белым все маленькие уступы или трещины, покрывавшие камень рваными царапинами. Стояла полная луна, и снег мерцал россыпью драгоценных каменьев. Александр объехал вкруг утеса, задравши голову.

На следующее утро он призвал собраться тех из его воинов, кто вырос в горах. Таких набралось немного, и по большей части они были жителями холмов; им и ранее доводилось карабкаться на крепостные стены под началом Александра. Из тех, кто вызвался, он лично отобрал три сотни человек. Первому, кто заберется на вершину, он даст двенадцать талантов — богатство на всю жизнь; следующему — одиннадцать, и так далее. Они поднимутся этой же ночью по самой непри-

ступной стороне утеса, которой не было видно из пещер. Каждый понесет с собою суму, наполненную железными колышками для шатров, и молоток, чтобы вбивать их в камень, а также и крепкую, но легкую веревку, чтобы привязаться к уже вбитому колышку перед тем, как начать заколачивать новый.

Ночь выдалась ясной, но морозной. У меня все было готово, но Александр не торопился ложиться: первый раз в жизни он не вел своих людей самолично. У скалолазов не могло быть лидера; каждый шел своим путем к далекой вершине. Александр же, не обладая надобным умением, не мог вынести того, что не рискует своею шеей вместе с воинами. Когда они забрались слишком высоко, чтобы их можно было различить в ночной полутьме, он вошел в шатер, но не мог успокоиться и продолжал ходить из угла в угол.

— Я видел, как упали трое, — сказал он. — Нам уже никогда не устроить им похорон. Они застряли в снегу — там, наверху…

В конце концов царь лег, не сняв одежд и приказав разбудить его с первым лучом солнца.

Проснулся Александр так никем и не разбуженный, ибо было еще слишком темно, чтобы действительно разглядеть что-нибудь в пред-

рассветном сумраке. Его уже ждали несколько военачальников, вглядывавшихся в черную тень Скалы, размытую на фоне светлеющего неба. Едва очертания немного прояснились, Александр жадно впился в них взглядом. У него было отменное зрение, но глаза Леонната не уступали орлиным, хотя если, бывало, ему хотелось почитать, то держать написанное приходилось на вытянутой руке. Сейчас он указал ввысь, вскричав:

— Они добрались! Они сигналят!

Свету все прибавлялось, и вскоре мы тоже разглядели сгрудившихся на краю обрыва воинов, тесно уместившихся там, наподобие бакланов на какой-нибудь прибрежной круче. Воины уже развернули длинные полоски льняной материи, которую доставили наверх, обвязавши вокруг поясов; сигнал извивался, колыхаясь на утреннем ветерке.

Александр вышел вперед и поднял свой щит, в котором отразились солнечные лучи. У подножия Скалы пронзительно завизжала труба, и наш вестник зычным голосом предложил защитникам твердыни обратить свои взоры наверх: Александр нашел себе крылатых воинов.

Сын вождя, оставшийся управлять поселением, сразу прислал людей узнать об условиях сда-

чи. Он не видел, сколько человек засели у него над головой и есть ли у них оружие (не было, ибо молотки и железные скобы сами по себе весили предостаточно). Всего погибло тридцать человек — по одному из каждого десятка. Они нашли себе могилы в желудках коршунов, но Александр воздал им все ритуальные почести с пустыми похоронными колесницами, как это заведено у греков.

Люди целых два дня спускались со Скалы с имуществом и утварью. Не знаю, как сходили по той головокружительной тропе согдианки в своих широких юбках; подозреваю, однако, что проделывать это им приходилось частенько из-за постоянных междоусобиц.

Сын же вождя, так никогда и не узнавший о том, что у царских орлов не было могучих когтей, явился сам и сдался, пообещав отправить послание отцу. Дабы закрепить соглашение, он упрашивал царя оказать его народу честь и попировать с ними.

Пир было решено устроить через два дня. Я только боялся, что согдианцы согласились на сдачу с тем лишь, чтобы в разгар веселья вонзить царю нож в спину. С них станется.

Я сам одевал его для торжеств в лучшее пер-

сидское одеяние с митрой. Александр пребывал в самом добром расположении духа, хотя и скорбел о своих скалолазах: долгая осада поселения могла унести многие сотни жизней. Противник же и вовсе не пролил крови — и в благодарность был готов обещать все, чего бы ни спросил Александр.

— Остерегись, Аль-Скандер, — сказал я, расчесывая ему волосы. — Он может предложить тебе свою дочь, как тот скифский царь.

Он рассмеялся. Предложение скифа в свое время немало повеселило друзей Александра, и они были весьма многословны, рисуя друг другу картины того, как невесту придется вырубать из одежд, в которые ее зашили несколько зим тому назад, вычесывать протухшее кобылье молоко из ее волос, искать паразитов и так далее, чтобы сделать ее пригодной для брачного ложа.

— Если у этого юноши и есть дочь, ей нет еще и пяти. Тебе и самому стоит побывать на пиру, зрелище будет достойное. И обязательно надень свой новый наряд.

Сын вождя, Гистаний, явно не пожалел затрат. Вдоль тропы, ведшей от лагеря к его чертогу, стояли факельщики. Играла музыка, и весьма недурная для Согдианы (как-то раз Александр

сравнил персидское пение с весенним кошачьим воем; он, конечно, не знал, что я слышу). Хозяин вышел встречать царственного гостя на порог и обнялся с ним. Там был огромный зал, и Оксиарт наверняка был столь же богат, сколь и могуществен. Алые драпировки с вышитыми по ним львами и леопардами, стоящими на задних лапах, пылали в свете факелов, которых вполне хватало для того, чтобы прогреть воздух. Стол, назначенный для почетных гостей, стоял отдельно и был уставлен золотом и серебром; в украшенных резьбою курильницах тлели смолистые благовония, каких я не вдыхал с тех пор, как покинул Сузы. Если кто-либо из македонцев и сожалел, что им не довелось разграбить Скалу, вслух об этом не говорили.

Яства были хорошо приготовлены и приправлены; в тех краях проходят караваны из Индии. Позади поставленных рядом кресел Гистания и Александра стоял толмач; другие македонские гости старались по мере сил, чтобы их тарелки дважды наполнились до краев, как того и требовала вежливость. Александр, привыкший к умеренности в пище, также выполнил сей долг. Он жалеет, что вместо этого не подали вина, думалось мне.

Подали сладости, а затем и вино. Гистаний и Александр выпили за здоровье друг друга, обменявшись приветствиями; затем вперед вышел толмач, обратившийся ко всем по-гречески. Чтобы воздать почести царю, перед нами сейчас появятся и станцуют знатные госпожи двора. Это действительно большая честь в Согдиане, где можно лишиться жизни, всего только взглянув на женщину.

Я расположился в конце стола, рядом с царскими телохранителями. Исмений передвинул свое кресло так, чтобы сидеть рядом со мной. Его дружелюбие все возрастало; если он и желал чего-то большего (как я предполагал), то хранил молчание из верности Александру. Я был в долгу у Исмения за его доброту ко мне и за то, что он заступался за меня перед остальными, когда мог.

Согдианский юноша, сидевший по другую руку от меня, заговорил на своем грубоватом персидском, который я едва мог понять. Обеими руками он очертил в воздухе пышные женские формы, сопя при этом и вращая глазами. Повернувшись, я сказал Исмению:

— Кажется, эта крепость хранит в себе запасы великой красоты.

— Женщины станут танцевать у дальнего

конца стола, — ответил он, — для царя и полководцев. Нам же предстоит насладиться видом их спин: развлечение хоть куда.

Музыканты грянули величавый танец, и вошли женщины, ступавшие под ритм барабана. Их тяжелые одежды покрывала чудесная вышивка; над бровями нависали золотые цепочки с прицепленными к отдельным звеньям подвесками; массивные браслеты на запястьях и лодыжках мелодично звенели в такт движениям, позвякивали и нашитые колокольчики. Мы едва успели окинуть танцовщиц взглядом, прежде чем они отвернулись от нас, чтобы поклониться царю, скрестив на груди руки.

Гистаний указал на кого-то — вне сомнения, на каких-то своих родственниц, ибо некоторые из женщин поклонились вновь. Александр склонил голову, уделив каждой по взгляду. Мне показалось, однажды взгляд царя задержался на ком-то, прежде чем Александр отвел глаза, и Исмений шепнул мне:

— Ты прав, одна из них, несомненно, должна быть прекрасна, раз царь дважды посмотрел на нее.

Музыка заиграла быстрее, и танец начался.

В Персии танцуют лишь женщины, специально

обученные движением пробуждать в мужчинах желание. Этот же танец был вполне пристоен; они едва ли показывали пирующим что-то большее, чем свои выкрашенные хной ступни, кружа по залу в тяжелых юбках и клацая браслетами. В изгибах тел была грация, но не читался любовный зов; жесты рук уподобились колыханью ячменных колосьев, но глупо было бы назвать такой танец скромным. Эти женщины не знали скромности, они стояли над нею; в каждом движении сквозила гордость.

Исмений шептал мне:

— Все очень чинно. Даже свою сестру можно попросить станцевать что-нибудь этакое перед гостями. Может, настоящие танцы впереди? Вот *ты* мог бы показать им кое-что.

Я едва слышал его. Женщины то кружили тесными группками, то выстраивались в извилистую цепочку. Глаза Александра, следившие за кругом танцующих или за цепью, всегда оставались устремлены на какое-то одно звено.

Ему нравились вещи, выделявшиеся изяществом среди подобных. Довольно часто я слышал из его уст похвалу красоте той или иной женщины. И все же мой желудок провалился куда-то, а пальцы онемели от холода.

Царь обернулся к толмачу, и тот переспросил его, указав на кого-то. Александр кивнул; он спрашивал о чьем-то имени. Гистаний ответил, заметно вздернув подбородок. Ранг женщины, наверное, был весьма велик. Может, она сестра ему?

Музыка заиграла громче; женщины встали в линию и, обернувшись, двинулись по залу, приближаясь к нам. Все прочие гости могли теперь разделить с царем честь созерцания этого танца.

Я сразу понял, кто она. Увидел сходство в чертах лица; сын вождя был красивым юношей. Его сестре было около шестнадцати, в Согдиане это уже взрослая женщина. Чистейшая слоновая кость, слегка подцвеченная — и не руками человека; мягкие волосы, черные с синевой, мелкими прядями окружают ланиты; чистый лоб под золотыми подвесками; идеальные дуги бровей над большими сверкающими глазами. Она была красива той красотой, которая становится известна на многие лиги кругом, и не делала вид, будто не догадывается о ней. Единственным дефектом были чуть коротковатые пальцы со слишком острыми кончиками. Я привык уделять внимание подобным вещам в гареме Дария.

Александр не отрывал от нее глаз, ожидая, ко-

гда она вновь повернется к нему лицом. Она прошла рядышком со мною, сидевшим за столом в новом костюме, который так нравился царю, но Александр даже не заметил меня.

Согдианский юноша потянул меня за рукав и шепнул:

— Роксана.

Танцуя, женщины вернулись к столу почетных гостей и склонились в низком поклоне. Вновь толмач вышел из-за Александрова кресла. Когда танцовщицы уже повернулись, чтобы удалиться, Гистаний поманил сестру. Та подошла; поднявшись, Александр взял ее ладони в свои и заговорил о чем-то. Она ответила. Ее профиль, ясно различимый с моего места за столом, был вырезан без изъяна, и когда она повернулась, чтобы уйти, Александр не уселся, а продолжал стоять, пока она не скрылась из глаз.

Исмений сказал мне:

— Ну, сразу можно понять, что мы в Согдиане. Ни одна персиянка не стала бы говорить с незнакомцем на людях, так ведь?

— Не стала бы, — тихо отвечал я.

— Однако же Александр заметил ее. Почему-то я ждал этого, а ты разве нет?

— Да, я тоже ждал.

— К тому же он трезв, как судья. Видно, просто оказал честь нашему хозяину. А ведь девушка и вправду хороша! Конечно, ее кожа темнее, но все равно ликом она походит и на тебя самого.

— Ты льстишь мне.

Исмений всегда был добр. Он сидел рядышком, и ясные синие глаза улыбались мне над чашей с вином, а соломенные волосы немного повлажнели от духоты. С улыбкой он поворачивал рукоять пронзившего мое сердце кинжала.

Во главе стола Гистаний обсуждал что-то с царем через посредство толмача; Александр едва притронулся к вину. В комнате становилось жарко, и я ослабил ворот одеяния, освободив несколько выложенных рубинами пуговиц. Рука, расстегивавшая их в последний раз, принадлежала Александру.

Я нашел его мальчиком Гефестиона, и со мною он пожелал стать мужчиной: этим своим свершением я могу гордиться. И вот теперь… Уступить женщине? Я сидел в духоте пылавших факелов, пробуя смерть на вкус и стараясь хранить учтивость перед окружавшими меня, как был обучен тому еще в возрасте двенадцати лет.

Глава 18

Возвращения Александра я ожидал в шатре, слушая меж тем терзавших меня демонов.

Я отвечал им: «Ну и что с того, он попросту взял наложницу. У Дария их было больше трех сотен. Какое мне дело до этого? Любой другой царь женился бы еще до встречи со мною; с самого начала мне пришлось бы делить его кто знает со сколькими, терпеливо ожидая ночи, когда он отнесется ко мне с благосклонностью».

«О да, — отзывались демоны. — Но давным-давно минули дни, когда ты следовал желаниям своего хозяина. С тех пор у тебя был не господин, но возлюбленный. Приготовься, Багоас, ты еще даже не понимаешь всего. Подожди, пока он не явится в постель. Вообрази, что он приведет ее с собою».

«Пусть даже так, — возражал я демонам. — Но он господин мне, и служить ему я был рожден. Он никогда не отвергал любви, и я не возьму ее обратно, хоть она испепелит мою душу, подобно водам Реки Испытаний. Пусть все остается как есть. Ступайте прочь, демоны, и смейтесь над кем-нибудь другим».

Пир продолжался необыкновенно долго. Неужели Александр до сих пор торгуется с ее родичами? Наконец я заслышал голос царя, но с ним шли полководцы, чего я ожидал менее всего. Как бы поздно ни было, все они вошли и тут же принялись спорить с Александром, оставаясь во внешнем покое. Хорошо хоть, я слышал их речи; у меня было время справиться с потрясением от того, *что* я услыхал. Поначалу я отказывался верить собственным ушам.

Наконец все удалились, и остался один лишь Гефестион. Они с Александром говорили слишком тихо, чтобы я мог слышать. Потом он также вышел, и Александр откинул занавес, скрывавший кровать и меня рядом с нею.

— Не стоило ждать. Надо было передать с кем-нибудь послание для тебя.

— Ничего страшного, — ответил я и добавил, что воду для ванны вот-вот принесут.

Александр расхаживал взад-вперед. Неудивительно. Я знал: он не станет носить в себе новость, попросту не сможет удержать ее.

— Багоас…

— Да, Александр.

— Ты видел дочь Оксиарта, Роксану? Ее представили сразу после танца.

— Да, Александр, и мы все говорили о ее красоте.

— Я должен жениться на ней.

Да, просто замечательно, что я был к этому готов! Царь просто не вынес бы очередного изумленного молчания, это стало бы слишком тяжким испытанием, по-моему.

— Будь же счастлив, господин мой. Воистину, она подобна жемчужине.

Согдианка! Дочь какого-то вождя! Бесполезно уповать на то, что Александр еще не успел спросить о ней, а завтра проснется в своем уме. Мне было ясно: все уже решено.

Мои слова обрадовали Александра. У меня было достаточно времени, чтобы заготовить их.

— Все против, — заявил он. — Один лишь Гефестион поддержит меня, но в душе он тоже не согласен.

— Господин, они всего лишь считают, что никто, вообще никто в этом мире не достоин тебя.

Александр горько рассмеялся:

— Ну нет! Они хоть сейчас готовы посадить в повозку и прикатить сюда какую-то македонскую девицу, которую я и в глаза-то не видел! Вот она-то была бы достойна… Роксана. Что значит это на персидском?

— Звездочка, — отвечал я.

Александр порадовался и этому.

Принесли воду для ванны, и я ухватился за возможность поговорить, раздевая царя. Когда рабы вышли, он произнес:

— Я давно уже понимал, что обязательно должен жениться в Азии. Это необходимо. Наши народы *должны* примириться. Это единственный выход: как раз то, что им придется принять, хотят они того или нет.

— Да, Александр, — ответил я, думая про себя: «Что, если не примут?»

— Но с тех пор, как это пришло мне в голову, я еще не видел женщины, с которой мог бы ужиться, — вплоть до сегодняшней ночи. Ты когда-нибудь видел равную ей?

— Никогда, повелитель, даже в гареме у Дария. — Думаю, это действительно так, если не брать в расчет ее руки. — Конечно, я никогда не видел царицы. Мне не разрешили бы. — Я сказал это, чтобы уверить Александра: Дарий ни разу не приводил меня к ней.

— Я и сам видел ее лишь однажды; и потом, когда она умерла. Да, она была прекрасна, как цветок лилии на крышке саркофага. Тогда ее дочери были всего лишь детьми. Теперь они уже

старше, но… в их жилах ведь тоже течет кровь Дария, а я бы не хотел воспитать сына потомком его трусливого рода… И потом, у этой девушки есть характер.

— Вне сомнения, Александр. Он так и светится в ее глазах. — Это уж точно. Каков же ее характер — другой вопрос.

Александр был слишком взбудоражен, чтобы спокойно уснуть, и потому шагал взад-вперед, обдумывая вслух предстоящие свадебные приготовления, рассказывая, как он послал весть Оксиарту, ее отцу, и тому подобное. Странно, но в его речах я нашел успокоение. Царь не заставил бы меня выслушивать все это, если б намеревался отослать меня прочь. Я увидел сразу, что такая мысль даже не посетила его.

Конечно же, Александр понимал, отчего его с такой силой влекло к этой девушке, но вовсе не из-за беспечности он не догадывался о моей боли. Привязанности всегда горели в нем ярче страсти. Он был привязан к Филоту, чье вероломство ударило по нему столь же сильно, как ударила бы измена любимого. Он был привязан ко мне, но не был волен сбросить эти путы. Внезапно я задал себе вопрос: что чувствует сейчас Гефестион — неужели то же, что и я сам?

Наконец мне удалось уложить Александра в постель. Утро было уже не за горами.

— Да хранят тебя оба наших бога. Ты единственный, кто понимает. — С этими словами Александр притянул к себе мою голову и поцеловал меня. Так долго сдерживаемые слезы выступили на моих глазах, но я вышел прежде, чем они ринулись вниз по щекам.

Оксиарт явился в наш лагерь несколькими днями позже, чтобы договориться об условиях заключения мира. Конечно же, Александр не отдал ему Скалу, где собирался поставить свой гарнизон, но вождь весьма удачно завершил переговоры, если учесть, что его внуку предстояло стать великим царем персов. Узнав, что Александр намерен жениться на девушке, которую любой победитель просто забрал бы в качестве военного трофея, подозреваю, он не поверил собственному счастью.

Пред свадебным пиром, который уже начали готовить, прежний должен был показаться простым семейным ужином. Созвали всех родственников, и они тут же принялись украшать комнату новобрачных. Я же хотел знать лишь одно: что Александр намерен делать со своею невестой, едва уложив на брачное ложе? Согди-

анки не похожи на наших женщин. Что, если она рассчитывает обосноваться в его шатре, служить ему и прятаться за занавесями, когда будут входить мужчины? Что, если она не видит смысла в моем присутствии, кроме как для того, чтобы прислуживать ей? Если Александр позволит такому случиться, думал я, тогда мне придет время проститься с жизнью.

Затем в лагере появились красивый новый шатер и роскошная повозка с пологом и занавесями из расшитой кожи. Сердце мое ожило.

Александр призвал меня к себе и обнял за плечи:

— Ты не окажешь мне услугу?

— Как ты можешь спрашивать?

— Сходи в шатер Роксаны и посмотри, все ли готово. Я, признаться, не большой знаток подобных тонкостей и уже советовался с людьми, но никто из них не жил при царском дворе, сам понимаешь…

Я ответил на его улыбку, и он сам ввел меня внутрь. Я мог бы сразу заявить, что эта согдианская девушка даже не догадывается о существовании подобного великолепия и не знает назначения большей половины туалетных принадлежностей. Но я честно обошел все вокруг,

посоветовал найти настоянную на цветках апельсина воду (если ее, конечно, можно раздобыть в здешних местах) и добавил, что, по моему разумению, более не требуется ничего. Кровать была просто громадной, в гнетущем провинциальном стиле. Ко мне вновь вернулись аромат кедра и солоноватый воздух Задракарты.

По мере приближения назначенного дня выяснилось: согдианцы оставались единственными, кто ожидал предстоящие торжества с радостью. Македонцы высокого ранга восприняли решение Александра с кислой миною. Если бы он обменял девушку на жизнь ее брата и приволок в свой шатер, вся история так и осталась бы пустяком, о котором можно было бы вспоминать с улыбкой. Отчаянный крик девицы послужил бы поводом для пары непристойных шуточек — и только. Брак? Это уже шло вразрез с их положением победителей. Если бы сначала Александр женился на македонянке и назвал ее своею царицей, а уж потом взял эту девушку в свой гарем в качестве младшей жены (поговаривали, у его отца таких было немало), они не стали бы жаловаться. Как оказалось, у многих дома оставались дочери, которых, по их мнению, и следовало предпочесть. Единственное, что удержало их от крика, — то,

что Александр даже не думал возвести невесту в ранг царицы. Я и сам был рад, что он не зашел столь далеко.

Что касается простых воинов, то все они любят, чтобы у их предводителя были свои маленькие странности; им нравится складывать о нем легенды. Они уже привыкли к персидскому мальчику-танцору; если бы постель Александра вообще пустовала, их бы обеспокоило его здоровье. Но женитьба — совсем другое дело. Они воевали, чтобы подчинить Согдиану, ибо Александр сказал, что это необходимо; теперь же пронесся слух, что он задумывает поход на Индию. Воины начали бояться, что царь вообще не собирается возвращаться домой. Он распростер свои крылья, весь мир теперь был его домом; но простые воины с тоской вспоминали о своих деревнях, о холмах, где они пасли коз в далеком детстве, да о македонских детишках от своих македонских жен.

Что бы ни думал про себя каждый из нас, день настал — точно в назначенный срок, подобно смерти. Пока я одевал Александра для пира, он улыбался своим мыслям, словно бы до сих пор с трудом мог поверить, что все это — не какой-нибудь сон. Толпою вошли друзья, дабы по тра-

диции пожелать ему радости. Их обнадежило то, что Александр не стал надевать митру — ведь он брал жену, а не царицу, — и шутки лились рекою. Никто не замечал меня; разве только однажды Гефестион глянул в мою сторону, думая, что я не вижу. Что промелькнуло во взгляде: любопытство, триумф или жалость? Не было времени гадать.

Пир начался; пляска света, тепла, золота и разноцветных тканей, смешанная с испарениями жареного мяса. На столах в стороне, по варварскому обычаю, свалено в кучи богатое приданое; жених с невестой восседают на тронах. Стояла прекрасная тихая ночь; языки пламени поднимались прямо к небесам. Оглушительно ревела музыка, и каждому приходилось кричать, чтобы быть услышанным. Невеста водила по сторонам блестящими глазами, словно ее никогда не учили опускать их, пока Александр не сказал ей что-то через толмача, и только тогда она обратила взор на него.

Внесли ритуальный каравай, который Александру надлежало рассечь мечом. Он отломил кусок со стороны невесты и дал ей попробовать, затем пожевал и свой ломоть. Отныне они стали мужем и женою. Все мы поднялись, чтобы приветство-

вать их, но я не мог издать ни звука; глотка вдруг пересохла, и я даже дышал не без труда. Факельный чад душил меня и разъедал глаза, но я все-таки сидел чинно из боязни, что мой уход будет замечен. Еще немного — и они принялись бы, распевая гимны, укладывать невесту в постель.

Я толкался в общей толпе, когда чья-то рука взяла меня под локоть. Даже не успев обернуться, я уже знал: это Исмений.

— Она прекрасна, — сказал я. — Завидуешь ли ты жениху?

— Нет, — шепнул он мне на ухо. — Но завидовал прежде.

Я прижался к нему чуть плотнее. Казалось, все происходит само по себе — так люди моргают, когда пыль попадает им под веко. Сам того не зная, Исмений избавил мои плечи от страшного груза. Мы подобрали свои плащи в куче одежды у входа и вышли под холодные звезды Согдианы.

Снаружи было почти так же светло, как и внутри; всюду пылали огромные костры, и целые толпы согдианцев вращали насаженные на вертела туши; люди пели, орали что-то, хвастались, стравливали собак, танцевали в больших хороводах. Как бы там ни было, они не отходили

от пищи и питья, и очень скоро мы избавились от лишних глаз.

Со времен осады Скалы снег не выпадал, земля уже просохла. Мы нашли укромное местечко среди валунов, и Исмений расстелил там свой плащ. Трава уже была примята; наверное, здесь успела побывать вся деревня. Впрочем, я не сказал об этом Исмению, который решил, верно, что этот райский уголок создан для нас двоих.

Его даже удивило, сколь быстро мне удалось разгадать его желания. Не понимаю отчего, в них не было ничего особенного. В любой из вечеров в Сузах я счел бы за везение попасть к такому легкому клиенту. Он старался доставить мне удовольствие, я же делал вид, что мне приятно все, что бы он ни делал. Оромедон предупредил бы меня, чего следует ждать; я уже почти забыл те далекие дни. «Причина — в твоем гневе и в сопротивлении духа». Когда от боли я затаил дыхание, Исмений решил, что это от охватившего меня экстаза, и был счастлив. Он всегда был хорошим другом, в то время как прочие юноши надоедали мне приставаниями. Я же с детства знал, как следует отблагодарить того, кто не обращался со мною скверно.

Не знаю, сколько времени мы провели там;

во всяком случае, мне показалось, что ночь наполовину прошла. Исмений жаждал встречи со мною уже целый год и не мог насытиться. Наконец, полежав немного под моим плащом, мы решили, что ночь слишком холодна для того, чтобы остаться.

В небе блистал узкий серп луны. Исмений смотрел, как она плывет рядом с вершиною Скалы; я опустил голову на его плечо. Убедившись, что он получил все, чего только мог желать, я вспомнил и о себе. Я сказал:

— Нам снился сон, дорогой друг мой. Уже скоро мы проснемся, так пусть же сон наш будет забыт этим утром. — Так лучше, чем: «Никогда не напоминай мне о том, что было, иначе я воткну в тебя свой нож».

Он обхватил меня за талию. Красивый юноша; мне далеко не всегда бывало дано выбирать. Действительно, Исмений вовсе не был глуп и рассудительно шепнул в ответ:

— Обещаю. Ни слова, даже если мы будем наедине. Мне повезло, что я могу вспоминать об этом. Конечно же, ему захочется вернуть тебя. Всякий бы захотел.

А наверху, у входа в одну из пещер, тоже пылал большой костер. Даже в ночь своей свадьбы

Александр не был одурманен настолько, чтобы не выставить стражей на Скале; но он послал им достаточно еды и вина, чтобы и эти воины тоже смогли попировать вволю.

В зале слышалось нестройное пение тех гостей, которые непременно засиживаются до утра, чтобы взглянуть на брачную простыню. И тогда я впервые задумался над тем, как же справится Александр с этой задачей. Он, должно быть, давно уже не имел случая попрактиковаться, если вообще обладал подобным опытом, а девственница шестнадцати лет вряд ли будет большим подспорьем. На какое-то мгновение демоны вернулись, желая ему неудачи, — с тем чтобы потом царь явился бы ко мне за утешением. Но едва мне пришло в голову, какой вред нанесет ему — непобедимому — такое поражение, как я призвал обратно свое гнусное желание и расправился с ним. Когда Исмений ушел спать, напоследок улыбнувшись глазами, я все еще стоял, затерявшись в толпе, пока не настал рассвет и не заиграла музыка. Вошла какая-то знатная старуха и потрясла простыней у нас на виду. В центре полотнища горел алый знак победы. Александр остался непобедим.

На следующий день было столько церемоний,

что мы виделись лишь мельком, не считая того случая, когда царь зашел в шатер сменить одежды. На лице Александра сияла самодовольная улыбка (от счастья или от достигнутого, кто бы мог сказать?), а сам он выглядел живо и свежо. Исмений стоял на часах с голубоватой тенью под глазами и еле заметной тайной улыбкой на устах, которые он позаботился не обращать в мою сторону.

Невесту навестила добрая сотня женщин; журчание их голосов можно было расслышать еще у ворот. Я не был глух, путешествуя с гаремом Дария, а потому наперед знал все вопросы и гадал, как именно отвечала Роксана.

Сам я даже не подходил близко к дверям, но в должное время послал слугу, с тем чтобы оставить для Александра утреннюю смену одежды с каким-нибудь евнухом, а потом забрать вечернее одеяние. Следует начать сразу же, если надеешься продолжать.

Признаюсь, когда вечером Александр пришел принять ванну, я тер ему спину так, словно бы смывал с него прикосновения Роксаны. Да, до таких смешных глупостей способна довести ревность. После долгого молчания царь сказал вдруг:

— Ее обязательно нужно обучить греческому.

— Да, Александр.

Как он управился, не имея возможности говорить? Я излечивал его старую печаль — будь то к добру или же к худу — своими уговорами, сплетнями, признаниями… Я пересказывал ему чужие тайны и старые сказки. Ему нравилось ощутить на себе их чары, прежде чем начать все сызнова. Иногда царь просто засыпал под звук моего голоса; мне все было едино, пока я мог быть рядом с ним. А теперь на моем месте оказалась девушка, которая не могла сказать ни слова, а просто лежала рядом, терпеливо ожидая продолжения.

— Твой наставник, Филострат, как ты думаешь, он справится?

— Лучше и придумать нельзя, — отвечал я, довольный, что могу чем-то помочь писцу в ответ на его доброту ко мне. — И к тому же теперь он немного знает персидский, после всех наших уроков.

— Мой персидский она просто не понимает, — усмехнулся Александр. Чему удивляться? Говор Согдианы для перса — то же, что македонский для грека. Смутившись, царь быстро прибавил: — Да, кажется, это тот человек, который мне

нужен.

— Не Каллисфен? — переспросил я со смехом, словно бы напоминая Александру старую шутку; но он промолвил, так и не улыбнувшись в ответ:

— Не ранее, чем железо поплывет по воде. Он чересчур высоко себя ценит.

Мне следовало подумать. Всякий мог бы догадаться, как Каллисфен примет варварскую свадьбу и полусогдианских наследников, которым впоследствии назначено править греками.

— Должно быть, сейчас он уже пишет Аристотелю. Ну да ладно, я тоже написал ему. Старик должен попытаться понять, во имя чего я все это делаю.

— Да, Александр. — На шее я заметил багровый кровоподтек. Наверное, это Роксана укусила его. Интересно, как это случилось? Синяки и укусы вовсе не в его стиле.

Как бы там ни было, прошло не менее недели, прежде чем мы услыхали о каком-то племени, отказавшемся подчиниться Александру, и он выехал усмирить их. Мятежники жили где-то неподалеку, а потому царь заявил, что везти туда весь двор не стоит, как не следует утомлять нелегким переездом по зимним дорогам и госпожу Роксану; он скоро вернется.

Узнав о том, я присел подумать.

Если я просто соберу вещи, то Александр решит, что я вознамерился ехать, и весьма похоже, что без лишних разговоров царь возьмет меня с собою. Я буду рядом с ним, она же — нет. Что может быть лучше? С другой стороны, вот повод сразу узреть, по кому Александр больше будет скучать. Не слишком ли велика ставка? Будь что будет, я брошу кости.

А потому я остался, как часто бывало, а Александр двинул войско прочь. Когда последние ряды его воинства растворились за поворотом дороги, я пожалел о своем решении. Но бросок уже был сделан.

Если б я поехал, Александр все равно не смог бы уделять мне много времени. Мятежники жили в сложенной из камня крепости, опоясанной глубоким рвом, из-за чего почитали себя неуязвимыми. При ужасной погоде Александр провел почти три четверти месяца, засыпая тот ров, пока не смог наконец навести через него мост. Внутри же никто и не подозревал, что люди вообще способны на что-то подобное, а потому там сильно удивились, когда наши стрелы начали потихоньку поражать врага, в то время как их собственные, нацеленные на работающие от-

ряды, застревали в защитных кожаных щитах. Они выслали своего посла с наказом просить о посредничестве Оксиарта.

Александр послал за ним; думаю, царский тесть приходился каким-то родственником осажденному вождю. Оксиарт прибыл и, подтвердив замужество дочери, воздал хвалу непобедимости и милосердию Александра. Вождь сразу же сдался, пригласил царя в свою твердыню, обеспечил его армию заготовленным на случай осады продовольствием и получил подтверждение своей власти над крепостью. Таким образом, война успешно закончилась.

А пока, занимаясь греческим с Филостратом, я не мог удержаться от расспросов, как именно проходят уроки в гареме. Наставник пожаловался, что ему приходится учить Роксану в присутствии двух старух, трех ее сестер и вооруженного до зубов евнуха.

— Ты сам не знаешь, от чего уберегся, — возразил ему я. — Оксиарт намеревался оскопить тебя, прежде чем допустить в гарем.

И громко рассмеялся, видя, как вытянулось лицо Филострата, несмотря на его храбрые попытки сохранить спокойствие.

— Не волнуйся, Александр был весьма тверд

в этом отношении. И как же проходят занятия?

Он отвечал, что Роксана жаждет скорее научиться и порой совсем теряет терпение. Сказав это, он покраснел от неловкости и поспешил раскрыть нашу книгу.

Вскоре после этого повидать меня явился глава евнухов из гарема Оксиарта. Меня сразу насторожила снисходительность, проскользнувшая в его голосе; он говорил до смешного напыщенно, несмотря на простоватые манеры, — но данное ему поручение изумило меня и того более. Это было приглашение встретиться с госпожою Роксаной.

Стало быть, она все знала. Не важно, как до нее дошло это — через чьи-то злорадные сплетни или специально посланных тайных осведомителей, — но она знала.

Конечно же, я не собирался и близко подходить к ней, и теперь даже решительнее, чем прежде. Евнуху я вежливо ответствовал, что пребываю в полном отчаянии оттого, что не смогу усладить свой взор ее драгоценною красою, но все-таки не решусь посетить гарем без царского на то дозволения. Евнух мрачно кивнул. Где это видано, чтобы к гарему хотя бы близко подпустили человека с моей внешностью, пускай даже скопца?

Дарий никогда не посылал туда меня одного. Я с самого начала видел, что поручение словно бы гложет изнутри и самого евнуха. Но быть может, попросил я, он расскажет, зачем госпоже захотелось повидаться со мною?

— Насколько я понимаю, — проговорил он, оглядывая меня с ног до головы, — она пожелала спросить, отчего, раз уж ты танцор, ты не плясал на свадьбе, дабы принести счастье ей и своему господину?

— Плясал на ее свадьбе? — Должно быть, я уставился на него, как полный кретин.

— Таков обычай нашей страны, — подтвердил он, — чтобы евнух танцевал на свадьбе, переодевшись в женское платье.

— Можешь передать госпоже, что я не отказывался танцевать; царь не говорил со мной о танцах, ибо это не в обычае *его* страны.

Надо полагать, кто-то все же исполнил этот танец после того, как я вышел. Значит, Александр преступил ее волю в канун собственной свадьбы, лишь бы не причинять мне боли? Неужели она знала обо всем уже тогда?

Александр вернулся к нам вскоре после этого случая.

В полдень прибыли посланцы, сам же он въе-

хал в лагерь на закате. Без всякого сомнения, ему пришлось извиниться перед Оксиартом, объяснив нежелание немедленно посетить гарем своим поздним возвращением; трапезничал царь в лагере, с несколькими друзьями и военачальниками, бывшими с ним в пути.

Они не стали засиживаться за вином, сразу заговорив о том, сколько могла продлиться осада крепости, если бы мятежники решили держаться до последнего; потом Александр заявил, что собирается лечь спать. Никто не переспросил, где именно.

Он вошел в шатер, где я уже приготовил все именно так, как ему нравилось. Александр встретил меня поцелуем, и это было нечто большее, чем просто приветствие после разлуки, но я не поддался радости. Что, если он отправится в шатер Роксаны, думал я, едва только покончит с ванной? Нет, я не впустил напрасных надежд в свое сердце.

Я вымыл его и вытер досуха. Не нужны ли ему свежие одежды? Нет. Я откинул для него покрывала.

Бродя вокруг кровати, складывая вещи, разжигая ночной светильник, я постоянно чувствовал на себе взгляд. В конце концов я дал своему

сердцу радостно запеть — и, как это уже было однажды, Александру следовало лишь пожелать.

Я поставил ночную лампу у кровати:

— Может быть, еще что-то, господин?

Он ответил:

— Ты и сам все знаешь.

Когда я упал в его объятия, Александр едва слышно вздохнул, словно бы только что вернулся с битвы, после долгой скачки, запыленный и уставший, и нашел свою ванну готовой. Сотня нежнейших любовных стихов, спетых под сладостный перебор арфы, не дала бы мне и половины той радости, которую я испытал, услыхав этот вздох.

На следующий день Александр засел за великую гору дел, накопившуюся со времени его отъезда: вести, привезенные посланниками городов Западной Азии; просьбы людей, проехавших немало миль, чтобы пожаловаться царю на несправедливость сатрапов; письма из Греции, из Македонии, из основанных им городов. Эти дела занимали Александра весь день и часть ночи. Не знаю, получил ли он вежливое приглашение побывать в гареме. Ночью он просто рухнул на кровать и мгновенно уснул.

День спустя я услышал, как кто-то выкрикива-

ет мое имя рядом с шатром. Прямо там, у полога, маленький мальчик, которого я прежде никогда не видел, вложил мне в руки инкрустированное серебряное блюдо. Подняв крышку, он показал мне, что оно наполнено сладостями; сверху лежала полоска пергамента с надписью красивыми греческими буквами: «дар александра».

Я с удивлением взирал на блюдо. Когда же я поднял голову, чтобы расспросить мальчишку, того и след простыл.

Блюдо я внес внутрь. Прежде я не видел такого, хоть, кажется, и знал все его вещи. Оно было дорогим, но грубоватым в отделке; в Сузах его, наверное, выбросили бы за дверь. Я решил отчего-то, что оно согдианской работы.

Записка показалась мне странной. Со мною Александр никогда не соблюдал церемоний. Подобный подарок он передал бы, пожалуй, со знакомым мне слугою и сопроводил устным посланием, дескать, он надеется, что я буду рад такому дару. Да и сами буквы чересчур тщательно прописаны; они вовсе не походили на небрежный почерк царя. Тогда меня осенило. Мне показалось, что я все понял.

Выйдя, я бросил кусочек самому жалкому из бродячих псов, разгуливавших по лагерю.

Он пошел за мною в надежде получить еще, и в своем шатре я скормил ему половину блюда. Мне не пришлось привязывать беднягу; несчастное шелудивое создание сидело на моем ковре с верою в то, что наконец-то ему удалось найти человека, который отныне станет о нем заботиться. Когда его затрясли судороги и он умер на моем ковре с желтой пеною на сжатых челюстях, я чувствовал себя нерадивым хозяином, только что убившим доверчивого гостя.

Я смотрел на тельце собаки и вспоминал о мыслях, преследовавших меня в Задракарте. Кто я такой, чтобы негодовать? Но я, по крайней мере, так и не совершил задуманного.

Александру следует знать, решил я, и не просто оттого, что мне хотелось бы еще немного пожить. Кто знает, что будет дальше? К тому времени я уже сомневался, что подобная новость потрясет его.

Я пришел к шатру Александра, когда он закончил дневные дела, показал ему блюдо и поведал свою историю. Он слушал не перебивая, только глаза его расширились.

— Это было под крышкой, Александр, — сказал я и протянул записку.

Взяв ее двумя пальцами, словно бы и она была

отравлена, царь спросил:

— Кто написал это? Сдается мне, тут потрудилась рука писца.

— Это Филострат, господин.

Александр молча уставился на меня. Я же спешно прибавил:

— Я показал ему записку, и он сразу признал ее. Филострат только не мог понять, как она очутилась в моих руках. По его словам, он написал таких добрый десяток — с тем чтобы госпожа Роксана могла положить их в сундуки с твоими свадебными дарами… Должно быть, — продолжал я, опустив глаза, — кто-то выкрал ее… Я ничего не сказал ему, господин; по-моему, лучше не стоит.

Александр кивнул, хмурясь:

— Да, не надо ему знать об этом. Я не стану допрашивать Филострата. — Накрыв блюдо крышкою, Александр спрятал его в сундук. — Ешь только то, что едят остальные, пока я не скажу. Ничего не пей из того, что стоит без присмотра в твоем шатре. Никому ни слова. За остальным я пригляжу сам.

Было замечено, что в тот вечер царь явился с визитом в гарем. Он пробыл там какое-то время, которое все сочли приличествовавшим новобрач-

ному. Перед тем как лечь спать, он сказал мне:

— Теперь ты можешь быть спокоен. Забудь обо всем.

Я уж было подумал, что так и не узнаю правды, но он добавил, немного поразмыслив:

— Мы связаны узами любви, ты имеешь право знать обо всем. Давай-ка присядь здесь.

Я уселся рядом с ним на краешке кровати. Александр устал, и эта ночь явно предназначалась для сна.

— Я отнес сласти и сразу увидел, что она их признала. Предложил одну, поначалу с улыбкой. А когда она отказалась, я рассердился и сделал вид, что намерен заставить ее проглотить. Тогда она не стала выпрашивать милости, а бросила сласти на землю и растоптала их. У нее есть характер, по крайней мере, — заметил Александр не без одобрения. — Но пришло время открыть ей, чего не следует делать. И здесь я столкнулся с трудностями. Я не мог привести толмача, чтобы тот потом раструбил обо всем. В подобном деле я мог бы довериться одному тебе, но это было бы уже слишком. Как-никак она жена мне.

Я согласился, что этого делать не стоило. Повисло долгое молчание, и наконец я решился

прошептать:

— И что же, господин мой, как ты справился?

— Побил ее. Это было необходимо. Ничего другого не оставалось.

Лишившись дара речи, я оглядел внутренность шатра. Чем же он бил ее? У Александра никогда не было хлыста, и ни Букефал, ни Перитас не знали его прикосновения. Но вот она, плеть — лежит на столе, и притом выглядит так, будто ее немилосердно трепали вот уже десяток лет кряду. Подозреваю, царь одолжил ее у какого-нибудь охотника. А Роксану, надо полагать, сильно впечатлило ее состояние.

Сказать было нечего, и я хранил молчание.

— Она ждала от меня большего. Этого я не учел.

Так вот почему Александр так долго был в отъезде! Вовремя спохватившись, я не позволил своему лицу разъехаться в идиотской ухмылке.

— Господин, в Согдиане женщины питают великое уважение к сильным мужчинам.

Александр покосился на меня, прикидывая, следует ли ему разделить со мной эту шутку, и решил, что это было бы недостойно. Я медленно поднялся на ноги и разгладил покрывало.

— Спи спокойно, Аль-Скандер. Ты много тру-

дился сегодня и заслужил отдых.

Позже я хорошенько поразмыслил над происшедшим. Александр был теплым любовником, но не горячим; мягким — в том, как он давал и брал; шаг его был неспешен, ему всегда нравились паузы нежности. Уверен, что Александр никогда не задавался вопросом, оттого ли мы так хорошо подошли друг другу, что я был тем, кем я был. Могу вообразить себе осторожность, с коей царь приблизился к юной деве. Значит, теперь он уже знает, что Роксана попросту сочла его слабаком.

Вскоре после этого мы свернули наш лагерь. Невеста попрощалась с родичами и расположилась в своей замечательной повозке. Мы направились на запад, в Бактрию, чтобы навести в провинции порядок. Некоторые из тамошних сатрапов и управителей не оправдали оказанного доверия; все это необходимо было исправить, прежде чем двинуться в поход на Индию.

Глава 19

Александр посетил свои новые города, выслушал жалобщиков, то здесь, то там лишая высоких постов управителей, вымогавших взятки, несправедливо обиравших богатых горожан или же слабых. И повсюду, куда бы он ни двинулся, за царем следовал двор — кроме тех редких походов, когда требовалось призвать к ответу банды разбойников, промышлявшие на торговых путях. Ныне, рядом с обычной цепью двора, за ним тянулся и длинный ряд повозок Роксаны — с ее девицами, служанками и евнухами.

Поначалу Александр навещал жену весьма часто, обыкновенно вечерами. Вскоре, однако, стало понятно, что он отнюдь не стремится проводить там все свои ночи. Ему нравилось, чтобы все принадлежавшие ему вещи были где-то рядом, под рукою, а среди них и я; Александру также нравилось ложиться поздно, если ему того хотелось, а наутро спать никем не тревожимым. Вечерами он обменивался с женою любезностями на том греческом, какой она была способна понять, исполнял супружеский долг и возвращался к себе в шатер.

Роксана не носила ребенка: подобные вещи недолго держатся в тайне. По уверениям тех из македонцев, кто знал Александра с детских лет, у него все еще не было потомства; но с другой стороны, быстро добавляли они, он никогда не интересовался женщинами, так что это, в общем, ничего не значит.

Можно не сомневаться в том, что родичи Роксаны с нетерпением ожидали новостей, но, кроме как в них, я более нигде не встречал того радостного предвкушения. Македонцы так и не смогли возлюбить согдианцев, найдя их отважными, но излишне жестокими воинами, к тому же не питавшими отвращения к вероломству. Воистину, отныне царь приходился сородичем половине знатных согдианцев, так что теперь провинция познала наконец мир. Но простые воины, не желавшие, чтобы их собственными сынами правил согдианский наследник Александра, в душе надеялись, что Роксана так и останется бесплодна.

Они все еще шли за царем. Александр тащил их за собою; подобно тому как комета влечет свой хвост, он притягивал их светом и огнем. К тому же он был главою их семьи. Любой из воинов мог прийти к нему, словно дома — к старейшине

рода, за советом и помощью. Их дела и неурядицы составляли добрую половину повседневных забот царя. И каждый из шедших за ним — македонцы, греческие наемники, дикие фракийцы с раскрашенными лицами — знал какую-нибудь историю, подобную той, о замерзшем воине, которого Александр усадил в собственное кресло, поближе к теплу. И он был непобедим. Это прежде всего.

Моя печаль понемногу исцелилась. Правда, когда Александр бывал с Роксаной, для меня у него не оставалось ничего, кроме любви, но я вполне мог жить, питаясь ею, да к тому же догадывался, что поститься мне недолго. Я знал, что жена утомила Александра, хотя мы избегали этой темы в беседах. Александр выполнял работу двух мужчин — царя и полководца; довольно часто ему приходилось становиться и простым воином, идущим в бой. Я же довольствовался тем, что оставалось после тяжкого дня; он мог прийти ко мне за небольшим, дремотным удовольствием, отданным и принятым с любовью, затем следовал отдых, и я тихонько уходил, дабы не тревожить царский сон. Не думаю, чтобы в шатре гарема все было столь же просто. Возможно, удары плетью всколыхнули в Роксане

напрасные надежды.

Мало-помалу визиты Александра в гарем становились все менее протяженными, или же он выходил оттуда, всего лишь осведомившись о здоровье Роксаны.

Филострат получил ларец с новыми книгами, только что прибывшими из Эфеса. Он был слишком беден, чтобы заказать их в хорошей копировальне и оплатить перевозку, и я попросил Александра сделать ему этот первый дар. Филострат распаковывал их, словно сгорающий от нетерпения ребенок. «Вот теперь, — сказал он, — мы сможем почитать греческие стихи».

Они показались мне странными после персидских, но, более скудные по языку и прямые по форме, в свое время и греческие строки раскрыли предо мною свои богатства. Слезы хлынули ручьем, когда я впервые прочел о видении Ипполита, предлагавшего горные цветы чистой богине, которую только он один мог видеть. Филострат осторожно похлопал меня по руке, предположив, что я плачу о прошлой своей жизни, — а как знать, быть может, и о настоящей.

Далеко не все мои мысли были посвящены Еврипиду. В шатре по соседству (рабы македон-

цев всегда разбивали лагерь в соответствии с планом) Каллисфен обучал телохранителей Александра. Я слышал, проходя мимо, обрывки его речей и мог уловить отдельные фразы даже с того места, где сидел, если только Каллисфен забывал понизить голос.

Исмений, хоть и сдержал данное мне слово, заговаривал со мною всякий раз, когда представлялся случай. Однажды я спросил, что он думает о философе, и Исмений рассмеялся в ответ:

— Я не посещаю его занятий уже три месяца. Для меня они чересчур утомительны.

— Правда? Я полагал, ты либо там, либо на посту. Неужели Каллисфен не жалуется? Тебя ведь могут и наказать, не так ли?

— О да. Наверное, он только обрадовался; воображает, что я слишком глуп для философии. Мы ничем иным теперь и не занимаемся, а я больше слышать не могу его рассуждений. Поначалу, бывало, он рассказывал и полезные вещи…

Слишком глуп или слишком предан? Да, быть может, отсутствие Исмения неспроста оставалось «незамеченным». Исмений казался простаком по сравнению со мною, проведшим отрочество в Сузах. Услыхав, что к нему питают неприязнь, он ушел; на его месте я обязательно остался бы

послушать еще.

По-гречески я уже говорил настолько бегло, что Александр даже просил меня не терять персидский акцент, звуки которого постепенно начали ему нравиться. Однако, если мимо проходил Каллисфен, я всегда держал рот на замке: философу нравилось думать, что юному варвару не под силу совладать с языком избранной Зевсом расы. Не думаю, чтобы ему хоть раз пришло в голову, будто Александр вообще когда-либо *говорил* со мной.

Я действительно едва ли стоил его внимания. К персидскому мальчику все давно привыкли; так, ничего особенного — по сравнению с женой из Согдианы.

После свадьбы Каллисфен гордо выставлял напоказ свою непримиримость — он сказался больным и не был на пиру, хотя разгуливал по лагерю уже на следующий день. Александр, все еще желавший покончить с былыми раздорами, потом даже звал его на трапезу, но получил прежний ответ: философу неможется. Каллисфена вообще-то не часто приглашали, ибо в компании он бывал строг и быстро портил общее веселье. Теперь я понимаю, что он вел себя по всем правилам новой афинской философии (старик

Сократ, говорят, был отличным собутыльником); знай я тогда чуть больше о Греции, возможно, и догадался бы почему. Но даже и в неведении мне казалось, что за Каллисфеном следует присматривать, и я всегда задерживался послушать, проходя мимо его шатра во время занятий. Определенные поучения он читал, изменив голос.

Наступила весна. На придорожных колючих кустах распустились белые цветы, благоухавшие жасмином; у ручьев показались лилии. Холодные ветры все еще свистели в теснинах. Помню ночь, которую мы с Александром провели, тесно прижавшись друг к другу; царь отвергал лишние покрывала, считая, что они размягчают человека, но не противился моему теплу.

— Аль-Скандер, — позвал я. — Кто такие Гармодий и Аристогитон?

— Любовники, — сонно отвечал он. — Знаменитые афинские любовники. Ты, верно, видал их статуи на террасе в Сузах. Ксеркс привез их из Афин.

— Те двое, с кинжалами? Мужчина и мальчик?

— Да. Эта история есть у Фукидида… А что такое?

— Зачем им кинжалы?

— Чтобы убить тирана Гиппия. Впрочем,

им не повезло. Они прикончили его брата, отчего тиран совсем рассвирепел. — Александр приподнялся на локте, чтобы поведать мне историю. — Но они умерли с честью… Знаешь, афиняне очень почитали их статуи. Когда-нибудь я отошлю их обратно. Они очень старые. Такие окостеневшие позы… И прекрасный Гармодий — он недостоин завязывать тебе сандалии…

Еще несколько мгновений — и он уснет.

— Аль-Скандер, я слышал, как Каллисфен рассказывал твоим телохранителям об убийстве тирана этими двумя как о благородном деянии.

— Правда? Фукидид пишет: это обычная ошибка афинян. Я уже слыхал старую песню, будто тираноубийцы освободили город.

Я промолчал о том, что Каллисфен поучал «чужим» голосом. Еще в Экбатане мне довелось столкнуться с заговором — тогда я сразу почуял неладное и теперь ощущал нечто схожее. Однако, пусть я и говорил на греческом, я все еще не познал тех еле приметных тонкостей языка, той игры нот и тех пауз, за коими прячутся тайны.

— Ну, ты его все-таки не убивай, — рассмеявшись, Александр погладил меня по щеке, — Аристотель мне никогда бы этого не простил.

Под покрывало проскользнул холодный воздух, и мы еще крепче сомкнули объятия. В тот день Александр поработал за троих и вскоре уже крепко спал.

Полмесяца спустя, расчесывая ему волосы перед ужином, я объявил, что Каллисфен избрал из своих учеников Гермолая и теперь тот постоянно сопровождает философа на прогулках после занятий. Александр отвечал, что ему жаль юношу, но любовь слепа.

— Любовь тут ни при чем. Его возлюбленный — Сострат, и порой он тоже ходит с ними, я сам видел.

— Вот как? А я-то гадаю, что могло случиться с их манерами? Должно быть, Каллисфен постарался… Он-то никогда не ведал разницы между учтивостью и угодливостью. Вот ведь гадкий тип! Но Каллисфен родом с греческого юга, если ты помнишь. Шесть поколений тамошние жители хвастают тем, что у них нет владыки, и в том — заслуга половины их героев. Ксеркс дошел до самой Аттики только благодаря недоверию греков к собственным вождям. Между прочим, мой отец легко мог бы разграбить Афины, да и я тоже. Но со времен Ксеркса и до наших дней, на протяжении трех поколений, этот город

воистину был великолепен, он был сердцем, средоточием свободы… Я видел Афины всего однажды. Но дух и облик города помню до сих пор.

— Аль-Скандер, ты что же, никогда не расчесываешь волосы во время похода? У тебя на голове сплошные узлы… Если Каллисфен ненавидит царей, зачем же он последовал за тобою?

— Мой отец возродил из руин родной город Аристотеля, и это было платой за мое обучение. Город сожгли во время фракийской войны, когда я был совсем еще мальчишкой; та же участь постигла и Олинф, откуда родом Каллисфен. Этот хлыщ воображает, будто его труды стоят того, чтобы я вновь основал там город, хоть и помалкивает до поры. Но Аристотель послал его затем, чтобы я оставался греком. Вот настоящая причина.

Волосы уже в порядке, но я продолжал расчесывать их, чтобы Александр не умолк.

— Царь Ох до смерти запытал лучшего друга Аристотеля, с которым тот вместе учился. Эта весть настигла мудреца в Македонии. «Никогда не забывай, — сказал он мне тогда, — что греков следует почитать за людей, а варваров — за скот, созданный служить им».

Поймав мою ладонь, Александр приложил ее к своей щеке.

— Великий мыслитель, но эти его слова не задержались в моем сердце. Я пишу ему всякий раз, закладывая город, ибо Аристотель объяснил мне, что означают слова «долг» и «закон». Он не понимает, отчего я оставляю этим людям — горстке бактрийцев и фракийцев, отслужившим свое македонцам и нескольким безземельным грекам — гарнизон и законы, а не конституцию. Греческие города в Азии я еще мог бы сделать демократиями… Они способны ее понять. Но справедливость — прежде всего. Я все еще посылаю старику дары и никогда не забуду, чем обязан ему. Я даже мирюсь с выходками Каллисфена, хотя Аристотелю никогда не узнать, чего мне это стоит.

— Надеюсь, господин мой, он не обойдется еще дороже, — ответил я. — Тебе пора подстричь волосы.

Александр никогда не завивал их, и они ниспадали небрежными прядями, подобно львиной гриве. Но остригал он волосы часто, поддерживая их форму. Еще в первые дни моей жизни в лагере Александра я стянул одну прядку с покрывала цирюльника; она до сих пор со мною, и я храню ее в маленьком золотом ларчике. Она все еще не уступает золоту своим блеском.

Более я ничего не сказал. Александр все равно пропустил бы мои сомнения мимо ушей, даже если бы я продолжал надоедать ему этой темой. Во дни посещений гарема царь бывал менее терпелив, нежели обычно.

С приходом весны мы перенесли лагерь повыше, на склон у беспокойной, вертлявой речушки, чьи берега облюбовала роща древних кедров. Просеянное листвою, даже полуденное солнце не пекло сильно. Еще там росли анемоны, а камни в чистом темном потоке отливали полированной бронзой. Запах кедровой смолы превосходил самые тонкие арабские благовония, а покровы опавшей хвои мягкостью не уступали коврам гарема. То было место, созданное для счастья.

Пусть конные прогулки по лесу дарили неземное наслаждение, я все равно находил время для занятий греческим и для присмотра за Каллисфеном и его любимыми учениками.

Конечно, он никогда не собирал сразу всех царских телохранителей. Кто-то стоял на карауле, ночная стража спала… Они все были приписаны к дежурствам, хоть Александр и не отказывал, если его просили об изменении порядка. Гермолаю и Сострату было позволено стоять вместе. Имен-

но на их дежурство и пал выбор Каллисфена…

Я часто думал о нем, уже живя в Египте и прочитав множество книг. Он мнил себя греческим философом; он знал (как теперь знаю и я), что старик Сократ ни за что не пал бы ниц, да и Платон тоже. С другой стороны, Александр и не стал бы просить *их* об этом, как не попросил бы и Аристотеля, если бы тот путешествовал с ним. Мой господин распознавал и ценил величие сердца, как позже это открылось в Индии. Он не видел его в Каллисфене, сначала льстившем царю, а потом оскорбившем его. Зачем оказывать философу излишние почести? Всегда есть те, кто измеряет доблесть своею мерой и ненавидит чужое величие — не из презрения к сильному, но из жалости к себе. Такие могут завидовать даже мертвым.

Это Александр видел. Он не понимал всей силы этого чувства, ибо никогда не завидовал сам; он не видел, какое пламя ненависти завистники способны пробудить в других, раздувая жалкую искру. Да и сам Каллисфен не был способен осознать свою вину. Тщеславие порождает ненависть, и оно же оправдывает ее.

Ведал ли философ, что был вылеплен словно бы из иного теста, чем собственные его ученики?

Он оглядывался на великую Грецию, давно уж мертвую. А для этих македонских юношей Греция была всего лишь словом; вызывающая новизна дерзости самого Каллисфена притягивала куда сильнее.

Оба — и Гермолай, и Сострат — уже не скрывали вызова, вдохновляя на дерзость прочих, что не ускользнуло от взора Александра. Привилегией царских телохранителей было то, что подчинялись они непосредственно ему самому; никто другой не мог наказывать их. Александр отчитал Сострата и назначил ему дополнительные дежурства, Гермолай отделался предупреждением.

Срок службы обоих подходил к концу; их освободили бы от дежурств сразу, как только из Македонии им на смену прибыла бы новая группа высокородных юношей. Сострат с Гермолаем уже не были неуклюжими мальчишками, требовавшими присмотра, ныне они превратились в мужчин, которых следовало наказывать за несоблюдение долга подчинения; это они понимали. Нелегкая пора. Как-то Александр, вручая один из множества подарков, посоветовал мне: «На твоем месте я спрятал бы его подальше от глаз этой деревенщины».

Так все и шло своим чередом, пока Александр не отправился в горы поохотиться.

Мне нравилась охота, хоть сам я никогда не бывал особенно удачлив, — я любил бешеную скачку, холодный горный воздух, наших гончих, с лаем летящих по следу на высоких лапах, сторожкое ожидание у зарослей — вот сейчас оттуда появится добыча… В тот раз мы заранее знали, кого увидим, — по тому, как наши псы ощерились в глухом лае, да по помету: вепрь, здоровенный хряк.

Одна сторона цепи холмов была голой, но вторая, изрытая складками оврагов, густо поросла лесом. В тенистой прогалине, забрызганной мелкими цветами, наши гончие лаяли на густой подлесок, чуя близость зверя. Александр отдал коня одному из охранявших его юношей, остальные также спешились. Сошел с коня и я сам, хотя ужасно боялся вепря. Этот зверь может сбить человека с ног и распороть ему живот, пока тот еще не рухнул оземь; к тому же, подняв зверя на пику, я вряд ли сумел бы удержать его. «Что с того, — пронеслась мысль, — если я и погибну, — Александр навсегда запомнит меня молодым и прекрасным. И не трусом».

Люди стояли, опустив пики и твердо расставив

чуть согнутые в коленях ноги, готовясь выдержать удар, если вепрю вздумается броситься прямо на них. Освободившись от повода, собаки исчезли в подлеске. Телохранители встали поближе к царю — по обычаю, принесенному ими из Македонии.

Что-то черное метнулось за деревьями, оглашая лес яростным хриплым визгом. Немного в стороне от нас Пердикка поднял на пику какое-то животное и получил свою долю поздравлений, но охота еще не завершилась: лай гончих и треск ломаемых сучьев приближался к нам. Царь нетерпеливо улыбался, напружинясь с восторгом, как мальчишка. Я тоже выдавил улыбку — не разжимая намертво стиснутых зубов.

Из подлеска появилась вооруженная двумя загнутыми клыками морда; огромный хряк стоял на краю рощицы, поводя головою из стороны в сторону. Он вылез из кустов в стороне от Александра и переводил маленькие глазки с одного пришельца на другого, выбирая себе врага. Александр шагнул вперед, опасаясь, что зверь изберет кого-нибудь другого. Но в тот момент, когда вепрь уже было рванулся навстречу, к нему подбежал Гермолай и встретил зверя ударом копья.

То была неслыханная, невообразимая дерзость.

Александр уступил бы игру любому сотоварищу, который стоял бы на пути у зверя, когда тот прыгал вперед; но телохранители были рядом для того лишь, чтобы служить царю, как и во время битвы.

Вепрь был тяжело ранен, но яростно боролся. Не двинувшись с места, Александр сделал другим воинам знак помочь и, когда кровавая, сумбурная работа была завершена, поманил Гермолая к себе. Тот подошел с вызывающе поднятой головой, собираясь предстать перед очами, в которых он не раз встречал недовольство, но никогда — гнев. Глянув в лицо рассвирепевшему Александру, Гермолай побледнел. Зрелище не из тех, что скоро забываются.

— Возвращайся в лагерь и верни коня в стойло. Не выходи из шатра, пока за тобою не придут.

Остальные стражи переглянулись: «верни коня» означало, что Гермолай лишился права ездить верхом. Смертельный позор для царского телохранителя.

Мы двинулись к другой рощице — охота продолжалась. Думаю, в тот день мы загнали оленя и только тогда вернулись. Александр не стал делать вид, будто бы ничего не произошло.

Тем же вечером он заставил всех своих тело-

хранителей выстроиться на площадке перед шатром; я впервые видел всех вместе и был поражен их числом. Александр объявил, что прекрасно знает, кто служит ему честно, и этим людям нечего страшиться. Некоторые, впрочем, стали ленивы и дерзки; их уже предупреждали, но тщетно. Царь поведал о проступке Гермолая, которого привели под стражей, и спросил, что он может ответить.

Мне рассказывали позже, что в Македонии юноша становится мужчиной, только убив вепря (или — во дни царя Филиппа — другого мужчину), выйдя против него один на один. Не могу сказать, думал ли про то Гермолай, но Александр явно не подозревал о такой подоплеке его проступка. В любом случае, Гермолай ответствовал:

— Я помнил, что я — мужчина.

Я тоже помнил кое-что. А именно Каллисфена, призывавшего учеников не забывать, что они — мужчины, пользуясь при этом чужим голосом. Не ведаю, догадался ли Александр, откуда взялись эти слова. Он просто сказал Гермолаю:

— Тогда ты наверняка сможешь принять наказание, как должно. Двадцать ударов бичом, завтра на рассвете. Все остальные придут посмотреть на это. Разойтись.

Я подумал тогда: если Состратиправду любовник ему, для него наказание будет еще страшнее. Не следовало поощрять друга в дерзости; в конце концов, Состратбыл постарше. Как бы там ни было, видевший раны и боль в теле, которое любил, сам я не мог не сочувствовать.

Впервые за все правление Александра его телохранителя предавали бичеванию. Надо сказать, Гермолайснес свое наказание хорошо. Бич не вспорол ему плоть до кости, как случалось в Сузах; тем не менее раны он оставил, и, по-моему, Гермолайне представлял себе, что могло быть и хуже. Шрамы останутся на всю жизнь: позор, видимый всякий раз, когда Гермолаюпридется раздеваться для упражнений. В отличие от грека, перс всю жизнь мог бы хранить в тайне свои шрамы…

Я видел, как Каллисфен положил ладонь на плечо Сострату. Дружеский жест, но Состратне отрывавший глаз от возлюбленного, не видел лица философа за своим плечом. На нем было написано удовлетворение. Не от созерцания чужих страданий, нет — то было удовольствие, которое проскальзывает на лице того, кто видит, что события складываются именно так, как он того желает.

Что же, размышлял я, если Каллисфен воображает, что этот случай обратит воинов Александра против царя, то он попросту круглый дурак; они понимают значение слова «дисциплина». В тот момент я не подумал, что о скрытой радости Каллисфена стоило бы поведать Александру, а потом почти что забыл о ней, когда впоследствии все изменилось. Уроки, которые мне удавалось подслушать, не подстрекали к бунту, а чужой голос пропал, как не бывало. Возможно, Каллисфен сожалел, что своими поучениями навлек беду на одного из учеников. Гермолай же, чьи раны быстро зажили, вернулся к своим обязанностям и стал весьма ревностен в службе. Сострат — тоже.

Примерно в то время вокруг царя стала крутиться прорицательница-сирийка.

Она месяцами следовала за нашим лагерем: маленького роста и очень смуглая, ни молодая, ни старая, в прошитых золотою нитью лохмотьях с дешевыми, безвкусными бусинами. У нее был знакомый дух — и она шаталась по лагерю, пока дух не указывал ей на нужного человека. Тогда она подходила к избраннику и предлагала ему удачу за каравай хлеба или кусочек серебра. Поначалу над прорицательницей смеялись,

но вскоре увидали, что те, кто давал ей что-то, получали взамен обещанное. Пророчествовать для всякого она не могла — ее господин должен был сначала указать нужного человека. Вскоре ее саму стали считать добрым знамением, и она уже никогда более не голодала. Но однажды какие-то пьяные остолопы вздумали высмеять ее; сначала она здорово перепугалась, но потом внезапно поймала взгляд главного забияки и — как будто впервые увидела его — сказала: «Ты умрешь в полдень, на третий день ущерба нынешней луны». Он пал в мелкой стычке в указанный день, и сирийку оставили в покое.

Раз или два она предлагала удачу самому Александру, ничего не требуя взамен. Он рассмеялся, подарил ей что-то и даже не остановился выслушать. Можно было вполне уверенно предсказывать победу; но, однажды расслышав ее слова, а потом убедившись в их правдивости, царь всякий раз останавливался послушать прорицательницу, как бы ни спешил. На его золото сириянка купила новое цветастое одеяние, но так как она спала, не снимая платья, то уже очень скоро оно стало походить на старое.

По утрам я входил в царский шатер через скрытый пологом тайный ход, позволявший

мне оказаться прямо в опочивальне Александра (это было устроено для Дария, чтобы незаметно приводить женщин). Однажды я нашел сирийку сидевшей у шатра, скрестив ноги. Телохранители не прогнали ее, сославшись на запрет Александра.

— Неужели, матушка, — спросил я, — ты просидела тут всю ночь? Кажется, ты вовсе не сомкнула глаз.

Она поднялась, в ушах качнулись монеты — две из тех, что Александр дал ей.

— Да, мой маленький. — (Я был выше ее на целую голову.) — Мой господин послал меня, но теперь он говорит, что время еще не пришло.

— Не огорчайся, матушка. Ты ведь знаешь: когда настанет счастливый день, царь выслушает тебя. Ступай и поспи.

Примерно месяц спустя после памятной охоты на вепря Пердикка устроил пирушку для Александра.

То была роскошная трапеза, на которую пришли все его друзья, а также их возлюбленные, коими на подобных празднествах бывали высокородные греческие гетеры. Конечно, они не были персиянками. Благородный перс скорее предпочел бы умереть, чем представить на публике

самую незначительную из своих наложниц; даже те македонцы, чьи женщины были захвачены в покоренных городах, не предавали их подобному позору. Да и Александр не позволил бы.

Сквозь распахнутый полог шатра я видел Таис, любовницу Птолемея: в венке из розовых бутонов она сидела на ложе своего господина, рядом с Александром. Она была его давней подругой, почти с самого детства, ибо стала возлюбленной Птолемея прежде, чем македонцы пришли в Азию; тогда она была совсем юной, но и теперь еще блистала красотой. Птолемей держал ее почти как жену, хоть и не совсем: Таис первая не допустила бы такого поругания своей коринфской славы. Александр всегда хорошо с нею ладил; именно Таис убедила царя поджечь персепольский дворец.

Собираясь на пир, Александр оделся во все греческое — на нем был синий хитон с золотой каймою и венок из золотых листьев, в который я вплел для него несколько живых цветков. Я думал: «Он никогда не стыдился меня. Сегодня я разделил бы с ним пиршественное ложе, если бы Александр не знал, что это огорчит Гефестиона». Все легче становилось мне забыть о Роксане. Гефестиона же не забуду никогда.

Александр просил не ждать, но я не покинул шатер, не позаботившись об обычных мелочах. Я чувствовал странную вину при мысли о том, чтобы уйти и уснуть, хотя было уже довольно поздно, когда я вышел посмотреть, как идет пир.

Вокруг царского шатра на часах стояли стражи — обыкновенный отряд из шести человек: Гермолай, Сострат, Антикл, Эпимен и еще двое; Антикл совсем недавно перешел в их смену, чтобы вместе держать стражу. Я стоял у тайного входа, вдыхая аромат ночи и слушая тихое гудение лагеря, собачий лай (то не был Перитас, коего я оставил спящим в шатре) и смех пирующих. Свет из-под откинутого полога освещал причудливо изогнутые стволы кедров.

Женщины собрались уходить. Они взвизгивали и смеялись, спотыкаясь нетвердыми ногами о корни и опавшие с кедров ветви. Факельщики вели их сквозь лес, а в шатре кто-то уже ухватился за лиру, и послышалось нестройное пение.

Красота ночи, порхающий меж стволов свет и музыка удержали меня на месте, и я медлил, не знаю даже сколько. Внезапно рядом очутился Гермолай, чьих шагов по мягкой земле я не расслышал.

— Ты ждешь его, Багоас? Царь сказал, что вер-

нется поздно.

Еще недавно он вставил бы издевательский смешок, теперь же говорил вежливо. Я еще раз подивился тому, как улучшились его манеры.

И только я открыл рот, чтобы сказать, что уже иду спать, как мы с Гермолаем увидели приближающиеся факелы. Должно быть, я долго просидел там, зачарованный музыкой и сказочным пейзажем. Факел освещал путь Александру, а Пердикка, Птолемей и Гефестион сопровождали царя к шатру. Все они довольно твердо держались на ногах и весело болтали по дороге.

Радуясь, что все-таки дождался господина, я собирался войти внутрь, когда увидел в мечущемся факельном свете сирийку. Она бесшумно бежала навстречу Александру, размахивая руками, подобно ночной птице; добежав, ухватилась за его хитон и потянулась вверх, чтобы поправить венок на его голове.

— Что случилось, мамаша? — спросил он с улыбкой. — На сегодня мне и так уже довольно удачи.

— О нет, мой царь! — Она снова зажала край хитона в кулаке величиной с большой орех. — Нет, огненное дитя! Мой господин видит тебя, он видит огромную удачу впереди. Вернись

на свой пир и веселись до рассвета, там ждет тебя самая большая удача в твоей жизни. Здесь ты не найдешь ее, нет, тут ее вовсе не сыскать…

— Вот видишь? — воскликнул Пердикка. — Вернись и принеси удачу нам!

Александр обвел друзей озорным, смеющимся взглядом:

— Боги дают хороший совет. Ну а кто окунется со мною, прежде чем мы продолжим веселье?

— Кто угодно, но не ты, — отвечал Гефестион. — Этот талый снег как вода Кидна, а ты ведь знаешь, что едва не погиб в тот раз. Так давай просто вернемся и споем еще.

И все они отправились пировать дальше, за исключением Птолемея и Леонната, которым следовало нести стражу наутро. Возвращаясь к шатру, я видел, что царские телохранители покинули пост и совещались, сгрудившись в кучу. «Вот уж верно, дисциплина налицо, — подумал я. — Ну, кто куда, а я — спать».

И все-таки не тронулся с места. После слов пророчицы ночная тишь казалась мне жутковатой. Мне не понравились ее слова о том, что удача не ждет Александра в его собственном шатре. Я вошел. Телохранители продолжали шептаться, отвернувшись от входа; любой мог зайти в ша-

тер, как и я, незамеченным. Я подумал: «Да, где уж им стать добрыми воинами».

У изножья царской кровати, безмятежно вытянувшись, посапывал Перитас. Он был из тех собак, которым снятся сны, и часто дергал лапами, с тихим поскуливанием гоняясь за приснившейся добычей. Но в ту ночь он лежал тихо и даже не поднял головы при звуке моих шагов.

Я решил, что сам проведу остаток ночи здесь, оберегая моего господина от злосчастий, раз даже собственный пес его потерял бдительность. А потому завернулся в покрывало и уселся в дальнем от входа углу — на тот случай, если с царем сюда войдут и друзья. Хвоя делала землю мягкой, и я вскоре сомкнул глаза.

Проснулся я, когда день уж давно начался. Александр был рядом, и вообще спросонок шатер показался мне забитым людьми. Это были ночные стражи, но что они здесь делали? Их дежурство завершилось на рассвете… Царь говорил с ними с теплотою, сказав, что понимает причину их заботы и хочет предложить кое-что в награду за такую преданность. Улыбаясь, он каждому выдал по золотой монете, после чего отпустил всех.

Мне не показалось, чтобы Александр был сильно утомлен этой долгой ночью; верно, разговор

с хорошими друзьями придает человеку силы. Да и сам Александр уже не пил столько вина, как на берегах Окса или в стенах Мараканды.

Последним вышел Сострат. По случайности он бросил взгляд в мою сторону и изумленно воззрился на меня. «Нечего теперь таращить глаза, — подумалось мне, — коли все вы держали их закрытыми ночью».

Сбрасывая одежду, Александр пробормотал, что мне не стоило дожидаться его, а нужно было преспокойно отправиться спать. В ответ я осведомился, явилась ли ему обещанная удача.

— Да. Но встретил я ее здесь, в своем шатре. Ты же видел, кто стоял вчера на часах, — все наглецы, как на подбор. Их должны были сменить еще на рассвете, но, когда я вернулся, все были на своих постах как ни в чем не бывало. Они придумали это в надежде на прощение. Я еще никогда не бывал груб с человеком, пришедшим с повинной головой. А ведь, явись я рано, им бы так и не удалось выказать мне преданность. Надо будет подарить что-нибудь сирийке. Но, о Геракл, как же я устал! Пусть никто не тревожит меня весь этот день…

Я умылся и сменил одежду, оседлал коня, прокатился легким галопом по лесу и потом, когда

в лагере уже началась привычная суета, вернулся к царскому шатру, дабы убедиться воочию, что Александра не беспокоят просьбами или жалобами. Он спал как убитый; но самое странное, что его примеру следовал и Перитас. Я потрогал нос пса — тот оказался холодным.

Во внешнем покое шатра вдруг послышались голоса, которые я счел чересчур громкими. Два телохранителя — Птолемей и Леоннат — привели сюда еще двух мужчин, которые казались чем-то ужасно озабоченными. В одном из них, к немалому своему удивлению, я признал Эпимена из ночной стражи — он судорожно всхлипывал, закрывая руками лицо. Второй вполголоса уговаривал Птолемея:

— Прости его, господин! Бедняга и так уже достаточно страдал.

Выйдя к ним, я обратился прямо к Птолемею, попросив не шуметь: царь спит и просил не тревожить.

— Знаю, — резко ответил Птолемей. — Но мне придется разбудить его. Александру сильно повезло, что он остался в живых… Леоннат, я могу оставить с тобою этих двоих?

Что же могло случиться? Неслыханное дело — будить царя вопреки приказу, когда он

только-только уснул. Но Птолемей не был глуп, и я вошел к Александру вслед за ним, рассудив, что имею на это право.

Александр перевернулся на спину и тихонько похрапывал; должно быть, сон его был необычайно крепок. Птолемей встал над ним и, склонившись, позвал его по имени. Веки Александра дрогнули, но он не шелохнулся. Птолемей потряс его за плечо.

Он пробуждался словно бы от смерти. Распахнутые глаза Александра поначалу казались слепыми. С тяжким вздохом он вновь прозрел и, качая головой, спросил хриплым со сна голосом:

— Ну, что случилось?

— Ты проснулся, Александр? Слушай. Речь идет о твоей жизни.

— Да. Я проснулся. Продолжай.

— Прошлой ночью на часах стоял твой телохранитель по имени Эпимен. По его словам, все они вшестером намеревались убить тебя во сне и, если бы ты вернулся не так поздно, сделали бы это.

Брови Александра низко опустились, и, сев на кровати, он принялся тереть глаза кулаками. Я подошел с полотенцем, смоченным в холодной воде; взяв его, он протер лицо. Помолчав еще немного, он спросил:

— Кто это плачет?

— Мальчишка. Говорит, ты был добр к нему этим утром — и он не вынес своего позора.

Александр улыбался им! Я вспомнил, что творилось в моей душе, когда он впервые улыбнулся мне…

— Он рассказал своему любовнику, — продолжал Птолемей, — ибо не знал, что ему теперь делать; они все поклялись друг другу… Любовник Эпимена служит в рядах Соратников; он все решил за друга и попросил своего старшего брата уладить дело.

— Понимаю. Узнай для меня, как зовут этого человека, я обязан ему жизнью. А что же остальные? Что они собираются делать теперь?

— Ждать. Ждать, пока вновь не подойдет их очередь охранять тебя. Мальчишка говорит, они целый месяц добивались того, чтобы вместе встать на часах. Вот почему они болтались вокруг шатра этим утром: не могли смириться с тем, что план провалился после всех этих стараний.

— Да, — медленно проговорил Александр. — Да, я понимаю. Другие имена он может назвать?

— Я уже записал их. Ты хочешь услышать эти имена от меня или же от него самого?

Александр помолчал, снова протирая глаза

влажным полотенцем.

— Нет, просто арестуй всех. Встречусь с ними завтра. Не могу разбирать дело о предательстве в полусне… Но я хочу повидать Эпимена. — Александр поднялся на ноги, и я помог царю облачиться в свежий хитон.

Во внешнем покое братья пали на колени; старший — горестно разведя руками. Александр сказал ему:

— Нет, Эврилох, не проси у меня жизни своего брата.

Лицо мужчины посерело от ужаса.

— Нет-нет, ты неверно понял, — поспешил добавить царь. — Я хотел сказать, не отнимай у меня удовольствия подарить ее тебе, не выслушивая просьб.

Нет, Александр вовсе не хотел мучить его, царь попросту едва проснулся.

— Тебя я отблагодарю позже; вы оба понадобитесь мне завтра, но сейчас отбросьте прочь все тревоги.

Каждому Александр по очереди предложил свою правую руку заодно с улыбкой. Я видел, что с этого момента любой из двоих положит за царя свою жизнь, стоит лишь тому сказать слово.

Когда оба вышли, Александр обратился к Птолемею:

— Объяви о прощении ближайшим родственникам, иначе они будут бегать от нас по всей Бактрии. Зачем это нужно? Мы оба отлично знаем, с кого все началось. Пойди и арестуй его, но содержи отдельно от остальных.

— Ты имеешь в виду Гермолая?

— Я имею в виду Каллисфена. Время пришло. Ты сделаешь это для меня? Тогда я, пожалуй, вернусь в постель.

Вскоре он уже крепко спал. Александр давно привык жить на краю гибели.

Вечером он пробудился, выпил воды, приказал набрать ночную охрану из числа Соратников и вновь уснул, чтобы проснуться лишь на рассвете. Потом он послал за мною.

— Ты предупреждал меня, — сказал Александр. — Снова и снова ты предупреждал меня. Я думал… — Своею ладонью он накрыл мою. Конечно же, он думал, что мне мерещатся заговоры оттого, что я долго жил при персидском дворе, и не моя вина, если пропитавшую его подозрительность я храню в себе и поныне. — Я считал твои опасения нелепыми. Ты слышал, как Каллисфен вбивал все это им в головы?

— Да, пожалуй. Говори он по-персидски, я знал бы точно, но, как мне кажется, главное я понял.

— Расскажи все сначала. Этих людей мне предстоит допрашивать, и у меня нет ни малейшего желания вытягивать из них каждое слово. Когда я смогу с чего-то начать, дело пойдет быстрее.

У меня не было подобных надежд. Былая жалость обратилась во мне в искры, летящие от всепожирающего пламени. Если бы понадобилось, я пытал бы предателей собственными руками, обладай я должным умением. Но я рассказал все, о чем вспомнил, начав с афинских любовников.

— Да, — сказал Александр, — я прочел тебе мудрое наставление и смеялся. Ты еще спрашивал, для чего им кинжалы.

— Каллисфен постоянно рассказывал о каких-то греческих тиранах. Не помню, как их звали. Они жили в… в Си… Сиракузах? И еще — в Тессали.

— В Фессалии. Там тирана убили во сне. Продолжай.

— Но потом, когда ты приказал дать Гермолаю плетей, все закончилось. Уроки были только о праведной жизни да о том, как выводить числа. Я уж думал, Каллисфен устыдился содеянного.

Но теперь мне кажется, он выбрал из учеников тех, кто годился для исполнения его планов, и хотел сохранить заговор в тайне от остальных. Несколько дней назад, катаясь на коне по лесу, я наткнулся на всю компанию — Каллисфен был там вместе с ними и еще с парой новичков. Я подумал тогда: он показывает им целебные травы, как Аристотель — тебе самому.

— Почему бы и нет? После того как даже я сам посмеялся над тобою, ты мог думать все, что угодно… Знаешь ли ты, кто были остальные?

Я знал — и назвал имена, вовсе не собираясь упрекать Александра за то, что он так поздно обратил внимание на мои страхи. В царе меня привлекало то, что для него всегда самым сложным было подумать о ком-то плохо — пусть даже о человеке, с которым он, Александр, был не в самых лучших отношениях. Я не стал напоминать, что еще давным-давно предлагал избавить его от Каллисфена. Я вспомнил, как мягко говорил Александр с ожидавшими его убийцами, его подарки. Это само по себе могло оставить на нем отметину — поглубже, чем шрам от катапульты, полученный в Газе.

Телохранителей вывели прочь из лагеря, дабы подвергнуть допросу. Птолемей, который, по-

моему, был там, пишет, что все они сознались: Каллисфен воодушевлял их и всячески подстрекал к измене.

Позже Александр нашел меня в царском шатре, где я поил молоком Перитаса. Псу было так худо от зелья, которым его попотчевали в ту ночь, что он, бедняга, не мог есть твердой пищи. Царь сказал:

— Те двое, названные тобой, сознались. Благодарю тебя за это. — Он погладил пса, который поднялся на непослушные лапы поприветствовать хозяина. — Я рад, что тебе не пришлось побывать там; ты слишком нежен для подобного зрелища.

— Нежен? — переспросил я. — Они убили бы тебя спящим, ибо даже всем скопом не набрали отваги, чтобы бросить вызов в лицо, когда б ты уже проснулся и, раздетый догола, имел в руках один только меч. Нет, господин, ты не счел бы меня нежным в такую минуту…

Александр пробежал ладонью по моим волосам — и не поверил мне.

Они шли на суд сами, на собственных ногах. Не будучи македонцем, я явился туда для того лишь, чтобы видеть, как другие побивают предателей камнями. Камни собрали на речном

дне — они были чистыми, круглыми и удобными для броска. Но чтобы перс побил камнями македонца? Нет, это могло вызвать настоящую бурю. Там и без меня хватало рук, жаждущих свершить правосудие. Решение о казни было принято под одобрительный гул; даже отцы приговоренных, если они были там, согласились с общим решением. По древнему македонскому обычаю, они должны были бы умереть вместе с преступниками — не из-за подозрения в соучастии, а чтобы избавить царя от угрозы кровной мести. Александр первым объявил о полном прощении всех родственников приговоренных.

Когда их привели, Александр спросил, не желает ли кто-нибудь из них говорить? Я видел, как Гермолай кивнул.

Скажу вам, он хранил самообладание, хотя ближе к концу речи голос его стал срываться. Каждое слово выходило из уст глухим, будто искаженное далеким эхом. То был голос верного ученика — твердый голос, это я могу признать, — отдающего дань уважения своему учителю. Большинству македонцев речь Гермолая показалась простой наглостью, и Александру пришлось сдерживать их эмоции, чтобы позволить юноше закончить; для тех же, кто слышал речь Каллисфена о па-

дении ниц, она стала лишним доказательством вины философа.

Когда их уводили к столбам, Сострат прошел совсем рядом со мною. Именно он видел меня в шатре тем утром и теперь с ненавистью плюнул в мою сторону:

— Да, мы и тебя прикончили бы, скверно размалеванная варварская шлюха!

Я страдал оттого, что вынужден лишь смотреть, как остальные мстят за моего господина. Видя рядом сильного мужчину с большим камнем в руках, я молил Митру, карающего предателей: «Пусть этот камень будет брошен за меня». Один из таких камней раскроил череп Гермолаю.

Каллисфена я более не видел. Только македонцы имели право быть судимыми ассамблеей. Птолемей говорит, философа просто убили, допросив, но я сомневаюсь, чтобы он видел смерть философа собственными глазами, да к тому же я слышал совсем иную историю.

В то время Александр не заговаривал со мною о судьбе философа, а потому я и не спрашивал. Тогда мне казалось, что вся эта история легла тяжелым грузом ему на душу и он вряд ли думал, что я смогу понять хоть что-нибудь. Впрочем, гораздо позже, когда царь был навеселе и совсем

позабыл, что ничего не рассказывал мне, он упомянул о неких событиях. Из чего я и получил общее представление о происшедшем. Думаю, они проглядели бумаги Каллисфена и нашли там письма от Аристотеля. Тот, видимо, знал от племянника, будто царь заводит друзей среди варваров, а некоторых даже ставит военачальниками своего войска; будто он требует от свободных греков, чтобы те кланялись ему до земли вместе с этим вечно раболепствующим народом; будто сперва он возлег с евнухом-персом, прежде уже побывавшим в постели Дария, а потом унизился до того, чтобы жениться на дикарке — обычной танцовщице, которую приметил на пиру… И философ отвечал племяннику (вне сомнения, Каллисфен почитал эти письма слишком драгоценными, чтобы уничтожить): как раз подобные вещи и приводят правление к тирании, которая погубит и исковеркает все здравые обычаи Греции. Любую цену должен заплатить здравомыслящий человек, дабы положить всему этому конец.

Старики, Сократ да Платон, оба побывали в шкуре простых воинов; Аристотель же — никогда. Быть может, он и не представлял себе, что его слова смогут вызвать к жизни нечто большее,

чем новые рассуждения. Если так, тогда Аристотель плохо разбирался в людях. Александр же, отменно видевший человеческую природу, узнал о ней теперь еще больше; едва ли покажется странным, что он усомнился в намерениях своего старого учителя.

В любом случае, гораздо позже мне довелось услышать, что Каллисфен продолжал путешествие с нашим лагерем: живой, но закованный в цепи. Александр намеревался допросить его в Греции, перед лицом самого Аристотеля, дабы тот видел, к чему могут привести слова, но уже в Индии Каллисфен умер от какой-то местной болезни. В одном можно быть вполне уверенным: в Афинах, которые Александр пощадил, чтобы терпеть потом ненависть и клевету, Каллисфен действительно почитался бы великим героем, если ему удалось бы умертвить царя. Со мною, повторюсь, Александр никогда не заговаривал об этом.

С Гефестионом же они говорили. Они провели весь тот вечер вместе, тихо беседуя и поглаживая распростершегося у их ног Перитаса. Еще мальчиками, в Македонии, они вместе учились у старика и теперь разделяли одни и те же скорбные мысли. Гефестион знал все думы Александра,

как свои собственные; он не походил на мальчика из Суз, который только и умел, что доставлять наслаждение царю.

Лишь одно ведомо мне доподлинно: никаких засушенных цветов или странных животных не посылал более Александр в афинскую школу. И это я могу понять: пока власть Александра созревала, ему часто приходилось вопрошать себя, как поступил бы на его месте старый учитель. Кончено. Отныне Александр прислушивался только к советам собственной души.

Глава 20

В том году мы так и не двинулись в Индию. В Согдиане царя нагнала новая армия, которую надлежало обучить, — молодые воины из провинций, разбросанных по всей Азии. Хотя над ними уже потрудились македонские военачальники, одно дело — объездить жеребца, и совсем другое — дать ему почувствовать хозяйскую руку.

Для меня было действительно странно видеть те самые народы (и подчас тех же людей), что когда-то воевали за Дария, вновь собранными в огромное воинство, и притом столь отличное от прежнего. Они более не были бесформенной массой земледельцев, чье оружие ковалось местными мастерами. Они уже не ждали приближения колесниц, из которых могли бы подавать приказы их вожди; одного лишь слова было им довольно ныне, чтобы построиться в фаланги или повернуться кругом.

Зная, что эти люди захотят узреть царя, Александр принимал их в своем парадном облачении. Его доспехи сияли на солнце так, словно с небес спустился сам бог войны. Когда он бросил войско

в воображаемую битву, все эти люди выполнили приказ, будто надеясь получить награду. Александр стоял на невысоком холме, окруженный полководцами и несколькими персидскими военачальниками, направляя гигантское сонмище людей, собранное завоеванными им народами; им стоило всего только немного изменить направление бега, дабы стереть его с лица земли. Конечно же, подобное святотатство было невозможно — просто потому, что царь твердо знал: тому не бывать. В этом весь Александр.

Он вернулся к Скале вместе с женою, дабы навестить ее сородичей в соответствии с древними обычаями. Несомненно, они были немало раздосадованы, видя, что Роксана не носит ребенка, но Александр по-царски одарил всех, говорил с ними вежливо и не взял другой жены. Чем они могли ответить на такую доброту?

Одного раза оказалось довольно. Александр был слишком горд, чтобы делиться с кем-либо секретами царского ложа, даже со мною. Он знал, что я все понимаю и без слов. Я слыхал речения мудрых, будто некоторые мужчины женятся на тех девицах, в которых узнают норов собственных матерей. Судя по всему, что мне удалось разузнать о царице Олимпиаде, ее сын был имен-

но таков. Но сам он слишком поздно понял это.

Об Олимпиаде я слыхал, что она была вспыльчива нравом и прекрасна телом, а также устраивала со своим господином шумные перебранки — до самого дня его смерти, к которой, как порою шептали, сама приложила руку. Она прямо-таки изводила Александра любовью, постоянно стравливая отца с сыном; они никогда не бывали друзьями достаточно долго… Как знали все мы, Олимпиада так и не смогла обучиться вести себя, как подобает благородной женщине, ибо ее письма, многословно пересказывавшие македонские интрижки и ее стычки с царским регентом Антипатром, преследовали Александра повсюду, находя его в самых удаленных уголках Азии. Кто-то слыхал из его собственных уст — сразу после того, как царь прочел одно такое письмо, — будто она запрашивает слишком высокую цену за те девять месяцев, на которые дала ему приют.

По моему собственному разумению, все это лишний раз доказывает, что персам есть чему поучить греков в обращении с женщинами. Может статься, мы научили этому Александра. Наша в том заслуга или нет, но, сколь бы мягок он ни бывал с ними, где-то внутри его защищала железная броня, выкованная, надо полагать,

в тот самый момент, когда он вырвался наконец из-под влияния матери. С Роксаной у него не бывало ссор. Александр ни на минуту не забывал, что он — великий царь. У согдианки были шатер гарема и все ее приближенные; там она могла править, как ей вздумается. Царь же время от времени наносил ей визиты; если же Роксана выказывала нетерпение или же каким-то иным образом причиняла беспокойство, Александр просто покидал ее и возвращался в гарем не скоро. Я-то знаю, ибо в таком случае он шел прямо ко мне, и в его лице я замечал бесспорные признаки неприязни к кому-то; я был научен видеть подобные вещи.

Из Македонии прибыл небольшой отряд новых телохранителей, еще дома узнавших о судьбе, постигшей изменников. Испуганные мальчишки, боявшиеся лишний раз открыть рот, были сразу же представлены царю. Александр милостиво говорил с ними и мгновенно выучил все имена. Вздыхая с облегчением, они сбивали друг друга с ног, стремясь услужить первыми; со мною они говорили уважительно и принимали мои советы с благодарностью. Мне они казались совсем еще юными. С тех пор как армию Александра догнали их предшественники, пролетело целых

четыре года.

Однажды в предрассветной полутьме один из них разбудил меня, умоляя поспешить к царю. Александр сидел на краешке своего ложа, кутаясь в купальные одежды. Рядом с ним на простынях и подушках растянулся Перитас, занявший всю кровать целиком. Бедный пес так полностью и не пришел в себя с тех пор, как злодеи-охранники попотчевали его неведомой отравой.

— Он пытался вскарабкаться на кровать, и я приказал ему лежать на полу. Потом он попытался еще разок, и что-то помешало мне прогнать его снова, — тихо проговорил Александр.

— Сколько ему?

— Одиннадцать. Он мог бы прожить еще несколько лет… Вчера он вел себя так тихо. Перитас из Иллирии — мне подарили его загонщики дичи, охотившиеся с царем Котисом, когда я поссорился с отцом и ушел из дому. Тогда Перитас походил на медвежонка… Я жил, не зная забот, и он был мне добрым товарищем в дороге.

— Непременно нужно воздвигнуть ему надгробный памятник, — сказал я, — чтобы о Перитасе помнили и люди, которым жить после нас.

— Я поступлю еще лучше. Я назову его именем свой следующий город.

Он стоит на хорошей земле, удобно расположенный по меркам военных и купцов, прямо на пути в Индию. Могила Перитаса вместе со статуей находятся у ворот: их видно сразу, как только заходишь в город. Имя ему — Перита.

Когда дороги замерзли, мы остановились на зиму в Восточной Бактрии. Хотя важные новости достигали нас, несмотря на холод, прошло немало времени, прежде чем мы узнали о том, что запоздалая месть Каллисфена уже вершится.

Весть о его аресте превратила Афины в потревоженное осиное гнездо. Прошло уж более десяти лет после того, как царь Филипп победил афинян в битве, которой не искал (известный оратор Демосфен устроил сражение, уговорив сограждан выступить против македонцев с оружием, чем навлек погибель на древние Фивы). Восемнадцатилетний Александр первым прорвал их строй, а после Филипп проявил к Афинам потрясшее всю Грецию милосердие. Но вопреки тому (или же, как раз наоборот, именно поэтому — ибо кому ведомы тайны человеческих сердец?) афиняне недолюбливали его и даже, как говорили, участвовали в заговоре, приведшем к убийству царя. Сына его они также невзлюбили, хотя он был в Афинах лишь однажды, да и то придя

с миром, а не с войною. Пока жил мой господин, афиняне вели себя тихо из страха перед ним; после смерти Александра они, подобно шакалам, принялись терзать его память грязной ложью.

Аристотелю не помогло даже то, что он наставлял своих учеников в духе ненависти к персам; спасая жизнь, обвиненный в сочувствии Македонии, ученый старец бежал прочь из Афин, чтобы никогда не вернуться обратно. Его школа перешла к другому мудрецу, и тогда философы запели хором.

Итак, ныне мой господин слывет варваром, ибо выказывал милость и честь моему народу; тираном, повинным в наказании заговорщиков, замышлявших убить его (право, данное скромнейшему из граждан Афин); всего лишь хвастливым воякой, хотя всюду, где бы ни бывал он, вместе с ним проникала и Греция — та Греция, которую Александр чтил и чьими наследниками оказались недостойные лжецы.

Поднятый афинянами шум причинил много зла, но вместе с тем нет худа без добра: именно клевета греков побудила царя Птолемея взяться записать всю ту правду, которую мы помним, и сделать это сейчас, пока у него еще есть время. Ныне Птолемей предпочитает занятия книгой

управлению Египтом, каковое в основном предоставил сыну.

«О дорогой мой Багоас! — часто взывают ко мне друзья. — Подобный тебе человек, прочитавший лучшие греческие труды, как может он примириться с тем, что так и умрет, не повидав Афин? Путешествие туда — чудная прогулка по хорошей погоде. Я сам могу порекомендовать судно; я запишу для тебя названия всех тех мест, которые следует посмотреть; я дам тебе письма к ученым мужам. Что сдерживает тебя, Багоас? Ведь ты сам много странствовал по миру и заходил куда дальше! Поезжай же, прежде чем возраст согнет твои плечи, а всякое странствие обратится в мучение…» Так говорят они. Но мой господин остается здесь, в Александрии, в своем доме из золота; мой господин, который теперь моложе меня самого… Ему ведомо, отчего я не соглашаюсь отправиться в Афины.

Наступила долгожданная весна. Пришло время для похода на Индию.

Всю зиму царь вел долгие беседы с караванщиками и греками, бывавшими по ту сторону Кавказа, — они далеко заходили со своими товарами и подолгу жили в чужих краях. Стремясь вновь услышать греческую речь (или же из стра-

сти к золоту), они приходили рассказывать Александру о стране, лежащей за горами, стране Пяти Рек.

Реки те берут начало в горах, а величайшая из них именуется Инд — она вбирает в себя остальные. Почти все инды, живущие по берегам пяти рек, давно враждуют друг с другом и с радушием встретят всякого, кто поднимет оружие против их собственных врагов. По словам Александра, в Греции было примерно так же — именно таким образом его отцу Филиппу удалось завоевать ее.

От человека, заходившего в своих странствиях дальше прочих, царь узнал однажды, что в полумесяце пути от дальнего берега Инда течет еще одна река, даже полноводнее и шире в русле. Сей поток, имя коему Ганг, течет не на запад, а на восток и впадает в океан.

Я редко видел Александра в столь добром настроении. Радость его не иссякла, даже когда пришло время для сна, а ведь он говорил об этом весь день:

— Внешний океан! Мы должны пересечь весь мир, дойти до самого края! Мы сможем отправиться домой морем — поплывем на север, до Эвксина, или же на юг, к Вавилону… Мы сту-

пим на край земли!

— Об этом подвиге люди будут помнить вечно, — отвечал я. — Потомки не забудут о нем.

Тем вечером на мне был костюм из шелка, купленного в Мараканде, с летающими змеями и цветами. Голубоватое сияние тонкой ткани бросилось мне в глаза (я снял одеяние, чтобы помочь Александру вымыться); в зеленоватом камне его пуговиц, тяжелых и холодных на ощупь, были вырезаны магические символы. Торговец уверял, будто шелк целый год провел в пути… «Лжец! — думал я. — Он просто набивал цену!»

— О чем ты думаешь? — спросил Александр с улыбкой.

Мне неловко было признаться в пустой мелочности своих мыслей, и я ответил:

— Об алтаре, на котором будет выбито твое имя; об алтаре, который ты воздвигнешь на дальнем конце мира.

— Завтра утром я собираюсь на прогулку. Надо дать старику Букефалу пробежаться, или он загрустит… Поедем вместе, его шаг все еще вполне легок. Но мне жаль, что Букефалу придется перейти горы… — Александр все еще тосковал о Перитасе. Друзья предлагали ему превосходных щенков, но царь не хотел заводить другого пса. —

Букефалу пошел уже третий десяток, знаешь ли.

Я склонился над ним, сидевшим в ванне, и поцеловал в затылок. Там, где на золоте волос мерцал отблеск светильника, я узрел две седые пряди.

Когда весна открыла дороги, мы отметили начало нового похода празднеством в честь пламени. Новое войско принесло с собой лишь самое необходимое, но старая армия была отягощена многими повозками с тяжелым добром, отвоеванным у врага: кровати и тюфяки, ковры, занавеси, одежда… Полагаю, воины намеревались увезти все это домой, в Македонию. Пока же в этих вещах вовсе не было проку — разве что погрязший в долгах воин мог продать что-нибудь, дабы расплатиться. Военачальники тянули за собой целые вереницы повозок; Александр, всегда имевший менее, чем даривший, тоже владел несколькими повозками с дорогою посудой и коврами. Он приказал выкатить их все на небольшой пятачок голой земли и увести вьючных животных. Затем царь подошел к своим собственным повозкам. Неподалеку был зажжен костер и приготовлены факелы. В каждую повозку Александр бросил горящий факел.

Предупрежденные заранее военачальники

последовали его примеру. Даже простые воины недолго медлили в стороне: они проливали кровь за все эти вещи и увозили их в триумфе победы, но вместе с тем они уже устали таскать их за собой. Кроме того, с самого рождения в каждом из нас теплится любовь к огню, к пламени; даже крошечное дитя тянется, чтобы ухватить его ручонками, — это ли не доказательство божественной природы огня? Когда вверх взмыли великолепные, величественные огненные столбы, люди принялись подкидывать поленья — поначалу только лишь в чужие повозки, но затем и повсюду… Они кричали и смеялись, словно озорные ребятишки, пока жар не отогнал их подальше. Но я не разделил общего веселья — я, постаревший уже в раннем детстве, так и не став мужчиной; глядя на пламя, я вспоминал горящую крышу отцовского дома и думал о напрасных страданиях, причиняемых войнами.

На сей раз мы пересекли русло Паропамиса без особого труда; Александр был научен опытом прошлой переправы. Он задержался ненадолго в Александрии, приводя город в порядок после управителя, уличенного в лености и мошенничестве. Тем временем царь послал вестников к Омфису, индскому царю, чьи земли лежали

ближе всего, и потребовал повиновения: земли Омфиса издавна подчинялись империи, еще со времен Дария Великого[97].

Омфис не доверил ответ гонцам и явился лично; если не считать нескольких простых воинов, то был первый инд, которого видело наше войско. Его сопровождали двадцать пять боевых слонов, на первом из которых восседал он сам в блестящем одеянии; то был красивый, статный мужчина с кожей темнее мидийской, но не столь темной, как у эфиопов. В ушах его светились кольца из слоновой кости, а усы и борода были выкрашены в яркий зеленый цвет. Нам, персам, нравятся глубокие, насыщенные цвета, инды же предпочитают яркость и блеск. Наряду с золотыми блестками, усыпавшими одежду Омфиса, он украсил себя с ног до головы столь огромными драгоценными каменьями, что я, пожалуй, счел бы их подделкой, не будь Омфис царем.

Не знаю, какого великолепия и пышности он ждал от Александра. Я видел, как Омфис растерялся поначалу, остановившись и взирая вокруг с недоумением, — но увидел лицо Александра и сразу же понял, кто перед ним. Омфис с охотою

---

[97] Сноски: 97

Дарий I (?–486 до н. э.) — персидский царь из династии Ахеменидов. Около 518 г. до н. э. завоевал северо-западные территории Индии.

предложил свою верность в обмен на помощь против его старого врага — царя по имени Пор. Александр обещал помочь, если только этот Пор не поклянется ему в верности; он устроил великое пиршество в честь Омфиса и подарил индскому царю немало золота. В сей части света золото не добывают, а потому инды ценят этот металл крайне высоко. В свою очередь Омфис обещал отдать Александру всех двадцать пять слонов — сразу, как только они донесут его домой. Александр был обрадован: он никогда не пользовался слонами в битвах, справедливо почитая их нрав чересчур изменчивым, но ценил их за силу и ум. Слоны несли на себе части катапульт; раз или два Александр и сам садился на слона, но, по его словам, ему нравилось чувствовать, как животное несет его, а не восседать в кресле где-то в вышине.

Вскоре Александр устроил военный совет, на котором поход в Индию был спланирован до мелких деталей. Царская опочивальня в Александрии была устроена как раз позади зала приемов, и я слышал все до последнего слова.

Гефестион получил под начало собственную армию. Ему надлежало пересечь великий Кавказ по удобному проходу, который согдианцы зовут

Хибером[98]; дойдя до Инда, он должен был навести через реку мост, по которому пройдут воины Александра. Поскольку Хибер был легчайшей дорогой через горы (если не считать за помеху обитавшие там воинственные племена), Гефестион должен был принять под свою охрану царский двор и всех женщин, включая и гарем. Александр же, с остатком воинства и при помощи главы Соратников, брал на себя самую трудную задачу: очистить горы, стоящие у прохода, от разбойничьих шаек и любых вооруженных людей, кои могли угрожать безопасности пути.

Слушая речи на совете, я думал: «Вот он, перекресток жизни. Теперь или никогда».

Не могу припомнить, зачем Александр вошел в спальню, когда совет был окончен, — взять плащ или что-нибудь в том же роде.

— Александр, — позвал я. — Мне довелось услышать твои речи на совете.

— Ты всегда подслушиваешь. Я мирюсь с этим только потому, что ты держишь рот закрытым. Но зачем говорить мне теперь? — Александр был строг, вполне догадываясь, к чему я клоню.

— Не отсылай меня с остальным двором. Возь-

---

[98] Сноски: 98

Хибер (Иберия) — древнее название Восточной Грузии.

ми меня с собою.

— Стало быть, ты слушал невнимательно. Моя задача — не в том, чтобы просто пересечь горы, а в том, чтобы в сражении очистить их от врага. Это может тянуться до самой зимы.

— Понимаю, господин мой. Но я не вынесу столь долгой разлуки.

Александр насупился. Ему хотелось взять меня, но он предвидел тяготы пути и долгое обхождение без удобств и комфорта.

— Ты не приучен к подобным лишениям.

— Я родом с гор, воспитавших Кира. Не заставляй меня краснеть от стыда.

Он стоял и, все еще хмурясь, искал взглядом вещь, за которой пришел. Я догадался, что это, и без лишних слов подал необходимое.

— Все это очень хорошо, — продолжал Александр, — но война есть война.

— Ты берешь с собою дубильщиков, плотников, поваров и пекарей. Ты берешь с собою рабов. Неужели для тебя я стою меньше, чем они?

— Ты для меня слишком дорог. Если б ты только знал, о чем просишь! И помни: у нас вряд ли будет много времени для любви.

— Для постели? Я знаю. Но пока я живу, для любви у меня всегда найдется время.

Александр долго глядел в мои глаза, после чего сказал:

— Я не хотел соглашаться. — Отойдя к сундуку, он вынул из него горсть золота. — Раздобудь побольше теплых вещей, они тебе понадобятся. Упакуй наряды и украшения, увяжи в один узел все ненужное, что найдешь в своем шатре. Купи коням попоны из овечьих шкур. Можешь взять с собою одного слугу и одного вьючного мула.

На горных склонах уже поселилась осень. Севернее Хибера жили племена охотников и кочующих пастухов, чьим вторым занятием издавна был разбой. По слухам, эти народы отличались свирепостью нрава; разумеется, Александр желал покорить их.

Даже на кручах Паропамиса я не изведал горной болезни, теперь наш путь пролегал даже ниже; впрочем, Александр не спешил на подъеме, дабы кровь воинов привыкла к здешнему воздуху. Как выяснилось, мое детство еще не покинуло меня окончательно: я поднимался в горы без всяких неудобств для дыхания. Иногда по ночам я сравнивал вдохи Александра с собственными; он дышал чаще. С другой стороны, у него было больше работы. На утомление он не жаловался никогда.

Некоторые уверяют, будто царство многомудрого бога — цветущий розовый сад. На мой взгляд, его царство лежит где-то в горах; в конце концов, все боги живут там. Глядя на рассвет, ложащийся на не тронутые даже птицами снега, я дрожал от восторга. Мы вторгались в страну богов, чьи холодные руки вскоре должны были обрушиться на наши головы; впереди нас ждали войны, но я не испытывал страха.

В итоге Александр позволил мне взять конюха-фракийца вместе со слугою. Кажется, он и впрямь опасался, что трудный путь убьет меня. Ночью в своем военном шатре (сделанном по его приказу; Дарий и одной ногою не ступил бы в столь убогое жилище) он спрашивал, как я себя чувствую. Вскоре, догадавшись о том, чего Александр так никогда и не решился бы произнести вслух, я сказал ему:

— Аль-Скандер, ты полагаешь, будто евнухи слишком уж во многом отличаются от мужчин. Если мы заперты в гаремах вместе с женщинами и подолгу живем в блаженной роскоши, тогда мы во многом уподобляемся им, но так случилось бы с любым. То, что наши голоса подобны женским, еще не значит, будто мы равны женщинам и в силе.

Улыбаясь, царь взял меня за руку.

— Твой голос не подобен женскому; он слишком чист. Его звуки — это песня авлоса, низко настроенной флейты. — Он радовался тому, что избавился наконец от гарема.

Ночью, мигавшей горячими белыми звездами, пока снежные облака еще не успевали затянуть небосвод, я сидел у своего костерка, сложенного из сосновых поленьев, и ко мне подсаживались юные телохранители, желавшие послушать мои истории. «Багоас, поведай нам о Сузах, расскажи нам о Персеполе, поведай нам о дворе царя Дария». Или же я в одиночестве наблюдал за пламенем костра, у которого сидели Александр с Птолемеем, Леоннатом и другими военачальниками. Они передавали по кругу чаши с вином, говорили и смеялись, но не было ночи, когда Александр вернулся бы в шатер, ступая менее уверенно, чем я сам.

Он ни разу не просил меня остаться, дабы разделить с ним ложе. Видя перед собою сложную задачу, Александр собирал все силы, ничего не желая растрачивать зря. Огонь — божество. Царь рад мне, и этого довольно.

Потом начались войны. Жилища местной знати цеплялись к скалам, как гнезда ласточек.

Первая же крепость, к которой мы подошли, выглядела совершенно неприступной. Александр выслал толмача, поручив тому предложить защитникам условия сдачи, но те отвергли любые предложения. Персидским царям никогда не удавалось дать свои законы этим землям.

Крепости служили хорошей защитой от набегов местных племен, вооруженных камнями да стрелами. У Александра же были легкие катапульты, чьи снаряды, должно быть, казались защитникам дротиками демонов. Кроме того, у нас были и приставные лестницы. Когда жители крепости увидали наших людей, перелезающих через стены, они все бросили и бежали по горному склону. Македонцы неслись вослед и убивали всех, кого только могли догнать, пока крепость горела за их спинами. Я наблюдал снизу, из нашего лагеря. Хоть все это происходило вдали, я испытывал жалость к крохотным фигуркам, пойманным в скалах и оставшимся на снегу. В то же время я спокойно принимал смерть многих, не различая в сражении отдельных воинов. Глупо, конечно, ибо, спасшись, эти люди подняли бы против нас и другие племена.

Когда бой был завершен, я узнал, отчего воины Александра были столь кровожадны. В плечо

царю угодила стрела. Он еще легко отделался; панцирь не позволил стреле погрузить в рану свои шипы. Я не знаю другого человека, который так же легко относился бы к ранениям, полученным на поле битвы; так или иначе, любой вред, причиненный Александру, лишал его воинов рассудка. Отчасти это происходило из-за любви, отчасти — из страха остаться без него.

Когда лекари ушли, я снял повязку с раны и высосал кровь — кто может знать, чем эти люди смазывают стрелы? Для подобных вещей я и последовал за Александром, но у меня хватало ума помалкивать; единственным способом убедить царя изменить решение было просить об этом как о милости.

В лагере стоял страшный шум; воины совершали переход без женщин, не считая самых отважных из них, никогда не оставлявших своих мужчин. Теперь же в руки им попали широкоскулые защитницы крепости с густыми черными волосами и драгоценностями, продетыми в носы.

Александр не оставил меня в ту ночь. Рана открылась, и в итоге я был залит кровью; царь же просто рассмеялся и заставил меня умыться — дабы охрана не решила, будто я убил его. По его

словам, плечо уже вовсе не болело: нет на свете врачевателя, способного сравниться с любовью. Правда и в том, что сухие раны гноятся чаще.

Следующая крепость сдалась, прознав о судьбе, постигшей первую; никто из жителей не пострадал, таков был обычай Александра. Когда мы двинулись дальше, боги гор послали людям зиму.

Нам пришлось прокладывать путь под отвесно падавшими снежными хлопьями, подобными ячменным зернам. Наши одежды, кони и плащи из овечьих шкур, в которые кутались воины, покрылись твердой белой коркой. Животные скользили и спотыкались на неровных, извилистых тропах, которых мы просто не увидели бы без помощи местных проводников. Затем небеса очищались, и с неба изливалась яркая белизна, заставлявшая нас продолжать путь, крепко зажмурившись. Такой свет способен ослепить человека.

Трапезы наши были обильны — Александр следил за этим. Не поднимаясь в горы выше полосы лесов, мы всегда могли согреться ночами. Если же ветер забирался в мои меха своими холодными пальцами, я просто оборачивал лицо шарфом и думал о том, какое счастье мне выпало: быть

здесь, рядом с моим господином, и не делить его ни с Роксаной, ни — прежде всего — с Гефестионом.

Александр брал крепость за крепостью, не считая тех, что сдавались, едва получив известие о нашем приближении. Сейчас мне уже трудно отличить одну твердыню на скале от другой такой же, хотя царь Птолемей помнит каждую осаду. Он сам совершил там замечательные военные подвиги, среди коих — битва один на один с каким-то видным владыкой тамошних земель, чей щит Птолемей хранит как святыню и по сей день. Все эти деяния он описал в своей книге, но кто станет винить его?

После множества битв и осад мы подошли к расположившейся на вершине холма Массаге — уже не простой крепости, но крепкостенному граду.

Его осада отняла у Александра четыре дня. В первый день, когда защитники города предприняли вылазку из ворот, он отступил, дабы выманить врага подальше, после чего одним ударом обрушился на них и многих поймал, хотя уцелевшие все же скрылись за стенами. Затем, чтобы горожане не решили, будто он их боится, Александр дошел до самых стен — и по-

платился за это стрелою в лодыжке. К счастью, она не разрубила сухожилия; лекарь просил царя отдохнуть, но с тем же успехом можно просить реку поворотить вспять.

На следующий день Александр подвел к стене тараны и пробил брешь, но ее отважно защищали. Ночью он то и дело начинал прихрамывать, едва только забыв о ране, но в следующий миг уже справлялся с болью и шагал ровно.

С наступлением нового утра царь навел мост от осадной башни к пролому в стене (он привел с собою инженеров, чтобы те мастерили подобные вещи прямо на месте) и сам возглавил штурм. Однако столько воинов пожелало биться рядом с ним, что не успел никто из них спрыгнуть в брешь, как мост сломался посередине.

Я умер множеством смертей, прежде чем нападавшие выбрались из-под обломков и я увидал белокрылый Александров шлем. Назад он прихромал весь в синяках да царапинах, но сказал лишь, что ему повезло и ноги остались целы. Первым делом Александр осмотрел и ободрил раненых.

На четвертый день осады Александр попытался вновь — через мост покрепче — ворваться в город. Пока на стенах кипела битва, местный

вождь пал от снаряда катапульты; город взмолился о перемирии, и Александр великодушно приказал прекратить сражение.

Семь тысяч их лучших воинов оказались наемниками, пришедшими откуда-то из-за Пяти Рек; эти люди были ниже ростом, да и кожа их была темнее. Александр приказал им построиться отдельно; он сам пожелал нанять их. Они говорили на языке, отличном от говора племен, населявших холмы, но толмач заявил, что знает его. В присутствии царя толмач обратился к ним; полководцы ответствовали, и после недолгих переговоров он объявил, что эти люди согласны на предложенные им условия. А посему наемники расположились лагерем на холме по соседству, пока Александр договаривался с горожанами, но царь послал наблюдать за ними, ибо намерения темнокожих чужаков оставались неясными, число же их было велико, и потому нашему лагерю грозила опасность. В Согдиане царь научился заботиться о подобных вещах.

— Сегодня мы потрудились на славу, — сказал он мне после ужина.

Александр принял ванну, и я перевязывал рану на его лодыжке, которая оставалась чистой и понемногу исцелялась вопреки всему.

В шатер вошел ночной страж:

— Господин, один из дозорных ищет встречи с тобой, чтобы доложить об увиденном.

— Хорошо, зови его тотчас же, — отвечал Александр.

Воин оказался юн, но вел себя спокойно, говорил сдержанно:

— Александр, инды на холме сворачивают лагерь.

Царь вскочил, наступив на разложенные мною чистые повязки.

— Как ты узнал?

— Очень просто, мой царь: час поздний, но в их лагере не спят. Идет время, а там все больше суматохи и шума. Еще не настолько темно, чтобы нельзя было различить их против неба… Никто не ложится; весь лагерь ходит ходуном, люди вооружены, и я сам видел, как некоторые водят в поводу вьючных животных. Александр, я хорошо вижу ночью; моя зоркость известна в лагере, и потому именно меня послали доложить тебе.

Лицо Александра окаменело. Он медленно кивнул. Ничто уже не было для него в новинку после Согдианы.

— Да, ты хорошо послужил мне. Ожидай снаружи… Багоас, я опять одеваюсь. — Он позвал

охранника. — Разыщи мне толмача. Да поспеши.

Прибежал толмач, улегшийся было спать. Александр переспросил у него:

— Сегодня ты говорил с воинами-наемниками. Действительно ли язык этих людей знаком тебе?

Толмач, чье лицо исказилось от страха, поспешил уверить царя, что язык тот давно известен ему: в свое время он ходил в их страну с караванами и вел там переговоры для купцов.

— Уверен ли ты, что они согласились и уяснили себе, на что именно?

— Без всякого сомнения, о великий царь.

— Очень хорошо… Ты можешь идти. Менест, разбуди Птолемея и проси его поскорее прибыть ко мне.

Военачальник явился, по обыкновению собранный, бдительный и стойкий, как хорошо дубленная кожа. Александр сказал ему:

— Наемники-инды намерены дезертировать. Видно, они клялись в верности, желая сбить нас с толку. Мы не можем позволить им перейти на сторону врага и напасть на наши колонны сзади. Если этим людям нельзя верить, они опасны, и не важно, останутся ли они с нами, или я отпущу их с миром.

— Это правда. Их слишком много. И они хоро-

шие воины. — Птолемей молчал, покуда глаза его не встретили взгляд Александра. — Сегодня? Сейчас?

— Да. Надо поднять войска и сделать это быстро. Прикажи передавать приказы из уст в уста. Никаких труб. Пока люди просыпаются, я все подготовлю. Вокруг того холма чистая, ровная земля. У нас достаточно сил, чтобы взять их бивак в кольцо.

Птолемей вышел, Александр же позвал телохранителей, чтобы те помогли ему вооружиться. По мере того как воины просыпались и брались за оружие, в лагере нарастало деловитое оживление. В шатер вошли военачальники, готовые услышать приказы. Казалось, это вообще не заняло времени. Армия Александра была обучена все делать быстро, стоило лишь подать знак. Уже очень скоро длинные шеренги воинов растворились в темноте, спотыкаясь и позвякивая оружием.

После подобной спешки полная тишина, охватившая лагерь, показалась мне вечной. Затем раздались крики. Казалось, они тоже длились без конца: вопли прорезали долину, подобно звукам последней битвы, которой, как говорят, закончится мир. Но то будет битва между светом

и тьмою. Здесь же все было погружено в ночную темень.

Мне казалось, что я расслышал в грохоте боя и пронзительные крики женщин. Я был прав. С индами были их жены; они подбирали оружие павших и погибали, сражаясь во мраке.

В конце концов крики стали раздаваться все реже, после чего смолкли. Потом изредка то здесь, то там слышались одни лишь предсмертные стоны раненых. А после вновь наступила тишина.

За два часа до позднего зимнего рассвета лагерь вновь ожил, наполненный вернувшимися людьми. Александр вошел в шатер.

Телохранители распустили ремни его липких от крови доспехов и вынесли их наружу — вычистить. Царь казался изможденным, лицо его посерело; морщины, едва заметные прежде, отчетливо проступили на лбу. Я снял с Александра тунику, также пропитанную кровью, — сухими оставались лишь места, укрытые прежде панцирем. Казалось, он почти не замечает моего присутствия, так что я ощущал себя невидимым… Потом его глаза встретились с моими — и признали их.

— Это было необходимо, — сказал он.

Рабам я велел держать ванну в готовности.

Это тоже оказалось необходимо: даже на лице его виднелись кровавые брызги, руки до локтей и ноги до колен сплошь были красными. Когда Александр лег на кровать, я спросил, не голоден ли он. «Нет, вот только немного вина», — отвечал он мне. Я принес вино, ночной светильник и уже повернулся уйти, когда царь позвал: «Багоас», вглядываясь в мое лицо. И тогда я нагнулся и поцеловал его. Александр принял поцелуй как дар и поблагодарил меня взглядом.

Я лежал в своем шатре, ежась от предрассветного холода, когда костры снаружи уже почти угасли, — мне не давали уснуть мысли, преследовавшие меня всю ночь: толмач был согдианцем, а ни один согдианец по доброй воле не признает, будто на этой земле есть что-то такое, что ему не под силу. С другой стороны, если инды поняли так, будто могут спокойно удалиться, они ушли бы днем. Знали ли эти люди, что нарушили слово? Знали ли, что связали себя обещанием? Александр был там и видел их лица. Должно быть, по ним можно было судить, что темнокожие воины понимали, какую клятву дают.

Я думал о лежащих на холме мертвецах, уже раздираемых голодными волками да шака-

лами. Я знал, что иные руки скрепили печатью решение об их смерти еще прежде Александра, — рука Филота, руки казненных телохранителей, руки всех тех вождей и сатрапов, что пожимали правую десницу Александру, клялись ему в верности и были почетными гостями на его пирах, чтобы позже перебить доверенных им воинов и напасть на основанные Александром города.

Еще слыша о нем только лишь из уст его врагов, я уже знал, что Александр начал все эти войны, ища для себя не выгоды, но чести. Обрел ли он ее? Сам Дарий, доживи он до того, чтобы принять милость от Александра, остался бы он верен повелителю македонцев всего лишь для того, чтобы сохранить честь данного слова? Или страх удерживал бы его куда надежнее? Я вспоминал рассказ о раненых, перебитых у Исса. Воистину мой господин не получал того, чем наделял. Своими собственными глазами я видел, как на его веру ложились раны — одна за другой. Сегодня я узрел шрамы.

«И все же, — думал я, — сама скорбь моя проистекает от него одного. Кто еще в этом мире обучал меня милосердию? Служа Дарию, я сказал бы о ночи, подобной нынешней, только одно: такое неизбежно».

Да! Если этой ночью Александр захотел бы всего меня — целиком, а не просто поцелуй прощения, — я не стал бы удерживать при себе даже свое сердце. Нет, не в ту минуту, когда души мертвецов кружатся в горнем воздухе вокруг нашего лагеря. Лучше довериться и потом сожалеть, чем не верить вовсе. Люди могут стать чем-то большим, чем они есть, если только захотят постараться. Александр на собственном примере показал, чего может добиться один человек. Многие ли последовали примеру? Мне не под силу счесть и тех, кого видел я сам, но сколькие придут нам на смену? Те полководцы, что презирают человечество за ничтожность составляющих его людишек и заставляют их уверовать в собственную ничтожность, — они убивают больше, чем Александр во всех своих войнах, прошлых и будущих.

Так пусть же он никогда не перестанет верить в людей, даже если напрасно истраченная вера будет тяготить его. Александр устает больше, чем способен ощутить, его дыхание спешит в скупом воздухе гор, его сон нарушен. Да, души мертвецов, я с легким сердцем пойду к нему, если он позовет.

Но Александр так и не позвал меня. Он лежал

в своем шатре наедине с собственными тяжкими думами, и, когда поутру я пришел служить ему, глаза его были открыты.

Глава 21

Мы спустились к рекам, одержав еще немало побед, величайшая из которых — захват горы Аорн, по преданию устоявшей пред самим Гераклом. Александр добавил и ее к цепи покорившихся ему крепостей, защищавших отныне нашу дорогу домой.

И еще был напоенный весенней свежестью края холмов город Ниса, владыка коего вышел навстречу Александру и просил милости для града, поскольку, как разъяснил нам толмач, сам Дионис основал его. В доказательство тому здешние жители показывали растущую здесь священную иву — одну во всей местности. Толмач был греческим поселенцем, знавшим верные названия всему. Да и сам я, прогуливаясь по городской улице, приметил раку с изображением прекрасного юноши, играющего на флейте. Я указал на него и спросил у проходившего мимо инда: «Дионис?» Тот отвечал мне: «Кришна», но мы, конечно, говорили об одном и том же боге.

Александр поладил с городским владыкой, и они быстро пришли к согласию. Затем, будучи всю жизнь страстным охотником до чудес, Алек-

сандр захотел увидеть священный холм бога, сразу за городскими пределами. Не желая вытоптать его, с собою он взял лишь Соратников, телохранителей и меня. Воистину то было царство блаженства, сотворенное без вмешательства человека: зеленые луга и прохлада тени, кедры и лавровые рощицы, кусты с темными листьями и гроздьями ярких цветов, подобных лилиям, и божественная ива, выросшая на голых камнях. Мы сразу ощутили святость этого места, ибо там всех нас охватила чистая радость. Кто-то сплел для Александра венок из ивы, и вскоре все мы были увешаны гирляндами и пели или же славили Диониса его особым священным кличем. Где-то поблизости заиграла флейта, и я пошел на ее звук, но так и не сыскал музыканта. Проходя мимо ручья, весело плескавшегося на заросших папоротником камнях, я встретил Исмения, которого видал лишь мельком с тех пор, как он оставил службу в царской страже и присоединился к Соратникам. Возмужав, он стал еще прекраснее. С улыбкою на устах он приблизился ко мне, обнял и расцеловал меня; а затем он пошел, распевая, своим путем, я же — своим.

Наслаждаясь весенним солнцем после тягот зимней войны, мы спустились в долину, на-

правляясь к рекам. Высокие деревья с густыми кронами и цветочные поляны мы оставили за спиною вместе с холмами. Берега Инда — залежи бесплодного песка, нанесенного во времена обильных паводков. Немного повыше, растянув его на добрую милю на заросших чахлым кустарником дюнах, Гефестион разбил македонский лагерь. А как раз напротив лагеря через реку был переброшен мост.

Мой соперник выехал вперед, дабы встретить Александра. Гефестион потрудился на славу — и он сам, и его инженеры. Мост оказался длинной цепью связанных бок о бок крутобоких ладей с твердым настилом поверху и был длиннее ширины речного потока, ибо река весьма быстро выходит из берегов, когда начинают таять снега в ее истоках. Готовый к этому, Гефестион повелел привязать мост крепкими веревками, протянутыми вдалеке от русла. Александр сказал, что он поступил лучше, чем Ксеркс с Геллеспонтом.

Рядом с местом, приготовленным для шатра Александра, уже были разбиты шатры Роксаны и ее людей. Впрочем, как я слыхал, первыми словами царя — после того, как он приветствовал Гефестиона и похвалил его, — были: «Как Букефал? Не утомил ли его переход через горы?»

Всюду встречаемый громогласными приветствиями, Александр проехал через весь лагерь, направляясь прямо к конюшням: он не мог поступить иначе, узнав, что старый друг страдает одышкой и все это время скучал по нему. Потом царь созвал военный совет. И лишь затем нашел время навестить жену в гареме.

Вскоре мы пересекли реку и оказались в настоящей Индии, чьи чудеса меня столь часто просили пересказать, что ныне я могу сделать это и во сне. Первым из них был царь Омфис, ждавший на другом берегу, дабы встретить Александра всем великолепием своего края. Вся его армия выстроилась на равнине, сверкая ярчайшими красками: алые знамена и пестро раскрашенные слоны, громыхающие цимбалы и гудящие гонги.

Все они были вооружены до зубов. Видевший довольно коварства прежде, Александр приказал трубить боевое построение и двинулся вперед, готовый отразить предательскую атаку. К счастью, царь Омфис был разумным человеком и сразу же догадался, что могло насторожить Александра. Он выехал вперед с парой своих сыновей-принцев; Александр же, радовавшийся всякий раз, когда его вера в людей оправдывалась, не медлил

более и поспешил навстречу.

В нашу честь инды устроили роскошный пир, на котором были и изысканные развлечения. Одна из жен царя Омфиса явилась в наш лагерь в своей влекомой белоснежным волом занавешенной коляске, дабы пригласить Роксану на праздник, устроенный для женщин. Здешние базары сразу же наводнили наши воины, отягощенные обильной платой за ратный труд, которую они не смогли бы потратить и за год; они отчаянно торговались с купцами при помощи знаков и жестов. Им была нужна крепкая ткань, ибо за время похода их туники превратились в лохмотья. Обнаружив же, что доброй крепкой шерсти здесь не сыщешь ни за какие деньги, воины совсем приуныли. Даже льняное полотно здесь было на редкость тонким и непрочным; делалось оно не из льна, но из какого-то древесного пуха, произраставшего в этих краях. Цвет его, либо кричаще-яркий, либо белый, тоже немало разочаровал их. Впрочем, в женщинах у простых воинов не было недостатка: здесь с ними можно было договориться где угодно, даже в храмах.

Я же всюду разыскивал тот тяжелый шелк, что купил в Мараканде у купцов, пришедших

с караваном из Индии. Мне очень хотелось сшить новый наряд — тем более что мы оказались в краю, откуда явились торговцы. Но к моему великому огорчению, я не смог сыскать ни лоскута.

Гуляя по городским окраинам, я наткнулся еще на одно индское чудо: дерево-путешественник, которое опускает в землю корни, появляющиеся на концах раскинутых ветвей, и те сами превращаются в новые деревья. Оно разрослось столь широко, что целая фаланга могла бы устроиться на ночлег под его сенью: да, оно одно походило на целый лес. Подойдя ближе, я заметил рассевшихся под ним мужчин, многие из которых были в самом почтенном возрасте, но все до единого — в чем мать родила.

Это зрелище изумило меня, притерпевшегося к привычкам македонцев, ибо даже те не позволяли себе отдыхать в таком виде. И все же эти престарелые инды были исполнены важности и не удостоили меня даже взглядом. Один из них, на чью грудь спускалась длинная неопрятная борода, показался мне вождем всех прочих; он поучал слушателей, молодых и старых, что расположились небольшим кольцом вкруг него и с восторгом внимали его речам.

Слушателями другого были лишь двое — ребенок и белобородый старец. Третий же просто сидел, скрестив ноги и устремив взор на собственный живот; он был совершенно недвижим и, как я решил поначалу, вовсе не дышал. Проходившая мимо женщина положила перед ним гирлянду, сплетенную из желтых цветов, и, делая это, не выказала никакого стеснения при виде его наготы; впрочем, сам сидящий тоже и бровью не повел.

Должно быть, эти люди и были теми «нагими философами», о встрече с которыми мечтал Александр. Да, они мало чем походили на Анаксарха или Каллисфена.

Ну и разумеется, сам Александр с несколькими друзьями уже спешил повидаться с ними, сопровождаемый одним из сыновей царя Омфиса. Никто — ни наставники, ни ученики — даже не поднялся со своего места, да и вообще на пришедших не обратил никакого внимания. В ответ принц совсем не выказал гнева, и даже напротив, кажется, он заранее ожидал встретить нечто подобное. Он позвал своего толмача, который обратился к мудрецам, назвав имя Александра.

Услыхав его, глава мудрецов встал, и за ним — все остальные, за исключением того, что сидел со скрещенными ногами и не сводил взора с соб-

ственного живота. Они два-три раза топнули босыми ступнями по земле, после чего застыли в молчании.

— Спроси их, зачем они это сделали, — попросил Александр.

При звуке голоса царя сидевший со скрещенными ногами впервые поднял голову и устремил взор на его лицо.

Глава мудрецов поговорил с толмачом, который сказал по-гречески:

— Они хотят знать, о царь, зачем ты проделал столь долгий путь, отягченный неисчислимыми опасностями, в то время как, куда бы ты ни отправился, тебе не принадлежит ничего, кроме земли под твоими ногами, и так до самой твоей смерти, когда тебе потребуется лишь немногим больше земли, чтобы лечь в нее.

Какое-то время Александр пристально смотрел на вопрошавшего, после чего молвил:

— Скажи ему, что я путешествую по земле не только для того, чтобы владеть ею. Я желаю знать, какова эта земля и, помимо того, каковы люди, ее населяющие.

Не говоря ни слова, философ наклонился и, выпрямившись, протянул царю щепоть дорожной пыли.

— Однако, — возразил Александр, — даже землю можно изменить, то же касается и людей.

— Людей ты и вправду изменил. Через тебя они познали страх и злобу, гордыню и алчность — цепи, которые сковали их души на много жизней вперед. Сам ты полагаешь себя свободным, ибо совладал со страхом и с жадностью телесной, но желания ума снедают тебя, подобно яростному пламени. И совсем скоро испепелят тебя всего, без остатка.

Александр подумал немного.

— Пусть так. Но и в работе скульптора воск, заключенный в глину, навеки теряет свою форму, испаряясь при обжиге. Но туда, где был он, вливают металл — и получается бронзовая статуя.

Когда эти слова были переведены, философ покачал головою.

Александр попросил толмача:

— Скажи ему, что мне хотелось бы продолжить наш разговор. Если он последует за мною, я прослежу, чтобы мои люди отнеслись к нему со всем почтением.

Старик высоко запрокинул голову. Сдается мне, если он и вправду обрел свободу от чего-то, от гордыни ему все же не удалось избавиться.

— Нет, царь. Я не пойду и не позволю даже

самому малому своему ученику идти за тобой. Что можешь ты дать мне и что можешь забрать? У меня нет ничего, кроме этого нагого тела, и даже в нем я не вижу нужды. Отними его — и тем самым снимешь с моих плеч последнюю ношу. Зачем мне идти за тобой?

— Действительно, зачем? — сказал Александр. — Я ухожу и не потревожу вас более.

Все это время человек с гирляндой на шее сидел недвижимо, взирая на Александра. Теперь же он поднялся на ноги и произнес несколько слов. Было ясно, что эти его слова возмутили остальных; в первый раз за все время вождь мудрецов разгневался. Толмач знаком призвал всех к тишине:

— Вот что говорит он, о царь: «Даже боги устают от божественности своей и наконец ищут избавления от нее. Я буду идти за тобою, пока не увижу тебя свободным».

Александр улыбнулся старику и сказал, что приветствует это решение. Тот снял с ветви тряпку, служившую ему набедренной повязкой, и обвязал вокруг чресел. После чего, прихватив с собою деревянную чашу для пищи, он последовал за царем — как и был, босиком.

Позже я встретил грека, державшего в городе обувную лавку и знавшего обычаи мудрецов.

У него я спросил: отчего все остальные рассердились на этого человека, выслушав его слова? Грек ответил, что они даже не подумали, будто тот ушел от них, желая обрести богатства, достаточно и того, что он ушел, полюбив смертное существо. По их разумению, пусть даже эта любовь была сколь угодно духовна, она заставит мудреца родиться вновь после смерти, а это они почитают за наказание. Вот все, что я мог понять из его ответа.

Нечего и говорить, тем единственным, что мудрец согласился принять от царя, была еда для его деревянной чаши, да и той ему требовалось не так уж много. Никто из нас не был в состоянии произнести его имя, и оттого стали звать его Каланос: так или почти так звучало слово, которое он произносил, здороваясь. Вскоре мы все привыкли к нему, вечно сидящему под каким-нибудь деревом неподалеку от царского шатра. Александр приглашал его внутрь и подолгу беседовал наедине, не считая толмача. Однажды царь сказал мне, что люди воображают Каланоса бездельником, а между тем философ одержал немало побед в великих битвах, чтобы стать наконец тем, кто он есть, и в победах своих неизменно бывал великодушен к противнику.

Каланос даже говорил немного по-гречески, переняв его у здешних поселенцев. Я слышал, что он был ученым человеком еще до того, как примкнул к нагим философам. Впрочем, Александр не мог уделять все свое время учению, ему надлежало готовиться к войне с царем Пором.

То был давний враг царя Омфиса, помощи в борьбе с которым он просил у Александра. Земли этого царя лежали за следующей рекой, Гидаспом. В свое время Дарий Великий вобрал в свою империю и их, так что здешние цари все еще звались сатрапами, но вот уже много поколений никто не докучал им, и потому они вновь превратились в царей. Так отвечал послам Александра царь Пор, когда те пришли требовать от него клятвы в верности. К сему он прибавил, что не станет присягать какому бы то ни было союзнику Омфиса, ибо тот происходит от низкорожденных рабов.

Александр был готов начать битву, но сначала решил дать отдохнуть войску, не знавшему послаблений со времени зимних войн (проходя через Хибер, Гефестион также сражался). Много часов пролетело за играми да праздниками, — и чем жарче становился воздух, тем выше

поднимались реки в своих берегах. Как нам сказали, уже скоро должны были грянуть дожди.

Когда вместе с войсками царя Омфиса мы двинулись к Гидаспу, наша колонна была массивнее, чем когда-либо, несмотря даже на то, что во многих покоренных крепостях оставались наши гарнизоны. Мы разбили лагерь над рекою, дожидаясь, чтобы Александр выбрал благоприятное место для переправы. Коричневый поток уже неистовствовал внизу; сразу было видно, что вода ни минуты не потерпит над собою моста, сколь бы прочно его ни крепили.

В один из тех дней к шатру Александра явился какой-то важный сановник, чье имя и расу я запамятовал. Царь отсутствовал уже довольно долго, и потому я обещал, что попробую сыскать его. Сев на своего коня, я объехал весь лагерь — ибо ни один перс не пойдет пешком, если можно поехать, — пока кто-то не сказал мне, что Александр направился к конюшням. Я проехал мимо нескончаемо длинного ряда сараев с навесами, сооруженными из бамбука, соломы и пальмовых листьев для защиты животных от палящих лучей; конюшни сами по себе были городом, и немалым. Наконец фракийский раб, в обязанности коему вменялось следить за бо-

евыми конями царя и чье лицо, конечно же, украшала синяя татуировка, указал мне на сарай, стоявший поодаль от остальных и сооруженный с большим тщанием. Я спешился и вошел.

После индского солнца мне показалось, будто здесь царит почти что полная темнота. Впрочем, сквозь щели в стенах просачивался свет, ложившийся яркими лентами на бока старого черного коня. Лежа на охапке соломы, он с трудом дышал, и голова его покоилась на коленях у Александра, сидевшего рядом в навозе на земляном полу.

Моя тень легла на утоптанную землю, и царь поднял голову.

У меня не было слов. Только мысль: я сделаю все, что угодно… И, помолчав, я спросил:

— Может быть, позвать Гефестиона? — так, будто эти слова давно уж рвались с моего языка.

— Спасибо, Багоас, — отвечал Александр.

Я едва расслышал; царь не кликнул конюха, ибо не мог совладать с собственным голосом. Значит, я все-таки не был тут лишним.

Гефестиона я нашел у реки, в плотном кольце инженеров. Они привезли с собою ладьи, уже пригодившиеся для прежнего моста, — сквозь все эти земли они везли их, разобрав и погрузив на повозки; теперь Гефестион наблю-

дал за тем, как их собирают вновь. На меня он воззрился с изумлением: без сомнения, я оказался тут, на берегу, совсем некстати. И потом, в тот день я впервые искал с ним встречи.

— Гефестион, — позвал я, — Букефал умирает. Александр хочет, чтобы ты был сейчас с ним.

Он разглядывал меня, не говоря ни слова. Быть может, гадал, отчего я не приказал кому-нибудь передать эту весть, а явился сам. Потом Гефестион ответил: «Спасибо тебе, Багоас» — голосом, которым прежде никогда не говорил со мною, — и приказал подвести к нему коня. Я подождал, пока он не скроется вдали, прежде чем двинуться вослед.

Похороны Букефала были устроены вечером того же дня; в Индии с этим нельзя медлить. Александр приказал воздвигнуть погребальный костер, дабы собрать затем прах и схоронить его, как должно. Оповещены были одни лишь близкие друзья, но чудесным образом к костру тихонько явилось также и множество старых воинов, сражавшихся у Исса, и у Граника, и у Гавгамел. Там были сосуды с фимиамом, который следовало бросать в погребальное пламя; должно быть, чествование старого Букефала обошлось нам в целый талант. Некоторые из индов Омфи-

са, стоявшие поодаль, испускали громкие вопли, обращенные к богам, полагая, будто Александр принес коня в жертву ради победы.

Когда огонь угас, Александр вернулся к прежним своим делам. Но этой ночью мне показалось, что царь едва заметно постарел. Перитас появился у него, когда Александр уже был мужчиной; с Букефалом же он не расставался с детства. Этот невысокий конь (все греческие лошади кажутся персам маленькими) ведал об Александре что-то такое, чего мне узнать не было дано, — в день его смерти это знание погибло безвозвратно, и я скорбел об утрате.

Ночью небеса загрохотали, загремели — и рухнул дождь.

Утром боги смягчились, вышло солнце, а в воздухе разлился аромат буйно растущей зелени. Но уже очень скоро собрались облака, и в следующее мгновение с неба словно бы хлынула еще одна река. И как я слышал, это было всего лишь начало.

Александр приказал строиться — и под ливнем, по лодыжки в жидкой грязи, его люди отправились к речному берегу, не имея на себе ни единой сухой нитки.

Меня он с собою не взял, объявив, что и сам

не знает, где окажется в следующий час или же на следующий день. Не знал он также, когда начнется переправа. У Александра нашлось время, чтобы обнять меня на прощание, но — как обычно — он не стал делать из нашей разлуки большого представления. Он не видел в том смысла. Он победит и вскоре вернется. Нежные расставания подобают лишь неудачникам.

И все же то была самая опасная его битва. Величайшая его битва — и я не видел ее!

Дождь барабанил по земле, постепенно превращая наш лагерь в трясину. Несчастные, следовавшие за нами, жались друг к дружке в ветхих шалашах; прочный шатер был немыслимой роскошью. В грозу я давал пристанище в своем шатре каким-нибудь промокшим путникам: полузахлебнувшемуся бактрийскому ребенку, греческому певцу и — однажды — философу Каланосу, которого увидел стоявшим под дождевыми струями в одной только тряпке на бедрах. Когда я поманил его в шатер, он благословил меня знаком. Войдя, он скрестил ноги, положив их на бедра, и погрузился в медитацию. Я словно бы опять остался наедине с самим собой, но испытывал притом радость.

Поначалу, едва только дождь ненадолго утихал,

я набрасывал на плечи плащ и спешил на своем коне вниз, к реке. Стоявшее там воинство растянулось на многие мили, но никто не мог ответить, где сейчас царь или что он намерен предпринять. Как выяснилось, не один я готов был многое отдать, чтобы получить ответы на эти вопросы: на дальнем берегу встал лагерем царь Пор, занявший самое удобное для переправы место.

Однажды ночью, когда рев дождя на время утих, мы явственно услышали трубы, боевые кличи, ржание коней — наше войско готовилось к броску. Наконец-то! Я поднял руки, взывая к Митре. Ночь была темна — хоть глаз выколи. В нашем лагере никто не спал, все напряженно вслушивались в далекий шум, гадая, где сейчас кипит битва. Ни единого слова не было передано нам; никто не явился разъяснить, что происходит.

Неудивительно. Никто так и не пересек реку. Александр просто пошумел немного, чтобы царь Пор двинул к воде свое войско и всю ночь простоял бы там, на берегу, под низвергающимся дождем, тщетно ожидая нападения.

На следующую ночь — все то же самое. Ну, теперь-то великая битва все-таки началась, думали мы, сдерживая дыхание. Никакой бит-

вы. И в следующую ночь, и в ночь за нею мы слышали шум, крики и звон оружия, но уже не обращали на них внимания. И царь Пор тоже не обращал.

Александр никогда не боялся предстать в самом начале сражения дураком или трусом, он мог себе это позволить. В Индии ему уже доводилось идти на хитрость, чтобы одурачить противника, и на сей раз он зашел достаточно далеко. Он не сражался с Омфисом, и потому царь Пор не имел ни малейшего представления, с кем ему вскоре предстоит помериться силами. Невероятный рост Пора вошел в легенды, так что слоны были единственными животными, способными нести такого седока. Конечно же, инд не мог не думать об Александре как о маленьком щенке на той стороне реки: лает и лает, но укусить не способен.

Что ж, Александр продолжал лаять и убегать в свою конуру. Он приказал доставить в лагерь множество повозок с пищей и товарами — и раздавал их всякому, кто хотел слушать и распространять новости, будто он намеревается ждать окончания дождей, дабы перейти реку зимой, когда ее русло сузится. Значит, Пор мог готовиться провести все это время в жидкой грязи на своем

берегу, если у него хватит терпения дождаться, пока Александр наберется мужества выступить против него.

Так продолжалось, должно быть, целую неделю. В одну из ночей на нас налетела худшая гроза, какую мы только знали: стремительный поток дождя и столь жуткие молнии, что их было видно прямо сквозь стены шатров. Я лежал, накрыв голову подушкой. По крайней мере, думал я, сегодня битвы не будет.

На рассвете гром стих, отнесенный куда-то в сторону; вот тогда-то мы и услыхали. То был шум выступающей армии; он слышался яснее, чем когда-либо прежде, но источник его был немного дальше обычного. Теперь в привычный хаос вплетались и новые звуки, яростные и высокие, — рев боевых слонов.

Александр перешел реку[99].

Он планировал переправу на ту ночь в любом случае. Гроза, пусть она и затруднила ее, оказалась подарком небес полководцу. Александр пересек Гидасп чуть в стороне от места, где ждал его Пор, немного выше по течению, где густые камыши могли скрыть движение его войск,

---

[99] Сноски: 99

Сражение на реке Гидасп (территория современного индийского штата Пенджаб) состоялось весной 327 г. до н. э.

а заросший лесом островок — саму переправу. Ему обязательно нужно было оказаться на том берегу прежде, чем Пор узнал бы и привел своих слонов. Если только лошади наших воинов увидали бы этих свирепых животных стоящими на берегу, они потопили бы плоты с людьми и сами бы утонули, объятые страхом.

Птолемей описал все сражение в своей книге, где запечатлел полководческий дар и отвагу Александра, с тем чтобы о них помнили грядущие поколения. Основная опасность подстерегла Александра в самом начале броска: он первым выбрался на неприятельский берег и только тогда, пока конница все еще продолжала переправу, обнаружил, что дождевой поток нашел себе новое русло, отрезав кусок берега и превратив его в остров.

Наконец им удалось разыскать брод, хоть он и был глубок. Птолемей пишет, что бурлящая вода доходила людям до подбородка, а лошади вытягивали шеи, едва не захлебываясь (теперь вы понимаете, что именно я имел в виду, упоминая низкорослость греческих коней).

Сын Пора уже выступил им навстречу с отрядом колесниц, намереваясь отбросить Александра к реке, и тот едва успел построить своих

людей, чтобы встретить врага. Принц пал; колесницы увязли в грязи; кто мог, бежал прочь. Узнав о том, Пор выбрал участок твердой почвы и приготовился к битве.

Оборонительная линия индского войска казалась неприступной: две сотни боевых слонов встали впереди, защищая людей. Но царю Пору пришлось встретиться с великим мастером военного дела… Чтобы не быть многословным, скажу лишь, что Александр выманил его конницу вперед, отступив якобы в страхе; затем атаковал ее, выставив скифских лучников; сам же он встретил всадников молниеносным ударом, тогда как Кен подгонял их сзади… Слонов Пора он привел в бешенство стрелами и дротиками, сразив немало погонщиков, и в итоге разъяренные животные нанесли куда больше ущерба собственным войскам, нежели отрядам Александра.

Все это есть в книге царя Птолемея; он читал ее мне. Там все записано в точности, как мне рассказывали тогда, за исключением числа павших македонцев: погибло все же больше, чем пишет Птолемей. Когда он зачитывал мне это место, я вскинул голову в недоумении, на что он ответствовал с улыбкою, будто цифры эти приведены в царских архивах и что старые воины должны

понимать друг друга.

С первыми лучами утренней зари мы, находившиеся на дальнем берегу, вышли на откос взглянуть на сражение. Дождь не давал подняться в воздух той пыли, что саваном укрывает большинство великих битв. Мы ясно видели слонов, поднимавших хоботы, мечущихся коней, суетившихся пеших воинов… Но что означает вся эта суматоха, мы не могли судить. Я даже не мог выделить из толпы самого Александра, ибо его сверкающие доспехи поблекли в водах илистой, бурой реки. Солнце поднялось над головами, ужасающий шум казался нескончаемым. И тогда наконец началось бегство одних, преследуемых другими.

Я многое пропустил, многого не видел своими глазами, но более всего прочего печалит меня то, что я не присутствовал при встрече Александра с Пором. Судьба ответила на тайные призывы его сердца — и чистоты той встречи не смогли отнять у него ни время, ни лживость, столь свойственная людям.

Царь-великан еще долго продолжал драться в своем паланкине, укрепленном на спине слона, — он упрямо не желал признавать свое поражение. Слон его, отличавшийся храбростью даже

среди собственного племени, ни разу не дрогнул под натиском Александрова войска. Наконец, когда Пор замахнулся, чтобы метнуть дротик, копье угодило под его поднятую руку, в прорезь кольчуги. И только тогда он развернул верного слона, и они медленно затрусили вслед бежавшим. Видев со стороны отвагу Пора, Александр мечтал встретиться с ним после битвы; он полагал, что столь благородного человека может призвать лишь другой царь, не меньше, и просил Омфиса быть своим посланником. Это, конечно, не сработало; Пор питал к Омфису отвращение и, едва только завидев его, потянулся за дротиком левою рукой. Тогда Александр нашел кого-то, кто более подходил для его целей, попробовал вновь, и на сей раз Пор сразу же велел слону преклонить колена. Слон обхватил царя хоботом и бережно опустил вниз, на землю. Пор спросил воды — после битвы, с горящей раной в боку он, разумеется, изнемогал от жажды — и направился прямо к Александру.

— Прекраснейший человек из всех, кого мне довелось видеть, — позже рассказывал мне Александр. Он говорил без зависти. Полагаю, в юности его весьма раздражал собственный невысокий рост; даже если так, отныне это пере-

стало расстраивать того, чья тень протянулась от востока на запад. — Он походил бы на гомеровского Аякса, если б не черная кожа и синяя борода. Должно быть, он испытывал страшную боль, но этого вовсе не было видно. «Проси у меня чего хочешь, — сказал я ему. — Как мне следует поступить с тобою?» — «По-царски», — ответил он. Знаешь, я догадался о смысле его слов даже прежде, чем толмач открыл рот! «Я сделаю это ради себя самого, так что проси чего-нибудь для себя», — говорю я. А он отвечает: «В том нет нужды. Действуй по-царски — мне того достаточно». Что за человек! Надеюсь, его рана быстро исцелится. Я собираюсь дать ему больше земель, чем у него было прежде. Он уравновесит мощь Омфиса; но, прежде всего остального, я ему доверяю.

Вера Александра не была обманута. Пока жил он, весть о предательстве так и не явилась из тех земель.

Все, чему Александр придавал наибольшее значение, осуществилось в той битве. Он противостоял в ней и людям, и природе; разве его идеал, Ахилл, не боролся с рекою? Кроме того, Александр испытал большее счастье, чем Ахилл, ведь рядом с ним был его Патрокл, разделивший

радость победы: Гефестион сопровождал царя весь этот день. И сама победа, она была дарована армии, сплотившей все его народы, — здесь он уподобился Киру, одерживавшему одну победу за другой с воинством мидян и персов; впрочем, Александр свершил еще более великое дело. И наконец, уже после сражения пред царем предстал бравый воин — неприятель, который стал другом. Да, то был последний миг полного триумфа моего повелителя.

И теперь, когда с этим было покончено, его взгляд, как обычно, устремился к следующему горизонту. Отныне целью его жизни стал поход к Гангу — с тем, чтобы, следуя руслу великой реки, достичь вод Внешнего океана; тогда его империя обрела бы законченность: с востока на запад простиралась бы она, щедро наделенная удивительными чудесами. Ибо именно таким сотворен мир, учил Александра мудрый Аристотель, и я пока не встречал человека, который мог бы оспорить эти слова.

Глава 22

Царь Пор вскоре совсем оправился от полученной раны, и Александр устроил большое пиршество в честь недавнего противника. Этому величественному человеку было немногим за тридцать, хотя его сыновья уже сражались бок о бок с отцом, ибо инды женятся весьма рано. Я посвятил Пору танец, и он подарил мне серьги с рубинами. К радости Александра, верный слон, сплошь покрытый шрамами от прежних битв, также поправился.

Славную победу отпраздновали играми и благодарственными подношениями богам. Едва жертвенные животные были заколоты, с неба вновь обрушился дождь, быстро погасивший огни. Что и говорить, я не привык спокойно наблюдать за тем, как чистое, божественное пламя оскверняется горящей плотью; кроме того, ни один перс не может остаться невозмутимым, видя, как это пламя гаснет по воле небес. Но я молчал.

Царь основал два города, стоящие друг против друга, по разные стороны от реки. Один из них — тот, что на правом берегу, — Александр назвал

в честь Букефала; гробницу коня, увенчанную бронзовой статуей, он намеревался поместить прямо на городской площади.

После того он, вдвоем с царем Пором, отправился воевать, оставив Роксану во дворце, в компании жен инда, а главное — под крышей, куда не проникали дождевые струи. Меня Александр взял с собою.

Поначалу им надлежало сразиться с двоюродным братом Пора, давним его врагом, который объявил войну Александру, едва только заслышав об их союзе. Мужество этого человека, однако, уступало его ненависти; он в страхе бежал, и Александр оставил там Гефестиона во главе небольшой армии — усмирить провинцию, которую Александр задумал отдать Пору. Сам же царь не мог подолгу сидеть на месте: Внешний океан манил его, и он стремился побыстрее навести порядок в завоеванных землях, дабы поспешить навстречу этому зову.

Александр предложил мир любому городу, который пожелает подчиниться; он сдержал слово и позволил всем жителям таких городов сохранить привычные законы. Тех же, кто покидал городские стены при вести о его приближении, он преследовал нещадно, полагая, что эти люди

остались бы на переговоры, если б не намеревались напасть с тыла. Такое часто случалось прежде, и решение Александра было единственно верным, но мне становилось жаль этих людей, едва только я задумывался об участии крестьян, готовых бежать со всех ног при одном только виде армии, о которой ходили к тому же невесть какие толки…

Вместе с Пором царь взял приступом великую крепость Сангалу, вопреки ее толстым стенам, ее неприступной скале, раскинувшемуся внизу озеру и тройной линии защищавших все это земляных укреплений. Затем Александр позволил Пору отойти назад, дабы, заодно с Гефестионом, тот мог заняться делами своей новой провинции. Сам же царь стал пробиваться к следующей реке — Беасу, намереваясь разбить лагерь и задержаться на ближнем берегу, восстанавливая силы воинов. Дожди все шли и шли.

Мы еле передвигали натруженные ноги по земле, сбитой в жидкую кашицу идущими впереди. Слоны шествовали в грязи, оглашая окрестности громоподобным чавканьем. В надежде остаться сухими, скифы и бактрийцы носили в этой сырой духоте теплые войлочные одежды. Всадники погоняли усталых, прихрамывающих лошадей,

и каждая пройденная лига казалась тремя. Пешие воины из фаланг с трудом тащились по щиколотку в грязи подле влекомых волами повозок со своим оружием; их обувь давно покоробилась, намокая, высыхая и намокая вновь. Тонкое индское полотно, которое им пришлось купить на туники, облепляло их бедра, а края панцирей натирали кожу так, словно тела и вовсе были наги. Небеса по-прежнему истекали влагой.

Большой шатер Дария Александр повелел разбить на речном откосе; он привез его с собой, желая выглядеть достойным царского титула. Из-за обилия зелени воздух был щедро напоен неведомыми ароматами; мы подходили к земле холмов — и, клянусь, я чувствовал летящее с востока дыхание гор, хотя облака надежно скрывали горизонт от моего жаждущего взора. Дождь лил и лил — неустанно, упорно. Он вздыхал в листве и в высоком тростнике; вода омывала землю так, будто падала с небес со дня сотворения мира и не намеревалась останавливаться прежде, чем ей удастся затопить его вновь.

Шатер протекал. Я велел починить его и попробовал раздобыть для Александра сухие халат и обувь. Но первым делом, едва войдя, он ощупал мой собственный хитон и не желал переодевать-

ся, пока я не сменил мокрую одежду. Я до такой степени привык к проникавшей повсюду влаге, что едва замечал ее.

Своих полководцев Александр пригласил отужинать с ним. Внимая их беседе из-за занавеса, я мог судить, что царь пребывает в отменном настроении. Он заявил, что, по слухам, за Гифасом лежат богатые земли, населенные стойкими бойцами, а слоны там даже больше и сильнее, чем у Пора. Прекрасная последняя битва у самого дальнего предела.

Увы, что-то странное задело мой слух. Когда Александр бывал немного навеселе, его голос всегда возвышался над прочими. Теперь же, совершенно трезвый, он все равно говорил громче остальных. И он вовсе не напрягал связки — нет, это голоса его друзей казались необыкновенно тихими.

Он тоже заметил. Александр велел всем выпить, дабы изгнать из крови тоску, — каждый последовал приказу, и до конца ужина все продолжалось как прежде. И только затем, когда шатер покинули слуги, Птолемей обратился к царю со словами:

— Александр, люди не кажутся мне счастливыми.

Тот рассмеялся:

— Счастливыми? Они должны сойти с ума, чтобы веселиться под таким ливнем! Словно мы пытаемся перейти вброд Стикс и, сбившись с пути, уже дошли до самой Леты… Наши воины отлично держатся, и я стараюсь показать им, что вижу и ценю это. Дожди скоро прекратятся; Пор говорил, на сей раз они что-то затянулись. И едва небо прояснится, мы устроим игры и щедро наградим победителей — люди развеются и смогут идти дальше.

Они все ответили ему:

— Да, это наверняка исцелит войско.

Ложась же спать, Александр посетовал:

— Этот дождь и льва приведет в уныние. Если б я только мог уладить бактрийские дела на полгода раньше, мы оказались бы здесь зимой.

Нет, он не сказал: «Если бы я *подождал* полгода», хотя некогда мог. Мне кажется, эти последние годы он чувствовал, как колесница времени понемногу нагоняла его.

— Говорят, после дождей, — сказал я, — здесь так свежо и красиво…

Я радовался, что Александр лег пораньше: весь день он гонял коня взад-вперед вдоль колонны, приглядывая, чтобы никто не увяз в грязи. Он ка-

зался смертельно уставшим, и на его лбу вновь обосновались морщины.

На следующий день я заявился в царский шатер на рассвете, чтобы никто не успел опередить мою добрую весть.

— Аль-Скандер! Дождь перестал!

Он вскочил и, обернувшись простыней, выбежал посмотреть. В те дни, когда я увидел его впервые, он наверняка отправился бы бродить по лагерю нагим, едва очнувшись ото сна. Часто общаясь с персами, царь стал более осторожным. Над зеленью листвы поднималось бледное солнце, но даже те первые лучи несли в себе тепло: сразу видно, это нечто большее, чем обычный просвет в дождях.

— Хвала Зевсу! — выдохнул Александр. — Теперь я снова вселю мужество в сердца моих бедных воинов. Они заслужили свой праздник.

Речные берега пахли живительной зеленью и едва распустившимися цветами. Царь распорядился об играх и пригласил актеров и музыкантов. Я же вскочил на Орикса (Лев выглядел уставшим) и выехал, чтобы вдохнуть горный воздух, прежде чем мы повернем к равнинам.

Возвращался я лагерем. Сотни раз, на землях всей Азии, я проезжал через наш лагерь на своем

коне. Если не считать погоду и местность, здесь все оставалось неизменным. Но не сегодня.

Даже шедшие за армией люди, чьи шалаши я миновал первыми, не знали покоя. В глаза сразу бросались оставленные без присмотра дети, плескавшиеся в согретых солнцем лужах, тогда как их матери обсуждали что-то, повернувшись спиной к своим чадам. Поодаль от них, где обосновался люд побогаче — торговцы да мастеровые, — ко мне подбежал один из актеров, с коим я был знаком. Когда я натянул поводья, останавливая Орикса, он спросил:

— Багоас, правда ли, что царь поворачивает назад?

— Назад? — в изумлении воззрился я на него. — С чего бы, ведь воды океана всего в нескольких днях пути отсюда. Конечно же, он не собирается поворачивать.

И, только проезжая мимо воинских шатров, я наконец ощутил, что происходит нечто странное.

Разбив лагерь, воины никогда не предаются безделью — слишком много у них насущных забот: починить снаряжение, подлатать обувь да наточить меч; купить что-нибудь из еды или одежды. Женщины, петушиные бои и игра

в кости. Провидцы, жонглеры и люди с танцующими псами — все они слонялись по лагерю, удрученные скверным заработком. Воины не обращали на них внимания. Они вообще ничего не делали, только говорили.

Десяток воинов собрались пошептаться, склонив головы друг к дружке; небольшая толпа слушает разглагольствования одного; двое или трое ожесточенно спорят… И я не расслышал ни единого смешка!

Мимо проходили сотники — и одного могли подозвать, словно друга; вослед другому молча хмурились. Некоторые с неприязнью поглядывали даже на меня, будто ожидая, что я побегу доносить на них. Мне же оставалось лишь сожалеть: я не знал, что именно должен донести. И в этот момент в памяти забрезжил просвет, приведший мой рассудок в окончательное смятение: я вспомнил ту ночь на высоких лугах, в холмах над Экбатаной.

«Нет! — думалось мне. — Все вовсе не так плохо, с Александром не может случиться ничего подобного». Хорошего, однако, мало… Военачальники должны рассказать ему, ибо в моих устах такая весть прозвучит дерзостью.

Они начали собираться к полудню, подходя

поодиночке или же по двое. Я был прав — в Экбатане все было иначе. Никто не желал Александру худа. Никто не грезил об ином царе. Люди хотели лишь одного: вернуться домой.

Видя это, я посчитал, что Александр воспринял все чересчур легко. Но он всегда прекрасно чувствовал настроение армии и знал своих военачальников; те, что раздували любой пустяк в скандал, никогда не достигали подобного ранга. Он принял новости спокойно, но вполне серьезно. И в конце сказал Птолемею и Пердикке:

— Всему свое время… Говорить я буду сам. Передайте тотчас же всем — каждый военачальник, начиная с сотников, должен явиться к пологу этого шатра завтра, спустя час после восхода; пусть придут наши союзники и вообще все. Дождь — он всему виной.

Дождь, однако, так и не начался, и я вновь проехал по лагерю несколькими часами позже. Настроения здесь уже переменились: на смену угрюмой замкнутости пришло всеобщее воодушевление. У шатров военачальников собирались простые воины, — соблюдая порядок, они ожидали своей череды говорить.

На следующее утро царь поднялся рано и принялся мерить шатер шагами, едва ли замечая,

что я одевал его. Губы Александра шевелились, неслышно повторяя доводы, уже звучащие в его голове.

С первыми рассветными лучами они начали собираться снаружи — македонцы, персы, бактрийцы, инды, фракийцы… Все вместе они образовали немалую толпу; еще чуть — и задние ряды уже не расслышали бы царских речей.

Для Александра соорудили небольшой помост — чтобы царя видел каждый. На нем были лучшее боевое снаряжение, серебристый шлем о двух крылах и украшенный каменьями родосский пояс. Когда он вспрыгнул на помост, гибкий как мальчик, по толпе пронесся вздох, подобный легкому ветерку. Мой знакомый актер сказал однажды, что Александр мог бы неплохо зарабатывать на сцене.

Я слушал, спрятавшись за пологом шатра. В сегодняшней пьесе для меня не нашлось роли.

Александр сказал, как угнетает его, что воины совсем утратили присутствие духа, а потому он собрал всех их на совет, дабы вместе решить, идти ли дальше. Конечно, царь ни на минуту не мог допустить, что ему не удастся убедить их подчиниться. Не думаю, чтобы мысль действительно взять и поворотить назад даже приходила

ему в голову.

Стиль его речи был великолепен, выразителен, без лишней риторики, хоть Александр не записал ни единого слова, готовясь к ней. Он говорил о победах: зачем им, прошедшим всю Азию, бояться народов, обитающих за рекой? Цель уже близка. Они подошли к Внешнему океану — тому самому, что омывает Гирканию на севере и Персию — на юге; они стоят ныне у самых дальних границ земли. Он не мог поверить — и я слышал недоумение в голосе Александра, — что воины не чувствовали того стремления, которое сжигало изнутри его самого. Разве он не разделял с ними опасности, вопросил царь, и не делился добычей? Разве они способны сдаться, столь близко подойдя к исполнению долга?

— Будьте же стойкими! — кричал он им. — Разве не замечательно — жить мужественно и умереть, снискав вечную славу?

Чистый голос Александра дрогнул. Он ждал. Тишину нарушали лишь звонкое пение голосистой пичуги и далекий лай псов.

Подождав еще немного, он крикнул:

— Ну же! Я сказал все, что хотел. Вы пришли, и теперь я хочу послушать вас.

При этих его словах воины в толпе зашеве-

лились и стали переминаться с ноги на ногу. Внезапно я вспомнил то, как молчали персидские полководцы перед Дарием — на том, последнем совете; и тогда я осознал разницу. Дария презирали. Александр же внушил трепет, пристыдив; слова, которые совсем недавно готовы были сами вырваться из глоток, умерли невысказанными. И все же, как и Дарий в тот день, он не поколебал их решимости.

— Говорите же, кто-нибудь, — сказал Александр. — Вам нечего бояться. Если ж вам мало моего слова, я могу и поклясться!

Кто-то забормотал:

— Да, Кен, иди скажи.

Широкоплечий седой воин уже распихивал толпу, пробираясь к помосту. Я отлично помнил Кена, даже до его подвигов в последней битве. Кен бился еще под началом Филиппа и, будучи солдатом до мозга костей, не встревал в политические игры. Там, где требовались здравый смысл и непреклонный, почти до упрямства, дух, царь призывал Кена. Теперь они глядели друг на друга, и лицо старого воина (единственное, что я мог видеть из своего убежища) говорило: «Тебе не понравится то, что я скажу, но я доверяю тебе».

— Господин, — начал Кен, — ты созвал нас

на свободный совет, и мы пришли. Я не буду говорить за нас, командиров; по-моему, у меня нет такого права. Ты всегда был щедр — и можно сказать, мы уже получили плату за то, чтобы продолжать путь. Если ты желаешь двигаться дальше, наша работа как раз и состоит в том, чтобы проследить за исполнением твоей воли; именно за это нас и повысили в чине. Итак, с твоего разрешения, я буду говорить за простых воинов. Они идут не за мною, господин. За тобой. Именно поэтому я скажу все, с чем пришел.

Александр ничего не ответил. Я видел, что спина его напряглась натянутой тетивой.

— Наверное, я самый старый здесь. Ежели я и смог прославить свое имя на бранном поле, то лишь благодаря тебе, господин… Ну так вот. Люди, как ты сам уже сказал, вынесли на своих плечах больше, чем все прочие армии. И вновь благодаря одному тебе. Но коли уж простые вояки говорят: «Хватит», они заслуживают быть услышанными. Подумай, сколько македонцев покинули родные края, выходя с тобою в дальний поход. Сколько их осталось?

Прекрасный старик. Отменный воин. Македонец, говорящий со своим царем по древнему обычаю. Чем был для него мой народ, все эти

персидские наездники с гордыми лицами и узкими плечами? Чем были могучие бактрийцы, горбоносые согдианцы, рыжеволосые фракийцы, высокие инды в своих раскрашенных тюрбанах — все те, кто делил с ним победы? Случайными встречами на пути, ведущем домой.

— Мы погибали на полях сражений, нас косили лихорадка и язвы. Среди нас есть калеки, коим уже не воевать более… А те, что поселились в твоих новых городах? Не все они довольны своей участью, но там они и останутся. Погляди теперь на оставшихся с тобою: мы годимся пугать воронье в этих индских тряпках! Ежели снаряжение воина не приносит ему ни удобства, ни гордости, это снижает боевой дух всей армии. А что уж говорить о коннице? Копыта лошадей уже совсем поистерлись… И, господин, дома нас ждут жены и дети… Наши дети уже сейчас покажутся нам чужаками; скоро то же станется и с нашими женами. Господин, воины хотят попасть домой со всеми своими пожитками, пока еще их имена не совсем позабыты в родных деревнях. И ежели они доберутся туда, то очень скоро новая армия вырастет прямо из земли, упрашивая тебя вести ее за собой. Возвращайся, царь. Твоя мать, должно быть, мечтает повидать тебя. Так будет лучше,

господин. Поверь, так будет лучше.

Его голос задрожал, и убеленный сединами старый воин закрыл трясущимися пальцами глаза. Глотка его издала хриплый звук, словно бы он собирался сплюнуть; но нет, то был всхлип.

И, словно этот всхлип был сигналом, отовсюду раздались крики — не возгласы злобы и гнева, но явная мольба. Они почти стонали, вздымая руки к небесам. И если то были тщательно отобранные царем военачальники, что же тогда творилось с простыми воинами?

Александр стоял недвижно. Крики смолкли — все ждали его ответа.

— Совет распущен. — Царь резко повернулся спиною к пришедшим и двинулся прямо к своему шатру.

Двое полководцев высочайшего ранга, его друзья, попытались было последовать за ним, но, обернувшись у входа, Александр бросил вновь:

— Совет распущен.

Еще в Сузах познал я азы искусства быть невидимым. Этому учишься довольно быстро, и, пока Александр отмерял шагами расстояние от одной стены шатра до другой, я до поры затаился в углу. Когда царь яростно задергал ремешок шлема, я тихонько подошел и помог ему снять военное

облачение, после чего вновь сделался невидимкой. Это дало мне время поразмыслить.

Разделяли ли воины его веру в близость океана? Я вспоминал толпу случайных людей — торговцев, мастеровых и артистов, — вечно шатавшихся по нашему лагерю. Там были и толмачи, надеявшиеся получить свою скромную плату там, где языка знаков уже недоставало. Царские толмачи переводят только то, что им говорят, и в остальных случаях хранят молчание. Рыночные же толмачи, заработав несколько монет, с охотою заводят длинные беседы. Постоянно общаясь с путешественниками, купцами да караванщиками, они часто рассказывают о далеких странах, в которых побывали. Описывают трудности пути… Возможно ли, чтобы простые воины знали о них больше, чем мы?

Великий Аристотель, мудрейший из греков, поведал Александру о том, как именно был сотворен мир. Но в одном можно быть вполне уверенным: он не видал этого собственными глазами…

Александр расхаживал по своему огромному шатру — вперед-назад, вперед-назад. Должно быть, он прошагал так целый стадий. Я обратился в ничто, ибо не знал, как помочь царю в его

нынешней беде. Сейчас ему требовалась вера в мечту, но моя вера иссякла.

Внезапно он возник надо мною и закричал во весь голос:

— Я *пойду* дальше!

Поднявшись на ноги, я вновь обрел человеческий облик.

— Господин мой, ты превзошел Кира. И Геракла, и Диониса, и божественных Близнецов… Весь мир знает это.

Александр изучал мое лицо, и я постарался согнать с него безверие.

— Я должен увидеть Край Мира. Не для того, чтобы завладеть им. И даже не ради славы. Просто увидеть, побывать там… И он так близко!

— Они не понимают, — прошептал я.

Позднее Александр призвал к себе Птолемея, Пердикку, других полководцев — и сказал, что сожалеет о своей сегодняшней резкости. Он вновь будет говорить с военачальниками завтрашним утром, а пока они займутся подготовкой будущего похода, в который все-таки выступят, когда ему удастся уговорить людей. Полководцы уселись за стол и деловито делали заметки о переправе и о походе по ту сторону реки. В сокрытии неверия они преуспели ничуть не больше меня

самого.

Александр чувствовал это кожей. Весь вечер того дня он тосковал, и я сомневаюсь, что ему удалось наконец уснуть. На следующее утро, когда военачальники явились, царь не стал убеждать их, а просто спросил, не переменили ли они своего решения.

Последовало нечленораздельное бормотание. Думаю, Александр все же уловил основную мысль — слухи об огромных расстояниях, и так далее. Кто-то слыхал что-то от толмача, явившегося с караваном. Кто-то говорил о двухнедельном марше по безжизненной пустыне… Послушав какое-то время, Александр призвал к тишине.

— Я выслушал вас. И как я уже говорил вчера, вам нечего бояться. Ни единому македонцу я не прикажу идти за мною вопреки его желаниям. Есть и другие, которые пойдут за своим царем. Я двину войско дальше, но без вас. Вы все вольны уйти, когда захотите. Возвращайтесь по домам. Ничего иного я не прошу.

Александр вошел в шатер. Голоса снаружи становились громче по мере того, как люди расходились. Стражу, стоявшему у входа, Александр приказал не впускать никого, ни единого человека.

Но я вновь стал невидимкой. Весь тот день я входил и выходил из царского шатра. Видя, что меня не прогнали в первый же раз, стражник пропускал меня снова и снова. Пробравшись в спальню, я выглядывал из-за занавеси, дабы убедиться, что Александр не предался отчаянию, оставшись в одиночестве. Нет, он просто сидел за столом, уставившись в свои записи, или же просто расхаживал из угла в угол. Было видно, что он все еще цепляется за надежду.

Что бы ни было сказано, царь не пойдет дальше без македонцев. Она вошла в его плоть и кровь, эта армия, которую он вел в сражения еще в мальчишестве. Армия была его любовницей. Как же иначе? Ведь армия страстно любила его. И теперь он уединился в своем шатре не из гордыни или с тоски; нет, он намеревался заставить любовницу приползти сюда на коленях, вымаливая у него прощение.

Любовница не явилась. Над громадным лагерем повисла тягостная, жуткая тишина.

Меня Александр не отсылал. Видя, что царь желает побыть в одиночестве, я старался не мешать ему. Я лишь приносил то, в чем, как мне казалось, он нуждался; выходил прочь, если Александр беспокойно вздыхал; подливал

масло в светильники, когда сгустилась ночь. Стражники принесли ужин. Вдруг заметив мое присутствие, Александр заставил меня усесться рядом и поесть с ним. И тогда, с чашей вина в руке (которую едва пригубил), царь начал говорить. Он сказал, что всю его жизнь, где бы он ни был, его обуревали какие-то великие желания: свершить что-нибудь, найти и посмотреть на некое чудо… Желания столь могучие, что внушены они могли быть одним только богом. И всякий раз он исполнял их — до сей поры…

Я надеялся, что после трапезы Александр пригласит меня в постель: там я мог бы немного успокоить его. Но царь ждал иной любви.

Весь следующий день он не выходил из шатра. Лагерь угрюмо шептался. Все оставалось как прежде, за одним исключением: то был уже второй день, и надежды понемногу оставляли его.

Вечером я зажег светильник. Невиданные летучие создания бросались на огонек пламени и, корчась, падали замертво; Александр сидел за столом, подперши обе щеки кулаками. Мне нечем было с ним поделиться. Я даже не мог привести Гефестиона… Да, я сделал бы даже это, если б только мог.

Какое-то время спустя он достал книгу и открыл ее. Он хочет упорядочить мысли, решил я; это подсказало мне хорошую идею. Я выскользнул в короткие индские сумерки и направился к ближайшему дереву с густой кроной. Там я и нашел, кого искал, со сложенными на бедрах ступнями и с лежащими на коленях открытыми ладонями. Теперь он уже знал достаточно простых греческих слов, чтобы говорить.

— Каланос, — позвал я. — Царь в великой печали.

— Бог добр к нему, — отозвался философ и, едва я тронулся с места, чтобы приблизиться, плавным жестом удержал меня.

Прямо у моих ног свернулась огромная змея; она отдыхала в сухих листьях всего в двух шагах от философа.

— Присядь там, где стоишь, и она не станет сердиться. Она терпелива. Злость и досада раздирали ее, когда она была человеком. Теперь она учится.

Поборов страх, я уселся на землю. Змеиные кольца лишь немного пошевелились — и застыли в покое.

— Не грусти о царе, дитя мое. Он выплачивает ныне часть своего долга; сегодня плечи его со-

гнуты под ношей, но когда-нибудь он вернется к нам налегке.

— Какому богу надо принести жертву, — спросил я, — чтобы, когда Александр родится вновь, я пришел бы на землю вместе с ним?

— Это *и есть* твоя жертва; ты уже связан этим долгом. Ты вернешься, чтобы вновь служить ему.

— Он мой господин и всегда им останется. Можешь ли ты снять с его плеч сегодняшнюю печаль?

— Он пытается сдержать собственное огненное колесо. Стоит лишь ослабить хватку… Увы, богам нелегко освободиться от божественности. — Каланос расплел ноги и в следующий миг уже стоял, готовый идти. Кольца змеи даже не шелохнулись.

Александр все еще читал. Войдя к нему, я позвал:

— Аль-Скандер, Каланос скучал по тебе. Быть может, ты примешь его ненадолго?

— Каланос? — Царь бросил на меня взгляд из тех, что пронзают насквозь. — Каланос никогда не скучает. Это ты привел его.

Я виновато потупился.

— Да, введи его. Если подумать, он — един-

ственный, кого я могу сейчас видеть, кроме тебя.

Проведя философа мимо стоявших на посту стражников, я ушел. И даже не пытался подслушать. Магия исцеления — вещь тонкая, и я страшился разрушить ее чары.

Отойдя подальше, я наблюдал за пологом, прикрывавшим вход, и вошел не ранее, чем увидел покидающего шатер Каланоса. Александр знаком дал понять, что видит меня, но пребывал в глубоком раздумье, так что я сидел тихо. Когда внесли ужин, царь пригласил меня разделить его, как и днем раньше. Некоторое время мы ели в молчании, но потом Александр спросил:

— Ты когда-нибудь слыхал об Архуне?.. Вот и я тоже не слыхал, до нынешнего вечера. В стародавние времена он был царем индов и великим воителем. Однажды, перед началом битвы, он плакал, уже забравшись в боевую колесницу: не из страха, но оттого, что честь обязала его биться с собственным родичем. И тогда, совсем как это описано у Гомера, бог вошел в плоть его возничего, и бог обратился к Архуне.

Александр умолк, и мне пришлось переспросить: что же сказал воину бог?

— Много чего. Они оба пропустили сражение. — На какое-то мгновение Александр расплылся

в улыбке, но тут же посерьезнел вновь. — Бог сказал: «Архуна, ты рожден воином и должен выполнить свое предназначение; но ты должен делать это без сожаления или радости, ты не должен вкусить от плодов дел своих».

— Разве возможно такое? — спросил я. Меня поразила серьезность, с которой Александр повторял все это.

— Наверное. Человек, выполняющий приказы, способен просто делать свое дело, не радуясь и не огорчаясь. Пожалуй, я знавал таких воинов — и хороших притом, — хотя все они ценили слово похвалы. Но для того, чтобы вести людей вперед, чтобы воспламенить их сердца, чтобы наделить их мужеством — это в первую очередь, без мужества они ни на что не способны! — чтобы ясно видеть цель и не познать отдыха, не достигнув ее, — для этого требуется стремление посильнее, чем желание остаться в живых.

— Аль-Скандер, на свете столько вещей, которые ты ценишь превыше собственной жизни… И твоя жизнь — это все, что у меня есть.

— Огонь сжигает, милый мой перс, и все-таки ты поклоняешься ему. Я тоже. Я возложил на костер страх, боль и нужды тела… И как же красиво они горели!

— Воистину, я поклонялся именно этому огню, — ответил я.

— Но Каланос хочет, чтобы я возвратил пламени все, что оно дало мне: честь, славу среди нынешних и будущих поколений, само дыхание бога, что шепчет мне в уши: «Ступай дальше, не медли».

— И все же он оставил своих друзей, чтобы последовать за тобою.

— Чтобы освободить меня, как он говорит. Но бог дал нам руки… Если бы он хотел, чтобы мы постоянно сидели, сложа их на коленях, у нас не было бы пальцев.

Я рассмеялся. Александр же продолжал, даже не улыбнувшись:

— О, Каланос — настоящий философ. Но… Както раз мы вместе проходили мимо умиравшей собаки, которую бессердечные люди забили почти до смерти. Ее сломанные ребра торчали наружу, и она изнемогала от жажды. Каланос упрекнул меня, когда я обнажил меч, чтобы прекратить страдания бедного пса. Я должен был позволить собаке до конца пройти выбранный ею путь… И все же сам он не способен навредить ни единому живому существу.

— Странный человек. Но в нем все-таки есть

нечто такое, за что его нельзя не любить.

— Да. Мне понравилась наша беседа, и я рад, что ты привел его… Завтра я выслушаю провидцев. Если предзнаменования для перехода реки окажутся благими, людям придется еще раз хорошенько подумать. — Даже сейчас он все еще пытался ухватить за обод собственное огненное колесо.

— Да, Аль-Скандер. Тогда ты точно будешь знать, что уготовлено для тебя богом. — Я решил отчего-то, что эти мои слова не повредят ни мне, ни ему.

На следующее утро притихшие македонцы окружили прорицателя. Жертвенное животное отчаянно брыкалось, что само по себе было дурным знаком. Когда внутренности вынули из тела и возложили в руки Аристандра, стихло даже обычное глухое бормотание; люди молча смотрели, как тот изучает лоснящуюся темную плоть, медленно поворачивая ее в руках. Повысив голос, дабы слышали все, провидец объявил, что знаки неблагоприятны во всех отношениях.

Александр поник головой. Он вернулся в шатер, пригласив следовать за собой трех высших полководцев. Там он обратился к ним и теперь уже вполне спокойно сказал, что не пойдет про-

тив воли богов.

Вскоре после этого царь, собрав друзей и старейших из Соратников, попросил передать это всей армии. Никто не был многословен. Они были благодарны царю, и каждый понимал, чего стоило ему это решение. Александр уселся за свой стол вместе с военачальниками и занялся разбором плана обратного перехода; какое-то время в шатре царило обычное рабочее спокойствие. И лишь потом послышался далекий рев.

В то время я еще не слыхал, как настоящее, глубокое море обрушивает на берег свои огромные волны, но тот звук, заполонивший лагерь, весьма напоминал шум прибоя. Когда он приблизился, я расслышал в общей стихии отдельные радостные восклицания. С грустью слушал я, какое удовольствие воины находят в боли Александра. Затем, подойдя совсем уже близко, они стали звать царя. Я спросил: не открыть ли полог шатра?

— Да, — отвечал Александр. — Давайте поглядим, в каком они настроении теперь.

То были македонцы; целая тысяча. Когда он вышел из шатра, крик поднялся до небес. Грубыми и ломкими от подступающих слез голосами они прославляли своего царя, радуясь и торжествуя.

Многие вздевали ввысь руки, как то делают греки, обращаясь к своим богам. Они карабкались на плечи друг другу, лишь бы увидеть его. Один из старых воинов, покрытый множеством шрамов, пробился сквозь толпу и рухнул на колени:

— О царь! Непобедимый Александр! — Похоже, этот человек чему-то научился за долгие годы сражений и походов. — Лишь ты сам сумел одержать над собою победу, и то — из любви к нам. Да вознаградят тебя боги! Живи долго, и пусть слава твоя не меркнет!

Он вцепился в протянутую Александром ладонь и поцеловал ее. Царь поднял старика с колен и хлопнул его по плечу. Еще немного постоял он у входа, принимая благодарность и пожелания добра, после чего вошел внутрь.

Любовница вернулась, все еще изнемогая от любви. Но первая ссора между любящими всегда ложится на их чувства неизбывной тенью. В былые времена, мне кажется, Александр расцеловал бы того старца.

Пришла ночь. Царь пригласил нескольких друзей на ужин. На его рабочем столе все еще лежали планы перехода через реку; воск еще не разглажен на табличках, хотя и перечеркнут парой резких взмахов бронзовым стилосом.

Ложась спать, Александр был тих; я отчетливо представил себе, как он всю ночь ворочается с боку на бок. Поставив ночной светильник на место, я встал на колени у изголовья.

— Я пойду за тобою до самых далеких берегов этого мира, хотя бы они лежали в тысяче лиг отсюда…

— Лучше оставайся здесь, со мною, — ответил мне Александр.

Он даже не подозревал, насколько измаялось без любви его тело, но я знал это точно. И взял немного горевшего в нем огня, который, будучи заперт в печи, постепенно опалял ему сердце. Да, пусть даже я не мог привести к Александру Гефестиона, той ночью царь был рад мне. Убедившись, что сон его крепок, я ушел в свой шатер — но не раньше.

Глава 23

Желая достойно отметить конец путешествия, Александр воздвиг двенадцать алтарей в честь двенадцати греческих богов, да такие высокие, что они скорее походили на крепостные башни. Вкруг стен вились широкие лестницы для жрецов и жертвенных животных; ритуалы вершились наедине с небесами. Даже если царя вынудили поворотить назад, он устроил пышные торжества.

Как и задумывал, Александр дал воинам отдохнуть — со всеми состязаниями, играми и представлениями. Добившись желаемого, люди от души праздновали свою удачу. Передохнув, мы двинулись обратно, — переходя через реки, мы направлялись к провинции, в которой Гефестион навел порядок ради царя Пора. Он выстроил там новый город и оставался в нем, ожидая Александра.

Они долгое время провели наедине. Делать мне было нечего, и я разыскал Каланоса, чтобы расспросить философа о богах Индии. Тот поведал мне кое-что, после чего объявил с улыбкою, что я уже заметно продвигаюсь на пути. А ведь я

ничего не сказал ему.

Гефестион потрудился на совесть, что и говорить. Провинция содержалась в отменном порядке, ибо все должности распределялись справедливо и мудро; к тому же Гефестион поддерживал наилучшие отношения с царем Пором. У него был особый дар к подобным вещам. Однажды, задолго до моего появления в македонском лагере, Александр завоевал Сидон и предоставил Гефестиону выбрать этому краю нового царя. Поспрашивав здесь и там, тот выяснил, что последний отпрыск старой царской династии, давным-давно лишенный персами права на трон, все еще жил где-то в городе — нищий, словно загнанная в подпол крыса, он зарабатывал на пропитание, нанимаясь батрачить в чужих садах. Но вдобавок этот человек был известен в округе честностью и добрым нравом, и Гефестион возвел его на трон. Благородные богатеи признали решение справедливым, предпочтя видеть на троне нищего, чем кого-то из своего круга, и царь правил как нельзя лучше. Умер он много лет спустя и был оплакан всеми своими подданными. О да, Гефестион был мудрым человеком.

Другой приятель Александрова детства, Не-

арх, худощавый и жилистый выходец с Крита, тоже трудился не покладая рук. Он неизменно принимал сторону Александра во всех его ссорах с отцом и разделил с ним тяготы изгнания. Александр никогда не забывал подобных вещей, и, командуя царской флотилией, пока македонцы не покинули берега Срединного моря, Неарх пошел на восток как обычный воин, но теперь вновь обрел воду, которую его народ любит более всего на свете. Ныне он воссоздал флот Александра на берегах Гидаспа. Царь намеревался спуститься по реке к Инду и далее к морю. Если он не отправился к Внешнему океану на восток, по крайней мере, он мог увидеть его, двигаясь на запад.

Воины, надеявшиеся идти домой прямо через Хибер и Бактрию, теперь вдруг осознали, что им предстоит маршем следовать за изгибами рек, бок о бок с флотом. Тамошние народы еще не сдались на милость Александра, а лазутчики наперебой расписывали их как яростных воителей. Войско вовсе не обрадовалось новостям, но Александр заявил, будто надеялся, что они позволят ему уйти из Индии, а не бежать оттуда сломя голову. Царь стал раздражительнее с тех пор, как воины заставили его возвращаться, и,

поглядев на него, они умолкли. По крайней мере, они шли теперь в родные края.

До самого последнего времени Александр полагал, что Инд — если следовать за его руслом достаточно долго — рано или поздно впадет в Нил. И здесь, и там растут лотосы; в обеих реках живут крокодилы… Недавно какие-то местные жители уверили его в обратном, но, по словам самого Александра, там все равно найдется на что посмотреть.

Старый Кен умер здесь от лихорадки; ему так и не пришлось вновь увидеть Македонию. Александр сдержал свое слово и никогда не вменял в вину этому верному воину его открытую речь на совете; теперь он устроил ему достойные героя похороны. И все же глубоко внутри что-то переменилось. Вера многоглавой любовницы дала трещину. Влюбленные залатали прореху, ибо нуждались друг в друге; они еще любили, но не могли забыть давнишней ссоры.

Лето вступило в свои права чуть раньше обычного, и на видном теперь песчаном берегу реки стоял вновь отстроенный царский флот. Он сам по себе был настоящим чудом: длинные военные галеры на двадцать-тридцать гребцов, круглобокие лодчонки всех размеров и форм, большие

плоскодонные баржи для перевозки лошадей…

Я сразу же нашел взглядом царскую галеру и уже прикидывал, не найдется ли в ней немного свободного места? Возьмет ли Александр с собою меня? То было боевое судно; не решит ли царь, будто не нуждается ни в ком, кроме стражей? Если же я отправлюсь сушей, кто знает, когда нам доведется увидеться вновь? И потом, я окажусь под началом Гефестиона… Он должен был следовать по левому берегу, ведя с собою основную часть армии, весь лагерь, слонов и гарем в придачу. Конечно, он не опустился бы до того, чтобы выказать мне свое презрение, но я решил, что путешествовать сушей все равно невыносимо. Кроме того, я вспомнил еще кое о чем: прежде я никогда не оказывался там, где была бы Роксана, но не было бы Александра. Гефестион мне не страшен, но я вовсе не чувствовал подобной уверенности, думая о *ней.*

Отчаивался я напрасно. Когда я нашел в себе силы спросить Александра, он ответил:

— Конечно, если тебе хочется. Почему бы нет? Все привыкли к моим персидским манерам, так что никто не удивится. Ты умеешь плавать?

— О да, Аль-Скандер, я уверен, что смогу.

В ответ он лишь рассмеялся:

— Ничего, я тоже не умею.

На рассвете царь Пор и немалая часть его подданных собрались, чтобы проводить нас в путь. Корабли, вытянувшиеся на волнах реки в длинную цепь, нельзя было охватить одним взглядом. Галера Александра шла первой; царь стоял на носу, с венком на власах после приношения жертвы богам. Вверяя судьбу людей и судов во власть стихий, Александр воззвал к отцу своему Амону, к повелителю вод Посейдону, к Гераклу и Дионису, равно как и к самим рекам, по которым нам предстояло плыть, ибо греки все же поклоняются священным водам, хотя и не боятся осквернять их (я и сам стал довольно беспечен в этом отношении). При каждом возлиянии Александр бросал в реку золотую чашу вместе с налитым в нее вином. В судах вокруг нас все затянули победную песнь, и ее подхватили армии на обоих берегах; ржали кони, трубили слоны. И затем, под ритм запевал, когда широкая гладь реки еще была залита холодным серым утренним светом, мы двинулись вниз по течению.

Из всех даров Александра (которые были велики и числом, и щедростью) один из лучших — то, что он взял меня с собою на реку. Я повторяю это и сейчас, уже повидав праздники на Ниле. Пер-

выми шли обильно украшенные боевые галеры, чьи ряды весел хлопали, точно крылья; затем пестрое скопление прочих судов и лодчонок. По берегам маршировали длинные воинские колонны — тяжело вооруженные фаланги, конница, повозки, раскрашенные слоны… И рядом с ними бежали, чтобы не терять нас из виду, тысячи индов, явившихся поглазеть на чудо. Кони, плывущие на баржах, сами по себе были удивительным зрелищем. Пораженные инды бежали, вплетая свои голоса в пение наших запевал, пока по берегам не выросли отвесные утесы, застывшие на страже у теснин. Пеших воинов мы потеряли из виду и не слышали уже ничего, кроме эха, возвращавшего нам наши собственные песни, да криков обезьян, прятавшихся где-то в густой зелени, качаемой ветерком…

Для меня путешествие было сказкой, какую не услышишь на базаре. Александр стоял на носу галеры и, схватившись за высокий гребень на голове деревянной носовой фигуры, вглядывался вперед. Ему удалось разжечь пламя рвения, охватившее нас всех. Я перестал волноваться при мысли о том, что любые слова, сказанные на галере, сразу становятся общим достоянием, что спать царь мог только в крошечном закут-

ке на корме, что мы едва сумеем коснуться рук друг друга — и не более того — до самого конца путешествия. Бросившись в еще неведомый мне мир, я открыл для себя ту часть души Александра, о которой знали воины его армии — но не я. Все вокруг звенело и вибрировало от одного его присутствия. Можно потерять счет времени, живя в этом чуде. Дни радости…

Мы все еще были вне вражеских земель и часто выбирались на сушу, с тем чтобы местные вожди могли засвидетельствовать Александру почтение. Царя усаживали на увитый цветами трон и устраивали в его честь конные представления, танцы (часто неплохие) и пение, казавшееся мне схожим с завываниями рыночных бродяг. А затем мы вновь пускались по течению, помахав на прощание войскам, оставшимся на берегу.

«За все хорошее надобно платить», — всегда говорил Александр. Река сузилась, и течение с силой повлекло нас вперед. Поначалу далекий и слабый, понемногу стал слышен приглушенный рев на порогах — там, где встречаются воды двух рек.

Нас уже предупредили, что между скал, где Гидасп встречается с Акесином, удвоенные речные воды бурлят в водоворотах. О шуме нас, однако,

никто не предупредил. Приблизившись к порогам, наши гребцы сбили ритм попросту из страха, но галеры все равно рванулись вперед. Глава гребцов Онесикрит проорал им, чтобы не останавливались, а, напротив, гребли сильнее; все мы погибли бы, развернись галера против течения… Напрягая плечи, гребцы вновь налегли на весла. Навигатор, не смолкая, выкрикивал рулевому все новые команды, а рядом с ним стоял Александр, с полуулыбкой взиравший на белые от пены волны.

В тугих объятиях реки я запомнил только скорость, смятение и мертвенный ужас, к счастью сковавший меня и лишивший способности кричать. Однажды ввязавшись в подобную гонку, никто не способен спасти себя, даже Александр. Не без удивления я понял, что возношу молитву неведомому богу: пускай, когда мы оба утонем, нас не разлучит судьба и позволит вновь родиться вместе. А потом мы проскочили пороги, и гребцы все опускали и поднимали весла, хотя весь нижний их ряд был уже переломан… Ни в одной сказке не сыскать волшебных превращений без каких-нибудь суровых испытаний, выпадающих на долю героя.

Все корабли прошли пороги благополучно,

за исключением двух столкнувшихся, но нам все равно удалось спасти многих воинов. Едва мы нашли удобное место на берегу, Александр приказал разбить лагерь.

Чудесная песня подошла к концу.

Мы приближались к рубежам земли маллов, чьи города не желали подчиниться Александру и вовсю готовились к войне. Этим народом правили жрецы — люди, совсем не похожие на Каланоса, неустанно уверявшего нас, что сам он вовсе не жрец, а богоискатель. Маллийским жрецам подчинялись даже воины… Они объявили Александра и всех нас нечистыми варварами. Все маллы питают отвращение к любой нечистоте, которой становится все, на что ни укажут их жрецы. У нас в Персии есть рабы, но мы вовсе не считаем их «неприкасаемыми»; здесь же люди низких занятий или же покорившейся им расы настолько нечисты (хотя никто не владеет ими как рабами), что ни жрец, ни воин не станут есть пищу, осквернённую их тенью. Но эти люди жили скромно, в отличие от Александра. Если одна тень нечиста, что тогда сделает его правление?

То был последний еще не покорившийся народ, живший по дороге на запад; Александр должен был завоевать маллов, прежде чем повернуть

к Персии. Только они одни стояли между ним и владычеством над Индией от Беаса до устья Инда. Александр распрощался с мечтой о берегах океана, и теперь Индия осталась для него всего лишь препятствием, которое следовало устранить раз и навсегда. Волшебство реки было разрушено; восторженный мальчик на носу корабля, первым спрыгнувший на сушу, превратился в разъяренного демона, сжигавшего самый воздух своим дыханием.

Войско Гефестиона Александр выслал вперед за пять дней до собственного похода — с тем, чтобы встретить маллов, которые бежали бы при слухах о приближении самого царя. Люди Птолемея следовали за нами на расстоянии трех дней пути — с тем, чтобы ловить тех, кто бежал назад в надежде оказаться в безопасности. Когда ловушка была устроена, Александру оставалось лишь подкрасться к жертве.

Мы шли по пустыне целую ночь и весь день, чтобы застать врасплох маллов, считавших подобный подвиг невозможным. То был трудный, но относительно короткий переход. Для сна нам осталась почти целая ночь. На рассвете Александр вывел конницу к первому маллийскому городу.

Это было не особенно далеко от нашего лагеря, так что я выехал посмотреть.

Городские стены были сложены из земляных кирпичей; в полях трудились земледельцы. На дорогах маллы расставили сторожевые заставы, чтобы остановить Александра, но никто не следил за пустыней, откуда еще никогда не являлся неприятель.

Послышались громкие боевые кличи; конница рассыпалась по полям. Люди были вооружены одними лишь крестьянскими орудиями. Сверкая рассветным маревом, мечи косили маллов, словно урожай ячменя.

Я полагал, что Александр призовет их сдаться, как делал это всегда. Но они уже отказали ему, а царь никого не спрашивал дважды.

Он вернулся вечером, после штурма крепости, покрытый пылью и кровью. Пока войско отдыхало и утоляло голод, Александр отдавал приказы выступать в ночной поход, дабы захватить следующий город прежде, чем туда доберутся новости. Сам он так и не успел толком вздремнуть… Свет, воссиявший на реке, обернулся жгучим пламенем.

Так и продолжалось. Даже когда все инды уже узнали, кто он такой, они отказывались

покориться. Александр пленил множество из них — тех, что сдавались на милость победителя; впрочем, многие бились до конца или сжигали себя в собственных домах. Наши воины тоже рассвирепели. Они — более даже, чем сам царь, — желали покончить с Индией; они не хотели слышать о каких-то восстаниях, которые могут вспыхнуть за их спинами и заставить повернуть назад. Они вообще не стали бы брать пленных, если б не приказ самого Александра.

Война есть война. Будь я по-прежнему с Дарием, я только радовался бы его удачам и тому, что царь столь бесстрашно бросается прямо в гущу сражения. Ведь я поражался Александру. Не тому, что он убивал, а тому, что чаще он предпочитал не делать этого; даже теперь он позволял женщинам и детям свободно убраться прочь. Но я оплакивал его мечту, рассыпавшуюся в горький прах.

На этот поход македонцы вовсе не рассчитывали и потому сражались не с задором, но с остервенением. Когда Александр вошел в шатер, чтобы приготовиться к короткому ночному отдыху, его лицо показалось мне осунувшимся.

— Мы разрушили стену, — поведал он. — Вои-

ны всегда бежали к бреши, чтобы оказаться там первыми еще до того, как осядет пыль… Сегодня я уж думал, они так и будут ходить кругами, ожидая, чтобы кто-нибудь другой бросился вперед. Подбежав, я удерживал пролом в одиночестве, пока они не устыдились.

Конечно, опомнившись, они последовали за своим царем и взяли город. Но лоб Александра вновь прорезали морщины.

— Аль-Скандер, это всего лишь усталость духа. Когда мы вернемся в Персию, твою и мою страну, все снова будет хорошо.

— Да, это уж точно. Но нам не нужны волнения на границах, и люди прекрасно это понимают. Я не требую от воинов слепой покорности. Мы все — македонцы. Я всегда рассказываю им, что именно нам предстоит сделать и зачем. Придется попотеть, но все это скоро кончится. Пока они справляются… Как и ты.

Он поцеловал меня — просто из доброты. Нет, Александр не нуждался в подсказках страсти, чтобы благодарить за любовь.

Наутро мы маршем прошли падший город, наполненный криками пернатых хищников, воняющий плотью, гнившей под раскаленным солнцем, да отвратительной гарью из обуглив-

шихся домов, где инды сжигали себя. В сердце своем я вознес молитву премудрому богу, чтобы тот избавил Александра от всего этого, да побыстрее.

С молитвами следует обращаться крайне осторожно. Нельзя быть самонадеянным, говоря с богами!

Следующий город оказался покинутым жителями, когда Александр подтянул к нему войско. Нам же царь передал весть, что собирается броситься вдогонку бежавшим и лагерю велит следовать за ним.

Когда идешь за армией, проводники не нужны. Мы приблизились к реке, и вода у брода была уже вспенена копытами лошадей. На дальнем берегу была битва: повсюду лежали мертвые, будто некие странные плоды земли, потемневшие в своей зрелости по сравнению с бледной зеленью трав и кустарника. Слабый сладковатый запах уже разносился по окрестностям; было жарко. Я как раз делал глоток из своей фляги, когда заслышал совсем неподалеку слабый стон. То был инд, немногим моложе меня самого, и его рука тянулась к воде. Он был обречен; внутренности юноши свешивались из раны, но я все-таки спешился и дал ему напиться. Те, кто правил

конями рядом со мною, осведомились: не помрачился ли мой рассудок? И вправду, зачем делать что-то подобное? Подозреваю, инд всего лишь чуть дольше прожил, мучимый болью.

Вскоре мы нагнали несколько повозок с запряженными в них волами, присланных Александром, с тем чтобы забрать наших убитых и раненых. Над ранеными были устроены навесы от солнца, а рядом с ними ехал на своем ослике водонос. Александр всегда заботился о своих людях.

Погонщики рассказали, что в поле собралось пятьдесят тысяч маллов. Александр как-то сдерживал их одною своей конницей, пока не подошли лучники и пешие воины; тогда враг бежал к укрепленному городу, который непременно предстанет нашим глазам за пальмовой рощицей… Царь окружил его и отдал приказ располагаться на отдых, готовясь к ночи.

Еще до заката мы пришли к круглому, землистого цвета городу маллов, с зубчатыми стенами и приземистой башней внутренней цитадели. Вокруг раскатывали повозки с разобранными шатрами, сновали рабы, повара распаковывали свои кули да котлы, копали ямы для очагов и доставали решетки, стремясь побыстрее накормить

людей добрым ужином после легкого дневного рациона. Александр трапезничал с высшими военачальниками — Пердиккой, Певкестом и Леоннатом, — планируя завтрашнюю атаку.

— Нет нужды поднимать людей до рассвета. У пехоты был сегодня долгий марш; у конницы — сражение… Хороший сон и хороший завтрак приведут их в норму, а уж тогда — за дело!

Ночью, когда Александр готовился ко сну, я взглянул на его роскошные доспехи, отполированные оруженосцами до блеска. На его новый панцирь… Царь заказал его уже в Индии, из-за несусветной жары, — он был намного легче старого, с нашитыми на индскую ткань пластинками. Как если бы прежде царь недостаточно выделялся из общей толпы воинов, новый панцирь был ярко-алым, с золотым львом на груди.

— Аль-Скандер, — сказал я, — если завтра ты наденешь старый панцирь, я смогу выскоблить этот. После битвы он, право, нуждается в хорошей чистке.

Царь обернулся ко мне, приподняв брови и широко улыбаясь.

— Ах ты, персидский лис! Думаешь, я не знаю, о чем ты? Ну нет… Людям надо показать, слов для них мало… — Александр мог сказать это и ра-

нее, но теперь в его голосе проскользнула нотка досады. Потом он положил ладонь на мое плечо. — Не пытайся удержать меня, даже из любви. Я скорее предпочту смерть… Ну же, перестань хмуриться; ты что же, не хочешь видеть издалека, где я и что делаю?

Он прекрасно спал, как и всякий раз перед битвой. Помню, он говорил, что оставляет все на усмотрение бога.

Утром нового дня, после восхода, они сомкнули кольцо вокруг города; поближе подъехали повозки с лестницами, таранами и катапультами, а также с инструментами для земляных работ. Какое-то время все мы следили за тем, как Александр разъезжает вдоль колонны: и верно, даже на таком расстоянии царя можно было узнать по алому панцирю да серебряному шлему.

Потом царь сошел с коня и пропал в общей массе воинов, столпившихся у стены. Вскоре они растворились в ней — верно, пробуя ворота на прочность.

Войско подтягивалось поближе, разбирая и унося лестницы. Вершины стен, только что забитые маллами, вдруг опустели.

Чтобы видеть лучше, я направился к городу совершенно один: в лагере мало кто оставался,

кроме рабов; все те, кто следовал за войском, ушли с Гефестионом. Нет, защитники не собирались сдаваться. Маллы бежали к своей внутренней цитадели и укрылись в ее стенах. Спрятанные за низкими лачугами города, македонцы осаждали их снизу.

Я увидел, как на темном фоне стены появилась светлая полоска — лестница, быстро нашедшая должный упор и застывшая у крепости. Затем на ней я заметил яркое алое пятнышко, резво взбиравшееся ввысь и вскоре достигшее зубцов стены; там оно раскачивалось, дергаясь и мечась в сражении, и затем выпрямилось, застыв в одиночестве на самом верху.

Александр рубил врага мечом; один малл пал, другого царь столкнул вниз ударом щита. По лестнице поднялись еще трое, спеша встать рядом с Александром и сражаться вместе с ним. Маллы отшатнулись. Лестница была забита карабкавшимися македонцами: да, Александр вновь подал им пример. Но внезапно, подобно обломкам скал во время камнепада, все они рухнули вниз и пропали из виду: лестница попросту не выдержала веса воинов.

Я подъехал ближе, едва соображая, что делаю. Четверо, кажется, стояли на стене целую

вечность, осыпаемые стрелами и копьями защитников. Потом Александр пропал, спрыгнув вниз, на ту сторону.

На один короткий миг остальные трое застыли в оцепенении (подозреваю, они не верили собственным глазам), после чего последовали за ним.

Не ведаю, сколько времени прошло, прежде чем македонцы вновь штурмовали стену; возможно, ровно столько, сколько потребно для того, чтобы очистить и съесть яблоко — или умереть десять раз. Они рванули вверх: на плечах друг у друга, по лестницам, становясь на пики… Они перевалили через стену и пропали, я же повторял себе, что не должен ожидать, будто сразу увижу Александра.

С той стороны на стену поднялось несколько человек, несших что-то алое. Очень медленно они уложили драгоценный груз на носилки и скрылись из виду. Я не заметил, чтобы алое пятнышко хотя бы шевельнулось.

Изо всех сил я хлестнул коня и галопом помчался к городу.

Нижний город был пуст: здесь не лежали мертвецы и вообще все казалось мирным; на плоских крышах зрели тыквы… Со стороны цитадели

доносились крики победителей и стоны умирающих, но все это почти не тревожило мой слух.

У двери лачуги, на улице неподалеку от осаждаемых стен, стояли трое юных телохранителей, заглядывавших внутрь. Я протиснулся меж ними и вошел.

Щит, на котором принесли Александра, лежал в лужице крови на земляном полу. Царя уложили на грязную крестьянскую кровать — и над ним застыли Певкест и Леоннат. В дальнем углу сгрудились другие телохранители. По хижине носились цыплята…

Лицо белее мела, но глаза открыты. В левом боку, где яркая алая ткань заметно потемнела, торчит длинная толстая стрела.

Она двигалась и замирала, и снова двигалась в такт дыханию.

Губы Александра были раздвинуты, пропуская внутрь, вопреки боли, ровно столько воздуха, сколько требовалось для жизни. Дыхание тихонько свистело — но не в горле, а в ужасной ране. Стрела угодила в легкое.

Я встал на колени у изголовья. Царь ушел уже чересчур далеко, чтобы осознать мое присутствие. Певкест и Леоннат подарили мне по короткому, ничего не выражавшему взгляду

каждый. Рука Александра разжалась и тронула древко. Он сказал:

— Выдерните.

Леоннат, почти столь же бледный, отвечал:

— Да, Александр. Но сначала нам нужно снять доспех.

Я часто держал панцирь в руках и знал, какими прочными были нашитые на него пластины. Обычная стрела не могла пробить отверстие; она пробуравила, продавила его… Конечно, ее выпустили не из лука.

— Не стойте столбами, — шепнул Александр. — Режьте древко…

Нащупав пояс, он вытащил свой кинжал и попытался пилить, но закашлялся. Изо рта хлынула кровь; стрела вздрогнула в боку. Жизнь отхлынула от лица Александра, но стрела по-прежнему, хоть и едва заметно, двигалась в ране.

— Быстро, — сказал Певкест, — пока он еще не пришел в себя. — Взяв кинжал, он принялся скоблить твердую палку.

Пока лезвие вгрызалось в дерево, а Леоннат придерживал древко стрелы, я расстегнул пряжки панциря. Александр очнулся, когда Певкест все еще пилил стрелу, но ни разу не шелохнулся, хотя шипы ворочались в ране.

Древко треснуло и раскололось, оставив острый обломок длиною с ладонь. Я вытянул из-под Александра панцирь, и мы стащили его прочь, несмотря на то что неровности древка продолжали цепляться за острые края пробитой в пластине дыры. Певкест разрезал окровавленный хитон. Багровая рана на бледной плоти открывалась и закрывалась; воздух тихонько шипел, проходя сквозь нее. Иногда она замирала; Александр старался сдержать кашель.

— Во имя бога, — шепнул он, — дерни, и покончим с этим.

— Мне придется резать, чтобы добраться до зубьев, — сказал Певкест.

— Тогда режь, — ответил Александр и прикрыл глаза.

Певкест глубоко вздохнул:

— Покажите мне все ваши ножи.

У моего оказался самый острый кончик; я купил его в Мараканде. Певкест ткнул им рядышком с древком и потянул в сторону от раны. Я зажал голову Александра меж своими ладонями, — раздираемый страшной болью, он вряд ли осознавал это.

Певкест отложил лезвие, покачал стрелу из стороны в сторону, сжал зубы и дернул. Из ра-

ны выскочил толстый железный наконечник, оснащенный жуткими шипами; затем хлынул темный кровавый ручеек…

— Спасибо, Пев…

Александр не договорил. Голова его откинулась, и он замер, точно мраморное изваяние. Вообще ничто не двигалось в его теле, кроме ручейка крови, но и тот вскоре иссяк.

Двери хижины осаждали люди, и я слышал, как крик о гибели царя распространился по округе.

В Персии мертвого следует оплакать, задрав лицо к небесам и испуская дикие вопли: этому крику не помешать, это как слезы. Но Александра я почтил, как и было должно, тишиною. Во мне просто ничего вдруг не осталось — даже сил крикнуть.

Воинам, до сих пор сражавшимся в цитадели, кричали, что царь умер. Шум битвы, не прекращавшийся все это время, вдруг удвоился. Можно было подумать, будто всех нечестивцев и грешников на свете вдруг погрузили в воды Огненной Реки. Впрочем, в тот момент я не был в состоянии воспринимать его.

— Подождите, — сказал Леоннат.

Нагнувшись, он поднял с грязного пола ку-

риное перо и положил на губы Александра. Мучительный миг оно лежало там без движения, но затем самый кончик его дрогнул.

Я помог им перевязать рану тем, что мы смогли отыскать. Слезы хлестали из моих глаз, и на сей раз я не остался в одиночестве.

Наконец мы решились приподнять Александра и подсунуть под его неподвижное тело носилки. Медленно ступая, телохранители понесли его прочь. Я шел следом, и, когда мы покинули крестьянскую лачугу, что-то перелетело через стену цитадели и ударилось в грязь у моих ног. То был трехмесячный младенец с перерезанным от уха до уха горлом.

Там, наверху, воины все еще считали Александра погибшим. Они взимали с маллов плату за его жизнь и старательно смывали с себя позор. Во всем городе не осталось ни одной живой души.

Два дня Александр лежал в открытых ладонях смерти, потеряв почти всю кровь из своих жил. Стрела расщепила ребро; будучи слишком слаб, чтобы поднять руку, он предпочитал язык жестов, чтобы только не сбивать дыхания. Ему пришлось заговорить лишь однажды — с врачевателем, который не хотел оставлять его; царь приказал

ему отправиться осмотреть раненых. Я понял знак; ему не требовались слова, чтобы говорить со *мною.*

Телохранители помогали, чем могли; славные парнишки, только здорово нервничали. Я спросил одного, выведя из шатра:

— Зачем он сделал это? Из-за того, что воины мешкали?

— Я не уверен. Наверное, да. Они были неповоротливы, подтаскивая лестницы. Тогда Александр схватил одну, приставил к стене — и сразу же залез на самый верх.

Рана, вся в рваных лохмотьях и кровоподтеках, к счастью, не загноилась. Но по мере того как она затягивалась, сухожилия пристали к ребрам. Каждый вдох резал Александра, словно ножом, — и тогда, и много времени спустя. Сперва кашель причинял ему такую боль, что приходилось прижимать к боку обе руки, стесняя рану. До конца своей жизни Александр страдал, стоило ему вдохнуть поглубже. Он старался это скрыть, но я-то видел.

На третий день он уже мог говорить — правда, немного; ему дали пригубить вина. И только тогда явились полководцы, чтобы выбранить царя за безрассудство.

Конечно, они были правы. Великое чудо, что ему удавалось остаться невредимым, пока не была выпущена стрела. Александр бился и дальше, но вскоре упал без чувств. В его шатре стоял старый щит, привезенный из Трои, которым его закрывал Певкест; я часто ловил взгляд царя, устремленный на него. Брань он выслушал терпеливо; он был виноват, ибо люди, забравшиеся на стену вслед за ним, тоже оказались в ловушке, когда рухнула лестница. Один из них погиб, и Александр был в ответе за эту смерть. Но он поступил, как задумал, и заставил воинов следовать своему примеру. Любовница все еще была верна ему; спешка, с которой люди бросились за царем, и надломила лестницу. Этого Александр предвидеть, конечно же, не мог.

Леоннат поведал ему о бойне, захотев показать царю преданность воинов. Александр переспросил: «Что, женщин?.. И всех детей тоже?» — втянул в себя изрядный глоток воздуха и закашлялся кровью. Леоннат был храбрым воином, но соображал туговато.

На четвертый день, когда я поправлял подушки, чтобы царь мог лечь поудобнее, вошел Пердикка. В момент ранения Александра он бился на дальней стороне городской стены, а теперь, обладая

наивысшим рангом, получил командование. Высокий человек с густыми темными бровями, одновременно и осторожный, и решительный. Александр верил ему.

— Александр, ты пока не в состоянии продиктовать письмо, и поэтому я написал его сам, если ты не против. Это весть Гефестиону, чтобы он распространил ее по армии. Как по-твоему, ты можешь просто подписать его?

— Конечно могу, — сказал Александр. — Но не стану. Зачем их напрасно тревожить? Поползет слух, будто я уже умер… Нет, хватит.

— К несчастью, слух этот вполне мог добраться до них. Кажется, его уже разнесли… Кое-кто считает, будто мы держим твою смерть в тайне.

Опершись на правую руку (левой он схватился за рану), Александр почти сел на постели. Я увидел, как на чистой повязке расплывается красное пятно.

— Что, и Гефестион думает так же?

— Вполне вероятно. Я послал ему депешу, но послание, подписанное твоей рукою, могло бы окончательно уверить их, что ты жив.

— Прочти мне письмо.

Выслушав, царь сказал:

— Прибавь еще, перед тем как я подпишу его,

что через три дня я прибуду к ним сам.

Пердикка опустил густые брови:

— Лучше не стоит. Когда ты не явишься, будет еще хуже.

Рука Александра сжала простыню. Красное пятно на повязке все росло.

— Пиши, тебе говорят. Если я сказал: прибуду — значит прибуду.

И прибыл, ровно через неделю после ранения.

Я снова оказался на реке, вместе с ним. На корме галеры поставили маленький шатер для царя. Хотя до воды было совсем недалеко, покачивание носилок вконец вымотало Александра, и теперь он лежал, вновь уподобившись мертвому. Я же вспоминал его стоящим на носу, с венком на золотых волосах.

Путь занял две ночи и три дня. Как бы я ни старался, галера лишена всяких удобств; кроме того, Александр постоянно ощущал толчки весел, хотя ни разу не пожаловался. Я сидел рядом, веером отгоняя слепней и мух, меняя повязки на его огромной, наполовину покрытой струпьями ране и думая: «Ты делаешь это ради Гефестиона».

Теперь-то мне ясно, что он отправился бы в любом случае. Царь не объявлял имени верховного военачальника или наследника на случай

своего ранения или гибели в бою. Не то чтобы Александр совсем не думал о смерти — с мыслью о ней он жил постоянно, — нет, он просто не хотел вверять одному человеку такую огромную власть и тем самым подвергать его общей зависти. Он прекрасно понимал, что творится сейчас в лагере, пока царя считают умершим. Там были трое великих полководцев — Кратер, Птолемей и Гефестион, — и каждый с равными правами на верховное командование; войска отлично понимали это, сознавая также, что в случае гибели Александра инды восстанут против них и впереди, и позади. Если б я спросил тогда, зачем ему плыть, Александр ответил бы, как обычно: «Это необходимо». Но я вспоминал голос, произнесший: «Что, и Гефестион думает так же?» — и меня снова и снова охватывала прежняя тоска.

Когда впереди показался лагерь, уже вечерело. Александр дремал. Как было приказано заранее, навес был снят, чтобы царя увидели сразу. Он уже был с ними, со своей армией: весь берег, насколько хватало глаз, был запружен ждавшими галеру воинами. Когда же они увидали, как он лежит без движения, из глоток вырвался неистовый горестный вопль, быстро прокатившийся

по всему лагерю. Если бы в Сузах умер великий царь, его не могли бы оплакать лучше. Но вовсе не обычай вырвал этот стон из македонцев: его исторгла общая скорбь.

Он проснулся. Я видел, что Александр открыл глаза. Он понимал, что означает этот дикий шум на берегу: теперь они почувствовали, каково остаться без него. Я не виню Александра за то, что он медлил, дав им прочувствовать глубину потери. Галера почти подошла к причалу, когда он поднял руку и помахал ею.

Они ревели, выкрикивали приветствия и просто хохотали. Шум стоял оглушительный. Что до меня, то я глядел во все глаза на трех военачальников, ждавших у причала. Я видел, чей взгляд царь встретил первым.

Александра ждал паланкин с навесом. Когда к нему поднесли носилки, царь остался недоволен и, повернувшись, сказал что-то, чего я не расслышал в грохоте общей радости, все еще оставаясь на галере. Мне показалось, с паланкином что-то не так. Конечно, все всегда делается неправильно, когда приходится полагаться на кого-то другого, подумалось мне. Что там на сей раз?

Сходя по трапу, я заметил коня, которого уже

вели к царю.

— Так-то лучше, — заявил Александр. — Теперь вы уж точно увидите, жив я или умер.

Кто-то подставил ладони, помогая ему сесть на коня, и Александр взлетел в седло, где застыл выпрямившись, как на параде. Полководцы шли рядом; я надеялся, они додумаются последить за тем, чтобы он не упал. До прошлого вечера он всего только раз поднялся на ноги — чтобы помочиться.

Потом подбежали воины.

Они нахлынули огромной вопящей волной, пропахшей застарелым потом, въевшимся в кожу под солнцем Индии. Военачальников оттеснили, словно те были простыми крестьянами, мешавшими на пути. К счастью, конь Александра имел самый спокойный нрав. Воины цеплялись за ноги царя, целовали кайму его хитона, благословляли его или просто пялились, подобравшись ближе. Наконец нескольким телохранителям удалось прорваться сквозь толпу — они знали, единственные на этом берегу, его подлинное состояние. Расталкивая сборище, они повели коня прямо к приготовленному для Александра шатру.

Я пробивался сквозь давку, точно кошка, застрявшая под воротами. Воины были настолько

возбуждены, что даже не замечали, как гнусный перс пихает их что есть мочи. Я слышал уже довольно рассказов тех, кто видел боевые раны в грудь, о том, что человек будет жить, пока не попытается встать. Потом раненый выплевывает немного крови и моментально падает замертво. Примерно в двадцати шагах от шатра, когда я почти уже догнал его, Александр натянул поводья.

«Он понимает, что сейчас упадет», — подумал я и быстрее заработал локтями.

— Остальной путь я пройду, — сказал он. — Просто чтобы каждый видел своими глазами: я еще жив!

Так он и сделал. Двадцать шагов превратились в пятьдесят, ибо воины буквально рвали его на части, хватали за руки, тянули к себе, желая Александру здоровья и счастья. Они срывали цветы с ближайших кустов — эти вощеные индские цветы с тяжелым, приторным запахом — и бросали ему. Кто-то похитил цветочные гирлянды из местных храмов… Александр держался прямо, широко улыбаясь. Он никогда не отвергал любви.

Наконец Александр вошел в свой шатер. Лекарь по имени Критодем, сошедший с галеры вместе со мною, поспешил вслед за ним. Высо-

чив обратно и увидев меня рядом, он сказал:

— Рана кровоточит, но не сильно. Из какого только материала он создан?

— Я пригляжу за ним, едва уйдут полководцы.

С собою я привез суму со всем необходимым. Птолемей и Кратер вышли довольно скоро. Теперь, подумалось мне, начинается настоящее ожидание.

Толпа бесновалась у шатра. Кажется, они воображали, что Александр сейчас будет принимать их, но стражник не давал им подойти близко. Я ждал.

Вершины пальм окрасились черным на фоне закатного неба, когда из шатра вышел Гефестион.

— Багоас где-то здесь? — спросил он у стражи.

Я выскочил вперед.

— Царь начинает уставать; ему хотелось бы устроиться на ночь.

«*Начинает* уставать! — думал я. — Ему следовало лечь еще час назад».

Внутри было жарко. По обыкновению, Александр полулежал на подушках. Подойдя, я поправил их. Рядом с кроватью стояла чаша для вина.

— О, Аль-Скандер! — взмолился я. — Ты же знаешь, что лекарь запретил тебе пить вино, если

идет кровь…

— Всего глоток. И кровь уже не течет.

Царь нуждался в отдыхе, а не в вине. Я уже послал за водой, чтобы обтереть его губкой.

— Что ты делал с этой повязкой? — спросил я. — Посмотри, она сбилась набок!

— Так, ничего, — отвечал Александр. — Гефестион хотел взглянуть на рану.

Я просто ответил:

— Не лги мне. Она присохла.

Смочив ткань, я снял ее, протер губкой грудь Александру, умастил рану мазью, наложил чистую повязку и послал за ужином. Александр едва мог есть, настолько он устал за день. Закончив, я тихонько устроился в углу; он привык засыпать, когда я сижу где-то рядом.

Немного спустя, уже в полудреме, Александр глубоко вздохнул. Я тихо подошел ближе. Губы его шевелились. Я подумал уже, что он просит меня позвать Гефестиона, чтобы тот посидел у его ложа, — но он шепнул лишь:

— Еще столько работы…

Глава 24

Мало-помалу Александр поправлялся. В лагерь прибыли посланники маллов, желавшие договориться о сдаче. Царь потребовал привести ему тысячу заложников, но, когда те прибыли, счел это знаком доброй воли и отпустил всех до единого.

Из индских земель явились процессии, нагруженные дарами: золотые чаши, наполненные жемчугом, сундуки из редкостных пород дерева, полные пряностей, расшитые балдахины, золотые ожерелья с рубинами, слоны… Чудеснейшим же из подарков были ручные тигры, вскормленные с человеческих рук еще в ту пору, когда были слепыми котятами, — они важно расхаживали взад-вперед на серебряных цепях. Александр счел их более царственными животными, чем даже львы, и заявил, что и сам хотел бы взрастить одного такого, если б у него хватило времени должным образом заботиться о питомце.

Ради каждой встречи с послами ему приходилось подниматься с постели и усаживаться на трон, как если бы он чувствовал себя превос-

ходно. Послы всегда говорили долго и витиевато, и каждую речь требовалось переложить на греческий; затем Александр отвечал, и его слова также перетолковывались. Потом он принимал дары… Я боялся, что тигры учуют запах его крови.

Рана высохла, хотя по-прежнему вселяла в меня ужас одним своим видом. Однажды утром царь — довольный, словно ребенок, вынувший изо рта молочный зуб, — со словами: «Смотри-ка, что я вытащил» — показал мне огромный осколок ребра. После этого боль уже не была такой острой, но кожа все еще приставала к сухожилиям, те — к костям и, как сказал врачеватель, к легкому внутри. Силы возвращались к Александру постепенно, и еще долго от боли он не мог глубоко вдохнуть или поднять руку, что, однако, не удерживало его от работы, скопившейся за время похода.

Вскоре после нашего прибытия в царский шатер явилась Роксана; она приехала в занавешенном паланкине, дабы приветствовать своего повелителя и осведомиться о его здоровье. Александр позже сказал мне, что Роксана делает заметные успехи в греческом; ему показалось, она была исполнена заботы, мягка и кротка. Я уже слышал, что, когда разнесся слух о его

гибели, истошные вопли согдианки оглушили половину лагеря. Быть может, то была искренняя скорбь; с другой стороны, Роксана по-прежнему оставалась бездетна и могла вовсе не иметь ребенка, если бы Александр и впрямь погиб.

Миновал месяц. Александр уже встал на ноги, и мы вновь доверились реке, двинувшись туда, где она сливается с Индом. То была воистину царская процессия. Поток широк и спокоен; царь взял с собою десять тысяч одних пеших воинов, не считая всадников и их лошадей. Водную гладь гордо рассекали корабли с раскрашенными парусами и с нарисованными глазами на крутых бортах; корму каждого судна резчики украсили золоченым орнаментом — частью греческим, частью индским. И чудесно было видеть Александра вновь взирающим вперед, стоя на носу царской галеры.

Там, где встречаются воды двух рек, Александр узрел замечательное место для нового города — и разбил лагерь. Он все еще нуждался в отдыхе. Мы пробыли там бóльшую часть зимы; было неплохо, хоть я и не переставал скучать по привычному для глаз виду холмов.

Когда разнеслась весть, что Александр встал лагерем, к нам начали приезжать люди — при-

чем некоторые прибывали аж из самой Греции. И все-таки один из гостей застал нас врасплох: то был Оксиарт, отец Роксаны. Он прибыл со своим старшим сыном, донельзя озабоченный государственными делами. По словам Оксиарта, его беспокоило какое-то восстание в Бактрии. Сам же я твердо верю, что проделать долгий путь его убедило желание проверить, не готовит ли дочь скорое появление внука, нового великого царя?

Во время индских походов у Александра редко выдавалось время побыть вместе с Роксаной, даже если бы царю того хотелось. Полагаю, Оксиарт придерживался того мнения, что, коли есть желание, время найдется. Теперь Александр объявил, что вполне здоров, и даже совершал конные прогулки («Просто немного покалывает в боку, надо только чуточку смягчить рану мазью»), а потому не мог объяснять немощью отсутствие интереса к гарему. Вот уже несколько недель, если говорить правду, царь чувствовал себя до такой степени неплохо, что мог бы заняться любовью с кем-нибудь, кто был бы осторожен и мягок. В общем, визит Оксиарта так и завершился ничем, не считая короткого путешествия по реке, чтобы взглянуть на крокодилов.

Не ведаю, что именно там говорилось, хоть я и был на галере: главное — вовремя уйти, чтобы не встревать в споры родственников.

Расставаясь, Александр подарил тестю сатрапию. Она лежала у предгорий Паропамиса — далеко на востоке, на самом краю Бактрии, и к тому же вдали от царских городов Персии. Оксиарт должен был разделить правление с македонским военачальником, которому, как я подозреваю, отправили просьбу занять чем-нибудь согдианца и не выпускать за пределы сатрапии.

С пришествием весны Александр был готов двинуться на запад, к океану, но на пути его лежала страна жрецов-правителей, уже вступивших в тяжелую, кровопролитную войну с ним. Все народы, свободно признававшие власть царя, Александр привечал как близких друзей — но ежели впоследствии, стоило ему отойти подальше, они восставали, то легкого прощения ожидать не приходилось. Он не терпел вероломства.

Поначалу Александр был вынужден переложить ведение длительных осад на плечи своих полководцев, но бездействие пожирало его подобно болезни; что и говорить, царь бывал груб даже со мною. Долго так продолжаться не могло.

Он вновь и вновь бросался в битву, возвращаясь измотанным настолько, что буквально падал на кровать; всякий раз, когда ему приходилось действовать левой рукой, закрываясь щитом или натягивая поводья, это беспокоило затянувшуюся рану. Лекарь дал мне немного масла, смешанного с соком трав, дабы я каждый вечер смазывал ее. Лишь так мои руки могли доставить царю удовольствие, ибо Александр слишком уставал для чего-то большего.

Оставляя очередной город, царь снова разделил армию надвое: Кратер должен был покинуть нас и вернуться в Персию через Хибер, по дороге следя за спокойствием Бактрии. С собою он взял старых и покалеченных воинов, слонов и гарем. Не имею понятия, как встретила эту весть Роксана; вероятно, она почувствовала себя гораздо лучше, узнав, куда отправляется сам Александр. Нельзя сказать, чтобы за прошедшую зиму Александр совсем забыл о гареме, но, так или иначе, признаков скорого появления на свет нового великого царя пока не было видно.

Не так давно я и сам был бы отправлен с ними одним мановением руки. Теперь Александру это просто не пришло в голову. И даже будь я способен предвидеть то, что ждало нас впереди,

я не избрал бы себе иного пути.

Лето настало прежде, чем пограничные области сдались Александру, его волей были основаны новые города и порты, а сами мы двинулись к океану.

Царь не стал грузить на корабли всю армию (он всего лишь намеревался узреть чудо Внешнего океана), но и тогда нас можно было назвать флотом. Александр успел отдохнуть от сражений, обустроить речной порт и был теперь исполнен нетерпеливого рвения.

Пред устьем Инда даже Окс — всего лишь речушка. Оно само по себе казалось нам морем, пока мы не вдохнули первый ветер. Могучее дыхание океана едва не опрокинуло наши корабли; мы еле успели пристать к берегу, прежде чем кто-нибудь утонул бы. Мне же подумалось, что океан, так или иначе, мог встретить Александра чуточку радушнее.

Корабельные плотники потрудились на славу, заделывая пробоины, и мы двинулись дальше с навигаторами-индами. Не успели они заверить нас, что океан совсем рядом, как ветер подул снова; мы бросились к берегу и укрепили суда. И вода вдруг ушла.

Она уходила и уходила. Корабли остались ле-

жать высоко на берегу в грязных лужах, причем некоторые накренились на песчаных откосах. Никто не знал, что и подумать; это казалось нам самым ужасным знамением из всех, какие только бывают. Всю свою жизнь проведя в борьбе со стихиями вод, наши мореходы и гребцы со Срединного моря не видели ничего подобного. Они страшились штормов, но шторм был лишь сильным ветром, тогда как это…

Бывшие с нами египтяне заявили, что если это то же, что бывает с Нилом, тогда мы можем остаться здесь на полгода, подтаскивая суда к ушедшей воде. Никто не мог добиться толкового ответа от говоривших на местном наречии индов; они показывали знаками, что вода вернется, но мы не были в состоянии понять, когда именно. И разбили лагерь, приготовившись к долгому ожиданию.

Вода вернулась с наступлением темноты. Волна за волной, она плескалась все ближе и ближе, поднимая севшие на мель корабли, сталкивая их бортами. Мы приготовились убрать лагерь с их дороги, не имея ни малейшего представления, далеко ли придется бежать. Вода же остановилась в том самом месте, где мы увидели ее вначале, но на следующее утро отступила снова. И как мы

узнали, найдя наконец толмача, способного понять россказни индов, океан поступает так дважды в день.

Что бы ни говорили в Александрии, клянусь, это не базарная сплетня. Всего только в прошлом году один финикиец, заплывавший за Столбы[100] в Иберию[101], поведал мне, что там происходит то же самое.

Плотники снова занялись латанием кораблей, и вскоре нашим жадным взорам предстал наконец раскинувшийся во всем своем величии океан. На краю земли Александр принес жертвы богам-покровителям, и мы вышли в море.

Легкий ветер подгонял нас, а небо слепило глаза голубизною. Синевато-серая океанская вода казалась гораздо темнее морской, с невысокими волнами, бросавшими в нас клочья хрустальной пены. На своем пути мы миновали два острова, и тогда уже ничто не стояло меж нами и самым концом мира.

Вдосталь наглядевшись на океанский простор,

---

[100] Сноски: 100

Геракловы (Геркулесовы) столбы — по легенде, это Абила, вершина Атласских гор в Марокко, и возвышавшаяся напротив нее гора Кальпе в Испании. Геракл разорвал горный хребет, соединив таким образом Средиземное море и Атлантический океан.

[101] Сноски: 101

Иберия — античное название Испании.

Александр принес в жертву Посейдону двух быков. На мой желудок океан подействовал весьма странно: при запахе крови мне пришлось броситься к борту. И там я узрел серебристую рыбку, тонкую, всего с ладонь длиной: она поднялась из воды и полетела, скользя по воздуху. Не опускаясь к воде, она одолела, должно быть, расстояние броска копьем, а затем вновь скрылась в волнах. Никто не видел ее, кроме меня, и никто не поверил мне, кроме Александра. Впрочем, даже он воспротивился тому, чтобы внести виденное мною знамение в описание нашего плавания. Клянусь Митрой, мой рассказ — чистая правда.

Быков сбросили за борт для бога. Александр не просто благодарил его за возможность насладиться видом океана; он испрашивал снисхождения к своему старому другу Неарху и ко всему флоту. Они собирались выйти в море и двинуться вдоль берегов от Инда к Тигру, выискивая города на побережье или подходящие места для постройки новых портовых поселений. Александр полагал великим свершением для всего человечества нахождение прямого пути из Персии в Индию, минуя долгие и полные опасностей караванные тропы.

О прибрежных землях говорили, что они голы и безжизненны, и потому Александр хотел провести армию вдоль берегов океана, оставляя флоту запасы пищи и выкапывая колодцы по дороге. Конечно же, он пожелал принять на себя все трудности перехода. Мы, персы, предупреждали, что эта земля известна своими пустынями и что даже сам Кир познал здесь немало невзгод.

— Инды говорят, — поведал ему я, — будто Кир выбрался из пустыни в обществе всего семерых своих воинов. Впрочем, инды могут и приукрашивать, ведь Кир намеревался завоевать их.

— Ну что же, — усмехнулся Александр, — он свершил много великих дел. И все-таки мы зашли немного дальше, чем он.

В поход мы выступили в середине лета.

С Кратером мы оставили немалое воинство, но с нами по-прежнему шла целая армия из людей самых разных племен в сопровождении женщин, шедших за воинами вместе со своими детьми, а также примкнувших к нам финикийцев. Они надеялись избегнуть опасностей торгового пути, не ведая, с чем мы сами можем столкнуться в нехоженой земле, и сочли, что прокладка новых дорог стоит сопряженных с нею невзгод.

Восточная Гедросия — страна специй и благовоний. Нард с пушистыми гроздьями рос под нашими ногами, словно ни на что не годная трава, а воздух наполнял его терпкий, диковинный аромат. Смола на мирровых стволах сверкала на солнце, подобно янтарю. Рощицы высоких деревьев роняли на нас благоуханные бледные лепестки. Когда же холмы и долы этой чудесной страны начали отставать от нас, постепенно пропадая вдали, то же сделали и финикийцы. Они остались среди благовоний. Им рассказали, что ждет нас за пределами этой приветливой земли.

Усыпанные ароматными цветами кусты сменились колючками; о зеленых долинах мы теперь лишь вспоминали со вздохом, копаясь в сухой земле или безуспешно разыскивая ручьи: попадавшиеся нам русла были либо вообще безводны, либо — если нам везло — по ним бежала струйка, едва наполнявшая чашу. Лабиринты мягких скал были изрезаны ветрами и обретали жуткие формы разрушенных крепостей с зубчатыми стенами или же чудищ, запрокинувших разверстые пасти в беззвучном рыке. На равнинах, усыпанных мелкой каменной крошкой и небольшими валунами, нам приходилось бить собственные

ноги, чтобы поберечь коней; потом мы брели по сухой грязи, выжженной солнцем до трещин и покрытой белесым слоем соли. Ничто не росло здесь, но что может вырасти без дождя на голом камне?

Сперва нам все же удавалось отыскать воду где-нибудь неподалеку, а обозные отряды добывали пищу, заходя вглубь страны. Александр послал Неарху кое-какие запасы, приказав найти для его людей воду и оставить все на берегу. Вернувшись, воины поведали, что устроили на побережье знак, который привлечет внимание гребцов, но не нашли удобного места для пристани. Никто не жил здесь, кроме жалких созданий, тощих и немых, подобно диким зверям, с ногтями, более похожими на острые когти хищников. Единственной пищей этих людей (если то были люди) оставалась рыба, ибо земля не давала никакого урожая. В мелких лужицах они черпали солоноватую воду с отвратительным запахом, которой нельзя было бы напоить и собаку; видно, влага в сырой рыбе не давала этим людям погибнуть от жажды.

Мы шли все дальше и достигли песков.

В те два месяца я часто повторял себе: если только я выживу, то сотру эти муки из своей памяти,

ибо даже воспоминания о подобных лишениях непросто вынести. И все же сейчас я старательно восстанавливаю один день за другим. Александр ушел от нас; и каждое мгновение, когда он еще был со мною, обретает ценность утерянного сокровища. Да, даже те страшные дни.

Шли мы по ночам. Когда солнце поднималось высоко, никто не смог бы долго продержаться на марше. Разведчики отправились вперед на верблюдах, чтобы отыскивать очередной ручеек или же яму с водою, которых мы должны были достигнуть во что бы то ни стало — или же умереть. Иногда мы набредали на оставленные знаки еще до рассвета, но все чаще и чаще опаздывали — по мере того как силы наши иссякали, а лошади падали замертво.

Отступившие назад зловещие нагромождения разъеденного ветрами камня казались теперь приветливыми оазисами по сравнению с обжигающим песком. Дневной жар пропитывал сухой воздух, не слабея даже по ночам. Песчаные барханы были слишком длинны, чтобы пытаться обойти их; при подъеме по такому склону на каждые два шага вверх приходился один вниз, но при спуске пешие воины могли скользить. Мы же, всадники, одолевали их шаг

за шагом, — пока у нас еще были кони, разумеется. Они теряли силы прежде людей: жалких колючек и давно высохшей травы не хватало, чтобы поддерживать в них силы раз за разом достигать воды. Кони недолго оставались добычей стервятников: с той поры как обозные отряды стали возвращаться с пустыми руками, падшая лошадь превращалась в пиршество.

Мой Лев упал на полпути вверх по песчаной дюне. Я пытался заставить его подняться, но он лег, чтобы уже не встать. Возникнув словно из-под земли, к нам подскочила целая шайка пеших воинов с мечами и ножами.

— Дайте ему умереть! — крикнул я, вспомнив о муле, которого разорвали на куски прежде, чем тот успел испустить дух.

Я показал им кинжал, и они решили, что я собираюсь оставить мясо себе… Этим кинжалом я сделал жертвенный надрез на шее коня, вскрывая вену. Не думаю, что Льву было очень больно. Потом я взял немного мяса для себя и своих слуг; им я отдал бóльшую часть. Мы, служившие самому царю, ели наравне с Александром — тот же скудный армейский рацион, — но, по крайней мере, никто не крал эту малость друг у друга.

Мулы исчезали, едва только поблизости не ока-

зывалось ни одного военачальника; ради их мяса воины раздавали собственное добро. Конники укладывались спать рядом со своими лошадьми. Я же слишком поздно узнал об этой предосторожности, и державшийся еще на ногах Орикс сгинул, пока я спал. Я не просил у Александра другого коня; лошади теперь предназначались только для воинов.

Двигаясь дальше пешком, я часто наталкивался на Каланоса, вышагивавшего по пустыне, подобно тощей длинноногой птице. Философ отказался оставить Александра и уйти с Кратером; в краю камней он принял от царя пару сандалий. В закатный час, когда все остальные цеплялись за сон, пытаясь насладиться последними минутами отдыха перед снятием лагеря, я видел его сидящим со скрещенными ногами, устремившим взор на закатное солнце. Александр справлялся с усталостью или же скрывал ее; Каланос, кажется, не уставал вовсе.

— Попробуй угадать, сколько ему лет, — как-то предложил мне Александр. Я сказал: пятьдесят с небольшим. — Ошибаешься, ему уже за семьдесят. Он говорит, что за всю свою жизнь ни разу не болел.

— Удивительный человек, — отвечал я.

Философ был счастлив, думая только о своем боге, и ни о ком другом, тогда как Александр работал, словно ослик дровосека, думая о всех нас сразу. Я слишком хорошо умел читать в его мыслях; царь клял себя за то, что мы угодили в эту геенну по вине его нетерпения, ибо он не захотел дождаться наступления зимы, прежде чем тронуться в путь.

На исходе третьей недели, когда уже никто не замечал идущих рядом, а переставлял ноги как мог, со мною заговорил один из воинов:

— Пусть царь завел нас сюда, но, во всяком случае, он потеет вместе с остальными. Теперь Александр возглавляет колонну пеший.

— Что? — вздрогнул я.

О, если бы я мог не поверить! Но воин сказал правду.

Мы разбили лагерь часа через два после восхода, рядышком со звонким ручьем, в котором журчала настоящая вода. Я поспешил к нему с царским кувшином, прежде чем идиоты-рабы могли испортить воду своими грязными ногами. В этом на них никак нельзя полагаться.

Александр вошел в шатер прямой как посох. Уже наполненная, его чаша стояла наготове. Царь застыл у входа, едва только полог упал у него

за спиной, скрывая от глаз воинов, и прижал обе ладони к ране в боку. Глаза его были закрыты. Я поставил чашу и подбежал, вообразив, что сейчас он упадет. Какое-то время он просто стоял, опершись на меня, но затем выпрямился вновь и отошел к своему креслу, где и принял из моих рук питье.

— Аль-Скандер, как ты мог?

— Я делаю только то, что должен.

На эти простые слова у него ушло три вздоха.

— Хорошо, ты сделал это. Обещай, что в последний раз.

— Не будь ребенком. Я должен делать это каждый день — начиная с сегодняшнего. Это необходимо.

— Давай выслушаем лекаря. — Я забрал у него чашу: вода проливалась на царские одежды.

— Нет! — Найдя в искалеченных легких еще немного воздуха, Александр добавил: — Ходьба идет мне на пользу. Она расслабляет мускулы. И хватит об этом, я слышу шаги.

Они явились со своими горестями и вопросами, царь разобрал все до единого. Потом пришел Гефестион, принесший Александрову долю общего рациона — с тем, чтобы вместе подкрепиться в эти жаркие рассветные часы. В тот момент

я не доверил бы здоровья Александра никому, но смирился. Позже я обнаружил, что царь все-таки поел и даже сделал глоток вина. Ему помогли улечься; он даже не проснулся, когда я растирал горящий шрам маслом, которое мне дал врачеватель. Я прятал снадобье от рабов, опасаясь, что они сожрут его.

С того дня Александр сам вел армию и задавал общий темп, будь то по песку или камням, короткий или длинный переход… Каждый шаг причинял ему боль, а к утру ходьба превращалась в пытку. Царь жил только усилием воли.

Это видел каждый; боль выжигала на нем свои особые отметины. Воины знали его гордость, но они понимали также: так он наказывает себя за страдания остальных. Они простили Александра, его дух питал всех нас.

Освобождая царя от одежд в нараставшем пекле нового дня, я поймал себя на мысли: сумеет ли он вернуть себе жизненные силы, что капля за каплей вытекают сейчас из его жил? Наверное, уже тогда я знал ответ.

Александр страдал еще и из-за флота, идущего морем вдоль этих суровых берегов. Даже сейчас он посылал пищу на берег. Начальник отряда вернулся, чтобы сказать: воины сломали печать

по дороге и съели все без остатка. Выпрямившись на раскладном стуле, Александр ответил:

— Передай этим людям, я объявляю им выговор за неповиновение, но извиняю их голод. И если мулы тоже пропали, молчи; я не хочу слышать. С сегодняшнего дня… — он сделал паузу, чтобы отдышаться, — пропавшие мулы считаются охромевшими… Порой следует придерживать карающую длань.

Люди стали умирать. Пустячные болячки оказывались смертельными. Люди просто падали в ночной тьме, иногда молча, а иногда — выкрикивая свои имена в надежде, что какой-нибудь друг услышит и подставит плечо. Впрочем, ночами нас охватывала глухота. Чем ты поможешь гибнущему, ежели и сам едва держишься на ногах? Я видел воинов с детьми на закорках и понимал, что женщина этого человека — жена или наложница — погибла. Правда, чаще первыми погибали именно дети. Помню, я слышал детский плач во тьме; наверное, ребенка просто оставили умирать в этой пустыне, но я все равно продолжал переставлять ноги, как и прежде. У меня было только одно дело, и я не мог заниматься ничем другим.

Однажды мы пришли к широкому речному

руслу со светлым ручейком на дне, свежим и холодным, — добрая горная вода. Переход оказался коротким: мы пришли к реке еще затемно, и у нас было время разбить лагерь в ночной прохладе. Александр приказал поставить шатер на прибрежном песке, дабы слышать журчание потока. Он едва вошел, как всегда полумертвый от усталости, и я протирал ему лицо, спеша успеть до прихода просителей, когда начал приближаться странный шум — нечто среднее меж цокотом сотен копыт и ревом толпы. Какое-то время мы вслушивались, недоуменно повернув головы на звук; потом Александр вскочил на ноги, крикнул: «Бежим!» — и выволок меня из шатра, ухвативши за руку. Потом мы и вправду побежали. По речному руслу к нам стремительно приближалась громада темной, почти черной воды. Рев, который мы услыхали вначале, был шумом сталкивающихся и дробящихся обломков скал.

Александр кричал, предупреждая остальных. Вокруг нас люди карабкались на берег, но я не оглядывался по сторонам, пока мы не забрались повыше. Оттуда я видел, как царский шатер взлетел вверх, подброшенный ударом, пропал под слоем воды и показался вновь, мелькая

в грязных струях. «Масло все еще со мною», — подумал я и ощупал суму. Александр старался успокоить дыхание после бега. Потом раздались крики.

Другие тоже расположились на отмели. Женщины натянули скромные навесы и занялись приготовлением скудного ужина, оставив выживших детей плескаться в ручье. Волна унесла почти всех, из нескольких сотен спаслись лишь единицы.

То был самый кошмарный день того страшного похода; осиротевшие воины рыскали вокруг, пытаясь найти тела, но, как правило, втуне. Все остальные, смертельно устав после ночи пути, занимались тем же, прикрываясь от палящего солнца. Шатер Александра оказался выброшен где-то неподалеку, его разостлали для просушки. Все его имущество исчезло бесследно. Проведя многие часы на ногах, он уснул в шатре Гефестиона. Я же в то время обходил всех его друзей, умоляя поделиться хоть чем-нибудь: у Александра не осталось ни единой смены одежды! Кое-что из того, что мне удалось заполучить, было куда лучше его собственных одеяний — царь путешествовал налегке. Хорошо еще, что телохранителям Александра удалось

спасти от стихии хотя бы его оружие.

Той ночью мы не пошли дальше — из-за усталости; кроме того, надо было схоронить мертвых. Если смерть настигает человека в Гедросии, то лучше уж умереть рядом с водою.

Хоть сам я в ту пору был молод и мускулы танцовщика хорошо служили мне, я все равно чувствовал, как ночь от ночи убывают силы. Счет времени я потерял уже давно, думая только о том, чтобы в очередной раз поставить одну ногу впереди другой; рот был полон пыли, поднятой идущими вокруг. Ночь наступала как раз в тот момент, когда более всего на свете мне хотелось лечь и остаться лежать навечно. Потом я вспоминал, что со мною целебное масло, которое немного помогало царю, и что, если я упаду, утром меня, беззащитного, найдет свирепое солнце. Поэтому я заставлял себя вставать и идти дальше, разрываясь между любовью и страхом.

Переходы становились все длиннее, ибо наш шаг понемногу замедлялся. Александр продолжал вести нас всю ночь и в раскаленной печи начавшегося утра. Ложась, он редко говорил что-то; меж нами поселилось глубокое понимание, и ему не было нужды тратить дыхание на слова. Иногда мне приходилось заставлять его раздеть-

ся и умыться, прежде чем лечь спать; он бранил меня, на что я с гневом огрызался, словно сварливая нянька, препирающаяся с ребенком; наши споры не значили ровным счетом ничего, разве что давали Александру отдых после многочасовой необходимости носить маску спокойствия. Отдохнув, он всегда благодарил меня.

По уверениям людей, которых мы высылали вперед, середину пути мы давным-давно миновали. Недавно Александр послал небольшой отряд на верблюдах — найти первые признаки зелени и какой ни на есть провиант. Больше мы о них не слыхали. Все шло своим чередом, и каждый переход становился все длиннее, глубже и глубже врезаясь в дневной жар, прежде чем мы достигали воды. Однажды мы так долго не могли найти ее, что Александр приказал остановиться прямо на солнце — с тем, чтобы отставшие смогли дотащиться до остальных и не сгинуть в пустыне. Мы разбили лагерь у старого речного русла, давно пересохшего. В колодце, у которого мы останавливались прошлой ночью, воды было так мало, что ее попросту не осталось про запас. Царь сидел на горячем булыжнике в сплетенной из соломы шляпе, защищавшей его от губительных лучей. Птолемей стоял рядом и,

как мне показалось, спрашивал его о самочувствии, ибо царь выглядел ужасно: высохший, с заострившимися чертами, он истекал потом. Даже издалека я видел, как тяжело вздымается его грудь.

Кто-то спросил: «Где царь?» — и я махнул рукой в его сторону. Мимо прошел македонец, сопровождаемый двумя фракийцами, один из которых прижимал к себе перевернутый воинский шлем. В нем плескалась вода — не много, всего несколько глотков. Должно быть, они нацедили ее в какой-нибудь трещине в сухом русле, спрятавшись за камнями от остальных. Благословенны будь боги, подумалось мне. Я изнемогал от жажды, но не настолько, чтобы не желать увидеть, как выпьет воды Александр.

Покрытые татуировками фракийцы шли рядом, обнаженными мечами защищая сокровище. У царя не было более преданных воинов, хотя они выглядели настоящими варварами, со своими неряшливыми рыжими шевелюрами. Александру пришлось отучить их приносить отрубленные головы врагов в уповании на ответную щедрость царя, но они даже не прикоснулись к воде. Поднявши свое оружие, они подбежали к Александру; первый встал на колени и с широ-

кой улыбкой на запыленном, покрытом синими потеками лице протянул шлем.

Александр принял его. Несколько мгновений он смотрел внутрь, опустив голову. Не думаю, чтобы многих из нас колола в тот миг зависть, сколь бы мы ни были иссушены сами. Воины прекрасно видели состояние Александра.

Потянувшись вперед, царь положил ладонь на плечо фракийцу и, сказав ему несколько слов на их языке, покачал головой. Потом он встал и, подняв шлем, выплеснул из него воду, как это делают греки, совершая ритуал возлияния пред своими богами.

Колонну охватило глухое гудение, в то время как рассказ передавался от воина к воину. Что до меня, сидевшего на камне прямо посреди пустого русла, то я просто плакал, закрыв лицо руками. Наверное, люди решили, что я плачу из-за бессмысленной траты воды… Минуту спустя я обнаружил слезы на своих ладонях и слизал их все, высунув распухший, сухой язык.

Мы более не разбивали лагерь у воды, когда порою достигали ее. Жажда была чересчур велика; люди резвились бы прямо в потоке и замутили бы его или же лопнули, не в состоянии остановиться. В то утро мы разбили шатры

в стороне от сухого русла. Я уложил Александра на кровать, чтобы обтереть его губкой. На лице царя застыла радостная улыбка — так смеются черепа над земными страданиями.

— Аль-Скандер, — сказал я, — человека, подобного тебе, еще не знали люди.

— О, это было необходимо, — отозвался царь, улыбаясь.

Он сделал бы то же, даже если бы ему грозила смерть. Эта цена не была для него чересчур велика.

— Ты нуждался в воде не меньше моего, — добавил Александр. — Сегодня ты выглядишь уставшим.

Возможно, он видел больше, чем я знал сам. Несколько ночей спустя, в предрассветном часу, я думал только об одном: «Идти дальше не могу». Эта мысль звучала настолько ясно, преследуя меня, словно кто-то повторял мне это вслух, снова и снова.

На рассвете песок какое-то время еще сохранял немного ночной прохлады. Я набрел на сухой куст, который прикрыл бы мне голову, когда поднимется солнце. Не спрашивайте, отчего я оттягивал собственную смерть; кажется, это заложено в человеческой природе. Так хорошо вдо-

сталь отдохнуть… Я смотрел, как мимо медленно тащится наша длинная колонна. Я не окликал их, как делали прочие. Лишь одно я мог бы сказать этим людям: «Простите меня».

Я лежал, наслаждаясь праздностью, пока восток не воспылал тусклым, мерцающим свечением. К тому времени я почувствовал себя лучше и принялся думать: что я здесь делаю? Не сошел ли я с ума? Надо было идти.

Поднявшись, я отыскал след колонны. Какое-то время я чувствовал себя почти свежим и был вполне уверен, что сумею догнать остальных. Перевернув флягу, я постучал по донышку на случай, ежели там осталась хотя бы капля, уже зная, что выпил все досуха еще вчера. Песок был тяжел и глубок. Он вонял людьми и лошадьми; яростно гудели мухи, взлетевшие с него, чтобы пить мой пот. С гребня очередной дюны я увидел облако пыли, рассеивающееся далеко впереди. Солнце поднималось все выше. Силы оставили меня.

Там был обломок скалы — пропеченная красная глина, изъеденная непогодой. Солнце еще не успело дойти до зенита, и обломок отбрасывал крошечную тень. Все мое тело горело сухим огнем, ноги изменили мне… Я вполз туда и замер, пряча в песке лицо. «Вот она, твоя могила, — ду-

мал я, — ты предал Александра. Ты заслужил свою смерть».

Вокруг царила тишина. Тень от скалы над моей головой таяла, но еще не исчезла, когда я услышал хриплое дыхание коня и подумал: «Первым является безумие». Голос звал меня по имени: «Багоас!»

Я повернул голову. Рядом стоял Гефестион, глядящий вниз, на меня. Его осунувшееся лицо было совершенно белым от пыли, и вообще он весьма походил на мертвеца. Я спросил:

— Почему ты пришел за моей душою? Я не убивал тебя.

При каркающем звуке моего голоса Гефестион опустился на колени и протянул мне воду:

— Только чуть-чуть. Не все сразу.

— Твоя вода, — прошептал я, охваченный стыдом.

— Нет, я из лагеря, — терпеливо отвечал он мне. — Там ее полно. Вставай, мы не можем сидеть тут весь день.

С трудом ему удалось поставить меня на ноги и довести до коня.

— Я поведу его в поводу. Если мы усядемся вдвоем, он издохнет.

Даже сквозь тряпичное седло я чувствовал,

как подо мною ходят кости бедного животного, и ведь конь уже прошел свою дневную норму… Как и сам Гефестион. Он шагал впереди, натягивая поводья, и хлестал коня, когда тот останавливался. В голове у меня прояснилось.

— Ты пришел сам? — спросил я.

— Я не мог послать воина.

Конечно не мог, в конце подобного марша. Никто не возвращался за отставшими. Если ты отстал — значит отстал.

С вершины следующей дюны, до которой мы добрели, я увидал окружавшую реку чахлую зелень и темную россыпь лагеря. Гефестион разделил меж нами еще немного воды, после чего протянул мне флягу:

— Допивай. Теперь уже можно.

Я вновь боролся с собою, пытаясь заговорить. В Сузах меня научили облекать признательность в изысканные слова, но сейчас я смог выдавить лишь:

— Теперь я понимаю…

— Тогда постарайся не отставать от колонны, — буркнул Гефестион. — И присматривай за царем. У меня теперь хватает других забот.

Из-за моей слабости в то утро никто не служил Александру. Оруженосцы старались, как могли,

но перед ними ему всегда приходилось сохранять лицо, чего бы то ни стоило. Царь беспокоился обо мне и даже пощупал мою голову, пытаясь понять, не получил ли я солнечный удар. Уступив велению чести, я поведал ему о своем спасителе — и Александр ответил лишь:

— Это Гефестион; он всегда был таким.

Словно вновь задернулись занавеси, скрывавшие священную гробницу от нечестивого взора. Таково было мое наказание. Я-то понимал, что заслужил его, хотя царь вовсе не желал меня уязвить.

На следующий день, едва мы устроили привал, поднялся ветер.

Прежняя неподвижность воздуха сама по себе была пыткой, но и ветер не принес с собою прохлады или свежести; один лишь песок, песок, песок… Он забирался под пологи, сыпался в щели, громоздился сбоку, пока у каждого из шатров не выросла своя маленькая дюна. Замотав лица, конюхи поспешили укутать морды лошадям. Песок скрипел на зубах, забивал уши, оставался в складках одежды, в волосах… Ветер немного стих; проснувшись, мы не знали, что делать, — знакомые дюны изменили форму, а все отметины, указывавшие путь к воде, исчезли.

Песчаные волны проглатывали без остатка сухие стволы деревьев, — что уж говорить о нескольких вкопанных в песок ветках.

Наш колодец почти занесло песком. Я уж думал, настал конец всему. По крайней мере, сейчас я буду где-то поблизости от Александра, даже если царь пожелает встретить смерть вдвоем с Гефестионом.

Я должен был догадаться, что сидеть сложа руки в ожидании смерти вовсе не в характере моего господина. В маллийской цитадели, лежа со стрелою в боку, он пронзил мечом врага, пришедшего забрать его оружие. Поэтому теперь он собрал в своем шатре военный совет.

— Мы потеряли дорогу, — признал он. — Поэтому нам придется отыскивать ее самим. Единственный путь, в котором можно быть уверенным, — это путь к морю. Мы двинемся туда на восходе, вот что мы сделаем.

За несколько часов до рассвета он выехал в сопровождении тридцати всадников; именно столько лошадей, способных вынести путешествие, удалось сыскать. Чтобы видеть направление, им пришлось идти при свете дня. Они растворились в темноте за ближайшей дюной, унося с собою все наши жизни.

Той ночью многие вернулись. Александр отослал их обратно, видя, что кони не справляются. Сам же царь продолжал путь с десятью сотоварищами.

На закате следующего дня, красном в песчаной пыли, мы увидели их черные тени на горизонте. Когда они приблизились, Александр показался мне вовсе исхудавшим, боль избороздила его лицо морщинами… Но он улыбался. И все мы впились взглядами в его улыбку, словно она прогоняла смерть.

Пятеро из десяти погибли в дороге; с оставшейся пятеркой он продолжал путь. Выехав на гребень очередного бархана, они увидали море, а у границы воды — то, о чем еще ни разу не докладывали разведчики: зеленую траву, которая не растет, если в почве нет пресной воды. Спешившись, они принялись копать, в то время как лошади просовывали меж ними морды, поводя ноздрями. Александр первым добрался до воды, и она оказалась свежей.

Ночью мы все отправились к морю. Александр вел нас, указывая колонне дорогу. Спасение совсем рядом, и он мог позволить себе править конем.

Морская гладь походила на полированное

железо, но оно было влажным, и самый вид его освежил нас. Между кромкой воды и поросшими тростником дюнами была узкая полоска зелени, где невидимые ручейки впадали в океан.

Пять дней мы шли по ней, и легкий морской ветерок охлаждал нашу кровь; поэтому мы шагали днем, останавливаясь для того, чтобы выкопать колодец и напиться. Вечерами мы купались в море. Это было столь прекрасно, что я отбросил всю персидскую благопристойность и даже не заботился о том, видит ли кто-нибудь, как устроены евнухи. Мы все были подобны играющим детям. По зелени можно было судить, что мы вот-вот выйдем к дороге.

Потом стала появляться пища. Наши посланники не погибли; они достигли гедросского города на северо-западе, и оттуда весть обошла всю округу. Пришел первый караван — тяжело груженные верблюды. Начиная свой поход, мы смогли бы перекусить, не более того, но теперь честно поделенная на всех пища составила целое пиршество. Теперь нас было куда меньше.

Часто делая остановки, мы чувствовали, как возвращаются силы. И наши лица уже казались менее изможденными, когда мы одолели последний переход на подступах к гедросскому

граду.

Радушие этих мест ослепило нас: зерно и мясо, фрукты и вино, присланные из Кармании[102], чудесной страны, лежавшей впереди. Мы отдохнули, наелись и напились вволю; мы кожей впитывали здоровье, излучаемое буйной зеленью вокруг. Даже к Александру начала возвращаться прежняя стать, а на щеках его вновь заиграл румянец.

— Кажется, моя армия уже сможет насладиться отдыхом, — сказал он и двинул нас в Карманию легким, почти прогулочным шагом.

Пир на каждом привале и вдоволь вина; Александр посылал вперед обозный отряд, чтобы пища уже дожидалась нашего появления. Кто-то — Птолемей или Гефестион — изобрел план, чтобы заставить царя отдохнуть. Ведя тонкую игру, они не объявили Александру, что, судя по его виду, ему требуется отдых, а предложили, чтобы он, после всех свершений и выпавших на его долю испытаний, последовал примеру Диониса. Две колесницы были связаны вместе с положенным сверху помостом с кушетками, зелеными венками и красиво расшитым наве-

---

[102] Сноски: 102

Кармания — древнее царство на берегу Персидского залива.

сом. Прибывшие из города добрые кони весьма украсили все сооружение — и Александр не стал отказываться. Там, внутри, было достаточно места для него самого и одного-двух друзей; по дороге его шумно приветствовали войска… Из всего этого потом сотворили множество лживых рассказов с упоминанием каких-то совсем уж нелепых вакхических увеселений; но все они сводятся именно к тому, о чем поведал вам я. Дружеские уговоры, и только они, принудили Александра ехать не в седле, а на подушках.

На свежих лугах, у сладких ручьев, под тенистыми деревьями мы поставили лагерь. Царь сказал мне тогда: «Давно я не видел тебя танцующим».

Да, я возмутительно долго не пробовал танцевать. Но я был молод; сила возвращалась в мои жилы столь же легко и быстро, как вода растворяется в вине. С каждым новым днем мои упражнения все более напоминали удовольствие, а не пытку. И кроме того, танец избавил меня от опасности переедать; в то время это было нашим общим бичом, особенно опасным для евнухов. Однажды набранный жирок непросто скинуть. И сейчас еще, пусть даже молодость моя давно минула, мне как-то удается не располнеть.

Я думаю о своем господине. Не желаю услышать, как люди шепчут за моей спиною: «Да неужто этого *увальня* любил великий Александр?»

Были выровнены дорожки для бегунов, отгорожено поле для представлений, которые устраивали искусные наездники и им подобные умельцы. Певцы и актеры, танцоры и акробаты стекались со всех окрестностей. Все радовались и смеялись — все, кроме Александра, получавшего ужасающие вести о том, чем занялись его сатрапы и властители, прослышав, будто он умирает от раны где-то в Индии. Сатрап самой Гедросии оказался продажным и неискусным властителем. Он был македонцем; на его место Александр поставил перса. Главное же — пока люди отдыхали и пировали, — царь ожидал Кратера с его частью армии. Преступные сатрапы прочих областей могли и подождать.

Более прочего Александр был огорчен отсутствием вестей от Неарха. Мы ничего не знали о судьбе флотилии, шедшей вдоль того страшного берега; галеры давным-давно должны были появиться в порту, и, ежели все они погибли, эту ношу Александр готовился нести вечно.

Появились Кратер и толпы шедших с ним; наш лагерь вновь обратился в подобие горо-

да. Роксана была в добром здравии. Александр немедля нанес визит в гарем, но и вышел оттуда также без промедления.

В толчее я наткнулся на искавшего меня Исмения. Заказав вина, мы устроились под навесом таверны и обменялись рассказами о своих странствиях.

— Я всегда знал, — заявил он, — что твои кости прекрасны, но тебе, право, следует нарастить на них хоть что-нибудь. А царь, Багоас! Он выглядит… Ну, не постаревшим, но подавленным…

— О, он поправляется, — быстро отвечал я. — Ты бы поглядел на него с месяц тому назад… — И поспешно заговорил о чем-то другом.

Как раз в это время в наш лагерь примчался в своей колеснице правитель области, раскинувшейся чуть далее по берегу, спеша сообщить: нашему флоту удалось спастись и Неарх скоро прибудет сам.

Александр расцвел, словно бы крепко спал всю последнюю неделю, и осыпал правителя подарками. Никто не знал тогда, что этот человек, чья глупость сочеталась с жадностью, не предложил прибывшим помощи в том, чтобы поставить корабли в доки, и не дал им коней. Он просто рванул к Александру из опасения, что кто-то дру-

гой может обогнать его с этой радостной вестью и получить награду. Прошли дни; Александр выслал за Неархом отряд, но воины не нашли мореходов. К правителю, все еще гостившему при дворе, были приставлены воины, следившие за каждым его шагом. Александр выглядел более измученным, чем прежде, и выслал еще один отряд. На второй день воины вернулись, привезя с собою двух иссохших людей, чьи тела были подобны плетям из недубленой кожи, с почти черным загаром: то были Неарх и его старший помощник. Первый отряд не признал их, даже когда они спросили об Александре.

Царь шагнул вперед, чтобы обнять друга детства, и заплакал. Видя их состояние, он решил даже, что эти двое — единственные, кто сумел выжить. Когда же Неарх поведал Александру, что весь флот, все его люди целы, царь плакал вновь, но уже от радости.

Много превратностей и приключений выпало им, и все они описаны в книге Неарха. Рожденные на Крите крепки и выносливы: он выжил после многолетних путешествий, чтобы изложить для потомков свои воспоминания. Если вы хотите услышать о гигантских китах, уплывающих в ужасе от звука походной трубы, или о звериных

повадках одичавших пожирателей рыбы — отправляйтесь прямо к нему. Неарх знает десятки подобных историй.

Спасение Неарха и его флота было отмечено небывалым празднеством; Александр понемногу начинал походить на себя самого. Он принимал друзей и чествовал богов долгими торжествами, за коими следовали пирушки. Целая толпа актеров, жонглеров и прочих искусников явилась с Кратером, так что веселье можно было организовать с соблюдением правил и приличий.

Были и игры, разумеется. В конных состязаниях, как правило, побеждали персы (кстати, Александр подарил мне двух превосходных карманийских лошадей); непревзойденными бегунами оказались греки, с гордостью хвастaвшие, как ловко они управляются со своими ногами. Первыми лучниками были фракийцы. Все союзники Александра блеснули своим особым искусством. Но теперь мы были почти что в Персии, и, видя, как царь с удовольствием отмечает изящество, свойственное моему народу, я понимал: теперь он *наш.*

Потом начались театральные постановки, все до единой — в греческом стиле. Я до сих пор не могу привыкнуть к маскам. Когда же я при-

знался царю, что предпочел бы видеть живые лица, он ответил, что согласился бы со мною, если бы эти лица хоть немного напоминали мое. Весь последний месяц я посвятил тому, чтобы научить израненное тело Александра, привыкшего скрывать боль, расслабляться и находить в объятиях удовольствие. Требовалось лишь немного заботы; Александр словно помолодел на несколько лет, когда я ослабил натянутые в нем струны.

После театральных действ были назначены музыкальные состязания. На следующий день — танцы.

Всего претендентов на победу было девять или десять танцоров из разных земель, от Греции до Индии; некоторые танцевали очень даже неплохо. «Нет, на сей раз мне не стать героем дня, — думал я. — Что ж, тогда я попросту станцую для него. Если царю понравится, для меня не будет награды выше».

Я пришел на состязание прямо из бассейна, устроенного рядом ко всеобщей радости. Одеяние мое было белым с зеленой каймою, и, взяв в руки небольшие бубенцы, я попытался представить в танце горный поток. Река бросалась из стороны в сторону, убыстряя ход у порогов, уступивших плавным изгибам русла. Потом я присел на зем-

лю, взмахнув руками в попытке объять море.

Александру, кажется, понравилось. Но по-моему, его армия также пришла в восторг. Уже повидав прекрасные танцы противников, я был поражен разгулявшимся на трибунах восторгом.

Инда, вышедшего последним, я полагал основным соперником; он представлял Кришну, играющего на флейте. Мальчуган из Суз тоже сразил меня своими отточенными движениями… Говоря по правде, я не представлял себе, кто из нас получит венок. Если мой танец был не лучше некоторых других, то, на мой вкус, он был и не хуже; более того, Александр, по своему обыкновению, не пытался склонить судей в чью-либо пользу. Но армия рискнула.

Ради него, разумеется. Не думаю, чтобы мой танец так уж понравился всем, кто его видел; я не ластился к публике, не плел интриг, не продавал своего влияния. Зато я уже многие годы был рядом с Александром; наверное, эти суровые воины растрогались, видя, что наша любовь выдержала испытание временем. Царь страдал, и они хотели сделать его счастливым; они следили за выражением его лица, пока я танцевал. Они сделали это ради него.

Венец был сотворен из золотых лавровых ли-

стьев тончайшей чеканки, с такими же тонкими лентами. Александр возложил его на меня и, вправив ленты в пряди моих волос, сказал:

— Ты прекрасен. Не уходи, садись рядом.

Я присел на край помоста рядом с царским троном, мы улыбались друг другу. Армия хлопала в ладоши, била сандалиями в пол, и кто-то голосом Громовержца рявкнул вдалеке:

— Чего ждешь? Поцелуй его!

Я опустил голову в замешательстве. Это заходит уже слишком далеко — я не был вполне уверен, как именно Александр воспримет такое предложение. Теперь крик обошел уже весь театр, и я почувствовал, как мне на плечо легла рука. Как и я, эти воины прошли с ним немало дорог; царь мог отличить любовь от дерзости. Он обнял меня и дважды крепко расцеловал. Судя по аплодисментам, армии это понравилось куда больше, чем какие-то танцы.

Хорошо, что знатные персидские дамы не посещают публичных представлений, как это позволяют себе гречанки. Весьма нескромный обычай.

Той ночью Александр сказал мне:

— Ты вернул себе прежнюю красоту, потерянную в пустыне. Теперь ты прекраснее, чем преж-

де.

В общем-то, дело нехитрое, если тебе двадцать три, а ты до сих пор не получил ни единой раны. Александр хотел сказать: как хорошо чувствовать в конце дня, что в тебе есть еще жизнь, которой можно поделиться с другими.

Я раздул в нем огонек желания и насытил его, не требуя взамен слишком многого; как я добился этого, осталось моей тайной. Александр не догадался, сколь я был осторожен. Он был доволен минувшим днем, — вот и все, что имело для меня хоть какое-то значение; после он сразу уснул.

Когда я поднялся, покрывало сползло на пол, но Александр даже не шелохнулся. Я поднял светильник повыше и оглядел его. Царь лежал на боку. Спина его была гладкой, словно у ребенка; враги наносили ему раны спереди. Нет такого оружия — режущего, колющего или метательного, — что не оставило бы на нем своей отметины. Торс Александра казался белым рядом с опаленными солнцем конечностями; прошло немало времени с тех пор, как он в последний раз занимался упражнениями — нагой, в обществе друзей, — так потрясшими меня когда-то. По ребрам тянулся страшный узловатый шрам; даже теперь, в первые минуты сна, лоб царя еще

не успел разгладиться. Веки Александра покрывала сетка крохотных морщинок — они казались чужими, старческими на этом лице отдыхающего юноши. Власы уже не так сияли, как прежде; серебряные нити превратились в прядки с тех пор, как мы ступили в Гедросию. Александру было тридцать два года.

Я потянулся за покрывалом, но мне пришлось отшатнуться, дабы слезы не разбудили царя, упав на его разгоряченное тело.

Глава 25

Чтобы дать отдых прошедшему пустыню войску, Александр послал его в Персиду под началом Гефестиона; им предстояло идти по дорогам, ведшим вдоль берегов, где с пришествием зимы должна была установиться благодатная, мягкая погода. Сам же царь, по обыкновению, занялся накопившимися делами. С маленьким отрядом — по большей части конным — он двинулся вглубь страны, к Пасаргадам и Персеполю.

Оставайся я с Дарием во дни мира, я бы досконально знал эти места, царственное сердце моей отчизны. Но я не бывал здесь, в отличие от Александра. Он встал ранним утром и вместе со мною совершил прогулку на холмы — с тем, как сказал Александр, чтобы еще раз вдохнуть чистый воздух Персиды. Я вдохнул его полной грудью и молвил:

— Аль-Скандер, мы дома.

— Воистину. Я тоже.

Он устремил взгляд к далекой горной цепи, чьи вершины уже покрыли белые шапки первых снегопадов.

— То, что я сейчас скажу, услышишь только

ты один. Сохрани это в своем сердце. Македония была страною моего отца, *эта* страна — моя.

— Нет для меня дара драгоценнее, — отвечал я.

Свежий ветерок овевал холмы; дыхание наших коней клубилось в прохладном воздухе. Александр продолжал:

— В Пасаргадах мы остановимся в доме, принадлежавшем самому Киру. Странно, что ты — его потомок, и все-таки именно я первым покажу тебе его гробницу. Я жду этого мига с нетерпением, хотя мне и нелегко бывать здесь. К счастью, мы оба худы: вход там столь узок, что даже тебе придется пройти боком. Должно быть, его наполовину заложили, опасаясь грабителей, сразу, как пронесли тот огромный золотой саркофаг… Сейчас бы он ни за что не прошел. На возвышении вкруг саркофага до сих пор лежат вещи, собранные в путь по царству мертвых; ты увидишь мечи Кира, его одежды — те самые, что он носил при жизни, драгоценные ожерелья. Люди дали ему хорошие дары; должно быть, его любили. Я тоже добавил кое-что, ведь это Кир показал мне, что значит царствовать.

Конь под Александром забеспокоился, устав от медленной ходьбы.

— Иди смирно, — прикрикнул царь, — а не то

отдам тебя Киру… Я повелел приносить ему в жертву одного коня в месяц; мне сказали, таков древний обычай.

Потом мы опустили поводья и помчались галопом. Лицо Александра светилось, волосы его развевались на ветру, глаза горели… Когда позже он сказал мне, что не чувствовал боли — всего лишь покалывание в боку, я даже почти поверил. Персида был добра к нему. Нас ждут дни счастья, думал я тогда.

Дворец Кира, выстроенный в строгости старого стиля, был тем не менее красив и просторен. В его прочной кладке чередовались черные и белые камни. Сразу бросались в глаза белые колонны, выступавшие вперед. Ранним утром на следующий день после нашего прибытия Александр отправился вторично навестить гробницу героя.

Ехать пришлось недалеко, по царскому парку. С нами было несколько друзей (многие ушли с Гефестионом), но меня Александр держал рядом с собою. Запущенный парк одичал, но все равно радовал глаз, наряженный в осеннее золото. Давно не пуганная дичь почти вовсе не обращала внимания на проезжающих мимо людей. Гробница была устроена в тенистой рощице. Побывав здесь в прошлый раз, Александр приказал прове-

сти сюда воду — и трава была зелена.

Маленький дом Кира стоял на небольшом цоколе, окруженный простою колоннадой. Над входом были выбиты персидские слова, которые я не мог прочесть. Александр сказал:

— Я спрашивал о надписи в прошлый раз. Она гласит: «ПРОХОЖИЙ, Я — КИР, СЫН КАМБИЗА. Я ОСНОВАЛ ПЕРСИДСКУЮ ИМПЕРИЮ И ПРАВИЛ АЗИЕЙ. ПОМНИ ОБО МНЕ». — Голос Александра едва заметно дрожал. — Что ж, давай войдем.

Он поманил стоявших в отдалении магов. Когда они пали ниц перед царем, мне показалось, я видел промелькнувший на их лицах страх. Рощица совсем заросла, и вообще парк содержался из рук вон скверно. Александр жестом предложил магам отпереть узкую старую дверцу, сколоченную из какого-то темного дерева, с бронзовыми скобами. Один из магов принес на плече огромный деревянный ключ, и тот легко повернулся в замке. Отперев дверь, маг с поклоном отступил.

— Идем, Багоас, — произнес Александр с улыбкой. — Ступай первым, ведь Кир был царем твоей страны.

Царь взял меня за руку, и мы проскользнули в тень. Единственным источником света в гроб-

нице оставался узкий дверной проем; я стоял плечо к плечу с царем, ничего не видя после яркого дня снаружи, и вдыхал древние благовония и сухой запах плесени. Внезапно Александр выдернул руку и резко шагнул вперед:

— Кто сделал это?

Двинувшись ему вослед, я задел за что-то ногою. То была кость человеческого бедра.

Теперь я видел. Вот стоит помост, обобранный до нитки. Золотой саркофаг, уже без крышки, лежит прямо на полу. Над ним явно поработали топоры, — видимо, грабители старались откололоть от царского гроба куски, которые прошли бы в узкую дверь. Рядом рассыпаны кости великого Кира.

В гробнице потемнело, когда Певкест — мужчина довольно плотный — попытался пробраться внутрь, и стало светло вновь, когда он прекратил свои попытки, прежде чем по-настоящему застрял. В гневе Александр и сам лишь с трудом сумел протиснуться к свету. Он просто побелел от ярости, а волосы на его затылке стали дыбом. Взгляд его горел воистину смертоносным пламенем; по-моему, даже ударив Клита, царь не был столь разъярен.

— Позовите сторожей! — гаркнул он, задыхаясь

от гнева.

Покуда их искали в стоявшем неподалеку домишке, все желающие (те, кто мог протиснуться в проем) посетили гробницу и с жаром описывали царящее внутри разорение тем, кто не способен был убедиться в том самостоятельно. Александр стоял, сжимая кулаки. Смотрители парка бросились к его ногам и распростерлись в пыли.

Будучи единственным персом у гробницы, я перетолковывал царю их речи. Хоть и были эти люди потомками жреческих семей, по природе своей оба были невежественны, а страх лишил их остатков здравомыслия. Им ничего не известно, они никогда не входили в гробницу, они не видели никого, кто вошел бы туда. Должно быть, воры проникли внутрь ночью (притом, что удары их топоров пробудили бы и мертвеца)… Они ничего не знают, совсем ничего.

— В темницу их, — сказал Александр. — Я все же узнаю правду.

Он позвал меня, дабы я толковал их признания. Но ни огонь, ни клещи не могли вырвать из этих людей какой-либо другой рассказ; не преуспела и дыба.

Александр велел прекратить пытку прежде,

чем полопались бы суставы.

— Как по-твоему, — спросил он у меня, — лгут они или говорят правду?

— Я думаю, Александр, они попросту нерадивы и боятся сознаться. Быть может, они напились или ненадолго отлучились от гробницы… А может статься, кто-то подстроил все это.

— Да, возможно. Ежели так, тогда они достаточно поплатились. Отпустите их.

Негодные сторожа захромали прочь, радуясь, что так легко отделались: любой персидский царь посадил бы обоих на кол.

Александр послал за архитектором Аристобулом, сопровождавшим царя в его первый визит к гробнице и переписавшим сокровища, унесенные Киром в страну мертвых. Ему было велено заменить саркофаг и уложить бедные кости в должном порядке. И вот Кир вновь лежал в золоте, владея драгоценными мечами, коими, впрочем, никогда не бился с врагами, и богатыми ожерельями, коих, правда, не носил при жизни. Александр дал ему золотую корону и приказал заложить дверь одним большим камнем, дабы никто не побеспокоил Кира впредь. Прежде чем каменщики приступили к работе, царь постоял внутри, наедине прощаясь со своим учителем.

Грубым приветствием встретила нас Персида. Но самая горькая встреча была впереди: мало-помалу Александр узнавал, что сотворили со страною люди, попечению которых он доверил ее. По глупости своей они уповали на то, что Александр никогда не вернется, дабы спросить с них отчета.

Некоторые остались преданы царю, но прочие вели себя подобно деспотам на землях, оставленных их заботам. Они грабили богатых, а бедняков обратили в ходячие скелеты своими непомерными поборами. Они припоминали давние споры с людьми, не нарушившими никакого закона, и гноили их в темницах. Они собирали себе целые армии, повинующиеся не обычаю или закону, а одному только слову своего господина. Один мидийский владыка объявил себя великим царем. Другой сатрап выкрал у менее знатного властителя дочь, обесчестил ее и отдал рабу.

Я слышал, как говорили потом, будто Александр обошелся с этими людьми жестоко. Расскажите это кому-нибудь, кто не видел того, чему стал свидетелем я, когда мне было десять лет от роду.

Истинно, рука царя делалась тем тверже, чем больше доказательств попадало на его стол.

Верно и то, что некоторое время спустя он стал карать преступников в самом начале: по словам Александра, он знал, как выглядит будущий тиран, и провидел все его поступки; он предпочитал свергать их сразу же, едва только те выказывали первые знаки будущей тирании, чем позже с трудом выправлять свою оплошность. Если кто-то и был недоволен, то отнюдь не крестьяне и не мелкие властители, наподобие моего собственного отца. То, что Александр не позволял даже собственной расе угнетать мой народ, вызывало повсюду немалое удивление. Царь отсутствовал столь долго, что люди позабыли про его нрав.

Пока Александр был в Индии, один из любимейших друзей его детства, некий Гарпал, коего царь оставил казначеем в Вавилоне, разбрасывал золото, будто индский князь, разодел своих наложниц, как цариц, и бежал с деньгами, едва прослышав о возвращении Александра. Эта новость уязвила царя больнее, чем восстания бывших врагов.

— Мы все верили ему. Даже Гефестион, не доверявший Филоту. В изгнании ему всегда удавалось развеселить нас. Конечно, в ту пору у меня нечего было красть. Наверное, Гарпал и сам не знал,

каков он на самом деле.

В любом случае Александр имел все причины гневаться — и даже прежде, чем новый сатрап Персиды явился по царскому зову.

«Новым» он был оттого, что захватил сатрапию. Перс, которому Александр вверил ее, умер полгода тому назад; говорили, что от болезни, хотя, вполне возможно, был кем-то отравлен. Теперь к Александру явились послы, принесшие длинное письмо: узурпатор якобы отправлял царю одно послание за другим, но не получал на них ответа и тем временем присматривал за сатрапией, не зная никого другого, кто сумел бы справиться с этим.

Я был с Александром в его верхних покоях, когда он, прочитав письмо, швырнул его на пол.

— «Сумел бы справиться»? С чем же? С убийствами, грабежом и того хуже? Этот человек правил сатрапией подобно волку в зимнюю стужу; повсюду я слышу одни жалобы. Любого, кто заступал ему путь, он предавал смерти без всякого суда. Наживался даже на царских могилах… — Брови Александра сошлись на переносице; он вспомнил о Кире. Возможно, маги действительно молчали оттого, что боялись чьего-то гнева более царского. — В общем, у меня уже

хватает свидетелей. Пусть едет. Право, я хотел бы взглянуть на этого Орксинса… Что такое, Багоас?

— Ничего, Аль-Скандер. Не знаю. Не могу вспомнить, где я слышал это имя. — Оно звучало подобно эху какого-то кошмарного сна, забытого наутро.

— Может, он жестоко обращался с тобою, пока ты был с Дарием? Скажи, если только вспомнишь что-нибудь.

— Нет, — ответил я. — Во дворце меня не обижали.

О своей прежней жизни я поведал Александру лишь то, что меня купил некий ювелир, обращавшийся со мною скверно. Узнав об остальном, Александр не испытал бы ничего, кроме жалости, но я хотел похоронить свое прошлое, забыть о нем навсегда. Теперь я спрашивал себя, не мог ли Орксинс оказаться каким-то ненавистным клиентом? Впрочем, ранг властителя был слишком высок, а охвативший меня ужас — глубже. «Может, мне приснилось его имя?» — спрашивал я себя. Меня действительно мучили дурные сны, пока я был рабом.

Той ночью Александр сказал мне:

— В этой кровати могут спать слоны. Останься и составь мне компанию.

Минули годы с той поры, как он спал в царской опочивальне персов. Мы довольно быстро уснули, и сны снова ввергли меня в давно забытый кошмар. Я проснулся с криком на устах, в объятиях Александра.

— Посмотри, ты со мною, все хорошо. Что такого могло тебе присниться?

Я вцепился в него, подобно ребенку, каким был во сне.

— Мой отец. Отец без носа. — Внезапно я подскочил в постели и уселся, содрогаясь. — Имя! Я вспомнил имя!

— Какое имя? — Александр пристально смотрел на меня; он всегда очень серьезно относился к сновидениям.

— Имя, что он назвал мне, когда его тащили на смерть. «Орксинс! — вот что он сказал тогда. — Запомни имя. Орксинс!»

— Приляг и постарайся успокоиться. Знаешь, ведь это я рассказывал тебе сегодня о негодяе Орксинсе. Наверное, поэтому тебе и приснилось это имя.

— Нет, я помню, как отец произнес его. Он кричал чужим голосом, потому что ему отрезали нос… — Меня вновь передернуло.

Александр укрыл меня и согрел. Помолчав

немного, царь сказал:

— Это не совсем обычное имя, но ведь могут быть и другие Орксинсы. Скажи, ты узнал бы того человека?

— Был один властитель из Персеполя. Если это и есть Орксинс, я узнаю его.

— Тогда слушай. Будь рядом, когда я приму его. Я спрошу: «Багоас, ты написал то письмо?» Если мы говорим о разных людях, отвечай «нет» и уходи. Если это все-таки он, скажи «да» и останься. Обещаю, он узнает тебя прежде, чем умрет. Мы в долгу перед духом твоего отца.

— Таково было его последнее желание — чтобы я отмстил.

— Ты любил отца. По крайней мере, в этом тебе повезло… Ну, будем спать. Теперь он знает, что услышан, и не станет более тревожить тебя.

На следующий день сатрап явился со всею помпой, словно его уже утвердили в чине. Он приблизился к трону, где Александр восседал в своих персидских одеждах, и с немалой грацией пал перед ним ниц. У него всегда были отточенные манеры. Борода его поседела, и, кроме того, Орксинс отрастил себе брюшко. Сатрап произнес цветистую речь о том, как не по своей воле получил провинцию, все во имя царя и соблюдения

порядка в стране.

Спокойно выслушав его, Александр поманил меня:

— Багоас, ты уже написал то письмо, о котором мы говорили?

— Да, о повелитель. Ты можешь быть совершенно уверен, — отвечал я без запинки.

Посему я был там, когда Орксинса обвинили во множестве убийств и разбое. Странно, что он запомнился мне близким другом отца, которому все верили и кого любили. Он и сейчас оставался прежним, с таким изумлением слушая упреки в свой адрес, что даже я едва не засомневался, тот ли это Орксинс. Потом Александр застал сатрапа врасплох, подтвердив обвинения чьим-то свидетельством. Тогда лицо Орксинса переменилось; сейчас я едва ли узнал бы его.

Вскоре его допросили. Родственники жертв Орксинса пришли со своими свидетельствами; многие в лохмотьях, ибо отцы их были убиты как раз из-за богатств, коими владели. Потом говорили хранители царских гробниц Персеполя — те, что не противились сатрапу; остальные были мертвы. Дарий Великий принес Орксинсу наибольшую выгоду, но и могила Ксеркса тоже была обставлена отнюдь не бедно. Сатрап обо-

брал даже моего собственного господина, лишив скромных вещей, собранных ему в дорогу. Я поведал о том, что видел в Сузах. Орксинса нельзя было обвинить в надругательствах над костьми Кира, ибо не удалось отыскать очевидцев; впрочем, особой разницы уже не было.

В конце Александр сказал:

— Себя избрал ты, чтобы стать пастырем своего народа. Будь ты ему добрым пастырем, сегодня ты покинул бы мой дворец с почестями и подарками. Но ты был хищной тварью — и умрешь, как подобает зверю. Уведите его… Багоас, ты можешь говорить с ним, если хочешь.

Когда Орксинса вели мимо меня, я коснулся его руки. Даже в ту минуту в нем еще теплилось презрение к евнухам. Я сказал:

— Помнишь ли ты Артембара, сына Аракса, своего друга, у которого ты гостил и которого предал, когда умер царь Арс? Я — его сын.

Признаться, я уже не чаял, что это будет значить для него хоть что-то после всех прочих обвинений. Но от рождения преступник был в достаточной мере наделен гордостью, чтобы ощутить досаду. Орксинс оттолкнул мою руку; он попрал бы меня ногами, если б только мог.

— Стало быть, это тебе я обязан смертью? Надо

было догадаться и купить у тебя помилование. Что ж, былые времена возвращаются вновь. Евнух правит страною.

Александр произнес с трона:

— И евнух повесит тебя, ибо он — лучший мужчина, чем ты сам. Багоас, оставляю казнь на твое попечение. Проследи, чтобы все было сделано завтра же.

Невелика премудрость. Человек, в чьи обязанности входило приглядывать за казнями, устроил все сам и лишь обернулся ко мне за приказом вздернуть мерзавца. Орксинс извивался и корчился на высокой виселице против широкого неба Пасаргад. С великим стыдом я понял, что нахожу это зрелище отвратительным и не могу насладиться им, как должно. Это было отступничеством пред памятью отца и неблагодарностью пред Александром. В сердце своем я воззвал: «Милый отец, прости мне, что я не воин и принял свой жребий, не ропща. Вот умирает человек, предательски убивший тебя и укравший у тебя сынов твоего сына. Благослови меня, отец». Должно быть, он дал мне благословение, ибо никогда впоследствии не возвращался ко мне в моих снах.

(Птолемей занес в книгу лишь то, что Орк-

синс был повешен «особо выбранными людьми по приказу Александра». По-моему, он полагает, что из-за упоминания моего имени повествование о казни потеряло бы законный вид. Не важно. Он не слыхал о той ночи, когда мой господин вытащил из меня, еще мальчишки, рассказ о злоключениях детства. Александр не нарушал своих обещаний, как о том пишет сам же Птолемей.)

Сатрапию получил Певкест, спасший царю жизнь в городе маллов. После казни Орксинса никто даже не упрекнул Александра в том, что он не назначил перса на его место. Впрочем, царь не допустил ошибки. Певкест полюбил страну, он понимал нас и ценил уклад нашей жизни. Он даже носил наши одежды, которые весьма ему шли. Он часто практиковался в персидском, разговаривая со мною. Он справедливо правил сатрапией, столь же любимый, сколь ненавидим был Орксинс.

Мы двинулись к Персеполю. Александр жил бы там все это время, не будь знаменитый дворец сожжен. Почерневшие руины на широкой террасе мы увидали еще издалека, и Александр разбил свой шатер в открытом поле неподалеку; я выскользнул прочь, дабы своими глазами узреть, что осталось нам от чудес, гибель которых опла-

кивал Бубакис.

Носимый ветром, песок уже почти поднялся по ступеням царской лестницы, украшенной конными фигурами — целой кавалькадой властителей. Статуи воинов чинно маршировали к оставшемуся без потолка тронному залу, где одно лишь солнце правило ныне, передвигаясь меж причудливыми колоннами, вырезанными в форме цветов. В комнатах гарема в беспорядке лежали обрушившиеся обугленные балки; во внутреннем садике в толстом слое старой золы росло несколько запутанных, перекошенных розовых кустов. Я вернулся в шатер и ничего не сказал о том, где побывал. Много времени минуло с тех пор, как молодые македонцы пировали здесь, забавляясь факелами.

Ночью Александр сказал мне:

— Увы, Багоас. Если б не я, сегодня мы спали бы в куда более удобной постели.

— Не оплакивай дворца столько лет спустя, Аль-Скандер. Ты выстроишь новый, еще прекраснее, и устроишь большое пиршество, как сделал это Кир.

Он улыбнулся в ответ. Но разорение могилы Кира не давало ему покоя; царь был из тех, кто свято верит в знамения. Ныне же благо-

родные кости дворца, черные и покореженные на фоне кровавого заката, вновь пробудили в нем печаль.

— Помнишь, — спросил я, — ты поведал мне, что пламя было подобно божественному водопаду, стремившемуся ввысь? Как столы были уставлены роскошными яствами из огня?..

Я уже собирался добавить: «Нет огня без пепла, Аль-Скандер», но тень задела меня, и я захлопнул рот.

Мы выступили к Сузам, где собирались воссоединиться с армией Гефестиона. Горные ущелья встретили нас холодом, но воздух был мягок, а простор пейзажей заставил мое сердце забиться в восторге. Александр тоже был счастлив; он вынашивал какой-то новый план, о котором пока не рассказывал. Я видел, как горели его глаза, и терпеливо дожидался, когда же он поделится со мною.

Но как-то вечером царь вошел в шатер озабоченный и хмурый. На мой вопрос он отвечал:

— Каланосу плохо.

— Каланосу? Да он в жизни ничем не болел. И даже в пустыне чувствовал себя превосходно.

— Я послал за ним сегодня утром, мне хотелось поговорить. Мой посланник вернулся ни с чем:

Каланос просил меня прийти к нему.

— Он послал за тобою?!

Признаюсь, это известие потрясло меня.

— Попросил как друга. Я пошел, конечно. Он сидел, медитируя, как обычно, только опершись о ствол дерева. Обычно он встает при моем приближении, хотя и знает, что это не обязательно. Но сегодня попросил меня присесть рядом, потому что ноги отказались повиноваться ему.

— Я не видел его после Персеполя. Как же он шел сегодня?

— Кто-то одолжил ему ослика. Багоас, он словно постарел. Увидев его впервые, я и помыслить не мог, что философ так стар, иначе не позволил бы ему идти за мною. Семидесятилетний старец не может в одночасье сменить все привычки, не причинив себе вреда. Ведь он долгие годы жил в мире, когда каждый новый день походил на прежний.

— Каланос пошел из любви к тебе. Он говорит, ваши судьбы пересекались и прежде, в какой-то иной жизни. Он говорит… — Я умолк, овладев собою и сбавив темп.

Александр вскинул голову:

— Продолжай, Багоас.

Наконец я ответил:

— Он говорит, что ты — падший бог.

Александр застыл, сидя на краю кровати. Он раздевался, чтобы принять ванну, и как раз расшнуровывал сандалию; помня о нашей любви, он никогда не позволял мне снимать с него обувь, ежели только не был ранен или смертельно устал, когда любой друг оказал бы ему эту простую услугу. Подняв брови, царь сидел на кровати обнаженный, обхватив руками ногу, погрузившись в мысли. Стянув наконец сандалию, он сказал:

— Я хотел уговорить его пойти и попытаться уснуть, но он должен был завершить медитацию. Надо было приказать ему… Но я оставил Каланоса там, где нашел. — Это я мог понять. Александр не хотел нарушать покой философа. — Мне совсем не понравилось, как он выглядит. Каланос уже слишком стар, чтобы испытывать его силы. Завтра я пришлю к нему лекаря.

Тот явился, чтобы сообщить: у Каланоса опухоль где-то во внутренностях, и философу следует продолжать путешествие в повозке вместе с прочими хворыми. Инд отказался, заявив, что это мешало бы медитации и вдобавок тупая скотина (так назвал он собственное тело) если не желает подчиняться, то, во всяком случае, не будет ко-

мандовать им. Александр дал Каланосу смирную лошадку и вечерами, после каждой остановки, отправлялся справиться о здоровье философа; тот с каждым разом становился все тоньше и слабее. Другие также заботились о заболевшем друге — Лисимах, к примеру, был весьма привязан к старику. Порою Александр говорил с Каланосом с глазу на глаз. Как-то вечером царь вернулся к шатру настолько потрясенный, что это заметили все его друзья, но не открыл рта, пока мы не остались наедине. Только тогда он сказал:

— Каланос вознамерился умереть.

— Аль-Скандер, мне кажется, боль терзает его, хоть он и молчит.

— Боль! Он собирается сжечь себя на костре.

Я вскрикнул от ужаса. Такое потрясло бы меня и на площадке для казней в Сузах. К тому же это осквернение божественного пламени!

— Я чувствовал то же, что и ты. Каланос говорит, на его родине женщины предпочитают такую смерть разлуке с умершими мужьями.

— Россказни мужчин! Я видел, как это сотворили с десятилетней девочкой, и она хотела жить. Ее крики заглушались музыкой.

— Некоторые добровольно идут на это. Каланос

говорит, что не желает пережить собственную жизнь.

— Разве он не сможет исцелиться?

— Врачеватель ничего не говорит толком. Старик не желает придерживаться режима… Я не смог отказать ему прямо; он тут же попытался бы сделать это сам. Если откладывать день за днем, он может и поправиться — нельзя отбрасывать такую возможность, сколь бы мала она ни была. Впрочем, сам я в это не верю; по-моему, я видел на его лице печать смерти… Но одно знаю точно: если он умрет, то умрет, как умирают цари. Если мы и вправду живем по нескольку жизней, он царствовал прежде.

Александр походил еще немного и тихо проговорил напоследок:

— Я буду там, как подобает другу. Но я не смогу на это смотреть.

Так мы дошли до Суз. Странное то было ощущение — вновь пройти по знакомым улицам. Дворец ничуть не изменился; даже некоторые старые евнухи, не ушедшие с Дарием, до сих пор суетились вокруг него. Узнав, кто я, они сочли меня большим хитрецом, не иначе.

Самым странным было снова стоять в тени от светильников под золотою лозой и видеть эту

голову на подушках. Даже инкрустированный ларец встал на прежнее место, на столик у кровати. Глянув вниз, я увидел, что Александр не сводит с меня глаз. Выдержав мой взгляд, он протянул ко мне руку.

Потом он спросил:

— Лучше, чем тогда?

Он даже не мог дождаться, пока я не скажу это сам, полагая, что обязательно нужно спросить. В каких-то предметах Александр был наивен, словно малое дитя.

Дворик с фонтаном и птицами в клетках также остался, каким был. За ним ухаживали с прежним рвением. Александр сказал: это место — как раз для Каланоса. Инд лежал в маленькой комнате, созерцая садик через проем входа. Всякий раз, когда я приходил навестить философа, он просил меня открыть еще одну клетку. У меня не хватило духу сказать, что птицы эти — заморские и вряд ли выживут на воле. То было последнее его удовольствие — смотреть, как они улетают прочь.

Армия Гефестиона со всеми слонами появилась в Сузах незадолго до нас самих. Александр поведал друзьям о желании Каланоса и приказал Птолемею устроить погребальный костер с цар-

ской роскошью.

Сооружение напоминало огромный диван, устланный знаменами и гирляндами из цветов; внизу же, щедро пересыпанные арабским ладаном, были слоями уложены смола, и терпентинное дерево, и сухие дрова, и все, что только могло давать быстрое и сильное пламя.

На площади перед дворцом, где со времен Дария Великого проходили все значительные церемонии, навытяжку встали Соратники с глашатаями и трубачами. Одну сторону площади занимали слоны, недавно заново раскрашенные, в расшитых блестками тканях и с вызолоченными бивнями. Большего не мог бы желать и сам царь Пор.

Александр самолично отобрал людей для погребальной свиты. Самые статные персы и македонцы на самых высоких конях, при всем оружии; затем — носильщики с дарами, коих хватило бы и на царскую гробницу: одежды, украшенные каменьями и жемчугом, золотые кубки, вазы со сладким маслом и подносы специй. Все их следовало положить на возвышение, чтобы они сгорели вместе с Каланосом. Александр появился в колеснице Дария, затянутый в белое в знак траура. Лицо его с заострившимися

чертами казалось странно неподвижным. Думаю, он устраивал все это великолепие не только с тем, чтобы почтить Каланоса, но и в надежде отвлечься от печальных дум.

Наконец появился живой мертвец: четверо дюжих македонцев несли на плечах его паланкин. Великолепного нисайянского жеребца, коим Каланос должен был править, но оказался слишком слаб, чтобы подняться в седло, вели рядом — его должны были принести в жертву у костра.

На груди философа висел большой цветочный венок, подобный тому, какие инды надевают в день свадьбы. Когда он приблизился, все мы услышали, что старик поет.

Каланос все еще пел хвалу своим богам, когда его положили на украшенный помост. И тогда, что показалось странным даже на этих необычных похоронах, к мертвецу подошли друзья, желавшие проститься.

Вся армия Александра была здесь — полководцы и простые воины, инды, музыканты, слуги… Носильщики принялись складывать свою ношу у подножия костра. Каланос улыбнулся и сказал Александру:

— В этом вся твоя доброта — ты позволил мне проститься с друзьями и оставить им подарок

на память обо мне.

Он раздал все: коня — Лисимаху, одежды и прочее — всем тем, кто хорошо знал философа и сблизился с ним за время похода. Когда я взял сухую ладонь в свои руки, Каланос подарил мне золотой кубок персидской работы, формою схожий со львом, сказав:

— Не страшись, ибо выпьешь до самого дна, и никто не отнимет у тебя этой доли.

Последним подошел Александр. Мы отдалились из уважения, когда он склонился над помостом, чтобы обнять старца. Но Каланос сказал ему тихо — и только те, кто стоял совсем близко, расслышали:

— Нет нужды прощаться. Мы встретимся в Вавилоне.

Теперь отступили все. Вбежали факельщики — целый отряд, чтобы огонь разгорелся быстрее. Когда поднялись языки пламени, Александр велел трубить победный клич. Взревели рога, закричали воины, погонщики крикнули слонам, и те подняли хоботы и протрубили салют, каким приветствуют царей.

Александр всегда был внимателен и старался не задеть гордости тех, о ком заботился. Будучи уверен, что никакой старик на свете не снесет

эту палящую боль без крика, царь удостоверился, что никто не сможет расслышать его. Когда огонь загудел, он опустил голову и более не смотрел на костер. Но я могу засвидетельствовать, что Каланос просто лежал со сложенными на груди руками, когда цветы вокруг него обращались в пепел. Он не потерял самообладания и не открыл рта. Я смотрел лишь до тех пор, пока пламя не охватило его, но и те, кто видел все до самого конца, согласны в том, что философ так и не шелохнулся.

Каланос заставил Александра обещать, что смерть его будет отмечена не трауром, но пиршеством, хотя сам философ, не притрагиваясь к вину, никогда не пировал в обществе македонцев. В ту ночь все они были немного навеселе, то ли от ужаса, то ли от скорби, — а может, от того и от другого. Кто-то предложил устроить состязание пьяниц, наподобие погребальных игр, и Александр обещал награду. Думаю, победитель выдул три малых амфоры, не меньше. Многие пролежали без чувств до самого утра, на кушетках или же на полу. Скверный способ провести холодную зимнюю ночь в Сузах. Победитель умер от простуды, и вместе с ним — еще несколько человек; так что в конце концов Каланос увел

с собою больше, чем просто коня.

Александр судил состязание, а не участвовал в нем; в опочивальню он пришел на собственных ногах, уже начиная трезветь и вновь погружаясь в уныние.

— Что он хотел сказать? — вопросил меня царь. — «Мы встретимся в Вавилоне…» Он собирается родиться в Вавилоне? Как же я узнаю ребенка?

Глава 26

На следующий день Александр спросил меня:

— Ты ведь еще не видел царицу Сисигамбис, правда?

Это имя показалось мне давно забытым, словно пришедшим из старой сказки. Она была персидской царицей-матерью, которую Дарий оставил в плену у Исса.

— Нет, — отвечал я, — она оказалась в твоем лагере прежде, чем я начал служить царю.

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты встретился с нею ради меня. — (Я совсем позабыл, что именно в Сузах он оставил мать Дария с юными принцессами вскоре после того, как умерла сама царица.) — Если бы она помнила тебя при дворе, это бы не сработало, сам понимаешь. Но раз вы не встречались прежде, я бы хотел послать к ней очаровательного юношу, после всех этих безликих писем и даров… Помнишь, в Мараканде ты помог мне выбрать для нее цепочку с бирюзой? Она чудесная женщина. Ты не разочаруешься, встретившись с ней. Передай ей мою любовь и уважение; скажи — мне не терпится повидать ее, но все дела мешают… Спроси,

не окажет ли она мне честь, приняв через часок? Да, и передай ей вот это.

Александр показал мне лежащее в ларце ожерелье, усыпанное индскими рубинами.

Я направился в гарем. Когда я был здесь в последний раз, Дарий вышагивал впереди, а я следовал за ним, вдыхая аромат его умащенных благовониями одежд.

У входа в покои царицы, где я оказался впервые, мне пришлось подождать, пока не явится исполненный достоинства старый евнух, чьей задачей было осмотреть меня и решить, стоит ли пропускать такого посетителя внутрь. Он говорил со мною вежливо, даже взглядом не дав понять, что знает, кто я такой, хотя этим людям, разумеется, известно все. Старик провел меня коридором с залитыми солнцем решетчатыми стенами, затем через переднюю залу, где сидели дородные матроны, коротавшие время за разговорами или игрой в шахматы. Поцарапавшись в дверь, он назвал мое имя и имя приславшего меня, после чего удалился с поклоном.

Царица-мать сидела выпрямившись в высоком кресле с плоской спинкой, положив руки на подлокотники; на резных бараньих головах, которыми они заканчивались, лежали ее

пальцы — хрупкие и длинные, словно искусно выточенные из слоновой кости. На ней были темно-синие одежды с вуалью того же цвета, закрывавшей тонкие седые волосы. Лицо Сисигамбис показалось мне бесцветным — лицо старой белой соколицы, неподвижно сидящей в своем неприступном гнезде на вершине утеса. Вокруг прямой ее шеи лежала цепочка с бирюзой, привезенная из Мараканды.

Я распростерся пред нею с тем же волнением, с каким впервые пал ниц перед Дарием. Когда я поднялся, она заговорила высоким, надтреснутым от возраста голосом:

— Как поживает мой сын и наш царь?

Я утратил дар речи. Давно ли это с нею? Тело Дария передали ей, чтобы мать украсила его для похорон. Почему никто не предупредил Александра, что старуха совсем выжила из ума? Если я осмелюсь открыть ей правду, она может впасть в неистовство и либо разодрать мне лицо этими длинными костяными крючками, либо разбить свою голову о стену.

Древние глаза свирепо буравили меня из-под морщинистых век. Царица моргнула раз или два — быстро, как это делает сокол, вдруг лишившийся колпачка. Взгляд ее источал нетер-

пение, но мой язык по-прежнему отказывался повиноваться. Сжав одну из ладоней в кулак, она обрушила ее на подлокотник.

— Я тебя спрашиваю, мальчик, как поживает мой сын Александр? — Ее темный пронзительный взгляд встретился с моим, и она прочла мои беспорядочные, растерянные мысли. Запрокинув голову, она уперла затылок в высокую спинку кресла. — У меня только один сын, и он — царь этой страны. Других сыновей у меня никогда не было.

Каким-то чудом я опомнился и, вспомнив о своем воспитании, передал ей послание Александра в надлежащих словах, после чего встал на колени и протянул подарок. Подняв рубины обеими руками, Сисигамбис воззвала к двум престарелым служанкам, сидевшим у окна:

— Посмотрите, что прислал мне мой сын!

Испросив разрешения коснуться сокровища, они поворачивали камни в морщинистых ладонях, вознося восхищенные похвалы щедрости царя. Я же стоял на коленях с ларцом в руках, ожидая, пока кто-нибудь не догадается забрать его у меня, и вспоминал сына царицы, которого та безжалостно стерла из своей памяти.

Должно быть, он обо всем догадался, бежав

от Исса; кто, зная ее, мог бы не догадаться? Ему оставалось лишь помнить о том, что теперь его место занял кто-то другой… В садике с фонтаном я тихо наигрывал на арфе, чтобы смягчить горе, которое только сейчас мог понять. Вот что обернуло его гнев против бедняги Тириота! Знал ли Дарий, что царица отказала своим спасителям у Гавгамел? Возможно, ему просто побоялись открыть истину. Хорошо, что им так и не удалось встретиться вновь; бедный человек, у него и без того хватало горестей.

Вспомнив обо мне, царица-мать подала служанке знак взять у меня ларец.

— Поблагодари моего господина царя за этот прекрасный дар и скажи, что я приму его с радостью.

Когда я вышел, она все еще перебирала рубины, разложив их на коленях.

— Ну что, ей понравилось? — спросил Александр с таким нетерпением, словно был ее любовником.

Я сказал, что царица весьма обрадовалась подарку.

— Мне дал эти рубины царь Пор. Слава богам, она сочла их достойными себя. Вот тот царь, что мог бы вести твой народ, если бы только бог

сотворил ее мужчиной. Мы оба знаем это и понимаем друг друга.

— Хорошо также и то, что бог сотворил ее женщиной, иначе тебе пришлось бы убить ее.

— Да, в этом смысле я избавлен от великих страданий. Как она выглядит? Мне нужно сказать ей кое-что важное. Я хочу взять в жены ее внучку.

Я не смог скрыть изумления, и Александр без труда прочел его на моем лице.

— Скажи-ка, тебе это нравится больше, чем в прошлый раз?

— Александр, это доставит радость всем персам.

Александр не видел Стратеру[103] со дня битвы у Исса, когда, еще будучи ребенком, она прятала лицо в одеждах матери. Настоящий государственный брак: Александр желал воздать честь моему народу и взрастить новую царскую династию; он помнил, что в таком случае в жилах его потомков будет течь кровь не только самого Дария, но и кровь Сисигамбис. Что до Роксаны, то и в качестве второй жены ее положение будет выше, чем она того достойна; Дарий никогда

[103] Сноски: 103

Согласно Арриану, который ссылается на Аристобула, Александр взял в жены старшую дочь Дария, Барсину.

не сделал бы ее чем-то большим, чем просто наложницей… Оставив все эти мысли при себе, я поспешил пожелать Александру счастья.

— О, но это еще не все!

Мы были в садике с фонтаном: тихий уголок, где всегда можно было скрыться от послов и чиновников. Александр подставил горсть под прохладные струи и смотрел, как брызжет вода, разбиваясь о ладонь. Он улыбался.

— А теперь, Аль-Скандер, поведай мне секрет. Я давно вижу, как ты носишь его в себе.

— О, я так и знал! Теперь можно рассказать. Это будет не просто моя свадьба; это будет брак обоих наших народов.

— Воистину так, Аль-Скандер.

— Нет, подожди. Все мои друзья, все полководцы, лучшие из моих Соратников, все они возьмут в жены персидских красавиц. Я всех наделю приданым, и мы все вместе устроим один большой пир в честь женитьбы. Что скажешь?

— Аль-Скандер, никто другой не смог бы задумать что-либо подобное.

Чистая правда, бог мне свидетель.

— Я придумал это еще в походе, но надо было подождать, пока мы не встретимся с остатком армии. Ты ведь понимаешь, надо объявлять всем

женихам сразу…

Да, я отлично понимал, отчего Александр не мог поделиться со мною секретом. Как мог он поведать мне о свадьбе Гефестиона прежде, чем о ней узнал бы жених?

— Я долго прикидывал, — сказал он, — сколько пар могут поместиться в пиршественном зале. И решил, что восемьдесят.

Вновь найдя в себе силы говорить, я пролепетал, что, кажется, он рассудил верно.

— Все мои воины, которые пожелают взять в жены персиянок, тоже получат подарки. Тысяч десять согласятся, как мне кажется.

Улыбаясь, он играл с солнечными струями фонтана, расплавленным золотом бежавшими с руки.

— Мы сотворим нечто великое, смешаем два добрых вина — и они дадут поистине бесценный напиток, мы нальем его в огромную чашу любви наших народов. Гефестион возьмет сестру Стратеры. Я хочу, чтобы его дети приходились мне сородичами.

Кажется, царь почувствовал, что скрывается за моим молчанием.

Взглянув мне в лицо, он подошел и обнял меня:

— Прости меня, милый мой. Не только детей порождает любовь. «Сыны мечты» — ты помнишь? Мы с тобою произвели их на свет: полюбив тебя, я впервые познал радость любви к твоему народу.

После этих его слов я избавился от скорби, исполняя свою роль: надо было созвать невест и их матерей, отнести дары и рассказать всем участникам об особенностях церемонии. Меня хорошо принимали в гаремах; если у кого-то и были собственные планы, прежде чем Александр замыслил свою грандиозную свадьбу, никто не возразил мне. Конечно же, царь выбрал для самых благородных невест лучших из македонцев; если им кого-то и предпочитали, пришлось смириться. Один человек, даже самый великий, не в состоянии удержать в голове все детали. Принцесс я не видел, но Дрипетида вряд ли могла разочаровать Гефестиона; ее род славился потомственной красой. За все эти годы я ни разу не слыхал, чтобы у него была хотя бы одна любовница, но если Александр просит всего лишь о племянниках, нет сомнения, Гефестион с радостью подчинится.

Некоторые глупцы, чьи имена не стоят того, чтобы их запоминать, писали впоследствии,

будто Александр проявил небрежение к моему народу, ибо ни один персидский властитель не получил в жены македонскую девушку. Откуда их было взять? Мы находились в Сузах; с нами были лишь наложницы да шлюхи, следовавшие за лагерем. Можно лишь догадываться, что сказали бы благородные дамы, матери македонских невест, если бы им предложили отправить невинных дев в постели к неведомым «варварам»... Но зачем тратить слова, отвечая на подобную чепуху?

Александр намеревался превратить свадьбу в самый грандиозный праздник за все время своего правления. Еще за недели до торжества каждый ткач, резчик и золотых дел мастер в Сузах работали и днем и ночью. Я не пошел посмотреть, процветает ли мой прежний хозяин. Навозная куча, в которую меня некогда швырнули, отнюдь не манила к себе.

После возвращения царя искусные ремесленники, артисты и художники прибывали сюда даже из самой Греции; новости о предстоящем празднестве заставили их спешить со всех ног. Один из новоприбывших, прославленный флейтист по имени Эвий, вызвал пустяковый спор, который и впрямь остался бы простым недора-

зумением, если б вовлеченные в него и без того уже не были в ссоре. Так начинаются войны — меж народами, как и меж людьми. Так произошло и с этими двумя, Эвменом и Гефестионом.

Эвмена я знал, но лишь на расстоянии: он служил главой секретарей на протяжении всего царствования Александра, а заступил на сей значительный пост еще по приказу его отца. Он был греком и даже выкроил себе время, чтобы сразиться с индами, и не без успеха. Эвмен был сорокапятилетним мужчиной, убеленным сединами и наделенным недюжинным умом. Не ведаю, отчего они с Гефестионом никогда не ладили, но догадываюсь, что история их обоюдной неприязни восходит к юности Гефестиона. Быть может, Эвмен считал, что этот мальчишка слишком много на себя взял, полюбив принца Александра; может статься, он питал к нему отвращение, подобно тому как питал его и ко мне. Я старался не замечать, ибо знал: Эвмен не смог бы мне навредить, даже если бы захотел. Гефестион же не терпел косых взглядов: когда он благополучно привел армию в Сузы, Александр сделал Гефестиона хилиархом — так греки зовут высшую должность в государстве, сродни великому визирю у нас, персов. По влиянию он уступал

одному лишь царю. Занимаясь делами, Гефестион был справедлив и неподкупен, но при этом, помимо прочего, весьма ревностно относился к собственному званию.

Никто не мог задеть его гордость безнаказанно. Это началось еще в Индии, когда Гефестион переболел желтухой. Все лекари твердят, что пить вино нельзя еще долго после болезни, но попробуйте-ка удержать македонца от неизменной чаши за ужином. Кроме того, его характер отличался завидным постоянством — в любви так же, как и в обиде.

С персами Эвмен неизменно бывал вежлив, ради Александра, но еще и по причине наших учтивых манер. К примеру, для перса из порядочной семьи просто немыслимо скандалить с кем-то на улице. Мы травим друг дружку, хорошенько все обдумав, или же приходим к соглашению, чтобы впредь не нарушать договора. Македонцы же, не имеющие понятия о самообладании, мгновенно вскипают и долго могут вопить друг на друга во всю мощь своих глоток.

Этот флейтист, Эвий, был другом Гефестиона и частенько гостил у него в былое время, которого я, конечно же, не застал. Потому именно Гефестион взял на себя заботу о том, куда по-

селить музыканта и чем развлечь его. Сузы потихоньку заполнялись народом; жилище, которое Гефестион присмотрел для Эвия, уже заняли слуги Эвмена, и потому Гефестион выставил всех их на улицу, особенно не церемонясь.

Эвмен — как правило, очень спокойный и уравновешенный человек — явился к хилиарху, сотрясаясь от гнева. Перс сказал бы ему, что все это ужасная ошибка, которую, увы, уже не исправишь; Гефестион же заявил, что Эвмен обязан предоставлять жилье почетным гостям, как и любой другой на его месте.

Эвмен, чей ранг все-таки был немногим ниже, отправился прямиком к Александру, которому лишь с трудом удалось сохранить мир. Я твердо знаю, что флейтиста переселили в другое место: я сам занимался этим по просьбе царя. При желании я мог бы подслушать разговор Александра с Гефестионом, но в памяти у меня вновь всплыла пустыня — и я ушел.

Если, как я полагаю, Александр советовал Гефестиону испросить у Эвмена прощения, тот счел подобный поступок ниже своего достоинства и не последовал совету. Вражда потихоньку тлела. Мелкая перебранка из-за пустяка; зачем припоминать ее? Я делаю это лишь потому,

что конец ее отравил чистую скорбь моего повелителя и свел его с ума.

Ну а пока, не обладая даром предвидения, я больше не думал об их ссоре; насколько могу судить, Александр тоже постарался выкинуть ее из головы, с новой энергией занявшись делами, коих становилось все больше. Он часто навещал мать-царицу, виделся также и с будущей невестой. Мне он открыл тогда, что Стратера лицом пошла в мать, что она кроткая, скромная девушка. В нем вовсе не было того жара, что иссушал царя изнутри после первой встречи с Роксаной. Я не решился спросить, как *она* приняла новости.

Настал день пиршества. Дарий Великий, быть может, и видал подобную роскошь; во всяком случае, никто из живущих не мог этим похвастать. Вся площадь перед дворцом превратилась в один огромный павильон; в центре стоял шатер женихов — из чудесной ткани, с кистями из золотой нити, с золочеными же колоннами. Вкруг шатра — навесы для гостей. Свадьба была полностью устроена по персидским обычаям, в шатре невест парами расставлены золоченые кресла. Наши женщины воспитываются в скромности, а потому невесты войдут, лишь когда будут под-

няты заздравные кубки, — женихи возьмут их за руки и подведут к креслам, сидя в которых пары выслушают свадебную песнь, после чего невесты вновь оставят пирующих.

Их отцы, конечно же, будут на свадьбе. Александр попросил меня помочь рассадить их и занять беседой; ему хотелось, чтобы я посмотрел на церемонию.

Он надел митру и царское одеяние с длинными рукавами. Говоря по правде, полугреческое платье шло ему куда больше; это же требовало стати Дария, чтобы выглядеть в нем по-настоящему величественно. Впрочем, в Персии все мы помним поговорку: коли душа царя велика, велик и сам царь.

Чтобы толпа гостей пониже рангом не пропустила все от начала и до конца, снаружи шатра расставили глашатаев, которым надлежало трубить в рога, когда будут провозглашаться здравицы. Им предписывалось также повторять все тосты и особо объявить, когда в шатер войдут невесты.

Все шло как по маслу. В присутствии тестей, представлявших благороднейшие семьи Персии, женихи сдерживали себя в вине и даже не кричали друг другу через весь стол.

Никаких падений ниц. Александр наделил всех отцов рангом царских сородичей, что позволяло им целовать его в щеку. Так как у него самого тестя не было, эту роль взял на себя Оксатр, выглядевший весьма солидно в праздничной одежде, хоть ему и пришлось нагнуться для поцелуя.

Царь возгласил тост за невест; женихи выпили за здоровье отцов, а те оказали им ответную честь, после чего каждый выпил за царя. Протрубили рога, возвещая появление невест. Отцы встретили их и за руки подвели к женихам.

Если не вспоминать о землепашцах, вы редко встретите в Персии мужчину и женщину, идущих рядом. Что бы там ни говорили греки, нигде на свете вы не найдете такой красоты, какой озарена наша знать, чьи достоинства ковались столь долго и тщательно. Краше всего смотрелась первая пара — Оксатр со своею племянницей, рука об руку. Александр встал, приветствуя их, и принял руку своей невесты. Действительно, Дарий передал собственную красоту детям. Равно как и стать: Стратера была выше Александра на добрую ладонь.

Царь провел невесту к ее почетному месту рядом с троном, и вся разница мгновенно пропала.

Он видел ее в покоях матери-царицы, и его находчивости можно только завидовать: Александр повелел укоротить ножки кресла, предназначенного для Статеры.

Конечно же, им пришлось пройтись вместе, когда новобрачные парами стали расходиться. Я почти слышал его голос, повторяющий: «Это необходимо». (Много дней спустя я нашел обувь, в которой царь был на свадьбе, заброшенную в какой-то темный угол. Подошвы оказались подбиты войлоком на два пальца. Александр не пользовался подобными ухищрениями, принимая у себя гиганта Пора.)

Гефестион с Дрипетидой составили славную пару, оказавшись почти равными в росте.

Пиршество, затянувшись, продолжалось всю ночь. Я встретил старых друзей и даже не вспомнил, что собирался делать вид, будто разделяю общее веселье… Минули годы с той поры, как Александр впервые въехал в Сузы, пощадив город. За время похода царь и сам стал легендой, тогда как здесь его именем вершились неслыханные несправедливости. Теперь горожане узнавали Александра заново. В Сузах еще помнили Кира, равно как и то, что он не осквернил святынь покоренных мидян, не обесчестил

их знать и не поработил их землепашцев, а был царем обоим нашим народам. Великим чудом почитали здесь Александра — пришедшего с запада чужака, оказавшегося новым Киром. Я старался запоминать все, что говорилось за столами, дабы позже пересказать царю. Александр добился желанной цели.

Несомненно, он добился не меньшего и на брачном ложе. Стратеру поселили в царских покоях, но посещения Александра превратились в простые визиты вежливости гораздо быстрее, чем это произошло с Роксаной. Действительно, несколько дней спустя он навестил и согдианку. Возможно, для того лишь, чтобы исцелить ее уязвленные чувства, но я не уверен. Как сказал он сам, Стратера была кроткой и скромной девушкой; Александр же поклонялся огню. Роксана носила в себе пламя, даже если оно нещадно чадило. Вскоре он пресыщался ею, но время от времени она все же вновь притягивала его к себе. Мать царя, Олимпиада, эта царственная мегера, все еще поносила его регента в каждом своем послании. Александр мог во гневе швырнуть ее письмо в угол, но вместе с ответом отправлялся и подарок, подобранный с любовью. Видимо, и впрямь есть что-то в старой поговорке

о том, как мужчины избирают себе жен.

Александр достиг, чего хотел. Да — на земле *моего* народа.

Я был даже слишком счастлив. Раз или два, проходя мимо, я ловил на себе тяжелые взгляды македонцев, но разве не всегда завидуют тем, кого награждают своей любовью цари? Зависть эта коснулась и Гефестиона, а ведь он стоял куда выше, чем я сам. Мне и в голову не приходило, что персы по-прежнему ненавидимы, пока я не увидел Певкеста, разъезжавшего на коне в нашем традиционном одеянии. Мой народ, уже знавший цену этому человеку, приветствовал его, и тогда, едва он проехал мимо, я случайно услышал разговор двух македонцев. «Он же вылитый варвар, разве не отвратительно? Как царь может поощрять все это? И раз уж о том зашла речь, неужто царь так никогда и не опомнится?»

Про себя я отметил лица обоих, равно как и их звания. Совесть не стала бы мучить меня, если бы я решился поведать об их дерзости Александру. Но мой рассказ только причинил бы ему боль, не сослужив службы. Ведь он надеялся изменить не слова, а сердца подданных.

Вскоре Александру доложили, что македонское войско уже завязло в долгах по пояс, а кредиторы

требуют возврата денег. С поживой, завоеванной в походе, все они успели разбогатеть, точно князья, но они не имели понятия о том, что значит торговаться, как это понимаем мы, персы. А потому платили двойную цену за все, что покупали, ели, выпивали или же укладывали в постель. Услыхав об этом несчастье, Александр объявил, что оплатит все счета, как если бы он еще недостаточно потратился на свадебные подарки. Вперед вышло лишь несколько человек. Вскоре военачальники отважились открыть царю правду: люди боялись, будто он хочет выведать, кому из них не хватает обычного содержания.

Александр еще не бывал таким расстроенным с того самого дня в Индии, когда его войско отказалось двигаться вперед. Как они могли подумать, что царь способен солгать им? Он не мог понять, хотя я мог бы рассказать, в чем дело. Чем ближе он становился к нам, тем больше отдалялся от собственного народа.

Потому он приказал выставить в лагере столы для расчета и наказал казначеям не записывать ни единого имени. Любой воин мог принести долговую расписку и получить по ней деньги без всяких записей в книге; сей великодушный жест обошелся Александру в десять тысяч талан-

тов. Я думал, это заставит македонцев хотя бы ненадолго прикусить язык.

Весна только начиналась, хотя у реки уже можно было вдохнуть запах распускающейся зелени. Скоро раскроются лилии… Когда одним ранним утром мы отправились на берег с Александром, он посмотрел на холмы и спросил:

— В какой стороне был твой дом?

— Вон там, у скалы. Серое пятно, похожее на утес, — наша сторожевая башня.

— Хорошее место для крепости. Может, подъедем поближе и посмотрим?

— Я увижу слишком много, Аль-Скандер.

— Тогда не смотри в ту сторону. Лучше послушай, какую весть я приготовил тебе. Помнишь, лет пять назад я говорил, что собираю войско из персидских мальчиков?

— Да. Мы были тогда в Бактрии. Неужели минуло только пять лет?

— И впрямь кажется, что больше. Мы многое успели… — Действительно, за тридцать лет Александр прожил три полные жизни. — В общем, пять лет прошло. Они всему выучились и движутся сюда.

— Чудесно, Аль-Скандер. — Шесть лет, как я повстречал его; тринадцать — с той поры, как я

покинул те далекие стены в седле воина, везшего голову моего отца.

— Да, наставники весьма довольны их успехами… Ну, кто быстрее до тех деревьев?

Галоп стряхнул с меня печальные мысли, как на то и рассчитывал Александр. Когда мы остановились, позволив коням передохнуть, царь сказал:

— Тридцать тысяч, и всем по восемнадцать лет. Кажется, нам предстоит великолепное зрелище.

Новая армия вошла в Сузы семь дней спустя. Александр повелел установить высокий помост на террасе дворца, откуда он сам и его полководцы могли наблюдать за парадом новых войск. Из-за городских стен, где остановились лагерем юноши, до нас донесся призыв македонского рога: «Конница, вперед!»

Они построились в гиппархии. Вооружение македонское, зато на добрых персидских конях, не на греческих коротышках. Первыми скакали уроженцы Персиды.

В македонском платье или нет, персы есть персы. Их командиры не стали искоренять те мелочи, что придавали нашим конникам особую стать: расшитые замысловатыми узорами седла, девизы на кирасах, вымпелы на македонских

копьях, сверкающие уздечки, цветы, заткнутые в шлемы… И у каждого — персидский лик.

Не думаю, что все они пошли в обучение по доброй воле, но теперь уже научились гордиться своей выучкой. Каждый отряд гарцевал к площади с копьями на изготовку, замедлял шаг, выступая под музыку, разворачивался перед царским помостом, салютуя пиками; демонстрировал владение оружием, салютовал вновь и легким галопом удалялся, уступая площадь едущим вослед.

Все Сузы явились посмотреть: на стенах и крышах не было пустых мест. Подходы к площади запружены македонцами. Прежде никто не осмеливался оспаривать у них право называться лучшей армией, которую когда-либо видел свет. Но эти юноши осмелились и легко могли сравняться с ними в доблести. В отличие от македонцев у персов было чувство стиля. Как и у самого Александра.

Когда долгое представление подошло к концу, царь выступил вперед, сияя, и заговорил с персами из числа своих телохранителей — Оксатром, братом Роксаны и одним из сыновей Артабаза. Через всю площадь поймал он мой взгляд и улыбнулся. Лег он поздно, ибо долго сидел за вином

и разговорами, как обычно делал, бывая чем-нибудь доволен.

— Никогда прежде я не видел столько красоты в один день. Впрочем, что удивляться? Ведь я выбирал лучших. — Александр мягко потянул меня за волосы. — Знаешь, как я называю этих мальчиков? Я зову их своими Наследниками.

— Аль-Скандер, — сказал я, помогая царю снять хитон, — ты называл их так при македонцах?

— Почему нет? Их сыновья тоже станут моими Наследниками. А что такого?

— Не знаю. Ты ничего не отнял у них. Но им не нравится, если мы выказываем превосходство.

Он встал, одетый лишь в свои многочисленные рубцы, и отбросил назад волосы; вино не отупило, а лишь зажгло его.

— Ненавидеть превосходящих тебя — значит ненавидеть богов! — Александр говорил столь громко, что стоявший у двери страж заглянул посмотреть, все ли в порядке. — Великолепие следует приветствовать всюду, среди чужих народов, на дальнем краю земли! Как можно принижать его? — Развернувшись, он заходил по комнате. — Я нашел превосходство в Поре, хотя его черное лицо поначалу казалось мне

странным. И в Каланосе. Я нашел его среди твоего народа, и из уважения к нему я вешал персидских сатрапов на одной жерди с македонцами. Если бы я показал, что считаю преступления присущими персам, это могло бы вызвать презрение ко всем вам.

— Да. Мы древняя раса. Мы понимаем такие вещи.

— И не только, — заявил Александр, прекращая свою пламенную речь и открывая мне свои объятия.

Греки писали, что в те дни он неожиданно стал слишком уж вспыльчив. Неудивительно. Он хотел стать великим царем — не только на словах, но и на деле; но что бы Александр ни делал, его собственные воины всякий раз бывали недовольны. Лишь немногие друзья понимали, что им движет (признаю, среди них был и Гефестион). Остальные, пожалуй, предпочли бы видеть его повелителем расы рабов, а себя — хозяевами помельче. Нет, они не скрывали своих мыслей насчет нового войска Александра. И потом, царь уставал быстрее, нежели прежде, пусть даже рана в боку уже зажила; впрочем, он скорее выбрал бы смерть, чем признался бы в том.

Говорят, мы испортили Александра своим угод-

ничеством, постоянно лебезя перед ним; только неотесанным болванам могло показаться, что так и было. Мы знали, что благодаря нам царь научился цивилизованным манерам и учтивому обхождению. Персы, которым было бы дозволено выбранить царя или в чем-то упрекнуть его, сочли бы Александра низкорожденным варваром без всякого понятия о собственном достоинстве, служить которому они посчитали бы зазорным. Объясняю только для невежд. В Персии это разумеет любой дурак.

Чем мы не угодили этим людям? От Александра они получили свадебные подарки и приданое; он уплатил за них долги; для них он устроил большой парад со множеством прекрасных наград за мужество и верную службу. И все же, стоило царю ввести в число Соратников нескольких действительно отличившихся персов, этот его шаг был встречен с негодованием. Если Александр бывал вспыльчив и резок с ними, они того заслуживали. На себе я не испытал ничего подобного.

Весна была в самом разгаре; Александр решил провести лето в Экбатане, как и прочие цари до него. Большая часть войска, ведомая Гефестионом, должна была выступить маршем через долину Тигра к Опиде, откуда через проходы

в горах вели хорошие, прочные дороги. Сам Александр, желавший увидеть что-нибудь новое, что могло оказаться полезным впоследствии, отправился в Опиду по воде. В тех краях Тигр теряет свой злобный напор; это было приятное путешествие по неустанно извивавшемуся потоку, мимо пальмовых кущ и плодоносных полей, где волы без устали вращали водяные колеса. По мере нашего плавания Александр приказывал избавлять реку от множества загромождавших путь древних плотин, еще в незапамятные времена обращенных в руины. Тем временем мы бездельничали, спали на воде или же на берегу, как желал того Александр. То был отдых от двора, от тяжкого ежедневного труда и постоянной бессмысленной злобы. Зеленые, мирные дни…

Где-то в конце путешествия, пока воины крушили очередную старую плотину, мы причалили у тенистых зарослей над узким речным притоком. Александр полулежал на корме под полосатым навесом; я положил голову на его колени. Некогда он непременно оглянулся бы по сторонам, дабы убедиться, что поблизости нет македонцев; ныне же он поступал как хотел, и они могли себе думать что угодно. В любом случае рядом не было никого, чье мнение хоть

чуточку заботило Александра. Запрокинув голову, он глядел на качавшиеся вверху пальмовые листья и лениво играл моими волосами.

— В Опиде мы окажемся на царской дороге на запад, и я отправлю домой старых вояк. Армия потрудилась на славу, а ведь еще в Индии она едва не стонала от усталости. Верно говорит Ксенофонт: полководец может сносить те же трудности, но для него это — другое. Их слезы тронули меня. Упрямые старые дураки… Но упрямые и в бою. Если они, уже отправившись по домам, вдруг будут созваны снова, это сделает кто угодно, но не я.

Армия вошла в город прежде нас. Опида — городок средних размеров, с желтыми домиками из глиняных кирпичей и, как во всяком поселении вдоль царской дороги, с непременным каменным жилищем для царя. В равнинах становилось жарко, но мы не собирались задерживаться. Во время перехода армии ничего серьезного не приключилось — разве что Гефестион с Эвменом всю дорогу продолжали ссориться.

Их вражда нарастала постепенно, впервые проявившись еще перед Сузами. В Кармании, желая подновить флот, Александр попросил у друзей ссуду, обещая отдать долг, когда они

вместе достигнут столицы. Их деньги, по крайней мере, благополучно миновали пустыню и позже были возвращены с прибылью. Но Эвмен был скуп, и, когда Александру принесли его пожертвование, царь с иронией возвестил, что не станет грабить бедняка, и отослал деньги обратно. «Интересно, — сказал он мне той ночью, — сколько ему удастся спасти из огня, если его шатер вдруг загорится?» — «Стоит попробовать, Аль-Скандер», — отвечал ему я. Царь был тогда навеселе, мы оба смеялись; я бы в жизни не подумал, что он сделает это. Шатер вспыхнул на следующий день. К сожалению, он сгорел так быстро, что в огне пропали царские записи и важные письма. Деньги вынесли уже в виде слитков. Около тысячи талантов, разумеется. Александр рассудил, что Эвмен и без того пострадал от шутки, и не стал вторично просить его о ссуде. Не могу сказать, решил ли Эвмен, что пожар — дело рук Гефестиона… После истории с флейтистом Эвмен сделался до невозможности подозрителен: ежели случалось ему наступить на собачье дерьмо, он даже в этом подозревал Гефестионову проделку.

Двигаясь к Опиде, они не скрывали вражды и потихоньку стали обрастать сторонниками.

Едва ли это делалось намеренно. Гефестиону не было в том никакой нужды; по-гречески осторожный, Эвмен старался не втягиваться в опасные предприятия. Никаких ссор или скандалов, но те, кто невзлюбил персидские манеры Александра и знал, что друг царя во всем его поддерживает, без особых уговоров переходили на сторону противника Гефестиона.

К тому времени как мы добрались до Опиды, Эвмен уже начинал беспокоиться. Он явился к Александру и, поведав царю, как огорчает его сей разрыв, объявил, что готов к примирению. Прежде всего он хотел избежать обвинений в упрямстве, если ссора затянется. К чему и шло; однажды Эвмен вспылил, и Гефестион не пожелал предать забвению слова, сказанные во гневе. Он действительно редко не подчинялся воле Александра, но, будучи теперь великим государственным мужем, сам заботился о своих делах. Александр никак не мог приказать Гефестиону проглотить оскорбление. Если же царь просил об этом как об услуге, ему было отказано. Гефестион, не разговаривавший с Эвменом вот уже полмесяца, и дальше хранил молчание. А вскоре иные заботы отвлекли нас от их ссоры.

На огромной площадке Александр повелел

возвести большой помост, с которого собирался обратиться к войскам. Он хотел рассчитать старых воинов, назвать причитавшуюся каждому сумму и отдать последний приказ о марше к Срединному морю. Ничего особенного. Я решил посмотреть и залез на крышу оттого лишь, что больше мне нечем было заняться, а я всегда предпочитал скорее видеть Александра, чем не видеть его.

Воинство заполонило всю площадку, вплоть до самого помоста, вокруг коего уже стояли стражи. Полководцы подъехали по специально оставленной для них дорожке и заняли свои места; последним появился царь. Отдав стражнику коня, Александр вскочил на помост и стал говорить.

Прошло еще не слишком много времени, когда воины принялись размахивать руками. Уплата за верную службу была баснословно велика — и я решил, что они просто радуются своей удаче.

Внезапно Александр спрыгнул с помоста и, пробившись через стражу, принялся расхаживать среди простых воинов. Я увидел, как он вцепился в одного из них обеими руками и потянул к стражникам, которые тут же обступили провинившегося. Полководцы протискива-

лись поближе к царю. Он продолжал бродить среди воинов, указывая на некоторых, и не поднялся на помост, пока их (всего около десятка) не построили и не увели прочь. Только тогда Александр обошел вокруг, поднялся по ступеням и, выйдя вперед, продолжал говорить.

Больше никто не поднимал рук. Поговорив еще немного, царь сбежал по лестнице, вспрыгнул на коня и галопом помчался к своему каменному жилищу. Полководцы последовали за ним, едва успев вспрыгнуть на своих коней.

Я поспешил вниз, чтобы оказаться в царских покоях заранее и услышать, что именно произошло на плацу. Дверь распахнулась; Александр рявкнул стоявшему снаружи стражнику:

— Никого! Ни по какому делу. Понял меня?

Царь влетел в комнату, с силой хлопнув дверью, прежде чем страж смог бы прикрыть ее. Меня он поначалу не заметил; бросив один-единственный взгляд на его лицо, я предпочел молчать. Александр был раскален добела, его блестевшее от пота утомленное лицо пылало гневом. Губы двигались, повторяя сказанное перед армией. Мне удалось расслышать лишь самый конец:

— Да, и расскажите своим домашним, как вы бросили меня, поручили заботам иноземцев,

которых сами же завоевали. Вне сомнения, это создаст вам немалую славу среди людей и обеспечит благословение небес. Убирайтесь.

Александр запустил свой шлем в угол и принялся за панцирь. Я шагнул вперед, чтобы помочь ему с пряжками.

— Сам справлюсь! — Он раздраженно оттолкнул мои пальцы. — Я сказал, никого не впускать!

— Я был внутри. Что случилось, Александр?

— Ступай и выясни. Лучше уходи, сейчас я за себя не ручаюсь. Позже пришлю за тобой. Иди.

Я оставил его дергать ремешки и ругаться вполголоса.

Немного подумав, я направился в комнату царских телохранителей. Здесь только что появился тот из них, что держал под уздцы коня Александра, и я присоединился к сразу окружившей его толпе.

— То был мятеж, — рассказывал он. — Любого другого они бы просто-напросто убили. А, Багоас! Ты видел царя?

— Он не желает говорить. Я сидел на крыше и все видел. Что такого он сказал им?

— Ничего! То есть он объявил об освобождении ветеранов, благодарил их за мужество и верность. Все очень красиво и правильно. Он только

собирался перейти к выплатам, когда кто-то из остающихся принялся кричать: «Отпусти нас всех!» А когда он спросил, что они хотят этим сказать, они принялись орать наперебой: «Мы тебе больше не нужны, это все проклятые ублюдочные варвары…» Ох, прости, Багоас.

— Продолжай, — сказал я. — Что потом?

— Кто-то завопил: «Отправляйся к своему отцу — к тому, что с рогами![104] Может, он пойдет за тобой». Александр не мог перекричать всех и поэтому спрыгнул вниз, в самую середку, — и давай арестовывать зачинщиков.

— Что? — изумился кто-то. — Сам, в одиночку?

— Никто и пальцем его не задел. Жутко было смотреть. Словно он и впрямь бог. У Александра был меч, но он к нему даже не притронулся. Они подчинялись, словно покорные волы. Знаете почему? Я знаю. Это из-за его глаз.

— Но потом он заговорил вновь, — подсказал я.

— А, ты видел? Он убедился, что арестованных увели, а потом забрался на помост и оттуда поведал воинам об их судьбе. Начал с того, что Филипп поднял их из грязи, когда они еще носили козьи шкуры… Это что, правда?

---

[104] Сноски: 104

Египетский бог солнца Амон нередко изображался с бараньими рогами.

Стражник из наиболее благородной семьи ответил ему:

— Мой дед рассказывал, что только властители носили плащи. Он говорил, по этому можно было судить о человеке.

— А иллирийцы — они действительно совершали набеги на Македонию?

— Дед говорил, на ночь крестьяне прятались в крепостях.

— Ну, царь сказал, что Филипп сделал их повелителями всех тех народов, что прежде убивали их из отвращения, а когда умер, то оставил в казне шестьдесят талантов, немного золотых и серебряных чаш, а также пятьсот талантов долгу. Александр занял еще восемь сотен, с чем и пересек море, чтобы воевать в Азии. Вы слыхали об этом? Да, потом он напомнил им обо всем, что было позже, и напоследок сказал вот что: «Пока я вел вас, никто не был убит при отступлении». Он сказал: если кому-то хочется домой, то все они могут уйти хоть сегодня же — и хвастаться этим, когда доберутся, и доброй им удачи. Вот что он сказал им.

Один из наиболее юных предложил:

— Давайте пойдем к нему и расскажем, что чувствуем *мы.*

Стражники часто говорили так, будто были хозяевами Александру. Я всегда считал это забавным.

— Он никого не впустит, — заявил я. — Он прогнал даже меня.

— Он плачет? — спросил самый мягкосердечный.

— Плачет? Да он разгневан не хуже раненого льва! Держите свои головы подальше от его пасти.

Свою я берег до самого вечера. Александр не желал видеть никого из друзей, даже Гефестиона, чья ссора с Эвменом так и не утихла; думаю, Александр еще не успел простить этого. Слуги, принесшие трапезу, были выставлены, как и все прочие. Раненый лев не желал лечиться.

Ночью я отправился посмотреть, принял ли он ванну. Стражи, конечно, пропустили бы меня, но я боялся навлечь львиный рык на них самих, а потому попросил объявить обо мне. Изнутри раздался стон:

— Поблагодарите его, но не впускайте.

Про себя я отметил благодарность, которую не получил прежде; повторил попытку наутро — и был допущен.

Александр все еще зализывал раны. Вчерашний

гнев, настоявшись, обратился глубокой обидой. Он только об этом и говорил. Я побрил, искупал и накормил царя. Все остальные пока что оставались за дверью. Александр передал мне большую часть своего обращения к армии — пламенные, яростные слова, слишком колкие, чтобы держать при себе. В этом он походил на женщину, вновь и вновь оживлявшую в памяти последнюю перебранку с любовником, слово за словом.

Как раз после завтрака в двери постучал стражник:

— Царь, пришли македонцы из лагеря, они просят дозволения говорить с тобой.

Александр переменился в лице, хотя нельзя сказать уверенно, что глаза его загорелись. Он едва заметно наклонил голову.

— Спроси их, — сказал он, — что они до сих пор делают здесь, если покинули меня еще вчера? Передай, что я никого не принимаю; я занят тем, что готовлю всем им замену… Пусть забирают свои деньги и убираются с глаз долой. Багоас, ты не сыщешь мне инструменты для письма?

Весь день он работал за столом, перед отходом ко сну был задумчив. В глазах его что-то сверкало, но он не желал делиться. На следующее утро Александр послал за своими полководцами.

С этого момента дворец кишел военачальниками — по большей части персами. Вся Опида бурлила, словно растревоженное осиное гнездо.

Македонский лагерь все еще был набит воинами. Не желая оказаться разорванным в клочья, я старался обходить его стороной, выискивая более подходящие места для прогулок. Суматоха была неописуемая, и вскоре я уяснил, в чем дело. Александр собирал новую, исключительно персидскую армию.

Речь не шла о нескольких новых частях, вроде Наследников. Все основные полки македонской армии — Серебряные Щиты, Соратники-пехотинцы — набирались из персов. Только главные македонские полководцы и самые верные друзья Александра оставались при прежних должностях. Даже сами Соратники должны были смениться персами, по крайней мере наполовину.

В первый день были оглашены приказы. На второй военачальники приступили к работе, а Александр наделил рангом царской родни всю персидскую знать, имевшую его при Дарии; теперь все эти люди могли целовать его в щеку, вместо того чтобы падать ниц. К их числу он добавил восемьдесят македонцев, сыгравших вместе с ним свадьбу.

В пыли, что поднялась снаружи, впору было задохнуться. В покоях Александр в своем персидском облачении принимал присягу от вновь назначенных персов, то и дело подставляя щеки для поцелуев. Я наблюдал, спрятавшись в тень, и думал: «Теперь он весь наш, без остатка».

Было очень тихо; мы все знаем, как подобает вести себя в присутствии владыки. Нараставший на террасе шум звучал тем отчетливее: тяжелый звон, будто гремело сваливаемое в кучу железо, и явная тоска в македонских голосах, по обыкновению отнюдь не приглушенных.

Шум становился все громче. Македонские военачальники переглядывались меж собой и украдкой бросали испытующие взгляды на Александра. Царь вновь наклонил немного голову и, послушав, продолжал говорить как ни в чем не бывало. Я выскользнул из зала выглянуть в окно наверху.

Терраса была заполонена ими, причем те, кому не оставалось места, ждали на площади. Все с пустыми руками, ибо успели сдать оружие. Они стояли перед воротами дворца, потерянно шушукаясь. Более всего они походили сейчас на собак, вырвавшихся на волю и бежавших в лес, но вернувшихся домой, чтобы обнару-

жить запертые на ночь двери. Скоро, подумал я, они скорбно завоют, запрокинув головы.

И разумеется, очень скоро они принялись оглушительно взывать, подобно потерянным душам: «Александр! Александр! Александр, впусти нас!»

Он вышел. Исторгнув громкий вопль, все, как один, попадали на колени. Самый ближний к царю воин с плачем вцепился в подол его персидского одеяния. Александр молчал; он просто стоял и смотрел на них.

Они вымаливали прощение. Никогда больше не повторят они обидных слов. Осудят подстрекателей. Останутся на этом самом месте и будут ждать, пока он не простит их и не пожалеет.

— Значит, таковы теперь ваши слова. — Александр говорил резко, но мне показалось — я расслышал в его голосе еле заметную дрожь. — Тогда что заставило всех вас собрать ассамблею?

Вступил новый хор. Тот, что держался за край царских одежд (теперь я видел, он был из военачальников), сказал: «Александр, ты называешь персов своими родичами. Ты позволяешь им целовать себя. Кто из нас когда-нибудь удостаивался такой чести?»

Это его точные слова, клянусь вам.

Александр бросил ему:

— Встань.

Подняв македонца с колен, он обнял его. Бедняга, не знавший этикета, запечатлел на его щеке неуклюжий поцелуй, но вам стоило послушать радостные вопли!

— С этой минуты вы все — мои родичи, каждый из вас. — Голос Александра дрогнул, уже без всяких сомнений. Раскинув руки, царь шагнул вперед.

Я перестал считать, сколькие же пробирались к нему, чтобы поцеловать. Щеки Александра блестели: возможно, они попробовали на вкус его слезы.

Весь остаток дня Александр провел, заново распределяя должности полководцев между персами и македонцами, — и ни один персидский военачальник не потерял при этом лица! Кажется, это не доставило царю больших усилий. Я верю, что все это было задумано им с самого начала.

Александр лег в постель, смертельно уставший за день, но на лице его играла улыбка триумфатора. Что ж, он заслужил это.

— Они передумали, — радостно сообщил мне царь. — Так я и знал. Мы все-таки давно уж вместе.

— Аль-Скандер, — позвал я, и он обернул ко мне

свою улыбку.

Слова уже плясали на кончике моего языка, так что я едва не сказал: «Я видел величайших гетер Вавилона и Суз. Я видел самый цвет ремесла, жриц любви из Коринфа. Я думал, что и сам чему-то научился на поприще искусства. Но венок победителя твой».

Как бы там ни было, нельзя быть совершенно уверенным, что тебя поймут верно; и потому я сказал Александру:

— Кир мог бы гордиться подобным свершением.

— Кир?.. Ты навел меня на мысль. Что бы Кир сделал сейчас на моем месте? Он объявил бы о празднике Примирения.

Царь устроил этот грандиозный пир прежде, чем старые воины отправились по домам. Праздник ничуть не уступал свадьбе, разве что навесы остались в Сузах. Посреди площади у дворца был сооружен огромный помост, откуда все девять тысяч гостей могли бы видеть царский стол, за которым вместе с Александром сидели главные вожди македонцев и персов, а также лидеры всех союзников. Греческие прорицатели и наши маги вместе воззвали к богам. Все бывшие на пиру получали равные почести, разве что по обе

руки от Александра сидели македонцы. Он не мог отказать старой, прощенной любовнице — после всех этих слез и поцелуев.

Сам я, конечно, с восторгом ожидал перемен. При настоящем персидском дворе царский фаворит, даже если он не берет взяток, окружен большим уважением. Никто не позволит себе оскорбить его. Тем не менее положение такого фаворита казалось бледной тенью в сравнении с тем, что я уже имел. Нет, я не горевал, что Гефестион сидел на пиру рядом с царем; то было формальное право хилиарха. Он не воспользовался празднеством Примирения, чтобы упрочить по-прежнему хрупкий мир с Эвменом. Я думал: Аль-Скандер знает, ему не пришлось бы просить *меня* понапрасну.

Поэтому, когда под звуки труб царь поднял большую чашу и призвал богов наделить нас всеми возможными благами, но прежде прочих — согласием меж македонцами и персами, я выпил с ним от чистого сердца, и выпил снова: за надежду, вновь воссиявшую на его лице.

Все идет прекрасно, думал я тогда. И уже очень скоро мы отправимся в холмы. Вновь, столько лет спустя, я увижу великие стены прекрасной Экбатаны.

Глава 27

Ветераны былых сражений отправились домой, наделенные любовью и деньгами. Вел их Кратер. В Македонии ему предстояло взять на себя регентство; Антипатр же должен был занять его место.

Высокая дворцовая политика. Александр объявил, что Кратер заслужил свой отпуск по болезни. Между тем поговаривали, что царь сам нуждался в отдыхе от бесконечных интриг и препирательств меж собственной матерью и регентом, которые могли завершиться пролитием крови; по мнению других, Александр счел, будто Антипатр слишком долго правил страною, словно царь. После стольких лет он и впрямь мог возомнить себя царем — но то были всего лишь пустые догадки. Антипатр остался верен Александру, но все это время он ожидал, что тот вот-вот вернется. «Он что-то слишком стал зазнаваться» — вот слова самого Александра.

В последней речи, произнесенной перед отправкой воинов домой, царь сказал: «Я оказываю вам честь, доверяя вас Кратеру, моему самому верному стороннику, кого люблю, словно соб-

ственную жизнь». *Самому* верному?.. Это сошло достаточно гладко в прощальной речи, состоявшей из сплошных благодарностей.

Вполне возможно, что, отказавшись пожать руку Эвмену, Гефестион впервые отверг просьбу Александра. Теперь с каждым днем положение все усложнялось. Эвмен снизошел до того, чтобы первым предложить примирение; ни один муж его ранга, однажды отвергнутый, не выйдет вперед вновь. Встречаясь, они обменивались холодными взглядами; порознь они делились своими думами о противнике со всяким, кто был готов пересказывать их направо и налево.

По всей вероятности, вы думаете теперь: вот, Багоас, твой шанс. Любой, кто привык к жизни при дворе, скажет так. Не столь давно я и сам сказал бы то же самое; теперь я молчал. Александр — воитель, о котором ныне люди рассказывают легенды, он был особенным человеком. У Ахилла должен быть свой Патрокл. Ахилл мог любить свою Брисеиду, но Патрокл — его друг до самой смерти. У их могил в Трое Александр приносил жертвы вместе с Гефестионом. Нанесший рану Патроклу погибнет от руки Ахилла. Эвмен понимал это; он знал обоих с мальчишества.

Итак, вместо того чтобы рассказывать царю

о ссоре, подогревая его гнев, я старательно делал вид, что вообще ни о чем не ведаю. Легенда стала частью жизни Александра. Сама его кровь несла ее по жилам. Если кто-то собирался нанести удар этой легенде, пусть то будет Гефестион, но не я. И потом, я еще не забыл то страшное утро в пустыне.

Двор выехал в Экбатану. Стратера осталась в Сузах, под присмотром бабушки. Роксану Александр захватил с собою.

По дороге мы стали свидетелями целого представления. Мидийский сатрап, по имени Атропат, слыхавший о суде, который Александр учинил над прочими сатрапами, приготовил ему маленькое развлечение. Когда царь впервые проезжал этой дорогой, он спрашивал о древней расе амазонок, упомянутой Геродотом, — сохранилось ли где-нибудь их племя? Атропату нечего было ответить, и он, должно быть, вынашивал свою идею с тех самых пор.

Как-то утром звонкий клич рога пронесся по горной долине, где мы стали лагерем. К нам скакал небольшой отряд юных всадниц, изысканно вооруженных круглыми щитами и маленькими секирами. Предводительница соскочила с лошади и, салютовав Александру, объявила,

что они присланы Атропатом. Ее правая грудь, совсем небольшая, была обнажена, как в легендах. Левую прикрывал хитон, и потому нельзя было судить о ее размере.

Вернувшись к своему отряду, бравая предводительница приказала начать весьма стремительное и живое представление. Наши воины, пожиравшие глазами все эти нагие груди, радостными криками едва не сорвали себе глотки. Александр повернулся к Птолемею:

— Атропат, наверное, совсем выжил из ума. Воительницы? Да это обыкновенные девчушки. По-твоему, они похожи на шлюх?

— Нет, — отвечал Птолемей, — их выбирали за внешность и за верховое искусство.

— За какого же дурачка он меня принимает? Так, мы должны увести их из лагеря прежде, чем воины набросятся на бедняжек. Багоас, сделай одолжение. Скажи им: мне так понравился их парад, что я хотел бы взглянуть на него еще разок. Гидарн, ты можешь найти мне эскорт из трезвых, немолодых мидян? И быстро?

Девушки стали еще прекраснее, раскрасневшись после скачки; воины облизывались, словно псы за закрытой кухонной дверью. Когда юные всадницы сызнова начали свое представление,

они вновь принялись подбадривать их свистом и криками. В великой спешке Александр собрал подарки. Он избрал украшения, а не оружие, но царские дары все равно были приняты с величайшей благодарностью, и под всеобщий стон седовласые мидяне ускакали прочь со своими подопечными.

Мы разбили лагерь в нагорных лугах Нисы, издавна слывших пастбищами для царских табунов. Племенных кобыл оставалось еще около пятидесяти тысяч, хотя бессчетное их множество было угнано отсюда за годы войны. Кони обрадовали Александра, и он приставил к табунам особую охрану, равно как и отобрал нескольких подававших надежды жеребят. Одного он отдал Эвмену. Если дар был вознаграждением за готовность примириться с Гефестионом и средством излечить уязвленную гордость, на словах не было сказано ничего. Гефестион же, ставший причиной нынешней ссоры, и сам мог разгадать смысл подарка. Во всяком случае, так его истолковали сторонники Эвмена, на все лады склонявшие старую поговорку о том, что гордыня не доводит до добра.

Я своими глазами видел список гостей и потому говорю достоверно: тем вечером Александр со-

бирался пригласить Гефестиона на ужин вместе с несколькими старыми друзьями. Он был бы обходителен с ним на глазах у всех, разглаживал бы ему перышки, стараясь показать — Патрокл все еще остается Патроклом.

В тот день Гефестион столкнулся с Эвменом нос к носу, прямо в лагере.

Не могу судить, вышло это намеренно или же случайно. Я выезжал полюбоваться табунами и как раз возвращался; крик спорщиков я заслышал задолго до того, как подъехал. Гефестион заявил, что греки лодырничают уже сотню лет, что Филипп побивал их везде, где только встречал, и что сам Александр обнаружил, будто их единственным оружием остались языки; уж ими-то они владеют на славу. Эвмен отвечал, что чванливые хвастуны вообще не нуждаются в языках: их собственная вонь достаточно красноречива.

Обе толпы свистели и улюлюкали; людей все прибавлялось, и я понял, что скоро начнется кровопролитие. Уже слыша шелест извлекаемых из ножен мечей, я поворотил коня, чтобы скакать прочь, но тут раздался бешеный бой копыт, громом прокатившийся издалека и застывший совсем рядом. Прозвучал один-единственный

яростный окрик, и все прочие звуки смолкли. Александр, за спиною которого маячил оруженосец, восседал на коне, глядя вниз, сжимая челюсти. Ноздри его вздулись, справляясь со вспышкой гнева. В наступившей тишине явственно слышалось позвякивание сбруи.

Долгая пауза кончилась. Гефестион и Эвмен шагнули вперед, заговорив одновременно: каждый осуждал противника.

— Молчать!

Я спрыгнул с коня и, держа его под уздцы, постарался затеряться в толпе. Мне не хотелось, чтобы мое лицо запомнилось кому-нибудь, учитывая быстро надвигавшуюся бурю.

— Ни слова! Оба! — Скорость, с какой Александр прискакал к месту ссоры, отбросила его волосы назад, открыв брови; прическа его была скорее коротка, в уступку летней жаре. Глаза Александра побледнели, а гнев исказил линию бровей, подобно сильной боли. — Я требую дисциплины от тех, кого назначаю ее поддерживать. Вам надлежит вести моих воинов в битву, а не в драку. Оба вы заслуживаете остаться без языков и замолчать навечно. Гефестион, это я сделал тебя тем, кто ты есть. И не за упрямство.

Глаза их встретились. Было так, словно я увидел

обоих истекающими кровью, свободно изливавшейся по каменным лицам.

— Приказываю немедленно прекратить ссору. Под страхом смерти. Если этот запрет окажется нарушен, вас обоих будут судить за измену. Зачинщик понесет обычное наказание. Смягчать его я не стану.

Толпа затаила дыхание. У нас на глазах царь не просто отчитал двух великих полководцев, что само по себе неслыханно. Все воины вокруг были македонцами и помнили легенду об Ахилле.

Мечи тихонько заскользили обратно в ножны.

— В полдень, — сказал Александр, — вы оба явитесь ко мне. Пожмете друг другу руки и поклянетесь в примирении, которого будете придерживаться взглядом, словом и деянием. Это понятно?

Поворотив коня, он умчался прочь. Я выскользнул из толпы, не решаясь взглянуть в лицо Гефестиону, который мог видеть меня. И потому не заметил, как он поскакал вослед Александру.

Той ночью он пригласил обоих на ужин. Жест прощения — но равный для Гефестиона и Эвмена. Особая милость к Патроклу, надо полагать, была отложена до лучших времен.

Я не видел Александра, пока не пришло время одеваться. Все оказалось даже хуже, чем я думал. Царь выглядел осунувшимся и не проронил почти ни слова, так что и я не решился открыть рот. Но, расчесывая ему волосы, я все же охватил ладонями голову Александра и прижался к ней щекою. Глубоко вздохнув, он устало прикрыл глаза:

— Меня вынудили так поступить. Иного выхода не было.

— Есть раны, страдать от которых могут лишь цари, во имя общего блага. — Я провел немало времени, обдумывая, как высказать то, за что Александр простил бы меня после.

— Ты прав. Так и есть.

Мне хотелось обнять Александра, шепча, что я никогда не заставлю его так страдать. Но я помнил, что они с Гефестионом сумеют всего лишь заштопать новую прореху, не более. Что дальше? И кроме того, утро в пустыне… Поэтому я просто поцеловал своего господина и продолжал причесывать его.

Ужин закончился рано. Мне показалось, Александр побоялся, что, напившись, они начнут все сначала. Но царь замешкался в своем шатре, вместо того чтобы лечь; потом накинул темный

плащ и вышел. Я видел, как он прикрывал лицо складками: он не хотел, чтобы люди видели, куда он направляется, хотя наверняка подозревал, что я обо всем догадался.

Александр отсутствовал не слишком долго. Надо полагать, они с Гефестионом, по обыкновению, замяли свои обиды; впоследствии это стало ясно всем. Но если б все шло, как желал того Александр, ночь не закончилась бы так, как она закончилась, когда он вернулся ко мне. Ничего не было сказано словами, однако и без слов можно сказать многое — возможно, слишком многое. Я любил его и ничего не мог с этим поделать.

Время проходит, стирая камни в пыль… Еще три или четыре дня мы оставались в лагере, рядом с табунами высоких лоснящихся коней. Гефестион с Эвменом обращались друг к другу тихо и подчеркнуто вежливо. Александр ездил с Гефестионом выбирать ему лошадь. Они вернулись, смеясь, как бывало раньше, — можно было вздохнуть с облегчением, ежели не знать, чего им это стоило. Времени не под силу исцелить их любовь, думалось мне. На это способно лишь желание забыть. «Смягчать наказание я не стану». Один знает, что эти слова вырваны у него силой, другой же — лишь то, что они ска-

заны. Уже ничего нельзя изменить или уладить за разговором. Но они столько времени провели вместе, что согласились предать забвению разлад: это необходимо, другого выхода нет.

Мы шли по горным перевалам на восток, в Экбатану.

На сей раз снега не было, и могучие стены блестели яркими цветами, словно драгоценные ожерелья на шее горы. В высоких, просторных комнатах нас встретил не дождь со снежной крошкой, но приятный студеный ветерок. Ставни оказались убраны; Экбатана была летним дворцом, и здесь ждали царя. Прекрасные ковры устилали царские полы. Светильники из потемневшего серебра или золоченой бронзы свисали с увитых золотыми листьями балок в той опочивальне, где Дарий ударил меня по лицу, а я, плача, угодил прямо в руки Набарзану.

По зеленым холмам бежали шустрые потоки; воздух дышал высотой. Теперь я смогу прокатиться по ним: мы собирались пробыть здесь все лето.

Ночью Александр вышел на балкон, дабы охладить затуманенную вином голову. Я стоял рядом. Ящики с растительностью благоухали цветами лимона и розами, чистый ветер овевал нас, спу-

стившись с самых вершин. Царь сказал мне:

— Впервые я попал сюда, преследуя Дария. Зима была в разгаре, но я сказал себе: «Когда-нибудь вернусь».

— Я тоже. Когда я еще был с Дарием и ты преследовал нас, я сказал себе то же самое.

— И вот мы оба здесь. Наши мечты порой творят чудеса. — Александр глядел на сверкавшие звезды, вынашивая новые мечты, как поэт вынашивает песню.

Я видел знаки. Что-то пожирало его изнутри. Царь был рассеян и возбужденно ходил по комнате, сдвинув брови; тем не менее я всегда мог отличить новую мечту от новой задачи, требовавшей решения. Не стоило спрашивать, рано или поздно Александр откроет мне свои думы.

Это случилось как-то утром, так рано, что я был первым, кто узнал о причине его задумчивости. Я нашел Александра, совершенно нагого, вполне проснувшимся и разгуливавшим из угла в угол, чем он, наверное, занимался еще с темноты.

— Аравия, — заявил он, едва увидев меня. — Только не внутренние ее части, а побережье: достаточно убедиться, что племена не совершают набегов на порты. Да, нам нужны берега; и ведь никто не ведает их протяженности на юг

или на запад. Подумай только. Мы можем устроить гавани вдоль Гедросии, раз теперь уже знаем точно, где можно найти воду. От Кармании — вверх по Персидскому морю, это легкое плаванье. Но нам нужно обогнуть Аравию. Поднявшись по Аравийскому заливу — этот-то отрезок хорошо изучен, — попадаем в Египет. А оттуда (ты слыхал когда-нибудь?) прямо в Срединное море ведет канал, прорытый по велению фараона Неко и завершенный Дарием Великим. Его всего-то нужно почистить и расширить. Обогнув Аравию, если только это возможно, корабли смогут преодолеть весь путь от Инда, и не только до Суз — в Александрию, Пирайю, Эфес. Города, вырастающие из малых поселений; деревни там, где не было вообще ничего; бедные дикари вроде пожирателей рыбы Неарха станут настоящими людьми; все великие народы смогут обмениваться лучшими товарами, делиться мыслями… Море — чудесная дорога, на которую человек едва лишь ступил.

Мне приходилось почти что бежать, чтобы все услышать и не отстать.

— Теперь Италия. Муж моей сестры погиб там, сражаясь; ему стоило дождаться меня. Их придется побыстрее призвать к порядку, иначе это западное племя, римляне, захватит все до послед-

него клочка. Хорошие воины, как я слышал. Надо будет оставить им прежнюю форму управления… Можно набрать из них новые войска, с которыми я продвину империю дальше на запад, вдоль Северной Африки. Мне не терпится узреть Геркулесовы столбы; кто знает, что лежит за ними?

Он говорил и говорил. Порою обрывки его мечтаний возвращаются ко мне, но потом я вновь теряю их; вижу одно лишь лицо Александра в холодном утреннем свете, усталое и тускло сияющее, потертое, подобно старому золоту… Блеск глубоких темных глаз, сверкающих в полутьме, подобно огню, зажженному на алтаре. Взъерошенные волосы — поблекшие, но по-прежнему мальчишеские — и сильное послушное тело, позабывшее о множестве полученных ран, готовое принять на себя задачи еще одной, очередной жизни, мерящее комнату шагами, словно уже ступив на новый путь…

— Вавилон должен стать столицей, в самом центре. Порт будет принимать по тысяче галер зараз… Мы двинемся туда сразу же, чтобы все начать, подготовить флот для Аравии… Ты чем-то огорчен?

— Только тем, что придется покинуть Экбатану. Когда мы едем?

— О, мы останемся здесь и дождемся холодов. Наше лето мы не отдадим никому. — Александр обернулся взглянуть на горы и, наверное, вышел бы нагим на балкон, если б я не набросил ему на плечи халат. — Что за место для праздника! Мы непременно устроим большое празднество, прежде чем покинем Экбатану. Пора отблагодарить Бессмертных.

Наше лето осталось с нами.

На холмах, под бегущими облаками, с лаем гончих; в розовых садах с лотосами в запрудах; в высоком зале, чьи колонны обиты золотом и серебром, где под звуки флейт я танцевал свой танец реки; в огромной опочивальне, где я некогда был пристыжен, а ныне любим, — каждый день и каждую ночь я повторял себе: «Ничего не пропущу. Не дам уснуть глазам, или ушам, или своей душе, или чувствам, никогда не забуду: здесь, сейчас — я счастлив». Ибо новый поход продлится долго. Кто знает, вернемся ли мы когда-нибудь?

Да, премудрый бог наделяет нас предчувствиями, но не слишком ясными; так он дарует предвидение птицам, что ожидают наступления зимы, но не прозревают ту морозную ночь, когда упадут в сугроб со своей заснеженной ветки,

чтобы уже не очнуться.

Александр сразу же начал выстраивать в цепочку планы строительства флота и великого порта в Вавилоне, заранее рассылал приказы. Он хотел исследовать северную часть Гирканского моря: проследить, приведет ли прибрежный путь в Индию. Кроме того, он рассмотрел множество государственных дел, которые Дарий препоручил бы кому-нибудь другому; обычай гласил, что в Экбатане царь только отдыхает. Когда я поведал о том Александру, он выказал удивление и заявил мне, что не занимается ничем другим; еще никогда в жизни он не бездельничал, как теперь.

Ровно год назад, прошлым летом, мы шли через пустыню в Гедросии. Окуная ладонь в пруд с лотосами, я думал: «Я счастлив. Пусть же ни одно мгновение не пролетит мимо без моей благодарности, без поцелуя».

Как-то ночью я спросил царя:

— Счастлив ли ты, Аль-Скандер?

— А как по-твоему? — улыбнулся он в ответ.

— О, ну да, конечно. Я имел в виду — здесь, в Экбатане?

— «Счастлив»? — сказал Александр, пробуя слово на вкус. — Что есть счастье? — Он обнял меня,

притянув к себе. — Достичь давней цели, исполнить затаенную мечту — да, это счастливый миг. Но, кроме того, когда ум и тело напряжены в едином порыве, в усилии, когда нет времени задуматься, что будет в следующую минуту… Оглянешься потом, вспомнишь, как это было, — и вот оно, счастье.

— Ты ведь никогда не угомонишься, не успокоишься, правда, Аль-Скандер? Даже здесь?

— Успокоиться? Когда еще столько предстоит сделать? Надеюсь, нет.

Александр уже планировал осеннее празднество и передал весть о нем в Грецию. Целые караваны актеров и поэтов, певцов и кифаристов уже спешили к нам. Царь не стал приглашать атлетов.

— В былые дни, — говорил он, — они были всесторонне развитыми людьми, героями своих городов во дни войны; теперь же, после многих упражнений, они превратились в простые машины для победы на состязаниях. Катапульта способна забросить камень намного дальше, чем это по силам человеку, но катапульта ни на что не годна, кроме метания камней. Если такие атлеты одержат верх над воинами, это будет нелепо. Не хочу, чтобы мальчики видели такое.

«Мальчики» теперь означало лишь одно. Когда бывалые ветераны покинули нас, возвращаясь к своим женам и оставив позади, как это делают воины, всех тех женщин, что шли за ними, стойко перенося все тяготы пути, Александр принял детей под свою опеку. Он не позволил бы им страдать в Македонии как нежеланным ублюдкам; их следовало воспитать теми, кем они были: наполовину персы, наполовину македонцы, часть той гармонии, которой царь принес жертву на свадебном пиршестве в Сузах. Те из мальчиков, что уже достаточно подросли, чтобы оставить матерей, были отданы в обучение и пришли в Экбатану вместе с царским двором; иногда Александр ходил взглянуть, как они упражняются.

Порой он проходил и решетчатыми коридорами гарема. Роксана была для него острым соусом — тошнотворный, если наполнить им целое блюдо, по капельке здесь и там он все же разжигает аппетит, побуждая снова отведать этот вкус. Меня это ничуть не смущало.

Лето быстро летело в прохладной зелени холмов; розы отдыхали, набираясь сил перед порою осеннего цветения. Какой-то из минувших дней многое переменил. Радость разгладила мор-

щинки на лице Александра; он ни о чем не мог говорить подолгу, не вставляя: «Гефестион думает...» или «Гефестион сказал...». Где-то (должно быть, на верховой прогулке в горах) они разбили стену, бросились друг к другу в объятия, снова превратились в Ахилла и Патрокла; они постепенно начали забывать о былой размолвке.

Умудренный тяжким опытом своего обучения, я ничего не сделал, чтобы помешать им, и ныне никто не сможет поставить мне в укор какой-либо злой умысел. Как всегда, я схоронил слова: «Скажи, что любишь меня больше всех на свете» — глубоко в своем сердце. Я берег то, чем владел, и не зарился на чужое. Александру не было нужды пытаться забыть те ночи, когда он только поворачивался ко мне и видел, что я все понимаю. Я не замарал легенды о великих любовниках.

Когда легенда возродилась вновь, в прежнем блеске величия, я испытал облегчение — неожиданно для себя самого. Александр не остался бы самим собой, утратив ее. Он так долго жил в напряжении, стойко перенося большие и малые раны, в трудах и заботах, что тревожить корни всей его жизни было бы преступлением.

Надо полагать, Гефестион понимал это; он во-

все не был глупцом. В сердце своем он, я думаю, все еще любил Александра и чувствовал, что должен сдерживаться в ссоре с Эвменом, будь тот прав или не прав. То же чувствовали македонцы по отношению к персам. То же чувствовал и я, но мне хватало благоразумия держать это при себе. Ревновать Александра бессмысленно: его любили многие, он же никогда не отталкивал чужой любви.

Даже в холодном воздухе Экбатаны, работая «всего» за двоих, царь по-прежнему уставал быстрее, чем бывало до ранения. Я радовался, что эта, другая его рана постепенно затягивалась. Он отправится в Вавилон хотя бы немного отдохнувшим — туда, где настоящая работа только начнется.

На золотых шестах с фигурными навершиями были подняты флаги. Вырос целый городок из шатров, предназначенных для артистов. Почистили и выровняли беговые дорожки. Архитекторы возвели театр с машинами для подъема в воздух богов и явления из-под сцены мертвецов, которым греческие поэты придают немалое значение. Теттал, любимый актер Александра, был встречен с распростертыми объятиями и поселен в лучший шатер. Они все прибывали

и прибывали, затапливая нас, — флейтисты, мальчики из театральных хоров, художники, раскрашивавшие декорации, певцы и танцоры, ораторы и акробаты, первоклассные гетеры и дешевые шлюхи, среди коих попадались и евнухи, столь бесстыдно и пышно разодетые, что мне становилось не по себе при одном взгляде на них. Повсюду сновали торговцы, предлагая лакомства и безделушки, одежды, благовония и, конечно же, вина.

Да, вино лилось рекою — и во дворце, и за его крепкими стенами. Каждый вечер устраивались пирушки в честь новоприбывших артистов или друзей Александра. Патрокл вернулся, и царь отдался веселью. В последние ночи мне уже не удавалось уложить его спать трезвым. Впрочем, он никогда не напивался до бесчувствия, зная, что на следующий день ему предстоит судить состязания. Друзья же Александра весьма часто не могли покинуть пиршественной залы без посторонней помощи. Живя среди македонцев, к этому быстро привыкаешь.

Когда я помогал царю облачиться в торжественное одеяние для состязания хоров, он сказал мне:

— Гефестиону что-то нездоровится, у него жар.

Некогда Александр вообще не заговаривал

со мной о нем; теперь он делал это часто, памятуя о так и не высказанных нами тайных думах. Я ответил, что мне жаль Гефестиона, но, я надеюсь, это всего лишь простуда и он скоро поправится.

— Должно быть, он хворал уже вчера, сам того не подозревая. Мне стоило пить поменьше… — Александр вышел, и грянули трубы.

На следующий день Гефестиону стало хуже, у него начались рези в животе. Сколь бы ни был занят Александр, он все свободное время проводил рядом с ним. Ахилл всегда сам накладывал повязки на раны Патрокла. Он пригласил к Гефестиону самого известного лекаря в Экбатане, грека по имени Главкий; как Александр признался мне позже, он дал врачевателю несколько советов. Действительно, царь немного владел искусством врачевания — его учил Аристотель, да и сам Александр старался расширять свои познания. Было решено, что больному не следует есть твердой пищи. Жрецам было приказано принести жертвы, моля богов об исцелении.

На третий день Гефестиону стало совсем худо. Он ослаб, как дитя, говорил бессвязно и буквально пылал жаром, как рассказал мне Александр. В тот день были назначены комедии и фарсы. Александр не стал смотреть их и вышел из ком-

наты больного только для того, чтобы вручить призы. Когда вечером я спросил у него о новостях, он ответил:

— По-моему, Гефестиону лучше. Он неугомонен и капризен, это добрый знак. Он силен, он справится… Жаль, что пришлось огорчить актеров, но это было необходимо.

В тот вечер устраивалась очередная пирушка, но Александр ушел рано, чтобы проведать Гефестиона; вернувшись, он объявил, что тот спит и выглядит почти нормально. Наутро Александр посетил все представления и состязания без исключений: его отсутствие сильно расстроило комедиантов. Вечером он нашел Гефестиона сидящим в подушках и спрашивавшим еды.

— Хотелось бы мне, — сказал он позже, — послать ему что-нибудь вкусное после ужина. — Александру очень нравился этот приятный обычай. — Но рези в животе оставляют слабость в кишках; я часто видел это подле Окса. Главкию приказано кормить его с ложки.

Гефестион все еще не покидал постели (хотя ему и вправду полегчало, если не считать небольшого жара по ночам), когда завершились состязания актеров и начались игры.

Александр любил искусства, но игры были

предметом самой близкой его заботы. Он руководил почти всеми приготовлениями, а потом, награждая победителей венцами, всегда вспоминал об их прежних заслугах на поле брани и в других играх. За подобные вещи его и любила армия. После двух или трех дней атлетических состязаний пришла пора для мальчиков.

Я не посещал игр мужчин, считая лучшим времяпрепровождением бывать в шатрах у актеров, но все же явился на стадион посмотреть, как побегут мальчики: я хотел увидеть юное поколение, взращиваемое Александром. Конечно, потом он захочет поговорить о них.

Они выглядели здоровыми, ибо хорошо питались с той поры, как он забрал их к себе; смешение наций, но все лица — с македонской примесью; вне сомнения, когда они немного подрастут, мы увидим и индские черты. Самыми красивыми были, разумеется, персидские полукровки. Я сидел как раз напротив Александра, по другую сторону беговой дорожки. Промаршировав мимо, они уходили с лицами, зажженными его улыбкой.

Мальчики выстроились в линию; загудели трубы — и они помчались. В уступку персидской благопристойности на них были крошечные

набедренные повязки. Милое зрелище, подумал я и перевел глаза на Александра. Возле трона происходило нечто странное: какой-то посланец стоял рядом и говорил с царем. Тот вскочил. Ступени за троном были запружены людьми; Александр растолкал их прежде, чем те могли уступить дорогу. Он почти шел по сидящим… Царь исчез, и те, кто был рядом с ним, поспешили вослед, с трудом одолевая крутые ступени.

Я тоже карабкался вверх, покинув место. Я должен знать, что случилось. Ему может потребоваться моя помощь… То, что я сидел на другой стороне стадиона, задержало меня, и когда я достиг дворца, царские покои оказались пусты. Только тогда я обо всем догадался.

Я поднялся по лестнице и повернул по изогнутому коридору; не было нужды спрашивать дорогу. Еще со ступеней я услыхал ужасный вопль скорби, от которого зашевелились волосы на моем затылке.

Никто не охранял дверей, но снаружи стояло несколько человек, чьих лиц я не разглядел. Проскользнув меж ними, я вошел, никем не замеченный, словно домашний пес. Прежде я ни разу не был в комнате Гефестиона. Она оказалась уютной, с обитыми красной тканью стенами

и с полочкой для серебряных сосудов. Запах болезни царил здесь, а сам Гефестион лежал на кровати, запрокинув лицо, с приоткрытым ртом. Кто-то успел закрыть ему глаза. Александр почти лежал поперек его тела, сжимая в объятиях, прижавшись губами к его лицу. Царь поднял голову и вновь испустил этот жуткий вопль, после чего уронил лицо в волосы мертвеца.

Немного подождав, Пердикка осторожно (его мучили жалость, стыд и… да, уже тогда — страх) позвал:

— Александр…

Тот оглянулся, и я ступил вперед, не беспокоясь уже, видит меня кто-нибудь или же нет. Царь и прежде оборачивался ко мне, находя в моих глазах понимание… Сейчас его взгляд прошел прямо сквозь меня, совершенно пустой: казалось, для него я вообще никогда не существовал. Потерянный взгляд, чужой, одержимый.

Я взирал на эту странную комнату, которой мне уже никогда не забыть; я стоял там, подобно неоплаканному и непохороненному мертвецу, выброшенному голым в ночную темень. Я взирал на кровать, отягощенную страшным грузом, на висящие по стенам драпировки с изображениями гордых оленей и лучников, на серебряные

кувшины, на пустую чашу для вина, опрокинутую набок, и на блюдо с пощипанной курицей.

Совершенно неожиданно для всех нас Александр оказался на ногах и уставился на вошедших, будто мог умертвить сейчас любого из них, ничуть не заботясь, кого или за что.

— Где лекарь?

Птолемей оглянулся, чтобы спросить у слуг, но те давно уж разбежались.

— Должно быть, отправился смотреть на игры.

Отступив к двери, я почувствовал, что за спиною у меня кто-то стоит. То был сам врачеватель, едва вошедший, только что узнавший о непоправимом. Александр метнулся к Главкию через всю комнату, подобно хищному зверю в прыжке, схватил его и затряс:

— Убийца! Почему ты оставил его? Почему позволил есть самому?

Язык лекаря заплетался, но ему все-таки удалось выдавить, что Гефестион шел на поправку и что он сам приказал подать ему куриный бульон.

— Повесить! — рявкнул царь. — Увести и повесить. Сейчас же.

Пердикка глянул на Птолемея; тот кивнул, не отрывая взгляда от Александра. Лекаря уво-

локли прочь стражники Селевка. Царь же вернулся к постели, долго смотрел на нее и рухнул вниз — туда, где лежал и прежде. Мертвое тело сотрясалось от его рыданий.

К дверям подходили и подходили государственные мужи, только что узнавшие новость. Те, что были внутри, могли лишь беспомощно переглядываться. Певкест коснулся моего плеча и шепнул по-персидски:

— Иди поговори с ним.

Я покачал головой. Сердце мое умирало в муках, ибо Александр мог возненавидеть меня за то, что я остался жить.

И потому я убежал прочь — через весь город, сквозь вонь и толчею базара, мимо уличных женщин, которых замечал, только расслышав их смех за спиною. Я бежал в поле, в лес, сам не зная куда. Холодный ручей, в который я ступил, пробудил меня и заставил оглянуться на город: солнце садилось, и раскрашенные стены блистали своими чудесными красками. Неужели я улизнул, когда сама плоть моего господина была изранена? Теперь, когда он повредился в уме и мог причинить мне боль в своем безумии? Неужели именно теперь я предал его? Бросить хозяина в такую минуту не мог бы и пес.

Вечерний сумрак подступал все ближе. Одежды мои оказались порваны, а руки покрывали царапины от шипов, которых я не запомнил. Даже не подумав привести себя в приличный вид, я вернулся, чтобы застать у двери все тех же людей. Внутри — мертвая тишина.

Двое или трое вышли, чтобы поговорить в стороне, и Птолемей тихо сказал:

— Мы должны вытащить его отсюда, пока нет запаха, или он совсем потеряет рассудок. Возможно, и к лучшему.

— Значит, силой? — переспросил Пердикка. — Иначе он не двинется с места. Мы должны сделать это вместе: сейчас не время просить кого-то одного.

Так и не замеченный, я ушел. Ничто не могло заставить меня войти, дабы Александр обратил взгляд с мертвого лица на подушках на мое, живое. Я затаился в его комнате и ждал.

Когда привели Александра, он шел сам, молча. Затем друзья окружили царя и говорили, выражая скорбь и восхваляя умершего — по-моему, впервые за день. Глаза Александра перебегали с лица на лицо так, словно он был загнан в угол и видел смертельные острия копий. Вдруг он крикнул ни с того ни с сего:

— Лжецы! Все вы ненавидели Гефестиона, все завидовали ему! Уходите.

Переглянувшись, они вышли, оставив Александра стоять посреди комнаты в измятом царском облачении, надетом в честь сегодняшних игр. Стон вырвался у него, словно все раны, перенесенные молча, вдруг обрели голос. Потом он медленно повернулся и увидел меня.

Я ничего не мог прочитать по его лицу. При Александре не было оружия, но и сами руки его оставались очень сильны. Шагнув вперед, я встал на колени, потянулся к руке царя и поцеловал ее.

Какое-то время Александр смотрел вниз, на меня, отстраненным взглядом, после чего сказал:

— Ты оплакивал его.

Я не сразу сообразил, что он видит мои изорванные шипами одежды, расцарапанное лицо и руки. Ухватившись за край одной из прорех, я рванул — и разорвал свое одеяние сверху донизу.

Опустив руку, Александр запустил пальцы мне в волосы и, потянув назад, уставился мне в лицо. Мои глаза сказали ему: «Я буду ждать, пока ты не вернешься. Если останусь жив. Если я не родился для того, чтобы служить тебе и погибнуть

от твоей руки...» Казалось, целую вечность он оглядывал меня помутившимся, безумным взором, ухватив за волосы. Потом он сказал:

— Ты нашел Гефестиона, когда умирал Букефал. Ты почитал его за друга с тех пор, как он спас тебя в пустыне. Ты никогда не желал ему смерти.

Я вознес хвалу умершему, стоя на коленях, цепляясь за руку Александра. То было мое признание, хотя царь не догадывался о том. Прежде я приветствовал неудачи своего соперника, ненавидел его добродетели. Теперь я с внутренней болью вытащил их оттуда, где схоронили их мои потаенные желания, и выложил перед Александром, словно трофеи, обагренные моей собственной кровью. Гефестион вышел победителем в нашем споре. Победителем и останется.

Глаза Александра бесцельно блуждали по комнате. Он не слышал и половины из того, что я говорил ему, выпустил мои волосы, вернувшись к одиночеству. Отойдя к кровати, он упал на нее и закрыл лицо.

Весь следующий день он просто лежал там, не принимая утешений. Не позволив мне позаботиться о нем, Александр не выставил меня, однако, из комнаты; он редко замечал мое присутствие. Военачальники действовали

по собственному усмотрению — они отменили оставшиеся игры, приказав сменить развевающиеся знамена на траурные венки. Селевк, державший лекаря под стражей и не спешивший его вешать — на тот случай, если царь одумается, не решился переспросить — и все-таки вздернул незадачливого врачевателя. Бальзамировщики, вовремя найденные и приглашенные к Гефестиону, занялись им. В нашем лагере было немало египтян.

Ночью, не осознавая, что делает, Александр принял из моих рук немного воды. Не спрашивая дозволения, я принес несколько тюфяков и спал в его комнате, у стены. Утром я видел, как царь очнулся от недолгого, тяжелого сна и продолжал вспоминать… В тот день он плакал, словно только что узнав о смерти друга. Как если бы его оглушили палицей, и только теперь он начал шевелиться, понемногу приходя в себя. Однажды Александр даже поблагодарил меня за что-то, но выражение его лица показалось мне странным, и я не решился обнять его.

Следующим утром царь проснулся прежде меня. Когда я оторвал голову от подушки, он стоял с кинжалом в руке и безжалостно кромсал свои волосы.

Несколько первых мгновений я думал, что он совсем потерял рассудок и следующим движением перережет кому-нибудь горло, себе или мне. В нынешние времена греки кладут на погребальный костер всего один локон… Потом я вспомнил Ахилла, остригшего свои волосы ради Патрокла. Поэтому я разыскал в царских вещах маленький ножик для стрижки и сказал:

— Позволь, я помогу тебе. Я все сделаю так, как ты хочешь.

— Нет! — вскричал Александр, пятясь. — Нет, я должен сделать это своими руками!

Нетерпение, однако, не дало ему справиться с затылком, и он все же разрешил мне помочь, желая поскорее покончить с этим. Пробудившись от сна, с горящими глазами, он выбежал прочь из комнаты, словно бы оставляя за собою огненный след.

Царь спросил о Гефестионе — бальзамировщики погрузили тело в ванну с селитрой. Александр осведомился, казнен ли лекарь (Селевк был предусмотрителен), и распорядился приколотить тело к кресту. Он велел остричь гривы всем армейским лошадям в знак траура. По его приказу золото и серебро были содраны со стен Экбатаны, а все цвета закрашены черным.

Я следовал за ним, где только мог, на тот случай, если царь вовсе потеряет способность думать и превратится в беспомощное дитя. Я знал: Александр безумен. Но он по-прежнему мог судить о том, где он и с кем разговаривает. Ему не прекословили; лекарь Главкий висел на кресте, черный от собравшегося воронья.

Вскоре после этого на площади перед дворцом появилась богато украшенная погребальная колесница, увешанная венками и гирляндами, порождение скорби и траура. Александра достигла весть о том, что друзья умершего желают посвятить свои приношения. Царь вышел взглянуть. Первым был Эвмен; он посвятил все свои доспехи и оружие, которые были весьма ценными. За ним следовала целая процессия; явились все те, кто сказал хотя бы слово поперек Гефестиону за прошедшие пять лет.

Александр спокойно смотрел на это, подобно ребенку, понимавшему, что ему лгут, и не поддавшемуся очевидному обману. Он пощадил их не за притворство, но из-за их раскаяния и страха.

Когда они покончили с дарами, вышли все те, кто действительно любил Гефестиона. Я был удивлен, увидев, как много отыскалось таких.

Весь следующий день Александр готовил ритуал похорон. Они должны были состояться в Вавилоне, новом центре его империи, где мемориал Гефестиона стоял бы вечно. Когда-то Дарий, взыскуя мира после падения Тира, предложил в уплату за мать, жену и детей десять тысяч талантов. На Гефестиона Александр собирался потратить двенадцать.

Это успокоило его — необходимость совершать приготовления, выбирать архитектора для постройки огромного костра, планировать погребальные игры, в которых должны были состязаться три тысячи человек. Во всем Александр был точен и благоразумен.

В вечерние часы он заводил со мною разговоры о Гефестионе — так, словно воспоминания были в силах оживить мертвого. Чем они занимались в детстве, что друг говорил о том или об этом, как именно он обучал своих собак… И все-таки я чувствовал: что-то остается невысказанным; отворачиваясь, я кожей ощущал его взгляд. Я все понимал. Александр раздумывал над тем, что, приняв меня, он огорчил Гефестиона, что это следует исправить… Он тихо отстранил бы меня, наказывая себя самого, просто чтобы сделать прощальный подарок мертвецу. Он сделал бы это

сразу, едва только приняв решение.

Мое сознание бежало, словно загнанный охотниками олень, едва соображающий, что бежит. Я сказал Александру:

— Хорошо, что Эвмен и прочие сделали посвящения. Теперь Гефестион примирился с ними… Он позабыл гнев, свойственный смертным. Из всех людей на земле ты один остаешься с ним, бессмертный, подобно ему самому.

Александр отступил на шаг, оставив в моих руках полотенце, и так сильно вдавил кулаки в глазницы, что я даже испугался, как бы он не повредил себе глаза. Не ведаю, что явилось ему в той искрящейся темноте. Убирая руки от лица, он проговорил:

— Да. Да. Да. Это очевидно. Иначе и быть не может.

Я уложил его в постель и собирался выйти, когда он сказал, с тою же сухой серьезностью, с какой планировал игры:

— Надо будет завтра же послать людей к оракулу Амона.

Я что-то ответил и ушел, еле переставляя непослушные ноги. Какой новый толчок дал я его безумию? Говоря о бессмертных, я думал по-персидски: души праведников, благополучно

перебравшиеся в Страну Вечного Блаженства по ту сторону Реки Испытаний. Но Александр — он думал по-гречески. Он собирался просить оракула сделать Гефестиона богом.

Я с плачем бросился на свою кровать. Решение принято, Александр не отступится. Я думал о египтянах, древнейшем народе, презрительном и насмешливом на протяжении всей своей долгой истории. Они посмеются над ним, думал я, они посмеются над Александром. Потом я вспомнил: царь уже божество, сам Амон признал его сыном. Без Гефестиона он не может вынести даже бессмертие.

Столь тяжелы были мои страдания, столь совершенна скорбь, что они выжгли мой разум, оставив его пустым, и я уснул.

На следующий день Александр избрал жрецов и послов, вручил им подношения богу. Посланцы отправились в путь днем позже.

Сразу после этого царь совершенно успокоился; безумие выветривалось день ото дня, хотя все мы продолжали жить в страхе. Друзья Александра сделали пожертвования на похороны. Эвмен дал более прочих, вне сомнения вспоминая о сгоревшем шатре; он по-прежнему старался обходить стороной пути Александра.

Чтобы скинуть с плеч печаль, я выехал в холмы. Оттуда, оглянувшись, я увидел прекрасные стены Экбатаны ободранными, голыми, лишенными древней роскоши; семь кругов зловещей черноты. И заплакал вновь.

Глава 28

Время проходит, и все в этом мире проходит вместе с ним. Александр ел, начал спать, встречаться с друзьями. Он даже принимал у себя просителей. Обрезанные волосы понемногу отросли. Порой царь заговаривал со мною об обычных, повседневных вещах. Но он не отозвал своих посланников, не развернул их с полпути к Сиве.

Осень перешла в зиму. Минуло то время, когда цари привыкли покидать летний дворец, отъезжая в Вавилон. Чтобы приветствовать Александра, туда уже направились бесчисленные посольства со всех концов империи и из-за дальних ее границ.

Египтяне показали все свое искусство, бальзамируя Гефестиона. Он лежал в золоченом гробу, на помосте, обитом драгоценными тканями, в одном из наиболее торжественно обставленных залов дворца. Вокруг него были разложены военные трофеи и дружеские приношения. Его не стали пеленать бинтами, класть в саркофаг или закрывать лицо маской, как делают здесь, в Египте. Тело, над которым потрудились мастера, даже не обернутое, сохранило бы жиз-

неподобные черты на многие века… Александр часто навещал его. Однажды он взял с собою и меня — ибо я достойно оплакал смерть его друга — и поднял крышку гроба, чтобы я мог взглянуть. Гефестион лежал на золотом шитье, в остром аромате благовоний и селитры; он вспыхнет свечою, когда наступит пора сжечь его тело в Вавилоне. Лицо оставалось красивым и было строгим в неумолимости сжатых губ цвета потемневшей слоновой кости. Скрещенные на груди руки покоились на обрезанных прядях волос Александра.

Время шло. Когда Александр уже мог говорить с друзьями, его военачальники, в своей воинской мудрости, принесли ему лечебное питье, чья сила превосходила все мои старания. Птолемей пришел к царю с вестью: коссаянцы явились получить положенную дань.

То было племя знаменитых разбойников, живших в горах где-то меж Экбатаной и Вавилоном. Караванам, желавшим пройти той дорогой, приходилось ждать, пока торговцев не соберется достаточно для того, чтобы нанять маленькую армию для охраны. Кажется, набеги совершались на все, что двигалось по перевалу, включая и царские повозки, пока не было решено ежегод-

но, в середине осени, откупаться от коссаянцев сумой, полной золотых дариков. Оговоренное время минуло, и разбойники послали спросить, что сталось с их данью.

Александрово «что?» прозвучало почти как в старые времена.

— Дань? — переспросил он. — Пусть подождут. Будет им дань.

— Это очень трудная страна, — озадаченно проговорил, почесывая щеку, умница Птолемей, — их крепости похожи на гнезда орлов. Оху так и не удалось справиться с разбойниками за все эти годы.

— А мы с тобой справимся, — твердо отвечал Александр.

Он выступил против коссаянцев, не прошло и недели. Царь сказал, что всякий разбойник, павший от его руки, будет посвящен Гефестиону, как это делал Ахилл с троянцами у погребального костра Патрокла.

Я собрал свои вещи, даже не спросившись. Царь больше не бросал на меня те скрытые взгляды; он взял меня, ибо не рассматривал иной возможности, я же только того и ждал. В своем сердце я смирился с тем, что он может уже никогда не возлечь со мною, чтобы не огорчить ненаро-

ком дух Гефестиона. Весь этот траур понемногу превратился в привычку. Я смогу жить, только если буду рядом с моим господином.

В горах Александр разделил войско, поручив одну часть Птолемею, а вторую возглавив сам. Там, наверху, уже стояла настоящая зима. Мы были армейским лагерем, как в горах великого Кавказа, и двигались налегке от одной крепости к другой. Каждую ночь Александр приходил в свой шатер, не скорбя более, но полный дум о дневном марше или осаде. На седьмой день похода он впервые рассмеялся.

Хоть все коссаянцы были грабителями и убийцами, без которых человечество могло лишь вздохнуть спокойнее, я опасался (ради Александра, разумеется), что царь устроит жуткую, диктуемую безумием резню. Но он пришел в себя. Конечно, он убивал врагов там, где битва взывала об этом; возможно, Гефестион был доволен, если только мертвые и впрямь так обожают кровь, как поет о том Гомер. Но Александр захватывал пленных, не отступая от своего обычая, и пленял вождей, чтобы ставить свои условия оставшимся на свободе. Мысль его работала ясно, как прежде. Он видел каждую козью тропу, ведущую к очередному орлиному гнезду; его военные хитрости

и сюрпризы были виртуозны. А ведь ничто не излечит творца лучше собственного его искусства.

После одной блестящей победы он устроил в своем шатре ужин для военачальников. Еще перед тем, как явились гости, я беспечно сказал ему: «Аль-Скандер, тебе надо подровнять волосы», — и он позволил мне поправить неровные концы. В ту ночь он выпил немало и опьянел. Царь не делал этого со дня смерти Гефестиона: вино могло утопить его чистую скорбь. Теперь он пил за победу, и, помогая ему добраться до постели, я чувствовал облегчение в сердце.

Мы двинулись к следующей крепости. Александр выставил осадные линии. Первый снег коснулся вершин белой кистью, и люди жались поближе к кострам. Огни сверкали на царских одеждах, когда он вернулся в шатер и привычно приветствовал стоявших на страже юношей. Когда я внес ночной светильник, он притянул меня к себе, поймав за руку.

В ту ночь я не предложил ему изысков своего искусства — или не больше, чем вошло в мою плоть и кровь; во мне была одна только нежность, из которой удовольствие рождается само, питаемое ею, как цветы питаются пролившимся накануне дождем. Мне пришлось зарыться

лицом в подушку, дабы скрыть слезы радости. На спящем челе Александра я видел морщины — отметины безумия, боли и бессонницы, но то были всего лишь следы свежих ран, уже затянувшихся и превращающихся в старые шрамы. Лик царя говорил об умиротворении.

Я думал тогда: Александр возродит легенду об Ахилле, он отольет ее в вечной бронзе. Он будет верен ей, даже если проживет втрое больше. Полк Гефестиона всегда будет носить его имя, кто бы им ни командовал. Сам же он вовеки останется любовником Александра, никто и никогда не услышит: «Я люблю тебя больше всех прочих». Но в гробнице не поселится никто, кроме легенды; сам Гефестион станет шипящим синим пламенем, а затем — прахом. Пусть он живет отныне на Олимпе, среди бессмертных, пока мое место здесь.

Я тихонько собрался и вышел, стараясь не разбудить Александра. Он возьмет новую крепость на рассвете; у него не будет лишнего времени, чтобы обдумать план осады.

За всю нечистую историю коссаянцев еще никто не преследовал их в разгар зимы. Последние крепости сдались под угрозой голодной смерти, в обмен на свободу пленников. Вся война отняла

сорок дней, не более. Александр расставил гарнизоны в крепостях вдоль переходов, уничтожил все прочие — и война окончилась. Караваны потекли непрерывной струйкой. Царскому двору было приказано собраться и последовать за своим господином в Вавилон. Твердые красные почки уже украсили голые кусты, сбрасывавшие с себя снег.

Если бы не охватившее царя безумие, он зимовал бы там, внизу, где было не так холодно. Он мог бы заняться созданием нового порта и флотилии, надобных для похода на Аравию. Теперь он направлялся в Вавилон, когда любой прежний царь Персии подумал бы о Персеполе. Всю войну с коссаянцами несметные толпы посольств ожидали его, сгорая от нетерпения.

Они пришли, когда Александр встал лагерем по ту сторону Тигра. Он готовился встретить их, исполненный царственной власти, но никто не сумел бы хорошо приготовиться к такому нашествию.

Послы явились не просто из разных концов империи, но из стран всего известного мира — из Ливии, с короною африканского золота; из Эфиопии, с зубами гиппокампов и слоновьими бивнями невероятных размеров; из Карфагена,

с ляписом, и жемчугом, и благовониями; из Скифии, с гиперборейским янтарем… Огромные беловолосые кельты явились с северо-запада, смуглые этруски — из Италии; пришли даже иберийцы из-за Столбов. Все они восхваляли Александра, называя повелителем Азии, они привезли споры из городов, бывших далеко за пределами границ его империи, с тем чтобы испросить его мудрого решения. Они пришли с дарами, посоветовавшись с оракулами, как то делают греки перед путешествием к самым почитаемым храмам своей страны.

Воистину, в наше время само лицо Александра изменило лики богов. Поглядите на что угодно, на статуи или картины. Весь мир помнит сегодня его глаза.

То, что эти люди явились узреть царя во всем величии, помогло Александру справиться с болезнью. После всего, что он пережил, греки шептались, будто судьба его вышла за пределы человеческого жребия, а потому боги прониклись завистью. Одному из таких греков я отвечал: «Говори за себя. Наш царь велик и не ведает зависти; он правит, осиянный светом и славою. Вот почему мы поклоняемся ему через огонь». Нечего удивляться, отчего это у греков завистли-

вые боги, — сей народ и сам исполнен зависти.

Целых три дня у Александра не было ни единой свободной минуты, чтобы отдаться горестям. Ум его был возбужден: царь вспоминал о Сиве и думал о западных землях, чьи народы увидел впервые. Но что-то в его лице постоянно менялось, как если бы печаль касалась вдруг его плеча, спрашивая: «Ты забыл обо мне?»

В речных долинах всходы уже окрасили зеленью плодородные, жирные земли. На горизонте проступили черные стены Вавилона, когда к нашему последнему лагерю подскакал одинокий путник. То был Неарх, прибывший прямо из города. Хоть трудности походов оставили на нем свою печать, сейчас можно было судить о его подлинном возрасте — едва за сорок. Мне он сразу показался озабоченным. О нет, подумал я, только не теперь, когда царю едва стало лучше! В общем, я остался выслушать Неарха.

Александр тепло встретил старого друга, осведомился о его здоровье и о делах флота; потом просто сказал:

— А теперь расскажи мне, что случилось.

— Александр, речь о халдейских жрецах, астрологах.

— Что такое? Я потратил целое состояние, чтоб

они заново отстроили храм Зевса-Бела. Чего им еще не хватает?

— Дело не в том, — сказал Неарх.

Пусть я не мог видеть его из своего укрытия, мое сердце все же замерло: отважный моряк Неарх никогда прежде не ходил вокруг да около.

— Тогда в чем же? — терпеливо спросил Александр. — Что могло произойти?

— Александр, халдеи читали мне по звездам, прежде чем мы ушли в Индию. Все вышло так, как они говорили… В общем, недавно я снова побывал у них. Они предвещают нечто такое… от чего я совсем растерялся. Послушай, Александр, я ведь знал тебя, еще когда ты был таким вот крохой. Мне ведом день твоего рождения, место, час — все, что им нужно. Я попросил прочесть для тебя звезды, и они говорят, что прямо сейчас Вавилон таит опасность. Халдеи собираются выйти тебе навстречу, предупредить. Для тебя этот город — что подветренный берег, говорят они. Несчастливый. Вот почему я здесь.

Небольшая пауза. Потом — тихий голос Александра:

— Что ж, я в любом случае рад тебя видеть. Скажи, они закончили храм?

— Нет, едва только заложен фундамент. Не знаю

почему.

Царь рассмеялся:

— Зато я знаю. Они таскали из казны деньги на возведение храма с тех самых пор, как Ксеркс сровнял его с землей. Должно быть, теперь халдеи — самые богатые жрецы на всем свете. Они думали, я не вернусь, и решили, что так может продолжаться вечно. Неудивительно, что они не хотят впускать меня в город.

Неарх прочистил горло:

— Ну, этого я не знал. Но… они поведали, что меня ждет испытание водой, царское уважение, а затем — бракосочетание с девушкой чужого народа. Помнишь, я говорил на пиру?

— Они прекрасно знали, что ты — мой друг, а в придачу наварх[105] моего флота. Чудесно! Пошли ужинать.

Александр выделил Неарху шатер для ночлега и завершил работу, назначенную на день.

Когда царь лег, я наклонился над ним, и он шепнул, глядя вверх:

— Мой прекрасный соглядатай! Не будь таким мрачным, тебе это не к лицу.

— Аль-Скандер! — Я упал на колени рядом

---

[105] Сноски: 105

Наварх — командующий флотом.

с кроватью. — Делай то, что советуют халдеи. Не думай о деньгах, пусть они оставят их себе. Они не прорицатели и не нуждаются в чистоте сердец, но их познания велики. Всякий скажет тебе.

Александр потянулся ко мне и пробежал по моим локонам пальцами.

— Вот как? Каллисфен тоже многое знал.

— Халдеи не могут лгать. Вся их слава — в правдивых предсказаниях. Я жил в Вавилоне и говорил со всякими людьми в домах танцев.

— Правда? — Александр легонько потянул меня за волосы. — Ну-ка, рассказывай дальше.

— Аль-Скандер, не ходи в город.

— Ну что с тобою делать? Залезай, ты не уснешь в одиночестве.

Халдеи пришли говорить с ним на следующий день.

Они явились в священных одеяниях, чей покрой не менялся веками. Благовония сжигались перед ними; их жезлы были усыпаны звездами. Александр встретил астрологов в своем парадном облачении — в македонских доспехах. Им как-то удалось убедить его уединиться с ними, отойти в сторонку, дабы никто, кроме толмача, не слыхал разговора. У халдеев свой тайный язык,

а вавилоняне к тому же не сильны в персидском; но я надеялся, что толмач поймет как раз достаточно, чтобы убедить Александра передумать.

Назад царь вернулся с серьезным выражением на лице. Он не был из тех, кто слепо считает, что бог может иметь одно лишь имя — то, что было открыто человеку еще в детстве.

Халдеи упрашивали Александра идти на восток, в Сузы. Но все мечты, надежды и неотложные, дорогие его сердцу дела сходились в Вавилоне: новый порт, завоевание Аравии, похороны Гефестиона… Царь все еще сомневался в добрых намерениях астрологов. Старый Аристандр, который толковал для него знамения, уже умер.

В любом случае царь заявил, что, поскольку запад неблагоприятен, он обойдет город вокруг и вступит в него с востока, через Южные ворота.

Восточных ворот в Вавилоне нет — и вскоре мы уже знали отчего. Обогнув город, мы угодили в топь — растянувшееся, насколько хватало глаз, питаемое Евфратом болото, полное коварных мелких озер. Александр мог бы сделать круг пошире, даже если для этого пришлось бы дважды переходить Тигр и возвращаться к Евфрату. Но он сказал нетерпеливо: «Довольно. Я не собираюсь

прыгать с кочки на кочку, подобно болотной жабе, только чтобы доставить удовольствие халдеям». В городе ждали посольства — и царь знал, что глаза всего мира сейчас устремлены на него. Быть может, именно поэтому все вышло так, как вышло. Он вернулся обратно, зайдя с северо-запада.

Но Александр и тогда не спешил входить в город, намереваясь разбить лагерь на берегу реки. Потом он услыхал, что к Вавилону движутся новые послы, на сей раз из Греции.

Как всегда навязчивый, Анаксарх поспешил напомнить ему, что греческие мыслители более не верят в знамения. Это уязвило гордость Александра.

Дворец давно был готов принять его. Когда Александр въехал в городские ворота в колеснице Дария, над его головой дрались вороны — и один пал мертвым под копыта его коней.

Как бы там ни было, вопреки всем знамениям, первые встретившие царя новости сулили жизнь и удачу. Согдианская жена Александра, Роксана, двинулась из Экбатаны прямо в дворцовый гарем. Когда царь навестил ее, выяснилось, что та носит ребенка.

Она знала и прежде, еще в Экбатане, и сказа-

ла ему, что ждала, желая увериться. Между тем истина — и я ничуть не сомневаюсь в том, что говорю, — была проста: как раз тогда Александр был безумен, и Роксана боялась сообщить ему новость, которая привела бы его к ней.

Царь сделал все приличествующие моменту подарки и послал добрую весть отцу согдианки. Сам же встретил ее тихо. Быть может, он уже смирился с мыслью, что Роксане не зачать от него, и надеялся в скором будущем взрастить наследника от Стратеры. Возможно, впрочем, что думы его были совсем о другом.

Когда он поведал мне эту новость, я вскричал:

— О Аль-Скандер! Живи долго, чтобы увидеть его победы!

Я обхватил Александра обеими руками, словно бы обладал властью бросить вызов небожителям. Мы долго простояли, молча обнявшись, понимая друг друга. Наконец Александр сказал:

— Если бы я женился в Македонии, как того хотела моя мать, прежде чем идти в Азию, мальчику сейчас было бы двенадцать. Но у меня не было времени. Его никогда не хватает.

Поцеловав меня, он ушел.

Всякий раз, когда я не мог быть рядом с Александром и видеть его, разлука превращалась

в мучительную пытку. Я наблюдал, как он ходит по роскошным залам, знакомым мне с детства. Тогда я приехал сюда с легким сердцем. Теперь же страх и печаль пожирали меня, подобно болезни. Почему он послушал халдеев, внял их предупреждению — и затем пренебрег им? Это из-за Гефестиона, думалось мне. Это он тянется к Александру из страны мертвых.

«Жить следует так, — сказал мне царь давным-давно, — словно проживешь вечно, но как если бы каждое мгновение твоей жизни могло оказаться последним». Сразу по прибытии Александр повелел копать великий порт и строить флот для похода к аравийским берегам, назначив командовать Неарха. Сейчас в Вавилоне была весна — столь же жаркая, как лето в Сузах. Александр возвращался со строительства порта на коне, истекая потом, и сразу спешил к царским купальням. Ничто во всем дворце не доставляло ему большего удовольствия. Ему нравились прохлада стен и резные ширмы, за коими виднелась река, просторный бассейн с его небесно-лазурными плитками и с золотыми рыбками на них. Он плавал здесь, и вода развевала ему волосы.

Но всюду его преследовали мысли о Гефестионе. Пришла пора возводить костер.

Флот и новый порт уже строились. У Александра появилось время заняться иными приготовлениями, и уже очень скоро он не думал ни о чем, кроме похорон. Безумие ненадолго вернулось. Проснувшись средь ночи, он говорил разумно, но очень скоро вновь погружался в свой сон наяву. Сны Александра были демонами. Он изгонял их, и понемногу они повиновались.

Десять фарлонгов городской стены Александр повелел разобрать наполовину и выровнять до квадрата. Так была воздвигнута огромная платформа. Подножие будущего костра выложили красивыми плитками. На нем, все выше и меньше, этаж за этажом, рядами строились новые ступени. Каждый ярус — с резными скульптурами, столь прекрасными, словно им предстояло навечно украсить город. Внизу — носы кораблей с лучниками и воинами величиною более настоящих; затем факелы в двадцать футов длиною, украшенные орлами и змеями; потом сцена охоты на диких зверей, блиставшая позолотой. Еще выше — военные трофеи, сразу и македонские, и персидские; для того чтобы показать: оба наших народа воздают почести умершему. А наверху — мне трудно описать — слоны, львы, гирлянды из цветов… Где-то в вы-

шине укреплены статуи крылатых сирен, полые внутри; в них должны были прятаться певцы, коим следовало исполнить погребальную песнь незадолго до того, как все сооружение будет подожжено. Громадные стяги малинового цвета свисали с каждого яруса. Внутри была размещена лестница — с тем, чтобы мертвого можно было с почестями вознести на самую вершину.

Ни одного царя не хоронили так с начала мира, думал я. Александр замыслил все это словно для себя самого. Я смотрел ему в лицо — глаза, обращенные к вершине костра, горели изнутри тихим помешательством — и ничего не мог поделать, не решаясь даже прикоснуться к нему.

Погребальная колесница прибыла из Экбатаны в сопровождении Пердикки. Гефестион лежал на ней, как и в том большом зале, спокойный и торжественный. Александр все чаще ходил взглянуть на тело; скоро его не станет. Медий из Лариссы, бывший ему другом, заказал знакомому обоим скульптору бронзовый образ Гефестиона и подарил Александру. Тот принял дар с такой радостью, что и прочие друзья, стремясь превзойти один другого, заказывали маленькие статуи из золота, слоновой кости или же из алебастра. Скоро комната была полна ими;

Гефестион был повсюду, куда я ни отвернул бы взгляд. А я-то воображал: стоит зажечь огонь — тут ему и конец!

Однажды, будучи один, я взял в руку лучший из образов и пристально вгляделся в него, думая: «Кто ты такой? Что ты такое? Зачем ты делаешь это с моим господином?» Александр появился за моей спиною и с таким гневом рявкнул: «Поставь на место!» — что я едва не уронил статуэтку. Сотрясаясь от страха быть изгнанным, я как-то смог поставить ее и обернулся. Царь спросил немного спокойнее:

— Что ты здесь делаешь?

Я отвечал:

— Он был дорог тебе. Я пытаюсь понять.

Александр прошелся по комнате и, застыв в углу, тихо проговорил:

— Он знал меня.

И ничего больше. Я был прощен; Александр не хотел напугать или поранить. Я спросил — он ответил.

Они родились в одном месяце, на одних и тех же холмах, среди одного народа, во власти одних и тех же богов… Они жили под одной крышей с четырнадцати лет. Воистину, если они с Александром казались нерасторжимым целым,

до какой же степени я был чужаком для них?

Время пройдет, думал я. Они могли перенести долгую разлуку в походе. Вскоре смерть Гефестиона тоже станет казаться такой разлукой, не более. Если у нас будет время.

Пришел назначенный день. В предрассветном сумраке люди окружили платформу: в одном ряду стояли военачальники и принцы, сатрапы и жрецы, знаменосцы и глашатаи, музыканты… Раскрашенные слоны… У ступеней пылали жаровни, стояли столы, заваленные приготовленными факелами.

Носильщики подняли тело Гефестиона по скрытой внутри лестнице. Когда они достигли верха — маленькие, будто игрушечные фигурки — и положили тело на помост, запели крылатые сирены: слабые голоса скорби донеслись до нас с небес. Они спустились, не прекращая печальной песни, и факелы были зажжены у жаровен.

Помост с телом Гефестиона стоял на колоннах пальмового дерева; пространство между ними было забито просмоленным деревом и сухой соломой. Александр ступил вперед — один, с факелом.

Он был так возбужден, что безумие, казалось, сдалось под натиском эмоций. Певкест, видев-

ший Александра, когда тот продолжал сражаться с маллийской стрелою в боку, позже сказал мне, что выражение на его лице было тем же самым. Слоны подняли хоботы и затрубили.

Царь бросил факел. Языки пламени рванулись вверх. Его примеру последовали друзья; факелы посыпались к подножию страшной пирамиды; огонь подпрыгнул, преодолевая решетки первого яруса, к носам кораблей. Уже тогда пламя ревело.

Изнутри костер заполняло дерево. Ослепительное, жаркое пламя рванулось вверх по спирали, проглатывая корабли, и лучников, и львов, и орлов, и щиты, и гирлянды… Наверху оно окутало тело и взметнулось еще выше острием огромного огненного копья на фоне бирюзы рассветного неба.

Когда-то, на огненном пиру в Персеполе, они вместе с Гефестионом взирали на эту пляску, стоя рядом, плечом к плечу.

Какое-то время огненная башня стояла во всем своем пугающем, ослепительном блеске; потом ряд за рядом, ярус за ярусом она стала проваливаться вниз, внутрь себя самой. О платформу ударился деревянный орел с горящими крыльями; сирены упали внутрь; тело пропало, словно

его и не было. Дерево и тяжелые резные скульптуры с шумом летели вниз, оставляя за собою слепящий след из множества искр выше любых деревьев. Весь погребальный костер уподобился одному гигантскому факелу, прогоревшему до основания, — и при его свете я видел одно лишь лицо…

Взошло солнце. Весь наш строй стоял, оглушенный жаром и печальной красою невиданного прежде зрелища. Когда не осталось ничего, кроме красных угольев и белого пепла, Александр отдал приказ расходиться. Он отдал его сам, без подсказок. Я уж думал, сначала полководцам придется разбудить его…

Когда царь повернулся, чтобы уйти, к нему придвинулись жрецы в парадных одеждах всех храмов города. Александр коротко отвечал им и прошел мимо. Жрецы показались мне расстроенными, и я догнал одного из царских стражей, бывших рядом. Я спросил, чего хотели от царя эти люди.

— Они просто спрашивали, нельзя ли вновь разжечь священные огни в храмах. Александр сказал: нет — до заката.

Я глядел на него, не веря собственным ушам.

— Огни в храмах? Он приказал погасить их?

— Да, в знак скорби. Багоас, ты скверно выглядишь. Наверное, из-за жары. Идем сюда, в тень. Что, в Вавилоне это что-нибудь означает?

— Это делается, если только умирает сам царь.

Молчание сковало нам губы. Наконец страж сказал:

— Но когда он отдавал приказ, жрецы должны были поведать ему об этом.

Я поспешил во дворец, надеясь застать Александра одного. Если зажечь огни теперь, мы все еще могли отвратить знамение… Неужели же прежних знаков не хватало ему, чтобы теперь Александр сам создавал их?

Но царь уже собрал множество людей и заканчивал готовить погребальные игры. Мрачные лица персов сказали мне, что и другие пытались убедить его. Старые дворцовые евнухи, за всю свою жизнь лишь трижды видевшие огни погашенными, шептались меж собою и косились в мою сторону. Я не подходил к ним. Храмы простояли во тьме до заката. Весь день Александр потратил на приготовления к играм. Уже не особенно много оставалось сделать, но он, кажется, просто не мог остановиться.

Игры и состязания продолжались добрую половину месяца. Все лучшие актеры из греческих

земель побывали в Вавилоне. Я ходил на все представления, в основном для того лишь, чтобы видеть лицо моего господина; только одна из пьес вспоминается мне теперь — «Мирмидоняне», которую Теттал и прежде играл для Александра. Пьеса посвящена Ахиллу и смерти Патрокла. Теттал и сам потерял недавно близкого друга, умершего за время путешествия из Экбатаны. Он перенес свою утрату стойко, будучи все-таки актером. Александр сидел и взирал на сцену, но по глазам можно было судить, что разум его блуждает где-то совсем в иных краях. Я узнал этот взгляд. Я уже видел его, когда Певкест пилил древко стрелы, застрявшей в легком Александра.

Казалось, музыка помогла ему совладать с болью; Александр словно отпустил сам себя, пока играли кифаристы. Когда все закончилось, царь устроил маленький ужин для победителей и каждому из них нашел нужные слова. Возможно, думалось мне, этот грандиозный костер выжег из него последние остатки безумия.

Александр вновь начал посещать будущий порт. Он устроил состязание для гребцов и предложил им призы. Потом прибыли греческие посольства.

Они явились воспеть хвалу благополучному

возвращению Александра с самого конца мира, привезли с собою дары: золотые царские короны и венки изысканной и утонченной работы искусных ювелиров, а также свитки, описывающие деяния великого Александра. Даже завистливые афиняне явились, полные лживых комплиментов. Царь понимал, конечно, что они лгут. Но в ответ он подарил им статую Освободителей, привезенную из Суз, чтоб афиняне вновь водрузили ее в своей цитадели. Показывая свой дар послам, он словно бы случайно указал на кинжалы и поймал мой взгляд.

Последнее посольство явилось из Македонии.

Оно весьма отличалось от прочих. Регент Антипатр, которого должен был сместить Кратер, послал к Александру своего сына, дабы тот защитил отца.

Все время регентства, все эти годы, начавшие отсчет с гибели царя Филиппа, царица Олимпиада ненавидела его, желая, на мой взгляд, только одного — править самой. Зная ее клеветническую натуру, нечего удивляться, что Антипатр решил: все ее письма к сыну в конце концов приведут к тому, что Александр задумает вершить суд над ним. За десять лет он ни разу не встречался с Александром и не мог знать, как именно тот

относится к писаниям своей матушки. Даже если отчаяние наконец довело его до крайней меры, приходится только удивляться, что у Антипатра недостало разумения не посылать к Александру своего сына Кассандра, если только регент все еще был верен царю.

Что бы Александр ни рассказывал мне о своем детстве, в этих историях постоянно возникал сей юноша — и всякий раз царь отзывался о нем с не поблекшим за годы отвращением. Они возненавидели друг друга с первого же взгляда и пронесли эту ненависть через все годы учения; однажды они просто подрались. Причина того, что Кассандр остался в Македонии, заключалась лишь в том, что Александр не хотел терпеть его в своей армии.

Впрочем, Кассандр помог своему отцу подавить какое-то восстание в Южной Греции и справился со своей задачей весьма неплохо; вне сомнения, теперь оба они надеялись, что сей славный подвиг послужит ему лучшей рекомендацией. Он прибыл после стольких лет, словно чужой человек; вот только Александр и этот незнакомец возненавидели друг друга с первого взгляда, как некогда в детстве.

Кассандр был самонадеянным рыжеволо-

сым мужчиной, чье лицо украшали бледные веснушки и старомодная македонская борода. К тому же, разумеется, он не имел ни малейшего представления о жизни царского двора Персии. Признаюсь, я уже позабыл, что подобные ему люди еще где-то существовали.

Вне сомнений, зависть сотрясала его, сводя с ума. Тронный зал дворца был недавно обставлен заново для приема посольств; около трона большим полукругом встали кушетки с серебряными ножками, где во время приемов имели право сидеть дорогие царскому сердцу друзья — как македонцы, так и персы. Возвращение к древним традициям приема послов позволяло всему царскому двору встать за спинкою трона, а мое собственное место было сбоку от Александра. Потому я был там, когда Кассандр вошел, чтобы приветствовать царя. Пока все мы ожидали появления Александра, я заметил, как Кассандр посматривал на нас, евнухов: в его взгляде было столько желчи, что можно было подумать: мы — нечто вроде вредоносных паразитов.

Прием шел не слишком гладко. Из Македонии прибыли и другие посланцы, оказавшиеся истцами, принесшими жалобы на регента. Кассандр чересчур поспешно объявил, что все эти люди

явились издалека затем лишь, чтобы скрыть свою неправоту за невозможностью доказать ее прямо на месте. Мне кажется, по меньшей мере одна жалоба была послана Александру самой царицей Олимпиадой. Только один человек на всем свете мог бы осудить ее в разговоре с Александром, и этот человек был уже мертв. Царь попросил Кассандра подождать, пока он не примет нескольких персов.

Какие-то варвары вперед *него?* Я видел, как Кассандр вскипел от ярости. Он шагнул назад, и персы, не получившие ранга царских родичей, пали ниц пред Александром.

Кассандр фыркнул. Неверно, как говорят некоторые, будто он рассмеялся в голос. Он все-таки был послом, которому вскоре предстояло продолжить переговоры. Неправда также и то, что Александр якобы ударил его головою о стену. Не было нужды.

Истина в том, что насмешка Кассандра прозвучала вполне открыто; полагаю, гнев сделал его беспечным. Он повернулся к своему спутнику, вошедшему вместе с ним, и указал пальцем, чтобы тот обратил внимание на особенно смешную деталь. Александр подождал, пока персы встанут, поговорил с ними и дал им разрешение уйти.

Потом он сошел с трона, одною рукою ухватил Кассандра за волосы и уставился в его перекошенное лицо.

Я подумал: все, сейчас царь убьет его. По-моему, Кассандру пришла на ум та же мысль. Но все не так просто; это было превыше царской власти, превыше слова, сказанного оракулом Амона… Александр прошел сквозь огонь и тьму, и теперь ему всего-навсего было достаточно сделать это видимым. Кассандр смотрел на него, как птичка смотрит на подползающую змею, белый от чистого ужаса одного человека пред другим.

— Ты можешь идти, — сказал ему Александр.

Путь до дверей не мог показаться Кассандру близким. Должно быть, он понимал, что страх клеймит не хуже тавра и все мы — нелюди, достойные одной лишь насмешки, — видели его столь же ясно, как если б оно было выжжено на его лбу.

Позже, оставшись наедине с Александром, я сказал:

— Ненависть, подобная этой, может быть опасна. Почему ты не отправишь его домой, в Македонию?

Царь отвечал мне:

— Ну нет. Кассандр вернется и заявит Анти-

патру, что я — его смертный враг. Он убедит его восстать, а Кратера убьет, едва тот войдет в город, и приберет Македонию к рукам. Антипатр может послушать сына, если решит, будто я угрожаю его жизни. И потом, мой регент — не из глупцов. Если бы я желал ему зла, я вряд ли держал бы при себе его второго сына в качестве виночерпия, не так ли? Мой регент слишком долго был регентом — и все, не больше и не меньше. Нет, пока Кратер не попадет в Македонию, Кассандр останется в Вавилоне, под моим присмотром… Гефестион тоже не мог его выносить.

В былые дни я умолял бы царя тихонько убрать этого человека с дороги. Я знал теперь, что Александр никогда не сделает ничего, что впоследствии не сможет признать своим деянием. Многие годы я сокрушался, что не осмелился взять это на себя. Меня и сейчас мучает мысль: одним маленьким фиалом с ядом я мог бы оборвать ту убийственную ненависть, что преследует моего господина даже после смерти; я мог бы спасти его мать, его жену и сына, которого я никогда не видел, но который оставил бы нам нечто большее, нежели просто память об Александре.

Настало лето. Все персидские цари давно уже отдыхали бы в Экбатане, но я-то знал: Алек-

сандр в жизни не заставит себя вновь проехать в те ворота. Мне оставалось лишь радоваться, что теперь он постоянно бывал занят флотом и строительством причалов в новом порту. Четыре месяца минуло с тех пор, как халдеи вышли из города, чтобы предупредить Александра о грядущей беде. Я забыл бы об их пророчестве, если бы не возносящийся все выше храм Бела.

Вскоре мы ненадолго оставили город. Каждый год, когда таяли снега, река выходила из берегов ниже по течению, и жившие там ассирийцы всякий раз терпели лишения от ее разливов, живя поэтому в достойной сочувствия бедности. Александр хотел поставить там дамбы и прорыть каналы, чтобы река дала этим людям возможность освоить новые поля. Это было всего лишь небольшое путешествие по реке, но я не мог нарадоваться тому, что Александр наконец-то выбрался из сулившего недоброе города.

Царь всегда любил реки. Корабли скользили в зарослях камыша, достигавшего человеческого роста; навигаторы-ассирийцы знали все речные каналы и ответвления назубок. Иногда над нашими головами сплетались тенистые кроны огромных деревьев, и мы плыли под ними, словно по пронизанной солнцем зеленой пещере;

иногда в открытых заводях мы прокладывали свой путь по сплошным зарослям белоснежных лилий; в этих местах река имела множество рукавов. Александр стоял на носу и порою брался за руль. На нем была та самая сплетенная из соломы шляпа от солнца, которую он носил в Гедросии.

Поток расширился меж плачущих ив, грустно покачивавших нависшими над водою ветвями. Среди них стоял скверно обтесанный каменный столб с еле заметными с реки, траченными временем и непогодой фигурами крылатых львов и быков с человечьими ликами. Когда Александр спросил о них, корабельщик из Вавилона отвечал ему: «О великий царь, это могилы правителей древних времен, ассирийцев. Здесь они хоронили своих мертвых».

С этими его словами налетевший вдруг порыв ветра сорвал с головы Александра шляпу и бросил ее за борт. Ее пурпурная лента — символ царской власти — отвязалась и была унесена прочь. Отлетев к берегу, она застряла в камыше.

Наше судно скользило далее само по себе; гребцы подняли весла. По всему кораблю пронесся вздох благоговейного трепета.

Один из гребцов, быстрый в движениях

смуглый парень, нырнул с борта, в несколько сильных гребков подплыл к берегу и отвязал ленту. Он постоял там, сжимая ее в руке и раздумывая об илистой воде, после чего завязал ее на собственной голове, чтобы оставить сухою. Александр принял ее со словами благодарности. Мы двинулись дальше; царь молчал, а я едва сдерживался, чтобы не закричать в голос. Царский венец побывал на могиле и вслед за этим оказался повязан вкруг головы какого-то гребца!

Завершив работу, Александр вернулся в Вавилон. Мне хотелось выть и бить себя в грудь при одном только виде черных стен.

Когда царь поведал прорицателям о новом знамении, они отвечали ему в один голос: голову, что носила ленту, необходимо тотчас же отделить от тела.

— Нет, — твердо сказал им Александр. — Он желал мне добра и сделал только то, что на его месте сделал бы всякий. Его можно наказать, если боги жаждут искупления, но не бейте его слишком сильно, а потом пришлите ко мне.

Когда гребец явился, царь дал ему талант серебра.

Мы вернулись в Вавилон, где судьба не сулила ничего, кроме процветания и благополучия. Пев-

кест с гордостью провел парад армии из двадцати тысяч персидских воинов. Его провинция содержалась в отменном порядке; народ любил его, как никого прежде. Александр похвалил друга за рвение (и глашатаи объявили о том горожанам), после чего занялся планами устройства нового персо-македонского войска. Никто не возражал; даже македонцы начали подозревать, что персы могут быть неплохими воителями. Кое-какие наши слова уже прочно вошли в их собственную речь.

Пришел долгожданный день возвращения царского посольства из Сивы.

Александр принял своих послов в тронном зале, где вокруг него на серебряных кушетках расселись Соратники. Церемонно и медленно глава послов развернул папирус Амона. Бог отказался разделить с Гефестионом божественность, но тот по-прежнему оставался в числе бессмертных. Друг Александра был объявлен смертным героем, за свои подвиги взятым на небо.

Александр был вполне доволен. После того как первая волна безумия схлынула, он догадался, наверное, что бог не захочет сделать большего. Помимо того, Гефестиону все еще можно было поклоняться.

Во все города империи были направлены приказы о строительстве нового храма или алтаря. (Здесь, в Александрии, я часто прохожу мимо огороженной пустой площадки на острове Фарос. Подозреваю, бывший в то время сатрапом Клеомен присвоил себе все деньги.) Гефестиону следовало молиться и приносить жертвы, в его силах было защитить просителя от напастей. Все официальные договоры заключались его именем, рядом с именами богов.

(Храм Гефестиона, который должен был стоять в Вавилоне, был задуман в греческом стиле, с лапифами и кентаврами на фризе. Место, отведенное под его строительство, также пустует. Не думаю, чтоб хотя бы один камень всех этих священных построек был возложен на другой. Что ж, Гефестион не должен гневаться. Он получил свою жертву.)

Александр устроил для послов пир в честь дарованного Гефестиону бессмертия. Другими гостями были друзья, которые могли бы понять его. Сам Александр лучился радостью, восседая на пиру. Можно было подумать, все знамения позабыты.

Несколько дней впоследствии он был занят, приглашая архитекторов и рассматривая черте-

жи новых храмов. Он навестил Роксану, которую нашел здоровой и сильной; согдианки спокойно относятся к своей беременности и не делают из нее большого события. Затем Александр вновь занялся планами устройства нового смешанного войска.

Это сулило перемены во всех частях нынешней армии. Подготовившись заново распределить командование, Александр призвал во дворец военачальников, дабы сделать необходимые назначения. Он встретил их в тронном зале; сейчас он прекрасно понимал, что для персов означает правильно построенная церемония. За спинкою трона собрался весь царский двор.

Лето было в полном разгаре, стояла нестерпимая жара. Где-то посреди церемонии Александр объявил перерыв и пригласил друзей во внутренние покои, чтобы сделать по глотку холодной воды с вином и лимоном. Они не могли отсутствовать долго; смысла уходить не было, и все мы продолжали стоять за пустым троном и кушетками, тихо разговаривая о каких-то пустяках.

Мы не видели вошедшего, пока он не оказался среди нас. Мужчина в грязных обносках — обычный воин среди многих тысяч, если б не его лицо. В ясно читавшемся на нем безумии все мы бы-

ли для него невидимы; он не представлял себе, что делает… Мы не успели даже двинуться с места, а он уже сидел на троне.

Мы испуганно таращились на него, не веря собственным глазам. То было самое ужасное из всех знамений, какие только можно вообразить; вот почему на протяжении всей истории нашего народа это всегда оставалось государственным преступлением. Кто-то из нас бросился вперед, чтобы стащить его с трона, но старики завыли, предупреждая остальных. Царство будет обескровлено и останется вообще без мужчин, если евнух освободит трон. Они стали причитать, бия себя в грудь, а все прочие присоединились к общему скорбному хору. Стенания быстро притупили мой разум, и я уже ни о чем не мог думать.

Стражники в дальнем конце зала пробудились от нашего крика и, прибежав в ужасе, стащили преступника с помоста. Он тупо пялился вокруг, явно не понимая, из-за чего поднялся такой шум. Сопровождаемый друзьями, к нам вышел Александр, в недоумении спросивший, что здесь происходит.

Один из стражников поведал ему и показал на дурачка. То был простой воин, уксианин,

насколько я помню. У нас царь ничего не спрашивал — полагаю, наш вопль был достаточно красноречив.

Подойдя к преступнику, царь вопросил:

— Зачем ты сделал это?

Тот стоял, моргая, без тени уважения, будто бы перед простолюдином. Александр сказал:

— Если кто-то послал его, я должен знать, кто это был. Не допрашивать без меня.

Обратившись к нам, он молвил:

— Тише. Вполне достаточно крику. Прием продолжается.

Он закончил назначать военачальников — без всякой спешки, без небрежности.

На закате он явился в свою комнату сменить одежду. Теперь, оказавшись в Вавилоне, мы возобновили весь ритуал. Я держал митру. Прочитав мольбу в моих глазах, Александр отослал остальных, едва счел это возможным. На мой еще не высказанный вопрос он ответил:

— Да, мы пытали его, но я остановил это. Бедняга ничего не знает, не помнит даже, зачем явился во дворец. Он говорит, что попросту увидел красивое кресло и решил отдохнуть в нем. Ему грозил военный суд за постоянное неповиновение; конечно, он попросту не понимал

приказов. Я убежден, что он обычный сумасшедший, и мне этого довольно.

Царь говорил холодно и спокойно. Кровь застыла в моих жилах. Я жаждал услыхать, что воин был кем-то подослан, что за ним прячется какой-то обман или заговор. Впрочем, один-единственный взгляд, которым я окинул лицо Александра, ответил на все мои вопросы. Это истинные знамения — те, что никем не подстроены.

— Аль-Скандер, — позвал я, — этого человека придется умертвить.

— Уже сделано. Закон есть закон; к тому же все прорицатели говорят, это необходимо… — Александр отошел к столику с вином, наполнил чашу и дал мне выпить. — Ну, улыбнись же, ради меня. Боги сделают то, что сочтут нужным. А пока мы еще поживем…

Я проглотил вино, словно лечебное питье, и попытался улыбнуться. Из-за ужасной жары Александр носил тонкое белое одеяние из индской ткани, в складках которого тело читается столь же ясно, как в тех одеждах, что высекают скульпторы. Поставив чашу, я обнял его. Как всегда, Александр словно бы светился изнутри. Он казался мне неутолимым и неиссякающим, как само солнце.

Когда царь вышел, я оглянулся на статуэтки из золота, и бронзы, и слоновой кости, мрачно взиравшие на меня со своих подставок. «Оставь его в покое! — сказал я им. — Неужели ты не можешь остановиться? Ты умер из-за собственной оплошности, нетерпения, жадности. Неужели ты настолько не любишь его, чтобы требовать к себе? Оставь его мне, ибо я люблю его больше, чем ты». Все они посмотрели на меня и тихо ответили: «Да, но я *знал* его».

Из Греции прибыли новые послы, увитые венками и гирляндами, словно совершали паломничество к обиталищу бога. Вновь они короновали Александра: золотая оливковая ветвь, золотые усики ячменя, золотой лавр, золотые полевые цветы… Я и сейчас еще вижу его в каждой из этих корон.

Несколько дней спустя кто-то из друзей Александра напомнил ему, что после всех этих триумфов царь так и не отпраздновал победу над коссаянцами (победа эта была столь полной, что Александр принял несколько тысяч бывших разбойников в собственное войско). Друзья заявили, что царь давненько не устраивал шествий с музыкой и танцами, а пир в честь Геракла уже не за горами.

Они не хотели причинить зло. Худшие из друзей искали благосклонности; лучшие в доброте своей стремились подарить царю спокойный, радостный праздник, напомнить ему о славе и помочь забыть о печалях. Боги могут сотворить что им угодно из всех наших желаний и побуждений.

Александр объявил о пире, принес жертвы Гераклу и каждому воину своей армии выставил по чаше вина. Шествие началось на закате.

Стояла знойная вавилонская ночь. С едой было покончено довольно быстро. Я приготовил, с несколькими друзьями Александра, небольшой сюрприз: танец македонцев и персов, по четверо с каждой стороны: поначалу вроде как война, потом — дружба. Мы были наги, если не считать шлемов и юбок либо штанов. Александру танец пришелся по душе, и он пригласил меня сесть рядышком и разделить с ним вино в золотой чаше.

Лицо Александра пылало; ничего удивительного, в ночной духоте и после нескольких чаш вина, но блеск в его глазах мне чем-то не понравился. Не так давно я протирал его губкой, чтобы смыть пот, но ночь, разумеется, была теплой. Когда царь обнял меня, его тело показалось мне горячее воздуха.

— Аль-Скандер, — прошептал я, стараясь, чтобы меня не услышали, — у тебя, по-моему, жар.

— Ерунда. Здесь просто слишком душно. К тому же я собираюсь уйти сразу после песнопения с факелами.

Вскоре, подхватив горящие факелы, они с песнями вышли в сад, чтобы освежиться первыми дуновениями ночной прохлады. Выскользнув из толпы, я направился в опочивальню, чтобы проследить за приготовлениями ко сну. Когда песня понемногу стала стихать, я вздохнул с облегчением. Вошел Александр. Останься я наедине с ним, я сказал бы: «В постель, и не возражай мне», но перед царским двором всегда старался придерживаться формальностей. Поэтому я просто шагнул вперед, чтобы принять венец. Одеяние оказалось влажным от пота, и я видел, как Александра знобило.

— Просто разотри меня и сыщи что-нибудь потеплее.

— Господин мой, — проговорил я, — ты ведь не собираешься куда-то идти посреди ночи?

— Да, Медий пригласил нескольких старых друзей выпить и поговорить. Я тоже обещал заглянуть…

Мой взгляд истекал немой мольбою, но Алек-

сандр улыбнулся в ответ и покачал головой. Он был великим царем, решения которого нельзя оспаривать перед двором. Эти законы — в нашей крови; никто из нас не в состоянии преступить их, не проявив непозволительной дерзости… Протирая царя губкой, я поглядывал на расставленные вокруг изображения Гефестиона, думая: «Почему ты сейчас не здесь? Только ты мог бы сказать ему: „Не дурачься, Александр. Ты отправишься в кровать, даже если мне придется затолкать тебя туда. Багоас, беги к Медию, скажи ему, что царь не может прийти…“»

Но статуи молча стояли в героических позах; Александр облачился в греческое одеяние из мягкой шерсти и вышел, сопровождаемый факельщиками, в коридор с львиным фризом.

Прочим я сказал:

— Все вы можете уйти. Я подожду царя и позову, если ваше присутствие будет необходимо.

В комнате стоял диван, на котором я обычно спал, если Александр возвращался поздно; его шаги всегда пробуждали меня. Сегодня, впрочем, я долго не мог сомкнуть глаз и видел, как луна вскарабкалась на небо. Когда Александр вернулся, петухи уже кричали, приветствуя утро.

Царь показался мне уставшим, раскраснев-

шимся, да к тому же и шел нетвердо. Он пил вино от заката и до рассвета, но сейчас был в хорошем настроении и вновь похвалил мой вчерашний танец.

— Аль-Скандер, я гневаюсь на тебя: ты ведь знаешь, при лихорадке нельзя пить.

— О, все уже прошло. Я говорил тебе, ничего страшного. Сейчас лягу и высплюсь… Пошли окунемся — ты всю ночь провел здесь в своих одеждах.

Первые лучи солнца сияли сквозь резные ширмы, пели птицы. Бассейн освежил меня, но не снял сонливости; уложив Александра в постель, я отправился к себе и проспал до самого вечера.

Тихо войдя в опочивальню, я видел, что Александр уже проснулся, но не спешит встать, ворочаясь. Я подошел ближе и коснулся его лба.

— Аль-Скандер, твоя лихорадка вернулась.

— Ерунда, — твердо отвечал он мне. — У тебя холодные руки, не убирай их.

— Я прикажу принести ужин. Речная рыба сегодня особенно хороша. И как насчет лекаря?

Лицо Александра окаменело, и он отвернул голову, сбрасывая мою руку.

— Никаких лекарей. На них я уже насмотрелся.

Нет, я сейчас встану. Медий приглашал меня на ужин.

Я спорил, умолял, но царь проснулся раздраженным и нетерпеливым.

— Говорю тебе, ерунда. Болотная лихорадка, она отпустит меня в три дня.

— Не суди по вавилонянам, они привыкли к своему климату. Жар — это всегда скверно. Почему ты не можешь позаботиться о себе? Мы ведь не на войне.

— Если ты не прекратишь нянчиться со мною, я устрою войну. Мне бывало и хуже, когда я целыми днями носился по горам. Пойди скажи, что мне нужно одеться.

Я хотел бы, чтоб Александр ужинал с кем угодно, но не с Медием, коего ничуть не заботило чужое здоровье. Медий с азартом поддерживал Гефестиона в ссоре с Эвменом и лишь усугублял ее, как я слышал, ибо имел на редкость острый язык, и некоторые из его насмешливых изречений передаются сейчас от имени самого Гефестиона. Нет сомнений, скорбь Медия была искренней, но он отнюдь не медлил, желая использовать выгоду, которую принесла ему смерть друга. Язык Медия умел изливать как уксус, так и мед, и он всегда смешил Александра, лю-

бившего остроумные беседы. Не плохой человек, но и не особенно хороший.

Когда Александр вернулся с пирушки, я уже клевал носом. Судя по небу, было недалеко за полночь, и я обрадовался, что царь вернулся ко мне так рано.

— Я оставил их заканчивать ужин и ушел, — заявил он. — Жар немного поднялся. Освежусь в бассейне — и спать.

Когда я помогал ему разоблачиться, то не мог не заметить, что дыхание Александра было неровным, словно бы он долго бежал.

— Давай я лучше просто протру тебя губкой, — предложил я. — По-моему, сейчас тебе не стоит купаться.

— Окунусь — и мне сразу полегчает.

Александр не хотел слышать уговоров и отправился в бассейн в купальном халате. Впрочем, он не задержался в воде надолго. Я вытер его и едва успел накинуть халат ему на плечи, когда Александр заявил мне:

— Пожалуй, я посплю прямо тут, — и двинулся к скамье у кромки воды.

Забежав вперед, я заслонил ее собою. Тело Александра сотрясалось в жестоком ознобе, зубы щелкали.

— Найди мне теплую простыню, — сказал он.

В Вавилоне, посреди лета, в полночь! Я сбегал в царские комнаты и вернулся с зимним плащом.

— Это сойдет, пока не кончится приступ. Я согрею тебя.

Я накрыл Александра плащом, набросил сверху собственную одежду, после чего залез внутрь и сжал его в объятиях. Александр содрогался от холода — прежде я не видел, чтобы человека так колотила дрожь, хотя кожа оставалась горячей. «Ближе», — просил он, словно бы мы, нагие, согревали друг друга посреди метели. Прижавшись к нему, я слушал внутренний голос, но пророк, сказавший в Экбатане: «Сохрани это в сердце своем», сейчас молчал. Он не добавил: «Никогда больше».

Озноб прекратился, разгоряченный Александр стал потеть, и я оставил его. Он сказал, что заснет здесь, где воздух посвежее, — я же оделся и разбудил хранителя опочивальни, чтобы тот послал в бассейн все необходимое для Александра и какой-нибудь тюфяк — для меня. Перед рассветом лихорадка отступила, и я сомкнул глаза.

Проснулся я под звук его голоса. Бассейн был наполнен людьми, на цыпочках обходившими

мою постель. Александр только что поднялся и приказывал позвать сюда Неарха. «Зачем ему Неарх?» — недоумевал я, совсем позабыв за прочими заботами, что уже подходило время путешествия в Аравию. Александр просто-напросто думал о делах на нынешнее утро.

Он ушел в опочивальню, чтобы одеться; потом лег на диван, ибо лишь с трудом мог держаться на ногах. Когда явился Неарх, Александр осведомился: все ли готово к принесению жертвы для безопасного плавания? Встревоженный состоянием Александра, Неарх отвечал ему: да, все готово — и спросил, кому царь поручит принести жертву вместо себя.

— Что? — переспросил Александр. — Я все сделаю сам, разумеется. Я отправлюсь в порт в паланкине, потому что не очень хорошо себя чувствую; кажется, сегодня — последний приступ.

Протесты Неарха он решительно отклонил:

— Милость богов позволила тебе благополучно вернуться из опасного плавания по океану. Я принес тогда жертвы ради тебя — и был услышан. Сейчас я сделаю то же самое. Это необходимо.

Его снесли к воде, под навес, хранящий от убийственного солнца Вавилона, и Александр сам

совершил возлияния богам, встав и пройдя несколько шагов. Вернувшись, он едва коснулся заказанного мною легкого обеда, но тут же призвал Неарха, всех военачальников и делавшего заметки писца. Четыре полных часа он обсуждал с ними маршрут, склады и корабли.

Дни шли. Лихорадка не оставляла Александра. Царь намеревался, когда корабли двинутся в путь, возглавить небольшую армию, которая следовала бы берегом, разведывая подходящие места для портов и пристаней; поэтому ему пришлось отложить плавание. Каждое утро Александр встречал меня радостной вестью: сегодня ему лучше. Каждый день его приносили к дворцовому алтарю, где он совершал утренние молитвы; с каждым разом он был все слабее; каждый вечер его терзал нестерпимый жар.

Опочивальня теперь была полна народу, приходившего и уходившего. По дворцу бродили ожидавшие приказов полководцы. Хотя крепкие стены хранили от жалящих лучей, Александр мечтал о траве, о древесной сени и приказывал переправить его через реку, в царские сады. Там он лежал в тени, прикрыв глаза, рядом с фонтаном, плескавшимся в порфировой чаше. Иногда он посылал за Неархом и Пердиккой,

чтобы говорить с ними о будущем походе; иногда — за Медием, чтобы послушать сплетни и остроты, поиграть в кости. Медий гордился своим положением и неизменно утомлял Александра, задерживаясь слишком надолго.

Другие дни Александр проводил за резными ширмами бассейна. Его постель ставили у самой воды; царю нравилось охлаждать свой жар в купании, вытираться досуха, сидя на выложенной голубыми плитками кромке, и возвращаться на чистые простыни ложа. Он даже спал здесь, в прохладе, слушая сквозь тонкие стены журчание реки, плескавшейся в окаймлении берегов.

Я не оставлял его на попечение Медия, или полководцев, или кого-либо еще. Я с легкостью сбросил с себя дворцовые обязанности; старик, которого я недавно сменил, был рад вернуть их себе. Свое парадное платье я променял на простую льняную одежду, подходящую для слуги. Как глава евнухов опочивальни, я должен был бы отлучаться от Александра по ежедневным делам, требовавшим моего присутствия. Теперь же всякий, кто приходил, видел рядом с царем всего лишь персидского мальчика с опахалом или с чашей, приносящего свежие простыни, когда Александра охватывал озноб, протиравшего царя

губкой и менявшего ему одежды или просто сидящего невдалеке, на небольшой подушке у стены. Я был в безопасности: никто не завидовал моему положению теперь; один лишь человек на свете мог бы отнять его у меня, но этот человек давно был белым прахом на небесном ветру…

Отослав великих государственных мужей, царь оборачивался ко мне, встречая понимающий взгляд. Я держал под рукою одного-двух рабов, которые могли что-то принести-унести, но все нужды Александра оставил своим заботам. Поэтому люди попросту не замечали меня, как не замечали подушек или кувшина с водой. По старому обычаю, во дворец присылали свежую родниковую воду, которая всегда была излюбленным напитком персидских царей. Она освежала Александра, и я смотрел за тем, чтобы на столике у постели, в земляном охлаждении, всегда стоял полный кувшин.

Ночью я раскладывал свой тюфячок как можно ближе к царскому ложу. До воды он мог достать сам; если требовалось что-то еще, я всегда знал о том заранее. Порою, если лихорадка не давала ему уснуть, Александр говорил со мной, вспоминая тяготы старых походов и былые раны, чтобы доказать: скоро, очень скоро он одержит верх

над болезнью. Он никогда не вспоминал о скверных, суливших смерть знамениях, как никогда не говорил о сдаче посреди продолжающейся битвы. Болея уже с неделю, он все еще убеждал меня, что не более чем через три дня пустится в новый поход.

— Сперва я могу отправиться и в паланкине; выйдем, как только спадет мой жар. Эта лихорадка — ерунда по сравнению с тем, что я переносил прежде.

Друзья уже перестали просить Александра впустить лекаря.

— Мне не нужно дважды заучивать один и тот же урок. Багоас помогает мне не хуже любого врачевателя.

— Я бы с удовольствием помог, если б ты только позволил, — говорил я, когда все эти люди выходили. — Лекарь заставил бы тебя отдохнуть. Но ты думаешь: «Лекарь? Нет, это всего лишь Багоас» — и поступаешь как хочешь.

В тот день Александр вновь отправился в паланкине совершать жертвоприношение ради благополучия армии. Ему впервые пришлось служить богам, не вставая с ложа.

— Воздать почести богам необходимо. Ты должен хвалить меня за послушание и покорность,

мой милый тиран. Мне хотелось бы выпить немного вина, но я даже не прошу о нем.

— Пока рано. Здесь, на твоем столе, лучшая вода во всей Азии. — Когда царя навещал Медий, я не отходил ни на шаг из страха, что этот дурак принесет ему вино.

— Да, вода чудесная. — Александр осушил чашу; он всего лишь поддразнивал меня.

Когда его охватывало игривое настроение, я уже знал: у него жар. Но этим вечером лихорадка трясла его меньше обычного. Я возобновил свои мысленные клятвы, обещая отдать богам все, что у меня есть, в обмен на его выздоровление. Когда Александр выступил против скифов, знамения были скверными, но принесли лишь тяжкую болезнь. Я спал, вновь охваченный надеждой.

Разбудил меня голос Александра. Было все еще темно — часы ночной стражи.

— Почему ты не растолкал меня? Мы потратили половину ночи. Что ты наделал! Раньше полудня мы не дойдем до воды. Почему никто не разбудил меня?

— Аль-Скандер, — взмолился я, — это был сон. Мы вовсе не в пустыне.

— Выставь охрану у лошадей. Про мулов за-

будь. С Букефалом все в порядке?

Глаза Александра смотрели прямо сквозь меня. Я обмакнул губку в теплую воду реки и протер ему лицо.

— Посмотри, это я, Багоас. Так лучше?

Царь оттолкнул мою руку со словами:

— Вода? Ты с ума сошел? Воинам нечего пить!

Он бредил в жару в то время, когда обычно ему становилось легче. Я потянулся к чаше на краю стола. Она была полна лишь наполовину, и даже в темноте я увидел, что жидкость не прозрачна. Вино. Кто-то был здесь, пока я спал. Едва владея своим голосом, я тихо спросил:

— Аль-Скандер! Кто принес вино?

— У Менедаса есть вода? Ему надо дать первому, у него лихорадка.

— У нас у всех есть вода, правда-правда.

Я выплеснул чашу и, ополоснув ее, налил туда воды из большого кувшина. Александр жадно выпил ее.

— Скажи, кто дал тебе вина?

— Иоллий.

Что могло это значить? Так звали царского виночерпия. В бреду Александр мог только это и подразумевать. Но с другой стороны, Иоллий приходился братом Кассандру.

Я отошел, чтобы спросить у ночного стражараба, и нашел того спящим. Я никого из них не просил служить и днем и ночью, как делал это сам. Потому я не стал будить стража: предупрежденный заранее, он мог избегнуть кары.

Александр неспокойно дремал, ворочаясь до самого утра. Лихорадка не отпустила его, как было всегда в это время. Когда царя отнесли к алтарю и вложили ему в руку чашу для возлияния, она так тряслась, что половина пролилась, прежде чем он сумел опрокинуть ее над алтарем. Эта перемена произошла после того, как Александр глотнул вина. Клянусь, он уже поправлялся, когда это произошло.

Уснувший раб ничем не смог ответить на мои гневные вопросы; должно быть, он проспал всю ночь. Царский двор последовал моему приказу, и раб получил порку освинцованной плетью. Стражники, стоявшие той ночью на часах, тоже ничего не знали; допрашивать их было не в моей власти. Охранять бассейн куда сложнее, чем опочивальню: кто-то мог забраться сюда со стороны реки.

Тот день был мучительно жарким. Александр попросил отнести его к фонтану в саду, в тень дерев. Только там можно было поймать хотя бы

слабое дуновение ветерка. Я заранее набил летний павильон всем, что могло ему понадобиться. Укладывая царя на ложе, я расслышал новый хрип в его дыхании.

— Багоас, ты не поможешь мне чуть-чуть приподняться? Что-то свербит у меня здесь.

Александр прижал руку к боку.

Он был обнажен, если не считать тонкого покрывала. Ладонь его закрыла рану от маллийской стрелы, и, кажется, именно тогда я понял все.

Найдя несколько подушек, я уложил Александра повыше. Отчаяние было бы предательством, пока он продолжал сражаться. Он не должен заметить его в моем голосе, в нежности моих рук…

— Не стоило мне пить вина. Сам виноват, это я попросил тебя.

Он задыхался даже после нескольких слов и вновь зажал рану.

— Я не давал тебе вина, Аль-Скандер. Ты не помнишь, кто сделал это?

— Нет. Нет, оно просто сказалось в чаше. Я проснулся и выпил.

— Может, Иоллий принес?

— Не знаю.

Александр прикрыл глаза.

Оставив его отдыхать, я уселся неподалеку, прямо на траву. Но царь отдыхал для того лишь, чтобы говорить снова. Отдышавшись, он послал за главой телохранителей. Я сходил и жестом пригласил его.

Александр сказал ему:

— Общий сбор. Всем военачальникам собраться… во внутреннем дворике… ждать приказов.

Тогда я понял, что и он сам тоже начал догадываться.

«Он не станет устраивать прощание, — думал я, качая опахалом, чтобы охладить Александра и отогнать от его ложа докучливых мух. — Он не сдастся. И я тоже не должен сдаваться».

С переправы пришли друзья, явившиеся осведомиться о здоровье царя. Я встретил их, чтобы предупредить: ему сложно говорить. Когда они приблизились, Александр прошептал:

— Пожалуй… я бы… вернулся.

Позвали носильщиков. На пароме люди обступили паланкин, но Александр, обведя их взглядом, позвал:

— Багоас!

Кому-то пришлось уступить мне место.

Царя сразу же отнесли в опочивальню, где крылатые позолоченные демоны охраняли огромное

ложе. Давным-давно, в иной жизни, я готовил его для другого царя.

Мы подняли Александра на высокие подушки, но резкие хрипы в его дыхании не желали смолкать. Если царю бывало что-нибудь нужно, он говорил со мною, не напрягая голоса, как привык делать это, пока рана была свежей. Он знал: я пойму.

Несколько часов спустя в опочивальню вошел Пердикка: он хотел напомнить, что военачальники все еще дожидаются приказов, собравшись во внутреннем дворе. Александр сделал знак ввести их, и они набились в опочивальню. Царь махнул рукой, приветствуя друзей. Он набрал воздуху, чтобы сказать что-то, но вместо этого закашлялся кровью. Последовал знак удалиться; все поспешили выйти, но только когда последний из военачальников покинул опочивальню, Александр прижал ладонь к старой ране.

После всего этого полководцы привели лекарей, уже не спрашивая позволения. Явились трое. Каким бы он ни был слабым, все они дрожали от страха, вспоминая участь Главкия, но Александр молча страдал под напором их пальцев, сжимавших запястье, пока один из лекарей слушал дыхание, приникнув ухом к царской груди.

Царь внимательно наблюдал за тем, как они переглядывались. Когда ему принесли питье, он выпил его до дна и немного поспал. Один из лекарей остался в опочивальне, и я тоже смог отдохнуть, не более часа-двух, зная, что понадоблюсь ему ночью.

Ночь принесла новый приступ лихорадки. Никто уже не хотел оставлять Александра на одно лишь мое попечение; трое Соратников сидели рядом, храня его покой. Один из лекарей присел у изголовья, но Александр поднял руку и держал меня за плечо, так что лекарь вскоре вышел.

То была долгая ночь. Соратники дремали в креслах. Царь кашлял кровью, после чего уснул ненадолго. Где-то около полуночи его губы зашевелились. Я склонился послушать. Он сказал:

— Не прогоняй его.

Я оглянулся, но никого не увидел.

— Змей, — шепнул Александр, указывая в темный угол. — Не причиняйте ему вреда. Он послан мне.

— Никто не тронет его, — успокоил я, — под страхом смерти.

Александр опять уснул. Я поцеловал его в лоб и не стал ничего говорить. Царь улыбнулся во сне и затих.

Утром он узнал меня и понял, где находится. Военачальники вновь вошли и встали, окружив ложе. Хриплое дыхание Александра разносилось по всей комнате, пока он переводил взгляд с одного лица на другое. Он прекрасно понимал, что это может значить.

Выступив вперед, Пердикка склонился над ним:

— Александр, мы все молим богов сохранить тебя на долгие годы. Но если божеская воля в ином, кому ты оставишь свое царство?

Александр осторожно покашлял, собираясь сказать что-то вслух. Он начал — я твердо в это верю — произносить имя Кратера, но горло сдавило, и конец имени слился с новым приступом кашля. Пердикка выпрямился и пробормотал другим:

— Он говорит — сильнейшему.

Кратерос, кратистас. Звучание слов похоже; более того, имя Кратера как раз и означало «Сильнейший». Этот человек, никогда не обманывавший оказанного доверия, направлялся сейчас в Македонию. По моему собственному убеждению, царь хотел сделать его регентом еще не родившегося ребенка или даже царем, если бы на свет появилась девочка. Но Кратер

был далеко отсюда, и никого здесь не волновала его дальнейшая судьба.

Я и сам мало задумывался о ней тогда. Что такое Македония? Какое мне дело, кто там правит? Я взглянул на своего господина: не обеспокоило ли его, что Пердикка неверно истолковал его волю? Но Александр просто не слышал. Пока он лежал здесь в мире, мне все было едино. Если бы я оспорил мнение Пердикки, меня могли увести от царского ложа. И я прикусил язык.

Отдышавшись, Александр вновь поманил к себе Пердикку и затем, стащив с пальца перстень с резной царской печатью, изображавшей Зевса на троне, протянул другу. Он избрал заместителя на то время, пока сам слишком слаб, чтобы править. Это не значило ничего более.

Сидя у кровати, я молчал, как подобает персидскому мальчику, и видел, как военачальники переглядывались, уже примеряя на себя власть и прикидывая, какое направление примет политика, бросая косые взгляды на перстень.

Он видел. Глаза его были устремлены куда-то мимо пришедших, но зрачки двигались; я знаю, он все видел. Решив, что виденного достаточно, я заслонил собою остальных, склонившись над Александром с губкой. Он глядел на меня

с тонкой улыбкой, словно мы только что разделили меж собою какой-то секрет. Я возложил свою ладонь на его руку; на пальце Александра остался светлый ободок — там, где перстень с печатью хранил кожу от солнца.

В спальне было бы тихо, если б не тяжкие хрипы его дыхания. В наступившем безмолвии я услыхал идущий снаружи глубокий вздох, многоголосый шепот, движение огромной толпы… Птолемей вышел взглянуть. Когда прошло несколько минут, а он еще не вернулся, Певкест последовал за ним. Потом вышли все прочие, но вскоре появились снова.

Пердикка позвал:

— Александр! Снаружи стоят македонцы, все воины до последнего. Они… Они пришли увидеть тебя. Я сказал, что это сейчас невозможно, ты слишком болен, но они не уходят. Как ты думаешь, если я впущу сюда двух-трех человек, не больше, только для того, чтобы они рассказали остальным, сможешь ли ты вынести это?

Глаза Александра широко распахнулись. Он закашлялся вновь. Пока я держал у его рта полотенце, он сделал рукою жест, означавший: «Подожди, я сейчас». Откашлявшись, царь сказал:

— Всех. Каждого.

На чьем бы пальце ни находился сейчас перстень, царь был по-прежнему тут. Пердикка вышел.

Александр посмотрел на меня. Я передвинул подушки, дабы поднять его повыше. Кто-то открыл заднюю дверцу, чтобы люди выходили, минуя царское ложе. Бормочущие голоса приблизились. Певкест поглядел на меня с теплой улыбкой и чуть наклонил голову. Он всегда был вежлив со мною, поэтому я внял ему. Сказав Александру: «Скоро вернусь», я вышел через заднюю дверь.

Они пришли проститься — как воины с полководцем, как македонцы со своим царем. Теперь, в эту последнюю минуту, они имели право не видеть персидского мальчика, сидящего ближе к Александру, чем любой из них.

Спрятавшись в алькове, я наблюдал, как они проходят мимо, один за другим — поток, который, казалось, никогда не кончится… Они плакали, или говорили что-то глухим шепотом, или же просто глазели в недоверии, словно бы узнав, что завтра солнце уже не поднимется на востоке.

Они шли и шли. Время бежало, и день клонился к полудню. Я слышал, как один из воинов

шепнул другому, выходя:

— Он приветствовал меня глазами. Говорю тебе, он узнал меня.

Другой сказал:

— Он сразу вспомнил меня и даже пытался улыбнуться.

Совсем молодой воин с горечью пролепетал:

— Он взглянул — и мне показалось, что мир рушится.

Пожилой отвечал ему:

— Нет, парень, мир не рухнет. Но одни лишь боги ведают, где мы проснемся завтра.

Наконец все они вышли, и я вернулся. Александр находился в том же положении, как я и оставил его, — все это время он лежал на подушках, подняв лицо, и ни один воин не прошел мимо без его приветственного взгляда. Теперь он казался мертвым, если б не тяжелое дыхание. Я подумал: «Они выпили последние силы, остатки его жизни, и ничего не оставили мне. Да пожрут их собаки!»

Приподняв его голову, я поправил подушки, чтобы Александру легче дышалось. Он вновь открыл глаза и улыбнулся. Чем бы это ему ни грозило, царь не стал бы просить у своего бога-хранителя ничего иного, кроме возможности

проститься со своими соратниками. Как мог я негодовать? И я изгнал гнев.

Полководцы стояли в стороне, пока воины шли мимо. Птолемей вытирал глаза. Пердикка, помедлив, вновь шагнул к кровати:

— Александр! Когда боги примут тебя в свой круг, в какие дни нам следует приносить тебе жертвы?

Не думаю, что полководец ждал какого-то ответа, — просто хотел, если все еще мог быть услышан, сделать царю подарок, которого тот заслуживал. Александр слышал и вернулся к нам, словно всплыв с большой глубины. Улыбка все еще не покинула его уст, когда он шепнул:

— Во дни счастья.

Затем он прикрыл глаза и вернулся туда, где был прежде.

Весь тот день он не поднимал головы с высоких подушек, лежа меж позолоченных демонов с распростертыми крыльями. Весь день к его постели приходили великие мужи империи, а вечером привели отягощенную ребенком Роксану. Она кинулась на кровать, бия себя в грудь и терзая волосы, завывая так, словно бы царь уже умер. Я видел, как дрожали веки Александра. С Роксаной я заговорить не решился, ибо видел

полный ненависти взгляд, который она метнула в меня у входа; тогда я шепнул Пердикке:

— Он все слышит. — И евнухи вывели ее из опочивальни.

Порой мне удавалось разбудить Александра и дать ему глоток воды; порой он, казалось, засыпал, чтобы более не проснуться, и мои попытки оставались тщетны. Но я все же чувствовал его присутствие, и, думаю, он чувствовал мое. Про себя я снова и снова повторял: «Нет, я не стану просить небеса о каком-либо знаке; пусть моя любовь не беспокоит царя, но, если богу угодно, пусть он знает о ней, ибо любовь для него — жизнь и он никогда не отталкивал ее».

Пала ночь, и слуги зажгли светильники. Птолемей стоял у кровати и смотрел вниз, вспоминая Александра, мне думается, ребенком в Македонии. Пришел Певкест; он сказал, что с несколькими друзьями собирается держать бдение в честь царя во храме Сераписа. Александр привез культ этого бога с собою, возвратившись из Египта; это один из ликов возродившегося Осириса. Певкест хотел спросить оракула, не исцелит ли Александра бог, если царя принесут в святилище.

Человеку свойственно надеяться даже в самую

последнюю минуту. Когда колышущийся свет двигался по неподвижному лицу Александра, дразня меня тенями жизни, я ждал какого-то обещания от бога. Но если не разум, то тело мое все понимало, все знало, со всем смирилось. Смерть Александра отяготила меня, и я не мог поднять руку — слишком та была тяжела, словно вылепленная из сырой глины.

Ночь прошла в напряжении. Я давно не спал и порою пробуждался от дремоты, касаясь головой подушки Александра. Всякий раз я смотрел на него, пытаясь понять, жив ли он. Но царь продолжал спать, вдыхая воздух быстрыми неглубокими глотками, прерываемыми тяжкими вздохами. Светильники побледнели, когда рассветное небо показало нам очертания высоких окон. Дыхание Александра вдруг изменилось, и что-то шепнуло мне: «Он здесь, рядом с тобой».

Я придвинулся ближе и, сказав: «Я люблю тебя, Александр», поцеловал его. Мне все равно, думал я, чей голос он услышит. Пусть будет так, как он того хочет.

Волосы мои опустились ему на грудь. Александр открыл глаза; его рука шевельнулась, и коснулась пряди, и пробежалась по ней пальцами.

Он узнал меня. Я клянусь перед ликами богов. Это со мною он простился, уходя.

Остальные, видя его движение, поднялись на ноги — но он уже ушел, переступив порог в конце своего пути.

Певкест тихо вошел в двери; Птолемей и Пердикка отошли встретить его. Он сказал им:

— Всю ночь мы провели в святилище и наутро пошли к оракулу. Бог говорит — ему лучше остаться здесь.

Когда дыхание Александра замерло, евнухи принялись завывать, оплакивая господина. Наверное, я тоже плакал. Наши крики разнеслись далеко за пределы дворца, пронеслись по городским улицам… Не было нужды объявлять о смерти царя. Когда мы убрали из-под него высокие подушки и положили прямо, стоявшие на страже телохранители вошли, и в отчаянии стояли вокруг, и вышли в слезах.

Александр умер с закрытыми глазами и ртом, в мире, словно бы спал. Волосы его остались взъерошенными после метаний в жару, и я причесал их, осторожно распутывая узелки, как если бы он по-прежнему был с нами. Потом я поднял голову, ожидая увидеть толпу великих мужей, заполнившую опочивальню, ибо кому-то

следовало отдать приказ о похоронах и о том, как надлежит поступить с телом. Но все эти люди уже вышли. Мир разбился, и осколки лежали горсткой золота, которая достанется сильнейшему. Все они поспешили собрать их.

Какое-то время спустя дворцовые евнухи стали беспокоиться, не понимая, кто теперь царь. Один за другим, они выходили, чтобы узнать новости… Поначалу я даже не замечал, что остался наедине с Александром.

Я остался, ибо не мог подумать о каком-то другом месте, где мне следовало бы быть. Кто-нибудь придет, думалось мне. Он мой, пока его не заберут от меня. Я убрал покрывало и долго взирал на раны Александра, которые знал по нашим ночным объятиям, а после накрыл его снова. Потом я сел на пол у кровати и опустил на край голову… Кажется, я уснул.

Помню косые лучи заката. Никто не явился. Воздух в опочивальне был тяжел от жары, и я подумал: «Они скоро должны прийти, ибо его тело не вынесет промедления». Но ни дуновения порчи не исходило с царского ложа; казалось, Александр всего лишь спит.

Жизнь всегда была сильнее в нем, чем в любом другом человеке. Я напрасно потревожил его,

пытаясь послушать сердце; дыхание не замутило зеркальца, но где-то глубоко внутри его душа могла медлить, готовясь к разлуке, но еще не уйдя прочь. Я говорил с нею, зная, что уши Александра не услышат меня, но что-то, возможно, услышит.

— Уходи к богам, непобедимый Александр. Пусть Река Испытаний будет ласкова к тебе, как молоко, и омоет тебя светом, а не огнем. Пусть мертвые простят тебя; ты даровал людям больше жизней, чем причинил смертей. Бог сотворил быка, чтобы тот питался травою, льва же — нет; и один только бог может рассудить их. Любовь никогда не оставляла тебя; найди же ее и там, куда уходишь.

И тогда я вспомнил Каланоса, распевавшего гимны на ложе, увитом цветами. Я подумал: «Он сдержал свое слово. Он принес в жертву бессмертие, чтобы родиться вновь. В мире прошел он сквозь огонь, и теперь он здесь, чтобы провести Александра через Реку». Сердце мое вздохнуло с облегчением, зная, что Александр не остался один.

В застывшей вокруг меня тишине шум многих голосов, возникший где-то во дворце и быстро приближавшийся, показался мне внезапным раскатом грома. В окружении нескольких вои-

нов и царских стражей в опочивальню вбежали Птолемей и Пердикка. Кто-то крикнул: «Закройте двери!» — и их захлопнули с треском. Снаружи кто-то ломился внутрь, раздались крики… Пердикка и Птолемей призвали своих людей защитить тело царя от предателей и притворщиков. Меня едва не смяли обступившие ложе воины. Начиналась война за осколки мира; эти люди собирались сражаться за владение телом Александра, словно бы он стал теперь вещью, символом — вроде митры или трона. Я обернулся к нему и увидел, что он по-прежнему лежит в спокойствии, тихо снося все это и не противясь, — вот тогда я наконец понял, что Александр и вправду умер.

Завязался бой и полетели дротики. Я встал, чтобы закрыть Александра собою, и одно из копий задело мне плечо. Сей шрам остается на мне и поныне: единственная рана, которую я когда-либо получил во имя моего господина.

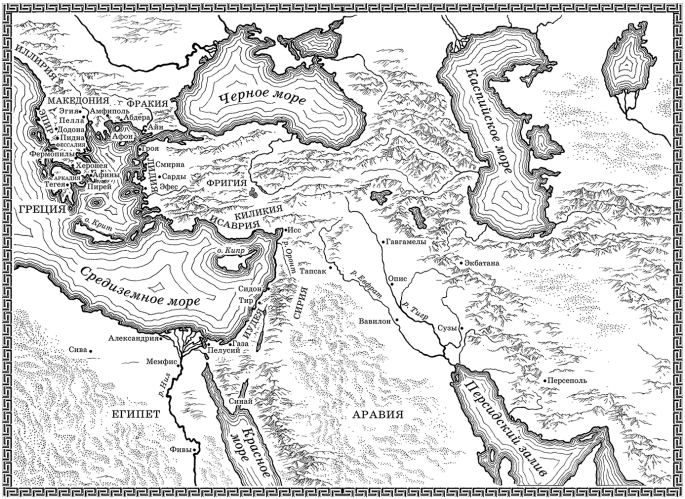
Вскоре они о чем-то договорились и вышли вместе, дабы продолжить свой спор снаружи. Обмотав руку полотенцем, я ждал, ибо нельзя было оставлять тело без всякого ухода. Я возжег ночной светильник, поставил у изголовья и оставался рядом с возлюбленным, пока утром

не пришли бальзамировщики и не забрали его у меня, дабы сохранить навечно.

Погребальные игры

Я предвижу великие состязания на моих погребальных играх.

Предсмертные слова Александра Великого


Иллирия
Черное море
Каспийское море
МАКЕДОНИЯ
ФРАКИЯ
Эгиа
Пелла
Амфиполь
Аббдера
Додона
Пидна
Олинф
Афон
Троя
Фермопилы
Коринф
Смирна
Сарды
Афины
Пирей
Эфес
ФРИГИЯ
ГРЕЦИЯ
КИЛИКИЯ
ИСАВРИЯ
о. Крит
о. Кипр
Иссийский залив
Исс
Гавгамелы
Экбатана
Средиземное море
Сидон
Тир
Тапсак
р. Евфрат
Опис
СИРИЯ
Вавилон
р. Тигр
Суза
Александрия
Сива
Мемфис
Иудея
Иерусалим
Газа
Пелузий
р. Нил
Синай
ЕГИПЕТ
АРАВИЯ
Красное море
Персеполь
Персидская земля
Фивы

Основные события, предшествующие смерти Александра

326 год до н. э.

Александр возвращается из Индии. В Индийском походе он получает тяжелое ранение в грудь.

325 год до н. э.

Возвращение в Персиду через пустыни Гедросии в исключительно тяжелых условиях.

324 год до н. э.

Александр в Сузах. Великолепная свадебная церемония Александра и Статиры, дочери Дария III, после которой она остается в дворцовом гареме, под присмотром своей бабушки Сисигамбис. Александр отправляется в Экбатану в сопровождении Роксаны, своей жены с 328 года, и своего друга Гефестиона. Роксана ждет ребенка. Гефестион, внезапно заболев, умирает.

323 год до н. э.

Александр прибывает в Вавилон и устраивает погребение Гефестиона, а затем начинает подготовку к следующему грандиозному походу,

связанному с исследованием побережья Аравии. После плавания в низовья Евфрата он заболевает смертельно опасной лихорадкой. Уже будучи при смерти, Александр вручает Пердикке, своему первому заместителю после смерти Гефестиона, кольцо с царской печатью.

323 год до н. э.

Зиккурат Бел-Мардука уже около полутора веков пребывал в полуразрушенном состоянии, с тех самых пор, как Ксеркс повелел уничтожить все святилища восставшего Вавилона. Вдоль террас дыбились груды битума и обожженного кирпича; аисты давно свили гнезда на развалинах верхнего яруса, где некогда находилась золотая опочивальня верховного бога со священной избранницей на золотом ложе. Однако нанесенный зиккурату ущерб выглядел незначительным; основная его громада осталась нетронутой. Стены старого города около ворот Мардука достигали трех сотен футов в высоту, а сам зиккурат по-прежнему возвышался над ними.

Правда, непосредственно храму верховного бога воины Ксеркса нанесли более серьезные повреждения. Проломанную крышу пришлось подлатать тростником и укрепить грубо отесанными деревянными столбами. Впрочем, в глубине святилища у колонн, облицованных прекрасными, но местами сколотыми изразцами, по-прежнему царил вызывающий благоговение сумрак, в коем витал запах ладана и сжигаемых

приношений. На порфировом алтаре под устремленным в небо дымоходом горел священный огонь, разведенный в бронзовой жаровне. Пламя еле теплилось: топливный ящик был почти пуст. Обритый наголо прислужник настороженно посмотрел на жреца. Тот, хотя и погруженный в себя, успевал подмечать все.

— Принеси еще топлива. В чем дело? Неужели царь должен умереть из-за твоей нерадивости? Да пошевеливайся! Стал бы ты тут топтаться, если бы что-то такое стряслось с твоей матерью.

Прислужник нехотя подчинился: храмовые порядки не отличались строгостью.

Священник бросил ему вслед:

— Одному богу известно, когда это произойдет. Возможно, и не сегодня. Он крепок, как горный лев, смерть не сразу с ним справится.

Две длинные тени легли на плиты возле расположенного под открытым небом храмового алтаря. Головы пришедших магов увенчивали высокие войлочные митры халдейских звездочетов. Приложив ладони к губам в ритуальном поклоне, они приблизились.

Жрец Мардука спросил:

— Ничего нового?

— Нет, — сказал первый звездочет. — Но уже

скоро. Он потерял дар речи… и вообще едва дышит. Однако, когда македонские воины подняли шум у дверей, заявив, что хотят видеть его, он приказал всех впустить. Не полководцев — они и так стояли вокруг, — а простых копьеносцев и пехотинцев. Те едва не плакали, проходя через царскую опочивальню, а он всех их приветствовал молчаливыми знаками. Это лишило его последних сил, и сейчас он спит мертвым сном.

Еще два жреца Мардука появились в проеме открывшейся за алтарем двери. За спинами их виднелось богато убранное помещение: тяжелые, украшенные узорным шитьем завесы, мерцание золота. Оттуда доносился аппетитный запах приправленного специями мяса. Дверь закрылась.

Халдейские маги, памятуя о застарелом слушке, обменялись взглядами. Один из них сказал:

— Мы сделали все возможное, чтобы отговорить его от посещения Вавилона. Но ему сообщили, что этот храм еще не восстановлен, и он подумал, что мы просто опасаемся его гнева.

Жрец Мардука сухо произнес:

— Великое дело надлежит начинать в благоприятное время. Навуходоносор затеял строительство в неудачный год. Его рабы-иноземцы постоянно враждовали между собой, сбрасы-

вая друг друга со стен уходящей ввысь башни. Аль-Скандер мог бы сохранить милость богов, если бы, вняв их предупреждениям, остался в Сузах.

Один из прорицателей возразил:

— Мне кажется, он почтительно относится к нашему богу, несмотря на то что называет его Гераклом.

Халдей многозначительно оглядел запущенное помещение. Его выразительный взгляд недвусмысленно говорил: «Где же то золото, что дал тебе этот царь на восстановление храма, неужели ты все проел и пропил?»

После недружелюбного молчания главный жрец Мардука, не теряя достоинства, примирительно сказал:

— Ваши пророчества, ему сообщенные, несомненно верны. А с тех пор вы читали небесные предсказания?

Высокие митры медленно и согласно склонились. Старейший маг, чья борода серебрилась на фоне смуглого лица и пурпурной мантии, жестом поманил жреца Мардука в полуразрушенную часть храма.

— Вот что предначертано Вавилону, — сказал он и, взмахнув увенчанным звездочкой золотым

жезлом, показал на разбитые стены, пролом в кровле, покосившиеся опоры и закопченные плиты пола. — Пока еще город стоит, но вскоре от него останутся только воспоминания.

Он прошел к выходу и, прислушиваясь, постоял там; ночные звуки ничто не тревожило.

— Звезды говорят, что упадок начнется после смерти нынешнего царя.

Жрец помнил, как восемь лет назад блистательный молодой победитель явился в храм с драгоценными дарами и арабскими благовониями. А в этом году сюда вернулся закаленный и покрытый шрамами воин с выгоревшими на солнце прядями белокурых волос, однако в глубине его глаз еще горел божественный огонь, еще поблескивало в них беспечное обаяние любимца богов, еще полыхали они порой внушающим ужас гневом. Ароматы ладана долго витали в воздухе, но гораздо дольше хранилось в храмовой сокровищнице золото; при всей любви жрецов к хорошей жизни половина даров еще находилась там. Однако радость главного жреца Бел-Мардука мгновенно иссякла. Грядущее сулило пожары и кровопролитие. Его настроение сникло, как алтарный огонь без подкормки.

— Что это означает? Придет ли к нам очеред-

ной Ксеркс?

Халдейский маг отрицательно покачал головой.

— Угасание, а не убийство. Новый город возвысится здесь, а старый придет в упадок. И все это связано с судьбой нынешнего царя.

— Что же будет? Значит, он все-таки выживет?

— Он умирает, как я уже говорил. Но его знаки по-прежнему движутся через созвездия, и мы не в силах предсказать, как долго они еще будут определять наши судьбы. До конца наших дней нам не разгадать всех последствий.

— Вот как? Что ж, за свою жизнь он не причинил нам никакого вреда. Может, он будет оберегать нас и после смерти.

Астролог задумчиво нахмурился, словно взрослый, подыскивающий слова для объяснения непонятливому ребенку.

— Помнишь год, когда с небес сошел огонь? Нам сообщили, куда он упал, и мы добрались туда, проведя в дороге неделю. Тот огонь осветил наш город ярче, чем полная луна. Но в месте падения огненной звезды мы обнаружили россыпь раскаленных докрасна углей, которые все вокруг себя выжгли. Один уголек помог жене простого крестьянина разродиться двумя близнецами.

Но сосед крестьянина украл этот уголек, стремясь овладеть магической властью; между мужчинами завязалась драка, и они оба погибли. Другой уголек упал возле ног немого ребенка, и речь вернулась к нему. От жара третьего угольк сгорел большой лес. А местный маг взял самый большой уголь и возложил на алтарь, и великий свет опять взошел к небу. И все это было порождено падением одной звезды. Такова воля богов.

Жрец склонил голову. Из храмовой кухни тек соблазнительный аромат. Лучше пригласить этих халдеев к столу, пока мясо не подгорело. Что бы там ни вещали звезды, но добрая трапеза всегда останется доброй трапезой.

Вглядываясь в ночной сумрак, старый халдей сказал:

— Здесь, где мы стоим, будут резвиться детеныши леопардов.

Жрец помолчал для приличия. От царского дворца не доносилось ни звука. Если повезет, то они успеют славно подкрепиться, прежде чем услышат горестные стенания.

* * *

Для сбережения хоть какой-то прохлады толстые четырехфутовые стены дворца Навуходоно-

сора были облицованы синими глазурованными плитками, но в разгар лета зной просачивался повсюду. Струйки пота стекали по рукам Эвмена, пот капал на покрытый письменами папирус, образуя разводы. Рядом влажно поблескивала размягчившаяся от жары восковая табличка, с которой он старательно переписывал текст. Пришлось вновь погрузить ее в бадейку с холодной водой, где подручный писец обычно хранил такие таблички, поддерживая твердость воска. Местные грамотеи раньше пользовались для записей влажной глиной, но в глиняные таблички труднее вносить поправки. Эвмен в третий раз выглянул за дверь, ища раба, приставленного к опахалу. И вновь смутный приглушенный шум (тихие шаги, тихие голоса, зловещие, благоговейные и печальные) заставил его молча вернуться за занавеску к своему вялому бессмысленному труду. Громогласные восклицания или резкие призывные хлопки сейчас показались бы кощунственно неуместными.

Он не нуждался пока в своем словоохотливом помощнике, однако не отказался бы от услуг молчаливого малого, умело орудовавшего опахалом. В глаза опять бросился раскатанный и приколотый к письменному столу свиток. Вот уже

двадцать лет, как любые важные послания, кроме разве совсем уж секретных, проходили через Эвмена, но зачем же сейчас ему прикладывать руку к тому, чему никогда не бывать, если не произойдет чудо? Чудеса, конечно, случаются, но не в этом случае, нет. И все-таки надобно что-то делать, отгоняя страх перед надвигающейся неизвестностью. Он вновь сел, достал из воды табличку, потрогал ее, вытер руки оставленным помощником полотенцем и взялся за перо.

И корабли под командованием Неарха соберутся в речном устье, где я их проверю, а Пердикка тем временем приведет туда войска из Вавилона, и там мы принесем достойные жертвы богам. Я возглавлю сухопутные силы и поведу их на запад. На первой стадии…

«В пять лет от роду, еще не умея писать, он както зашел ко мне в комнату при царском кабинете.

— Что это ты пишешь, Эвмен?

— Письмо.

— А что это за слово ты написал большими буквами?

— Имя твоего отца. ФИЛИПП, царь Македонии. Сейчас я занят, беги к своим игрушкам.

— А покажи мне, как пишется мое имя. Напи-

ши его, милый Эвмен. Ну пожалуйста.

Я выполнил его просьбу, придвинув к себе какой-то испорченный документ. Назавтра он уже сам начертал свое имя на вощеной табличке с черновиком царского письма к Керсоблепту во Фракию. Он учился этому, держа в ручонке мой образец…»

Из-за жары массивная входная дверь оставалась открытой. Кто-то подошел к ней быстрым широким шагом, приглушенным, как и все прочие звуки во дворце. Откинув ткань, вошел Птолемей и тут же задернул за собой занавеску. Огрубевшее в военных походах лицо полководца казалось измученным: он бодрствовал всю ночь, ничем не подкрепляя своих сил. Птолемею уже исполнилось сорок три, но выглядел он старше. Эвмен молча ждал.

— Он отдал государственное кольцо Пердикке, — сказал Птолемей.

Они помолчали. Настороженный твердый взгляд грека (не ограничиваясь секретарской деятельностью, Эвмен также участвовал и в сражениях) исследовал бесстрастное лицо македонца.

— Для чего? Как своему заместителю? Или как регенту?

— Поскольку он уже не может говорить, — сухо

пояснил Птолемей, — мы этого никогда не узнаем.

— Если он смирился со смертью, — рассудительно сказал Эвмен, — то мы можем предположить второе. Если же нет…

— Время предположений прошло. Он уже ничего не видит и не слышит. Забылся смертным сном.

— Ни в чем нельзя быть уверенным. Мне рассказывали, что порой те, кого уже считали покойниками, позже приходили в себя и повторяли все, что при них говорили.

Птолемей подавил раздражение. Ох уж эти болтливые греки! Или Эвмен чего-то боится?

— Я пришел, потому что мы с тобой знали его с рождения. Ты не хочешь проститься с ним?

— А разве мое появление не вызовет недовольство приближенных к нему македонцев? — Давняя обида искривила на мгновение губы Эвмена.

— Да брось ты! Тебе все доверяют. Мы давно ждем тебя.

Секретарь начал неспешно приводить в порядок письменный стол. Вытирая перо, он поинтересовался:

— А о наследнике не было речи?

— Пердикка спросил его, пока он еще мог шеп-

тать. Он сказал: «Сильнейшему. Hoti to kratisto».

Эвмен задумался. Говорят, умирающие обретают провидческий дар. Он тревожно поежился.

— По крайней мере, — добавил Птолемей, — так утверждает Пердикка. Он склонился над ним. Остальные не слышали его слов.

Отложив перо, Эвмен поднял взгляд.

— Может, он имел в виду Кратера? Ты говоришь, он уже задыхался.

Они переглянулись. Кратер, ближайший помощник Александра, отправился в Македонию, чтобы принять регентство от Антипатра.

— Если бы тот был здесь…

Птолемей пожал плечами.

— Кто знает?

Про себя он подумал: «Если бы не умер Гефестион…» Хотя, если бы Гефестион остался жив, ничего этого не случилось бы. Александр не натворил бы всех тех безумств, что привели его к смерти. Не отправился бы в Вавилон в такую жару, не полез бы в зловонные топи речных низовий. Но не стоило лишний раз напоминать Эвмену о Гефестионе.

— Ну и дверь у тебя! Тяжеленная, словно слон. Как ты ее закрываешь?

Помедлив на пороге, Эвмен спросил:

— И он не сказал ничего о Роксане и о ее ребенке? Ничего?

— До родов еще четыре месяца. А если она родит девочку?

Они вышли в сумрачный коридор — высокий, широкий в кости македонец и стройный грек. Молодой македонский воин, стремительно несшийся мимо, едва не натолкнулся на Птолемея и пробормотал слова извинения.

— Есть какие-то перемены? — спросил Птолемей.

— Нет, командир, по-моему, пока нет.

Воин судорожно вздохнул, и они увидели, что по щекам его текут слезы.

Когда юноша удалился, Птолемей сказал:

— Этот мальчик еще на что-то надеется. Я уже не могу.

— Что ж, пойдем.

— Погоди.

Птолемей схватил грека за руку и, втащив его обратно в комнату, с трудом закрыл дверь, петли которой тяжело заскрипели.

— Лучше я скажу тебе это сейчас, пока еще есть время. Ты мог бы узнать все и сам, но…

— Да не тяни же! — нетерпеливо сказал Эвмен.

Он поссорился с Гефестионом незадолго до его

смерти, и с тех пор Александр не особо жаловал своего секретаря, не считал нужным, как раньше, делиться с ним чем-то.

Птолемей сказал:

— Статира тоже ждет ребенка.

Нервозность Эвмена сменилась оцепенением.

— Ты имеешь в виду дочь Дария?

— А кого еще, по-твоему, я мог бы иметь в виду? Она же стала главной женой Александра.

— Но это все меняет. И когда же…

— Ты что, не помнишь? Хотя, разумеется, нет, ты же был тогда в Вавилоне. Когда Александр слегка пришел в себя после смерти Гефестиона — нельзя же вечно замалчивать это имя, — то отправился на войну с коссаянцами. Мне тоже пришлось приложить к этому руку, ведь именно я сообщил ему, что эти разбойники затребовали положенную им дорожную дань, и стал невольным виновником его гнева. Впрочем, небольшой поход пошел ему на пользу. Разобравшись с нахалами, Александр двинулся в Вавилон, но по дороге завернул на недельку в Сузы, чтобы навестить Сисигамбис.

— Вот старая ведьма! — с горечью бросил Эвмен.

«Если бы не она, — подумал он, — прибли-

женным царя не пришлось бы обременять себя персидскими женами». Ту грандиозную по своей массовости свадебную церемонию в Сузах грек поначалу воспринял как некий чрезмерно помпезный спектакль, пока сам вдруг не оказался в пропитанном благовониями шатре на ложе со знатной персиянкой, чьи притирания удушали его, а познания в греческом языке ограничивались словами: «Приветствую тебя, мой повелитель!»

— О нет, она истинная царица, — возразил Птолемей. — Жаль, что его родная мать на нее не походит. Она-то уж точно заставила бы Александра жениться. Еще до ухода из Македонии он бы как миленький обзавелся наследником, и сейчас его сыну было бы уже лет четырнадцать. Сисигамбис, вне всяких сомнений, не внушила бы ему с детства отвращение к семейной жизни. Чья вина в том, что он созрел для общения с женщинами, только встретив эту бактрийку?

Именно так большинство македонцев в своем кругу называли Роксану.

— Что сделано, то сделано. Но Статира… А Пердикка знает?

— Поэтому он и попросил его назвать наследника.

— А он так и не назвал?

— Сильнейшему, сказал он. В общем, предоставил нам, македонцам, решать, кого из них выбрать по достижении зрелости. Вспомнил наконец на смертном одре о своем македонском происхождении.

— Если только женам его повезет разродиться мальчиками, — заметил Эвмен.

Птолемей, погруженный в свои мысли, сказал:

— И если тем повезет дожить до зрелости.

Эвмен предпочел промолчать.

Они прошли по темному коридору, облицованному синими глазурованными плитками, к царскому смертному ложу.

Царская опочивальня, некогда отделанная Навуходоносором в тяжеловесном ассирийском стиле, подвергалась в дальнейшем многочисленным переделкам в соответствии со вкусами очередных персидских царей, начиная с Кира. Камбиз украсил ее стены завоеванными в Египте трофеями, Дарий Великий обшил колонны золотом и малахитом, Ксеркс повесил там драгоценный пеплос Афины, добытый в Парфеноне, а Артаксеркс Второй, выписав искусных мастеров из Персеполя, повелел сделать ту самую роскошную кровать, на которой сейчас умирал

Александр.

Помост перед ней устилали малиновые ковры с затейливыми узорами и золотой бахромой. Размеры самого ложа составляли девять на шесть футов. Дарий Третий, Кодоман, мог там спокойно не только вытянуться во весь свой семифутовый рост, но еще и закинуть руки за голову. Высокий полог поддерживался четырьмя фигурами огненных демонов с серебряными крыльями и грозно сверкающими глазами, выточенными из драгоценных камней. Среди всего этого великолепия на высоких (для облегчения дыхания) подушках возлежал обнаженный больной, едва прикрытый тонкой льняной простыней, которую он в метаниях почти сбросил. Теперь промокшая от пота ткань липла к нему, превращая его в изваяние.

С однообразной периодичностью неглубокое хрипловатое дыхание умирающего постепенно делалось громче, потом прерывалось. После паузы, во время которой собравшиеся переставали дышать, оно вновь появлялось и медленно, но неуклонно шло к апогею.

До недавнего времени других звуков вокруг него почти не было. Теперь, когда в ответ на чей-либо голос или прикосновение хрипы смолкали, в комнате словно само собой зарождалось тихое

бормотание, очень осторожное, невнятное и обезличенное; низкий басовитый гул, предвещавший неумолимое приближение смерти.

Стоявший в изголовье Пердикка мрачно глянул на Птолемея из-под густых насупленных бровей. Будучи, под стать вошедшему, столь же высоким и крупным мужчиной, этот македонский военачальник словно бы не имел ярких личностных черт, давно запрятанных под маской властности, день ото дня становившейся все более жесткой. Его сдержанный молчаливый жест означал: пока никаких изменений.

Внимание Птолемея привлекло движение над кроватью. Качалось опахало из павлиньих перьев. В опочивальне вот уже несколько дней (по-видимому, без сна) неотлучно дежурил «персидский мальчик». Так Птолемей по привычке именовал Багоаса, хотя сейчас ему уже было года, наверное, двадцать три: у евнухов возраст обычно трудно определить на взгляд. Шестнадцатилетним юношей его привез к Александру один причастный к убийству Дария перс, желая таким образом оправдаться. Багоасу удалось завоевать прочное положение при царской особе, поскольку он и раньше ходил в монарших любимцах, а потому знал все тонкости персидского этикета.

Целиком посвятив себя Александру, он оставил все свое прошлое летописцам и с тех пор никогда не покидал своего нового повелителя. Мало что напоминало сегодня о его знаменитой красе, ослепившей двух последних властителей мира. Большие темные глаза запали даже глубже, чем у истощенного лихорадкой царя, и он был одет как слуга… неужели из боязни, что если его заметят, то выгонят? «Интересно, — подумал Птолемей, — вспоминает ли он былое?» Должно быть, на этом же самом ложе с ним тешился Дарий.

Над блестящим от пота лбом Александра кружилась муха. Перс отогнал ее, отложил опахало и, окунув полотенце в чашу с настоем мяты, протер безжизненное лицо.

Поначалу Птолемею не нравилось, что юноша со столь экзотической внешностью практически денно и нощно находится при Александре, приучая его взор к персидским нарядам, а восприятие — к персидским повадкам. Но в итоге евнух стал привычной и неотъемлемой тенью царя. Сам страдая и мучаясь в преддверии маячивших впереди перемен, Птолемей ощутил укол жалости. Подойдя к Багоасу, он положил руку ему на плечо.

— Отдохнул бы ты, Багоас. Пусть кто-нибудь подменит тебя.

Стайка придворных евнухов, знававших Дария и даже Оха, услужливо выступила вперед. Птолемей сказал:

— Ты же видишь, он сейчас ничего и никого не замечает.

Багоас испуганно оглянулся. Сказанное показалось ему повелением, какое нельзя не исполнить, неким давно ожидаемым бедствием, почти казнью.

— Не волнуйся, — мягко сказал Птолемей. — Никто не лишает тебя твоих прав. Оставайся с ним, если хочешь.

Багоас коснулся пальцами лба больного. Перерыв закончился. Вновь устремив взгляд на закрытые глаза Александра, он принялся размахивать опахалом, гоняя над кроватью горячий вавилонский воздух. Он опять отстоял свои права, подумал вдруг Птолемей. Он пережил даже умопомешательство после смерти Гефестиона.

У стены рядом с кроватью над массивным, подобно алтарю, столом все еще обитал дух соперника Багоаса. Витал и множился в памятных статуэтках и бюстиках, подаренных Александру соболезнующими друзьями, усердными

подхалимами и перепуганными приближенными, по каким-либо причинам не ладившими с покойным. Мгновенно нашлись замечательные ваятели, на которых посыпалась масса заказов для утешения горюющего царя. Бронзовый Гефестион в виде обнаженного Ареса с копьем и щитом; Гефестион из слоновой кости, облаченный в золотые доспехи; живописно раскрашенная мраморная статуэтка в золоченом лавровом венке; серебряный штандарт полка, носившего теперь его имя; первый макет культовой статуи для храма Гефестиона в Александрии. Кто-то, освобождая местечко для мазей с отварами, уронил одного маленького Гефестиона на пол. Мельком глянув на тонущее в подушках лицо, Птолемей поставил позолоченную фигурку на место. Пусть постоит, пока он не уйдет.

Этот тихий звук привлек внимание Эвмена, но тот сразу отвел глаза.

Мысли Птолемея обратились к прошлому. Теперь, Эвмен, тебе нечего опасаться, не так ли? О да, зачастую Гефестион бывал чрезвычайно высокомерным. А ближе к концу даже возомнил, что он единственный может по достоинству оценить величие замыслов своего друга. Так ли уж сильно он заблуждался?

«Согласись, Эвмен, Гефестион отлично понимал Александра. Я знал их обоих со школьных лет. Гефестион высоко ставил личную независимость, всегда оставаясь самим собой, и это являлось его неотъемлемым свойством. Та гордость, что обычно обижает людей, стала спасением для Александра». В Гефестионе никогда не было никакого раболепия, назойливости, зависти, никакой фальши. Он любил Александра, но никогда не подлаживался под него, держался с ним на равных даже вопреки наставлениям Аристотеля. До конца своих дней он говорил с Александром как мужчина с мужчиной, мог прямо высказать ему все, если считал ошибочными его действия, и ни при каких обстоятельствах ни на мгновение не испытывал перед ним страха. Он спасал друга от одиночества и лишь богам известно от чего еще. Нынешняя ситуация обусловлена его уходом из жизни.

«Если бы он не умер, мы сегодня наверняка пировали бы в Сузах, что бы там ни говорили халдеи».

Испуганный лекарь, вынырнув из-за спины Пердикки, положил руку на лоб Александра, пощупал пульс на запястье, глубокомысленно пробурчал что-то себе под нос и отступил в тень.

Пока болезнь не лишила Александра голоса, он не допускал к себе врачевателей, и, даже когда больной впал в бредовое состояние, никто из них не решался чем-либо его пользовать, боясь навлечь на себя обвинение в попытке отравить государя. Теперь опасаться было нечего: царь ничего не мог проглотить. В очередной раз Птолемей мысленно проклял глупого знахаря, допустившего, чтобы Гефестион умер, пока все были на состязаниях.

«Я повесил бы его еще раз, если бы мог!»

Спустя, казалось, целую вечность прерывистое дыхание сменилось, по-видимому, уже предсмертным хрипом. Но прикосновение руки лекаря словно разворошило угасающие искры жизни, хрип стал ровнее, и веки дрогнули. Птолемей и Пердикка разом шагнули к кровати. Но тут забытый всеми перс, скромно сидевший у изголовья, отложил опахало и, не обращая ни на кого внимания, приник к подушкам. Его длинные темно-русые волосы упали на грудь царя, почти скрыв при этом лицо. Послышался тихий шепот. Серые глаза Александра открылись. Шелковистые пряди волос евнуха слегка покачнулись.

Пердикка сказал:

— Он пошевелил рукой.

Ожив на мгновение, веки вновь опустились, хотя Багоас, точно завороженный, по-прежнему не сводил с них глаз. Пердикка поджал губы — вокруг столько знатных персон. Но прежде чем он успел сделать выговор персу, тот выпрямился и вновь взялся за опахало. Если бы не размеренные движения, он выглядел бы как статуя, вырезанная из слоновой кости.

Птолемей вдруг осознал, что с ним разговаривает Эвмен.

— Что случилось? — отрывисто спросил он, подавляя рыдания, подступавшие к горлу.

— Приехал Певкест.

Толпа придворных расступилась, пропуская рослого, хорошо сложенного македонца в персидском наряде и даже (что вызвало удивленное неодобрение большинства) в варварских шароварах. Получив в Персиде сатрапию, он, чтобы порадовать Александра, приучился носить национальные одежды, не сознавая, насколько это платье идет ему. Певкест шагнул к кровати, напряженно вглядываясь в лицо лежащего там человека. Пердикка подошел к вновь прибывшему. Обмен парой фраз завершился обменом молчаливыми взглядами. Потом чуть громче — для всех — Пердикка спросил:

— Ты получил предсказание оракула из храма Сераписа?

Певкест склонил голову:

— Бдение продолжалось всю ночь. На рассвете оракул сообщил нам ответ бога. «Не переносите царя в храм. Оставьте его там, где он есть».

Нет, подумал Эвмен, чудеса все же закончились. На мгновение, когда рука Александра шевельнулась, он вдруг уверовал в невозможное.

Обернувшись, грек поискал взглядом Птолемея, но тот, не в силах больше сдерживать напор нахлынувших чувств, тихо удалился, чтобы привести себя в порядок. А Певкест, отойдя от кровати, спросил:

— Роксане уже сообщили?

Дворцовый гарем располагался за крытой галереей, окружавшей участок сада с поросшим лилиями прудом. Оттуда тоже доносились приглушенные голоса, но с другими оттенками, ибо все немногие мужчины в этом женском мирке были кастратами.

Большинство обитательниц гарема в глаза не видели умирающего царя. Они многое слышали о нем; благодаря ему они продолжали жить в холе и неге, неустанно надеясь, что он когда-нибудь посетит их, чего не произошло. Надежды

не оправдались, и теперь, теряясь в догадках, красавицы обсуждали, кто же станет их следующим повелителем, унаследовав по мужской линии трон. Как ни крути, а в ближайшем будущем, очевидно, нечего было и рассчитывать на появление нового великого государя. Поэтому в женские приглушенные разговоры вплетались нотки скрытого страха.

Им было не по себе, всем этим женщинам, оставленным здесь Дарием, когда он отправился в Гавгамелы навстречу своей судьбе. Любимых жен и наложниц царь, разумеется, взял с собой. Прочие представляли собой довольно разношерстное общество. Кое-какие красотки помнили еще те времена, когда некий родовитый юнец, дожидаясь своей очереди на трон, прозябал в Сузах, но были среди них особы и помоложе, взятые во дворец уже после вступления Дария на престол, которым, однако, не удалось надолго завоевать его благосклонность или вообще даже предстать перед ним. Особняком держались гаремные долгожительницы, доставшиеся Дарию в наследство от Оха, которых после смерти их повелителя не подобало выгонять из дворца. Будучи во всех смыслах никому не нужной обузой, они с парой престарелых евнухов образовали

своеобразную клику, объединенную ненавистью к подстилкам узурпатора, повинного, по их подозрениям, в смерти прежнего, горячо обожаемого господина.

Бывших жен и наложниц Дария обуревали другие чувства. Выдернутые совсем юными (от силы лет в восемнадцать, но чаще в более раннем возрасте) из своих семей, они познали весь драматизм гаремной жизни. Сплетни, интриги, взятки и подкуп ради крох сведений о возможном визите царя, тщательный выбор нарядов, вдохновенные поиски драгоценностей, выгодно оттеняющих прелести чаровниц, завистливое отчаяние в менструальные дни, безмерное ликование, вызванное приглашением в царские покои, и ожидание щедрых подарков после успешно проведенных ночей — все это однажды куда-то исчезло и не спешило вернуться.

Однако плоды таких ночей никуда не девались. Вот и сейчас пара девчонок семи-восьми лет, бултыхаясь в пруду, важно делилась со стайкой сестренок последними новостями о состоянии смертельно больного царя. Поначалу в гареме росли и их сводные братья. Но после смерти Дария всех мальчишек тайком вывезли из гарема и попрятали в укромных местах, прибегнув к все-

возможным уловкам, поскольку не сомневались, что новый чужеземный властитель прикажет их удавить. Никто, однако, даже не поинтересовался, где они обретаются, так что со временем страхи развеялись и воспитанием подросших отпрысков Дария занялись дальние родичи.

А вавилонский дворцовый гарем в отсутствие хоть какой-либо крепкой руки мало-помалу совсем разленился. В Сузах царица-мать Сисигамбис поддерживала безупречный порядок. Но здешние женщины вызывали мало интереса даже у Дария, не говоря уж об Александре. Две заскучавшие красавицы умудрились завести любовников на стороне и в итоге сбежали. В былые времена за такую халатность Ох посадил бы евнухов на кол, но сейчас все тихо-мирно сошло им с рук. Некоторые девушки, совсем одурев от безделья, принялись ублажать друг дружку. Эти связи, сопровождавшиеся сценами ревности и скандалами, внесли своеобразное оживление в душные ассирийские будни. Одну из коварных обольстительниц сопернице даже удалось отравить, но эту историю также тихо замяли. Глава евнухов пристрастился к курению конопли и не любил, когда его беспокоили по пустякам.

И вот, после многолетнего похода на неведо-

мый Восток, после цепи легендарных побед, ранений и опасных странствий по знойным пустыням, новый царь прислал весть о скором своем возвращении. Гарем словно бы пробудился от спячки. Евнухи засуетились. Царя ждали всю зиму, считавшуюся в Вавилоне умеренно жарким сезоном, пригодным для проведения разнообразных празднеств, но ожидания оказались напрасными. До дворца долетели слухи, что умер друг детства (некоторые утверждали: любовник) властителя и тот обезумел от горя. Потом царь пришел в себя, но отправился на войну, усмирять в горах коссаянцев. Гарем опять погрузился в летаргический сон. Наконец царь направился к Вавилону, но по пути задержался в Сузах. А на берегу Тигра к нему прорвались многочисленные просители из разных концов его обширных владений. Все они со своими богатыми дарами и золотыми коронами искали у властелина покровительства и совета. Затяжная весна сменилась летней жарой, когда подводящую к столице дорогу вдруг сотрясли копыта коней, колеса боевых колесниц, столпообразные ноги слонов и сапоги марширующей пехоты, — и тут наконец вавилонский дворец всерьез охватила давно забытая, связанная с цар-

ским прибытием суматоха.

На следующий день объявили, что главный евнух царской опочивальни придет проверять гарем. Столь влиятельную особу ожидали с благоговейным трепетом и плохо скрываемым страхом. Велико же было потрясение, когда все узнали в совсем еще молодом персе пресловутого Багоаса, любимца двух государей. Нельзя, правда, сказать, что тому не удалось произвести на встречающих впечатление. Облаченный в наряды из шелка, какого здесь еще не видали, весь переливаясь, словно перья павлина, он выглядел просто великолепно и, оставаясь персом до кончиков ногтей, вызвал у вавилонян неприятное чувство собственной провинциальности; к тому же за десять лет придворной жизни его манеры так отполировались, что обрели блеск старого серебра. Без тени смущения Багоас приветствовал евнухов, знакомых ему еще со времен Дария, и отвесил почтительные поклоны пожилым наложницам. Затем он перешел к деловой части визита.

Багоас пояснил, что пока неизвестно, когда неотложные заботы позволят царю выкроить свободное время и навестить гарем, но, во всяком случае, его обитателям и обитательницам, без-

условно, следует поддерживать в нем идеальный порядок, свидетельствующий об их почтительном отношении к государю. Мимоходом молодой перс намекнул на один-два просчета («Нет, я понимаю, что как-никак тут не Сузы»), но не стал ворошить прошлое. Евнухи скрыли облегченные вздохи, когда он попросил показать ему покои царских жен.

Его провели туда. Эти отдельные, парадно обставленные помещения выходили в собственный внутренний двор, изысканно отделанный изразцовыми плитками. Правда, давно никем не посещаемый сад пребывал в заброшенном состоянии. Засохшие цветы, увядшие лианы, засорившиеся фонтаны с пузырящейся зеленой ряской и дохлыми рыбками. Все это было понятно, но и в жилых комнатах тоже стоял запах затхлости. Багоас промолчал, но раздул изящные ноздри и выразительно втянул ими воздух.

Впрочем, несмотря на отсутствие должного ухода, многое не потеряло роскошного вида: Дарий, потворствуя своим желаниям, бывал избыточно щедр. Евнухи привели перса в небольшие, но также богато и красиво обставленные комнаты царицы-матери. Сисигамбис жила здесь в первый год короткого правления ее сына.

Осматривая их, Багоас слегка склонил голову набок. Неосознанно за годы тесного общения он перенял эту манеру от Александра.

— Очень мило, — сказал он. — Во всяком случае, все можно привести в порядок. Как вам известно, госпожа Роксана следует сюда из Экбатаны. Царь позаботился о том, чтобы ее везли с должным комфортом.

Евнухи навострили уши; о беременности Роксаны пока ходили одни только слухи.

— Она прибудет примерно дней через семь. Я прикажу тут кое-что переделать и пришлю хороших мастеров. Пожалуйста, проследите за ними.

После непродолжительного, но выразительного молчания взгляды евнухов обратились к главным покоям гарема. Их Багоас осмотрел с равнодушным видом.

— Эти комнаты пока останутся закрытыми. Достаточно хорошо их проветривать и содержать в чистоте. У вас есть еще один ключ?

Никто не ответил.

— Отлично. Нет необходимости показывать эти покои госпоже Роксане. Если она спросит, скажите, что они не пригодны для жилья, — добавил он по обыкновению вежливо и удалился.

Тогда было решено, что тут имеют место какие-то счеты. Фавориты и фаворитки царя зачастую не жаловали друг друга. Кроме того, прошел слух, будто вскоре после женитьбы Роксана пыталась отравить Багоаса, но гнев царя был так ужасен, что та закаялась предпринимать что-либо подобное впредь. Доставленная вскоре мебель вкупе с диковинными драпировками поражала воображение, и обновленные покои приобрели более чем пышный вид.

— Не пугайтесь этой чрезмерной вычурности, — сказал Багоас. — Она в ее вкусе.

Караван в должное время прибыл из Экбатаны. На опущенной лесенке дорожного фургона появилась надменная молодая особа поразительной красоты с иссиня-черными волосами и блестящими темными глазами. Ее беременность едва проявлялась в легкой округлости форм. Она свободно изъяснялась по-персидски, правда с бактрийским акцентом, который не поддавался исправлению, учитывая ее бактрийскую свиту, и прекрасно владела греческим языком, неизвестным ей до женитьбы. Вавилон был для нее столь же чужеземным, как Индия, но она без возражений устроилась в приготовленных для нее комнатах, заметив, что они несколько

меньше тех, что ей предоставили в Экбатане, но зато гораздо удобнее. Дарий, питавший к своей матери чувства как благоговейного страха, так и глубочайшего уважения, стремился всячески ей угодить.

На другой день один из придворных, на сей раз почтенного возраста, объявил о приходе царя.

Евнухов охватила тревога. Что, если Багоас распоряжался здесь без достаточных полномочий? Царь, как поговаривали, гневался редко, но гнев его был ужасен. Однако Александр вежливо приветствовал гаремных смотрителей в пределах своих скудных знаний персидского этикета и языка и не высказал никаких замечаний при осмотре покоев Роксаны.

Сквозь потайные отверстия и неприметные щелки, известные еще со времен Навуходоносора, некоторые молодые наложницы видели, как он шел. Они сочли его привлекательным… для уроженца запада, по крайней мере (бледность кожи и белокурые волосы в Вавилоне никого не восхищали). Невысокий рост царя, конечно, тоже являлся серьезным недостатком, но о нем они уже знали. Безусловно, он выглядел старше своих тридцати двух лет, поскольку в его волосах начинала поблескивать седина, однако

все согласились, что в нем есть чем впечатлиться, и стали с нетерпением дожидаться дальнейшего. Красавицы рассчитывали на некий праздничный смотр, но царь пробыл у царицы ровно столько времени, сколько его понадобилось бы достойной женщине на купание и одевание.

Это вселило надежды в молодых обольстительниц. Они почистили свои драгоценности и пополнили запасы косметических средств. Одна или две, со скуки позволившие себе безобразно растолстеть, были высмеяны и целый день прорыдали. В течение недели каждое утро расцвечивалось сладостными предчувствиями. Но царь все не приходил. Зато вновь появился Багоас для тайной беседы со старшим смотрителем гарема. Открыв массивную дверь в главные покои, они скрылись за ней.

— Все понятно, — сказал Багоас. — Здесь не так много работы. Только заменить несколько драпировок. Ночные сосуды в сокровищнице?

К счастью, да, подумал смотритель (он не раз испытывал искушение продать их) и послал за ними; эти изысканные серебряные вазы были богато украшены золотом. У стены стоял громоздкий сундук для одежды из кипарисового дерева. Багоас поднял крышку, выпустив на волю слабые,

но приятные запахи. Сверху лежал шарф, расшитый мелким жемчугом и золотыми бусинками.

— Я полагаю, это вещи покойной царицы Статиры? — спросил перс, разглядывая шарф.

— Да, те, что она решила не брать с собой. Дарий готов был и мог подарить ей все, что угодно.

За исключением собственной жизни, подумали оба в неловком молчании. Бегство от Исса принудило ее до конца дней зависеть от милостей победителя. Под шарфом лежало египетское покрывало, обшитое по краям зелеными скарабеями. Багоас слегка коснулся его пальцами.

— Мне не довелось видеть эту царицу. Правда ли, что она была самой восхитительной из рожденных в Азии смертных?

— Кто же мог видеть всех женщин в Азии? Но возможно, молва не преувеличила.

— Хорошо еще, что мне повезло увидеть ее дочь. — Он убрал шарф обратно и закрыл сундук. — Оставьте здесь все эти вещи. Я полагаю, что молодая госпожа Статира обрадуется, найдя их.

— Она уже выехала из Суз? — спросил евнух, хотя на языке у него вертелся более интимный вопрос.

Багоас, отлично понимая его, сказал с намерен-

ной неопределенностью:

— Она приедет, когда спадет летняя жара. Царю хочется, чтобы она путешествовала со всеми удобствами.

Смотритель гарема подавил разочарованный вздох. Толстый дряхлый царедворец и тонкий блестящий фаворит обменялись долгими взглядами, понятными только им. Однако именно смотритель прервал молчание.

— М-да… пока все шло гладко. — Он глянул в сторону других покоев. — Но как только здесь все откроется, начнутся расспросы. Они неизбежны. Ты знаешь это не хуже меня. Намерен ли царь поговорить с госпожой Роксаной?

На мгновение изысканная полировка придворного потускнела и сквозь нее проступила печаль, но, быстро овладев собой, Багоас ослепительно улыбнулся.

— О, я напомню ему об этом при первой возможности. В данный момент у него множество неотложных дел. Он занят организацией похорон своего друга Гефестиона, ушедшего от нас в Экбатане.

Управляющему
захотелось спросить, уж не эта ли смерть завела у царя ум за разум, но полировка собеседни-

ка вдруг опасно сверкнула, и толстый евнух мгновенно прикусил свой язык. Поговаривали, что при желании Багоас может наделать хлопот очень многим.

— В таком случае, — осторожно сказал гаремный смотритель, — не стоит ли повременить пока с этими работами, а? Могут возникнуть проблемы, а без санкции государя…

Багоас в нерешительности помедлил, что на миг сделало его схожим с совсем неопытным, неоперившимся юнцом. Но ответ прозвучал решительно, твердо:

— Нет, наше дело подневольное. Он требует точного выполнения своих распоряжений.

Перс ушел, ничего более не прибавив. В гареме ходили слухи, что похороны царского друга превзошли прославленные в истории похороны царицы Семирамиды. Погребальный костер высотой в пару сотен футов напоминал пылающий зиккурат. Но как и предсказывал смотритель гарема (о чем он охотно сообщал всем любопытствующим), это пламя было ничем в сравнении с той яростью, какую обрушила на него госпожа Роксана, проведав о переделках в главных покоях гарема.

В родной ей горной Бактрии гаремные евнухи

считались презренными слугами, рабами, отлично знавшими свое место. И она восприняла как личное оскорбление то, что здесь положение управляющего дворцовым гаремом считалось издавна и влиятельным, и почетным. Отдав приказ выпороть смотрителя, госпожа Роксана в ярости обнаружила, что никто не уполномочен его исполнить, и послала старого, вывезенного из Бактрии евнуха доложить о своих обидах царю, но тот лишь сообщил ей, что Александр убыл со всей флотилией осматривать болотистые берега Евфрата. Когда царь вернулся, она предприняла вторую попытку, но сначала его отвлекали дела, а потом ему, видимо, просто не захотелось заниматься каким-то вздором.

Отец Роксаны, безусловно, поспособствовал бы своей дочери, настояв на казни дерзкого распорядителя, но пожалованная ему Александром сатрапия находилась на границе с Индией. Она уже разрешится от бремени, когда от него придет хоть какой-то ответ. Эта мысль успокоила молодую царицу. Она сказала своим бактрийским служанкам:

— Ладно, пусть туда переселится эта жердина из Суз. Царь все равно не станет жить с ней. Ведь он взял ее в жены, только чтобы порадовать пер-

сов. Всем известно, что именно я его настоящая жена, мать его сына.

Поддакивая, каждая подневольная ее наперсница могла бы сказать по секрету: «Не хотелось бы мне оказаться на месте той девочки, которую она может родить вопреки всем своим чаяниям».

Царь по-прежнему не баловал Роксану вниманием, и та жила в томительной неопределенности. Здесь, в самом сердце империи своего мужа, ей было так же тоскливо, как в походном лагере на краю Драгиани. Она бы могла при желании развеяться, общаясь с другими обитательницами гарема, однако все могущие составить ей компанию женщины провели в царском дворце слишком долгие годы. Некоторых вообще взяли сюда, когда она еще ходила под стол пешком в родительской горной крепости. Роксана с ужасом думала о самодовольной утонченности персиянок и о тех двусмысленных, ехидных репликах, что они бросали ей вслед. Нет, ни одна из них не переступит порога ее покоев. Пусть ее лучше считают высокомерной, чем перепуганной, не знающей, куда себя деть. К тому же однажды она все-таки умудрилась найти одну из тайных щелок в стене; пришло время приложить к ней ухо и послушать гаремные сплетни.

Тогда-то из разговора дворцового управляющего с одним из евнухов она и узнала, что Александр уже девятый день лежит в постели, подхватив болотную лихорадку. Тут же выяснилось, что болезнь поразила легкие царя, что конец его, похоже, близок и что дочь Дария ждет ребенка.

Роксана не стала даже дослушивать их. Мгновенно кликнула она своих служанок и бактрийского евнуха, накинула на себя покрывало и пронеслась мимо оцепеневшего нубийского увальня, охранявшего вход в гарем, ответив на его пронзительные вопли лишь одно: «Я должна видеть царя!»

Дворцовые евнухи мигом всполошились. Но им не оставалось ничего другого, как только бежать за ней. Она была царской женой, а не пленницей и постоянно торчала в гареме исключительно потому, что покинуть его считала немыслимым. Где бы царь ни разбивал лагерь во время долгого перехода из Индии в Персию, а также по дороге сюда, в Вавилон, багажные повозки Роксаны распаковывались и вытаскивались плетеные ширмы, образующие походный замкнутый дворик, куда она выходила подышать воздухом из своего фургона. В городах в ее распоряжении обычно имелся занавешенный паланкин

или балкон, зарешеченный и укрытый от взоров. Никто, собственно, не ограничивал ее свободу, но она предпочитала уединение. Только шлюхи выставляют себя перед мужчинами напоказ. Но сейчас никому не остановить ее. Сопровождаемая трясущимся евнухом и изумленными взглядами царедворцев, царица мчалась по коридорам через цепь внутренних двориков и разного назначения залов к царским покоям. Она впервые на это осмелилась; вернее, если уж на то пошло, вообще впервые приближалась к его личной опочивальне. Он никогда не приглашал ее к себе, приходил сам, когда считал нужным. По его словам, таковы были греческие традиции.

Замерев на мгновение в высоком дверном проеме, она окинула взглядом широкий, цвета кедрового дерева полог над охраняемой глазастыми демонами кроватью. Опочивальня напоминала приемный зал. Тупо воззрившиеся на нее полководцы, лекари и придворные расступились, пропуская царицу к царю.

Лежа на горке поддерживающих его спину подушек, он вовсе не выглядел немощным. Закрытые глаза, приоткрытый рот и хриплое дыхание, казалось, просто свидетельствовали, что им овладела дремота. В общем, увидев мужа,

Роксана предположила, что он еще полностью владеет собой.

— Искандер! — воскликнула она, невольно переходя на свой родной язык. — Искандер!

Сморщенные и бескровные веки в запавших глазницах слегка дрогнули, но не разошлись. Скорее, он даже еще сильнее зажмурился, словно бы защищаясь от ослепительного солнечного света. Тут только она заметила, что его губы потрескались и пересохли, а большой шрам на боку от полученной в Индии глубокой раны болезненно пульсирует в неровном ритме.

— Искандер, Искандер! — громко взывала она, схватив его за руку.

Он вздохнул поглубже и закашлялся. Кто-то склонился к нему с полотенцем, отер кровавую слюну с губ. Глаза больного так и не открылись.

И тогда с холодящей пронзительной ясностью она вдруг осознала гораздо больше того, что открылось ей из подслушанного разговора. Его конец действительно близок, он больше не будет вести ее за собой в земной жизни. Отныне он в этом мире уже ничего не решает, возможно, даже не сможет ответить на интересующий ее вопрос. Для нее и для ее будущего ребенка его уже нет.

Она принялась стенать и бить себя в грудь, точно плакальщица над похоронными носилками, царапая лицо, разрывая одежды и встряхивая растрепавшимися волосами. Потом рухнула на колени перед кроватью и, зарывшись лицом в простыню, обхватила тело мужа руками, едва ли чувствуя, что плоть под ладонями еще горяча. До нее вдруг донесся чей-то голос. Мягкий, молодой.

— Он все слышит, это усугубляет его страдания.

Голос евнуха!

Чьи-то сильные руки сжали ее плечи, оттащили назад. Это был Птолемей, она узнала его, ибо не раз его видела, наблюдая за триумфальными шествиями из-за своих занавесей и решеток, но голос принадлежал не ему, и Роксана пристально посмотрела на юношу, стоявшего с другой стороны кровати. Ей не составило труда узнать и его, несмотря на то что она имела возможность взглянуть на него лишь однажды, в Индии: тогда он стоял рядом с Александром на палубе спускавшейся вниз по Инду флагманской галеры, облаченный в отделанный золотом алый наряд из таксильской ткани. Это был он, ненавистный персидский мальчик, хранитель

царской опочивальни, куда ее никогда не пускали. Видимо, он тоже имел отношение к чему-то исконно греческому и такому, о чем она даже и не пыталась заговаривать с мужем.

Царского фаворита не изменило ни скромное облачение, ни осунувшееся изможденное лицо. Понятно, лишившись очарования, он решил вдосталь натешиться властью. Всем полководцам, сатрапам, чиновникам, собравшимся здесь, в первую очередь следовало помочь ей выяснить у царя, кто станет его наследником, но они молчали и смиренно слушали этого вертлявого плясуна. А к ней отнеслись как к незваной гостье.

Роксана прокляла молодого евнуха взглядом, но тот, уже не обращая на нее внимания, отдал услужливо подскочившему рабу окровавленное полотенце и взял чистое из лежавшей рядом с ним стопки. Хватка Птолемея ослабла, и руки слуг, мягкие, умоляющие, настойчивые, повлекли ее к двери. Кто-то забрал с кровати чадру, накинул ей на голову.

Вновь оказавшись в своих покоях, она бросилась на тахту и, колотя и взбивая кулаками подушки, разразилась яростными рыданиями. Осмелившиеся заговорить с ней служанки умоля-

ли ее поберечь себя, чтобы не потерять ребенка. Тогда она опомнилась и велела принести кобыльего молока и инжира, которые в последнее время стали ее любымими лакомствами. Спустились сумерки, а Роксана все еще беспокойно ворочалась на своем ложе. Наконец она встала с застывшими глазами и, топча пятна лунного света, принялась расхаживать по внутреннему дворику, где фонтан, словно заговорщик, бормотал что-то в горячей вавилонской ночи.

В ее животе вдруг взбрыкнул ребенок. Только один раз, но очень явственно, и, положив руки на свое чрево, она прошептала:

— Тише, мой маленький царь. Я обещаю тебе… я обещаю…

Она вернулась в кровать и забылась тяжелым сном. Ей снилась отцовская крепость на согдийской скале и оборонный, изрытый пещерами отвесный склон под самой вершиной, обрывающийся в тысячефутовую пропасть, снилось, что македонские воины их осадили. Она смотрела сверху на копошащихся внизу солдат, похожих на просыпанные на снег темные зерна, на красные сверкающие лагерные костры с легким дымком, на разноцветные пятна палаток. В скалах выл налетевший невесть откуда ветер.

Брат позвал ее и остальных женщин прикреплять наконечники к стрелам, он встряхнул ее за плечо, упрекнув в лености. Роксана вздрогнула и проснулась. Служанка выпустила из рук ее плечо, но ничего не сказала. Роксана проспала долго, знойное солнце уже заливало двор. Однако ветер по-прежнему гудел за окнами; его порывы, то нарастающие, то убывающие, наполняли мир зимними завываниями, рождавшимися на просторах бесконечных восточных пастбищ, однако… здесь был Вавилон.

Здесь звуки гасли, а там они набирали силу… как вот сейчас, делаясь совсем близкими, превращаясь в стоны и причитания; наконец она распознала в них привычный обрядовый ритм. Женщины, увидев, что госпожа их проснулась, принялись голосить и стенать еще громче, бормоча зачин древних плачей, что с незапамятных времен известны вдовам бактрийских вождей. Они в ожидании смотрели на госпожу. Она должна была завести погребальную песнь.

Покорно поднявшись с кровати, Роксана распустила волосы и принялась бить себя в грудь кулаками. С детства знала она эти скорбные фразы: «Горе нам, горе, горе! Иссяк свет небесный, пал на землю отважный, словно лев, воин. Мно-

жество недругов трепетало, когда он вздымал меч, щедрая длань его источала злато, как песок море. Его радость озаряла нас, как солнечный свет. Подобно бушующей горной лавине, несся он со своими воинами на врагов, подобно урагану, что валит могучие деревья, валил он тех, кто осмеливался противостоять ему в битвах. Его щит служил прочной кровлей для соплеменников. Мрак стал его уделом, его дом погрузился в уныние. Горе нам! Горе нам! Горе!»

Она опустила руки на колени. Ее стоны умолкли. Служанки пораженно уставились на госпожу. Та сказала:

— Я оплакала его. Погребальная песнь закончилась.

Подозвав к себе старшую служанку, Роксана жестом велела остальным удалиться.

— Достань мой старый дорожный наряд, то темно-синее платье.

Его нашли на дне сундука и вытрясли пыль, набившуюся по дороге из Экбатаны. Ткань оказалась еще совсем крепкой; пришлось надрезать ее фруктовым ножичком, прежде чем разорвать. Понаделав достаточно дыр, Роксана натянула это траурное облачение. Побольше растрепала волосы и, проведя ладонью по пыльному под-

оконнику, испачкала себе лицо. Завершив все эти приготовления, она призвала своего бактрийского евнуха.

— Ступай в гарем и попроси госпожу Бадию навестить меня.

— Слушаюсь и повинуюсь, моя госпожа.

Как же она узнала имя главной наложницы Оха? Евнух явно был озадачен, но о расспросах сейчас не могло быть и речи.

Через свою потайную щелку Роксана слышала, какая суматоха царит в гареме. Кое-кто еще оплакивал государя, но остальные уже отдавали больше времени болтовне. Слегка задержавшись, чтобы привести себя в порядок, Бадия явилась к царской жене, принарядившись в траурное платье, которое надевала лишь на смерть царя Оха и которое потом пятнадцать лет пролежало в укладке, пропахнув травами и кипарисом. Для Дария его не потрудились достать.

Ох царствовал двадцать лет, и Бадия была одной из первых его наложниц. Сейчас ей уже перевалило за пятьдесят, былое изящество сменила старческая костлявость. Она получила отставку задолго до смерти своего царственного господина и прозябала в Вавилоне, пока юные девушки сопровождали его в Сузы. Однако Бадия не забыла

времен, когда правила этим гаремом.

Первые несколько минут были посвящены церемонным выражениям соболезнования. Бадия превознесла храбрость почившего царя, его справедливость и щедрость. Роксана приняла ее слова как подобает, раскачиваясь и тихо стеная. Вскоре она вытерла глаза и сокрушенно произнесла пару неловких фраз из своего не слишком богатого персидского лексикона. В ответ Бадия предложила ей утешение, с давних времен безотказно действующее на всех вдов.

— Ребенок станет его подарком тебе. Ты увидишь, как он вырастет и превзойдет своего отца в славных подвигах.

Все шло заведенным порядком, но Роксана его вдруг нарушила.

— Если он выживет, — всхлипывая, простонала она. — Если проклятые родичи Дария позволят ему выжить. Но они убьют его. Я знаю, убьют. О-о, я уверена в этом!

Она схватилась за голову обеими рукам и заголосила.

Бадия затаила дыхание, на ее потрясенном худом лице отразилась масса переживаний.

— Ах, да помилуют нас боги! Неужто опять вернутся черные времена?

Ох пришел к власти, уничтожив всех братьев, имевших право претендовать на трон, и сам умер от яда. Роксане совершенно не хотелось выслушивать воспоминания. Она решительно откинула назад волосы.

— А что им помешает? Кто убил царя Оха, когда тот слег в хвори? И молодого царя Арса и его брата-царевича? Даже маленького сынишку Арса, еще младенца? И кто, после всего содеянного, убил тайного исполнителя этих немыслимых преступлений визиря, чтобы закрыть ему рот? Дарий! Так говорил мне Александр.

(«Раньше я думал так, — вот что сказал ей некогда Александр. — Но изменил свое мнение после сражения с Дарием. Он мог бы стать не более чем игрушкой в руках визиря. И, взойдя на трон, он убил его только потому, что боялся этого страшного человека».)

— Неужто сам Александр так сказал? О, лев божественного правосудия с карающим мечом!

Голос наложницы Оха возвысился, готовый удариться в новые причитания. Роксана быстро вскинула руку, чтобы остановить их.

— Да, он отомстил за твоего повелителя. Но мой сын, кто его защитит? Ах, если бы ты только знала!

Бадия, умирая от любопытства, сверкнула черными проницательными глазами.

— Что ты имеешь в виду, госпожа?

И Роксана поведала страшную историю. Оставив ее для безопасности в Экбатане, Александр, по-прежнему горько оплакивая кончину друга детства, выступил в поход на разбойников, решив очистить дорогу в Вавилон. Потом, утомленный этой зимней войной, он заехал отдохнуть в Сузы, куда его завлекла царица-мать Сисигамбис. Уж если на то пошло, говоря честь по чести, ведь именно эта старая ведьма подбила своего сына Дария, жестокого узурпатора, на все преступления. Она-то и подсунула Александру дочь Дария, свою нескладную длинноногую внучку, и он женился, чтобы порадовать персов. Вполне вероятно, что старуха опоила его приворотным зельем, в таких делах она, как известно, знала толк. Потом Сисигамбис притащила эту дылду в царскую опочивальню, а после сказала, что та понесла от него, хотя неизвестно, кто мог быть в том повинен. Но поскольку свадьбу сыграли в присутствии всей персидской и македонской знати, то им теперь ничего не останется, как признать наследником ее чадо.

— Хотя женился-то он на ней лишь для видимо-

сти, ради упрочения связей в своем государстве. Он сам говорил мне об этом.

(И впрямь потрясенный ревностью Роксаны, оглушенный ее криками и даже испытывающий угрызения совести Александр говорил ей перед своей второй свадьбой нечто подобное в утешение. Он не давал ей никаких обещаний на будущее, поскольку принципиально ничем не желал себя связывать, но осушил ее слезы и подарил красивые серьги.)

— И потому теперь, — вновь всхлипнула Роксана, — под этой самой крышей она будет вынашивать внука убийцы царя Оха. Разве сможет кто-либо защитит нас, когда наш господин покинул сей мир?

Бадия зарыдала в голос. Ей вспомнились долгие, небогатые событиями мирные годы в этом тихо старящемся гареме, куда опасности внешнего мира проникали только в виде слухов. Мужские ласки и даже иные разнообразные удовольствия ее уже не прельщали, зато вполне устраивала привычная и уютная жизнь с говорящей комнатной птицей, рыжей обезьянкой и старыми дружками-евнухами, заправлявшими тут всем в отсутствие постоянно странствующего царя. Сейчас же перед ее глазами услужливо

пронеслась череда давних воспоминаний о предательствах и заговорах, обвинениях, унижениях и о прочих ужасных вещах, что всегда влекут за собой перемены во власти. Однажды жестокий соперник устранил царя Оха, сломав и ее жизнь. Подумав об окончании теперешних спокойных лет, она заплакала еще пуще, на сей раз уже жалея одну лишь себя.

— Что же нам делать? — вскрикивала она. — Что мы можем сделать?

Коротковатые пальцы белой и пухлой ручки Роксаны впились в запястье Бадии. Ее огромные черные глаза, очаровавшие некогда Александра, уставились на старуху.

— Царь умер. Мы должны сами спасать свои жизни.

— Верно, госпожа. — Старые дни возвращались: вновь появилась необходимость бороться за выживание. — Госпожа, но как же нам быть?

Роксана привлекла ее к себе, и они перешли на шепот, помятуя о том, что стены имеют уши.

Через некоторое время со стороны комнат служанок к ним скрытно пришел старый евнух, давний приспешник Бадии. Он принес шкатулку из полированного дерева. Роксана спросила:

— Это правда, что ты умеешь писать по-гре-

чески?

— Не сомневайся, госпожа. Царь Ох частенько пользовался моими услугами.

— Есть ли у тебя хороший папирус? Для царственного послания.

— Да, госпожа. — Евнух открыл шкатулку. — Когда узурпартор Дарий поставил на мое место своего человека, мне удалось придержать кое-что.

— Хорошо. Садись и пиши.

Услышав, кому предназначено послание, писец едва не испортил свиток. Однако он отчасти уже представлял себе характер тайного поручения, да и Бадия припугнула его, сказав, что если дочь Дария примется заправлять здешним гаремом, то тут же выгонит всех людей Оха на улицу и им придется побираться, как нищим. Евнух вернулся к письму. Роксане понравился его ровный и гладкий почерк с витиеватыми завитками и росчерками. Когда он закончил, она быстро отпустила его, вручив за труды серебряную монету. Царица не взяла с писца клятву хранить молчание. Насколько поняла Бадия, это было ниже ее достоинства.

Евнух захватил и воск, но Роксана не стала запечатывать послание в его присутствии. Те-

перь же она извлекла перстень, подаренный ей Александром в их первую брачную ночь. Для вставки подыскали безупречный темно-лиловый аметист, а любимый резчик властителя Пирголет вырезал на камне его портрет, не имевший ничего общего с официальной печатью царей Македонии, ибо там был изображен Зевс на троне. Но Александр никого особо не посвящал в подобные тонкости, и Роксана надеялась, что оттиска с изображением мужа будет вполне достаточно.

Она поднесла кольцо к свету. Отличная тонкая работа, резчику удалось живо передать черты Александра, хотя и в несколько идеализированном виде. Муж поднес ей этот дар в брачном шатре, когда они наконец остались одни. То был знак молчаливой признательности, заменившей слова, поскольку и он, и она тогда могли изъясняться друг с другом в основном на языке жестов. Примеряя кольцо, он не сразу нашел нужный палец. Роксана почтительно поцеловала подарок, а потом Александр обнял ее. Ей вспомнилось, какими неожиданно приятными оказались и его тело, и нежная свежесть юношеского объятия, хотя она ожидала чего-то более грубого. По ее понятиям, ему следовало выйти и разоблачиться,

чтобы потом возвратиться закутанным в свадебную простыню, но вместо этого он тут же сбросил одежду и, представ перед ней во всей своей наготе, немедленно возлег на брачное ложе. Поначалу странный обычай так потряс ее, что у нее спутались мысли, а он решил, что она просто боится. Роксана с трудом воспринимала его ласки, порой изысканно утонченные. Видимо, он получил отличное воспитание, хотя и не культивируемое в ее краях. Ей-то как раз хотелось другого: необузданного мужского напора, хотелось, чтобы он налетел на нее, как ураган. Бактрийских девственниц приучали к особенным позам, способствующим абсолютному подчинению, иначе в первом своем неистовом буйстве бактрийский новобрачный мог даже придушить свою суженую. Но Роксана почувствовала его растерянность и ужасно испугалась, что наутро гостям придется показывать неиспачканную свадебную простыню. Тогда она осмелилась сама обнять его, а дальше все пошло хорошо.

Накапав горячего воска на свиток, она вдавила в него печать. Внезапно с пронзительной остротой ей вспомнился один солнечный летний день. Несколько месяцев назад они сидели возле пруда в Экбатане. Александр кормил карпов, пы-

таясь выманить из-под листов кувшинок старого и ленивого царя водоема. И лишь ублажив этого лентяя, он раскрыл ей свои объятия. Утомленный любовной игрой, муж уснул; в память впечаталась его по-юношески чистая кожа с глубокими неровными шрамами и разлет густых мягких волос. Роксане тогда захотелось лизнуть его, вдохнуть его запах, он выглядел так же соблазнительно, как вынутый из печи каравай. Когда она зарылась лицом в его плоть, он, слегка приоткрыв глаза, уютно обнял ее и вновь провалился в сон. Сейчас у нее вдруг невольно возникло живое ощущение его физического присутствия. И тогда одна в тишине она зарыдала по-настоящему, взахлеб.

Но вскоре Роксана решительно осушила слезы. Ее ожидали безотлагательные дела.

В царской опочивальне мучительно долгое ожидание вдруг закончились. Александр угас, испустив последний вздох. Стенающие евнухи убрали бесполезную уже горку подушек; теперь он лежал на спине, вытянувшись во всю длину на громадной кровати и обретши за счет неподвижности некое величие монумента, но поражая окружающих немыслимой для него пассивностью. Пассивностью покойника, трупа.

Военачальники, спешно призванные, когда близость конца сделалась очевидной, стояли в тупом ошеломлении. Уже два дня они ломали голову, что же теперь делать дальше. Однако сейчас им казалось, что ожидаемое событие только проигрывалось ими в воображении как вероятность. Вполне возможная, но не более чем. Точно завороженные, они вглядывались в черты знакомого лица, так безвозвратно безжизненного, и в них все росло и росло возмущение, почти негодование, вызванное неприятием непоправимого факта. Разве с Александром могло что-то случиться без его на то согласия? Разумеется, нет. Как же тогда он посмел умереть, оставив их всех в полнейшем смятении? Как посмел сбросить с себя всю ответственность за происходящее? Это было абсурдным, не укладывающимся в голове.

Надтреснутый молодой голос у двери вдруг возвестил:

— О боги, он умер, умер!

Кричал восемнадцатилетний парень, один из царских стражей, только что заступивший на пост. Его истерические рыдания заглушили причитания евнухов, собравшихся вокруг смертного ложа. Нужно было немедленно увести

отсюда юнца, поскольку в его крике звучали отголоски чего-то неизбывного, древнего, порождаемого безудержным, почти животным страданием.

Этот крик словно пробудил нечто необъятное. Вверг в смятение половину македонского войска, толпившегося вокруг дворца в ожидании новостей.

Большинство из собравшихся только вчера навещали Александра, и он узнавал их, он вспомнил всех. Каждый, кто у него побывал, имел веские основания веровать в чудо. А потому многоголосье горестных причитаний перекрыл мощный гул протеста, в котором, казалось, слышалось и требование найти того, кто виновен во всебщем горе, и страх перед шаткой неопределенностью будущего.

Рев толпы заставил полководцев опомниться. Точно сработала выучка, какую не уставал шлифовать в них лежащий на своем смертном ложе покойный. Необходимо срочно погасить панику. И они вышли на возвышающийся над дворцовой площадью помост. Пердикка прикрикнул на глашатая, без толку там топтавшегося, и тот, подняв длинноствольную трубу, протрубил сигнал, призывающий к тишине.

Отклик поначалу был совершенно противоположным. Только вчера воины еще жили верой в то, что этот призыв будет исходить от самого Александра, и все терпеливо ждали известий в своих подразделениях, но каждый отряд, каждая фаланга стремились раздобыть сведения раньше других. Теперь же заведенный ход жизни прервался. Передние ряды кричали задним, что говорить будет Пердикка. После смерти Гефестиона он стал первым заместителем Александра. Его грозный раскатистый бас вселил во многих чувство некоторой определенности; беспорядочно толпившиеся бойцы подтянулись, образовав нечто более-менее стройное.

Персидские солдаты ждали вместе с остальным войском. Протестующий ропот греков контрастно дополняли их скорбные, сейчас несколько поутихшие крики. Они были — еще день назад — солдатами Александра, именно он заставил их забыть о своем униженном положении, вернул им чувство собственного достоинства и заставил македонцев видеть в них равных себе. Былые разногласия почти исчезли, греческие солдаты уже вовсю перенимали персидскую брань, и между одной частью армии и другой начали понемногу складываться нормальные дружеские отноше-

ния. И вдруг, вновь осознав себя завоеванными рабами, зависящими от милостей победителей, эти люди теперь искоса переглядывались, подумывая о бегстве.

По знаку Пердикки вперед уверенно вышел Певкест, известный, славившийся своим мужеством военачальник, который в Индии спас жизнь Александру, получившему почти смертельную рану. И вот этот рослый и красивый мужчина, отрастивший модную в его сатрапии бороду, решительно обратился к солдатам на персидском наречии, причем столь же безупречном и аристократичном, как и его наряд. Певкест официально объявил им о кончине великого государя. В должное время будет оглашено имя его преемника. А пока они могут разойтись.

Персы успокоились. Но в рядах македонцев поднялся смутный гул недовольства. По унаследованным от предков законам право выбора нового царя принадлежало не кому-то, а лично им, общему собранию всех македонцев мужского пола, способных держать оружие. При чем тут болтовня о каком-то там оглашении?

Певкест отступил обратно и встал рядом с Пердиккой. Полководцы с молчаливым спокойствием взирали на собравшихся. В течение двенадца-

ти лет они оба приглядывались, как Александр общается с воинами. Безропотное ожидание властных волеизъявлений несвойственно солдатской натуре. Этим суровым и своенравным людям поначалу надо дать выговориться, и Александр всегда предоставлял им такую возможность. За все двенадцать лет эта тактика не сработала лишь единожды. Но даже заставив его повернуть в Индии вспять, солдаты все же остались всецело преданными ему. И сейчас, столкнувшись уже без него с проявлением недовольства, Пердикка вопреки всему еще надеялся услышать за спиной звуки пружинистых приближающихся шагов, подбадривающее, вскользь брошенное замечание и звонкий возглас, мгновенно устанавливающий тишину.

Но чуда не произошло, и Пердикка, который при всем недостатке врожденного обаяния успел постичь некоторые секреты искусства воздействия на людей, поступил так, как поступал при необходимости Александр, то есть пустил в ход дорический диалект, родной македонцам язык, усваиваемый еще до того, как им начинали вдалбливать классический греческий в школах. Они все потеряли, сказал он, величайшего из царей, храбрейшего из лучших воинов, известных

в этом мире с тех пор, как сыны богов покинули землю.

Его слова породили мощный нарастающий стон. Не скорбно-осознанный, с оглядкой на былые заслуги, но мощный неуправляемый выплеск обнаженного горя, утраты. Дождавшись относительной тишины, Пердикка продолжил:

— И внуки ваших внуков будут говорить то же самое. Не забывайте, однако, что ваша потеря соразмерна вашим недавним победам. Вы единственные из всех людей, как прошлого, так и будущего, делите теперь славу с Александром Великим. Именно вам, своим македонцам, он завещал владычество над половиной мира, чтобы поддержать ваше мужество и показать вам самим, какими славными воинами вы стали под его началом. И потому вам всем теперь должно блюсти закон и порядок.

Притихшая толпа слушала с пристальным вниманием. Когда Александр говорил так спокойно, то он обычно сообщал что-то важное. Пердикка понимал это, но что он сейчас мог сказать? Что фактически сам теперь является царем Азии? Это было бы слишком скоропалительным заявлением. Они пока знают одного лишь царя средь живых и средь мертвых. И Пердикка предложил

им вернуться в лагерь и ждать дальнейших распоряжений.

Под его присмотром воины начали уходить со двора, но когда он сам удалился во дворец, многие возвратились. По одному, по двое, чтобы обосноваться поблизости и всю ночь с оружием охранять сон покойного.

Зародившиеся в центре Вавилона горестные стенания, подобно лесному пожару, раздуваемому сильным ветром, перекинулись с лабиринта ближайших к дворцу улочек в предместья за городские стены. Утончались и иссякали одна за другой тонкие струйки дыма, поднимавшиеся в неподвижный воздух от священных алтарей. Жрецы Бел-Мардука, собравшиеся у залитого водой храмового огня, припомнили, что сделали то же самое чуть больше месяца тому назад. Тогда сам царь приказал погасить все огни в день погребения его друга.

— Мы предостерегали его, что это пророчит дурное, но он ничего не хотел слышать. Не воспринимал наши слова, словно мы говорили на неизвестном ему языке.

Перед главным алтарем в святилище бога Митры, покровителя воинской славы, блюстителя нравственного сияния истины и добродете-

ли, стоял юный жрец с кувшином воды в руке. Над алтарем красовался выбитый в камне символ — крылатое светило, век за веком воюющее с кромешным мраком. Пламя было все еще ярким, поскольку молодой служитель щедро его подкармливал, надеясь, что оно способно разжечь угасающие жизненные силы царя. Даже сейчас, получив приказ погасить огонь, он отставил кувшин, подбежал к сундучку с арабскими благовониями и всыпал горсть их в самый жар для оживления аромата. Лишь дождавшись, когда последний дымок вознесся в летнее небо, младший жрец опрокинул кувшин, и вода зашипела на углях.

Съедая мили, плавным размашистым шагом скаковой дромадер нес по царской дороге в Сузы запыленного курьера. Вскоре им обоим понадобится отдых, но к тому моменту они уже достигнут очередной дорожной заставы, а дальше незамедлительно отправится в ночь свежий гонец на полном сил верблюде.

Этап этого вестового заканчивался на половине пути до места назначения. Свиток, спрятанный в седельной сумке, передал ему напарник для срочной и безусловной доставки. Только первую стадию длинной дороги от Вавилона

проскакал не знакомый никому всадник. Когда его спросили, правда ли, что царь болен, незнакомец ответил, что, судя по всему, так оно и есть, но у него нет времени на разговоры. Молчаливая и срочная доставка была главной задачей отряда курьеров; солдаты обменивались краткими приветствиями, и новый всадник уносился вперед, молча передавая очередному человеку в цепи послание, запечатанное личной печатью самого государя.

Все знали: царские вестовые носятся быстрее птиц. Даже крылатая молва не могла опередить их, ведь по ночам молва спит.

* * *

Почуявшие запах приближающегося верблюда лошади заартачились и вскинулись на дыбы, едва не сбросив на землю двух верховых, которые, пропуская несущегося мимо курьера, замедлили ход и посторонились. Старший из всадников, коренастый веснушчатый и рыжеволосый мужчина лет тридцати пяти, первым совладал со своей кобылой, с такой силой рванув поводья, что с удил закапала кровь. Его брат, вполне приятный на вид паренек с золотисто-каштановой шевелюрой, был лет на десять моложе и дольше

возился с лошадью, пытаясь усмирить ее уговорами. Кассандр презрительно следил за его стараниями. Он был старшим сыном регента Македонии, Антипатра, но в Вавилонии оказался впервые. Отец недавно послал его в эти края, чтобы выяснить, почему Александр надумал передать полномочия регента Македонии Кратеру.

Иолла, младший сын регента, воевал вместе с Александром, а недавно стал его виночерпием. Это назначение, кстати, было своеобразным умиротворяющим жестом в адрес Антипатра, ибо Кассандр служил не на виду, а в гарнизоне города Пеллы, поскольку они с Александром с детства недолюбливали друг друга.

Успокоив наконец лошадь, Иолла сказал:

— Это был царский вестовой.

— А чтоб он сдох вместе со своей горбатой скотиной!

— Интересно, к чему такая спешка? Может… все закончилось?

Кассандр оглянулся назад — в сторону Вавилона — и сказал:

— Надеюсь, свирепый пес Гадеса уже пожирает его душу.

Какое-то время они ехали молча. Иолла задумчиво смотрел на расстилавшуюся перед ними

дорогу. Наконец он сказал:

— Если так, то теперь никто уже не отнимет регентство у отца. И он сможет сам стать царем.

— Царем? — взревел Кассандр. — Никогда! Он ведь дал клятву верности и никогда ей не изменит. Будет все с той же преданностью служить варварскому отродью, если у бактрийки родится мальчик.

Лошадь Иоллы занервничала, ощутив возмущение своего седока.

— Тогда… зачем? Зачем ты заставил меня сделать это? Не ради отца? Только из ненависти?! Всемогущие боги, как же я не догадался!

Кассандр, развернувшись, хлестнул брата плетью по ноге. Тот заорал от боли и ярости.

— Не смей больше так делать! Мы не дома, и я давно вырос.

Кассандр показал на красный след от удара.

— Боль учит. Ты ничего не делал. Запомни, ничего. Заруби это у себя на носу.

Проехав еще немного и заметив слезы на глазах Иоллы, он сказал с ворчливой снисходительностью:

— По всей вероятности, он так и так подхватил бы лихорадку. Наверняка он сам частенько пил там грязную воду. На болотах. Крестьяне

в низовьях постоянно пьют болотную воду, и никто не умирает от этого. Держи язык за зубами. Иначе болтливость погубит тебя.

Иолла тяжело вздохнул. Проведя рукой по глазам, он испачкал лицо серой пылью вавилонской равнины и сухо сказал:

— Он так и не восстановил толком силы после ранения в Индии. Лихорадка могла доконать его… Он был добр ко мне. Я сделал это только ради отца. А теперь ты говоришь, что он не будет царем.

— Отец не хочет быть царем. Но как бы там ни было, теперь он умрет правителем Македонии и всей Греции. Нашему старику тоже не долго осталось коптить этот свет.

Иолла молча глянул на брата, хлестнул свою лошадь и галопом помчался вперед между золотых пшеничных полей; разрывающие его грудь рыдания заглушал бешеный конский топот.

Следующий день в Вавилоне полководцы посвятили подготовке собрания, которое должно было решить, кто станет новым правителем Македонии. В древних законах этой страны ничего не говорилось о преимуществах первородства. Сами воины имели право выбрать нового царя из членов царского рода.

Когда умер Филипп, выборы прошли просто. Почти все войска тогда вернулись на родину. Двадцатилетний Александр уже успел снискать славу полководца, и никаких других претендентов даже не называли. Так же просто выбрали раньше и самого Филиппа, младшего брата царя Пердикки, павшего в битве. Филипп, едва ли не с пеленок взявшийся за оружие, уже стал опытным военачальником, а Македонии как раз предстояли большие войны.

Сейчас македонские войска были разбросаны по всей Азии. Десять тысяч ветеранов отправились домой на покой под командованием Кратера, энергичного полководца, состоявшего в родстве с царской династией, а в служебной иерархии Александра считавшегося вторым после Гефестиона. Многочисленные гарнизонные отряды завоевателей располагались и в мощных каменных крепостях, охраняя дороги, ведущие в Южную Грецию. Македонцы, находившиеся в Вавилоне, прекрасно все это понимали, но никто из них не сомневался в своей правомочности избирать нового властелина. Они состояли при Александре, и этого было достаточно.

Собравшись на жарком учебном плацу, воины в ожидании начала выборов о чем-то спорили,

строили предположения и обменивались слухами. Время от времени их возбужденные голоса вскипали, словно волны прибоя, накатывающиеся на галечный берег.

Генеральные распорядители из состава царской охраны пытались вызвать во дворец старших командиров высшего ранга, чтобы обсудить с ними создавшееся затруднительное положение. Потерпев неудачу, они велели глашатаю успокоить войско сигналом трубы, чтобы затем пригласить каждого поименно. Глашатай, понимая, что простым сигналом войска не успокоишь, сыграл предупредительный «сбор по приказу». Но уже давно потерявшие терпение воины восприняли его как сигнал общего сбора.

Шумной толпой они вливались через большие двери в тронный зал, а глашатай, пытаясь перекрыть общий гвалт, выкривал имена командиров, и те из них, кому удавалось услышать его, пытались протолкаться вперед. Давка в зале стала угрожающе опасной; двери пришлось закрыть, к отчаянию всех прибывших сюда по праву или без права. Глашатай, беспомощно глядя на это столпотворение, увещевающе взывал к толпе, оставшейся во дворе, думая про себя, что если бы Александр увидел такое, то очень

многие быстро бы пожалели, что вообще появились на свет.

Поскольку солдаты все-таки пропускали начальство вперед, в первых рядах оказались наиболее уважаемые командиры из числа Соратников вкупе с офицерами македонской конницы и пехоты, каких также занесло в зал. Всех их объединяли сейчас лишь свойственные растерянным людям чувства глубокой тревоги и раздражения. Все они сознавали, что их войско находится в завоеванной стране, а до родины еще полмира. Они отправились сюда, твердо веря в Александра, и только в него. И больше всего нуждались сейчас не в царе, а хоть в каком-нибудь предводителе.

Как только двери закрылись, взоры всех воинов устремились на господствующее возвышение. Там, как и прежде, они увидели известных мужей, ближайших друзей Александра, стоявших вокруг трона, древнего вавилонского трона; его резные подлокотники украшали ассирийские настороженные быки, а на обновленной для Ксеркса спинке поблескивало крылатое всепобеждающее светило. Еще недавно они видели там невысокого, ладно скроенного искрометного человека, нуждавшегося в скамеечке

для ног и сиявшего, как алмаз в слишком большой оправе, под распростертыми над его головой крыльями Ахура-Мазды. Сейчас трон пустовал. На спинке висела царская мантия, а на сиденье лежала корона.

Тихий скорбный вздох пронесся между колоннами зала. Птолемей, любивший на досуге углубиться в поэзию, подумал: вот пик трагедии. Сейчас распахнутся задние двери, и появившийся хор подтвердит, что страхи оправданны и что царь действительно умер.

Пердикка вышел вперед. Он начал с сообщения, что все здесь собравшиеся друзья Александра были свидетелями того, как перед смертью царь передал ему царский перстень, но, будучи лишенным дара речи, не смог сказать, какими полномочиями его наделяет.

— Он сосредоточенно смотрел на меня, — продолжил Пердикка, — явно желая что-то сказать, но голос отказал ему. Посему, мужи Македонии, вот этот перстень. — Он показал кольцо всем и положил его рядом с короной. — У вас есть право выбрать нового правителя согласно нашим древним законам.

По залу, точно в театре, пронесся напряженный смутный гул восхищения. Пердикка молчал, по-

прежнему стоя на переднем плане, как хороший актер, выдерживающий паузу перед очередной репликой. Птолемей отметил, что на его обычно настороженном и высокомерном лице сейчас застыло выражение незыблемого достоинства. Маска, но маска, умело подобранная и… уж не царственная ли, а?

Пердикка продолжил:

— Всем нам понятно, что наша утрата безмерна и невосполнима. Мы знаем, что немыслимо передать трон человеку, не принадлежащему к царскому роду. Роксана, жена Александра, уже пятый месяц вынашивает дитя. Так вознесем же молитвы богам, чтобы они даровали ей сына. Когда он родится, мы будем с надеждой ожидать его зрелости. А пока вам нужно решить, кому вы хотите вручить бразды временного правления. Выбор за вами.

Народ растерянно перешептывался; полководцы на возвышении встревоженно переглянулись. Пердикка не успел представить следующего оратора, как внезапно без всякого объявления вперед выступил Неарх, главный флотоводец, сухощавый критянин с тонкой талией и загорелым обветренным лицом. Непомерные тяготы исследовательского водного похода вдоль бе-

регов Гедросии добавили ему десяток годков, но он выглядел крепким и жилистым пятидесятилетним мужчиной. Люди притихли, желая послушать его; как-никак он встречался с глубоководными чудовищами и обратил их в бегство ревом труб. Непривычный к публичным речам Неарх поразил всех мощью голоса, каким он обычно приветствовал в море экипажи своих кораблей.

— Македонцы, я хочу сообщить вам также еще об одном наследнике Александра, которого ждет его жена Статира, дочь Дария. Побывав последний раз в Сузах, царь оставил ее в тягости. — Послышались удивленные, обескураженные крики; он резко повысил голос, как частенько делал это во время шторма. — Вы все видели их свадьбу. Вы видели, что это была настоящая царская свадьба. Он намеревался привезти Статиру сюда. Так он говорил мне.

Эта совершенно неожиданная новость о женщине, которая, промелькнув на свадебном пиршестве в Сузах, сразу вернулась к тихой гаремной жизни, вызвала волну смущения и разочарования. Вдруг чей-то грубоватый голос спросил:

— Эх… а говорил ли он что-нибудь об этом своем отпрыске, а?

— Нет, — сказал Неарх. — Я полагаю, он намеревался воспитывать обоих своих сыновей и выбрать потом из них лучшего. Но он не дожил до их рождения, а ребенок Статиры принадлежит к его царскому роду.

Он отступил назад, больше ему нечего было сказать. Он сделал все, что считал должным. Глядя на море голов, адмирал вспомнил, как отощавший до костей за время ужасного перехода по пустыням Гедросии Александр приветствовал его, когда он целым и невредимым вернулся со всем царским флотом из последнего плавания, как обнял его со следами облегчения и радости, блестевшими в глубоко запавших глазах. Неарх с детства проникся к нему безоговорочной неизбывной симпатией; годы, проведенные с Александром, были, видимо, лучшими в его жизни, и он пока не мог даже представить, как скоротает ее остаток.

Пердикка в ярости стиснул зубы. Он четко и ясно предложил всем выбрать регента — разумеется, имея в виду лишь себя. А теперь люди, забыв о его предложении, принялись обсуждать вопросы престолонаследия. Два не рожденных пока что ребенка вполне могли оказаться девочками. Так бывало в этом роду. От Филиппа

пошел целый выводок дочерей. Регентство сулило огромные перспективы. Сам Филипп начинал как регент при малолетнем наследнике, но македонцы, не тратя попусту время, избрали его царем. В Пердикке, кстати, тоже течет немалая толика царской крови. А чего добился Неарх? Совершенно запутал и без того растерянную толпу, и только.

Дебаты становились все более шумными и язвительными. Многие уже кричали, что если Александр и совершал какие-то ошибки, так лишь потому, что шел на поводу у персов. Чересчур помпезная свадьба в Сузах давала гораздо больше поводов для опасений, чем походная свадьба с Роксаной; впрочем, такого рода союзы его отец заключал неоднократно. Все снисходительно терпели даже этого плясуна-перса, как терпели бы и домашнюю обезьянку или там собачонку, но почему же он для начала не женился как подобает, почему не взял девушку знатного македонского рода, вместо этих двух чужеземок? А теперь вот что из этого получилось.

Одни заявляли, что надо признать любого его отпрыска, даже с примесью варварской крови. Другие говорили, что еще неизвестно, признал ли бы он сам их обоих. А теперь

можно не сомневаться, что если эти его жены разрешатся мертворожденными младенцами или девочками, то их тайно подменят на мальчиков. Никто не собирается ползать на брюхе перед персидскими подкидышами…

В скорбном гневе наблюдал Птолемей за разбушевавшимися сородичами, мечтая поскорее убраться отсюда. Как только смерть Александра стала свершившимся фактом, он понял, какая судьба привлекает его. С тех самых пор, как египтяне с распростертыми объятиями встретили Александра, провозгласив его освободителем от персидского рабства, эта страна очаровала Птолемея великолепием своей древней культуры, колоссальными памятниками и храмами, а также изобилием, подпитывающимся плодоносной рекой. Оборона Египта, подобного острову, не составила бы особых хлопот: с одной стороны его защищало море, с другой — бескрайние пустыни; оставалось лишь завоевать доверие египтян, чтобы спокойно и уверенно править ими. Пердикка и остальные полководцы с радостью отдадут ему эту сатрапию; им нужно убрать его с дороги.

Птолемей представлял для них опасность, поскольку ходили слухи, что он был братом

Александра, внебрачным ребенком Филиппа, родившимся, когда тому еще не было и двадцати лет. Факт сей остался недоказанным и непризнанным, но Александр всегда относился к Птолемею по-родственному, и все это знали. Да, Пердикка с радостью отправил бы его в Африку. Но неужели этот властолюбец вознамерился сам стать наследником Александра? Именно об этом он сейчас и мечтает, об этом просто кричит весь его вид. Надо что-нибудь предпринять, и немедленно.

Заметив, что Птолемей шагнул вперед, солдаты тут же бросили споры, им захотелось послушать его. Он был другом детства Александра и, выгодно отличаясь от высокомерного Пердикки, всегда пользовался уважением и любовью служивших под его рукой воинов. Те из них, что сумели пробраться в зал, встретили своего командира приветственным гулом.

— Македонцы, я понимаю, что вам не хочется выбирать царя из потомков покоренных народов.

Бурное одобрение. Все воины в знак подтверждения своих полномочий были вооружены, и сейчас лязг щитов и стук копий эхом отражался от высоких сводов тронного зала. Умеряя боевой

пыл собравшихся, Птолемей поднял руку.

— Мы также не знаем, вынашивают ли жены Александра мальчиков. Но если даже обе они разродятся сыновьями, то по достижении зрелости эти юноши предстанут перед вами и вашими сыновьями, и тогда уже вновь созванное собрание решит, захочет ли оно видеть одного из них царем Македонии. Пока же нам остается лишь ждать. Но кто будет править нами от имени будущего, еще не названного государя? Здесь вы видите перед собой тех, кому Александр доверял. Чтобы в руках одного правителя не скопилось слишком много власти, я предлагаю выбрать регентский совет.

Его поддержали одобрительным гулом. Напоминание о том, что лет через пятнадцать они еще смогут отвергнуть обоих претендентов, подсказало воинам, что важно для них на сегодняшний день. Птолемей продолжил свои увещевания:

— Все вы помните Кратера. Александр доверял ему, как самому себе. Он послал его править Македонией. Вот почему сейчас его нет с нами.

С этим тоже никто не стал бы спорить. Люди уважали Кратера, считая его вторым после Александра; талантливый полководец, отважный и красивый мужчина, он принадлежал к цар-

скому роду и с пониманием относился к нуждам солдат. Птолемей спиной чувствовал убийственные взгляды Пердикки. «Пусть злится сколько угодно; я поступаю так, как велит мне мой долг».

Глядя на взбудораженную гудящую толпу, Птолемей вдруг подумал, что всего пару дней назад все в ней были единодушны. Все мнили себя сподвижниками Александра, ожидая от него лишь одного: чтобы он встал и опять вел всех дальше по жизни. «Кем же мы стали теперь и что я сам теперь из себя представляю?»

Он никогда не придавал большого значения возможному отцовству Филиппа: слишком много ему пришлось пережить из-за этого в детстве. Когда Птолемей родился, Филипп занимал незавидное положение младшего сына в семье и сидел в Фивах. А формальный отец Птолемея, будучи в раздражении или подпитии, порой бросал жене: «Заставь своего ублюдка вести себя поприличнее!» Не прекращались и драки с не в меру языкастыми сверстниками, что, впрочем, закалило его. Удача улыбнулась ему позже, когда Филипп стал царем, а самого Птолемея взяли в царскую свиту, но уроки детства не прошли даром, и вопрос, причастен ли Филипп к его рождению, перестал его волновать. Хотя ему нра-

вилось с неуклонно усиливающейся симпатией и возрастающей гордостью считать себя братом Александра. Неважно, думал он, течет ли в нас одна кровь. Важно делить духовное братство.

Из краткой задумчивости его вывел новый голос. Один из молодых военачальников, Аристон, вышел вперед и напомнил о том, что, каковы бы ни были намерения Александра, перстень он все-таки отдал Пердикке. Этот умник, оценив обстановку, сообразил, чем можно взять собравшихся. Нужны были факты, а не предположения, и Аристон это учел.

Он говорил просто, искренне и основательно завел публику. Воины начали выкрикивать имя Пердикки, и многие уже призывали его забрать обратно кольцо государя. Медленно, наблюдая за реакцией зала, Пердикка сделал несколько шагов к трону. Однако на какой-то миг его глаза встретились с глазами Птолемея, и он тут же насторожился, словно наткнувшись на неожиданное препятствие.

«Нет, — подумал Пердикка, — с кольцом нужно повременить, такая прыть не пойдет мне на пользу. Нужно дождаться второго голоса в поддержку мнения Аристона».

В зале, набитом распаренными людьми, стояла

удушающая духота. Человеческое зловоние усугублялось и резким запахом мочи, доносившимся из углов, где украдкой кое-кто облегчался. Военачальники постепенно дурели от многообразия охватывающих их чувств; тревога мешалась с раздражением, негодование — с разочарованием, за взлетом следовало падение, за падением — взлет. Вдруг, выкрикивая что-то неразборчивое, к возвышению протолкался еще кто-то.

«Интересно, — подумали все, — что же нам может сказать Мелеагр?»

Он командовал фалангой уже во время первой кампании Александра, но с тех пор не сильно продвинулся. Как-то за ужином Александр доверительно сказал Пердикке, что Мелеагр — образцовый служака, если не слишком обременять его мозги.

Покрасневший от жары и злости, да и от выпитого, судя по взгляду, Мелеагр остановился перед возвышением и, глубоко вдохнув, заорал яростным и грубым басом, едва не оглушившим толпу:

— Это же царский перстень! Неужто вы готовы всучить его кому попало? Да он тут же вцепится во власть мертвой хваткой и никому ее не отдаст, пока не помрет. Неудивительно, что ему

хочется назначить царем того, кто еще даже и не родился!

Голоса призывающих к порядку полководцев практически заглушил неожиданный и мощный рев зала. Ярость Мелеагра, видимо, пробудила от смутного оцепенения основную массу прежде молчавших людей, взбаламутила все, что отстаивалось в их умах, может быть, даже годы. Теперь они возбудились, как возбудились бы, глядя на уличную поножовщину, на мужа, избивающего жену, или на жестокие собачьи бои; они приветствовали Мелеагра, как пса-фаворита.

В походных условиях Пердикка мгновенно навел бы порядок. Но тут шло собрание, и он пока что был лишь претендентом на главный командный пост. Не стоило раньше времени выставлять себя деспотом и тираном. Он с презрительным видом махнул рукой, словно бы говоря: «Даже и такого глупца следует выслушать».

Во взгляде Мелеагра он прочел откровенную ненависть. Положение их отцов в македонском обществе было примерно равным, а сами они поначалу состояли в свите Филиппа, и оба поглядывали с тайной завистью на сплоченное ближнее окружение молодого Александра. По-

том, после покушения на Филиппа, Пердикка первым бросился догонять убийцу. Александр оценил его, заметил и повысил в звании. С этим повышением перед ним открылись новые перспективы, и он забыл о бесславном прошлом. После смерти Гефестиона полк того перешел под командование Пердикки. А Мелеагр так и остался простым командиром пехотной фаланги, не имевшим особых отличий и, как понял Пердикка, давно возмущенным везением того, кто некогда был ему ровней.

— Откуда нам знать, — крикнул Мелеагр, — действительно ли Александр вручил ему кольцо? Кто пытается убедить нас в этом? Он сам да его высокопоставленные дружки! А чего они добиваются? Хотят заграбастать без Александра все здешние сокровища, которые мы с вами завоевали! Неужели вы это допустите?

Шум перерос в возмущенный гвалт. Полководцы, обычно умевшие хорошо ладить с военным людом, с недоумением осознали, что власть над солдатами захватил Мелеагр. Те уже готовы были разграбить дворец, словно завоеванный город. Зал пришел в хаотическое движение.

В отчаянии Пердикка собрал в кулак все имевшиеся в нем силы.

— Стоять! — громоподобно проревел он.

Все невольно остановились. Выслушав его грозные отрывистые приказы, достаточное количество воинов бросилось исполнять их. Крепкие ряды стражников, сомкнув щиты, встали перед внутренними дверями. Крики сменились ропотом.

— Приятно видеть, — звучным басом добавил Пердикка, — что среди нас есть еще воины Александра.

Воцарилось молчание, словно он воззвал к имени оскорбленного бога. Зачинщики предпочли скрыться в толпе. Щиты были опущены.

И в этом тревожном затишье из середины подавленной толпы вдруг выпростался чей-то хриплый басок:

— Вот уж действительно, стыд нам всем и позор! Верно сказал командир, все мы воины Александра. И все мы хотим, чтобы нами правил настоящий наследник из его рода, а не опекун чужеземных малолеток. Разве здесь, в этом самом дворце нет чистокровного брата Александра?

Зал ошеломленно замер. Цепенея, Птолемей почувствовал, что все островки его чаяний и упований заливает волна первобытного ужаса. Могучее древо македонских царей со всей его

дикой историей племенного соперничества и братоубийственных войн потянулось к нему своими магическими удушающими ветвями. Филипп — Александр — Птолемей…

А простой копьеносец в толпе, завоевав внимание слушателей и приободрившись, продолжил:

— Все вы знаете, что здесь находится его родной брат, которого признавал и сам царь Филипп. Александр всегда по-родственному о нем заботился. Поговаривали, конечно, что в детстве он не хватал звезд с неба, но в прошлом месяце оба брата возложили жертвы на алтарь, поминая душу родителя. Я сам видел, наш отряд как раз сопровождал их. И Арридей вел себя вполне достойно.

Его слова подтвердило несколько голосов. Открыв рот, Птолемей застыл в крайнем изумлении, стараясь спрятать от публики взгляд. Арридей! Они, должно быть, все спятили.

— Царь Филипп, между прочим, — уверенно продолжал копьеносец, — законно женился на Филинне, ему ведь не возбранялось завести несколько жен. Потому-то я и говорю, что и без этих чужеземных младенцев мы можем выбрать на царство его сына. Ведь он является самым законным наследником.

Даже самые скептически настроенные македонцы, обескураженные выступлением Мелеагра, не смогли ничего возразить. У трона царило потрясенное молчание. Тайно или явно, никто из знатных македонских мужей даже и не помышлял о подобном повороте событий.

— Это верно? — под шумок быстро спросил Пердикка у Птолемея. — Александр водил Арридея в святилище?

Вышедшая из-под контроля ситуация взяла верх над враждебностью. Птолемею наверняка известны подробности.

— Точно.

Птолемей вспомнил, как склонились перед алтарем эти две головы, темная и светлая, подмастерье и мастер.

— Последнее время с ним стало получше. Целый год без припадков. Александр приучал его чтить память отца.

— Арридей! — начали скандировать воины. — Мы хотим брата Александра! Да здравствует Арридей Македонский!

— И много народу видело его там?

— Свита, отряд копьеносцев… да все его видели. Он вел себя вполне нормально. Впрочем, как и всегда… возле брата.

— Мы не можем допустить, чтобы его выбрали. Они не представляют, что делают. Это нужно остановить.

Коренастый и жилистый Пифон, взявший вдруг слово, слегка напоминал лисицу — как заостренным, рыжеватым от веснушек лицом, так и высоким лающим голосом. Входя в избранный круг царских телохранителей, он слыл человеком разумным, но дар убеждения не относился к числу его достоинств. Опередив Пердикку, он шагнул к краю помоста и визгливо крикнул:

— Вы хотите в цари брата Александра?! Тогда уж лучше выберите его лошадь!

Грубая издевка в пронзительном голосе на краткое время утихомирила людей, но тишина в зале была явно недружелюбной. Тут грубить нечего, тут тебе, приятель, не плац для муштры! Однако Пифон, не смущаясь, продолжил:

— Она будет поумнее этого полудурка. Он же ударился головкой в младенчестве и до сих пор страдает припадками. Александр заботился о нем, как о ребенке, приставил к нему няньку. Вы что, хотите в цари идиота?

Пердикка с трудом сдержал проклятие, едва не сорвавшееся с его языка. Как вообще такой дуболом умудрился продвинуться в командиры?

Конечно, на полях брани он всегда среди первых, но не умеет читать в душах людей. Сам Пердикка, если бы этот олух не высунулся, мог бы напомнить всем о романтическом завоевании руки Роксаны, о захвате крепости на согдийской скале, о великодушии победителя: в общем, постепенно вернул бы мысли толпы к отпрыску Александра. А теперь эти дурни оскорблены в лучших чувствах. И уже воспринимают Арридея как жертву темных интриг, раз они сами видели, что тот держится совершенно нормально.

Александру всегда сопутствовала удача, подумал Птолемей. Люди уже заказывают себе кольца с его изображением, считая их амулетами. Какой же злой дух надоумил его незадолго до собственной кончины проявить великодушие к безвредному дурачку? Хотя, конечно, в известном ритуале Арридею придется принять участие. Возможно, Александр это предвидел…

— Позор, гнать его! — орали собравшиеся Пифону. — Арридей, Арридей, мы хотим Арридея!

Пифон пытался перекричать их, но его попросту освистали.

А Мелеагр тем временем исчез, однако это заметили слишком поздно.

День у Арридея выдался на редкость скуч-

ный и длинный. Никто не зашел навестить его, за исключением раба с подносом. Еда оказалась мало того что плохо свареной, так еще и почти холодной. Он с удовольствием поколотил бы противного раба, но Александр не разрешал ему распускать руки. Обычно Александр всегда посылал кого-то проведать его, но сегодня некому было даже пожаловаться на невкусный завтрак. Старый Конон, постоянно находившийся рядом, и тот ушел куда-то прямо с утра, не обратив внимания на его распоряжения и озабоченно сказав лишь, что должен присутствовать на каком-то собрании.

А Конон ему действительно был сейчас очень нужен. Во-первых, Арридею хотелось заказать кое-что лакомое на ужин, во-вторых, старик мог отыскать его любимый потерявшийся камушек с полосками да еще объяснить, почему утром во дворце все так ужасно шумели, стонали и завывали, словно вдруг разом убили целую кучу народу. Из выходящего в сад окна он видел, какая толпа собралась у дворца. Возможно, сам Александр скоро придет навестить его и расскажет, что все это значит.

Порой брат не приходил очень подолгу, и тогда ему говорили, что он в походе. До его возвраще-

ния Арридей иногда жил, как сейчас, во дворце, а иногда в военном лагере. Зачастую Александр привозил ему подарки: разноцветные сладости, красивые фигурки лошадей и львов и камушки для его коллекции, а однажды подарил даже замечательный алый плащ. Через какое-то время рабы обычно складывали палатки — и все двигались дальше. Может быть, и сейчас готовится что-то такое.

А пока ему захотелось нарядиться в тот алый плащ. Однако Конон сказал, что сейчас слишком жарко для такой одежды и что не стоит зря пачкать красивую вещь. Плащ был заперт в сундуке, а ключ держал при себе Конон.

Достав все свои камушки, за исключением полосатого, Арридей выложил из них замысловатый узор, но картину портило отсутствие самого любимого камня. Лицо его вспыхнуло от гнева. Выбрав самый большой голыш, он начал стучать им по столу. Палкой было бы лучше, но у него отобрали все палки. Александр сам унес их куда-то.

Давно, когда они еще жили на родине, Арридей в основном проводил время с рабами. Никто больше не хотел видеть его. Изредка, конечно, заходили и добрые люди, а рабы часто посме-

ивались над ним, иногда даже обижали. Зато как только он начал путешествовать с Александром, рабы стали вести себя по-другому, более почтительно и с опаской. Похоже, пришло время отомстить за обиды, и однажды Арридей так избил одного нахала, что тот рухнул как подкошенный, весь в крови. До того случая Арридей не осознавал собственной силы. Он просто продолжал бить обидчика, пока его не оттащили. А потом вдруг к обеду появился Александр. Но брат явно не собирался разделить с ним трапезу, поскольку влетел запыхавшийся, весь пропыленный, в походных доспехах. Вид у него был на редкость ужасающий, лицо тоже. Грязное, точно вовсе и не его, с какими-то огромными бледными глазами. Тогда Александр заставил Арридея поклясться именем их отца, что он никогда больше не будет так делать. И сегодня ему вспомнилась та клятва, когда раб с опозданием принес еду. Арридей никого с тех пор не бил, опасаясь, что тень отца к нему явится. Он вообще жутко боялся Филиппа и даже запел, услыхав о его смерти.

Между прочим, уже настало время конной прогулки по парку, но ему не разрешали выезжать одному, без Конона, который держал лошадь

за повод. Арридею очень хотелось, чтобы Александр вновь сводил его в храм. В прошлый раз он все сделал очень хорошо, точно так же, как Александр. Налил и вина, и елея, и ладана и позволил забрать золотые кубки, хотя ему так хотелось оставить их себе. И Александр похвалил его.

Кто-то идет! Тяжелые шаги, лязг оружия. У Александра походка быстрее и легче. Вошел какой-то совершенно незнакомый солдат. Какой-то надутый краснолицый верзила с растрепанными бледно-желтыми волосами, зажавший шлем под мышкой. Они обменялись взглядами.

Арридей, совершенно не представлявший, как он выглядит со стороны, вовсе уж не мог представить, как удивлен был, увидев его, Мелеагр. «Великий Зевс! Лицо Филиппа. Знать бы лишь, что за ним кроется?» Телосложением и общим обликом царевич тоже весьма походил на отца. Квадратное лицо с правильными чертами, темные брови, бородка, широкие плечи, короткая шея. Поскольку еда составляла его главное удовольствие, он поднабрал лишнего веса, хотя Конон все-таки не позволял ему чрезмерно толстеть. Обрадовавшись, что его наконец навестили, Арридей восторженно поинтересовался:

— Ты пришел, чтобы прогуляться со мной

по парку?

— Нет, государь.

Вошедший так пожирал Арридея глазами, что тот засмущался, решив, что он в чем-нибудь оплошал. Александр никогда прежде не присылал к нему этого человека.

— Государь, я пришел, чтобы проводить тебя на собрание. Македонцы хотят выбрать тебя царем.

Смутная тревога во взгляде Арридея вмиг стала осмысленной.

— Ты лжешь. Меня нельзя выбрать царем, царь — это мой брат. И он говорил мне… Александр говорил мне так: «Если я не стану присматривать за тобой, то кто-то обязательно попытается сделать тебя царем, но если ты им станешь, то тебя убьют». — Он попятился, поглядывая на Мелеагра со все нарастающим беспокойством. — Я не пойду с тобой на прогулку. Я пойду с Кононом. Приведи его сюда. Если ты не приведешь его, я пожалуюсь на тебя Александру.

Пятиться дальше не позволял массивный стол. Солдат же подошел к Арридею совсем близко, и тот невольно съежился от испуга, припомнив, как его били в детстве. Но незнакомец просто поглядел на него в упор и очень медленно про-

изнес:

— Государь, твой брат умер. Царь Александр умер. Македонцы призывают тебя. Пойдем, я провожу тебя на собрание.

Поскольку Арридей не пошевелился, Мелеагр схватил его за руку и повлек к двери. Будущий царь вяло последовал за ним, не понимая, куда его тащат, и пытаясь представить себе новую жизнь, в которой уже нет Александра.

Мелеагр обернулся так быстро, что солдаты все еще продолжали выкрикивать имя царевича, когда тот предстал перед ними. Немое изумление Арридея при виде огромной массы орущих что-то людей было воспринято как проявление царственной сдержанности.

Многим из потрясенных воинов никогда не доводилось видеть его; другие, конечно, видели, но в основном мельком. Зато любой македонец, проживший на этом свете хотя бы лет тридцать, видел воочию царя Филиппа. Наступила полнейшая тишина, потом грянуло:

— Филипп! Филипп! Филипп!

Арридей в ужасе оглянулся назад. Неужели сюда явился отец… может, на деле он вовсе не умер? Зорко следивший за ним Мелеагр тут же заметил смену его настроения и быстро прошептал:

— Они приветствуют тебя.

Слегка успокоенный, но еще смущенный Арридей обвел взглядом зал. Почему они выкрикивают имя его отца? Его отец умер. Александр тоже умер…

Мелеагр шагнул вперед. Отличный подарочек, победно скалясь, подумал он, для этого выскочки Пердикки и его будущего регентства.

— Вот, македонцы, перед вами сын Филиппа, брат Александра. Вот ваш законный царь.

Он так громко орал над самым ухом царевича, что весь ужас произносимых им слов вдруг дошел до замутненного сознания невольного претендента на трон. Арридей догадался, зачем все эти люди собрались здесь и что происходит.

— Нет! — закричал он высоким жалобным голосом, никак не вязавшимся с его по-мужски бородатым лицом. — Я не царь! Говорю вам, мне нельзя быть царем. Александр не велел мне.

Но при этом смотрел он на Мелеагра, и никто не услышал его в разразившемся приветствиями зале. Смятенные военачальники принялись дружно ругать Мелеагра, не обращая внимания на недоумка. С возрастающим страхом Арридей слушал их громкие разъяренные голоса. Ему четко вспомнилось, как Александр, устремив на него

взгляд своих больших, глубоко посаженных глаз, предупреждал, что может с ним приключиться, если его попытаются выбрать царем. Пока Мелеагр спорил с высоким смуглым мужчиной в центре помоста, Арридей бросился к неохраняемой уже двери. Оказавшись один в лабиринте дворцовых коридоров, он, рыдая, побрел вперед, надеясь найти дорогу в свои покои.

А зал уже захлестнуло новое волнение. На редкость странный спектакль. И главный герой его очень странный. Оба последних македонских царя прямо после избрания проследовали под традиционные благодарственные пеаны в древнюю крепость Эгии, где каждый из них, подтверждая вступление на престол, руководил погребением своего предшественника.

Увлеченный спором с Пердиккой Мелеагр заметил бегство своего кандидата, лишь когда услышал насмешливое улюлюканье зала. Общее настроение явно менялось, и не в лучшую для него сторону, а властноть Пердикки привлекала к нему людей, жаждущих вновь обрести потерянную уверенность в своих силах. Мелеагр понял, что нужно срочно спасать ситуацию. Он развернулся и выбежал, сопровождаемый свистом и хохотом, в ту же дверь,

что и Арридей. Самые хваткие и горластые из его сторонников (не алчущий трофейного золота сброд, а родственники, приятели и просто воины, недовольные Пердиккой) встревоженно поспешили за ним.

Вскоре в конце одного из раздваивавшихся коридоров они догнали беглеца, размышлявшего, куда лучше свернуть. Завидев преследователей, он крикнул: «Нет! Уходите!» — и бросился бежать. Мелеагр схватил его за плечо. Арридей послушно остановился с жутко перепуганным видом. В таком состоянии его нельзя было показывать никому. Сменив былую тактику напора на покровительственное увещевание, Мелеагр принялся мягко успокаивать Арридея.

— Государь, выслушай нас. Тебе нечего опасаться. Ты был хорошим братом Александру. А он был отличным царем, и тебе действительно нельзя было становиться царем, пока он правил нами. Но ведь теперь-то он умер, а ты являешься законным наследником. Теперь трон принадлежит тебе. — И тут по наитию Мелеагр дополнил свою вдохновенную речь одной немаловажной деталью: — Тебя, кстати, ждет там маленький дар. Замечательная пурпурная мантия.

Уже слегка успокоенный медоточивым голо-

сом Арридей вдруг заметно оживился. Никто над ним не смеялся, да и как же смеяться в такой опасной, запутанной ситуации?

— И я смогу все время носить ее? — практично поинтересовался он. — Вы не станете ее от меня прятать?

— Ну конечно не станем. Взяв мантию, ты сможешь сразу надеть ее.

— И буду носить целый день?

— И хоть всю ночь, если пожелаешь. — Мелеагр уже вел укрощенную жертву обратно по коридору, когда его осенила новая идея: — Воины недаром привествовали тебя, выкрикивая имя Филипп! Они почтили тебя династическим именем отца. Ты станешь царем Филиппом Македонским!

«Я — царь Филипп», — подумал Арридей, постепенно приходя в хорошее расположение духа. Отец, должно быть, действительно умер, раз его имя и пурпурный плащ можно кому-то отдать. Оба подарка казались Арридею весьма привлекательными.

Все еще согреваемый столь интересными мыслями, он вновь поднялся в сопровождении Мелеагра на помост. С улыбкой встретив очередной приветственный гомон, он сразу увидел

замечательное яркое облачение на спинке трона и быстро направился к нему. Многоголосый гул, ошибочно принятый им за дружелюбные приветствия, мгновенно затих; изумленные такой переменой его поведения люди почти в полном молчании наблюдали за Арридеем.

— Вот, государь, это наш тебе подарок, — прошептал Мелеагр ему на ухо.

Тихий тревожный ропот прошел по залу, когда Филипп-Арридей взял мантию с трона и развернул ее перед собой.

Это была парадная царская мантия, пошитая в Сузах, где вся армия гуляла на свадебном пиршестве по случаю грандиозной женитьбы Александра на Статире, дочери Дария, а его восьмидесяти знатных Соратников — на персидских аристократках. Во время своего последнего путешествия в Вавилон именно в этой мантии он принимал послов половины стран известного мира. Ее шерстяная, плотная, как бархат, и мягкая, как шелк, ткань была покрашена туринской иглянкой в радующий глаз ярко-малиновый с легким оттенком пурпурного цвет, великолепный, как солнечные лучи на царской эмблеме Македонии, поблескивающие розово-красными рубинами и золотом. Мантия закреплялась

на плечах двумя золотыми аграфами в виде львиных голов, которые традиционно украшали свадебные наряды уже трех поколений македонских царей. Свет жаркого послеполуденного солнца, льющийся сквозь высокие окна, оживлял изумрудный блеск львиных глаз. Новоявленный Филипп в полнейшем восторге таращился на эти драгоценные камушки.

Мелеагр сказал:

— Позволь, государь, помочь тебе облачиться.

Он поднял мантию и накинул ее на Филиппа. Тот, сияя от удовольствия, посмотрел на приветливые людские лица.

— Благодарю вас, — произнес он тоном ребенка, назубок затвердившего правила вежливого поведения.

Зал с удвоенной силой разразился приветствиями. Этот сын Филиппа вел себя с достоинством, как и положено государю. Сначала он, должно быть, смутился по скромности своей натуры. Теперь ничто и никто в этом мире не могло их заставить отвергнуть этого царского отпрыска.

— Филипп! Филипп! Да здравствует Филипп!

Птолемей едва не задохнулся от горя и ярости. Он вспомнил то свадебное утро в Сузах, когда они с Гефестионом зашли в дворцовые покои

Александра, чтобы помочь жениху одеться. Помимо традиционных предсвадебных шуточек, молодые люди повеселили друг друга какими-то смехотворными байками. Александр, давно вынашивавший идею слияния народов, весь светился от волнения, словно нетерпеливый и пылкий влюбленный. Как раз тогда Гефестион напомнил ему о львиных аграфах и сам заколол ими мантию. Когда Птолемей увидел их сейчас на этом ухмыляющемся недоумке, у него возникло отчаянное желание разрубить Мелеагра мечом. На бедного дурачка он не сердился, скорее жалел его. Он хорошо знал Арридея, частенько заглядывал к нему, когда Александр бывал занят, чтобы проверить, не обделен ли тот вниманием и заботой. Такие вещи по молчаливому уговору обычно делаются внутри семейного клана и не выносятся за его пределы. Филипп! Да, ситуация, похоже, безвыходная.

Он буркнул стоявшему рядом Пердикке:

— Лучше бы Александр придушил его.

Полыхающий от гнева Пердикка, не обратив внимания на эту реплику, шагнул вперед и прокричал что-то, тщетно пытаясь быть услышанным в этом шуме. Ему ничего не оставалось, как только жестами и мимикой выразить всю

свою крайнюю степень презрения к происходящему.

Неожиданно его поддержали первые ряды. Находившиеся справа знатные Соратники имели самую выгодную возможность наблюдать за происходящим у трона. Наслышанные о дурачке, они в горестном молчании и недоумении смотрели, как он довольно ощупывает свой новый наряд. И наконец их возмущение прорвалось наружу. Их сильные голоса, перекрывавшие на поле боя даже жуткие вопли налетающей вражеской конницы, заглушили все остальные крики.

Казалось, мантия Александра вдруг сыграла роль поднятого боевого штандарта. Люди водрузили на головы шлемы. Удары копий по щитам участились, словно перед началом атаки. Возле самого помоста угрожающе засвистели вытаскиваемые из ножен мечи.

В тревоге Мелеагр увидел, что могущественная македонская аристократия сплотилась против него. Теперь даже поддержавшие его командиры при виде такого единодушия вполне могли отступить, а простые солдаты, все еще продолжавшие выкрикивать имя Филиппа, являлись, по сути, сородичами этих знатных вождей. Необходимо

было срочно как-то ослабить племенную зависимость. И тут решение неожиданно пришло само собой. Мелеагра даже потрясла собственная гениальность. Как же мог Александр не заметить ее?

С мягкой настойчивостью он стал подталкивать улыбающегося Филиппа к краю помоста. Народ, решивший, что тот собирается произнести речь, мгновенно затих, по крайней мере из любопытства. А Мелеагр решил разжечь интерес.

— Македонцы! Вы избрали вашего царя! Вы намерены поддержать его? — Копьеносцы ответили вызывающими возгласами. — Тогда следуйте за ним и помогите утвердить его права. Цари Македонии всегда сами хоронили своих предшественников.

Он помедлил, добившись теперь мертвой тишины. Волна потрясения, почти осязаемая, прокатилась по переполненному потными людьми залу.

Мелеагр повысил голос.

— Вперед! Тело Александра ждет погребения. И провести все необходимые ритуалы должен его наследник. Не позволим никому лишить его законного права. Ведите Филиппа к смертному ложу в царскую опочивальню! Вперед!

Началось смятенное хаотическое движение.

Мнения разделились. Самые решительные пехотинцы прорвались вперед, но их встретили явно недружелюбно. Многие отступили назад, в гул непонятно что возглашающих голосов. Соратники начали пробираться к тронному возвышению. Добавили неразберихи и бурно протестующие полководцы. Внезапно общий шум прорезал ломающийся юношеский голос, срывающийся от отчаянной ярости:

— Ублюдки! Вы ублюдки! Вы все мерзкие, рожденные рабами ублюдки!

Из угла зала, вкупе с Соратниками, не разбирая ни чинов, ни званий, с боевыми кличами проталкивались к помосту молодые охранники государя.

Этот отряд стражников, всегда охранявших покои Александра, продолжал нести службу и после его смерти вплоть до сегодняшнего рассвета. Вот уже годы они рьяно и преданно оберегали царя. Некоторые, достигнув восемнадцатилетия, обрели право голоса, остальные просто пришли на собрание. Юнцы с неровно обрезанными (почти под корни в знак траура) светлыми волосами выскочили на возвышение, размахивая обнаженными мечами и яростно вращая глазами. На помосте их собралось где-то около полусотни.

По фанатичной решимости настрадавшихся в эти дни пареньков Пердикка мгновенно понял, что сейчас они способны убить кого угодно. Если не остановить их, они прикончат Филиппа, а тогда начнется массовая резня.

— Ко мне! — крикнул он им. — Следуйте за мной! Защитим тело Александра!

Он бросился к внутренней двери, Птолемей ни на шаг не отставал от него, остальные военачальники поспешили за ними, а отчаянные молодые стражники в итоге обогнали даже Соратников. Преследуемые враждебными выкриками оппозиции, они миновали приемный зал, личный царский кабинет и достигли опочивальни. Двери были закрыты, но не заперты. Юнцы первыми ворвались в них.

Птолемей с содроганием подумал, что покойник лежит там со вчерашнего дня! В пышущей зноем летней жаре Вавилона. Невольно, как только открылись двери, он задержал дыхание.

В опочивальне стоял слабый дух почти выгоревшего ладана, а к ароматам засушенных цветов и трав, которыми перекладывали царское белье и одежды, примешивался еще один запах, знакомый Птолемею с раннего детства. Это был *его* живой запах, а сам Александр под светлой

и чистой простыней одиноко лежал в этой просторной затемненной комнате на огромном ложе между бдительно охраняющими его демонами. Спрыснутый особыми благовониями полог отпугивал мух. На возвышении возле кровати, забывшись сном, сидел персидский мальчик, его обессиленные руки покоились на краю покрывала.

Разбуженный шумным вторжением, он ошеломленно поднялся на ослабевшие ноги, никак не откликнувшись на успокаивающее прикосновение Птолемея. Тот прошел к изголовью кровати и отвернул край простыни.

Александр, казалось, спал. Спал спокойно и беспробудно. Даже цвет его лица почти не переменился. А золотистые с серебряными прядями волосы на ощупь были еще полны жизни. Неарх и Селевк, подошедшие к Птолемею, в один голос воскликнули, что такое чудесное отсутствие признаков тления говорит о божественности Александра. Бравший вместе с будущим властителем мира уроки у Аристотеля Птолемей, молча опустив глаза, размышлял, как долго тайная искра жизни еще горела в недвижимом теле этого неукротимо-сильного человека. Он проверил пульс, но сейчас сердце уже не билось, труп

окоченел. Он вновь натянул простыню на мраморное лицо и обернулся к людям, собравшимся воспротивиться неминуемому вторжению.

Для укрепления высоких дверей отлично знавшие царскую опочивальню стражники подтащили к ним громоздкие платяные укладки. Но конечно, это была лишь временная защита. Напиравшие снаружи воины привыкли вламываться в любые ворота. Они дружно навалились на створки — точно с той же уверенностью в своих силах, с какой десять лет назад, выставив вперед свои длинные сариссы, наседали на войска Дария. И точно так же, как при Гранике, Иссе и в Гавгамеллах, пала и эта преграда. С грохотом и скрежетом разъехались и покатились по полу тяжелые, окованные бронзой сундуки.

Когда первые сторонники Мелеагра прорвались в комнату, Пердикка уже понял, что здесь ни в коем случае нельзя допустить кровопролития, и отозвал своих людей на защиту подступов к царской кровати. Переводя дух, атакующие огляделись вокруг. Ряды защитников загородили тело, и они увидели лишь распростертые крылья чужеземных золотых демонов и их недобро сверкающие глаза. Возмущение продолжало выражаться в громких выкриках, но ближе никто

не подходил.

Вскоре послышались чьи-то шаги. Вошел Филипп.

Хотя Малеагр был с ним, он пришел сюда по собственному желанию. Когда умирает человек, родственники должны увидеть его. Все политические резоны воспринимались царевичем как досадный бессмысленный шум, но он твердо знал родственные обязанности.

— Где Александр? — обратился он к живому заслону перед кроватью. — Я его брат. Мне нужно похоронить его.

Полководцы молча скрипнули зубами. Теперь напряженную тишину нарушали лишь гневные возгласы и проклятия храбрецов-малолеток. Они не испытывали никакого благоговейного трепета перед покойным, поскольку в их понимании Александр был еще жив. Они взывали к нему так, словно их повелитель просто лежал, потеряв сознание от ран, полученных на поле битвы, окруженный жаждущими его смерти трусами, которые в один миг разбежались бы, будь он при оружии и на ногах. Их боевые кличи воодушевили и часть молодых Соратников, вспомнивших о начальных годах своей службы царю в том же элитном отряде.

— Александр! Александр!

Откуда-то из теснившейся у дверей толпы с вкрадчивым тихим свистом вылетел дротик и со звоном ударился о шлем Пердикки.

Следом прилетело еще несколько метательных копий. С пробитой ногой, истекая кровью, упал на колени один из Соратников; простоволосого охранника чиркнуло по голове, и на его залитом кровью лице вдруг ярко выделились удивленные голубые глаза. Тут его юные сотоварищи осознали, что все они могут оказаться легкой добычей. При них были лишь короткие изогнутые кавалерийские сабли, положенные им по званию и входившие в парадную экипировку.

Пердикка поднял дротик и с силой швырнул его обратно. Остальные, выдернув метательные орудия из своих или чужих ран, последовали его примеру. Птолемей, резко отступив на шаг, увернулся от летящего в него копья, наткнулся на кого-то спиной и, выругавшись, обернулся. И увидел раненного в предплечье персидского мальчика. Багоас подставил под удар руку, чтобы защитить тело Александра.

— Опомнитесь наконец! — крикнул Птолемей. — Люди мы или дикие звери?

За дверьми буча еще продолжалась, но она

постепенно затихла, когда туда передалось пристыженное и смущенное бормотание первых рядов. Тогда критянин Неарх сказал:

— Пусть они посмотрят.

Сжимая оружие, защитники слегка разошлись в стороны. Неарх откинул простыню с лица Александра и молча отступил назад.

Первые ряды атакующих погрузились в молчание. Почувствовав перемену, затихла и напирающая сзади толпа. Вскоре возглавляющий нападающих командир фаланги выступил вперед и снял шлем с седой головы. Его примеру последовало двое или трое ветеранов. Командир, обернувшись к остальным, поднял руку и крикнул:

— Стойте спокойно!

Угрюмо, в гнетущей тишине противники взирали друг на друга.

По одному и по двое старшие командиры снимали шлемы и открыто выступали вперед. Защитники опустили оружие. Седой командир начал говорить.

Тут из-за спин воинов вывернулся Филипп:

— Вот он, мой брат! — Помятая и перекосившаяся мантия Александра все еще была на нем. — Его нужно похоронить.

— Помолчи! — прошипел Мелеагр.

Покорно (такие моменты были ему привычны) Филипп позволил увести себя прочь. Покрасневший седой командир уже восстановил присутствие духа.

— Собратья, — сказал он, — понятно, что на нашей стороне численное превосходство. Мы действовали в спешке, и я полагаю, мы все сожалеем об этом. Я предлагаю обсудить все спокойно.

Пердикка сказал:

— При одном условии. Тело царя должно остаться неприкосновенным, и все здесь должны поклясться в этом богами подземного мира. Я клянусь, что, когда будет сделана подобающая погребальная лодка, его со всеми почестями доставят на древнее царское кладбище в Македонию. Если вы не принесете эти ритуальные клятвы, то мы будем стоять здесь и сражаться до последней капли крови.

Все выразили согласие. Пристыженные воины испытывали раскаяние. Слова Пердикки о древнем царском кладбище мгновенно вернули их с облаков на землю. Что бы стали они делать с этим телом, забрав его? Захоронили в саду? Их воинственный запал выдохся после первого же взгляда на отстраненное гордое лицо

Александра. Чудом было и то, что от него не исходил запах тлена; всем показалось, что он еще жив. Суеверная дрожь пробежала по спинам большинства людей; ведь это означало, что Александр наверняка станет могущественным духом в царстве теней.

На террасе принесли в жертву козла, воины, касаясь его окровавленной туши, призывали на свои головы проклятия Гадеса, если они нарушат данную клятву. В силу многочисленности македонцев ритуал затянулся и завершился уже в сумерках, при свете факелов.

Погруженный в раздумья Пердикка следил за обрядом. Мелеагр принес клятву первым. Он уже понял, что утратил поддержку большинства из недавних сторонников. Вокруг него теперь оставалось только около тридцати человек. Ядро сплоченных приверженцев, да и то лишь потому, что, сразу открыто выступив за него, теперь они опасались расправы. Их следовало удержать при себе. По крайней мере, хоть их. Хотя почему по крайней? В закатном сумраке, уже властно приглушавшем голоса взбудораженного тревогой города, Мелеагр строил новые планы. Если бы ему удалось отделить этих гордых телохранителей от всей остальной знати…

ведь тех всего лишь восемь, а восемь человек против тридцати…

Последние воины дали клятву. Мелеагр с благоразумно сдержанным видом приблизился к Пердикке.

— Я действовал сгоряча. Смерть царя всех нас привела в смущение. Завтра мы сможем встретиться и обсудить все спокойно.

— Надеюсь, так и будет, — сказал Пердикка, глянув на него из-под нахмуренных темных бровей.

— Всем нам было бы стыдно, — продолжил Мелеагр, — если бы ближайшим друзьям Александра запретили дежурить возле него. Я прошу вас, — он обвел рукой телохранителей, — приступить к скорбному бдению.

— Благодарю, — вполне искренне ответил Неарх.

Он так и так собирался остаться. Пердикка промолчал, его воинская интуиция смутно насторожилась. А Птолемей сказал:

— Мелеагр принес клятву с достойным почтением относиться к телу Александра. Не хочет ли он потребовать того же от нас?

Пердикка попытался заглянуть Мелеагру в глаза, но тот, опустив их, быстро отошел в сторону. Проводив его взглядами, полными глубочайше-

го презрения, телохранители присоединились к Соратникам, разбившим палатки в дворцовом парке.

Тут же в лагерь египтян побежали посыльные сообщить, что бальзамировщики поутру могут приступить к работе.

— Конон, ну где же ты пропадал целый день? — спросил Филипп, когда верный слуга совлек с него жаркие одеяния. — Почему тебя не прислали ко мне, как я попросил?

Конон, пожилой ветеран, служивший ему уже десять лет, сказал:

— Я был на собрании, государь. Не волнуйся, все будет хорошо, сейчас ты примешь теплую ванну с ароматными маслами.

— А знаешь, Конон, я теперь буду царем. Тебе сообщили, что я теперь стал царем?

— Да, государь. Да продлят боги твои дни, государь.

— Конон, а ты не покинешь меня теперь, когда я царь?

— Нет, государь, старый Конон по-прежнему будет заботиться о тебе. А теперь позволь мне взять твою прекрасную новую мантию, чтобы почистить ее и убрать в надежное место. Она слишком хороша для каждодневной носки… Ну что ты, го-

сударь, не расстраивайся, тут совершенно нечего плакать.

В царской опочивальне с наступлением вечерней прохлады тело Александра отвердело как камень. Перевязав полотенцем раненую руку, Багоас подтащил к кровати ночной столик из малахита и слоновой кости и водрузил на него ночной светильник. На полу еще виднелись грязные следы дневной смуты. Урон нанесли и столу у стены с изваяниями Гефестиона; в суматохе их опрокинули, и они лежали в беспорядке, словно павшие в сражении воины. В слабом свете ночника Багоас посмотрел на них долгим взглядом и отвернулся. Но через пару минут он подошел к столу и аккуратно расставил фигурки по привычным местам. Затем, притащив скамеечку, чтобы не сидеть на помосте, располагавшем забыться предательским сном, он устроился на ней и спокойно сложил руки; его темные глаза зорко следили за ночными тенями.

Персидский гарем в Сузах избежал ассирийского влияния. Изящные пропорции его строений гармонично сочетались друг с другом; вытесанные греческими мастерами колонны с канелюрами увенчивались капителями в виде

бутонов лотоса; солнечный свет, проникая через затейливые гипсовые решетки, поблескивал на глазурованных плитках стен.

Окруженная с двух сторон внучками царица Сисигамбис, мать Дария, восседала на своем троне с высокой спинкой. И в восемьдесят лет узкий орлиный нос и кожа цвета слоновой кости выдавали ее принадлежность к древней эламской знати, к чистокровному персидскому роду, не смешанному с выходцами из Мидии. Годы теперь тянули ее к земле, но в молодости она была высокой и статной. Ее фиолетовое платье дополнял шарф того же цвета, а на груди сверкало ожерелье из отборных кровавых рубинов, то самое, что Александр получил в дар от царя Пора, а потом подарил ей.

Статира, старшая внучка Сисигамбис, читала вслух письмо, медленно, сразу переводя его с греческого на персидский. По распоряжению Александра обе девушки выучились не только говорить по-гречески, но и читать. Из привязанности к нему Сисигамбис одобрила и эту прихоть, хотя, по ее мнению, грамотность была рабским занятием, более подходящим для дворцовых евнухов. Тем не менее не запрещать же мальчику вводить традиции своего народа в семью.

Что уж поделать, если таково его воспитание, ведь намеренно он никого не хочет обидеть. Ему следовало бы родиться в Персии. Статира читала, слегка запинаясь, не от невежества, но от волнения.

Александр, царь Македонии и владыка Азии, приветствует свою почтенную жену Статиру.

Мечтая вновь увидеть твое лицо, я желаю, чтобы ты без промедления отправилась в Вавилон, дабы ребенок твой родился здесь. Если ты выносишь мальчика, то я намерен объявить его моим наследником. Прошу, не откладывай путешествия. Я болел лихорадкой, а в городе уже распустили ложные слухи о моей смерти. Не обращай на них внимания. Моим слугам приказано принять тебя с почетом, достойным матери будущего великого царя. Пусть сестра твоя, Дрипетис, ставшая также и моей сестрой, скрасит тебе время в пути. Да сопутствует вам удача и благополучие.

Взглянув на бабку, Статира опустила письмо. Будучи дочерью рослых родителей, она также отличалась высоким ростом, футов шесть без туфель. Ей во многом передалась и знаменитая красота матери. Она была царственна во всем, кроме гордости.

— Что же нам делать? — спросила она.

Сисигамбис раздраженно глянула на нее из-под седых бровей.

— Во-первых, дочитать царское письмо.

— Бабушка, я все прочла.

— Не может быть, — сердито бросила Сисигамбис. — Посмотри-ка внимательнее, дитя. Что он просит передать мне?

— Бабушка, больше в письме нет ни слова.

— Должно быть, ты ошибаешься. Женщинам не следует разбирать писанину. Я говорила ему об этом, но у него своя блажь. Тебе бы лучше позвать секретаря, чтобы он прочел все как следует.

— Но правда, к посланию не прибавлено больше ни слова. «Да сопутствует вам удача и благополучие». Видишь, дальше ничего нет.

Напряженное властное лицо Сисигамбис слегка смягчилось; с возрастом ее настроения стали проявляться более явно.

— А посланец все еще здесь? Пошлите за ним, надо выяснить, нет ли у него второго письма. Вестовые так выматываются в дороге, что теряют остатки разума.

Гонца срочно привели, вытащив из-за обеденного стола. Он поклялся головой, что ему вручили

только один царский свиток, и в доказательство вывернул свою сумку.

После его ухода Сисигамбис сказала:

— Посылая письма в Сузы, он всегда передавал весточку для меня. Покажите-ка мне печать.

Но в последнее время ее зрение так ослабло, что оттиск не обрел четкости даже на расстоянии вытянутой руки.

— Здесь его портрет, госпожа бабушка. Подобное изображение вырезано на том кольце с изумрудом, что он подарил мне в день свадьбы, только здесь он в венке, а на моем кольце — в короне.

Сисигамбис кивнула и задумчиво помолчала. Все посланные царем письма хранились у главного управляющего, но сейчас она не хотела показывать, насколько ее глаза утратили былую зоркость.

Вскоре она нарушила молчание:

— Он пишет о своей болезни. Вероятно, у него накопилось множество неотложных дел. И сейчас он чрезмерно обременен ими, что свойственно его неуемной натуре. В прошлый его приезд я заметила, что он страдает одышкой. Ступай, девочка, позови ко мне своих служанок, и ты тоже, Дрипетис. Я должна сказать им, что вам

понадобится в дороге.

Ее младшая внучка, семнадцатилетняя Дрипетис, уже успевшая стать вдовой после смерти Гефестиона, послушно направилась к двери, но вдруг стремительно возвратилась и бросилась на колени.

— Бабуля, пожалуйста, поедем в Вавилон с нами.

Сисигамбис положила свою желтоватую, как старая слоновая кость, и тонкую руку на юную девичью голову.

— Царь просит вас не мешкать в дороге. А я для спешки слишком стара. И кроме того, он не пригласил меня.

Когда служанки получили указания, в спальнях внучек начались суматошные сборы, а она все продолжала сидеть в своем парадном кресле с высокой прямой спинкой, не замечая струившихся по щекам слез, поблескивающих на рубинах, принадлежавших некогда царю Пору.

В Вавилоне, в царской опочивальне, уже насыщенной новыми запахами ладана и селитры, потомственные египетские бальзамировщики приступили к мумифицированию тела умершего фараона. Огорченные долгой задержкой, которая явно могла повредить делу, и без того

требующему немалого мастерства, они спешно прибыли сюда на рассвете и в благоговейном изумлении осмотрели царский труп. Когда рабы доставили все приспособления, сосуды, жидкости и благовония, необходимые для столь тонкой и кропотливой работы, единственный наблюдатель, бледнолицый персидский юноша, погасил светильник и молча исчез, словно призрачная тень.

Хотя священная Долина царей осталась за далекими горами и морями, бальзамировщики не забыли перед вскрытием тела для удаления внутренностей воздеть руки в ритуальной молитве, прося у богов даровать им, простым смертным, право прикоснуться к божественной плоти.

Узкие улочки древнего Вавилона полнились противоречивыми слухами. В храмах все ночи горели светильники, дни тянулись своей чередой. Сторонники Пердикки и Мелеагра пребывали в состоянии вооруженного перемирия; пехота расположилась вокруг дворца, а конница — в царском парке, рядом с конным двором, где еще Навуходоносор держал свои колесницы для охоты на львов.

Учитывая четырехкратное численное пре-

восходство пехоты, военачальники обсудили возможность перемещения конницы на пригородные поля: там от лошадей больше проку.

— Нет, — сказал Пердикка. — Это сродни признанию поражения. Дадим людям время присмотреться к полоумному царьку. Они сами опомнятся. Армия Александра еще никогда не бывала разделена.

На площади для парадов и в дворцовых садах пехотинцы пытались устроиться со всеми доступными удобствами. Упорно цепляясь за свой статус победителей, они лелеяли ненависть ко всему чужеземному. Нельзя допустить, чтобы варвары правили нашими сыновьями, говорили они, посиживая вокруг костров, где персидские женщины, ставшие по желанию Александра их законными женами, готовили в котелках вечернюю трапезу. Воины давно истратили приданое, выданное им Александром, и ни один человек из сотни не собирался везти на родину персиянку, считая себя свободным от всех обязательств.

Со смущенным негодованием они размышляли о молодых Соратниках, которые ни в выпивках, ни на охоте не брезговали обществом сыновей знатных персов с их нелепыми кучерявыми бородками, шикарно инкрустированным оружием

и пестро украшенными лошадьми. Конники-то, конечно, от такого общения только выигрывали; они могли позволить себе перенять кое-какие персидские традиции, не ударив притом лицом в грязь. Но пехотинцы, сыновья македонских землепашцев, скотоводов, охотников, каменотесов и плотников, владели только тем, что удавалось завоевать в военных походах, и помимо скромного трофейного куша их главной, истинной наградой за все тяготы и опасности военных кампаний оставалось сознание того, что, кем бы там ни были их предки, сами они являются победоносными воинами Александра Македонского, владыки мира. Пестуя свое неуемное самолюбие, они нахваливали Филиппа, его скромную сдержанность, сходство с великим отцом и чистокровное македонское происхождение.

Их командиры, по долгу службы присутствовавшие на царских приемах, возвращались обратно на редкость неразговорчивыми. Жизнь в колоссальной империи Александра шла своим чередом. Послы, сборщики налогов, судостроители, командиры хозяйственных отрядов, архитекторы, враждующие сатрапы, жаждущие справедливого суда, по-прежнему толпились в приемных дворца. В сущности, с начала болезни Александра

число неразрешенных дел, как и ожидающих аудиенции людей, неуклонно росло. Но интересы просителей теперь не ограничиваливались одними лишь деловыми вопросами; всем хотелось воочию убедиться, достоин новый властитель доверия или нет.

Перед каждой аудиенцией Мелеагр тщательно школил Филиппа и в конце концов приучил царя проходить прямо к трону, не отвлекаясь на разговоры со знакомцами, случайно попавшимися ему на глаза, и не повышать голос, чтобы все видели государя, но не слышали его слов, пока Мелеагр подбирал подходящий ответ. Филипп также перестал поминутно требовать, чтобы ему принесли лимонад или сладости, и уже не спрашивал у своего почетного караула разрешения выйти из зала, если вдруг возникала такая нужда. Не удалось, правда, полностью справиться с его привычкой почесываться, ковырять в носу или беспокойно ерзать на месте, но если прием продолжалася недолго, то наследник производил впечатление спокойного и разумного человека.

Мелеагр присвоил себе титул хилиарха, так называемого главного советника, или великого визиря, учрежденного Александром для Гефестиона и унаследованного после Пердиккой.

Неизменно находясь справа от государя, самозваный хилиарх знал, что очень впечатляюще смотрится в своем новом великолепном облачении, но он понимал также, отлично понимал, что думают воины о правителе, который нуждается в постоянных подсказках, и почему они никогда не смотрят ему в глаза. Командиры всегда свободно общались с Александром, поломать эту традицию было никак нельзя, а ведь существовала еще и царская стража. И Мелеагр просто нутром чувствовал, что, слыша шепелявый голосок и видя блуждающий взгляд Филиппа, все эти люди еще острее переживают потерю того энергичного, внимательного и чуткого, обладавшего неколебимым авторитетом монарха, который лежал теперь, навек успокоившись, в запертой опочивальне, погруженный в ванну с бальзамирующим соляным раствором, призванным пронести через столетия его плоть.

Помимо всего этого, нельзя было одурачить или лишить аудиенций персидских военачальников, назначенных на свои посты Александром. Мысли о единодушном восстании местного населения против мятежной, расколовшейся надвое армии македонцев превращали в кошмары его бессонные ночи.

Подобно большинству людей, долго снедаемых злобной завистью, Мелеагр обвинял во всех своих бедах того, кому он завидовал, совершенно не задумываясь о том, что именно собственная низость, а вовсе не враг загоняет его в бедственное положение, и, поскольку всем коварным интриганам на свете свойственно разрешать свои проблемы одним только способом, он тоже решил прибегнуть к нему.

Филипп по-прежнему жил в удобных и в любом случае прохладных комнатах, выбранных для него самим Александром на самый жаркий вавилонский сезон. Когда Мелеагр попытался предложить дурачку переселиться в более подобающие государю покои, он отказался с такими воплями, что на его крик сбежалась дворцовая стража, решив, что кого-то хотят убить. В этих-то комнатах Мелеагр, сопровождаемый своим родичем, неким Дурисом, имевшим при себе набор письменных принадлежностей, и обнаружил царя.

Тот увлеченно играл со своими камушками. Их во время следования за армией брата по обширным просторам Азии у него накопился уже целый сундук. Найденная им самим галька мешалась там с янтарем, разнообразными кварцами,

агатами, старыми печатями и разноцветными стеклянными украшениями из Египта, которые Александр, Птолемей или Гефестион при случае привозили ему. Он выложил из всего этого длинную извилистую дорожку и сейчас, стоя на коленях, старательно подправлял ее.

Завидев входящего Мелеагра, он с виноватым видом вскочил на ноги, зажав в кулаке один из камней и заведя руку за спину. Вдруг у него вздумают отобрать его любимую скифскую бирюзу?

— Государь! — раздраженно сказал Мелеагр.

Филипп, расслышав в его голосе строгий упрек, подбежал к самому большому креслу и старательно затолкал бирюзу под подушку.

— Государь, — повторил Мелеагр, наблюдая за ним, — я пришел сообщить тебе, что ты находишься в большой опасности. Нет-нет, бояться нечего, я сумею тебя защитить. Но все-таки предатель Пердикка, пытавшийся украсть тело Александра и отнять у тебя трон, задумал лишить тебя жизни, чтобы самому стать царем.

Вскочив с кресла, Филипп что-то невнятно забормотал, но Мелеагр уже умел разбирать его лепет.

— Говорил же мне Александр… говорил… Пусть

Пердикка будет царем, если хочет. Я не возражаю. Александр говорил, что мне нельзя быть царем.

С некоторой тревогой Мелеагр высвободился из крепкой хватки Филиппа, опасаясь, что глупый силач может сломать ему руку.

— Государь, если он станет царем, то первым делом прикажет убить тебя. Ты будешь в безопасности, только приказав убить его. Посмотри, вот приказ о его смерти. — Вместе с пером Дурис положил на стол загодя заготовленный документ и поставил склянку с чернилами. — Тебе нужно просто начертать вот здесь имя ФИЛИПП, как я учил тебя. Я помогу, если хочешь.

— И тогда ты убьешь его, прежде чем он убьет меня?

— Да, и все наши трудности кончатся. Подпиши здесь.

Клякса, с которой государь начал, не испортила документа; в итоге он нарисовал вполне сносную подпись.

Пердикка занимал одно из раскиданных по дворцовому парку строений, возведенных персидскими царями для своих приближенных и после подаренных Александром своим друзьям. Вокруг стояли лагерем царские охранники. Эти юноши видели в Пердикке избранного

Александром регента, и хотя они и не выразили открытой готовности ему подчиняться, а он весьма разумно от них этого и не требовал, но все его поручения выполнялись, а дом охранялся денно и нощно по заведенному распорядку дежурств.

Он беседовал с Птолемеем, когда один из охранников вошел в комнату.

— Господин, тебя хочет видеть какой-то старик.

— …их тридцать по меньшей мере, — небрежно закончил свое сообщение Птолемей, а Пердикка, с досадой отвлекшись, спросил:

— Чего ему надо?

— Он говорит, господин, что служит у Арридея. — Новое имя Филипп не прижилось ни у стражи, ни у Соратников, занявших другой берег реки. — Он говорит, что у него срочное дело.

— Уж не Конон ли это? — догадался Птолемей и быстро добавил: — Пердикка, я знаю этого человека. Тебе стоит увидеться с ним.

— Я и сам знаю, — довольно резко ответил Пердикка. По его мнению, Птолемей вел себя слишком уж вольно. Как ни прискорбно, подобный стиль поведения у Александра протеста не вызывал. — Приведи его, только проверь сна-

чала, нет ли при нем оружия.

Старый Конон, основательно смущенный, по-солдатски отсалютовал полководцам и замер по стойке смирно, дожидаясь дозволения заговорить.

— Господин… с твоего разрешения. Они заставили моего бедного хозяина подписать какой-то документ против тебя. Я прибирал в спальне вещи, и они не думали, что я все вижу. Господин, не вини его. Эти обманщики воспользовались его наивностью. По собственной воле он никогда не подумал бы причинить тебе вред.

— Я верю тебе, — задумчиво сказал Пердикка. — Но похоже, что вред все же нанесен.

— Господин, если он попадет в твои руки, не убивай его, господин. Он очень смирный. С ним никогда не было никаких хлопот, пока правил царь Александр.

— Уверяю тебя, что у меня нет таких планов. — Этот старик может оказаться полезным… и как соглядатай, и вообще. — Когда войска перестанут бунтовать, я прикажу, чтобы о твоем подопечном хорошо позаботились. Ты хочешь остаться при нем?

— О, господин, да, господин. Я служу ему чуть ли не с детства. Не представляю, как он смо-

жет обойтись без меня.

— Отлично. Все будет в порядке. Передай, если он сможет понять, что ему нечего меня бояться.

— Я передам, повелитель, и да хранят тебя боги.

Конон скоренько отсалютовал и поспешил удалиться.

— Как легко порой улаживаются дела, — сказал Птолемею Пердикка. — Неужели старый осел и впрямь думал, что у нас поднялась бы рука на беднягу? Он ведь брат Александра. Однако каков Мелеагр…

Позднее, когда Пердикка, покончив с дневними заботами, принялся за вечернюю трапезу, снаружи донеслись возбужденные крики. Из окна он увидел около сотни пехотинцев. А у входа стояли всего шестнадцать стражей.

Он был слишком опытным воином, чтобы в смутные времена ужинать неодетым. Почти мгновенно (сказалась двадцатилетняя практика!) Пердикка сорвал со стойки доспехи и влез в них.

Вбежал запыхавшийся стражник, приветствуя его одной рукой и потрясая зажатым в другой документом.

— Командир! Это подстрекательство к бунту.

Они говорят, что доставили царский приказ.

— Царский? Вот как? — невозмутимо сказал Пердикка.

Послание было коротким; он прочел его вслух.

Филипп, сын Филиппа, царь Македонии и владыка Азии, повелевает бывшему хилиарху Пердикке явиться к нему для ответа на обвинение в предательстве. При оказании сопротивления конвою приказано доставить изменника силой.

— Командир, мы их задержим. Ты не хочешь отправить гонца за подмогой?

Нет, недаром Пердикка служил непосредственно под командованием Александра. Он положил руку на плечо паренька, изобразив на своем суровом лице ободряющую улыбку.

— Ты славный воин. Но не надо гонцов. Продолжайте охранять вход. Я просто поговорю с этими приспешниками Мелеагра.

В отданном стражем салюте пусть слабовато, но все же блеснула прежняя, еще не утерянная молодцеватость. «Будем надеяться, — подумал Пердикка, — что и я смогу показать нынешнему „хилиарху“, почему именно меня, а не его приняли в ближний круг того, кого теперь с нами нет».

За прошедшие двенадцать лет он усвоил главный принцип поведения Александра: все нужно

делать красиво, с изяществом. Правда, в отличие от Александра ему этот стиль давался с великим трудом, но овчинка стоила выделки. По собственному почину и без чьей-либо помощи он устроит сейчас им незабываемую головомойку.

Сняв шлем, Пердикка решительно вышел на балкон с приказом в руке и после внушительной паузы, величественно оглядев всех, заговорил.

Обладая цепкой памятью полководца, он узнал командира отряда, назвал его по имени и даже припомнил недавний поход, в котором отряд этот находился у него под началом. Александр тогда сам похвалил их маневр. О чем же теперь они думают, зачем так позорятся, ведь — боги великие! — разве им не доводилось сражаться бок о бок, плечо к плечу? Разве у них теперь достало бы мужества прямо взглянуть в лицо Александру? Ведь еще до того, как он стал царем, этого зачатого после пьяной оргии идиота пытались использовать в заговоре против него. Любой другой попросту убрал бы с дороги такого вот претендента на трон, но Александр в величии своего сердца взял его на попечение и заботился о нем, как о безвинном ребенке. Если бы Филипп пожелал, чтобы какой-то недоумок носил его

имя, он бы и завещал ему свое царство. Какой это «царь Филипп»?! Скорее, «царь Дурень»! Кто мог бы подумать, что лучшие воины мира сделаются подпевалами того самого Мелеагра, которому Александр не решился даже дать под руку полк, отлично зная пределы его командирских возможностей? Кому пришло бы в голову, что они заявятся сюда требовать жизнь человека, которого Александр лично возвысил до самых высоких командных постов? Не лучше ли им возвратиться к своим сотоварищам и вместе припомнить, кем они были совсем недавно, а также подумать, во что их втянул Мелеагр? Пусть каждый спросит себя, нравится ли ему его нынешнее положение. А теперь все свободны.

После тревожного и смущенного молчания командир отряда угрюмо приказал:

— Кругом! Вперед, шагом марш!

Между тем к дежурным стражникам успели уже присоединиться все остальные юнцы. После ухода пехотинцев они громко приветствовали Пердикку. На сей раз без всяких усилий он дружелюбно улыбнулся им всем. И на мгновение ощутил себя Александром.

«Нет уж, куда мне! — подумал он, входя обратно в комнату. — Его люди обожали. До безумия.

Мечтали коснуться хоть края его одежды. Дрались, стремясь протиснуться ближе к трибуне. Те олухи на берегах Гидаспа, когда он простил им мятеж, готовы были целовать ему руки… Что ж, он обладал тайной магией, мне не доступной. Но с другой стороны, никто ею больше не обладает».

Лишь порывы южного ветра облегчали порой труд бурлаков, медленно тянувших против течения по извилистому руслу Евфрата царскую барку. Под легким навесом на льняных подушках, набитых шерстью и пухом, лежали, обмахиваясь веерами, две царевны; после тряской жары и духоты крытых фургонов они нежились там, как кошки, наслаждаясь плавным ходом судна и веявшей с реки прохладой. Девушку, им прислуживавшую, на ветерке быстро сморил сон. За полосой бечевника по берегу тряслись фургоны и повозки с вещами, свита вооруженных евнухов на лошадях, погонщики с мулами и дворцовая челядь. Когда караван проезжал мимо деревень, все селяне бросали дела и бежали к реке.

— Если бы только, — вздохнула Статира, — он не просил нас поторопиться. Мы могли бы проделать почти весь путь по воде, сначала

спуститься к заливу, а потом подняться вверх по Евфрату до самого Вавилона.

Из-за беременности у нее болела спина, и она поудобнее устроилась на подушках.

Дрипетис, теребя свое синее вдовье покрывало, оглянулась через плечо и, убедившись, что служанка уснула, сказала:

— Может, он даст мне другого мужа?

— Я не знаю. — Статира задумчиво разглядывала другой берег реки. — Но не спрашивай его пока. Ему это не понравится. Он считает, что ты еще принадлежишь Гефестиону. Он даже навсегда закрепил имя Гефестиона за тем полком, которым тот командовал. — Унылое молчание за спиной побудило ее добавить: — Если у меня родится мальчик, то я сама попрошу его.

Она откинулась на подушки и прикрыла глаза.

Через веки просачивались изменчивые розово-красные узоры, образованные солнечным светом, расщепленным высокими зарослями папируса. Они напомнили ей озаренные солнцем завесы свадебного шатра в Сузах. Ее лицо вспыхнуло, как и всегда, когда она вспоминала об этой свадьбе.

Конечно, ее заранее представили суженому. Бабушка велела ей оставаться в позе глубочай-

шего почтения, пока он не займет свое высокое кресло, и только после направиться к своей низкой скамеечке. Но неловких моментов все равно избежать не удалось, ибо за персидской свадебной церемонией последовала македонская. Брат покойной матери, стройный, рослый мужчина, привел Статиру в шатер. Царь, как и положено жениху, поднялся со своего трона, чтобы приветствовать поцелуем невесту и подвести ее к трону поменьше. Перед поцелуем она слегка согнула колени, как научила ее та же бабушка, но потом ей волей-неволей пришлось выпрямиться, и с этим ничего нельзя было поделать. Она оказалась на полголовы выше его и едва не умерла от стыда.

Когда зазвучали фанфары и глашатай объявил их супругами, настал черед Дрипетис. Тогда вперед выступил друг царя Гефестион, самый красивый мужчина, которого она видела в жизни. Статный и высокий, с блестящими золотистыми волосами (его вообще можно было принять за знатного перса), он отлично подошел сестре по росту. Тут все друзья царя, остальные женихи, как-то разом вздохнули, и она поняла, что, когда царь вышел встретить ее, они затаили дыхание. В заключение царственная пара повела всю

процессию в свадебные покои. От смущения ей хотелось провалиться сквозь землю.

Когда они оказались в розовом шатре на золотом ложе, он назвал ее дщерью богов. Ее тогдашних познаний в греческом уже хватило, чтобы это понять, а еще она поняла, что намерения у него самые добрые. Но поскольку ничто не могло развеять ее ужасного смущения, она предпочла бы, чтобы он не произносил ничего. Вид у него был очень величественный, а Статира совсем растерялась, и, хотя роста недоставало ему, а не ей, именно она ощущала себя ущербной (нескладной дылдой). На свадебном ложе она думала лишь о том, что раз ее отец сбежал от него на поле битвы, а бабушка с тех пор перестала упоминать его имя, то теперь только ее отвага может восстановить честь их рода. Александр был ласков и очень старался ничем ее не обидеть, но все происходящее казалось ей таким странным и таким ошеломляющим, что она напрочь зажалась и не смогла выдавить из себя ни словца. Неудивительно, что тогда она не забеременела и что он, хотя часто навещал ее с подарками, пока жил в Сузах, никогда больше с ней не ложился.

Вдобавок ко всем ее несчастьям она узнала, что где-то во дворце еще живет бактрийская его

жена, которую он возил за собой даже в Индию. Не ведая пока ничего о чувственных наслаждениях, Статира не испытывала никакой сексуальной ревности, но жесточайшие пытки едва ли доставили бы ей больше страданий, чем мысли о Роксане как о его путеводной звезде, избранной и любимой подруге. Она представляла их нежные объятия на супружеском ложе, задушевные или веселые, полные общих воспоминаний беседы… возможно, они даже смеялись над ней. А вот к Багоасу она отнеслась совершенно равнодушно. При отцовском дворе она вообще ничего не слышала об этом персидском мальчике. Ее воспитание отличалось изысканной строгостью.

Пребывание царя в Сузах подошло к концу, во всех углах зашептались о его великих, но малопонятных политических замыслах. Потом с наступлением лета Александр отправился в Экбатану. Он заглянул в гарем проститься (возможно, лишь с бабушкой), ничего не сказав, когда и откуда пришлет за Статирой. Царь уехал, забрав только свою бактрийку, а Статира проплакала всю ночь от стыда и обиды.

Но минувшей весной, когда он заехал в Сузы после войны с горцами, все было по-другому. Никаких церемоний, никаких пиршеств.

Он закрылся с бабушкой, и ей даже показалось, что она слышала его плач. Вечером все собрались за ужином. Александр сказал тогда, что они теперь стали семьей. Исхудавший и загорелый, он выглядел очень усталым, но наговорил много странных вещей. Таких, каких она никогда не слышала от него прежде.

Первый взгляд на Дрипетис и на ее вдовье покрывало превратил его лицо в маску горестной скорби, но он быстро овладел собой и очаровал всех интересными рассказами об Индии, о ее чудесах и обычаях. Потом он поделился своими планами. Сказал, что намерен исследовать побережье Аравии. Ему хотелось проложить путь вдоль Северной Африки и расширить свою империю в западном направлении. А еще он добавил: «Так много надо сделать, и так мало времени. Моя мать права: мне уже давно следовало позаботиться о наследнике».

Он посмотрел на нее, и Статира поняла, что именно она, а не бактрийка будет отныне его любимой женой. И она отдалась ему с искренней благодарностью, оказавшейся не менее действенной, чем подлинная любовная страсть.

Вскоре после этого он уехал, а она поняла, что они зачали ребенка, и бабушка отправила

ему о том весть. Хорошо, что Александр пригласил ее в Вавилон. Если он все еще болен, она сама его выходит. Она не станет устраивать сцены ревности. Царям положено иметь младших жен или наложниц, да и бабушка предупредила, что гаремные ссоры чреваты немалыми неприятностями.

Солдаты, посланные арестовать Пердикку, вняли его увещеваниям. Они поразмыслили о том, что произошло с ними, и им это не понравилось. Отправившись к друзьям, они рассказали им об отменной храбрости советника Александра, о собственном замешательстве и, уже просвещенные тем же Пердиккой, поведали также, что Мелеагр намеревается заграбастать всю власть. Озабоченные и встревоженные македонские пехотинцы уже жалели о собственной глупости. Пока Мелеагр переваривал свою неудачу, они вдруг, словно разбушевавшееся море, хлынули к его покоям. Дежурившие у дверей стражники, оставив свои посты, присоединились к ним.

Покрывшись холодным потом, Мелеагр почувствовал приближение смерти, точно загнанный кабан в кольце устремленных на него копий. В отчаянии он бросился к царским покоям.

В уютном кружке света, исходящего от недавно затепленной лампы, Филипп сидел за вечерней трапезой, вкушая свое любимое блюдо: щедро сдобренную специями оленину с тыквенными оладьями. Рядом стоял кувшин лимонада: ему опасались давать вино. На внезапное вторжение Мелеагра он отреагировал раздосадованным взглядом, поскольку сидел с полным ртом. Помогавший ему за столом Конон сердито глянул на вошедшего. Услышав шум, он заранее достал свой старый меч.

— Государь, — задыхаясь, выпалил Мелеагр, — предатель Пердикка раскаялся, и солдаты просят пощадить его. Пожалуйста, выйди и скажи им, что ты простил его.

Филипп проглотил пищу и возмущенно сказал:

— Я же ужинаю и не могу сейчас никуда выйти!

Конон выступил вперед. Глядя прямо в глаза Мелеагру, он сказал:

— Не злоупотребляй его добротой.

Его рука на всякий случай сжала отлично отполированную рукоятку меча.

Не теряя головы, Мелеагр сказал:

— Любезный, самое безопасное место для царя

в Вавилоне — это его трон. Ты же все понимаешь. Вспомни, что происходило на собрании. Государь, необходимо срочно выйти к ним. — Тут его осенило, как лучше убедить Филиппа. — Твой брат именно так и поступил бы.

Филипп отложил нож и вытер рот салфеткой.

— Это правда, Конон? Александр пошел бы туда?

Конон опустил руки.

— Да, государь. Да, он вышел бы к ним.

Уже направившись к двери, Филипп с сожалением оглянулся на кусок недоеденной оленины и с удивлением заметил, что Конон вытирает глаза.

Очередное временное перемирие далеко не успокоило солдат. Аудиенции в тронном зале проходили все так же скверно. Сожаления послов о безвременной кончине царя Александра стали менее церемонными и более выразительными. Мелеагр полностью осознал шаткость своего положения, дисциплина в войсках падала день ото дня.

Между тем военачальники устроили совещание. И однажды утром вдруг выяснилось, что конницы нет. В опустевшем парке остались лишь кучи навоза. Выбравшись в предместья,

конные отряды, распределившись, окружили город. Вавилон оказался в осаде.

Окрестные земли в основном были заболоченными. Не требовалось большой армии, чтобы перекрыть насыпные дороги и клинья полей. У всех ворот в панике кричали люди и вопили дети, бурчали верблюды, блеяли козы, кудахтала и гоготала домашняя птица. Боявшиеся войны селяне стекались к полуразрушенным городским стенам, а опасавшиеся голода горожане бежали из Вавилона.

Мелеагр смог бы справиться с чужеземным противником. Но он слишком хорошо понимал, что его сторонники изменят ему, просто перекинувшись парой фраз со своими бывшими товарищами по оружию. Их уже не волновала угроза воцарения варварских отпрысков, они тосковали по дому и славному порядку былых триумфальных времен, тосковали и о тех полководцах, которые связывали их с Александром. Меньше месяца назад все они еще были частицами хорошо слаженного организма, вдохновляемого общим пламенным духом. Теперь каждый человек чувствовал себя одиноким в некоем чуждом ему мире, за что он мог поплатиться в любой момент.

Осознавая, что положение стало крайне опасным, Мелеагр пошел посоветоваться с Эвменом.

Во время всей этой неразберихи, вызванной смертью Александра, главный секретарь усопшего спокойно работал. Человек скромного происхождения, обласканный и воспитанный Филиппом и оцененный по достоинству его великим преемником, он не участвовал в нынешнем противоборстве. Не примкнув к рядам Соратников, Эвмен их и не осуждал. Долг обязывал его, как он сам говорил себе, вершить государственные дела. Он помогал гостям и посольствам, продолжал вести свои исторические записи и составлял письма от имени Филиппа, но не титуловал недоумка царем (это дописывал Мелеагр). Если бы его начали склонять встать на чью-либо сторону, он, сославшись на свое греческое происхождение, отказался бы лезть в македонские распри.

Мелеагр нашел Эвмена в канцелярии, где подручный писец под его диктовку заполнял текстом восковую табличку.

На следующий день он вновь искупался и принес щедрые жертвы, а после ритуала у него начался неспадающий жар. Однако даже в таком состоянии он послал за командирами и приказал им

проследить за подготовкой к походу. Вечером он вновь искупался, после чего его болезнь резко обострилась…

— Эвмен, — не выдержав, сказал Мелеагр, уже давно торчавший в дверях, — оставь на время в покое мертвецов. Ты нужен живым.

— Живым нужна правда, не извращенная слухами.

Эвмен сделал знак писцу, тот отложил табличку и вышел.

Мелеагр описал в общих чертах свое затруднительное положение, решив в процессе рассказа, что секретарю уже давно все понятно и что тот с нетерпением ждет конца монолога. Заключение было неверным.

Эвмен сказал равнодушно:

— На мой взгляд, раз уж ты спрашиваешь, еще не поздно попробовать договориться. Все остальное уже неприемлемо.

Мелеагр и сам теперь думал так, но ему хотелось заручиться поддержкой авторитетного человека, на которого можно было бы свалить всю вину, если бы положение вдруг ухудшилось.

— Я готов принять твой совет. Конечно, если мои сторонники тоже примут его.

Эвмен сухо заметил:

— Возможно, царь сможет убедить их.

Мелеагр предпочел пропустить двусмысленность мимо ушей.

— Только один человек сможет сделать это, и этот человек — ты. Твоя репутация неоспорима, а мудрость и знания всем известны. Не согласишься ли ты обратиться к войскам?

Эвмен уже давно разобрался в своем отношении к происходящему. Сам он продолжал хранить верность семье Филиппа и Александра, ведь именно они вознесли его из безвестности к самым вершинам власти. Если бы Филипп-Арридей оказался подходящим правителем, то он с удовольствием поддержал бы его, но ему было отлично известно, как царь Филипп поглядывал на своего неудачного отпрыска, и поэтому оставалось уповать лишь на то, что вскоре у Александра родится нормальный наследник. И тем не менее Арридей был сыном Филиппа, а потому Эвмену хотелось его по возможности защитить. Грек слыл хладнокровным человеком, лишь немногие догадывались о его внутренних переживаниях; к тому же, будучи по натуре покладистым, он просто сказал:

— Соглашусь.

Пехотинцы с одобрением встретили его появ-

ление. Разменяв шестой десяток, этот кардиец остался худощавым и бодрым, но приобрел солдатскую выправку, и он сказал им только самое необходимое, и не больше. Он не пытался подражать Александру, умевшему мастерски держать слушателей в руках и подводить их к необходимым суждениям. Коньком Эвмена являлось благоразумное здравомыслие, и он предпочел не отклоняться от своей линии ни на шаг. Выступление грека покорило смущенные умы ненавязчивой логикой, и собрание с облегчением приняло его предложения. В лагерь Пердикки направили делегатов для проведения переговоров. Когда те выехали на рассвете из ворот Иштар, толпы вавилонян проводили их встревоженными взглядами.

Делегаты вернулись около полудня. Пердикка готов был снять осаду и примириться с пехотинцами, как только Мелеагр и его сообщники отдадут себя в руки правосудия.

К тому моменту если в затосковавших в Вавилоне войсках еще и сохранились остатки сплоченности, то они зиждились на смятенном чувстве собственного достоинства и главным образом зависели от популярности каждого из заинтересованных в них командиров. Воз-

вращающиеся послы громогласно сообщали новости любому, кто останавливал их на улицах и интересовался итогами переговоров. Пока Мелеагр дочитывал послание Пердикки, воины уже стекались в тронный зал, решив устроить общий сбор.

Эвмен, сидя в своем рабочем кабинете, слышал шумные споры и скорбные стоны мраморных плит пола, израненного гвоздями подошв солдатских сапог. На лестнице в коридоре имелось выходящее в тронный зал окошко. Через него грек увидел, что на сей раз солдаты явились не с символическим парадным оружием; нет, несмотря на жару, они все облачились в доспехи и даже водрузили на головы шлемы. В рядах пехотинцев явно начались разногласия; на одной стороне зала собрались люди, готовые принять условия Пердикки, на другой — встревоженные и злые — толпились уже известные всем приверженцы Мелеагра. Остальные нерешительно мялись в центре, надеясь, что кто-то решит все за них. Вот так, подумал Эвмен, и начинаются гражданские войны. Не мешкая, он направился к царским покоям.

Уже находившийся там Мелеагр, нависая над Филиппом, пытался втолковать ему, что́ нуж-

но говорить на собрании. Но Филипп не воспринимал ни слова и лишь нервно ерзал на стуле, отчаяннно отстраняясь от исходящего путом советчика.

— Что? — резко спросил Эвмен. — Что ты советуешь ему сказать им?

Светло-голубые, обычно слегка вытаращенные глаза Мелеагра уже успели налиться кровью.

— Что мы не согласны, конечно.

Ледяным тоном, на который даже разгневанный Александр обращал внимание, Эвмен процедил:

— Если он так скажет, то ты и ахнуть не успеешь, как они перебьют друг друга. Ты заглядывал в зал? Сходи посмотри.

Большая тяжелая рука опустилась на плечо Эвмена. Он пораженно обернулся. Ему не приходило в голову, что Филипп так силен.

— Я не хочу говорить его слова. Я не могу ничего запомнить. Скажи ему, что я все забыл.

— Не волнуйся, — спокойно сказал Эвмен. — Мы придумаем что-нибудь получше.

* * *

Звук царских фанфар быстро утихомирил страсти в зале. Филипп шел впереди, за ним следовал

Эвмен.

— Македонцы! — Филипп помедлил, мысленно вспоминая слова, каким научил его этот добрый спокойный человек. — Вам нет нужды ссориться друг с другом. Победителями все равно станут миротворцы.

Ему очень хотелось оглянуться, чтобы получить похвалу, но мягкий голос подсказчика посоветовал ему так не делать.

По залу прошел одобрительный шелест. Царь провозгласил именно то, что устраивало всех.

— Нельзя осуждать свободных граждан… — тихо напомнил Эвмен.

— Нельзя осуждать свободных граждан, если только вы не хотите развязать гражданскую войну. — Филипп вновь замолчал, Эвмен, прикрыв рот рукой, напомнил ему следующие слова. — Давайте еще раз попытаемся примириться. Пошлем к ним другое посольство.

Он облегченно вздохнул. Эвмен прошептал:

— Не оборачивайся.

Серьезных возражений не возникло. Все обрадовались лишнему шансу передохнуть и принялись вырабатывать новые условия примирения, делая это по обыкновению горячо. Голоса спорщиков становились все громче, вдруг напомнив

Филиппу о том ужасном дне, когда он убежал из этого зала, а его заставили вернуться назад, посулив мантию, а потом… Александр лежал мертвый, словно мраморное изваяние. Александр всегда говорил ему…

Он взялся за голову, за ту золотую корону, которую его всегда заставляли теперь надевать перед выходом к людям. Филипп снял ее и, держа на весу, шагнул вперед. Мелеагр и Эвмен одновременно испуганно ахнули. Решительно подняв корону над пораженными воинами, Филипп спросил:

— Вы ссоритесь из-за того, что я стал царем? Успокойтесь. Я согласен отказаться от царства. Вот смотрите, вы можете отдать мою корону кому-то другому. Кому захотите…

Это был любопытный момент. Сначала все пребывали в напряженном ожидании, потом испытали легкое облегчение, узнав об очередной передышке. А теперь вот им предлагают опять выбирать царя.

Всегда склонных к сентиментальности (черта, которой Александр пользовался с неизменным успехом и мастерски) македонцев объединил сейчас всплеск добрых чувств. Какой же он славный и милый, какой законопослушный

властитель! Живя в тени своего брата, он обрел чрезмерную скромность. Никто и не думал смеяться, пока царь выискивал взглядом того, кто захочет забрать у него корону. И тут со всех сторон полетели приветственные возгласы:

— Да здравствует Филипп, наш царь Филипп!

С радостным удивлением Филипп вновь водрузил корону на голову. Он сделал все правильно, и приятный человек за спиной будет им доволен. Он все еще сиял от радости, когда его провожали в покои.

Палатка Пердикки раскинулась под сенью высоких пальм. Едва он обосновался в ней, как почувствовал себя дома. Все было на месте: походная кровать, складной стул и комплект доспехов, громоздкий сундук с трофеями (вместо нескольких таких сундуков, но те времена уже в прошлом) и трехногий раскладной столик.

Когда прибыли новые послы, их встретили вместе с Пердиккой его брат Алкета и кузен Леоннат. Леоннат, долговязый сухопарый мужчина с золотисто-каштановой гривой, напоминавшей окружающим о его родстве с царской династией, упорно подстригал волосы, копируя «львиный» стиль Александра, и даже, как поговаривали любители позлословить, завивал их в такие же

кудри с помощью специальных щипцов. Его личные честолюбивые замыслы, хотя и высокие, оставались пока в зачаточном состоянии; сейчас он поддерживал Пердикку.

Послов отправили прогуляться, чтобы спокойно обсудить вновь поступившие предложения. Полюбовный мир предлагалось заключить от имени царя Филиппа на условиях признания его права на трон и введения его представителя Мелеагра наравне с Пердиккой в состав высшего командования.

Леоннат дернул головой, откинув назад волосы; жест, редко используемый Александром, хотя и считавшийся модным во времена его отрочества.

— Какая наглость! Как раз к этой паре у нас гораздо больше претензий, чем ко всем остальным!

Пердикка оторвал взгляд от послания.

— К этому документу, — уверенно сказал он, — приложил руку Эвмен.

— Несомненно, — сказал удивленный Алкета. — Кто же еще мог составить его?

— Мы согласимся. Большего нам и не надо.

— Как? — вытаращив глаза, воскликнул Леоннат. — Не можешь же ты дать разбойнику звание

генерала!

— Я сказал тебе, что вижу тут руку Эвмена, — бросил Пердикка, поглаживая отросшую на подбородке темную щетину. — Он понял, какой приманкой можно выманить зверя из логова. Да, сейчас мы со всем согласимся. А там поглядим.

Царская барка приближалась к излучине Тигра, где ей надлежало причалить к берегу, поскольку оставшуюся часть пути сестрам предстояло путешествовать по суше вместе с обозом.

Сгущались сумерки. Шатер раскинули на лугу, подальше от речной сырости и мошкары. Царевны сошли на берег, когда в лагере зажглись первые факелы; от костра, где с шипением готовился к ужину барашек, доносился запах горящего жира.

Главный придворный евнух, помогая Статире сойти по трапу, мягко сказал:

— Госпожа, селяне, пришедшие продать фрукты, говорят, что великий царь умер.

— Александр предупреждал меня об этом, — спокойно ответила она. — Он сообщил, что такие слухи уже разошлись по окрестностям. Так сказано в его письме, но он посоветовал нам не обращать на них внимания.

Приподняв подол платья над росистой прибрежной травой, она величественно направилась к освещенной поляне.

* * *

Вавилоняне с облегчением наблюдали, как пехотинцы под жизнеутверждающие звуки труб и двойных флейт вышли из ворот Иштар для окончательного заключения мира с Соратниками.

Мелеагр ехал вместе с царем во главе войска. В наброшенном на плечи алом плаще, подаренном ему некогда Александром, Филипп выглядел подобающе радостным; он восседал на хорошо вымуштрованной крепкой лошади, поводья которой, как обычно, держал сопровождавший своего хозяина Конон. Царь бурчал себе под нос ту же мелодию, что наигрывали флейтисты. Воздух еще дышал бодрящей утренней свежестью. Теперь все будет хорошо, все вновь станут друзьями. Закончатся все злоключения, и тогда можно будет спокойно оставаться тут главным и дальше.

Соратники поджидали их на лоснящихся лошадях, уже застоявшихся и начинавших проявлять норов; их уздечки поблескивали золотыми бляшками и серебрянными нащечниками (эту моду

завел Александр, обрядив так однажды своего Букефала). В незамысловатом фракийском шлеме, облаченный в искусно выделанные боевые доспехи и штампованный кожаный панцирь, Пердикка с довольной усмешкой поглядывал на марширующих пехотинцев и на возглавляющего их хлыща, вырядившегося как на свадьбу. Мелеагр гордо приближался к нему в обшитом золотой бахромой плаще и парадных доспехах, украшенных большой золотой львиной мордой. Ура! Зверя выманили из логова.

Филиппа приветствовали как царя. Хорошо подготовленный, он ответил подобающим образом и вытянул вперед руку. С неколебимой приветливостью Пердикка выдержал тяжелое пожатие его могучей длани. Но тут и раздувавшийся от собственной важности Мелеагр, отвратительно ухмыляясь, не преминул также сунуться к нему с ритуальным рукопожатием. Гораздо более неохотно Пердикка ответил на жест. Пожал руку выскочке. Закрепил мировую. И сказал себе, что Александр когда-то тоже преломил хлеб с вероломным Филотом, дожидаясь своего часа. Если бы Александр не пошел на эту уступку, мало кто из его доблестных воинов, включая, вероятно, и самого Пердикку, остался бы в живых.

«Это было необходимо», — говаривал в таких случаях великий завоеватель.

Отсутствующего Кратера, учитывая его высокий титул и принадлежность к царскому роду, решили назначить опекуном Филиппа. За Антипатром оставили регентство в Македонии. Пердикку назначили хилиархом по всем азиатским завоеваниям, а если у Роксаны родится мальчик, то его семейным опекуном должен был стать Леоннат. Они все состояли в родстве с Александром, на что Мелеагр претендовать не мог, но поскольку он собирался войти в состав высшего командования, то прочие ранги и звания его не очень-то волновали. Он уже начал развивать перед полководцами свои взгляды на руководство империей.

Когда с первоочередными делами было покончено, Пердикка внес последнее предложение. После гражданской войны или смуты по древней македонской традиции обычно приносили очистительные жертвоприношения богине Гекате, помогавшей улаживать разногласия. Он предложил провести обряд очищения в поле, где надлежало собраться всем вавилонским войскам, как конным, так и пешим.

Мелеагр охотно согласился. Надо будет по-

явиться там во всем величии, подобающем его новому положению. Он наденет шлем с двойным гребнем, какой был у Александра при Гавгамелах. Такой шлем заметен издалека и приносит удачу.

Незадолго до намеченного обряда Пердикка пригласил полководцев к себе на частный ужин. Он уже вновь поселился в дворцовом парке, в своем прежнем особняке. Прибывшие (кто пешком, кто верхом) командиры расположились в сгущающихся сумерках под сенью живописных деревьев, свезенных со всего света для украшения этого райского уголка. Повод обычный — встреча старых друзей.

Когда слуги, принеся вина, удалились, Пердикка сказал:

— Я уже выбрал людей и дал им соответствующие указания. По-моему, Филипп… полагаю, нам придется привыкать называть Арридея именно так…. сможет выучить свою роль.

Пока Кратер еще не вступил в должность опекуна, Пердикка выполнял его обязанности. Продолжая жить в своих старых покоях в привычной ему обстановке, Филипп едва ли заметил какие-то изменения, за исключением желанного отсутствия Мелеагра. Ему давали новые наставления, но как раз этого он и хотел.

— Он с симпатией относится к Эвмену, — заметил Птолемей. — Видимо, Эвмен не пугает его.

— Хорошо. Он поможет нам натаскать Филиппа. Будем надеяться, что шумное и грандиозное зрелище не смутит его… Там ведь будут слоны.

— Еще какие, — усмехнулся Леоннат. — А он уже видел слонов?

— Конечно видел, — раздраженно сказал Птолемей. — Он же вместе с ними возвращался из Индии под присмотром Кратера.

— Да, верно.

Пердикка задумчиво помолчал. Все напряженно ждали, что он скажет дальше. Наконец Селевк, в чьем ведении находился слоновий корпус, не выдержал:

— Не томи.

— Индийский царь Омфис, — медленно продолжил Пердикка, — отлично ими пользовался в особых случаях.

Все сотрапезники, возлежавшие на кушетках, шумно и разом вздохнули. А Неарх с отвращением бросил:

— Омфис-то, возможно, и пользовался. А вот Александр — никогда.

— Александр никогда не сталкивался с подобными неприятностями! — запальчиво заявил

Леоннат.

— Да уж, — подхватил Птолемей. — Подобного с ним и быть не могло.

Пердикка вмешался с властной бесцеремонностью.

— Ерунда! Александр отлично понимал могущество страха.

Люди проснулись с первыми петухами, чтобы уже на рассвете прибыть на выбранное заранее поле и совершить обряд очищения до одуряющей полуденной жары.

Плодородные нивы, с которых собирали по три урожая пшеницы в год, были недавно сжаты. Всплывшее над гладью равнины светило раскинуло косые лучи по убегавшему вдаль жнивью, придав ему сходство с блестящим золотистым ковром. Здесь и там краснели ограничительные вымпелы, отмечая территорию общевойскового сбора.

Равнодушно возвышавшиеся над всем этим мощные и приземистые стены Вавилона с их выщербленными и потрескавшимися кирпичами, скрепленными древними ассирийцами темным битумом, свидетельствовали о неумолимом ходе веков и об усталости старого города, истомленного бесконечными завоеваниями. Ка-

залось, эти некогда очень прочные стены видели столько всего, что уже потеряли способность чему-либо удивляться. Их зубцы в основном разрушились и почти сгладились, от почерневших от дыма камней внешней кладки все еще несло гарью, а потоки расплавленной смолы протянули к земле свои застывшие черные языки. Проходящий понизу ров был завален всяческим мусором, на полуобугленных деревянных балках с частично сохранившимися резными изображениями львов, кораблей, крыльев и прочего смутно поблескивала позолота. Это были остатки двухсотфутового погребального костра, на котором Александр незадолго до собственной смерти предал огню тело Гефестиона.

Там, возле этого рва, еще затемно начали собираться толпы зрителей. Они не забыли роскошного вступления Александра в Вавилон. Бесплатное представление, ведь город тогда сдался мирно, и победитель запретил воинам грабить его. Горожанам запомнились усыпанные цветами улицы и разносимые ветром ароматы ладана и благовоний. Их весьма впечатлили вереницы экзотических приношений, лошади в золотых украшениях, львы, леопарды в позолоченых клетках, персидская и македонская

кавалерия и сам государь, ехавший впереди на сверкающей колеснице, — стройный, блестящий, подобный юному богу. Тогда ему было, наверное, лет двадцать пять. Вавилоняне надеялись, что по возвращении из Индии он устроит что-нибудь более грандиозное, но он устроил лишь грандиозный погребальный костер.

И вот теперь они надеялись увидеть торжественный парад македонских войск и обряд умиротворения македонских богов покаянным жертвоприношением. Казалось, сюда высыпал весь обитающий в городе люд: сами горожане, солдатские жены, дети, кузнецы, кожевники, поставщики провизии, возчики, шлюхи, корабелы и моряки с гребных судов. Все они обожали зрелища, но их радужные ожидания вскоре сменились глубокой тревогой. Одна жизнь закончилась, зарождалась другая жизнь, и им совсем не понравились знамения, сопутствовавшие ее зарождению.

Бульшая часть войск переправилась через реку накануне вечером. И по мосту Царицы Нитокрис, и на бесчисленном множестве просмоленных тростниковых лодок. Проспав остаток ночи под открытым небом, они принялись начищать амуницию для грядущего ритуала. Часовые

на стенах видели, как расцвела вдруг огнями факелов ночная тьма и с нарастающим рокотом заволновалось в ней людское море. С другой стороны донеслось ржание лошадей Соратников.

По бревнам моста Нитокрис гулко застучали копыта. Выехавшие из города вожди начали подготовку к священному обряду, призванному прогнать из людских сердец зло.

История этого обряда уходила в глубокую древность. Освященную жрецами жертву нужно было предать смерти, выпотрошить и, разделив на четыре части вместе с внутренностями, растащить в разные стороны. Завершал очищение парадный марш войска под благодарственные пеаны.

В жертву, как повелось, приносили собаку. На царских псарнях выбрали самого породистого и крупного волкодава; чисто белый, он шел за поводырем к алтарю, весело помахивая хвостом. Его покорность перед закланием считалась добрым предзнаменованием. Боги, похоже, отнеслись к жертвоприношению благосклонно, но, когда псарь передал поводок жрецу, пес зарычал и набросился на него. Животное оказалось невероятно сильным даже для своих немалых размеров. Понадобилось четверо крепких мужчин, чтобы совладать с ним и всадить нож ему

в глотку; в результате всей этой кровопролитной истории они получили больше ранений, чем волкодав. Ситуация еще больше осложнилась тем, что во время заклания царь сам начал орать как резаный и его еле-еле удалось успокоить.

Отгоняя дурные предчувствия, четыре всадника, выбранные для обрядового осквернения поля, резво поскакали к четырем его углам со своими кровавыми четвертинами. Вознося оберегающие молитвы к троеликой Гекате и подземным богам, они раскидали кровавые куски белой жертвы по помеченным вымпелами зонам. Теперь злые духи были изгнаны, и заколдованное поле ожидало марша армии Александра.

Конница и пехота замерли наготове. Блестели начищенные доспехи всадников; красные или белые хвосты из конского волоса увенчивали гребни их шлемов, утренний ветерок играл вымпелами на концах пик. Низкорослые греческие кобылки приветливым ржанием встречали высоких жеребцов кавалерии персов. Бульшая часть персидских пехотинцев предпочли дезертировать и уже устало тащились по пыльным дорогам к далеким деревням. Зато македонцы явились в полном составе. Они стояли плотными рядами, устремив в небо заточенные, поблески-

вающие на солнце наконечники копий.

На большой, тщательно выкошенной площади обозначился своеобразный квадрат. Его основной стороной служила стена Вавилона; слева выстроились пешие воины, справа — конники. А между ними, образуя четвертую сторону, располагались слоны.

Вместе с ними из Индии прибыли и погонщики, они понимали гигантов, как матери понимают своих детей, и весь вчерашний день трудились над своими питомцами в большом, крытом соломой слоновнике, построенном в пальмовой роще. Для начала они искупали слонов в канале, любовно похлопывая их по животам и монотонно напевая что-то вполголоса, потом принялись раскрашивать большие серые головы, покрывая их затейливыми орнаментами из желто-красно-зеленых священных символов. Морщинистые бока исполинов задрапировали красочными тканями, окаймленными кисточками и золотой бахромой, в прорезях для огромных ушей закрепили розетки с драгоценными инкрустациями и, наконец, расчесали им хвосты и почистили столпообразные ноги.

Уже давно не было повода так принарядить слонов. Когда-то погонщики вместе со своими

подопечными получили отменное воспитание в царском слоновнике Таксилы. Нежно разговаривая с великанами, вспоминая добрые старые времена и далекие берега Инда, они соответственно случаю в давней традиционной манере покрыли их конечности хной. И сейчас в розовом утреннем свете эти люди гордо восседали на слоновьих шеях; они и сами принарядились в ритуальные шелковые платья и чалмы с павлиньими перьями, выкрасив бороды в синий, зеленый или красный цвет; в руках у каждого поблескивали оправленные в золото и усыпанные самоцветами палочки из слоновой кости, которые царь Омфис в величии своей щедрости присовокупил к каждому гиганту, подаренному им царю Искандеру. И погонщики, и их питомцы служили двум великим царям; мир должен видеть, что они понимают толк в царственной красоте.

Полководцы, проводившие возлияния на кровавый жертвенник, вновь направились к своим войскам. Птолемей и Неарх ехали бок о бок с рядами Соратников, и Неарх, стирая брызги крови со своей левой руки, заметил:

— Подземные боги, видимо, не склонны очистить нас.

— Неужели тебя это удивляет? — сказал Птолемей. Его лицо досадливо искривилось. — Ничего, с помощью богов я скоро буду далеко отсюда.

— И я, с божьей помощью… Видит ли нас, поэтически выражаясь, покойный Александр?

— Если верить Гомеру, видят только непогребенные… Он не уйдет, как простой смертный, — сказал Птолемей и, скорее для себя, добавил: — Со своей стороны, я сделаю что смогу в этом плане.

Настало время новому царю занять свое освященное вековыми традициями место. Справа от Соратников. Его лошадь держали наготове. Да и его самого хорошо подготовили. Лично отрепетировавший с Филиппом весь ход ритуала Пердикка теперь скрипел зубами, стараясь не потерять самообладание.

— Государь, армия ждет тебя. На тебя же все смотрят. Нельзя, чтобы воины видели тебя плачущим. Ты их повелитель! Государь, успокойся. Это была всего лишь собака.

— Это был Эос! — Лицо Филиппа пылало, слезы ручьями бежали по бороде. — Мы с ним дружили! Мы играли с ним, перетягивали канат. Александр говорил, что он достаточно сильный. Он мог постоять за себя. И он знал меня!

— Да-да, я понимаю, — сказал Пердикка. Птолемей прав. Александру следовало придушить братца. Большинство зрителей ожидали, что царь примет участие в параде, но ситуация по всем приметам складывалась тревожная. — Однако, государь, его выбрали боги. Теперь уже все позади. Успокойся.

Подчиняясь человеку гораздо более властному и внушительному, чем Мелеагр, Филипп вытер глаза и нос уголком своего красного плаща и позволил слуге подсадить себя на спину лошади, покрытую богато расшитым чепраком. Кобыла, испытанный ветеран парадов, спокойно повторяла все, что делали остальные животные. Филипп с удивлением заметил, что никто не ведет ее в поводу.

Войска ждали завершения обряда; послышался сигнал трубача к началу исполнения благодарственного пеана.

Пердикка вместе с царем повернулись к выстроившимся за ними командирам подразделений.

— Вперед! — прозвучала команда. — Тихим шагом!

Но вместо трубачей неожиданно заиграли флейтисты. Они грянули что-то походное, и кон-

ница тронулась с места. Ровные и блестящие шеренги плавно и четко двигались вперед, точно так же как двигались они в течение всех этих фантастических лет на триумфальных парадах в Мемфисе, Тире, Таксиле, Персеполе и даже здесь, на этом вот поле. Впереди ехал Пердикка, и опытная кобыла осторожно несла с ним рядом царя.

Ряды пехотинцев, застигнутых врасплох таким маневром, встревоженно зароптали. Проявилась разболтанность, вызванная длительным ослаблением дисциплины. Копья уже торчали вкривь и вкось, вразнобой. Это были легкие парадные копья, а не длинные основательные сариссы, и копьеносцы вдруг почувствовали себя безоружными. Надвигающаяся конница выглядела не по-парадному грозно. Очень внушительно. Неужели в сценарии представления произошла какая-то путаница? Такие вещи, прежде немыслимые, теперь стали обычными. Под командованием Мелеагра боевой дух армии пошел на убыль, устойчивые наработки расшатались, местами практически сойдя на нет.

Пердикка отдал какой-то приказ. Левый фланг и центральная часть конницы остановились; правый царский фланг продолжил движение.

Пердикка наклонился к Филиппу:

— Когда мы остановимся, государь, надо будет кое-что сказать. Ты помнишь что?

— Да! — пылко ответил Филипп. — Я должен сказать…

— Тише, государь, не сейчас. Начнешь после того, как я скомандую: «Стой!»

Стройными рядами нарядные царские конники двигались вперед, и, когда расстояние между ними и пехотинцами сократилось до пятидесяти футов, Пердикка приказал им остановиться.

Филипп поднял руку. Он уже успел привыкнуть к новой послушной лошади. Надежно сидя на покрытом узорами чепраке, громким и неожиданно звучным голосом, удивившим даже его самого, он крикнул:

— Выдать зачинщиков!

Наступила ошеломленная тишина. Пехотинцы оцепенели. Это сказал их собственный, избранный ими царь Македонии. Первые ряды сначала скептически усмехнулись, увидев, что его подетски напряженное лицо выражает лишь отчаянное желание хорошо выполнить выученное задание, а потом поняли наконец, кого же они избрали.

По солдатским рядам вдруг пронеслись гром-

кие, призывающие к сопротивлению возгласы. Они исходили от главных приспешников Мелеагра. Их голоса резко выделялись из общего смутного гомона как своей звонкостью, так и малочисленностью.

Постепенно (поначалу, казалось, почти случайно) вокруг них стало образовываться пустое пространство. До солдат, поддерживавших смутьянов, стало, видимо, доходить, что им самим ничто особо не угрожает. И кто же на самом деле повинен во всем, что произошло? Кто, в сущности, навязал им этого пустоголового царя, готового плясать под дудку любого наставника? Они вмиг забыли о простом копьеносце, который первым выкрикнул имя сына Филиппа; они помнили только Мелеагра, завернувшего этого идиота в царскую мантию и пытавшегося осквернить тело Александра. Почему кто-то еще должен расплачиваться за то, что натворил Мелеагр?

Пердикка сделал знак глашатаю, и тот подъехал к нему со свитком в руке. Хорошо поставленным зычным голосом глашатай зачитал имена тридцати главных приспешников Мелеагра, но имя самого Мелеагра не прозвучало.

Достигнув вожделенного звания полковод-

ца, он стоял во главе правофланговой фаланги, чувствуя себя выброшенной на берег рыбой, которую, учитывая стремительно начавшийся отлив, уже не может спасти никакая случайно набежавшая с моря волна. Его противники, конечно, только и ждали, что он рванется вперед, бросая вызов вероломству Пердикки, но Мелеагр не стал лезть на рожон. Он застыл, точно отлитая в бронзе статуя, обливаясь холодным потом под раскаленным диском вавилонского солнца.

Шестьдесят конников из полка Пердикки выдвинулись вперед и спешились. Они выстроились в шеренгу по двое, одна половина держала в руках оковы, другая — мотки веревок.

Близился решающий момент. Возмущенно протестуя, тридцать зачинщиков вертелись как угри на сковородке. Одни воинственно размахивали копьями, другие призывали к восстанию. Над общим смущенным гомоном вновь прозвучал сигнал трубы. Тихо, словно советуясь с царем, Пердикка напомнил ему следующие слова речи.

— Предайте их в руки правосудия! — послушно крикнул Филипп. — Или нам придется отбить их силой!

Он начал непроизвольно натягивать поводья.

— Рано! — прошипел Пердикка, к его облег-

чению.

У Филиппа не было никакого желания подъезжать ближе к грозно ощетинившейся копьями пехоте. Обычно, пока был жив Александр, наконечники всех копий смотрели строго вверх.

Тридцать виновников уже заметно выделялись в солдатских рядах, и воины с оковами легко обнаружили их. Одни покорно сдались, другие пытались оказать сопротивление, но для их ареста выбрали самых крепких атлетов. Вскоре на ногах всех окруженных конниками бунтарей появились оковы. Пребывая в полной растерянности, эти люди уже не представляли, что с ними сделают дальше, а на лицах их стражей появилось какое-то странное выражение: они старательно отводили глаза.

— Связать их! — приказал Пердикка.

Руки зачинщиков привязали к бокам. Конница отступила на исходные позиции, и центр поля вновь опустел. Часть избранных для ареста конников погнала связанных и скованных людей вперед. Спотыкаясь и падая, они извивались в своих оковах, беспомощные и лишенные всяческой поддержки на ритуальном поле, избранном для чествования Гекаты.

С дальнего его края донеслись пронзительные

звуки индийской дудки и барабанная дробь.

Яркие солнечные лучи заиграли на золотой отделке заостренных палочек из слоновой кости, дары царя Омфиса были пущены в ход. Погонщики слегка покалывали их кончиками шеи своих послушных воспитанников, выкрикивая давно усвоенные ими команды.

Пятьдесят тяжеловесных гигантов разом поднялись на дыбы. От их боевого трубного рева войска пришли в ужас. Медленно, под постепенно и неуклонно нарастающий барабанный бой, столпообразные конечности опустились, и разукрашенные чудовища, сотрясая землю, двинулись вперед.

Отлично обученные погонщики в своих блестящих шелках, отбросив степенное молчание, перешли к активным действиям. Воинственно крича, они барабанили пятками по спинам и шеям своих подопечных, били руками, унизанными браслетами, колотили стрекалами. Сейчас они напоминали озорников, вырвавшихся на свободу из школы. И слоны побежали, обмахиваясь здоровенными ушами и пронзительно трубя от возбуждения.

По рядам застывших от ужаса зрителей прокатилась волна протяжного стона. Услышав его,

лежавшие на земле пленники с трудом поднялись на колени и оглянулись. Сначала они завороженно взирали на блестящие спицы стрекал, потом один из них опомнился и, заметив приближение окрашенных хной ног, полностью осознал степень надвигающейся опасности. Его безумный вопль привел в чувство и остальных. Окутанные облаком густой серой пыли пленники попытались откатиться в сторону. Но откатиться им удалось от силы на пару ярдов.

Со свистом втягивая в себя воздух, воины Александра смотрели, как лопаются, подобно сдавленным виноградинам, человеческие тела, как разрывается кожа и алый сок окрашивает расплющенную, истолченную плоть. Действия боевых слонов выглядели весьма осмысленно; почуяв исходящий от земли запах крови, они воинственно трубили, захватывали хоботами перекатывающиеся тела и, придав им нужное положение, пускали в ход ноги.

Сидевший на лошади рядом с Пердиккой Филипп начал издавать возбужденные, но одобрительные возгласы. Это зрелище отличалось от сцены убийства Эоса. А потом, он обожал слонов: Александр как-то разрешил брату покататься на одном из покладистых великанов,

и тот не причинил ему никакого вреда. Царь во все глаза таращился на великолепные попоны и слышал лишь гордые трубные кличи. Едва ли он даже замечал кровавое месиво под столпообразными слоновьими ногами. Во всяком случае, Пердикка сообщил ему, что все преступники были очень плохими людьми.

Погонщики, увидев что задание хорошо выполнено, успокоили и похвалили своих питомцев, которые охотно отступили назад. Им приходилось делать подобные вещи в военных сражениях, оставлявших некоторым из них на память долго не заживающие ранения, а сегодняшнее задание оказалось безопасным, простым. Следуя за вожаком, старшим и мудрым слоном, животные выстроились в колонну; они, гордо выставляя напоказ свои красные до колен ноги, триумфально прошествовали мимо Пердикки и царя, салютуя им закрученными, вскинутыми вверх и прижатыми к головам хоботами. Впереди их ждали тенистые слоновники, вкусное поощрение в виде фиников с дынями и прохладное приятное купание, которое смоет с них запах войны.

Когда после ухода слонов люди вздохнули свободнее и мертвая тишина в рядах воинов

сменилась легким гулом, Пердикка дал знак трубачам приготовиться. Его лошадь сделала пару шагов вперед, в то время как царская осталась на месте.

— Македонцы! — сказал он. — Со смертью этих предателей наша армия действительно очистилась и вновь готова защищать наше великое государство. Если и есть еще в ваших рядах люди, заслуживающие участи этих мятежников, то сегодня они счастливо избежали ее и теперь, осознав благосклонность судьбы, должны укрепиться в своей преданности. Трубачи! Начинайте благодарственный пеан.

Волнующая мелодия полилась над ритуальным полем, конница подхватила ее. После томительного промедления к верховым присоединилась пехота. Древняя и суровая песнь подействовала успокаивающе, как колыбельная. Она вернула воинов в те славные дни, когда все они были доблестным и сплоченным единством.

Очищение завершилось. Мелеагр остался на поле в одиночестве. Его сообщники были мертвы, а их подпевалы даже и близко не подходили к нему, словно он был зачумленный.

Придерживавший его лошадь слуга, очевидно, не смел выразить свое презрение, но косой взгляд

столь ничтожного существа действовал сильнее любой насмешки. Позади Мелеагра на опустевшем поле появились два крытых фургона, и возчики вилами принялись забрасывать в них искалеченные трупы. Среди казненных были два его кузена с племянником; ему самому придется заняться их похоронами, поскольку другой родни у них нет. Как и у него. Мысль о необходимости рыться в груде растоптанной человеческой плоти, отыскивая тела своих родичей, вызвала у Мелеагра очередной приступ рвоты. Он спешился и, расставшись с содержимым желудка, почувствовал себя совершенно опустошенным. Вновь запрыгнув на лошадь и направив ее к городу, Мелеагр заметил, что за ним следуют два конника. Когда он остановился, чтобы поправить чепрак, они тоже натянули поводья, но потом продолжили путь.

Он участвовал во многих сражениях. Страх искупался возможностью крушить тех, кто его ему внушал, а честолюбивые устремления и заразительный боевой дух Александра поддерживали Мелеагра, пробуждали в нем смелость. Никогда прежде не представлял он себе такого конца. Его заметавшийся, точно загнанная лисица, ум судорожно выискивал спасительную лазейку.

Перед ним высились толстые, выщербленные и зловещие стены Вавилона, политые смолисто-черным варом и кровью выстроивших их рабов, а за ними маячил зиккурат Бел-Мардука.

Он проехал под сводчатой аркой ворот. Конники следовали за ним. Когда он появился на узких городских улочках, женщины попрятались в дверных проемах, давая ему дорогу; из грязных глубоких дворов, темневших между глухими стенами домов, на него угрожающе поглядывали оборванцы разбойного вида. Преследователи куда-то исчезли. Внезапно он выехал на широкую улицу и увидел прямо перед собой храм Мардука. Священное место, почитавшееся не только варварами, но и греками. Все знали, что там Александр приносил жертвы Зевсу и Гераклу. Священное убежище!

Он привязал свою лошадь к фиговому дереву на заросшем сорняками дворе. Протоптанная в зелени тропа привела его к полуразрушенному входу в святилище. Из сумрачной глубины доносились традиционные запахи ладана, жареного мяса и прогоревших углей, но все же преобладали там незнакомые чужеземные ароматы. Остановившись на залитой солнечным светом площадке, Мелеагр вдруг почувствовал на себе

чей-то пристальный взгляд. На него смотрел Александр.

Его сердце замерло. В следующее мгновение он понял природу эффекта, но все равно не мог тронуться с места. На него взирала, словно живая, раскрашенная мраморная статуя — некий священный дар городу, находившийся здесь восемь лет со времени первого победоносного вступления македонских войск в Вавилон. Изваяние стояло прямо на земле, постамент для него все еще не сложили. Мраморный Александр в короткой закрепленной на плече мантии, спокойно державший в руке позолоченное бронзовое копье, казалось, терпеливо ждал возведения нового храма, на строительство которого давно выделил средства. Его глубоко посаженные глаза с дымчато-серыми глазурованными радужками вокруг зрачков вопросительно смотрели на Мелеагра, точно спрашивая: «Зачем ты явился?»

Мелеагр окинул вызывающим взглядом это умное, требовательное лицо и гладкое молодое тело. Ты стал тощим и жилистым и весь покрылся шрамами. Теперь твой лоб прорезают морщины, твои глаза ввалились и потускнели, а волосы поседели. А здесь стоит всего лишь каменный истукан! Плод воображения скульптора… Одна-

ко всколыхнувшиеся воспоминания каким-то удивительным образом вызвали у него полное ощущение реального присутствия царя. Ему уже чудился его гнев… Стряхнув с себя наваждение, Мелеагр решительно вошел в храм.

Поначалу, после залитого солнцем двора, сумрак храма почти лишил его возможности что-либо видеть. Вскоре, однако, проникающие сверху стрелы дымного света слегка рассеяли мрак, и он различил темнеющую в глубине святилища колоссальную статую Бела, великого царя богов. Бел восседал на троне, положив на колени сжатые в кулаки руки. Его высокий головной убор почти касался потолка, по бокам от него стояли крылатые львы с бородатыми мужскими лицами. И божественный жезл в человеческий рост, и все облачение Бела тускло поблескивали, но позолота почти облупилась. На потемневшем от старости и дыма лице ярко сверкали желтые, инкрустированные слоновой костью глаза. У ног бога стояла алтарная жаровня с остывшим пеплом. Никто, видимо, не принес сюда весть, что в Вавилоне появился новый правитель.

Неважно, алтарь есть алтарь. Здесь никто не покусится на жизнь Мелеагра. Довольствуясь поначалу уже тем, что может спокойно дышать,

и радуясь прохладе, сохраняемой толстыми высокими стенами, беглец начал осматриваться вокруг, ища хоть какие-то признаки храмовой жизни. Все выглядело покинутым, однако у него возникло ощущение, что за ним наблюдают чьи-то оценивающие и подозрительные глаза.

В покрытой глазурованными плитками стене за статуей Бела имелась неприметная дверь. И Мелеагр скорее почувствовал, чем услышал, что за ней кто-то есть, но он не осмелился постучать. Его власть канула в небытие. Медленно и уныло тянулось время. Он пришел в храм, чтобы воззвать к богам, должен же кто-то уделить ему внимание. Голод давно давал о себе знать, а за этой эбеновой дверью у жрецов наверняка есть и снедь, и вино. Но он так и не решился известить их о своем приходе. Он понимал: они знают о нем.

Внутренний двор храма окрасился блеклыми лучами заката. Удлинившиеся тени почти скрыли из виду темную громаду Бела, лишь желтоватые белки его глаз еще поблескивали во мраке. С сумерками бог вступал в свои права. Храм, казалось, заполнился каменными колоссами, попиравшими каменными ногами шеи поверженных ими врагов и приносившими их

кровь в жертву каменному властителю тьмы. Почти забыв о голоде, Мелеагр мечтал сейчас оказаться в заполненном небесным светом горном святилище Македонии, в одном из тех красочных и светлых греческих храмов, где по-человечески великодушные боги одарили бы его своей милостью.

Последний луч света угас на дворе, и в мгновенно сгустившемся мраке еще угадывался лишь каменный исполин. Из-за двери донеслись тихие голоса, но тут же умолкли.

Мелеагр услышал ржание своей лошади и тревожный стук ее копыт. Нет, он не останется гнить здесь. Под прикрытием темноты он сможет уехать. Возможно, кто-то спрячет его… правда, все надежные друзья убиты. Нет, лучше немедленно покинуть этот город, отправиться на запад и в одном из ближайших азиатских городов наняться на службу к какому-нибудь сатрапу. Только сначала ему надо пробраться в свой дом: в дороге могут понадобиться деньги. Мзда, полученная им от множества просителей, искавших благорасположения нового государя… Полумрак внутреннего двора наполнился жизнью.

В еле освещенном проеме показались две темные тени. Они миновали разрушенный вход.

Это не были вавилоняне. Мелеагр услышал отвратительный звук рассекающих воздух мечей.

— Святилище! — крикнул он. — Я в святилище!

Дверца за изваянием Бела приоткрылась, яркий луч лампы прорезал темноту. Он вновь закричал. Щелка закрылась. Мрак поглотил приблизившиеся темные силуэты. Прижавшись спиной к потухшему алтарю, он достал свой меч. Когда таинственные фигуры подступили вплотную, ему показалось, что он узнал их, но только по очертаниям и по запаху. Так могли выглядеть и пахнуть лишь соотечественники. Взывая к братскому духу, царившему некогда в армии Александра, Мелеагр громко назвал первые пришедшие на ум имена. Он обознался; суровые руки пригнули его голову к алтарю, и, помянув Александра, пришельцы перерезали ему горло.

* * *

Лишенный всех ярких флагов и украшений, увитый траурными ветвями кипариса и плакучей ивы, усталый караван начал медленно втягиваться в город через ворота Иштар. Заранее получив известие о его приближении, Пердикка и Леоннат выехали навстречу жене

Александра и сообщили ей, что она овдовела. Обстриженные в знак траура, с непокрытыми головами, они ехали верхом рядом с растянувшимся обозом, который теперь походил на некую торжественную процессию. Царевны рыдали, их стонущие служанки нараспев произносили монотонные погребальные плачи. Стражники в воротах, уже отслушавшие положенные причитания в надлежавшее время, с удивлением внимали новым проявлениям скорби.

Покои старшей жены в дворцовом гареме по приказу Багоаса привели в порядок еще пару месяцев назад, теперь они ожидали своих новых обитательниц в безупречной чистоте и свежести. Главный смотритель гарема боялся, что после смерти Александра Роксана потребует, чтобы ее переселили туда, но, к его глубокому облегчению, она, видимо, удовлетворилась предоставленными ей покоями. Несомненно, беременность благотворно и успокаивающе подействовала на нее. И смотритель решил, что пока все идет нормально.

Пердикка почтительно сопровождал Статиру, не выказав удивления по поводу ее прибытия, хотя он считал, что ребенка вынашивать ей было бы удобнее в Сузах. Однако Александр,

как она сказала, вызвал ее в Вавилон. Должно быть, ему хотелось сохранить ее приезд в тайне. После смерти Гефестиона он порой вел себя очень странно.

Помогая Статире спуститься по ступенькам фургона и препоручая ее заботам гаремного смотрителя, Пердикка подумал, что она значительно похорошела со времени памятной свадьбы. Красоту ее по-персидски изящного, с тонкими чертами лица подчеркнули легкие голубоватые тени, проложенные беременностью и дорожной усталостью, под большими темными глазами; сейчас их веки с длинными шелковистыми ресницами казались почти прозрачными. Персидские цари всегда славились породистой внешностью. Гладкая и белая, как сливки, рука с длинными тонкими пальцами слегка коснулась темного занавеса. Нет, Александру она явно не подходила, а вот с ним, с Пердиккой, составила бы отличную пару, ведь он был на добрый дюйм выше ее. (Пердикку сильно разочаровала его собственная сузская невеста, смуглая мидийка, выбранная за родовитое происхождение.) Хорошо еще, что Александр все-таки образумился и зачал с ней ребенка. По крайней мере, красотой он будет не обделен, уж это точно.

Леоннат, помогавший Дрипетис, заметил, что та пока напоминает бутон, обещающий распуститься в прекрасную розу. У него тоже имелась персидская жена, но разве ее наличие мешает ему мечтать о более интересном браке. Гарем он покинул в задумчивости.

Вереница подобострастных евнухов и знатных дам препроводила царевен по лабиринту помнивших еще Навуходоносора коридоров к давно знакомым покоям. После просторного и светлого дворца в Сузах вновь прибывшие, словно вернувшись в детство, опять ощутили сумрачную замкнутость и тяжеловесность архитектуры древнего Вавилона. Но потом их порадовал солнечный внутренний двор и пруд с рыбками, где они плавали когда-то на своих бамбуковых лодочках между островками лилий или, погрузившись по плечи в воду, играли с карпами. В покоях, раньше принадлежавших их матери, дочерей Дария искупали, умастили благовониями и накормили. Ничего, казалось, не изменилось с того круто повернувшего судьбу сестер летнего дня, когда восемь лет назад отец привез их сюда, перед тем как отправиться на войну с царем Македонии. Даже смотритель гарема их вспомнил.

После трапезы, отпустив служанок устраиваться в отведенных им комнатах, сестры занялись разбором сундука с нарядами матери. От шарфов и покрывал еще исходили слабые, но будоражащие воспоминания, запахи. Расположившись на диване, с которого был виден залитый солнцем пруд, они словно перенеслись в прежнюю жизнь, где Статире было уже двенадцать, а Дрипетис еще не исполнилось и девяти лет. Охваченные томящим волнением, дочери Дария поговорили об отце, чье имя бабушка теперь никогда не произносила вслух, вспомнили, как еще до его восшествия на престол они жили с ним в горах, на его родине, и как он подбрасывал их над головой высоко в воздух. Они вспомнили прекрасное лицо матери, обрамленное шарфом, расшитым мелким речным жемчугом и золотыми бусинами. Все их родные умерли — даже Александр, — за исключением бабушки.

Они сонно нежились на диване, когда от входа к ним протянулась легкая тень. Какая-то девочка принесла поднос с двумя серебряными кубками. На вид ей было около семи лет. Очаровательная светлокожая и темноглазая малышка с примесью персидских и индийских кровей изящно опустилась на колени, не пролив ни капли напитка.

— Высокородные, — старательно произнесла она.

Этим, очевидно, пока ограничивались ее знания персидского языка. Царевны поцеловали и поблагодарили ее. Милые ямочки появились на чистых щечках, девочка улыбнулась и, пролепетав что-то по-вавилонски, стремительно удалилась.

Холодный напиток затуманил бока приятных на ощупь серебряных кубков. Дрипетис сказала:

— У нее прекрасный наряд и сережки золотые. Эта девочка явно не служанка.

— Да уж, — заметила искушенно Статира. — Но в таком случае, как ты понимаешь, она, должно быть, наша сестренка. Помнится мне, что отец перевез сюда почти весь свой гарем.

— И правда, как я могла забыть! — В легком потрясении Дрипетис окинула взглядом покои матери.

Статира вышла во внутренний двор, намереваясь позвать малышку обратно. Но та уже убежала, и поблизости никого не наблюдалось, поскольку они велели служанкам не тревожить их во время отдыха.

Даже пальмы, казалось, увяли от жара раскаленного светила. Сестры подняли кубки,

восхитившись вырезанными на них птицами и цветами. Прохладное вино, сдобренное лимоном, имело тонкий горьковато-сладкий привкус.

— Великолепно, — сказала Статира. — Должно быть, его приготовила одна из наложниц, чтобы порадовать нас. Наверное, постеснялась прийти сама. Завтра мы пригласим ее.

В жарком воздухе еще витали ароматы материнских нарядов. Благодаря им покои казались уютными и родными. Погружаясь в сонную дремоту, Статира с грустью вспоминала родителей и Александра. Здесь она спокойно выносит его ребенка. Ее веки сомкнулись.

Тени от пальм лишь едва удлинились, когда острая боль разбудила ее. Сначала она испугалась, что может потерять ребенка, но потом услышала крик схватившейся за живот Дрипетис.

Пердикка, как регент азиатских владений, переехал жить во дворец. Сидя в малом приемном зале, он рассматривал дела просителей, когда перед ним с посеревшим от ужаса лицом появился смотритель гарема, без всякого доклада пролетев мимо стражников. Пердикка мгновенно приказал всем покинуть зал и выслушал его.

Никто не осмелился зайти к царевнам, услы-

шав их крики о помощи; все, кто их слышал, догадывались, что помочь им нельзя. Главный смотритель, уже не надеясь оправдаться (хотя на деле он не имел к случившемуся ни малейшего отношения), не стал дожидаться, пока они испустят дух. Пердикка поспешил вслед за ним в гарем.

Статира, распластавшись, лежала на диване, Дрипетис каталась по полу в предсмертной агонии. Когда Пердикка вошел, Статира испустила последний вздох. Сначала, оцепенев от ужаса, он не заметил, что в комнате есть еще кто-то. Потом обратил внимание на женскую фигуру, сидевшую в кресле из слоновой кости перед туалетным столиком.

Он быстро подошел к женщине и молча уставился на нее, едва удерживая желание тут же придушить злодейку. Она с довольной улыбкой посмотрела на него.

— Твоих рук дело?

Роксана удивленно приподняла брови.

— При чем тут я? Это все ваш новый царь. Они обе так мне сказали.

Она не добавила, что напоследок имела удовольствие вывести их из заблуждения.

— Царь? — яростно прорычал Пердикка. —

Кто поверит этому, ты, проклятая варварская сука?

— Все твои недруги. Они поверят, потому что им это на руку. А я скажу, что он послал эту отраву и мне тоже, но когда этой парочке стало плохо, я еще не успела выпить ее.

— Ты…

Пердикка пространно излил душу в яростных проклятиях. Роксана выслушала все с невозмутимым видом. Когда его пыл поутих, она выразительно положила руку на свой живот.

Отвернувшись, Пердикка посмотрел на умершую царевну.

— Дитя Александра…

— Здесь, — сказала она, поглаживая живот, — находится дитя Александра. Его единственное дитя… Если ты будешь молчать, то я тоже никому ничего не скажу. Ведь она прибыла сюда без всяких церемоний. Мало кто знает о ее приезде.

— Так это ты послала за ней!

— Ну да. Александр не успел позаботиться о бедняжке. Я просто предугадала его желания.

На мгновение ей стало по-настоящему страшно, когда его рука опустилась на рукоятку меча. Крепко сжав пальцы, он глухо произнес:

— Александр мертв. Но если ты еще хоть раз

скажешь о нем нечто подобное, то, как только твой сын появится на свет, я убью тебя своими собственными руками. Будь мне известно, что он уродится в тебя, я убил бы тебя прямо сейчас.

Быстро успокоившись, Роксана деловито сказала:

— Там на заднем дворе есть старый колодец. Им давно не пользуются, говорят, что вода в нем грязная. Давай оттащим их туда. В тот двор никто не заглядывает.

Он последовал за ней. От изрядного слоя грязи крышка колодца начала подгнивать. Когда Пердикка поднял ее, в нос ударил запах застарелой плесени.

У него не было выбора, и он понимал это. При всем высокомерии, амбициозности и стремлении к власти, он оставался преданным Александру — как живому, так и мертвому. Его сын не должен, если Пердикка в силах помешать этому, войти в этот мир с позорным клеймом отродья отравительницы.

Молча вернувшись в царские покои, он направился сначала к Дрипетис. Ее лицо было испачкано рвотой; Пердикка вытер его полотенцем и лишь потом отнес несчастную к темному провалу колодца. Когда она выскользнула из его

рук, ее одежды зашелестели по кирпичной обкладке, уходящей вниз футов на двадцать. По глухому стуку Пердикка понял, что колодец давно пересох.

Впившись ногтями в узорчатую обивку дивана, Статира лежала с широко распахнутыми глазами. Они так и останутся незакрытыми. Роксана в нетерпении наблюдала, как Пердикка, подойдя к сундуку, ищет, чем бы накрыть лицо жертвы. Наконец он достал покрывало, обшитое крылатыми скарабеями, и, уже взявшись за ношу, вдруг влез пальцами во что-то влажное.

— Что ты сделала с ней?

Он отступил в отвращении, вытирая руки о покрывало.

Роксана пожала плечами. Наклонившись, она откинула край нижней юбки Статиры. Тогда стало очевидно, что в предсмертных муках персидская жена Александра произвела на свет дитя. Пердикка взглянул на это четырехмесячное существо, уже человека, имевшего все признаки пола, даже с ноготками. Его личико с закрытыми глазами казалось сердитым, и один из кулачков был сжат, словно в гневе. Он был еще связан с матерью: она умерла до того, как вышел послед. Пердикка вытащил кинжал и отделил младенца

от породившего его лона.

— Давай пошевеливайся, — сказала Роксана. — Ты же видишь, что это мертвец.

— Да, — сказал Пердикка.

Он уместился у него на ладони, сын Александра, внук Филиппа и Дария, в чьих жилах смешалась кровь Ахилла и Кира Великого.

Пердикка вновь подошел к сундуку. Первым ему попался на глаза шарф, расшитый речным жемчугом и золотыми бусинами. По-женски заботливо воин завернул покойного наследника Александра в этот царственный саван и отнес к погребальному колодцу, прежде чем вернуться и отправить вслед за ним его мать.

Старая Сисигамбис играла в шахматы с главным дворцовым управляющим. Славное прошлое этого почтенного евнуха уходило во времена правления царя Оха. Умудрившийся выжить в бессчетном множестве дворцовых интриг, он разводил столь тонкую дипломатию, что с ним не могла бы соперничать ни одна из самых увертливых придворных дам. Царица пригласила его, надеясь хоть как-то развеять тоску, а заодно доставить старику удовольствие. Она размышляла над положением своего вырезанного из слоновой кости войска, разбежавшегося по всей

шахматной доске. После отъезда внучек и молодой челяди здешний гарем, казалось, погрузился в дремотное забытье. Все его обитатели были стары и немощны.

Управляющий заметил ее апатию и догадался, чем она вызвана. Попавшись в одну-две расставленные ловушки, он потерял пару фигур и, спасая положение, решил отвлечь партнершу от игры разговором. В паузе между ходами евнух спросил:

— Как ты думаешь, царь не забыл наставлений, данных тобой ему в его прошлый приезд? Помнится, ты говорила, что перед походом на Восток он обещал тебе все-таки не лениться и больше тренировать за шахматами свой ум.

Она с улыбкой ответила:

— У меня не было случая проверить это. Насколько я понимаю, он вполне мог забыть о такой ерунде. — На мгновение приглушенный свет ее глаз словно бы озарился яркой живостью былой жизни. — Как-то раз я показывала Александру хитрости этой царской игры, и он ради меня делал вид, что ему интересно. Но когда я, ворча, сказала, что он мог бы выбирать более сложную тактику, он ответил: «Дорогая матушка, но ведь это всего лишь забава».

— Да уж, тихие застольные развлечения не в его вкусе.

— Ему нужно побольше отдыхать. Не вовремя он надумал отправиться в Вавилон. Обычно мы переезжали в тот дворец только на зиму.

— Ну, зимовать он, по-моему, хочет в Аравии. Едва ли нам доведется увидеть его еще раз в этом году. Но, решив выступить в поход, он, наверное, отправит царевен обратно к вам, как только госпожа Статира настолько оправится после родов, что сможет перенести путешествие.

— Наверное, — произнесла она с легкой тоской в голосе. — Ему захочется показать мне малыша.

Сисигамбис вернулась к шахматам и, сделав ход слоном, поставила под удар визиря противника. Жаль, подумал евнух, что этот юнец не пригласил также и ее; она по-прежнему души в нем не чает. Однако, как она сама упомянула, летом в Вавилоне нечего делать, а ей ведь уже перевалило за восемьдесят.

Закончив игру, они попивали лимонный напиток, когда управляющего срочно вызвали к командующему сузского гарнизона. Вскоре он вернулся, и, увидев выражение его лица, царица вцепилась в подлокотники кресла.

— Госпожа…

— Ты хочешь сообщить о царе, — сказала она. — Он умер?

Управляющий только кивнул. В сущности, она словно бы уже о том знала, но от его кивка у нее похолодело в груди. Он быстро шагнул к ней, на случай если она потеряет сознание, но через мгновение Сисигамбис уже повелительно показала ему на кресло, готовая выслушать все подробности.

Рассказывая печальные новости, евнух по-прежнему с тревогой следил за ее состоянием; лицо царицы выглядело теперь как старый пергамент. Но Сисигамбис не только горевала, она пребывала в раздумье. Вскоре она повернулась к столику, открыла костяную шкатулку и вынула письмо.

— Пожалуйста, прочти мне это послание. Важно не только содержание. Прочти мне его слово в слово.

Зрение старика уже тоже начинало сдавать, но вблизи он еще видел буквы достаточно ясно. Его перевод с греческого отличался скрупулезной точностью. Дойдя до слов: «Я болел лихорадкой, а в городе уже распустили ложные слухи о моей смерти», он поднял глаза и встретил ее пристальный взгляд.

— Скажи-ка мне, — попросила она, — его ли там стоит печать?

Управляющий прищурился; с расстояния в несколько дюймов ему удалось разглядеть все детали.

— Да, тут оттиснут его портрет. И довольно хороший. Но по-моему, это не царская печать. Разве он пользовался такой прежде?

Не говоря ни слова, Сисигамбис передала ему шкатулку. Евнух глянул на другие послания, стараниями писцов испещренные изящной персидской вязью; его взгляд выхватил одну из заключительных фраз: «Я буду возносить мольбы о твоем благополучии, дорогая матушка, и надеюсь, что их услышат как ваши, так и мои боги, ибо в сущности, по-моему, они у нас одни и те же». В шкатулке лежало пять или шесть писем. На всех стояла царская печать: Зевс-Олимпиец с орлом и на троне. Сисигамбис прочла ответ по лицу старика.

— Учитывая, что в этом письме мне не передали даже привета…

Сисигамбис взяла шкатулку и поставила возле себя. Ее лицо съежилось, словно от холода, но взгляд выражал одну лишь печальную задумчивость. Двадцать лет эта сильная, стойкая жен-

щина прожила под жестким господством царя Оха. Всякий раз, как тому начинали мерещиться заговоры, жизнь ее мужа, тоже принадлежавшего к царскому роду, повисала на волоске. Муж дошел до того, что не доверял уже никому и только с ней делился своими тревогами. Интриги, предательство, месть были тогда повсеместно в ходу. В конце концов Ох все-таки убил его. Но Сисигамбис надеялась, что ее супруг возродится к жизни в их царственном сыне, однако после бегства Дария от Иссы она едва не умерла от стыда. А потом в ее брошенном на произвол судьбы шатре появился молодой победитель, пожелавший вдруг навестить семью бежавшего врага. Ради детей она с достойным видом выступила вперед и, как хорошо выдрессированное животное, преклонила колени перед рослым красивым воином. Тот отпрянул, и всеобщее смятение показало ей, что она совершила непростительную ошибку. Кляня себя, Сисигамбис принялась повторять поклон перед менее высоким воином, на которого поначалу не обратила внимания. Взяв ее за руки, молодой царь помог ей выпрямиться, и тогда она впервые увидела его глаза.

— Не утруждай себя, матушка…

Ее познаний в греческом хватило на то, чтобы

понять эти слова.

Управляющий, многое и многих переживший и почти в той же степени поседевший, старался не смотреть на нее. Именно так прятал глаза кое-кто из придворных, когда ее мужа в последний раз призвали к царю.

— Они убили его, — произнесла она с неколебимой уверенностью.

— Посланец упомянул болотную лихорадку. Летом ею часто болеют в Вавилоне.

— Нет, его отравили. А не было ли каких вестей от моих внучек?

Евнух помотал головой. В тягостном молчании они осознавали безмерность несчастья, свалившегося на их старые головы. Старость — тот же безжалостный недуг, от которого нет спасения.

Сисигамбис сказала:

— Он женился на Статире из политических соображений. А я позаботилась, чтобы она понесла от него.

— Может быть, с ними пока все в порядке. Возможно, они отсиживаются в каком-нибудь безопасном укрытии.

Сисигамбис отрицательно покачала головой и вдруг решительно выпрямилась в своем кресле, словно хозяйка, внезапно подумавшая: «Что же я

тут рассиживаюсь, ведь у меня столько дел?»

— Мой друг, жизнь закончилась. Мне пора удалиться в свои покои. Прощай. Благодарю тебя за добрую службу.

Она прочла новый страх на его лице. Ей не нужно было слов, чтобы понять, с чем он связан: они оба отлично помнили времена царя Оха.

— Никто не пострадает. Никого не будут винить. В моем возрасте смерть — обычная вещь. Когда пойдешь, будь любезен, пошли ко мне моих служанок.

Пришедшие служанки увидели, что их госпожа спокойно и сосредоточенно раскладывает свои драгоценности. Поговорив с этими добрыми женщинами об их семьях и дав несколько мудрых советов, Сисигамбис обняла каждую и раздала им все украшения, кроме поблескивающего на ее шее ожерелья царя Пора.

Попрощавшись со всеми, она легла на кровать в своей опочивальне и закрыла глаза. Получив первый отказ, слуги больше не предлагали ей еду или напитки. Из добрых побуждений они перестали тревожить царицу: ради страданий не стоит длить жизнь. Первые дни по ее повелению к ней вообще никто не заходил. На четвертый день, заметив, что госпожа начала

забываться, служанки принялись по очереди дежурить возле ее постели. Если Сисигамбис и сознавала, что они рядом, то, по крайней мере, никого не гнала. На пятый день к вечеру было замечено, что она умерла, но в последние сутки ее дыхание сделалось таким тихим, что никто не мог точно сказать, когда оно прервалось.

День и ночь скача во весь опор на лошадях и верблюдах и пересаживаясь в труднопроходимых местах на горных мулов, царские курьеры передавали друг другу короткое ошеломляющее сообщение; они везли известие о смерти царя из Вавилона в Сузы, из Суз — в Сарды, а оттуда в Смирну по царской дороге, которую Александр протянул до самого Средиземного моря. В Смирне весь мореходный сезон постоянно дежурил почтовый корабль, готовый в любой момент отплыть с царскими письмами в Македонию.

Последний курьер этой длинной эстафеты прибыл в Пеллу и вручил послание Пердикки Антипатру.

Высокий старик прочел его в молчании. Отправляясь воевать, Филипп неизменно поручал ему править Македонией, а с тех пор как Александр ушел в Азию, он правил еще и всей Грецией. Власть, предоставляемая таким положе-

нием, подпитывала не только его преданность, но и самолюбие — он выглядел гораздо более царственно, чем Александр, никогда не стремившийся к внешней пышности. Среди близких друзей Антипатра ходила шутка, что его белая регентская мантия утеплена царской пурпурной подкладкой.

Сейчас, читая послание из Вавилона и понимая, что в итоге ему не придется передавать регентство Кратеру (Пердикка ясно об этом сказал), он в первую очередь подумал, что вся Южная Греция взбунтуется, как только туда дойдет эта весть. Главная же новость, хотя и потрясающая, в общем-то, не явилась для него неожиданностью. Он знал Александра с младенчества, невозможно было даже представить, что тот доживет до старости. И однажды Антипатр почти впрямую сказал ему об этом, когда молодой царь, нимало не заботясь о производстве потомства, начал готовиться к походу в Азию.

Возможно, Антипатр ошибся, намекнув, что не прочь отдать за него свою дочь. Лучшей невесты для Александра, конечно, было и не сыскать, но намек тот воспринял как расставленные силки, способные ограничить его свободу. «Ты полагаешь, у меня есть время на устройство

свадебных празднеств и ожидание рождения наследника?» — спросил тогда Александр. «Его сыну могло бы уже быть десять лет, — подумал Антипатр, — и он продолжил бы наш славный род. А что мы имеем сейчас? Двух еще не рожденных полукровок и целый выводок самоуверенных молодых львов, которых не удержишь на поводке!» Не без опасений он вспомнил и о происках своего старшего сына.

Ему вспомнились также слухи, ходившие в начале правления юного государя. Поговаривали, что тот сказал одному из друзей: «Я не хочу, чтобы моего наследника растили здесь без меня».

В этом-то и была вся загвоздка. Во всем виновата эта проклятая баба! С самого детства Олимпиада упорно старалась разжечь в Александре ненависть к собственному отцу, которого он обожал бы, если бы его оставили в покое. Сначала она внушила мальчишке, что супружеская жизнь подобна отравленному хитону Геракла, а после сама же и возмущалась, когда созревший для любви Александр предпочел (раз уж женская ревность губит даже героев!) делить ложе с юношей, а не с девушкой. Ему еще повезло, что этим юношей оказался Гефестион, учитывая, что убийство его отца стало следствием подоб-

ного, но неудачного выбора. Однако царица, так и не смирившись с тем, что сама породила, получила в итоге врага вместо союзника и навсегда перестала занимать первое место в его сердце. Несомненно, ее порадовало известие о смерти Гефестиона. Что ж, очередное известие заставит ее позабыть о какой-либо радости вообще.

Он одернул себя. Не подобает смеяться над горем матери, потерявшей единственного сына. Придется отправить к ней гонца. Антипатр сел за письменный стол и, взяв восковую табличку, принялся подыскивать почтительные и сердечные слова для своей давней противницы, способные стать достойным панегириком царственному покойнику. Вскоре он с головой ушел в размышления о человеке, которого не видел более десяти лет и который оставался в его памяти все еще юношей, хотя, разумеется, юношей выдающимся и весьма развитым… не по годам. Интересно, что с ним сделала жизнь? Может быть, ему еще выпадет случай получить о том хоть какое-то представление. Кстати, вполне уместно будет сообщить ей в конце письма, что сохраненное как живое благодаря искусству египетских бальзамировщиков тело царя дожидается лишь изготовления достойной погре-

бальной лодки, чтобы начать свое путешествие к древнему месту упокоения царей в Эгии.

Царице Олимпиаде желает благополучия и процветания…

Лето в Эпире достигло своего апогея. Зеленели и золотились на горных террасах верхние долины, напоенные глубокими зимними снегами, упоминаемыми еще Гомером. Телята подросли и отлично окрепли, овцы отдали людям свою прекрасную мягкую шерсть, ветви деревьев гнулись под тяжестью сочных плодов. Как ни странно, но молоссиане под женской рукой процветали.

Овдовевшая царица их Клеопатра, дочь Филиппа и сестра Александра, стояла у окна на верхнем этаже царского дома с письмом Антипатра в руке и задумчиво смотрела на высившиеся вдали горы. Мир явно изменился, но невозможно было пока понять, каковы эти изменения. Смерть Александра не огорчила ее, а повергла в благоговейный страх. Тот же страх, а не любовь он внушал ей и при жизни. Появившись на этот свет раньше, брат украл у нее материнскую нежность и отцовское внимание. Их ссоры прекратились давно, еще в детстве, а после они и вовсе отошли друг от друга. День ее свадьбы, совпавший с днем

убийства отца, сделал ее своеобразной заложницей горя, а его он сделал царем. Вскоре брат превратился для нее в некий феномен природы, становившийся по мере удаления все более великолепным и все более чуждым.

Но сейчас, держа в руке весть о его смерти, она вдруг припомнила, что нескончаемые родительские раздоры побудили брата с сестрой в далеком детстве заключить тайный оборонительный союз; вспомнила она также, что разница между ними составляла всего-то два года, однако только ему всегда доставало смелости противостоять тем ужасным истерикам, которые так любила закатывать мать.

Она отложила письмо Антипатра. Рядом на столе лежало второе послание для Олимпиады. Но теперь брат уже ничем не сможет помочь своей сестренке, и ей придется выдержать очередную бурю самой.

Клеопатра знала, где сейчас можно найти мать: на нижнем этаже в приемном тронном зале, куда ее впервые допустили во время похорон супруга Клеопатры и где с тех пор она успела прочно обосноваться. Умерший царь Молоссии приходился ей братом, и она все больше и больше прибирала к рукам дела его царства, заодно разбираясь

со множеством врагов, порожденных борьбой с Антипатром, которая сделала невыносимой ее жизнь в Македонии.

Решительно вздернув унаследованный от Филиппа квадратный подбородок, Клеопатра взяла второе послание и спустилась вниз.

Дверь в зал была приоткрыта. Олимпиада диктовала что-то своему секретарю. Помедлив на пороге, Клеопатра услышала, что мать сочиняет очередную пространную кляузу на Антипатра, решив, очевидно, разом свести счеты за все обиды, накопившиеся за десять лет. «Спроси его сам об этом, когда он предстанет перед тобой, и пусть тебя не обманут его оправдания…» Мать раздраженно мерила шагами комнату, пока писец спешно выводил эту фразу.

Клеопатра собиралась держаться в данном случае, как подобает любящей дочери. Напустить для начала на себя скорбный вид, произнести несколько традиционных подготовительных фраз. Но тут в коридоре появился ее одиннадцатилетний сын, вернувшийся после игры в мяч с компанией сверстников. Рослый и крепкий мальчик с золотисто-каштановой шевелюрой очень походил на отца. Заметив, что родительница нерешительно медлит у двери, он взглянул

на нее с тревожной участливостью, словно разделяя ее внутренний трепет перед горнилом, в каком пылало жгучее и негасимое властолюбие.

Она мягко велела сыну уйти, желая в глубине души крепко обнять его и воскликнуть: «Скоро ты будешь царем!» Через дверь Клеопатра видела, как усердно трудится над восковыми табличками секретарь. Она всегда чувствовала себя неловко с этим давним приспешником матери, привезенным ею из Македонии. Невозможно было понять, что он знает, что — нет.

Олимпиада пару лет назад справила пятидесятилетие. Прямая, как копье, и по-прежнему стройная, теперь она пользовалась косметикой, как женщина, рассчитывающая уже только на взгляды, а не на более тесную связь. Седеющие волосы она споласкивала настоями ромашки и хны, ресницы и брови подводила сурьмой. Ее набеленное лицо оживляли только слегка подкрашенные губы. Выйдя из возраста соблазнительной Афродиты, она обратилась к образу державной Геры, а потому, мельком заметив в дверях фигуру дочери, резко развернулась к ней, явно собираясь отругать ее за неуместный визит. Вид у нее был величественный и даже

на редкость грозный.

Внезапно Клеопатру захлестнула волна гнева. С каменным лицом она вошла в зал и, игнорируя присутствие секретаря, резко проговорила:

— Тебе нет больше необходимости писать ему. Он умер.

Ощущение полнейшей и напряженной тишины усиливали посторонние звуки; стук выпавшего из руки писца стилоса, воркование горлицы в ближайших кустах, тихий отдаленный детский гомон. Напудренное лицо Олимпиады сделалось белее мела. Ее прямой взгляд не видел никого и ничего. Овладев собой, Клеопатра не стала выплескивать на мать стихийную ярость, но молчание вскоре сделалось нестерпимым. Тихо и покаянно она сказала:

— Это случилось не на войне. Он умер от малярии.

Олимпиада жестом отпустила писца. Тот мгновенно исчез, даже не прибрав на столе. Она повернулась к Клеопатре.

— Об этом сказано в послании, что ты принесла? Дай его мне.

Клеопатра вложила свиток ей в руку. Олимпиада спокойно держала его, не вскрывая, ожидая, когда дочь уйдет. Клеопатра вышла и плотно

закрыла за собой тяжелую дверь. Из зала не донеслось ни звука. Смерть Александра в каком-то смысле принадлежала только матери, как и его жизнь. Дочери в их мир доступа не было. Эта история тоже тянулась издалека.

Не чувствуя боли, Олимпиада вцепилась руками в острую каменную отделку оконного обрамления. Проходивший мимо слуга, увидев ее застывшее лицо, подумал было сначала, что перед ним театральная трагедийная маска. Осознав свою ошибку, он поспешно удалился, опасаясь, как бы этот горящий незрячий взгляд не испепелил его. Царица напряженно смотрела вдаль, на восточную часть небосклона.

Ей все это было предсказано еще до его рождения. Вероятно, она спала, когда он шевельнулся в ней (даже в утробе он уже неугомонно жаждал жизни) и проник в ее сон. У нее за спиной вдруг начали расти трепещущие огненные крылья, они расправлялись и вздымались, пока не стали достаточно велики, чтобы поднять ее в небеса. Их жар обволакивал и возбуждал ее, порождая в ней исступленный восторг, этот жар распространялся на моря и горы, готовый объять всю землю. Словно богиня, она обозревала весь мир, паря на языках пламени. Потом они вдруг исчез-

ли. И вот, лишенная этих крыльев, с вершины какой-то безжизненной голой скалы она опять увидела землю, но почерневшую и дымящуюся, покрытую раскаленными углями, словно бы кем-то рассыпанными по выжженным склонам холмов. Резко проснувшись посреди ночи, Олимпиада нервно ощупала другую половину кровати. Но ее беременность тянулась уже восемь месяцев, и муж давно успел найти с кем делить ложе. Она пролежала до утра, размышляя, что может сулить такой сон.

Позднее, когда этот огненный пыл выплеснулся в окружающее, Олимпиада по-новому истолковала то давнее сновидение, решив, что все живое должно умереть в каком-то далеком будущем, до которого она, вероятно, не доживет. Но реальность оказалась более жестокой, и сейчас ей оставалось лишь, вдавливая ладони в острые холодные камни, твердить и твердить, что все это невозможно. Она никогда не умела мириться с непоправимым.

Далеко внизу, там, где сливались воды Ахерона и Коцита, стоял Некромантеон, Оракул Мертвых. Много лет назад Олимпиада спускалась туда, когда ради нее Александр бросил вызов отцу и они вдвоем коротали здесь временное

изгнание. Ей вспомнился темный и извилистый лабиринт, священный напиток и кровавое возлияние, наделяющее тени даром речи. Дух отца появился во мраке, и его слабый голос возвестил, что неприятности дочери скоро закончатся и жизнь ее озарится счастливым светом.

Дорога туда займет целый день, придется выехать на рассвете. Она принесет жертвы, выпьет зелье, войдет во мрак, и сын явится к ней. Он явится даже из Вавилона, с другого конца земли… Ее мысли внезапно замедлили бег. Что будет, если первыми явятся те, кто умер гораздо ближе? Филипп с кинжалом Павсания в груди? Или его молодая жена, которой Олимпиада предложила на выбор яд или удавку? Все-таки от Вавилона ему придется пролететь две тысячи миль. Далековато для духа, даже для духа Александра.

Нет, надо дождаться, когда привезут его тело, тогда, конечно, и дух будет где-то неподалеку. Чтобы вернее узнать его, лучше глянуть на тело. За прошедшие годы сын мог сильно измениться. Когда он ушел в поход, то был еще мальчиком, для нее по крайней мере, а теперь она, вероятно, увидит тело мужчины, приближающегося к среднему возрасту. Захочет ли его тень подчиниться ей? Он любил ее, но редко подчинялся.

Этот человек и особенно дух, живший в нем, были выше ее понимания. Олимпиада стояла опустошенная. Потом, непрошено, к ней вновь вернулся живой и теплый образ ребенка. Запах его волос, упрямая головенка, уткнувшаяся в ее шею, легкие царапины на светлой коже, грязные ободранные коленки, его смех, его гнев, его распахнутые внимательные глаза. Взгляд Олимпиады заволокло пеленой, из подведенных краской глаз черными ручейками пролились слезы; она закусила руку, чтобы заглушить рыдания.

По вечерам, когда зажигались светильники, она часто рассказывала сыну старые семейные предания об Ахиллесе, передаваемые из уст в уста, и неустанно напоминала, что именно по ее линии унаследовал он кровь этого так восхищающего всех героя. Начав учиться, Александр со страстью погрузился в мир «Илиады», где Ахиллес представал уже в несколько ином свете. Читая «Одиссею», он дошел до того места, где царь Итаки посещает страну мертвых. («Это же было на моей родине, в Эпире! Он говорил с ними там!») Медленно и торжественно, глядя мимо нее на закатное зарево, сын прочел ей отрывок из песни Гомера:

О Ахиллес, сын Пелея, меж всеми данаями первый… Ты же

Между людьми и минувших времен и грядущих был счастьем

Первый: живого тебя мы как бога бессмертного чтили;

Здесь же, над мертвыми царствуя, столь же велик ты, как в жизни

Некогда был; не ропщи же на смерть, Ахиллес богоравный».

Так говорил я, и так он ответствовал, тяжко вздыхая:

«О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;

Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,

Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,

Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый…[106]

Боль или обида никогда не доводили Александра до слез, поэтому он их и не стыдился.

---

[106] Сноски: 106

Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского. Песнь одиннадцатая, ст. 478–492.

Она видела, как блестят его устремленные на пылающие облака глаза, и поняла чистоту его горя. Он сострадал Ахиллесу, лишенному надежд на будущее и ставшему всего лишь тенью своего великолепного прошлого, правителем теней умерших людей. Но это, однако, не заставило маленького упрямца поверить в свою собственную смертность.

Так, словно ему важно было убедить именно ее в своем открытии, сын заявил:

— Одиссею все-таки удалось утешить мертвого Ахиллеса. Смотри, тут сказано вот что:

> *Так говорил я: душа Ахиллесова с гордой осанкой*
>
> *Шагом широким, по ровному Асфодилонскому лугу*
>
> *Тихо пошла, веселяся великою славою сына*[107].

— Верно, — согласилась тогда она. — Именно после той войны его сын пришел в Эпир и дал жизнь нашему роду.

Он поразмышлял над ее словами и спросил:

---

[107] Сноски: 107

Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского. Песнь одиннадцатая, ст. 538–540.

— А развеселится Ахиллес, если я тоже прославлюсь?

Она склонилась и взъерошила его волосы.

— Конечно развеселится. И с гордой осанкой пройдет по Асфодилонскому лугу, хвалебный пеан распевая.

Олимпиада выпустила из рук каменные завитки. Чувствуя себя слабой и разбитой, она удалилась в свои личные покои и, рухнув на кровать, горько заплакала. Слезы лишили ее последних сил, и наконец она забылась сном. На рассвете царица вернулась к размышлениям о своем великом горе, но ее силы почти восстановились. Искупавшись и одевшись, Олимпиада подкрасила лицо и подошла к письменному столу.

Пердикке, регенту азиатских царств, желает процветания…

В нескольких милях к югу от Пеллы Кинна и Эвридика, забравшись повыше, практиковались в метании копий.

Кинна, как и Клеопатра, была одной из дочерей Филиппа, но от менее важного политического брака. Ее мать Аудата являлась дочерью иллирийского вождя и славной воительницей, согласно обычаям ее племени. После войны

против грозного старого Барделиса Филипп закрепил мирный договор свадьбой, как уже не раз поступал ранее в подобных случаях. Он выбрал в жены высокородную Аудату не из-за ее личных достоинств. Миловидность есть миловидность, однако ему уже бывало подчас трудно вспомнить, с существом какого пола он проводил ночь любви. Затаскивая на ложе всех, кто оказывался под рукой, он все же уделил Аудате достаточно внимания и, когда та родила ему дочь, подарил им дом, дал достойное обеспечение, но редко вспоминал о них, пока Кинна не достигла брачного возраста. Тогда Филипп отдал ее замуж за сына своего старшего брата Аминту, того самого, которого по малолетству обделили македонцы, выбрав Филиппа царем.

Аминта, подчинившись воле собрания, тихо и скромно жил себе под дланью Филиппа и, лишь когда заговорщики замыслили убийство царя, поддался искушению, согласившись взойти на трон, если их планы осуществятся. Вследствие чего после раскрытия заговора Александр привлек Аминту к суду за измену и собрание приговорило того к смерти.

Кинна, его жена, перебралась из столицы в поместье. С тех пор она жила там и растила

дочь, передавая ей навыки боевых искусств, которым ее, в свою очередь, обучила мать-иллирийка. Таковы были природные наклонности Кинны; военное ремесло она считала достойным занятием и интуитивно чувствовала, что когда-нибудь оно может пригодиться и дочери. Она так и не смирилась со смертью Аминты. Ее дочь Эвридика, как, впрочем, и сама Кинна, была единственным ребенком в семье и, сколько себя помнила, не сомневалась, что ей следовало родиться мальчишкой.

Их родовое гнездо, в сущности, являлось прочным старым укреплением, построенным еще во времена гражданских войн; позднее к нему притулился крытый соломой дом. Именно на плоском покрытии этого укрепления упражнялись сейчас мать и дочь, бросая копья в посаженное на кол соломенное чучело.

Незнакомый человек принял бы их за сестер. Кинне недавно исполнилось тридцать, а Эвридике — пятнадцать. Они обе пошли в иллирийскую родню — высокие, цветущие и деятельные особы атлетического сложения. В своих коротких мужских хитонах для тренировок и с заплетенными сзади каштановыми волосами они напоминали девушек Спарты, чужой, почти неизвестной им

страны.

Заноза впилась в ладонь Эвридики. Она вытащила ее и окликнула по-фракийски шустрого раба, таскавшего им обратно копья и обязанного следить за тем, чтобы их древки были гладко отполированы. Пока он устранял изъян, мать и дочь присели отдохнуть на каменный выступ, устроенный для лучников, потянулись и глубоко вдохнули свежий горный воздух.

— Я не люблю равнин, — сказала Эвридика. — Больше всего мне нравится именно здесь.

Мать не слышала ее; она вглядывалась в горную дорогу, петлявшую между деревенских лачуг.

— К нам кто-то скачет. Похоже, курьер. Надо пойти вниз переодеться.

Спустившись на первый этаж по деревянным ступеням, они облачились в нарядные платья. Курьеры к ним редко заглядывали, но обычно вываливали вороха новостей.

Серьезный трагический вид гонца едва не побудил Кинну спросить о сути его поручения еще до вскрытия запечатанного послания. Но, сочтя неприличной подобную спешку, она отослала его на кухню и лишь потом проглядела письмо Антипатра.

— Кто умер? — спросила Эвридика. — Аридей? — взволнованно выдохнула она.

Мать подняла глаза.

— Нет. Умер Александр.

— Александр! — В восклицании девушки прозвучало больше разочарования, чем огорчения. Потом ее лицо прояснилось. — Раз этот царь умер, то мне уже не нужно будет выходить замуж за Аридея?

— Помолчи! — прикрикнула мать. — Дай мне дочитать.

По мере чтения настроение Кинны менялось, что явственно отражалось на ее лице: сначала оно было вызывающим, потом стало решительным и наконец — торжествующим. Девушка с тревогой повторила:

— Мама, мне не нужно выходить за него? Не нужно? Или все-таки нужно?

Кинна окинула ее сияющим взглядом.

— Да! Теперь действительно нужно. Македонцы выбрали его царем.

— Царем? Не может быть! Неужели он выздоровел и к нему вернулся разум?

— Он — брат Александра, и этим все сказано. Его выбрали, чтобы он грел трон для будущего сына Александра от варварской бактрийки. Если,

конечно, у нее родится сын.

— И Антипатр пишет, что я должна стать его женой?

— Нет, не пишет. Он как раз утверждает, что Александр раздумал женить вас. Возможно, он лжет, а возможно, нет. Впрочем, это не имеет значения.

Густые брови Эвридики сошлись на переносице.

— Но если это правда, то, наверное, Арридей совсем плох.

— Нет, Александр сообщил бы нам об этом. Антипатр, скорее всего, хитрит, и я его понимаю. Нам нужно дождаться гонца от Пердикки из Вавилона.

— О, мама, может, не надо? Я не хочу выходить замуж за идиота.

— Не называй его идиотом, теперь он царь Филипп, его назвали именем твоего деда. Неужели не понимаешь? Он послан тебе богами. Они намерены исправить зло, причиненное твоему отцу.

Эвридика отвернулась. Ей едва исполнилось два года, когда казнили Аминту, она совсем его не помнила. Но всю жизнь он был для нее чем-то вроде своеобразного гнета.

— Эвридика! — Властный окрик вывел девушку из задумчивости. Кинна отлично справлялась как с ролью матери, так и с ролью отца. — Послушай меня. Ты рождена для великих дел, а не для того, чтобы стареть и чахнуть в захолустье. Когда Александр предложил тебе руку своего брата, чтобы помирить наши два рода, я поняла, что это судьба. Ты — законнорожденная македонка и царевна с обеих сторон. Твой отец должен был стать государем. Если бы ты была мужчиной, то собрание выбрало бы на царство тебя.

Девушка слушала ее с нарастающим спокойствием. Мрачность сошла с ее лица, а в глазах зажглись искры неподдельного интереса.

— Я готова умереть ради того, — сказала Кинна, — чтобы ты стала настоящей царицей.

Певкест, сатрап Персиды, удалился из приемного зала в свои покои. Там поддерживался традиционный для его сатрапии стиль, которому подчинялось все, кроме македонских доспехов на оружейной стойке. Он сменил официальный наряд на легкие шаровары и украшенные вышивкой туфли. Высокий блондин с тонкими изысканными чертами лица, он обычно подвивал волосы на персидский манер, но после смерти Александра, согласно персидскому обычаю,

обрился наголо, а не постригся, как делали македонцы. Обритая голова больше мерзла, для тепла он надевал парадный головной убор — похожую на шлем кирбасу. В ней он, вовсе не желая того, выглядел весьма внушительно: вызванный им человек вошел с опущенными глазами и собрался приветствовать его, распростершись у ног.

Поначалу не узнав вошедшего, Певкест пораженно пригляделся к нему, потом взмахнул рукой.

— Оставь эти церемонии, Багоас. Вставай и присаживайся.

Разглядев подобие улыбки в легкой гримасе Певкеста, Багоас покорно поднялся. Его обведенные темными кругами глаза казались огромными, а крайняя худоба подчеркивала красивое строение черепа. Он тоже обрился наголо и, должно быть, не давал волосам отрастать, постоянно их подбривая. Лицо его напоминало маску из слоновой кости. Да, надо будет как-то о нем позаботиться, подумал Певкест.

— Ты знаешь, — сказал он, — что Александр умер, не оставив завещания?

Молодой евнух ответил утвердительным жестом. Помолчав немного, гость произнес:

— Да. Он долго не сдавался.

— Верно. А когда понял, что общечеловеская судьба обрушилась на него, то уже потерял дар речи. Иначе он не забыл бы наградить преданных слуг… Ты знаешь, я молился за него в храме Осараписа. В ту долгую ночь мне удалось поразмыслить о многом.

— Да, — вяло сказал Багоас. — Да, то была долгая ночь.

— Помнится, он говорил мне когда-то, что имение твоего отца находилось неподалеку от Суз, но его несправедливо обвинили в измене и убили, когда ты был еще совсем ребенком. — Не было необходимости добавлять, что мальчика оскопили, продали в рабство и в итоге подарили Дарию для плотских утех. — Если бы Александр мог говорить, то, я думаю, он приказал бы, чтобы тебе вернули отцовские земли. Поэтому я собираюсь выкупить их у нынешнего владельца и передать в твое распоряжение.

— Щедрость моего господина подобна струям дождя, увлажняющим пересохшее речное русло. — По-прежнему пребывая в рассеянности, Багоас тем не менее сопроводил слова изящным движением руки: сказывалась выучка человека, с тринадцатилетнего возраста состоявшего при царских особах. — Но мои родители давно

умерли, так же как и сестры, по крайней мере, если судьба проявила к ним милосердие. Братьев у меня не было и сыновей никогда не будет. Наш дом сгорел дотла, так ради кого же я буду отстраивать его заново?

Он принес свою красоту в жертву покойному, понял Певкест, и теперь ему хочется умереть.

— И все-таки, возможно, тень твоего отца возрадуется, увидев, что сын вновь утвердил его славное имя на земле предков.

В запавших глазах Багоаса отразилось раздумье, однако создавалось впечатление, что мысли его витали в потустороннем мире.

— Если бы мой господин в своем великодушии мог дать мне немного времени…

«Это все отговорки, — подумал Певкест. — Ладно, я сделал что мог».

В тот же вечер к нему в гости пришел Птолемей. Заглянул проститься перед отъездом в египетскую сатрапию. Понимая, что, возможно, им уже больше не суждено будет встретиться, друзья углубились в воспоминания. Речь вскользь зашла и о Багоасе.

— Он умел развеселить Александра, — сказал Птолемей. — Я часто слышал, как они смеялись.

— Сейчас в это верится с трудом, — заметил

Певкест, вспоминая об утреннем визитере.

Разговор свернул на другие темы, но Птолемей, не желая тратить время попусту, вскоре сослался на множество завтрашних дел и ушел.

Дом Багоаса стоял в райском саду близ дворца. Он был небольшим, но изысканным: Александр частенько проводил там вечера. Птолемей, глянув на факелы, установленные на консолях у входа, припомнил, как некогда этот уголок парка оглашал доносившийся из-за дверей искренний смех, а порой и звонкий альт евнуха, поющего под звуки арфы и флейты.

Сейчас особняк выглядел мрачным и необитаемым, но, присмотревшись, Птолемей увидел за окном тусклый желтоватый огонек одинокой лампы. Залаяла какая-то собачонка, затем за решеткой появилась физиономия сонного слуги, который сказал, что его господин удалился от дел на покой. Отбросив чопорность, Птолемей обошел дом и заглянул в окно.

— Багоас, — тихо позвал он, — это Птолемей. Завтра я уезжаю навсегда. Ты не хочешь со мной проститься?

Почти тут же в тишине послышался слабый голос:

— Пригласите войти господина Птолемея. За-

жгите светильники. Принесите вина.

Птолемей вошел, вежливо отклоняя все церемонии, но Багоас так же вежливо на них настоял. Свет принесенной свечи озарил его поблескивающий, как слоновая кость, череп. Он так и не снял строгое платье, надетое перед визитом к Певкесту; сейчас оно выглядело помятым, словно в нем спали, хотя верхний жилет был застегнут наглухо. На столе лежала табличка, испещренная многочисленными значками вокруг перечеркнутой попытки нарисовать чье-то лицо. Багоас отодвинул набросок в сторону, освободив место для подноса с вином, и с безупречной вежливостью поблагодарил Птолемея за ту честь, что он оказал ему своим посещением. Когда рабы зажгли лампы, он взглянул на гостя безучастным, слепым взором запавших глаз, точно сова, узревшая дневной свет. Вид у него был слегка безумный, и Птолемей невольно подумал: «Неужели я опоздал?»

Он сказал:

— Ты искренне скорбишь по нему. Я тоже. Он относился ко мне как к брату.

Лицо Багоаса осталось безучастным, но тихие слезы заструились из его глаз, словно кровь из открытых ран. Он рассеянно смахнул их, как люди

откидывают прядь волос, имеющую обыкновение сползать на глаза, и повернулся к столу, чтобы налить вина.

— Нашими слезами мы воздаем ему должное, — сказал Птолемей. — Он тоже оплакивал бы нас. — Он помедлил. — Но если умершие продолжают любить то, что любили при жизни, то, возможно, они ждут от своих друзей не одних только слез.

В лице Багоаса, походившем на костяную маску, что-то дрогнуло. На Птолемея устремился взгляд, полный безысходного горя, однако смягченный давней привычкой к мягкой иронии.

— Неужели? — обронил он.

— Мы оба знаем, что он ценил больше всего. При жизни — почет и любовь, а после жизни — бессмертную славу.

— Верно, — сказал Багоас. — Но что же из этого следует?

К его пробудившемуся вниманию добавился некий усталый скепсис. Наверное, такое отношение вполне оправданно, подумал Птолемей. Три года он провел при опутанном интригами дворе Дария… да и после того их, в сущности, было не меньше.

— Что ты видел с тех пор, как он умер? Давно ли

ты уединился здесь?

Распахнув большие темные разочарованные глаза, Багоас произнес с каким-то жутковатым спокойствием:

— Со дня слонов.

На мгновение Птолемей лишился дара речи: дух смерти стал пугающе ощутимым. Подавив ужас, он сказал:

— Да, такая казнь могла разгневать его. Неарх говорил о том, и я тоже. Но мы оказались в меньшинстве.

Багоас сказал, отвечая на невысказанный вопрос:

— Кольцо перешло бы к Кратеру, если бы он находился здесь.

Птолемей нерешительно медлил, обдумывая, как лучше повести разговор. Евнух выглядел как человек, только что пробудившийся от сна и погруженный в свои мысли. Вдруг взгляд его обострился.

— Послали кого-нибудь в Сузы?

— Плохие новости разлетаются быстро.

— Новости? — с нескрываемым раздражением бросил Багоас. — Там нуждаются не в новостях, а в защите.

Вдруг Птолемей вспомнил о том, что говорила

сосватанная ему Александром персидская жена Артакама, принадлежавшая к царскому роду. Птолемей решил оставить ее здесь в семье, пока (как он сказал ей) не обустроится в Египте получше. После привольной непринужденности греческих гетер он неловко чувствовал себя в отрешенной от мира сугубо женской атмосфере гарема. Кроме того, ему хотелось обзавестись наследником чисто македонских кровей, что диктовало необходимость посвататься к одной из многочисленных дочерей Антипатра. Но в гареме шептались о странном… Багоас сверлил его взглядом.

— До меня дошел слух… наверняка вздорный, что в здешнем гареме заболела и умерла какая-то знатная персиянка, недавно прибывшая из Суз. Однако…

Дыхание Багоаса со свистом прорвалось сквозь сжатые зубы.

— Если Статира прибыла в Вавилон, — произнес он глухим замогильным голосом, — то, несомненно, она должна была заболеть и умереть. После первой же встречи с этой бактрийкой я мог умереть от такой же болезни, если бы не угостил присланными ею сладостями собаку.

Птолемей подавил рвотный позыв. В послед-

ний раз он был в Сузах с Александром, его даже пригласили на семейный обед к Сисигамбис. Жалости и отвращению противостояло соображение, что если на деле так все и было, а Пердикка потворствовал преступнице, то правомочен и его собственный замысел, с каким он пришел к Багоасу.

— С тех пор как боги призвали Александра, — сказал он, — его славное дело оказалось в руках не слишком верных последователей. Людям, не обладающим величием его души, следовало бы, по крайней мере, достойно чтить его память.

Багоас взирал на него с некой спокойной и утомленной задумчивостью. Он словно стоял перед дверью, собираясь уйти, и решал, сделать это сейчас или выждать какое-то время.

— Зачем ты здесь? — спросил он.

Живой покойник отбросил почтительность, отметил Птолемей. Отлично, это сбережет время.

— Я объясню тебе. Меня беспокоит судьба тела Александра.

Багоас не шевельнулся, но все в нем вдруг изменилось, апатия вмиг перешла в собранность и настороженность.

— Они дали клятву! — воскликнул он. — Кля-

лись водами Стикса.

— Клятву? Ах да, но это уже другая история. Я имею в виду не его пребывание в Вавилоне.

Птолемей оживился. Его собеседник явно отступил от порога смерти. Узрев новый смысл в своем дальнейшем существовании, Багоас весь обратился в слух.

— Они затеяли изготовление золотой погребальной лодки; безусловно, это великолепно и достойно его. Но мастерам придется над ней основательно потрудиться. А потом Пердикка отправит его в Македонию.

— В Македонию?!

Выражение ошеломленного ужаса на лице евнуха сильно удивило Птолемея, воспринимавшего как должное традиции своей родины. Но с другой стороны, испуг перса должен был сыграть ему на руку.

— Таковы наши обычаи. Разве Александр не рассказывал тебе, как хоронил своего отца?

— Рассказывал. Но ведь они здесь пытались…

— Их соблазнил Мелеагр. Мерзавец и дурак, и этот мерзавец уже мертв. Но в Македонии могут возникнуть совершенно иные обстоятельства. Регенту почти восемьдесят, он может отправиться в мир иной ко времени прибытия погребального

каравана. А его наследником станет хорошо известный тебе Кассандр.

Тонкая рука Багоаса выразительно сжалась в кулак.

— И зачем только Александр сохранил ему жизнь? Отдал бы его мне. Это было бы самым мудрым решением.

Не сомневаюсь, подумал Птолемей, глянув на суровое лицо собеседника.

— В общем, в Македонии царя должен будет похоронить его законный наследник; так подтверждается право наследования. А Кассандр только этого и ждет. Так же как и Пердикка; он планирует провести погребение сам. От имени сына Роксаны, а если не будет сына, то, возможно, и от себя лично. Есть также Олимпиада, не менее сильный противник. Там начнется жестокая война. И рано или поздно тому, кто завладеет его погребальной лодкой, несомненно, понадобится ее золото.

Пристально посмотрев на Багоаса, Птолемей отвел глаза. Ему вспомнилось, каким был этот изящный женственный юноша, безусловно преданный, в том нет сомнений, и все же склонный к легкомыслию фаворит, скрашивающий минуты досуга — и только. Кто мог предположить,

что он способен на такое глубокое личное горе, на такую духовную строгость? Какие картины сейчас проходят перед этими настороженными глазами?

— И поэтому, — без всякого выражения спросил Багоас, — ты пришел ко мне?

— Да. Я смогу предотвратить эту недостойную войну, если у меня будет верный помощник.

Багоас, словно размышляя вслух, произнес:

— Надо же, они станут драться за право похоронить его. — На лицо его легла новая тень. — А что ты намерен предпринять?

— Если мне сообщат о том, когда погребальный кортеж тронется в путь, то я прибуду из Египта, чтобы перехватить караван по дороге. Затем, если мне удастся договориться с эскортом — а я полагаю, что мне это удастся, — я доставлю Александра в основанный им город и захороню там.

Птолемей ждал. Он понимал, что его план сейчас подвергается серьезной оценке. По крайней мере, у Багоаса нет к нему никаких застарелых претензий. Совершенно не обрадованный, когда Александр раскрыл свое сердце и постель какому-то персу, Птолемей всегда относился к нему сдержанно, но без высокомерия. Позднее, когда стало ясно, что этот бескорыстный

и малоразговорчивый евнух деликатен и прекрасно воспитан, их случайные встречи стали непринужденными и дружелюбными. Однако, ублажая двух царей, вряд ли можно сберечь в себе наивное и безыскусное восприятие жизни. Но искушенность как раз и должна помочь Багоасу оценить по достоинству сделанное ему предложение.

— Ты размышляешь, что я при этом выгадаю, но что же тут непонятного? Замысел, разумеется, фантастический и сулит очень многое. Возможно даже, осуществив его, я стану царем. Но клянусь богами, я никогда не буду претендовать ни на Македонию, ни на Азию. Никто из ныне живущих людей не сможет с достонством носить мантию Александра, а те, что польстятся на нее, погубят себя. Египет я смогу отстоять, смогу править там так, как он мыслил. Тебя не было в том походе, но он очень гордился Александрией.

— Да, — сказал Багоас, — я знаю.

— Мы вместе с ним ходили в пустыню к оракулу Амона в Сиве, — припомнил Птолемей. — Ему хотелось узнать свою судьбу.

Он продолжил рассказ, ибо почти мгновенно приземленная настороженность стерлась с чуткого лица перса, что моментально превратило его

в искренне заинтересованного ребенка. Как часто, подумал Птолемей, должно быть, он так же зачарованно внимал словам Александра! Воспоминания этого юноши наверняка подобны драгоценному свитку. Но возможно, сторонние сведения тоже возымеют какую-то ценность в его глазах и будут занесены в этот свиток хотя бы в качестве дополнений.

Подумав так, Птолемей постарался подробно описать тот переход через пустыню — со спасительным дождиком, указующими путь воронами, охраняющими сон путников змеями и таинственным пением песков, а также тот благодатный оазис — с его прудами, пальмовой рощей, удивительными пустынниками в белых одеждах и каменным акрополем, вмещающим святилище и знаменитый внутренний двор, где им были явлены вышние предначертания.

— Мы подошли к красной скале, к источнику. В его водах нам надлежало омыть принесенные с собой золотые и серебряные дары, дабы очистить их для бога, а заодно очиститься и самим. Солнце палило, вокруг царил зной, а вода, помню, была ледяная. Александра, разумеется, очищать не собирались. Он же был фараоном. От него самого исходила божественная энергия. Поэтому

его провели прямо в святилище. Снаружи все казалось ослепительно-белым, и сам воздух дрожал и струился. Зато вход выглядел как черный зев, возникало впечатление, что внутренний мрак в нем кромешен. Но Александр шагнул во тьму так, словно его глаза видели дальние, скрытые от нас горы.

Багоас кивнул, как бы говоря: «Понятно, продолжай».

— Вскоре мы услышали пение, заиграли арфы, кимвалы, систры, и появился оракул. В самом святилище он бы не поместился. А Александр стоял там, наблюдая из темноты. Так вот, после всего этого откуда-то выступили жрецы, сорок пар жрецов, и подняли вместилище божественных откровений — двадцать встали впереди, двадцать сзади. Они поддерживали оракул, как носилки, положив жерди на плечи. Сам оракул напоминал своеобразную лодку. Я не совсем понял, почему богу понадобилось вещать с лодки на суше. Но у Амона есть один очень древний храм в Фивах. Александр, помню, говорил, что, должно быть, бог изначально продвигается по реке.

— Расскажи мне об этой лодке, — смиренно попросил Багоас, совсем как дитя, жаждущее

услышать перед сном сказку.

— Она была длинной и легкой на вид, похожей на те плоскодонки, с которых охотятся на нильских птиц. Но все борта ее были обшиты золотом и увешаны золотыми и серебряными дарами просителей… самыми разнообразными драгоценными вещицами; все они блестели, покачиваясь и позвякивая. А в центре находилось воплощение самого бога. С виду оно казалось чем-то сферическим. Жрец, выслушав вопрос Александра, вышел во двор. Он начертал что-то на золотой полоске и сложил ее. Потом возложил эту полоску на плиту перед богом и начал молиться на каком-то особенном языке. И вдруг лодка ожила. Она стояла на том же самом месте, но чувствовалось, что в ней зарождается жизнь.

— Ты видел это? — внезапно спросил Багоас. — Александр говорил, что он находился слишком далеко.

— Да, видел. Носильщики стояли в ожидании с отрешенными лицами, я бы сравнил их с плавающими в заводи обломками, которые вот-вот подхватит и увлечет за собой речное течение. Лодка еще даже не шелохнулась, но не имелось сомнения, что незримый поток прибывает. Полоска с вопросом лежала, поблескивая на солнце.

Кимвалы вели приглушенную тягучую мелодию, а флейты играли все громче. Потом носильщики стали слегка покачиваться, словно щепки на волнах. Ты знаешь, как этот бог отвечает? Положительный ответ тянет лодку вперед, а отрицательный — назад. Все носильщики, как один, двинулись вперед, будто водоросли или стайка осыпавшейся в пруд листвы, а когда остановились перед плитой с лежащим на ней вопросом, нос лодки опустился. Тут зазвучали трубы, и мы восторженно замахали руками, выкрикивая приветствия. Мы дождались выхода Александра из святилища. Жара была просто жуткая. Так нам, по крайней мере, казалось, ведь мы еще не побывали в Гедросии.

Понимающая призрачная улыбка появилась на лице слушателя. Им обоим — и македонцу, и персу — посчастливилось выжить в том ужасном походе.

— Наконец он вышел вместе с главным жрецом. По-моему, ему удалось узнать больше, чем хотелось. Александр явился из тьмы с каким-то отрешенным благостным видом. Помню, он прищурился, вдруг оказавшись на ярком солнце, и затенил глаза ладонью. Он видел всех нас, но с улыбкой смотрел куда-то вдаль.

С улыбкой он смотрел на Гефестиона, однако об этом не стоило упоминать.

— Египтяне полюбили его. Александр спас их от персов, и они слагали в его честь гимны. Он с уважением отнесся ко всем их святилищам, осквернённым Охом. Мне хочется, чтобы ты увидел, как он спланировал Александрию. Не знаю, много ли там успели выстроить, нынешний правитель Египта вызывает у меня сомнения. Однако я знаю, что именно задумал Александр, и, когда доберусь туда, позабочусь, чтобы все было сделано по его замыслу. Остается только одна деталь, не отмеченная на его чертежах: мавзолей, где мы будем воздавать ему почести. Но мне известно некое место на берегу моря. Он подолгу любил там стоять.

Взгляд Багоаса застыл на огоньке светильника, отраженном в его серебряном кубке. Вдруг он поднял глаза.

— И что же ты придумал?

Помолчав, Птолемей перевел дух. Он успел вовремя.

— Поживи пока здесь в Вавилоне. Ты отказался от предложения Певкеста, никто больше не станет беспокоиться о тебе. Если у тебя отберут этот дом для какого-то ставленника Пердикки,

постарайся смириться. Оставайся здесь до тех пор, пока не узнаешь, когда должна отправиться погребальная лодка. Затем приезжай ко мне. В Александрии у тебя будет дом поблизости от его мавзолея. Ты понимаешь, что в Македонии такое было бы попросту невозможно.

«В Македонии, — подумал он, — уличные мальчишки стали бы швырять в тебя камни. Но ты и сам можешь о том догадаться, нет нужды приводить этот резон».

— Скрепим договор? — спросил Птолемей.

Он протянул евнуху широкую правую руку; ладонь ее загрубела от постоянных упражнений с копьями и мечами, мозоли тут же рельефно оттенил свет. Бледная, тонкая и холодная как лед рука Багоаса ответила на редкость крепким и надежным пожатием. Птолемей было удивился, но вспомнил, что перед ним искусный танцор, чьи мускулы натренированы ничуть не хуже, чем у бойца.

С последней мучительной схваткой Роксана почувствовала, что голова младенца выходит на свет. С помощью опытной повивальной бабки следом за головой довольно быстро, принося приятное облегчение, выскользнуло влажное тельце. В изнеможении роженица вытянулась

на кровати, истекая потом и тяжело дыша, потом услышала тонкий и пронзительный крик.

Срывающимся от истощения голосом она крикнула:

— Кто родился? Мальчик?

Ответом был хор шумных восхвалений и добрых пожеланий. Роксана издала долгий торжествующий стон. Акушерка показала ей младенца с еще не отсеченной синеватой пуповиной. Из-за угловой ширмы появился бдительно следивший за родами Пердикка, он убедился в мужском поле ребенка и, пробормотав что-то традиционное, покинул комнату.

Пуповину перевязали, потом приняли послед, мать и ребенка омыли теплой розовой водой, вытерли и умастили благовонным мирром. Александра Четвертого, великого царя Македонии и Азии, передали матери.

Он охотно прижался к ее теплому телу, но Роксана подняла его на вытянутых руках, чтобы получше разглядеть. Младенец был темноволосым.

Коснувшись этой легкой поросли пальцем, акушерка сказала, что первые волосики скоро выпадут. Красный и сморщенный новорожденный возмущенно корчился в материнских

ладонях, но Роксана успела разглядеть, что к его красноте примешан оливковый, а не розоватый оттенок. Он будет смуглым, в свою бактрийскую родню. Что же тут удивительного? Оказавшись вместо надежного и уютного материнского чрева в холодной и чуждой среде, младенец выразил свое недовольство громким воплем.

Давая отдых рукам, Роксана опустила ребенка на грудь. Вопли прекратились, юная рабыня с опахалом вновь подошла к кровати роженицы. Суматоха закончилась, и женщины тихо и молча навели порядок в покоях царской жены. Во дворике за дверьми поблескивал под теплым зимним солнцем карповый пруд. Отраженный свет падал на туалетный столик, где лежала, отливая серебром и золотом, укладка для притираний, некогда принадлежавшая царице Статире, рядом стояла ее же шкатулка с драгоценностями. От всего этого веяло незамутненной праздничной триумфальностью.

Заботливая нянька притащила старинную царскую колыбельку, отделанную золотом и пожелтевшей от времени слоновой костью. Роксана натянула на уснувшего малыша покрывало. В глаза ей бросилось почти незаметное на затейливой вышивке кровавое пятнышко.

Ее живот свела судорога тошнотворного страха. Когда она переселилась в эти покои, здесь сменили всю обстановку и драпировки. Не тронули только великолепную царскую кровать.

Ей вспомнилось, как корчилась Статира и как молила, протягивая к ней руки. «Помоги мне! Помоги!» — повторяла она, слепо комкая свои одежды. Роксана бесцеремонно приподняла подол персиянки, чтобы взглянуть на побежденного врага, соперника ее сына, — тот все-таки успел выбраться в мир, которым ему не суждено было править. Пискнуло это отродье тогда хоть разок или нет? Она не помнила, зато ее собственный младенец, потревоженный невольно сжавшимися пальцами матери, издал скорбный вопль.

— Вы позволите взять его, госпожа? — робко спросила приблизившаяся к кровати нянька. — Может быть, госпоже хочется отдохнуть?

— Позже.

Она ослабила хватку, довольный ребенок успокоенно прижался к ней. Он царь, а она мать царя, теперь никто этого не изменит.

— Где Аместрин? Эта проклятая Аместрин подсунула мне в постель грязное покрывало! Оно отвратительно воняет, подайте мне чистое.

Если я еще раз увижу его, то по вашим спинам пройдутся палки.

Засуетившиеся в панике служанки нашли другое покрывало, а парадное, над которым долго и кропотливо трудились вышивальщицы еще во времена Артаксеркса, мгновенно исчезло. Малыш уснул. Задремала и Роксана в приятной послеродовой расслабленности. Во сне ей привиделся маленький недоносок с лицом Александра, лежащий в луже крови, его серые глаза гневно уставились на нее. Она проснулась от ужаса. Но все было спокойно. Тот младенец давно мертв, он не причинит ей вреда. Теперь миром будет владеть ее сын. Она вновь погрузилась в сон.

322 год до н. э.

Войско царя Филиппа раскинуло лагерь на персидских холмах. Почерневший от золы и перепачканный кровью Пердикка с трудом спускался по каменистой тропе, усеянной трупами и брошенным оружием. Над ним в облаках едкого дыма кружили зоркие грифы, чуть поодаль камнем падали вниз коршуны. Число крылатых падальщиков неуклонно увеличивалось по мере продолжения пиршества. Македонцы, не претендуя на их долю в добыче, копались в обуглившихся руинах Исаврии.

Когда-то Александр пощадил сдавшихся без сопротивления исаврийцев, приказав им разрушить крепость, из которой они совершали грабительские набеги на всех соседей, и впредь жить своим трудом. За время его долгого отсутствия они убили поставленного над ними сатрапа и взялись за старое. На сей раз нечистая совесть, а может, также и то, что Пердикка внушал им меньше доверия, чем Александр, подвигли их ожесточенно защищать свое гнездо в скалах вплоть до ужаснувшего многих конца. После падения внешних укреплений они запер-

ли все добро вместе с женами и детьми в домах, подожгли дерево стен и солому крыш, а затем под адский рев пламени устремились на македонские копья.

Почти полтора десятилетия военных походов сделали Пердикку практически нечувствительным в этом плане, через пару дней детали всей этой истории можно будет и посмаковать, но на сегодня ему с лихвой хватило отвратительного зловония сгоревшей плоти, все еще висевшего в воздухе, и он с радостью воспринял известие, что внизу в лагере его ждет курьер. Брат Пердикки и первый помощник Алкета, тоже закаленный воин, вполне мог сам присмотреть за поисками полурасплавленного золота и серебра. Шлем от жара стал обжигающе-горячим. Пердикка стащил его с головы и вытер вспотевший лоб.

Из царской кожаной и разрисованной гербами палатки вышел Филипп.

— Ну как, мы победили? — спросил он.

Филипп настоял на том, чтобы его нарядили в панцирь и наголенники. Во времена Александра он, следуя за войском, носил обычное платье, но сейчас, став царем, понял, что вправе сменить его на доспехи. Собственно говоря,

Арридей всегда рвался в бой, однако он привык к послушанию еще при брате и никогда не пытался проявить своеволие, зная, что драться ему все равно не дадут.

— Ты весь в крови, — заметил царь. — Тебе нужно показаться лекарю.

— Мне нужно искупаться.

Бывая наедине с правителем, Пердикка обходился без церемоний. Удовлетворив любопытство Филиппа, он удалился в свою палатку, умылся, переоделся и велел привести гонца.

Вид того вызвал у него удивление. Доставленное послание было немногословным, формальным, зато сам курьер явно мог рассказать многое. Крепкий седой ветеран, потерявший большой палец в битве при Гавгамелах, уже разменял седьмой десяток и вдобавок принадлежал к довольно знатному роду. Таких, скорее, избирают на роль посланников, а не обычных гонцов.

Изображая довольство, сдобренное вполне обоснованными опасениями, Пердикка перечитал письмо, чтобы выиграть время для размышлений.

Дочь Филиппа и сестра Александра Клеопатра приветствует Пердикку, регента азиатских царств…

После традиционных пожеланий благополучия и процветания в послании коротко упоминалось об их родстве, о его выдающемся служении Александру и высказывалось предположение о необходимости встречи для обсуждения дел, «касающихся благоденствия всей Македонии». Правда, какие именно это дела, оставалось неясным. Однако последняя фраза явно давала понять, что царица уже выехала из Додоны.

Посланник с показной небрежностью вертел в руках кубок с вином. Пердикка прочистил горло.

— Могу ли я надеяться, что меня милостиво воспримут, если я осмелюсь просить руки досточтимой госпожи Клеопатры?

Посланник подтвердил его догадку благосклонной улыбкой.

— Пока у нас есть царь, избранный лишь македонцами, пребывавшими в Азии. Однако оставшиеся на родине воины, вероятно, предпочтут сделать свой выбор.

Несмотря на завершившийся победой день, Пердикка испытывал полнейшее опустошение. Возвращаясь в лагерь, он мечтал принять ванну, отдохнуть, выпить вина и вовсе не был готов вот так ни с того ни с сего давать кому-то скоропали-

тельное согласие воссесть на трон Македонии. После многозначительной паузы он произнес с определенной долей сухости:

— Такое счастье превозошло бы самые смелые мои ожидания. Я боюсь только, что она все еще оплакивает Леонната.

Ветеран, успевший до прихода Пердикки изрядно нагрузиться вином, благодаря радушию лагерного распорядителя поудобнее устроился в кресле. Вино было разбавлено лишь каплей воды, но сейчас Пердикке как раз и требовалось хватить чарку покрепче. Как солдату с солдатом. Дипломатия может и подождать.

— Могу сказать тебе, командир, чего стоил тот выбор царицы. В детстве ей оказали услугу, и она это запомнила. Как-то раз, будучи еще мальчишкой, Леоннат залез на дерево, чтобы достать ее кошку. Ты же знаешь, каковы женщины.

— А в итоге, я полагаю, они не сошлись характерами?

— Не сошлись. Вернувшись из Азии, он отправился на юг усмирять греков, но успел только собрать свои войска в Македонии и дойти до восставшей крепости. Ему не повезло, он погиб, так и не узнав, что мы победили.

— Жаль. Я слышал, он дрался, пока мог сто-

ять. Отважный был воин, но едва ли в царях это главное.

— Однако она уже вполне смирилась с утратой, — напрямик заявил старый вояка. — Так говорят все, кто знает ее. Жизнь с ним кажется ей теперь наваждением. Госпожа Клеопатра быстро оправилась от горя. К счастью у нее есть возможность подумать о более достойном женихе. — Он вновь осушил свой кубок. Пердикка не преминул тут же наполнить его. — О командир, если бы она видела тебя при Гавгамелах!

Восклицание незамедлительно увлекло обоих в пучину воспоминаний о славной битве. Когда они вновь вернулись к насущным проблемам, Пердикка сказал:

— Мне думается, главное в том, что ей хочется избавиться от опеки Олимпиады.

Раскрасневшийся и разомлевший от вина посланец с грохотом поставил кубок и облокотился на стол.

— Командир! Между нами, ее матушка — подлинная горгона. Она буквально сжирала бедняжку по кусочкам, пока не прибрала к рукам все дела в ее доме, не говоря уже обо всем царстве. Не то чтобы Клеопатре недостает силы духа, но ей трудно, ох как трудно одной, без мужской

поддержки противиться своей родительнице. Та окружила себя преданными молоссианами, которые почитают ее, как царицу. В сущности, она и является царицей. И выглядит царственно, и внушительности ей не занимать. К тому же она — мать Александра.

— О да! Значит, Клеопатра намерена оставить ей Додону, а сама хочет выдвинуть претензию на Македонию?

— Она же дочь Филиппа.

Пердикка, быстро сообразивший, что к чему, заметил:

— Покойный правитель Додоны оставил ей сына.

У него не было никакого желания опекать пасынка.

— Он получит наследство на родине, его бабка присмотрит за этим. Поговорим о Македонии. Конечно, не было случая, чтобы женщина правила македонцами. Однако дочь Филиппа, вышедшая замуж за человека царского рода, который уже фактически правит как царь… — Вдруг, вспомнив о чем-то, ветеран схватился за висевший на поясе кошель и вытащил из него плоский предмет, завернутый в богато расшитую шерстяную тряпицу. — Госпожа просила передать тебе

это, понимая, что прошло много лет с тех пор, как ты видел ее.

То был портрет, искусно нанесенный восковыми красками на деревянную плашку. Даже с учетом некоторой шаблонности, сглаживающей индивидуальные черты и изъяны, было очевидно, что на портрете изображена дочь Филиппа. Густые волосы, широкие, взлетающие вверх брови и решительный твердый подбородок одержали победу над пресной попыткой художника угодить всем и вся. Пердикка вспомнил, что Клеопатра на пару лет моложе Александра — значит, сейчас ей чуть больше тридцати.

— Царственная и весьма привлекательная особа, — произнес он вслух. — Она сама по себе уже подарок, даже без царства.

Выигрывая время, он продолжал нахваливать Клеопатру. Опасность была велика. Александр давно приучил его к взвешенным и обдуманным действиям.

— Ладно, — сказал он наконец. — Все это надлежит серьезно обдумать. Да и госпоже Клеопатре нужно, очевидно, нечто большее, чем простое согласие. Однако для таких размышлений требуется свежая голова. Сегодня за ужином я сообщу всем, что ты привез письмо от Олимпиады.

Она вечно кому-нибудь пишет.

— Я привез и его. Она одобряет эту идею, как ты можешь догадаться.

Пердикка, отложив новый, более увесистый свиток в сторону, крикнул управляющего и велел ему подыскать жилье для гостя, а сам, оставшись в одиночестве, облокотился на грубый походный стол и устало обхватил руками голову.

В таком виде Пердикку и застал его брат Алкета, он вошел в палатку следом за слугами, притащившими два полных мешка с грязными погромыхивающими трофеями: хорошо подкопченными кубками, перстнями, кольцами, ожерельями и самыми разнообразными серебряными и золотыми монетами. Исаврийцы успели награбить немало. Рабы удалились, а Алкета принялся показывать Пердикке добычу, но его раздосадовала мрачная отрешенность брата.

— Не слишком ли ты расчувствовался? — спросил он. — Ты же был с Александром в Индии, вспомни, как маллы едва не убили его. Тебе давно пора стать более толстокожим.

Пердикка раздраженно скривился.

— После поговорим. Ты не видел, вернулся ли уже в лагерь Эвмен? Разыщи его, мне необходимо увидеться с ним безотлагательно, а вымыться

и поесть он успеет попозже.

Через весьма короткое время появился чисто умытый, причесанный и переодетый Эвмен. Когда его позвали к Пердикке, он в своей палатке уже вспоминал вслух события дня. Все им сказанное тут же записывал Иероним, юный ученик, составлявший под его руководством хронику происходящего. Стройный и подтянутый Эвмен отлично окреп и загорел в этом военном походе; вскоре ему предстояло путешествие на север, в Каппадокию, где он должен был приступить к управлению новой сатрапией. Спокойно поприветствовав регента, грек с сосредоточенным видом устроился напротив него и внимательно прочел послание, подброшенное ему Пердиккой. В конце он позволил себе слегка приподнять брови.

Оторвав взгляд от свитка, Эвмен спросил:

— Так что же она предлагает? Регентство или трон?

Пердикка прекрасно понял вопрос. Он подразумевал: «Так что же ты собираешься предпринять?»

— Регентство. Иначе разве стал бы я тебя тревожить?

— Леоннат потревожил, — напомнил Эвмен. —

А потом решил, что я слишком много знаю.

Фактически ему едва удалось тогда спасти свою жизнь, во всеуслышание объявив о своей преданности отпрыску Александра.

— Леоннат вел себя как дурак. Македонцы могли бы перерезать ему глотку, да и меня прикончили бы, попытайся я усомниться в правах Александрова сына. Когда он вырастет, они, возможно, посадят его на трон, ну и ладно. Но в нем течет и бактрийская кровь. Со временем мальчик может утратить их благорасположение. Поживем — увидим. А до тех пор, лет по меньшей мере пятнадцать, я буду царем во всем, кроме титула. По-моему, такому предложению можно только порадоваться.

— Тебе — да, — решительно сказал Эвмен. — Но вот Антипатр вряд ли будет в восторге.

Пердикка откинулся на спинку скрепленного кожаными ремнями походного стула и вытянул длинные ноги.

— В том-то и загвоздка. Что ты мне посоветуешь? Как мне быть с Никеей?

— Жаль, — уронил грек. — Жаль, что Клеопатра не прислала это письмо на пару месяцев раньше. — Он погрузился в размышления, словно математик, ищущий подступы к очередной

теореме. — Никея уже тебе не нужна. Но обручальные дары ей послать стоит. Все-таки она дочь регента. И она уже едет к тебе.

— Зря я поторопился посвататься к ней. Вокруг царил такой хаос, и мне подумалось, что неплохо бы обзавестись союзниками, пока есть возможность. Александр никогда не связал бы вот так себе руки. Он женился только в своих интересах.

Редкая для Пердикки самокритичность. Должно быть, он не на шутку обеспокоен, подумал Эвмен. Он рассеянно повертел в руках свиток. Пердикка заметил, что даже ногти секретаря были безукоризненно вычищены.

— Да, Антипатр забрасывает своих дочерей, точно рыболов — приманку.

— Допустим, я польстился на эту приманку. И что дальше? — задумчиво спросил Пердикка.

— Ты только заглатываешь наживку. Но крючок еще не вспарывает тебе чрево. Тут надо подумать.

Эвмен поджал ровные тонкие губы. Даже в походе он ежедневно и тщательно брился. Вскоре, подняв глаза, он решительно заявил:

— Бери Клеопатру. Не медли. Вышли эскорт навстречу Никее, сообщи ей, что ты занемог от раны, будь вежлив, но убеди ее пока вернуться

домой. Действуй немедленно, чтобы Антипатр не успел развернуться. Если он пронюхает, что рыбка может сорваться с крючка, то ты даже не поймешь, где и когда тебя возьмут за жабры.

Пердикка закусил губу. Сказанное звучало достаточно убедительно, вероятно, именно так поступил бы и Александр. Если не брать в расчет то, что Александр никогда не оказался бы в таком положении. Кроме того, сомнения переборчивого жениха подпитывала одна тревожная мысль: Эвмен ненавидел Антипатра. Македонский регент третировал грека с тех самых пор, как тот стал младшим придворным секретарем, позже обласканным Филиппом за живой и гибкий ум. Старый македонец имел стойкое предубеждение против изнеженных, ненадежных и хитроумных южан. Преданность Эвмена и его отличные военные хроники не имели для него никакого значения. Даже когда в Азии Александр назначил грека своим главным секретарем, Антипатр зачастую старался действовать в обход его канцелярии. Раздосадованный этим Александр в конце концов даже повелел, чтобы тот направлял ему письма только через Эвмена.

И сейчас, когда Пердикке посоветовали сжечь все корабли, он заколебался. Старые распри,

сказал он себе, порой мешают даже мудрецам мыслить здраво.

— Да, — ответил он самым сердечным тоном. — Ты прав. Я напишу Клеопатре и завтра же отправлю посланника.

— Лучше бы передать все на словах. Письма иногда попадают не в те руки.

— Но я, скорее всего, сообщу ей, что уже женат на Никее. Это будет правдой, когда послание дойдет до нее. Я попрошу Клеопатру подождать, пока не смогу пристойным образом получить свободу. А до тех пор предоставлю в ее распоряжение дворец в Сардах и предложу считать нас тайно обрученными. Это даст мне простор для маневра.

Пристальный взгляд Эвмена подтолкнул его к дополнительным оправданиям.

— Если бы меня заботил один Антипатр… Но мне не нравятся слухи, доходящие из Египта. Птолемей набирает там большое войско. Достаточно одного ловкого хода, чтобы превратить его сатрапию в царство, и тогда вся империя распадется на части. Нам надо малость повременить и выяснить, что он творит.

* * *

Мягкие лучи зимнего солнца, проникая через поддерживаемое колоннами окно, озаряли небольшой приемный зал. Птолемей обосновался в красивом особняке, практически маленьком дворце, выстроенном для себя предыдущим правителем, которого он казнил за притеснение местного населения. С пологого холма открывался прекрасный вид на чистые прямые улицы города с величественными общественными зданиями, камень их светлых, еще не побитых временем стен украшали живописные фрески и позолота. Новые пристани и набережные обрамляли гавань; подъемники и подмости обегали пару почти законченных храмов. Их строительство начал еще Александр. Храм же, пока далекий от завершения, но обещавший стать самым великолепным, поднимался прямо на берегу, там он будет радовать своим видом прибывающие в порт корабли.

Утро у Птолемея выдалось многотрудное, но приятное. Он побеседовал с главным архитектором города Дейнократом о скульптурном оформлении храмов, выслушал отчеты нескольких инженеров, заменявших загрязненные

нечистотами каналы крытыми водостоками, и принял номархов, которым дал право вновь самим собирать налоги. Это примерно вдвое уменьшало налоговый гнет, каким обременил местных жителей его алчный предшественник. Он, видно, решил, выполняя поставленные перед ним Александром задачи, заодно и обогатиться, обложив египтян повышенными поборами и, соответственно, вынуждая их гнуть спину от зари до зари. Те неустанно трудились на вымогателя под угрозой уничтожения священных крокодилов, чьи места обитания в случае неуплат было обещано пустить под строительство новых зданий. (В итоге именно так негодяй бы и поступил, выжав из несчастных туземцев все соки.) Более того, весь этот произвол творился от имени Александра, что Птолемея окончательно разъярило, и он прошелся по всем приспешникам получившего по заслугам правителя, подобно всепоглощающему огню. Эти действия снискали ему всенародную славу и помогли вернуть любовь египтян.

Сейчас он занимался вербовкой. Отдавая ему во владение эту сатрапию, Пердикка разрешил держать в Александрии только две тысячи воинов. Прибыв на место, Птолемей обнаружил

почти взбунтовавшийся гарнизон, солдатам которого постоянно задерживали жалованье, отчего их служебное рвение резко упало. Теперь все изменилось. Александр не считал Птолемея самым блестящим из военачальников, но всегда высоко ценил его надежность, сообразительность, смелость и преданность, а главное, то, что он неусыпно заботился о своих подчиненных. До того как Александр принял на себя командование войсками, Птолемей сражался под началом Филиппа; эти два великих стратега многому научили его. Верный слову, достаточно вежливый и привлекательный, он мало уделял внимания личному благоустройству. Не прошло и года, как тысячи деятельных ветеранов, обосновавшихся в Александрии, стали проситься обратно на службу, а сейчас уже новые добровольцы спешили к нему как по суше, так и по морю.

Птолемей не позволил такому взрыву популярности воспламенить его собственные амбиции. Он знал свой шесток и вовсе не собирался обременять себя лишней ношей. Получив желанные владения, он был вполне доволен и намеревался лишь удерживать их под рукой. Ну разумеется, при удачном раскладе горизонты можно бы и расширить, но лишь слегка. Его солдаты были

прилично обучены и получали хорошее жалованье и кормежку.

— Ба, неужели передо мной сам Менандр! — сердечно воскликнул он, увидев последнего посетителя. — Мне казалось, ты где-то в Сирии. Что ж, здешним горам не сравниться с неприступными согдийскими скалами, где не гнездятся и птицы. На них ты запросто влезешь даже и без веревки.

Бывалый воин, признанный герой знаменитого штурма, радостно усмехнулся, почувствовав, что после года мучительной неопределенности прибыл наконец туда, куда нужно. Встреча порадовала обоих. После его ухода Птолемей решил передохнуть и прошел в свой кабинет. Его управляющий, на редкость благоразумный и услужливый египтянин, осторожно поскребся в дверь.

— Мой повелитель, — пробормотал он, — из Вавилона прибыл тот евнух, о котором вы говорили.

Сломанный нос на грубом лице Птолемея, подобно носу гончего пса, тут же почуял запах добычи.

— Я приму его здесь, — сказал он.

В ожидании гостя он удобно расположился в уютной, прохладной комнате, обставленной

в греческом стиле. И вскоре Багоас предстал перед ним.

Птолемей увидел перед собой знатного перса в неброском дорожном облачении, разумно экипированного портупеей, оттянутые прорези которой свидетельствовали об оставленном у охраны оружии. Евнух успел отрастить умеренной длины шевелюру, прикрытую сейчас круглой войлочной шапочкой. В общем, Багоас выглядел красивым, стройным, не лишенным изысканности мужчиной неопределенного возраста. Птолемей прикинул, что ему уже должно быть где-то около двадцати четырех лет.

С подобающим изяществом Багоас преклонил колени перед сатрапом, а его пригласили присесть и предложили вина, припасенного для дневного отдохновения. Памятуя о хороших манерах, Птолемей степенно поинтересовался, не сказались ли тяготы путешествия на здоровье гостя; он отлично знал, что с персами лучше не поспешать. Очевидно, о той полуночной встрече в райском уголке вавилонского сада тоже не стоило упоминать без особой необходимости: следовало соблюдать этикет. Как ему помнилось, в былые времена Багоаса отличали безграничные запасы тактичности.

Только после целой цепи учтивых фраз Птолемей счел возможным спросить:

— Какие новости?

Багоас отставил в сторону кубок с вином.

— Его отправят из Вавилона примерно через два месяца, считая с этого дня.

— А эскорт? Кто им будет командовать?

— Ариба. Никто не оспаривал его права.

Птолемей вздохнул с явным облегчением. Перед походом на юг он предложил поручить этому командиру разработку проекта и присмотра за сооружением погребальной лодки, упомянув о его обстоятельности и опытности. Арибе уже приходилось по велению Александра курировать возведение нескольких важных гробниц, и он умело руководил мастерами. Не было упомянуто лишь о том, что в Индии Ариба служил под началом Птолемея и что между ними сложились самые теплые отношения.

— Для вящей уверенности я выждал какое-то время, — продолжил Багоас. — Он нужен им. На случай, если в дороге придется ремонтировать лодку.

— Ты добрался сюда на редкость быстро.

— Я поднялся вверх по Евфрату, а потом на верблюдах доехал до Тира. Дальше морем. В общей

сложности — сорок дней.

— После короткого отдыха сможешь ли ты до выступления сопровождающего царя каравана опять попасть в Вавилон?

— Да, с божьего соизволения. Но так и так погребальный кортеж в лучшем случае доползет до побережья месяца через три. Перед ним, выравнивая дорогу, двинется отряд рабочих. Ариба прикинул, что они смогут преодолевать по десять миль в день на равнинных участках и по пять на холмистых при условии, что тянуть лодку будут шестьдесят четыре мула. Для переправы из Азии во Фракию намечено навести мост через Геллеспонт.

Исчез тихий безумец, скрывавшийся от мирских горестей в маленьком домике вавилонского парка. Багоас говорил с сосредоточенностью человека, нашедшего свое призвание. После долгого путешествия перс выглядел стройным, окрепшим.

— Значит, ты видел ладью? — спросил Птолемей. — Она достойна Александра?

Багоас задумался.

— Да, они сделали все, что в человеческих силах.

Ариба, должно быть, превзошел самого себя,

подумал Птолемей.

— Давай-ка подойдем к окну. Там есть кое-что интересное для тебя.

Он показал на храм, строящийся на берегу. Голубоватое море под выцветшими небесами плескалось за незаконченной колоннадой.

— Там будет его гробница.

Сдержанное лицо евнуха на мгновение озарилось светом лучистых, широко распахнувшихся глаз. Именно так, по воспоминаниям Птолемея о былой жизни, этот мальчик смотрел на Александра, когда тот проезжал мимо него на триумфальных парадах.

— Ее должны закончить через год. Жрецы Амона хотели отвезти его в Сиву. Они заявили, что он сам того пожелал бы. Но, подумав, я решил, что его место все-таки здесь.

— Если бы они, господин, увидели его ладью, то и думать забыли бы о таком путешествии. Как только колеса войдут в песок, даже слонам не удастся выволочь ее оттуда… А здесь строится прекрасный храм. Рабочие, видимо, трудятся на совесть, раз успели сделать так много.

Птолемей понимал, что Багоасу понадобится время, чтобы смириться с очередным его сообщением. Он мягко сказал:

— Строительство начали еще до меня. Александр лично одобрил проект. Этот храм он приказал возвести для Гефестиона. Он не представлял, как скоро такое сооружение может понадобиться ему самому.

Взгляд Багоаса вновь обратился к вечности. Он молча взирал на залитые солнцем стволы колонн. Потом спокойно произнес:

— Гефестион подарил бы ему свою гробницу. Он все, что угодно, готов был сложить к его ногам.

За исключением собственной гордости, подумал Птолемей. Именно поэтому Александр понимал его как самого себя. Но такое взаимопонимание сложилось между ними лишь потому, что их дружба зародилась в далеком детстве. Вслух он сказал:

— Многие с радостью пригласили бы погостить Александра даже посмертно. Итак, теперь давай обсудим наши дальнейшие действия.

Подойдя к столу, он откинул серебряную застежку шкатулки с документами.

— Я дам тебе в дорогу вот это письмо и достаточно денег. Свиток не стоит передавать в Вавилоне. Никого не удивит, что ты захочешь сопроводить караван. Не предпринимай ничего, пока процес-

сия не достигнет Фапсака — оттуда уже недалеко до границы сирийской сатрапии, — и только тогда вручи Арибе письмо. Оно ни к чему его не обязывает. Там просто сказано, что я встречу кортеж в Иссе, чтобы почтить память Александра. Едва ли он подумает, что я прибуду один.

— Я позабочусь, — хладнокровно сказал Багоас, — чтобы он был готов к этому.

— Если заедешь в Вавилон, не потеряй там письмо. Иначе Пердикка может послать целый полк для охраны.

Не тратя понапрасну слов, Багоас просто улыбнулся.

— Ты отлично справился с поручением. А теперь скажи мне, не слышал ли ты что-нибудь о ребенке Роксаны? Мальчик, должно быть, уже ходит. Похож ли он на Александра?

Багоас лишь слегка приподнял тонкую бровь.

— Сам я не видел его. Но в гареме говорили, что он пошел в мать.

— Понятно. А как поживает царь Филипп?

— Отменно здоров. Ему позволили ездить на слоне, и теперь он совершенно счастлив.

— Понятно. Хорошо, Багоас, ты заслужил мою благодарность и можешь отныне рассчитывать на меня. Когда отдохнешь, прогуляйся, посмотри

город, он станет твоим домом.

Воспитанный при дворе Дария, Багоас отвесил изящный низкий поклон, каким знатные люди обыкновенно выказывают свое почтение вышестоящим персонам, и удалился.

Позднее, когда солнце уже клонилось к западным пескам, он направился к строящемуся храму. Набережная стала излюбленным местом прогулок александрийцев, которые зачастую останавливались перед стройкой, чтобы посмотреть, как она продвигается. Там проводили свободное время македонские и египетские солдаты, купцы и ремесленники из Греции и Лидии, из Тира и Иудеи, а также с Кипра. Женщины прохаживались с детьми, гетеры подмигивали торговцам. Толпа, однако, собиралась не слишком большая; город был еще молодой.

Работавшие на строительстве каменотесы уже складывали инструменты в плетеные тростниковые сумки, их сменили ночные стражники, обремененные корзинками с едой и теплыми плащами. Со стоявших у причалов кораблей люди сходили на берег; корабельная охрана на бортах зажгла факелы, и их смолистый запах поплыл над водой. Сгустились сумерки, на храмовой колоннаде загорелся светильник, установленный

на высокой стойке. Подобную стойку помещали возле шатра Александра в Азии, чтобы показать, где находится командующий.

Гуляющие начали разбредаться по домам; вскоре на набережной никого не осталось, кроме стражников и одного молчаливого путешественника из Вавилона. Багоас смотрел на дом Гефестиона, в котором станет вечно гостить Александр. Вполне достойный гость и желанный хозяину, а все остальное уже не имеет значения. Что было, то было, и оно останется неизменным навеки. Когда Александр испустил последний вздох, Багоас понял, кто будет ждать его за рекой. Именно поэтому он не покончил счеты с жизнью; ему пока не следовало мешать их воссоединению. Но Александр никогда не был неблагодарным, никогда не отвергал ничьей любви. Однажды, когда закончится срок преданного земного служения Багоаса, его примут с радостью, как бывало всегда.

Он повернул назад к дворцовой гостинице, уже озаренной светильниками. Здесь Александру окажут подобающие почести. А самому ему больше ничего и не нужно.

* * *

В поместье покойного царевича Аминты Кинна и Эвридика укорачивали друг дружке волосы. Они готовились к путешествию. До границ Македонии было решено добираться в мужском платье.

Регент Антипатр осаждал неприступные крепости в горах Этолии, где еще тлели последние угли греческого мятежа. Он отправился туда с большей частью своих войск. Момент был удачным.

— Вот так достаточно, — сказала Кинна, отступая назад с ножницами. — Многие юноши носят волосы такой длины, с тех пор как Александр ввел их в моду.

Ни одна из них не согласилась бы обстричься совсем уж коротко; густые, волнистые волосы каждой, закрывая уши, спускались по шее к плечам. Призванная служанка явилась убрать остриженное. Эвридика, успевшая уложить дорожные сумки, подошла к угловой оружейной стойке и выбрала пару любимых метательных копий.

— Вряд ли нам выпадет случай попрактиковаться в дороге.

— Будем надеяться, — сказала Кинна, — что это-

го не случится.

— Разбойники наверняка побоятся напасть на отряд из десяти человек. — Они брали с собой охрану из восьми слуг. Дочь мельком глянула на мать и добавила: — А ты не боишься Олимпиады?

— Нет, она слишком далеко, и, когда до нее дойдут слухи о нашем отъезде, мы уже будем в Азии.

Эвридика вновь посмотрела на нее.

— Мама, зачем тут все это?

Кинна направилась к дочери. На стойках, столах и полках лежали семейные сокровища: наследство ее покойного мужа, доставшееся ему от царственного отца, и остатки ее собственного приданого. Царь Филипп устроил дочери пышную свадьбу, не скупясь на подарки. Она размышляла, что же взять с собой — в это рискованное путешествие. Дочке, конечно, не следует ехать ко двору с пустыми руками, но…

— Мама, тебя что-то тревожит. Может быть, ты волнуешься из-за того, что долго нет вестей от Пердикки?

— Да. Мне это не нравится.

— Как давно ты писала ему?

— Я ничего не писала. Это он любитель сочинять письма.

Повернувшись к полке, она взяла серебряный кубок.

— По-моему, ты что-то от меня скрываешь. Я уверена в этом. Почему Антипатр против нашего приезда? Неужели они собираются выбрать другого царя?.. Мама, не притворяйся, что не слышишь меня. Я уже не ребенок. Если ты тут же не скажешь всю правду, я вообще никуда не поеду.

Кинна повернулась к дочери, выражение ее лица еще несколько лет назад предвещало бы порку. Но сейчас высокая крепкая девушка неколебимо гнула свое.

Кинна поставила на место кубок с вырезанной на нем сценой охоты на вепря. Она закусила губу.

— Отлично, рано или поздно ты и сама бы все вызнала, но, наверное, чем раньше, тем лучше. Александр честно сказал мне, что это чисто формальная свадьба. Он предложил тебе богатство и титул, и я полагаю, что после торжеств ты могла бы, ко всеобщему удовольствию, отбыть домой.

— Ты никогда мне не говорила об этом?

— Нет, учитывая, что ты никогда не изъявляла желания торчать до старости в этой глуши. Ус-

покойся и выслушай меня. Он всегда стремился лишь к примирению наших родов. И к тому же верил всему, что наговаривала его мать. Он поверил, что его брат родился идиотом.

— Ну да, уж если идиот, то с рождения. Я ничего не понимаю.

— Разве ты забыла каменщика Стратона?

— Но ему-то на голову упал камень.

— Верно. Он же не с младенчества начал нести бред и просить палку, когда ему хотелось хлеба. Он свихнулся из-за того камня.

— Но всю свою жизнь я слышала, что Арридей — недоумок.

— Всю твою жизнь он и был таким. Тебе сейчас пятнадцать, а ему тридцать. Когда твой отец надеялся стать царем, он много рассказывал мне о родственниках Филиппа. Он говорил, что Арридей родился красивым и здоровым ребенком и хорошо развивался. Конечно, твой отец сам тогда еще был ребенком, и до него доходили лишь разговоры слуг, но он к ним прислушивался, когда речь шла о других детях. Они говорили, что Филипп был очень доволен этим мальчиком, а Олимпиада узнала об этом. И она поклялась, что отродье Филинны не сможет лишить ее сына трона. Арридей родился во дворце. Возможно,

она отравила его чем-то или по ее наущению кто-то ударил его по голове. В общем, такие слухи дошли до твоего отца.

— Какая мерзкая женщина! Бедный ребенок, я не поступила бы так даже с собакой. Но что сделано, то сделано. Теперь же, наверное, ничего не исправить?

— Только врожденные идиоты плодят себе подобных. Дети Стратона вполне здоровы.

Эвридика потрясенно вздохнула. Ее руки невольно сжали копье, словно она собиралась обороняться.

— Нет! Вы же условились, что этого не потребуется. Даже Александр говорил так. Ты же мне обещала!

— Тише, тише. Никто тебе ничего и не предлагает. Я просто рассказала тебе правду. Теперь ты догадываешься, почему Антипатр против этой свадьбы, а Пердикка перестал нам писать? Они не хотят вашего брака. И даже боятся его.

Эвридика стояла спокойно, рассеянно поглаживая ладонью древко копья, отлично отполированное и очень крепкое, из твердой кизиловой древесины.

— По-твоему, они боятся, что я могу основать новую ветвь царского рода, потеснив ветвь Алек-

сандра?

— Именно так я и думаю.

Рука девушки так сильно сжала древко, что побелели костяшки пальцев.

— Я согласна. Раз уж мне суждено отомстить за отца, то я согласна. Ведь он не оставил сыновей.

Кинна пришла в смятение. Она лишь хотела объяснить дочери, какие опасности их подстерегают. Не теряя времени, она добавила, что, возможно, слуги все выдумали. Об Олимпиаде вечно ходило множество небылиц вроде тех, что она совокуплялась со змеями и зачала Александра от небесного огня. Может, и в самом деле Филинна родила идиота, но идиотизм проявился, только когда ребенок подрос.

Внимательно осмотрев копье, Эвридика присоединила его к отложенному в дорогу оружию.

— Не волнуйся, мама. Давай сначала доберемся туда, а там уже посмотрим, что я должна буду сделать. А уж я сделаю все, что нужно.

«Что я натворила? — подумала Кинна. — Чего добилась?» Но, быстро опомнившись, она сказала себе, что не натворила пока еще ничего, а добилась именно того, чего и хотела. И она приказала принести со скотного двора чистого

козленка для жертвоприношения, посвященного их предприятию.

Ариба, создатель погребальной ладьи, ежедневно совершал обход мастерской. Щеголеватый, но не изнеженный воин и эстет, он приходился дальним родственником македонской царской династии и, разумеется, принадлежал к слишком знатной семье, чтобы работать ради денег. Александр с неизменной щедростью одаривал его за любые проекты, будь то гробница, царская барка или декорации для публичного зрелища, но отношения между ними были чисто дружеские. Александр, обожавший тратить и дарить деньги, обижался, когда их воровали, и ценил честность Арибы не меньше, чем его дарования. Птолемей, рекомендуя Пердикке Арибу, подчеркнул это достоинство, весьма не лишнее для человека, в руки которого попадет огромное количество золота.

И Ариба действительно очень ревностно следил за переработкой золота: ни одной драгоценной пылинки не прилипло ни к его пальцам, ни к чьим-либо еще. Контрольные взвешивания возвели в ранг каждодневных священнодействий. Великолепный проектировщик, всегда привлекаемый Александром, когда требова-

лось создать нечто роскошное и грандиозное, Ариба со вкусом и вдохновением использовал все доверенные ему сокровища во славу Александра и к своему собственному удовлетворению. Когда задуманное им величественное сооружение под молотками, стамесками и резцами отменнейших мастеров стало обретать форму, его ликование несколько приглушилось лишь ритуальной значимостью заказа; впрочем, ему представилось, что Александр тоже одобрил бы его творение. Он понимал в таких вещах толк. А мнение Пердикки никогда не волновало Арибу.

Заметив, что вокруг мастерской опять слоняется молодой евнух, Багоас кажется, он приветливо улыбнулся ему и пригласил зайти с ним внутрь. Вряд ли Ариба стал бы искать общества этого перса в обыденной жизни, но тот слыл тонким ценителем красоты, а его преданность покойному трогала душу. Было приятно позволить ему взглянуть на ход работ.

— Тебя ждет кое-что новенькое, — сказал он. — Вчера ладью поставили на колеса. Так что теперь ты сможешь обойти ее со всех сторон.

Ариба дал знак подручным. Заскрипели засовы, в большой двери отворилась маленькая

неприметная дверца. Они вошли в сумрак, окутывающий нечто блистательно-неземное.

Огромные съемные циновки, используемые в качестве кровли, предохраняющей творение от капризов погоды и ночных воров, быстро свернули в рулоны, открыв все великолепие дневному свету. Весеннее солнце метнуло ослепительные стрелы в отделанный золотом миниатюрный храм.

Длина его составляла примерно восемнадцать футов, сводчатую крышу покрывали золотые чешуйки с сияющими в них огненными рубинами, изумрудами, горным хрусталем, сапфирами и аметистами. Конек крыши символично венчал лавровый венок, поблескивающий золотыми листками, по углам высились крылатые богини Ники в триумфальных коронах. Портик храма поддерживали восемь золотых колонн, по карнизу тянулась узкая цветочная гирлянда из тонкой глазури, на фризе изображались подвиги и деяния Александра. Дно ладьи покрывали пластины чеканного золота, колеса также были обшиты золотом, их втулки украшали гривастые львиные морды. С трех сторон святилище огораживали решетки из золотой проволоки, а вход в него охраняли два лежащих в настороженной позе

золотых льва.

— Видишь, уже подвесили колокольчики.

Колокольчики тоже были золотыми; они свисали с кистей гирлянды. Ариба, подняв прутик, слегка ударил по одному из них; тонкий и на удивление громкий переливчатый звон пронесся по лодке.

— Все поймут, что он прибыл.

Багоас вытер рукой глаза. Вновь вернувшись в этот мир, он начал стыдиться слез, но ему было невыносимо обидно, что Александр не видит такой красоты.

Ариба ничего не заметил; он уже втолковывал мастеру, как ловчее выправить вмятины и царапины, сделанные при установке ладьи на колеса. Совершенство нуждалось в доводке.

В глубине мастерской, под крышей, поблескивал сам саркофаг, украшенный солнечной царской эмблемой Македонии. Он был сделан из чистого золота, и шестеро мужчин с трудом поднимали его. Надобность в нем возникнет только перед началом последнего путешествия, когда Александра вынут из легкого кедрового гроба, где его опустошеное тело покоится на ковре из пряных душистых трав, и уложат в еще более благовонное вместилище на вечное упокоение.

Довольный тем, что саркофаг невредим, Ариба покинул рабочую зону.

Оказавшись на улице, Багоас не преминул витиевато расхвалить творца столь великолепного сооружения, с удовольствием тем самым расплачиваясь за позволение его осмотреть.

— Эту ладью, несомненно, причислят к самым диковинным творениям человеческих рук, — обдуманно добавил он. — Египтяне гордятся своим погребальным искусством, но даже у них я ничего подобного не видал.

— Ты бывал в Египте? — удивленно спросил Ариба.

— С тех пор как Александр перестал нуждаться во мне, я позволил себе совершить путешествие, чтобы скоротать время. Он так восторженно отзывался об Александрии, что мне захотелось увидеть ее. Да, господин, безусловно, его восторги вполне обоснованны.

Евнух ничего более не прибавил, предоставив Арибе возможность пуститься в расспросы, и лишь после того со всей любезностью, искусно подогревая в собеседнике любопытство, он подвел завязавшуюся беседу к скромному признанию, что ему удалось удостоиться чести встретиться с новым сатрапом Египта.

— Так уж случилось, что все командиры и друзья Александра, присоединившиеся к Птолемею, прибыли в основном из ближайших провинций Азии, а я, единственный, приехал из Вавилона, поэтому он захотел расспросить меня о тамошних новостях. Ему, правда, уже донесли, что погребальная ладья Александра обещает стать подлинным чудом света, но он поинтересовался, кому поручили руководить ее созиданием. Услышав имя, Птолемей воскликнул, что лучшего выбора не сделал бы и сам Александр. «Жаль только, — прибавил он доверительно, — что Ариба сейчас далеко. Если бы он смог побывать здесь и насладиться красотой храма Основателя города, то…»

Багоас вдруг умолк.

— Возможно, господин, я поступаю неблагоразумно, сообщая тебе об этом, — сказал задумчиво он. На его губах промелькнула та призрачная, словно бы отраженная в водной глади улыбка, сумевшая некогда околдовать двух царей. — Но по-моему, Птолемей не стал бы бранить меня за откровенность.

Они побеседовали еще немного, и Ариба вдруг понял, что его интерес к Александрии возрос. Возвращаясь к своей палатке, он осознал, что его деликатно прощупали, но быстро выбросил

из головы эту мысль. Сообразив, чего хочется Птолемею, он вынужден был бы разоблачить его происки, что могло сильно осложнить ему жизнь.

За толстыми, сложенными из красного камня стенами дворца, возвышающегося над красной скальной громадой, Клеопатра и ее служанки чувствовали себя просто роскошно (не то что в Эпире), хотя по азиатским меркам отведенные им покои выглядели весьма скромно. Однако Пердикка приказал их заново и по-царски обставить, обновил все драпировки, а также окружил сестру Александра прилично обученной челядью.

Своей молодой супруге Никее во время укороченного медового месяца он объяснил, что прибытие молоссианской царицы связано с ее бегством от матери, которая отобрала у собственной дочери власть и даже пыталась лишить бедняжку жизни. Никея, как дочь Антипатра, Олимпиаду не жаловала и с готовностью верила любым небылицам о ней. После церемониальных празднеств, приличествующих положению новобрачных, Пердикка отправил законную жену в ближайшее поместье на том основании, что война еще не окончена и ему скоро вновь предстоит отправиться в поход. Вернувшись

в Сарды, он возобновил ухаживание за Клеопатрой. Его визиты и роскошные подарки соответствовали всем предсвадебным традициям.

Клеопатра отлично провела время в путешествии: семейная тяга к перемене месте не обошла и ее. Вид новых горизонтов принес утешение, хотя она и грустила о том, что ей пришлось бросить сына на бабку. Впрочем, та позаботится о нем как о собственном чаде и воспитает, конечно, по-царски. А когда сама Клеопатра выйдет замуж и обоснуется в Македонии, то она сможет часто видеться с ним.

Она ценила в Пердикке скорее союзника, чем мужа. Он был очень властного нрава, и она вполне понимала, что его властность опасна и для нее. Видимо, однако, у него тоже хватило ума понять, что без ее поддержки ему не получить и не удержать регентства в Македонии. А там, в зависимости от его поведения, она, возможно, поможет супругу взойти и на трон. Его правление будет жестким. Но после Антипатра народ презирал бы правителя-размазню.

С некоторой отстраненностью Клеопатра попыталась представить, каков он в постели, но усомнилась, что любовные игры будут хоть как-то их волновать, учитывая, что у нее есть

наследник. Очевидно, что для нее более выгодны долговременные дружеские, а не любовные отношения, и на этом поприще она уже успела выстроить кое-что.

Ранняя весна еще дарила прохладу, и сегодня жених обещал навестить ее днем. Оба предпочитали полуденную раскованность и возможность поговорить без свидетелей. Одного блюда будет вполне достаточно; он прислал ей кухарку-карийку. И Клеопатра еще до женитьбы успела изучить его вкусы. Ей не хотелось быть жестокой по отношению к несчастной и невзрачной младшей дочери Антипатра, хотя ее мать не щадила соперниц. Никея сможет спокойно вернуться к отцу. Персидская жена из Суз уже давно отбыла восвояси.

Пердикка пришел пешком из своих покоев, расположенных на другом конце этого причудливого дворцового комплекса, чьи строения карабкались по скалистым уступам. Он принарядился для нее, дополнив свое облачение усыпанным драгоценными камнями аграфом и доспехами с золотыми застежками в виде голов грифона. Пояс портупеи состоял из наборных дисков, украшенных персидской перегородчатой эмалью. «Да, — подумала она, — из него выйдет

потрясающий царь!»

Ему нравилось вспоминать о военных скитаниях с Александром, а она была благодарной слушательницей. В Эпир новости доходили обрывочно, он же являлся участником всех событий. Но они даже не успели пригубить вино, как в дверях раздалось тихое покашливание. Там стоял евнух-смотритель. Оказалось, что для господина командующего доставили срочное послание.

— От Эвмена, — сказал Пердикка, сломав печать.

Он произнес это с нарочитой небрежностью, хорошо сознавая, что без важной причины Эвмен гнать срочно курьера не стал бы.

Она заметила, что по мере чтения его смуглое обветренное лицо приобрело землистый оттенок, и отослала прислуживающего им раба. Как большинство македонских мужчин, он читал письмо, проговаривая весь текст (считалось удивительным, что Александру удалось изжить эту привычку), но его челюсти были сжаты, и Клеопатра слышала лишь гневное мычание. Взглянув на него еще раз, она подумала, что в битвах, должно быть, он выглядит именно так.

— Что случилось? — спросила она.

— Антигон сбежал в Грецию.

— Антигон? — Пока он яростно сверкал глазами, она вспомнила этого сатрапа Фригии, прозванного в народе Одноглазым или Циклопом. — Это не его взяли под арест за какую-то там измену? Наверное, он испугался.

Пердикка по-лошадиному фыркнул.

— Он испугался? Да он просто сбежал, чтобы сдать меня Антипатру.

Клеопатра поняла, что все его мысли устремлены в будущее, но от нее явно что-то скрывали, а она имела право знать что.

— А в чем состояла его измена? Почему его держали под стражей?

Его ответ прозвучал грубо.

— Чтобы не распускал язык. Я обнаружил, что он слишком любопытен.

Ее это отнюдь не смутило, недаром в ней текла кровь царей. «Мой отец, — подумала она, — поступил бы не так, и Александр тоже. В прежние времена… но есть ли смысл ворошить былое?» Она просто сказала:

— Как же он удовлетворял свое любопытство?

— Спроси крыс, шныряющих под стенами. Антигон был последним человеком, которому я решился бы доверить свои секреты. Он всегда льнул к Антипатру. Должно быть, ему удалось

разнюхать что-то через шпионов. Но теперь уже ничего не попишешь, удар нанесен.

Она понимающе кивнула; нет нужды попусту сотрясать воздух. Перед отъездом в Македонию они планировали вступить в брак. Теперь времени ни на что не оставалось. Прознав об их планах, сидящий в Этолии Антипатр, скорее всего, сразу двинет свои силы на север. Суматошная быстрая свадьба не принесет ничего, кроме скандала. А скандал спровоцирует войну, пришла к выводу Клеопатра.

Резко вскочив с обеденной кушетки, Пердикка забегал по комнате, полностью погрузившись в раздумья. «Мы уже дважды успели бы пожениться!» — мелькнуло в голове Клеопатры. Круто развернувшись, он бросил:

— А тут еще эти несносные женщины! Куда их девать?

— Какие еще женщины? — Она позволила себе повысить голос: в последнее время он стал слишком скрытен. — Ты ничего не говорил мне о женщинах, кто они?

Он раздраженно хмыкнул, видимо слегка смутившись.

— Едва ли эта история достойна твоих ушей. Но похоже, мне придется ее все-таки выложить,

ибо тут замешан твой брат Филипп…

— Умоляю, не называй этого припадочного моим братом!

Клеопатра не разделяла снисходительности своего жениха к сыну Филинны. Они даже побранились однажды, когда Пердикка тоже решил поселить царя в местном дворце, поскольку это приличествовало его званию. «Если он въедет, я съеду!» — решительно заявила она. И в этот момент Пердикка впервые увидел в ее застывшем лице отблеск той самой непреклонности, которой полнился взгляд Александра. Филипп остался жить в царской палатке, он очень привык к ней и ничего лучшего для себя не желал.

— О боги, какие же у него могут быть отношения с женщинами?!

— Александр подыскал ему невесту. Некую Адею, дочь вашего кузена Аминты. Он даже даровал ей царственное имя Эвридика, с которым она очень быстро и с удовольствием свыклась. Не знаю, на кой ляд он сговорил их, но незадолго до его смерти состояние Филиппа заметно улучшилось. Александр явно радовался за брата. Он повсюду таскал его за собой, во-первых, для того, чтобы никто в Македонии не мог корыстно воспользоваться, скажем так, глупостью

этого дурачка. А во-вторых, — как он поведал мне однажды вечером после пирушки — из боязни, что Олимпиада надумает убить беднягу, если тот будет торчать у нее на глазах. Но, заботясь о брате все эти годы, Александр проникся к нему своеобразной любовью. С удовольствием отмечал, что Арридей стал общительнее, допускал его к себе и привлекал к участию в ритуальных обрядах. Однако о свадьбе пока речь не шла. Речь шла об Аравии, куда бы он выступил уже через месяц, если бы не болезнь. В общем, я надеюсь, что этот брак можно будет заключить по доверенности.

— Александр никогда не говорил мне об этом!

На мгновение она превратилась в обиженного ребенка. Корни этой обиды уходили в далекое прошлое, но Пердикке некогда было вникать в ее детскую жизнь.

— Скажи спасибо своей милой матушке. Александр опасался, что, узнав обо всем, та начнет вредить и девчонке.

— Понятно, — ничуть не удивившись, бросила дочь Олимпиады. — Но ему самому не следовало обрекать девочку на весь этот мрак. Безусловно, мы должны освободить бедняжку от такой тяжкой участи.

Он промолчал. Тогда она добавила новым,

властным тоном:

— Пердикка, это ведь мои родичи. Мне и решать.

— Прости, высокородная Клеопатра, я с тобой совершенно согласен, — произнес он с нарочитым почтением, поскольку мог себе это позволить, — но кое-что ты не так поняла. Пару месяцев назад Антипатр с моего согласия отменил этот сговор. В его отсутствие и без его дозволения мать Адеи Кинна доставила дочь сюда — в Азию. И они требуют заключения этого брачного союза.

Его раздражение свидетельствовало, что он говорит правду.

— Позор! — воскликнула она. — Вот варварское отродье!

Примерно так же на ее месте выразилась бы и Олимпиада.

— Безусловно. Они обе истинные иллирийки. По моим сведениям, до Абдеры они добирались вооруженные и в мужском платье.

— Как ты собираешься поступить? Я лично не желаю иметь ничего общего с этими тварями.

— О них позаботятся без тебя. Время поджимает, мне необходимо снестись с Эвменом еще до того, как Антипатр направится в Азию. Кра-

тер наверняка присоединится к нему, что резко осложнит наше положение. Люди любят Кратера… А эту невесту я поручу моему брату. Он встретит ее и убедит отказаться от злополучной свадьбы.

Вскоре Пердикка удалился, чтобы разослать спешные распоряжения. В одном из них, адресованном Эвмену, он вызывал в Сарды Роксану с ребенком. Прежде из осторожности Пердикка не спешил знакомить бактрийку с дочерью Филиппа и Олимпиады, ведь, прознав о его планах, эта змея вполне могла решиться опять пустить в ход отраву. Но сейчас намечался военный поход, и бактрийке надлежало следовать с армией. «К чему, к чему, — подумал Пердикка, — а уж к этому она привычна».

По горной дороге в сторону сирийского побережья, поблескивая и позвякивая, двигалась погребальная ладья Александра. К Исскому заливу ее влекли шестьдесят четыре мула, объединенные в упряжные четверки. Мулы были украшены золотыми венками и золотыми колокольчиками. Их позвякивание приятно сочеталось с мелодичным звоном колокольчиков колесницы и смешивалось с криками погонщиков.

В движущемся святилище за золотыми ко-

лоннами и решетками стоял саркофаг под пурпурным покровом. Сверху лежали доспехи покойного: его шлем из светлого металла, украшенная самоцветами портупея, меч с ножнами и ножные латы. Там не было лишь боевой кирасы царя, ибо слишком побитая и помятая она совершенно не сочеталась со всем окружающим великолепием, и потому ее заменили парадной кирасой.

Если обитые железом и позолоченные колеса то и дело подпрыгивали на дорожных неровностях, то сама ладья лишь слегка колыхалась, как на волнах, оберегаемая скрытой системой пружин, какими Ариба снабдил колесные оси. К своей гробнице Александр прибудет целым и невредимым. Ветераны эскорта, дивясь на все это, говорили, что если бы их командир при жизни хотя бы с десятой долей такой заботливости относился к своему бренному телу, то он сейчас шагал бы с ними, а не полеживал наверху.

На дорожных обочинах толпились люди, жадно ловящие отдаленные звоны. Слава о царской погребальной ладье быстро опередила ее. Поселяне из дальних горных деревушек загодя спускались к дороге и ночевали под открытым небом в ожидании похоронной процессии. Всадники

на лошадях, мулах и ослах подолгу сопровождали кортеж. Мальчишки бежали за ним до очередного привала, а когда воины разбивали на ночевку лагерь, падали, как выдохшиеся собаки, и подползали к кухонным кострам, чтобы выпросить сухарей и в полудреме послушать солдатские байки.

Во всех попадающихся на пути городах устраивались ритуальные жертвоприношения в честь Александра; местные аэды на все лады прославляли великого государя, приписывая ему самые невероятные подвиги, когда им недоставало сведений о его реальных деяниях. Ариба невозмутимо приглядывал за порядком на торжествах. Он получил письмо Птолемея и теперь имел полное представление, к чему идет дело.

Единственный раз посетив палатку Арибы, Багоас предпочел в дальнейшем не мозолить тому глаза. Днем он ехал среди случайных попутчиков, а ночи проводил с персидскими воинами, державшимися в арьергарде. Те знали, кто он, но никто его не тревожил. Евнуха охраняла преданность повелителю, персы понимали, что он следует путем, угодным Митре. Они с уважением отнеслись к его паломничеству и отринули прочие мысли.

До порта Абдера Кинна и дочь ее добирались как воины, они ночевали в багажной повозке, а слуги спали вокруг под открытым небом. Там, где есть греки, обычно имеются и купеческие суда, вопрос лишь в том, сможешь ли ты заплатить за перевозку. Кинна, сознавая, что в тесном общении ее сущность все равно как-то проявится, вновь переоделась в женское платье, а Эвридику выдала за своего сына.

Корабль, взявший их, был нагружен шкурами, которые, к радости челяди, ночами служили всем отменным ложем, однако их запах при первом же порыве ветра вызвал у Эвридики мучительные позывы к рвоте. Наконец корабль вошел в длинный узкий залив города Смирны и бросил якорь у зеленых спасительных берегов. С этого момента у обеих путниц появилась надежда на некие благодатные перемены в характере их дальнейшего продвижения к цели.

Рядом с руинами древней Смирны Александр, на которого эта гавань произвела прекрасное впечатление, основал новый город. С того времени торговля в порту заметно оживилась. Здесь уже не было надобности опасаться, что слухи об их отъезде достигнут ушей Антипатра, и, хотя Вавилон все еще находился достаточно далеко,

пришла пора позаботиться о приличиях. Оставив женщин на борту, старый преданный слуга Аминты — он помнил еще ее отца — отправился снять для двух знатных особ пристойное жилье и организовать их дальнейшее сухопутное путешествие.

Он вернулся с потрясающей новостью. Им не придется тащиться до Вавилона. Пердикка и царь Филипп живут в Сардах, в какой-то полусотне миль от порта.

Известие о значительном сокращении чреватого опасностями пути приятно поразило путниц; перебросившись парой слов, обе они пришли к выводу, что их ждет удача. Эвридика сошла на берег, накинув поверх хитона длинный плащ, а в снятом для них доме вновь заявила свои права на женское платье и гиматий.

Дальше следовало перемещаться с особой помпезностью, привлекая всеобщее внимание к царской невесте, направляющейся к месту грядущей свадьбы. Жаль, конечно, что в порту их не встретили родственники или друзья жениха, однако чем пышнее будет процессия, тем меньше возникнет сомнений в высоком положении путешественниц. Они могли позволить себе расточительность, учитывая относительную

близость Сард. Семейных богатств у них никто пока что не отобрал, а повседневная скромность в запросах объяснялась вовсе не бедностью.

Выступивший через два дня из Смирны караван выглядел весьма впечатляюще. Атос, все тот же старик-управляющий, нанял для госпожи с дочерью надежных проводников и служанок. Он также намекнул, что, согласно здешним обычаям, им надо бы обзавестись евнухом, но Кинна отрезала с негодованием, что невеста греческого царя прибыла в Азию не для того, чтобы перенимать отвратительные варварские обычаи. Александр, судя по всему, был чересчур снисходителен к дикарям.

Расторопный Атос, старательно выполняя свой долг, не делал никакого секрета из положения своих хозяек и цели их путешествия. И вовсе не шпионы Пердикки, а всепроникающая молва, сильно опередив свадебный кортеж, доставила весть о нем в Сарды.

* * *

Поля вокруг Исса еще плодоносили костями убитых и старым оружием. Здесь, где Дарий впервые бежал от копья Александра, бросив на милость победителя свою мать, жену и де-

тей, сейчас расположились два войска, чтобы принести в жертву молочно-белого быка перед золотой погребальной ладьей. Стоящие рядом Птолемей и Ариба воскурили ладан на алтаре. Эскорт растрогала речь Птолемея, заявившего, что божественный победоносный царь желал, чтобы его тело вернулось к его отцу Амону.

Всем подручным Арибы выдали по сотне драхм — щедрость, достойная самого Александра. Ариба получил тайно талант серебра, а официально — чин полководца в армии египетского сатрапа, после чего все македонские отряды изъявили желание остаться с ним. Вечером устроили всеобщий пир в честь Александра; на множестве вертелов жарились над лагерными кострами бараньи туши, а в кружки рекой текли вина из бесчисленных амфор. Уже на следующее утро сатрап и его новоявленный полководец встали во главе похоронного кортежа, и погребальная ладья Александра повернула на юг в сторону Нила.

Багоас, чье имя пока никем не упоминалось, последовал за процессией. Остальные персы отправились по домам, но он теперь находился от погребальных дрог еще дальше — в хвосте растянувшейся по дороге колонны египетских

войск. Взобравшись на очередной холм, он увидел далеко впереди поблескивающий золотой конек сводчатой крыши. Однако занимаемое положение вполне устраивало Багоаса. Он выполнил свою миссию, его бог был удовлетворен, а он сам с радостью смотрел в будущее, надеясь еще послужить Александру в избранном им городе. Грек заметил бы в этой благостной безмятежности восторженность неофита, только что приобщенного к таинствам веры.

Караван Кинны приближался к Сардам. Мать и дочь не спешили, намереваясь прибыть туда на следующее утро — до начала жары. Слава о богатстве и роскоши их процессии дойдет и до Македонии, а значит невеста царя должна появиться во всем блеске, чтобы покорить своих подданных, поэтому весь сегодняшний вечер они собирались посвятить приготовлениям к торжественному въезду в город.

Этот горный перевал охраняли громоздившиеся в придорожных утесах старые крепости, недавно несколько подновленные по велению Александра. Они проехали мимо высеченных на ровном участке скальной плиты таинственных символов и надписей, сделанных на неизвестном им языке. Судя по странным запахам

и не менее странному виду путников, движущихся им навстречу, те принадлежали к различным варварским племенам. Финикийцев отличали подсиненные бороды, мочки ушей кариан оттягивали тяжелые серьги, купцов-богатеев сопровождали полуобнаженные негры-носильщики, чья чернота казалась пугающей для северных глаз, привычных разве что к рыжине веснушчатой кожи фракийских невольников. Иногда проходили одетые в шаровары персы. Вооруженные изогнутыми мечами, в своих украшенных затейливой вышивкой шапках они напоминали легендарных великанов-людоедов, которыми издавна пугали греческую детвору.

Эвридика с восторгом воспринимала все это как очередной этап захватывающего приключения, с завистью думая о том, сколько всего повидал Александр в своих странствиях по всему миру. Кинна, сидевшая рядом с дочерью под полосатым навесом, старательно поддерживала на лице радостное выражение, но она чувствовала, что решительность ее тает. Наряду с чужеземным говором встречных путников на нее подавляюще действовали непривычные пейзажи, загадочные памятники и полное отсутствие всего того, о чем она имела хоть какое-то

представление. Если бы скрытые под черными покрывалами женщины, тащившие грузы вслед за ослами, на которых ехали их мужчины, проникли в ее мысли, они наверняка бы решили, что она впала в безумие. К тому же от сильной тряски двухколесной повозки, громыхающей по каменистой дороге, у нее разболелась голова. Кинна, конечно, знала, что мир огромен и что Александру за десять лет так и не удалось его пересечь, но дома на родных ей холмах это не имело никакого значения. Сейчас же, оказавшись всего лишь в преддверии бескрайнего Востока, она почувствовала, как разрушительно его непостижимое своеобразие.

Эвридику привел в восхищение вид древней крепости, и, обратив внимание матери на ряд высоких сигнальных башен, она спросила:

— Как думаешь, Сарды и впрямь раза в три больше Пеллы?

— Да уж не меньше. Пеллу ведь начали строить наши деды, то есть ее основали всего пару поколений назад, а со времени основания Сард прошло уже, может, десять веков или больше.

Эта мысль удручила ее. Глядя на беспечную веселость дочери, Кинна подумала: «Я притащила ее сюда из дома, где она могла бы тихо и мирно

прожить всю свою жизнь. Кроме меня, ей здесь даже не к кому обратиться. Ну ничего, я еще здорова и молода».

Близился вечер. Проводник сообщил, что до Сард осталось менее десяти миль. Вскоре им нужно будет подыскать место для лагеря. Солнце скрылось за горным хребтом, и на дорогу опустились сумерки. Придорожный склон, усыпанный крупными валунами, темнел на фоне красноватого неба. Откуда-то сверху донесся мужской голос:

— Пора!

Камни и глинистый сланец с грохотом покатились к дороге, опережая бегущих вниз мужчин. Атос, ехавший во главе кортежа, крикнул:

— Берегитесь, разбойники!

Вскоре караван окружили тридцать или сорок бандитов с копьями. На их фоне эскорт царской невесты, состоявший из десятка усердных, но очень старых и растерянных слуг, выглядел просто смешно. Те из них, что умели сражаться, вышли в оставку еще при Филиппе. Однако, будучи настоящими македонцами с въевшейся в них преданностью вассальной присяге, они с возмущенными криками бросились на вооруженных копьями негодяев.

Эхом разнесло по горам мучительное ржание раненого животного. Вместе с лошадью рухнул на землю и старый Атос; бандиты тут же придвинулись и закололи его.

С пронзительным воинственным кличем Кинна спрыгнула с колесницы, Эвридика встала бок о бок с ней. Уже держа в руках копья, они с привычной ловкостью заткнули за пояс подолы юбок и, прижав спины к тележке, слегка сотрясаемой испуганно топтавшимися мулами, смело встретили наскок врагов.

Эвридика испытала трепетное ликование. Наконец-то ей предстояло сражение, настоящая битва. Она догадывалась, что может произойти, если их возьмут в плен живыми, но это, скорее, лишь раззадорило молодую воительницу и укрепило ее боевой дух. К ней приближался светлокожий разбойник, с неделю не бривший-ся, судя по рыжей щетине. Грудь его защищала кожаная кираса, поэтому девушка прицелилась в руку. Копье погрузилось в предплечье врага, и он, схватившись за рану, отскочил назад с криком:

— Ах ты стерва!

Она рассмеялась, однако вдруг с внезапным потрясением осознала, что лидийский разбойник

выбранился по-македонски.

В одного из упряжных мулов попало копье, он истошно взревел и рванулся вперед. Вся упряжка последовала за ним, увлекая за собой подпрыгивающую на камнях колесницу. Ее край задел Эвридику, но девушка удержалась на ногах. Тут же рядом с ней раздался крик. Кинна грохнулась на дорогу: ремни колесницы увлекли ее за собой. Какой-то солдат склонился над ней с копьем.

Вперед вышел мужчина с поднятой рукой. Нападающие вдруг отступили. Вокруг стало почти тихо; еще артачились остановленные солдатами мулы да стонали трое раненых слуг. Остальные ошеломленно молчали. Все, кроме Атоса: тот был убит.

Кинна издала жуткий стон — почти животный всхлип теплокровной твари, мучительно пытающейся сделать вдох. Ее грудь была залита кровью.

Эвридике отчаянно захотелось броситься к матери, обнять ее и умолять бандитов о милости. Но Кинна дала ей хорошее воспитание. Они приняли бой и бьются, как воины, а у врагов нельзя просить милости, надо стоять до конца. Она глянула на отдававшего приказания командира,

высокого смуглого мужчину с худощавым суровым лицом. Осознание пришло мгновенно: на них напали не разбойники, а солдаты.

Кинна вновь застонала, уже гораздо слабее. Совсем было поникшую от горя и жалости Эвридику вдруг охватила пламенная ярость, точно такая же, какая объяла Ахилла над мертвым Патроклом под стенами Трои. Она бросилась к матери и заслонила ее собой.

— Вы все изменники! Неужели я вижу воинов Македонии? Вы посмели поднять руку на Кинну, дочь царя Филиппа, сестру Александра.

Все потрясенно примолкли. Воины повернулись к командиру. Тот выглядел разгневанным и смущенным. Так. Значит, он чего-то им не сказал?

У Эвридики появилась новая мысль. Она на сей раз пустила в ход просторечие, на каком начала говорить еще до того, как принялась учить правильный греческий.

— Слушайте же меня, я — внучка Филиппа! Я дочь Аминты и внучка царя Филиппа и царя Пердикки. — Она показала на побагровевшего командира. — Спросите его. Ему все известно!

Самый старший солдат, пятидесятилетний ветеран, шагнул к командиру.

— Алкета, — он произнес это имя без особенного почтения, с достоинством свободного македонского воина, — она говорит правду?

— Нет! Выполняйте, что вам приказано.

Солдат перевел взгляд на девушку, потом на своих сотоварищей.

— А я полагаю, что она говорит правду, — возразил он.

Воины сгрудились поплотнее, кто-то сказал:

— Они не сарматы, как нам говорили. Они такие же македонцы, как мы.

— Моя мать…

Эвридика опустила глаза. Кинна пошевелилась, но изо рта ее исторглась лишь струйка крови.

— Она привезла меня сюда из Македонии. Я невеста Филиппа, вашего царя, брата Александра.

Кинна пошевелилась еще раз. Она слегка приподнялась на локте и, задыхаясь, сказала:

— Это правда. Я клянусь именем…

Она закашлялась. Кровь хлынула из ее горла, и умирающая потеряла сознание. Эвридика отбросила копье и опустилась на колени. Застывшие глаза матери закатились. Возразивший Алкете ветеран подошел и встал рядом с ней, глядя на других воинов.

— Оставьте их в покое! — сказал он.

Еще двое солдат присоединились к нему, остальные стояли, опираясь на свои копья в смятенном и мрачном молчании. Эвридика бросилась на грудь матери и зарыдала.

Вскоре она осознала, что к ее рыданиям присоединились возмущенные голоса. Солдаты явно выражали свое недовольство. Ей пока не было, конечно, известно, что македонским командирам в последнее время все чаще приходилось сталкиваться с мятежными настроениями. Птолемей в Египте как-то шепнул по секрету своим близким друзьям, что очень был рад возможности составить свою новую армию из одних добровольцев, убравшись подальше от регулярного войска. Сейчас это войско невольно напоминало Букефала, покойного жеребца Александра, верно служившего только хозяину и норовившего сбросить любого другого седока. Оно, подобно старику Букефалу, не желало терпеть менее искусного и талантливого наездника.

Эвридике, ощутившей поддержку, еще пуще, чем прежде, захотелось отдаться на милость солдат, умолить их как подобает сжечь тело матери и, отдав ей пепел для захоронения на родине, отвезти ее обратно к морю. Однако, отерев кровь

с лица Кинны, она увидела в нем суровость, освященную смертью до степени непреклонности. Нет, мать не должна уйти в иной мир с горьким сознанием, что она родила трусливую дочь.

Под руку Эвридике попался золотой медальон, который Кинна всегда носила на шее. Он был в крови, но девушка легко совлекла его с павшей и встала, гордо выпрямившись.

— Смотрите же. Вот портрет моего деда, царя Филиппа. Он подарил его моей бабке Аудате в день свадьбы, а она передала моей матери в день ее свадьбы с Аминтой, сыном царя Пердикки. Убедитесь сами.

Она вложила сверкающий диск в морщинистую и грубую руку ветерана; остальные воины столпились вокруг, пристально изучая вырезанный на золоте профиль скуластого бородача.

— Ну да, это Филипп, — уверенно произнес ветеран. — Я видел его много раз.

Воин досуха вытер медальон подолом своего домотканого хитона и вернул девушке.

— Береги его хорошенько, — сказал он.

Он говорил с ней, словно с юной племянницей, и она с удивлением различила нотки дружеского участия в словах прочих солдат. Теперь эти грубые люди воспринимали ее как найденыша,

сироту, спасенную и удочеренную ими. Алкете воины сообщили, что отвезут девушку в Сарды. Любому дураку ясно, что в ее жилах течет кровь Филиппа, и если Александр выбрал ее в невесты своему брату, то они должны пожениться, иначе вся армия узнает о предательском заговоре.

— Отлично, — сказал Алкета. Он уже понял, что дисциплина, а возможно, и сама жизнь его повисли на волоске. — Тогда давайте очистим дорогу и поможем раненым.

Привычные к жестоким сражениям солдаты сноровисто уложили тело Кинны в арбу и накрыли одеялом, потом подогнали собственные повозки для мертвых и раненых и собрали багаж, брошенный местными носильщиками, удравшими в холмы вместе со служанками и провожатыми. Эвридику усадили на подушки, чтобы она могла ехать рядом с покойной.

Один из солдат с готовностью поскакал вперед — к Пердикке, везя тому сообщение от Алкеты. Неизвестно, заглянул ли гонец по пути в основной лагерь, где располагались войска Пердикки и грека Эвмена, но, как бы там ни было, когда за очередным поворотом дороги появилась крепость из красного камня с раскинувшимся вокруг нее городом, Эвридика увидела огромное

количество воинов.

Они стояли вдоль дороги рядами, словно встречая царственную особу, и дружно приветствовали приближение каравана. До слуха Эвридики долетели отрывистые печальные возгласы ближайших к ней македонцев: «Несчастная девушка! Прости этих ребят, госпожа! Алкета ввел их в заблуждение!» Странное, подобное кошмарному сну завершение замысла Кинны словно бы сделало нереальной и ее смерть, хотя Эвридике достаточно было протянуть руку, чтобы коснуться недвижного тела.

Разъяренный Пердикка стоял за спиной Клеопатры, смотревшей вниз из окон верхнего этажа. Она ощутила его неспособность что-либо предпринять и в гневе хлопнула ладонями по подоконнику.

— И ты допустишь все это?

— У нас нет выбора. Если я арестую ее, поднимется бунт. Сейчас совершенно неподходящее время для смуты. Они прознали, что она внучка Филиппа.

— Но она — дочь изменника! Ее отец замышлял убийство Филиппа. Неужели ты позволишь ей выйти замуж за его сына?

— Нет, если мне удастся воспрепятствовать

этому.

Колесница подъехала ближе. Он попытался рассмотреть лицо дочери Аминты, но без особенного успеха. Ладно, ему все равно придется спуститься и приветствовать ее как подобает, чтобы сохранить собственное достоинство и, при удачном стечении обстоятельств, выиграть время. Как раз в этот момент новое волнение на дороге привлекло его внимание. Высунувшись из окна, Пердикка пригляделся и с проклятиями спрятался обратно.

— Что случилось?

Его ярость и испуг поразили ее.

— О проклятье, Гадес их забери! Они ведут к ней Филиппа.

— Что? Не может быть…

— Им же прекрасно известно, где расположена его палатка. Ты сама ведь не захотела, чтобы я поселил царя здесь. Все, мне срочно нужно идти!

И он, пряча глаза, побежал вон из комнаты. У Клеопатры мелькнула мысль, что ему очень хотелось осыпать проклятиями и ее. Ворота толстых крепостных стен гостеприимно распахнулись. Колесница остановилась. Группа бегущих солдат что-то к ней волокла.

— Госпожа, если ты соблаговолишь сойти,

мы предоставим тебе более подобающую повозку.

Это была роскошная старинная колесница, украшенная рельефными изображениями серебряных грифонов и золотых львов. Заказанная в свое время Крезом, легендарным лидийским царем, прославившимся сказочной расточительностью, она была отделана изнутри рифленой красной кожей. Александр тоже, бывало, в ней выезжал, чтобы порадовать взоры.

Этот своеобразный передвижной трон резко обострил ощущение нереальности происходящего. Придя в себя, Эвридика пролепетала, что не может оставить тело матери без пригляда.

— За ним присмотрят с подобающим тщанием, госпожа, мы позаботились и об этом.

Из толпы с горделивым достоинством выступили женщины в черных одеждах, жены ветеранов, которых из-за тягот походной жизни можно было принять скорее за их матерей. Один из воинов направился к Эвридике, чтобы помочь ей спуститься. Но тут спохватился Алкета и, решив наконец проявить должную обходительность, сам предложил ей руку. На мгновение Эвридика отпрянула, но сейчас у нее не имелось возмож-

ности поквитаться с врагом. Она величественно склонила голову и приняла помощь брата Пердикки. Отряд солдат подхватил оглобли и повлек колесницу вперед. Эвридика, точно царица, восседала на месте Креза.

Внезапно приветственные возгласы приняли иной характер. Послышались древние македонские кличи:

— Слава Гименею! Торжествуй, божественная Ио! Возрадуйся, невеста! Да возвеселится жених!

Суженый, видимо, был уже где-то рядом.

Сердце невесты тревожно забилось. Долгожданная встреча, столь внезапно надвинувшись, представлялась ей весьма расплывчато.

К ней медленно и величественно подъезжал статный мужчина на красивом, сером в яблоках коне, которого вел под уздцы старый седой солдат. Лицо бородатого всадника очень напоминало портрет, вырезанный на материнском золотом медальоне. Он оглядывался вокруг, слегка щурясь. Старый солдат развернул коня в нужную сторону. Встретив взгляд жениха, Эвридика вдруг поняла, что он смертельно напуган. Она о многом передумала по дороге, она втайне осмеливалась представлять себе очень разные варианты их

первой встречи, но совершенно не ожидала, что ее вид вызовет в нем такой страх.

Подбадриваемый солдатами, Филипп спешился и направился к колеснице, устремив на восседающую в ней особу взгляд голубых глаз, исполненный глубочайшего опасения. Эвридика улыбнулась ему.

— Как ты поживаешь, Арридей? Я твоя кузина, Эвридика, дочь твоего дяди Аминты. Я только что прибыла из Македонии. Александр выбрал меня тебе в невесты.

Восхитившись ее живой и бойкой речью, солдаты одобрительно загалдели и принялись скандировать:

— Да здравствует царь!

Лицо Филиппа прояснилось; он услышал свое прежнее имя. Когда к нему так обращались, на него не взваливали никаких неприятных обязанностей, с ним не проводили никаких угнетающих репетиций перед встречами с раздраженными воинами. Александр всегда называл его Арридеем и никогда не пугал его, а доставлял одни только радости. Эта девушка чем-то напомнила ему Александра. Осторожно, уже почти без боязни он спросил:

— И ты хотела бы выйти за меня замуж?

Грубо захохотавшего солдата мгновенно утихомирили его же приятели. Остальные с интересом наблюдали за развитием разговора.

— Если ты этого захочешь, Арридей. Александр хотел, чтобы мы поженились.

Явно пребывая в нерешительности, царь закусил губу. Внезапно он повернулся к старому воину, державшему поводья его коня:

— Конон, надо ли мне жениться на ней? Александр говорил нам об этом?

Пара-другая солдат зажали себе рты руками. Прислушиваясь к глухому ворчанию толпы, Эвридика осознала, что старый слуга пристально изучает ее. Перед ней стоял неколебимый защитник своего господина. Не обращая внимания на солдатский ропот, из которого даже вырывались непристойные возгласы, побуждающие царя сговориться с девчонкой, пока та не сбежала, Эвридика смело встретила взгляд Конона:

— Я хочу ему только добра.

Настороженность в выцветших глазах смягчилась. Старик слегка кивнул и повернулся к Филиппу, по-прежнему с тревогой смотревшему на него.

— Да, государь. С этой царевной ты был обручен, Александр выбрал ее тебе в невесты.

Она красивая и смелая госпожа. Протяни ей руку и любезно попроси стать твоей женой.

Эвридика взяла послушно протянутую царем руку. Большая, теплая и мягкая, она трогательно обхватила ее пальцы. Девушка ответила ободряющим пожатием.

— Кузина Эвридика, ты хочешь выйти за меня замуж? Прошу тебя. Солдаты хотят, чтобы ты согласилась.

Не выпуская его руки, она сказала:

— Да, Арридей. Да, царь Филипп, я согласна.

Разрозненные одобрительные восклицания переросли в настоящую овацию. В воздух полетели широкополые солдатские шляпы. С удвоенным рвением люди принялись прославлять Гименея. Они уже уговаривали Филиппа сесть в колесницу к невесте, когда на сцене появился побагровевший Пердикка, едва не задохнувшийся от бега по крутым и извилистым лестницам древней крепости.

Он выразительно посмотрел на Алкету. Оба отлично знали, что с охваченными столь бурным единодушием македонцами спорить опасно. Это удавалось лишь Александру, который даже зачинщиков бунта в Опиде решился арестовать самолично, спрыгнув с помоста в толпу. Но та-

кой магической силой обладал один Александр, любого другого разорвали бы на куски. Алкета заметил, что, несмотря на душившую его брата ярость, тот приосанился и взял себя в руки.

Стоявшая в колеснице Эвридика сразу догадалась, кто к ним идет. На мгновение она почувствовала себя маленькой девочкой перед грозным разгневанным воспитателем. Но она отважно взглянула на знаменитого полководца, поддерживаемая пробудившейся внутри ее силой, природа которой была ей неясна. Эвридика знала, что приходится внучкой царю Филиппу и царю Пердикке, а также правнучкой иллирийскому вождю Барделису, наводившему ужас на соседние племена, однако она не подозревала, что унаследовала от них не только гордость, но также властность и крутой нрав. Кроме того, героические легенды, какими в невольном уединении подпитывался дух юной воительницы, непреложно свидетельствовали, что в ее теперешнем положении нет ничего нелепого или непристойного. Еще она точно знала, что рукоплещущие ей воины не должны видеть в ней страха.

Филипп, держась одной рукой за борт колесницы, препирался с мужчинами, пытавшимися

подсадить его. Вдруг он схватил невесту за локоть.

— Гляди! — сказал он. — Вон Пердикка. Он идет к нам.

Она успокаивающе погладила его пальцы.

— Да, я вижу его. Залезай сюда и вставай рядом со мной.

Филипп забрался наверх, вдохновляемый солдатами, поддержавшими колесницу, опасно накренившуюся под его весом. Вцепившись в бортовой поручень, он застыл с испуганным и вызывающим видом; она стояла бок о бок с ним, призывая на помощь всю свою храбрость. Тем не менее они все равно обрели сейчас жутковатое сходство с какой-то победоносной парой своих гордых и могущественных предков. Солдаты с явной насмешкой встретили Пердикку громогласными свадебными кличами. Тот подошел к колеснице; все затаили дыхание. Но он лишь поднял в знак приветствия руку.

— Поздравляю, царь. Поздравляю тебя, дочь Аминты. Я рад, что царь выехал встретить тебя.

— Мне сообщили солдаты, — осторожно пробурчал Филипп.

Звонкий голос Эвридики дополнил:

— Государь был очень великодушен.

Филипп встревоженно озирал этих двух претендентов на главную роль в его жизни. Пердикка не выразил никакого неодобрения. Публика, состоящая из солдат, была также довольна. Губы полководца изогнулись в снисходительной улыбке. Предусмотрительно спрятав от чужих глаз свое почти невероятное изумление, Эвридика поняла, что на данный момент победа осталась за ней.

— Пердикка, — сказала она, — благословляемый добрыми македонцами царь попросил моей руки. Но как ты знаешь, сегодня убили мою мать, сестру Александра. Прежде всего я должна организовать ее похороны.

Эти слова встретил почтительный и одобрительный гул. Пердикка со всевозможной учтивостью поспешил дать согласие на проведение церемонии. Окинув пристальным взглядом хмурые лица, вспомнив об Антипатре, направлявшемся к морю Геллы, он добавил, что смерть высокородной Кинны была результатом ужасного недоразумения, возможно вызванного чрезмерно бурным всплеском ее героизма. Это дело, безусловно, будет расследовано в кратчайшие сроки.

Эвридика склонила голову, осознавая, что ни-

когда уже не узнает, какой приказ получил Алкета на деле. Но по крайней мере, теперь Кинну возложат на погребальный костер с подобающими военными почестями, и однажды ее пепел обязательно вернется в Эгию. Пока же необходимо смело и решительно совершить все ритуальные действа. А уж какова цена крови покойной, пусть решат боги.

Сразу по окончании похорон Пердикку известили о том, что погребальный кортеж Александра движется в сторону Египта.

Это поразило его, точно удар грома. До сих пор все мысли Пердикки были сосредоточены на угрозе, исходящей с севера, со стороны разъяренного тестя, к которому он уже успел отправить Никею. А тут вдруг возникла настоятельная необходимость двинуть войска и на юг.

Эвмен по-прежнему находился в распоряжении Пердикки и был призван им в Сарды, как только с севера пахнуло войной. Они оба отлично понимали, что эту ситуацию, собственно, сам Пердикка и создал, пренебрегши советом Эвмена безотлагательно выступить в Македонию, открыто женившись на Клеопатре и отослав девственную Никею домой. Но об этом, конечно, не стоило и заикаться. Эвмену, как и Кассандре,

не суждено было ожидать от своей правоты добрых всходов. Македонцы не могли допустить, чтобы какой-то грек вдруг оказался хоть в чем-то умнее их. Поэтому Эвмен воздержался от напоминания, что Пердикка, заручившись поддержкой царственной новобрачной, мог бы уже стать регентом Македонии и тем самым непреложно возвыситься над Птолемеем; пока он решил просто высказать сомнение, что правитель Египта вообще собирается воевать.

— Все действия Птолемея в Египте направлены на укрепление собственной власти и налаживание нормальной жизни. Разумеется, он честолюбив, но далеко ли распространяется его честолюбие? Конечно, перехват погребального кортежа Александра — откровенная наглость, однако ему, возможно, лишь хочется укрепить славу Александрии. Станет ли он тревожить нас, если мы оставим его в покое?

— Он уже присоединил к своим владениям Киренаику. К тому же зачем ему понадобилось набирать такую многочисленную армию?

— Видимо, у него свои резоны. Если ты пойдешь против него, она ему как раз и понадобится.

Пердикка сказал с неожиданной злобой:

— Ненавижу этого выскочку!

Эвмен предпочел промолчать. Он помнил, как Птолемей, еще будучи долговязым юношей, усаживал маленького Александра на лошадь перед собой, отправляясь на верховые прогулки. Пердикка подружился уже со зрелым властителем, но друзья детства имели в глазах того особую стать. Александр ценил своих подданных по заслугам. Даже Гефестион начинал у него с нижних чинов, и Пердикка в итоге обогнал Птолемея. Однако именно Птолемей подходил Александру как хорошо разношенный удобный сапог, а с преданным и усердным Пердиккой царь никогда достаточного приволья не ощущал. Птолемей же не только усвоил уроки, преподнесенные ему Александром, но и сам интуитивно чувствовал, как следует обходиться с людьми. Он понимал, когда можно ослабить поводья и когда необходимо пристрожить солдат, умел быть щедрым, знал, кого следует выслушать и с кем не грех при случае посмеяться. Пердикка сердился на нехватку в себе этого шестого чувства, как человек порой сердится на свою близорукость, и зависть разъедала его.

— Он точно зловредный пес, пожирающий вверенное ему стадо. Если его не отделать хлыстом, то дурной пример заразит остальных.

— Возможно, но пока он еще только облизывается. А вот Антипатр и Кратер уже сейчас выступили в поход.

Пердикка упрямо скрипнул зубами. «Он изменился, — подумал Эвмен, — и чуть ли не прямо с того дня, как ушел Александр. Изменились его запросы. Они стали непомерно высокими, и он сам это понимает. Александр умел как-то сдерживать нас».

Пердикка сказал:

— Нет, с Птолемеем мешкать нельзя. Египетского змееныша надобно уничтожить в зародыше.

— Тогда, возможно, нам придется разделить войска, — произнес Эвмен неопределенным тоном: он и так сказал чересчур много для грека, которому не пристало очень уж откровенничать с македонцами.

— Такова необходимость. Ты пойдешь на север и остановишь войска Антипатра у моря Геллы. А я разберусь с Птолемеем, разберусь окончательно… Но перед выступлением нам еще надо устроить эту проклятую свадьбу. Иначе воины и не подумают идти за нами. Я слишком хорошо знаю их.

Позже в тот же день Пердикке пришлось долго уламывать Клеопатру. В результате с помощью

лести, жесткой логики, страстной мольбы и того обаяния, которое ему удалось из себя выжать, он убедил ее выступить в почетной роли посаженой матери Эвридики. Войска твердо настроились на эту свадьбу, и ее нужно провести со всей обходительностью и благожелательностью. Нельзя допускать никаких злобных выпадов, поскольку те могут дорого им обойтись.

— Когда убили Филиппа, — заметил он, — эта девушка была еще ребенком. Мне сомнительно даже, что Аминта вообще участвовал в заговоре. Я присутствовал на допросе.

— Да, я тоже в том сомневаюсь. Но вся эта затея со свадьбой мне лично кажется отвратительной. Неужели у этой девчонки совсем нет стыда? Ладно, у тебя и так хватает неприятностей, не буду их усугублять. Если уж Александр одобрял их союз, то я полагаю, что могу поступить так же.

Эвмен не стал дожидаться свадебных торжеств. Он немедля выступил навстречу Антипатру и Кратеру (очередному из зятьев Антипатра), ему предстояло руководить македонскими полками с их шаткой и сомнительной преданностью чужеродному для них греку. Однако Эвмен давно стерпелся с непреходящей неприязнью к себе. Пердикка, чья миссия была менее срочной, задер-

жался еще на неделю, чтобы дать своим войскам как следует погулять.

За два дня до праздничной церемонии взволнованная служанка вбежала в покои, где в свое время обитала главная жена старого Креза, и объявила, что властительница Эпира пришла навестить госпожу.

Клеопатра явилась в великолепном парадном облачении. Олимпиада ни в чем не ограничивала свою дочь, с тех пор как та покинула дом, впрочем, скупость никогда не относилась к ее порокам. И дочка Олимпиады разоделась по-царски и принесла с собой царские подарки: широкое золотое ожерелье и рулон ткани, богато расшитой лазуритом и золотом. На мгновение Эвридика ошеломленно замерла. Но помимо воинских навыков Кинна привила ей и сдержанность в поведении; девушка приняла дары со скромным достоинством, чем невольно тронула Клеопатру. Она вспомнила свою собственную свадьбу, когда ее семнадцатилетней девчонкой выдали замуж за дядюшку, годящегося ей в отцы.

Обменявшись любезностями и церемонно отведав сладкое угощение, Клеопатра, как и положено, перешла к обсуждению свадебного обряда. Чисто по-деловому, поскольку в данном

случае не могло быть и речи о традиционных для подобных встреч озорных женских шутках. В итоге возобладала оправданная заботливость. Из чувства долга гостья попеняла невесте на мелкие промахи, но была к ней снисходительна. Эта печальная настороженная малышка в свои пятнадцать осталась сиротой в этом мире: что она может сейчас понимать? Клеопатра любовно огладила незаконченное шитье и оторвала взгляд от своих унизанных кольцами пальцев.

— Говорят, ты познакомилась с царем при ужасно прискорбных обстоятельствах, но успела немного поговорить с ним. Возможно, ты уже заметила, что он несколько незрел для своих лет.

Эвридика прямо встретила вгляд гостьи и, решив, что у нее добрые намерения, сочла за лучшее ответить вежливо.

— Да. Александр предупреждал мою мать о таком недостатке, и я также заметила его.

Это звучало обнадеживающе.

— В таком случае что же ты намерена делать после свадьбы? Пердикка готов предоставить тебе эскорт для путешествия в Македонию к твоей родне.

Эвридика задумалась. Вряд ли это приказ, поскольку ее не могут принудить к отъезду.

Она ответила спокойным тоном:

— Царь имеет право обрести в моем лице верную подругу, если он в таковой нуждается. Я останусь на какое-то время, поживем — увидим.

На следующий день все почтенные особы, какие только имелись в Сардах, от жен старших командиров и чиновников до нескольких робких лидиек в экзотических богатых нарядах, пришли почтительно приветствовать царскую невесту. Позже послеполуденное затишье, священно почитавшееся со времен Креза, нарушил еще один гость. Взволнованная служанка объявила о приходе посланца от жениха.

Старый Конон, войдя в гостиную, выразительно поглядел на служанок. Эвридика отослала их прочь и спросила, что за послание он ей принес.

— Приветствую тебя, госпожа… желаю здоровья и радости, и да приблизят боги счастливый день твоей свадьбы.

Произнеся вступительную фразу, старик тяжело вздохнул. Что же за этим последует? Эвридика, терзаясь неведением, помрачнела, замкнулась. Конон с возросшей нервозностью и торжественностью продолжил:

— Госпожа, ты пришлась ему по душе, это оче-

видно. Он постоянно говорит теперь о кузине Эвридике, раскладывая свои любимые вещицы, которые мечтает показать тебе, но… Но, госпожа, я начал заботиться о нем, когда он был еще юношей, и знаю все его слабости и привычки, появившиеся у него в раннем детстве из-за болезни или дурного обхождения. Пожалуйста, госпожа, не прогоняй меня от него. Ты поймешь, что я никогда не позволяю себе быть назойливым или дерзким. Просто дай мне испытательный срок, и ты сама убедишься, приношу ли я ему пользу, о большем я не прошу.

Только-то и всего! От облегчения ей даже захотелось обнять старика, но, конечно, она этого не показала.

— По-моему, я уже видела тебя при царе. Твое имя Конон, не так ли? Да, мне хотелось бы, чтобы ты остался с ним. Пожалуйста, передай это царю, если он спросит.

— Ему даже в голову не придет спросить, госпожа. Подобная перемена могла бы сильно расстроить его и встревожить.

Слегка успокоенные, они обменялись взглядами, но все еще настороженными. С трудом подыскивая слова, Конон выложил то, о чем следовало упомянуть.

— Госпожа, он не привык к большим праздникам, хотя Александр иногда и пытался приобщить его к ним. Наверное, тебе сказали, что порой у него бывают припадки. Но ничего страшного, в таких случаях его надо лишь оставить на мое попечение, и он быстро придет в нормальное состояние.

Эвридика сказала, что она так и намерена поступать. Они вновь погрузились в неловкое молчание. Конон опять вздохнул. Эта бедняжка могла бы хоть как-то сама попробовать выведать у него то, о чем ему неудобно сказать ей. А сказать надо бы, ведь ее жених не имеет ни малейшего понятия об интимных отношениях между мужчиной и женщиной. Наконец, покраснев от смущения, он решился:

— Госпожа, ты ему очень нравишься. Но сам он не станет беспокоить тебя. Это не в его натуре.

Эвридика была не настолько наивной, чтобы не понять сказанное. Собрав все свое достоинство, она произнесла:

— Благодарю тебя, Конон. Я уверена, что мы с царем найдем общий язык. Ты можешь жить спокойно.

В день свадьбы Филипп проснулся рано. Конон обещал, что сегодня он сможет надеть пурпурную

мантию с большой красной звездой. Кроме того, он станет мужем кузины Эвридики. Ей, возможно, разрешат жить у него, и он будет видеться с ней, когда захочет. Это ему сказал сам Пердикка.

В то утро воду для умывания в большом серебряном кувшине принесли два нарядно одетых юноши, и напоследок они окатили его этой водой с пожеланиями удачи. Конон поспешил объяснить ему, что именно так проводится ритуальное омовение жениха. Филипп заметил, что юноши обменялись насмешливыми взглядами, но такое случалось частенько.

За стенами дворца началось массовое гулянье с веселыми песнями, с шутками. Царя уже переселили из привычной палатки в дворцовые покои; он ничего не имел против такого переезда, раз уж ему позволили взять с собой все любимые камушки. Кроме того, Конон пояснил, что знатной даме не уместиться в походном шатре, а во дворце она поселится по соседству.

Юноши помогли царю нарядиться в прекрасную мантию, потом пришел Пердикка и повел Филиппа приносить жертвы в маленький храм Зевса, возвышавшийся на вершине холма. Александр построил это святилище в том самом

месте, где на землю упал небесный огонь. Пердикка подсказывал, когда надо бросить ладан на горящее мясо и с какой молитвой обратиться к могучему богу. Филипп сделал все правильно, и люди разразились хвалебным пеаном, только никто потом не похвалил его лично, как обычно поступал Александр.

Пердикка имел весьма веские основания устроить великолепную церемонию. Ведь как-никак это стараниями Алкеты невеста лишилась близких, способных организовать достойное свадебное торжество. Хорошо хоть Клеопатра согласилась держать ритуальный светильник в опочивальне для новобрачных. Но главное — пышное празднество должно было порадовать и смягчить сердца грубых солдат.

В середине дня возникла проблема; два посланных вперед нарочных сообщили о скором прибытии госпожи Роксаны. Вконец замотавшийся в суетных хлопотах Пердикка совершенно о ней позабыл и даже не удосужился пригласить на свадьбу.

Для бактрийки, влекомой по городу в закрытых носилках, спешно подготовили комнаты. Любопытные горожане высыпали на улицы, солдаты пусть вяло, но все же приветствовали кортеж.

Все эти женитьбы Александра на чужеземках были им, в общем-то, не по нутру, но сейчас, после смерти своего царственного супруга, Роксана словно бы стала своеобразным носителем его ауры. Кроме того, она являлась матерью его сына и сейчас везла ребенка с собой. Македонская царица не преминула бы поднять малыша и показать людям, но знатным бактрийским дамам не пристало заискивать перед простонародьем. У мальчика резались зубки, он капризничал, поэтому из-за занавесей паланкина доносилось детское хныканье.

Облаченный в праздничную одежду Пердикка самым будничным тоном поздоровался с вдовствующей царицей и пригласил ее на торжество, проводимое, как он сказал, в срочном порядке ввиду угрозы войны.

— Ты ничего не сообщил мне об этом! — сердито воскликнула Роксана. — Интересно, какую это пастушку вы тут приискали для государя? Уж если он собрался жениться, то ему следовало взять в жены меня.

— В Македонии, — холодно сказал Пердикка, — наследник покойного властелина не наследует его гарем. А внучка двух царей чем не невеста Филиппу?

Возникла насущная необходимость определиться с приоритетами. Свадьбы Александра и его командиров с аристократками завоеванных стран вершились по местным обычаям. Роксана, не знакомая с македонскими традициями, никак не желала понять, почему именно Клеопатра исполняет роль посаженой матери, и пылко отстаивала свое первенство.

— Ведь именно я, — выкрикнула она, — мать отпрыска Александра!

— И поэтому, — рыкнул Пердикка, тоже едва не ударившись в крик, — ты являешься всего лишь родственницей со стороны жениха. Я пришлю к тебе человека, способного объяснить тонкости нашего свадебного обряда. Позаботься о достойном исполнении своей роли, если хочешь, чтобы солдаты признали твоего сына. Не забывай, что им дано и отвергнуть его.

Последнее заявление поумерило ее пыл. «А он изменился, — подумала она, — стал более хладнокровным, грубым, высокомерным. Видимо, не может простить мне смерть Статиры». Она не подозревала, что, кроме нее, перемены в Пердикке заметили и другие.

Весь день Филипп с нетерпением ждал свадебной прогулки. И она не разочаровала его.

Последний раз он был так счастлив, когда катался на могучих слонах.

Ему позволили надеть любимую пурпурную мантию и золотую корону. Рядом сидела невеста в желтом платье и венке из желтых цветов, который удерживал на ее голове ниспадающее на спину желтое покрывало. Он думал, что они поедут на колеснице вдвоем, и огорчился, когда туда влез и Пердикка. Ведь Эвридика выходит замуж за него одного. Пердикка не может жениться на ней вместе с ним. Ему поспешно объяснили, что Пердикка исполняет обязанности шафера, но он слушал только кузину. Теперь, когда у него появилась жена, он почти не боялся грозного царедворца и готов был вытолкнуть его из возка.

Влекомая белыми мулами колесница ехала по священной Дороге Процессий, которая, изгибаясь и забирая то вправо, то влево, полого спускалась по склону. Ее обступали древние статуи и святилища — величественные создания лидийских, персидских и греческих мастеров. Повсюду реяли флаги и покачивались гирлянды, после захода солнца зажглось множество факелов. На всем пути свадебный выезд бурно приветствовали восхищенные зрители, забравшиеся на крыши домов.

Мулов укрыли золотистыми сетчатыми попонами, отделанными бахромой и кистями, а вели их солдаты в красных плащах и венках. Впереди и сзади шествовали музыканты, исполнявшие что-то лидийское на флейтах и дудках. Мерно позвякивали колокольчики систр, громко звенели большие кимвалы. Словно волны, вздымались доброжелательные крики многоязыкой толпы. Зарево заката побледнело и выцвело, а факелы засияли, как звезды.

Переполняемый чувствами Филипп взглянул на свою спутницу и спросил:

— Ты счастлива, кузина Эвридика?

— Счастлива, как никогда.

И действительно, такого великолепия она не могла себе и представить. В отличие от своего суженого ей еще не приходилось сталкиваться со столь яркими проявлениями азиатского неуемного стремления к роскоши. Громкая музыка, радостный гул приветливых голосов будоражили ее, как вино. Она словно попала в родную стихию, о существовании которой ранее даже не подозревала. Не зря же она была дщерью Аминты, царевича, не сумевшего справиться с искушением, когда ему предложили корону.

— Но теперь, — добавила она, — тебе не надо

больше называть меня кузиной. Гораздо важнее для нас то, что я стала твоей женой.

Свадебное пиршество состоялась в тронном зале, где на особом возвышении располагались почетные кресла для знатных дам и увитый цветами трон новобрачной. На столах вокруг лежали богатые подношения и приданое. С каким-то отрешенным изумлением Эвридика в очередной раз пробежала взглядом по сияющим самоцветами кубкам и вазам, рулонам прекрасной цветной шерсти, которые Кинна заботливо вывезла из Македонии. Не хватало только одной семейной ценности — серебряного ларца, в котором хранились теперь ее обугленные останки.

Клеопатра подвела новобрачную к уставленному роскошными яствами царскому столу, чтобы та взяла свой кусок свадебного каравая, рассеченного мечом новобрачного. Было очевидно, что Филиппу впервые доверили меч, но он смело разрубил ритуальный хлеб пополам, как ему подсказали, и, когда его суженая попробовала свою половину (главный момент свадебного обряда!), спросил, понравилось ли ей угощение, добавив, что попавшаяся ему половина могла бы быть и послаще.

Вернувшись к своему трону, она выслушала

гимн, исполненный девичьим хором. Хор состоял в основном из лидиек, нещадно коверкавших греческие слова, а нескольким гречанкам при всем старании не удавалось перекричать их. Потом Эвридика осознала, что окружающие ее женщины принялись вдруг взволнованно перешептываться, явно готовясь к очередному действу. С легким содроганием она догадалась, что после окончания песни ее поведут в брачную опочивальню.

На протяжении всей свадебной церемонии, занявшей чуть ли не целый день, она отгоняла от себя мысли об этом моменте, думая лишь о будущей своей жизни или просто стараясь впитывать в себя настоящее во всей его полноте.

— Ты хорошо усвоила наставления?

Голос с сильным чужеземным акцентом прозвучал над самым ухом. Вздрогнув, она оглянулась. Лишь нынешним утром ее познакомили с вдовой Александра, маленькой, увешанной драгоценностями особой, наряд которой был расшит множеством золотых бусин и жемчугами, а уши оттягивали большие, как голубиные яйца, рубины. Она выглядела просто сногсшибательно и воспринималась скорее не как женщина, а как сверкающее праздничное украшение. И вот

сейчас Эвридика вновь встретила жгучий в своей злобной сосредоточенности взгляд двух больших черных глаз, белки которых ярко поблескивали между веками, обведенными черной краской.

— Усвоила, — тихо сказала она.

— Да неужели? Я слышала, что твоя мать предпочитала мужские забавы, так же как и твой отец. Достаточно взглянуть на тебя, чтобы поверить в справедливость таких слухов.

Эвридика уставилась на нее, словно зачарованная хищником жертва. Роксана, сверкая черными глазами, будто маленький головастый сорокопут, склонилась к ней, опасно креня свое кресло.

— Раз уж ты знаешь все, что положено, то сможешь научить и своего муженька. — Рубины бактрийки кроваво полыхнули, достигшая кульминации песня не заглушала пронзительного голоска. — Александр обходился с ним, как с комнатной собачонкой. Приучил ходить за собой по пятам, а порой отсылал обратно на псарню, чтобы песик не путался под ногами. Настоящим царем будет мой сын.

Пение смолкло. На возвышении затеялась возбужденная суета. Клеопатра, вспомнив, как вела себя в подобных случаях Олимпиада, поднялась с кресла. Остальные поднялись вслед за ней. Нем-

ного помедлив, Роксана также соизволила встать, окинув всех вызывающим взглядом. Привыкшая к официальным греческим приемам при дворе своего отца Клеопатра с высоты своего македонского роста глянула на низкорослую бактрийку и сказала:

— Не забывай, зачем мы собрались. И по возможности веди себя достойно. Настал наш черед. Девушки, несите факелы! Слава Гименею! Да ниспошлет он счастье новобрачной!

— Смотри! Смотри! — сказал Филипп сидевшему рядом Пердикке. — Кузина Эвридика уходит!

Он встревоженно вскочил на ноги.

— Не спеши!

Схватив новобрачного за подол пурпурной мантии, Пердикка опять усадил его на пиршественную кушетку. С грубоватым добродушием он добавил:

— Она пошла переодеваться. Не волнуйся, вскоре мы отведем тебя к ней.

Ближайшие к ним почетные гости, равно как и сносно понимающие по-гречески и выделяющиеся необыкновенным изяществом юные лидийские слуги начали приглушенно шушукаться. Пердикка, понизив голос, сказал:

— Теперь выслушивай поздравления, а когда

кто-нибудь повернется к тебе, улыбайся. Все сейчас будут пить за тебя.

Филипп в знак согласия поднял резной позолоченный кубок, извлеченный специально для торжества из кладовой, где хранились сокровища Ахеменидов, еще при персидском владычестве попавшие в Сардский дворец. Стоявший за царем Конон проворно отстранил слишком рьяного слугу и наполнил драгоценную чашу из специального кувшина тем сильно разбавленным водой вином, какое в Греции дают даже детям. Старый ветеран выглядел довольно нелепо среди прислуживающих за столом стройных лидийских мальчиков и знатных македонских пажей.

Пердикка, как шафер, встал и произнес речь, вспомнив героических предков новобрачного, и в частности его деда, чье славное имя тот так удачно получил по наследству. Не забыл он упомянуть и о родне его матери, знаменитой Лариссы, взращивавшей лихих скакунов. Его похвалы новобрачной были не менее звучными, хотя и немного туманными. Филипп, увлеченно кормивший забежавшего под стол курчавого белого пуделя, успел вовремя спохватиться и, услышав заздравные возгласы, послушно растянул губы в улыбке.

Один из уцелевших дальних родичей царственной новобрачной выступил с ответным тостом, в традиционно церемонных выражениях похвалив красоту невесты, ее добродетели и высокое происхождение. Гости вновь подняли заздравные чаши и осушили их, шумно выражая свое одобрение. Настало время серьезного возлияния.

Быстро пустевшие кубки мгновенно вновь наполнялись, лица пирующих раскраснелись, венки начали сползать с голов, а голоса зазвучали с утроенной силой. Тридцатилетние командиры наперебой хвастались своими победами. Как военными, так и амурными: умерший молодым Александр в основном приближал к себе лишь молодежь. Более пожилым ветеранам эта по-настоящему македонская свадьба напомнила о праздниках их давней юности. Взгрустнув о былом, они принялись выкрикивать фаллические присловья, издревле веселившие люд на таких торжествах.

Знатные пажи не забывали потчевать и друг друга. Вскоре один из них сказал:

— Бедный малый! Старина Конон мог бы позволить ему хоть на свадьбе отведать порядочного винца. Возможно, оно возбудит в нем любовный пыл.

Он вместе с приятелем направился к кушетке Филиппа.

— Конон, Аристон просил меня передать, что он хочет выпить за твое здоровье.

Конон просиял и оглянулся, ища взглядом доброжелателя, Пердикка тоже отвернулся от царя, увлекшись беседой с одним из гостей. Улучив подходящий момент, второй паж незаметно наполнил царский кубок крепким вином. Филипп попробовал новый напиток, оценил его и, быстро осушив кубок, потянулся за добавкой. К тому времени, когда Конон заподозрил неладное и сердито разбавил вино своего подопечного, тот уже дважды успел основательно приложиться к нему.

Подвыпившие мужчины грянули разухабистый сколион — хоровую скабрезную песнь. Ее непристойное содержание считалось вполне допустимым на свадьбах, но Пердикка был начеку. Он хорошо понимал, что сегодня нельзя превращать пир в попойку. Из приличия можно позволить гостям еще сколько-то посидеть за столом, а потом нужно будет все это свернуть. Строгий шафер отставил в сторону чашу, зорко следя за происходящим вокруг.

Филипп ощутил прилив благодушия и веселья.

Отбивая по столу ритм сколиона, он сам уже громко распевал:

— Я женат, я женат, я женат на Эвридике!

Белый пудель крутился у его ног; царь подхватил кобелька на руки и поставил на стол, пес немедленно перескочил на соседний стол, потом на другой, роняя кубки, вазы с фруктами и цветами, однако его быстро согнали на пол, и он убежал, обиженно взвизгивая. То и дело общий гомон взрывали раскаты громогласного смеха, изрядно захмелевшие гости наперебой провозглашали древние как мир тосты, вдохновляющие мужчин на геройские подвиги в первую брачную ночь.

Филипп озирал публику затуманенным взором, в котором мелькало тревожное опасение. В духоте многолюдного зала, усугубляемой чадом множества факелов, под плотной пурпурной мантией ему вдруг сделалось слишком жарко. Он беспокойно заворочался и попытался стащить с себя нарядное облачение.

Пердикка понял: пора. Он подозвал факельщика и объявил, что настало время выхода новобрачного.

Тем временем Эвридика в ночной рубашке из мидийского шелка лежала в роскошной, бла-

гоухающей изысканными ароматами постели, близ которой толпились все почтенные дамы местных знатных семейств. Сейчас они свободно переговаривались между собой, хотя поначалу, согласно ритуалу, всемерно пытались вовлечь новобрачную в разговор, быстро увядший, поскольку никто из них не был близко знаком с ней. В итоге от обычных свадебных шуток пришлось воздержаться, и женщины принялись развлекать себя сами, пытаясь хоть как-то скрасить скучное ожидание прихода мужчин. В основном со снисходительного разрешения Клеопатры публику занимала Роксана, вдохновенно описывавшая куда более роскошные празднества, какие устраивал некогда Александр.

Вокруг витали терпкие запахи разгоряченной женской плоти, кедровых сундуков с одеждой и душистых трав, сбрызнутых экзотическими апельсиновыми и розовыми эссенциями, и все-таки Эвридика, чувствуя себя совершенно потерянной в этом чужом для нее окружении, предпочитала настороженно прислушиваться к отдаленным мужским ликующим голосам. В опочивальне было тепло, однако ноги девушки, укрытой льняной простыней, совсем заледенели. Дома она привыкла спать под шерстяным

одеялом. Сама комната казалась огромной; когда-то здесь почивал знаменитый царь Крез. Стены сплошь покрывали мраморные панели в разноцветных разводах, пол устилали квадраты порфировых плит. Брачное ложе заливал ярким светом персидский светильник в виде букета позолоченных лотосов; может, потом кто-то сжалится и погасит его? Эвридике никак не удавалось избавиться от навязчивых мыслей о предстоящем совокуплении с суженым, о непомерной силище его рук, а также о странном приторно-сладком душке, от него исходящем. От волнения она сегодня почти не прикасалась к еде, но то, что ей удалось проглотить, теперь лежало камнем в желудке. А вдруг ее вытошнит прямо в постели? Как жаль, что мать не может ее поддержать! Только сейчас девушка полностью осознала всю горечь своей потери и с ужасом ощутила, что у нее защипало под веками. Но если бы Кинна была с ней в этот миг, то ее, без сомнения, удручил бы вид дочери, плачущей на глазах у врагов. Эвридика стиснула зубы и, судорожно вздохнув, молча подавила зарождающиеся рыдания.

За спинами почтенных матрон шушукались подружки новобрачной. Повинуясь нехитрому

свадебному порядку, они уже исполнили ритуальную песню, окропляя благовониями брачное ложе, и теперь изнывали от вынужденного безделья. Сбившись в стайку, все эти сестры, приятельницы и кузины то и дело разражались приглушенным хихиканьем, затихавшим до шелеста ветерка в неокрепшей листве под строгими взглядами старших. Эвридика слышала все: ей тоже оставалось лишь ждать. Потом внезапно она осознала, что шум в пиршественном зале изменился. Смолкло невнятное разудалое пение, застонал пол под ножками отодвигаемых кушеток. Мужчины прервали застолье, они шли сюда.

Словно воин, избавленный от длительного напряжения боевым кличем, она облегченно вздохнула и призвала на помощь всю свою храбрость. Скоро всем этим людям придется уйти, оставить ее вдвоем с мужем. И тогда она мирно поговорит с ним, может, расскажет пару древних историй. Старый Конон заверил, что сам он не станет к ней приставать.

Роксана тоже услышала приближение мужчин. Она повернулась, звякнув затейливыми рубиновыми сережками, и громко провозгласила:

— Желаю счастья и радости новобрачной!

* * *

Окруженный и подталкиваемый смеющимися хмельными факельщиками Филипп, путаясь в полах одежды и спотыкаясь на пологих ступенях лестницы, обрамленной красочными стенными панелями, с трудом продвигался к опочивальне.

У него кружилась голова, под плотной пурпурной мантией он весь взмок, к тому же его расстроило, что симпатичного белого пуделька так скоро прогнали. Он рассердился на Пердикку за то, что тот увел его из-за стола, а потом и на всех этих хохочущих мужчин, когда понял, над чем они потешаются. Гости утратили даже показную почтительность и откровенно скалили зубы, видя его боязливость и трепет. Он слышал шутки, звучавшие в зале, всех веселило то, что, по их представлениям, он должен был сделать сейчас с Эвридикой. Нечто дурное, такое, чего вообще нельзя делать в присутствии других людей. Когда-то давно его поколотили за то, что он подглядывал за уединившейся парочкой. А теперь, как ему вдруг взбрело на ум и в чем никому не пришло в голову его разуверить, они все вознамерились стоять и смотреть на него. И, сам

не зная почему, Филипп был уверен, что кузине Эвридике это совсем не понравится. К сожалению, Пердикка крепко держал его за руку, иначе он бы давно убежал.

— Уже поздно, — в отчаянии произнес Филипп. — Мне пора спать.

— Мы как раз и хотим уложить тебя на брачное ложе, — ответил ему хор голосов. — Для того-то мы с тобой и идем, государь.

Провожатые разразились хохотом в предвкушении новой волны по-македонски разнузданного свадебного веселья, по какому истосковались за долгие годы военных походов ведомые Александром войска.

— Угомонитесь!

Неожиданно безрадостный, как у сердитого старого ворчуна, голос Пердикки слегка отрезвил всех. Филиппа ввели в аванзал и начали раздевать.

Бедняга позволил совлечь с себя пурпурную мантию, но, когда эти люди взялись за его пропитанный потом хитон, он не выдержал и парой мощных ударов разбросал в стороны двух ближайших кривляк. Остальные опять засмеялись, однако Пердикка с угрожающей мрачностью приказал Филиппу не забывать, что он царь. Тогда

тот позволил переодеть себя в длинную белую, расшитую золотой нитью рубашку. Ему разрешили воспользоваться ночным горшком (куда же запропастился Конон?), больше не оставалось причин для заминки. Царя подвели к дверям спальни. Оттуда доносился гул женских голосов. Неужели они тоже будут глядеть?!

Большие двери распахнулись. Эвридика, вжав локти в подушки, полулежала на огромной кровати. Смуглая маленькая рабыня, смеясь, пробежала мимо Филиппа с длинными щипцами, явно собираясь погасить висячие лампы. Мощная волна гнева, страдания и ужаса захлестнула его. В голове что-то зажужжало и загудело: бум, бум, бум! Всплывшие откуда-то воспоминания подсказали, что скоро в его мозгу полыхнет белая вспышка. Ну где же Конон? Он закричал:

— Свет! Свет!

И свет вспыхнул, точно молнией прошив все его тело.

Выжидающий в сумраке коридора Конон тут же вбежал в опочивальню. Без каких-либо церемоний он растолкал потрясенных и мгновенно отрезвевших гостей, с тревогой склонившихся над распростершимся на полу новобрачным. Достав из поясного мешочка маленький де-

ревянный клинышек, верный слуга с трудом раздвинул челюсти своего подопечного и вставил это приспособление ему в рот так, чтобы западающий язык не мог перекрыть дыхание. С горькой укоризной и гневом старик пристально глянул на окружающих, но на лицо его быстро вернулась легкая озабоченность бывалого воина, еще раз столкнувшегося с очередной глупостью командиров. Он сказал Пердикке:

— Господин, я позабочусь о нем. Я знаю, что надо делать. Возможно, господин, женщинам лучше уйти.

Раздосадованные и смущенные мужчины посторонились, пропуская дам к выходу. Первыми, в панике забыв о всякой благопристойности, выбежали подружки новобрачной, дробный стук туфелек ссыпался вниз по леснице и затих. Знатные матроны, за день уже и так настрадавшиеся от строгостей протокола, бестолково сбились в кучку, ожидая выхода царственных вдов.

Эвридика беспомощно поглядывала на всех, завернувшись в алое с золотой бахромой покрывало. На ней была лишь тонкая свадебная рубашка; не может же она почти голой вылезти из кровати на глазах у этих мужчин и у старого Конона, хлопотавшего совсем рядом. Ее одежды

висели на выточенном из слоновой кости стуле, задвинутом в дальний угол огромной опочивальни. Неужели ни одна из женщин не вспомнит о ней, не подойдет незаметно и не накинет на ее плечи хоть какой-нибудь плащ?

С пола донеслись странные звуки. Филипп, до сих пор лежавший как бревно, вдруг дернулся раз-другой. Через мгновение у него начались спазмы, все его тело забилось в судорогах, подол рубашки задрался, обнажив ноги, непроизвольно лягавшие воздух.

— Желаю счастья и радости новобрачной! — язвительно бросила через плечо Роксана, стремительно проходя к двери.

— Все прочь отсюда! — резко бросила Клеопатра, покосившись на группу матрон, которые охотно потекли к выходу, старательно изображая, что ничего не видят, не слышат.

Подойдя к двери, Клеопатра помедлила и обернулась к кровати. В ее задумчивом полупрезрительном взгляде Эвридика уловила оттенок невольного сострадания.

— Ты не хочешь уйти? Мы найдем тебе чем прикрыться.

Она перевела взгляд на стул с одеждами новобрачной, одна из дам уже бежала к нему.

Эвридика посмотрела вслед вдове Александра, чей золотистый наряд еще поблескивал за дверьми. Подняв глаза на сестру недавнего властителя мира, она поняла, что та воспринимает ее как побитую шлюху, чей позор нужно скрыть ради чести семьи. Ей вдруг подумалось: «На деле я даже об Александре ничего толком не знаю, кроме того, что по его повелению убит мой отец. Может быть, боги прокляли их всех. Пусть я умру, но они все же повалятся предо мной на колени!»

Услужливая матрона принесла ей гиматий цвета шафрана — счастливого цвета плодовитости и наслаждения. Девушка молча закуталась в него и встала с кровати. Судорожные подергивания Филиппа начали затихать. Конон поддерживал ему голову, чтобы она не билась об пол. Выступив вперед, Эвридика окинула взглядом обеспокоенные лица и заявила:

— Нет, высокородная Клеопатра, я не могу уйти. Царь болен, и долг обязывает меня оставаться рядом с ним, с моим мужем. Пожалуйста, уходите.

Она взяла с кровати подушку и подложила ее под голову Филиппа. Теперь он принадлежал ей, они оба стали жертвами обстоятельств. Он сделал ее царицей, и она будет царствовать за них двоих. А пока его нужно уложить в кровать

и хорошенько укрыть. Конон потом ей укажет, где можно приткнуться.

321 год до н. э.

По древней дороге, проложенной вдоль восточного берега Средиземного моря, двигалась на юг растянувшаяся длинным обозом армия Пердикки; за основными полками следовали многочисленные слуги, торговцы свечами, кузнецы, плотники и кожевенники, погонщики со своими слонами и бесконечная вереница повозок с солдатскими женщинами и рабами. С обновленных крепостных стен Сидона, Тира и Газы их провожали взглядами толпы горожан. Миновало одиннадцать лет с тех пор, как прошел этой дорогой полный жизненных сил Александр, который совсем недавно, совершая последний свой путь, проплыл над ней в Египет под звон колокольчиков погребальной ладьи. Направлявшейся туда же армии до зевак не было дела, но ее продвижение означало начало какой-то войны, а войны подобны быстро распространяющимся пожарам.

Охраняемый с двух сторон вооруженными бактрийскими и персидскими евнухами фургон Роксаны следовал тем же курсом и точно так же, как он следовал в свое время за полками Алек-

сандра из Бактрии в Индию, Дрангиану, Сузы, Персеполь и Вавилон. За долгие годы странствий это походное жилище не раз ремонтировалось и обновлялось, но неизменными, казалось, оставались витавшие в нем и вокруг него запахи тисненой крашеной кожи, являвшейся его кровлей, и благовоний, которые в каждом новом городе евнухи приносили на выбор своей госпоже. Даже сейчас подушки бактрийки все еще источали аромат, напоминавший ей о пребывании в жаркой Таксиле. Роксана упорно возила за собой тяжелые, усыпанные бирюзой чаши, красивые безделушки, подаренные на свадьбу родней, гравированные золотые тарелки из Суз и курильницу из Вавилона. Вся ее жизнь текла по давно установленному порядку, новизну в него привносил лишь ребенок.

В свои два года малыш выглядел несколько мелковатым, однако, по словам матери, рост достался ему от отца. В других отношениях, что было очевидно, мальчик походил на нее: мягкие темные волосы, яркие темные глазки. Непоседливый карапуз редко болел, зато лез в каждую щель, приводя в ужас всех нянек, обязанных оберегать его драгоценную жизнь с риском для собственной жизни.

Трясясь над сынком, Роксана, однако, старалась не ограничивать его свободы: он должен с самого детства ощущать себя подлинным властелином.

Раз в несколько дней ее навещал Пердикка, поскольку его избрали царским опекуном, о чем он неустанно напоминал ей всякий раз, когда они ссорились, что случалось частенько. Он обижался, что ребенок дичится его.

Это все потому, говорил он, что мальчик не видит настоящих мужчин.

— Его отец, пора бы тебе запомнить, не рос среди евнухов.

— А на моей родине дети покидают гарем только в пять лет и все равно успевают стать искусными воинами.

— Однако Александр победил их. И именно потому ты теперь здесь.

— Как ты смеешь, — кричала она, — причислять меня к полонянкам! Ты, пировавший у нас на свадьбе! О, как желала бы я, чтобы мой муж услышал твои слова!

— Ты можешь желать чего угодно и сколько угодно, — бросал Пердикка и отправлялся к другому своему подопечному.

Когда армия останавливалась на ночевку, Филиппу, как раньше, устанавливали палатку.

Эвридике, ставшей теперь очень знатной особой, полагался личный фургон, там она и спала. Походное жилище Роксаны, конечно, было более роскошным, но раз уж Эвридика не видела его в глаза, то она сочла свою новую обитель вполне удобной и даже уютной после того, как там разместилось кое-что из ее собственного приданого. Особо довольна она была поместительным сундуком, где среди спальных принадлежностей хранились спрятанные ею перед отъездом оружие и доспехи.

Филиппа вполне устраивала такая семейная жизнь. Его очень смутило бы, если бы Эвридика вдруг пожелала ночами быть с ним, она ведь тогда вполне могла бы выгнать вон Конона. Днем же он с удовольствием делил с ней досуг, зачастую сопровождая верхом ее фургон и рассказывая о тех местах, где они проезжали. Филипп уже некогда проделал весь этот путь в военном обозе, следуя за солдатами Александра, и время от времени в его в памяти вдруг всплывали обрывочные картины прошлого. Как-то ему довелось очень долго прожить под стенами Тира.

Вечерами они по-семейному ужинали в царской палатке. Поначалу Эвридика с отвращением смотрела, как муженек поглощает пищу, но по-

степенно с ее наставлениями его манеры заметно улучшились. Иногда, если лагерь располагался неподалеку от моря, она вместе с Кононом выводила царя на прогулку, помогая ему собирать камни и ракушки, а помимо того занимая его беседой. Она часто рассказывала Филиппу услышанные от Кинны легенды о Македонии и о ее царях, ведущих свой род от юного Геракла, осмелившегося бросить вызов самому Гелиосу.

— Мы с тобой, — сказала однажды она, — скоро будем там править.

Смутная тревога плеснулась в его глазах.

— Но Александр говорил мне…

— Он говорил так только потому, что сам был царем. Но время его царствования уже закончилось. Теперь царем сделался ты, а раз уж мы поженились, то тебе следует меня слушаться. Я обо всем позабочусь и все тебе подскажу.

Миновав Синайские пустыни, войска очутились в Египте и встали лагерем на плоских прибрежных лугах. Впереди, в нескольких милях от них, располагался древний портовый город Пелусий, далее простиралась обширная дельта Нила, испещренная хитросплетениями проток и речных рукавов, а за всем этим находилась Александрия.

Под сенью финиковых пальм на берегах темных оросительных каналов, обрамленных высокими зарослями папируса, принялось обустраиваться беспокойное воинство. С южных пустынь уже задували теплые ветры, уровень воды в Ниле заметно понизился, на плодородных нильских наносах зрели богатые урожаи, неутомимые волы продолжали приводить в движение нехитрые механизмы деревянных водоподъемных колес. Истомившись после знойного перехода по Синайскому полуострову, индийские погонщики слонов, сорвав с себя легкие набедренные повязки, везде, где только можно, купали своих питомцем, радостно плещась вместе с ними и хохоча, когда те из хоботов окатывали их и себя струями пресной живительной влаги. Верблюды, надолго припав к воде, впрок пополняли ею свои скрытые полости, солдатские жены стирали белье и мыли детей. Маркитанты отправились на поиски продовольствия. Солдаты готовились к бою.

Пердикка, кликнув на совет командиров, обозревал окрестности. Он был с Александром в египетском походе, но с тех пор прошло одиннадцать лет, а за последние два года Птолемей успел здесь прочно обосноваться. Везде, где име-

лась возможность для переправы, на холмах и скальных выходах появились мощные каменные или деревянные укрепления. Дальше по берегу моря солдатам уже не пройти: Пелусий отлично защищали соленые топи. Придется обходить эти болота с юга.

Основной лагерь останется здесь. Пердикка возьмет с собой лишь небольшие маневренные войска, не обремененные тяжелым обозом и потому способные легко двигаться даже по бездорожью. Такой тактике он научился у Александра. В быстро сгущавшихся сумерках, подсвеченных розоватым пустынным маревом, удовлетворенный военачальник поехал обратно к своему шатру, чтобы основательно спланировать грядущий поход.

По всей территории стана среди беспорядочно раскиданных солдатских палаток потрескивали и ярко полыхали костры; возле тех, что поменьше, кухонных, суетились женщины, а вокруг больших, поскольку ночи стояли холодные, собирались компании человек по двадцать или по тридцать, чтобы разделить трапезу, состоящую из фасолевой густой похлебки с лепешками и оливками, освежиться терпким вином, а потом с удовольствием сдобрить выпивку финиками

и сыром.

После ужина перед сном люди заметно расслабились, лениво болтая о том о сем, балагуры сыпали байками, где-то пели. Тогда-то и зазвучали по всему лагерю голоса, доносившиеся из темноты за кострами. Вкрадчивые, негромкие, они постепенно привлекали внимание отдыхавших истинно македонскими интонациями и оборотами речи. Пришельцы, прятавшиеся во мраке, называли знакомые имена, поминали былые сражениях под рукой Александра и павших друзей, отпускали старые добрые шутки. Не получив решительного отпора, они подбирались поближе, затем, в ответ на невнятные возгласы, подсаживались к огню. Разве не стоит в память о старой дружбе осушить вместе по кружке египетского вина? Завтра, кто знает, им, может, придется рубиться друг с другом, но сегодня все тут с легким сердцем вполне могут выпить за здравие тех, кто пока еще жив. Ночные гости охотно рассказывали о том, как им здесь живется. Да, Птолемей, конечно, не Александр, но он все же лучший из прочих. Он далеко не глуп как командир и очень заботится о солдатах. Всегда находит возможность помочь служивому в трудный час, а кто же еще

сейчас на это способен? Кстати, какое жалованье положил Пердикка своим ветеранам? Какое?! (Укоризненное покачивание головой и длинный пренебрежительный присвист.)

— Наверное, он пообещал вам долю в трофеях? Ну разумеется, в Египте хватает добра, да только вряд ли вы до него доберетесь. Здешняя земля убивает чужаков, не знающих безопасных проток. Взять хотя бы египетских крокодилов, они не только крупнее индийских, но и гораздо коварнее.

Новым слушателям, подходившим к кострам, гости с удовольствием продолжали рассказывать о своей хорошо налаженной жизни и о красотах Александрии, о гаванях, заполненных судами со всего света, о вкусной и свежей пище, о богатых винных лавках и юных обольстительницах, о прекрасном египетском климате и о том, что Александр явно передал этому городу свою удачу.

Кувшины с вином опустели, поручение было выполнено, и гости незаметно исчезали во тьме, их шаги растворялись в мрачных звуках египетской ночи. Пробираясь обратно к своей крепости, эти люди, возможно, облегченно вздыхали, удовлетворенные тем, что им удалось добром

услужить старым товарищам, не проронив при этом ни слова лжи, а заодно легко заработать сотенку драхм.

Последнюю лагерную стоянку Пердикка устроил чуть выше так называемого запястья Нила, от которого пальцевидные рукава этой могучей водной артерии расходились на север. Сюда же прибыла и часть тылового люда, которому надлежало дожидаться его возвращения, а также царствующая семья: Пердикка хотел держать эту парочку под присмотром. Отсюда он двинется с войсками к реке.

Оставшиеся в лагере люди смотрели, как солдаты уходят за полководцем в дрожащий рассветный туман, конные, пешие, а с ними уходят и нагруженные съестными припасами мулы, и мерно вышагивающие верблюды, таща за собой на волокушах детали разобранных катапульт. Шествие завершали слоны. Еще долго видна была на обширной равнине постепенно уменьшающаяся в размерах колонна, но в конце концов она исчезла за горизонтом, опушенным зарослями тамариска и пальмами.

Расхаживая по царской палатке, Эвридика с тревогой ожидала вестей. Конон, взяв небольшой эскорт, отправился с Филиппом на верховую

прогулку. Эвридика тоже любила верховую езду и частенько скакала во весь опор по македонским привольным лугам, но теперь ей приходилось постоянно сдерживать свои желания, поскольку столь дикое поведение не подобает царице. Так говорил ей Пердикка.

Сейчас, когда дочери Кинны впервые посчастливилось оказаться при войске, совершающем настоящий военный поход, все воспитанные в ней навыки, как и врожденные склонности, взбунтовались против того, что ее оставили в лагере вместе с женщинами и рабами. Свое супружество она воспринимала как данность в виде дурацкой комедии, ходом которой следует управлять, ни в малой степени не изменяя себе. Более того, сами женщины ей казались некими чуждыми существами, живущими по законам, никак не касающимся ее лично.

В тени за фургоном Эвридики сидели две служанки, тихонько переговариваясь по-лидийски. Обе были ее рабынями. Ей предложили взять в услужение девушек из знатных семей, но она отказалась, сказав Пердикке, что не собирается подвергать тяготам походной жизни взращенных в роскоши неженок. Правда же заключалась в том, что это она сама не собиралась подвергать

себя тяготам скучного общения с жеманными собирательницами пустых сплетен и слухов. К любовным играм Эвридика тоже была равнодушна; в этом отношении она нуждалась в женщинах еще менее, чем в мужчинах. Свадебная ночь убила даже ростки желаний. Раньше, в своих девичьих мечтах, Эвридика сражалась, подобно царице амазонок Ипполите, бок о бок с героями древних легенд. Однако с проснувшимся в ней честолюбием изменились и ее мечты.

Мечты мечтами, но на третье утро даже они начали ее раздражать. Положение сделалось тупиковым. Предстоящий день казался таким же пустым и унылым, как и окрестный ландшафт. И почему она должна терпеть эту муку? Эвридика глянула на сундук с припрятанными в нем доспехами и оружием. Там же лежал и ее мужской наряд.

Она ведь стала царицей, Пердикка просто обязан слать к ней гонцов с новостями. А раз гонцов нет и новости до нее не доходят, ей придется попробовать раздобыть их самой.

Все представления Эвридики о нынешнем боевом рейде зиждились на сведениях, почерпнутых ею от Конона, у которого было много друзей среди солдат и тыловиков. И судя по его словам,

Пердикка повел за собой воинов, никому толком не объяснив своих планов. Ни коменданту лагеря, ни старшим командирам, отправившимся вместе с ним. Он-де прослышал, что в расположении его войск появились шпионы. Командирам вся эта таинственность не понравилась. Например, распоряжавшийся слонами Селевк хотел точно знать, как их будут использовать, но Конон, конечно, не все говорил молодой госпоже. Не упомянул он и о росшем в лагере недовольстве. Пердикка сделался слишком высокомерным и своевольным. Александр никогда не вел себя так, он, если надо, убеждал, а не принуждал.

Однако старик поделился с Эвридикой своими соображениями, что количество взятых в поход запасов и дополнительных лошадей может позволить войскам пройти не более тридцати миль. А как раз на таком удалении от опорного стана находилось главное русло Нила.

Эвридика переоделась в короткое мужское платье, застегнула хорошо подогнанный кожаный панцирь, зашнуровала плечевые накладки, натянула сапоги и наголенники. Панцирь практически сглаживал ее девичью грудь. На голову девушка водрузила простой, без оперения иллирийский шлем; когда-то его носила еще ее

бабушка Аудата. Сонные служанки не заметили, как она ушла. Загон с лошадьми располагался на лагерной территории, конюхи приняли ее за одного из царских стражников и, повинуясь командному тону, вывели ей чуть ли не лучшего скакуна.

Даже через три дня следы прохождения войска были прекрасно видны, их отмечали вывернутая с корнями трава, изрытая копытами почва, лошадиный и верблюжий помет, вытоптанные берега оросительных каналов, пустые водоемы в полях с глинистым и потрескавшимся от жары дном. Земледельцы уже трудились над починкой запруд, мрачно браня порушивших их разорителей.

Эвридика отъехала от лагеря на пару миль, когда ей навстречу попался гонец.

Угрюмо трясшийся на верблюде пропыленный, осунувшийся мужчина сердито обогнул препятствие, загородившее ему дорогу. Но он был солдатом, поэтому Эвридика развернулась и догнала его. Ее лошадь пугливо косилась на верблюда, однако девушка крикнула:

— Какие новости? У вас было сражение?

Солдат, изогнувшись, попытался сплюнуть, но лишь напрасно напряг пересохший рот.

— Убирайся с дороги, малец! У меня нет времени на болтовню. Я везу в лагерь срочное донесение. Там должны подготовиться к приему раненых… тех, что доедут живыми.

Он хлестнул верблюда, тот качнул презрительно мордой и умчался, обдав ее облаком пыли.

Спустя час или два она увидела вдали вереницу подвод. Когда телеги приблизились, стало понятно, какой на них груз. По немолчным мучительным стонам, по снующим туда-сюда развозчикам воды на ослах, по лекарю, склонившемуся над кем-то под шатким наспех сооруженным навесом. Она поехала рядом, рассеянно вслушиваясь в жужжание мух и бранные возгласы, отмечавшие каждый ухаб казавшейся бесконечной дороги.

На четвертой подводе люди переговаривались и посматривали по сторонам. Эти бойцы с покалеченными руками или ногами еще бодрились, сохраняя остатки сил. Девушка заметила среди них знакомца. Того самого ветерана, что первым встал на ее сторону в тот злосчастный вечер, когда пала Кинна.

— Фаул! — окликнула его девушка, подъезжая к откинутому борту повозки. — Мне очень жаль, что тебя так задело.

Ее приветствовали с изумлением и восторгом. Царица Эвридика! А они было приняли ее за какого-то юного хлыща из штабных! Что она здесь делает? Неужто намерена вести их в бой? Вот что значит героическая династия — дед явно гордился бы такой бравой наследницей. Хвала богам, что ей повезло опоздать на вчерашний спектакль. Все явно обрадовались, увидев ее.

Эвридика не поняла, что именно ее молодость так умилила раненых воинов и расположила их к ней. Будь ей лет тридцать, а не пятнадцать, она, возможно, нарвалась бы на множество непристойных шуточек, всегда преследующих мужеподобных представительниц слабого пола. Но сейчас царственная всадница выглядела как обаятельный юноша, не утратив при том своей девичьей свежести, она казалась союзником, другом. Она ехала рядом с повозкой, а солдаты изливали ей всю накопившуюся в них горечь.

Пердикка вывел их на берег Нила к так называемому верблюжьему броду. Но конечно же, этот брод сторожил гарнизон, засевший на другом берегу в возвышающейся над холмом крепости, обнесенной деревянными стенами, рвами и частоколом. Разведчики доложили Пердикке, что препятствие защищает совсем небольшой

отряд.

Более молодой, чем Фаул, солдат с возмущением проворчал:

— Только наш генерал не учел, что Птолемей многому научился у Александра.

— Ненависть помутила разум Пердикки, — буркнул другой раненый, — потому-то он и недооценил Птолемея. Такого нельзя допускать на войне. Александр всегда действовал более осмотрительно.

— Так вот, сначала действительно народу в этой крепости было немного. Птолемей просто подготовил войска к переброске, не зная заранее, где ударит Пердикка. Но, получив точные сведения, он примчался нам навстречу как ветер, вряд ли его смог бы опередить даже сам Александр. Египетский полк оказался в крепости, когда мы находились на середине реки.

— И еще одно надо отметить, — сказал Фаул. — Птолемей явно не хотел проливать македонскую кровь. Он мог напасть на нас из засады, когда мы ступили бы на тот берег, ведь никто не заметил, что в крепость пришло подкрепление. Но он поднялся на стену с глашатаем и остальными людьми, и все они громогласно пытались остановить нас. Птолемей всегда отличался ве-

ликодушием. Александр высоко ценил это в нем.

Застонав от боли, ветеран откинулся на солому, поудобнее пристраивая покалеченную ногу. Эвридика спросила, не мучит ли кого-нибудь жажда, но воинам хотелось выговориться. Более тяжело раненных везли на передних подводах.

Пердикка, продолжили солдаты, произнес речь, призвав всех сохранить верность клятве. Они ведь сами выбрали его царским опекуном, и свой пост он получил непосредственно от Александра. Этого, конечно, никто не отрицал, кроме того, до сих пор он регулярно платил всем жалованье.

Направляемые погонщиками слоны подтащили к крепости приставные лестницы, пробив брешь в частоколе на речном берегу и выворачивая столбы точно молодые деревца, листвой которых эти животные питаются на приволье. Толстая кожа гигантов почти не страдала от сыпавшихся сверху дротиков. Однако защитники крепости были отлично обучены; сбиваемые с лестниц люди скатывались по крутому склону через пролом в реку, и намокшие доспехи утягивали их на дно. И тогда Пердикка приказал начать слоновью атаку.

— Селевку это не понравилось. Он сказал,

что слоны уже выполнили свою задачу. Сказал, что нет смысла великолепному боевому животному подставлять под удар голову, таща на спине пару человек туда, где их встретят дюжины копий. Но ему весьма резко указали, кто кем командует. И это ему также не пришлось по вкусу.

Слоны выступили вперед, издавая военные трубные кличи.

— Но Птолемея это не испугало. Мы видели, как он, не дрогнув, продолжал сбрасывать карабкающихся наверх солдат своей длинной сарисой. На земле слон любого храбреца вгонит в дрожь, но защитники-то стояли на стенах.

Слоны с трудом продвигались вверх по откосу, взрывая мощными ногами землю, и вскоре старый Плуто, возглавлявший слоновий отряд, начал раскачивать деревянную стену. Ему удалось подтащить к ней таран. Но Птолемей стойко держал оборону, отражая щитом летящие в него дротики, а потом, улучив момент, поразил длинным копьем глаза старого Плуто. Второй слон, взревев, поднялся на дыбы, когда подстрелили его погонщика. В итоге оба гиганта, один — ослепленный, а второй — неуправляемый, понеслись вниз, бестолково мечась и давя всех на своем пути.

— Именно они, а не наши противники и сломали мне ногу, — вставил один из раненых. — И если я никогда уже не смогу нормально ходить, то не буду винить в этом Птолемея.

Последнее заявление гневными восклицаниями поддержали все пассажиры повозки. Получив раны в самом начале атаки, эти солдаты не знали толком, что было дальше, но слышали, что сражение длилось до ночи. Эвридика проводила их еще немного, выказывая сочувствие, а потом спросила, как проехать к верблюжьему броду. Ей посоветовали быть осторожнее и не лезть в пекло, им не хотелось бы потерять столь замечательную царицу.

Она поехала дальше и через какое-то время увидела вдали темное движущееся пятно, медленно выплывающее из пальмовой рощицы, окружавшей маленькое озерцо. Вскоре она поняла, что навстречу ей движутся два слона, идущие друг за другом. Впереди шел слон поменьше, а большой держался хоботом за его хвост. Старого Плуто вели к стойлу, так же как лет сорок назад водила его в родных джунглях мать, охраняя от тигров. На спине ослепленного великана сидел рыдающий погонщик, да и сам Плуто, казалось, плакал кровавыми слезами.

Эвридика воочию смогла оценить, насколько Птолемей храбр и ловок. Участь Плуто девушку не расстроила; дома ее главным развлечением была охота, и она нисколько не сомневалась, что животные в этом мире существуют единственно для удовлетворения людских нужд. Расспросив первого погонщика, который, видимо, еще мог мыслить связно, она выяснила, что к вечеру Пердикка свернул атаку и ушел неизвестно куда с наступлением темноты. Вероятно, продвижение дальше было чревато для одинокой всадницы риском попасть в руки врагов, поэтому Эвридика решила вернуться в лагерь.

Никто не заметил ее отсутствия, кроме старика Конона, который в проезжающем мимо коннике узнал свою госпожу, но, поймав предупреждающий взгляд, счел за лучшее промолчать. Впрочем, он так и так промолчал бы. Госпожа у него настоящая, чему свидетельством девятидневные свадебные торжества, к тому же сейчас у нее забот хватает. Не стоит мешать ей, ведь бедняжка без чьей-либо помощи и практически ощупью пытается вывести свою лодку на верный жизненный путь.

Армия Пердикки, точнее, ее жалкие остатки прибыли в лагерь на другой день.

Сначала притащилась никем не управляемая, взъерошенная и грязная толпа пехотинцев. С ног до головы эти солдаты были облеплены засохшим нильским илом, и если бы не голубые злые глаза, то их совершенно нельзя было бы отличить от местных темнокожих селян. Напившись воды, они побрели к каналам, чтобы смыть с себя грязь, попутно рассказывая всем желающим о том, что с ними стряслось в этом гибельном и ужасном походе. Потом появился Пердикка, он ехал с каменным лицом; командиры также проезжали, сжав зубы и храня при себе свои мысли, за ними следовали хмурые и сердитые конники. Эвридика, вновь скромно переодетая в женское платье, послала Конона разузнать новости.

Пока он отсутствовал, до нее вдруг дошло, что воины довольно плотным кольцом обложили царские шатры и фургоны. Они подтягивались небольшими группами и без особого шума, словно уже успели обсудить и согласовать свои действия. Озадаченная и встревоженная, она попыталась кликнуть ближайших стражников, но те, похоже, успели присоединиться к молчаливому воинскому окружению.

Чисто интуитивно девушка поняла, что бояться

ей нечего. Выйдя из царского шатра, она показалась солдатам. Ей отсалютовали оружием, правда совершенно бесшумно; атмосфера была заговорщицкая, но доброжелательная.

— Филипп, — сказала она, — встань здесь у выхода, пусть воины увидят на тебя. Ты должен улыбнуться и приветствовать их так, как учил тебя Пердикка. Покажи мне, как ты это сделаешь… да, хорошо. Ничего не говори, просто поприветствуй собравшихся.

Он вернулся довольный, сказав:

— Они помахали мне.

— И крикнули: «Да здравствует Филипп!» Запомни, что в таких случаях надо всегда улыбаться.

— Хорошо, Эвридика.

Филипп направился к столу, чтобы наполнить красиво разложенные ракушки новыми красными стеклянными бусинами, которые Эвридика купила для него у бродячего торговца.

У входа появилась чья-то тень. Конон медлил, ожидая разрешения войти внутрь палатки. Увидев его лицо, девушка непроизвольно бросила взгляд в угол, где стояло церемониальное копье мужа. Она спросила:

— Неужели враг перешел в наступление?

— Враг? — Вопрос явно удивил старика. — Нет, госпожа… Не тревожься по поводу собравшихся там парней. В случае чего они-то как раз и оборонят нас. Я всех их знаю.

— Оборонят? От какой же опасности? Что может грозить нам?

Она увидела, как напряглось, сделавшись непроницаемым, лицо ветерана.

— Трудно сказать, госпожа. По лагерю ходят разные слухи. Мы понесли большие потери, пытаясь переправиться на другой берег Нила.

— Я видел Нил, — оживился Филипп. — Когда Александр…

— Посиди тихо и послушай. Да, Конон, продолжай.

После неудачной атаки на крепость Пердикка, видимо, дал войскам отдохнуть всего пару часов. Потом он приказал им сворачивать лагерь и приготовиться к ночному маршу.

— Конон, — вдруг спросил Филипп, — почему в лагере так громко кричат?

Конон успел пообщаться со многими людьми, но решил повременить с объяснениями.

— Они сердятся, государь. Но не на вас с царицей. Не беспокойся, они сюда не придут, — добавил он и возобновил свой рассказ.

Пердикка заставил людей сражаться на солнцепеке целый день — до самого вечера. Потери были удручающими, и воины вымотались как собаки, но Пердикка пообещал, что немного южнее, в окрестностях Мемфиса, они легко смогут переправиться на западный берег Нила.

— Мемфис!

Лицо Филиппа озарилось воспоминаниями.

Именно в Мемфисе он когда-то смотрел из окна на своего брата. Александр, провозглашенный фараоном, сыном бога Ра, в сопровождении великолепной процессии взошел на египетский трон, весь сияя, как солнце.

— Как тут не вспомнить об Александре? — заметил Конон. — Вот кто умел вдохновлять людей на героические дела.

Голоса дежуривших близ палатки людей заметно повысились, словно они обсуждали дошедшую до них новость. Но вскоре шум опять стих.

В темноте перед рассветом, продолжил Конон, войска добрались до переправы. Течение там было менее сильным, поскольку посередине мелеющей в этом месте реки из воды выступал остров примерно в милю длиной. Решено было переправляться в два этапа, делая передышку на этом клочке твердой суши.

— Но Пердикка не ожидал, что река окажется глубже, чем он полагал. На полпути к острову первопроходцы погрузились в нее по грудь. Течение унесло их щиты, солдаты частью, потеряв равновесие, попбдали в воду, остальные делали все возможное, чтобы устоять на ногах. В общем, только тут Пердикка и вспомнил, как Александр форсировал Тигр.

Конон помедлил, пытаясь понять, знает ли госпожа о той знаменитой переправе. Нет, Эвридика никогда не интересовалась подвигами Александра.

— Воды Тигра неслись перед нами, но прежде чем послать в реку пехоту, Александр перегородил быстрый поток двумя шеренгами кавалерии, выше и ниже брода. Верхние конники, принимая на себя напор течения, уменьшали его силу, а нижние перехватывали тех, кого сносило. Александр сам первым вошел в воду, нащупывая копьем, где помельче.

— Понятно, — равнодушно сказала девушка. — Так как же поступил Пердикка?

— Он решил загнать в воду слонов.

— Неужели они утонули? — забеспокоился Филипп.

— Нет, государь. Утонули люди. Куда же за-

пропастился бездельник Синис? В такое время, похоже, этому карийскому увальню ничего нельзя поручать. Прости, госпожа.

Старик поднес свечу к маленькой дневной лампе, где постоянно поддерживался огонь, и зажег большой разветвленный светильник, стоявший на высокой подставке. Вокруг царской стоянки расцветали огненные цветы, солдаты занялись приготовлением пищи. Тень Конона заметно выросла, ее изломанные темные очертания смутно вырисовывались и множились на потертых льняных занавесках, перегораживавших шатер.

— Выше брода Пердикка поставил слонов, а верховым велел встать ниже, потом приказал пехоте начинать переправу. Командиры фаланг вошли в реку, ведя за собой своих людей. На полпути к острову всем показалось, будто Нил начал выходить из берегов. Люди уже не доставали ногами до дна, и даже лошадям пришлось плыть. А во всем были виноваты тяжеловесные слоны; взбаламутив всю воду, они подняли со дна ил, которым Тигр совсем не богат. Но худшим из всего, по мнению многих, был вид крокодилов, пожирающих боевых сотоварищей.

— Я видел крокодилов, — с готовностью вставил Филипп.

— Да, государь, я знаю. В общем, пока нильское течение еще не успело прорыть себе новое более глубокое русло, некоторым счастливчикам удалось перебраться на остров. Пердикка к тому времени уже понял, что затея его провалилась, и приказал «островитянам» возвращаться обратно.

— Обратно? — удивленно спросила Эвридика. Она с удвоенным вниманием прислушалась к доносившимся снаружи звукам; в общий гул голосов то и дело вплетались поминальные плачи, доносившиеся от биваков семейных солдат. — Он приказал им вернуться?

— Ну… не мог же он бросить их там. Но возвращение означало бы отступление, а многие македонцы, победоносно прошедшие с Александром полсвета, уже не мыслили для себя такого позора. Некоторые из них крикнули, что они, скорее, попытаются добраться до того берега и перейти к Птолемею. Никто не знает, что стало с этими бунтовщиками. Остальные пошли обратно по углубившемуся руслу кишевшей крокодилами и кровавой реки. Мало кому удалось выбраться из нее. Я разговаривал с уцелевшими. Один бедолага оставил руку в крокодильей пасти. Остаток его плеча изорван в клочья, он яв-

но не выживет. Мы потеряли там две тысячи человек.

Эвридике подумалось, что муки раненых в санитарном обозе были лишь каплей в океане несчастья. Охваченная волной противоречивых чувств — гнева, жалости и презрения, — честолюбивая девушка решила попробовать обратить эту бедственную ситуацию себе на пользу. Она повернулась к Филиппу:

— Послушай меня.

Филипп внимательно посмотрел на нее, словно собака, понимающая, что сейчас последует повеление.

— Нам надо выйти к солдатам. Их очень обидели, но они понимают, что мы им — друзья. Ты должен поговорить с ними. Сначала ты поприветствуешь их, потом скажешь… теперь слушай внимательно и запоминай: «Воины Македонии, дух моего брата скорбит об этом трагическом дне». Больше не говори ничего, даже если они будут требовать продолжения. Если потребуется, я сама скажу что-нибудь.

Он повторил задание, они вышли в сгустившиеся сумерки, освещаемые за ними палаточными светильниками, а впереди них — солдатскими кострами.

Их тут же встретили приветственные возгласы, весть о появлении царя мигом разнеслась вокруг, и толпы людей бросились его послушать. Филипп отлично выполнил свою роль: одну фразу он вполне мог запомнить. Эвридика увидела, что он очень доволен собой, и, чтобы ему не взбрело в голову сказать еще что-то, быстро повернулась к публике с видом подобающего жене почтительного одобрения слов своего царственного супруга. Теперь настал ее черед.

Солдаты слушали внимательно. Сострадание царя их беде удивило всех и порадовало. Возможно, он не такой слабоумный, как о нем говорят. Он просто немногословный. Да это, собственно, и не важно, сейчас стоит послушать царицу.

Роксана, сидя в своем фургоне, ошибочно полагала, что воины собрались, чтобы ее защитить. Евнухи доложили ей о волнениях в лагере, но они плохо понимали греческий, а никто из солдат не удосужился объяснить им, что происходит. Теперь она с гневным недоумением слушала, как молодой звонкий голос возмущенно осуждает неоправданные потери в рядах доблестных и отважных солдат и заверяет, что, когда царь Филипп обретет реальную власть, он сможет позаботиться о том, чтобы никто не тратил попусту

драгоценные жизни преданных ему подданных.

До бактрийки донесся одобрительный гомон. Пять лет ее брачной жизни сопровождались столь же одобрительным гулом. В основном, правда, хвалы ей изливали шумные толпы на победных военных парадах. Однако постепенно настроение людей стало иным; снисходительные проявления симпатии заменились плохо скрываемой неприязнью.

Но неужели все-таки, поразилась она, македонцы предпочли ей эту бесполую амазонку? Ведь безумному муженьку иллирийки, полному, кстати сказать, идиоту, не следовало даже позволять претендовать на трон, предназначенный для ее сына. Тут драгоценный сынок Роксаны, и без того целый день капризничавший, наткнулся на угол ближайшего к нему сундука и отчаянно заревел. Сквозь шум приветствий Эвридика услышала его вой и мысленно дала себе слово, что это бактрийское отродье никогда не будет царствовать в Македонии.

Пердикка в задумчивости сидел в своей палатке за походным складным столом. Со стилосом в руке и с раскрытой перед ним двойной восковой табличкой гордый полководец пребывал в одиночестве. Первым делом он было попробо-

вал пригласить командиров на военный совет, чтобы обсудить, что делать дальше, но, похоже, им всем надо дать немного остыть. Селевк ответил ему односложно, Пифон уклончиво глянул из-под своих рыжеватых бровей и, опустив острый нос, проворчал пару ничего не значащих фраз, Архий вовсе куда-то девался, хотя явно был где-то в лагере. В очередной раз Пердикка пожалел, что пришлось послать Алкету на север с Эвменом: в столь ненадежные времена просто неоценима поддержка родни.

Вокруг двух пылающих плошек установленного на высокой ножке светильника с жужжанием кружились хрупкие бронзовые жучки, сталкиваясь порой с легкокрылыми мотыльками. И те и другие неминуемо исчезали, находя в двух незримых для них горнилах скорую смерть. Возле палатки тихо переговаривались часовые. Это было нарушением дисциплины, но ему сейчас не хотелось выходить и отчитывать забывшихся стражей. До него доносились лишь обрывки их разговора, в котором то и дело упоминалось одно имя. За неплотно прикрытым клапаном входа с яростным треском полыхал костер, у которого грелись остальные охранники. Пердикка, не будучи царем, не имел права прогнать этих

знатных юнцов от себя и набрать взамен новых. Отряд стражников остался при нем после достопамятной стычки в вавилонской царской опочивальне и с тех пор потерял всего пару человек (один умер от лихорадки, другой в сражении). Последнее время Пердикка практически не уделял внимания этим парням, принимая как должное, что они всегда рядом. Они были с ним и на берегу Нила, стояли рядом с запасными лошадьми, ожидая, когда командующий войдет в воду.

Тихие голоса бубнили уже чуть ближе или чуть менее осторожно: «Александр всегда нас учил…», «Александр не стал бы…», «Ерунда! Ты только вспомни, как он…» Тут юнцы, видимо прикусив языки, примолкли и опять зашептались. Нет, они не возмущались, они лишь делились какими-то мыслями. Пердикка встал, но потом вновь опустился на стул, созерцая процесс самосожжения крошечных созданий, порхающих над горящими плошками. «Он же сам отдал мне свое кольцо. Неужели все позабыли об этом?» Вдруг снаружи до него донеслось замечание, словно бы отвечающее его мыслям. «Но тогда Кратер был в Сирии, а Гефестион умер».

В поисках душевного лада и утешения память

Пердикки обратилась к дням бурной молодости и славных побед, точнее, к тому изначальному торжеству, когда кровь убийцы Филиппа обагрила клинок его меча и он впервые заглянул в серые проницательные глаза. «Молодец, Пердикка. (Он уже тогда знал мое имя!) Похоронив отца, я призову тебя». Перед его мысленным взором начала разворачиваться бесконечная череда пышных процессий. Вот он с триумфом въезжает в Персеполь…

Возле палатки вдруг все затихло. Стражники смолкли. Их тихий бубнеж перекрыли новые голоса. Более густые, решительные. Из них выделилось лаконичное: «Вы свободны». Одинокий робкий вопрос: «Что значит „свободны“?» И резкий ответ (конечно, это голос Пифона): «Я сказал, вы свободны. Отправляйтесь в свои палатки!»

Он услышал лязг оружия, скрип доспехов, звуки удаляющихся шагов. Никто не вошел, чтобы доложить о происходящем, чтобы предупредить. Два года назад, когда на Пердикку насел Мелеагр, эти мальчики не сбежали, а приготовились драться. Но тогда они только-только покинули вавилонскую царскую опочивальню.

Входной полог откинулся. На мгновение Пердикка увидел огненные языки костра, тут же

скрывшиеся за фигурами вошедших людей. Пифон, Селевк, Певкест с его персидской кривой саблей и прочие командиры.

Никто не произнес ни слова: все было понятно и так. Пердикка ожесточенно сражался, пока имел силы. Он был суров и молчал. Он не мог поступиться своим достоинством, ведь ему выпала честь пусть и недолго, но быть заместителем Александра. Гордость воина сделала выбор, мгновенно подсказав, что звать на помощь бессмысленно. Нужно смело и по-солдатски принять смерть.

* * *

Даже сидя в шатре, Эвридика почти физически ощущала растущее в лагере напряжение, оно подпитывалось самыми противоречивыми слухами, которым то бурно радовались, то откровенно не доверяли. В конце концов забеспокоились и молчаливые царские сторожа, не понимая, где ложь, а где правда. Новый переполох произвел молодой парень; он вбежал в шатер, размахивая шлемом, раскрасневшийся и покрытый испариной от возбуждения и жара костров.

— Царь, госпожа! Пердикка мертв!

Она онемела, изумленная еще и тем, что ее так потрясла эта новость. Прежде чем к ней вернулся дар речи, Филипп заявил с простодушной радостью:

— Хорошо. Очень хорошо! Это ты убил его?

«Именно этот вопрос, — подумала Эвридика, — задал бы и настоящий мужчина».

— Нет, государь. Как я понял, в его палатке собрались полководцы. Они…

Малый помедлил. Дальний смутно колеблющийся гул вдруг приблизился и разросся. Это уже был рев разъяренной алчущей крови толпы, а вскоре к нему добавились пронзительные женские вопли. И тут впервые Эвридике сделалось страшно. Ей показалось, что лагерь охватило безумие, перед которым бессильны любые резоны. Она выдохнула:

— Что там происходит?

Вестник нахмурился и закусил губу.

— Начиная разбираться, кто виноват, люди редко удовлетворяются одной жертвой. Они ищут сторонников Пердикки. Не беспокойся, госпожа, они вас не тронут.

Она вздрогнула, услышав за спиной громкий голос.

— Если они придут сюда, я убью их.

Филипп, схватив свое церемониальное копье, яростно потрясал им. Покрытое искусной резьбой острие опасно посверкивало в пляшущем свете затепленных к ночи ламп. Но Эвридике без труда удалось уговорить мужа отдать ей оружие.

На следующий день прибыл Птолемей.

Его известили о смерти Пердикки, как только возмездие совершилось (а возможно, судя по слухам, и раньше), и он въехал в лагерь во главе внушительной, но миролюбиво настроенной кавалькады. Положившись на донесения осведомителей, правитель Египта предпочел выглядеть как полководец, всецело доверяющий своим соотечественникам.

Царская армия встретила его вполне радушно и даже с подъемом. Солдаты увидели в таком появлении отблеск бесстрашной уверенности Александра. К прибывшим также присоединились Пифон, Селевк и Певкест.

Справа от Птолемея ехал Ариба. Погребальную ладью Александра временно, до завершения строительства мавзолея в Александрии, оставили в Мемфисе при одном из тамошних храмов. Пердикка с фатального для себя берега Нила даже мог бы заметить слабый блеск ее золотой крыши. И сейчас создатель повернувших не в ту сторону

похоронных дрог дружески приветствовал своих прежних знакомцев. С легкой заминкой они ответили ему тем же. Что сделано, то сделано, а худой мир лучше доброй ссоры.

Условия Птолемея были приняты заблаговременно. Первым он оговорил свое право выступить перед армией, чтобы ответить на обвинение Пердикки в предательстве. Царским военачальникам особо выбирать не приходилось. К тому же соглашение казалось честным, им было обещано не настраивать полки против них. А необходимость такого выступления, в сущности, говорила сама за себя.

Военные инженеры с привычной ловкостью взялись за работу. Как повелось со времен Александра, подиум возвели рядом с царской стоянкой. Эвридика сначала решила, что он предназначен для казни, и спросила, кого собираются предать смерти. Но ей объяснили, что Птолемей будет оттуда говорить речь.

Филипп, раскладывающий свои камушки затейливыми спиралями, вскинулся:

— Птолемей? Он здесь? А он привез мне подарок?

— Нет, он приехал поговорить с солдатами.

— Но он всегда привозил мне подарки.

И Филипп погладил светильник из желтого хрусталя, преподнесенный ему в далекой Азии.

Эвридика, глядя на высокий помост, погрузилась в размышления. Теперь, когда Пердикка мертв, единственным царским опекуном остался Кратер, но он где-то в Сирии воюет с Эвменом. Нет уже и регента азиатских владений. Неужели настал судьбоносный момент? «Воины Македонии, я заявляю о своем праве повелевать вами лично». Она сумеет вдолбить муженьку эту фразу, после чего, как прошлой ночью, возьмет слово сама. Почему бы и нет?

— Филипп, оставь ненадолго свою игру.

Обращение было заучено. Нет, перебивать Птолемея Филиппу не стоит. Эвридика подскажет, когда настанет его черед.

Воины, охранявшие царскую стоянку, не только сдерживали натиск толпы, но также обеспечивали свободный проход к подиуму для желающих выступить и для пришедшей послушать выступающих знати. Эвридика еще раз мысленно отрепетировала свою речь.

Птолемей в сопровождении Пифона и Арибы взошел на подиум под радостные возгласы всех собравшихся.

Эвридика изумилась. Она уже слышала сего-

дняшним утром какие-то восхищенные вопли, но ей даже в голову не пришло, что это чествуют недавнего неприятеля. Разумеется, она знала, кто такой Птолемей (в конце концов, ведь он ей хоть и сомнительный, но все же родич), однако известно о нем девушке было очень немногое. Как, собственно, и об Александре со всей его воинской славой.

А вот македонские войска, несмотря на то что Пердикка твердил о предательстве Птолемея, знали этого военачальника как всеми любимого командира, изначально поддерживавшего Александра и помогавшего воплощать его победоносные замыслы в жизнь. Никому из них на самом деле не хотелось воевать с ним, и, потерпев позорное поражение, никто не воспылал к нему ненавистью, укрепляющей воинский боевой дух. Наоборот, эти люди встретили своего былого соратника как вернувшегося из дальнего странствия друга и теперь с живым интересом слушали его речь.

Для начала оратор почтил память покойных. Он скорбел, как и все, об утрате храбрых старых товарищей, против которых ему было горько поднимать копье. Он мог бы с гордостью зачислить в ряды своего войска всех тех, кого вынесло

на контролируемый им берег Нила. Мертвым воздали должные почести, провели погребальный ритуал, их пепел привезен им сюда и будет отправлен на родину. Но не так уж мало бойцов, добавил он с радостью, уцелело. Он также привез их с собой, и они сейчас живые-здоровые присутствуют на собрании.

Эти спасенные великодушным противником воины громче всех выражали свою радость. Им даровали свободу без всякого выкупа, и они дружно изъявили желание вступить в армию Птолемея.

Далее правитель Египта заявил, что хочет поговорить о том, кто самой жизнью своей утвердил торжество и славу всех македонцев. Тронув многих до слез, он сообщил о желании Александра вернуться в землю Амона. (Конечно, подумалось ему, именно этого Александр и пожелал бы, если бы перед смертью не утратил дар речи.) И вот лишь за то, что он просто выполнил волю усопшего, его обвинили в измене, хотя он никогда не поднимал меча на избранного народом властителя, причем выдвинул это обвинение человек, сам стремившийся завладеть царским троном. Он прибыл сюда, чтобы предстать перед македонским судом. И вот он стоит перед теми,

кому дано право решить его участь. Каково же будет решение?

Решение было единодушным, оно проявилось в исступленно-восторженных воплях. Птолемей терпеливо ждал, когда страсти улягутся, не выказывая ни беспокойства, ни неподобающей самоуверенности.

Радостно сознавать, что воины Александра его не забыли, сказал он затем. Но как полководцу ему также приятно отметить, что они помнят о дисциплине и блюдут свой воинский долг. Царская армия может с добрыми пожеланиями пуститься в обратный путь. Кстати, до него дошли сведения, что в придачу ко всем неприятностям у его соотечественников кончается провиант. Египтяне собрали неплохой урожай, и они охотно поделятся им.

Продовольственные припасы царских войск и впрямь истощились, питание было плохим и скудным, многие воины не ели со вчерашнего дня. После всплеска шумного одобрения на трибуну поднялся Селевк. Он предложил собранию выбрать Птолемея, который в своем великодушии мог сравниться разве что с Александром, регентом азиатских владений и царским опекуном.

Его предложение встретило искреннее всеобщее ликование. Люди размахивали руками и шапками. Такой сплоченности, такого абсолютного единения они еще не выказывали никогда и нигде.

В эти мгновения удостоенный столь бурно выраженного признания Птолемей ощущал себя гомеровским легендарным Ахиллом, возносящимся к вершине славы. Но люд утих, и он вспомнил, что уже сделал свой выбор и что пока у него нет причин этот выбор менять. Как регенту, ему пришлось бы покинуть процветающую страну, где он уже практически царствовал, и втянуть недавно сформированные и всецело доверявшие своему командиру войска в новую ожесточенную и исполненную коварства борьбу. Достаточно только вспомнить Пердикку, его труп едва успел остыть! Нет. Он будет блюсти интересы полюбившейся ему земли, он заботливо ее возделает и оставит своим сыновьям.

Вежливо, но решительно Птолемей отказался от высоких постов. Нельзя взваливать на себя непосильную ношу, ему и так досталась великая честь управлять Египтом и достраивать Александрию. Но поскольку его почтили столь лестными предложениями, он хотел бы взять на себя

смелость назвать имена двух других не менее достойных Соратников Александра, способных разделить тяготы опекунства. Тут Птолемей жестом пригласил на трибуну Пифона и Арибу.

Сидя в царской палатке, Эвридика отлично все слышала. Македонские полководцы умели ораторствовать, и голос Птолемея долетал даже до последних рядов многотысячного собрания. Он завершил свое выступление грубым армейским анекдотом, непонятым ею, но вызвавшим восторженный смех солдат. Осознавая всю полноту своего поражения, она наблюдала за этим рослым внушительным человеком, завидуя его непринужденной и мягкой властности. Поразительно, он ведь совсем не красив, но все взгляды прикованы к нему, всем он по нраву.

Филипп спросил:

— У тебя болят зубы?

Тут она вдруг поняла, что нервно трет пальцами свои пылающие от волнения щеки.

— Мне уже пора говорить свою речь?

Муж направился к выходу из палатки.

— Нет, — сказала Эвридика. — Ты произнесешь ее в более подходящий день. Сейчас там слишком много чужих.

Филипп с радостью вернулся к своим игруш-

кам. Обернувшись, Эвридика заметила Конона. Должно быть, старый слуга в молчаливом ожидании уже давно стоял за ее спиной.

— Спасибо, госпожа, — сказал он. — Наверное, так будет лучше.

Позже в тот же день один из царских стражников зашел сказать, что Птолемей собирается вскоре засвидетельствовать почтение государю.

Гость не заставил себя ждать; он коротко приветствовал Эвридику и, похлопав Филиппа по плечу, заключил его в братские объятия. Филипп просиял. Столь дружелюбное обращение напомнило ему посещения Александра.

— Ты привез мне подарок? — спросил он с надеждой.

Притушив насмешливые огоньки в глубине своих глаз, Птолемей сердечно сказал:

— Конечно привез. Но я не мог захватить его с собой, мне нужно было поговорить с солдатами. Ты получишь его завтра… Ба, кого я вижу, старина Конон! Давненько мы не виделись, а? Я смотрю, ты по-прежнему очень заботлив. Твой подопечный выглядит как заправский вояка. Александр сказал бы, что ты отлично обихаживаешь его.

Почтительно отсалютовав гостю, Конон уронил

слезу: никто не хвалил его со времен Александра. Собравшись уходить, Птолемей вспомнил о приличиях.

— Кузина Эвридика, у вас тут все славно. Филиппу повезло, как я понимаю.

Взгляд гостя сделался пристальным, изучающим. Выдержав многозначительную паузу, он добавил любезно, но несколько отстраненно:

— Разумеется, такая осмотрительная жена сумеет уберечь мужа от огорчений. Слишком много людей пытались использовать его в корыстных целях. Даже отец, и если бы Александр… впрочем, неважно. Теперь, когда Александра нет, нужно, чтобы кто-то приглядывал за ним. В общем… желаю тебе, кузина, здоровья и процветания. Прощайте.

Он вышел, оставив ее озадаченно хлопать глазами. Почему, спрашивается, она, царица, вдруг проводила поклоном какого-то рядового сатрапа? Упоминание об осмотрительности не имело ничего общего с похвалой, скорее оно было предостережением. Очередной высокомерный родственничек Александра. По крайней мере, его она больше никогда не увидит.

Роксана отнеслась к посетителю более церемонно. Принимая его за нового опекуна своего

сына, она выставила на стол сладости, предлагаемые только особенно важным гостям, и завела разговор о коварстве македонской лисицы. Птолемей разочаровал ее, рассыпавшись в похвалах Пифону и Арибе. «Где была бы она сейчас, — подумал он, пожевывая засахаренный абрикос, — если бы Александр оправился от недуга? Разве стал бы он мириться с вздорным норовом этой бактрийки, когда Статира подарила бы ему сына?»

Ребенок попытался вскарабкаться к нему на колени, цепляясь липкими пальцами за складки его новехонькой мантии. Затем, ухватив какой-то цукат, он тут же капризно бросил лакомство на циновку и потянулся к следующему, не обратив никакого внимания на нежнейший материнский упрек. И все же Птолемей взял на руки маленького Александра, желая как следует рассмотреть шалуна, унаследовавшего отцовское имя. Взгляд темных детских глаз был живым и смышленым, малыш скорее матери понял, что его изучают, и устроил небольшой спектакль с кривляниями и писком. «Его родитель тоже не прочь был покрасоваться, — подумал Птолемей, — но он обладал и другими талантами. Проявятся ли хоть какие-то из них в этом отпрыске?»

Он сказал:

— Я видел его отца в таком возрасте.

— Наш сын многое взял от нас обоих, — с гордостью сказала Роксана. — Нет, Александр, не надо предлагать гостю сладость, после того как ты ее облизал. Хотя я не сомневаюсь, что ты хотел просто его порадовать.

Мальчик, надкусив очередной цукат, опять бросил его.

Птолемей решительно снял малыша с колен и поставил на пол. Тому это не понравилось («хмурится этот бутуз по-отцовски»), и он заревел («а орет, как мать»). Птолемея скорее огорчило, чем удивило, что Роксана, подтянув сына к себе, принялась пичкать его лучшими лакомствами, с гордостью приговаривая:

— Да, он умеет настоять на своем. Такой маленький, а уже царь.

Птолемей поднялся и взглянул на ребенка. Сидя на материнских коленях, тот оттолкнул ласкающую его руку и с тревожащей серьезностью уставился на гостя.

— Да, — сказал Птолемей. — Он действительно сын Александра. Не забывай только, что его отец так отлично правил людьми лишь потому, что сначала научился справляться с собой.

Роксана прижала ребенка к груди и посмотрела на Птолемея. Он сдержанно поклонился. У выхода из этого роскошного шатра с пышными коврами и подвесными светильниками, усыпанными самоцветами, он обернулся и еще раз натолкнулся на не по-детски твердый взгляд темных, широко распахнутых глаз малыша.

Остававшаяся по-прежнему в Сардах Клеопатра приняла Антипатра, регента Македонии, в тех же самых покоях, где она встречалась с Пердиккой.

Смерть бывшего жениха глубоко потрясла ее. Она не любила Пердикку, но, вверив свою жизнь его заботам, рассчитывала вместе с ним достичь многого, а сейчас перед ней маячила лишь зияющая пустота. Она все пыталась как-то сладить со своим безысходным отчаянием, когда, покончив с войной в Киликии, к ней прибыл Антипатр.

Клеопатра знала его с младенчества. Когда она родилась, ему уже стукнуло пятьдесят. С тех пор он почти не изменился, разве что совсем побелели его седые волосы, брови и борода, однако вид у него был весьма внушительный, как и прежде. Усевшись на любимое кресло Пердикки, этот прямой как стрела старец с неколебимой властностью уставился на нее выцветшими,

но пронзительными голубыми глазами.

Именно Антипатр виноват в том, напомнила Клеопатра себе, что Олимпиада перебралась из Македонии в Додону и превратила в кошмар ее жизнь. А значит, он виноват и в том, что она оказалась здесь, в своем теперешнем положении. Но трудно избавиться от того, что внушено тебе еще в детстве. Антипатр перед ней, и он все тот же регент. И она вновь ощутила себя набедокурившей девочкой, разбившей что-то старинное, драгоценное и ожидающей заслуженной кары.

Он не корил ее, он просто держался с ней, как с человеком, от которого ничего доброго нечего ждать. Да и заслуженно! Ведь, собственно, это она, Клеопатра, и спровоцировала лавину вражды. Из-за нее Пердикка отверг дочь Антипатра, женившись на той лишь для вида. Правя от имени двух царей, он собирался стать царем сам. Она сидела молча, покручивая на пальце кольцо, обручальный подарок Пердикки.

«В конце концов, — подумала Клеопатра, стараясь пробудить в себе возмущение, — он не вполне законный регент. Александру не нравилось, что он слишком притесняет народ, так говорил мне Пердикка. По справедливости регентом те-

перь должен стать Кратер».

Антипатр произнес вяло и хрипло:

— Тебе уже сообщили, что Кратер погиб?

— Кратер? — Она тупо воззрилась на гостя, слишком оглушенная, чтобы чувствовать что-то. — Нет, я не слышала.

Красивый и представительный Кратер, второй человек после Александра, был солдатским кумиром, поскольку оставался истинным македонцем, не перенимая персидских манер. Клеопатра обожала его с двенадцати лет, когда он еще служил в отряде отцовских стражников. В ее ларце хранился клок конских волос, сорванный сучком дерева с гребня его шлема.

— Кто убил его?

— Трудно сказать. — Он глянул на нее из-под белых кустистых бровей. — Сам он, возможно, обвинил бы тебя в своей смерти. Как тебе должно быть известно, Пердикка послал Эвмена на север, чтобы предотвратить нашу высадку на азиатский берег пролива. Однако Эвмен опоздал; мы успели переправиться раньше и пошли дальше, разделившись на две колонны, и именно Кратеру довелось встретиться с греком. Ох уж мне эти хитроумные чужаки! Эвмен сразу сообразил, что если его воины узнают, с кем им предстоит

драться, то они взбунтуются и перейдут на сторону противника, поэтому он ничего не сказал им. Когда конники сшиблись, лошадь Кратера повалилась. Всадника же никто не узнал под плотно надвинутым шлемом. Кони просто растоптали беднягу. Когда все закончилось, его нашли умирающим. Говорят, плакал даже Эвмен.

Свои слезы Клеопатра выплакала давно. Безнадежность, горе и унижение давили как погребальные камни. Ее ждала серая старость, монотонные будни и мрак забвения.

Антипатр сухо сказал:

— Пердикке немного не повезло.

«Интересно, — подумала она, — как же тогда, по его мнению, должно выглядеть большее невезение? Расселся тут как судья, отсчитывающий удары кнута».

— Эвмен одержал блистательную победу, — продолжил Антипатр. — И, не мешкая, послал на юг гонца. Если бы Пердикка узнал вовремя столь приятную новость, то он наверняка смог бы заставить людей поверить в успех его замыслов. Но когда гонец прибыл в лагерь, он был уже мертв.

«Чем же мы так прогневили богов?» — с тоской подумала Клеопатра. Но она слишком хорошо

знала историю царской македонской династии, чтобы тут же себе не ответить: «Тем, что практически не считаемся с ними».

— Эвмен тоже был ранен, как я слышал, — продолжал зудеть Антипатр. — Но, не дождавшись поддержки Пердикки, в награду за все свои подвиги он получил лишь обвинение в измене и в убийстве Кратера. Люди Пердикки осудили его на собрании… кстати, во время бунта разъяренная толпа убила и Аталанту, сестру Пердикки. Возможно, ты знала ее.

Да, не так давно Аталанта еще сидела в этой самой комнате, высокая и смуглая, как ее брат. Несколько огорченная неудачной женитьбой Пердикки, она любезно приняла деятельное участие в организации царской свадьбы. Весьма достойная женщина. Клеопатра на мгновение закрыла глаза. Потом решительно выпрямилась. Все же она — дочь Филиппа.

— Мне жаль, что так вышло. Но как говорится, наша судьба в руках мойр.

Антипатр сказал:

— И что же теперь? Ты хочешь вернуться в Эпир?

О, он сознательно приберег этот удар напоследок. Он ведь прекрасно знал, что заставило

Клеопатру покинуть владения покойного мужа, процветавшие под ее легкой рукой. Знал, что она предложила себя Леоннату, а потом и Пердикке вовсе не из честолюбивых стремлений, но чтобы сбежать от материнского деспотизма. Никто лучше Антипатра не понимал, что за чудовище ее мать. Теперь его страдалица дочь уже преспокойно живет в Македонии, а дочь Олимпиады находится всецело в его власти. При желании он может водворить ее как сбежавшую из дома малолетку под родительскую опеку. Нет, скорее она предпочтет умереть… или даже унизится до мольбы о пощаде.

— Пока не подрастет мой сын, в Эпире будет царствовать моя мать. Это ее страна, она ведь дочь молосского государя. Там для меня больше нет места. Если ты разрешишь мне, — эти слова едва не прожгли ей горло, — то я останусь здесь, в Сардах, и буду жить своей тихой жизнью. Обещаю, что никогда не обеспокою тебя.

Не испытывая никакого желания еще более унижать просительницу, Антипатр тем не менее подержал ее в напряжении, обдумывая ситуацию. Клеопатра по-прежнему представляла немалую ценность для затей авантюрного плана, на что, собственно, и польстились два ныне

покойных ее ухажера. В Эпире могут начаться волнения, чего доброго вспыхнет бунт. Пожалуй, разумнее успокоить эту особу навеки. Но, глянув на Клеопатру еще раз, он вдруг припомнил ее отца. На протяжении всей своей долгой жизни Антипатр хранил верность двум пропадавшим в походах царям; как ни крути, честь дороже гордыни. Он не пойдет на предательское убийство.

— Сейчас ненадежные времена. Сарды пока не задеты войной, но она еще не закончена. Если я выполню твою просьбу, то не смогу тебя здесь защитить.

— Можно ли говорить о какой-либо защищенности в нашем мире? — с грустной улыбкой спросила она.

Именно эта потерянная улыбка впервые вызвала в нем чувство жалости к ней.

Царская армия свернула свой лагерь. Щедро одаренная и вежливо выпровоженная Птолемеем за пределы Египта, она устремилась на север, к месту, куда по уже имевшейся договоренности должен был прибыть со своим войском и Антипатр.

Со дня смерти Александра не прошло и двух лет, а оба полководца, выбранные для опеки недееспособных пока что царей, погибли. Их пол-

номочия были переданы Пифону и Арибе.

Среди порученных их вниманию членов царской семьи только Роксана хорошо знала павшего в сражении Кратера. С ним в составе тылового обоза она возвращалась из Индии, пока Александр в Гедросийской пустыне укорачивал себе жизнь. Безусловно, этот овеянный славой воин был ей более по душе, чем Пердикка, и она с нетерпением ждала, когда он вновь возьмет ее с сыном под свое покровительство. Для встречи с ним Роксана даже приготовила новый наряд, ее скорбь по Кратеру была вполне искренней. Оба новых опекуна не внушали доверия. Пифон в своей истовой преданности Александру всегда относился к ней как к некой походной наложнице, которая должна знать свое место. Ариба же, как она подозревала, вообще отдавал предпочтение мальчикам. Кроме того, они навещали ее только вдвоем — мера предосторожности, которую оба сочли не лишней.

Эвридика знала о Кратере лишь понаслышке. Однако, получив известие о его гибели, она облегченно вздохнула. В славе этого человека таилась угроза манившей ее к себе власти, власти куда более могущественной, как она быстро сообразила, чем та, которой обладали ныне два неприметных

военачальника, получивших по стечению обстоятельств высокие звания царских опекунов.

Вскоре после египетского бунта она почувствовала, что в армии происходит что-то неладное. Общий настрой солдат стал другим. И это при том, что им удалось успешно свергнуть своих недалеких и своевольных вождей, а кто-то даже обагрил руки кровью. Они выиграли, но внутренне словно бы ослабели, а не окрепли после этого выигрыша. Да, до взрыва всеобщего гнева с ними обходились жестоко, их посылали на верную и напрасную гибель, и они не раскаивались в содеянном; однако подпитывающая их уверенность в своей правоте куда-то девалась. Ее сменили смутное беспокойство и душевная пустота.

Пифону и Арибе не удавалось заполнить этот провал. Воины, разумеется, знали Пифона в лицо, как знали всех восьмерых царских телохранителей, но так уж случилось, что в нынешнем составе армии почти не было ветеранов, служивших у него под рукой. Практически он оставался темной лошадкой и не мог, конечно, вдохнуть в них новую веру. А отношение к Арибе определялось тем фактом, что при Александре он не выделялся никакими особенными достоинствами. Ну, зани-

мался какими-то там художествами, но это мало интересовало солдат.

Однако если бы хотя бы в одном из них люди учуяли жар неукротимого внутреннего огня, то армия могла бы воспрянуть, а сейчас она была подобна своре хорошо вышколенных собак, лишившихся своего псаря. Оба опекуна с тревогой отнеслись к своим новым обязанностям, оба старались избегать чреватых беспорядками ситуаций, опасаясь возможных заговоров и мятежей, оба с умеренным рвением делали лишь то, что дулжно.

В общем, действие разыгрываемого спектакля затягивалось, сюжет провисал. Зрители ерзали, кашляли и зевали, они уже потихоньку доставали из рукавов яблочные огрызки, мятые луковицы и хлебные корки, но все еще не решались забросать ими главных героев. Создавшаяся сценическая ситуация была бы просто подарком для любого талантливого исполнителя вторых ролей, ищущего малейшего случая привлечь к себе зрительское внимание. Эвридика, дожидавшаяся именно такого момента, почувствовала, что публика заскучала, и поняла: пришло время явить себя ей.

Если бы в составе движущейся на север армии

все еще находились умудренные жизненным опытом ветераны, служившие под началом Пифона, то кто-нибудь из этих неразговорчивых, но все примечающих старослужащих непременно заглянул бы к нему в палатку и проронил: «Со всем почтением, командир, хочу заметить, что молодая жена царя Филиппа бродит по лагерю и морочит парням головы. Нет-нет, эта морока не имеет ничего общего с любовными шашнями: дама отлично сознает, кто она и кто мы, однако…» Но смекалистые ветераны Пифона отправились на родину вместе с Кратером, нагруженные золотом, щедро выплаченным им Александром. И именно поэтому Эвридика практически беспрепятственно обзаводилась союзниками и готовыми верно служить ей осведомителями.

Ее главной трудностью был Филипп. С одной стороны, он являлся необходимым действующим лицом представления, но с другой — мог достойно исполнять свою роль не более нескольких минут. Его помощь в наборе сторонников вполне могла привести к краху замысла, а ее излишнее самоуправство — к скандалу.

«И все-таки, — думала Эвридика, — среди моих предков больше царей. В конце концов, он всего

лишь сомнительный отпрыск младшего царского сына, незаконно захватившего трон! А мой отец был бы законным царем, если смог бы им стать, и, главное, я являюсь его законной наследницей. Разве я не могу действовать по собственному почину?»

Первыми она постаралась привлечь на свою сторону уже знакомых ей воинов. Своих спасителей в злосчастной стычке на пути в Сарды, добровольных охранников царской стоянки в Египте и тех раненых, которые выжили после позорной попытки форсировать Нил. Вскоре многие во время марша стали искать случая заглянуть в ее фургон и почтительно осведомиться, не нуждаются ли они с царем в чем-нибудь. Эвридика приучила Филиппа, частенько сопровождавшего ее на лошади, с улыбкой приветствовать подходящих воинов и проезжать немного вперед. Таким образом снималась неловкость, и последующие разговоры она уже вела словно бы с молчаливого одобрения государя.

Вскоре окольными путями по армии расползлись слухи, что у царя появился неофициальный отряд охранников, которым командует его жена. Эти люди ходили с гордым видом, их число неуклонно росло.

Маршевая колонна продвигалась вперед со скоростью пехотинцев, что сильно растягивало ее. Один из сторонников Эвридики, молодой командир, имевший обыкновение то и дело поминать Александра (они все были помешаны на этих воспоминаниях, и она вскоре поняла, что в таких случаях лучше помалкивать, давая им выговориться), как-то сказал, что Александр частенько бросал движущиеся черепашьим шагом войска и уезжал на охоту с друзьями. Эта идея привела ее восторг. При здравой снисходительности командиров в этих мирных краях группе конников ничего не стоило отпроситься на дневную прогулку, получив повеление вернуться в строй на закате. А Эвридика, не спрашивая ничьего разрешения, стала ездить с ними, переодевшись в мужское платье.

Конечно, известие о таких прогулках быстро распространилось по армии, что вовсе не повредило ее популярности. Вдохновляемая на удивление отзывчивой публикой, она уже разыгрывала перед ней много разных ролей. Доверчивый храбрый юноша, наивная девушка, нуждающаяся в защите, гордая царица исконно македонского рода — во всех этих ипостасях зрители дружно приветствовали и поддерживали ее.

На горных пастбищах, деля со своими сопровождающими утреннюю трапезу и запивая разбавленным вином ячменные лепешки, она порой рассказывала им о македонской царской династии. О своем прадеде Аминте и о его отважных сыновьях Пердикке и Филиппе. Оба эти царя — ее деды — сражались с иллирийцами на спорных землях, где Пердикка нашел свою смерть.

— И вот за героизм и мужество царем после него выбрали его младшего брата Филиппа. Мой отец тогда был еще слишком мал для трона, о нем в тот момент никто даже не вспомнил. Но он никогда не сомневался в правомерности народного выбора, храня неизменную преданность правящему государю, а когда Филиппа убили, лживые языки оклеветали отца, и собрание приговорило его к смертной каре.

Солдаты жадно внимали ее рассказам. Всем этим людям сызмальства доводилось слышать много всякого о страстях, пылавших в царской семье, но наконец сама царица снизошла до того, чтобы поведать им, как все происходило на деле. С гордостью сознавая собственную избранность, они испытывали чувство глубокой признательности к Эвридике. Ее искренность, ее прямота, ничуть не выпячиваемая, но вполне очевид-

ная, внушала им благоговейный трепет. Теперь у вечернего костра, когда по кругу заходит бурдюк с вином, каждый из них сможет похвастать оказанным ему высоким доверием, пробуждая в приятелях зависть.

Эвридика беседовала и с Филиппом. От нее он узнал, что рос болезненным ребенком, а когда окреп и возмужал, то Александр уже начал свое победоносное шествие, затмив, естественно, еще ничем не проявившего себя брата. Но сейчас тень Александра явно возрадуется, видя, что его брату больше не нужны никакие опекуны, что он сам, и по праву, станет заботиться обо всей Македонии, дорогой нашей родине, продолжая всемерно ее укреплять. Лишь пользуясь скромностью, присущей натуре Филиппа, Пердикка сумел выговорить себе опекунство над ним, а новые опекуны вообще не способны или не стремятся взглянуть в глаза правде, чтобы снять с себя полномочия, засвидетельствовав тем самым собственную никчемность.

Филиппу нравилось, что во время верховых прогулок по лагерю многие сердечно приветствуют его. Он продолжал отвечать этим людям улыбками, и вскоре Эвридика слегка усложнила задачу. Филипп научился говорить в ответ: «Бла-

годарю вас за преданность» — и с удовольствием увидел, как нравятся воинам его слова.

Ариба, проходя по своим делам, заметил пару таких обменов приветствиями, но не придал им никакого значения и не счел нужным сообщить о них Пифону. А Пифон, в свою очередь, расплачивался за ту отстраненность, с какой ранее воспринимал подавляющеее превосходство Пердикки. Во время египетского похода он лишь молча пожимал плечами, отойдя от всех дел. А когда неожиданное обвальное поражение вызвало уничтоживший Пердикку бунт, он уже потерял контакт с подчиненными. Мятеж сделал войска агрессивными, и Пифону хотелось лишь одного — довести их в полном составе до места встречи с армией Антипатра. Там можно будет созвать новое собрание для выбора постоянных опекунов. А он с облегчением свалит с себя обузу.

Заботу о соблюдении воинской дисциплины между тем Пифон возложил на плечи младших командиров, а они в свою очередь, не мудрствуя лукаво, решили, что не стоит тратить силы на всякие пустяки. Под благотворным влиянием Эвридики процесс брожения в умах солдат усилился. И когда они встали лагерем в Трипарадизе,

заговор созрел окончательно.

Трипарадиз («тройной парк») находился на севере Сирии и был разбит по велению какого-то давно забытого всеми персидского сатрапа, видимо возмечтавшего превзойти в роскоши самого Дария. Небольшая протекавшая по этому огромному саду река снабжала водой пруды, каскадные водопады и фонтаны; берега соединялись мраморными мостиками, а извилистые дорожки устилали затейливые сочетания обсидиановых и порфировых плит. На пологих холмах пышно цвели рододендроны и азалии, кроны редчайших по красоте и причудливости деревьев, доставленных сюда вместе с родной почвой со всех краев света на бесконечных вереницах подвод, оплетали великолепными кружевами жизнерадостно-ясное небо. Дворцы гарема с зарешеченными балконами, нависавшими над обширными, усеянными лилиями полянами, летом наполнялись щебетанием юных наложниц, а гости сатрапа располагались в охотничьих домиках, срубленных из кедровых стволов.

Правда, за годы войны предприимчивые окрестные жители успели поистребить тут оленей с павлинами и вырубить большую часть строевого леса, но издерганным и утомленным

походом солдатам эти парки показались поистине божественным даром. В них обнаружились идеально пригодные для стоянок места, где усталые люди могли спокойно ожидать Антипатра, судя по сообщениям, находящегося всего в двух днях пути.

Полководцы с удобствами обосновались в добротном особняке, высившемся на центральном холме, с которого открывался отличный вид на рукотворные парковые красоты. Расселившиеся на полянах и лугах воины купались в сверкающих водных потоках, рубили деревья для кухонных нужд и ставили силки на кроликов и птиц, пополняя припасы.

Ариба неожиданно ощутил тягу к долгим верховых прогулкам и в приятной компании с восторгом обследовал местные живописные уголки. И по заслугам, и по командному статусу Пифон превосходил его настолько, что он счел более правильным — к своему, кстати сказать, удовольствию — предоставить тому единолично решать все вопросы.

Пифон, считавший Арибу пустым вертопрахом, едва ли скучал по нему, но с тревогой думал о том, что Александр нашел бы чем занять людей. Скорее всего, он устроил бы состязания

с достаточно богатыми призами, чтобы заставить солдат встряхнуться и посвятить усиленным тренировкам свой вынужденный досуг. На этот счет хорошо было бы посоветоваться с Селевком, но Селевк, полагавший, что у него больше прав на опекунство, чем у Арибы, последнее время был мрачен. И Пифон решил пока оставить все как есть.

Филипп и Эвридика заняли летний дворец старшей жены заправлявшего здесь сатрапа. К этому времени к рядам царских сторонников примкнул и командир конницы, с готовностью предоставлявший в распоряжение Эвридики отличных лошадей. Она спокойно разъезжала по своим делам и уже открыто носила мужскую одежду. Пифон и Ариба, порой обозревая парк со своего холма, принимали ее за кого-то из вестовых.

Теперь о происходящем знали практически все, хотя не все одобряли новые веяния. Но и ворчуны не могли не учитывать, что Филипп как-никак царь; к тому же нынешняя пара начальников была не так уж приветлива, чтобы спешить с доносом к кому-то из них. Не важно, думали сомневающиеся, со дня на день явится Антипатр, уж он-то во всем разберется.

Но так уж случилось, что сильные ливни вызвали наводнение на реке Оронт, осложнившее продвижение армии Антипатра. Не видя никакой необходимости поторапливаться в мирной стране и щадя свои старые кости, восьмидесятилетний регент Македонии приказал разбить лагерь на возвышенности в ожидании спада воды.

Погода в Трипарадизе стояла прохладная, ясная. Однажды ни свет ни заря, когда хрустальные бусины росы еще блестели на лепестках весенних цветов, а птицы вовсю щебетали в кронах успевших вымахать за полвека деревьев, Пифона разбудил один из помощников. Он вбежал к нему полуодетый и, на ходу застегивая портупею, вскричал:

— Командир!

Его голос заглушили звуки труб, которые сбросили Пифона с постели. Он вскочил на ноги, обнаженный и потрясенный. Пропели фанфары, возвещавшие о выходе государя.

Прибежал Ариба, завернутый в какой-то гиматий:

— Наверное, к нам прибыл Антипатр. А какой-то сдуревший глашатай…

— Нет, — бросил Пифон. — Слушай. — Он быст-

ро глянул в маленькое окно. — О эринии, да что же ты топчешься?! Скорее одевайся! И оружие не забудь!

С привычной сноровкой былые сподвижники Александра облачились в доспехи и вышли на балкон, с которого в свое время сатрап пускал стрелы в гонимую к нему дичь. Большой луг внизу был заполнен солдатами. Перед ними на лошадях восседали Филипп и Эвридика. Рядом с вызывающим видом стоял трубач, он раздувался от важности, как человек, сознающий значение своей мисии для потомков.

Эвридика держала речь. На ней был мужской наряд и все доспехи, за исключением шлема. Она вся сияла, ее чистая девичья кожа светилась, волосы отливали блеском. Исходившая от нее живая энергия безоглядной отваги словно бы озаряла округу. Она не знала, да и, наверное, не пожелала бы знать, что именно так сиял Александр в свои победные дни, зато это отлично знали солдаты.

Молодой и твердый голос ее, конечно, не походил на раскатистый бас Птолемея, так замечательно выступившего в Египте, но тем не менее он был очень звонким и доносился до всех.

— ...именем царя Филиппа, сына Филиппа!

Пердикка, выбранный ему в опекуны, умер. И Филипп больше не нуждается в новых опекунах. Ему теперь тридцать, и он способен править самостоятельно. Он заявляет свои права на македонский трон!

Филипп поднял руку. Его возглас потрясающе громко прогремел над толпой, покорно притихшей и ничего такого не ожидавшей от своего обычно как в воду опущенного царя.

— Македонцы! Вы подтверждаете мою власть над вами?

Собравшиеся разразились таким оглушительным ревом, что с верхушек деревьев испуганно вспорхнули птицы.

— Да здравствует царь Филипп! Да здравствует царица Эвридика!

К охотничьему домику резвым галопом подлетела лошадь. Всадник бросил поводья испуганному рабу и решительно взбежал на балкон. Селевк, знавший, что о его смелости ходят легенды, не пожелал, чтобы кто-то пустил слух, будто он отсиделся где-нибудь во время бунта. Он был одним из любимцев солдат. При его появлении зарождающиеся призывы: «Смерть опекунам!» — сошли на нет. А приветствия Филиппу возобновились.

Под этот ор Селевк крикнул в ухо Пифону:

— Они не все здесь! Нам надо выиграть время. Требуй полного сбора.

И действительно, около трети воинов предпочло в такую рань не тащиться куда-то, а подольше поспать. Пифон выступил вперед, крики снизились до глухого ворчания.

— Отлично. Все мы свободные македонцы и имеем право принимать любые решения. Но помните, что воины Антипатра находятся всего в нескольких милях отсюда, и у них есть такое же право. Дело затрагивает интересы всех граждан.

Недовольный ропот волной прокатился над полем. Все были крайне взвинчены и раздражены. Эвридика произнесла лишь три слова:

— Нет. Медлить нельзя! — И толпа вновь разразилась возмущенными криками.

Что-то заставило ее оглянуться. Филипп вытаскивал меч из ножен.

Ей пришлось позволить ему вооружиться, чтобы он выглядел если не царственно, то хотя бы воинственно. Судя по его взгляду, он собирался немедленно ринуться в бой. Она быстро соображала. Что будет, если воины не поддержат его? Все провалится, когда обнаружится, что он ни-

кудышный боец. Филипп между тем пылко воскликнул:

— Давай убьем их! Ты видишь? Мы легко можем убить их.

— Нет. Убери меч.

С явным сожалением Филипп подчинился приказу.

— Теперь повернись к воинам и крикни: «Дадим Пифону слово!»

Филипп с готовностью обратился к толпе. Никогда прежде он не выглядел столь впечатляюще. Пифон понял, у него нет возможности что-либо сделать.

— Ладно, — произнес он. — Конечно, мы можем сейчас же созвать всех на собрание. Но не вините меня, когда по прибытии другой армии потребуется провести его снова. Эй, глашатай! Поднимайся сюда и труби общий сбор.

Сбор состоялся все перед тем же охотничьим домиком. Не примыкавшие к царским сторонникам люди быстро откликнулись на зов трубы и поспешили прийти. Их оказалось гораздо больше, чем думала Эвридика. Но сулящее успех сияние оставалось при ней, и они с Филиппом бестрепетно поднялись на балкон, теперь служивший трибуной. Улыбаясь, Эвридика окинула

взглядом приветливые лица людей. Отдельные отчужденные физиономии не портили общей картины.

В дальнем конце балкона Пифон о чем-то тихо разговаривал с Селевком. Она мысленно повторила старательно подготовленную речь.

Пифон подошел к ней:

— Ты выскажешься в конце. Такова привилегия женщин.

«Как нагло он держится, — подумалось ей. — Что ж, надо сбить с него спесь».

Пифон решительно подошел к краю балкона. Его появление вызвало неодобрительные, но вскоре затихшие крики. На общем собрании приходилось придерживаться традиций.

— Македонцы! — Четкий командный голос подавил последние недовольные возгласы. — В Египте на общем сборе вы выбрали меня и Арибу опекунами двух наших царей. Очевидно, теперь по каким-то причинам вы хотите сделать другой выбор. Да будет так. Мы согласны. Нет нужды выяснять, много ли сторонников у этого предложения: мы оба добровольно снимаем с себя возложенные на нас обязанности. Мы отказываемся от опекунства.

Воцарилось безмолвие. Собравшиеся почув-

ствовали себя очень глупо, словно они состязались в перетягивании каната, а их соперники вдруг бросили свой конец. Пифон постарался выжать из их недоумения все возможные выгоды.

— Да, мы отказываемся. Однако нужда в опекунстве не отпадает. Вы сами учредили эту должность на общем собрании после смерти Александра. Вспомните, что у вас два царя, один из которых слишком юн, чтобы царствовать своим именем. Если вы хотите наделить всей полнотой власти Филиппа, то сначала отдайте себе отчет, что тем самым он станет и опекуном маленького Александра, до тех пор пока тот не повзрослеет. Подумайте хорошенько обо всем этом, прежде чем высказать свое мнение.

— Понятно! Уже подумали!

Солдаты напоминали праздный люд в балагане, побуждавший медлительных актеров играть поживее. Эвридика уловила их настроение. Они ждут ее выступления, и она готова к нему.

— Вот здесь перед вами, — продолжил Пифон, — Филипп, сын Филиппа. Он заявляет о своем праве на трон. Царь Филипп, прошу тебя, подойди к нам.

Кротко, но с некоторым удивлением Филипп

подошел и встал рядом с ним над верхней ступенью центральной, сбегавшей вниз лестницы.

— Итак, ваш царь, — сказал Пифон, — сейчас обратится к вам с государственной речью.

Эвридика замерла. Ей показалось, что на нее обрушились небеса, но она еще не понимала, что, возможно, подобный исход и был предрешен именно там, над суетным миром.

Прежде всего ее ошеломила собственная недальновидность. Она не искала оправданий, не напоминала себе, что ей лишь недавно исполнилось шестнадцать лет. Она уже мнила себя настоящей царицей, воинственной, обожаемой всеми. И просчиталась, как полная дура.

С растерянной улыбкой Филипп окинул взглядом людское множество. Его встретили дружелюбными одобрительными приветствиями. Все знали, что он немногословен и излишне стеснителен.

— Да здравствует царь! — кричали солдаты. — Да здравствует царь Филипп!

Филипп вскинул голову. Он отлично знал, ради чего устроено это собрание: Эвридика все объяснила ему. Но она также предупреждала, чтобы он никогда не произносил ничего, кроме того, что ему велено говорить. Он метнул в ее сторону

тревожный взгляд, пытаясь понять, не хочет ли она выступить раньше, но Эвридика на него не смотрела, устремив глаза вдаль. Зато он услышал мягкий и настойчивый голос стоявшего за ним Арибы:

— Государь, поговори с солдатами. Они ждут.

— Смелее, Филипп! — кричали снизу. — Тише, царь будет говорить!

Он махнул рукой, и солдаты зашикали друг на друга, готовясь слушать.

— Благодарю вас за вашу преданность.

Филипп знал, что эти слова будут восприняты хорошо. Да, все в порядке. Прекрасно.

— Я хочу стать царем. Я уже достаточно взрослый. Александр, правда, не хотел, чтобы я стал царем, но он умер…

Он умолк, собираясь с мыслями.

— Александр разрешил мне зажечь благовония. И тогда я услышал, как он сказал Гефестиону, что я вовсе не такой тупой, каким себя выставляю.

Поднялся недоуменный шумок. Филипп добавил для пущей уверенности:

— Не волнуйтесь, если я чего-нибудь не пойму, Эвридика подскажет мне, что надо делать.

Мгновения молчаливого изумления, затем —

озадаченное ворчание. Обмениваясь удивленными взглядами, солдаты негромко обсуждали услышанное. «Я же тебе говорил. Ну что, теперь понял?», «Да, но вчера я видел его, и он был совершенно нормальным!», «Видно, припадки его довели до такого…», «Ну, надо отдать ему должное, сказал-то он правду…»

Эвридика стояла, точно прикованная к позорному столбу. С радостью она предпочла бы раствориться в воздухе. До нее донеслось насмешливое скандирование понравившейся всем глупой фразы: «Эвридика подскажет, что делать». Ободренный этими возгласами Филипп решил продолжить:

— А став царем, я смогу сколько угодно кататься на слонах.

Стоявшие за ним Пифон и Ариба самодовольно заулыбались.

В общем веселье Филипп вдруг ощутил смутивший его оттенок. Примерно так же над ним смеялись в ту ужасную брачную ночь. Он решил произнести спасительную магическую фразу: «Благодарю вас за вашу преданность!» — но ее не восприняли с обычным почтением, а принялись хохотать еще громче. Может быть, лучше убежать? Или его все равно поймают? С отчаян-

ной мольбой он оглянулся на Эвридику.

Призвав на помощь всю свою гордость, она както сумела сдвинуть с места одеревеневшие ноги. Скользнув по самодовольным опекунам презрительным взглядом и не обращая никакого внимания на гудящую внизу толпу, девушка подошла к Филиппу и взяла его за руку. С неописуемым облегчением и доверием он повернулся к ней:

— Я сказал хорошую речь?

Вскинув голову, она глянула на солдат, а потом ответила:

— Да, Филипп. Но теперь все кончено. Пойдем сядем в сторонке.

Эвридика подвела мужа к пристенной скамье, где сатрап некогда потчевал вином гостей в ожидании сигнала загонщиков.

Собрание продолжалось без них.

Люди пребывали в раздраженном замешательстве. Споры дошли до абсурда. Сотни голосов, предлагавших вновь поручить опекунство Пифону и Арибе, затихли, столкнувшись с их решительным несогласием. Селевк также отказался от такой чести. Пока обсуждались менее влиятельные фигуры, прибыл курьер. Он сообщил, что Антипатр переправился через Оронт

и прибудет сюда через все те же два дня.

Объявив об этом собравшимся, Пифон напомнил им, что после смерти Пердикки оба царя следуют в Македонию. Кто же в таком случае, учитывая безвременную кончину Кратера, более подходит на роль их опекуна, как не сам регент? С мрачной безысходностью, не находя лучшего кандидата, собрание одобрило его предложение.

Пока шло обсуждение, Эвридика незаметно удалилась вместе с супругом. После семейной дневной трапезы Филипп повторил свою речь перед Кононом, и тот похвалил его, пряча от Эвридики глаза.

Она едва слушала болтовню мужа. Униженная, вынужденная признать несостоятельность своей затеи, дочь Кинны почувствовала, как вскипает в ней кровь властных предков. Тень Александра, казалось, дразнила ее. В свои шестнадцать он уже стал регентом Македонии и провел победоносную войну. Огонь ее честолюбия еще жарко тлел под покрывающим его пеплом. Почему ее так унизили? Видимо, не потому, что ее претензии были чересчур высоки, а, наоборот, за их мелкость. «Меня высмеяли, — подумала она, — из-за того, что я не осмелилась потребовать большего. С этого момента я буду бороться за свои собствен-

ные права».

Вечером, когда солнце скрылось за дальней чертой азиатского горизонта и повеяло дымом первых костров, она переоделась в мужской наряд и приказала привести лошадь.

Через два дня, несколько опережая регента и его войско, в Трипарадиз прискакал Антигон Одноглазый.

Именно он сбежал в Македонию, обнаружив свадебные трюки Пердикки. В свое время Александр назначил его сатрапом Фригии, а нынешний благодарный регент преподнес ему пост главнокомандующего всех азиатских войск. И он сейчас прибыл, чтобы приступить к своим новым обязанностям.

Будучи мужчиной отменно крупного телосложения, Антигон уже давно перестал мучить низкорослых греческих лошадок и потому восседал на огромном «персе». Несмотря на пересекавшую лоб повязку — глаз был потерян в битвах за Фригию, — этот талантливый военачальник по-прежнему оставался красивым мужчиной, в этом смысле нисколько не уступая своему юному, но очень статному сыну Деметрию, который родителя просто боготворил и всегда старался быть рядом с ним. Оба смотрелись весьма впечат-

ляюще на своих могучих породистых скакунах.

Во главе небольшого сопровождающего отряда Антигон въехал в лесок, обступающий парк. Вскоре, настороженно прислушавшись, он знаком велел своим людям остановиться.

— В чем дело, отец? Нас ждет битва?

Глаза юноши загорелись. Ему недавно исполнилось пятнадцать лет, и он еще ни разу не побывал в настоящем бою.

— Нет, — оценив услышанное, ответил отец. — Там какая-то перебранка. Или бунт. Похоже на то, что я приехал как раз вовремя. Вперед! — скомандовал он и добавил, повернувшись к сыну: — Не пойму, как Пифон мог это допустить? Он отлично справлялся с командованием при Александре. Да, видно, толковое исполнение чужих повелений еще ни о чем в человеке не говорит. Ладно, командующий он только временный. Придется разобраться, что тут происходит.

Судя по тону, подобная перспектива его не очень-то радовала. Личные амбиции Антигона устремлялись в более высокие сферы.

Эвридике же за прошедшую пару дней удалось привлечь на свою сторону около четырех пятых армии. Во главе этого войска она опять

появилась под звуки фанфар перед охотничьим домиком, где проживали Ариба, Пифон и Селевк, требуя на сей раз признать ее соправительницей Филиппа.

С отвращением и не без примеси страха три полководца обозрели собравшуюся внизу многочисленную толпу. Та выглядела не просто мятежной, но и разнузданной. Как раз этого Эвридика толком не осознавала. В программу ее боевой подготовки теория с психологией не входили, и девушке было невдомек, что ее сторонники могли бы стать более управляемой и более внушительной силой, если бы она сумела призвать их к порядку. Не так давно младшие командиры (старшие отчужденно держались в стороне) имели возможность помочь ей и в этом, но в последнее время произошло слишком много событий, большинство из которых плохо сказалось на воинской дисциплине. И потому теперь за Эвридикой следовала вооруженная беспорядочная толпа. Солдаты, расталкивая друг друга, пробивались вперед, стремясь лично осыпать оскорблениями вконец, по их представлениям, зарвавшееся начальство.

Именно этот возмущенный галдеж, именно этот свист, заглушающий голос Пифона,

и услышал Антигон со своим отрядом, подъехав поближе.

Оценив издали обстановку, он послал Деметрия вперед выяснить, что к чему. Лишний опыт парню не помешает. Лошадь легким галопом вынесла седока на поляну, но вскоре юный Деметрий вернулся и сообщил, что вся эта шумная толпа людей собралась перед чем-то вроде верховного штаба, однако в задних рядах слышна лишь бессмысленная, сумбурная ругань.

Между тем Эвридика почувствовала, что толпа за спиной закипает. Назрела необходимость ее как-то унять. Врожденная интуиция подсказала ей, что сама она долго сдерживать солдат не сможет. Они уже были почти готовы отшвырнуть свою предводительницу в сторону и разорвать несговорчивых полководцев на части. Но в таком случае будет попрана и ее хрупкая власть.

— Глашатай, труби «всем стоять»!

Эвридика обернулась к собравшимся, высоко вскинув руки; толпа возбужденно заколебалась, но дальше не двинулась. Девушка вновь повернулась лицом к своим недоброжелателям.

Балкон был пуст.

В следующую минуту скрывшиеся с людских

глаз полководцы с немалым изумлением для себя обнаружили, что в лагерь прибыл новый главнокомандующий и что он с тыла сумел незаметно пробраться в охотничий домик.

В обшитом темным деревом помещении, едва освещаемом маленькими узкими окнами, царил дышащий холодом полумрак, в глубине которого растерянные командиры с трудом разглядели фигуру гиганта свирепого вида. Циклоп, развалившийся в кресле сатрапа, сверлил их пылающим взором, единственный глаз его жутко сверкал. Стоявший сзади юный Деметрий, чеканный профиль которого словно притягивал залетавшие в комнату солнечные лучи, казался духом надвигающейся грозы.

Антигон молчал. Грозно тараща свой жгучий глаз, он ждал объяснений.

После череды путаных сетований и жалоб неприступную мрачность его сменило искреннее недоверие. Помолчав, он спросил:

— Сколько же полных лет вашей бунтовщице?

Толпа снаружи оглушительно взвыла, но молчавшему дотоле Селевку удалось, перекрыв заоконные вопли, дать лаконичный ответ.

Недоуменно покачивая головой, Антигон обвел военачальников уничтожающим взглядом, оста-

новив его на Пифоне.

— Громоподобный Зевс! — вскричал он. — Кто же вы — солдаты или никчемные педагогишки? Нет, ей-ей, даже до последних вам как до Олимпа! Оставайтесь здесь.

Он поднялся с кресла и решительно зашагал к выходу на балкон.

Внезапное появление этого могучего, грозного и знаменитого воина вместо тех, кто уже вроде бы не мог ничему помешать, повергло собравшихся в почти траурное безмолвие. Эвридика, не имевшая ни малейшего представления о так огорошившем всех незнакомце, удивленно уставилась на него. Позабытый ею и всеми Филипп радостно вскрикнул:

— Да это же Антигон! Он…

Дальнейшее заглушил мощный грудной рык Антигона. Солдаты первых рядов невольно засуетились в тщетных попытках образовать подобие строя.

— Пять шагов назад, ротозеи, позор десятков славных македонских родов! — взревел Антигон. — Молчать, проклятия Аида и всех трех эриний на ваши дурные головы! Кем вы себя возомнили, скопищем дикарей? Ну-ка, подравняйтесь, расправьте плечи и дайте мне на вас

посмотреть. Нет, я не вижу здесь македонских солдат! Вы скорее похожи на грязных варваров, грабящих караваны. Неужели передо мной прославленные соотечественники? Разве узнал бы вас Александр?! Да вас не узнали бы сейчас даже родные матери. Если хотите устроить собрание, то сперва докажите, что вы и впрямь македонские воины, прежде чем вас увидят идущие к вам настоящие македонцы. Армия Антипатра явится сюда после полудня. Вот тогда общий сбор будет к месту. А пока разойдитесь и подумайте о своем поведении. Да приведите себя в порядок, проклятье, от вас несет, как от козлов!

Эвридика в смятении осознала, что редкие возмущенные крики почти мгновенно сошли на нет. Их сменил глухой, чуть пристыженный ропот. Антигон, до сих пор даже не смотревший на девушку, наконец соизволил заметить ее.

— А ты, юная дама, — сказал он, — отведи своего супруга обратно в его покои да будь с ним поласковее. Ему нужна жена, а не предводительница амазонок. Займись своими женскими делами, а уж с командованием как-нибудь справлюсь я сам. Меня обучил этой штуке твой дед задолго до твоего рождения.

Молчаливая толпа зашевелилась, потом нача-

ла редеть по краям, и в середине стало свободнее. Эвридика крикнула:

— Мы хотим утвердить наши права!

Кое-кто поддержал царственную зачинщицу бунта, но таких голосов было мало. Какой-то грубый гигант сорвал все ее планы, а она даже не знала, кто он такой.

Позже в палатке Конон рассказал ей, кто же таков известный всей Македонии Антигон. Исходя из полученных сведений, Эвридика попробовала обдумать свои следующие шаги, но вскоре запах пищи напомнил девушке, что ее молодой организм изрядно проголодался. Она дождалась, когда муж насытится (он все-таки отвратительно выглядел за едой), а потом сама села подкрепиться.

Снаружи донесся высокий властный голос, в чем-то убеждавший стражника. Конон, налив госпоже вина, повернулся к входу. Вошел юноша, потрясающе красивый, он был едва ли старше уставившейся на него Эвридики. Правильные черты лица, обрамленного ниспадающими волнистыми волосами, и совершенное телосложение гостя наверняка пробудили бы в любом скульпторе неодолимое, но, скорее всего, несбыточное желание изваять с него Гермеса. Не раз-

рушая произведенного впечатления, юноша легкой, летящей походкой приблизился к столу и, приняв достойную небожителя позу, вперил в девушку насмешливый взгляд.

— Я — Деметрий, сын Антигона. — Голос его также словно бы изливался с высот, как у актера, представляющегося в начале спектакля. — Я пришел, чтобы предостеречь тебя, Эвридика. Не в моих привычках воевать с женщинами. Но если по твоей милости с головы моего отца упадет хотя бы волос, то ты поплатишься за это жизнью. Больше мне нечего добавить. Желаю всего наилучшего.

Деметрий удалился, как и пришел, легко пробираясь сквозь беспорядочную толпу сторонников той, кому он угрожал. Его быстрая решительная походка и молодая самоуверенность расчищали ему дорогу.

Эвридика проводила своего первого враждебно настроенного к ней ровесника долгим взглядом. Конон возмущенно фыркнул:

— Наглый щенок! Кто посмел впустить его? Ну надо же: «Не в моих привычках воевать с женщинами!» А с кем, хотел бы я знать, этот сопляк успел повоевать вообще? Отцу, видно, следовало бы почаще пороть его.

Эвридика наспех покончила с едой и вышла из шатра. Незваный гость поддержал ее в момент слабости. С таким могущественным противником, как Антигон, ей самой, несомненно, не совладать, однако, в сущности, это всего лишь один человек — и не больше. Войска по-прежнему возмущены и готовы к бунту. Конечно, не стоит сейчас опять поднимать их, чтобы не злить до времени нового главнокомандующего, но она бродила по лагерю, напоминая всем и каждому, что Антипатр, которого многие так дожидаются, занимает пост регента незаконно и что он боится, как бы законный царь его с этой должности не согнал. Будь его воля, он предпочел бы умертвить и Филиппа, и ее, Эвридику, а заодно и всех тех, кто в благородном порыве осмелился к ним примкнуть.

Антигон в свою очередь послал одного из подручных навстречу регенту с предупреждением о неприятностях. Но Антипатр с небольшой свитой решил срезать путь напрямую через холмы. В итоге гонец не нашел его, догнав слишком поздно лишь хвост колонны. Там ему сообщили, что задолго до полудня старик поехал вперед.

Регент въехал в Трипарадиз на покрытом узорчатым чепраком, отлично вымуштрованном

коне, держась в седле очень прямо. Его пораженные подагрой ноги тупо ныли, но суровость лица маскировала малейшие проявления старческой немощи. Лекарь настаивал, чтобы он пересел в паланкин, однако оставшийся в Македонии Кассандр только и ждал, когда отец чуть ослабнет, чтобы тут же подбить народ посадить на его место другого регента — себя любимого, разумеется. Антипатр не доверял своему старшему сыну, да и особой любви к нему не питал. К тому же после смерти Пердикки здесь, в Сирии, могло произойти много неожиданного, а потому с помощью богов и медиков он намеревался прибыть на встречу с азиатской армией не как болезненный старец, а как властный и могущественный правитель.

Главные ворота парка с огромными столпами, увенчанными каменными цветками лотоса, смотрелись на редкость монументально. Выбранная Антипатром широкая и ровная дорога, разумеется, привела его к ним.

В глубине парка слышался шум, но, к досаде и удивлению первого лица Македонии, никто не выехал ему навстречу. Антипатр приказал глашатаю дать сигнал, оповещающий о его прибытии.

Полководцы, только-только узнавшие, что основные силы регента не смогут подойти в ближайшее время и что его самого гонец не сумел разыскать, в смятении принялись совещаться. Новая неприятность не заставила себя ждать. Командир не примкнувшей к мятежникам части конницы, галопом подскакал к штабу и доложил совету, что бунтовщики окружили регента, прибывшего в сопровождении весьма малочисленного конного эскадрона, не более пятидесяти верховых.

Военачальники похватали шлемы — остальные доспехи уже были на них — и приказали привести лошадей. Пифон и Ариба, никогда не испытывавшие недостатка в храбрости, живо вооружились дротиками. Антигон буркнул:

— Нет, только не вы. Если вы там покажетесь, они перережут нас всех. Оставайтесь здесь и кликните верных людей для обороны ставки. Пойдем, Селевк. Мы с тобой найдем что сказать.

Селевк, опершись на копье, вскочил в седло и, мчась рядом с галопировавшим на могучем жеребце Антигоном, вновь испытал боевой пыл золотых прежних лет. Он мечтал о настоящей схватке с того самого позорного поражения на реке Нил, которое все еще удручало его. Хотя

бывало ли в славные прошлые времена, чтобы нешуточная угроза исходила от своих же солдат?

Регент достиг того почтенного возраста, когда физические недомогания и усталость докучают человеку больше, чем что-либо еще, вследствие чего даже подстерегающие его опасности кажутся мало что значащими. Не ожидая ничего более серьезного, чем отдельные проявления неприязни, Антипатр прибыл в расположение «азиатов» в коротком хитоне и солнцезащитной соломенной шляпе, вооруженный одним лишь коротким мечом.

Селевк и Антигон, пронесшись во весь опор через скопище колоннообразных огромных сосен, величественных гималайских кедров и раскидистых неохватных платанов, увидели, что плотный круг конных стражников едва сдерживает напирающую на них толпу, а над их шлемами маячит широкополая шляпа и слишком уж уязвимая, поблескивающая сединой голова.

— Постараемся не довести дело до крови! — крикнул Антигон Селевку. — Иначе они нас убьют!

Взревев командным голосом: «Всем стоять!» — великан врезался в возбужденную солдатскую массу.

Внезапность появления решительных и знаменитых бойцов, один из которых казался сказочным исполином, ошеломила солдат и помогла вновь прибывшим пробиться к регенту. Тот, подобно дряхлому орлу, осаждаемому воронами, схватившись за свой старый меч, бросал из-под кустистых белых бровей полыхающие медленно зреющей яростью взгляды.

— В чем дело? Что у вас тут происходит? — брюзгливо спросил Антипатр.

Антигон коротко ему отсалютовал («Неужели старик думает, что у нас сейчас есть время на разговоры? Должно быть, он все-таки начал выживать из ума!») и обратился к солдатам.

Что за позорное поведение? Они требуют уважения к царю, но разве не следует уважать и его великого отца Филиппа, заложившего основы славного Македонского царства? Тот ведь всецело доверял Антипатру, раз поручил ему руководство страной. Да и Александр никогда не смещал регента, а только велел созвать собрание, послав в Македонию заместителя, способного самостоятельно разобраться в сложившейся там обстановке…

Антигон при необходимости мог быть не только властным, но и убедительным. Толпа мрачно

расступилась, регент и его спасители проехали к штабу.

* * *

Эвридика сосредоточенно обкатывала в уме свое обращение к людям, а потому с большим опозданием узнала об этом скандале. Ее потрясло, что солдаты чуть было не растерзали беспомощного старика. Это оскорбляло то поэтическое видение войны, какое она взлелеяла в себе с детства. А вообще-то, ей следовало бы самой направлять ярость своих сторонников в нужное русло. Только афинские демагоги готовили речи, пока их народ воевал.

За час до заката прибыли основные войска Антипатра. Надвигающиеся сумерки заполонили новые звуки: гомон воинов, втекающих в парковый комплекс, скрип повозок продовольственного обоза, сбивчивое топотание ног устанавливающих палатки рабов, лязг оружия и доспехов, приветливое ржание лошадей, почуявших приближение новой конницы. Позднее, по прошествии нескольких часов, ночь оживил гул голосов, обменивающихся сплетнями, слухами и новостями. Это был шум городских агор с их винными лавками, гимнасиями и базарами, из-

вечно оглашающий берега Средиземного моря.

После захода солнца заглянувшие к царице сподвижники сообщили, что попытались привлечь на ее сторону людей Антипатра. На лицах менее удачливых агитаторов красовались ссадины и кровоподтеки. Но драка была небольшой, она быстро утихла с вмешательством командиров. Это свидетельство резкого укрепления дисциплины Эвридику обрадовало не очень. Не очень понравилось ей и то, что, когда один из штабных офицеров регента зашел в царские покои, все воины отсалютовали ему.

Офицер объявил о завтрашнем общем собрании для решения важных государственных дел. Нет сомнений, что царь Филипп пожелает принять в нем участие.

Царь Филипп построил на полу маленькую крепость и теперь старательно пытался населить ее муравьями, загодя собранными в пустыне. Услышав известие, он с беспокойством спросил:

— А мне придется говорить речь?

— Это, государь, как ты пожелаешь, — невозмутимо ответил посланец. Он повернулся к Эвридике. — Дочь Аминты, Антипатр приветствует тебя. Он просил передать, что, хотя и не в македонских традициях выслушивать на таких собраниях

женщин, он готов предоставить тебе слово. Прямо после своего выступления. А уж собрание само решит, слушать тебя или нет.

— Передай Антипатру, что мы с царем непременно там будем.

Когда офицер удалился, Филипп пылко сказал:

— Он обещал, что мне не придется говорить, если я сам этого не захочу. Пожалуйста, не заставляй меня, ладно?

У нее появилось сильное желание ударить своего муженька, но Эвридика сдержалась, разумеется опасаясь потерять над ним власть. Впрочем, главным стопором была мысль о его неестественной силе.

Собрание, состоявшееся на следующий день, проводилось с соблюдением всех древних правил. Соответственно, туда не допустили чужеземных солдат, появившихся в армии с легкой руки Александра, ратовавшего за единение разных народов. На самом большом лугу парка возвели внушительную трибуну, установив перед ней ряд скамеек для именитых персон. Напоследок шепнув Филиппу, чтобы тот сидел смирно, не ерзая, Эвридика заняла свое место и вдруг осознала, что в собравшейся на поле огромной толпе произошла какая-то едва уловимая перемена,

которой сопутствовало нечто до боли знакомое. На нее словно повеяло духом родной земли, теплом северных гор.

Первое слово предоставили Антигону. Взойдя на трибуну, гневный и грозный командующий, казалось, исчез. Перед людьми стоял уже государственный деятель, в меру приветливый и умеющий задать тон. С достоинством он напомнил собравшимся об их героическом прошлом под рукой Александра, призвал всех не позорить его славное имя и пригласил на трибуну регента.

Старик бодро поднялся на помост. Прибывшее с ним войско встретило его приветственным гулом, враждебных выкриков не было вообще. Для начала Антипатр обвел публику внимательным взглядом. Как искусный оратор, он выдержал паузу, потом, верно выбрав момент, поднял руку, призывая народ к тишине. Тут Эвридика против воли подумала: «Да, вот кто царь!»

Он правил Македонией и Грецией, пока Александр вел свои победоносные войны. Подавляя стихийные мятежи южан, он отправлял недовольных в изгнание и своей волей сажал новых правителей в покоренные города. Что говорить, он сумел урезонить даже Олимпиаду. Конечно, он постарел, ослабел, бремя лет очевидно тянуло

всегда казавшегося бессменным регента к земле, а звучный бас стал надтреснутым, но его по-прежнему окружала очень мощная аура властности, питаемая неиссякаемой внутренней силой.

Антипатр напомнил воинам об их предках, напомнил о Филиппе, освободившем их отцов от ига захватчиков и избавившем их самих от гражданских войн, а кроме того, породившем Александра, который сделал их хозяевами всего мира. Теперь народ Македонии подобен могучему древу с широкой раскидистой кроной — старец жестом показал на платаны и кедры, горделиво высящиеся вокруг, — но и самое могучее дерево может засохнуть, если вырвать из родной земли его корни. Неужели им хочется уподобиться варварам, которых они покорили?

Далее оратор поведал собравшимся историю появления на свет Арридея, недоумка, кого они ни с того ни с сего нарекли вдруг Филиппом в честь его героического отца. Он напомнил, как относился к этому «Филиппу» родитель, ничуть не смущаясь тем, что Арридей сидит тут, внизу. Он также добавил, что за всю свою историю Македония женской власти не знала. Так кого же они хотят видеть на царском троне: женщину или дурачка?

Филипп, прилежно вслушивавшийся в речь Антипатра, глубокомысленно кивнул. Ему она показалась вполне убедительной. Александр говорил, что ему нельзя быть царем, и вот сейчас этот могущественный старик говорит то же. Возможно, все теперь это поймут, и он опять сделается Арридеем.

Войска Антипатра и так вполне устраивал Антипатр. А для мятежников его речь была подобна медленному пробуждению от тревожного сна. Людское море за Эвридикой шелестело словно галька, окатываемая волнами, и девушка вдруг осознала, что на этом море начался отлив.

Нет, она не допустит, не должна допустить поражения. Она выступит перед ними, у нее есть это право. Однажды ей уже удалось подбодрить павших духом сторонников, и сейчас она вновь вдохнет в них веру в себя. Скоро этот старик замолчит, ей надо быть наготове.

Сцепив руки, Эвридика гордо расправила плечи и вскинула голову, но вдруг живот ее непререкаемо заявил о себе. Острая боль сменилась тупым тянущим ощущением, принадлежность которого сразу стала понятна, хотя смущенный ум девушки напрочь отказывался это признать. Однако тщетно: природа брала свое. Женское недомога-

ние началось на четыре дня раньше срока.

Она всегда тщательно высчитывала время очередных месячных и никогда не ошибалась. Почему же он сбился, всегда столь устойчивый цикл? Первый день обычно бывал очень обильным, а она не подложила даже салфетки.

Как видно, нервное возбуждение помешало ей еще утром заметить зловещие признаки перемен в своем чреве. Эвридика уже ощущала внутри себя угрожающее движение ищущей выхода влаги. Если она поднимется на трибуну, то неминуемо осрамится перед всем честны́м людом.

Выступление регента близилось к кульминации. Он говорил что-то об Александре, но Эвридика едва его слышала. Ее внимание сосредоточилось на множестве человеческих лиц, заполнявших и поле, и рощу, и склоны холмов. Почему среди всех этих сотворенных одними и теми же богами людей она единственная должна страдать от внезапно постигшей ее телесной немощи, почему именно в этот великий и судьбоносный момент ее предает даже собственный организм?

Рядом сидел Филипп со всей своей бесполезной, но очень здоровой мужской анатомией. Если бы они вдруг поменялись телами, то через

миг она гордо взбежала бы на трибуну, а ее голос зарокотал бы, как гром. Но ей, слабой женщине, придется уползти с поля битвы без боя, и даже доброжелатели в лучшем случае лишь пожалеют перетрусившую бедняжку!

Антипатр закончил. Когда затихли аплодисменты, он сказал:

— Желает ли собрание сейчас выслушать Эвридику, дочь Аминты, жену Арридея?

Никто не возражал. Сторонники Антипатра были не прочь выяснить, чего хочет царица, а ее союзники стыдились дать ей отвод. Да, их мнение изменилось, но пусть девочка отведет душу. В такой момент настоящий лидер мог бы завоевать все сердца.

День обещал быть прохладным, и поверх хитона пришлось накинуть гиматий. Незаметным движением Эвридика приспустила его с одного плеча, чтобы ниспадающая складками ткань прикрыла ей спину и ноги. Вещь, позволительная для обольстительниц и богинь — по крайней мере, так их изображают на фресках. Встав со скамьи, она оправила драпировку и спокойно произнесла:

— Мне нечего сказать моим соотечественникам.

Сидя в своем фургоне в окружении встревоженных евнухов и перепуганных женщин, Роксана изнывала от страха, уверенная, что если мятежники победят, то первым делом Эвридика умертвит и маленького Александра, и его мать. Ужасное злодеяние, но в ее понимании оно было в порядке вещей.

Далеко не сразу ей удалось узнать о решениях, принятых на собрании, поскольку там были одни македонцы. Наконец ее возница, сидонец, владеющий греческим, вернулся и сообщил, что жена Филиппа полностью отказалась от своих притязаний и не стала даже произносить речь. Регента Антипатра выбрали опекуном обоих царей, а тот заявил, что, как только архонты договорятся о разделе сатрапий, его подопечные и их домочадцы отправятся вместе с ним в Македонию.

— Отлично! — воскликнула Роксана и отбросила страх, словно ставший ненужным ей плащ. — Тогда все в порядке. Мы прибудем в царство моего мужа. Там с детства знают этого идиота Филиппа. Конечно, никто не захочет отдать ему трон. И правителем мира сделают моего сына. Моя свекровь нам в этом поможет, ведь он ее внук.

Александр так и не прочел Роксане письмо

от Олимпиады, присланное в ответ на его сообщение о своем бактрийском альянсе. Мать сына ни в чем не корила, но настоятельно советовала ему придушить своего отпрыска от дикарки, если та умудрится одарить его им. Подобные претенденты на трон никому не нужны, а самому Александру следует поскорее посетить родину и зачать настоящего македонца, что он и сделал бы еще до похода в Азию, если бы слушал, что ему говорят.

Это письмо не попало в царский архив. Александр показал его только Гефестиону, а потом сжег.

319 год до н. э.

Антипатр выстроил себе дом в Пелле в непосредственной близости от великолепного дворца Архелая. Особняк выглядел основательно, но без претензий. Свято чтущий традиции Антипатр всячески избегал показной пышности. Единственным украшением здания служили портик с террасой.

Сейчас за закрытыми дверьми этого дома стояла почти полная тишина. Даже плиты террасы забросали приглушающими шаги слоями соломы и тростника. С приличествующего расстояния небольшие группки людей вели наблюдение за снующими туда-сюда лекарями и родней умиравшего старца. Зевак, падких на все отдающее драматизмом, влекло сюда нездоровое любопытство, друзья регента и просто лица, составлявшие его двор, со дня на день ожидали сигнала для бурного излияния давно заготовленных соболезнований, а работники погребальных контор и без всяких сигналов уже вязали траурные венки. Чуть в стороне с отсутствующим видом слонялись послы и шпионы зависимых от воли регента городов.

Никто не знал, кому суждено унаследовать власть, когда старик наконец перестанет цепляться за жизнь, и будет ли продолжена жесткая линия его правления. Перед тем как слечь, он приказал повесить двух чиновников, прибывших из Афин с прошением о помиловании. Злосчастные афиняне — отец и сын — были уличены в переписке с Пердиккой. Ни годы, ни изнурительные болезни не смягчили характера Антипатра. И сейчас горожане с пристальным вниманием вглядывались при случае в лицо его сына Кассандра, ища на нем нечто большее, чем пристойное выражение скорби.

Атмосфера, царящая в соседнем, являвшемся чудом северной архитектуры дворце, где обоим царям с их домочадцами отвели отдельные, подобающие им покои, была предельно напряжена, подобно туго натянутой тетиве лука.

Роксана стояла у окна, приглядываясь из-за занавески к уличной молчаливой толпе. Своей в Македонии она себя так и не ощутила. Мать Александра вовсе не ждала ее тут с распростертыми объятиями, чтобы восхититься своим чудным внуком. Олимпиада, кажется, поклялась, что ноги ее не будет в этой стране, пока жив Антипатр, и по-прежнему жила в Додоне. Регент, правда,

относился к Роксане с официальной учтивостью, но еще до переправы через море Геллы он отослал ее евнухов восвояси. Люди плохо их примут, пояснил Антипатр, да и к хозяйке отнесутся как к варварке. Учитывая, что она неплохо освоила греческий, о ней вполне смогут позаботиться македонские дамы. И эти дамы стали весьма ненавязчиво приучать бактрийку к местным обычаям. Словно бы исподволь они постепенно привили ей вкус к приличной одежде, потом с большой деликатностью занялись исправлением ее манер, но для начала без капли стеснения и со всей решительностью дали понять, что царский сын чересчур избалован. В Македонии мальчиков держат в строгости, из них растят настоящих мужчин.

Маленькому царевичу уже исполнилось четыре года, а он все еще продолжал цепляться за мать, да и она в своем одиночестве с трудом выносила, когда его не было рядом. Вскоре Антипатр вновь навестил вдовствующую царицу — доносчицы из ее окружения наверняка ему что-нибудь нашептали. Опекун выразил изумление, что сын Александра не может и двух слов связать на греческом языке. И уже на другой день у ребенка появился наставник.

Антипатр решил, что простой образованный раб не сумеет воспитать мальчика в должном духе. Его выбор остановился на молодом знатном греке, успевшем к своим двадцати пяти годам не раз проявить боевые и командные качества в походах против мятежных южан. Антипатру понравилась отменная вышколенность солдат в подразделениях, вверенных этому неулыбчивому офицеру, излишней любви к хорошеньким детям тот тоже вроде бы не проявлял.

Кеб с детства мечтал сражаться под командованием Александра. Именно с этой целью юноша и вступил в войско, набранное Антипатром для Вавилона. Однако ему пришлось молча смириться с крушением своих надежд и безропотно исполнять ненавистные его сердцу приказы, разя в битвах таких же греков, как и он сам. Впрочем, доставалось и подчиненным. Те даже считали, что командир с ними слишком суров. Скорее по привычке, нежели намеренно, Кеб хмуро воспринял новое назначение, ничем не выдав своего внутреннего ликования.

Первая встреча с темноволосым и избалованным пухлым ребенком разочаровала его, хотя он, конечно, и не надеялся с ходу прозреть в малыше героическое начало. Его предупредили,

что мальчик буквально заласкан своей сумасшедшей мамашей. Та явно полагала, что стоит ей отвернуться, и ее чадо тут же начнут колотить и всячески унижать. Ребенок, осознав, что ему надо чего-то бояться, поначалу капризничал и лил слезы, но вскоре, почувствовав спокойное и дружелюбное к себе отношение, дал волю своей живой любознательности, а о капризах и думать забыл.

Кеб знал знаменитую спартанскую присказку: изгони детские страхи — и вырастишь смельчака. Мало-помалу он приучал своего подопечного к лошадям, большим собакам и грохоту маршировок. Роксана, сиднем сидящая дома и только и думавшая, как ей утешить своего бедненького сыночка, вдруг стала с удивлением обнаруживать, что тот вполне доволен собой и с восторгом описывает на ломаном греческом, как здорово он провел день.

Через какое-то время малыш уже бойко тараторил по-гречески, и вскоре в жизнь его уверенной поступью вошел отец. Роксана всегда втолковывала своему ненаглядному чаду, что он сын могущественнейшего в мире царя, а теперь и наставник принялся с увлечением повествовать о легендарных подвигах и деяниях гениально-

го полководца. Самому Кебу было десять лет, когда Александр отправился в Азию, и тогда он воспринимал рассказы о нем со всем пылом взрослеющего подростка, а богатое воображение дорисовывало детали. Пусть сын Александра пока слишком мал, чтобы хоть вполовину проникнуться духом родительского величия, зато зерна высоких стремлений, зароненные в его душу, когда-нибудь дадут всходы.

Кеб с удовольствием занимался порученным ему делом. Однако сейчас, томясь вместе с другими придворными перед застланной соломой террасой, он вдруг осознал, что исключительность его нынешнего положения, собственно, не сулит ему ничего. В будущем все неопределенно, туманно. Обладает ли, в сущности, сын Александра более значительными талантами, чем любой мальчуган его возраста? Неужели великие дни канули в Лету? О таком ли мире для себя и для своих наследников мечтал некогда Александр?

Его глубокомысленные размышления были прерваны скорбными стонами и причитаниями.

Роксана тоже услышала их и увидела из окна, как стоявшие перед домом регента придворные принялись обеспокоенно переглядываться.

Она задумчиво прошлась по комнате, потом бросилась к сыну и прижала его груди. Тот испуганно спросил, что случилось, но в ответ получил лишь одно:

— Что же теперь с нами будет?

Пять лет назад в летнем дворце Экбатаны Александр как-то упомянул о старшем сыне регента Кассандре, большом интригане. Настолько большом, что мужу даже пришлось оставить его в Македонии. Но Кассандр был в Вавилоне, когда Александр умирал, вполне вероятно, что он-то и отравил его. Недавно этот опасный человек навестил ее якобы с поклоном от больного отца, однако на деле — безусловно желая взглянуть на царевича. Визитер вел себя вежливо, но ничего путного не сказал, лишь ограничился объяснением причин своего появления. Испытывая тревожную неловкость и даже страх, Роксана с неприязнью взирала на красноватое веснушчатое лицо с раздражающе бледными глазами и уклончивым, хитро прищуренным взглядом. И сейчас она была напугана больше, чем во время сирийского мятежа. Как было бы славно оказаться опять в Вавилоне, в знакомом мире, среди понятных людей! Там-то уж точно она смогла бы что-то придумать.

Подойдя к смертному ложу, Кассандр с ожесточенной яростью уставился на сильно усохшее тело отца. Нет, он просто не мог заставить себя склониться к покойному. Пожилая родственница, укоризненно покачав головой, сама закрыла сморщенные веки усопшего и натянула ему на голову покрывало.

Напротив Кассандра, с другой стороны кровати, стоял пятидесятилетний Полиперхон с совершенно бесстрастным лицом, покрытым седой, отросшей за ночь щетиной. Скорбно и сухо кивнув наследнику, он опять погрузился в раздумья о свалившемся на него бремени. Именно ему, а не Кассандру было завещано взять царей под опеку. Незадолго до того, как впасть в кому, Антипатр созвал всю македонскую знать, чтобы огласить свою волю, а потом вынудил всех поклясться голосовать за Полиперхона.

Со вчерашнего дня больной уже лежал без сознания, остановка дыхания лишь поставила точку. При всем своем почтении к умершему Полиперхон был рад возможности завершить утомительное дежурство. Небольшой отдых, и можно будет приняться за государственные дела. Их уже, наверное, накопилась целая прорва. Полиперхон никогда не согласился бы тянуть

этот воз, если бы не слезные мольбы Антипатра. Последний в роли просителя выглядел жутко, словно родитель, рухнувший на колени перед собственным чадом.

— Сделай это ради меня, — задыхаясь, хрипел Антипатр. — По старой дружбе, умоляю тебя.

Какая там дружба? Полиперхон воевал в Азии с Александром и только с Кратером вернулся домой. Когда Александр умер, он отправился подавлять южные мятежи, а потом замещал регента, пока тот ездил в Азию за царями. Вот и все, но этого оказалось достаточно.

— Я дал клятву Филиппу. — Умирающий слабо откашлялся, явно теряя последние силы. Его голос шелестел, как сухой тростник. — И его наследникам. Я не хочу, — он задохнулся и помолчал, — стать клятвопреступником по вине моего сына. Я знаю его. И понимаю, что он… Обещай мне, Полиперхон. Поклянись водами Стикса. Я умоляю тебя.

В итоге, чтобы отделаться, Полиперхон дал ему клятву. Но теперь эта клятва вязала его по рукам и ногам.

Последние тихие вздохи умершего еще висели над ложем, а Полиперхон уже чувствовал, как чья-то жгучая ненависть течет к нему через

холодеющий труп. Кассандр источал ее. Что ж, Полиперхон не раз сталкивался с подобной враждебностью. И под началом Филиппа при Херонее, и под рукой Александра при Иссе и в Гавгамелах. И хотя он звезд с неба не хватал и не вышел в большие военачальники, Александр ввел его в круг своих верных телохранителей, а выше доверия и быть не могло. Александр так и говорил: на Полиперхона всегда можно положиться.

Вскоре Полиперхон познакомится со своими царственными подопечными и представит им своего старшего сына. Парня назвали в честь Александра, и можно надеяться, что он не посрамит это славное имя. А Кассандру, которого всегда очень волнует мнение окружающих, можно будет доверить организацию похорон.

Когда регент умер, Эвридика была на конной прогулке. Она знала, что ждать уже недолго, и если бы осталась торчать во дворце, то сейчас ее бы втянули в скучную и тоскливую круговерть траурных действ, пренебрегать которыми не подобает.

Сопровождала молодую царицу пара придворных конюхов и одна крепкая юная особа, тоже родившаяся в горах и хорошо державшаяся в седле. Вылазки во главе конных отрядов закон-

чились; Антипатр был бдителен, он решительно перекрыл все лазейки для возможных контактов Эвридики с солдатами. Он отозвал бы и Конона, но Филипп, разразившись слезами, упросил его оставить ему старика. И все-таки некоторые знакомцы по Азии порой украдкой приветствовали свою госпожу.

Заходящее солнце било в спины четырех всадников, возвращавшихся в Пеллу, и Эвридика, глядя, как наползают на лагуну горные тени, вдруг усмотрела в том добрый знак. Девушку охватило предчувствие перемен в своей участи, словно божественная Тихе улыбнулась ей с ближайшей горы. Надежду внушали и долгожданные траурные стенания.

Кассандр во время болезни своего отца навестил не только Роксану. Формально говоря, он явился с визитом к царю, но некоторые моменты его почтительного разговора с Филиппом давали понять, что слова гостя скорее предназначены для царицы. Если Роксану вид посетителя раздражал и пугал, то Эвридика увидела в нем своего соотечественника, правда не блещущего красотой, но отличавшегося несомненным достоинством. Что было естественным, ведь, не унаследовав отцовскую стать, он вполне мог

унаследовать отцовские полномочия.

По череде почти незавуалированных намеков она поняла, что последнее очень возможно. Догадалась девушка и о подоплеке брошенного гостем вскользь заявления, что Македонии нужен *единственный* царь. Чисто македонских кровей и с не менее чистокровной царицей. Этот, как и она, ненавидящий Александра человек никогда не допустит, чтобы отпрыск дикой бактрийки уселся на трон. Когда гость ушел, Эвридике почудилось, что с ней заключили негласное соглашение.

Известие об избрании Полиперхона удручило ее. Она не была с ним знакома, видела как-то мельком, и только, но, вернувшись с прогулки, тут же сообразила, кого принимает у себя царь Филипп.

Должно быть, общались они уже долгое время, поскольку Филипп очень бойко, но путано рассказывал посетителю о том, как в Индии на него чуть не напала змея.

— Представляешь, Конон нашел ее под моей ванной. Он схватил палку и расправился с ней. А потом сказал, что мелкие змейки опаснее многих.

— Совершенно верно, государь. Они могут за-

браться в сапог; так погиб один мой солдат.

Заметив Эвридику, визитер выразил радость, что нашел царя в добром здравии, попросил при любых затруднениях обращаться к нему и с поклоном удалился. Очевидно, было бы рановато, учитывая, что Антипатр еще не погребен, интересоваться планами нового регента Македонии, но она рассердилась, что он не поговорил с ней, что в ее отсутствие он счел возможным представиться одному лишь Филиппу.

Потом пришло время пышных погребальных обрядов, процессий. Эвридика ходила, как положено, с обстриженными волосами и в посыпанной пеплом черной одежде, добавляя свои причитания к горестным стенаниям окружающих. Когда представлялась возможность, она внимательно вглядывалась в лицо Кассандра, ища хоть какой-нибудь обнадеживающий намек. Но лицо того, сообразно случаю, всегда было безучастно-печальным.

Позже, когда мужчины отправились к погребальному костру, чтобы сжечь тело, а Эвридика осталась в отдалении с женщинами, до нее донесся чей-то вопль, и на лугу поднялась странная суматоха. Догадливый Конон бросился туда, невзирая на свое низкое звание. Вскоре он уже

шел обратно с парой крепких парней из почетного караула, которые несли обмякшее тело Филиппа с безжизненно запрокинутой головой; рот его был открыт. Пристыженная, она медленно побрела следом.

— Госпожа, — проворчал Конон, — не могла бы ты поговорить с этим новым опекуном? Он редко видит царя и не знает, что его может расстроить. Я пытался ему кое-что объяснить, но меня осадили, приказав не забывать свое место.

— Я поговорю с ним.

Она чувствовала затылком презрительно-насмешливый взгляд Роксаны. «Ничего, мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним».

Во дворце Конон раздел и вымыл Филиппа — во время приступа тот обмочился, испачкав мантию, — и уложил его в постель. Эвридика, удалившись в свою комнату, сняла траурный наряд и вычесала из растрепанных волос пепел. «Что делать, такой уж мне достался супруг, ведь я знала, за кого выхожу замуж. Я сама выбрала эту участь. И обязана относиться к нему с уважением. Именно так сказала бы моя мать».

Она велела смешать молоко с яйцом, пряностями и каплей вина и отнесла напиток больному. Конон унес испачканную одежду. Филипп

с виноватым видом посмотрел на нее, словно проштрафившаяся собака на строгого хозяина.

— Смотри, — сказала она. — Я принесла тебе что-то вкусное. Ничего страшного, что тебе стало плохо, ты же в этом не виноват. Многим людям становится плохо у погребальных костров.

Он ответил ей благодарным взглядом и опустил глаза в чашу с молочной смесью. Его обрадовало, что Эвридика ни о чем не спросила. Последнее, что он помнил перед тем, как в его голове загремел барабан и все залило ослепительным светом, была охваченная языками пламени борода мертвеца, она чернела, распространяя отвратительный запах. И он сразу вспомнил об одном давнем событии, произошедшем незадолго до того, как Александр взял его с собой в поход. Тогда хоронили царя, так ему сказали, хотя он не понимал, о ком идет речь. Филиппу обстригли волосы и вымазали лицо сажей, потом его обрядили в черные одеяния и заставили идти в толпе людей и рыдать. И вдруг он увидел своего грозного отца, который навещал его очень редко. Тот с пугающе застывшим и искаженным лицом лежал под расшитым золотом покрывалом на большой куче валежника. Он был мертв, но Филипп о том не знал, мертвецов ему еще

видеть не приходилось. Но вот к помосту подошел Александр. Он тоже остригся, и остатки его светлых волос блестели на солнце. Брат произнес речь, очень длинную, объяснил, что этот царь сделал для Македонии, а после вдруг взял у какого-то слуги факел и сунул его в кучу валежника. Охваченный ужасом, Филипп не мог отвести глаз от разгорающегося пламени, оно гудело и трещало, и огненные языки уже подбирались к сверкающему покрову. Они пожрали ткань, затем загорелись волосы, борода… Очень часто потом Филипп просыпался по ночам с криком, но он боялся сказать даже Конону, что ему снился горящий отец.

Двери из полированного мрамора плотно закупорили вход в усыпальницу Антипатра, и в Македонии наступило затишье.

Правда, зыбкое, ибо Полиперхон заявил, что не имеет склонности к единовластию. Антипатр правил, замещая отсутствующего царя. А сейчас более уместно созвать, как бывало, совет из родовой знати. Многие македонцы благосклонно отнеслись к этой мысли, усмотрев в ней возврат к старым добрым традициям. Кое-кто поговаривал, впрочем, что Полиперхону попросту не хватает духу взять на себя столь большую

ответственность, вот он и мудрит.

Затишье не перешло в тишь да гладь. Все напряженно следили за действиями Кассандра.

Отец не умолчал о нем в завещании. Кассандр получил пост хилиарха, первого советника Полиперхона, при Александре не было выше поста. Но… удовлетворится ли он второй ролью? Люди понаблюдали за разъезжавшим по улицам Пеллы веснушчатым первенцем Антипатра и пришли к выводу, что этакие молодчики не прощают обид.

Однако, похоронив отца, Кассандр весь траурный месяц спокойно занимался порученными ему делами. По окончании траура он отправился засвидетельствовать свое почтение Филиппу и Эвридике.

— Поприветствуй его, — велела Эвридика супругу, когда им доложили о приходе важного гостя, — а потом сиди молча. Это, я думаю, важный визит.

Кассандр не стал долго любезничать с государем и быстро переключил все внимание на Эвридику.

— Мне придется на время уехать. Хочется побывать в родных краях. Я очень многое пережил, и сейчас меня тянет развеяться в компании ста-

рых друзей. Поохотиться, поваляться на травке, в общем, отвлечься от общественных дел.

Она пожелала гостю удачной охоты, но в ее взгляде читался вопрос, и посетитель это отметил.

— Ваше благорасположение, — сказал Кассандр, — было для меня утешением и поддержкой. В эти неспокойные времена вы оба можете всегда рассчитывать на мою помощь. Ты, государь, — он повернулся к Филиппу, — бесспорно, сын своего отца. Твоя мать никогда не давала повода к сплетням. — Он перевел взгляд на Эвридику. — Но как вам обоим, несомненно, известно, об Александре на этот счет вечно ходили весьма разные слухи.

Когда гость ушел, Филипп спросил:

— Что он сказал об Александре?

— Неважно. Я не уверена, что поняла его. Мы выясним это позже.

Родовым гнездом Антипатра была древняя, изрядно обветшавшая крепость, расположенная в богатом лугами и лесом краю. Сам Антипатр обыкновенно жил в Пелле, а все дела в родовом имении вел управляющий. Раньше сыновья бессменного регента Македонии частенько наезжали сюда с охотничьими компаниями, точно

такими же, какая в последние дни рыскала по окрестным угодьям.

В верхнем зале каменного, пропитанного сыростью здания под дымоходом жарко пылал огонь; осенние ночи в горах были морозными. Вокруг очага на старых скамьях и табуретах, покрытых овчиной, расположилась добрая дюжина молодцов, одетых, по погоде, в теплую одежду из кожи и плотной шерсти. С нижнего этажа доносился резкий запах конюшни, оттуда слышалось возбужденное ржание лошадей, мешавшееся с фракийским говором конюхов, занимавшихся починкой и вощением упряжи.

Кассандр с рыжей, сияющей в отблесках яркого пламени шевелюрой сидел возле Никанора, своего брата. Еще один их брат, Иолла, умер вскоре после возвращения домой из Азии. Скоротечная малярия, подхваченная в вавилонских болотах, доконала его, причем очень быстро, словно он не желал бороться за жизнь. Четвертого брата, Алексарха, просто не пригласили. В семье он считался слегка безумным, ибо подался в книжники и теперь в основном занимался созданием нового языка для утопического государства, привидевшегося ему в мечтах. Проку от него было бы мало; да и потом, кто мог поручиться, что он

ненароком чего-нибудь не сболтнет?

Кассандр сказал:

— Мы провели здесь три дня и пока не заметили никакой слежки. Похоже, пора браться за дело. Дерда, Этий, вы готовы выехать завтра с утра?

— Конечно готовы, — ответили двое мужчин, сидевших напротив.

— Вы сможете сменить лошадей в Абдере, Эносе, да и в Амфиполе, если понадобится. В Амфиполе будьте осторожны, держитесь подальше от гарнизона, там вас могут узнать. Симас и Антифон отправятся через сутки. Их ждать не следует. Сохраняйте дистанцию. Там, где двое проскочат легко, четверо вызовут подозрения.

Дерда спросил:

— Что передать Антигону?

— Я дам тебе письмо. Бояться нечего, если не нарываться. Полиперхон — болван. Я уехал охотиться, и прекрасно, значит, он может спать спокойно. Когда Антигон прочтет письмо, расскажешь ему все, что он захочет узнать.

Для отвода глаз они целый день гонялись за кабанами, а потому вскоре вся честнбя компания улеглась спать в дальнем конце помещения за хорошо выделанным кожаным пологом. Кассандр и Никанор задержались у очага, их тихие

голоса заглушались звуками, доносящимися из конюшни.

Никанор был высоким и тощим малым с каштановой копной волос. Изрядно поднаторев в обращении с любым видом оружия, он и в дружбе, и во вражде хранил верность семейным традициям и ни о чем больше не помышлял. Он спросил:

— Ты уверен, что Антигон достоин доверия? Ему явно захочется хапнуть больше, чем он имеет.

— Именно поэтому я и решил обратиться к нему. Заваруха в Греции его очень устроит. Ему позарез нужно, чтобы кто-то стреножил Полиперхона, пока он сам будет прибирать к рукам Азию. Он отдаст мне Македонию. Ведь понятно, что Азия займет его целиком.

Никанор почесал голову. Похоже, в этих охотничьих вылазках от вшей не убережешься. Поймав одну тварь, он щелчком отправил ее в огонь.

— А ты уверен в девчонке? Она может оказаться не менее опасной, чем Антигон, если почувствует слабину. У отца были из-за нее неприятности, а до этого и у Пердикки. Филиппа она в грош не ставит.

— Хм, — задумчиво протянул Кассандр. — По-

тому-то я и прошу тебя присмотреть за ней, пока меня тут не будет. Я ничего ей не сказал, разумеется. Но она встанет на нашу сторону, чтобы убрать бактрийского пащенка. Она явно дала мне это понять.

— Хорошо, если так. Но она жена царя и сама намерена править.

— Верно. Учитывая ее происхождение, я полагаю, мне придется жениться на ней.

Белесые брови Никанора поползли вверх.

— А Филипп?

Кассандр ответил выразительным жестом.

— Интересно, — задумчиво произнес Никанор, — согласится ли она с этим?

— О, скорее всего, нет. Но когда все будет кончено, куда она денется? Она все равно не угомонится, не в ее натуре посиживать день-деньской за пряжей и за шитьем. Ей ничего не останется, как пойти за меня, чтобы осуществить свои притязания. В ином случае… — Он опять резко рассек рукой воздух.

Никанор пожал плечами:

— А что же будет с Фессалоникой? Мне казалось, вы с ней поладили. И она, между прочим, дочь Филиппа, а не какая-то там внучка.

— Так-то оно так, но у нее царская кровь только

с отцовского боку. Не то что у Эвридики, в той примесей нет. Впрочем, воссев на трон, я смогу взять в жены обеих. Покойный Филипп только приветствовал подобные вещи.

— Ты уверен в успехе? — с тревогой спросил Никанор.

— Да. Еще в Вавилоне я понял, что настает мое время.

* * *

Спустя полмесяца в конце хмурого дождливого дня Полиперхон явился во дворец по срочному делу.

Он не стал дожидаться, пока о нем доложат, и вошел следом за стражем. Филипп, весь день усердно трудившийся, все еще выстраивал с помощью Конона из своих камушков нечто замысловатое. Эвридика, вощившая свою кирасу, так и осталась сидеть, не успев ее спрятать. Она возмущенно глянула на Полиперхона, но тот с церемонным поклоном обратился к царю.

— Я почти закончил, — с виноватым видом сказал Филипп. — Мы строили Трипарадиз.

— Государь, я должен просить тебя присутствовать завтра на государственном совете.

Филипп с ужасом посмотрел на него.

— Я не хочу ничего говорить там. Совсем не хочу. Уходи.

— Тебе и не придется ничего говорить, государь. Ты лишь утвердишь внесенные предложения.

— Какие предложения? — отрывисто спросила Эвридика.

Полиперхон, ярый приверженец древних македонских традиций, скривился. «Жаль, что Аминта прожил достаточно долго, чтобы успеть породить эту сучку, всюду сующую свой наглый нос».

— Госпожа, до нас дошли сведения, что Кассандр сбежал в Азию и что Антигон приютил его.

— Не может быть! — вздрогнув, заявила она. — Насколько я знаю, он охотится в своем поместье.

— Да, — мрачно сказал Полиперхон. — Ему хотелось, чтобы мы так считали. А теперь мы считаем, что стоим на пороге войны. Государь, пожалуйста, будь готов к восходу солнца. Я приду, чтобы проводить тебя. Госпожа. — Он поклонился, собираясь уйти.

— Подожди! — гневно воскликнула Эвридика. — С кем намерен воевать Кассандр?

Он обернулся с порога:

— С македонцами. За то, что они, согласившись с последними пожеланиями Антипатра, не выбрали его своим правителем.

— Я тоже хочу присутствовать на совете.

Полиперхон задрал голову, нацелив на нее свою седеющую бороденку:

— Сожалею, госпожа. В Македонии нет таких традиций. Желаю вам обоим доброй ночи.

Он решительно вышел из покоев. Конечно, с его стороны было глупо не проследить за Кассандром, но бабьи выходки терпеть тоже нельзя. Уж это, по крайней мере, не лезет ни в какие ворота.

Государственный совет рассмотрел угрожающие стране опасности и нашел их серьезными. Кассандр, это было очевидно, отправился в Азию только для того, чтобы набрать необходимые силы. И с ними он двинется в Грецию.

С последних лет царствования Филиппа и до окончания царствования Александра жизнью греческих городов-государств управляла Македония. Демократических лидеров давно изгнали, у народа практически отняли право выбора, предоставив его олигархам, в каких с магической быстротой превратились македонские ставленники. При постоянно занятом войнами Александре Антипатр имел полную свободу действий, и поскольку его сторонники баснословно обогатились за счет пачками отправляемых

в изгнание греков, то они ужасно боялись того, что, вернувшись из Азии, Александр отторгнет у них незаконно присвоенную недвижимость и угодья в пользу исконных владельцев. Когда царь вызвал регента к себе в Вавилон для отчета, вместо того поехал Кассандр. Узнав о смерти Александра, греки взбунтовались, однако Антипатр подавил их мятеж. Поэтому в греческих городах по-прежнему верховодили его приспешники, и само собой разумелось, что они охотно поддержат и его сына.

Когда Антипатр занедужил, Пеллу в ожидании перемен наводнили греческие послы. Они и теперь все терлись поблизости, желая выяснить, какой политики будут придерживаться новые власти. Их спешно вызвали во дворец и ознакомили с царским воззванием. В нем говорилось, что во многом политика в греческих городах проводилась без одобрения Александра. И волей народной царствующий ныне дом великодушно готов предоставить им право восстановить демократические конституции, выгнать нынешних олигархов или даже казнить их. Впредь все гражданские права греков будут защищаться в обмен на их преданность македонским властям.

Полиперхон, после совета проводивший Филип-

па в покои, скрупулезно растолковал Эвридике, чем вызваны эти решения. Как и Никанор, брат Кассандра, он вдруг осознал, что эта девчонка может доставить всем множество неприятностей. Нужно подкидывать хоть какую-то пищу ее деятельному уму.

Эвридика выслушала его без особенных замечаний. Пока государственные мужи совещались, она тоже успела о многом подумать.

— Ты знаешь, я видел там собаку, — сказал Филипп, как только его провожатый ушел. — Она грызла здоровенную кость с остатками сырого мяса. Должно быть, она утащила ее с кухни, я так и сказал им.

— Ты прав, Филипп. Помолчи немного, мне нужно сосредоточиться.

Итак, ее предположения оказались верны. Зайдя к ней перед отъездом в родные края, Кассандр практически предложил ей союз. Если он выиграет эту войну, то избавится от ребенка бактрийки и, взяв на себя опекунство, возведет на трон их с Филиппом. Он говорил с ней как с равной. Он готов сделать ее царицей.

— Ну что ты все ходишь туда-сюда? — тоскливо спросил Филипп.

— Тебе нужно снять нарядное платье, ты мо-

жешь испачкать его. Конон, ты здесь? Пожалуйста, помоги государю.

Она все мерила шагами пространство между резными окнами и дальней стеной с великолепной фреской, где чуть ли не в натуральную величину изображалось разграбление Трои. Агамемнон выводил из святилища упирающуюся Кассандру; за надвратными башнями маячил деревянный конь; на переднем плане у родового жертвенника простерся истекающий кровью Приам; Андромаха прижимала к груди мертвого ребенка. На заднем плане, охваченном языками пламени, шла кровавая битва. Это была работа знаменитого Зевксиса, призванного Архелаем одухотворить своим гением только что возведенный дворец.

От выщербленных камней очага, покрытых странноватыми пятнами, еще исходил слабый запах былых обрядовых воскурений. В этих покоях долгие годы жила царица Олимпиада. Ходили упорные слухи, что именно здесь проводила она свои бесконечные магические ритуалы. Ее священные змеи лежали свернувшись в корзине возле очага, а колдовские снадобья хранились в надежно устроенных тайниках. Намереваясь вернуться сюда, она даже не все из них опустоши-

ла. Но Эвридика о том не знала и лишь отмечала, что тут царит совершенно особая атмосфера.

Расхаживая по кругу, она обдумывала свою молчаливую сделку с Кассандром, и тут у нее впервые возникла мысль: «А что же потом?»

В настоящий момент только ребенок этой дикарки может продлить род властителей Македонии. Когда его выведут из игры, на трон посадят ее и Филиппа. А кто придет после них?

Кому, как не ей, внучке двух славных царей, дать жизнь новому царскому поколению? Но для этого надо родить. Хотя бы раз. С большим отвращением Эвридика подумала о Филиппе. В конце концов, в любом городе очень многие женщины за драхму терпят куда более жуткие вещи. Но нет, ей этого не снести. Кроме того, вдруг ребенок унаследует слабоумие?

«И почему я не мужчина?» — мысленно посетовала Эвридика. Приближалась зима, в очаге уже жарко пылали замшелые яблоневые поленья. Потемневшие камни под корзиной для дров, нагреваясь, начали испускать въевшийся в них приятный запах. «Правя по собственному усмотрению, я при желании могла бы вступить во второй брак, наши цари часто так поступали». Перед ее внутренним взором внезапно возник весьма

импозантный Кассандр. Он предложил ей свою дружбу, а может, согласился бы и… Но она замужем, у нее есть супруг.

Какое-то мгновение, вспоминая тот молчаливый, но выразительный обмен взглядами, девушка колебалась, не зная, идти ли в своих мыслях дальше. Прежняя обитательница покоев давно все решила бы и уже занималась бы поисками путей и средств к достижению цели. Но Эвридика, смутно подозревая, куда может завести ее логика, решительно остановила себя. Выбор прорисовывался пугающий, она предпочла от него уклониться. Лучше пока положиться во всем на Кассандра, сейчас бессмысленно загадывать что-то. Но ее затаенные думы, подобно впитавшимся в камни маслам, ждали лишь соприкосновения с жаром медленно разгорающихся в ней чувств.

318 год до н. э.

Посиживая в своей палатке, Эвмен с благодатного киликийского побережья поглядывал на море, за которым маячили гористые очертания Кипра. Здешняя теплая и плодородная равнина казалась раем после продуваемой ледяными ветрами тесной крепости, примостившейся на таврских скалах, где Антигон продержал его всю прошедшую зиму. В распоряжении осажденных были лишь скудные закрома с приевшимся всем зерном да единственный источник хорошей воды. Из-за отсутствия свежей зелени и овощей у людей начали распухать десны. Эвмену с трудом удалось не дать воинам пожрать собственных лошадей, ведь от последних, возможно, зависело спасение первых. По его приказу благородных четвероногих ежедневно взбадривали, конюхи с громкими криками настегивали своих питомцев, чтобы те хорошенько — до пота — размялись. Он уже почти смирился с мыслью, что животных придется забить, когда неожиданно из вражеского стана прибыл посол с предложением мира. Поскольку после смерти регента каждый стремился начать

свою игру, Антигону понадобились союзники.

Однако этот хитрец в обмен на отвод своих войск потребовал, чтобы Эвмен принес клятву верности македонским царям и ему, Антигону. Эвмен сказал, что готов присягнуть, но царям и Олимпиаде. Послу пришлось удалиться с таким ответом. Антигону он не понравился, но тут ему сообщили, что войску Эвмена удалось ускользнуть, прорвав осаду. А вскоре Эвмену стало известно, что Полиперхон от имени опекаемых им царей передает Антигона ему в подчинение, но учитывая, что тот наверняка добровольно пойти к нему под руку не захочет, новому командующему рекомендуется утвердить свою власть силой. На данный момент, правда, сил у Эвмена хватило только на то, чтобы завладеть сокровищницей Киликии и взять под свое начало стоявший там гарнизоном полк аргираспидов, прозванных так за серебряные щиты.

Присоединившись к Эвмену, аргираспиды продолжали блаженствовать в своих палатках, до отказа набитых богатой добычей, частью доблестно завоеванной, частью награбленной, а то и попросту заграбастанной с помощью целого ряда уловок и ухищрений, досконально известных этим, казалось, рожденным в доспе-

хах воякам, любой из которых тянул солдатскую лямку не менее сорока лет. Сам Александр уже искал способ избавиться от ворчливого скопища опытных и жестоких корыстолюбцев, которые даже при нем умудрялись устраивать смуты. Аргираспиды достались ему от отца; эта тяжеловооруженная гвардия как на подбор состояла из записных забияк. Они отправились на войну вместе с Филиппом, они пережили его, хотя тот был моложе, и сейчас им давно следовало бы мирно возделывать родные земли, проживая как собственные трофеи, так и дары Александра, но эти никогда не знавшие поражений, выносливые и крепкие, точно подметки башмаков, солдаты по-прежнему торчали в Азии. Их возвращению в Македонию помешала смерть Кратера, и, одержимые страстью к наживе, они опять были готовы в любой момент ввязаться в очередную войну.

Большинству из них было за шестьдесят, кому-то даже стукнуло семьдесят, их неуступчивость вошла в поговорки, и вот Эвмену, пришлому греку и чуть ли не сосунку, удалось захватить власть над ними.

Несколько восстановив за счет новобранцев ослабленные осадой силы, он уже собирался

отправить ветеранов на родину, как к нему прибыл гонец, доставивший послание из Эпира. От Олимпиады.

Прошу тебя, Эвмен, помоги нам. Ты был и остаешься моим самым преданным другом, и только тебе, Эвмен, дано найти способ спасти наш обезглавленный род. Умоляю тебя, не покинь меня в моих чаяниях и поддержи хоть советом. Подумай, разве могу я вверить свою судьбу и будущее моего внука людям, которые наперебой рвутся опекать сироту, мечтая на деле лишь завладеть его достоянием? Роксана, мать царевича, сообщила мне, что опасается за жизнь мальчика с тех самых пор, как Полиперхон покинул страну, отправившись воевать с подло предавшим нас Кассандром. Возможно, лучше бы ей сбежать ко мне вместе с сыном? Или мне самой стоит поднять войска и войти в Македонию?

Письмо глубоко взволновало Эвмена. Он впервые увидел Олимпиаду еще совсем юным и был навек покорен ее красотой. В отсутствие царя Филиппа ненавидевший его супругу регент частенько посылал к ней Эвмена с различными поручениями, отчасти желая унизить царицу низким рангом посланца, а отчасти — чтобы самому избежать встреч с весьма опасной и вздор-

ной особой. Филипп также пользовался услугами молодого посредника во время бесчисленных семейных скандалов. Сам же юный кардиец смотрел на властительницу своих дум как на некую мифологическую персону. Чаще всего она казалась ему вакхической Ариадной, ждущей свидания с позабывшим о ней Дионисом. Он видел ее в слезах, в дикой веселости, в пламенной ярости, а иногда — во всем блеске присущего лишь ей одной почти божественного величия. Если он и желал ее, то не больше, чем человек, завороженный игрой молний над бушующим морем; она будила в нем холодящий восторг. Даже шагая к ней с обидным или оскорбительным повелением государя, Эвмен все равно испытывал радость. В сущности, Олимпиада и в гневе обыкновенно благоволила к нему. Правда, молодой красивый грек был очень скромен и предан Филиппу, но она наслаждалась искренним восхищением, светящимся в его глазах.

Эвмен знал, что во время азиатского похода вдовствующая царица постоянно докучала сыну раздраженными письмами, обвиняющими регента во всех смертных грехах. Как-то раз, ознакомившись с очередным материнским посланием, Александр даже воскликнул: «О боги!

Не слишком ли много она запрашивает за те девять месяцев, что я пробыл в ней?!» Однако произнесено это было с легкой усмешкой: несмотря ни на что, Александр любил мать. Он оставил Олимпиаду цветущей красавицей и, как и Эвмен, не имел представления, что с ней сделали годы.

Но одно Эвмен понял сразу: ни в коем случае ее нельзя пускать в Македонию, с армией или без оной. Сдержанность была свойственна Олимпиаде не более, чем леопарду в прыжке: месяца не пройдет, как она все загубит. Он срочно написал ей, заклиная оставаться в Эпире, пока не закончится нынешняя война, а также добавил, что и она, и сын Александра могут рассчитывать на его преданность.

О Роксане с ее опасениями он предпочел умолчать. Неизвестно, какие фантазии могли напугать эту бактрийку. В ходе долгого военного похода, закончившегося зимней осадой, Эвмен редко получал весточки из Европы. И едва слышал об Эвридике со времени свадьбы в Сардах.

Для него лично главная опасность исходила по-прежнему от Антигона: очевидно, этот человек вознамерился прикарманить всю Азию. Сейчас самое время по-быстрому разобраться как с местными новобранцами, так и с закаленными,

очерствевшими во многих сражениях аргираспидами. Те встали лагерем невдалеке от палатки Эвмена, и ему хорошо было видно, как они праздно болтают, разбившись возле костров на небольшие, десятилетиями подбиравшиеся компании, пока женщины готовят еду. Среди последних мелькало несколько чудом уцелевших жилистых македонок, когда-то прихваченных этими малыми в родных краях, но в основном их теперь обслуживали живые призы, добытые в годы странствий: лидийки, бактрийки, парфянки, мидийки и даже индианки. Расплодившиеся в результате детишки, среди которых наверняка обретались и внуки суровых воителей, сновали всюду, но больше жались к стряпухам, не желая нарваться на крепкий мужской подзатыльник. Оттенки кожи у прижитых в разных краях света чад варьировались от красно-коричневых до смугло-серых, а тараторила эта орава на «лингва-франка» — общепонятном в Восточном Средиземноморье смешанном языке. Когда лагерь начнут сворачивать, и женщины, и ребятишки привычно заполнят фургончики тылового обоза, чтобы вместе с трофеями и пожитками следовать дальше за войском.

Эвмен бросил взгляд на ближайший холм,

где стояли палатки двух самых опытных командиров старой македонской гвардии, Антигена и Тевтама. Это были хитроумные и решительные вояки, оба годились ему в отцы. Оба придут на военный совет. Примут ли они его предложения с легким сердцем? Или затаят обиду, порождающую — как он успел хорошо себе уяснить — недоверие и измену? Эвмен тяжело вздохнул, его мысли вновь вернулись в те светлые дни, когда мировые просторы еще уверенно рассекал общий для многих военный корабль, обломки которого теперь хаотично несутся в потоке событий, хотя кое-кто и пытается вывести их на свой курс. «Однако даже эти прожженные негодяи, — подумал он, — наверняка тоскуют по тем золотым временам».

Его кардийская изобретательность, помноженная на необходимость выживать во враждебно настроенной Македонии, всегда приносила плоды. Вот и сейчас на Эвмена снизошло одно из тех озарений, что даже в более пиковых ситуациях помогали ему уцелеть. До полудня было еще далеко, и поднявшееся над Кипром светило ласково согревало прохладный воздух. Эвмен побрился, облачился в чистую, но не парадную одежду и крикнул глашатая.

— Труби сигнал сбора военного совета, — сказал он.

Слугам было велено произвольно, без оглядки на звания и чины, расставить возле палатки табуретки и походные стулья. Когда суровые старейшины аргираспидов удосужились-таки собраться, Эвмен вежливым жестом предложил им рассесться. Подойдя к оставшемуся свободным стулу, он оперся на его спинку и заговорил:

— Почтенные командиры, я созвал вас сегодня, чтобы сообщить важную новость. Я получил странное предзнаменование.

Как он и предвидел, наступила мертвая тишина. Старые воины суеверны, как мореходы. Все они хорошо понимали, что значит удача для человека во время войны.

— Не знаю, Гипнос ли посетил меня этой ночью, но на рассвете я увидел удивительный сон. Более реальный, чем сама явь. Меня кто-то позвал. Я узнал этот голос, он принадлежал Александру. Сам Александр сидел в моей палатке, на том самом стуле, Тевтам, где сейчас сидишь ты. Я услышал, как он окликнул меня: «Эвмен!»

Все командиры напряженно подались вперед. Грубые узловатые руки Тевтама благоговейно огладили простые сосновые подлокотники, на ко-

торых они возлежали, будто весь стул под ним превратился в магический оберег.

— Я умолял Александра простить меня за то, что заснул в его присутствии, умолял так, словно царь был еще жив. На нем была белая мантия с пурпурной каймой и золотая корона. «Начнем государственный совет, — сказал он. — Все ли явились?» И он огляделся вокруг. Потом вдруг оказалось, что это уже не моя палатка, а шатер, отвоеванный им у Дария. Александр сидел на своем троне в окружении телохранителей. И вы тоже были там, ожидая, когда он заговорит, вместе с другими военачальниками. Александр наклонился к нам и что-то сказал, но тут я проснулся.

Прекрасно владеющий ораторскими приемами грек сейчас намеренно не прибег к ним. Он держался как человек, старающийся вспомнить нечто важное для себя и для прочих. Это сработало. Командиры переглядывались друг с другом, но не с недоверием, а лишь с задумчивым удивлением, явно пытаясь понять значение столь необычного сна.

— Мне кажется, — продолжил Эвмен, — я догадался, чего хотел Александр. Он тревожится за наше будущее. И желает присутствовать на во-

енном совете. Если мы обратимся к нему, он нам подскажет, как правильно поступить.

Грек умолк в ожидании вопросов, но собравшиеся лишь пробурчали что-то себе под нос.

— Возможно, нам стоит потратиться, чтобы принять его. У нас ведь есть золото Кинды, сбереженное благодаря вашей доблести. Пусть искусные ремесленники сделают золотой трон, скипетр, корону. Давайте поставим подобающую палатку, положим на трон царские регалии и воскурим благовония, призывая дух Александра. Признав его нашим главнокомандующим, мы обретем шанс получить его мудрый совет.

Судя по напряжению, сковавшему хмурые, покрытые шрамами лица, командиры всерьез обдумывали предложение. Похоже, грек не пытается набить себе цену и не намеревается вытряхнуть их кошельки. Если Александр и явился ему, то, наверное, потому, что знал его лучше прочих. К тому же неподчинения этот царь не терпел, об этом тоже следует помнить.

Через неделю в новой палатке уже стоял золотой трон с царскими регалиями. Нашлось даже немного пурпура, чтобы выкрасить балдахин. Когда настало время идти в Финикию, командиры опять собрались, чтобы обсудить детали

предстоящей кампании. Прежде чем занять свое место, каждый ветеран сжег щепотку ладана на походном маленьком алтаре со словами: «Божественный Александр, помоги нам!» А после все они единогласно одобрили план Эвмена как провозвестника воли небес.

Не имело значения, что практически никому из них не посчастливилось лицезреть Александра на троне. Они привыкли видеть молодого царя в старой кожаной кирасе и сверкающих наголенниках. Этот храбрец не надевал даже шлема, чтобы все узнавали его, когда он объезжал войска перед битвой, напоминая о прежних победах и подсказывая, как одержать новую. Их совершенно не волновало, что местные золотых дел мастера не отличались выдающимися талантами. Блеск золота и запах курящегося ладана пробудили в них достаточно яркие воспоминания, ранее скованные многолетней усталостью и занесенные наслоениями былого, являвшего собой череду нескончаемых битв. Триумфальное продвижение золотой колесницы сквозь рукоплещущую толпу, усыпанные цветами улицы Вавилона, торжественные звуки фанфар, хвалебные песнопения, дым ритуальных курильниц и благодарственные пеаны — все это

словно бы вновь стало явью. И почтительно взирая на пустой трон, эти люди, возможно, верили, что обретают всегдашнюю несокрушимость.

317 год до н. э.

Весеннее солнце обогрело холмы и горы, напоив мир талой водой, но взбухшие горные реки вмиг унесли ее. Раскисшие было дороги просохли. Земля опять стала пригодной для войн.

Во главе военного флота, предоставленного ему Антигоном, Кассандр пересек Эгейское море и высадился в Пирее, афинском порту. Еще при жизни отца он послал своего человека командовать расположенным там гарнизоном и потому не встретил сопротивления. Афиняне продолжали дотошно обсуждать царский указ о возвращении им былых свобод, когда порт наводнили словно бы невесть откуда взявшиеся войска.

Узнавший об этом Полиперхон срочно бросил к Афинам отборные македонские подразделения под командованием своего первенца Александра, но почему-то дело у того не пошло, и тогда опекун двух царей сам решил выправить положение. Отдав приказ готовиться к выступлению, Полиперхон отправился во дворец.

Эвридика приняла его с холодком, вознамерившись всеми правдами и неправдами утвердить

свое право присутствовать на государственных заседаниях. Полиперхон не менее холодно осведомился, пребывает ли царская чета в добром здравии, выслушал рассказ Филиппа о петушиных боях, куда Конон недавно водил его, а потом сказал:

— Государь, я пришел сообщить тебе, что вскоре мы выступаем на юг. Нам нужно урезонить Кассандра, предавшего нашу страну. Армия двинется в путь через семь дней. Пожалуйста, прикажи слугам собрать тебя в дорогу. А с конюхами я сам все улажу.

Филипп радостно закивал. Он провел в походах полжизни и считал это нормальным. Правда, не очень понятно, с кем надо воевать, но Александр тоже редко снисходил до разъяснений.

— Я поеду на Белоногой, — заявил он. — А ты, Эвридика?

Полиперхон слегка откашлялся.

— Государь, мы отправляемся на войну. Госпожа Эвридика, конечно же, останется в Пелле.

— Но я могу взять с собой Конона? — встревоженно спросил Филипп.

— О, без сомнения, государь.

Полиперхон даже не взглянул в ее сторону.

Возникла пауза. Полиперхон ждал грозы.

Но Эвридика ничего не сказала.

По чести говоря, ей даже в голову прийти не могло, что ее могут не взять на войну. Ее, просто изнывавшую во дворце от тоски, ее, так мечтавшую о привольной лагерной жизни! В первый момент, осознав, что ей уготована традиционная женская участь, Эвридика, в соответствии с самыми крайними опасениями Полиперхона, жутко разгневалась и уже готова была разразиться возмущенной тирадой, но вдруг припомнила о своей молчаливой договоренности с Кассандром. Разве сможет она повлиять на что-либо, таскаясь под постоянным приглядом за войском? Зато здесь, когда все соглядатаи отправятся на войну, у нее будут развязаны руки…

Эвридика подавила свой гнев, изобразив легкое недовольство, и промолчала. Чуть позже, впрочем, она запоздало обиделась на Филиппа. «Надо же, он предпочел выбрать в спутники Конона. И это после всего, что я сделала для него!»

Полиперхон тем временем отправился в другое крыло дворца, куда в свои зрелые годы переселился отец нынешнего Филиппа, перестав делить ложе с Олимпиадой. Хорошо обустроенные и даже в какой-то степени изысканно отделанные покои вполне удовлетворяли вкусу Роксаны,

да и маленький Александр прекрасно там себя чувствовал. Все окна выходили в старый сад, который, когда потеплело, стал его любимым местом для игр. На сливовых деревцах уже лопались почки, в загустевшей траве одна за одной расцветали фиалки.

— Учитывая нежный возраст царя и привязанность его к матери, — сказал Полиперхон, — я решил не подвергать мальчика трудностям походной жизни. Но во всех подписанных мной договорах или выпущенных эдиктах его имя, разумеется, будет указываться наряду с именем царя Филиппа, как если бы он также дал на них свое одобрение.

— Значит, — спросила Роксана, — Филипп отправится с вами?

— Да, поскольку он зрелый мужчина.

— Тогда, наверное, он поедет с женой? — повысив голос, поинтересовалась она. — Ведь ему нужен уход.

— Нет, госпожа, война не женское дело.

Мгновенно сообразив, чем это может грозить, бактрийка вытаращила свои черные глаза и закричала:

— Какой ужас! Кто же тогда защитит меня и моего сына?

Что имеет в виду эта глупая женщина? Полиперхон раздраженно сдвинул брови и ответил, что для защиты Македонии останется отлично обученный гарнизон.

— Македонии? А кто пресечет злые происки под этим кровом? Эта волчица только и ждет твоего отъезда, чтобы убить нас.

— Госпожа, — заносчиво произнес посетитель, — мы тут не в варварской Азии! Царица Эвридика, как внучка двух македонских монархов, подчиняется македонским законам. Даже если бы у нее возникло столь низменное желание, она не посмела бы воплотить его в жизнь. Маленькому Александру ничто не грозит. Она же не самоубийца.

Морща лоб, он покинул дворец. Ох уж эти женщины! Им кажется, что военный поход — это праздничная прогулка. Собственное, не лишенное остроумия заключение слегка позабавило Полиперхона, но ничуть не облегчило бремя его забот. После нового декрета почти по всем греческим городам прокатились волнения, грозившие перерасти в гражданские войны, поэтому вознамерившиеся остановить Кассандра войска могли нарваться на любые неожиданности и осложнения, исходя из чего все попытки бак-

трийки заставить его держать в поле зрения еще и какую-то властолюбивую интриганку попросту смехотворны.

Через неделю македонское войско выступило из Пеллы. С балкона царской опочивальни Эвридика видела, как оно строилось на большом поле, где сначала Филипп, а потом Александр некогда занимались муштровкой солдат. Она проводила взглядом уходящую на юг колонну, которая по прибрежной дороге медленно огибала лагуну.

Когда за воинскими частями потащился громыхающий тыловой обоз, девушка попыталась окинуть мысленным взором страну, которая, вне сомнения, вскоре будет принадлежать ей. Где-то за цепью ближних холмов находится дом отца. Там она росла, там Кинна обучала ее военным искусствам. Став царицей, она продолжит тренироваться, но уже в своих личных угодьях.

Эвридика лениво перевела взгляд на великолепный фасад дворца с расписным фронтоном и цветными мраморными колоннами. По ступеням широкой лестницы спускался грек Кеб со своим воспитанником, маленьким Александром, волочившим за собой на красной уздечке игрушечную лошадку. Теперь-то ясно, что сынку этой дикой бактрийки в Македонии не обломит-

ся ничего. Однако как же Кассандр собирается устранить его? Она в задумчивости свела брови.

Прячущейся за занавеской Роксане надоело таращиться на вереницу телег: слишком часто в последние десять лет она видела эту картину. Ее взгляд рассеянно скользнул в сторону, потом упал на балкон, где, бесстыдно выставив себя на всеобщее обозрение, точно выискивающая любовника шлюха, стояла мужеподобная супруга Филиппа. На что это она смотрит? Слух Роксаны уловил безмятежный щебет своего чада. Ну конечно, именно на него эта дрянь и уставилась. Быстро осенив сына знаком, отвращающим дурной глаз, Роксана бросилась к заветной шкатулке. Где же тот серебряный амулет, что подарила ей мать для защиты от козней гаремных соперниц? Мальчик должен носить его не снимая. Возле шкатулки лежало письмо из Эпира. С царской печатью. Роксана перечитала его и поняла, как ей быть.

Кеба долго уламывать не пришлось. Времена были непредсказуемыми, как и его туманное будущее. Вполне можно поверить, что отпрыску Александра грозит нечто более ужасающее, чем ласки его сумасшедшей мамаши. Да и на Роксану он смотрел теперь по-иному, ведь она тоже

нуждалась в защите. Однажды ее красота, затмив свет факелов в главном зале лепившейся к краю пропасти крепости, словно огненная стрела, ослепила Александра и поразила его в самое сердце. С тех пор, правда, прошло одиннадцать лет, но бактрийка заботилась о своей внешности и по-прежнему слыла красавицей, которой нет равных. И молодому честолюбивому человеку стало не без оснований казаться, что его тоже причислят к героям, которым нет равных, если он спасет любимую женщину Александра и его единственного наследника.

Именно Кеб подобрал крепких носильщиков для паланкина и вооруженный конвой из четырех человек; все поклялись ему хранить тайну. Он же раздобыл четырех мулов и отправил вперед верхового гонца, чтобы тот сообщил о скором прибытии царственных беженцев. Через два дня в предрассветных сумерках они уже ехали по горной дороге к Додоне.

Дом царей Эпира имел очень крутую крышу, чтобы зимой было удобнее сбрасывать с нее снег. Молоссиане не устраивали на кровлях никаких наблюдательных площадок, и Олимпиада просто стояла у окна царской спальни, куда она перебралась после отбытия дочери. Ее взгляд

был прикован к струйке дыма, поднимавшейся над вершиной ближайшего холма. Она знала, что точно так же курятся сейчас и вершины холмов, чередой уходящих к востоку, где по ее приказу возжигались костры, сообщавшие о продвижении невестки и внука. Увидев сигнал, она тут же кликнула начальника дворцовой стражи и приказала ему выслать им навстречу эскорт.

Олимпиада смирилась со своим возрастом. В месяц траура по Александру она отказалась от притираний и покрыла голову темным платком, чтобы совлечь его уже с окончательно побелевших, но все еще шелковистых волос. Всю свою жизнь она была стройной, а после шестидесяти исхудала и вовсе. Ее тонкая розоватая, как у всех рыжеволосых людей, кожа побледнела и высохла, но потеря цвета лишь подчеркнула великолепие черт ее лица, а дымчато-серые глаза под седыми бровями все еще угрожающе полыхали.

Вот он и близится, этот день, и его, вне сомнения, можно назвать долгожданным. Осознав во всей полноте, какое опустошение произвела в ней смерть Александра, Олимпиада вдруг страстно возжаждала прикоснуться хотя бы к ка-

кому-нибудь существу, в котором есть капелька сыновней крови. Но тогда этот ребенок еще не родился, а ожидание не умаляло боли утраты. Возвращение армии все откладывалось, и со временем ее страстное желание притупилось, зато вернулись сомнения. Мать единственного, как потом оказалось, наследника Македонского царства была просто дикаркой, походной женой, сына которой Александр даже и признавать-то не собирался, надеясь, что дочь великого Дария разродится мальчишкой. Александр сам сообщил о том Олимпиаде в секретном письме. Да и может ли что-то отцовское передаться отродью какой-то бактрийки?

Потом мальчика привезли в Македонию, а давняя вражда с Антипатром оставила Олимпиаде только два пути возвращения в Пеллу: полное подчинение или война. Первое было просто невообразимо, а от войны она отказалась, вняв совету Эвмена. Наконец Роксана прислала письмо, умоляя свекровь о прибежище, и Олимпиада ответила: «Жду».

Наутро конный отряд прибыл в Додону. Выносливые малоссиане на низкорослых косматых лошадках, две растрепанные придворные дамы на спотыкающихся ослах и крытый паланкин,

влекомый упряжкой мулов. Пристально глядя на паланкин, Олимпиада поначалу не заметила мальчика лет шести, сидящего на лошади перед молодым верховым. Всадник спустил маленького путешественника на землю и наставительным тоном сказал ему что-то. Решительно, уже весьма твердой и никак не детской походкой мальчик поднялся по ступеням и, отсалютовав по-военному, произнес:

— Долгих тебе лет жизни, бабушка. Я Александр.

Не обращая внимания на почтительное бормотание вновь прибывших, она обхватила узкие плечи, поцеловала потемневший от дорожной пыли лоб и, отстранившись, внимательно посмотрела на внука. Кеб оправдал доверие Антипатра. Сын Александра уже не походил на пухлого неженку из гарема. Олимпиада увидела красивого юного темноглазого азиата изящного телосложения с правильными чертами лица. Явно от матери достались ему прямые и черные как вороново крыло волосы, но аккуратная, спускающаяся на затылок грива была как у Александра. Мальчик взглянул на нее из-под тонких темных бровей, взмахнув длинными, отливающими синевой ресницами,

и, хотя в нем совсем не угадывалось ничего македонского, она вдруг узнала своего Александра в пристальном и серьезном взгляде глубоко посаженных глаз. Впечатление было настолько сильным, что ей с трудом удалось справиться с нахлынувшими воспоминаниями. Придя в себя, она погладила тонкую ручку:

— Добро пожаловать, дитятко. Ступай, приведи ко мне свою мать.

Дороги из Пеллы в Южную Грецию пригладили и подновили еще при Филиппе для удобного и быстрого продвижения войск. А дороги на запад, в Эпир, остались такими, какими и были. И поэтому, несмотря на разницу в расстоянии, Полиперхону в Пелопоннес и Олимпиаде в Додону примерно одновременно доставили сообщение о том, что Эвридика взяла полномочия регента Македонии на себя.

Вдобавок Полиперхон получил заверенный новой регентшей указ, предписывающий ему передать в руки Кассандра командование македонскими войсками на юге.

Онемев на какой-то миг от такой наглости, этот бывалый солдат быстро взял себя в руки и, не оглашая послания, предложил гонцу вина, после чего поинтересовался последними

новостями. Оказалось, что царица созвала весьма представительное собрание и произнесла перед ним вдохновенную речь. Она сообщила, что хорошо известная всем бактрийка, страшась народного гнева, сбежала вместе со своим отпрыском, однако это, возможно, и к лучшему, ибо у них ни на что тут нет прав. Все, кто знал Александра, подтвердят в один голос, что бактрийский мальчишка ничуть на него не похож. И родился он уже после смерти царя, так что даже формально тот не признал его своим сыном. В то время как сама Эвридика принадлежит к царскому роду с обеих сторон — с отцовской и материнской.

Собрание поначалу пребывало в сомнениях. Однако притязания выступающей поддержал Никанор, брат Кассандра, а заодно с ним и весь их клан. В итоге большинством голосов Эвридику избрали регентшей. Она сразу развила бурную деятельность; для начала приняла и выслушала всех послов, затем встретилась с подателями петиций — в общем, стала вести себя как подлинная царица.

Полиперхон поблагодарил гонца, отпустил его и, облегчив проклятиями свою душу, погрузился в раздумья. Вскоре он уже знал, как ему посту-

пить и как обойтись с недоумком Филиппом.

Он очень надеялся, что, выйдя из-под влияния не в меру амбициозной жены, Филипп станет более управляемым, но ошибся. Сначала царь и впрямь выказал кротость, причем вроде бы даже достаточную, чтобы принять делегацию из Афин. Велик ли труд с внушительным видом посидеть на троне под золотым балдахином? Однако во время речи одного из послов Филипп вдруг захихикал над каким-то иносказанием, восприняв его слишком буквально, короче, он вел себя как дитя. А чуть позднее, когда Полиперхон, отстаивая свою точку зрения, бросил этому делегату довольно резкий упрек, царь схватил церемониальное копье и непременно пронзил бы ни в чем не повинного афинянина, если бы опекун не успел его обезоружить. Кстати сказать, с превеликим трудом.

— Но ты же сам заявил, что он обманщик, — упирался Филипп.

Делегацию пришлось отпустить, не решив наболевших вопросов. Царские выходки были оплачены политическим крахом и жизнями нескольких человек.

Тогда-то Полиперхону и стало ясно, что Филипп годится лишь на то, чтобы греть трон для быстро

подрастающего сынка Александра. А что касается Эвридики, то столь откровенная узурпация власти отнюдь не сулит ей безоблачных перспектив.

Вызванный Конон быстро явился и отсалютовал с непроницаемой миной. Его выразительное молчание после особенно глупых проделок Филиппа, в сущности означавшее: «Я же предупреждал», уже давно злило Полиперхона. Тем приятнее ему будет сбыть эту парочку с рук.

— Я принял решение, — сказал он, — отправить царя в Македонию.

— Да, господин командующий.

И полководец, и старый солдат понимали, что за этим стоит. Поход не задался, осада Мегалополя развалилась, Кассандр по-прежнему хозяйничает в Пирее и вполне может ворваться в Афины, после чего его сторону примут все греческие города. Но к чему об этом говорить, к чему толочь воду в ступе?

— Я дам вам эскорт. Скажешь царице, что царь опять поступает в ее полное распоряжение.

— Да, — с облегчением повторил Конон и удалился.

Он не задумываясь предрек бы все это, если бы его спросили. Но его не спросили, зато теперь,

кажется, у всех появилась возможность спокойно налаживать мирную жизнь.

Эвридика сидела за массивным, богато инкрустированным столом, покоящимся на львиных лапах из позолоченной бронзы. Около века назад царь Архелай пожелал иметь кабинет, отделка и обстановка которого ошеломляла бы чужеземцев. Именно здесь Филипп Второй, когда бывал во дворце, решал многие государственные дела, стремясь привести Македонию к процветанию за счет обширных завоеванных им территорий, именно отсюда молодой Александр диктовал Греции свою волю. Но с тех пор, как Александр сделал центром мира свой походный шатер, ни один царь не опускался в рабочее кресло под великолепной фреской Зевксиса, изображавшей Аполлона в окружении девяти муз. Антипатр, свято чтущий традиции, правил подвластными ему городами-государствами из своего особняка. Поэтому Эвридика не обнаружила в идеально прибранном помещении никаких следов чьего-либо пребывания.

Кабинет пустовал семнадцать лет, и ей тоже было семнадцать. Он словно ждал ее, и теперь только она будет всем здесь единовластно распоряжаться.

Созвав собрание, чтобы заявить о своих правах на регентство, Эвридика не предупредила о своих намерениях Никанора, сообразив, что, не имея времени на раздумья, тот волей-неволей поддержит ее, чтобы не повредить делу брата. Впоследствии она отблагодарила его, но решительно пресекла все попытки давать ей советы. Новая властительница Македонии способна править по собственному разумению.

В ожидании известий с юга бульшую часть времени Эвридика посвящала своим излюбленным военным занятиям. Проезжая мимо кавалерийских отрядов и пехотных фаланг, салютующих ей поблескивающими сариссами, дочь Кинны чувствовала, что наконец-то она отвечает своему истинному назначению и что судьба улыбается ей. Она отлично разбиралась в тонкостях воинской подготовки и, если надо, могла что-нибудь подсказать; она знала толк как в шагистике, так и в приемах рукопашного боя. Воинов все это повергало в приятное удивление. В конце концов, решили они, в Пелле остался лишь крепостной гарнизон. Если вернется кто-то из полководцев, то он, разумеется, примет командование на себя, а пока можно потешить царицу. И даже ворчуны-ветераны,

смирившись со сложившейся ситуацией, снисходительно выполняли ее указания.

Слава о ней быстро распространялась. Всюду судачили о царственной воительнице Эвридике. Придет время, и Македония станет чеканить монеты с изображением всеобщей любимицы. Кому что нравится, разумеется, а ей лично надоело видеть на них горделивое длинноносое лицо Александра, героя, обернутого львиной шкурой. Пора Гераклу уступить место Афине, богине военной мощи.

Со дня на день она ждала известия, что Полиперхон, согласно ее приказу, наконец соизволил передать руководство войсками Кассандру. Но пока сообщений об этом не поступало. Зато неожиданно, словно снег на голову, в Пеллу прибыл Филипп. Он не привез никаких официальных посланий и понятия не имел, куда делся его опекун.

Пребывая в полнейшем восторге от возвращения в Пеллу, муж без устали тараторил о своих приключениях на войне, хотя все его знания о поражении при Мегалополе ограничивались тем, что плохие люди рассыпали вокруг крепости множество острых шипов и слоны повредили ноги. Тем не менее Эвридика терпеливо вслу-

шивалась в его бессвязную болтовню, надеясь выудить из нее хоть что-то ценное. Потом ей это обрыдло, хотя он похвалялся, что присутствовал на военных советах. Один, без Конона. Но, закрутившаяся в бесконечных заботах, она перестала смотреть в его сторону. Лишь изредка интересовалась, где именно он побывал. В основном жизнью и развлечениями Филиппа теперь ведал Конон. Издавая приказы, Эвридика уже не предлагала ему подписать их и всюду ставила лишь свое имя.

До поры все шло гладко. Новоявленная регентша поднаторела в улаживании македонских проблем, о которых обычно ей лично докладывали прибывавшие со всех концов Македонии податели петиций. Но внезапно на нее обрушился целый поток срочных дел, хлынувший как с юга Греции, так и из Азии. Раньше ей как-то и в голову не приходило, что всеми этими вопросами от имени Филиппа занимался опекавший его Полиперхон. Теперь Филипп был при ней, а Полиперхон по весьма разумным причинам предпочитал где-то скрываться.

В полном смятении разглядывала Эвридика прошения из совершенно неведомых ей городов и сатрапий, претендовавших на справедливое

разрешение своих споров. В одной огромной груде валялись засаленные земельные иски, аккуратно оформленные донесения о правонарушениях, неряшливые отчеты захолустных чиновников, хорошо пахнущие, но очень длинные и совершенно непостижимые послания от жрецов основанных Александром храмов, желающих уточнить порядок проведения ритуалов. Азиатские сатрапы докладывали о вторжении Антигона, гневные жалобы шли из греческих полисов от македонских ставленников, либо изгнанных, либо смещенных в соответствии с новым царским указом, подписанным Полиперхоном. Зачастую она не могла даже просто понять, о чем идет речь, из-за многочисленных сокращений. Озирая в беспомощном недоумении все это скопище документов, дочь Кинны неохотно подумала, что, должно быть, на нее свалилась сейчас лишь малая толика того, над чем Александру приходилось корпеть в редкие часы отдохновения от своих воинских грандиозных свершений.

Государственный секретарь, хорошо разбиравшийся в подобных вещах, убыл с Полиперхоном, оставив за себя лишь писца. Эвридика решила вызвать этого мелкого служащего и попытаться

вдвоем с ним справиться с тем, о чем она в своем невежестве не имела ни малейшего представления. Она потрясла серебряным колокольчиком, на звон которого к ее деду являлся в свое время Эвмен.

Никто не шел. Где же этот лентяй? Она вновь позвонила. Из-за двери донесся какой-то приглушенный спор. Наконец вошел трясущийся писарь. Малый даже не извинился за задержку и не поинтересовался, зачем его, собственно, вызвали. На бледном лице застыло отчаяние смертельно испуганного человека, которому уже ничто не в силах помочь.

— Государыня, к западным границам подошло чье-то войско.

Эвридика выпрямилась, сверкнув глазами. Македонские цари издревле гордились своим умением вести пограничные войны. Она уже видела себя в боевых доспехах впереди конной лавины, несущейся к оцепеневшим от страха врагам.

— Иллирийцы? Где они?

— Нет, государыня. Солдаты подошли с юго-запада. Из Эпира. Не желаешь ли поговорить с вестником? Он утверждает, что привел их Полиперхон.

Она откинулась на спинку кресла, попирая своим хладнокровием трусость писца.

— Да, я поговорю с ним. Зови.

Встревоженный и пропыленный солдат прибыл из крепости на Орестидских холмах. Он попросил прощения за долгое пребывание в дороге. Лошадь его неожиданно охромела, и ему пришлось добираться на муле, единственной убогой скотине, какую удалось раздобыть. Целый день, считай, был потерян. Солдат, виновато помаргивая, вручил Эвридике послание от начальника гарнизона, но видно было, что юный возраст царицы его изумил.

Полиперхон, расположившись у границы, возгласил через глашатаев, что пришел восстановить права сына Александра. Проживавшие в тех краях родичи своевольного генерала мигом присоединились к нему. А из орестидского гарнизона народ, к сожалению, побежал, от оставшихся солдат мало проку. Короткое и сухое послание почти не скрывало намерения сдать крепость.

Отпустив гонца, Эвридика задумчиво устремила взгляд в дальний конец кабинета. Там высилась бронзовая статуя оглядывающегося через плечо юноши с лирой. Чем-то схожий с Гермесом атлет стоял недвижно на постаменте из кра-

сивого зеленого, добываемого лишь в Аттике камня, его мускулистая основательная фигура казалась тяжеловесной для взора, привыкшего к современной воздушности форм. Едва уловимая меланхолия в выражении бронзового лица однажды побудила ее спросить у старого дворцового управляющего, что это за статуя. Выяснилось, что изваял ее сам Поликлет, знаменитый греческий скульптор, и что моделью ему служил какой-то афинский воин. Судя по слухам, она была сработана во времена так называемой великой осады, когда спартанцы разбили заносчивых афинян. Нет сомнений, что посредникам царя Архелая удалось приобрести ее по дешевке: в те годы многое шло с молотка.

На дочь Кинны взирали молочно-белые стеклянные глаза с синими лазуритовыми зрачками. Опушенные тонкими бронзовыми ресницами, они словно предупреждали: «Осторожнее! Я уже слышу поступь судьбы».

Поднявшись с кресла, она встала перед изваянием.

— Вы проиграли. Но я намерена выиграть.

Совсем скоро она отдаст приказ собирать армию и готовиться к выступлению. Но прежде надо написать Кассандру и призвать его на по-

мощь.

В южную сторону кони скачут быстрее, чем на север. Письмо царицы доставили через три дня.

Войско Кассандра стояло в Аркадии под упорно сопротивлявшейся крепостью. Разрушив ее, он пойдет дальше и покорит всех спартанцев, давно переставших жить по заветам своих героических предков. Их некогда гордо открытая всем ветрам света столица, объявившая своим главным прикрытием одни только воинские щиты, теперь пряталась за крепкими стенами, но трусы были обречены. Кассандру не составит труда победить их.

Афины уже прислали к нему своих послов с просьбой сообщить, кого бы он хотел видеть во главе городского правления. Кандидатура у него имелась. Этот пост рассчитывал получить начальник гарнизона Пирея, так вовремя распахнувший ворота афинского порта, но Кассандру вдруг показалось, что тот слишком возомнил о себе, и он велел тихо убрать его где-нибудь в закоулке. А новым правителем Афин стал безобидный и послушный грек. «Вскоре, — подумал Кассандр, — мне надо будет наведаться и в Ликей. Там тоже ждет одно важное дельце».

Конечно, Эвридика поступила достаточно опрометчиво, назначив Кассандра верховным командующим всех македонских полков, но в связи с этим многие колеблющиеся греки перешли на его сторону. Даже те, что успели убить своих олигархов и восстановить демократию, призадумались, не пойти ли им на попятный. Кассандру хотелось как можно скорее разделаться с южными городами; эта война интересовала его единственно как средство достижения политических целей. Он никогда не пасовал перед трудностями и, будучи опытным стратегом, умел подчинять своей воле людей, но и только. С юных лет его тайно сжигала острейшая зависть к магии Александра. Никто не будет до хрипа орать ему приветствия, никто не почтет за честь умереть за него, его подручные будут делать лишь то, за что им заплачено. «Ничего, — подумал он, — я сумею переиграть этого самодовольного лицедея. Мы еще посмотрим, какой славой увенчают его новые времена».

Не особенно удивило Кассандра и то, что Полиперхон решил отступить и увел свою армию в северном направлении. Старый выдохшийся неудачник. Пусть себе бежит домой, поджав хвост, пусть забьется там в свою конуру.

Но послание Эвридики его просто ошеломило. В нем он нашел одну глупость и безрассудство. Если бы она просто дала волю гневу, он бы понял ее. Но зачем сейчас ополчаться на малолетнего отпрыска Александра? Какой в этом смысл? Более основательный в своих планах Кассандр намеревался, устранив с пути Филиппа, править поначалу от имени этого несмышленыша. До его зрелости у них с Эвридикой было бы предостаточно времени. Любой человек, знакомый с азами дворцовых интриг, стал бы терпеливо дожидаться своего часа, а она вместо этого ввергла теперь всю страну в дурно пахнущую войну за наследство. Неужели эта взбалмошная девчонка никогда не заглядывала в исторические труды? Родителям следовало бы получше следить за ее воспитанием.

И Кассандр принял решение. Его ставка была неудачной. Если лошадь под тобой ненадежна, от нее нужно избавиться. Тогда все пойдет как по маслу.

Он сел писать Никанору.

Подбадриваемое пронзительными и резкими звуками задающих ритм флейт и авлосов царское войско под развевающимися знаменами и штандартами Македонии продвигалось к Эпиру.

Лето было в разгаре. Тимьян и шалфей, примятые копытами лошадей и солдатскими сапогами, насыщали воздух пряными ароматами, разросшийся папоротник доходил пехотинцам до пояса, в дымчатом вереске на полянах пламенели вкрапления багровеющего щавеля. Гребни начищенных шлемов были украшены конским волосом и победно сверкали, яркие флажки трепетали на концах длинных сарисс — все сияло, все радовало глаз в этом нескончаемом разноцветном потоке, то расползавшемся по извивам горных дорог, то опять собиравшемся воедино. Юные пастухи с высившихся впереди скалистых утесов громкими криками предупреждали местных жителей о приближении войска, в то время как мальчишки помладше спешили помочь своим старшим братьям загнать овец дальше в лес.

Во главе конницы в отполированных до блеска доспехах ехала Эвридика. Пьянящий воздух будил ее самые дерзновенные мысли; сбегающие вниз к долинам луга представлялись неведомыми мирами, которые ей предстояло завоевать. Воинственная по натуре и воспитанию, она всегда верила в свою избранность и даже, как это было принято у властителей Македонии, обзавелась отрядом Соратников, перед походом

сообщив им, что после успешного окончания войны с западными изменниками они будут щедро вознаграждены. Неподалеку, возглавляемые Никанором, ехали родичи Антипатра. Вкупе со своими приверженцами они составляли очень надежный и очень мощный отряд.

Кассандр так и не появился, известий от него тоже не было. Очевидно, предположил Никанор, с курьером, к нему посланным, что-то стряслось. Не мешало бы послать второго гонца, что Эвридика и сделала. Кроме того, Пелопоннес не так мал, а брату обычно не сидится на месте, и это тоже могло стать причиной задержки. Во всяком случае, сказал Никанор, он лично уверен, что Кассандр одобрил бы его действия, иначе он, Никанор, остался бы дома.

Рядом с Эвридикой ехал Филипп на крупной спокойной лошади; его также принарядили в доспехи. Он все-таки оставался царем, и людям приятно было сознавать, что он с ними. А когда они приблизятся к неприятелю, его можно будет оставить в базовом лагере при обозе.

Продвигаясь вперед вместе с армией, Филипп пребывал в безмятежном и радостном настроении. Едва ли он мог уже вспомнить те времена, когда ему жилось по-другому. Конон, как и по-

ложено, отставал от него на полкорпуса. Много лучше было бы ехать бок о бок, ибо Филипп любил делиться дорожными впечатлениями, но и Эвридика, и Конон в один голос твердили, что ему не подобает так вести себя на глазах у солдат. Филипп вздохнул. Он все еще смутно скучал по тем давно минувшим дням, наполненным всяческими сюрпризами и чудесами, когда его навещал Александр.

Конон был погружен в свои размышления. Он также сожалел о том, что Александр окончил свой земной путь, но по более веским причинам. С тех самых пор, как его молодой господин Арридей стал царем Филиппом, старик понимал и даже был совершенно уверен, что однажды произойдет то, что происходило сейчас. «Что ж, — подумал он, — не зря говаривали в старину: вчерашнего не догонишь, от завтрашнего не уйдешь. Мне скоро шестьдесят, мужчины редко живут дольше».

На гребне маячившего впереди хребта промелькнула темная фигура всадника. Разведчик, подумал Конон. Интересно, обратила ли на него внимание юная амазонка? Он глянул на бегущую неторопливой трусцой царскую лошадь, на блуждающую по простодушному лицу Фи-

липпа полуулыбку, явно навеянную каким-то приятным воспоминанием. Ей следовало бы получше о нем заботиться. Если бы, скажем, она…

Эвридика тоже обратила внимание на темную фигуру. Она и сама уже давно выслала вперед патрульных. Только они почему-то еще не вернулись. И она послала им вслед новую пару всадников. Армия продолжала свой блистательный марш под бодрые наигрыши флейтистов.

Вскоре разведчики доберутся до перевала, а затем и сама она поднимется наверх и окинет взглядом развернувшуюся перед ней панораму. Дочь Кинны знала, что именно так должны поступать военачальники. Если враг окажется в зоне видимости, она первым делом оценит его диспозицию, а потом созовет военный совет, чтобы подумать, как лучше расположить свои силы.

Дерда, несколько вялый молодой командир, недавно ставший ее первым заместителем — новое назначение резко возвысило его над тем положением, что он занимал у Полиперхона, — подъехал к ней с хмурым и озабоченным видом.

— Эвридика, патрульным пора бы вернуться. Похоже, они попали в ловушку. Не следует ли нам проверить высокогорье? Чтобы не рисковать лишний раз.

— Да? — Этим чудесным прохладным утром ей представлялось, что столь замечательный марш будет длиться и длиться, пока она сама не решит, где развернуть фронт. — Что ж, тогда мы с конницей проедем вперед и будем охранять перевал, ожидая подхода пехоты. Перестрой эскадроны, Дерда. Ты возьмешь на себя левый фланг, а я, разумеется, правый.

Она продолжала отдавать приказы, когда до нее донеслось резкое протестующее покашливание. Вздрогнув, Эвридика в смущении обернулась.

— Госпожа, — спросил Конон, — а с кем поедет царь?

Она раздраженно прищелкнула языком. Лучше бы он сидел сейчас в Пелле.

— Ну… поезжай с ним обратно к обозу. Пусть там для вас поставят палатку.

— А что, будет сражение? — встрял в разговор Филипп. Вид у него был весьма заинтересованный.

— Да, — спокойно сказала она, подавив бесполезное раздражение. — Отправляйтесь пока в лагерь и дожидайтесь нашего возвращения.

— Но, Эвридика, почему же и ты прогоняешь меня? — с необычайной порывистостью

спросил вдруг Филипп. — Мне еще ни разу не приходилось сражаться. Александр никогда не разрешал мне. Никто ничего мне не разрешает. Ну пожалуйста, позволь мне поехать с тобой. Посмотри, у меня ведь есть меч.

— Нет, Филипп, не сегодня.

Эвридика повелительно махнула рукой Конону, но тот словно не видел ее жеста. Внимательно оглядев своего господина, старик перевел взгляд на госпожу. После задумчивой паузы он сказал:

— Государыня, раз уж царь сам изъявляет желание… Может быть, лучше удовлетворить его?

Она пристально взглянула в печальные, серьезные глаза. И, догадавшись, какие там прячутся мысли, задохнулась от возмущения.

— Да как ты смеешь?! Я приказала бы высечь тебя за дерзость, если бы у меня было время. Но ничего, позже мы еще свидимся. Живо выполняй, что тебе говорят!

Филипп опустил голову. Он понял, что в чем-то провинился и рассердил их. Они не станут его бить, но воспоминание о колотушках, полученных в детстве, было совсем неприятным.

— Прости, — сказал он. — Я надеюсь, ты выиграешь эту битву. Александр всегда выигрывал. До свидания.

Она даже не оглянулась. Не посмотрела, как он уезжает.

Фыркая и возбужденно дергая мордой, ее верная лошадь взлетела на вершину горы. Эвридика погладила крепкую шею, пошевелила густую гриву на холке и положила копье на красный чепрак. Глашатай стоял рядом, держа наготове трубу в ожидании приказа дать сигнал двигаться дальше.

— Погоди! — сказала она. — Сначала я поговорю с воинами.

Прозвучал короткий сигнал, призывающий к тишине. Разглядывающий очередной перевал командир что-то встревоженно сказал, но труба заглушила его слова.

— Воины Македонии!

Голос молодой царицы пронесся над солдатскими головами. С той же звонкостью, с какой он звучал в Египте, Трипарадизе и Пелле, где все эти люди единодушно проголосовали за ее регентство. Скоро им предстоит сражение, но таких закаленных бойцов оно, разумеется, страшить не должно. Им остается лишь подтвердить свою боевую славу.

— Вы храбро дрались, завоевывая чужие страны, но теперь вас ждет гораздо более важная

битва. Теперь вы будете защищать вашу родину, ваших жен и ваших…

Что-то было не так. Люди не проявляли враждебности, но почему-то почти не слушали, глядели куда-то вдаль и переговаривались друг с другом. Внезапно молодой Дерда, вечная озабоченность которого переросла в сильнейшее волнение, выхватил у Эвридики поводья и, развернув ее лошадь, крикнул:

— Смотри!

Весь склон противоположной горы вдруг словно бы потемнел, зашевелился и в один миг ощетинился копьями.

Воины двух армий разглядывали друг друга через поток, узкий и мелкий в это летнее время, но пробегавший по широкому, размытому весенними паводками руслу, которое было сплошь устлано скатывавшимися сверху камнями. Выстроившиеся с двух его сторон всадники с отвращением взирали на полосу опасно острых скальных обломков.

Вершина западного холма, где расположилось войско Эпира, господствовала над перевалом, занятым македонцами. Однако если Полиперхон выставил на обозрение все свои силы, то пехотинцев у него было раза в полтора меньше, хотя

конница выглядела повнушительнее.

Эвридика стояла на скалистом выступе, обозревая место будущей битвы и выбирая, куда выгоднее ударить. Оба вражеских фланга казались соблазнительно обнаженными. На пологих, поросших кустарником пустошах вполне могла развернуться пехота.

— Да, — кивнул Дерда. — Если, конечно, они позволят нашим ребятам добраться туда. Полиперхон, возможно, не столь умен… — «как Александр», хотел он сказать, но вовремя спохватился, — однако опыта у него не отнять.

Полиперхон, в свою очередь, тоже видел, что командиры Эвридики собрались на военный совет. Разговаривая друг с другом, они даже позволяли себе показывать на него пальцами, не испытывая, казалось, особого страха перед близящимся сражением. Интересно, тревожит ли их то, что они вот-вот ринутся убивать своих бывших приятелей и друзей?

— Никанор! — (Покинув свой отряд, тот присоединился к штабной команде.) — Нет ли вестей от дозорных?

Никанор отрицательно помотал головой. Они оставили наблюдателей на высокой вершине, откуда отлично просматривались южные

подступы к пограничным холмам.

— Несомненно, Кассандр подойдет сюда, если что-то не помешает. Возможно, его продвижение замедляют вражеские наскоки. Ты же знаешь, что Полиперхон весьма основательно намутил воду в греческих городах.

Дерда промолчал. Ему не нравилось место, куда Никанор отвел свой отряд, но менять что-то уже не имело смысла.

Эвридика с высоты своей скальной площадки, затенив глаза ладонью, изучала врага. Увенчанная блестящим шлемом, в отделанной золотом кирасе и коротком красном хитоне, складки которого слегка покачивались над сияющими наголенниками, она походила на рыночного лицедея, мечтающего получить роль Ахилла в Авлиде и потому облачившегося в столь броский наряд. Так, по крайней мере, подумал Дерда. Но именно она, однако, первой увидела парламентера.

Отделившись от группы окружающих Полиперхона людей, этот воин поскакал вниз по склону. Он был без оружия, но выглядел весьма представительно. На его седой голове белела шерстяная повязка, а в руке поблескивал белый жезл, увитый оливковой ветвью.

Возле речного русла парламентер спешился и позволил лошади самой выбирать путь между камнями. Переправившись, он сделал несколько шагов к македонцам, сел в седло и стал ждать. Эвридика и Дерда поехали вниз к ветерану. Обернувшись, она хотела позвать Никанора, но тот уже примкнул к своим.

Голос у парламентера оказался не менее впечатляющим, чем его внешность, он гулко катился по склонам, словно по взбегавшим вверх ярусам гигантского амфитеатра.

— Филипп, сын Филиппа, жена его Эвридика и все македонцы! — Воин спокойно сидел на своей крепкой малорослой лошадке, оберегаемый богами и заветами предков. — Мне поручили обратиться к вам с мирным предложением от имени Полиперхона, опекуна обоих царей… — Оратор умолк, расчетливо нагнетая в аудитории напряжение. — А также, — медленно произнес он, — от имени царицы Олимпиады, дочери царя Молоссии Неоптолема, жены Филиппа, царя Македонии и матери Александра.

Наступившее безмолвие нарушал только дальний собачий лай, доносившийся из расположенного в полумиле селения.

— Славные македонцы, вспомните, что именно

царь Филипп избавил ваши поместья от внезапных грабительских нападений, а вас самих — от мучительных гражданских войн. Он не только примирил враждующие кланы, но сделал вас хозяевами всей Греции. Вспомните также, что именно царица Олимпиада, законная жена царя Филиппа, подарила вам Александра, который бросил к вашим ногам весь мир. И она желает теперь спросить вас: неужели вы позабыли об этом, неужели решили ополчиться на единственного наследника Александра? Неужели готовы поднять оружие на мать того, кто еще совсем недавно вел вас за собой?

Его голос летел ввысь мимо Эвридики и ее советников к рядам молчаливых воинов. Закончив речь, парламентер развернулся и поднял руку.

От замершей на другом берегу группы всадников отделился еще один верховой. На черной лошади, в черном платье и черной накидке к потоку медленно спускалась Олимпиада.

Широкий свободный хитон наездницы доходил до щеголеватых сапог красной кожи. Оголовье уздечки неторопливо шагавшей кобылы отягощалось богатым набором золотых и серебряных, явно изготовленных в Сузах или Персеполе розеток и блях. Но в остальном весь облик всадницы

дышал суровой, почти аскетической простотой. Остановившись там, где ее могли видеть все македонцы, но с тем расчетом, чтобы Эвридике пришлось смотреть на нее снизу вверх, вдовствующая царица опустила поводья и сбросила черную шаль со своей седой головы. Она не произнесла ни слова. Ее глубоко посаженные серые глаза бесстрастно озирали ряды тихо переговаривающихся воинов.

Эвридика на какой-то миг поймала взгляд Олимпиады. Легкий ветерок раздувал за спиной царственной всадницы черный плащ, лохматил гриву лошади и шевелил снежно-белые пряди волос. Лицо под ними казалось застывшей маской. Эвридику вдруг охватила дрожь. Ей почудилось, что на нее смотрит Атропа, третья мойра, перерезбвшая нити человеческих жизней.

Звучный голос парламентера, о котором все успели забыть, вновь разнесся над войсками:

— Македонцы! Вот перед вами мать Александра. Неужели вы станете воевать с ней?

Ответный ропот был подобен рокоту морской волны, набирающей мощь, перед тем как обрушить свой гребень на берег. После мига безмолвия возник новый шум: тихий стук дерева по металлу. Постепенно стук становился все

громче, и в итоге он слился в единый громоподобный бой. Тысячи воинов били по своим щитам древками копий. И наконец царское войско разродилось единодушным криком:

— Нет!

Эвридика не раз уже сталкивалась с подобным единодушием. Оно, правда, может не столь бурно выраженное, проявилось в публике и тогда, когда ее выбирали регентшей. В течение бесконечно долгих мгновений она даже думала, что солдаты отринули вражеские резоны и бьют в щиты, горяча себя перед битвой.

Зато Олимпиада за рекой поняла все как надо и поблагодарила не пожелавших сражаться с ней воинов царственным взмахом руки. Затем, так же молча, еще одним взмахом она пригласила их на свой берег и развернула лошадь. Она очень уверенно поднималась по склону, как знающий себе цену вождь, которому не нужно оглядываться и проверять, следуют ли за ним люди.

Пока царица Эпира триумфально въезжала на вершину западного холма, за спиной ее происходило нечто разительное. Царское войско со всеми своими аккуратными линиями пехотных фаланг, кавалерийских и стрелковых подразделений вдруг перестало существовать

и уподобилось скопищу бедолаг, выгнанных землетрясением из домов. Не было армии, были лишь люди. Конные, пешие, они перекликались с родичами, с друзьями, пробивались друг к другу и в едином порыве беспорядочно сыпались вниз, скатываясь, как живая лавина, к пересохшему речному руслу.

Эвридика стояла в полнейшем ошеломлении. Опомнившись, она принялась выкрикивать что-то, пытаясь остановить перебежчиков, но ее голос заглушал общий ор. В толкотне и сумятице они даже не замечали ее, а те, что замечали, делали вид, что не видят. Испуганная кобыла оставленной всеми воительницы заартачилась и вскинулась на дыбы, угрожая сбросить всадницу под копыта других лошадей.

Один из командиров, протолкавшись к молодой царице, забрал у нее поводья и утихомирил встревоженное животное. Эвридика узнала светловолосого тридцатилетнего воина, желтого от какой-то подцепленной в Индии хвори. Он стал ее сторонником еще в Египте и теперь озабоченно смотрел ей в глаза. «Ну вот, — мелькнуло у нее в голове, — нашелся наконец хоть кто-то разумный».

— Как нам задержать их? — крикнула она. —

Ты можешь найти трубача? Мы должны повернуть их!

Воин погладил покрывшуюся испариной лошадиную шею. Медленно, как человек, объясняющий нечто элементарное и, в общем, понятное даже ребенку, он сказал:

— Но, госпожа, там же мать Александра.

— Предатель!

Она сознавала, что обвинение несправедливо и что гнев надо обратить на иное. Внезапно ей стало ясно, кто ее настоящий противник. Конечно же, не зловещая старуха, восседающая на черной лошади: та обрела свое магическое могущество лишь благодаря сияющему призраку, чье обрамленное львиной гривой волос лицо отчеканено на серебряных драхмах. Этот мертвец даже из своей золотой погребальной лодки продолжает определять ход событий.

— Тут уж ничего не поделаешь, — терпеливо, но быстро произнес офицер, сберегая время и ей, и себе. — Тебе не понять, Эвридика. Неудивительно, ведь ты же не знала его.

Она порывисто схватилась за меч, но невозможно поразить призрак. Огромная, беспорядочно шевелящаяся толпа уже переправлялась через реку. С радостными криками солдаты Полипер-

хона обнимали своих старых друзей.

Заметив на другом берегу своего родственника, желтолицый воин помахал ему рукой и вновь обернулся:

— Госпожа, ты еще очень молода, все утрясется. Такой опыт может пойти тебе на пользу. Никто из солдат не желает тебе вреда. У тебя сильная лошадь. Уезжай в горы, пока за тобой не прислали.

— Нет! — воскликнула Эвридика. — На левом фланге стоит Никанор с Антипатридами. Едем со мной, мы доберемся до них, засядем на Черной горе и будем обороняться. Эти люди никогда не пойдут на мировую с Олимпиадой.

Он проследил за ее взглядом.

— На мировую-то они не пойдут. Но посмотри повнимательнее, и ты увидишь, что они уходят.

Тут и Эвридика заметила, что отряды Антипатридов маршируют по вересковому полю. Блестящие щиты, разворачиваясь, тускнели, а начало колонны уже переваливало за дальний хребет.

Она опустила голову. Ее компаньон поискал глазами своего брата и убежал.

Спешившись, Эвридика обняла свою лошадь, единственное живое существо, еще послушное ей. Она и впрямь была молода, а потому

охватившее ее отчаяние не походило на суровую ожесточенность Пердикки, заплатившего за свой провал жизнью. Оба они стремились к власти и проиграли, но Пердикка никогда не делал ставку на любовь подчиненных. Взбудораженное животное вновь тревожно заржало; у Эвридики вдруг перехватило дыхание, а глаза ослепли от слез.

— Эвридика, едем, нам надо спешить.

К ней с трудом проталкивались остатки свиты. Вытерев глаза, она увидела, что эти солидные уважаемые мужи охвачены не возмущением, а подлинным страхом. Все они были старыми приверженцами Антипатра, в свое время деятельно пресекавшими козни Олимпиады, всячески выживая из Македонии заносчивую царицу.

— Быстрее! — торопили они. — Видишь там конницу? Это молоссиане, они скачут сюда, чтобы тебя захватить. Поехали поскорее!

Не мешкая долее, Эвридика вскочила в седло и понеслась вместе с горсткой приверженцев через вересковые пустоши, предоставив лошади возможность самой выбирать, где скакать. На ум ей вдруг пришли слова Никанора о том, что он в своих поступках всегда ориентируется на мне-

ние брата. Тут она вспомнила рыжую шевелюру Кассандра и его упрямые бледные глаза. Ни в какую ловушку посланцы ее не попали. Кассандр получил известие, что ей нужна помощь, но счел ее положение безнадежным.

На гребне следующего холма беглецы остановились, чтобы дать передохнуть лошадям, и посмотрели назад.

— Эй, да они гонятся совсем не за нами! — сказал один государственный муж. — Им не терпится захватить наш обоз. Вон, они уже подъезжают к нему. Как же нам повезло!

Но очень скоро все замолчали, наблюдая за действиями захватчиков. За цепочкой телег воины окружили одинокую палатку. Оттуда вывели человека, казавшегося издалека крошечной куколкой. Эвридика вдруг осознала, что со времени театрального выезда Олимпиады, переманившей на свою сторону ее армию, она ни разу не вспомнила о Филиппе.

Возглавляемый Эвридикой маленький отряд двигался на восток в сторону Пеллы. Не желая, чтобы их принимали за беглецов, государственные мужи объясняли отсутствие при них слуг крайней спешкой и вовсю пользовались дружелюбием и радушием жителей греческих посе-

лений и городков, издревле славящихся своим хлебосольством. Всюду, опережая официальных глашатаев, путники сообщали, что на границе было подписано мирное соглашение и что они теперь спешат в Пеллу для созыва собрания, полномочного утвердить договор. Но все равно хозяева домов, где они ночевали, по утрам подозрительно поглядывали им вслед.

Огибая предместья Пеллы, Эвридика бросила взгляд на высокую башню отцовского дома. С невыразимой тоской она вспомнила тихие годы, проведенные ею там с Кинной, детские забавы и героические мечтания, подвигнувшие ее вступить на сцену великого театра истории, дабы представить вниманию зрителей драму, в финале которой ни один из богов не спустился с Олимпа по поручению Зевса, чтобы восстановить справедливость. С детства она зазубрила предназначенную ей роль и свыклась с царственной маской. Но автор той пьесы уже ушел в иной мир, а публика освистала главную героиню.

В Мизе они проехали мимо какого-то заброшенного поместья, чьи разросшиеся сады насыщали воздух ароматом роз. Кто-то сказал, что там находилась школа, в которой много лет назад преподавал Аристотель. «Да, — с горечью поду-

мала Эвридика, — а сейчас его воспитанники разбежались по миру, чтобы прибрать к рукам то, что оставил их школьный приятель, который, придя к власти, достиг высшей цели. Он сделал ставку на любовь и получил все».

Войти в Пеллу беглецы не посмели. Весь путь им пришлось проделать на своих лошадях, а курьер имел право пересаживаться на свежих животных. Он мог прибыть сюда намного раньше, и солдаты крепостного гарнизона, узнав о переходе армии на сторону Олимпиады, вряд ли отнеслись бы к оставленной почти всеми царице с должным почтением. Один муж из ее свиты, некий Поликл, был братом начальника гарнизона Амфиполя, древней крепости близ фракийской границы. Он брался переправить всех за море.

Решив, что лишнее внимание им теперь ни к чему, скитальцы обменяли доспехи на домотканое крестьянское платье и, несмотря на то что их лошади совсем выдохлись, свернули с древней дороги, которая некогда привела Дария Великого к Марафону, Ксеркса — к Саламину, Филиппа — к Геллеспонту, а Александра — к Вавилону. Один за другим царедворцы покидали царицу, ссылаясь на хворобы или просто молча

растворяясь в ночи. На третий день с ней остался только Поликл.

Однако вдали уже виднелись крепкие стены Амфиполя, доминировавшего над устьем реки Стримон. С пристани туда шел паром, но причал охраняли солдаты. Беглецы направились вверх по течению в поисках ближайшего брода. Там их и взяли.

* * *

Подъезжая к Пелле, Эвридика попросила снять путы со своих ног, связанных под брюхом мула, и позволить ей умыться и причесаться. Стражи ответили, что царица Олимпиада приказала доставить ее как есть.

На господствующей над Пеллой высотке темнело нечто, напоминающее издали лес чахлых деревьев, обремененных множеством птиц. Когда конвой подъехал ближе, в небо с сердитым карканьем поднялись стаи ворон и коршунов. Сюда, к так называемому висельному холму, свозили после казни трупы преступников. Их приколачивали к крестам подобно тому, как егеря приколачивают к стенам своих кладовых мертвых хищников для устрашения их собратьев. Когда-то здесь висел и убийца Филиппа. Теперешних

распятых опознать было невозможно — падальщики попировали на славу, — но на досках, прибитых под их ногами, темнели надписи. «НИКАНОР, сын Антипатра», — сообщала одна из таких досок. На холме высилось более сотни крестов; зловоние доходило до города.

На троне в приемном зале, где Эвридика совсем недавно сама принимала просителей и послов, теперь восседала Олимпиада. Ее черные одежды сменились красными, а голову венчала золотая корона. Рядом с ней на почетном кресле сидела Роксана, а маленький Александр устроился на скамеечке у ее ног. Большими темными глазами он взирал на пленницу, растрепанную и неумытую, скованную по рукам и ногам.

Тяжелые, ограничивающие свободу движений кандалы предназначались для крепких и сильных мужчин. Вес их был столь велик, что руки девушки просто висели. Она могла передвигаться, лишь волоча ноги, и с каждым шагом железо впивалось в израненные лодыжки. Чтобы не споткнуться о собственные вериги, ей приходилось широко расставлять ноги, но, невзирая на боль, Эвридика с гордо поднятой головой приблизилась к трону.

Олимпиада кивнула одному из стражников.

Он сильно ткнул Эвридику в спину, и та рухнула на пол, ободрав локти о цепь. С трудом поднявшись на колени, девушка обвела взглядом лица собравшихся. Кто-то рассмеялся, мальчик было подхватил этот смех, но тут же затих и опять стал серьезным. Роксана издевательски улыбалась. Из-под опущенных век Олимпиада напряженно следила за пленницей, словно кошка, поджидающая, когда полумертвая мышь шевельнется еще раз.

Она спросила стражника:

— Неужели эта грязнуля претендовала на трон Македонии?

Тот тупо подтвердил.

— Я не верю тебе. Должно быть, ты нашел ее в портовом борделе. Эй, женщина, назови свое имя.

Эвридика с грустью подумала, что у нее никого теперь нет. «Некому пожелать мне стойкости, некому подбодрить в трудный час. Все сохранившееся во мне мужество нужно лишь мне одной». Она хрипло произнесла:

— Я — Эвридика, дочь Аминты, сына Пердикки.

Олимпиада склонилась к Роксане и словоохотливо пояснила:

— Отец — предатель, а мать — варварское отродье.

Девушка продолжала стоять на коленях. Самой ей было все равно не подняться из-за не слушавшихся ее рук.

— Однако именно меня твой царственный сын выбрал в невесты своему брату, — сказала она.

Губы Олимпиады растянулись в злой усмешке, питаемой нескончаемым раздражением, ее лицо еще более напряглось.

— И я отлично его понимаю. Шлюха для идиота — чудесная пара. Мы не намерены более разлучать вас.

Мать Александра повернулась к стражникам, впервые позволив себе улыбнуться, и Эвридика в тот же миг поняла, почему она делает это так редко. Один из ее передних зубов совсем почернел. Стражники, казалось, оторопело прищурились, прежде чем отсалютовать.

— Ступайте, — приказала Олимпиада. — Отведите ее в брачную опочивальню.

После двух неудачных попыток пленницы встать стражники сами подняли ее на ноги. Они повели Эвридику на задний дворцовый двор. Волоча свои оковы, она протащилась мимо конюшен, откуда доносилось ржание лошадей,

так мягко и дружелюбно носивших ее на своих спинах. Псарня, где держали гончих, с которыми она охотилась, встретила приближение тяжелых шаркающих шагов заливистым угрожающим лаем. Конвоиры не подгоняли отягощенную цепями девушку. Они шли, неловко приноравливаясь к ее черепашьему ходу, и даже, когда она споткнулась на дорожной выбоине, один из них поддержал ее под руку, не дав упасть. Но они не смотрели на нее и даже не переговаривались друг с другом.

«Сегодня, завтра или в ближайшем будущем, — подумала она, — какая разница?»

Ей стало чудиться, что смерть уже вошла в ее тело, неотвратимая, как неисцелимый недуг.

Впереди показалась неказистая постройка с приземистыми каменными стенами и островерхой соломенной крышей. Оттуда отвратительно пахло. «Отхожее место, — подумала Эвридика, — а может, свинарник». Солдаты подтолкнули ее к необструганной двери. Изнутри доносились сдавленные рыдания.

Стражники оттянули в сторону тяжелый засов. Один из них, прищурившись, попытался разглядеть что-то в зловонном сумраке.

— Вот, получай свою женушку.

Рыдания прекратились. Отступив от входа, стражник подождал, надеясь, что пленнице не понадобится особого приглашения в виде тычка. Эвридика, согнувшись, вступила под низкую притолоку, почти смыкавшуюся с уходящей вверх крышей: стебли соломы тут же застряли у нее в волосах. Дверь за ней закрылась, и засов вошел в паз.

— О Эвридика! Я буду хорошо себя вести! Я обещаю, что буду всех слушаться. Пожалуйста, скажи им, чтобы меня выпустили отсюда.

В квадратике света, падающего из маленького окошка, сидел, привалившись боком к стене, закованный в цепи Филипп. Блестящие белки его глаз четко выделялись на грязном, заплаканном лице. Умоляюще всхлипывая, он протянул к ней руки. Запястья были стерты до крови.

Всю меблировку узилища составляла единственная деревянная скамья, постелью служила соломенная, как в конюшне, подстилка. В глубине темнела небольшая яма с жужжащими над ней огромными синими мухами.

Эвридика продвинулась дальше, туда, где смогла выпрямиться в полный рост, и тогда Филипп увидел ее кандалы. Муж вновь заплакал, размазывая по лицу бегущие из носа сопли. Запах

его давно немытого тела вызвал у нее тошноту, он перебил даже вонь экскрементов. Невольно она попятилась, но голова ее вновь уперлась в скат крыши, и ей пришлось опуститься на грязный пол.

— Пожалуйста, ну пожалуйста, Эвридика, не разрешай им больше бить меня.

Только тут она поняла, почему Филипп сидит боком, не опираясь на стену спиной. На его прилипшем к плечам хитоне темнели полосы запекшейся крови. Когда она подползла ближе, он заорал:

— Только не трогай, там все болит!

Куча мух ползала по желтоватым от гноя бороздкам.

Сглотнув подступивший к горлу комок, она спросила:

— За что тебя били?

Он всхлипнул:

— Я набросился на них с кулаками, когда они убивали Конона.

Ей стало ужасно стыдно. Громыхнув цепью, она закрыла руками лицо.

Филипп заворочался, почесал бок. Эвридика вдруг осознала, что вокруг нее все кишит насекомыми.

— Мне нельзя было становиться царем, — вздохнул он. — Александр говорил, что нельзя. Он говорил, что тогда кто-нибудь убьет меня. Они хотят меня убить?

— Не знаю.

Стыдясь себя и понимая, что именно из-за нее он попал сюда, она не могла лишить его надежды.

— Возможно, нас еще спасут. Ты помнишь Кассандра? Он не помог нам в этой войне, но теперь Олимпиада казнила его брата и всех его родственников. Он станет мстить ей. И если победит, то освободит нас.

Эвридика вскарабкалась на скамью, с облегчением положила на колени ноющие от тяжести оков руки и, заглянув в низкое оконце, увидела клочок неба, местами занавешенного листвой растущего вдалеке деревца. Мимо пролетели чайки, покинувшие приволье лагуны ради кормежки на куче отбросов.

Филипп грустно попросил у нее разрешения воспользоваться отхожим местом. Когда необходимость вынудила пойти туда и ее, мухи разлетелись, и она увидела под собой слой шевелящихся личинок.

Время тянулось медленно. Вдруг Филипп ожи-

вился и выпрямился.

— Несут ужин, — сказал он, облизнув губы.

Видно, не только убожество обстановки мучило его тут, но и голод. За эти дни он успел основательно похудеть и теперь встрепенулся, услышав приближающееся размеренное посвистывание.

Грязная рука с обломанными ногтями появилась в окне, а с ней долгожданный кусок черного хлеба, с которого стекал жир. Следом появился второй кусок и глиняный кувшин с водой. Лица тюремщика не было видно, мелькнул лишь конец жесткой черной как смоль бороды.

Филипп схватил свой ломоть и впился в него зубами, точно изголодавшийся пес. Эвридике казалось, что она уже больше никогда и ничего не сможет проглотить; правда, конвойные накормили ее нынешним утром. Не было нужды спрашивать, часто ли приносят еду. Она сказала:

— Сегодня ты можешь съесть и мой кусок, а я поем завтра.

Он посмотрел на нее, лицо его засветилось от счастья.

— О Эвридика! Я ужасно рад, что теперь ты со мной.

Поев, Филипп пустился путано излагать историю своего пленения, но страдания помрачили

его и так слабый разум, а потому зачастую он бормотал что-то невразумительное. Она слушала без интереса. Снаружи доносились обычные вечерние звуки, отдаленные и приглушенные, подобные тем, что проникают в комнату не встающего с постели больного: мычание коров и ржание лошадей, вторящих им из конюшен, лай собак, довольные возгласы закончивших работу тружеников, перекличка сменяющихся караульных. Колеса какой-то тяжело нагруженной телеги громыхнули совсем близко, слышно было даже, как натужно сопят волы и как возчик, сердито ругаясь, охаживает их кнутом. Телега не проехала мимо, а со скрипом остановилась и с грохотом вывалила свой груз. Слух Эвридики притупился, и, осознавая, что силы ее на исходе, она вспомнила о кишащих на полу паразитах и привалилась к стене, впав в настороженное забытье.

Шаги приблизились. «Неужели конец?» — подумала она. Филипп похрапывал, растянувшись во весь рост на соломе. Она ждала, когда скрипнет засов. Но послышались лишь глухие голоса мужчин, выполняющих какую-то непростую работу. Она крикнула:

— Что происходит? Что вам нужно?

Голоса стихли. Потом, словно по какому-то тайному знаку, странная деятельность за дверью возобновилась. Оттуда доносились какие-то ритмичные удары, шлепки и похлопывания.

Эвридика подошла к оконцу, но из него ничего не было видно, кроме невесть откуда взявшейся груды грубо отесанных камней. От усталости она медленно соображала, но внезапно с удивительной ясностью поняла, что означают странные звуки. Это были шлепки связывающего кладку раствора и скрежет строительного мастерка.

Кассандр, все еще находящийся на туманном плоскогорье Аркадии, прогуливался вдоль осадной линии своих войск. Толстые замшелые стены Тегеи, сложенные из плотного кирпича, дрогнули бы, пожалуй, лишь под ударами тарана, способного дробить камень. Горожане, легко утолявшие жажду водой из неиссякаемого родника, могли очень долго отсиживаться за ними. Как же тоскливо дожидаться, когда их начнет мучить голод. Кассандр уже посылал к ним послов, но тем гордо ответили, что город находится под покровительством самой Афины, еще в древности пообещавшей через оракула, что Тегею силой оружия никогда не возьмут. Сын Антипатра был исполнен решимости заставить Афину взять

свои слова назад.

Он не спешил встретиться с курьером из Македонии: наверняка тот прибыл с очередным призывом от Эвридики. Потом, подойдя поближе, Кассандр узнал гонца и, догадавшись, что случилось нечто ужасное, быстро пригласил его в свою палатку.

Новости привез слуга, спасшийся от расправы. К рассказу о муках казненных Антипатридов, он добавил, что Олимпиада приказала разрушить гробницу брата Кассандра Иоллы, а кости его бросить на съедение диким животным, заявив, что тот отравил в Вавилоне ее сына.

Кассандр, выслушавший все в суровом молчании, вскочил со стула. Оплакать родных можно будет и позже, сейчас же его душили два чувства: жгучая ненависть и дикая ярость.

— Проклятая волчица! Горгона! Как вообще ей позволили войти в Македонию? Мой отец до последнего вздоха убеждал всех, что этого делать нельзя. Почему они не убили ее на границе?

Вестник произнес лишенным выражения голосом:

— Они не захотели сражаться с матерью Александра.

На мгновение Кассандру показалось, что его

голова вот-вот лопнет. Слуга с тревогой воззрился на его вытаращенные глаза. Осознав это, Кассандр взял себя в руки.

— Ступай отдохни, поешь. Мы поговорим еще… позже.

Всадник удалился. В конце концов, ничего удивительного, что человек так расстроился из-за массовой казни всех своих родных.

Придя в себя, Кассандр отправил послов на переговоры с тегейцами. Он избавлял их от вассальной зависимости при условии, что те не будут помогать его врагам. После обмена спасающими престиж обеих сторон фразами осада была снята, и процессия горожан направилась к старому деревянному храму Афины, дабы достойно отблагодарить ее за исполнение своего давнего обещания.

За замурованной наглухо дверью время тянулось медленно. Подобно вялотекущей смертельной болезни, оно день за днем понемногу усугубляло положение несчастных узников. Неуклонно плодились мухи, блохи и вши, все пуще гноились раны, плоть все слабела, а голод грыз все сильнее. Но хлеб и вода ежедневно появлялись в оконце.

Поначалу Эвридика еще вела счет дням, делая

галькой черточки на стене. По прошествии семи или восьми суток, она забыла поставить очередную черточку, сбилась со счета и отказалась от пустой траты сил. Дочь Кинны предпочла погрузиться в полнейшую апатию, прерываемую лишь попытками дать отпор насекомым, с которыми Филипп уже почти свыкся.

Его ум не был способен к масштабной оценке происходящего, что позволяло ему не впасть в отчаяние. Он жил одним днем. Часто, например, выражал свое недовольство приносившему еду человеку, и тот иногда отвечал, причем не с издевкой, а мрачно, как несправедливо обвиненный слуга, объясняя, что он лишь выполняет приказы. Эвридика считала неприемлемым для себя вступать в подобные разговоры, тюремщик же стал постепенно выказывать все большую склонность к общению, порой заключая беседу присловьями о непредсказуемых поворотах судьбы. Однажды он даже спросил Филиппа, как там его жена. Филипп, взглянув на Эвридику, ответил:

— Она не велит говорить.

Проводя половину дня в полудреме, Эвридика не могла уснуть ночью. Филипп громко храпел, а ее наряду с паразитами терзали черные мысли.

Однажды утром, когда они оба уже бодрствовали с подведенными от голода животами, она сказала ему:

— Филипп, я заявила о твоих правах на трон. Но на деле хотела править сама. Моя вина в том, что тебя заперли здесь, моя вина, что тебя били. Ты можешь убить меня? Я не возражаю. Если хочешь, я подскажу тебе, как сделать это.

Но он только захныкал, как большой ребенок:

— Это солдаты во всем виноваты, они меня выбрали. Александр говорил, что мне нельзя быть царем.

Она задумалась. «Мне нужно просто отдавать ему хлеб. Он возьмет с радостью, если я сама предложу, хотя и не хочет меня лишиться. Тогда я, конечно, умру быстрее». Но когда подошло время кормежки, она не смогла превозмочь голод и съела свою долю. С удивлением она осознала, что кусок хлеба стал больше. На следующий день он стал еще больше, хлеба уже хватило на то, чтобы отложить часть его на скромный завтрак.

Наряду с этим сделались громче голоса караульных. Раньше солдатам, должно быть, приказывали держаться от темницы подальше: агитаторские способности узницы были прекрасно известны. Их приходы и уходы определяли

только границы временны́х интервалов. Но дисциплина явно ослабла, стражи теперь свободно болтали и сплетничали; вероятно, им надоело всерьез охранять замурованный хлев. Потом както ночью, когда Эвридика лежала, глядя через оконное отверстие на единственную звезду, раздались тихие шаги, звякнул металл, скрипнула кожа. Отверстие на миг потемнело, и на подоконнике появились два яблока. Даже один их запах казался божественно вкусным.

После этого там каждую ночь стало появляться какое-то угощение. Стражники уже почти не таились, словно начальство смотрело на это сквозь пальцы. Никто из них не задерживался намеренно, чтобы поговорить прямо возле окна, такая расхлябанность безусловно могла привести и на виселицу, но часовые обменивались мнениями так громко, будто хотели, чтобы их услышали. «Ничего не поделаешь, мы люди служивые и лишь выполняем приказы, нравится это нам или нет». «Мятежники они или не мятежники, но всему есть предел». «Чрезмерное высокомерие богам не по нраву». «Да уж, и, судя по всему, их терпению скоро придет конец».

Хорошо разбиравшаяся в оттенках людских настроений Эвридика чувствовала, что за этими

словами скрывается что-то важное. Эти солдаты не были заговорщиками, они просто судачили о том о сем, как любые уличные прохожие. Она подумала: «Видно, не только мы стали жертвами этой мегеры. Похоже, ее действия возмущают многих. А что, интересно, они имели в виду, сказав, что терпение богов скоро закончится? Возможно, Кассандр уже идет на север…»

Ночью им принесли фиги, сыр и кувшин разбавленного вина. Здоровая пища прогнала остатки апатии. Эвридика понемногу начала грезить об освобождении, о македонцах, с жалостью взирающих на их мерзостное узилище и требующих расплаты, о дне триумфа, когда она, умытая, одетая и коронованная, вновь займет трон.

Внезапный уход Кассандра на север вызвал некоторое смущение. Его покинутым на Пелопоннесе союзникам предстояло одним противостоять македонцам, возглавляемым сыном Полиперхона. Когда отчаянные курьеры догнали марширующие колонны, Кассандр только сказал, что у него появилось неотложное дело.

Демократично настроенные жители Этолии заняли оборонительную позицию на перевале у Фермопил. Кассандр не нашел в этом вызове ничего романтичного. Более практичный,

чем Ксеркс, он силой прибрал к рукам все, что сновало туда-сюда по оживленному проливу, отделявшему остров Эвбея от материка, и обошел по морю опасный горный проход.

В Фессалии его дожидался сам Полиперхон, по-прежнему преданный отпрыску Александра, несмотря на кровавое самовластие Олимпиады. Но Кассандр опять уклонился от битвы. Оставив часть своих войск сдерживать Полиперхона, он упорно вел основные силы на северо-восток и, обогнув громаду Олимпа, вскоре подошел к Македонии.

Перед ним высилась береговая крепость Диона. Через послов Кассандр пообещал начальнику гарнизона покончить с женским неправедным самоуправством и вернуть страну в русло древних традиций. После краткого секретного совещания ворота крепости распахнулись. Там Кассандр обосновался со всей обстоятельностью, начал устраивать приемы, благосклонно выслушивая всех, кто предлагал ему поддержку или сообщал полезные сведения. Многочисленные родственники жертв Олимпиады, как и уцелевшие от расправы солдаты, предпочли присоединиться к нему, исполненные обиды и требующие возмездия. Но и недавние противники мало-помалу

превращались в его сторонников. Они говорили теперь, что никому, кроме Александра, не по силам обуздать нрав этой женщины. Эти тайные союзники, вернувшись в Пеллу, распространяли слухи о замечательных планах Кассандра и о его справедливом намерении стать регентом сына Роксаны.

Однажды он сподобился спросить у одного из таких посетителей:

— А когда они схватили дочь Аминты, как она умерла?

Лицо собеседника прояснилось.

— По крайней мере, у меня есть для тебя одна добрая новость. Когда я уходил, она была еще жива, и Филипп тоже. С ними обращаются ужасно, замуровали в мерзком свинарнике, народ возмущен. Как я уже сказал, условия, в каких они находятся, столь жуткие, что даже охранники прониклись к ним жалостью и стали понемногу облегчать им участь. Если ты поспешишь, то еще сможешь спасти их.

Лицо Кассандра на мгновение застыло.

— Какое унижение! — воскликнул он. — Олимпиаде следовало бы более обходительно обращаться со своей удачей. Но смогут ли они продержаться так долго?

— Можешь рассчитывать на это, Кассандр. Я потолковал с одним из их стражей.

— Спасибо тебе за добрые вести. — Не вставая с кресла, Кассандр подался вперед и произнес с неожиданным воодушевлением: — Пусть все узнают, что я намерен восстановить справедливость. Царственным узникам вернут все титулы и все звания. Что же касается Олимпиады, то я передам эту особу в руки царицы Эвридики, чтобы та наказала ее, как сочтет нужным. Так и передай людям.

— С удовольствием передам, все обрадуются, услышав твои заверения. Если удастся, я даже пошлю весточку и в темницу. Пусть царь и царица вздохнут с облегчением, узнав наконец, что у них появилась надежда.

Он удалился с сознанием важности своей миссии. А Кассандр созвал военный совет и сообщил, что выступление откладывается на несколько дней. Надо дать время нашим друзьям, пояснил он, собрать побольше сторонников.

Через три дня Эвридика сказала:

— Какое-то странное затишье! Не слышно даже болтовни караульных.

Первые рассветные лучи заглянули в низкое оконце. Ночь выдалась холодная, и мухи пока

не проснулись. Узники хорошо подкрепились тем, что принесла им ночная стража. Охранники, как обычно, сменились перед рассветом, но смена произошла совсем тихо, и сейчас в темницу не доходило ни звука, свидетельствующего о чьем-то присутствии. Неужели эти добрые малые, взбунтовавшись, бросили пост? Или их призвали на защиту городских стен, что могло означать лишь одно — наступление войск Кассандра.

Она сказала Филиппу:

— Скоро нас освободят, я чувствую это.

Почесав в паху, он спросил:

— И тогда я смогу вымыться?

— Да, мы примем ванну, переоденемся во все чистое и наконец-то по-человечески выспимся.

— А мне вернут мои камушки?

— Конечно, твоя коллекция даже пополнится.

Зачастую в их тесном узилище Эвридика едва могла выносить соседство своего царственного супруга. Его вид, его запах вызывали неодолимое отвращение. Ее раздражало, как он ест, как отрыгивает, как справляет нужду. Она с удовольствием поменяла бы его на собаку, но все-таки сознавала, что ей следует быть терпимой к нему. Нужно собрать в кулак всю свою выдержку, если

она намерена вновь пристойным образом вернуть себе власть. Поэтому она редко ругала его, а когда ругала, то потом сама же и утешала. Он никогда не дулся на нее долго, всегда все ей прощал или, возможно, просто забывал об обидах.

— Когда же нас выпустят?

— Как только победит Кассандр.

— Слышишь? Кто-то идет.

И верно, послышались шаги. Судя по звукам, подошли три или четыре человека. Они стояли у двери, но их не было видно через отдушину, заменявшую в этой каморке окно. Из тихого разговора Эвридика не смогла понять ни слова. Потом внезапно раздался звон, не узнать который было уже невозможно. Кто-то бил киркой по стене, закупорившей вход.

— Филипп! — воскликнула она. — Нас освобождают!

С радостным детским лепетом он крутился у оконца, тщетно пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. Эвридика стояла под сходящейся вверху кровлей, слушая, как отлетают куски застывшего раствора и с глухим стуком падают на землю камни. Разрушение шло быстро; стену складывали кое-как, работа явно была каменщикам

не в радость. Она спросила:

— Вас прислал Кассандр?

Звон кирок стих, потом звучный голос с иноземным акцентом ответил:

— Да, Кассан.

Но Эвридика не была уверена, правильно ли ее поняли. Следующие, обращенные к напарникам слова иноземца были произнесены на чужом языке, и тогда ей стало ясно, откуда освободители родом.

— Они фракийцы, — сказала она Филиппу. — Этих рабов послали разрушить стену. Когда они закончат, кто-нибудь придет отпереть дверь.

Настроение Филиппа заметно ухудшилось. Он отступил от двери и попятился к выгребной яме. Рабы всегда обижали его. Вплоть до тех пор, пока их не сменил благожелательный Конон.

— Не разрешай им входить.

Она принялась его успокаивать и вдруг услышала донесшийся снаружи хохот.

Эвридика застыла. Почтительные и сдержанные рабы так не смеются. Мурашки пробежали по ее телу, когда она распознала природу их смеха.

Наконец упал последний камень. С двери сняли засов, она со скрипом отворилась, и в узилище

хлынул ослепительный солнечный свет.

На пороге, вглядываясь в темноту помещения, стояли четыре фракийца.

Вдруг разом закашлявшись и отшатнувшись, они зажали руками рты и носы. Взращенные в горных селениях, где все нечистоты сбрасываются в глубочайшие пропасти, эти люди привыкли к чистейшему воздуху, вонь ввергла их в ступор. Заминка была очень короткой, но вполне достаточной, чтобы Эвридика увидела воинские татуировки на лицах, бронзовые нагрудники с серебряной гравировкой, плащи дикарских расцветок и кинжалы в руках.

С тошнотворной брезгливостью Эвридика подумала: «Македонцы не согласились бы на такое». Она стояла по-прежнему прямо в центре темницы.

К ней уверенно двинулся главный фракиец. Свободную руку его обвивал браслет в виде свернутой тремя кольцами змейки, надколенники ножных лат украшали чеканные женские лица. Синие, грубо наколотые спирали, сползая со лба и со щек, прятались в темно-рыжей густой бороде, поэтому выражение его лица было непостижимым.

— Что ж, убей меня! — крикнула она, вскиды-

вая голову. — Потом будешь хвастать, что убил царицу.

Дикарь вытянул вперед руку — не правую с кинжалом, а левую с бронзовой змейкой — и оттолкнул ее в сторону. Потеряв равновесие, она упала.

— Ты, подлый раб, не смей бить мою жену!

Прятавшийся в тени за отхожим местом Филипп взметнулся в воздух и набросился на обидчика. Удар головой в грудь застиг фракийца врасплох, у него перехватило дыхание. Филипп дрался, как разъяренная обезьяна, царапаясь и кусаясь в борьбе за кинжал. Он впился зубами в запястье фракийца, но тут остальные кинулись к рассвирепевшему силачу.

Их клинки быстро сделали свое дело, но Эвридика видела, что Филипп еще жив. Он и упавший пытался драться, в своих предсмертных мучительных криках призывая на помощь Конона, потом хрипло закашлялся, его голова откинулась, рот открылся, и руки, судорожно цеплявшиеся за земляной пол, замерли. Один из фракийцев пнул буяна сапогом, но Филипп уже не подавал признаков жизни.

Убийцы переглянулись друг с другом как люди, выполнившие ответственное поручение.

Эвридика стояла на коленях, опираясь на локти. Чей-то сапог отдавил ей лодыжку… сможет ли она потом двинуть этой ногой? Поглядывая на застывшее тело, фракийцы осмотрели свои боевые отметины — в основном царапины и укусы. Она уловила в непонятном говоре варваров восхищенные нотки: как-никак их поранил сам царь.

Поймав краем глаза движение за спиной, они обернулись и глянули на нее. Один дикарь рассмеялся. Новая волна ужаса охватила ее: до сих пор она думала только об их кинжалах.

На округлой масляной физиономии дикаря, обрамленной жиденькой бороденкой, блуждала похотливая улыбочка. Он решительно шагнул к Эвридике. Тут командир в ножных латах бросил презрительно какую-то фразу, и круглолицый с отвращением махнул рукой, очевидно осознав, что легко найдет себе что-нибудь получше этой вонючей узницы. Поглядев на свои окровавленные клинки, убийцы вытерли их о хитон Филиппа. Один из них, откинув подол, обнажил пах убитого; командир, осуждающе глянув на него, поправил одежду. Фракийцы вдруг заспешили. Один за другим они выбрались на свежий воздух и пошли прочь, спотыкаясь

о разбросанные вокруг камни.

Пошатываясь, Эвридика поднялась с пола. Потрясенная произошедшим, она пребывала в каком-то дрожащем оцепенении. С того момента, как взломали кладку, прошла, вероятно, всего пара минут.

Лучи ясного утреннего солнца проникали через дверной проем, освещая засохшие экскременты и свежую алую кровь, пятнавшую платье убитого. Эвридика прищурилась от непривычно яркого света. Но тут небо загородили две темные фигуры.

У двери стояли безоружные македонцы; второй, видимо, находился в подчинении у первого, он топтался сзади с каким-то свертком. Начальник, коренастый мужчина лет сорока в приличном коричневом хитоне и наброшенном на плечи плаще, шагнул через порог. Обозрев молча место событий, вошедший неодобрительно прищелкнул языком. Повернувшись к помощнику, он сказал:

— Устроили тут настоящую бойню. Позор!

Войдя в темницу, мужчина встал перед измученной, сплошь покрытой грязью — от свалявшихся в паклю волос и до пяток — узницей и, явно не собираясь, подобно всяческой мелкой

сошке, набивать себе цену, произнес скорее безжизненно, чем высокопарно:

— Эвридика, дочь Аминты! Я лишь выполняю приказ, не держи на меня зла перед богами. Выслушай, что передает тебе Олимпиада, царица Македонии. Поскольку твой отец был рожден законно в царской семье, она не намерена унижать тебя казнью, как твоего мужа, рожденного от побочной жены. Она дает тебе право самой выбрать, как закончить свою жизнь, и предлагает на выбор ряд возможностей.

Вперед выступил второй мужчина и поискал взглядом, куда бы положить свою ношу. Он явно растерялся, не обнаружив ничего похожего на стол, и в итоге развернул сверток прямо на земле, подобно бродячему торговцу, демонстрирующему свои товары. Там были изящный кинжал, закупоренная склянка и прочная льняная веревка с подвижной петлей.

В полном молчании Эвридика все это рассмотрела и повернула голову к мертвецу. Если бы она приняла участие в схватке, то все, наверное, было бы уже кончено и для нее. Опустившись на колени, она взяла в руку флакон. Говорят, что настой из афинского болиголова убивает незаметно и безболезненно. Но зелье готовила

Олимпиада. Никто не может сказать, насколько долгой и мучительной будет агония. Кинжал был острым, но девушка понимала, что слишком ослабела и не в силах покончить с собой одним точным ударом. Что же они потом будут делать с ней, полумертвой? Эвридика провела пальцами по веревке. Она была гладкой, хорошо скрученной, чистой. Подняв глаза к скатам кровли, сходившимся на высоте восьми футов, она сказала:

— Я предпочитаю петлю.

Мужчина по-деловому кивнул ей:

— Хороший выбор, госпожа, и легкий конец. Мы сумеем быстро закрепить ее, я вижу, у вас тут имеется и скамейка.

Когда подручный взгромоздился на скамейку, Эвридика заметила, что в поперечную балку под крышей вбит железный крюк, на какие обычно вешают разные снасти или упряжь. Да, им не придется долго терпеть эту вонь.

«Неужели все? — подумала она. — Неужели все вот так просто закончится?» Не будет никакого ритуала; ей приходилось видеть, как вешают приговоренных. Она глянула на Филиппа, брошенного, как забитое животное. Нет, в конце концов, у нее осталось одно дело. Надо отдать

последний долг. Филипп был царем и ее мужем, он сделал ее царицей, он сражался и погиб за нее. Когда палач, закончив приготовления, сошел со скамьи, она сказала:

— Вам придется немного подождать.

На окне еще стоял нетронутый кувшин с разбавленным вином, оставленный там ночной стражей. Опустившись на колени, она смочила вином подол своего хитона, старательно промыла раны покойного и обтерла лицо. Выпрямив ноги мужа, Эвридика положила его левую руку на недвижную грудь, а правую вытянула вдоль тела, потом закрыла ему глаза и рот, пригладила волосы. Смерть придала Филиппу вид серьезного привлекательного мужчины. Ей показалось, что и палачи смотрят теперь на мертвого с возросшим почтением; по крайней мере, хоть что-то она сделала для него. Собрав с пола горсть земли, Эвридика, как и положено, посыпала ею усопшего, чтобы он мог спокойно переправиться через реку.

«Еще одно, — подумала она. — Кое-что надо сделать и для себя». Недаром в ее жилах течет кровь воинственных македонских царей и вождей Иллирии. У нее появилась причина для личной кровной вражды, и если сама она не в состоянии

отомстить, то за нее это должны сделать более могущественные силы. Эвридика поднялась с пола и, гордо выпрямившись, простерла руки ладонями вниз — к вытоптанной и залитой кровью земле.

— О боги подземного мира! — громко воскликнула девушка. — Вы видите, какие дары я получила от Олимпиады. Я взываю к вам, воды Стикса, взываю к могуществу Гадеса и заклинаю вас во имя того, что потеряно мной, одарить виновницу в свой черед тем же. — Повернувшись к стражникам, она сказала: — Я готова.

Эвридика, не дрогнув, сама вытолкнула скамейку из-под своих ног, не дав возможности палачам поработать. Те не раз видели, как это делают сильные духом мужчины, и в итоге сочли, что узница проявила отменное мужество, более чем достойное своих предков. Когда же им показалось, что последние мучения жертвы длятся дольше, чем нужно, они потянули ее вниз за ноги, чтобы потуже затянуть петлю и помочь ей поскорее умереть.

Олимпиада призвала своих советников для отправления важных дел.

Теперь у нее осталось мало верных и преданных ей лично людей. В число ее сторонников

входили, например, те, кто стремился отомстить Антипатридам, но многие из них уже поняли, что они, в свою очередь, дали повод для мести Кассандру, остальные, как она догадывалась, хранили верность только сыну Александра. Царица сидела за тем же самым великолепным, украшенным позолотой каменным столом, за которым когда-то в молодости сиживал ее муж Филипп. Те давние времена гражданских войн еще могли помнить шестидесятилетние македонцы, а семидесятилетним даже доводилось участвовать в этой кровавой неразберихе. Собственно, созвав совет, Олимпиада не нуждалась ни в чьих советах. Предпочитала диктовать свою волю. Сидевшие перед ней пожилые сановники и командиры не имели ни малейшего шанса пробить брешь в ее царственной замкнутости.

Она сообщила им, что не намерена спокойно сидеть в Пелле, пока мятежники и предатели осаждают македонские крепости. Вскоре она выступит на юг в Пидну; от этого города рукой подать до Диона, где имел наглость обосноваться Кассандр. Портовая крепость Пидны хорошо укреплена, и оттуда будет удобно руководить военными действиями.

Воины одобрили ее планы. Им вспомнилась

бескровная победа на западе.

— Отлично, — сказала Олимпиада. — Через два дня я переезжаю в Пидну. Вместе с двором.

Лица воинов омрачились. Такого они совершенно не ожидали. Это означало, что толпы женщин, слуг и прочих гражданских лиц сядут на головы пехотинцам и всех их к тому же придется чем-то кормить. Никому не хотелось возражать ей, но после значительной паузы они все-таки осмелились высказать свои соображения.

С невозмутимым видом она заявила:

— Это все ненадолго. Зато союзники смогут присоединяться к нам с моря, не неся потерь от сражений, какими чреваты переходы по суше. Мы сразимся с Кассандром, когда соберем все силы в кулак. Полиперхон тоже вот-вот подойдет к нам.

Агенор, опытный, прошедший Азию командир, назначенный главнокомандующим, прочистил горло и сказал:

— Никто не сомневается в преданности Полиперхона. Но говорят, что из-за дезертирства ряды его армии нешуточно поредели. — Полководец помедлил; все с интересом ждали, осмелится ли он продолжить. — И как всем известно, мы не можем ждать никакой помощи из Эпира.

Она застыла в своем отделанном слоновой костью кресле. Войско Эпира, дойдя до границы, взбунтовалось, и солдаты разошлись по домам, не пожелав воевать в Македонии. С Олимпиадой осталась только горстка преданных молоссиан. Два дня она просидела в одиночестве, залечивая уязвленную гордость, а тайные союзники Кассандра тем временем переманили и тех на свою сторону. Не всех, правда, но большинство. Советники хмуро поглядывали на Агенора; они заметили, как посуровело лицо царицы.

Волевая маска слегка дрогнула, полыхнув непреклонным и угрожающим взглядом. Олимпиада сказала:

— Весь двор переезжает в Пидну. Заседание окончено.

Переглядываясь друг с другом, советники покинули зал и лишь на улице решились нарушить молчание. Агенор проворчал:

— Пусть делает что хочет. Но ей придется сдаться еще до зимы.

Командир, оставленный Кассандром сдерживать Полиперхона, прислал хорошие вести. Упорно избегая открытой войны, он внедрил в лагерь противника своих людей, имевших там ростовщиков или друзей. Неустанно твердя

всем и каждому, что чужеземка и узурпаторша Олимпиада пролила кровь македонских царей, они предлагали премию в пятьдесят драхм любому порядочному македонцу, готовому перейти на сторону Кассандра. С каждым днем число солдат в армии Полиперхона неумолимо сокращалось, с остатками преданных воинов он уже думал только об обороне, не помышляя о чем-либо другом, и в конце концов заперся в лучшей из ближайших горных крепостей, где его люди в ожидании развития событий начали чинить стены и запасать провизию.

Местные жители давно собрали урожаи зерновых и оливок и, отжав виноград, пополнили погреба запасами молодого вина, а женщины отправились в горы, дабы воздать должное Дионису. В предрассветной тьме пронзительные вопли вакханок перекликались с петушиными криками. С крепостных стен Пидны дозорные, обозревая морские дали, отметили лишь, что первые осенние ветры уже взрябили водную гладь. Никаких кораблей на горизонте так и не появилось, кроме последних рыболовецких судов, спешивших в родной порт.

До начала первых штормов Кассандр спустился с перевала, находившегося теперь в его владе-

нии, и обнес Пидну осадным частоколом.

316 год до н. э.

В Македонию пришла весна. Правда, вершины Олимпа были еще по-зимнему белыми под бледно-ясным куполом неба, все облака которого собрались вокруг Трона Зевса. Орлы, отринув безжизненную чистоту этих высей, угнездились на нижних утесах, чьи темные силуэты отменно подчеркивали белизну снежных покровов.

А у подножия гор бурно несущиеся вешние воды очищали ущелья и овраги, с громовым грохотом перекатывая по ним валуны. В долине под стенами Пидны теплое солнце отогрело трупы, замерзшие в зимние холода, а с ними и запах мертвечины, вновь привлекший крылатых падальщиков.

Олимпиада, прохаживаясь по крепостной стене, поглядывала за осадную линию на горные пастбища, где сейчас хозяйничали лишь рыси да волки и где сосны, словно пробуждающиеся от спячки медведи, взмахивая пушистыми лапами, сбрасывали снеговые шапки.

Ее исхудавшее лицо выглядывало из-под многочисленных накидок. Она прибыла сюда в начале мягкой ласковой осени, решив, что уже

через месяц война закончится и Кассандр умрет. У Александра всегда все выходило именно так, как он решал, и она это знала. Не знала лишь, сколько глубоких раздумий предшествовало принятию этих решений. Сегодня дул пронзительный ветер; чтобы от него защититься, пришлось даже накинуть парадную мантию. Но попытки утеплить себя мало чему помогали. Холод все равно находил дорогу к истощенной, ослабленной плоти.

Остальные женщины предпочитали не выходить на улицу, а жались к крошечным домашним жаровням. Дежурившие на бастионах солдаты с изможденными, обтянутыми кожей лицами провожали царицу вялыми взглядами: жизненной силы на более сильное проявление ненависти у них уже не хватало. Целую зиму никто даже не пытался атаковать эти стены, и дно рва сплошь покрывали тела умерших голодной смертью людей. Их сбрасывали туда не в припадке жестокосердия, а по необходимости: в крепости уже не осталось места для захоронений.

Там же во рву валялись и огромные кости слонов. Лошадей и мулов съели в первую очередь, а этих животных придерживали для военных действий; кроме того, никто просто не осмели-

вался к ним подступиться. В качестве корма им пытались подсунуть опилки, но со временем недовольные стоны гигантов и безнадежный трубный рев стали все чаще прорезать ночную тишину, а потом один за другим они подохли в своих слоновниках, и осажденные еще какое-то время питались тем жестким и жилистым мясом, что даже голод не свел с их мослов. Бесполезных погонщиков сняли с довольствия, и теперь все они также лежали под стенами.

Поначалу в крепости кое-где раздавались крики новорожденных и плач маленьких детей, но и они давно затихли. Юный Александр был уже не так мал, чтобы плакать. Да и Олимпиада заботилась о том, чтобы мальчику давали достаточно пищи. Нельзя же с детства подрывать веру будущего царя в свои силы. Хотя еда была отвратительной, наследник на удивление не терял настроения и даже подбадривал бабку, напоминая ей, что и отец его тоже голодал вместе с воинами. Но частенько Олимпиада невольно погружалась в мир собственных мыслей и ловила себя на том, что вместо этого ребенка видит перед собой того статного высокородного внука, какого могла бы иметь, если бы сын внял ее советам и женился до ухода в Азию. Почему,

спрашивала она себя, ну почему же?..

Над выходившими к морю крепостными валами воздух был чище, в нем резче ощущался привкус весенней свежести. Олимпийский горный массив с его заснеженными гребнями манил ее, как вид деревьев манит запертую в клетке птицу. Впервые за сорок лет она не смогла принять участие в осенних Дионисиях, не отвела душу со своими менадами в какой-нибудь глухомани. Простись с этим, все в прошлом, подсказало ей карканье, донесшееся от обгладываемых падальщиками трупов. Она сердито отмахнулась от вздорной мысли.

Совсем скоро начнется навигация, и Эвмен, чья преданность не вызывает сомнений, прибудет сюда из Азии со своими войсками.

На стенах что-то затеялось. Небольшая группа людей, обрастая попутчиками, направилась в ее сторону. В ожидании она отступила от парапета.

Воины подошли и встали, не выказывая возмущения. Мало у кого остались на это силы. Одежды висели на осажденных, как полупустые мешки; некоторые, чтобы не упасть, опирались на плечи друзей. В свои тридцать они выглядели шестидесятилетними стариками, их кожу покрывали цинготные нарывы, многие потеряли все зубы,

а кто-то и волосы. Тот, в ком еще можно было по ряду признаков угадать командира, выступил вперед и произнес, слегка пришепетывая из-за отсутствия передних зубов:

— Почтенная Олимпиада, мы просим тебя разрешить нам покинуть крепость.

Она молча смотрела на них. Вспыхнувший гнев мгновенно потух в глубине ее запавших глаз. Этот слабый старческий голос исходил, казалось, не от человека, а от самой судьбы.

Ободренный ее молчанием воин добавил:

— Если враг пойдет в атаку, то сможет взять нас голыми руками. Стоит ли тратить на нас последние запасы провизии? Ведь в итоге мы все равно присоединимся к тем, что лежат внизу. — Он с усталой сдержанностью кивнул в сторону рва. — Избавившись от лишних ртов, более сильные защитники крепости смогут продержаться немного дольше. Ты даешь нам свое разрешение, госпожа?

— Но, — вымолвила она наконец, — люди Кассандра убьют вас без всякой жалости.

— На все воля богов, царица. Сегодня или завтра, какая разница?

— Можете уходить, — сказала Олимпиада.

Командир немного помедлил, молча глядя

на нее, а остальные начали расходиться, еле волоча ноги. Она добавила:

— Благодарю вас за верную службу.

Олимпиада сильно замерзла и спустилась со стены, но чуть позже вновь поднялась наверх, чтобы посмотреть, как они уходят.

Сломав нескольких тощих сосенок, что росли в трещинах скальных образований, солдаты вышли из ворот и помахали ветками в знак мирных намерений. Держась друг за друга, они спустились по откосу и потащились по ничейной земле к осадным сооружениям. В стене частокола уже подняли грубый дощатый заслон, осажденные, словно тени, просочились в проем и скученно замерли на вражеской территории. Одинокий часовой в шлеме подошел к ним и, видимо что-то спросив, удалился. Вскоре появились люди с корзинами и большими кувшинами. Олимпиада заметила, что сдавшимся раздали хлеб и вино и тонкие, как палки, руки взлетели в порыве благодарности вверх.

Она вернулась к надвратной башне и, пройдя в свои покои, присела возле едва тлеющего очага. Под ногами бегали деловитые маленькие существа, проложившие тропку к стоявшей рядом корзине. Олимпиада подняла крышку. Полчища

муравьев пожирали сдохшую змею. Это была последняя священная змея, привезенная из фракийского святилища Диониса, оракул.

Что же убило ее? Крыс и мышей давно переловили и съели, но рептилия могла жить, питаясь чем-либо более мелким. Например, теми же муравьями. Ей было всего несколько лет. Олимпиада с отвращением взглянула на черный живой ковер и, поежившись, поставила на огонь корзину со всем ее возбужденно копошащимся содержимым.

Стихли холодные ветры, и воздух стал заметно теплее. Море стало пригодным для плавания, но единственными прибывшими парусниками оказались военные суда Кассандра. Дневной рацион в крепости сократился до горстки еды, когда Олимпиада отправила послов на переговоры.

С крепостной стены было видно, как они вошли в палатку. Рядом с Олимпиадой стояла приемная дочь Фессалоника, доставшаяся ей в наследство от одной из походных жен Филиппа. Мать Фессалоники умерла во время родов, и Олимпиада терпела падчерицу во дворце, поскольку та никогда не перечила мачехе, в любых ситуациях оставаясь приветливой, тихой. Приживалке уже исполнилось тридцать пять;

высокая и некрасивая, она держалась, однако, вполне достойно. Она не посмела признаться Олимпиаде, что в Пелле получила предложение от Кассандра, и просто поехала со всем двором в Пидну, дав понять, что опасается за свою жизнь. И сейчас эта бледная, с потускневшими волосами тихоня тоже предпочитала помалкивать, ожидая, чем кончится дело.

Послы вскоре вернулись, слегка ошарашенные тем радушием, каким их встретил вражеский стан. С ними прибыл и посол Кассандра.

Им оказался Дений, старый знакомый Олимпиады, выполнявший когда-то для нее кое-какие секретные поручения. За хорошие денежки, разумеется. Интересно, много ли ее тайн теперь известно Кассандру? Дений вел себя так, словно тех дней никогда не бывало, с вежливым вызовом. Вызывающе в компании осажденных выглядело уже само его румяное и упитанное лицо. Отказавшись от личных переговоров, он заявил, что ему приказано говорить в присутствии всего гарнизона. Не имея выбора, Олимпиада встретилась с ним во дворе, возле плаца, где солдаты обычно тренировались, пока еще имели силы.

— Кассандр, сын Антипатра, приветствует тебя,

почтенная Олимпиада. Если твои воины сдадутся ему, то их пощадят, как и тех, кто уже сдался раньше. И ты сама тоже без всяких оговорок должна сдаться на его милость.

Она гордо выпрямилась, превозмогая мучительную боль в одеревеневшей спине.

— Передай Кассандру, пусть выдвинет более приемлемые условия. — Шелестящий вздох пробежал по рядам стоявших внизу воинов. — Когда прибудет Эвмен, твой командир убежит отсюда, как затравленный волк. А до тех пор мы продержимся.

Приподняв брови, Дений изобразил нарочитое удивление:

— Прошу прощения. Я и забыл, что новости к вам не доходят. Не стоит возлагать надежды на мертвеца.

Остатки жизненных сил ушли из нее, словно последние капли вина из треснувшего кувшина. Она удержалась на ногах, но не ответила.

— Эвмена недавно выдали Антигону. Это сделали аргираспиды, которыми он командовал. В удачном сражении Антигон захватил их вещевой обоз. Там находились все военные трофеи аргираспидов, а также их жены и дети. Невозможно даже описать, как много это значило

для истомленных войнами ветеранов. Во всяком случае, Антигон заявил, что вернет им добро и семьи в обмен на их командира, и они приняли его условия.

Истощенные солдаты вздрогнули и зароптали. От ужаса, вероятно, от сознания полной неопределенности своего будущего, а может, и от искушения.

Изможденное лицо царицы обрело бледность пергамента. Она была бы рада сейчас опереться на палку, с которой ходила порой по неровным тропинкам крепости, но эта палка осталась в покоях.

— Ты можешь передать Кассандру, что мы откроем ворота без всяких условий, только в обмен на сохранение наших жизней.

Ослепляющие круги уже завертелись перед ее глазами, и голову словно сковал ледяной обруч, но Олимпиада все же сумела дойти до своей опочивальни и закрыть дверь. Лишь там она потеряла сознание.

— Прекрасно, — сказал Кассандр, когда Дений вернулся к нему. — Когда осажденные выйдут, надо накормить их и зачислить в ряды нашего войска всех, кто того стоит. Начинайте копать траншею, чтобы похоронить трупы. Старая

ведьма со своими придворными пока останется в Пидне.

— А потом? — спросил Дений с притворной небрежностью.

— Потом… посмотрим. Она все-таки мать Александра, что заставляет всех этих простаков трепетать перед ней. Македонцы, разумеется, не потерпят больше ее владычества, но даже теперь… Для начала я припугну ее, а потом предложу судно для бегства в Афины. Кораблекрушения на море не редкость.

Мертвых закопали, тощие, бледные женщины перебрались из крепости в царский городской особняк. Он был вместительным, чистым; дамы достали из сундуков зеркала, глянули в них и тут же убрали подальше. Подпоясав слишком просторные одежды, они с жадностью накинулись на фрукты и простоквашу. Царевич быстро оправился. Он помнил, что пережил некую памятную осаду и что фракийские лучники в сторожке тайно жарили человечину. Детская жизнестойкость помогла ему воспринять все это как добавление к старым легендам. Кеб, за счет отменной физической крепости неплохо выдержавший испытание, не унимал болтовни подопечного, хуже было бы, если бы тот вдруг

сделался молчуном. Все цари Македонии мощью оружия расчищали дорогу на трон; мальчику полезно узнать, что война — это не только парадные шествия под триумфальное пение труб. Вскоре, восстановив силы, они с царевичем смогут вновь приступить к регулярным урокам.

Больше всех изменилась Роксана. Ей исполнилось двадцать шесть лет, однако такой возраст на ее родине считался для женщины весьма почтенным. И в этом мнении она укрепилась, подойдя к зеркалу, что неожиданно добавило ей в своих глазах веса. Она стала в большей степени ощущать себя уже не вдовой покойного государя, но царственной матерью его наследника.

Пелла сдалась по приказу Олимпиады, продиктованному Кассандром, после чего, спрятав гордость в карман, вконец униженная царица послала спросить победителя, может ли она теперь вернуться в свои дворцовые покои. Кассандр ответил, что сейчас не самое подходящее время для возвращения. Сначала следует разобраться с делами.

Олимпиада посиживала у окна и, глядя на западный берег моря, размышляла о своем будущем. Эпир ее более не приемлет. Ей уже шестьдесят, но еще лет десять или даже больше

она могла бы воспитывать мальчика и увидеть в итоге, как он взойдет на отцовский трон.

Кассандр устроил в Пелле большой прием. Эпироты заключили с ним союз, и он направил к ним наставника для их малолетнего царя, сына Клеопатры. Похоронив Никанора и восстановив оскверненную гробницу Иоллы, новый властитель Македонии поинтересовался, что сталось с телами так подло убитой царской четы.

Его привели в дальний угол кладбища, где в скромной выложенной кирпичами могиле покоились Филипп и Эвридика, погребенные, как простые селяне. Едва ли можно было теперь разобрать, кто из них женщина, а кто мужчина, но Кассандр велел возложить останки на погребальный костер, заявив, что оба убийства совершены с вопиющими нарушениями македонских законов, и приказал хранить прах убиенных в драгоценных ларцах до тех пор, пока не будет выстроена подобающая гробница. Он хорошо помнил, конечно, что царей Македонии обычно захоранивали их непосредственные преемники.

После чистки, проведенной Олимпиадой, в окрестностях Пеллы появилось много новых могил. Увядшие венки еще висели на надгроб-

ных плитах с локонами волос родственников усопших. Те по-прежнему приходили туда с жертвенными корзинами поплакать и погоревать. И Кассандр с завидным упорством начал обходить эти траурные компании, выражая скорбящим свое соболезнование и вопрошая, не пришла ли пора осудить виноватых. Вскоре выяснилось, что пострадавшие требуют созыва собрания с намерением обвинить Олимпиаду в том, что она без суда проливала македонскую кровь.

Олимпиада ужинала со своим окружением, когда слуга объявил о прибытии человека из Пеллы. Покончив с едой, она выпила кубок вина и спустилась вниз.

Обходительный и вежливый посетитель, судя по говору, был из северных мест; правда, она не узнала его, что, впрочем, неудивительно для того, кто долго отсутствует где-то.

Незнакомец держался как друг, он доверительно сообщил ей о том, что македонцы намерены осудить ее, а потом сказал:

— Я здесь, как ты понимаешь, по просьбе Кассандра. После снятия осады он публично обещал сохранить тебе жизнь. Завтра на рассвете в порту тебя будет ждать корабль.

— Корабль?

Сумерки уже сгустились, а светильники в зале еще не зажгли. Щеки царицы во мраке совсем, казалось, ввалились, но в глубине темных глазниц затепился огонек.

— Корабль? Что ты имеешь в виду?

— Госпожа, у тебя есть добрые друзья в Афинах. Ты ведь поддерживала их демократов. — («Поддерживала, только чтобы досадить Антипатру»). — Там тебя хорошо примут. Пусть собрание осудит тебя заочно. От этого пока никто не умирал.

До сих пор она говорила очень тихо: ей еще не удалось восстановить силы после затяжных изнурительных испытаний. Поэтому громкая отповедь прозвучала весьма впечатляюще.

— Неужели Кассандр думает, что я сбегу от суда македонцев? Разве мой сын поступил бы так?

— Нет, госпожа. Но у Александра не возникало подобного повода.

— Пусть они поглядят мне в глаза! — воскликнула она. — А потом, если захотят, пусть выносят решения. Передай Кассандру: как только он сообщит мне день и час собрания, я прибуду на суд.

Придя в замешательство, посланец пробормотал:

— Разумно ли это? Я же сказал, что часть людей откровенно желает тебе вреда.

— Когда они увидят меня и услышат, тогда мы посмотрим, чего они станут желать.

* * *

— Сообщить ей день? — переспросил Кассандр. — Ну нет, это слишком. Я знаю, как впечатлительны македонцы. Назначим собрание на завтра и скажем, что она отказалась приехать.

Пострадавшие появились перед собранием в рваных траурных одеяниях, с заново подстриженными и посыпанными пеплом волосами. Вдовы вели осиротевших детей, старики горевали, что на склоне лет остались без сыновей. Когда объявили, что Олимпиады не будет, никто не вызвался выступить в ее защиту. Довольным шумом македонцы одобрили смертный приговор.

— Пока все хорошо, — заметил потом Кассандр. — Полномочия нам предоставлены. Но для женщины ее склада публичная казнь — как подарок. Ведь тогда у нее будет возможность обратиться к народу, а она уж ее не упустит. Я считаю, что нам нужно что-то придумать.

* * *

В Пидне знатные компаньонки царицы занимались обычными утренними делами. Роксана расшивала затейливыми узорами новый кушак, Фессалоника мыла голову. (По распоряжению Кассандра ей передали, что она может свободно вернуться во дворец. Эту привилегию она восприняла с ужасом и обошла молчанием.) Олимпиада, сидя у окна, читала хроники Каллисфена о деяниях Александра. Их где-то в Бактрии скопировал греческий книгочей и отправил ей с царской почтой. Она уже не раз прочла этот труд, но сегодня вдруг захотела опять проглядеть его.

В коридоре послышались чьи-то шаги. Коротко, но настойчиво постучав, вошел Кеб.

— Прости, госпожа. Там солдаты. Они требуют, чтобы ты вышла к ним. Намерения у них явно недобрые. Я запер двери.

Тут снаружи донеслись сильные удары и лязг оружия, сопровождаемые громкими проклятиями. Прямо с шитьем в руках прибежала Роксана. Следом за ней принеслась Фессалоника.

Закручивая мокрую голову полотенцем, она боязливо спросила:

— Он с ними?

Пришел царевич, решительно бросив:

— Что им здесь нужно?

Рукопись сама собой сползла в сторону. Олимпиада вновь взяла ее и вручила мальчику со словами:

— Александр, сохрани это для меня.

Он принял книгу, одарив бабку серьезным, внимательным взглядом. В дверь колотили все сильнее и сильнее. Олимпиада повернулась к женщинам:

— Все понятно. Ступайте в ваши комнаты. И ты тоже, Кеб. Им нужна я. Предоставьте мне самой разобраться с ними.

Женщины удалились. Кеб помедлил, но царевич взял его за руку. Если уж суждено умереть, то предпочтительнее смерть за царя. Грек поклонился и повел мальчика за собой.

Массивная дверь начинала трещать под ударами. Олимпиада подошла к одежному сундуку, сбросила домашнее платье и облачилась в красную мантию, которую надевала в особо важных случаях. Кушак индийского золотого шитья украшала россыпь рубинов и золотая же бахрома. Она достала из ларца великолепное жемчужное ожерелье, таксильское, присланное Александром, застегнула его и без какой-либо спешки

направилась к лестнице, где и встала в ожидании на верхней площадке.

Наконец двери рухнули. Ввалившиеся с улицы солдаты топтались у входа, рассерженно озираясь вокруг. Привычные к грабежам в завоеванных городах воины вытаскивали мечи, намереваясь обыскать дом и обшарить все его тайники, несомненно располагавшиеся приблизительно там же, что и во всех домах мира. Они уже двинулись к лестнице, когда вдруг заметили молчаливую неподвижную фигуру, спокойно взиравшую на них сверху, словно статуя с пьедестала.

Идущие впереди македонцы остановились. Их товарищи, все еще попиравшие выломанные двери, подняли головы и увидели то же, что и они. Возмущенные крики затихли, сменившись жуткой, ввергавшей в дрожь тишиной.

— Вы хотели видеть меня, — сказала Олимпиада. — Вот я перед вами.

— Вы что, с ума посходили? — потрясенно спросил Кассандр, выслушав вернувшегося офицера. — Неужто она действительно стояла прямо перед вами и вы ничего не сделали? Сбежали, как псы, застигнутые на кухне? Эта старая карга, должно быть, околдовала вас. Что она вам

сказала?

Он выбрал неверный тон. Его собеседник насупился, подобрался.

— Она ничего не сказала, Кассандр. А вот солдаты сказали потом, что она опять выглядела как мать Александра. И никто не посмел даже приблизиться к ней.

— Вам, между прочим, было заплачено совсем за другой результат, — резко бросил Кассандр.

— Пока не заплачено, командир. Я сохранил твои деньги. Позволь вернуть их и удалиться.

Кассандр отпустил его. Дело осложнилось, огласки следовало избежать. Позже он позаботится, чтобы этого человека послали туда, откуда не возвращаются, но сейчас нужно срочно спасать положение. Необходимо придумать что-нибудь понадежнее, чтобы не провалиться еще раз. Когда все расставляющая по своим местам мысль пришла ему в голову, она показалась такой простой, что он удивился, как можно было так долго блуждать вокруг да около самого очевидного из решений.

День клонился к вечеру. В Пидне домочадцы Олимпиады с нетерпением ждали ужина. Не столько потому, что проголодались (их желудки все еще не обрели своих прежних размеров),

сколько потому, что трапеза вносила разнообразие в скучное течение захолустной жизни. Наставник читал маленькому Александру о приключениях Одиссея, ту самую главу, где Цирцея превращает спутников героя в свиней. Женщины даже слегка принарядились, соблюдая манерную чинность. Солнце зависло над громадой Олимпа, готовясь нырнуть за нее и погрузить побережье в вечерние сумерки.

Небольшая толпа шла и шла по дороге, оглашая окрестность не топаньем жестких солдатских сапог, но тихим подшаркиванием мягкой обуви, пристойным для похоронных процессий. С подрезанными, всклокоченными и посыпанными пеплом волосами люди мрачно продвигались вперед в ритуально разорванных, развевающихся одеждах.

Освещаемые последними лучами солнца, они подошли к тем же разбитым дверям. Местный плотник кое-как вставил их в дверной проем и временно укрепил на скорую руку. Пока прохожие с удивлением раздумывали, кого это собираются хоронить в такой час, поднявшиеся по ступеням угрюмцы принялись отрывать хлипкие доски.

Олимпиада услышала странный шум. Когда

прибежали испуганные слуги, она уже все поняла, будто знала. На сей раз царица не стала переодеваться. Ее взгляд упал на шкатулку, где обычно хранились «Деяния Александра». Хорошо, что книга все еще у царевича. Выйдя на лестницу, она увидела внизу измазанные золой лица, похожие на застывшие трагедийные маски. Олимпиада не стала устраивать фарс, пытаясь склонить к милосердию этих несчастных с безжалостными глазами. Она предпочла спуститься к ним сразу.

Но они не набросились на нее в тот же миг. Каждому хотелось облечь в слова свою муку: «Ты убила моего сына, никому в жизни не сделавшего плохого!», «Твои люди перерезали горло моему брату, смело сражавшемуся в Азии вместе с твоим сыном!», «Ты распяла на кресте моего мужа, и дети видели его позорную смерть!», «Твои люди убили моего отца, а потом изнасиловали сестер!»

Выкрики становились все громче, превращаясь в бессвязный яростный гомон. Теперь эти распалившие себя люди были готовы разорвать виновницу своих бед на куски. Олимпиада повернулась к пожилым мужчинам, более уравновешенным в своей мрачной ожесточенности.

— Неужели и вы считаете, что именно так подобает казнить меня?

Она не пробудила в них жалость, но затронула гордость. Один старец поднял свой посох, призывая к спокойствию, и понемногу оттеснил от царицы толпу.

Наверху в доме заголосили служанки. Фессалоника тихо выла, Роксана дико рыдала. В яростном уличном гвалте бактрийка слышала только шумы чужеземного города, не имевшие лично к ней ни малейшего отношения. Но ей не хотелось, чтобы ее юный сын стал свидетелем ужасной расправы.

Старики урезонили молодежь. Олимпиаду отвели на пустынный клочок побережья, непригодный для земледелия, где на каменистой почве росли лишь редкие серовато-зеленые колючки и у кромки воды темнели обломки давних кораблекрушений, пригнанные штормами. Люди расступились и встали на равном от нее удалении, как дети, затеявшие круговую игру. Они взглянули на старика, который вызвался огласить приговор.

— Олимпиада, дочь Неоптолема! За убийство македонцев без суда, вопреки нашим обычаям и закону мы предаем тебя смерти.

Она стояла в центре круга с высоко поднятой головой, когда в нее полетели первые камни.

Пошатнувшись от прямых попаданий, царица поспешно опустилась на оба колена, чтобы, вдруг оступившись, не растянуться перед мучителями в жалкой позе. Это сделало ее лучшей мишенью, и вскоре один большой камень угодил ей в надбровье. Олимпиада вдруг осознала, что лежит на земле, глядя в небо. Невероятной красоты облако расцветилось лучами заходящего солнца, уже спрятавшегося за горами. Изображение стало двоиться и расплываться; она почувствовала, как ломаются ее кости под градом новых ударов, но психологический шок притупил ощущения. Она успеет покинуть этот мир до того, как начнется настоящая боль. Олимпиада посмотрела вверх — на расползающееся над Олимпом лучезарное облако — и подумала: «Я принесла в этот мир небесное пламя и прожила славную жизнь». С небес слетела ослепительная молния, и свет померк.

315 год до н. э.

Ликей стоял в живописном пригороде Афин близ тенистого берега любимого Сократом Илисоса. Это красивое строение появилось здесь совсем недавно. Гимнасий, где Аристотель основал свою перипатетическую школу, выглядел теперь незатейливым флигельком. Длинный изящный портик с разноцветными коринфскими колоннами дал приют новому философу, проводившему там порой время в дискуссиях со своими учениками. Изнутри доносился легкий запах старых пергаментов, чернил и вощеных табличек.

Все это были дары Кассандра, преподнесенные им через своего выдвиженца на высший в городе пост. Глава школы Теофраст давно мечтал о встрече с благодетелем, и вот долгожданный день настал.

Почетному гостю показали новую библиотеку, где на многочисленных полках хранились и труды Теофраста; он был не особо оригинальным, но плодовитым ученым. Сейчас они вернулись в покои философа — к столам с легкими закусками и вином.

— Я в восторге от собранных тобой материа-

лов, — сказал Кассандр, — и рад, что вы здесь так усердно изучаете историю. Каждому поколению ученых приходится подчищать в ней ошибки, чтобы ими не заразились молодые умы.

— Глубина исторических экскурсов Аристотеля… — пылко заговорил Теофраст.

Кассандр, уже целый час страдавший от словоохотливости собеседника, вежливо поднял руку.

— Я сам сидел в юности у его ног, когда он преподавал в Македонии.

Ненавистные дни, приправленные желчью враждебности к блестящему, жадно интересующемуся всем на свете кружку, из которого его навсегда вытолкнула собственная завистливость. Кассандр помолчал и многозначительно произнес:

— И все было бы просто прекрасно, если бы главный из учеников нашел лучшее применение своим дарованиям и положению.

Насторожившийся ученый пробормотал что-то о порочности варварских веяний и искушениях, что таит в себе власть.

— Ваш мир понес тяжелую утрату, когда Каллисфен закончил свой земной путь. Блестящий был ученый, я полагаю.

— О да! Аристотель весьма за него опасался,

на самом деле он даже предсказывал подобный исход. Некоторые необдуманные письма…

— Я убежден, что бедного Каллисфена несправедливо обвинили в подстрекательстве к цареубийству. Видимо, просто сделались нежеланными его философские воззрения.

— К сожалению, так… Но у нас теперь нет связи ни с кем из тех, кто сопутствовал Александру, а наших сведений далеко не достаточно.

— По крайней мере, — с улыбкой произнес Кассандр, — сейчас у тебя гостит человек, пребывавший при вавилонском дворе в последние недели жизни царя, считавшего себя властителем мира. Если ты любезно пригласишь сюда писца, я поведаю ему о том, что видел своими глазами.

Писец пришел с изрядным запасом табличек. Диктовка проходила в спокойном, не нагнетающем напряжения темпе.

— …но уже задолго до этого в поведении Александра вдруг стала проявляться кичливость, а сам он начал предаваться разврату, предпочтя непомерную в своем чванстве заносчивость персидских царей здравой сдержанности обитателей родной Македонии.

Писцу не придется потом ничего подправлять в изложении, старательно продуманном и за-

тверженном назубок. Теофраст, чья собственная жизнь прошла в ученых трудах, внимал как зачарованный очень выверенным и весьма хлестким высказываниям непосредственного участника великих событий.

— Он заставил своих победоносных полководцев простираться ниц перед его троном. Триста шестьдесят пять наложниц — столько же было у Дария — заполонили его дворец. Не говоря уже о множестве женоподобных евнухов, возбуждающих похоть. Я, пожалуй, не стану подробно останавливаться на еженощных кутежах…

Кассандр продолжал в том же духе довольно долгое время, с удовольствием отмечая, что каждое его слово появляется на вощеной табличке. Наконец писца поблагодарили и отправили переписывать набело свежеиспеченный исторический документ.

— Естественно, — небрежно бросил Кассандр, — бывшие спутники Александра постараются расписать его в совершенно других, более выгодных для них красках, чтобы придать себе веса.

Глава Ликея мудро кивнул; этот осторожный ученый принял к сведению возможность появления сомнительных хроник.

Кассандр, у которого пересохло в горле, с удо-

вольствием потягивал вино. Он, как и облагодетельствованный им философ, с нетерпением ждал этой встречи. Ему никогда не удавалось унизить своего врага при жизни, но наконец-то хотя бы сейчас это произошло. Он сумел-таки приглушить сияние славы, ради которой тот сжег собственную жизнь.

— Я надеюсь, — вежливо сказал на прощание Теофраст, — что твоя жена пребывает в добром здравии.

— О да, Фессалоника теперь вполне может наслаждаться благами этого мира. От своего отца, царя Филиппа, она унаследовала крепкое телосложение.

— А юный царевич? Ему, должно быть, уже лет восемь, пора начинать учебу.

— Пора, пора. И дабы уберечь мальчика от дурных отцовских склонностей, я приучаю его к более строгой жизни. Видимо, древняя традиция взращивания македонских властителей попросту устарела, учитывая, что Александр без какой-либо пользы все отрочество верховодил своими Соратниками, компанией знатных хлыщей, соревновавшихся перед ним в лести. Царевич с матерью устроились во дворце Амфиполя, там они защищены от злых умыслов

и интриг; он воспитывается как обычный знатный македонец.

— Весьма полезное нововведение, — согласился ученый. — Осмелюсь, почтенный Кассандр, преподнести тебе один мой скромный трактат — «Образование государей». Когда мальчик станет постарше, тебе придется подумать о выборе наставника для него…

— Безусловно, — сказал регент Македонии, — я неустанно думаю о том времени.

310 год до н. э.

Крепость Амфиполя увенчивала высокую отвесную скалу над излучиной реки Стримон, практически завершавшей здесь свой стремительный бег к морю. В давние времена этим фракийским оплотом владели Афины и Спарта, позже его обновила и расширила Македония, причем каждый из завоевателей добавлял к древней твердыне какое-нибудь укрепление или башню. С крепостных стен дозорным открывалась прекрасная панорама во все стороны света. Порой в ясную погоду эти парни показывали Александру далекие северные хребты Фракии или вершины Афона, а он иногда рассказывал им о местах, в которых успел побывать, впрочем, за шесть лет здешней жизни эти воспоминания сделались довольно смутными.

Но ему помнились служанки и евнухи в палатке матери, ее крытый походный фургон, дворец в Пелле и бабушкины покои в Додоне, он также очень хорошо помнил Пидну, помнил, как мать не хотела говорить ему, что стряслось с бабушкой, но слуги, конечно, просветили его. Еще в память врезалось, как рыдала тетушка

Фессалоника перед свадьбой и как отчаянно плакала мать перед отъездом сюда, хотя теперь она уже успокоилась. Только одно в его жизни совсем не менялось: при нем всегда состояли солдаты. Они-то и сделались его единственными друзьями, с тех пор как уехал Кеб.

Ему все никак не удавалось познакомиться со сверстниками, зато он часто ездил на верховые прогулки в сопровождении парочки дюжих ребят. Но как только он ближе сходился с этими малыми и они начинали шутить с ним, состязаться или делиться какими-нибудь новостями, как почему-то вдруг приходило новое назначение и его провожатые отбывали, а их место занимала новая пара. Однако на протяжении пяти лет этих замен оказалось так много, что среди прибывавших охранников опять стали попадаться знакомцы, охотно возобновлявшие старую дружбу.

Некоторые из новичков выглядели угрюмо, и с ними было вовсе не весело проводить время, но с годами царевич обрел проницательность, научился хитрить. Комендант крепости Главкий обычно навещал его каждые несколько дней, и когда Александр говорил ему, к примеру, как любезны с ним новые телохранители

и как много интересного они рассказывают о сражениях с азиатами, то вскоре хмурых молчунов куда-то переводили. Когда же его истинные друзья сообщали коменданту, что царевич грустит на прогулках, то они задерживались при нем на достаточно продолжительный срок.

От таких вот друзей он однажды услышал, что Антигон, верховный главнокомандующий войсками Азии, по собственному почину развернул военные действия, намереваясь забрать его из Амфиполя под свою опеку. Александру было всего два года, когда жизнь столкнула его с Антигоном. Завидев страшного одноглазого великана, малыш пришел в ужас и заорал. Теперь Александр знал много больше об этом воинственном исполине, но все-таки не горел желанием стать его подопечным. Нынешний опекун не причинял ему никаких неудобств, поскольку вовсе не докучал своими визитами.

Подрастающему царевичу хотелось, чтобы его взял под крыло Птолемей. Нет, он совсем не помнил этого человека, но солдаты рассказывали, что из отцовского окружения Птолемея любили больше других. И воевал тот под стать отцу, проявляя великодушие, «что по нынешним временам всем в диковину». Однако Птолемей

находился в Египте, и не имелось ни малейшей возможности с ним снестись.

Как бы там ни было, но оказалось, что война вскоре закончилась. Кассандр, Антигон и остальные полководцы заключили мир, согласившись, чтобы Кассандр оставался опекуном Александра до его вступления на престол.

— А когда я взойду на престол? — спросил както у двух своих лучших приятелей Александр.

По какой-то причине этот вопрос встревожил обоих. С неожиданным жаром и Пер, и Ксанф настоятельно посоветовали ему никому не рассказывать об их разговорах, иначе им грозит верная ссылка в какую-нибудь глухомань.

Обычно они затевали скачки втроем, но лошадь Пера вдруг охромела, и Александр попросил Ксанфа разочек проехаться с ним, перед тем как повернуть к дому. Тот согласился, и они пустили коней вскачь, а Пер остался ждать их. Когда же они остановились, чтобы дать лошадям передохнуть, Ксанф сказал:

— Помни, никому ни слова. Но в стране о тебе поговаривают.

— Неужели? — спросил Александр, мгновенно оживившись. — По-моему, обо мне знают только те, что живут в крепости.

— Так тебе и положено думать. Но люди многим интересуются, как ты и как я. Они возлагают на тебя большие надежды. В твоем возрасте твой отец уже убил первого неприятеля, и все считают, что ты стал достаточно крепок, чтобы познакомиться с македонцами. Они хотят тебя видеть.

— Передай им, что я тоже хочу их видеть.

— Ладно, я отпрошусь из крепости, скажу, что мне надо бы подлечить спину на солнце. Запомни же, никому ни слова.

— Молчание или смерть!

Это было их обычным паролем. Они поехали обратно к поджидавшему их Перу.

Убранство покоев Роксаны свидетельствовало, что она побывала во многих краях. К сожалению, от великолепных вавилонских чертогов, затейливых гаремных решеток и поросших лилиями прудов ее отделяли тысячи миль и двенадцать лет жизни. (С той поры у нее сохранилась лишь шкатулка с драгоценностями Статиры. Недавно, сама не понимая почему, она вдруг убрала ее с глаз долой.) Однако и в Амфиполе эта привычная к переездам особа обставилась со всей отвечающей ее представлениям о роскоши пышностью, благо Кассандр разрешил взять с собой что угодно, и царские вещи влек целый обоз.

«Вас отправляют в столь хорошо защищенный район, — пояснил попечитель, — исключительно для вашего же спокойствия после всех злоключений, и, конечно, вам будут предоставлены все возможности для того, чтобы как можно лучше обустроиться на новом месте».

Тем не менее жилось Роксане очень одиноко. Вначале жена коменданта и другие знатные местные дамы наносили ей вежливые визиты, но, не рассчитывая пробыть здесь долго, она принимала их с излишней чопорностью, требуя видеть в ней только царицу-мать. Когда месяцы обернулись годами, Роксана не раз пожалела об этом и стала проявлять легкие признаки снисходительности, но было уже поздно: не располагающая к сближению церемонность прочно вошла в обиход.

Еще Роксану очень расстраивало, что круг общения царевича теперь ограничивается лишь ее приживалками да неотесанными солдатами. Мало что зная о греческом образовании, она все-таки понимала: Александру оно просто необходимо. Иначе как же он потом сможет управлять собственными подданными, когда воссядет на трон? Потеряв греческого наставника, мальчик перенял грубоватый дорический

говор охранников. Что подумает о нем опекун по приезде?

А Кассандр, кстати говоря, уже находился в Амфиполе. Как ей сообщили, регент без предупреждения прибыл в крепость и уединился с комендантом. По крайней мере, невежество Александра должно убедить этого человека, что юный царь нуждается в обучении и подобающем обществе. Кроме того, Роксане самой давно следует обзавестись достойным двором и свитой, а не прозябать в этом захолустье. На сей раз она должна настоять на своем.

Когда запыленный и раскрасневшийся от верховой езды Александр вошел к матери, та послала его умыться и переодеться. Проводя все свободное время, которого у нее было предостаточно, за рукоделием, Роксана сама обшивала как себя, так и сына. Приготовленный ею для него голубой хитон с золотой каймой и узорчатым кушаком радовал глаз персидским изяществом и классической греческой строгостью линий. Вид Александра, нарядного, чистого и причесанного, вдруг тронул ее до слез. Он быстро развивался и уже был выше матери, от которой ему достались мягкие темные волосы и тонкие, изящно изогнутые брови, но в глубине карих глаз горел холодный

огонь, будораживший воспоминания.

Роксана надела свой лучший наряд и великолепное золотое ожерелье с сапфирами, подаренное ей мужем в Индии. Потом припомнила, что среди драгоценностей Статиры есть сапфировые сережки. Она вытащила из сундука заветную шкатулку и добавила серьги к своему туалету.

— Мама, — сказал Александр, пока они сидели в ожидании, — не забудь, ни слова о том, что Ксанф говорил мне вчера. Я обещал. И ты обещай, что не скажешь ни слова.

— Разумеется, не скажу, милый. Да и кому здесь я могла бы сказать?

— Молчание или смерть!

— Тише! По-моему, он идет.

Кассандр вошел в сопровождении коменданта, которого тут же отпустил кивком головы.

Он отметил, что за годы беспечной жизни Роксана успела располнеть, хотя сохранила отличную, с оттенком слоновой кости кожу и роскошные глаза. Она в свою очередь заметила, что он постарел и исхудал до костлявости, а его скулы покрылись красной сеточкой кровеносных сосудов. Регент приветствовал царицу-мать с церемонной вежливостью, спросил о здоровье и, не дожидаясь ответа, повернулся к царевичу.

Александр, сидевший, когда Кассандр вошел, вдруг, сам не понимая почему, встал. Ему говорили, что царям не следует вставать ни перед кем, а уж тем более вскакивать. С другой стороны, здесь сейчас его дом, и он, как хозяин, обязан вроде бы поприветствовать гостя.

Кассандр отметил и это, но никак не отреагировал. Он произнес лишенным выражения тоном:

— Ты стал похож на отца.

— Да, — кивнув, сказал Александр. — Моя мать тоже видит его во мне.

— Однако ты, вероятно, перерастешь его. Твой отец не отличался высоким ростом.

— Но он был сильным и крепким. Я упражняюсь ежедневно.

— А как еще ты проводишь тут время?

— Мальчику необходим наставник, — вмешалась Роксана. — Он уже позабыл бы все буквы, если бы я не совала ему в руки книгу. Его отец учился у философа.

— Об этом я позабочусь. Итак, Александр?

Царевич задумался. Он почувствовал, что ему устраивают проверку, желая выяснить, насколько он повзрослел.

— Я гуляю по крепостным укреплениям, смотрю на корабли и спрашиваю, откуда они

приплывают, и, если кто-то может ответить мне, интересуюсь, каковы те края и что за народы их населяют. К числу моих ежедневных занятий относятся верховые прогулки с эскортом. Остальное время, — добавил он осторожно, — я размышляю о том, что значит быть царем.

— Неужели? — отрывисто бросил Кассандр. — И как же ты намерен править?

Александр много думал об этом. Он ответил сразу:

— Я разыщу всех людей, которым доверял мой отец, и выясню у них все подробности о его жизни. И прежде чем решиться на что-то, спрошу у них, как повел бы себя мой отец.

На мгновение ему показалось, что Кассандр побелел. Даже румянец на его скулах словно бы сделался сизым. «Уж не заболел ли он?» — подумал царевич. Но кровь вновь прилила к лицу регента.

— А если они вдруг не захотят поделиться с тобой воспоминаниями?

— Но я же царь. И могу приказать им исполнить мою волю. Разве не так поступал отец?

— Твой отец был… — Кассандр огромным усилием воли сдерживал натиск обуревавшего его гнева. Этот мальчик наивен, но его мать

в прошлом проявляла изрядное хитроумие. Он продолжил: — Твой отец был сложным и многогранным человеком. Возможно, впоследствии ты обнаружишь… Впрочем, не важно. Мы обдумаем, что тут можно сделать. Прощай, Александр. Роксана, всего наилучшего.

— Я все верно сказал? — спросил Александр после его ухода.

— Отлично. Ты выглядел как истинный сын своего отца. Никогда прежде ты еще не был так похож на него.

— И мы сохранили нашу тайну. Молчание или смерть!

Следующий день принес первые осенние заморозки. Александр прогуливался с Ксанфом и Пером по берегу; солоноватый морской ветер играл его волосами.

— Когда я вырасту, — крикнул царевич через плечо, — я отправлюсь на корабле в Египет!

С прогулки он вернулся, полностью захваченный этой идеей.

— Я должен увидеться с Птолемеем. Он ведь мой родной дядя… или почти родной. Кеб говорил, Птолемей знал моего отца с самого его рождения и до самой смерти. И он выстроил для него в Александрии гробницу. Я хочу при-

нести в ней жертвы, почтив ими отца. Я ни разу не приносил еще никаких жертв в его память. Ты, мама, тоже поедешь со мной.

Раздался стук в дверь. Вошла юная рабыня жены коменданта с кувшином, источавшим душистый аромат, и двумя высокими кубками. Поставив поднос на стол, она почтительно поклонилась и сказала:

— Моя госпожа приготовила это для вас и надеется, что вы окажете ей честь, отведав напиток, который поможет вам согреться в такой холодный день.

Служанка вздохнула с облегчением, проговорив столь длинную фразу. Она была фракийка и находила греческий язык трудным.

— Пожалуйста, передай нашу благодарность твоей госпоже, — любезно произнесла Роксана, — и скажи, что мы с удовольствием принимаем ее угощение. — Когда девушка удалилась, она сказала: — Эта провинциалка все еще надеется завоевать наше расположение. В конце концов, нам недолго осталось прозябать здесь. Но может, завтра мы с тобой навестим ее?

Александра, наглотавшегося соленого воздуха, мучила жажда, и он быстро осушил свой кубок. Роксана, трудившаяся над затейливой вышив-

кой, положила последний стежок и также отдала должное терпкому, но приятному на вкус напитку.

Она рассказывала Александру о войнах своего отца в Бактрии — сын должен запомнить, что и с ее стороны его предки были славными воинами, — когда вдруг увидела, что лицо мальчика вытянулось, а взгляд стал туманным. Александр быстро глянул в сторону двери, потом бросился в угол комнаты и скорчился там, сильно закашлявшись. Подбежав к нему, Роксана взяла его голову в руки, но он вырвался, словно раненая собака, и вновь судорожно закашлялся, до тошноты. Исторгнутая жидкость пахла специями и чем-то еще, ранее не выделявшимся из букета.

По взгляду матери Александр все понял.

Пошатываясь, он добрел до стола, вылил на пол содержимое кувшина и, увидев на дне осадок, сморщился от очередного острого приступа. Внезапно в глазах царевича вспыхнула ярость. Не детская недолговечная злость, но именно мужская неукротимая ярость, пылавшая в гневном взоре его отца, когда тот сердился. Роксана видела мужа в таком состоянии лишь однажды.

— Ты выдала меня! — крикнул сын. — Ты обо всем рассказала!

— Нет, нет, я клянусь!

Александр едва слышал ее. Стиснув зубы, он умирал — прямо сейчас, не дожив до старости. Ему было нестерпимо больно и страшно, но мучительнее боли и страха его гордый дух терзало сознание, что у него украли жизнь, царство, славу, путешествие в Египет и возможность духовного приобщения к деяниям величайшего из людей. Любя свою мать, он тосковал по Кебу, который много рассказывал ему об отце и както поведал, что тот, даже умирая, не утратил отваги, он до кончины приветствовал своих воинов взглядом, уже потеряв способность говорить. Если бы Ксанф и Пер очутились вдруг здесь, чтобы засвидетельствовать… чтобы потом от них все узнали… но рядом не было никого, никого… Яд проник в кровь, его мысли растворились в болезненной слабости; он неподвижно лежал на спине, устремив взгляд в балочные перекрытия.

Стенающая и плачущая Роксана склонилась над умирающим, уже чувствуя первые позывы к рвоте. Но вместо застывшего лица сына — с посиневшими губами, с белым, покрытым испариной лбом и влажными волосами — она вдруг с ужасающей ясностью увидела руки Пердикки

и скорчившегося на них недоношенного ребенка Статиры.

По телу Александра пробежала сильная судорога. Его глаза закатились. Отрава добралась и до ее внутренностей, пронзив живот острой спазматической болью. Роксана подползла на коленях к двери и крикнула:

— На помощь! На помощь!

Но никто не пришел.

286 год до н. э.

Библиотека царя Птолемея находилась на верхнем этаже дворца, ее окна выходили на александрийскую набережную. Погода стояла прохладная, с берега долетали порывы морского бриза. Сам царь сидел за громадным столом из полированного эбенового дерева, вся поверхность которого в прежние времена была завалена ворохом чертежей и бумаг, ибо его владелец в те дни усердно занимался законотворчеством и достраивал Александрию. Теперь на обширной столешнице лежало лишь несколько книг да рядом с набором письменных принадлежностей спал кот. Государственные дела перешли к сыну, вполне успешно с ними справлявшемуся. Птолемей передавал ему бразды правления постепенно и с нарастающим удовольствием. Годы брали свое, сейчас он уже разменял девятый десяток.

Он взглянул на покрытую письменами табличку. Рука его потеряла былую твердость, но почерк оставался вполне разборчивым. Во всяком случае, Птолемей надеялся прожить достаточно долго, чтобы в случае надобности дать переписчикам нужные пояснения.

Несмотря на одеревеневшие суставы, общую вялость и прочие старческие недомогания, Птолемей наслаждался своим уединенным существованием. Раньше ему вечно не хватало времени на чтение, и теперь он наверстывал упущенное. Кроме того, у него появилась возможность завершить некий давно начатый труд. Долгие годы то одно, то другое не позволяло ему взяться за него основательно. Сначала пришлось прогнать от себя старшего сына, оказавшегося безнадежно порочным (на его матери, сестре Кассандра, Птолемей женился сгоряча — по политическим соображениям), что повлекло за собой необходимость взять под особый пригляд, а затем и готовить к престолонаследию второго сына, родившегося гораздо позднее. Злодеяния первенца омрачали старость Птолемея; часто он упрекал себя за то, что не предал преступника казни. Но сегодня ничто не отвлекало его от спокойных раздумий.

Их размеренное течение прервал приход наследника. Младший Птолемей, которому исполнилось двадцать шесть лет, был македонцем самых чистых кровей, ибо на свет его произвела сводная сестра Птолемея, ставшая третьей женой уже пожилого царя. Ширококостный, под стать

отцу, он постарался войти как можно тише, думая, что старик задремал в своем удобном кресле. Но одного его шага по расшатанным половицам оказалось достаточно, чтобы с заполненных до отказа библиотечных полок тут же свалилось несколько свитков. Птолемей, улыбнувшись, оглянулся.

— Отец, из Афин прибыл очередной сундук с книгами. Куда прикажешь их отнести?

— Из Афин? О, отлично. Пусть тащат сюда.

— Где же ты будешь держать их? Тебе уже приходится складывать рукописи на полу. Скоро до них доберутся крысы.

Птолемей, подавшись вперед, вытянул морщинистую, покрытую веснушками руку и ласково почесал кошачью шею над изящным ошейником, щедро украшенным мелкими самоцветами. Гибкое, сильное животное выгнуло дугой гладкую, с бронзовым отливом спинку и с наслаждением потянулось, издав громкое, довольное урчание.

— И все-таки, — продолжил сын, — тебе пора перевести библиотеку в более просторное помещение. На самом деле для всего этого нужен уже целый дом.

— Ты построишь его после моей смерти. И достойное место должна занять там моя новая

книга.

Тут молодой человек заметил, что отец выглядит таким же самодовольным, как и его кот. Разве что не урчит.

— Отец! Неужели ты намекаешь, что наконец-то закончил свой труд?

— Буквально только что поставил последнюю точку.

Птолемей-старший показал на восковую табличку, где над последним затейливым росчерком стила было начертано: «ТАК ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА». Его наследник, обладавший чуткой и нежной душой, наклонился и обнял отца.

— Мы должны устроить публичные чтения! — воскликнул он. — В нашем Одеоне, конечно. Ведь уже почти все переписано набело. Я организую их в следующем месяце, тогда мы успеем оповестить всех, кого нужно.

С самого детства этот поздний ребенок неизменно взирал на своего отца снизу вверх, как на очень мудрого и выдающегося во всех отношениях человека. Он знал, что законченный сегодня труд начат еще до его рождения, и ему очень хотелось, чтобы автор успел убедиться, что поработал не зря и на славу, ведь старость

так скоротечна. В голове его уже мелькали имена ораторов и актеров, славившихся звучными и красивыми голосами. Птолемей понимал, о чем думает сын.

— Да, — вдруг сказал он, — мы должны выжечь отраву, пущенную в мир Кассандром. Всему свету известно, что я был с Александром от начала и до конца. Необходимо обнародовать жизнеописание побыстрее. Слишком много зла.

— Кассандр?

Молодой человек смутно помнил о каком-то умершем лет пятнадцать назад македонском царе с таким именем, наследниками которого, кажется, стали два злополучных сына, вскоре последовавших за своим родителем в иной мир. Вся эта история уже словно бы принадлежала к далекому и размытому прошлому, тогда как Александр, умерший намного раньше, представлялся ему настолько живым, что, казалось, мог сейчас войти в библиотеку. Птолемею-младшему не было нужды даже читать отцовский труд, он с детства слишком многое слышал о славном герое и теперь знал о нем чуть ли не все.

— Что это за Кассандр?

— О, я надеюсь, что боги низвергли этого злодея

в бездну Тартара. — Вялые складки старческого лица вдруг затвердели, на мгновение оно стало пугающе грозным. — Он убил сына Александра… я в этом уверен, хотя прямых доказательств и не нашлось. Кассандр так хорошо опекал мальчика, что народ даже не знал, как тот выглядит: все попытки людей увидеть будущего царя пресекались. Кроме жены и сына, на совести этого негодяя и мать Александра. Но, не удовлетворившись всеми этими злодеяниями, Кассандр подкупил ученых афинского Ликея и, воспользовавшись их неведением, очернил память Александра. Теперь Ликею никогда не отмыться. И поделом. Поделом также, что сам клеветник сгнил заживо еще до смерти, а его сыновья убили собственную мать… Да, устроим публичные чтения. А потом сделаем несколько копий с моей книги. Я хочу послать их в Ликей, Академию и в Косскую школу. И одну копию, разумеется, на Родос.

— Разумеется, — согласился сын. — Не часто родосцам выпадает счастье приобщиться к божественным откровениям.

Они с усмешкой переглянулись. После снятия знаменитой осады Птолемей на Родосе был причислен к богам. Старик погладил кота, снис-

ходительно подставившего ему для привычной ласки свой рыжеватый живот. Младший Птолемей выглянул в окно. Ослепительная вспышка заставила его зажмуриться. Золотой лавровый венок на гробнице вдруг полыхнул, отразив солнечные лучи. Сын повернулся к отцу.

— Да, много погибло великих людей. Под рукой Александра они дружно бежали вместе, точно кони, запряженные в одну колесницу. А когда он умер, они словно лишились возничего, заартачились и понесли. И, как неуправляемые лошади, в итоге сломали себе шею.

Задумчиво поглаживая мягкую кошачью шерстку, Птолемей медленно покивал.

— Да. Таков Александр.

— Но, — вдруг потрясенно сказал молодой человек, — ты ведь обычно мне говорил…

— Да-да. Говорил. Но правда и то и другое. Таков Александр. Все дело в нем.

Старик взял со стола табличку, ревниво оглядел ее и положил обратно.

— Мы оказались правы, — сказал он, — приписывая ему божественное происхождение. Александр обладал тайным знанием. Казалось, он был способен воплощать в жизнь все, чего ему только хотелось. И он воплощал. Но цена

оказалась чересчур высока, когда умерла его вера в нас. С ним мы совершали невообразимые подвиги. Он был человеком, отмеченным богом, а мы были всего лишь людьми, отмеченными им, но мы этого не сознавали. Мы тоже мечтали о чудесах, понимаешь?

— Понимаю, — ответил сын, — но все твои Соратники печально закончили, а ты достиг процветания. Не потому ли, что тебе удалось похоронить его здесь?

— Возможно. Ему нравилось, чтобы все вокруг было красиво. Я увез его от Кассандра, а он никогда не забывал доброты. Да, возможно… Но все-таки, когда он умер, я понял, что он забрал свою тайну с собой. С тех пор мы уподобились самым обычным людям, со всей их ограниченностью. Познай себя, говорит божество в Дельфах. Ничего сложного.

Обиженный невниманием кот спрыгнул к хозяину на колени и начал сворачиваться в клубок. Птолемей отцепил когти рыжего красавца от мантии и поставил его обратно на стол.

— Не сейчас, Персей, мне нужно еще поработать. Мой мальчик, пригласи ко мне Филиста, он лучше всех знает мой почерк. Я хочу успеть присмотреть за тем, чтобы писцы все верно

скопировали. Ведь бессмертным меня считают только на Родосе.

После ухода сына старик трясущимися руками решительно придвинул таблички к себе и аккуратно разложил их. В ожидании писца подойдя к окну, он задумчиво посмотрел на гробницу. Листья золотого лаврового венка, овеваемые бризом Средиземного моря, трепетали, словно живые.

От автора

«Небесное пламя»

Все записи об Александре, сделанные его современниками, утрачены. Мы опираемся на исторические сведения, составленные тремя или четырьмя столетиями позже на основе этих утраченных материалов. Для Арриана[108] главным источником являлся персонаж данного романа Птолемей[109], но труд Арриана начинается с изложения событий, происходивших после восшествия Александра на престол. Первые главы Квинта Курция[110] исчезли; Диодор[111], который отражает нужное время и рассказывает главным образом о Филиппе, мало говорит об Александре до начала его правления. Для первых двух деся-

---

[108] Сноски: 108

Арриан Флавий (между 95 и 175 н. э.) — древнегреческий историк, автор дошедшего до нас «Анабасиса Александра» в 7 книгах (истории походов Александра Македонского). *(Здесь и далее примеч. ред.)*

[109] Сноски: 109

Имеется в виду один из полководцев Александра, диадох Птолемей, основавший в 305 г. до н. э. династию Птолемеев в эллинистическом Египте.

[110] Сноски: 110

Квинт Курций Руф (жил предположительно в I в. н. э.) — римский историк. Из 10 книг его «Истории Александра Великого Македонского» сохранились книги 3-я и 10-я и фрагменты 5-й и 6-й.

[111] Сноски: 111

Диодор Сицилийский (ок. 90–21 до н. э.) — древнегреческий историк, автор сочинения «Историческая библиотека» в 40 книгах (дошла до нас не полностью), в котором история Древнего Востока, Греции и Рима изложена с легендарных времен до середины I в. до н. э.

тилетий, составляющих почти две трети жизни Александра, единственным дошедшим до нас источником служит Плутарх, а также немногие упоминания ретроспективного порядка в других исторических трудах. Плутарх не ссылается на Птолемея в этом разделе жизнеописания, возможно, потому, что тот не был непосредственным свидетелем юности Александра.

Сведения из Плутарха даны в книге на соответствующем историческом фоне. Я использовала, с известной долей скептицизма, речи Демосфена и Эсхина. Некоторые анекдоты о Филиппе и Александре взяты из «Рассказов о царях и военачальниках» Плутарха и немногие — из «Атнея».

Я обозначила возраст, в котором Александр принимал персидских послов, на основании их письменно засвидетельствованного удивления по поводу того, что вопросы его были не детскими. Насчет характера Леонида и того, как он обшаривал постель и одежду мальчика, разыскивая, не спрятала ли мать в них какие-нибудь лакомства, Плутарх приводит собственные слова Александра. Из других учителей, о которых сказано, что число их было велико, по имени упомянут еще только Лисимах (Феникс). Плутарх, кажется, не слишком высоко его ценит. Отношение

к учителю Александра описано. Во время знаменитой осады Тира Александр совершил однажды длинную вылазку к горам. «...Лисимах повсюду сопровождал Александра, ссылаясь на то, что он не старше и не слабее Феникса. Когда воины Александра приблизились к горам, они оставили коней и двинулись дальше пешком. Все ушли далеко вперед, но царь не решался покинуть уставшего Лисимаха, тем более что наступал вечер и враги были близко. Ободряя старика и идя с ним рядом, Александр с немногими воинами незаметно отстал от войска и, когда стало темно и очень холодно, остановился на ночлег в месте суровом и опасном. Вдали там и сям виднелись костры, разведенные неприятелем. Александр... рассчитывая на быстроту своих ног, побежал к ближайшему костру. Двух варваров, сидевших возле огня, царь поразил мечом, затем, выхватив из костра головню, он вернулся к своим»[112]. Враги, посчитавшие, что войско Александра близко, отступили, а Лисимах спал у огня. Леонид, оставшийся в Македонии, получил всего лишь вьюк

[112] Сноски: 112

Цитируется перевод М. Ботвинника и И. Перельмутера из «Избранных жизнеописаний» Плутарха (М., 1987. Т. 2. С. 386). Упоминаемый в тексте Феникс — прозвание воспитателя троянского героя Ахилла, присвоенное Лисимахом.

дорогого ладана с ироническим дарственным посланием и сказал по этому поводу, что отныне ему нет нужды скупиться на фимиам богам.

Высказывание Филиппа о том, что Александру следует стыдиться петь так хорошо, особенно перед публикой, почерпнуто у Плутарха, который утверждает, что мальчик никогда больше не выступал. Родовая междоусобица сочинена автором; мы не знаем, где и когда Александр впервые участвовал в сражении. Видимо, это можно отнести ко времени его регентства. В шестнадцать лет на Александра было возложено в Греции командование отрядом важного оперативного значения, в полной уверенности, что опытные войсковые части подчинятся его приказам. К этому времени они наверняка уже хорошо его знали.

Встреча с Демосфеном в Пелле полностью придумана. Однако совершенно достоверно, что оратор, который, как последний из выступающих, имел несколько часов времени, чтобы подготовиться, потерял самообладание и сбился после нескольких неуверенных фраз. Несмотря на то что Филипп его подбодрил, продолжать Демосфен так и не смог. В этом отношении Эсхину можно верить, поскольку имеется восемь свиде-

телей его рассказа; подвергся ли он порицанию, узнать невозможно — они были уже давними врагами. Демосфен не любил говорить экспромтом, но нет видимых оснований считать, что его принудили к этому. Об Александре он вспоминал со злобной неприязнью, примечательной по отношению к такому юнцу. Также Демосфен насмехался над Эсхином за то, что тот за ним шпионил.

Укрощение Букефала изложено Плутархом в мельчайших подробностях, и так и тянет предположить, что для автора источника это был любимый послеобеденный рассказ об Александре. Мое единственное допущение — что с лошадью в последнее время дурно обращались. По утверждению Арриана, ей было уже двенадцать лет; вряд ли вероятно, чтобы коня, известного злым норовом, предложили царю. Греческих боевых коней тренировали очень тщательно, и в данном случае это, само собой, уже было сделано. Но я не могу поверить в назначенную за этого коня астрономическую цену в тринадцать талантов. Строевых лошадей использовали очень недолго (хотя Александр содержал Букефала до тридцати лет). Филипп мог заплатить такую огромную сумму за своего победоносного олимпийского

скакуна, и обе истории впоследствии объединились.

Годы славы Аристотеля в Афинах наступили уже после смерти Филиппа; те из его произведений, которые сохранились, относятся к более позднему времени. Мы не знаем, чему в точности он обучал Александра, но Плутарх утверждал, что последний в течение всей жизни интересовался естествознанием (во время пребывания в Азии он поручал Аристотелю собирать образцы) и медициной. Я пришла к выводу, что этические воззрения Аристотеля уже сформировались. Среди его утраченных трудов была книга писем к Гефестиону, особый статус которого, как мне кажется, он должен был себе уяснить.

Спасение Александром своего отца от мятежников заимствовано из Курция, который пишет, что Александр горько жаловался на то, что Филипп не признавал этот долг, ведь ему во имя спасения пришлось прикинуться мертвым.

Диодор и другие авторы описывают победные торжества Филиппа после битвы при Херонее, но не упоминают участие в них Александра.

Сексуальные привычки Александра неоднократно были предметом споров; очернители обвиняли его в гомосексуализме, а поклонни-

ки с негодованием опровергали это. Ни одна из противоборствующих сторон не задумывалась, в какой мере сам Александр считал это безнравственным. В обществе, в котором бисексуальность признавали нормой, три его законных брака свидетельствуют о нормальной ориентации. Его обычная сдержанность отмечалась неоднократно, однако современникам самой примечательной чертой казался его неизменный отказ использовать таких беззащитных жертв, как пленные женщины и мальчики-рабы, что было в те времена общераспространенной практикой.

Эмоциональная приверженность к Гефестиону — один из самых достоверных фактов жизни Александра. Он открыто гордился этим. В Трое, на глазах всей армии, они вместе почтили гробницы Ахилла и Патрокла. Хотя Гомер и не говорит, что герои были более чем друзьями, в это широко верили в дни Александра; считай он это обвинение постыдным, вряд ли проявил бы подобное внимание. После победы при Иссе, когда пленные женщины из семьи Дария оплакивали своего господина как мертвого, Александр пошел к ним в палатку, чтобы ободрить их, и взял с собой Гефестиона. Как пишет Курций, они вошли

вместе, одетые почти одинаково. Гефестион был выше ростом и, с точки зрения персов, представительнее; царица-мать почтительно простерлась перед ним. Предупреждаемая отчаянными жестами слуг о своей ошибке, она в глубоком смущении повернулась к истинному царю, который сказал ей: «Ты не ошиблась, мать; и этот человек — Александр».

Естественно, что на публике оба вели себя подобающим образом (хотя высокопоставленные чиновники возмущались тем, что Гефестион, не встречая возражений, читает через плечо Александра письмо к нему Олимпиады). Физическая близость друзей не доказана, и те, кого это беспокоит, вольны ее отрицать. Зафиксировано присловье Александра, что сон и секс напоминают ему о собственной смерти.

Александр пережил своего друга примерно на три месяца, два из которых он провел в дороге из Экбатаны в Вавилон, предполагаемую столицу империи Александра. Тело Гефестиона везли туда же. Дикая пышность и нелепость похоронных обрядов, грандиозный погребальный костер, обращение к оракулу Зевса Аммона с просьбой даровать умершему божественный статус, уже дарованный самому Александру

(Аммон разрешил Гефестиону считаться только героем), наводит на мысль, что в то время Александр едва ли был в здравом уме. Вскоре после этого он заболел лихорадкой, но всю ночь просидел на пиру. Хотя он спешил строить свои военные планы, пока мог держаться на ногах и даже дольше, нет никаких сведений о том, что он призывал к себе врача. (Врача, лечившего Гефестиона, он повесил за нерадивость.) Его упорное пренебрежение собственным состоянием похоже на саморазрушение, то ли сознательное, то ли нет.

Его поведение во время Дионисий придумано, но, я полагаю, выражает психологическую правду. Олимпиада совершила много убийств; ее казнь Кассандр[113] поручил осуществить родственникам ее жертв. Она убила Эвридику и ее ребенка в то время, как Александр был отвлечен смертью Филиппа. Ее соучастие в убийстве последнего подозревали, но не доказали. Пророческое «видение» Демосфена исторически достоверно.

Читатель, который захочет познакомиться с деятельностью Александра как царя, найдет

---

[113] Сноски: 113

Кассандр (355–298 до н. э.) — один из диадохов (полководцев) Александра Македонского; в 306 г. до н. э. стал царем Македонии.

материал в «Жизнеописаниях» Плутарха (том 2) или в «Анабасисе Александра» Арриана.

Имена персонажей

Настоящее имя Александра было, разумеется, Александрос, настолько распространенное в Северной Греции, что даже в этой книге его носят еще три персонажа. Именно поэтому, а также из-за ассоциаций двухтысячелетней давности я выбрала привычную латинизированную форму.

Я также сохранила традиционные формы для некоторых других очень знакомых имен: Филипп для Филиппоса, Птолемей для Птолемеоса, Аристотель для Аристотелеса и соответственно для нескольких географических названий. Однако слово «Буцефал» тянет за собой такой длинный хвост клише XIX века, что я предпочла преобразовать его в Букефала — это дорически-македонская форма. В истории Александра никакая номенклатура, похоже, никого не удовлетворит, так что, прошу прощения, я удовлетворилась собственной.

Вместо ее собственного имени Клеопатра я дала новобрачной Филиппа дарованное им как царская почесть имя Эвридика, чтобы ее не путали

с сестрой Александра.

«Персидский мальчик»

Все описанные в романе публичные действия Александра основаны на свидетельствах современников и подтверждены самыми авторитетными и заслуживающими доверия источниками. К сожалению, найти место для всех основных событий насыщенной жизни Александра было затруднительно, равно как не представлялось возможным отразить всю палитру его гения. Моя книга пытается осветить его лишь с одной стороны — и неизбежно некоторые важные его свершения остались в тени.

Античные авторы, все как один, отмечают необыкновенную «умеренность» сексуальных аппетитов Александра. Ни один из них, впрочем, не называет его аскетом; будь это так, ученые мужи древности обязательно заявили бы о его импотенции: христианские идеалы воздержания и чистоты в описываемое время еще не были известны. Основные черты вырисовываются довольно ясно — крайне слабое физическое влечение (что неудивительно, если вспомнить о тратах энергии на ином поприще) вкупе с невероятной способностью притягивать к себе любовь.

Мы знаем о любовных связях Александра столь мало отчасти потому, что их действительно было немного, отчасти же из-за того, что Александр не бросался в любовный омут, что называется, очертя голову. Никто из партнеров ни разу не вовлек его в скандал.

Из известных нам свидетельств следует, что Гефестион все-таки был его любовником. Это более чем вероятно, хотя нигде не упоминается прямо. Рассказ Плутарха о ребенке от вдовы Мемнона, следующий за повестью о падении Дамаска, подвергается сомнению современными историками, другого же свидетельства о наличии у Александра наложницы попросту не существует. Багоас — единственный персонаж, прямо описываемый в источниках как eromenos[114] Александра.

Первое упоминание о нем принадлежит Курцию: «Оговорив свою безопасность при встрече, Набарзан явился к нему [к Александру], принеся великие дары. Среди подарков его был и Багоас, евнух замечательной красоты и в самом расцвете мальчишества, прежде любимый Дарием и впоследствии снискавший любовь Александра.

---

[114] Сноски: 114
Возлюбленный *(греч.)*.

Мальчик молил пощадить Набарзана, и царь с неохотой уступил его просьбе». Украшение, типичное для Курция; условие безопасности переговоров с очевидностью доказывает, что Александр хотел выслушать самого Набарзана, что, вне всякого сомнения, и решило дело в пользу последнего. Как в руки этого человека попал сам Багоас (притом что никто из свиты Дария не был оставлен с царем после ареста, а сам Набарзан спасся всего с шестью сотнями всадников), никак не объясняется.

В наши дни широко распространено заблуждение, что все евнухи обязательно становятся слабохарактерными и тучными. Чтобы исправить подобную ошибку, не надо обращаться далее чем к истории XVIII века и знаменитым оперным castrati, чья романтическая внешность делала их столь популярными среди тогдашних модниц. Портрет знаменитейшего из них, Фаринелли, являет нам образ молодого человека с приятными, чувственными чертами лица и фигурой, которой многие сегодняшние теноры могут только позавидовать. Его биограф, доктор Берни, описывая Фаринелли годы спустя, заявляет: «Он высок и худощав, но выглядит замечательно хорошо для своих лет и к тому же полон жизни».

Рассказ о последних днях жизни Дария появляется только у Курция. Эта история описана живо и полна деталей; она не похожа на присущие Курцию «лирические отступления» и, вероятно, повествует о реальных событиях. Если такая догадка верна, то последние сцены могли быть переданы какому-то раннему хронисту одним из евнухов Дария, единственных свидетелей случившегося. Вполне логично предположить, что это сделал сам Багоас. Благодаря тому положению, которое он занимал при персидском дворе, его имя должно быть известно всем современным Александру историкам.

Второе упоминание о Багоасе отстоит от первого где-то на шесть лет, когда анекдот о поцелуе в театре пересказывается и Плутархом, и Афинеем. Место действия — Кармания — весьма примечательно, поскольку там Александра окружали лишь те его воины, что сражались рядом с ним в Индии и пережили переход по пустыне. После всех превратностей пути Багоас не только остается рядом с Александром, но и, очевидно, пользуется благосклонностью и самого царя, и подверженного ксенофобии македонского войска, что само по себе не может не удивлять. Александр всегда ценил личную привязанность

к себе и платил тем же — это наиболее правдоподобное обоснование столь долгой связи.

Происхождение юного евнуха остается тайной, но догадка о его благородстве едва ли может считаться нелепой. Подобные ему мальчики, чья внешность не была испорчена скверным питанием или тяжелой работой, попав в рабство, практически неизбежно становились проститутками. Наиболее известный пример такого рода приводится в диалоге Сократа «Федон».

Последнее появление Багоаса непоправимо искажено Курцием; всякий может толковать его по-своему. К счастью для репутации Багоаса, мы имеем замечательное свидетельство архитектора Аристобула, восстановившего для Александра мемориал Кира. Македонский царь побывал там, впервые оказавшись в Персеполе, и собственными глазами видел погребальные дары на могиле, после чего приказал Аристобулу провести опись сокровищ (она сохранилась, вместе с рассказом об опустошении гробницы, в пересказе Арриана). По Курцию, Александр посещает могилу Кира по возвращении из Индии — и находит ее пустой, ибо Кир якобы был похоронен лишь с самым простым оружием; замечание, подтверждающее римскую сентимен-

тальность, но способное немало изумить любого археолога. Багоас, затаивший зуб на Орксинса за то, что тот не послал ему взятку, придумывает несуществующую драгоценность — и обвиняет сатрапа в краже. Ни одно из преступлений, за которые Орксинс был приговорен к смерти, не упоминается, и, соответственно, он оказывается невинной жертвой. Однако, если из этой истории изъять все маловероятные детали, остается не так уж много. Я предположила, что Багоас все же как-то задействован в происшедшем, имея на сатрапа некую обиду, к которой Александр проявил сочувствие. Ввиду кровавого послужного списка Орксинса я предлагаю здесь наиболее вероятную в условиях античного мира версию — кровную вражду.

Путаный сенсуализм типичен для Курция — невыносимо глупого человека, имевшего доступ к утраченным ныне бесценным источникам, которые он перетолковал по-своему ради подтверждения своей исключительно надуманной и утомительно-скучной концепции поведения богини Фортуны и ради множества цветистых упражнений в римской риторике (особенно выразительна сцена, в которой Александр в изысканных выражениях просит друзей удалить

стрелу, застрявшую в его легком). Поступками Фортуны в основном движет желание отомстить за проявления гордыни, а потому история Александра склоняется в сторону антимакедонской пропаганды афинского толка, имеющей приблизительно то же отношение к объективной истине, какое можно найти в «Истории еврейского народа», написанной по заказу Адольфа Гитлера. Разумеется, никто из тех, кто писал об Александре как об уничтоженном собственной гордыней правителе, не был участником или свидетелем описываемых и интерпретируемых ими событий. Афинский «агитпроп» возродился во времена Августа благодаря Трогусу и Диодору, нашедшим в царе, уже три столетия как мертвом, идеального «мальчика для битья», страдавшего всю жизнь из-за претензий на божественность. Никаких попыток выдержать логику известных и неопровержимых фактов при этом, конечно же, не предпринималось. Описываемый ими коррумпированный тиран был бы убит в Опиде толпою возмущенных воинов в ту же секунду, когда шагнул бы к ним с помоста; они могли прикончить его совершенно безнаказанно (удел многих римских императоров) и избрать себе нового царя, поступая вполне

правомерно. Вместо убийства они выразили Александру свою обиду из-за того, что не имели права целовать его в щеку, — это не выдумка, но исторический факт.

Что касается Древнего мира, то политические мотивы описанных неубедительных попыток показать Александра испорченным собственными успехами гордецом достаточно ясны. Куда более загадочен современный нам с вами взрыв «очернительства» Александра, ибо он далеко выходит за рамки одностороннего изложения фактов, порою вообще переворачивая их с ног на голову. Недавняя популярная версия сообщает о казни Филота только то, что она была проведена по «сфабрикованному обвинению», хотя вовлеченность этого человека в заговор в целях убийства царя единогласно подтверждается всеми известными источниками. Вообразите себе степень ответственности современного телохранителя, который, получив сообщение о заложенной в самолет бомбе, решает не обращать на него внимания! Гефестион «определенно слабоумен», тогда как ни одна из его чрезвычайно важных миссий — дипломатических или военных — не заканчивалась неудачей. Александра обвиняют в подстрекательстве к убийству собственного

отца, хотя подтверждений тому *не существует* в самом буквальном смысле этого слова. Более того, у Филиппа не было иного наследника — и потому мотивы предполагаемого преступления повисают в воздухе. Далее, кончину Александра приписывают последствиям «тяжелого алкоголизма»; между тем любой врач расскажет вам, какова работоспособность законченного алкоголика и каковы шансы подобного пациента остаться в живых после прободения легкого, хирургической операции без всякой анестезии и сразу после этого — похода через пустыню. После прощания македонского войска с царем, лежащим на смертном одре (уникальный случай в истории!), утверждение о том, что «мало кто оплакивал его смерть», звучит по меньшей мере неубедительно. Историкам известно: в источниках всякий факт передается либо с восхищением, либо с негодованием; эмоциональная окраска изложения неизбежна — но стоит ли слепо следовать за ней, принося в жертву истину?

В совершенно аналогичном ключе рассматривалась и проводимая Александром политика смешения рас. Никто в истории не излагал свои симпатии и антипатии столь открыто и прямо, как Александр: совершенно очевидно, что, по-

бывав в Персии, он попросту полюбил страну. В наши дни надо обладать крайне ограниченным умом, чтобы счесть это простое объяснение нелепым или странным.

Хотя оценка последних лет жизни Александра, якобы прошедших под знаком прогрессирующей душевной болезни, представляется спорной, мало сомнений остается в том, что он действительно страдал от серьезного нервного расстройства сразу после смерти Гефестиона. Остается неизвестным, мог ли подобный удар, нанесенный психике, со временем сгладиться вовсе. Все поступки Александра хорошо объясняются логикой спирального развития его личности. Напряжение, испытанное им в детстве, требовало компенсации в наглядных достижениях; достижения аккумулировали ответственность, одновременно предполагая дальнейшие достижения; спираль неумолимо набирала все новые и новые обороты, и нельзя с уверенностью сказать, что данный процесс мог продолжаться на протяжении одной человеческой жизни, так и не став причиной серьезной катастрофы. Прощальные слова Каланоса содержали скорее обещание, нежели предупреждение.

Бьюри и другие историки подчеркивали пря-

мую связь между ограничением поставки воды и увеличением потребления вина в армии. Аристобул, неотлучно бывший при дворе на всем протяжении правления Александра, сообщает, что царь, как правило, до глубокой ночи сидел за чашей вина, разговаривая с друзьями, но никогда по-настоящему не напивался. Если верить Плутарху, к концу подобной вечеринки Александра неизменно охватывала эйфория — феномен, который и сегодня можно наблюдать на банкетах, где одни гости пьют, сколько пьется, а другие проявляют умеренность. Как известно, подобные пирушки были характерны для македонцев еще до царствования Александра.

Слухи о том, что царь был отравлен, во множестве распространялись на протяжении столетий после смерти Александра, но они никак не соответствуют детальному описанию симптомов его последней болезни. Потеря голоса — фатальный знак, который был хорошо известен врачам до открытия антибиотиков: пневмония. Плеврит в данном случае — практически неизбежное осложнение ввиду маллийской раны. Аристобул рассказывает, что Александр выпил вина во время приступа лихорадки и впал в горячечный бред; он не сообщает, что Александр потребо-

вал принести ему вина. Если ему подали чашу со злым умыслом, то с точки зрения морали он действительно был отравлен, и присутствие поблизости смертельного врага вроде Кассандра не следует недооценивать.

Курций донес до нас историю о том, что тело Александра было найдено не подвергшимся разложению, вопреки летней жаре и затянувшемуся поиску бальзамировщиков, — в чем, безусловно, повинен хаос, воцарившийся в оставшемся без правителя Вавилоне. Называемый срок — шесть дней, — разумеется, абсурден; вполне вероятно, впрочем, что глубокая кома могла обманывать наблюдателей в течение многих часов до наступления смерти. Бальзамировщики справились со своей задачей великолепно. Август Цезарь, посещавший могилу македонца в Александрии, признавал красоту его черт три века спустя.

В описании смерти Гефестиона присутствуют явные симптомы тифа, при котором аппетит часто возвращается к пациенту еще до рубцевания пораженных участков кишечника. В таком случае твердая пища способна пробить стенку желудка и стать причиной быстрой гибели. История нашего века знает пациентов с аналогичным

диагнозом, убитых в больницах сердобольными родственниками, приносившими им пищу. Вареного цыпленка, размерами схожего с нынешней курицей бентамской породы, для Гефестиона было более чем достаточно. Отравление, однако, также вполне вероятно.

В эпизоде с заговором царских телохранителей я следовала сообщению Арриана, хотя нахождение в бумагах Каллисфена писем от Аристотеля — не более чем мое личное предположение. Дружеская переписка Александра со своим бывшим наставником прерывается по неизвестной причине как раз в это время.

Романтическую фигуру Роксаны я не стала очерчивать с беспочвенным скептицизмом. Нет нужды отбрасывать этот брак как политический; ее положение не было особенно высоким, тогда как о ее красоте упоминают все. Уже два месяца спустя, впрочем, в спальню Александра смело входил стражник, уверенный, что не застанет с ним жены; к тому же нам известны действия, предпринятые Роксаной после смерти мужа. Она не стала тратить время на оплакивание. Она послала Стратере — с такой скоростью, что ее письмо обогнало новости! — подписанное именем Александра требование срочно прибыть

в Вавилон. Где и убила соперницу, едва та приехала.

Сисигамбис, царица-мать Персии, узнав о смерти Александра, попрощалась с семьей и, закрывшись без пищи и воды, скончалась пять дней спустя.

Митра, которую носили персидские цари и чье использование Александром стало предметом стольких споров, не имеет ни малейшего сходства с головным убором современных священников. Она прилегает к голове, напоминая шлем с длинными щитками по бокам и сзади. Верхняя часть заострена: это знак царской власти, тогда как сатрапы отдельных провинций носили плоскую митру. Вокруг митры повязывалась багряная лента вместо венца.

При написании книги, составляя портрет Александра, я принимала во внимание и события, которые не могли войти в мой роман по одной простой причине — Багоас не мог знать о них. Призываю читателей помнить: лишь через сто лет после смерти Александра горстка философов впервые задалась вопросом о моральной подоплеке войн. Во времена Александра вопрос стоял несколько иначе: не «воевать или не воевать», а «как именно воевать». Стоит отметить,

что наиболее благосклонные к Александру хронисты — Птолемей и Аристобул — одновременно были теми, кто знал его и общался с ним в походах. Они написали свои труды впоследствии, уже после смерти царя, с единственной целью: восстановить справедливость.

Имея в виду промахи Александра (те поступки, что в его времена не воспринимались как добродетельные), мы делаем единственно возможный вывод: ни один человек не привлекал на свою сторону стольких людей. Никто — ни до, ни после — не рождал в своих последователях такого искреннего и прочного поклонения. Причины стоят того, чтобы о них задуматься.

Источники для любопытного читателя

Лучше всех прочих — Арриан, писавший на основе утерянных мемуаров Птолемея и Аристобула и относившийся к своему труду с высочайшим чувством ответственности. Плутарх цветист, но предпринимает мало попыток оценить достоверность собственного рассказа. Не следует верить каждому его слову.

Имена персонажей

Конечно же, заставлять перса произносить персидские имена в их греческой форме совершенно неуместно. Но так как тогда они стали бы совершенно нераспознаваемы и непроизносимы для читателя (например, Дария звали Дарайавауш), я предпочла обычную латинизированную форму.

Имя Роксаны произносится с ударением на первом слоге.

«Погребальные игры»

Жизнь Александра окружена множеством тайн, и чуть ли не самой странной из них является его отношение к собственной смерти. О смелости этого царя слагались легенды, в пиковых ситуациях он всегда шел туда, где опаснее всего. Если даже он верил, что был зачат богом, то в Древней Греции подобная избранность вовсе не обеспечивала бессмертия. После нескольких тяжелых ранений и затяжной борьбы с трудноисцелимыми заболеваниями можно предположить, что человек, прекрасно понимающий, насколько непредсказуемо воинское бытие, опомнится и что-либо предпримет, чтобы хоть как-то обезопасить себя. Однако ничто земное, казалось, не волновало его, даже наследником он надумал обзавестись лишь в последний год жизни, когда почти гибельная рана, полученная им в Индии, должно быть, дала ему почувствовать, что неукротимая жизненная сила в нем начинает слабеть. Навсегда останется загадкой, какой психологический барьер помешал лидеру с такими обширными планами на будущее бороться за продление собственных дней.

Если бы выжил Гефестион, то, судя по всему, ему и было бы завещано регентство. Согласно историческим свидетельствам, он был не только верным другом и, вероятно, любовником Александра, но и умным, сведущим во многих вещах человеком, благожелательно относившимся ко всем идеям своего царственного наперсника, особенно связанным с управлением государством. Неожиданная смерть Гефестиона, видимо, резко подорвала уверенность Александра в себе, и это потрясение, скорее всего, в какой-то мере приблизило его собственную кончину. Но даже в последние свои дни, уже на смертном одре, он продолжал планировать будущие походы, пока голос не отказал ему. Возможно, именно Александр достоин того восклицания, какое Шекспир вложил в уста Юлия Цезаря: «Трус умирает много раз до смерти, а храбрый смерть один лишь раз вкушает!»[115]

Последовавшая за смертью Александра кровавая неразбериха ничуть не чернит его как вождя. Напротив, для того времени требования Александра к своим подчиненным были очень высокими, и он жестко обуздывал в своих по-

---

[115] Сноски: 115
Шекспир У. Юлий Цезарь. Перевод М. Зенкевича.

мощниках тягу к предательству и бесчестным поступкам, это все проявилось в них лишь с потерей узды. Если его и можно в чем-либо обвинить, то только в том, что он не озаботился устройством достойного династического брака и не обзавелся наследником до похода в Азию. Если бы в год кончины великого полководца сыну его было лет тринадцать-четырнадцать, то македонцы даже и не задумались бы ни о каких других претендентах на трон.

Из всей предшествующей истории Македонии с непреложностью следовало, что македонцы не преминут вернуться к древней традиции родовой и племенной борьбы за власть. Они и вернулись, с той оговоркой, что Александр предоставил им для этого мировую арену.

Все жестокие деяния, описанные в данной книге, подтверждаются историческими источниками. Ради стройности повествования пришлось оставить за скобками еще несколько убийств известных и выдающихся личностей, самой замечательной среди каковых была Клеопатра. После смерти Пердикки она отвергла Кассандра, отказавшись выйти за него замуж, и тихо прожила в Сардах до сорока шести лет. В 308 году, возможно затосковав, Клеопатра сделала формальное

предложение Птолемею. Казалось невероятным, что этот благоразумный правитель отважится повторить рискованный опыт Пердикки, но он дал согласие жениться на ней, и она приготовилась к отъезду в Египет. Ее планы стали известны Антигону, который, испугавшись, что этот брак станет преградой для его притязаний, подговорил служанок Клеопатры убить свою госпожу. Впоследствии преступниц казнили.

Пифон заключил союз с Антигоном, но так прочно устроился в Мидии, что, видимо, задумал мятеж. Антигон убил и его.

Селевк пережил даже Птолемея (он был моложе), но на пороге восьмидесятилетия вдруг вторгся в Грецию и, пытаясь захватить власть, был убит.

Аристон, после смерти Олимпиады перешедший на сторону Кассандра, возглавлял гарнизон Амфиполя. Кассандр выманил его оттуда посулами и убил.

Вот что Павсаний говорит о Кассандре: «Однако и сам он плохо кончил. Он раздулся от водянки, и еще при жизни его начали поедать черви. Филипп, его старший сын, вскоре после восшествия на трон подхватил какую-то скоротечную болезнь и умер. Антипатр, следующий сын, убил

свою мать Фессалонику, дочь Филиппа и Никесиполиды, обвинив ее в том, что она слишком любила Александра, младшего из своих сыновей». Далее он упоминает, что этот Александр убил Антипатра, но в свой черед был убит Деметрием. Такое искоренение целого рода трактуется некоторыми греческими трагедиями как месть эриний.

Долгие годы Антигон упорно стремился прибрать к рукам всю империю Александра, но в конце концов Птолемей, Селевк и Кассандр, заключив оборонительный союз, убили его в сражении при Ипсе во Фригии, прежде чем преданный сын Деметрий успел прийти на помощь отцу. Феерическую жизнь вышеупомянутого Деметрия невозможно описать в двух словах. Этот блестящий, обаятельный, изменчивый и расточительный человек после целого ряда славных подвигов, включавших и захват македонского трона, попал в плен к Селевку и под его гуманным присмотром вскоре спился и умер.

Историческим фактом является странный феномен долгой сохранности тела Александра. Христиане сочли бы это признаком святости, но в описываемые времена еще не было четких правил установления подобных вещей,

хотя явление далеко отступало от нормы, особенно учитывая летнюю вавилонскую духоту. Самым вероятным объяснением, конечно же, представляется версия, что клиническая смерть наступила позже, чем показалось наблюдателям. Но очевидно, кто-то заботился о царском теле, защищая его от мух. Вполне возможно, что этим занимался один из дворцовых евнухов, не принимавший участия в династических распрях, бурлящих за стенами царской опочивальни.

Восемь человек из окружения Александра известны нам как телохранители. Так их именуют источники (перевод с греческого буквален), но было бы неверным предположить, что эти люди постоянно его охраняли. Многие из них стали старшими командирами. Поэтому в перечне персонажей они названы военачальниками. Происхождение титула соматофилакса, или телохранителя, вероятно, уходит корнями в древнейшую историю Македонии.

Основные источники

Квинт Курций Руф в «Истории Александра Македонского», книга 10, описывает события, происходившие непосредственно после смерти

Александра. Дальнейшие сведения дает в своих работах Диодор Сикул. Источники Диодора на означенный период считаются достоверными. Иероним из Кардии, искавший удачи с Эвменом, а потом с Антигоном, завершает картину.

Действующие лица

Вымышленные герои помечены двумя звездочками (**). Все остальные существовали в истории. Лица, помеченные звездочкой (*), умерли до описываемых событий. В перечне не упоминаются второстепенные персонажи, не играющие особой роли.

Александр III — Великий. В дальнейшем упоминается как Александр.

Александр IV — рожденный после смерти отца сын Роксаны.

Алкета — брат Пердикки, полководец.

*Аминта** — сын македонского царя Пердикки, старшего брата Филиппа II. В год смерти Пердикки был в младенческом возрасте, что позволило его дяде Филиппу стать царем, после убийства которого Аминту казнили за участие в заговоре. Муж Кинны, отец Эвридики.

Антигон — полководец Александра, сатрап

Фригии. Позднее царь, основатель династии Антигонидов.

Антипатр — регент Македонии во времена похода Александра в Азию и после его смерти.

Ариба — знатный македонец, проектировщик погребальной ладьи Александра. В действительности — Арридей, но в книге ему дано упрощенное эпирское имя, чтобы отличать его от Арридея, ставшего позже Филиппом.

Аристон — военачальник Александра. Позднее сохранил верность Александру IV.

Арридей — см. Филипп III.

Багоас — молодой персидский евнух, фаворит Дария III, позднее — Александра. Будучи реальным персонажем, он исчезает со страниц исторических хроник после смерти Александра, и его появление в данном романе является вымыслом.

*Бадия*** — бывшая наложница персидского царя Артаксеркса Оха*.

*Гефестион** — друг детства Александра, умерший на несколько месяцев раньше, чем он.

*Дарий III** — последний великий царь Персии, убит своими полководцами после поражения в сражении с Александром при Гавгамелах.

Деметрий — сын Антигона. Позднее стал изве-

стен как Полиоркет (буквально — «осаждающий города», *греч.*), царь Македонии после смерти Кассандра.

Дрипетис — младшая дочь Дария III и вдова Гефестиона.

Иолла — сын Антипатра, регента Македонии, младший брат Кассандра, виночерпий Александра.

Кассандр — старший сын Антипатра. С детства враждовал с Александром. Стал царем Македонии после смерти Александра IV.

*Кеб*** — наставник Александра IV в детские годы.

Кинна — дочь Филиппа II от иллирийской княжны, которая обучила ее приемам ведения боя. Вдова Аминты, мать Эвридики.

Клеопатра — дочь Филиппа II и Олимпиады, сестра Александра. Вышла замуж за царя Молоссии. Ее отца убили во время их свадебной церемонии. После смерти супруга (тот умер в Италии) какое-то время правила его царством.

*Конон*** — ветеран-македонец, верный слуга Филиппа-Арридея.

Кратер — главный полководец Александра. Во время смерти Александра находился по его заданию на пути в Македонию.

Леоннат — военачальник и родственник Александра. Обручился с Клеопатрой незадолго до своей смерти в сражении.

Мелеагр (греческое произношение — Мелеагрос) — пехотный командир, враг Пердикки, сторонник избрания Филиппа III.

Неарх — друг детства и главный флотоводец Александра.

Никанор — брат Кассандра, командир армии Эвридики.

Никея — дочь регента Антипатра, некоторое время жена Пердикки, позже отправленная им к отцу.

*Ох** — Великий Артаксеркс Ох. Царь Персии перед коротким правлением Дария III.

Олимпиада — дочь царя Неоптолема из Молоссии. Вдова Филиппа II, мать Александра.

Певкест — военачальник Александра, сатрап Персии.

Пердикка — заместитель Александра после смерти Гефестиона. Обручился с Клеопатрой после смерти Леонната.

*Пердикка III** — старший брат Филиппа II, унаследовавшего трон после его гибели на войне. (См. Аминта.)

Пифон — военачальник Александра, позднее —

Пердикки.

Полиперхон (Полисперхонт) — военачальник Александра, регент Македонии после смерти Антипатра.

Птолемей (греческое произношение — Птолемеос) — военачальник, родственник и предполагаемый сводный брат Александра. Позднее царь Египта, основатель династии Птолемеев и автор «Истории Александра», широко используемой Аррианом.

Роксана — вдова Александра, взятая им в жены во время военного похода в Бактрию. Мать Александра IV.

Селевк — военачальник Александра (позднее царь империи Селевкидов в Малой Азии).

Сисигамбис — мать Дария III, поддерживавшая Александра.

Статира — дочь Дария III, ставшая главной женой Александра после свадебной церемонии в Сузах.

Теофраст — последователь Аристотеля, глава афинского Ликея, подкупленный Кассандром.

Фессалоника — дочь Филиппа II от младшей жены, позднее жена Кассандра.

*Филипп II** — царь Македонии, установивший господство над Грецией, отец Александра.

Филипп III — Филипп-Арридей. Сын Филиппа II от Филинны, его младшей жены. Царское имя Филипп было присвоено ему при вступлении на престол.

Эвмен — главный секретарь и полководец Александра. Хранил верность этой царской династии.

Эвридика — дочь Аминты и Кинны. Урожденная Адея. Династическое имя Эвридика присвоено ей для вступления в брак (или для обручения) с Филиппом III. Она была внучкой Филиппа II и Пердикки III, его старшего брата.